ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

СБОРНИК ТРУДОВ XV ВСЕРОССИЙСКОЙ (С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ) НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ, АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ НАУКИ: ВЗГЛЯД МОЛОДЫХ

СБОРНИК ТРУДОВ XV ВСЕРОССИЙСКОЙ
(С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ)
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ СТУДЕНТОВ,
АСПИРАНТОВ И МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Челябинск
2026

УДК 001(082)
ББК 72я43
А 43

Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых: сборник трудов XV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, 17 апреля 2026 г. / [А.В., Молодчик, А.М. Ромодина]. – Челябинск: ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет», 2026. – 898 с.

Научный редактор – начальник научного отдела ОУ ВО «ЮУТУ» А.М. Ромодина

Редактор-корректор – специалист редакционно-издательского отдела ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет» Т.И. Фатькина.

В сборник включены статьи участников XV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых», состоявшейся в г. Челябинске 17 апреля 2026 г.

ISBN 978-5-6055953-5-9

© ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет», 2026

© Коллектив авторов, 2026

ОГЛАВЛЕНИЕ

Российское законодательство: особенности реализации и перспективы развития

Акшинцева В.А. Способы вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений диверсионной и террористической направленности 10

Алтухова Ю.А., Трофимова И.Б. Конституционно-правовые гарантии трудовых прав граждан 17

Артющенко У.С. Разрешение трудовых спортивных споров с участием иностранных спортсменов и тренеров в Российской Федерации 23

Буланцева Е.В., Трофимова И.Б. Юридическая природа и классификация решений Конституционного суда Российской Федерации 30

Быстрова А.И., Неровная Н.Н. Основные полномочия и направления деятельности судебных приставов в Российской Федерации 34

Валлер О.А. Виктимологический аспект поведения жертв при телефонном мошенничестве 39

Возняк Д.С. Внутренние корпоративные коммуникации как инструмент управления вовлеченностью персонала в крупных российских компаниях 47

Грибалев Л.Е. Виды и особенности федерализма в современном мире 55

Гудкова А.К. Ненадлежащая реклама: классификация ошибок и правовые последствия 60

Гужа В.М. Компьютерные игры и правонарушения: анализ рисков 64

Демьяненко А.В., Трофимова И.Б. Институты гражданского общества 68

Дьякова Е.А. Досрочное прекращение правовой охраны товарного знака 74

Евдокимова М.С., Неровная Н.Н. Правовое регулирование государственных закупок: история, современность и предложения о совершенствовании 80

Есаулова В.И. Актуальные вопросы юридической ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом 87

Кокшарова А.А. Программы реабилитации для осужденных: практический подход 92

Коротовских В.М. Уголовно-правововая характеристика загрязнения атмосферы промышленными выбросами (на примере Челябинской области) 96

Кузнецова А.А. Унификация понятийного аппарата в сфере противодействия коррупции: нормативное определение коррупционных рисков 108

Куницына Е.Д. Правовое регулирование и разграничение ответственности использования искусственного интеллекта в Российской Федерации 114

Низамова Л.А. Фиктивное и преднамеренное банкротство в деле о банкротстве гражданина 122

Никонов А.А., Неровная Н.Н. Полномочия органов местного самоуправления в сфере земельно-имущественных отношений 126

Нуриев З.Н. Организационно-правовые аспекты деятельности местной администрации муниципального образования 132

Пермина С.В. Медиация как способ разрешения правовых споров: преимущества и недостатки 138

Пикалова К.С. Изменение институтов парламентаризма в России 141

Плешакова А.С. Акутальные тенденции развития российского антисанкционного законодательства и защиты национального суверенитета в контексте смены глобального миропорядка 147

Рзаева А.А. Проблемы использования цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе 158

Рыженина А.Н., Неровная Н.Н. Юридическая ответственность военнослужащих в РФ в дисциплинарном и материальном аспекте: теоретико-правовое исследование 166

Рязанова Д.В. Влияние цифровой среды на формирование правосознания современной молодежи 174

Смирнов С.Н., Мельник Е.В. Правовое регулирование приобретения и использования беспилотных летательных аппаратов: анализ пробелов и направления совершенствования законодательства 179
Таран З.И., Ефименко Е.Н. Уголовная ответственность за злоупотребление должностными полномочиями: к проблеме определения субъектов преступлений 186
Творин А.М. Проблемы обеспечения престижа государственной службы 194
Черенкова О.М., Фирсаев Е.О. Этика и манипуляция в политической рекламе: границы допустимого воздействия 206
Чернышова В.В. Проблема судебного разбирательства из-за ошибок полиции 212

Экономика и управление: актуальные вопросы теории и практики

Аблаева З.Р. Применение технологий искусственного интеллекта в администрировании косвенных налогов в Российской Федерации 217
Амангельдыева Г.Т. Принятие решений в условиях высокой турбулентности: алгоритмические и дата-центричные подходы 225
Бешенцев И.Д. Расчет экономической деятельности компании, поддерживающей проекты оценки качества транспортного обслуживания населения на основании собственного продукта 229
Болдов Е.В. Влияние программ импортозамещения на промышленный потенциал России 235
Бондаренко Е.В. Расчет стоимости компании методом корректированных чистых активов затратного подхода в условиях волатильности процентных ставок 248
Будина К.Ю. Управление формированием региональной конкурентной среды для роста национальной конкурентоспособности 255
Вишняков В.В. Управление развитием сферы физической культуры и спорта Челябинской области: достигнутые результаты 261
Григорьев А.Ю., Гриценко А.А. Регулирование деятельности фондов целевого капитала в Саудовской Аравии, США и Германии: сравнительно-правовой анализ 277
Завражина Э.Д. Совершенствование государственной гражданской службы и кадровой политики в Российской Федерации 285
Клюхина Н.Б. Управление коммуникационными рисками малого предприятия в премиальном сегменте 294
Клюхина Н.Б. Стратегическая матрица рисков как инструмент устойчивого развития премиального бренда 302
Комаров А.Д. Мастерство тайм-менджмента: от хаоса к эффективным результатам 308
Кондратов А.М., Кондратов М.В. Институциональное взаимодействие человека и домашних животных 314
Кондратова А.М., Кондратов М.В. Анализ и оценка постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы 320
Кондратов М.В. Совершенствование инструментов мониторинга адаптивного механизма технологической модернизации в услових перехода к устойчивому развитию 329
Косилова М.В. Малый и средний бизнес в России: меры государственной поддержки и их результативность 337
Кучеренко А.В. Оценка бюджетных рисков как фактора экономической безопасности приграничного муниципального образования (на примере городского округа «город Брянск») 344
Литовкин Р.И. Проблемы инновационной модернизации экономики Российской Федерации и пути решения 351
Матюнькина Д.С. Смещение возрастной структуры потребителей в сфере гостеприимства: вызовы и возможности «серебряной экономики» в России 359

Матюшин Д.В. Роль азиатских экономик в трансформации рынка нефти 366
Овчинникова Д.Е. Анализ ошибок при классификации товаров по товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза 373
Орлова О.В. Внедрение искусственного интеллекта в системах государственного финансового контроля 379
Писарев К.М. Динамика реальных доходов населения в Сибирском федеральном округе 386
Плоткина Т.Ю. Аналитика образовательных данных как инструмент принятия управленческих решений 395
Пойлова Я.А. Сравнительный анализ операционных моделей доставки в логистике 404
Скрипкин М.В., Пасешник Н.П. Вызовы и перспективы управления в сфере здравоохранения 409
Смирнова Е.А. Анализ корпоративной культуры предприятия сферы благоустройста в контексте ценностного управления персоналом 417
Страх А.А. Монетарное ужесточение и его пределы: к вопросу о фискальных альтернативах антикризисной политики 422
Тарасевич А.С. Экономическая эффективность архитектурных решений 429
Тимошилова П.С. Инновационная инфраструктура – элемент национальной инновационной системы России 440
Ткачук О.В. Нефтяной экспорт под контролем: таможенные механизмы в системе управления российской экономикой 444
Тясин А.Н. Совершенствование методики анализа внешнеэкономической деятельности на основе данных бухгалтерского учета 454
Тясин А.Н. Подготовка и переподготовка по специальности «Таможенное дело» как фактор развития таможенной службы 464
Ушаков А.С. Методические подходы к формированию рейтинга линейного персонала строительной организации на основе качества работ 473
Федорова Е.С., Джафарова А.Н. Сравнительный анализ процессно-ориентированного и функционального подходов в управлении 480
Хохлова П.С., Кот М.Г. Ценообразование предприятия: поиск путей повышения финансовой устойчивости 483
Шахвалеева С.Т., Блинов А.В. Алгоритм прогнозирования нвестиционной привлекательности предприятий АПК с учетом ESG-показателей 489
Шондин С.А. Взаимодействие государств – членов Евразийского экономического союза: актуальные проблемы и стратегии их преодоления 497
Шумакова К.Р., Седельникова Д.П. Формирование HR-бренда в компаниях ТЭК: влияние экономики впечатлений 507
Яговцева А.А. Платформенная экономика: проблемы и пути развития 516

Современные проблемы лингвистики и гуманитарных исследований

Бацеко М.А. Психофизиологическое воздействие на человека продолжительности «закрытия» железнодорожного переезда 523
Боднарчук Р.М. Социолингвистический анализ корпуса «Wort des Jahres»: формальные признаки, частеречная структура и генезис лексики 532
Бугаева М.В. Авторские флорообразы в сборнике Л. Турбиной «Отплывающий катер» 540
Бускамбаева А.М. Современные решения в сфере экологии: применение глауконитового песка в биоремедиации воды 546
Вишерская А.В. Влияние формулировок на скорость и точность решений: особенности деловой коммуникации сферы транспортной логистики в электронной 553

переписке и мессенджерах (на примере русско-английской межкультурной коммуникации)
Ворокосова А.М. Социокультурные аспекты международной логистики: воздействие языковых практик на оперативное взаимодействие контрагентов 561
Гаврилович М.В. Фразеологизмы с колористическим компонентом как маркеры языковой картины мира 566
Гайнуллина Л.Р. Невербальная коммуникация в тифлокомментариях в фильме «Иван Васильевич меняет профессию» 572
Гордейчук Н.Ю. Формальные признаки категории гендер в современном немецком языке: анализ проявления вербализации категории гендер в немецком языке 577
Губарев Н.С., Алексеенко А.И. Трансформация ценностных ориентиров молодежи в условиях цифровизации общества 584
Добролинская А.А. Любовь и дружба в духовном мире героев романа В. Короткевича «Нельзя забыть» 592
Евдокимова А.О. Авторская интерпретация архетипического образа матери в цикле Марии Семеновой «Волкодав» 600
Звездилина К.В. Семантические особенности эвфемизмов в английском языке (на материале детективного сериала «Шерлок») 606
Исяньюлова И.И., Ещеркина Л.В. Шэжэрэ: путь к сохранению нематериального культурного наследия башкирского народа в современных условиях 612
Кадырова М.З. Теоретико-методические подходы к понятию «читательская грамотность» и ее значимость в современном образовании 616
Кальман Д.С. Использование творческих заданий как средства развития временных представлений у детей старшего дошкольного возраста 621
Кононенко В.В. Интересный ракурс: как преступник и жертва влияют друг на друга 627
Криволапова Д.В. Формирование экологической культуры в образовательном холдинге (ЮУТУ И УРК): опыт внедрения раздельного сбора отходов в университете и колледже 636
Курочкин И.Р. Роль англоязычных стандартов (INCOTERMS, CMR, IMO) в локализации логистических процессов: языковые аспекты применения и интерпретации 642
Лаврукович А.А. О хлебобулочных предпочтениях англичан (британцев) 647
Литвинова Д.С. Сравнительный анализ серийных убийц «старой школы» XX века и современных: эволюция личности и методов 651
Наумчик М.Ю. Интернет как ключевой идеологический аппарат современности 657
Обухова А.А. Созависимость как фактор нарушения границ в помогающих профессиях 664
Сахарчук В.Д. Онирический мотив в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» (на примере сновидений Родиона Раскольникова) 670
Товпик Д.С. Жанр агиографии в христианской традиции 676
Хохлова В.М. Этнокультурные особенности народов России 682
Христенко М.А. Сопоставительный анализ переводов англоязычных бухгалтерских терминов в международной отчетности: проблема неоднозначности и возможные подходы к унификации 688
Шкаликов М.М. Формирование иноязычной прагматической компетенции у студентов экономического профиля: интеграция проблемно-ориентированных технологий 696

Информационные системы и технологии в экономике, бизнесе и инновационной деятельности

Ашмарин А.В. Применение гибридных методов машинного обучения для прогнозирования риска банкротства предприятий в условиях экономической нестабильности 701
Быкова А.А., Коршак К.С. Влияние внедрения генеративных нейросетей на экономическую эффективность бизнес-процессов в малом и среднем предпринимательстве 707
Васильева А.С. Простые информационные системы мониторинга цен для малого и среднего бизнеса в цифровой экономике 716
Григорьев М.А. Разработка и внедрение цифровой платформы внутреннего обмена как инструмента развития взаимопомощи студентов 721
Гульм А.С. Информационная система ключевых показателей эффективности как фактор влияния на мотивацию персонала в контексте теории самодетерминации 729
Ерофеева Д.Д. Разработка и применение специализированных NSE-скриптов для автоматизированного аудита безопасности веб-сервера NGINX 735
Ерофеева Д.Д. Реализация и анализ эффективности защиты от Gather Victim Network Information: Network Topology (MITRE ATT&CK T1590.003) на уровне межсетевых экранов 744
Зенин Г.А., Ключкина В.А., Белкин И.В. Автоматизация деятельности ветеринарной клиники на основе веб-приложения 753
Кириченко В.Ю. Роль цифровых сервисов в изменении потребительских привычек 763
Косневич С.А. Применение архитектуры YOLOv8 для детекции людей в системе мониторинга очередей 767
Крайнов Н.М. Тренды машинного обучения в сфере предотвращения финансового мошенничества 775
Крутов А.М. Механизмы влияния инновационной экосистемы на экономический рост региона 782
Кузюков Е.В. Сравнительный анализ организационных форм вовлечения студентов в инженерно-технологическую деятельность и обоснование модели открытой инженерной лаборатории 791
Лямин В.А. Распознавание узловых образований на ультразвуковых изображениях щитовидной железы 798
Новосельцев В.Д. Применение нейронных сетей для прогнозирования валютных курсов и хеджирования финансовых рисков 806
Потапенко У.О. «Киберхулиган или киберпреступник?»: социально-психологический портрет молодого человека, совершающего противоправные действия в сети 810
Романенко С.А. Проектирование веб-платформы для изучения английского и китайского языков с учетом потребностей студентов 817
Сазаева В.В. Образовательная робототехника как инструмент формирования экологического сознания у школьников 822
Юнчиц Ю.М. Применение элементов виртуальной реальности как инструмент повышения профессионального мастерства работников 828

Актуальные стратегии творческого поиска в дизайне и архитектуре

Бородина М.В., Шкрабов Н.И. Традиционные искусства и терапия: как разные народы используют творчество для исцеления 835
Кочурова А.В. Студенческий «Beauty-event» как инструмент формирования имиджа обучающихся СПО 840
Кузнецова В.В. Семиотический, эргономический и технологический аспекты техники вышивки в дизайне премиальной упаковки 848
Кузнецова В.В. Тактильные характеристики и дизайн материалов премиальной упаковки как факторы, детерминирующие покупательские предпочтения 854

Курлович П.М., Фань Ясинь. Развитие паттернов в графическом дизайне и их воздействие на формирование фирменного стиля 860
Скрыльникова К.А. Визуализация внутренних переживаний в архитектурных формах 868

Теория и практика строительной и градостроительной деятельности

Галузо О.А. Комплексный анализ эффективности и перспектив развития инновационных программ календарного планирования в строительстве Республики Беларусь 874
Горбунова А.С. Применение BIM-технологий на всех этапах жизненного цикла объекта 879
Нестерова А.В. Интеграция программного обеспечения ЛИРА САПР в цифровую экосистему строительного проектирования 883
Хохлова В.М. Эра композитов 888

РОССИЙСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

СПОСОБЫ ВОВЛЕЧЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ДИВЕРСИОННОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Акшинцева В.А. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Мельник Е.В. – к.э.н., доцент, преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

Современная геополитическая обстановка и развитие информационно-коммуникационных технологий привели к появлению новых форм противоправной деятельности, среди которых особое место занимает вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений диверсионной и террористической направленности. Несмотря на принимаемые государством меры, данное явление приобрело системный характер, что обусловлено психологической уязвимостью подростков, активным использованием злоумышленниками мессенджеров и пробелами в правовом регулировании профилактической работы.

В свете повышенной активности международных террористических группировок угроза распространения идеологий терроризма среди молодежи значительно возрастает. Особое беспокойство вызывает целенаправленное воздействие деструктивных элементов на несовершеннолетних; из-за психологических особенностей возраста, отсутствия жизненного опыта и критического осмысления, они рассматриваются как уязвимая категория для вербовки.

Актуальность исследования обусловлена растущей тенденцией вовлечения несовершеннолетних в преступления террористической и экстремистской направленности, что представляет серьезную угрозу национальной безопасности.

Предмет исследования: механизмы и условия вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений, а также уровень правосознания подростков и способы его повышения.

Объект исследования: общественные отношения, возникающие в процессе вовлечения лиц, не достигших совершеннолетия, в совершение преступлений диверсионной и террористической направленности.

Цель исследования: определить особенности механизма вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической и диверсионной направленности и разработать рекомендации по повышению правового сознания подростков как меры профилактики.

Применяемые методы: общие научные подходы (анализ, синтез) и специфические научные методы (формально-юридический, сравнительно-правовой, статистический анализ).

Теоретико-методологические основы исследования проблемы вовлечения несовершеннолетних в преступления террористической и диверсионной направленности.

Развитие новых способов противоправного воздействия на молодежь требует пристального внимания законодателя к оценке адекватности мер уголовно-правового и криминологического характера. До недавнего времени проблема вовлечения подростков в диверсионно-террористическую деятельность рассматривалась преимущественно в рамках общего учения о преступности несовершеннолетних. Однако за последние три года она выделилась в самостоятельное направление криминалистических и правовых исследований, что подтверждается сотнями уголовных дел по всей России.

В России ситуация с противодействием данному явлению остается сложной. До 2022 года специальные нормы о вовлечении несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность отсутствовали. Лишь в 2023–2025 годах были приняты поправки в Уголовный кодекс РФ (далее – УК РФ), ужесточающие ответственность по статьям 150, 205.1, 281.1. Однако даже после этих изменений сохраняется проблема доказывания факта вовлечения, особенно когда вербовка осуществляется через мессенджеры [1, 5]. В соответствии с Федеральным законом № 114-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. 2024 г.), под вовлечением понимаются действия, направленные на склонение лица к участию в террористической деятельности [7]. Важно отметить, что закон до сих пор не дает четкого перечня способов вовлечения применительно к диверсионной деятельности. Это создает трудности для правоприменителей, особенно при

квалификации действий вербовщиков, использующих психологическое давление без прямой угрозы насилия.

Сегодня обсуждение способов вовлечения несовершеннолетних в диверсии стало, к сожалению, актуальным. В Telegram-каналах и на видеохостингах появляется множество материалов, где анонимные «кураторы» объясняют, как заставить подростка совершить поджог или теракт, используя шантаж, обещания легкого заработка или игровые механики. Чаще всего такие авторы действуют из-за рубежа, сохраняя полную анонимность. Количество просмотров подобных инструкций достигает миллионов, что свидетельствует о масштабе проблемы.

Преступления с вовлечением несовершеннолетних в диверсионную и террористическую деятельность представляют собой серьезную угрозу национальной безопасности. Наиболее распространенным способом является вербовка через мессенджеры, что подтверждается статистикой: количество возбужденных уголовных дел по ст. 205.1 УК РФ (содействие террористической деятельности) в части вовлечения несовершеннолетних увеличилось больше, чем в 2 раза с 2022 по 2025 год, достигнув 64,05 тыс. дел в 2025 году. (табл. 1) [4].

Табл. 1

Статистика преступлений диверсионной и террористической направленности с участием несовершеннолетних за 2022–2025 гг. [4]

Год	Всего преступлений	До 14 лет (%)	С 14 до 17 (%)	Старше 18 (%)
2022	31,9 тыс.	45	35	20
2023	33,3 тыс.	50	40	10
2024	36,3 тыс.	45	45	10
2025	64,05 тыс.	45	50	5

Вовлечение несовершеннолетних в диверсионную деятельность осуществляется несколькими способами, но самыми распространенными являются:

1. Псевдодружеское общение через мессенджеры. Вербовщик представляется ровесником, предлагает «безопасное» задание (расклеить листовки, перевести небольшую сумму на карту, отправить фото здания). После выполнения подростка шантажируют уже предоставленными данными и вовлекают в серьезное преступление – поджог релейного шкафа, военкомата, подрыв опоры ЛЭП.

2. Игровые квесты с материальным вознаграждением. Подростку предлагают участвовать в игре, где за выполнение реальных действий (например, поджог автомобиля с военной символикой) начисляются баллы, которые затем обмениваются на криптовалюту. Многие подобные игры организовываются из-за рубежа для сохранения анонимности «администраторов».

Табл. 2

Судебная практика приговоров судов Свердловской области по делам о вовлечении несовершеннолетних в диверсионную и террористическую деятельность (2023–2025 гг.) [3]

Период	Город	Способ вовлечения	Приговор (ст. УК РФ)
Март 2023	Екатеринбург	Шантаж через Telegram	Ч. 2 ст.150, ч.2 ст. 205.1, 9 лет колонии строгого режима
Сентябрь 2024	Нижний Тагил	Обещание заработка	Ч.3 ст.150, ст. 281, 12 лет колонии строгого режима
Январь 2025	Каменск-Уральский	Игровая механика	Ч. 2 ст.150, ч.1 ст.205.1, 8 лет колонии общего режима

Правосознание несовершеннолетних как фактор профилактики; методы повышения правосознания.

Проанализировав судебную практику (табл. 2), мы столкнулись с проблемой квалификации: несмотря на схожие способы вовлечения, приговоры разнятся. Например, в Екатеринбурге вербовщик использовал шантаж (угроза семье) и был осужден по ч. 2 ст. 150 (вовлечение несовершеннолетнего с применением угроз) и ч. 2 ст. 205.1. В Нижнем Тагиле основным способом было обещание вознаграждения, и суд дополнительно вменил ст. 281 (диверсия). В Каменск-Уральском – игровая механика, но вербовщик не был установлен (действовал из-за границы), осужден только сам несовершеннолетний, а куратор – заочно. Что вызывает такие сложности [3]?

Во-первых, это возникающие трудности при идентификации вербовщика. Большинство кураторов находятся за пределами РФ, что делает их задержание и привлечение к ответственности практически невозможным. В результате по большинству дел привлекаются только несовершеннолетние исполнители, а

организаторы остаются безнаказанными [1]. Во-вторых, отсутствие мер профилактики в образовательных учреждениях, что приводит к понижению уровня правосознания у подростков и отсутствие понимания, когда их начинают вербовать, это и является ключевой проблемой.

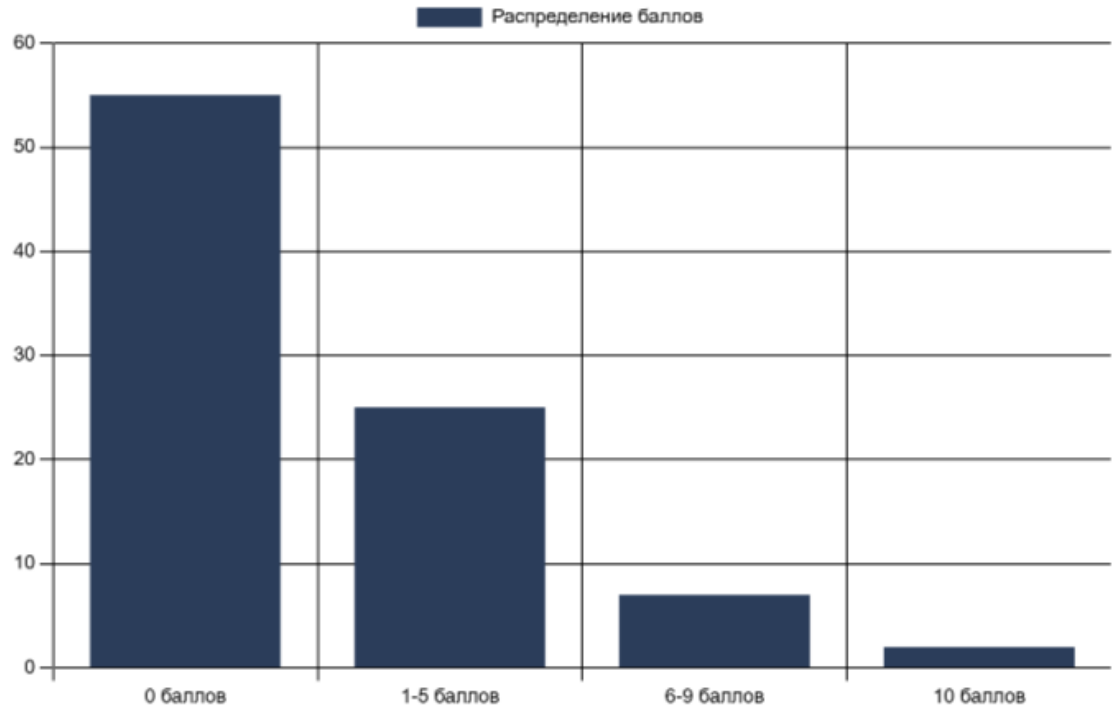


Рис. 3. Статистика уровня правосознания у подростков по баллам за вопросы [3]

Правосознание является сложным социально-психологическим феноменом, включающим совокупность знаний о праве, отношение к правовым нормам и установку на правомерное поведение. В контексте профилактики вовлечения несовершеннолетних в преступления экстремистской и террористической направленности уровень зрелости правосознания выступает ключевым внутренним барьером, который способен противостоять манипулятивному воздействию вербовщиков. Эмпирический анализ его состояния, подкрепленный данными судебной практики, позволяет выявить не только общие тенденции, но и конкретные «точки уязвимости» в сознании подростков.

Для получения объективных данных о состоянии правосознания современной подростковой аудитории в 2025 году было проведено анкетирование с использованием онлайн-инструмента. В опросе приняли участие респонденты, относящиеся к целевой возрастной группе (от 14 до 16). Всего было обработано

N=67 заполненных форм, содержащих 17 вопросов, направленных на диагностику знаний, установок и восприятия рисков, связанных с терроризмом, диверсией и механизмами вербовки. Общее количество возможных баллов – 17 (рис. 3).

Полученные данные тревожны: 75 % подростков неверно определяют признаки терроризма, 56 % не знают, что юридическая ответственность за него наступает с 14 лет, и лишь 37 % понимают суть правосознания.

Полученные показатели доказывают критически низкий уровень правовой грамотности и осознания ответственности.

Отталкиваясь от проведённого мной опроса, были составлены методические рекомендации, на основе которых может быть разработан модуль для урока-семинара с несовершеннолетними в возрасте от 15 до 17 лет, которые в большей степени подвержены влиянию.

Содержание урока: формирование у студентов понимания механизмов вовлечения в диверсионную деятельность и навыков противодействия вербовке в цифровой среде.

Цель: повышение уровня правовой и цифровой грамотности, формирование осознанного отказа от участия в противоправных действиях.

Задачи урока:

- разъяснить, что такое диверсия и чем она опасна;
- сформировать понимание уголовной ответственности;
- научить распознавать вербовку и манипуляции;
- отработать безопасный алгоритм поведения.

Результат: студенты осознают риски, распознают попытки вовлечения и знают порядок действий в опасных ситуациях.

Таким образом, можно сделать вывод, что анализ механизмов вовлечения несовершеннолетних в диверсионную и террористическую деятельность выявляет не только правовые пробелы, но и системный дефицит профилактической работы на уровне образования и семьи. Несмотря на шаги, предпринятые государством в 2023–2025 годах (снижение возраста ответственности, ужесточение санкций), ключевая проблема остается за рамками уголовного права – это неподготовленность подростков, родителей и педагогов к распознаванию манипулятивных техник, активно используемых вербовщиками через мессенджеры и игровые платформы. Эффективное противодействие невозможно только путем запретов и усиления наказания. Необходимо сместить акцент на

первичную профилактику, которая начинается в школе и семье. Разработанные методические рекомендации по проведению урока-семинара, внедрению курса цифровой безопасности и созданию волонтерских отрядов позволяют сформировать у несовершеннолетних навыки критического мышления и безопасного поведения в цифровой среде.

Дальнейшее развитие профилактики должно идти по пути интеграции образовательных, психологических и правовых мер: регулярное обновление учебных материалов с учетом новых схем вербовки, подготовка школьных психологов и педагогов в качестве тренеров по цифровой гигиене, создание доступных каналов анонимной помощи для подростков, оказавшихся под воздействием преступников [3].

Сегодня систему защиты несовершеннолетних от вербовки нельзя назвать эффективной, так как она фрагментарна, реактивна (работает уже после факта преступления) и недостаточно ресурсно обеспечена. Однако при условии системного внедрения представленных методических рекомендаций и законодательного закрепления обязательной профилактической работы в школах возможно формирование устойчивого барьера. Только комплексный подход, объединяющий усилия законодателя, правоохранительных органов, педагогов, психологов и семьи, способен переломить негативную динамику и оградить подрастающее поколение от разрушительного влияния террористической и диверсионной идеологии.

Список используемых источников

1. Корчагина К.О. Вовлечение несовершеннолетних в террористическую деятельность: криминологический аспект // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета, 2023. С. 30–36.

2. Масленников В.В., Ларионов А.В. Противодействие диверсионной деятельности с участием несовершеннолетних: правовые и организационные проблемы // Мир новой экономики, 2024. № 3. С. 34–42.

3. Национальный антитеррористический комитет: статистические данные за 2022-2025 гг. / Национальный антитеррористический комитет. [Электронный ресурс]. URL: http://nac.gov.ru/ (дата обращения: 18.03.2025).

4. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 17.11.2025 № 423-ФЗ: принят Гос. Думой 11 ноября 2025 г., одобр.

Советом Федерации 12 ноября 2025 г. / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2025).

5. О противодействии терроризму: федер. закон от 06.03.2006 №35-ФЗ (ред. От 28.02.2025): принят Гос. Думой 26 февр. 2006 г.: одобр. Советом Федерации 1 марта 2006 г. / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_58840/?ysclid=mndc7i6uge277159061 (дата обращения: 15.03. 2025).

6. Судебные и нормативные акты РФ: официальный сайт. // СудАкт. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/ (дата обращения: 20.03.2025).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63 ФЗ (ред. От 29.12.2024) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL:https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 / (дата обращения:15.03.2025).

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ГАРАНТИИ ТРУДОВЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Алтухова Ю.А. – студент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Трофимова И.Б. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Аннотация

В статье рассматриваются конституционные права трудового права и вопросы положений Конституции РФ. Анализируются принципы трудовых отношений и проблематика правовых коллизий на примере Постановления Конституционного Суда РФ по делу гражданина С.Н. Чернова. В исследовании акцентируется внимание на роли правовых норм как инструмента защиты работников.

Труд является одной из высших социальных ценностей, поскольку через него человек реализует свои способности, обеспечивает материальное существование и участвует в развитии общества. Конституция РФ закрепляет, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7 Конституции РФ). В этой связи трудовые права и гарантии их

реализации выступают ключевым элементом конституционного статуса личности [3].

В Российской Федерации права трудящихся защищаются на нескольких уровнях: во-первых, они закреплены в Конституции РФ; во-вторых, конкретизируются в отраслевом трудовом законодательстве; в-третьих, обеспечиваются системой правоприменительных органов и профсоюзным движением. Статья 37 Конституции РФ провозглашает свободу труда, право на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации, право на безопасные условия труда и право на отдых. Однако в процессе правоприменения возникают ситуации, когда формально корректное применение нормы закона приводит к нарушению конституционных ценностей и требует вмешательства судебных инстанций, включая Конституционный Суд РФ [3].

Актуальность данной темы обусловлена тем, что с течением времени социально-экономические отношения становятся более сложными и требуют постоянного совершенствования законодательства. Конституционные нормы являются фундаментом, на котором строится система защиты прав граждан. Динамика правовых отношений порождает коллизии и противоречия, требующие решения в судебном порядке. Конституционный Суд защищает граждан, чьи права были нарушены и старается придать праву гибкость, чтобы решить проблему.

Цель исследования: проанализировать конституционно-правовые гарантии трудовых прав граждан в Российской Федерации и обосновать значимую роль Конституционного Суда РФ в разрешении правовых коллизий трудового законодательства.

Задачи исследования:

1. Раскрыть содержания основных конституционных трудовых прав.

2. Охарактеризовать системы трудовых гарантий, закрепленных в Трудовом Кодексе РФ.

3. Проанализировать правовую позицию Конституционного Суда РФ по делу С.Н. Чернова.

4. Выявить значение данного Постановления для развития института гарантий трудовых прав.

Трудовое право – это отрасль права РФ, нормы которой регулируют трудовые отношения, которые в этом случае выступают как трудовые правоотношения. Их содержание составляет определенные права и обязанности,

которые приобретают стороны этого правоотношения с момента его возникновения [1].

Конституционные гарантии трудовых прав представляют собой систему юридических средств, закрепленных в Основном законе государства и направленных на обеспечение реализации и защиты прав и свобод человека в сфере труда. Они выступают в качестве высшей формы закрепления этих прав, обладая непосредственным действием и верховенством над всеми иными нормативными правовыми актами. Отличительной чертой конституционных гарантий является их фундаментальный характер, который предполагает не только формальное провозглашение прав, но и создание реальных механизмов их осуществления, а также защиту от любых посягательств.

Сущность конституционных гарантий заключается в следующем:

1. Универсальность и общеобязательность: они распространяются на всех граждан и являются обязательными для всех органов государственной власти, местного самоуправления, работодателей и иных субъектов правоотношений.
2. Стабильность и неизменность: закрепленные в Конституции права и свободы обладают высокой степенью стабильности и могут быть изменены лишь в особом порядке.
3. Основополагающий характер: они служат фундаментом для развития всего трудового законодательства, определяя его основные направления и пределы регулирования. Любые нормативные акты, противоречащие конституционным гарантиям, признаются неконституционными и подлежат отмене.
4. Механизм защиты: конституционные гарантии включают в себя право на судебную защиту, право на обращение в Конституционный Суд РФ, а также иные формы защиты, обеспечивающие восстановление нарушенных прав.

Конституционно-правовые гарантии трудовых прав граждан можно разделить на три группы:

1. Нормативные гарантии: закрепление трудовых прав и принципов их реализации в Конституции Российской Федерации и федеральных законах.
2. Организационные гарантии: деятельность государственных органов, инспекций, профсоюзов и комиссий по трудовым спорам.
3. Юрисдикционные гарантии: судебная защита, возможность обращения в суды общей юрисдикции, в Верховный Суд РФ и Конституционный Суд РФ в случае нарушения или неоднозначного толкования прав [2].

Именно через систему конституционных гарантий государство демонстрирует свою приверженность принципам социального государства, обеспечивая достойные условия труда и жизни своим гражданам, что является краеугольным камнем демократического общества [1].

Тем не менее в отрасли трудового права существуют коллизии, обусловленные сложностью правового регулирования отдельных видов трудовой деятельности. В законодательстве наблюдается проблема неточности правовых норм Трудового Кодекса РФ [6], что лишает граждан возможных социальных гарантий и нарушает их конституционные права.

Основные виды правовых коллизий в трудовом праве включают:

1. Коллизии между нормами разной юридической силы: например, противоречие подзаконного акта (приказа ведомства) федеральному закону (Трудовому кодексу РФ).

2. Коллизии между нормами, принятыми разными органами или в разное время: противоречия между федеральными и региональными актами или между более ранними и более поздними нормами, если в дальнейшем принятая норма не отменила предыдущую.

3. Коллизии между общими и специальными нормами: например, общая норма ТК РФ о порядке оплаты труда и специальная норма, регулирующая оплату труда работников, занятых на определенных видах работ или в особых условиях. Часто возникают проблемы с их применением, если специальная норма не в полной мере учитывает все аспекты, охватываемые общей нормой.

4. Коллизии между международными договорами и национальным законодательством: в соответствии со статьей 15 Конституции РФ, международные договоры Российской Федерации имеют приоритет над национальными законами. Однако на практике могут возникать разночтения и необходимость приведения национального законодательства в соответствие с международными нормами.

5. Коллизии, обусловленные неполнотой правового регулирования (пробелы в праве): ситуации, когда законодательство не содержит норм, необходимых для регулирования возникших общественных отношений, что вынуждает правоприменителей использовать аналогии закона и права или обращаться к высшим судебным инстанциям для разъяснений.

Разрешение коллизий имеет принципиальное значение для обеспечения стабильности правовой системы, единообразия правоприменительной практики, и

в особенности для защиты конституционных прав и свобод граждан. В случаях, когда коллизии затрагивают конституционные положения, ключевую роль в их разрешении играет Конституционный Суд РФ [2].

Особое место занимают правовые коллизии, возникающие при столкновении общих норм права с нормами права при специальных режимах работы. Сущность такой коллизии кроется в противоречии между формальными правилами учета рабочего времени и конституционным принципом справедливости вознаграждения. Это проявляется в ситуациях, когда работодатель может оставлять без вознаграждения труд, следуя закону, в котором не регламентированы некоторые нюансы [4]. Примером такой коллизии стало дело о проверке конституционности статьи 300 ТК РФ [6].

Поводом для обращения в Конституционный Суд РФ послужила жалоба гражданина С.Н. Чернова, работавшего вахтовым методом в условиях Крайнего Севера. Проблема заключалась в том, что при вахтовом методе используется суммированный учет рабочего времени. Заявитель, работая в режиме повышенной интенсивности, а именно, используя часы отдыха для работы, принял решение об увольнении по собственному желанию до окончания срока вахты и завершения учетного периода.

При окончательном расчете возник спор: гражданин Чернов требовал оплатить ему часы переработки, фактически накопленные за время пребывания на вахте. Однако суды общей юрисдикции отказали ему в выплате компенсации за переработку, ссылаясь на то, что за неоконченный учетный период норма часов формально не была превышена. Таким образом, сложилась ситуация, при которой интенсивный труд работника за конкретный месяц остался без должной компенсации только в силу факта досрочного расторжения договора [5].

На наш взгляд, данная ситуация отражает конфликт между законом и конституционными ценностями. Были нарушены фундаментальные принципы. Во-первых, принцип возмездности: любой труд, превышающий норму, должен быть оплачен. Если человек работал свыше установленной нормы, то переработанные часы должны быть компенсированы дополнительным отдыхом или оплатой, вне зависимости от того, уволился он раньше срока или отрабатывал до конца. Во-вторых, принцип равенства (ст. 19 Конституции РФ [3]): работник, доработавший до конца срока, получает оплату за переработку, а работник, уволившийся раньше срока, – нет. Это является неравенством в сфере трудовых правоотношений.

Таким образом, Конституционный Суд РФ в своем Постановлении №5-П [5] от 6 февраля 2026 года выступил в роли гаранта соблюдения конституционных принципов. Суд указал, что технические особенности суммированного учета рабочего времени не могут служить основанием для лишения работника конституционных гарантий.

Конституционный Суд Российской Федерации признал статью 300 ТК РФ [6] не соответствующей Конституции, так как она позволяла не оплачивать переработку досрочно уволившемуся работнику. Также Суд указал, что право на отдых (ст. 37 Конституции [3]) имеет универсальный характер. Особенности вахтового метода не могут служить оправданием для отказа в компенсации за уже совершенный труд. Конституционный Суд РФ постановил, что при увольнении работодатель обязан произвести подсчет часов переработки исходя из фактически отработанного периода. Сравнение должно идти с нормой часов, рассчитанной для того конкретного отрезка времени, который человек успел отработать. Все часы, отработанные сверх этой нормы, должны быть оплачены в день увольнения как сверхурочная работа, либо за них должна быть выплачена денежная компенсация вместо неиспользованных дней отдыха [5].

В заключение хочется сказать, что Конституционный Суд является гарантом социальной справедливости в Российской Федерации. Принятое им Постановление устранило правовую коллизию, восстановив баланс интересов и защиту базовых прав граждан.

Развитие трудового законодательства должно идти по пути усиления гарантий работника как более слабой стороны отношений, обеспечивая соблюдение принципа достойного труда, провозглашенного в Конституции РФ [3].

Список используемых источников

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Ю. Сухарева. М.: Юрайт, 2020. – 1024 с.

2. Григорьева А.В. Роль Конституционного Суда РФ в развитии трудового законодательства // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 4. С. 56–62.

3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г.: (с учётом поправок, внесённых Законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 дек. 2008 г. № 6-ФКЗ,

от 30 дек. 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февр. 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 31. Ст. 4398.

4. Николаева М.А. Развитие системы гарантий и компенсаций в трудовом законодательстве в современных условиях // Социальное и пенсионное право. 2023. № 1. С. 22–27.

5. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 06.02.2026 № 5-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2026. № 2. С. 5–10.

6. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 01.01.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

РАЗРЕШЕНИЕ ТРУДОВЫХ СПОРТИВНЫХ СПОРОВ С УЧАСТИЕМ ИНОСТРАННЫХ СПОРТСМЕНОВ И ТРЕНЕРОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Артющенко У.С. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Юнусова К.В. – к.ю.н., доцент, старший научный сотрудник, ФГОБУ ВО «Финансового университета при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

В статье исследуются теоретические и практические аспекты разрешения индивидуальных трудовых споров в сфере профессионального спорта с участием иностранных граждан. Рассматривается правовая природа спортивного арбитража, его соотношение с императивными нормами трудового права и исключительную компетенцию постоянно действующих арбитражных учреждений.

Современный этап развития спорта характеризуется высокой степенью глобализации, профессионализации и коммерциализации, что обусловливает активную трансграничную мобильность спортсменов и тренеров. В этих условиях существенно возрастает количество трудовых споров, осложненных иностранным элементом.

Трудовые спортивные споры – это конфликты, возникающие из трудовых правоотношений между спортсменами, тренерами и спортивными организациями. Их специфика заключается в особенности спортивной деятельности, включающей

в себя краткосрочность контрактов, зависимость от результатов соревнований и трансферную систему.

Спортсмены, не являющиеся гражданами РФ, а также осуществляющие трудовую деятельность на основании контрактов выступают иностранными субъектами в сфере спорта.

Иностранные граждане и лица без гражданства являются полноценными субъектами спортивных правоотношений в Российской Федерации. Их правовой статус основывается на принципе национального режима: на них в полной мере распространяются правила трудового законодательства РФ и иные акты, содержащие нормы трудового права, если иное не предусмотрено международными договорами [5].

Обязательным элементом статуса спортсмена и тренера является наличие трудового договора, который в профессиональном спорте может носить как срочный, так и бессрочный характер [5]. Заключение трудового договора с иностранным спортсменом предполагает соблюдение ряда дополнительных требований, включая наличие разрешения на работу, соблюдение миграционного режима и оформление медицинского страхования. При этом трудовой договор в профессиональном спорте отличается повышенной детализацией условий, связанных с режимом тренировок, участием в соревнованиях и системой оплаты труда.

Трудовая правосубъектность иностранных работников ограничена рядом обязательных условий, а именно: наличие разрешительных документов (разрешение на работу, патент, вид на жительство), соблюдение возрастных требований (с возможными исключениями для несовершеннолетних спортсменов), прохождение обязательных медицинских осмотров, соблюдение миграционного режима [5].

Дополнительно законодательство предусматривает ряд ограничений: иностранные спортсмены не могут выступать за сборные команды России, участвовать в управлении спортивными федерациями, а также попадают под квоты на участие в соревнованиях (лимит легионеров).

Несмотря на специфику регулирования, на иностранных спортсменов и тренеров в полной мере распространяются гарантии, предусмотренные трудовым законодательством, включая защиту от незаконного увольнения и право на своевременную оплату труда.

Разрешение спортивных споров в Российской Федерации возможно в рамках досудебного урегулирования, судебного и арбитражного порядках.

Ключевой теоретико-правовой проблемой является определение пределов арбитрабельности трудовых споров. Профессиональный спорт сегодня функционирует в рамках детерминированной нормативной системы, где механизмы альтернативного разрешения споров интегрированы непосредственно в структуру управления отраслью. Традиционная модель государственного правосудия в данной области де-факто уступает место специализированному арбитражу и деятельности юрисдикционных органов спортивных организаций. Подобная превалирующая роль третейского разбирательства продиктована потребностью в создании эффективного правового инструментария, способного обеспечить справедливое разрешение споров в условиях высокой динамики спортивных отношений [6].

Правом на урегулирование спортивных споров обладают юрисдикционные органы, созданные спортивными федерациям и профессиональными спортивными лигами [2]. Независимо от того, что законодательство считает рассмотрение споров такими юрисдикционными органами досудебным порядком, на самом деле же рассмотрение споров такими органами является самостоятельным альтернативным способом разрешения споров.

Нормативные акты, принимаемые профессиональными спортивными лигами, антидопинговыми организациями, а также международными, общероссийскими и аккредитованными региональными спортивными федерациями, распространяют свое действие на всех субъектов, определенных соответствующими регламентами и положениями. Участие в спортивной деятельности предполагает обязательное подчинение указанным правилам, что формирует особую систему внутреннего регулирования.

Споры, возникающие в рамках соревнований, проводимых такими организациями, в силу Регламентов подлежат рассмотрению специализированными юрисдикционными органами, создаваемыми внутри самих спортивных структур.

Особенностью рассмотрения дел в указанных органах является отсутствие необходимости заключения отдельного соглашения между сторонами спора. Производство инициируется по заявлению заинтересованного лица, которое в ряде случаев может не совпадать с непосредственными участниками спорного

правоотношения, если соответствующее право закреплено в уставных документах или регламентах спортивной организации.

Решения, принимаемые такими органами, носят обязательный характер в пределах спортивной системы и обеспечиваются посредством применения дисциплинарных и иных санкций, включая дисквалификацию, отстранение от соревнований или запрет на регистрацию. Вместе с тем указанные решения не обладают свойством государственной принудительной исполнимости.

Помимо этого, законодательно предусмотрена возможность передачи индивидуальных трудовых споров спортсменов в профессиональном спорте в арбитраж, администрируемый постоянно действующим арбитражным учреждением (ПДАУ) [5, 2]. Передача индивидуального трудового спора на рассмотрение в НЦСА возможна исключительно при наличии письменного волеизъявления сторон. Данное соглашение может быть заключено: одновременно с трудовым договором, в период действия трудового договора, после возникновения спора, но до принятия решения судом первой инстанции [4]. Современный вектор развития российского законодательства о спорте характеризуется императивной установкой на расширение сферы применения институционального арбитража. Субъектам физкультурно-спортивного движения предписано принять дополнительные меры по нормативному закреплению компетенции НЦСА в своих учредительных и регламентных документах, в связи с чем спортивные споры с субъектами, участвующими в соревнованиях, проводимых российскими спортивными организациями, должны обращаться для разрешения споров в НЦСА либо в юрисдикционные органы, решения которых могут быть переданы в НЦСА в качестве апелляционной инстанции[4]. В отличие от иных категорий спортивных споров, где арбитражная оговорка может содержаться в уставе федерации или регламенте соревнований, для трудовых споров арбитражное соглашение должно быть заключено в виде отдельного соглашения [2]. Обязательным условием является ознакомление работника под роспись с правилами арбитража, включая порядок оплаты расходов.

НЦСА наделен полномочиями по администрированию споров как с участием российских, так и иностранных граждан. При этом НЦСА, рассматривая споры с иностранным лицом, определяет или lex causae, исходя из права, выбранного сторонами, или самостоятельно применяемый правопорядок через коллизионные нормы. Для повышения доверия иностранных субъектов в рекомендованный

список арбитров НЦСА включены иностранные специалисты (на текущий момент из Австрии, Беларуси, Казахстана и Китая). Для споров с иностранным участием установлен увеличенный срок рассмотрения до 90 календарных дней со дня формирования третейского суда (вместо 60 для споров без иностранного элемента) и повышенный регистрационный сбор в размере 25 000 рублей (вместо 10 000 рублей для внутренних споров). При рассмотрении трудовых споров в НЦСА если спортсмены и тренеры выступают истцами, то полностью освобождаются от уплаты арбитражного сбора при подаче иска, расходы распределяются по итогам решения [4]. Индивидуальные трудовые спортивные споры рассматриваются в НЦСА арбитрами в составе трех человек. Решение, принятое в пределах компетенции арбитража, а именно ПДАУ, исключает возможность повторного обращения в государственный суд по тому же предмету.

Важно отметить, что спортивные санкции (например, дисквалификация) не являются дисциплинарными взысканиями в понимании трудового законодательства, что исключает применение трудовых норм по аналогии при их оспаривании.

Центральной проблемой является одностороннее расторжение договора. Для признания расторжения правомерным необходимо наличие «уважительной причины». Ключевым критерием признания уважительной причины выступает фундаментальный характер допущенного нарушения: нарушения, которые по своей сути подрывают возможность дальнейшего добросовестного исполнения договора. В подобных случаях утрата доверия между сторонами достигает уровня, при котором сохранение трудовых отношений становится объективно невозможным. При этом в практике подчеркивается, что одностороннее расторжение договора должно рассматриваться как ultima ratio (крайняя мера). Это означает, что до его применения сторона, как правило, обязана предпринять менее жесткие меры воздействия, направленные на устранение нарушения.

Существенное внимание в практике уделяется нарушениям со стороны клуба как работодателя. Одним из наиболее распространенных оснований для признания уважительной причины является невыплата или систематическая задержка заработной платы. Однако для квалификации такого нарушения в качестве достаточного основания необходимо, чтобы задолженность носила существенный характер, а сам спортсмен предварительно уведомил клуб о необходимости

исполнения обязательств. При этом финансовые трудности клуба не рассматриваются в качестве освобождения от обязательств по оплате труда.

К числу нарушений, носящих фундаментальный характер, также относится ограничение спортсмена в осуществлении профессиональной деятельности, например, необоснованное отстранение от участия в матчах или перевод в иную команду вопреки условиям контракта. Кроме того, случаи давления на спортсмена с целью принуждения к изменению или расторжению договора, включая создание небезопасных или заведомо неприемлемых условий для продолжения карьеры, признаются недопустимыми.

Вместе с тем арбитраж учитывает и возможные нарушения со стороны самого спортсмена. Так, отказ от участия в тренировках или матчах, направленный на оказание давления на клуб, может быть квалифицирован как существенное нарушение трудовых обязанностей. Основанием для утраты доверия со стороны работодателя также может служить недобросовестное поведение спортсмена, связанное, например, с сокрытием информации, имеющей значение для исполнения договора.

Отдельное значение имеет разграничение обстоятельств, которые не могут рассматриваться в качестве уважительной причины. В частности, неудовлетворительные спортивные результаты сами по себе не признаются достаточным основанием для расторжения контракта. Исключение возможно лишь в ситуациях, когда доказано умышленное недобросовестное поведение спортсмена либо когда в контракте прямо предусмотрены специальные условия, связывающие его исполнение с достижением конкретных результатов.

Процессуальный аспект также играет важную роль. Бремя доказывания наличия уважительной причины возлагается на сторону, инициирующую расторжение договора. В случаях, когда нарушение не носит очевидно грубого характера, обязательным условием является предварительное предупреждение контрагента с предоставлением возможности устранить допущенные нарушения. При рассмотрении спора применяется принцип de novo (полного пересмотра), что позволяет сторонам представлять новые доказательства.

Наконец, в ситуациях, когда к возникновению конфликта привели действия обеих сторон, арбитраж может прийти к выводу о взаимной ответственности. В таких случаях допускается отказ в присуждении компенсации, что отражает

стремление к обеспечению баланса интересов и справедливого распределения последствий нарушения.

При отсутствии в учредительных и регламентных документах спортивной организации арбитражного соглашения, оговорки о досудебном порядке урегулирования либо положений о передаче спора в специализированные органы, заинтересованное лицо вправе обратиться за помощью в государственные суды. Так как у каждого есть право защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом, например, посредством судебной защиты [1]. При этом разграничение компетенции осуществляется в зависимости от субъектного состава и характера спора: суды общей юрисдикции рассматривают споры с участием физических лиц, включая трудовые конфликты; арбитражные суды – споры с участием юридических лиц и индивидуальных предпринимателей.

Разрешение трудовых спортивных споров с участием иностранных спортсменов и тренеров представляет собой сложную многоуровневую систему, в которой сочетаются нормы национального и международного права.

Доминирующую роль играют внутриспортивные механизмы и арбитражные процедуры, обеспечивающие оперативность и специализацию рассмотрения споров. Вместе с тем сохраняются проблемы правовой определенности и эффективности защиты прав участников спортивных отношений.

Эффективность защиты прав участников зависит от баланса между национальным регулированием и международной практикой, а также от развития специализированных институтов, таких как НЦСА.

Совершенствование правовой базы, развитие арбитражных механизмов и повышение правовой определенности будут способствовать снижению конфликтности и укреплению доверия к российской спортивной юрисдикции.

Несмотря на развитие системы разрешения спортивных споров, сохраняется ряд проблем. К их числу относятся отсутствие единообразного правового регулирования, сложности в определении компетентного органа, зависимость национальной системы от международных спортивных организаций, а также трудности исполнения решений в трансграничных спорах.

Список используемых источников

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 23.03.2026).

2. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: федеральный закон от 04.12.2007 № 329-ФЗ: (ред. от 28.11.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.03.2026).

3. Перечень поручений по итогам заседания Совета при Президенте по развитию физической культуры и спорта: утв. Президентом РФ № Пр-2466 от 18.12.2023 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_492149/ (дата обращения: 28.03.2026).

4. Положение о постоянно действующем арбитражном учреждении «Национальный Центр Спортивного Арбитража» при автон. некоммерч. орг. «Спортивная Арбитражная Палата»: утв. Правлением АНО «Спортивная Арбитражная Палата», протокол № 1 от 25.09.2025 // [Электронный ресурс]. URL: https://sportarbitrage.ru/wp-content/uploads/2025/11/ncsa2025.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

5. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ: (ред. от 29.12.2025, с изм. от 06.02.2026) // Российская газета. 2001. № 256. С. 10–18.

6. Haas U., Kahlert H., Rigozzi A. Sports Arbitration Under Threat // Bulletin TAS. 2025. № 2. P. 16.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И КЛАССИФИКАЦИЯ РЕШЕНИЙ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Буланцева Е.В. – студент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Трофимова И.Б. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Аннотация

Статья посвящена изучению юридической сущности, видов и правовых особенностей решений Конституционного Суда Российской Федерации, выступающего высшим органом конституционного контроля. С помощью анализа положений Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде РФ» определяются требования, предъявляемые к различным видам решений, принимаемых Судом.

В рамках федерального конституционного законодательства итоговыми

решениями Конституционного Суда Российской Федерации признаются Постановления, Заключения и Определения, принимаемые в результате рассмотрения конституционных споров.

Постановления представляют собой окончательные решения, принимаемые в ходе рассмотрения дел, касающихся соответствия Конституции Российской Федерации федеральных законов, нормативных актов, межгосударственных соглашений, а также в спорах о компетенции, по заявлениям граждан о нарушении конституционных прав, запросам судебных инстанций, при разъяснении положений Конституции и проверке вопросов, подлежащих референдуму.

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации опираются на три основных принципа:

– предметное ограничение. Решение должно строго соответствовать рамкам рассмотренного вопроса. Суд анализирует норму в контексте целой системы права, принимая во внимание её смысл и интерпретацию, сложившуюся в ходе судебной практики;

– оценочная направленность. Действие суда выходит за рамки простого анализа – он формирует оценку конституционности нормы, выражая четкую правовую позицию по рассматриваемому делу;

– обоснованность. Позиция Суда обязана быть подробно мотивированной. В части обоснований содержатся наиболее значимые для правоприменительной деятельности логические выводы и правовые размышления.

Что касается юридического значения таких решений, они обладают рядом исключительных характеристик:

– окончательный статус: Постановления КС РФ не подлежат обжалованию, отмене или повторному рассмотрению. Их сила непреодолима даже при последующем восстановлении ранее признанной неконституционной нормы;

– мгновенная действительность: акты вступают в силу немедленно после их официального объявления, без необходимости прохождения дополнительных этапов утверждения;

– непосредственное действие и всеобщее обязательство: решения применяются ко всем субъектам публичной власти, органам местного самоуправления, организациям, должностным лицам и гражданам на всей территории страны. Запрещено использовать нормы, признанные противоречащими Конституции.

Заключение представляет собой специфическую форму итогового решения, принимаемую исключительно по поводу проверки соблюдения установленной процедуры вынесения обвинения в адрес Президента Российской Федерации в государственной измене либо совершении другого тяжкого преступления.

Определения не являются итоговыми решениями. Согласно статье 71 Федерального конституционного закона, они относятся к категории «иных решений», применяемых в рамках судебного производства. Основная сфера их действия – регулирование процессуальных аспектов. Тем не менее некоторые определения играют ключевую роль: например, при отказе в приеме обращения в них детализируются и уточняются правовые установки, провозглашённые ранее в решениях Суда. Это позволяет считать, что определения передают не только процессуальные, но и принципы материального права.

С учётом функционала все решения Конституционного Суда условно подразделяются на итоговые и иные. К первым относятся акты, в которых суд фиксирует результат рассмотрения конкретного дела и устанавливает соответствующие юридические последствия. К их характеристикам относится: издание от имени Российской Федерации, оформление в виде отдельного документа с указанием причин, принятие на пленумах, неразрывность и обязательность на всей территории страны. Такие решения подписывают все члены коллегии, участвовавшие в голосовании. Несогласный с большинством судья имеет право высказать отдельное мнение, которое также публикуется одновременно с решением.

Иные решения (определения) служат для зафиксированного констатирования фактов, связанных с деятельностью самого Суда или ходом судебных заседаний. Они носят вспомогательный характер и не затрагивают основную суть рассматриваемого спора.

В качестве иллюстрации Постановление Конституционного Суда РФ от 11 июля 2000 года № 12-П по делу о толковании статей 91 и 92 Конституции РФ, касающихся досрочного прекращения полномочий Президента при устойчивой невозможности исполнять свои обязанности вследствие состояния здоровья.

Инициатором разбирательства стало обращение Государственной Думы с просьбой разъяснить неопределённость в трактовке данных норм. На пленарном заседании под руководством М.В. Баглая с участием 19 судей были выслушаны все заинтересованные стороны и изучены соответствующие материалы дела. Судья

Н.В. Витрук, выступивший с докладом, высказался против позиции большинства и представил своё особое мнение.

Анализ этого судебного акта позволяет сделать вывод: Конституционный Суд проявил принцип судейского самоконтроля – дал официальную интерпретацию норм, не вмешиваясь напрямую в полномочия парламента, ограничившись лишь определением конституционных границ. Особенно значимым является особое мнение судьи Витрука. Его доводы о необходимой чёткости порядка формирования медицинской информации и участии суда в её получении раскрывают фундаментальный вопрос: где должна проходить грань между правом президента на личную неприкосновенность и общественным интересом в вопросах установления его трудоспособности. Данное постановление демонстрирует не просто толкование законодательства, а внутреннее разнообразие взглядов внутри самого Суда [2, 3].

Завершая анализ, стоит отметить, что решения Конституционного Суда Российской Федерации занимают исключительное положение в правовой системе страны. Обладая качествами окончательности, обязательности и недоступности для пересмотра, они способны обеспечивать устойчивость конституционного порядка и верховенство основного закона. Решения Суда, даже если они носят характер прецедентных определений, играют ключевую вспомогательную функцию, дополняя и конкретизируя ранее сложившиеся правовые позиции. Признание того или иного акта неконституционным автоматически лишает его юридической силы, что требует от всех государственных органов и граждан строгое соблюдение решений КС РФ. Отказ от их выполнения влечёт наступление юридической ответственности.

Список используемых источников

1. О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4172/ (дата обращения: 19.03.2026).

2. По делу о толковании положений статей 91 и 92 (часть 2) Конституции Российской Федерации...: Постановление Конституционного Суда РФ от 11.07.2000 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27825/ (дата обращения: 19.03.2026).

3. Романовская Л.Р. Конституционный суд РФ как главный субъект толкования Конституции // Вестник ННГУ. 2018. №2. С. 166–171.

4. Садохина Н.Е. Решения Конституционного Суда РФ в системе источников российского права // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 4. С. 37–40.

5. Шутурова Х.М.-Б. Постановление Конституционного Суда РФ как источники конституционного права РФ // Символ науки. 2021. №8-2. С 33–35.

ОСНОВНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ И НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНЫХ ПРИСТАВОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Быстрова А.И. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Неровная Н.Н. – к.ю.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье проведена систематизация полномочий и направлений деятельности судебных приставов исходя из анализа их роли в обеспечении нормального функционирования судебной власти. Приставы обеспечивают безопасность и порядок в ходе судебных заседаний, а после завершения последних содействуют реализации решений судов и совершают борьбу с правонарушениями, связанными с неисполнением решений судов. Таким образом, приставы способствуют созданию условий, в которых возможно как проведение судебных заседаний, так и осуществление судебных решений.

Государственная служба судебных приставов – федеральный орган исполнительной власти, который наделён полномочиями по «обеспечению установленного порядка деятельности судов, исполнению судебных актов, актов других органов и должностных лиц, а также правоприменительными функциями и функциями по контролю и надзору в установленной сфере деятельности» [6]. Это определение основывается на Указе Президента РФ № 1316 «Вопросы Федеральной службы судебных приставов» от 13.10.2004 г., который утвердил Положение о Федеральной службе судебных приставов [10]. В нём приводится перечень полномочий судебных приставов, состоящий из 19 пунктов, некоторые из которых имеют подпункты. Исследователи предлагают распределить эти разнообразные полномочия на три большие группы: первая из них определяет полномочия в связи с участием приставов в деятельности судов, вторая – в связи с обеспечением исполнения решений суда, а третья – в связи с обеспечением

правопорядка в обществе: в последнем случае данная служба выступает как один из правоохранительных органов с чётко очерченным кругом полномочий [3].

В связи с этим представляется целесообразным более детально рассмотреть полномочия судебных приставов исходя из логики их деятельности: приставы обязаны обеспечить нормальное проведение судов, которые принимают определенные решения; последние необходимо провести в жизнь, так что именно судебные приставы ответственны за реализацию решений, особенно в том, что касается имущественных вопросов; если же при этом будут возникать затруднения вследствие противоправных действий лиц, обязанных подчиниться решению судов, то приставы уполномочены в отношении их возбуждать административные и даже уголовные дела.

Деятельность судебных приставов в судах и по исполнению судебных решений

Сохранение безопасности и порядка в судах является основной функцией приставов. Круг участников судебных заседаний, чья безопасность обеспечивается приставами, включает в себя судей, прокуроров, адвокатов, присяжных заседателей, подсудимых (либо истцов и ответчиков в гражданских процессах), свидетелей, а также остальных граждан, чьё присутствие разрешено. Приставы должны следить за соблюдением правил поведения в судах и реагировать на их нарушение. При этом они должны уметь разрешать конфликты или по крайней мере их деэскалировать, чтобы не допустить их перехода в насилие – это требует определённых психологических знаний и умений. Также они ответственны за транспортировку заключённых, а в определённых случаях – и за предоставление доказательств. Такова первая группа полномочий судебных приставов [3].

После завершения судебных заседаний приставы должны обеспечивать исполнение их решений. При этом они, как правило, ведут работу с лицами, находящимися в трудных жизненных обстоятельствах: сложное материальное положение, недостойный моральный облик и пр. Приставы должны находить и описывать имущество должников, проводить его оценку, обеспечивать его сохранность, совершать его принудительную реализацию; в некоторых случаях им приходится совершать принудительное выселение [10]. Также они участвуют в исполнении решений комиссий по трудовым спорам [3].

Из практики работы в этой сфере известно, что приставы, будучи объективными и беспристрастными представителями власти, могут быть

подвергнуты сильному психологическому давлению и даже насилию. Несение службы в столь сложных условиях увеличивает риск как для психического, так и для физического здоровья. В этой связи учёные предлагают предоставлять приставам дополнительные гарантии в рамках медицинского и социального страхования, которые специально адаптированы к профессиональным рискам и включают в себя дополнительные материальное обеспечение и компенсации в случаях причинения вреда [2].

Деятельность судебных приставов как дознавателей и участников расследования преступлений

Ещё одна группа полномочий приставов связана с их работой как правоохранителей: «На сегодняшний день должностные лица службы судебных приставов наделены полномочиями возбуждать и рассматривать административные дела по ст. 13.26, ст. 17.8.1, ч. ч. 1 и 3 ст. 17.14, ст. 17.15 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ3 (далее – КоАП РФ)…, только возбуждать административные дела – по ч. ч. 2 и 3 ст. 5. 35, ст. ст. 17.3 – 17.9, ч. ч. 2 и 2.1 ст. 17.14, ст. 17.16, ч. 1 ст. 19.4, ч. 1 ст. 19.5, ст. 19.6, ст. 19.7, ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ» [7].

Кроме того, судебные приставы, согласно Уголовно-процессуальному Кодексу РФ, вправе проводить дознание. Е. Пахотина предлагает разделить полномочия в области дознания, которыми наделены приставы, на три группы: (1) те, что непосредственно связаны с расследованием уголовных дел; (2) те, что связаны с совершением неотложных следственных действий и (3) те, что позволяют обжаловать указания начальников органа или подразделения дознания, а также прокурора [7].

В процессе исполнения функций дознавателей приставы, согласно ч. 2 ст. 21 УПК РФ, принимают меры по проверке сообщений о преступлениях, что подразумевает установление события преступления и изобличению лица или лиц, виновных в его совершении [7]. Далее приставы уполномочены объявлять подозреваемых в розыск; совершать их задержание; принимать решение об избрании им меры пресечения, предусмотренной УПК РФ (либо ходатайствовать перед судом об избрании такой меры); предъявлять подозреваемому обвинение; принимать, в установленном УПК РФ порядке, решения, касающиеся различных вариантов расследования: о приостановлении и возобновлении производства по уголовному делу; соединению уголовных дел или наоборот по выделению

уголовного дела в отдельное производство; по прекращению уголовного дела и уголовного преследования [7].

Следует уточнить, что дознание судебные приставы уполномочены осуществлять прежде всего в случаях преступлений против правосудия. В этой связи исследователи, обобщая правоприменительную практику, констатируют, что чаще всего такие случаи возникают при отказе должника от надлежащего исполнения своих обязанностей [1]. За это приставы-дознаватели вправе привлекать виновное лицо к административной ответственности, которая, после проведения соответствующих дознавательных действий, может быть переквалифицирована в уголовную ответственность. Прежде всего, согласно ст. 315 УК ПФ, к ней может привлекаться виновное лицо в случае злостного неисполнения судебного акта, вступившего в законную силу – под этим понимается уклонение от исполнения своих обязанностей после уже вынесенного приставом предупреждения; что же касается санкций, то они, в зависимости от тяжести, могут состоять в штрафе до 50 тыс. руб., обязательных работах на срок до 240-ка часов, аресте на срок до 3-х месяцев, исправительных или принудительных работах на срок до 1-го года, или лишении свободы на срок до 1-го года [9]. Также уголовной ответственности подлежит лицо, совершившее незаконные действия (т.е. сокрытие, растрату, незаконную передачу или отчуждение) в отношении имущества, подвергнутого описи, аресту или подлежащего конфискации – об этом повествует ст. 312 УК РФ: наказания состоят в штрафе в размере до 80 тыс. руб., обязательных работах на срок до 480-ти часов, аресте на срок до 6-ти мес., принудительных работах на срок до 2-х лет либо лишении свободы на срок до 2-х лет [8]. Также приставы уполномочены налагать уголовную ответственность при злостном уклонении от погашения заложенности по кредиту (ст. 177 УК РФ) и при злостном отказе от уплаты алиментов на содержание несовершеннолетних детей или недееспособных родителей (ст. 157 УК РФ) [1].

Несмотря на наличие грозных статей в Уголовном Кодексе, сокрытие имущества должником является важной проблемой, с которой сталкиваются судебные приставы. В этой связи правоведы предлагают обратиться к опыту других стран, в юридической практике которых имеется механизм декларирования имущества должником, препятствующий такому сокрытию [6]. Так, «в США суд … имеет право на раскрытие сведений об имуществе для того, что впоследствии обратить взыскание его собственности в пользу взыскателя. Также всеобщее

декларирование как инструмент исполнительного производства применяется во Франции, Австралии, Дании, Чехии, Италии» [11]. Создание подобного механизма в РФ позволит уменьшить чрезмерную нагрузку приставов по обеспечению исполнения решений судов в имущественной сфере. Следует заметить, что нагрузка судебных приставов-исполнителей, согласно данным Керамовой С.Н., ссылающейся на Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 г. [4], превышает установленную норму в 21,2 раза [6].

Проведенное исследование, результаты которого изложены в данной статье, позволяет систематизировать полномочия судебных приставов исходя из анализа их роли в обеспечении нормальной деятельности судебной власти. В ходе судебных заседаний приставы поддерживают порядок и выполняют специфические функции (например, по транспортировке подозреваемых, по демонстрированию доказательств и пр.) После завершения судебных заседаний приставы способствуют реализации решений судов и совершают борьбу с правонарушениями, связанными с неисполнением решений судов. Таким образом, приставы содействуют созданию условий, в которых возможно как проведение судебных заседаний, так и осуществление судебных решений. При этом они могут столкнуться с противодействием в исполнении решений суда, особенно в имущественной области – в частности, с сокрытием должниками своего имущества (что, увы, является распространённой практикой). В этих случаях приставы, как правоохранители, уполномочены возбуждать сначала административные, а затем и уголовные дела, проводить дознание и расследование преступлений. Также отмечается, что требуются дополнительные меры в области социальной защиты приставов и обеспечения медицинской помощи.

Список используемых источников

1. Ахметова А.Т., Каримова Г.Н. Федеральная служба судебных приставов в системе органов государственной власти // E-Scio. 2023. №. 2. С. 541–544.

2. Вопросы Федеральной службы судебных приставов: указ Президента Российской Федерации от 13.10.2004 № 1316 (в ред. от 22.01.2024) // ФССП России. [Электронный ресурс]. URL: https://fssp.gov.ru/docs/ReglamentAct/presidentialdecrees/pd2 (дата обращения: 20.03.2026).

3. Воробьёв С.М., Ивлиев П.В. К вопросу о страховании сотрудников уголовно-исполнительной системы // Аграрное и земельное право. 2024. № 2. С. 271–273.

4. Ивлиев П.В., Пантелеев В.А. К вопросу особенностей и ограничений, связанных с работой в качестве судебного пристава. // Аграрное и земельное право. 2024. № 6. С. 315–317.

5. Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП России в 2022 г. // ФССП России. [Электронный ресурс]. URL: https://fssp.gov.ru/deals/otchet_doklad_9/2837777 (дата обращения: 21.03.2026).

6. Каирбекова Ф.К. Федеральная служба судебных приставов как орган исполнительной власти // Трибуна учёного. 2020. № 4. С. 98–102.

7. Керамова С.Н. Федеральная служба судебных приставов как орган принудительного исполнения решений: проблемы реализации полномочий. // Юридический вестник Дагестанского гос. ун-та. 2024. Т. 51, № 3. С. 72–77.

8. Пахотина Е.В. Служба судебных приставов: виды, задачи и полномочия. Пенза: Изд-во Пензенского гос. ун-та, 2018. 78 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 09.04.2026) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/63dbd5603f0bf9614a42df25ef7b641669fa3ffd/ (дата обращения: 21.03.2026).

10. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. От 09.04.2026) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/92d337ccb0bfa433cfb933ae2ef639f06fea27e8/ (дата обращения: 21.03.2026).

11. Цыганова Д.С. К вопросу о принудительном исполнении судебных решений // Modern Science. 2021. № 1–2. С. 208–213.

ВИКТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ПОВЕДЕНИЯ ЖЕРТВ ПРИ ТЕЛЕФОННОМ МОШЕННИЧЕСТВЕ

Валлер О.А. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Ефименко Е.Н. – к.ю.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассмотрена виктимизация при телефонном мошенничестве: проанализированы и описаны внутренние (способ причинения вреда и ситуативные факторы) и внешние (внутренние состояние жертвы и ее личностные характеристики) факторы риска. На основе анализа предложены меры по предотвращению и профилактики виктимизации при телефонном мошенничестве.

Актуальность

Рост масштабов телефонного мошенничества в Российской Федерации является угрозой финансовой безопасности граждан. Согласно официальным данным Банка России, в 2025 году объем похищенных мошенниками денежных средств достиг 29,3 млрд рублей, что на 6,4 % превышает показатели предыдущего периода.

Статистические показатели свидетельствуют о том, что существующие технические и регуляторные меры защиты не обеспечивают должного уровня безопасности, так как зачастую игнорируют ключевое звено процесса – человеческий фактор. В условиях, когда преступники успешно эксплуатируют методы социальной инженерии, изучение виктимологического аспекта поведения жертв приобретает первостепенное научное и практическое значение.

Цель работы: выявление особенности виктимизаци при телефонном мошенничестве и определение проблем и эффективных мер профилактики.

Методы исследования: методологическую основу исследования составляют анализ данных, сравнения и классификации, метод описания.

Результаты исследования

Виктимизация, возникающая в результате телефонного мошенничества, представляет собой сложный, управляемый преступником процесс, результатом которого становится реализация уязвимости жертвы. Этот процесс не является случайным, а базируется на целенаправленном воздействии, затрагивающем как внешние обстоятельства, так и внутренние личностные характеристики потенциальной жертвы.

Внутреннее состояние жертвы охватывает ее мотивы, цели, восприятие опасности и возможной угрозы. Это также включает осознание собственной уязвимости, эмоциональные реакции во время нападения (страх, гнев, смятение) и последующее отношение к произошедшему. Реакции жертвы могут варьироваться от принятия до самообвинения.

Внешние проявления виктимизации включают все обстоятельства, в которых происходит нападение: место, время, особенности поведения нападавшего и жертвы, метод и инструменты совершения преступления. Сюда же относятся ситуативные факторы, такие как криминогенная обстановка, уязвимость потерпевшего и отсутствие защиты.

Изучение всех этих аспектов виктимизации помогает выявить закономерности поведения жертв. На основе этих знаний разрабатываются меры профилактики, направленные на предотвращение материального, физического или морального ущерба.

Если рассматривать внутренние факторы виктимизации при телефонном мошенничестве, то в основе лежит формирование виктимности – повышенной вероятности стать объектом посягательства. К способствующим факторам относятся субъективные черты, где соотносится внутренние состояние жертвы и ее личностные характеристики.

Среди ключевых предикторов можно выделить склонность к рисковому поведению, уровень доверчивости, простоту характера, когнитивные способности, включая способность к критической оценке ситуации и своевременной остановке, а также коммуникативные навыки, способствующие сопротивлению мошенническим схемам [1].

Доверчивость выступает одним из ключевых личностных факторов, способствующих успешности манипулятивных стратегий мошенников. Злоумышленники целенаправленно эксплуатируют этот фактор, маскируясь под представителей авторитетных институтов (банковских организаций, правоохранительных органов и иных официальных структур), что существенно повышает уровень доверия со стороны потенциальной жертвы. Дополнительным усугубляющим фактором выступают стрессовые состояния: переживание травмирующих событий снижает когнитивную способность к критической оценке информации и делает человека более восприимчивым к манипулятивным воздействиям.

Жертвы, реализующие гиперсоциальную форму виктимного поведения доброжелательны, искренны, мотивированы, решительны, склонны к риску. Эти люди готовы помочь другим, и мошенник активно использует данную характеристику при реализации преступной схемы [2].

Мошенники умело эксплуатируют эти качества, выстраивая сценарии, апеллирующие к сочувствию и желанию помочь близким. Классический пример – схема «родственник в беде». Жертва, охваченная волнением за близкого человека, действует импульсивно – переводит требуемую сумму, не пытаясь перепроверить информацию через альтернативные каналы связи. Аналогичные механизмы работают в схемах с просьбами помочь больному ребёнку, приюту для животных или благотворительному фонду.

Страх потери – один из наиболее мощных психологических триггеров, которым активно пользуются мошенники. Исследования подтверждают, что страх лишиться уже имеющегося (денег, имущества, статуса) зачастую оказывает более сильное влияние на принятие решений, чем перспектива получить какую-либо выгоду. Злоумышленники целенаправленно создают иллюзию непосредственной угрозы: сообщают о несанкционированном списании средств с банковской карты, блокировке счёта из-за подозрительной активностью, проблемах с оформлением наследства или налоговых задолженностях. В состоянии паники человек теряет способность рационально оценивать ситуацию – его когнитивные ресурсы сосредоточены на предотвращении предполагаемой потери. Это заставляет жертву действовать поспешно: переводить деньги на «безопасный счёт», сообщать конфиденциальные данные или выполнять иные требования мошенников, не проверяя достоверность информации.

Внушаемость – ещё один значимый фактор риска. Некоторые люди в принципе более восприимчивы к чужому влиянию, особенно если оно исходит от фигуры, воспринимаемой как авторитетная. Авторитетный статус «собеседника» подавляет критическое мышление: жертва автоматически доверяет словам, не задаёт уточняющих вопросов и выполняет инструкции без проверки. Особенно это характерно для пожилых людей и тех, кто привык подчиняться официальным инстанциям. Сочетание внушаемости с другими факторами перечисленными создаёт идеальную почву для успешного обмана.

Внешние факторы виктимизации при телефонном мошенничестве включает в себя обстоятельства и условия процесса, не зависящие от воли субъекта или частично зависящие от него. Они включают способ причинения вреда и ситуативные факторы.

К основным способам мошенничества сегодня относят целый спектр каналов связи. Наиболее распространенным и массовым является телефонный звонок или

СМС-сообщение. Мошенники, часто маскируясь под сотрудниками банков, внешних структур или технических служб, используют методы изменения голоса, убеждая жертву сообщить конфиденциальные данные, перевести деньги на «безопасный счет» или установить антивирусное программное обеспечение. СМС-сообщения могут содержать ссылки на поддельные ресурсы или ложные уведомления о выигрышах, требующих срочных действий.

В мессенджерах часто практикуется социальная инженерия, когда мошенники взламывают аккаунты знакомых или родственников жертвы и, выдавая себя за них, просят срочно перевести деньги в расчет безвыходной ситуации. В социальных сетях популярно распространение ложных рекламных объявлений о товарах или услугах, которые либо никогда не будут доставлены, либо оказываются фальшивыми, либо требуют полных предоплат.

Еще одним классическим примером является отправка писем на электронную почту. Эти электронные сообщения часто имитируют официальные уведомления от крупных компаний, государственных учреждений или платежных систем. Письма содержат гиперссылки, попадающие на поддельные сайты, которые визуально неотличимы от настоящих ресурсов банков или интернет-магазинов. Введенные на таких сайтах данные моментально перехватываются злоумышленниками. Схожей по механизму является и практика использования поддельного приложения, которое загружается по ссылке из поддельного письма или сообщения, что обеспечивает убежищем доступ к данным устройствам и, возможно, для финансовых махинаций.

К ситуативным факторам можно отнести доступность информации о жертвах. Поиск такой информации может осуществляться через социальные сети, утечки данных и открытые базы делает атаки более целенаправленными и повышает вероятность виктимизации. Злоумышленники заранее собирают сведения о человеке, что позволяет выстроить убедительный диалог и обойти защитные механизмы психики.

Цифровые технологии используются преступниками для получения информации на стадии приготовления к совершению преступления (например, наблюдение за потенциальными жертвами преступлений, сбор и обработка полученной информации с помощью программного обеспечения, передача «необходимой» информации с целью психологического воздействия и т. д.) [3].

В некоторых сообществах культурные нормы поощряют активное присутствие в социальных сетях, при этом пользователи зачастую не осознают связанных с этим рисков. Например, распространена практика публикации фотографий с документами, личных событий и других сведений, которые могут быть использованы злоумышленниками для сбора данных и последующего мошенничества.

К внешним факторам относится развитие технологий и рост популярности онлайн-банкинга, которые напрямую влияют на виктимизацию при телефонном мошенничестве, создавая новые условия для обмана и расширяя круг потенциальных жертв. Упрощение цифровых платежей или тот факт, что множество банков перешло в основном на онлайн-общение с клиентами сделало финансовые операции и обращение в банк доступнее, но одновременно дало мошенникам инструменты для новых мошеннических схем, которые начинаются или сопровождаются телефонным контактом с жертвой. Например, таким технологическим фактором выступает подмена номеров. Злоумышленники используют сервисы и специальные программы, чтобы на экране телефона жертвы отображался либо официальный номер банка, номер госоргана или короткий номер экстренных служб. Тем самым это создаёт иллюзию легитимности звонка и снижает настороженность человека – он с большей вероятностью ответит и станет слушать собеседника.

С точки зрения технической составляющей виктимности способствуют уязвимости ПО и устройств, благодаря данным факторам упрощается деятельность преступников. Так отсутствие обновлений ПО, игнорирование уведомления о патчах, позволяет эксплуатировать известные уязвимости (например, CVE-2023-1234 в Windows) [4].

Разработчики регулярно выпускают обновления безопасности, чтобы закрыть известные уязвимости, но многие пользователи откладывают или вовсе пропускают их установку. Это даёт злоумышленникам возможность эксплуатировать уже известные проблемы для сбора информации.

Сам процесс виктимизации носит иерархический характер. Он начинается с установления доверительного контакта, часто через обманную идентификацию (выдача себя за сотрудника банка или должностного лица). На следующем этапе ключевым становится психологическое давление, направленное на создание эмоционального кризиса – паники, срочности или эйфории от “выигрыша”. На этом

этапе жертва, находясь в состоянии аффекта или крайней спешки, совершает действия, ведущие к потере контроля над своими активами. Именно игнорирование критического мышления в моменте воздействия является пиком процесса виктимизации.

В конечном итоге, результатом становится реализованная виктимизация, выражающаяся в финансовом или информационном ущербе. Однако последствия выходят за рамки прямого материального вреда: они включают глубокую психологическую травму, чувство вины и стыда, а также подрыв доверия к общественным институтам.

Для эффективной борьбы с телефонным мошенничеством необходимо развивать цифровую грамотность населения, начиная с самого детства. Введение учебной дисциплины в школьную программу и программу колледжей поможет сформировать у детей и подростков необходимые знания, умения и личностные качества для защиты от киберугроз.

В структуру такой дисциплины могут входить:

1. Основы цифровой гигиены. Необходимо для безопасного поведения в цифровой среде, осознанности действий в интернете, чтобы минимизировать риски утечки данных, осваивания принципов, помогающих избежать распространённых угроз: создание сложных паролей, проявление осторожности при переходе по ссылкам и не публиковать избыточную личную информацию, обеспечения мер предосторожности при общении в мессенджерах и социальных сетях, проверять подлинность аккаунтов, ограничивать круг лиц, имеющих доступ к личным данным.

2. Распознавание мошеннических схем. Включает развитие критического мышления и способности вовремя распознать попытку обмана. Распознавание схем телефонного мошенничества, изучение характерных признаков фишинговых звонков. Также анализ языковых манипуляции и приёмов социального инжиниринга: как мошенники эксплуатируют эмоции (панику, доверие, стремление к выгоде) и апеллируют к авторитету, чтобы заставить жертву совершить необдуманные действия.

3. Практические навыки самозащиты. Конкретные инструменты и алгоритмы, позволяющие эффективно противостоять угрозам в реальных ситуациях. Объяснение необходимости проверять информацию через официальные каналы связи, а также куда обращаться при столкновении с мошенничеством: какие

контакты банков, подразделений полиции и служб кибербезопасности использовать, как подавать жалобы на спам и фишинг через специализированные платформы.

4. Финансовая безопасность. Обеспечивает культуру безопасного обращения с деньгами в онлайн-среде. Осваиваются меры предосторожности при работе с банковскими картами и онлайн-банкингом: включение двухфакторной аутентификации, регулярный мониторинг транзакций, запрет на передачу данных карты третьим лицам.

Внедрение такой дисциплины позволит не только повысить уровень цифровой грамотности, но и сформировать у подрастающего поколения осознанное отношение к безопасности в цифровом пространстве, что значительно снизит их уязвимость к телефонному мошенничеству: школьники освоят распознавание типичных сценариев обмана («сотрудник банка», «проблема с картой» и т.д.), научатся критически оценивать информацию, получат практические навыки защиты личных данных и безопасного общения в сети, поймут важность соблюдения «цифровой гигиены», а также выработают устойчивые поведенческие привычки, что в долгосрочной перспективе сократит число жертв мошенничества.

Вывод

Таким образом, виктимизация при телефонном мошенничестве – это успешно эксплуатируемая уязвимость, где технические возможности мошенников встречаются с психологическими слабостями жертвы, требуя комплексного подхода к профилактике, направленного как на повышение цифровой грамотности, так и на развитие навыков критической оценки в стрессовых ситуациях. Таким комплексным подходом может стать введение учебной дисциплины в школьную программу и программу колледжей, которая направлена на развитие необходимых навыков.

Список используемых источников

1. Графова Ю.М. Виктимологический феномен мошенничества с использованием цифровых технологий социального инжиниринга // Виктимология. 2025. № 4. С. 601–610.

2. Колодкина Д.А. Индивидуально-психологические факторы виктимного поведения жертв телефонного мошенничества / Д.А. Колодкина, Н.В. Дворянчиков, К.Н. Дворянчикова // Психология и право. 2025. Т. 15, № 2. С. 140–153.

3. Майоров А.В. Влияет ли цифровизации на виктимизацию в современном обществе? // Виктимология. 2022. № 2. С. 148–156.

4. Сарычев М.М. Цифровые ловушки: исследование виктимного поведения в условиях IT-угроз // Аграрное и земельное право. 2025. № 4. С. 447–450.

ВНУТРЕННИЕ КОРПОРАТИВНЫЕ КОММУНИКАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ УПРАВЛЕНИЯ ВОВЛЕЧЕННОСТЬЮ ПЕРСОНАЛА В КРУПНЫХ РОССИЙСКИХ КОМПАНИЯХ

Возняк Д.С. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет, при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Романишина Т.С. – д.э.н., доцент, профессор, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

Статья посвящена роли внутренних корпоративных коммуникаций в формировании вовлечённости персонала крупных российских компаний. Рассмотрены основные каналы и инструменты внутренних коммуникаций, их влияние на производительность труда и удержание сотрудников. Выявлены типичные проблемы, ограничивающие эффективность коммуникаций в организациях с территориально распределёнными структурами. Предложены меры по переходу от информационно-сервисной модели к управленческой, ориентированной на вовлечённость.

Введение

Тема внутренних корпоративных коммуникаций (далее – ВКК) перестала быть сугубо HR-вопросом. Данные зарубежных исследований фиксируют устойчивую закономерность: более 60 % наемных работников уходит из компании по причинам, так или иначе связанным с тем, как в ней выстроен обмен информацией, а те организации, где коммуникационная функция развита, в 3,5 раза чаще оказываются на лидирующих позициях в своей отрасли [3].

Особенно заметен этот разрыв в крупных отечественных структурах – в первую очередь в компаниях топливно-энергетического комплекса, ретейла и телекоммуникаций, где численность персонала исчисляется десятками тысяч человек, а подразделения разбросаны по всей стране. Именно вертикально интегрированные холдинги и организации с государственным участием. Там, где

работают десятки тысяч человек в разных регионах страны, сохранить единую корпоративную идентичность без последовательной работы с внутренними коммуникациями практически невозможно. При этом речь идёт не только об организационном удобстве: согласно исследованию Ребриковой Н.В., компания с высоким уровнем вовлечённости персонала, во многом обеспечиваемым именно качеством ВКК, прибавляет до 23 % к прибыльности, тогда как один невовлечённый сотрудник обходится ей в 18 % своей годовой зарплаты [9].

Цель статьи – разобраться, каким образом система внутренних корпоративных коммуникаций влияет на вовлечённость персонала крупных российских компаний, что мешает этому влиянию быть полноценным и что стоит изменить на практике.

Объекты и методы

Объект исследования – внутренние корпоративные коммуникации крупных российских компаний в сфере ретейла, нефтедобычи и телекоммуникаций. Предмет – то, каким образом коммуникационная система сказывается на уровне вовлечённости персонала. Работа строится на анализе научных публикаций, сравнении практик российских организаций, а также на обобщении данных из отраслевых исследований и аналитических обзоров, находящихся в открытом доступе.

Теоретические основы: вовлечённость персонала и роль коммуникаций

Под вовлеченностью персонала в научной литературе понимается такое эмоциональное и интеллектуальное состояние работника, при котором он воспринимает цели компании как свои собственные и без дополнительного принуждения стремится делать работу хорошо [5]. Это не то же самое, что удовлетворённость или лояльность, хотя они нередко идут рядом. Ребрикова Н.В. выделяет три уровня этого явления: вовлечённость в работу (насколько человеку интересна его конкретная функция), вовлечённость в организацию (насколько он разделяет её ценности и стратегию) и вовлечённость в результат (насколько он отвечает за итог, а не просто выполняет задачу) [9]. Уровни не существуют независимо: пока сотрудник не вовлечён в работу, говорить об идентификации с компанией бессмысленно.

О том, что коммуникации напрямую влияют на вовлечённость, сегодня не спорят. Мойса А.В. показывает, что именно через внутренние коммуникации складываются три опоры корпоративной культуры: общее понимание ценностей,

чувство принадлежности к коллективу и готовность решать задачи сообща [7]. Без регулярного и понятного потока информации ни одна из этих опор не держится. Авторы обзора «ЛИДЕРЫПРО» указывают, что стратегия компании нередко остаётся на уровне документа именно потому, что механизм её трансляции до рядовых сотрудников не выстроен [6].

Барбанаков А.П., анализируя период массового перехода на дистанционную работу, зафиксировал характерный эффект: когда привычная офисная среда исчезла, обнаружилось, что информационные потоки в компаниях асимметричны, а традиционные каналы не справляются с новыми условиями [1, 2]. Кризис, по сути, проявил то, что давно было скрытой проблемой.

Каналы и инструменты ВКК: современная классификация

Авторы статьи «Внутренние коммуникации в организации» описывают три стадии, через которые проходит коммуникационная функция по мере своего развития: информирование, вовлечение и трансляцию смыслов. На первой стадии компания просто рассылает новости. На второй – начинает создавать площадки для диалога. На третьей – сознательно управляет тем, как сотрудники понимают своё место в общем деле [3]. Судя по практике крупных российских организаций, большинство из них пока находится где-то между первой и второй стадией: формальные каналы есть, но механизмов реального участия персонала в жизни компании недостаточно.

Типичный инструментарий ВКК в крупной компании сегодня охватывает несколько групп, которые различаются по охвату и задачам (табл. 1) [3, 10].

Табл. 1

Классификация инструментов внутренних корпоративных коммуникаций [5, 10]

Группа инструментов	Примеры	Охват аудитории
Цифровые платформы	Корпоративный портал, мессенджеры, email-рассылки, Telegram-каналы, пульс-опросы	Широкий
Событийные форматы	Корпоративные мероприятия, спортивные турниры, профессиональные конкурсы, тимбилдинги	Средний
Прямые форматы руководства	Открытые сессии вопросов и ответов, ежемесячные прямые эфиры, совещания	Целевой
Печатные и визуальные	Корпоративные издания, дайджесты, цифровые панели в офисах	Ограниченный

Среди перечисленных групп наиболее активно развиваются цифровые платформы. Корпоративный портал берет на себя функцию хранилища официальной информации, тогда как мессенджеры и мобильные приложения решают задачу оперативного охвата – в том числе сотрудников, не привязанных к рабочему месту. По данным обзора «ЛИДЕРЫПРО», именно эти инструменты российские компании всё чаще рассматривают не просто как способ информировать, а как канал работы с вовлечённостью [6].

Хрестоматийный пример – мобильное приложение «Перчатка», запущенное компанией «Петрович» для своих розничных сотрудников. Платформа объединила личный кабинет, новостную ленту, инструменты обратной связи и прямой канал обращений к руководству. После запуска приложения численность его активных пользователей превысила 35 тысяч человек, объем обратной связи вырос в десять раз, индекс лояльности поднялся на 9 процентных пунктов, а производительность труда – на 12,2 % [3].

Другой показательный кейс – «Газпром нефть», нефтедобывающая компания, объединяющая более 70 предприятий. Из-за высокой самостоятельности дочерних структур создать единое коммуникационное пространство было принципиально сложно: каждое предприятие жило по собственным правилам. Решением стало внедрение HR-платформы Personik, организовавшей систему ВКК через формат общения в мессенджерах. С её помощью выстроили чат-боты для пребординга и онбординга: ещё до первого рабочего дня новый сотрудник получал информацию о компании, её стратегии, регламентах, ДМС (добровольное медицинское страхование) и карьерных возможностях. В итоге компании удалось расширить охват каналов, повысить осведомлённость персонала по ключевым вопросам и выровнять понимание корпоративной идеологии в разных подразделениях [3].

Третий пример – компания «Nexign», разработчик OSS/BSS-систем для телекоммуникационного рынка. После смены стратегии там потребовалось изменить корпоративную культуру и ценности – и именно на внутренние коммуникации легла задача этот переход провести. Специалисты по ВКК создали клуб амбассадоров: сотрудники, которые на деле воплощали обновлённые ценности, были разделены на три роли – спикеры (выступали на мероприятиях), эксперты (помогали коллегам освоить новые ценности в работе) и блогеры (делились происходящим в корпоративных сетях). За три года компании удалось

полностью сменить корпоративную культуру в соответствии с новой стратегией [3].

Схожую логику демонстрирует опыт платформы «Пряники»: когда нематериальное поощрение активности сочетается с корпоративными медиа и геймифицированными механиками, сотрудники заметно охотнее включаются в информационную жизнь компании [8].

Состояние вовлечённости персонала в российских компаниях

По итогам Всероссийского мониторинга вовлечённости, проведённого ЭКОПСИ Консалтинг в 2024 г., отечественные компании уступают ведущим зарубежным экономикам по среднему уровню этого показателя. В числе факторов, которые сами сотрудники называют ключевыми, неизменно фигурируют три: насколько руководитель умеет общаться с подчинёнными, насколько открыта информация о стратегии компании и есть ли реальные каналы для обратной связи [12]. Иными словами, проблема вовлечённости в значительной мере оказывается проблемой коммуникаций.

Это хорошо видно по данным исследования Ребриковой Н.В., построенного на методике «Gallup Q12». Самые низкие оценки из всего опросника получили два утверждения, оба напрямую связанные с коммуникационным климатом: «Мой начальник или кто-то на работе, кажется, заботится обо мне как о личности» (2,7 балла из 5) и «За последние шесть месяцев кто-то на работе говорил со мной о моих успехах» (2,5 балла) [9]. Блок «командная работа», куда входят вопросы о причастности, взаимной поддержке и понимании миссии компании, набрал 3,0 балла – меньше, чем все остальные кластеры. Это трудно объяснить чем-то иным, кроме коммуникационного разрыва между руководством и рядовыми работниками.

О том, что этот разрыв имеет конкретную цену, свидетельствуют расчёты Завалий К.А.: прирост вовлечённости всего на 5 % даёт плюс 0,7 % к операционной рентабельности, а средний объём продаж на одного сотрудника при высоком уровне вовлечённости выше на 28 % [4]. Между тем многие компании, формально внедряя системы внутренних коммуникаций, так и не доходят до того, чтобы использовать их как инструмент реального управления – и потенциал остаётся невостребованным [11].

Барьеры эффективных коммуникаций

Анализ коммуникационных практик в крупных российских компаниях позволяет выделить три проблемы, которые встречаются чаще всего.

Первая – однонаправленность информационных потоков. В большинстве иерархических структур информация движется преимущественно сверху вниз, а каналов для движения снизу вверх либо нет, либо они не работают. Отсюда – устойчивая ситуация, когда стратегия компании существует в виде документа, но не воспринимается как живой ориентир. Красноречивый факт: в рассмотренном кейсе торговой компании «Петрович» (строительный ретейл, более 7 тысяч сотрудников) лишь 43,6 % работников знали о стратегических целях организации [3].

Вторая проблема – территориальное неравенство охвата. В компаниях с широкой региональной сетью сотрудники отдалённых подразделений регулярно оказываются за пределами корпоративного информационного поля. Они получают меньше новостей, реже участвуют в мероприятиях, хуже знакомы с корпоративными ценностями. В результате корпоративная культура для них превращается в абстракцию, а не в реальную часть рабочей жизни [7].

Третья – перегруженность сотрудников сообщениями. Когда каналов коммуникации много, а их содержание не согласовано, человек просто перестаёт читать. Барбанаков А.П. отмечает, что обилие несистематизированной информации подрывает доверие к официальным источникам и вытесняет нужные сообщения из поля внимания [1, 2]. Добавить к этому нечёткие роли каналов – и корпоративная культура начинает деградировать не от отсутствия коммуникаций, а от их хаотичности [4].

Рекомендации по совершенствованию системы ВКК

По итогам проведённого анализа можно предложить руководству крупных российских компаний несколько конкретных шагов.

Первое – перевести внутренние коммуникации в разряд управленческой функции. Пока ВКК воспринимаются как сервис «по остаточному принципу», их реальный потенциал недостижим. Нужна коммуникационная стратегия с измеримыми целями, регулярной оценкой результата и прямым участием топ-менеджмента в формировании ключевых смыслов [3]. Делегировать это подчинённым – значит заведомо снизить эффект.

Второе – разграничить роли каналов. Корпоративный портал хранит официальные документы и эталонную информацию, мессенджер подходит для оперативных новостей, email – для формальных коммуникаций, очные и онлайн-мероприятия – для укрепления корпоративной культуры [3]. Чёткое разграничение само по себе снижает информационный шум и повышает внимание сотрудников к каждому каналу.

Третье – создать реальные механизмы обратной связи. Регулярные пульс-опросы, анонимные каналы для предложений, открытые встречи с руководством помогают сократить разрыв между тем, что происходит, и тем, что об этом думают сотрудники. Ребрикова Н.В. рекомендует также ввести практику индивидуальных разговоров о результатах работы – это один из простейших способов повысить балл по тем самым «коммуникационным» вопросам методики Gallup [9].

Четвёртое – сместить акцент в контенте с официального на человеческое. Истории конкретных людей, публичное признание достижений, разъяснение вклада каждого подразделения в общий итог – всё это работает на то, чтобы сотрудник воспринимал себя частью чего-то значимого, а не просто исполнителем [4].

Пятое – целенаправленно работать с региональными подразделениями. Локальные новости, программы амбассадоров корпоративной культуры на местах, адаптированные форматы для удалённых команд позволяют вывести отдалённых сотрудников из информационной периферии [6].

Заключение

Внутренние корпоративные коммуникации влияют на вовлечённость персонала не косвенно, а прямо. В крупных российских компаниях – прежде всего в ретейле, нефтедобыче и телекоммуникациях, где персонал разбросан по десяткам регионов, – этот инструмент приобретает особый вес: без него удержать единую корпоративную среду попросту не получится.

Рассмотренные в статье данные говорят об одном и том же: компании, которые относятся к ВКК как к управленческой задаче, а не информационному сервису, получают измеримый результат – и в показателях лояльности, и в производительности, и в финансах. Кейсы «Петровича», «Газпром нефти» и «Nexign» подтверждают: изменения происходят быстро, если за коммуникациями стоит реальная стратегия.

При этом большинство компаний пока не прошло этот путь до конца. Главное ограничение здесь, как правило, не технологическое: цифровые платформы доступны. Ограничение управленческое – готовность руководства строить диалог, а не монолог, слышать обратную связь и признавать, что качество коммуникаций – это зона прямой ответственности менеджмента, а не HR-отдела.

Список используемых источников

1. Барбанаков А.П. Внутрикорпоративные коммуникации в 2020 году. // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. Т. 9, № 1. С. 20–28.
2. Барбанаков А.П. Внутрикорпоративные коммуникации в 2020 году: новые вызовы и возможности // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2020. Т. 9, № 1. С. 45–52.
3. Григорьева И.В. Роль внутренних коммуникаций в управлении вовлеченностью персонала крупных компаний // Экономика и бизнес: теория и практика. 2023. № 5–1. С. 138–141.
4. Завалий К.А. Вовлечённость персонала как инструмент повышения эффективности управления трудовыми ресурсами // Экономика и бизнес: теория и практика. 2019. № 9. С. 56–63.
5. Коновалова В.Г. Развитие внутренних коммуникаций как фактор повышения вовлеченности персонала // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2022. Т. 11, № 2. С. 28–35.
6. Лидеры PRO. Внедрение внутренних коммуникаций в крупных российских компаниях: аналитический обзор // ЛидерыПро.РФ. [Электронный ресурс]. URL: https://лидерыпро.рф/media/files/2024/06/07/08563706346885.pdf (дата обращения: 24.03.2025).
7. Мойса А.В. Значение внутренних коммуникаций в построении корпоративной культуры // Вестник современных исследований. 2023. № 6. С. 75–82.
8. Пряники. Шесть успешных примеров внутренних коммуникаций в компании // Блог Пряники. [Электронный ресурс]. URL: https://blog.pryaniky.com/6-uspeshnyh-keisov-vnutricom-v-kompanii/ (дата обращения: 24.03.2025).
9. Ребрикова Н.В. Вовлечённость персонала как инструмент повышения эффективности организации // Экономика труда. 2024. Т. 11, № 6. С. 951–968.

10. Скрипниченко Л.С. Корпоративная культура и внутренние коммуникации как инструменты управления вовлеченностью // Экономика фирмы. 2021. Т. 10, № 4. С. 15–22.

11. Тихонов А. И. Управление внутренними коммуникациями в организации: современные подходы // Московский экономический журнал. 2023. № 8. С. 412–421.

12. ЭКОПСИ Консалтинг. Результаты Всероссийского мониторинга вовлеченности персонала 2024 / Экопси. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3T7rbU (дата обращения: 24.03.2025).

ВИДЫ И ОСОБЕННОСТИ ФЕДЕРАЛИЗМА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Грибалев Л.Е. – студент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Научный руководитель: Трофимова И.Б. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Аннотация

В данной работе разбираются понятия, виды и сущность федерализма в современных реалиях. Рассматриваются его классификации сквозь призму уникальных ситуаций и специфики государственного устройства, порой беспрецедентных в мировом опыте. Работа основана на существующих проявлениях данного гос. устройства, с некоторой оглядкой на исторические выражения федерализма и отдельно взятые случаи.

Семья – первая, неменяющаяся форма общежития; селение – колония семей; государство, в свою очередь, является совокупностью селений. Тем самым государство – это продукт естественного возникновения, как и первые формы общения. Аристотель не выделяет государство из общества [7].

Так и федерализм, рассматривает государство и общество в тесной взаимосвязи, где предполагается формирование гос. структуры с учетом интересов населения.

Основные классификации видов федерализма:

1. По способу образования (принципу формирования):

– территориальные: субъекты образованы по географическому признаку (например, США, Германия);

– национальные: субъекты формируются по этническому признаку (например, Индия);

– национально-территориальные (смешанные): сочетают оба принципа (например, Российская Федерация) [6].

2. По характеру взаимодействия (модели функционирования)**:**

– кооперативный федерализм: это нецентрализованная федерация, в которой взаимоотношения не включают в себя иерархию. Кооперация строится на переговорных (согласительных) процедурах, подлежащих обязательному выполнению при возникновении разногласий (напр., современная Германия);

– дуалистический федерализм: предполагает четкое разделение власти таким образом, чтобы оба уровня были независимы друг от друга и обладали самостоятельным статусом. Концепция дуалистического федерализма базируется на наличии двух автономных уровней власти в рамках федерации [1];

– конкурентный федерализм: субъекты соревнуются друг с другом, являясь равноправными конкурентами, что способствует их развитию.

3. По правовому статусу субъектов:

– симметричный: при симметричной модели федерации ни один из субъектов не обладает правовыми преимуществами перед другими, сохраняя конституционно-правовое равенство всех административно-федеральных единиц;

– асимметричный: данный тип устройства предполагает неравный объем компетенций у регионов, что диктуется географическими экономическими и другими факторами. Такая асимметрия может иметь место на основе договора между субъектами федерации и федерацией (например, различия в экономических условиях, что свойственно России) [2].

Принято считать, что в XX в. дуалистический вид федераций был вытеснен кооперативным, его сущность из проблемы суверенитета была переведена «в плоскость взаимоотношений между центром и субъектами федерации» [4]. Теория кооперативного федерализма принята в обиход политико-правовой жизни в 30-х гг. XX в. в англосаксонских странах. Она стала преобладающей в США как основа внутренних отношений в связи с проведением Ф. Рузвельтом Нового Курса.

Данная модель основывается на отношениях кооперации (сотрудничества) и солидарной ответственности центра и составных частей федерации при осуществлении конкретных социально значимых функций. Кооперативный федерализм – это нецентрализованная федерация, взаимоотношения в которой

исключают иерархию. Кооперация строится на переговорных (согласительных) процедурах, соблюдение которых обязательно в случае возникновения разногласий. Функции, которые некогда были исключительными для каждой из сторон, становятся совместными. Воля государства дополняется механизмом постепенного согласования позиций в следствии решения вопросов разделения государственной власти и ответственности. Получают толчок в развитии разнообразные организационно-правовые и политические формы кооперации. Как отмечает П. Пернталер: «Федеральные государства – это не только разграничение полномочий и компетенций между Федеральными органами и членами федерации, но и кооперация усилий и интеграция в ведении общегосударственных дел». Для реализации этой цели создаются учреждения, которые организованы федерацией, их можно квалифицировать как «общие органы», так как они в одинаковой степени обслуживают и федерацию, и ее субъекты [2].

По форме гос. устройства все государства можно подразделить на основные группы: унитарное государство; федерация; конференция.

Федерация – это добровольное объединение некогда самостоятельных гос. образований в одно союзное государство. К таковым относятся: Российская Федерация, Канада, Австрия, Индия, Соединенные Штаты и т.д. Вышеупомянутые три формы государственного устройства являются основными, но существует и особая форма ассоциированного гос. объединения, именуемая содружеством. Здесь суверенные, независимые государства выступают по отношению к объединениям в качестве «ассоциированных участников». В свою очередь, территориальное устройство может быть как симметричным, так и асимметричным. В случае симметрии территориального устройства государства, политико-территориальные единицы, его непосредственно составляющие, имеют равный статус. Что касается унитарных государств, то абсолютная симметрия устройства встречается нечасто: столицы обычно имеют несколько иной статус в сравнении с остальными территориальными единицами высшего уровня. Асимметрия территориального устройства государства нередко обусловлена тем, что в нем имеются компактно проживающие инонациональные группы, которым представлена национально-территориальная автономия. Стоит помнить и о том, что история знает крайне замысловатые формы гос. устройства, самый широкий диапазон принципов межгосударственного слияния и союзов публичного права (личная и реальная уния, вассалитет и сюзеренитет, содружество наций и государств, отношения

доминионов и метрополий, торговые союзы и военные блоки и т.п.). Особый случай представляют собой федерации, де-факто остающиеся унитарными государствами. Нечто подобное можно было видеть на примере Советского Союза – федерации, но с преобладающей долей унитаризма [2].

К данному моменту абсолютно симметричных федераций в мире нет. В мировой практике наблюдаются тенденции развития асимметричного типа в федеральных отношениях.

По особенностям формирования федерации можно подразделить на территориальные, национальные и смешанные (комбинированные, национально-территориальные). В основе формирования территориальных федераций (например, Соединенных Штатов Америки, Федеративной Республики Германия) находится территориальный географический признак: субъекты создаются на основе объективных географических или исторических границ, а не этнического состава населения. Они часто образуются на базе бывшего унитарного государства, где границы субъектов закрепляются конституцией. Одним из ярких и отличительных признаков Германского федерализма являются специализированные суды Республики. (Административные; трудовые; социальные; финансовые; гражданские) [3]. Они отражают федерализм через структурную независимость, наличие высших федеральных судов для каждой ветви (каждая из которых обеспечена самостоятельной системой на уровне земель и федерации), а также функционирование самостоятельных конституционных судов земель, не подчиняющихся напрямую Федеральному конституционному суду, что обеспечивает высокую автономию 16-ти земель [5]. Местная власть решает большинство вопросов, Федеральный суд лишь высшая инстанция.

В национальных республиках (Бывшие Чехословакия и Югославия, а также национальные республики в составе Российской Федерации) субъекты федерации образуются на основе проживания определенных этносов, национальностей или народов, что позволяет им получать широкую политическую автономию, включая возможность иметь собственные конституции, гражданство и языки. Нац. Федерации куда более склонны к распаду по сравнению с территориальными, из-за возможности сепаратизма. Федеративные государства смешанного вида (например, в Российской Федерации) формируются по обоим признакам.

Для новейших теорий федерализма характерно широкое использование положений прикладных наук, теории управления и кибернетики для раскрытия

сущности федеративного государства. Одним из ведущих в научном мире подходов является анализ природы государственной федерации как социально-государственной системы, функционирующей на двух управленческих уровнях.

Динамика интеграции и глобализации в масштабах всего мира все больше повышают актуальность и значимость вопросов общего руководства развитием мировых процессов в целом, что, вероятнее всего, потребует использования федеративных и конфедеративных политических форм. Это связано, прежде всего, с необходимостью повышения уровня сотрудничества стран мира в совместном решении обостряющихся глобальных проблем современности. Мировой федерализм, а скорее конфедерализм, зачатки которого сегодня закладываются в странах ЕС, СНГ и др., может оказаться в перспективе одной из оптимальных межгосударственных форм сочетания тенденций интеграции и дезинтеграции в современном мире, упрочения целостности мира при сохранении суверенности национальных государств.

Исходя из вышесказанного, федерализм является наиболее разносторонним, по сравнению с главными оппонентами в лице унитарного государства и конфедерации, за счет сочетания единого суверенитета и широкой автономии субъектов. Обладая большим количеством принципов формирования, он способствует проявлению самобытности в отдельно взятых случаях, не имеющих аналогов в мире. При этом нередко федерализм выступает в качестве малой доли от государственного устройства некоторых стран: проявляясь лишь частично, выступая ширмой для прикрытия глубоко унитарной сути государства.

Список используемых источников

1. Енгибарян Р.В. Миропорядок и конституционализм в XXI веке // Государство и право. 2022. № 5. С. 12–19.

2. Кондрашев А.А. Трансформация российского федерализма в контексте конституционной реформы 2020 года: от симметрии к централизации // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 7. С. 24–31.

3. Мазур Т.В. Создание специализированных судов в Германии: историко-правовой аспект // Современное право. 2010. № 2-2. С. 128–134.

4. Полухин О.Н. Гражданское общество и правовое государство в современной России: Монография. Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2021. – 240 с.

5. Примова Э.Н. Роль Федерального конституционного суда ФРГ в защите основных прав граждан // Международная жизнь. 2022. № 11. С. 88–95.

6. Синцов Г.В. Эволюция федеративных отношений в современных государствах: сравнительно-правовой анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2022. № 4. С. 15–22.

7. Языева Д.Ш., Вшивцева Е.А. Взгляды Аристотеля на идеальное государство // Студенческий электронный журнал «СтРИЖ». 2017. № 6. С. 83–86.

НЕНАДЛЕЖАЩАЯ РЕКЛАМА: КЛАССИФИКАЦИЯ ОШИБОК И ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

Гудкова А.К. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Струнина Е.Ф. – преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В статье рассматривается проблема увеличения количества ненадлежащей рекламы в современном обществе. Приведена статистика преступлений в области рекламы за 2025 год. Проанализированы виды ответственности при нарушении закона о рекламе как в Российской Федерации, так и в других странах (США, Великобритания, Канада). Также даны рекомендации по снижению преступной деятельности в сфере рекламной оферты.

Реклама является одним из наиболее значимых социально-экономических явлений современного российского общества, которое нуждается в правовом регулировании. Итоги государственного контроля за соблюдением законодательства о рекламе в России подводит Федеральная антимонопольная служба (ФАС России). По данным за 2025 год, вынесено более 2500 постановлений на сумму свыше 134 млн рублей. Наибольшее число нарушений связано с рекламой по сетям электросвязи (40 %), а также с рекламой финансовых услуг (14,23 %). Также выросло количество нарушений, связанных с наружной рекламой, и увеличилось число случаев неэтичной рекламы. Учитывая вышеизложенное, можно утверждать, что ненадлежащая реклама – постоянный спутник современного общества, что не оставляет вопросов насчет актуальности проведенного нами исследования [3].

Реклама – информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и

направленная на привлечение внимания к объекту рекламирования, формирование или поддержание интереса к нему и его продвижение на рынке [4].

А ненадлежащая реклама – это реклама, которая не соответствует требованиям законодательства РФ.

Ненадлежащая реклама делится на 4 вида:

– недобросовестная реклама;
– скрытая реклама;
– недостоверная реклама;
– реклама, нарушающая этические нормы.

Нами также была рассмотрена статистика преступлений в области рекламы за 2025 год (рис. 1). Исходя их этого можем сделать вывод, что в 2025 году больше всего оферт было выявлено за «недобросовестную рекламу».

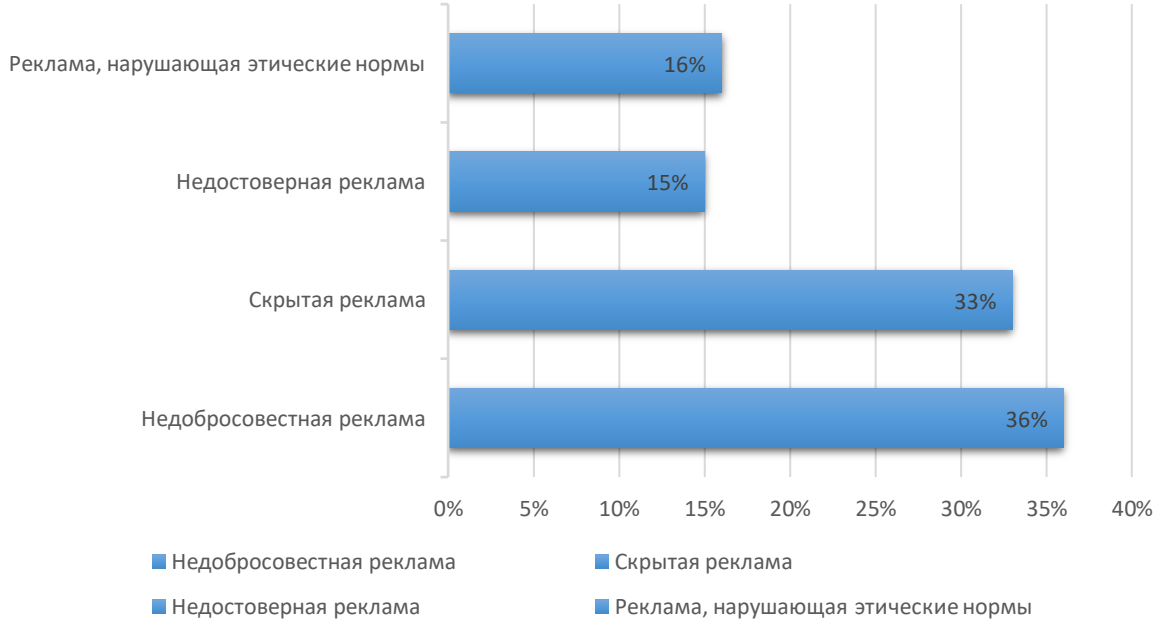


Рис. 1. Статистика преступлений за 2025 г. [6]

В настоящее время ответственности за ненадлежащую рекламу крайне мало. Например, в КоАП РФ в статье 14 пункт 3 закреплена ответственность в виде штрафа в размере от 2 тысяч до 500 тысяч (в зависимости от лица: юридическое, физическое или должностное. Также в зависимости от тяжести преступления) [2].

В ГК РФ установлено, что пострадавшие от ненадлежащей рекламы вправе подать иск на возмещение убытков, упущенной выгоды, морального вреда [1].

В УК РФ, к сожалению, ответственность отсутствует.

При рассмотрении судебной практики, было выяснено, что с начала 2024 года ведомство возбудило в отношении АО «Альфа-банк» 21 дело по признакам

нарушения рекламного законодательства и назначило штрафы на общую сумму 9 млн рублей.

Ранее в ФАС России поступили обращения граждан с жалобами на рекламу АО «Альфа-Банка», которая распространялась в телеэфире. В ней содержалось следующее утверждение: «Лучший банк для бизнеса. Платежи и переводы без комиссии. Откройте счет для бизнеса». Текст сносок был выполнен трудным для восприятия способом и демонстрировался в течение короткого времени.

По мнению ведомства, приведение в рекламе некорректных сравнений и отсутствие информации о существенных условиях платежей и переводов без комиссии может вводить потребителей в заблуждение и содержит признаки нарушения Закона о рекламе.

Служба возбудила дело в отношении банка. В случае установления нарушения организации грозит штраф (Пункт 1 части 2, часть 7 статьи 5 Федерального закона «О рекламе» от 13.03.2006 № 38-ФЗ) [5].

Изучив статистику по правонарушениям в области рекламы, нами было выявлено, что в 2025 году было возбуждено 3470 дел об административных правонарушениях (в 2024 году – 4016 дел, а в 2023 – 3798), по результатам рассмотрения которых вынесено 2597 постановлений о наложении штрафа на сумму 134 429 000 рублей (в 2024 году – 1831 постановление на сумму 125 427 000 рублей, в 2023 году – 1324 постановлений на сумму 112 325 985), в том числе 41 постановление за неисполнение предписания о прекращении нарушения законодательства о рекламе на сумму 6 011 млн рублей (в 2024 году – 42 постановления на сумму 4 663 000 рублей, в 2023 году – 19 постановлений на сумму 2 187 000 рублей) [7].

Кроме того, нами была рассмотрена ответственность за ненадлежащую рекламу в других странах (табл. 1). Можно утверждать, что штрафы в США значительно выше, чем в России, а в Канаде в качестве уголовной ответственности можно получить срок до 14 лет тюремного заключения.

Табл. 1

Ответственность других стран

Страна	Ответственность
США	1) штрафы (могут достигать миллионов долларов для крупных компаний); 2) предписания о прекращении рекламы; 3) отзыв лицензий (для СМИ); 4) уголовные дела в отдельных случаях.
Великобритания	1) требования об удалении/исправлении рекламы; 2) публичные порицания; 3) передача дела в суд (штрафы, запреты).
Канада	1) штрафы до CAD 10 млн за первое нарушение; 2) тюремное заключение (до 14 лет за умышленный обман); 3) предписания о публичном опровержении.

Источник: составлено автором

Для снижения преступной деятельности в сфере рекламной оферты мы выдвигаем следующие рекомендации:

– ужесточение контроля и штрафов: активное применение санкций за нарушения ФЗ «О рекламе» (недостоверность, двусмысленность, отсутствие маркировки), особенно в отношении блогеров и маркетплейсов;

– блокировка и удаление: оперативная блокировка запрещенной рекламы и удаление ее с заблокированных площадок, включая старые посты;

– развитие цифровых инструментов: создание единых реестров нарушителей и инструментов для быстрой идентификации ненадлежащей рекламы;

– регулирование «раздолжнителей» и «финансовых пирамид»: усиление контроля над рекламой финансовых услуг и содействием в избавлении от долгов;

– ужесточение ответственности и контроля за контррекламой;

– внедрение уголовной ответственности за заведомо ложную рекламу.

Мы считаем, что действующие виды ответственности за нарушения законодательства о рекламе недостаточны, и выступаем за возрождение уголовной ответственности по данному вопросу. Предполагаем, что после этого преступления пойдут на спад.

Список используемых источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025). // Собрание законодательства РФ. 1996. № 5. Ст. 410.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // Собрание законодательства РФ. 2002. №1 (ч. 1). Ст. 1.
3. Липка, Д.В. Нарушения законодательства о рекламе в России и в мире // Образование и право. 2023. №8. С. 271–278.
4. О рекламе: федер. закон Рос. Федерации от 13.03.2006 № 38 (ред. от 27.10.2025) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 12. Ст. 1232.
5. С начала года ФАС рассмотрела более 10 тысяч заявлений о нарушениях рекламного законодательства // ФАС России. [Электронный ресурс]. URL: https://fas.gov.ru/news/34164 (дата обращения:19.02.2026).
6. ФАС опубликовала отчет о рекламных нарушениях // Право.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.ru/news/257553/ (дата обращения:19.02.2026).
7. ФАС оштрафовала Альфа-Банк за распространение ненадлежащей рекламы // ФАС России. [Электронный ресурс]. URL: https://fas.gov.ru/news/34202 (дата обращения:19.02.2026).

КОМПЬЮТЕРНЫЕ ИГРЫ И ПРАВОНАРУШЕНИЯ: АНАЛИЗ РИСКОВ

Гужа В.М. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Мельник Е.В. – к.э.н., доцент, преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В статье рассматривается проблема взаимосвязи между увлечением компьютерными играми и ростом правонарушений среди молодежи. Автором анализируются статистические данные о киберпреступности в России, а также результаты собственного социологического исследования (анкетирования) студентов. В работе выявлены ключевые риски, связанные с влиянием игрового контента на агрессию, и предложены практические рекомендации для родителей и образовательных учреждений по профилактике противоправного поведения.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена стремительной цифровизацией всех сфер жизни общества и увеличением времени, проводимого несовершеннолетними в виртуальной среде. Компьютерные игры, являясь одним из самых популярных видов досуга, формируют не только модели поведения, но и ценностные ориентиры подрастающего поколения [6]. По информации МВД РФ, за первые 7 месяцев 2025 года ущерб от киберпреступлений в России увеличился на 16 %, достигнув 119,6 млрд рублей. Несмотря на то, что число дистанционных мошенничеств сократилось на 10,8 % (январь-ноябрь 2025 г.), средний размер ущерба продолжает неуклонно расти, что свидетельствует о необходимости глубокого анализа причин вовлечения молодежи в противоправную деятельность через игровые платформы [3].

Объектом исследования являются компьютерные игры как социально-психологический феномен и инструмент, связанный с риском совершения правонарушений. Предметом исследования выступает влияние игрового контента на агрессивность и склонность к правонарушениям, а также специфика использования онлайн-игр в качестве площадки для совершения преступлений [5].

Целью работы является анализ взаимосвязи компьютерных игр и преступности, выявление факторов, провоцирующих противоправное поведение, и разработка рекомендаций по снижению выявленных рисков. Новизна исследования заключается в комплексном подходе к анализу влияния компьютерных игр на правонарушения, объединяющем статистический, психологический и социологический аспекты [3, 4, 5].

Объекты и методы

Исследование проводилось среди студентов 1–3 курсов образовательных организаций. В качестве основного метода сбора первичной информации использовалось анкетирование. Для диагностики уровня агрессивности применялся адаптированный опросник враждебности Басса-Дарки [1]. Кроме того, был проведен анализ статистических данных МВД РФ и результатов опросов компании Mediascope, характеризующих досуг современных подростков [3].

В работе также использованы материалы, касающиеся исследования потребностно-мотивационной сферы несовершеннолетних, ранее совершивших преступления против собственности, что позволило установить роль игровых преступных побуждений в формировании противоправного поведения [6].

Результаты и их обсуждение

В ходе исследования была изучена степень информированности молодежи о рисках, связанных с компьютерными играми. Анализ результатов опроса студентов ПОУ «Уральский региональный колледж» показал, что значительная часть респондентов сталкивается с агрессивным контентом. Обработка данных по методике Басса-Дарки позволила выявить, что у студентов, предпочитающих игры жанров «шутер» и «экшн», показатели косвенной агрессии и раздражительности в среднем на 15–20 % выше, чем у любителей симуляторов или стратегий [1, 6].

На основе данных компании Mediascope была выявлена проблема раннего доступа детей к онлайн-контенту. Оказалось, что более 60 % опрошенных начали играть в онлайн-игры в возрасте до 10 лет, при этом родительский контроль в большинстве семей отсутствовал или носил формальный характер. Это создает благоприятную среду для усвоения девиантных моделей поведения [6].

Особый интерес представляет анализ формирования противоправного поведения. Сопоставление данных нашего опроса с результатами исследований подростков, ранее совершивших имущественные преступления, показало, что игровая среда часто выступает в роли тренажера. В виртуальном пространстве у молодежи формируется установка на достижение цели любой ценой, а также снижается порог чувствительности к насилию и последствиям противоправных действий [5, 6]. В ходе опроса 18 % респондентов признались, что хотя бы раз становились жертвами мошенничества в игровых пространствах (фишинг, кража аккаунтов), а 7 % допускали возможность совершения незаконных действий для получения игровых преимуществ [3].

Заключение

Проведенное исследование подтвердило выдвинутую гипотезу о том, что компьютерные игры являются одним из значимых факторов, способных провоцировать совершение правонарушений. Однако важно отметить, что игры выступают не прямой причиной преступлений, а скорее катализатором в условиях отсутствия должного воспитательного контроля и правового просвещения [5, 6].

В результате выполнения задач были выявлены основные проблемы: раннее бесконтрольное знакомство с онлайн-играми, наличие в играх сцен насилия, а также использование игровых платформ злоумышленниками для совершения мошенничеств [2, 3].

На основе полученных выводов разработаны следующие рекомендации:

1. Для родителей: внедрение системы родительского контроля (ограничение времени, фильтрация контента); проведение бесед о финансовой безопасности в сети (недопустимость передачи данных, подозрительные ссылки); совместный анализ игрового опыта ребенка для снижения риска подражания агрессивным персонажам [4, 6].

2. Для образовательных учреждений: включение в курс ОБЖ или классные часы модулей о кибергигиене и правовой ответственности за действия в виртуальной среде; организация дискуссионных клубов о влиянии медиа на сознание [3, 5].

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы в профилактической работе социальных педагогов, психологов и родителей для минимизации рисков, связанных с увлечением компьютерными играми [1, 4].

Список используемых источников

1. Абдуллин А.Г. Влияние компьютерных игр на агрессивное поведение подростков // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2016. № 48. С. 122–126.

2. Андреева А.С. К вопросу о правовом регулировании распространения видеоигр, содержащих сцены насилия // Молодой ученый. 2019. № 44. С. 258–260.

3. Афанасьева А.С. Киберпреступность как угроза для несовершеннолетних // Academy. 2020. № 5. С. 64–66.

4. Виноградова А.С. Влияние виртуальной реальности на социальное поведение молодежи // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 12. С. 47–50.

5. Грибанов А.В. Современные подходы к анализу взаимосвязи компьютерных игр и преступности // Вопросы российского и международного права. 2022. Т. 12, № 5А. С. 218–223.

7. Егорова О.В. Компьютерные игры и девиантное поведение подростков: психолого-педагогический аспект // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 29, № 1. С. 160–164.

ИНСТИТУТЫ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Демьяненко А.В. – студент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Трофимова И.Б. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Аннотация

В работе рассматривается понятие и сущность институтов гражданского общества в России. Анализируются подходы к их определению, предлагается классификация с примерами действующих организаций. Уделяется внимание конституционным основам функционирования гражданского общества, роли политических партий и Общественной палаты РФ как институтов взаимодействия общества и государства. На основе анализа Федерального закона «Об Общественной палате РФ» раскрываются механизмы общественного контроля и учета интересов граждан.

Современное гражданское общество в России представляет собой сложную систему добровольных объединений, формирующихся для решения общественно значимых задач и реализации потенциала личности. Гражданское общество в теории конституционного права – совокупность отношений в экономике, культуре и других сферах, развивающихся в рамках демократического общества независимо, автономно от государства. Основными элементами г. о. являются: разнообразие и равенство форм собственности, свобода труда и предпринимательства, идеологическое многообразие и свобода информации, незыблемость прав и свобод человека, развитое самоуправление, цивилизованная правовая власть. (ст. 2, 3, 32 Конституции РФ) [1].

К отличительным чертам институтов гражданского общества можно отнести горизонтальность связей между участниками, автономия от прямого государственного управления, прозрачность деятельности и общественная легитимность, соблюдение законодательства при сохранении независимости, способность к саморегуляции и самоорганизации, добровольный характер членства, ориентация на коллективное решение проблем [2].

Для более детального изучения независимых общественных структур следует сослаться на принципы, определяющие ключевые направления его построения. Оптимальное состояние институтов гражданского общества может быть достигнуто лишь при условии детальной проработки и реализации принципов, которые лежат в основе формирования правового регулирования

общественных отношений. Такие принципы представляют собой основополагающие идеи, выражающие сущность гражданского общества и определяющие функционирование его институтов [2].

К числу свойств данных принципов можно отнести то, что они отражают закономерности развития, а также наиболее важные и прогрессивные ценности экономической, политической, идеологической и нравственной сфер жизнедеятельности гражданского общества;
они прямо или косвенно закреплены в действующем законодательстве (прежде всего, в Конституции) и определяют статус и деятельность человека, а также формируемых им институтов гражданского общества;
они обладают устойчивостью и системообразующими свойствами, обеспечивающими структурную самоорганизацию гражданского общества, и выступают своеобразной несущей конструкцией, объединяющей все институты гражданского общества в единый комплекс; отражают опыт социально-правового развития институтов гражданского общества, а также системообразующие связи с такими социальными регуляторами, как политика, мораль, религия и другие, способствуя стабильному и органичному развитию социальной системы;
выявляют своеобразие гражданского общества, раскрывая его природу и сущность, а также представляя специфику отдельных сфер его жизнедеятельности и их отличие от иных сфер неорганизованной социальной среды;
выступают непосредственными регуляторами общественных отношений, определяя содержание правотворческой, правоприменительной, правоохранительной, интерпретационной и иной юридически значимой деятельности [2].

В качестве основных принципов развития и формирования институтов гражданского общества можно обозначить:

– защита интересов и правового аспекта личности как на высшем (государственном) уровне, так и через негосударственные механизмы (опираясь на религиозные установки, политические средства, морально-этические нормы и так далее);

– обеспечение экономической свободы и независимости индивида, а также наличие многообразия форм собственности;

– наличие демократической власти и эффективно функционирующего правового государства;

– многопартийная система;

– свобода слова и независимость средств массовой информации;

– реализация действенной социальной политики; взаимная подотчётность государства и личности при наличии гарантий обеспечения приоритета прав и свобод человека и гражданина [2];

– формирование демократической культуры, основанной на уважении частных и публичных прав и интересов; реализация мер безопасности граждан, государства и общества;

– эффективное и независимое правосудие [2].

Классификация институтов:

1. По организационным формам институты гражданского общества делят на несколько структур:

– организованные некоммерческие структуры:

1) социальные фонды («Подари жизнь», «Вера»), оказывающие помощь уязвимым группам населения;

2) научные и культурные организации (РФФИ, союзы писателей и художников, частные музеи), способствующие развитию интеллектуального и творческого потенциала общества;

3) экологические и правозащитные объединения (WWF), отстаивающие природоохранные и гражданские права, этнокультурные и религиозные организации, сохраняющие традиции и духовные ценности.

– гражданские инициативы и неформальные сообщества:

1) территориальное общественное самоуправление (ТОСы);

2) советы многоквартирных домов, решающие локальные вопросы благоустройства, клубы по интересам (спортивные, творческие, краеведческие), объединяющие людей по увлечениям;

3) кратковременные акции (сбор подписей, организация мемориалов), мобилизующие граждан вокруг острых проблем.

– информационные институты:

1) независимые СМИ;

2) блоги и платформы общественного диалога, обеспечивающие доступ к информации и свободу выражения мнений.

2. По сферам деятельности институты гражданского общества делятся на несколько секторов:

– экономический (частные предприятия, акционерные общества, банки (Т-Банк, Альфа-Банк, Совкомбанк), торговые сети, формирующие конкурентную рыночную среду);

– социально-культурный (негосударственные образовательные учреждения (РосНОУ), клиники, спортивные клубы, театры, развивающие человеческий капитал);

– духовно-нравственная сфера: религиозные организации (православные гимназии, братства), продвигающие этические нормы и традиции;

– информационно-аналитический (исследовательские центры, независимые СМИ, союзы журналистов, создающие площадку для экспертной дискуссии и просвещения) [2].

Правовая основа и роль в России Конституция РФ закладывает фундамент для развития гражданского общества через: гарантию прав и свобод (ст. 2); принцип разделения властей (ст. 10); поддержку местного самоуправления (ст. 12, 130). На практике институты действуют на всех уровнях: от локальных ТОСов до федеральных НКО, решая задачи от контроля качества дорог до модернизации поликлиник. Их активность способствует формированию культуры гражданской ответственности и партнёрства с властью [4].

Под участием граждан мы понимаем Конвенциональную партиципацию, то есть легитимные формы вовлечения граждан в политику: выборы, членство в партиях, участие в общественных слушаниях. К её субъектам относятся: политические партии, конкурирующие за голоса избирателей; профсоюзы, защищающие трудовые права; органы местного самоуправления, реализующие инициативы на местах; экспертные сообщества, влияющие на принятие решений; СМИ и НКО, транслирующие общественные запросы [2]. Политические партии выступают ключевыми посредниками между гражданами и государством. Их деятельность регулируется уставами и программами, а эффективность зависит от способности артикулировать интересы электората [2].

Ключевым связующим звеном между обществом и властью, обеспечивающим общественный контроль, экспертизу законопроектов и продвижение гражданских инициатив является Общественная палата [3].

Анализируя Федеральный закон от 04. 04. 2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» в последней редакции Статья 1 Федерального закона «Об Общественной палате Российской Федерации» определить правовой

статус и функциональное назначение данного института. Согласно норме Общественная палата РФ выступает в качестве институционального механизма, обеспечивающего взаимодействие широкого спектра структур гражданского общества: граждан, общественных объединений, профессиональных и творческих союзов, объединений работодателей, а также иных некоммерческих организаций, призванных следовать интересам различных групп профессионального и социального спектра: с органами публичной власти всех уровней (федерального, регионального и местного самоуправления). Деятельность Палаты направлена на учет потребностей и интересов граждан, а также защиту прав общественных объединений при формировании и реализации государственной политики; во-вторых, наблюдение за деятельностью исполнительных органов власти со стороны общества; в-третьих, содействие реализации государственной политики в области обеспечения прав человека в местах принудительного содержания. Таким образом, данная норма конституирует Общественную палату как уникальный субъект публично-правового поля, совмещающий функции представительства гражданских интересов, контрольного органа и правозащитного института [3].

Можно сделать вывод, что этот документ устанавливает правовые основы деятельности уникального института, призванного обеспечить взаимодействие гражданского общества и государства. Общая характеристика и структура показывает, что данный закон является основополагающим нормативным документом, который закрепляет правовой статус Общественной палаты РФ, определяет её цели и объём полномочий, а также регламентирует порядок её формирования. Основное содержание и ключевые понятия:

1. Правовой статус и роль Общественной палаты. Закон позиционирует Общественную палату не как орган государственной власти, а как институт гражданского общества. Статья 1 Закона гласит, что Палата создана для обеспечения взаимодействия граждан и некоммерческих организаций с органами власти всех уровней. Ключевая цель такого взаимодействия — учет потребностей и интересов граждан, защита их прав при формировании и реализации государственной политики, а также осуществление общественного контроля.

2. Цели и задачи (Статья 2). Закон определяет, что Палата призвана обеспечить согласование интересов общества и власти для решения важнейших вопросов развития страны. Это достигается путем достижения конкретных целей, среди которых ключевыми являются:

– привлечение граждан и НКО к реализации государственной политики;

– поддержка гражданских инициатив, имеющих общероссийское значение;

– проведение общественной экспертизы проектов федеральных законов и нормативных правовых актов;

– организация общественного наблюдения за работой Правительства РФ, органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, а также структур местного самоуправления;

– формирование предложений по определению приоритетных направлений господдержки некоммерческих организаций;

– содействие внедрению государственной политики в сфере защиты прав человека в местах принудительного содержания.

Исходя из вышесказанного, институты гражданского общества в Российской Федерации представляют собой сложную, многоуровневую систему горизонтальных связей, основанную на конституционных принципах народовластия и приоритета прав человека. Проведенный анализ показывает, что данная система охватывает все ключевые сферы жизнедеятельности

Список используемых источников

1. Большой юридический словарь / под ред. А.Ю. Сухарева. Москва: Юрайт, 2020. 1024 с.

2. Гончаров В.В., Петренко Е.Г., Чешин А.В. Институты гражданского общества как важнейшая гарантия реализации конституционного принципа участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства // Право и государство: теория и практика. 2023. № 9. С. 242–246.

3. Об Общественной палате Российской Федерации: федеральный закон № 32-ФЗ: принят Гос. Думой 16 марта 2005 года: одобрен Советом Федерации 23 марта 2005 года / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_52651/ (дата обращения: 01.04.2026)

4. Юнусов, О.Х. Институты гражданского общества // JMBM. 2025. № 1. С. 112–115.

ДОСРОЧНОЕ ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ ТОВАРНОГО ЗНАКА

Дьякова Е.А. – студент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей и сообщения»

Научный руководитель: Беркасова Ю.А. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей и сообщения»

Аннотация

Статья посвящена исследованию досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием. Анализируются положения законодательства Российской Федерации и судебная практика, включая споры, связанные с товарными знаками иностранных компаний, ушедших с рынка. Выявляются проблемы определения использования товарного знака и заинтересованности заявителя, а также формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

В условиях современной рыночной экономики товарный знак выступает не только средством индивидуализации товаров и услуг, но и важным нематериальным активом, обладающим значительной коммерческой ценностью. Правовая охрана товарного знака направлена на обеспечение добросовестной конкуренции, а также на поддержание стабильности гражданского оборота.

Ключевую роль в поддержании неприкосновенности знаков индивидуализации играют системы, задействованные в защите и управлении интеллектуальной собственностью. Подразумевается множество механизмов, каждый из которых может иметь свое выражение через патенты, товарные знаки, знаки обслуживания, объекты интеллектуальной собственности, защищенные авторским правом, а также торговые марки [4].

Вместе с тем действующее законодательство Российской Федерации предусматривает механизм досрочного прекращения правовой охраны товарного знака, в том числе по причине его неиспользования в течение установленного срока. Данный институт призван предотвращать необоснованное сохранение исключительных прав на обозначения, фактически не используемые в предпринимательской деятельности.

Особую актуальность рассматриваемая проблема приобрела в последние годы в связи с уходом ряда иностранных компаний с российского рынка. Прекращение их хозяйственной деятельности на территории Российской Федерации влечет фактическое неиспользование зарегистрированных товарных

знаков, что, в свою очередь, создает правовые основания для их досрочного прекращения. Это порождает ряд вопросов, связанных с доказыванием использования, определением заинтересованности заявителей, а также оценкой добросовестности поведения сторон.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа правовых и практических проблем досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков вследствие их неиспользования в условиях изменяющейся экономической среды.

Целью является установление особенностей применения института досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков по причине неиспользования, а также выявление ключевых проблем и тенденций его развития на основе анализа действующего законодательства и судебной практики.

На основании статьи 1491 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), срок правовой охраны товарного знака на территории Российский Федерации составляет 10 лет с момента подачи заявки на его государственную регистрацию в Роспатент. Указанный срок не является предельным, поскольку может неоднократно продлеваться по заявлению правообладателя, поданному в течение последнего года действия исключительного права. Вместе с тем законодательством предусмотрены случаи досрочного прекращения правовой охраны товарного знака. В частности, в силу статьи 1486 ГК РФ правовая охрана может быть прекращена досрочно, если товарный знак не используется непрерывно в течение 3 лет с момента его государственной регистрации [1].

Данный механизм направлен на предотвращение необоснованного сохранения исключительных прав на обозначения, фактически неиспользуемых в гражданском обороте. Такое право реализуется заинтересованными лицами, желающими досрочно прекратить охрану товарного знака. К заинтересованным лицам могут быть отнесены производители однородных товаров (работ, услуг), в отношении которых (или однородных им) подано заявление о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака, имеющие реальное намерение использовать спорное обозначение в своей деятельности [3].

Зачастую цель истца при подаче иска о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака вследствие его неиспользования заключается в государственной регистрации собственного товарного знака, на дальнейшее использование которого истцом доказывается имущественный интерес [5].

Несмотря на формальную определенность указанных норм, правоприменительная практика демонстрирует наличие ряда дискуссионных вопросов, связанных с досрочным прекращением правовой охраны товарного знака. В частности, остаются неопределенными критерии надлежащего использования товарного знака, границы допустимости минимального или разового использования, а также подходы к оценке объективных причин, препятствующих его использованию. Кроме того, значительные сложности вызывает установление заинтересованности лица, инициирующего процедуру досрочного прекращения правовой охраны, что в ряде случаев создает риск злоупотребления правом.

Следует отметить, что в юридической науке отсутствует единый подход к определению критериев использования товарного знака. Часть исследователей исходит из того, что для сохранения правовой охраны достаточно самого факта введения товара в гражданский оборот независимо от его объема. В то же время иная позиция заключается в необходимости установления реального коммерческого использования товарного знака, свидетельствующего о его функционировании как средства индивидуализации. Указанная дискуссия находит отражение и в судебной практике, которая постепенно вырабатывает более строгие критерии оценки использования [2].

Как указывалось ранее, прекращение деятельности иностранных компаний на территории Российской Федерации влечет фактическое неиспользование зарегистрированных товарных знаков, что создает основания для их досрочного прекращения. Одним из показательных примеров является Решение Суда по интеллектуальным правам от 11 июня 2025 года по делу № СИП – 799/2024. В рамках данного дела иностранная компания «MULTIGOODS PRODUCTION LIMITED» предъявила иск к «Nokia Solutions & Networks Oy» о досрочном прекращении правовой охраны товарного знака по свидетельству Российской Федерации № 568418 в связи с его неиспользованием. Суд установил, что товарный знак «Nokia» не использовался на территории Российской Федерации, вследствие чего правовая охрана была досрочно прекращена в отношении всех товаров и услуг. Истец подтвердил свою заинтересованность, в том числе наличием договорных отношений с российскими организациями и намерением сходного обозначения [6].

Приведенный пример свидетельствует о формировании устойчивой позиции суда по интеллектуальным правам, согласно которой отсутствие хозяйственной деятельности правообладателя на территории Российской Федерации само по себе не освобождает его от обязанности использовать товарный знак. При этом бремя доказывания наличия объективных причин неиспользования возлагается на правообладателя.

Аналогичный подход прослеживается в решении суда по интеллектуальным правам от 19 ноября 2025 года по делу № СИП – 803/2024. В данном случае суд досрочно прекратил правовую охрану товарного знака иностранной организации «Victoria`s Secret» в части товаров, поскольку ответчиком не были представлены доказательства его использования, а также отсутствовали доказательства наличия объективных препятствий. Истцом вновь выступала компания «MULTIGOODS PRODUCTION LIMITED», подтвердившая заинтересованность намерением регистрации сходных обозначений и наличием подготовленных каналов и сбыта продукции [7].

Особое внимание в данном деле было уделено оценке так называемого разового использования товарного знака. Суд указал, что совершение единоличных сделок, направленных на формальное подтверждение использования обозначения по истечении трехлетнего срока, не свидетельствует о реальном введении товара в гражданский оборот. Данная позиция свидетельствует о стремлении судов пресекать недобросовестные практики сохранения прав на товарные знаки путем их формального употребления. Использование товарного знака должно носить реальный, экономически обоснованный характер и быть направленным на участие в хозяйственной деятельности.

Иной аспект проблемы был рассмотрен в решении суда по интеллектуальным правам от 12 декабря 2025 года по делу № СИП – 1077/2023, связанном с товарным знаком с изображением персонажа анимационного сериала «Фиксики». В данном случае суд отказал в досрочном прекращении правовой охраны, указав на недоказанность заинтересованности истца. Несмотря на наличие спора между сторонами, в том числе требований о выплате компенсации за использование товарного знака, суд пришел к выводу о недостаточности доказательств, подтверждающих намерение истца использовать обозначение в отношении соответствующих товаров. Дополнительно было отмечено, что заявитель должен

предпринимать активные действия, в том числе уведомлять Роспатент о намерении использовать аналогичное обозначение [8].

Анализ проведенных судебных актов позволяет выделить ключевые подходы, сформировавшиеся в правоприменительной практике. Во-первых, суды предъявляют повышенные требования к доказательствам использования товарного знака, оценивая их с точки зрения реальности и системности хозяйственной деятельности. Во-вторых, существенное значение имеет доказанность заинтересованности лица, заявляющего требование о досрочном прекращении правовой охраны, что выступает самостоятельным основанием для отказа в удовлетворении требований.

В целях повышения правовой определенности представляется целесообразным совершенствование действующего законодательства. В частности, возможно уточнение критериев надлежащего использования товарного знака, включая закрепление признаков, позволяющих разграничить реальное использование от формального. Кроме того, требует дополнительной конкретизации категория заинтересованности заявителя, что позволит снизить риск злоупотребления правом при инициировании процедур досрочного прекращения правовой охраны.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что институт досрочного прекращения правовой охраны товарного знака в связи с его неиспользованием выполняет важную функцию в системе правового регулирования средств индивидуализации. Он направлен на обеспечение баланса интересов правообладателей и иных участников гражданского оборота, а также на поддержание добросовестной конкуренции. Анализ судебной практики свидетельствует о формировании устойчивого подхода, предполагающего строгую оценку доказательств использования товарного знака и недопустимость его формального применения исключительно в целях сохранения правовой охраны. Особое значение придается реальному характеру использования обозначения, а также наличию экономической активности, связанной с его применением.

В условиях ухода иностранных компаний с российского рынка проблема неиспользования товарных знаков приобретает дополнительную значимость. Увеличивается количество споров, инициируемых заинтересованными лицами, стремящимися использовать освободившиеся обозначения, что, в свою очередь,

требует более четкого определения критериев заинтересованности и предотвращения злоупотребления правом.

Выявленные в ходе исследования проблемы свидетельствуют о необходимости дальнейшего совершенствования законодательства и правоприменительной практики. В частности, актуальным является уточнение критериев использования товарного знака и выработка единообразных подходов к их оценке судами.

Таким образом, развитие института досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков должно осуществляться с учетом современных экономических условий и направлено на повышение правовой определенности и эффективности защиты прав участников гражданского оборота.

Список используемых источников

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 04.01.2026) // Собр. законодательства Российской Федерации. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

2. Блинкова Е.В. Право интеллектуальной собственности: учебник. М.: Юрайт, 2023. С. 135–138.

3. Гульбин Ю.Т. Досрочное прекращение правовой охраны товарного знака // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 3. С. 94–98.

4. Магомедова Э.И. Правовая охрана товарных знаков и знаков обслуживания // Аграрное и земельное право. 2024. № 54. С. 155–157.

5. Оленичев И.П., Ревинский О.В. Развитие правоприменительной практики досрочного прекращения правовой охраны товарных знаков вследствие их неиспользования // Право и управление. 2024. № 1. С. 382–387.

6. Решение Суда по интеллектуальным правам от 11 июня 2025 г. по делу № СИП799/2024 / СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412075894/ (дата обращения: 29.03.2026)

7. Решение Суда по интеллектуальным правам от 19 ноября 2025 г. по делу № СИП803/2024 / СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412994821/ (дата обращения: 29.03.2026)

8. Решение Суда по интеллектуальным правам от 12 декабря 2025 г. по делу № СИП1077/2023 / СПС «Гарант» [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/413223550/ (дата обращения: 29.03.2026).

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК: ИСТОРИЯ, СОВРЕМЕННОСТЬ И ПРЕДЛОЖЕНИЯ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ

Евдокимова М.С. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Неровная Н.Н. – к.ю.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье анализируется история становления, а также достоинства и недостатки современного законодательства о госзакупках в РФ. Этот анализ позволяет заключить о том, что в общих чертах реализован договорной принцип совершения госзакупок. Благодаря этому госзакупки стали важным механизмом стимулирования инновационной деятельности бизнеса и совершенствования государственного управления. Вместе с тем показаны недостатки, состоящие в непроработанности законодателем важных аспектов, как процессуальных, так и содержательных. Законодатель регламентирует процедуру совершения конкурса, но при этом недостаточно разработал нормативную базу процессов планирования и исполнения контракта. Также необходимо продумывать способы противодействия различным деяниям, которые подрывают принцип обеспечения конкуренции. Перспективы развития системы госзакупок могут лежать в области развития искусственного интеллекта.

История становления современного законодательства о госзакупках позволяет понять, каким образом законодатель задавал ориентиры для практики госзакупок и обобщал реальную практику, тем самым стремясь согласовать эти ориентиры и социальные процессы. В первой части статьи показаны основные тенденции эволюции законодательства о госзакупках в постсоветской России. В целом согласие юридической теории и практики ещё не достигнуто, однако были сделаны важные шаги в этом направлении, логика которых показана во второй части статьи. Учёные-правоведы, обобщая практический опыт, указывают на недостатки в законодательстве о госзакупках и выдвигают предложения по их преодолению. В этой связи в третьей части статьи проанализированы идеи, реализация которых поможет сделать госзакупки важным механизмом стимулирования инновационной деятельности бизнеса и совершенствования государственного управления.

В постсоветской России при становлении нового законодательства для системы госзакупок был совершён резкий отказ от обязательного государственного заказа к договорной форме [1]. Речь идёт о Законе РФ от 28.05.1992 г. № 2859-1 «О поставках продукции и товаров для государственных нужд», который утратил свою

силу в 2005 г. (с появлением нового закона о госзакупках от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ, который будет упомянут далее).

Оценки Закона 1992 г. исследователями амбивалентны. Позитивные оценки исходят из идеи о «преемственности законотворчества в области правового регулирования поставок для государственных нужд» с дореволюционным законодательством, поскольку именно оттуда была взята «большая часть нормативных положений в отношении договора поставки по государственным контрактам» [4]. Именно благодаря этой преемственности законодателям постсоветской России удалось найти новые ориентиры для практики госзакупок, которые состояли в стимулировании инновационной активности частного бизнеса за счёт обеспечения конкуренции между разными его организациями ради наиболее эффективной деятельности в интересах государства [5].

Но имеются и отрицательные оценки. Исследователи отмечают, что в начале 90-х гг. XX в. ещё отсутствовало гражданское законодательство, которое закрепило бы основополагающие нормы по размещению и исполнению договора поставки для нужд государства [1]. Законодатель не смог конкретизировать принцип экономической заинтересованности, лежащий в основе договора как фундамента рыночных отношений, применительно к сфере государственных закупок [9]. В результате «появились условия для произвола государственных заказчиков, беспорядочного использования казённых средств, невиданного роста коррупции в области государственных закупок» [1].

Эволюция законодательства о госзакупках в XXI в. имела позитивное содержание, поскольку были скорректированы существенные недостатки законодательства 90-х гг. с учётом реальной практики госзакупок. С 1.01.2014 г. действует Федеральный Закон от 5.04.2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупки товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд», который заменил Федеральный Закон от 21.07.2005 г. № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд» [1]. Помимо данного закона, поставка товаров и выполнение услуг для государственных органов регулируется Гражданским Кодексом РФ в главе 30 под названием «Купля-продажа» [1].

При анализе сути законодательных изменений в области госзакупок указывается, прежде всего, то, что удалось воспрепятствовать произволу в госзакупках за счёт решения агентской проблемы, «когда от имени государства-

собственника действует его представитель, чьё финансовое положение слабо зависит от эффективности закупок и который может действовать в своих собственных интересах» [1]. На место такому произволу пришли унифицированные конкурентные процедуры и единое информационное обеспечение всей системы госзакупок. Благодаря такой законодательной базе система госзакупок «предстаёт как динамичный и развивающийся механизм в состоянии перманентного и неустранимого балансирования между свободой и регламентом, экономией и развитием, стратегическими национальными интересами» [8].

Прежде всего законодатель установил четыре принципа, которым подчиняется весь процесс госзакупок: открытости, стратегического планирования, исполнения контракта и последующего аудита [8, с. 13]. Открытость и равный доступ к конкурсу всем хозяйствующим субъектам обеспечивает единая информационная система госзакупок, что превращает закупку в публичное действие, доступное для наблюдения из любой точки страны. Стратегическое планирование позволяет обоснованным образом определить поставщика и заключить с ним эффективный контракт, за исполнением которого непрерывно следят посредством мониторинга и контроля качества, сроков исполнения и пр. [8]. Также в конструкцию закона были встроены специальные антикоррупционные механизмы. Например, были учтены риски, присущие работе с бюджетными средствами, и создана сложная модель финансового обеспечения, включающая в себя «дифференцирование обеспечения заявки, электронные банковские гарантии и специальные счета» [6].

Имеет смысл остановиться на детально разработанном определении контрактной системы в ФЗ № 44. Это определение включает в себя 3 основных элемента:

1. Перечень участников контрактной системы.
2. Указание на действия, которые должны совершать участники в соответствии о законодательстве о контрактной системе.
3. Указание на единую информационную систему как основу информационного обеспечения данной деятельности [1].

Принципы контрактной системы в сфере закупок таковы: открытость; прозрачность информации о контрактной системе; обеспечение конкуренции; профессионализм заказчиков; единство контрактной системы; стимулирование

инноваций; ответственность за результативность обеспечения государственных нужд; эффективность осуществления закупок [1].

Однако при всех позитивных сторонах законодательства о госзакупках, которое в основных чертах сложилось в 10-е гг. XXI в., в нём имеются недостатки. Оно не сумело искоренить изощрённую, постоянно усложняющую свои схемы коррупцию [12]: «Коррупционеры находили лазейки в самых продуманных нормах и приводили к сговорам, необоснованному ограничению конкуренции и неэффективному освоению бюджетных средств, прямому неисполнению заключенных контрактов» [8].

Далее будут проанализированы предложения исследователей о преодолении недостатков законодательства о госзакупках. Прежде всего, принцип профессионализма заказчика не до конца ясен, поскольку он напрямую не приложим к государственным или муниципальным учреждениям, выступающим заказчиками госзакупок, а может быть соотнесён только с физическими лицами. Поэтому предлагается уточнить, что речь должна идти о профессионализме именно должностных лиц заказчика [1].

Важные дополнения предлагается внести в понимание принципа обеспечения конкуренции. В комментарии к нему говорится об обеспечении добросовестной ценовой и неценовой конкуренции между участниками закупок, целью которой является выявление лучших условий поставок товаров, выполнения работ и оказания услуг. Гарантией реализации этого принципа выступает запрет на совершение участниками конкурсных дел по закупкам (заказчиками, контрольными комиссиями, потенциальными исполнителями) действий, которые приводят к необоснованному ограничению числа участников закупок [3].

Однако если проанализировать Федеральный закон «О защите конкуренции» от 26.07.2006 г. № 135-ФЗ, из которого заимствован запрет на действия, ограничивающие конкуренцию (ст. 17, части 1–3), то в нём определены составы нарушений антимонопольных требований к торгам в целом. Действия по ограничению конкуренции в форме незаконного ограничения числа участников закупок представляют собой только один из возможных вариантов нарушений. Отсюда вытекает, что запрет на эти действия должен быть дополнен другими нормами, запрещающими остальные действия, описанные в ФЗ «О защите конкуренции» [1]. Кроме того, необходимо добиваться позитивных результатов

конкуренции, которые состоят в ограничении возможности одностороннего влияния предпринимателей на условия сделки (цены, качество и пр.) [1].

Ещё один важный недостаток законодательства о госзакупках состоит в акценте на регулировании стадии размещения заказа без должного внимания к стадиям планирования и исполнения контракта, что негативно сказывается на эффективности государственных контрактов [1]. Это упущение ведёт к противоречию между декларируемыми законодателем стратегическими целями, состоящими в стимулировании экономического развития, а также в придании бизнесу «дополнительного импульса к развитию» – с одной стороны, и практикой выбора поставщика по критерию наименьшей цены контракта, поскольку именно такой принцип закреплён в законодательстве – с другой стороны: «В результате система, призванная развивать национальную экономику и поощрять инновации, на операционном уровне вынуждена в большинстве случаев руководствоваться принципом сиюминутной экономии бюджетных средств. В этой ситуации выигрывает участник, который готов предложить минимальную цену, иногда в ущерб всем остальным параметрам» [8]. Если бы законодатель учитывал бы необходимость стратегического планирования развития системы госзакупок, то он мог бы найти дополнительные критерии, которые уравновесили бы чрезмерное внимание к ценовым аспектам при определении победителя в конкурсе госзакупок.

Имеется также и практика подрыва принципа всеобщей конкуренции. Здесь применяются два основных способа. Так, на этапе планирования и описания объекта закупки составляются специфические технические задания, «заточенные» под определённого исполнителя [8]. На стадии проведения конкурса происходит дальнейшее сужение круга участников, поскольку, согласно ст. 93 Федерального закона № 44-ФЗ, возможно совершение госзакупки у единственного поставщика – в случае, если контрагент обладает высокой квалификацией, уникальными оборудованием или технологиями, требуемыми для осуществления государственного заказа [10]. Именно эта возможность закупки у такого контрагента реализуется посредством рутинной процедуры, позволяющей выводить закупки из конкурентной среды [2].

Перспективы развития системы госзакупок связаны с проработкой тех недостатков в законодательстве, которые отмечены учёными – как теоретиками-правоведами, так и исследователями, анализирующими реальную практику совершения госзакупок. И ещё одна важная перспектива развития связана с

цифровизацией и распространением искусственного интеллекта (ИИ). Целый ряд исследователей отмечает способность ИИ не только управлять различными процессами (технологическими, экономическими, научными и др.), но и оказывать сложное влияние на самого человека [11]. Сами разработчики ИИ рекламируют для работников системы госзакупок курсы повышения квалификации по изучению нейросетей, которые «оценивают 50+ параметров (задержки платежей, качество сырья, ESG-показатели), сокращая риски срыва контрактов на 40%» [7]. Под ESG-показателями имеется в виду параметры воздействия на экологию (Environmental), социальную сферу (Social) и качество корпоративного управления (Governance). Однако следует учитывать опасность так называемых галлюцинаций искусственного интеллекта, что порождает необходимость решения важной проблемы согласования полученных им результатов с социальной реальностью, которая развивается по своим собственным законам.

Анализ истории и современного состояния процесса правового регулирования государственных закупок в РФ позволяет заключить о том, что в общих чертах реализован договорной принцип совершения госзакупок. Благодаря этому создана конкурентная среда, которая позволяет выявить наиболее квалифицированного исполнителя работ, поставщика товаров и производителя услуг для нужд государства. Вместе с тем имеются недостатки, состоящие в непроработанности части важных аспектов как процессуальных, так и содержательных. Законодатель детально регламентирует процедуру проведения конкурса, но при этом недостаточно разработал нормативную базу для процессов планирования и исполнения контракта. Также необходимо продумывать способы противодействия различным деяниям, которые подрывают принцип обеспечения конкуренции. Перспективы развития системы госзакупок могут лежать в области развития искусственного интеллекта, при условии осмотрительного его применения.

Список используемых источников

1. Анфёрова О.А., Станкевич Г.В. Правовое регулирование публичных закупок: Монография. М.: Русайнс, 2022. – 88 с.

2. Байыр-оол Т.А. Понятие и правовое регулирование государственных и муниципальных закупок в Российской Федерации // Оригинальные исследования. 2024. № 14. С. 181–184.

3. Борисов А.Н., Трефилова Т.Н. О контрактной системе в сфере закупки товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд: комментарий к ФЗ № 44 от 5.04.2013 г. М: Деловой двор, 2018. 1780 с.

4. Гриднева О.В., Шаповалов Д.А. Генезис нормативно-правового регулирования государственных и муниципальных закупок // Юридическая наука. 2021. № 11. С. 32–38.

5. Донцова Н.А. История правового регулирования государственных закупок в России // Вестник науки. 2023. № 9. Т. 4. С. 178–186.

6. Дончевская Л.В., Кузин Н.Н., Шкварок В.М. Нормативно-правовое регулирование некоторых аспектов в сфере закупок // International Law Journal. 2024. № 7. С. 98–103.

7. Искусственный интеллект для оптимизации цепей поставок // Future-hub. 29.05.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://media.future-hub.io/stati/ii-v-cepyakh-postavok (дата обращения: 27.03.2026).

8. Матыцин Д.Е., Балтутите И.В. Основы правового регулирования закупок публичных образований, государственных, муниципальных заказов: социально-экономические вызовы // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2025. № 17. С. 10–18.

9. Мельников И.В. Становление системы правительственных закупок России на рыночных принципах // Terra economicus. 2016. Т. 14, № 4. С. 54–72.

10. Тарчоков Т.А., Петров И.В., Шукалов Н.С. Правовое регулирование государственных закупок в Российской Федерации // Epomen global. 2024. № 51. С. 228–237.

11. Inshakova A.O., Deryugina T.V., Matytsin D.E., Kochetkova S.Y. Asilomar Principles for the Development and Use of Artificial Intelligence in the IT Sector of the Economy // Intelligent Systems Reference Library. 2025. № 276. P. 3–13.

12. Inshakova E.I., Inshakova A.O., Kochetova L.A. Digital transformation of the EAEU economies: the impact on trade development and integration prospects // Lecture Notes in Networks and Systems. 2020. № 155. P. 987–997.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ

Есаулова В.И. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Певнева Т.В. – преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

Исследование формируется на основе внедрения сервисов ИИ. Важно понимать, как юридическая система будет реагировать на инциденты, связанные с ИИ (например, ошибки в медицинской диагностике).

Развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) ставит перед правовой системой новые вызовы. Автономность и способность к самообучению ИИ-систем усложняют традиционную модель юридической ответственности. Возникает вопрос: кто должен нести ответственность за вред, причинённый действиями ИИ, – разработчик, владелец, пользователь или сама система?

По данным за 2024 год, искусственный интеллект стал активно использоваться во многих сферах (табл. 1).

Табл. 1

Анализ использования искусственного интеллекта в России [5]

Область применения робототехники и искусственного интеллекта	Количество внедрения и использование на 2024 год (%)
Промышленное производство	62
Медицинская сфера	59
Технологии в сфере обслуживания:	60
Бытовые услуги	61
Транспорт и логистика	60
Научные исследования:	увеличение на 14
Космические технологии	увеличение на 15
Океанография	увеличение на 7
Технологии искусственного интеллекта: компьютерное зрение	32

В ходе анализа ситуаций, при которых искусственный интеллект (ИИ) причинял вред, можно выделить три основные:

– сбой в работе программы или её некорректная работа (например, ошибка в алгоритме автопилота, приведшая к ДТП);

– злонамеренное использование ИИ человеком (например, применение ИИ для киберпреступлений или распространения дезинформации);

– автономные действия ИИ, приведшие к вреду (например, сбой в медицинской системе – ИИ, вызвавший неправильное лечение) [8].

В России был зафиксирован случай ДТП по вине автопилота. Нижний Новгород: суд над владельцем GAC GS8 – первое дело о вине автопилота (идет сейчас).

Обстоятельства: 10 ноября 2024 года на трассе М-12 в Нижегородской области водитель китайского кроссовера GAC GS8 ехал с включенным адаптивным круиз-контролем. Увидел на обочине грузовик, но понадеялся на автопилот и не тормозил. Кроссовер не замедлился, произошло столкновение. У водителя было 0,6 секунды, чтобы отреагировать – он не успел.

Позиция обвинения: следователи возбудили уголовное дело, водителя обвиняют в нарушении ПДД. Формулировка: он не убедился в безопасности маневра и не контролировал транспортное средство.

Позиция защиты: адвокаты настаивают: авария произошла по вине электронных ассистентов. Они требуют повторную экспертизу, которая должна установить, почему адаптивный круиз–контроль не среагировал на препятствие. Если экспертиза докажет, что система работала некорректно, ответственность переложат на производителя – компанию GAC.

Позиция производителя: GAC официально заявил: адаптивный круиз-контроль – это система для комфорта, а не система безопасности. Водитель обязан контролировать дорожную обстановку и сам несет ответственность.

Это первый в России случай, когда вину за ДТП пытаются переложить с водителя на искусственный интеллект. Если суд примет сторону защиты и признает, что автопилот работал некорректно, появится прецедент для исков к производителям автомобилей с системами автономного вождения [7].

Изучая мировой опыт к распределению ответственности возможны несколько моделей определения субъекта ответственности:

– ответственность разработчика (если вред вызван дефектом алгоритма или ошибкой в коде);

– ответственность владельца/пользователя (если ИИ использовался не по назначению или с нарушением инструкций);

– солидарная ответственность (распределение ответственности между несколькими участниками (например, разработчиком и оператором)).

– страхование ответственности (введение обязательного страхования для владельцев и операторов ИИ-систем) [1].

В ноябре 2025 года были проведены опросы при помощи сервиса «Гугл» среди учащихся по направлениям: «Юриспруденция» и «Программирование».

По результатам опроса студенты считают, что ответственность за ДТП, совершенное с участием ИИ, должны нести создатели ИИ-систем, также, по их мнению, разработчики должны осознавать все риски и, в случае причинённого вреда, нести ответственность вплоть до уголовной. В следующем вопросе мнение разделилось, юристы считают (рис. 1), что, если в результате действий ИИ-системы причинен вред человеку или имуществу, в особенности в случае ошибки разработки или сбоя программного обеспечения, проектировщики и пользователи будут нести совместную ответственность; программисты же считают (рис. 2), что ответственность будет лежать только на разработчике.



Рис. 1. Результаты опроса юристов



Рис. 2. Результаты опроса программистов

Источник: составлено автором

Основная цель исследования: разработка законопроекта юридической ответственности за вред, причинённый искусственным интеллектом.

Проведенный сравнительный анализ зарубежного законодательного регулирования выявил преобладающую практику отнесения правонарушений, обусловленных деятельностью искусственного интеллекта, к сфере норм гражданского права. Исключением выступает турецкое законодательство, предусматривающее привлечение субъектов не только к гражданской, но и к уголовной ответственности. Было установлено, что в ситуациях нанесения материального либо физического вреда в результате эксплуатации систем ИИ, юридическая ответственность, чаще всего, возлагается на разработчиков и владельцев сервисов ИИ [1].

Полагаясь на основу проведенного исследования, можно предложить: законопроект «Об ответственности за преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта»

Цель: установить правовые нормы, регулирующие ответственность за преступления, совершённые с использованием технологий ИИ, и предусмотреть меры по защите личности и общества от рисков, связанных с ИИ.

Для решения проблем юридической ответственности за вред, причинённый ИИ, целесообразно:

– разработать специальный правовой режим для ИИ-систем, учитывающий их автономность и способность к обучению;

– закрепить чёткое разграничение ролей участников (разработчик, оператор, пользователь) и их обязанностей;

– ввести механизмы сертификации ИИ-систем с оценкой их безопасности;

– установить обязательное страхование ответственности для владельцев высоко рисковых ИИ-систем (например, в медицине или транспорте);

– создать единый реестр ИИ-систем для учёта и мониторинга их использования;

– разработать методики доказывания причинно-следственной связи между действиями ИИ и причинённым вредом.

По итогам исследования можно сказать, что действующее законодательство РФ не в полной мере учитывает специфику ИИ-систем, что создаёт риски для потерпевших и неопределённость для участников правоотношений. Дальнейшее

развитие технологий ИИ требует гибкого и комплексного подхода к правовому регулированию, сочетающего защиту прав потерпевших и стимулирование инноваций.

Список используемых источников

1. Абрамова Е.А. Правовое регулирование искусственного интеллекта: вопросы ответственности // Закон. 2020. № 10. С. 25–26.
2. Белов В.А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причинённый с использованием искусственного интеллекта // Вестник гражданского процесса. 2022. № 1. С. 12–18.
3. Власова М.В. Правовые аспекты использования искусственного интеллекта: проблемы ответственности // Право и экономика. 2022. № 5. С. 212–263.
4. Глущенко А.В. Ответственность за вред, причинённый искусственным интеллектом: проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2021. № 8. С. 25–34.
5. Гохберг Л.М. (рук. авт. колл.), Туровец Ю.В., Вишневский К.О. и др.; науч. ред. Л.М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. 148 с.
6. ДТП из-за круиз-контроля: кто виноват и почему может произойти авария, мнение автоэкспертов / Вечерняя Москва. [Электронный ресурс]. URI: https://clck.ru/3T9uNn (дата обращения: 01.04.2026).
7. Ефимова Л.Г., Ефимов А.В. Искусственный интеллект и гражданско-правовая ответственность // Хозяйство и право. 2021. № 2. С. 45–64.
8. Москвин В. А. Опасности и риски искусственного интеллекта анализ и практические рекомендации, монография / В.А. Москвин. Москва: Курс, 2018. 285 с.
9. Цифровые технологии и право: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции (г. Казань, 22 сентября 2023 г.). // Под общ. ред.: И.Р. Бегишев, Е.А. Громова, М.В. Залоило, И.А. Филипова, А.А. Шутова. Т. // Каз.: Издательство «Познание» Казанского инновационного университета, 2023. С. 322–330.

ПРОГРАММЫ РЕАБИЛИТАЦИИ ДЛЯ ОСУЖДЕННЫХ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Кокшарова А.А – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Мельник Е.В. – к.э.н, доцент, преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В данной статье рассматривается изучение программ реабилитации для осужденных, практические подходы к их внедрению и эффективности. Происходит анализ существующих методик и программ, направленных на снижение рецидивов и успешную интеграцию бывших заключенных в общество. В работе выделяются ключевые аспекты, такие как психосоциальная поддержка, профессиональная подготовка и образовательные инициативы, а также важность индивидуального подхода к каждому осужденному. Изучаются примеры успешных практик из разных стран, предлагаются рекомендации по улучшению существующих программ реабилитации, а также разработанная индивидуальная программа.

Современная ситуация в Российской Федерации характеризуется высоким уровнем рецидивной преступности, что во многом обусловлено недостаточной эффективностью существующих реабилитационных моделей, многие из которых устарели и не отвечают актуальным вызовам. Данные обстоятельства диктуют острую необходимость в разработке и внедрении инновационных, практически применимых методик реинтеграции, способных существенно повысить результативность всей системы исполнения наказаний [1].

Статистика рецидивной преступности, собранная и проанализированная нами, которая свидетельствует о недостаточной эффективности текущих программ реабилитации в России. За двухлетний период снижение рецидивности составило лишь 8 % (рис. 1), что указывает на необходимость пересмотра текущих программ ресоциализации осужденных.

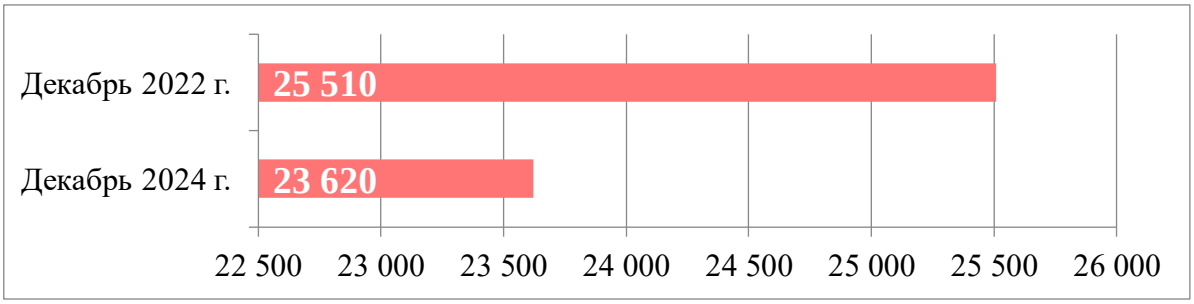


Рис. 1. Кол-во случаев рецидивной преступности за декабрь 2022 и декабрь 2024 гг.

Источник: составлено автором

Основная цель данного научно-исследовательского проекта заключается в создании научно-обоснованной, индивидуализированной модульной программы ресоциализации для лиц, отбывших наказание, с конечной задачей минимизации уровня повторных аналогичных или же других преступлений [4].

В рамках настоящего исследования рассматриваются организационно-методологические аспекты восстановления осужденных. В фокусе внимания находятся социальные взаимодействия, сопровождающие процесс адаптации лиц, отбывающих наказание или отбывавших наказание [5]. Для достижения поставленных целей были задействованы следующие методологические подходы: анализ нормативно-правовой базы, сравнительно-правовой анализ, эмпирические методы исследования, а также проведение интервью с представителями Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН) России. Ключевым и самым главным элементом новизны является разработка индивидуального рабочего проекта комплексной программы реабилитации, снабженного полным набором инструментария [6]. Предполагается, что результативность реабилитационных мероприятий напрямую зависит от применения персонализированных программ, охватывающих диагностические процедуры, психокоррекционные воздействия, социальную и профессиональную реинтеграцию, а также последующее сопровождение после освобождения.

Пенитенциарная реабилитация представляет собой комплексный процесс перевоспитания лиц, совершивших правонарушения, и их всесторонней подготовки к полноценной жизни в социуме [7]. В основе современных подходов к пенитенциарной реабилитации лежат риск-ориентированный, компетентностный, психосоциальный и средовый принципы, обеспечивающие многоаспектное воздействие на личность осужденного [2, 3].

Анализ зарубежной практики демонстрирует значимость принципа гуманизации пенитенциарной системы как ключевого фактора в снижении рецидива. Так, Норвегия успешно применяет модель, ориентированную на создание условий, максимально приближенных к условиям свободы. Бразилия демонстрирует впечатляюще низкий уровень рецидивной преступности (всего: 2,8 %). Опыт Германии и Великобритании подчеркивает важность непрерывного сопровождения бывших заключенных даже после их освобождения, что способствует их успешной адаптации.

На территории Челябинской области функционируют многие реабилитационные центры, однако лишь два из них – «ОНИС» и «ГАРАНТ» – основываются и специализируются непосредственно на ресоциализации осужденных. Важно отметить, что их услуги предоставляются на платной договорной основе. Проведенный анализ выявил ряд системных проблем в процессе ресоциализации, среди которых наиболее острыми являются трудности с трудоустройством, финансовая нестабильность, отсутствие жилья и низкий уровень образования. Эти факторы, безусловно, способствуют увеличению рецидивной преступности [10]. Интервьюирование десяти сотрудников исправительных колоний № 4 и № 5 города Челябинска показало, что нормативно-правовая база пробации в Российской Федерации находится в стадии активного формирования, но при этом нуждается в существенной доработке. Выявлены системные пробелы, выражающиеся в слабой проработанности отдельных нормативно-правовых актов и недостаточном учете индивидуальных потребностей осужденных [8, 9].

Опыт США демонстрирует эффективность нестандартных программ, таких как участие заключенных в уходе за собаками из приютов. Подобные инициативы способствуют восстановлению доверия, снижению агрессивного и преступного поведения у осужденных, а также обеспечивают животных новым домом. На основе американской программы, мы вывели некоторые рекомендации, что для повышения эффективности системы пробации необходима выстраивание последовательной и скоординированной цепочки действий. Это включает в себя налаживание взаимодействия между ведомствами, разработку единых стандартов коммуникации, обеспечение непрерывного индивидуального сопровождения на основе глубокой диагностики и персонального плана, а также целенаправленное решение конкретных проблем, с которыми сталкиваются бывшие заключенные.

Нами разработана программа ресоциализации, которая представлена ниже в буклете (рис. 2), полностью соответствующая государственной стратегии по снижению рецидивной преступности и улучшению социальной адаптации осужденных. Данная программа интегрирует потенциал пенитенциарной системы и гражданского общества для решения двух важнейших государственных задач: профессиональной подготовки выпускников исправительных учреждений и контроля за популяцией безнадзорных животных. Согласно Всероссийской переписи, в РФ насчитывается около 800 тысяч бездомных собак. Инициатива

нашей программы направлена на формирование у осужденных законопослушного поведения, развитие трудовой дисциплины и приобретение профессиональных навыков в области кинологии. Это напрямую способствует снижению нагрузки на бюджетную систему и повышению общественной безопасности.



Рис. 2. Буклет с программой реабилитации осужденных

Источник: составлено автором

В заключение следует подчеркнуть, что эффективные программы реабилитации для осужденных, базирующиеся на индивидуальном подходе, комплексном обучении и квалифицированной психологической помощи, являются ключевым фактором в снижении рецидивизма. Их успех напрямую зависит от тесного взаимодействия государства, гражданского общества и самих осужденных. Дальнейшее развитие этих программ требует постоянного совершенствования методов оценки их результативности и учета региональной специфики. Таким образом, разработанная и предлагаемая нами научно обоснованная модульная программа ресоциализации осужденных, интегрирующая возможности пенитенциарной системы и гражданского общества, представляет собой комплексное решение актуальной проблемы рецидивной преступности. Ее успешная реализация позволит не только снизить криминогенную нагрузку на общество, но и повысить уровень общественной безопасности, а также обеспечить более гуманное и эффективное исполнение наказаний. Дальнейшее развитие и совершенствование подобных программ является стратегическим приоритетом для построения более справедливого и безопасного общества.

Список используемых источников

1. Алексеев А. И. Уголовно-исполнительное право России. Общая и Особенная части. М: Проспект, 2021. 528 с.
2. Баранов П. П. Уголовно-исполнительное право России: учебник. М: Юрайт, 2022. 480 с.
3. Громов Н.А., Пономаренко В.А., Шмаров И.В. Уголовно-исполнительное право России: учебник. – М: Норма, 2020. 480 с.
4. Дерюга Н.Н. Уголовно-исполнительное право: учебник. М: РИОР, 2023. 416 с.
5. Зубков А.И. Уголовно-исполнительное право России: учебник. М: Инфра-М, 2021. 560 с.
6. Карабанова С.Ф. Уголовно-исполнительное право: учебник. М: КноРус, 2022. 448 с.
7. Ковалев О.Г. Уголовно-исполнительное право: учебник. М: Юнити-Дана, 2020. 400 с.
8. Малинин В.Б., Парфёнов А.В. Уголовно-исполнительное право: учебник. М: Юридический центр Пресс, 2023. 512 с.
9. Скибицкий В.В. Уголовно-исполнительное право: учебник. М: Дашков и К°, 2021. 480 с.
10. Уголовно-исполнительное право: учебник / под ред. В.И. Селиверстова. М: Юрайт, 2022. 528 с.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАГРЯЗНЕНИЯ АТМОСФЕРЫ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ВЫБРОСАМИ (НА ПРИМЕРЕ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Коротовских В.М. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Ефименко Е.Н. – к.ю.н., и.о. заведующего кафедрой «Юриспруденция», ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В данной статье на основе анализа научных исследований, нормативно-правовых актов, официальных статистических данных, раскрываются понятие загрязнение атмосферы промышленными выбросами, образующее состав экологического преступления. Приведены основные виды загрязнения атмосферы промышленными выбросами, которые могут образовывать состав экологического преступления. Рассматривается уголовно-правовая характеристика ст. 251 УК РФ. В заключительной части отдельно внимание уделяется проблемам, а также выделяются пути решения.

Актуальность

Ст. 42 Конституции Российской Федерации гарантирует каждому право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого экологическим правонарушением [2]. В то же время в индустриально развитых регионах, таких как Челябинская область, эти конституционные права нередко оказываются под угрозой из-за масштабного загрязнения атмосферы промышленными выбросами.

Именно поэтому тема исследования «Уголовно-правовая характеристика загрязнения атмосферы промышленными выбросами (на примере Челябинской области)» обладает высокой актуальностью. Деятельность промышленных предприятий, будучи зачастую градообразующей, неизбежно влияет на состояние атмосферного воздуха. Нарушения требований экологической безопасности – как умышленные, так и неосторожные – приводят к выбросам вредных веществ. Это не только подрывает конституционные гарантии, но и влечёт за собой серьёзные последствия: ухудшение здоровья населения и деградацию природных экосистем.

В этих условиях уголовно-правовые меры выступают как один из наиболее действенных инструментов воздействия на нарушителей экологического законодательства, призванный не только наказать виновных, но и предупредить совершение новых преступлений. Однако, как показывает практика, применение норм уголовного права в сфере экологических преступлений, особенно в части доказывания причинно-следственной связи между конкретными выбросами и наступившими последствиями, сопряжено со значительными трудностями.

Табл. 1

Ключевые показатели превышения ПДК (предельно допустимых концентраций) в 2024 году

Ключевые показатели превышения ПДК (предельно допустимых концентраций) С 2024 года зафиксированы рекордные значения по следующим веществам	
сероводород	превышение в 9,9 раза (уровень вплотную подошёл к категории высокого загрязнения – 10 ПДК)
аммиак	превышение до 5,5 ПДК (трёхкратный рост по сравнению с предыдущими периодами)
оксид углерода	превышение до 8,6 ПДК
диоксид азота	превышение 2,5 ПДК (рост за три года)
оксид азота	превышение 2,7 ПДК (рост за три года)

Источник: составлено автором на основе данных [11]

Цель работы: изучение уголовно-правовых аспектов загрязнения атмосферы промышленными выбросами на примере Челябинской области, выявление проблем правоприменительной практики и разработка предложений по совершенствованию законодательства и мер предупреждения.

Материалы и методы: при написании работы использовались официальные статистические данные, информация сети Интернет, печатные издания и материалы СМИ, затрагивающие различные аспекты исследуемой проблематики. Методологическую основу работы составляют методы: анализа нормативно-правового материала, системный метод, метод описания, сравнительно-юридический метод и др.

Результаты исследования

Атмосферный воздух является одним из важнейших компонентов биосферы, обеспечивающим жизнь на Земле. Его чистота и безопасное состояние – необходимое условие для здоровья человека, нормального функционирования экосистем и поддержания экологического баланса.

В соответствии с абзацем 3, ст. 1 Федерального закона от 10. 01. 2002 №7-ФЗ «Об охране окружающей среды», компоненты природной среды – земля, недра, почвы, поверхностные и подземные воды, атмосферный воздух, растительный, животный мир и иные организмы, а также озоновый слой атмосферы и околоземное космическое пространство, обеспечивающие в совокупности благоприятные условия для существования жизни на Земле. Следовательно, атмосферный воздух

– это компонент природной среды, представляющий собой газообразную оболочку Земли, находящуюся над ее поверхностью [6].

Уголовное законодательство Российской Федерации, в частности, статья 251 Уголовного кодекса РФ охраняет атмосферный воздух от загрязнения, так как это непосредственно связано с обеспечением экологической безопасности и здоровья населения. Загрязнение атмосферы промышленными выбросами представляет собой деградацию его качества, при которой в состав воздуха вводятся или изменяются его естественные свойства, что делает его вредным для человека и окружающей среды.

Для того, чтобы загрязнение атмосферы было квалифицировано как экологическое преступление, оно должно соответствовать ряду критериев, установленных уголовным законодательством и смежными отраслями права [1].

Загрязнение атмосферы промышленными выбросами, образующее состав экологического преступления, – это общественно опасное деяние (действие или бездействие), совершенное субъектом преступления, выраженное в нарушении установленных правил эксплуатации промышленных, энергетических, транспортных и иных объектов, повлекшее за собой введение в атмосферу вредных веществ, изменение ее естественных свойств, и причинившее существенный вред здоровью человека, окружающей среде или создавшее угрозу причинения такого вреда [8].

Хотя статья 251 УК РФ не детализирует виды загрязнения, исходя из практики и целей правового регулирования, можно выделить следующие основные виды загрязнения атмосферы промышленными выбросами, которые могут образовывать состав экологического преступления:

– загрязнение вредными веществами, превышающими предельно допустимые концентрации (ПДК) (промышленные предприятия обязаны соблюдать установленные нормативы выбросов. Превышение ПДК вредных веществ (например, диоксида серы, оксидов азота, формальдегида, фенола, тяжелых металлов) в атмосферном воздухе, зафиксированное в результате проведенных замеров, является основанием для привлечения к ответственности);

– загрязнение, повлекшее причинение вреда здоровью человека (это может быть как кратковременное ухудшение самочувствия (например, головная боль, тошнота, затруднение дыхания), так и хронические заболевания (например, респираторные заболевания, онкологические заболевания, патологии развития).

Для установления уголовной ответственности важно доказать причинно-следственную связь между загрязнением и вредом здоровью);

– загрязнение, причинившее существенный вред окружающей среде. Существенный вред окружающей среде может выражаться в:

1) уничтожении или значительном повреждении растительного и животного мира;

2) загрязнении водных объектов;

3) деградации почв;

4) нарушении естественных процессов в экосистемах;

5) уничтожении или значительном повреждении особо охраняемых природных территорий.

– загрязнение, создавшее угрозу причинения существенного вреда (в некоторых случаях, даже при отсутствии фактически наступившего существенного вреда, уголовная ответственность может наступить, если доказано, что действия (бездействие) виновного создали реальную и неотвратимую угрозу для здоровья людей или окружающей среды) [3].

Статья 251 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) «Загрязнение атмосферы» устанавливает уголовную ответственность за противоправные действия, нарушающие установленные правила охраны атмосферного воздуха. Для полного понимания уголовно-правовой природы данного преступления необходимо рассмотреть его с точки зрения объективных и субъективных признаков, а также квалифицирующих обстоятельств.

Объектом преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, выступают общественные отношения в сфере охраны атмосферного воздуха от загрязнения. Это комплекс нормативных актов, регулирующих порядок эксплуатации промышленных и иных объектов, правила выброса загрязняющих веществ, а также права и обязанности граждан и юридических лиц по обеспечению чистоты атмосферы.

Предметом преступления является атмосферный воздух, который рассматривается как компонент природной среды. Непосредственным объектом выступает установленный порядок эксплуатации предприятий, учреждений и организаций независимо от форм собственности, а также граждан, деятельность которых связана с выбросом вредных веществ в атмосферу, и как следствие – качество атмосферного воздуха [10].

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 251 УК РФ, заключается в нарушении правил эксплуатации предприятий, сооружений или иных объектов, непосредственно связанных с производством, использованием, транспортировкой, хранением или утилизацией вредных веществ, повлекшем за собой загрязнение атмосферы [7].

Причинно-следственная связь (в составе преступления, предусмотренного статьей 251 Уголовного кодекса РФ, причинно-следственная связь является обязательным и критически важным условием для признания деяния оконченным преступлением (в случаях, когда вменяются квалифицированные части, предусматривающие тяжкие последствия)).

Поскольку ст. 251 УК РФ является материальным составом (за исключением, возможно, случаев, когда под «загрязнением» понимается сам факт превышения ПДВ, но в контексте вреда здоровью или крупного ущерба это всегда материальный состав), необходимо доказать наличие неразрывной цепи событий.

Субъективная сторона преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, характеризуется наличием вины. В ч. 1 ст. 251 УК РФ состав преступления является материальным, то есть для привлечения к ответственности необходимо наличие последствий в виде загрязнения атмосферы, и виновное лицо может нести ответственность как по неосторожности (легкомыслие или небрежность), так и по умыслу (если лицо осознавало, что нарушает правила, и желало этого, или сознательно допускало возможность загрязнения).

Однако в большинстве случаев загрязнение атмосферы происходит по неосторожности. Лицо, ответственное за эксплуатацию объекта, не предвидит возможность загрязнения атмосферы, хотя должно и могло это сделать (небрежность), либо предполагает возможность загрязнения, но легкомысленно рассчитывает на его предотвращение (легкомыслие) [4].

В частях 2 и 3 ст. 251 УК РФ, где речь идет о причинении вреда здоровью, массовом заболевании или смерти, форма вины – неосторожность.

Субъектом преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, является физическое вменяемое лицо, достигшее 16-летнего возраста, которое является:

– специальным субъектом (лица, на которых возложена ответственность за соблюдение правил эксплуатации соответствующих объектов (руководители предприятий, начальники цехов, инженеры, ответственные за экологическую

безопасность, водители транспортных средств, если загрязнение вызвано их действиями));

– общим субъектом (любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, которое своим действием или бездействием нарушило правила эксплуатации, повлекшее загрязнение атмосферы (например, если загрязнение вызвано неумелым обращением с опасными веществами)).

В Челябинской области, являющейся одним из ключевых промышленных регионов России, проблема загрязнения атмосферы приобретает особую остроту. На территории области действуют крупные металлургические, машиностроительные и химические предприятия (ЧМК, ММК, «Карабашмедь», цинковый завод, ТЭЦ 2), ежегодно выбрасывающие сотни тысяч тонн загрязняющих веществ.

Судебная практика по ст. 251 УК РФ в регионе охватывает следующие основные категории дел:

– нарушение правил выброса загрязняющих веществ в атмосферу (ч. 1 ст. 251 УК РФ);

– деяния, повлёкшие по неосторожности причинение вреда здоровью человека (ч. 2 ст. 251 УК РФ);

– преступления, приведшие к смерти человека по неосторожности (ч. 3 ст. 251 УК РФ).

Анализ судебных решений выявляет ряд устойчивых сложностей при установлении причинно-следственной связи:

– многофакторность загрязнения (в промышленных агломерациях (Челябинск, Магнитогорск, Карабаш) одновременно действуют десятки источников выбросов. Изолировать вклад конкретного предприятия в общее загрязнение затруднительно);

– временной лаг между выбросом и последствиями (патологические изменения в организме человека или экосистеме могут проявиться спустя месяцы или годы, что осложняет прямую привязку к конкретному эпизоду нарушения);

– недостаточность инструментальных данных (отсутствие непрерывных измерений качества воздуха в зоне влияния предприятия либо несоблюдение методик отбора проб ведёт к пробелам в доказательной базе);

– сокрытие информации со стороны предприятий (непредоставление данных о режимах работы оборудования, объёмах выбросов, авариях препятствует реконструкции событий);

– сложность эколого-гигиенической экспертизы (установление прямой связи между концентрацией конкретного вещества и заболеванием требует комплексных исследований с учётом кумулятивного эффекта и синергии загрязнителей);

– пробелы в мониторинге фонового загрязнения (отсутствие долгосрочных данных об естественном уровне загрязнённости атмосферы затрудняет оценку дополнительного вклада промышленного источника) [5].

Примерами можно выделить следующие дела:

– в делах о превышении ПДК сероводорода на ЧМК суды сталкивались с противоречиями в заключениях экспертов о том, мог ли конкретный технологический сбой привести к зафиксированным показателям загрязнения;

– по фактам заболеваний органов дыхания у жителей Карабаша доказывание причинно-следственной связи с выбросами «Карабашмеди» требовало многолетних медицинских наблюдений и статистического анализа заболеваемости.

За последние 5 лет в Челябинской области, которая по праву считается одним из ключевых промышленных центров Российской Федерации, было возбуждено около 30 уголовных дел по статье 251 Уголовного кодекса РФ («Загрязнение атмосферы»). Эта цифра отражает общую картину правоприменительной практики в сфере охраны атмосферного воздуха и демонстрирует, что вопросы экологической безопасности в регионе находятся под пристальным вниманием правоохранительных органов и надзорных ведомств.

Важно отметить, что данное количество дел не распределялось равномерно по годам. В отдельные периоды наблюдался заметный рост числа возбуждённых уголовных производств, что зачастую было связано с рядом объективных факторов:

– резонансными случаями массовых жалоб населения на ухудшение качества воздуха;

– крупными экологическими инцидентами, получившими широкий общественный резонанс;

– усилением контрольно-надзорной деятельности со стороны Росприроднадзора и Роспотребнадзора;

– проведением комплексных экологических проверок на крупнейших промышленных предприятиях региона;

– активизацией гражданского общества и ростом экологической грамотности населения, что приводило к более активному обращению граждан в правоохранительные органы.

Из общего числа возбуждённых дел лишь 40 % дошли до обвинительного приговора. Это означает, что примерно в 12 случаях из 30 суд признал вину фигурантов и назначил соответствующие меры наказания в рамках действующего законодательства.

Анализ правоприменительной практики по ст. 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы» показывает, что главная проблема привлечения к ответственности – сложность доказывания причинно-следственной связи между выбросами предприятия и наступившими последствиями. Это обусловлено несколькими факторами. Во-первых, многофакторностью загрязнения: в одном регионе действуют десятки источников выбросов, а перенос веществ ветром и синергия токсикантов (усиление токсичности при совместном действии) затрудняют выявление конкретного виновника. Например, в Челябинске регулярно фиксируют превышение ПДК по диоксиду серы, но установить, какое предприятие стало причиной конкретного эпизода, без специального моделирования невозможно. Во-вторых, вредное воздействие часто проявляется с задержкой: хронические заболевания развиваются годами, а кумулятивный эффект (накопление токсинов в организме) размывает связь между выбросом и ущербом. В-третьих, система мониторинга несовершенна: замеры проводятся редко, на многих предприятиях нет автоматических систем контроля, а ошибки отбора проб или недолгий срок хранения данных осложняют сбор доказательств. В-четвёртых, предприятия нередко скрывают информацию: фальсифицируют журналы учёта, уничтожают документацию или временно снижают выбросы при проверках. Из-за этого уголовные дела часто не возбуждаются, нарушения квалифицируются как административные (например, по ст. 8.21 КоАП РФ), а пострадавшие не получают компенсаций. Решить проблему помогут расширение сети автоматических постов мониторинга, онлайн-передача данных от предприятий, усиление ответственности за сокрытие информации и финансирование независимых экспертиз.

При рассмотрении уголовных дел о загрязнении атмосферы суды сталкиваются с неоднозначностью толкования ряда ключевых понятий, таких как «существенный вред», «угроза причинения вреда», «причинно-следственная связь». Отсутствие единой практики приводит к тому, что аналогичные по фактическим обстоятельствам дела могут получать разную правовую оценку в разных регионах. Для обеспечения единообразия судебной практики и правильного применения норм уголовного закона судам необходимо руководствоваться разъяснениями высшей судебной инстанции [9].

Проблемы доказывания причинно-следственной связи по делам о загрязнении атмосферы (ст. 251 УК РФ) обусловлены многофакторностью выбросов, временным лагом между нарушением и вредом, дефицитом объективных данных мониторинга, а также сокрытием информации предприятиями.

Ключевым правовым решением выступает преобразование состава преступления по ч. 1 ст. 251 УК РФ из материального в формальный. Текущая редакция нормы требует доказывания факта загрязнения и причинно-следственной связи с наступившими последствиями, что на практике крайне затруднительно. Переход к составу опасности позволит привлекать к ответственности на стадии создания реальной угрозы загрязнения или причинения вреда здоровью, не дожидаясь наступления тяжких последствий.

Предлагается новая редакция ч. 1 ст. 251 УК РФ:

«Нарушение правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ или эксплуатации объектов, если эти деяния привели к загрязнению воздуха, превышающие предельно допустимой концентрации в 2 и более раза, а равно наличия в выбросах веществ I–II класса опасности в концентрациях выше 1 предельно допустимой концентрации, – наказывается штрафом в размере до 80 000 рублей или в размере заработной платы или иного дохода осуждённого за период до шести месяцев, либо лишением права занимать определённые должности или заниматься определённой деятельностью на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до одного года».

Для единообразного применения новой нормы необходимо внести изменения в действующее законодательство методическими критериями оценки угрозы. К

этим изменениям относятся: критерии признания деяния, создающим угрозу загрязнения атмосферы:

– превышение предельно допустимых концентраций (ПДК) загрязняющих веществ в зоне влияния объекта в 2 и более раза;

– наличие в выбросах веществ I–II класса опасности (канцерогены, мутагены, тяжёлые металлы) в концентрациях выше 1 ПДК;

– расположение источника выбросов в радиусе 5 км от жилых зон, объектов социальной инфраструктуры или особо охраняемых природных территорий.

Таким образом, комплексный подход, сочетающий изменение конструкции состава преступления, внедрение технических средств контроля, совершенствование методик оценки угрозы и усиление процессуального механизма сбора доказательств, создаст надёжную систему профилактики и пресечения загрязнения атмосферы промышленными выбросами.

Выводы

Проведённое исследование уголовно-правовой характеристики загрязнения атмосферы промышленными выбросами на примере Челябинской области позволяет сделать вывод о многогранности и высокой социальной значимости рассматриваемой проблемы. В ходе работы был осуществлён комплексный анализ правовых норм, судебной практики и криминогенной обстановки, что дало возможность сформировать целостное представление о механизмах совершения экологических преступлений в сфере атмосферного загрязнения и путях их предупреждения.

Теоретико-правовой анализ статьи 251 УК РФ показал, что состав преступления характеризуется сочетанием формальных и материальных элементов, включающих как сам факт выброса загрязняющих веществ, так и наступление последствий в виде вреда здоровью человека или окружающей среде. При этом ключевой сложностью при квалификации выступает установление причинно-следственной связи между действиями конкретного субъекта и наступившими негативными последствиями. Существующие нормативные положения требуют уточнения, особенно в части критериев причинения вреда здоровью, с учётом кумулятивного и отдалённого воздействия загрязняющих веществ на организм человека.

Список используемых источников

1. Буглаева Е.А. К вопросу о расследовании загрязнения атмосферы // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2020. № 1. С. 7–12.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года // Официальный Интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения 16.11.2025).

3. Ларионов Н.М. Промышленная экология: учебник и практикум для вузов / Н.М. Ларионов, А.С. Рябышенков. М: Издательство «Юрайт», 2026. 472 с.

4. Лопашенко Н.А. уголовная и административная ответственность за загрязнение атмосферы: смешение до уровня тождества (размышления о качестве законов в России) // Правовое государство: теория и практика. 2024. № 1. С. 77–87.

5. Махляйд А.А., Чекмезова Е.И. особенности установления и реализации уголовной ответственности за загрязнение атмосферного воздуха // Вестник ЮГУ. 2022. № 3. С. 18–28.

6. Об охране окружающей среды: федер. закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ: ред. от 28.12.2025: принят Гос. Думой 20 декабря 2001 года // Официальный Интернет-портал правовой информации: сайт. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения 14.12.2025).

7. Попов И.В. Проблемы установления признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного статьей 251 УК РФ «Загрязнение атмосферы», обусловленные бланкетностью уголовно-правовой нормы // Сибирское юридическое обозрение. 2020. №2. С. 195–209.

8. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для вузов. М: Издательство «Юрайт», 2025. 741 с.

9. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 29.12.2025: принят Гос. Думой 24 мая 1996 года) // Официальный Интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://pravo.gov.ru (дата обращения: 28.09.2025).

10. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / Отв. ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. М.: Издательство «Юрайт», 2026. 564 с.

11. Ученый: Челябинск поставил трехлетний антирекорд по загрязнению воздуха / Eanews.ru. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3TC5ZC (дата обращения: 28.09.2025).

УНИФИКАЦИЯ ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: НОРМАТИВНОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ

Кузнецова А.А. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Ефименко Е.Н. – к.ю.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматривается проблема унификации понятийного аппарата в сфере противодействия коррупции с акцентом на нормативное определение понятия «коррупционный риск». Проводится комплексный анализ его трактовок в нормативно-правовых актах, методических документах и научных исследованиях. Систематизируются ключевые элементы для формирования чёткого определения: субъектный состав, условия возникновения, цель противоправных действий и последствия. На этой основе предлагается конкретная формулировка понятия «коррупционный риск», способствующая единообразию правоприменительной практики.

Актуальность

В современном мире противодействие коррупции остаётся одной из наиболее значимых задач, стоящих перед государствами и обществом. Это явление затрагивает различные сферы жизни, подрывает доверие к институтам власти, тормозит экономическое развитие и угрожает социальной стабильности. В связи с этим особую значимость приобретает совершенствование антикоррупционной политики и укрепление правовых основ её реализации, включая преодоление правовой неопределённости, вызванной отсутствием единого нормативного определения понятия «коррупционный риск». Разночтения в научной и нормативно-правовой практике снижают эффективность антикоррупционных механизмов, затрудняют оценку угроз и разработку мер их минимизации, а унификация данного термина в законодательстве поможет систематизировать подходы к противодействию коррупции и повысить результативность соответствующих мер на всех уровнях государственного управления.

Цель работы: анализ трактовок понятия «коррупционный риск» в нормативно-правовых актах, методических документах и научных исследованиях и разработка унифицированного нормативного определения понятия «коррупционный риск», учитывающего все существенные характеристики явления.

Методы исследования: анализ нормативно-правовых актов и научной литературы; сравнение; аналогия; моделирование; прогнозирование.

Результаты исследования

Эффективность антикоррупционной политики во многом зависит от чёткости и единообразия понятийного аппарата, однако на пути его унификации возникает ряд существенных препятствий, затрудняющих формирование единого концептуального подхода и единообразное применение терминов на практике. Прежде всего наблюдаются значительные различия в подходах к определению базовых понятий между нормативными актами различного уровня, методическими документами и научной литературой. В результате одни и те же термины получают разную трактовку в зависимости от контекста и типа документа, что создаёт правовую неопределённость и существенно осложняет правоприменительную практику.

Серьёзной проблемой выступает также отсутствие чёткого разграничения между понятиями «коррупционный риск» и «коррупциогенный фактор», которые зачастую используются как полные синонимы, несмотря на принципиальные различия в их содержании. Коррупционный риск подразумевает вероятность совершения коррупционного правонарушения при определённых условиях, тогда как коррупциогенный фактор представляет собой условие или обстоятельство, создающее предпосылки для коррупции. Смешение этих понятий ведёт к размытости критериев оценки коррупционных угроз и в конечном счёте снижает эффективность антикоррупционных мер, поскольку затрудняет точную диагностику проблемных зон и выбор адекватных превентивных инструментов.

Кроме того, многие существующие определения коррупционных рисков страдают существенной неполнотой. В частности, формулировки, закреплённые в различных актах, зачастую не учитывают такие ключевые элементы, как вероятность реализации риска или возможные последствия его реализации. Из-за этого затруднена адекватная оценка масштаба угрозы и разработка действенных превентивных мер, поскольку без понимания вероятности наступления негативных событий и их потенциального ущерба невозможно выстроить эффективную систему управления рисками.

Осложняют ситуацию и разночтения в терминологии национального и международного законодательства. Различия в понятийном аппарате на международном и национальном уровнях затрудняют интеграцию российских

антикоррупционных стандартов в глобальную систему противодействия коррупции, осложняют обмен опытом с зарубежными партнёрами и выполнение международных обязательств Российской Федерации. Несогласованность терминологии препятствует эффективной имплементации международных антикоррупционных норм в российское законодательство и снижает потенциал международного сотрудничества в этой сфере.

Наконец, существенную проблему представляет динамичность коррупционных схем и методов их реализации. Появление новых форм коррупционных проявлений, в том числе с использованием цифровых технологий и сложных финансовых инструментов, требует постоянного обновления понятийного аппарата. Статичные и негибкие определения быстро устаревают, перестают отражать реальную картину коррупционных угроз и тем самым снижают эффективность всей системы противодействия коррупции, поскольку базируются на устаревших представлениях о механизмах коррупционных правонарушений [3].

В российской правовой системе и научной литературе до настоящего времени не сформировано унифицированное определение термина «коррупционные риски», что усугубляет обозначенные проблемы. Анализ имеющихся источников позволяет выделить два основных подхода к трактовке данного понятия – нормативно-правовой и научно-теоретический. Нормативно-правовой подход развивается преимущественно на уровне субъектов Российской Федерации и ведомственных актов, поскольку федеральное законодательство, включая Федеральный закон от 25. 12. 2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [2], не даёт чёткого определения этого понятия. Пробел пытается восполнить законодательство субъектов РФ: в некоторых регионах приняты Методические рекомендации по оценке коррупционных рисков в органах исполнительной власти [1], где под коррупционными рисками понимаются обстоятельства, провоцирующие государственного служащего на использование служебного положения в личных, а не публичных целях.

Научно-теоретический подход представлен в исследованиях различных авторов. Так, В.В. Астанин определяет коррупционные риски как потенциальную возможность возникновения коррупционного поведения из-за неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей государственными и муниципальными служащими, а также нарушения установленных запретов, за которые предусмотрены меры уголовной, административной, дисциплинарной и

гражданско-правовой ответственности. О.В. Казаченкова трактует коррупционные риски шире – как комплекс условий (обстоятельств, факторов, явлений), формирующихся в ходе работы органов государственной власти и исполнения служебных обязанностей госслужащими, которые могут провоцировать совершение коррупционных правонарушений или способствовать их распространению, при этом основной фокус автор направляет на служащих государственного и муниципального управления [4]. Известный исследователь коррупции Г. Сатаров характеризует риск коррупции как шанс оказаться в коррупционной ситуации при контакте с должностными лицами, представляющими государство [5]. Сравнительный анализ этих подходов показывает, что каждый из них отражает отдельные аспекты феномена, но не даёт его целостной характеристики.

На основе проведённого анализа можно выделить ряд обязательных элементов, которые должны быть отражены в нормативном определении понятия «коррупционный риск». Во-первых, субъект риска – это должностное лицо, работник организации или иное лицо, обладающее полномочиями, которые могут быть использованы в коррупционных целях. Именно действия (или бездействие) таких субъектов формируют основу потенциальной коррупционной угрозы.

Во-вторых, объект риска составляют общественные отношения, регулируемые антикоррупционным законодательством. К ним относятся отношения в сфере государственного и муниципального управления, предоставления публичных услуг, распределения бюджетных средств и иных ресурсов, а также иные сферы, где возможно возникновение коррупционных проявлений.

В-третьих, необходимо учитывать условия возникновения риска, то есть наличие возможностей для злоупотребления полномочиями. К таким условиям относятся: отсутствие должного контроля за действиями должностных лиц, избыточность дискреционных полномочий, пробелы и коллизии в нормативно-правовом регулировании, недостаточная прозрачность процедур принятия решений и т.п.

В-четвёртых, принципиально важен целевой компонент противоправных действий, который заключается в незаконном извлечении выгоды, причём как материальной (денежные средства, имущество, имущественные права), так и

нематериальной (карьерное продвижение, покровительство, репутационные преимущества).

В-пятых, следует фиксировать последствия реализации риска, то есть нанесение ущерба интересам общества, государства или конкретной организации. Такой ущерб может проявляться в различных формах: финансовых потерях, снижении эффективности государственного управления, подрыве доверия к институтам власти, нарушении принципов справедливости и равенства.

Наконец, шестым ключевым элементом выступает вероятность реализации риска – оценка возможности совершения коррупционного правонарушения с учётом конкретных обстоятельств: специфики сферы деятельности, уровня контроля, действующих антикоррупционных механизмов, поведенческих паттернов субъектов и иных факторов. Этот элемент подчёркивает вероятностный характер риска: он не означает неизбежность правонарушения, а лишь фиксирует наличие условий и предпосылок для его совершения.

Исходя из выделенных ключевых элементов, можно сформулировать целостное нормативное определение понятия «коррупционный риск», которое будет учитывать все существенные характеристики данного явления и способствовать единообразию правоприменительной практики. Коррупционный риск – это вероятность возникновения условий, при которых должностное лицо или иной субъект, обладающий полномочиями, может использовать своё положение в целях незаконного извлечения выгоды (материальной или нематериальной), что приводит к нанесению ущерба интересам общества, государства или организации. Данное определение учитывает субъектный состав (должностные лица и иные субъекты с соответствующими полномочиями), условия возникновения риска (наличие полномочий, которые могут быть использованы неправомерно), цель противоправных действий (незаконное извлечение выгоды), последствия реализации риска (ущерб интересам общества, государства или организации), а также его вероятностный характер (риск отражает возможность совершения правонарушения, а не его фактическое совершение).

Вывод

Перспективы развития нормативной базы должны быть целенаправленно ориентированы на закрепление унифицированных терминов в антикоррупционном законодательстве и их последовательное применение во всех соответствующих документах – от федеральных законов до ведомственных актов и методических

рекомендаций. Это позволит сформировать целостную и непротиворечивую систему понятий, способствующую более результативному противодействию коррупции на всех уровнях, обеспечить согласованность антикоррупционных мероприятий и повысить доверие общества к институтам власти за счёт прозрачности и предсказуемости антикоррупционной политики. Систематическое обновление понятийного аппарата с учётом новых коррупционных вызовов станет залогом долгосрочной эффективности всей системы противодействия коррупции в Российской Федерации. Унификация понятийного аппарата в сфере противодействия коррупции – необходимое условие для повышения эффективности антикоррупционной политики, обеспечения единообразия правоприменительной практики, упрощения идентификации и оценки коррупционных рисков в различных сферах государственного и общественного управления, создания прочной основы для разработки более точных и действенных антикоррупционных мер, а также укрепления международного сотрудничества в данной области. Предложенное определение понятия «коррупционный риск» позволяет устранить существующие пробелы и противоречия в правовом регулировании, обеспечить чёткость терминологии и снизить вероятность разночтений на практике.

Список используемых источников

1. Методические рекомендации по проведению оценки коррупционных рисков в федеральных органах исполнительной власти: утверждены Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации. Москва, 2014. С. 1–11.

2. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 года №273-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. №52 (ч. 1). Ст. 6228.

3. Прозументов Л.М., Добрусина М.Е., Набеева Н.Г. Коррупционные риски: классификация, оценка и меры, направленные на их предотвращение // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 445. С. 210–216.

4. Противодействие коррупции: учебник и практикум для вузов / И.В. Левакин, Е.В. Охотский, И.Е. Охотский, М.В. Шедий; под общей редакцией Е.В. Охотского. М: Издательство «Юрайт», 2026. 398 с.

5. Ташина К.М., Пустовалова И.Н. К вопросу о понятии коррупционных рисков // Успехи современного естествознания. 2015. № 4. С. 212–218.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И РАЗГРАНИЧЕНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Куницына Е.Д. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Бабаян Л.К. – к.э.н., старший преподаватель, ФГОБУ ВО «Финансовый Университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

В статье исследуются особенности правового регулирования искусственного интеллекта в Российской Федерации, анализируется действующая нормативная база, рассматриваются сложности установления причинно-следственной связи, доказательственной базы и квалификации вреда, причинённого с использованием ИИ. Дополнительно анализируются социально-психологические и инфраструктурные факторы, влияющие на темпы внедрения технологий. По результатам исследования формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования.

В настоящее время система правового регулирования искусственного интеллекта (далее – ИИ) в Российской Федерации формируется преимущественно за счёт стратегических документов и отдельных отраслевых нормативных правовых актов, что придаёт ей фрагментарный и несистемный характер. Так, Указом Президента РФ от 10 октября 2019 года №490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [6] определены ключевые цели, задачи и принципы государственной политики в данной сфере, ориентированные на стимулирование внедрения технологий ИИ в социально-экономические процессы, а также на поддержку отечественных разработчиков.

Существенное значение в контексте регулирования искусственного интеллекта является Федеральный закон от 27 июля 2006 года №152-ФЗ «О персональных данных», который строго ограничивает применение автоматизированных решений без согласия субъекта данных, исключает возможность принятия юридических решений, основанных только на автоматизированной обработке и гарантирует право обжаловать такие решения,

тем самым формируется базовый механизм защиты прав и законных интересов граждан от потенциальных рисков, связанных с использованием технологий искусственного интеллекта. Значимым этапом развития правового регулирования стало внесение в 2024 году изменений в указанный закон, в частности введение статьи 13.1, допускающей обработку обезличенных персональных данных без согласия субъекта при условии невозможности его последующей идентификации. Такое нововведение увеличивает возможность использования данных с целью проведения научных исследований, разработки и обучения искусственного интеллекта, вместе с тем стоит отметить, что в настоящее время законодательством не предусмотрены отдельные нормы, регулирующие применение ИИ.

Не менее важное место в нормативной-правовой системе регулирования ИИ занимают акты рекомендательного и стандартизирующего характера, направленные на выработку единых подходов к безопасному и ответственному использованию соответствующих технологий. Так, ГОСТ Р 70949–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании» [1] представляет собой национальный стандарт, закрепляющий методические и организационные рекомендации по внедрению ИИ в образовательный процесс. В частности, ГОСТ устанавливает требования к качеству и достоверности образовательного контента, формируемого с использованием ИИ, а также акцентирует внимание на необходимости соблюдения принципов прозрачности алгоритмов и объяснимости принимаемых решений. Существенное значение придаётся вопросам защиты персональных данных обучающихся, недопущения дискриминации и обеспечения равного доступа к образовательным технологиям. Кроме того, стандарт предусматривает необходимость сохранения ведущей роли преподавателя в образовательном процессе, рассматривая искусственный интеллект исключительно как вспомогательный инструмент, а не как замену субъекту педагогической деятельности.

Другим значимым элементом «мягкого права» в рассматриваемой сфере выступают рекомендации Банка России [3], в информационном письме которого от 9 июля 2025 года № IN-016-13/91 было предложено участникам финансового рынка ориентироваться на положения этического кодекса использования искусственного интеллекта. Указанный документ направлен на формирование единых стандартов добросовестного поведения при внедрении ИИ в банковскую и финансовую деятельность. Ключевыми принципами данного кодекса являются прежде всего

приоритет прав и законных интересов человека, что предполагает недопустимость принятия решений, способных оказать существенное влияние на клиента, без возможности их проверки и оспаривания. Существенное внимание уделяется принципу прозрачности, который выражает необходимость информирования субъекта данных о факте использования технологий ИИ. Закрепляется принцип управляемости и контроля, предполагающий сохранение за человеком возможности вмешательства в работу автоматизированных систем и корректировки их функционирования. Принцип недискриминации сосредоточен на исключении предубеждений, ущемляющих права отдельных лиц. Следует отметить, что рекомендации Банка России не обладают обязательной юридической силой, однако фактически формируют стандарты надлежащей практики для участников финансового рынка. Их значение обусловлено тем, что в условиях отсутствия детализированного законодательного регулирования именно такие акты способствуют формированию единообразного и ответственного подхода к использованию технологий искусственного интеллекта, снижая правовые и репутационные риски.

Фрагментарный характер действующей нормативной базы в сфере регулирования искусственного интеллекта обусловливает возникновение существенных правоприменительных проблем, а также неоднозначность в интерпретации пределов и условий использования соответствующих технологий. В современной российской правовой системе искусственный интеллект не наделён правосубъектностью, в связи с чем не может выступать самостоятельным субъектом гражданских прав и обязанностей, а также не подлежит привлечению к юридической ответственности. Любые действия либо бездействие, осуществляемые с использованием систем искусственного интеллекта, подлежат оценке через призму поведения лиц, обеспечивающих их создание, внедрение и эксплуатацию. В условиях отсутствия специального нормативного акта, комплексно регулирующего вопросы ответственности в данной сфере, в правоприменительной практике сформировался подход, предусматривающий разграничение ответственности между тремя основными категориями субъектов.

Прежде всего речь идёт о разработчике, под которым понимается физическое или юридическое лицо, осуществившее создание алгоритмов и моделей. На него возлагается ответственность за наличие дефектов программного обеспечения, а также за корректность заложенных алгоритмических решений. По аналогии с

нормами о качестве продукции и программных средств, разработчик может нести гражданско-правовую ответственность за создание небезопасной либо ненадлежащим образом функционирующей системы. В отдельных случаях его деятельность может квалифицироваться как связанная с повышенной опасностью для окружающих, что влечёт применение положений, в частности статьи 1079, Гражданского кодекса Российской Федерации.

Вторую группу составляет оператор, владелец или внедряющая сторона, осуществляющий управление системой искусственного интеллекта и её интеграцию в конкретные процессы. Его ответственность наступает при некорректном внедрении технологии либо её использовании за пределами установленных целей. Например, при применении алгоритмов без надлежащей проверки и валидации результатов именно оператор несёт риск причинения убытков третьим лицам. На него возлагается обязанность по обеспечению контроля за функционированием системы, включая проверку результатов её работы и соблюдение прав и законных интересов третьих лиц. Соответствующие положения могут быть соотнесены с нормами Гражданского кодекса Российской Федерации – статьи 1095.

Третью группу субъектов образует пользователь – физическое либо юридическое лицо, которое непосредственно взаимодействует с системой искусственного интеллекта. В большинстве случаев он, обладая радом правовых гарантий – обжалование автоматизированных решений и получение разъяснений относительно их содержания, рассматривается как потенциально пострадавшая сторона и не несёт ответственности за причинённый вред. Вместе с тем, если вред причинён в результате действий самого пользователя в процессе эксплуатации системы, например, при управлении техническим устройством, ответственность наступает на общих основаниях, предусмотренных статьей 1064 и 15 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Несмотря на сформировавшееся разграничение ответственности, специфика технологий искусственного интеллекта порождает ряд сложных и дискуссионных правовых ситуаций, одной из которых является проблема каузальности, характерная для самообучающихся и автономных систем. В случаях, если алгоритм после внедрения начинает принимать решения, выходящие за рамки исходно заложенных разработчиком или оператором сценариев, существенно затрудняется установление причинно-следственной связи между действиями конкретного

субъекта, взаимодействующего с ИИ, и наступившими последствиями. Дополнительные сложности связаны с выявлением и квалификацией ошибок и сбоев в работе систем искусственного интеллекта, поскольку причины подобных сбоев могут носить многоуровневый характер, начиная от некорректности исходных данных, ошибок в процессе обучения модели или внешних рисков и заканчивая нарушениями условий эксплуатации. Особую категорию неоднозначных правовых ситуаций составляют этические дилеммы, возникающие при функционировании автономных систем, способных принимать решения на основе заранее заданных ценностных и поведенческих установок. Классическим примером таких систем являются ситуации выбора наименьшего вреда в алгоритмах управления беспилотным транспортом. Поскольку действующее законодательство не содержит чёткого ответа на вопрос о распределении юридической ответственности за подобные решения, данный аспект требует дальнейшего нормативного осмысления и закрепления на законодательном уровне с учётом баланса между технологическим развитием и защитой прав человека.

Для минимизации рисков, связанных с разграничением ответственности за результаты деятельности ИИ, представляется целесообразным формирование комплекса правовых механизмов, направленных на устранение существующих пробелов. В частности, возможно введение презумпции ответственности оператора системы искусственного интеллекта как лица, непосредственно обеспечивающего её функционирование, что означает привлечение разработчика к ответственности только в случае доказанности наличия существенного дефекта алгоритма или модели, что, в свою очередь, коррелирует с действующими подходами к ответственности производителей программного обеспечения и иных технически сложных продуктов. Не менее значимым является закрепление обязательных процедур технической экспертизы и аудита систем искусственного интеллекта, а именно, необходимости предварительной оценки безопасности и надёжности ИИ-решений. Такой подход особенно важен в социально значимых сферах, таких как здравоохранение, транспорт и государственное управление, в данном случае результаты экспертиз могут приобретать статус доказательства при рассмотрении споров, способствуя повышению объективности правоприменения. Отдельного внимания требует вопрос установления причинно-следственной связи между функционированием системы искусственного интеллекта и наступившими неблагоприятными последствиями. Целесообразно нормативное закрепление

доказательных требований с использованием технических заключений в целях повышения эффективности расследования подобного рода инцидентов. Дополнительно возможно создание института аккредитованных экспертов или реестра специалистов в области анализа ИИ-систем.

В целях перераспределения и минимизации рисков также обоснованным представляется внедрение механизмов обязательного страхования ответственности разработчиков и операторов систем искусственного интеллекта по аналогии с институтами страхования в сфере повышенной опасности. Дополнительным инструментом может выступать формирование компенсационных фондов, предназначенных для оперативного возмещения вреда пострадавшим лицам независимо от длительности установления виновной стороны.

Следует отметить, что развитие нормативной базы в сфере искусственного интеллекта продолжается. Так, 18 марта 2026 года Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации представило проект федерального закона, направленного на регулирование технологий искусственного интеллекта. Указанный законопроект предусматривает формирование базовых правовых понятий, установление общих принципов разработки и применения ИИ, а также попытку систематизации требований к участникам соответствующих правоотношений. Вместе с тем на текущем этапе данный документ носит рамочный характер и не устраняет в полной мере существующие пробелы, в частности в части распределения юридической ответственности и процедур правоприменения.

К числу факторов, сдерживающих темпы внедрения технологий искусственного интеллекта, наряду с правовыми ограничениями, относятся социально-психологические и инфраструктурные барьеры, оказывающие существенное влияние на восприятие и практическое использование ИИ в российском обществе.

Одним из ключевых факторов выступает недостаточный уровень общественного доверия к технологиям искусственного интеллекта. Согласно исследованиям ВЦИОМ [2], в декабре 2024 года уровень доверия к ИИ составлял около 52 %, тогда как уже в ноябре 2025 года, по результатам совместного исследования с организацией «Национальные приоритеты», данный показатель снизился до 45 %, при этом доля недоверяющих достигла 43 %. Примечательно, что при относительно низком уровне доверия почти половина респондентов (около

48 %) уже использует технологии искусственного интеллекта в повседневной жизни, включая профессиональную и образовательную деятельность. Основными причинами недоверия являются опасения, связанные с возможными сбоями и ошибками алгоритмов, а также риски нарушения конфиденциальности и утечки персональных данных.

Не менее значимым ограничением выступает уровень цифровой грамотности населения. По данным многопрофильного аналитического центра «НАФИ», в 2025 году индекс цифровой грамотности в Российской Федерации снизился на 3 процентных пункта по отношению к 2024 году и составил 68 % [5]. Несмотря на то, что базовыми цифровыми навыками обладают около 75 % граждан, доля пользователей с продвинутым уровнем компетенций составляет лишь 21 %, для 54 % наибольшие затруднения вызывают задачи, связанные с созданием цифрового контента и настройкой программного обеспечения.

Существенным фактором, препятствующим масштабному внедрению искусственного интеллекта, является кадровый дефицит в высокотехнологичных секторах, известно, что разработка и эксплуатация ИИ-систем требуют привлечения новых специалистов. Согласно результатам отраслевых исследований 2025 года, для большинства российских компаний кадровый дефицит является основным барьером на пути внедрения ИИ-технологий, что в свою очередь значительно превышает проблему финансового ограничения. Однако благодаря действующей Национальной стратегии развития ИИ на период до 2030 года и поручению Президента России о продлении федерального проекта «Искусственный интеллект» ожидается прирост высококвалифицированных кадров, а именно к 2030 году планируется выпустить более 15 тысяч универсальных специалистов, способных разрабатывать и выпускать на рынок продукты ИИ.

Проведенный анализ показал, что в настоящее время правовое регулирование применения искусственного интеллекта в Российской Федерации находится на стадии становления, существующая нормативная база не в полной мере учитывает специфику технологий и основывается на общеприменительных нормах. Одной из ключевых проблем на сегодняшний момент остаётся неопределённость в распределении юридической ответственности между участниками отношений, связанных с разработкой и использованием искусственного интеллекта. Дополнительными барьерами на пути внедрения искусственного интеллекта

выступают социально-экономические факторы, которые в совокупности ограничивают скорость интеграции технологий. Для обеспечения устойчивого и безопасного внедрения ИИ требуется формирование системной модели регулирования, предполагающей принятие специализированного тематического законодательства, разработку единых стандартов и создания эффективных механизмов контроля и надзора. Таким образом, дальнейшее развитие ИИ технологий должно быть направлено на формирование баланса между стимулированием развития инноваций и защитой прав граждан.

Список используемых источников

1. ГОСТ Р 70949–2023. Технологии искусственного интеллекта в образовании // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: https://docs.cntd.ru/document/1303527295 (дата обращения: 23.03.2026).

2. Доверие к ИИ: аналитический обзор / ВЦИОМ. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/doverie-k-ii (дата обращения: 23.03.2026).

3. Какие законодательные акты регулируют использование искусственного интеллекта // Финансовый университет: сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCncq (дата обращения: 23.03.2026).

4. О Кодексе этики в сфере разработки и применения искусственного интеллекта на финансовом рынке: информационное письмо Банка России от 09.07.2025 № IN01613/91 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_509514/ (дата обращения: 23.03.2026).

5. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ: принят Гос. Думой 8 июля 2006 г.: одобр. Советом Федерации 14 июля 2006 г. // Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451

6. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 г. № 490 / Президент России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/44731 (дата обращения: 23.03.2026).

7. Россияне не успевают за прогрессом. Цифровая грамотность сильно снизилась. Одной из главных трудностей стала оценка достоверности

информации // РБК Life. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/life/news/69a57fac9a7947ecb5970e15 (дата обращения: 23.03.2026).

ФИКТИВНОЕ И ПРЕДНАМЕРЕННОЕ БАНКРОТСТВО В ДЕЛЕ О БАНКРОТСТВЕ ГРАЖДАНИНА

Низамова Л.А – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Мельник Е.В – к.э.н., доцент, преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В последние годы в России значительно увеличилось количество дел о банкротстве физических лиц. Наряду с добросовестными гражданами, столкнувшимися с реальной финансовой несостоятельностью, всё чаще выявляются случаи злоупотребления правом – фиктивного и преднамеренного банкротства. Такие действия наносят ущерб кредиторам, подрывают доверие к институту банкротства и требуют эффективного правового реагирования. В связи с этим вопросы выявления, квалификации и профилактики фиктивного и преднамеренного банкротства граждан приобретают особую значимость для судебной практики, правоохранительных органов и финансового сообщества.

Российская система банкротства граждан, несмотря на свой прогресс, сталкивается с серьёзной проблемой: участившимися случаями недобросовестного поведения должников. Практика фиктивных и преднамеренных банкротств не только приводит к значительным финансовым потерям для кредиторов, но и подрывает доверие к самой идее цивилизованного разрешения долговых проблем. Таким образом, критически важным становится вопрос о разработке и внедрение более эффективных методов идентификации и квалификации таких неправомерных действий в процессе банкротства.

Одним из способов недобросовестного поведения должника и контролирующих его лиц на начальной стадии является создание условий, при которых процедура является либо фиктивной, либо преднамеренной. Понятия фиктивного и преднамеренного банкротства за последние годы не изменились, они даны в КоАП РФ (ст. 14.12) и в УК РФ (196–197) [5].

Фиктивное банкротство – это заведомо ложное публичное объявление руководителем или учредителем (участником) юридического лица о несостоятельности данного юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином о своей несостоятельности. В зависимости от

размера ущерба данное деяние влечет либо уголовную (ущерб свыше 2 250 000 рублей), либо административную ответственность (ущерб меньше 2 250 000 рублей) [2].

Преднамеренное банкротство – это совершение руководителем или учредителем (участником) юридического лица либо индивидуальным предпринимателем или гражданином действий (бездействия), заведомо влекущих неспособность юридического лица либо индивидуального предпринимателя или гражданина в полном объеме удовлетворить требования кредиторов по денежным обязательствам и (или) исполнить обязанность по уплате обязательных платежей. Размер ущерба, при котором наступает уголовная ответственность, идентичен ущербу при фиктивном банкротстве [2**Ошибка! Источник ссылки не найден.**].

Фиктивное и преднамеренное банкротство граждан стало появляться в России в конце 1990-х – начале 2000-х годов, в период перехода страны к рыночной экономике. В это время законодательство, касающееся собственности и банкротства, имело значительные пробелы. Передача государственных активов в частные руки создала благоприятные условия для различных злоупотреблений, в том числе фиктивных и преднамеренных банкротств, когда люди использовали процедуры несостоятельности, чтобы избежать выполнения своих долговых обязательств [3].

Современная практика борьбы с фиктивным и преднамеренным банкротством граждан сталкивается с рядом серьёзных вызовов. Одной из ключевых проблем является недостаточная прозрачность финансовых операций физических лиц, что затрудняет отслеживание движения имущества и выявление попыток его сокрытия перед подачей заявления о признании несостоятельности. Дополнительные сложности создаёт отсутствие единых стандартов анализа финансового поведения должника: арбитражные управляющие и суды не всегда располагают чёткими методическими рекомендациями по оценке добросовестности гражданина, что приводит к разночтениям и снижает эффективность выявления злоупотреблений [1].

Ещё одной серьёзной проблемой является отсутствие единых подходов к оценке финансового поведения гражданина. Арбитражным управляющим и судам зачастую не хватает чётких методических рекомендаций для определения добросовестности должника, что приводит к неоднозначной трактовке одних и тех же действий и снижает эффективность выявления злоупотреблений [1].

В ходе исследования был создан алгоритм, позволяющий обнаруживать признаки фиктивного и преднамеренного банкротства. Он предназначен для использования арбитражными судами и прокуратурой. Изначально проводится углубленный анализ финансового поведения должника за трехлетний период до подачи заявления о несостоятельности. При этом ключевой акцент делается на обнаружение резких сдвигов в структуре доходов, расходов и активов, а также на изучение всех значимых и аномальных финансовых операций. Затем детально проверяются сделки с имуществом, особенно те, что касаются передачи активов родственникам, аффилированным лицам или реализации по заниженным ценам [2].

На втором этапе алгоритма активно применяются цифровые инструменты для анализа банковских операций, сведений из госреестров и других открытых источников. Это дает возможность быстро обнаруживать подозрительные переводы и скрытые активы. По итогам проведенной работы составляется мотивированное заключение о наличии или отсутствии признаков фиктивного или преднамеренного банкротства. Данный документ направляется в арбитражный суд или правоохранительные органы для принятия нужных процессуальных решений. Внедрение такого подхода повышает прозрачность процедур несостоятельности, оптимизирует деятельность судов и прокуратуры, а также позволяет вовремя пресекать злоупотребления в делах о банкротстве физических лиц [2].

Стоит выделить, что проблематика фиктивного и преднамеренного банкротства граждан в России имеет многогранную природу и нуждается в комплексном решении. Изучение материалов правоприменения продемонстрировало наличие ряда значительных препятствий, среди которых выделяются недостаточная открытость сделок, отсутствие унифицированных критериев для оценки финансового поведения должника, а также трудности в доказательстве умышленных действий. Вместе с тем прогресс в области цифровых технологий и улучшение взаимодействия между государственными органами предоставляют новые шансы для результативной борьбы с подобными противоправными деяниями.

Подводя итог, важно подчеркнуть, что проблема фиктивного и преднамеренного банкротства среди граждан России представляет собой многоаспектную задачу, требующую комплексного и системного решения. С другой стороны, прогресс в области цифровых технологий и улучшение

координации между ведомствами создают новые перспективы для эффективной борьбы с подобными противоправными действиями.

Основным достижением проделанной работы является разработанный подход, который позволяет повысить эффективность работы арбитражных судов и органов прокуратуры. Его применение в сочетании с законодательным установлением четких ориентиров для определения фиктивного и преднамеренного банкротства, расширением полномочий управляющих по финансам и усилением мер наказания за сокрытие имущества может существенно повысить прозрачность процедур несостоятельности. Следовательно, внедрение предложенных мер позволит не только защитить законные интересы добросовестных кредиторов, но и укрепить веру в институт банкротства как действенный инструмент цивилизованного урегулирования долгов.

Список используемых источников

1. Власенко Р.Н. Правовые основы и методы выявления признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Актуальные проблемы российского права. 2005. № 3. С. 19–21.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993, с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 N 6-ФКЗ, от 30.12.2008 N 7-ФКЗ, от 05.02.2014 N 2-ФКЗ, от 21.07.2014 N 11-ФКЗ) // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/constitution (дата обращения: 10.04.2026).

3. Кравчук Е.В. Фиктивность (преднамеренность) банкротства в России // Юстицинформ, Литрес / [Электронный ресурс]. URL: https://www.litres.ru/book/e-v-kravchuk/fiktivnost-prednamerennost-bankrotstva-v-rossii-6054913/ (дата обращения: 10.04. 2026).

4. Назаренко А.Е., Примаков А.М. Определение признаков фиктивного и преднамеренного банкротства // Вестник науки и творчества. 2016. № 4. С. 129–135.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 10.04.2026).

ПОЛНОМОЧИЯ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗЕМЕЛЬНО-ИМУЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Никонов А.А. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Неровная Н.Н. – к.ю.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье анализируются полномочия органов местного самоуправления в сфере земельно-имущественных отношений в зависимости от правового статуса этих земель. Показано, что муниципальная власть вправе осуществлять управленческие функции в интересах жителей муниципального образования, а также с целью сохранения качества земель для будущих поколений. Рассматривается ряд проблем, возникающих на пути к осуществлению этих целей: коррупционная, а также проблема с наполняемостью бюджета вследствие недостаточного контроля за использованием земель. Обобщены некоторые предложения по решению этих проблем: «пообъектный подход к управлению» (Хакимов В.В.), концепция рационального использования земель (Плахина А.А.), методика заключения договоров социальной направленности (предложенная А. Козодубовым).

Актуальность этой темы определяется особой значимостью земли как объекта правоотношений: «Конституция РФ закрепляет использование и охрану земли и других природных ресурсов как основу жизни и деятельности народов, проживающих на территории России» [7]. Уже много лет идёт дискуссия относительно того, может ли в России возникнуть частная собственность на землю или она должна остаться государственной. Эта дискуссия, актуальная в период общественных трансформаций после крушения СССР, сегодня постепенно отошла на второй план в силу социальных реалий: «В настоящее время более 92 % земель в нашей стране находится в государственной или муниципальной собственности [12]…При такой ситуации рынок земли в нашей стране сформирован быть не может» [6]. Эти данные 2017 г. остаются актуальными и для 2026 г. [4]. Подобного рода стабильность свидетельствует об устойчивом консенсусе среди властных групп, принимающих решения относительно судьбы земельных отношений в постсоветской России, по поводу того, что частная собственность на землю может быть допущена только в ограниченном количестве.

Необходимо учесть, что муниципальная власть в современной России является публичной, но при этом обладает относительной автономией внутри государственной власти [13]: «Муниципальная власть – это особый публично-

правовой феномен… Объединяет её с государственной властью то, что она обеспечивает подчинение себе субъектов муниципальной власти… Смысл возникновения муниципальной власти заключается в особом способе децентрализации управления в государстве» [9]. Следует отметить, что принадлежность земель в РФ чётко установлена: «По данным Росреестра, … муниципалитетам, то есть городам и районам, принадлежит 1,2 % территории страны, регионам – тоже 1,2 %, а федерации, то есть буквально стране “Российская Федерация”, – 59,7 %» [4].

Правоведы относят земельные ресурсы субъектов РФ к государственному земельному фонду [10], опираясь при этом на ст. 16 Земельного Кодекса РФ (далее – ЗК РФ), где чётко сформулировано: «Государственной собственностью являются земли, не находящиеся в собственности граждан, юридических лиц или муниципальных образований» [2]. Муниципальные же земли обладают особым статусом, о чём также свидетельствует ст. 16 ЗК РФ. Важна ст. 19 ЗК РФ, в которой приводится закрытый перечень 4-х оснований отнесения земель к муниципальной собственности: эти земли могут быть признаны таковыми федеральными законами или законами субъектов РФ; быть результатом разграничения государственной собственности на землю, безвозмездной передачи в муниципальную собственность из федеральной собственности и быть приобретёнными по основаниям, установленным гражданским законодательством [3]. Также важен Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», повествующий о двух категориях муниципальных земель: тех, что входят в состав территории муниципального образования, и тех, что принадлежат муниципальному образованию [7]. Разница в статусе земель этих двух категорий состоит в том, что муниципальное образование обладает всей полнотой правомочий по свободному распоряжению только второй категорией земель – по сути дела только 1,2 % земельного фонда РФ.

Однако статус первой категории земель является не до конца определённым. Земли, входящие в состав муниципального образования, могут относиться к так называемым «неразграниченным» землям: «Принадлежность оставшихся 30,2 % территории страны не определена. То есть это точно государственная собственность, но какой конкретно уровень власти должен ею распоряжаться – неизвестно, эти земли пока “не разграничены”. Чтобы их использовать, сначала нужно будет провести разграничение – этим, в частности, и занимается

Росреестр» [4]. Тем не менее согласно гражданскому законодательству (в частности, ст. 11 ЗК РФ) органы местного самоуправления уполномочены управлять земельными участками, находящимися в пределах их территории, собственность на которые не разграничена, а именно: вести учёт этих земель, планировать и контролировать их использование, взымать за них плату и налоги [10]. Отсюда вытекает, что форма собственности на землю в современной России не до конца определена, что не позволяет сделать однозначный вывод, что «рынок земли в нашей стране сформирован быть не может» [6].

Далее в статье будут рассмотрены способы повышения эффективности управления земельными ресурсами муниципалитетами, а также те действия, которые ими уже совершаются в данном направлении.

Смысл этой политики заключается в повышении наполняемости муниципального бюджета в единстве с обеспечением более рационального землепользования, которое позволит сохранить плодородие земли и передать её в хорошем состоянии будущим поколениям. Эти две взаимосвязанные цели нельзя противопоставлять друг другу, поскольку стремление к получению сиюминутной выгоды может ухудшить качество земельных ресурсов: «Сегодня наблюдается повсеместная деградация земельных ресурсов муниципальных образований, снижение продуктивности хозяйствования на земле, необоснованное выведение больших площадей земель сельскохозяйственного назначения из хозяйственного оборота, перепрофилирование земель» [1]. Особенно многочисленны негативные последствия при перепрофилировании земель, которое совершается под влиянием крупного строительного капитала, создающего коррупционные схемы с местной властью [14]. Причина этих негативных явлений состоит в том, что решение о выдаче земельных участков часто принимает не депутатский корпус муниципального образования, а структурное подразделение местной администрации, не имеющее соответствующих властных полномочий. Руководитель администрации также может быть замешан в сложившейся коррупционной схеме: так, недавним резонансным делом был арест 28.03.2026 г. вице-мэра Сочи Е. Горобца за махинации с землёй стоимостью более 400 млн руб., находящейся рядом с санаторием «Волна», которая, по версии следствия, в августе 2025 г. была предоставлена бизнесмену в аренду для реализации «инвестиционного проекта» взамен на фиктивное трудоустройство в фирму предпринимателя дочери вице-мэра. Вместе с ним под следствием находятся ещё двое чиновников

Сочинской администрации [5]. Что же касается депутатов представительного органа власти, то они подчас оказываются физически неспособными осуществлять депутатский контроль в земельной сфере [1].

Преодоление этих негативных явлений может происходить разными способами. Первый заключается в повышении эффективности использования современных методов управления земельно-имущественными отношениями. Один из методов в этой области – «введение в экономический оборот неучтённых объектов земельно-имущественного комплекса» [8]. Они могли появиться вследствие расхождений по площадям недвижимого имущества и земельных участков, изменений их назначения, самовольного занятия (если речь идёт о земле), самовольного возведения или быть оформленными как объекты незавершённого строительства, а в крайнем случае – вообще не быть поставленными на учёт (в последних случаях речь идёт о зданиях). Решить вопросы эффективного управления в этой области поможет процесс инвентаризации, а также выявления собственников неучтенных земельных участков и имущества. В этой связи челябинский правовед Хакимов В.В. советует применять «пообъектный подход к управлению», который включает в себя пообъектное формирование недвижимого имущества муниципальных образований, его учёт, регистрацию права собственности на него, кадастровую оценку и пообъектное управление инвестиционными процессами в имущественной сфере [15].

Вторым способом преодоления негативных явлений, помимо тотального контроля за землепользованием, является формирование концепции рационального использования земель. Она предполагает детальный учёт земельного ресурса, как находящегося в собственности муниципалитета, так и принадлежащего государству, а также установление кадастровой стоимости земельных участков в соответствии с рыночной стоимостью земли, поскольку именно от кадастровой стоимости, согласно ст. 390 Налогового Кодекса РФ, происходит расчёт земельного налога [10]. Также в рамках концепции рационального использования земель Плахина А.С. рекомендует выработать подход к проблеме выделения участков для жителей муниципальных образований, особенности в части установления предельных размеров таких участков, с учётом разницы этих размеров для индивидуального строительства и ведения подсобного хозяйства [10]. При создании такого подхода необходимо соотнести потребности заявителей – граждан и возможности самих муниципалитетов в распоряжении землёй [11].

Также в этой связи интересна методика, предлагаемая А. Козодубовым [6], которая состоит в заключении договоров безвозмездного пользования земельным участком. Эти договоры имеют социальную направленность, а заинтересованными лицами могут быть граждане, создающие некоммерческие организации «для ведения садоводства или огородничества». При этом в условия такого договора правовед предлагает включать пункт, предусматривающий обязанность этой организации «обеспечить подготовку в отношении соответствующего земельного участка проект планировки территории и проект межевания территории, а также проведение кадастровых работ» [6]. Таким образом, учёт муниципальных земель и проведение кадастровых работ будет вестись не только силами самих муниципалитетов, а посредством содействия самих граждан. Кроме того, договоры социальной направленности могут заключаться с многодетными семьями, семьями участников СВО, приезжающими по программам «Земский учитель» и «Земский доктор». Тем самым деятельность органов местного самоуправления будет содействовать рациональному землепользованию, поскольку указанные категории населения не будут стремиться к извлечению краткосрочной прибыли любой ценой, а будут бережно относиться к земельному участку.

И ещё одну меру предлагается осуществить на законодательном уровне – найти источник финансирования на осуществление муниципального земельного контроля, а также разграничения земель, находящихся в государственной собственности и собственности муниципальных образований. Первым шагом к этому может быть освобождение муниципалитетов от государственных пошлин за регистрацию права собственности [10].

Таким образом, полномочия органов местного самоуправления в сфере земельно-имущественных отношений разнообразны и зависят от категорий земель – находятся ли они в муниципальной собственности, в государственной или их принадлежность пока ещё не разграничена. Во всех трёх случаях муниципальная власть вправе осуществлять управленческие функции в интересах жителей муниципального образования, а также с целью сохранения качества земель для будущих поколений. На этом пути имеются целый ряд проблем, в том числе и коррупционная, а также проблема с наполняемостью бюджета вследствие недостаточного контроля за использованием земель, относящихся к муниципалитету. Обобщены некоторые предложения по решению этих проблем: «пообъектный подход к управлению» (Хакимов В.В.), концепция рационального

использования земель (Плахина А.А.), методика заключения договоров социальной направленности (предложенная А. Козодубовым). Некоторые предложения могут быть реализованы только на законодательном уровне.

Список используемых источников

1. Гребенникова А.А., Колоколов А.В., Масляков В.В. Компетенция органов местного самоуправления в земельной сфере: некоторые аспекты. // Журнал прикладных исследований. 2023. № 2. С. 20–27.

2. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). URL: https://clck.ru/3TEWzX (дата обращения: 30.03.2026).

3. Земельный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 30.01.2026, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/bd1a509a299b6dc7d371c525a10d1313de9098c2/ (дата обращения: 30.03.2026).

4. Иволгин А. Кому принадлежит российская земля? На земельный вопрос отвечает статистика. // Т–Ж. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TEXCd (дата обращения: 28.03.2026).

5. Карева А. Вице-мэра Сочи арестовали на два месяца по делу о махинациях с землей. // РБК. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/69c7e93b9a794746f1590dfa (дата обращения: 30.03.2026).

6. Козодубов А.А. Правовые проблемы, возникающие при предоставлении земельных участков органами государственной власти и органами местного самоуправления Российской Федерации. // Управление в условиях глобальных мировых трансформаций: экономика, политика, право: сб. науч. тр. Международной конференции в г. Севастополе 26–30 апреля 2018 г. [под ред. Б.В. Замерзлого]. Симферополь: Изд-во Крымского фед. гос. ун-та им. В.И. Вернадского, 2018. – 509 с.

7. Латышев С. Правовые основы полномочий органов местного самоуправления в земельно-правовой сфере. // agmr.ru. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://agmr.ru/old/about/info/news/5850/index.htm (дата обращения: 28.03.2026).

8. Макарова Н.В., Агибалова О.Ю. Система управления земельно-имущественными отношениями в муниципальных образованиях. // Регион: государственное и муниципальное управление. 2019. № 4. С. 7–9.

9. Пешин Н.Л. Муниципальная власть: продолжение государства или институт самоорганизации общества? // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 38–50.

10. Плахина А.С. Полномочия органов местного самоуправления в сфере земельных отношений. // Социально-политические науки. 2019. Т. 9, № 3 С. 101–104.

11. Пропищин А.И. Особенности полномочий органов местного самоуправления сельских поселений в сфере земельных отношений. // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2009. № 1. С. 50–56.

12. Российский статистический ежегодник. 2017: статистический сборник. / М.: Росстат, 2017. – 686 с.

13. Тихалева Е.Ю. Правовой статус органов местной администрации. // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2015. № 18. 108–111.

14. Упоров И.В., Бескоровайная Е.С. Компетенция органов местного самоуправления в сфере градостроительства: проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики. // Современная научная мысль. 2019. № 12. С. 241–246.

15. Хакимов В.В. Особенности системы управления муниципальной собственностью. // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2016. № 2. С. 214–221.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЕСТНОЙ АДМИНИСТРАЦИИ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Нуриев З.Н. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Неровная Н.Н. – к.ю.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматриваются организационные и правовые аспекты деятельности местной администрации. Определяются основные функции муниципальной власти в целом, а также местной администрации как исполнительно-распорядительного органа муниципальной власти. Раскрываются основные правовые аспекты деятельности местной администрации и показываются проблемы, которые вытекают из недостаточной проработанности полномочий местной администрации в Законе РФ о местном самоуправлении. Предлагается создание правовых механизмов, благодаря которым жители муниципалитетов будут вовлечены в деятельность местной администрации по улучшению качества жизни в муниципалитете.

При анализе основных аспектов деятельности местной администрации необходимо особое внимание уделить именно организационным и правовым аспектам. Это обуславливается теми главными задачами, которыми призвана решать местная администрация – во-первых, проводить в жизнь решения представительных органов и главы муниципального образования и, во-вторых, вовлекать активную часть населения в деятельность по улучшению качества жизни населения муниципалитета. Для решения этих задач требуется чёткая организационная структура, а также детально проработанный правовой статус местной администрации. Именно эти главные проблемы и будут обсуждаться в данной статье: определения функций и полномочий местной администрации.

Организационные аспекты деятельности местной администрации определяются функциями, которые призвана исполнять муниципальная власть в целом как особый институт публичной власти, обладающий автономией по отношению к государственной власти [6]: «Муниципальная власть – это особый публично-правовой феномен… Объединяет её с государственной властью то, что она обеспечивает подчинение себе субъектов муниципальной власти… Смысл возникновения муниципальной власти заключается в особом способе децентрализации управления в государстве» [5]. Представляется, что данная формулировка, определяющая смысл существования муниципальной власти в целом, помогает систематизировать организационные аспекты деятельности собственно муниципальной администрации.

За основу предлагается взять подход И. Овчинникова, в котором выделяются три группы функций органов местного самоуправления: (1) общие (или основные), (2) специализированные и (3) вспомогательные [3]. Основные функции состоят в обеспечении участия населения в решении вопросов местного значения (именно в этом и проявляется наиболее чётко децентрализация публичной власти); в управлении финансовыми ресурсами и муниципальной собственностью; в

обеспечении комплексного развития территории муниципального образования; охране общественного порядка; удовлетворении основных потребностей населения в коммунально-бытовых, социально-культурных и др. жизненно важных услугах [3]. Общие функции конкретизируют именно управленческий аспект муниципальных органов власти, а именно: эти органы обязаны совершать стратегическое планирование развитием муниципального образования, организовывать управление с учётом этих стратегических планов, координировать усилия органов управления, проводить кадровую политику, регулировать процесс управления посредством создания соответствующей нормативно-правовой базы и контролировать результаты деятельности [3]. Специальные функции органов местной администрации имеют локальное значение и отражают особенности решения задач местного самоуправления в разнообразных сферах общественной жизни на местном уровне, а также специфику взаимодействия конкретных участников муниципальных отношений. Наконец, к вспомогательным функциям учёный относит создание организационных, материально-финансовых и технических условий, которые обеспечивают осуществление основных и специализированных функций [3].

Такое определение функций муниципальной власти в целом позволяет чётко обосновать функции собственно местной администрации муниципального образования. Ведущие специалисты по муниципальному праву И.И. Овчинников и А.Н. Писарев выделяют две её базовые функции: исполнительную и распорядительную [4]. Местная администрация муниципалитета при выполнении исполнительной функции реализует на практике решения, принятые представительным органом муниципального образования, а также постановления и распоряжения главы муниципального образования, тем самым осуществляя правоприменительную практику (причём не механически, а с учётом прошлого опыта и анализа существующей ситуации). Что же касается исполнения местной администрацией распорядительной (административной) функции, то она вытекает из практики управления муниципальным образованием и может подразумевать издание собственных правовых актов (постановлений, распоряжений, приказов) по вопросам местного значения в пределах её полномочий, которые, «в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 37 Закона об общих принципах организации местного самоуправления, должны закрепляться в уставе муниципального образования» [4].

Если сопоставлять содержание исполнительной и распорядительной функций муниципальной администрации с изложенным выше содержанием функций муниципальной власти в целом, то станет очевидно, что муниципальная администрация выполняет именно общие, то есть управленческие функции, в то время как для исполнения основных функций, заключающихся в вовлечении населения в решение вопросов местного самоуправления, требуется помощь представительного органа муниципальной власти. Отсюда вытекает, что местная администрация муниципального образования представляет собой орган для осуществления на практике тех решений, что принимает население муниципального образования в лице своих представителей или руководителя образования.

Правовые аспекты деятельности местной администрации: некоторые проблемы и пути их решения.

Для начала необходимо чётко очертить круг главных вопросов, которые призвана решать именно местная администрация муниципального образования. Согласно А.Т. Карасёву и А.В. Елькиной, их 6: социально-экономическое развитие муниципалитета; его хозяйства; финансовые; социальные; административно-организационные; вопросы исполнения переданных государственных полномочий [2]. В решении этих вопросов как раз и состоит выполнение как исполнительной, так и распорядительной функций муниципальной администрации. Следовательно, именно в соответствии с этими направлениями деятельности необходимо формировать структуру местной администрации, вводя соответствующие функциональные единицы [8].

Данная мысль позволяет найти решение проблемы, состоящей в том, что в законодательстве отсутствует единый подход к определению полномочий исполнительно-распорядительных органов муниципального образования [1]. Суть такого решения состоит в том, что полномочия местной администрации необходимо выстраивать, ориентируясь на те функции, которые ей предстоит исполнять.

В этой связи возникает ряд проблем, обсуждаемых исследователями, к разрешению которых предложены некоторые подступы. Первая из них заключается в правовой неопределённости в вопросе о соотношении полномочий главы администрации муниципального образования и самой администрации муниципального образования как коллегиального органа. Согласно Хазиевой Э.М.

и Бадретдинову И.Р., в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7] «фактически отождествляются правовые акты местной администрации как органа местного самоуправления и правовые акты главы местной администрации как руководителя местной администрации» [8]. Это объясняется отсутствием однозначного понимания того, кто же является субъектом принятия решений – местная администрация как коллегиальный орган или глава муниципального образования, решения которого, согласно принципу единоначалия (закреплённому в ч. 1 ст. 37 Закона № 131-ФЗ), являются обязательными для всей местной администрации. Данные учёные предлагают корректировку в ч. 4 ст. 42 данного Федерального закона, согласно которой следует конкретизировать, что «глава муниципального образования, исполняющий полномочия главы местной администрации, издает постановления и распоряжения главы местной администрации» [8].

Представляется, что такая корректировка более чётко возлагает ответственность за принятые решения персонально на главу муниципального образования, что позволит населению лучше взаимодействовать с муниципальной властью. Другим последствием этого нововведения будет централизация власти на уровне муниципалитета, состоящая в дальнейшем превращении местной администрации в орган, осуществляющий решения главы муниципалитета, причём от бремени принятия стратегических решений по вопросам управления муниципальным образованием местная администрация всё больше освобождается. В этом выражается общая тенденция к укреплению российской государственности в целом, осуществляющаяся в последние годы.

И ещё одна проблема, обсуждаемая правоведами, заключается в отсутствии чёткого определения самого понятия «местная администрация» в уже упоминавшемся и действующем сейчас Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [7], хотя сама местная администрация включена в обязательные органы местной власти [9]. Все учёные согласны в том, что конечная цель деятельности местной администрации – обеспечение благополучия населения муниципального образования, а также в том, что достигнута она может только во взаимодействии с деятельностью представительного органа муниципального образования [2]. Однако в реальности «объём ответственности и ресурсы муниципалитетов не сбалансированы. Отсюда

часто неразбериха с полномочиями. Они не только размыты, но и постоянно перекидываются с одного уровня власти на другой» [9].

Для преодоления этой неразберихи предлагается следующий комплекс правовых изменений. Прежде всего следует совершить чёткое разграничение полномочий между исполнительно-распорядительными органами муниципальной власти (т.е. собственно местной администрацией) и представительными органами этой власти. При определении полномочий администрации следует «учитывать положения, закреплённые в земельной, финансовой, жилищной, градостроительной и иных отраслях права» [9]. Наконец, следует рассмотреть и законодательно проработать механизмы, с помощью которых будет совершаться взаимодействие местной администрации с населением муниципального образования [9].

Именно благодаря механизмам обратной связи между муниципальной администрации и населением жители муниципалитетов будут вовлечены в управление и потому будут соучаствовать в деятельности муниципальной власти, нацеленной на улучшение качества жизни в муниципалитете. Только на этом пути возможно создание и функционирование сильного местного самоуправления, в котором власть будет оставаться публичной, сохраняя при этом свою относительную автономию от государственной власти. Следовательно, тенденция укрепления власти будет дополнена децентрализацией, что и позволит достичь эффекта синергии от деятельности государственной власти в масштабах всего государства, с одной стороны, и активности самого народа в повседневной жизни, с другой.

Список используемых источников

1. Артюхова Е.В. Разграничение полномочий между главой муниципального образования и главой местной администрации. // Студенческий форум. 2020. № 20-3. С. 23–24.

2. Карасёв А.Т., Елькина А.В. Компетенция органов местного самоуправления // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 8. С. 25–28.

3. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: федер. закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025)

//КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TKRSC (дата обращения: 24.03.2026).

4. Овчинников И.И. Местное самоуправление в Российской Федерации (теоретические, исторические и правовые аспекты): Монография. М.: Консалтбанкир, 2018. – 186 с.

5. Овчинников И.И., Писарев А.Н. Муниципальное право: Учебник и практикум для академического бакалавриата. М: Юрайт, 2017. 362 с.

6. Пешин Н.Л. Муниципальная власть: продолжение государства или институт самоорганизации общества? // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2019. № 2. С. 38–50.

7. Тихалева Е.Ю. Правовой статус органов местной администрации. // Государственное и муниципальное управление в XXI веке: теория, методология, практика. 2015. № 18. С. 108–111.

8. Хазиева Э.М., Бадретдинов И.Р. Полномочия и правовые акты местной администрации. // StudNet. 2021. № 10. С. 9–17.

9. Хазиева Э.М., Бадретдинов И.Р. Правовые основы организации и деятельности местной администрации. // StudNet. 2021. № 10. С. 5–8.

МЕДИАЦИЯ КАК СПОСОБ РАЗРЕШЕНИЯ ПРАВОВЫХ СПОРОВ: ПРЕИМУЩЕСТВА И НЕДОСТАТКИ

Пермина С.В. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Певнева Т.В. – преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В статье рассматривается медиация – альтернативная процедура урегулирования правовых споров с участием независимого посредника (медиатора) – как современный инструмент разрешения конфликтов.

В условиях роста числа правовых споров и перегруженности судебной системы особую актуальность приобретают альтернативные способы разрешения конфликтов. Одним из таких способов является медиация – процедура регулирования споров с участием независимого посредника (медиатора).

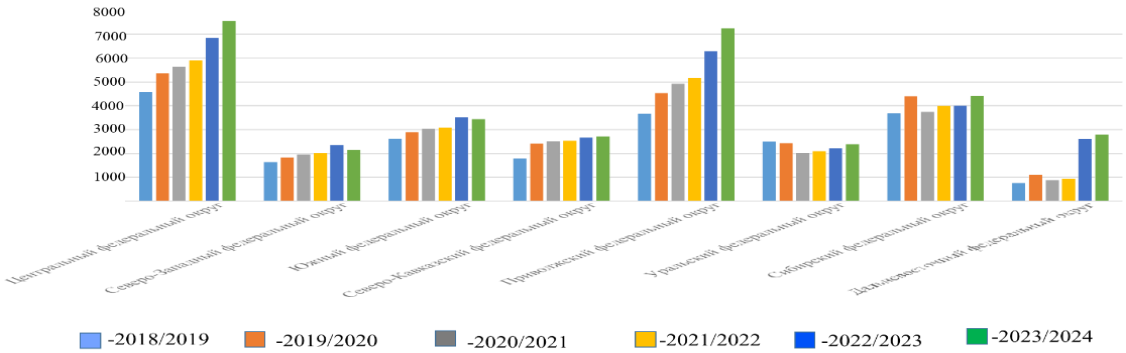


Рис. – 1. Число служб медиации в Российской Федерации по федеральным округам

Рис.1. Число служб медиации в РФ [8]

Историческое развитие медиации в России показывает постепенное формирование правовой базы и институциональных механизмов, направленных на внедрение этого способа разрешения конфликтов. Законодательные инициативы последних лет характеризуются усилением внимания к регулированию процедур медиации и повышению квалификации медиаторов. Однако добровольный характер участия в медиации сохраняет определенные риски: эффективность процедуры напрямую зависит от готовности сторон к сотрудничеству и компромиссам [1].

Медиация имеет большие преимущества перед судебным разбирательством: ускорение разрешения споров, снижение финансовых затрат, сохранение делового имиджа и отношений между партнерами. Медиация позволяет сохранить конфиденциальность, что особенно важно в коммерческих конфликтах, где разглашение информации может негативно сказаться на репутации и бизнесе. Гибкость процедуры способствует разработке индивидуальных решений, отражающих интересы обеих сторон, что невозможно в традиционном судебном процессе.

Табл. 1

Статистика Верховного суда Российской Федерации за 2023год, 2024 год [9]

Статистика общего количества дел, поступивших на рассмотрение в суды общей юрисдикции и прекращенных в связи с применением	2023 год	2024 год
Общее количество дел, поступивших на рассмотрение	9 204 064	6 055 134
Споры, урегулированные посредством применения процедуры медиации	322	607

Тем не менее существуют и недостатки, которые необходимо учитывать. Поскольку медиация не всегда приводит к заключению обязательного для исполнения договора, стороны могут вернуться к судебным спорам, затрачивая время повторно. Сложности возникают при отсутствии единства понимания роли медиатора и правового статуса достигнутых соглашений. Кроме того, отсутствие унифицированных стандартов и недостаточная правовая защита могут усложнять применение медиации в ряде отраслей, где требуется строгое соблюдение процедур и норм.

В октябре 2025 года был проведен социальный опрос среди выпускников-юристов ПОУ «Уральский региональный колледж» при помощи сервисов «Гугл».

В ходе которого было установлено, что 40 % не знают о существовании медиации, 35 % из опрошенных для решения правового вопроса обратились бы в суд, так как не считают эффективным процедуру медиации и 35 % – затруднились ответить. Главной причиной неэффективности медиации опрошенные указали на отсутствие обязательного исполнения соглашения, достигнутого в ходе медиации.

Тем самым сравнительный анализ показал, что опрошенные не уверены в процедуре медиации, так как мало о ней знают.

Основными рекомендациями по развитию и внедрению в правовую систему медиации являются:

1) повышение информированности среди населения;

2) развитие института медиации: создание новых служб и обучение медиаторов, повышение их профессиональных навыков;

3) совершенствование законодательной базы и интеграции в судебную систему;

4) государственная поддержка института медиации.

Таким образом, перспективы развития медиации в России предполагают рассмотрение возможных законодательных улучшений, расширение сферы применения процедуры и повышение общественного доверия. Совокупность этих аспектов позволяет сделать вывод о значимости медиации как современного способа разрешения правовых споров, способствующего оптимизации судебной системы и укреплению правовой культуры в стране.

Список используемых источников

1. Ассоциация «Лига медиаторов Южного Урала». // Медиатор74. [Электронный ресурс]. URL: https://mediator74.ru/ (дата обращения: 06.04.2026).
2. Верховный суд Российской федерации (ВС РФ). // СудАкт. [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/vsrf/?ysclid=mnddspg2f87957 0693 (дата обращения: 06.04.2026).
3. Гурушкин П.Ю., Сандрачук Я.Ф. Институт медиации в России: проблемы и перспективы // Век информации (сетевое издание). 2020. № 2. С. 41–50.
4. Дедов Д.И. Конфликт интересов. М: Волтерс Клувер, 2004. 272 с.
5. Дельцова Н.В. Переговоры как способ урегулирования правовых конфликтов в сфере предпринимательства // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2017. Т. 2, № 1. С. 72–76.
6. Жуйков В.М. Роль суда в примирении сторон по гражданским делам // Российский судья. 2019. № 9. С. 24–30.
7. Загайнова С.К. Совершенствование института примирения в гражданском процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2019. № 7. С. 24–28.
8. Минина А.И. Понятие и содержание субъективной арбитрабельности // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 6. С. 1240–1247.
9. Орлова И.А. Перспективы использования примирительных процедур при разрешении «диагональных» споров (на примере публично-частного партнерства) // Третейский суд. 2019. № 1-2. С. 262–270.
10. Павликов С.Г., Флейшер Н.Б. О примирении как функции судебной деятельности // Общество и право. 2015. № 1. С. 238–241.

ИЗМЕНЕНИЕ ИНСТИТУТОВ ПАРЛАМЕНТАРИЗМА В РОССИИ

Пикалова К.С. – студент, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Научный руководитель: Трофимова И.Б. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Аннотация

В статье рассматривается эволюция и современное состояние институтов парламентаризма в России, анализируются ключевые проблемы их функционирования. Освещаются различные научные подходы к пониманию роли парламента в политической системе. Подробно разбираются следующие проблемы: особенности избирательной системы и их влияние на представительство интересов граждан; снижение доверия общества к парламенту из-за коммерциализации выборов и усиления влияния бизнес-структур; специфика формирования Совета Федерации и её последствия для народного представительства; доминирование исполнительной власти и расширение полномочий института президентства, ограничивающие реальное разделение властей; неразвитость гражданского общества как фактор, сдерживающий становление полноценного парламентаризма. В завершение предлагаются направления реформирования парламентаризма для повышения его легитимности и эффективности: усиление представительской и контрольной функций парламента, повышение прозрачности его работы, развитие политических партий, возможное введение императивного мандата.

Парламентаризм изначально означал систему управления, в которой власть принадлежит парламентариям. Однако история показывает, что парламентские структуры возникали в разные эпохи и при различных формах правления.

По мнению Е.И. Козловой и О.Е. Кутафина [4], наличие или отсутствие парламента не определяет эффективность политической системы и государства. Они считают, что парламент не является независимым органом. Согласно их точке зрения решение о создании парламента принимает исполнительная власть. Кроме того, исполнительная власть может отменять или блокировать законы, принятые парламентом.

Многие ученые, такие как Ю.А. Клочкова [2] Е.В. Коврякова [3], Д.Е. Фурман [5], В.Е. Чиркин [6] и другие, полагают, что парламентаризм возможен только при строгом разделении властей. Для успешного внедрения парламентских практик необходимо, чтобы общество обладало высоким уровнем гражданской ответственности и политической культуры. Парламентаризм тесно связан с развитием гражданского общества и растет вместе с ним.

Согласно Конституции РФ, Федеральное Собрание является представительным и законодательным органом страны. Его структура и функции описаны в главе 5 Основного закона.

Исследования показывают, что Федеральное Собрание имеет высокий конституционный статус. В основном законе страны ему уделено особое внимание. Парламент играет важную роль в системе сдержек и противовесов. Его деятельность строго регламентирована, и некоторые вопросы находятся в его исключительном ведении. Это составляет основу его конституционного положения, наряду с основными представительскими и законодательными функциями.

В российской науке часто критикуют избирательную систему. У неё есть свои плюсы и минусы, но недостатки особенно ярко проявляются в проблемах представительства и ответственности депутатов. При смешанной избирательной системе, где 225 мест распределяются между кандидатами, население избирает только половину состава нижней палаты – Государственной Думы. По мнению С. Авакьяна, представительные органы сегодня не отражают интересы населения, а служат интересам партий и движений. Остальные депутаты попадают в парламент по партийным спискам, и поддержку населения получают в основном те политики, чьи фамилии возглавляют эти списки.

Недоверие народа к парламенту растет из-за коммерциализации выборов. Избирательный процесс превращается в маркетинговую кампанию, где реклама и медиа играют ключевую роль. В современной России бизнес и частные лица все активнее влияют на политику, а количество политических партий сокращается. Законодательство усложняет регистрацию и участие в выборах, а интернет-технологии делают политику виртуальной, снижая ее эффективность. Многие новые партии используют онлайн-поддержку для привлечения внимания к актуальным темам, но их главная цель – не защита интересов граждан, а получение мест в парламенте. Это ослабляет связь между парламентом и обществом, увеличивая дистанцию между ними.

Смешанная система выборов в Государственную Думу объединяет мажоритарный и пропорциональный принципы. Это позволяет партиям и избирательным объединениям выступать посредниками между избирателями и кандидатами, но они не несут ответственности за составленные списки. Этому способствует норма федерального закона, разрешающая включать в списки несколько сотен человек. Избирателям трудно разобраться в таком длинном списке, а после выборов объединения могут корректировать его, если избранные депутаты отказываются от мандата.

Еще более спорным выглядит представительство верхней палаты – Совета Федерации РФ. Ведь граждане страны не участвуют в выборе сенаторов от своих регионов. Такая система усиливает риск утраты социальным и политическим значением народного представительства. Депутат может считаться народным избранником только тогда, когда он действительно выражает и учитывает волю своих избирателей, участвует в принятии законов и других государственных решений. Но, когда избиратели знают только победителя по мажоритарной системе,

а о депутатах по партийным спискам даже не слышали, вопрос об ответственности последних фактически не поднимается. В таких условиях проявляется еще одна проблема парламентаризма – недоверие граждан к представительной власти.

Одной из ключевых проблем на пути к демократическому парламентаризму в России остается нежелание исполнительной власти делить конституционные полномочия. Существует мнение, что Россия должна управляться сильной единоличной властью, которая исторически доказала свою эффективность. Однако стоит помнить, что такая система указывает на низкий уровень политической культуры. Общество и власть должны понимать, что для построения «процветающей демократической страны когда-нибудь придется преодолеть собственные традиции и, в конце концов, построить дееспособный парламент, работающий в режиме реального разделения властей, способный сотрудничать с исполнительной властью и контролировать ее».

Конституция России декларирует независимость законодательной власти от исполнительной и судебной. Но реальность такова, что многие новые законы и нормативные акты рождаются в недрах исполнительной власти. За последние десятилетия президент и правительство заметно расширили свои полномочия в сфере политического планирования и реформирования правовой системы.

Кризисные явления в сфере института парламентаризма начались еще в 2005–2007 гг. По мнению Д.Е. Фурмана [5], одной из причин слабости парламентских институтов в РФ является «привычка» россиян к авторитарности государственной власти. Исследователь отмечает, что сохранению особенностей политического менталитета россиян способствовали недемократические инструменты, использовавшиеся сторонниками Б.Н. Ельцина для получения политической власти.

К.П. Победоносцев, влиятельный государственный деятель XIX века и противник парламентской системы, считал, что результаты выборов не всегда отражают истинную волю людей. По его мнению, избиратели голосуют за кандидата не потому, что знают его лично или доверяют ему, а на основе информации, полученной во время агитации.

Политические решения, по его мнению, принимаются не в ходе парламентских дебатов, а исходя из партийных или личных интересов. Эти мысли о недостатках парламентаризма, изложенные в книге «Великая ложь нашего времени», остаются актуальными до сих пор.

О.В. Гаман-Голутвина [1] отмечает, что расширение полномочий института президентства постепенно увеличило его политическое влияние. В результате четырехзвенная модель разделения властей претерпела изменения: президент, контролирующий деятельность исполнительной, судебной и законодательной ветвей, стал своего рода «четвертой властью». Это придает системе сходство с политической структурой Российской Империи начала XX века.

В.Я. Гельман считает, что Россия фактически стала президентской республикой в 1993 году. Это произошло после вооруженного конфликта между президентом и Верховным Советом, когда была принята новая Конституция. По ней президент получил право ограничивать законодательную деятельность. Б.Н. Ельцин активно применял право вето, блокируя множество инициатив парламента.

Подчиненный характер законодательной власти проявляется в следующих цифрах: в 1996–1997 годах Дума одобрила 35 % законопроектов, предложенных Президентом, в 1999 году – 60 %, а после 2000 года этот показатель достиг почти 100 %. В то же время, законодательные инициативы самой Государственной Думы с 2000 года реализуются лишь на 20–30 %.

Парламентаризм не может быть полноценным без сильного гражданского общества. Как показывает опыт демократических стран, гражданское общество выполняет важные функции в отношении парламента. Во-первых, через выборы и СМИ оно влияет на состав парламента, позволяя гражданам получать достоверную информацию о кандидатах и контролировать ход выборов. Во-вторых, гражданское общество следит за деятельностью парламента через СМИ и другие каналы коммуникации. В-третьих, в развитых демократических странах институты гражданского общества участвуют в законотворческом процессе.

Парламентаризм – открытая система, реагирующая на вызовы времени. Российский парламентаризм нуждается в реформах. Они повысят его легитимность и эффективность. Парламент станет действенным органом народного представительства и законодательства.

Для решения данных проблем можно предложить следующее:

– усиление представительской функции через развитие политических партий и их превращение в эффективные выразители интересов различных социальных групп. Партии должны стать посредниками между обществом и властью. Без сильных партий и наполнения их представительской функции новым содержанием дееспособный парламентаризм невозможен;

– расширение и усиление контрольных функций парламента: в демократических странах парламент служит противовесом исполнительной власти;

– преобразование парламентаризма невозможно без реформы структуры парламента, повышения эффективности работы и личной ответственности депутатов. Важно, чтобы парламентарии строго соблюдали законы, регламент и внутренний распорядок. Необходимо создать условия для активного участия депутатов в парламентской деятельности, обеспечить их всеми документами и статистическими данными;

– чтобы восстановить доверие граждан к парламенту, важно сделать его максимально прозрачным. Люди должны вовремя получать информацию о работе парламента. Для этого нужно наладить сотрудничество с авторитетными СМИ, которые будут объективно освещать парламентскую деятельность. Информационная открытость позволит снизить зависимость парламента от исполнительной власти;

– современная система свободного мандата освобождает депутатов от необходимости следовать указаниям избирателей и нести юридическую ответственность перед ними. Для выполнения депутатами своих представительских обязанностей требуется введение императивного мандата, который предусматривает возможность досрочного отзыва депутата. Это предложение требует тщательного анализа, а в случае его реализации необходимо учитывать интересы развития партийной системы.

Список используемых источников

1. Гаман Голутвина О.В. Российский парламентаризм в исторической ретроспективе и сравнительной перспективе // Полис. 2006. № 2. С. 27–39.

2. Клочкова Ю.А. Влияние современной конвергенции на политико-правовые институты: теоретико-методологический анализ правового и политического взаимодействия // История государства и права: федеральный научно-правовой журнал. 2012. № 13. С. 2–4.

3. Коврякова Е.В. Санкционирующий парламентский контроль в системе разделения властей // Актуальные проблемы экономики и права. 2014. № 3. С. 158–164.

4. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России. М: Юристъ, 2004. 347 с.

5. Фурман Д.Е. Движение по спирали. Политическая система современной России в ряду других систем. М: Весь Мир, 2010. 165 с.

6. Чиркин В.Е. Система государственного и муниципального управления: учебник. М: Норма: ИНФРА-М, 2019. 399 с.

АКТУАЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО АНТИСАНКЦИОННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНОГО СУВЕРЕНИТЕТА В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ГЛОБАЛЬНОГО МИРОПОРЯДКА

Плешакова А.С. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Семеновский И.Д. – к.ю.н., доцент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

Статья посвящена актуальным вопросам эволюции российского законодательства в сфере противодействия односторонним ограничительным мерам в контексте недобросовестного использования санкций как инструмента внешнеполитического воздействия. Исследуются принимаемые Российской Федерацией правовые меры по защите своего суверенитета. Выдвигаются предложения по совершенствованию законодательства в данной сфере.

Текущий кризис международного публичного права во многом обусловлен дефицитом справедливости и правомерного поведения государств на мировой арене, вызванных, в том числе, отсутствием возможности использования централизованного принуждения в отношении нарушителей правопорядка. Одним из главных признаков и одновременно инструментов деформации системы международного публичного права являются односторонние ограничительные меры – санкции, вводимые одними участниками международной жизни против других в обход установленной правовой процедуры.

Для легитимного применения санкций необходимо наличие решения Совета Безопасности ООН в соответствии с предусмотренными целями – поддержание или восстановление международного мира и безопасности [26]. Однако сегодня мы наблюдаем опасную трансформацию международных отношений, когда принципы и нормы международного права всё чаще подменяются правом силы, а действия глобальных игроков демонстрируют двойные стандарты в трактовке правовых

норм. Подобные меры не получают поддержку международного сообщества, но, несмотря на это, активно применяются отдельными государствами [17].

Односторонние ограничительные меры стали регулярной практикой в межгосударственном общении и превратились из точечных правовых инструментов, применимых в установленном порядке, в полноценное и незаконное оружие для жесткого политического и экономического давления одних субъектов международного права на других. Масштабы этого давления достигают в настоящее время рекордных показателей. Вместе с тем, как отмечают исследователи, санкции оказывают деструктивное влияние на весь международный правопорядок, базирующийся на нормах международного права [14].

С 2022 г. главным объектом незаконного санкционного воздействия среди стран является Российская Федерация, что отражается в незаконных правовых и политических решениях органов публичной власти множества международных организаций и более чем пятидесяти из почти двухсот государств мира.

Методики и оценки количества введенных санкций в отношении России разнятся, однако в любом случае наша страна стоит на первом месте по количеству установленных против нее ограничительных мер. Как отмечается аналитическим ресурсом X-Compliance, к концу марта 2026 г. против России было введено порядка 20, 4 тыс. санкций [20]. По данным аналитической платформы Castellum.AI, в период с 22.02.2022 по 31.12.2025 в отношении России было введено более 24,1 тыс. санкционных ограничений, а если учитывать все санкции против Российской Федерации, накопленные с 2014 г., то их общее количество составляет более 28 тыс. [19].

На наш взгляд, необходимо отметить, что незаконное санкционное давление против Российской Федерации началось еще задолго до вхождения Республики Крым и г. Севастополя в состав Российской Федерации в соответствии с международным правом в 2014 г. События последних лет стали не точкой отсчета, а лишь триггером для перехода системы отдельных рестрикций в фазу тотального экономического и политического подавления. Принятие США «акта Магнитского» [26] в 2012 г. ознаменовало качественный переход к практике ограничений, а ответная реакция России в виде «закона Димы Яковлева» [12] лишь закрепила переход конфликта в юридическую плоскость норм национального права.

Вместе с тем тот факт, что подавляющая часть санкций обрушилась на Россию всего за 2022–2023 гг. с последующей донастройкой, таргетированием и в

целом развитием в 2024–2026 гг., наглядным образом демонстрирует стадию перехода международных отношений в режим санкционного шторма и особенно в части давления коллективного Запада на Российскую Федерацию [18]. Исследователи подчеркивают, что масштаб реализуемых в настоящее время санкционных мер в отношении нашего государства не имеет исторических аналогов. Если на начальном этапе санкции были направлены на сдерживание темпов роста и технологическое торможение, то текущее состояние правомерно квалифицировать как полномасштабную экономическую войну [4].

Учитывая широкий многоотраслевой санкционной контекст (отмена концертов деятелей культуры, блокировка совместных академических исследований и публикаций в международных журналах, ограничения в сфере спорта и т.д.), можно сказать, что односторонние ограничительные меры превратились в механизм политической сегрегации, где наказание следует не за нарушение международного закона, а за отказ следовать навязанной глобальной иерархии. По нашему мнению, очевидно, что в условиях неэффективного действия, а чаще бездействия международных правовых механизмов такая агрессивная внешняя среда требует не разовых внутренних нормативных решений, а выстраивания качественной правовой защиты суверенитета государства.

В настоящее время в России предприняты попытки институализации ряда стратегических, законодательных и иных правовых мер по обеспечению защиты государства от незаконного внешнего санкционного воздействия. Так, в контексте принятых документов стратегического планирования в той или иной степени односторонние ограничительные меры обозначены и выступают предметом анализа в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. от 2017 г., Стратегии национальной безопасности Российской Федерации от 2021 г., Концепции внешней политики от 2023 г..

Так, Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. закрепляет необходимость совершенствовать механизмы ответных мер и продолжать деофшоризацию экономики. Санкции в данном документе стратегического планирования трактуются как вызов, который требует созданий условий для бизнеса и более строгого контроля за тем, какие иностранные инвестиции приходят в ключевые отрасли [9].

Стратегия национальной безопасности Российской Федерации рассматривает санкции как часть недобросовестной конкуренции, политического

давления, вмешательства во внутренние дела, что подрывает стабильность мировой экономики и системы международных отношений. В качестве ключевых ответов здесь называются импортозамещение, укрепление продовольственной и энергетической безопасности, применение симметричных и асимметричных мер [8].

В свою очередь, Концепция внешней политики официально закрепляет за Россией право на симметричные и асимметричные ответы для пресечения недружественных действий, а также для предотвращения их повторения в будущем. Отдельный акцент сделан на защите прав российских граждан и организаций, сталкивающихся с преследованиями за рубежом [12].

Таким образом, каждый из указанных выше документов стратегического планирования фиксирует определенные риски, связанные с санкционным давлением, и предлагает некоторые способы соответствующей защиты, однако ни один из них не формирует системного и комплексного антисанкционного инструментария. Односторонние ограничительные меры международных организаций и зарубежных государств присутствуют в них как важный, но сопутствующий фактор учета и риска при принятии внутренних и внешних государственных решений, что, на наш взгляд, является в настоящее время явно недостаточным.

Более того, еще один важнейший документ в сфере обороны и защиты суверенитета государства – Военная доктрина Российской Федерации от 2014 г. вообще не упоминает такие категории, как санкции и односторонние ограничительные меры, крайне негативно влияющие на технологическое развитие и самостоятельность страны, ее оборонно-промышленный комплекс. Крайне актуальным в этой связи, на наш взгляд, является обновление данного документа с учетом характера и содержания изменившихся внешних угроз Российской Федерации. Логичным было бы отразить в ней основные верхнеуровневые механизмы противодействия санкционному давлению, в том числе в области технологий, промышленности, киберсектора.

Учитывая изложенное, представляется крайне своевременным, по нашему мнению, задуматься о разработке на самом высоком уровне комплексного целевого документа стратегического планирования в сфере оценки угроз и выработки инструментария по противодействию незаконным ограничительным мерам, направленным против Российской Федерации. Зарубежный опыт подобных

санкционных механизмов против отдельных стран демонстрирует, что данные режимы рестрикций являются продолжительными по времени и не отменяются десятилетиями. В этой связи логичными выглядят предложения по данной теме ряда ведущих специалистов, отмечающих, что стратегия противодействия санкциям не должна сводиться лишь к техническим мерам (квоты, запреты, тарифы и т.п.), так как это будет являться ответом на уже нанесенный удар. Учитывая данный факт, документ стратегического планирования в этой области следует разрабатывать межведомственно на основе принципа системности и с опорой на экспертное сообщество. Ключевыми приоритетами здесь могут выделяться снижения зависимости от доллара и в целом западно-ориентированной экономической модели, расширение торговых связей и партнерств для противодействия экстерриториальным санкциям, создание собственных структур и объединений помимо и поверх уже действующих и т.п. Наконец, следует продвигать принцип признания легитимными только санкций Совета Безопасности. Реализация этих приоритетов позволит перейти от оборонительной тактики к проактивной политике, где инициатива, а не ответ на внешний удар, становится основой защиты национального суверенитета [21].

Что касается совершенствования антисанкционного законодательства для защиты национального суверенитета, то в данной сфере можно выделить следующие действующие ключевые акты:

– Федеральный закон от 09.07.1999 № 160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ «О специальных экономических мерах и принудительных мерах»;

– Федеральный закон от 29.04.2008 № 57-ФЗ «О порядке осуществления иностранных инвестиций в хозяйственные общества, имеющие стратегическое значение для обеспечения обороны страны и безопасности государства»;

– Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации»;

– Федеральный закон от 04.07.2018 № 127-ФЗ «О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств»;

– Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ «О международных компаниях и международных фондах»;

– Федеральный закон от 04.08.2023 № 470-ФЗ «Об особенностях регулирования корпоративных отношений в хозяйственных обществах, являющихся экономически значимыми организациями».

Анализируя данные и иные акты в рассматриваемой сфере, можно отметить, что в целом современное российское законодательство образует два направления антисанкционной политики. Первое направление включает контрмеры, закрепленные в актах прямого действия. В их числе Федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ, регулирующий применение специальных экономических мер в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства или его органов и должностных лиц [13]. К ним следует отнести Федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ, который позволяет вводить персональные ограничения в ситуациях, когда российские граждане сталкиваются с дискриминацией за границей [12]. Не менее значим Федеральный закон от 04.07.2018 № 127-ФЗ, который позволяет главе государства запрещать ввоз отдельных категорий товаров, приостанавливать международное сотрудничество, а также предпринимать ряд иных важных мер [14]. Данное направление ориентировано на зеркальное или асимметричное реагирование на внешние вызовы и угрозы.

Второе направление законодательной антисанкционной политики, напротив, обращено внутрь страны. Акцент ставится на сохранение устойчивости экономики, адаптацию к новым условиям. Федеральные законы от 09.07.1999 № 160-ФЗ, от 29.04.2008 № 57-ФЗ с учетом последующих поправок и от 04.08.2023 № 470-ФЗ направлены на суверенизацию стратегически важных отраслей экономики, включая военно-промышленный, аэрокосмический, технологический и иные ключевые сектора, а также на контроль за иностранными инвестициями в области, критически важной для обороны страны и безопасности государства. Федеральный закон от 03.08.2018 № 290-ФЗ создал предпосылки для возврата исконно отечественного бизнеса в российскую национальную юрисдикцию задолго до того, как активы крупнейших российских лиц за рубежом подверглись рискам блокировок и даже конфискаций.

Дополнительно с 2022 г. был сформирован массив нормативных решений законодательного и подзаконного уровней, включающий необходимые налоговые льготы, снижение административных издержек бизнеса, включая моратории на проверки, а также ряд других важнейших мер поддержки [1]. Это, в частности, позволило перестроить логистические и финансовые цепочки, подстроить их под реалии санкционных ограничений.

В условиях чрезвычайного внешнего давления российское законодательство переживает трансформацию. От точечного реагирования на вызовы оно пытается совершить переход к системному выстраиванию того, что можно назвать экономической крепостью. Сегодня законодательство в данной сфере представляет собой совокупность различных нормативных актов, принимавшихся в разное время и не всегда с должной координацией между собой. Так, например, Федеральный закон «О специальных экономических мерах и принудительных мерах», принятый еще в 2006 г. как рамочный впоследствии многократно корректировался под возникающие обстоятельства. Это привело к утрате его системной целостности. В дальнейшем правовое регулирование оказалось рассредоточенным по различным законодательным и подзаконным источникам, между которыми нет единой иерархии и понятийного аппарата. Таким образом, на наш взгляд, в условиях нарастания дальнейших внешних негативных факторов требуется гармонизировать весь массив антисанкционного законодательства, устранить имеющиеся коллизии, разграничить сферы действия смежных законов. Это позволило бы преодолеть фрагментарность действующего регулирования и сформировать более удобную и гибкую для применения правовую основу.

Вместе с тем важно отметить, что в последние годы российская правовая политика имеет тенденцию к переходу от экстренной реакции на уже возникшие проблемы к стремлению сформировать условия, предотвращающие эти проблемы изначально. Например, в сфере информационных технологий государство постепенно создает нормативную среду для ограничения влияния зарубежных цифровых платформ. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон "О связи" и Федеральный закон "Об информации, информационных технологиях и о защите информации"» от 01.05.2019 № 90-ФЗ (т.н. закон о «суверенном интернете») позволил российскому сегменту сети работать автономно [23]. В том числе закон о «приземлении» IT-гигантов обязал крупные интернет-ресурсы открывать в стране филиал, представительство или

уполномоченное юридическое лицо, регистрировать личный кабинет в Роскомнадзоре и размещать на своем ресурсе электронную форму для обратной связи с гражданами и организациями. Данный механизм подкреплён реальными мерами принуждения, поэтому результат не заставил себя ждать, и ряд крупных зарубежных платформ выполнили новые требования. Те компании, которые отказались от соблюдения правил, столкнулись с соответствующими ограничениями. Факт создания такого механизма дал государству рычаг воздействия, который можно задействовать, не дожидаясь, пока та или иная компания решит волюнтаристски действовать в российской юрисдикции.

Аналогичную превентивную логику демонстрирует рассматриваемый Государственной Думой законопроект № 104796-8 «О внешней администрации по управлению организацией». Сам факт его внесения и рассмотрения в первом чтении в качестве предостережения иностранному бизнесу уже выполнил функцию предварительной защиты экономики, защиты потребительского рынка и рынка трудовых ресурсов. Такие последствия как принудительная передача управления государственной корпорации, блокировка увольнений, расторжение существенных договоров, вывод активов [7] убедили ряд компаний пересмотреть свои намерения. Они предпочли добровольно продолжать деятельность, найти дружественных покупателей, чтобы сохранить за собой контроль, а не потерять его в судебном порядке. Несомненно, более качественным вариантом является системное, выстроенное регулирование, однако практика показывает, что и незавершенные законодательные инициативы могут сыграть значительную роль.

Таким образом, превентивные меры не столько наказывают, сколько заранее формируют поведение соответствующих субъектов права. В частности, зарубежные компании на российском рынке видят границы дозволенного и понимают, что односторонний уход или игнорирование правил национальной юрисдикции могут обернуться серьезными издержками. Такой подход создает благодатную почву для защиты экономического суверенитета и показывает, что чем шире подобные решения будут внедряться ключевых отраслях (от цифровой экономики до промышленности и инфраструктуры), тем меньше придётся экстренно реагировать на уже случившиеся проблемы.

Подводя итоги, отметим, что в условиях чрезвычайного незаконного внешнего давления российское антисанкционное регулирование переживает период трансформации. Одним важным направлением его развития является

совершенствование действующих документов стратегического планирования в сфере противодействия односторонним ограничительным мерам, а также выработка профильного специального акта в данной области. Вторым важнейшим направлением является совершенствование и гармонизация федерального антисанкционного законодательства, являющегося в настоящее время несколько фрагментарным и реактивным.

В целом стоит подчеркнуть, что ряд уже принятых упреждающих правовых инструментов показывают свою действенность даже на этапе законодательной проработки. Так, заблаговременно принятые меры позволяют корректировать поведение хозяйствующих субъектов без немедленного применения принуждения. Однако этого пока что недостаточно для полноценной защиты суверенитета государства. Распространение такого подхода на другие отрасли экономики и сферы жизни позволит сократить необходимость экстренного вмешательства в рамках реализующихся сценариев по противодействию внешним вызовам и угрозам.

Список используемых источников

1. Антисанкционные меры 2022–2026: [обзор] / Гарант. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/57750630/ (дата обращения: 28.03.2026).

2. Военная доктрина Российской Федерации: утв. Президентом РФ 25 дек. 2014 г. № Пр-2976 // Собрание законодательства РФ. 2015. № 1. Ст. 19.

3. Геворгян К. Односторонние санкции и международное право // Международная жизнь. 2026. № 3. С. 2–18.

4. Еремин В.В., Сильвестров С.Н. Методология оценки прямого и косвенного влияния санкций на ресурсный потенциал национальной и региональных экономик // Проблемы прогнозирования. 2025. № 1. С. 162–174.

5. Кёхлер Х. Санкции и международное право // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14, № 3. С. 27–47.

6. Максуров А.А. Система антисанкционного законодательства Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2024. № 6. С. 51–58.

7. Международные отношения: грани настоящего и будущего: сб.науч. тр. / Российский совет по международным делам (РСМД); [под редакцией И. С. Иванова и др.; составители: И. С. Иванов и др.]. Москва: НП РСМД, 2023. – 472 с.

8. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2023. № 14. Ст. 2397.

9. О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: федеральный закон от 01.05.2019 № 90 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 18. Ст. 2214.

10. О внешней администрации по управлению организацией: законопроект № 104796-8: внесен депутатами А.Б. Выборным, М.Е. Старшиновым, В.П. Водолацким, О.А. Матвейчевым // Система обеспечения законодательной деятельности. [Электронный ресурс]. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/104796-8 (дата обращения: 28.03.2026).

11. О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 01.07.2021 № 236 ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27 (ч. 1). Ст. 5046.

12. О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации: федеральный закон от 28.12.2012 № 272-ФЗ // Российская газета. 29 декабря 2012. № 302. С 1–36.

13. О мерах воздействия (противодействия) на недружественные действия Соединенных Штатов Америки и иных иностранных государств: федеральный закон от 04.06.2018 № 127 ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 24. Ст. 3394.

14. О специальных экономических мерах и принудительных мерах: федеральный закон от 30.12.2006 № 281-ФЗ // Российская газета. 10 января 2007. № 1. С. 1–26.

15. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2021. № 27. Ст. 5351.

16. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 20. Ст. 2902.

17. Пашенцев Д.А., Абдиева Д.А., Борисова С.В. Внешние санкции: историко-правовая ретроспектива // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. 2024. № 3. С. 52–59.

18. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия: сб. науч. тр. / Российский совет по международным делам (РСМД); [составители: И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая]. Москва: НП РСМД, 2023. – 536 с.

19. Семенова Н.К., Марченкова Е.А., Грачева И.В. Санкции, односторонние ограничительные меры и рестрикции в международном праве // Международный научно-исследовательский журнал. 2022. № 6. С. 120.

20. Скороходова, В. П. Политическая стабильность Российской Федерации в условиях западных санкций / В. П. Скороходова // Философия права. 2025. № 2. С. 194–201.

21. Статистика санкций в отношении России: дашборд / Castellum.AI. – 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.castellum.ai/russia-sanctions-dashboard (дата обращения: 28.03.2026).

22. Статистика санкций в отношении российских физических и юридических лиц / X-Compliance. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://x-compliance.ru/statistics (дата обращения: 26.03.2026).

23. Тимофеев И.Н. Противодействие санкциям: от законодательства к стратегии // Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия / Российский совет по международным делам (РСМД); [сост. И. Н. Тимофеев, Т. А. Махмутов]. Москва: НП РСМД, 2018. С. 120–124.

24. Типайлов, Е. Оценка правомерности экономических санкций с позиций международного права // Российский совет по международным делам. 2026. 12 марта. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TE4PL (дата обращения: 28.03.2026).

25. Устав Организации Объединенных Наций (принят в г. Сан-Франциско 26.06.1945) // Контур. Норматив. [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=27258 (дата обращения: 26.03. 2026)

26. Sergei Magnitsky Rule of Law Accountability Act of 2012 // United States Statutes at Large. 2012. Vol. 126. P. 1496.

ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ (ЭЛЕКТРОННЫХ) ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Рзаева А.А. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Кузьмина М.Е. – преподаватель, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматриваются понятие и виды цифровых (электронных) доказательств в уголовном процессе, их место в системе доказательств уголовного процесса. Приводятся статистические данные о количестве зарегистрированных киберпреступлений за последний год. Особое внимание уделено проблемам цифровых (электронных) доказательств, а также путям решений, выявленных проблем.

Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве – это любая цифровая информация и ее носители, полученные следователем, дознавателем, судом или представленные в порядке, установленном уголовно-процессуальным кодексом, устанавливающие обстоятельства, подлежащие доказыванию, а также иные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела [4].

В апреле 2024 года группа исследователей в рамках европейского проекта CRIMGOV опубликовала первый Всемирный индекс киберпреступности (World Cybercrime Index, WCI), разработанный на основе опроса сотен ведущих мировых экспертов в области киберпреступности. Полученные данные легли в основу методики сравнения государств по уровню исходящей киберпреступной активности. При расчете индекса учитывались как оценки по различным категориям киберугроз, так и количество экспертов, идентифицировавших конкретную страну в качестве значимого источника таких угроз.

Согласно результатам, лидером рейтинга с показателем WCI 58,39 признана Российская Федерация, которая, по оценкам исследователей, выступает основной страной происхождения киберпреступлений (рис. 1).

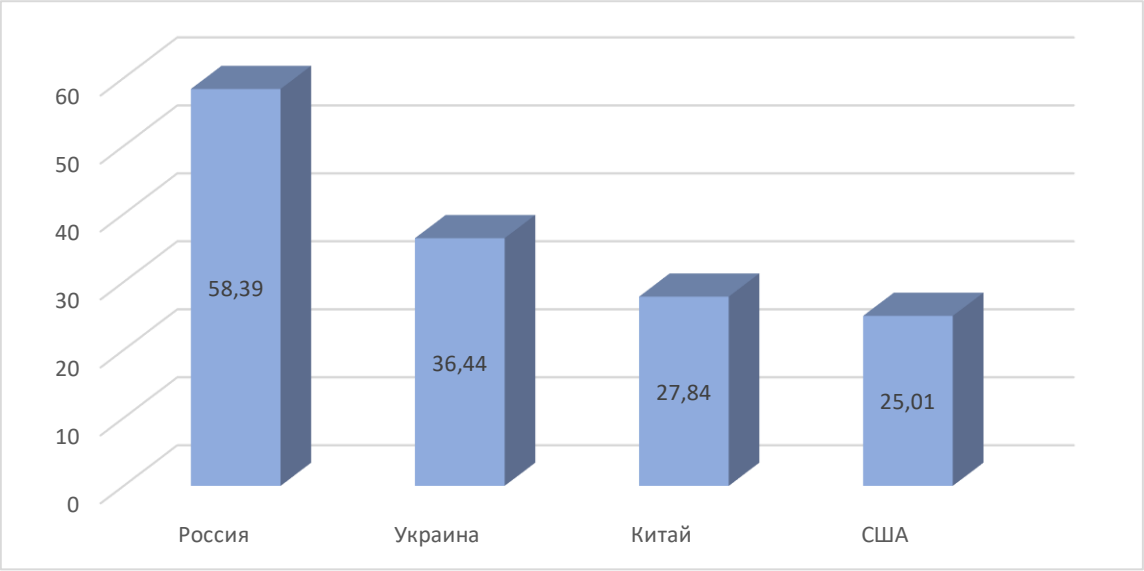


Рис. 1. Всемирный индекс киберпреступности [3]

Дополнительные эмпирические данные свидетельствуют о высокой активности киберугроз на региональном уровне. Согласно статистике сервиса Anti-DDoS ГК «Солар», в 2024-м году количество DDoS-атак на Уральский федеральный округ возросло на 70 %. В Челябинской области, по сведениям ГУ МВД, совокупный ущерб от киберпреступлений только за минувший год превысил 3,7 млрд рублей. Объектами противоправных действий становятся как физические лица, так и хозяйствующие субъекты различного масштаба (рис. 2).

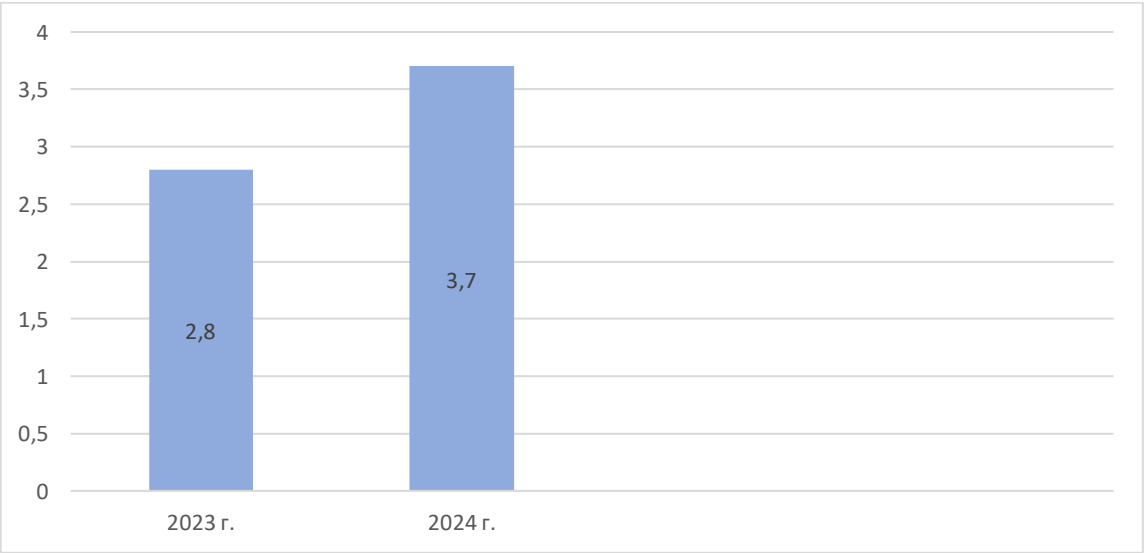


Рис. 2. Ущерб от киберпреступлений за 2023-2024 гг. (в млрд руб.) [2]

Нормативное определение доказательств содержится в ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ), согласно

которой доказательствами по уголовному делу признаются любые сведения, служащие основанием для установления судом, прокурором, следователем или дознавателем в предусмотренном УПК РФ порядке наличия либо отсутствия обстоятельств, входящих в предмет доказывания, а также иных обстоятельств, имеющих значения для дела. Ограничение доказательственной информации от иных сведений обеспечивается посредством законодательно закреплённых требований к источнику происхождения информации и способы её получения.

Обязательным условием использования сведений в уголовно-процессуальном доказывании выступает их соответствие критериям относимости, допустимости и достоверности. При этом в своей совокупности доказательства должны отвечать требованиям достаточности для принятия процессуальных решений.

Ч. 2 ст. 74 УПК РФ закрепляет закрытый перечень видов доказательств, допускаемых в уголовном судопроизводстве. К ним относится: показания подозреваемого и обвиняемого; показания потерпевшего и свидетеля; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста; вещественные доказательства; протоколы следственных и судебных действий; иные документы [8].

В настоящее время понятие «электронное доказательство» представляет собой условное обозначение доказательства, содержание которого выражено в электронной форме. Отсутствие законодательного закрепления данной дефиниции обуславливает дискуссионный характер её легального определения.

Более широким по объему является понятие «электронные свидетельства» (электронные данные), которая охватывает, в частности, записи, хранящиеся у сетевых или интернет-провайдеров. Такая информация может быть использована в процессе доказывания, однако лишь при соблюдении определённых условий, поскольку доказательства в уголовном судопроизводстве должны соответствовать строгим критериям допустимости.

Для трансформации электронной информации в электронные доказательства необходимы надлежащая правовая регламентация и закрепление соответствующих процессуальных норм – именно этим во многом объясняется тот факт, что институт электронного доказывания в настоящий момент находится на этапе теоретического осмысления и научного обоснования.

В отечественной юридической литературе наиболее полная и детализированная классификация электронных доказательств предложена В.Б. Веховым. На основе анализа различных классификационных критериев, выявленных в результате изучения действующего российского законодательства в сфере информации, информационных технологий, защита информации и электронного документооборота, указанным автором разработана следующая классификация электронных доказательств:

- файл;
- сетевой адрес;
- доменное имя;
- электронное сообщение;
- электронный документ;
- информационная система;
- сайт в сети Интернет;
- страница сайта в сети Интернет;
- электронная подпись;
- программа для ЭВМ (компьютерная программа);
- база данных;
- электронный журнал;
- электронные денежные средства [1].

Все электронные устройства, включая накопители информации, гаджеты и иные технические средства, формируют определённую среду либо сами выступают в качестве таковой. Информация, хранящаяся на данных устройствах, обладает нематериальной природой и также существует в границах указанной среды. Для признания цифровой информации, представленной в электронной форме на электронном носителе, доказательством в судебном производстве необходимо соблюдение ряда критериев.

Во-первых, цифровая информация должна быть всегда неразрывно связана с конкретным носителем или техническим устройством. Во-вторых, она может быть скопирована без утраты содержания и свойств, причём одна и та же информация способна одновременно существовать на различных типах носителей. В-третьих, для восприятия понимания цифровой информации требуются специализированные технические средства.

В юридической практике электронные доказательства зачастую рассматриваются сквозь призму традиционных видов доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальном законодательством. При этом к электронному доказательству предъявляются более строгие требования в процессе их собирания и оценки по сравнению с иными видами доказательств. Указанная особенность обусловлена, как упоминалось, нематериальной природой таких доказательств, их уязвимостью перед изменениями и уничтожением, а также необходимостью использования специальных технических средств и привлечения экспертов для их исследования.

Электронная информация, обладающая самостоятельной доказательственной значимостью, может быть получена в уголовном процессе только двумя способами: путём изъятия электронного носителя либо посредством копирования соответствующей информации. Иными словами, возникновение доказательства, содержащего электронные данные, непосредственно связано со следственным действием, в рамках которого возможно изъятие предметов и документов или копирование электронной информации. В впоследствии изъятая или скопированная электронная информация после проверки и оценки на предмет относимости, достоверности и допустимости приобретает статус уголовного процессуального доказательства.

Вопрос о месте электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам остается дискуссионным, поскольку законодательно такие носители не отнесены ни к одному из источников доказательств, перечисленных в ч. 2 ст. 74 УПК РФ. Основная дискуссия среди учёных-процессуалистов по данной проблеме сводится к отнесению электронных носителей информации либо к иным документам, либо к вещественным доказательствам.

Сторонники первой позиции аргументирует свою точку зрения прежде всего технологическим толкованием положения ст. 84 УПК РФ, которое устанавливает, что документы, содержащие сведения об обстоятельствах могут фиксировать указанную информацию как в письменном, так и в ином виде. Ч. 2 ст. 84 УПК РФ дополнительно указывает, что к иным документам могут быть отнесены и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, предусмотрено ст. 86 УПК РФ. Таким образом, под иными носителями информациями законодатель мог подразумевать именно электронные носители информации.

Процессуалисты, придерживающиеся альтернативной позиции, полагают, что электронные носители информации следует признать вещественным доказательством. К обоснованию данного подхода приводятся следующие аргументы. Ч. 4 ст. 81 УПК РФ, определяющая перечень предметов, не признаваемых вещественными доказательствами и подлежащих возврату, прямо включает в их число электронные носители информации. Ст. 82 УПК РФ, регламентирующая порядок хранения вещественных доказательств, устанавливает специальные правила хранения вещественных доказательств в виде электронных носителей информации. Кроме того, законодатель отдельно предусмотрел, что при расследовании преступлений в сфере экономической деятельности электронные носители информации признаются вещественными доказательствами и приобщаются к материалам уголовного дела, о чем выносится соответствующее постановление [7].

Согласно статистике за 2025 г. по г. Челябинску доля IT-преступлений продолжает расти и составляет более 40 % от общего числа зарегистрированных преступлений. Жители города в результате дистанционных мошенничеств в 2025-м году лишились почти полутора миллиардов рублей (рис. 3).

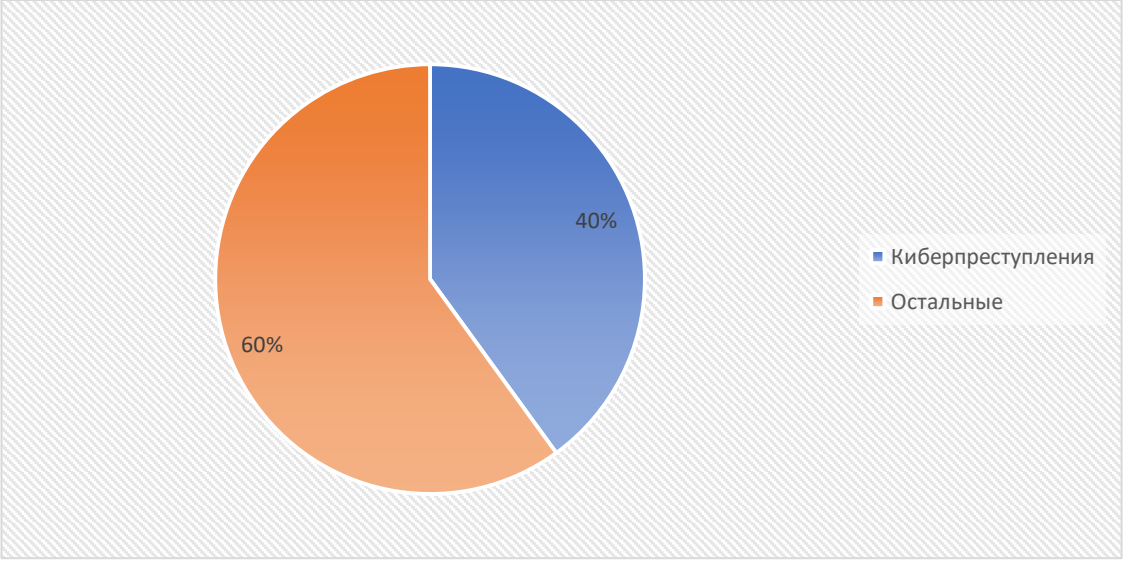


Рис. 3. Доля киберпреступлений от других преступлений за 2025 г. [9]

Проблема порядка оценки электронных доказательств в уголовном процессе РФ заключается в отсутствии законодательно закреплённых критериев и методик, позволяющих достоверно определить их подлинность, целостность и допустимость,

что порождает противоречивую судебную практику и нарушает принципы уголовного судопроизводства [5].

В процессе собирания доказательств возникают существенные трудности, связанные с фиксацией цифровой информацией. Действующее уголовно-процессуальное законодательство (ст. 164.1 УПК РФ) в качестве общего правила предусматривает изъятие электронных носителей информации. Однако правоприменительная практика демонстрирует, что копирование информации, выступающее альтернативой изъятия, не всегда способно гарантировать неизменность (целостность) скопированных данных и, кроме того, требует наличие специальных познаний для создания криминалистических копий, отвечающих критерию достоверности.

Дополнительным фактором, повышающим уязвимость цифровых доказательств, является высокий риск утраты или несанкционированной модификации данных вследствие возможности удалённого доступа к ним со стороны заинтересованных лиц. Указанные обстоятельства предъявляют особые требования к оперативности производства следственных действий, направленных на обнаружение и изъятие электронной информации, поскольку любое промедление может повлечь безвозвратную утрату доказательственной информации или изменения её первоначального состояния.

На стадии судебного разбирательства одной из ключевых проблем выступает нарушение принципа непосредственности исследования доказательств. Суды зачастую ссылаются не на сами цифровые доказательства, а на протоколы их осмотра, составленные в ходе предварительного следствия. Между тем оглашение указанных протоколов не может заменить непосредственного исследования виртуального содержимого, поскольку перенос информации в бумажный текстовый формат объективно повышает степень её искажения и утраты части релевантных свойств.

Ещё одним фактором, осложняющим судебное расследование электронных доказательств, является техническая сложность их воспроизведения, что обуславливает необходимость наличия в суде соответствующего оборудования, а также, как правило, привлечение специалистов в области информационных технологий. Однако на практике указанные условия обеспечены далеко не в полной мере.

Кроме того, отсутствие единых стандартов оценки достоверности электронных доказательств приводит к тому, что ключевое значение приобретает проверка целостности данных – установление неизменности информации с момента её фиксации посредством цифровых средств верификации. Вместе с тем процессуальный механизм проведения такой проверки в российском уголовным процессуальном законодательстве в настоящее время детально не проработан, что создает дополнительные риски для признания электронных доказательств недопустимыми и снижает эффективность их использования в судебном доказывании [6].

Таким образом, отсутствие в УПК РФ легального понятия цифровых доказательств и процессуального порядка работы с ними создает правовую неопределённость, затрудняет раскрытие киберпреступлений и влечёт риски признания таких доказательств недопустимыми. Специфическая природа электронной информации требует нормативного закрепления данного института с чёткими критериями относимости, допустимости, достоверности и процедурами проверки целостности данных.

Список используемых источников

1. Балакшин В.С., Вехов В.Б. // Развитие информационных технологий в уголовном судопроизводстве: монография / М: Юрлитинформ, 2018. С. 75–78.

2. В регионах убытки от хакерских атак достигают миллионов рублей: как минимизировать риски // 74.RU. [Электронный ресурс]. URL: https://74.ru/text/business/2025/08/08/75811699/ (дата обращения: 29.09.2025).

3. Высокотехнологичный хакинг: Россия вошла в топ индекса киберпреступности // РБК. ТРЕНДЫ. [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/672471259a794794c6b77e87 (дата обращения: 29.09.2025).

4. Зуев С.В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: учебник для вузов. М: Издательство Юрайт, 2025. 193 с.

5. Корнакова С.В., Чигрина Е.В. Электронные доказательства в российском уголовном процессе: проблемные вопросы // Юридический вестник Самарского университета. 2025. Т. 11, №2. С. 44–50.

6. Кошкина, Е.А. Некоторые проблемы применения электронных доказательств в уголовном процессе // Молодой ученый. 2024. № 18. С. 218–219.

7. Орлова, А.А. Место электронных носителей информации в системе доказательств по уголовным делам // Молодой ученый. 2017. № 15. С. 287–289.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174 ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 09.10.2025).

9. Челябинцы в 2025 г. лишились почти 1,5 млрд руб. из-за киберпреступлений // Интерфакс. Россия. [Электронный ресурс]. URL: https://www.interfax-russia.ru/ural/main/chelyabincy-v-2025g-lishilis-pochti-1-5-mlrd-rub-iz-za-kiberprestupleniy (дата обращения: 14.01.2026).

ЮРИДИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В РФ В ДИСЦИПЛИНАРНОМ И МАТЕРИАЛЬНОМ АСПЕКТЕ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Рыженина А.Н. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Неровная Н.Н. – к.ю.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматриваются дисциплинарный и материальный аспекты юридической ответственности военнослужащих РФ. С одной стороны показано, в чём конкретно состоит более строгая регламентация поведения военнослужащих, а с другой – благодаря чему им предоставлена бóльшая свобода действий, чем гражданским лицам. Именно сочетание этих двух противоположных тенденций способствует повышению боевого духа и ответственности военнослужащих и в то же время требует особого внимания к правоприменительной практике, чтобы избежать произвола и неуставных отношений.

Правовое положение военнослужащих характеризуется сочетанием двух тенденций: во-первых, на них распространяются нормы российского законодательства в целом; во-вторых, они подчинены военному праву, которое находится в сложных отношениях с общегражданским правом [1]. Прежде всего у военнослужащих более развит институт юридической ответственности: дисциплинарной, административной, материальной и уголовной, в том смысле, что на них налагаются дополнительные ограничители в поведении, неизвестные гражданским лицам: например, военнослужащий подлежит уголовной ответственности за самовольное оставление места службы, в то время как,

например, гражданин, оставивший рабочее место, подлежит в худшем случае только дисциплинарной ответственности перед работодателем (если этот поступок не возымел трагические последствия). Однако при этом военнослужащие обладают дополнительными социальными гарантиями, благодаря которым поддерживается их социальный статус [1].

В силу этого военнослужащие подвержены более строгим ограничителям своего поведения, чем гражданские лица, но в то же время обладают более широкими правомочиями. Например, бывшие военнослужащие имеют возможность более раннего выхода на пенсию, чем гражданские лица, что позволяет им сохранить гарантированные выплаты от государства при занятиях, сопряжённых с повышенным экономическим риском (например, при открытии собственного бизнеса).

В данной статье будут проанализированы некоторые специфические черты военного права с позиции того, каким образом в них можно выявить сочетание обеих тенденций: с одной стороны, усиления ограничений произвола, а с другой – предоставления военнослужащим бóльшей свободы действий, чем гражданским лицам. При этом в силу небольшого формата статьи будет рассматриваться только дисциплинарная и материальная ответственность. Будет показано не только то, какие дополнительные ограничения (по сравнению с гражданскими лицами) налагаются на военнослужащих, но и в чём увеличивается пространство свободы их действий.

Особенности юридической ответственности военнослужащих: общетеоретические аспекты.

В монографии про военное право под ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина [2] приведены 5 главных характерных признака этой ответственности:

– наличие как общего, так и специального правового регулирования ответственности;

– бóльшее количество юридических ограничений;

– применение к военнослужащим более строгих, а также специфических (неизвестных гражданским лицам) санкций;

– наличие у командиров (начальников) специальных полномочий по привлечению военнослужащих к юридической ответственности;

– более детальная регламентация действий командиров (начальников) по привлечению военнослужащих к юридической ответственности [2].

Можно сделать вывод, что в четырёх из пяти признаков речь идёт о более детально разработанном содержании юридической ответственности военнослужащих по сравнению с содержанием ответственности гражданских лиц, то есть о том, что военнослужащие подвергнуты более строгим ограничителям их поведения [5]. Так, специальные правовые регуляторы ответственности подчиняют поведение военнослужащих более строгим образцам, чем поступки гражданских лиц: речь идёт о таких дополнительных законах, определяющих статус военнослужащих, как Федеральный Закон «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ в ред. от 12 декабря 2011 г., Устав внутренней службы (утверждён Указом Президента РФ от 10 ноября 2007 № 1495 в ред. от 29 июля 2011 г.), Федеральный закон «О материальной ответственности военнослужащих» от 12 июля 1999 г. № 161-ФЗ и др. [7].

Исходя из анализа этих законов следует, что военнослужащие не всегда вправе свободно распоряжаться своими силами, здоровьем и даже жизнью не только в экстремальных ситуациях (например, военных конфликтах, ЧС и др.), но и при прохождении службы в её сложные периоды (во время учений). Более строгие санкции налагают на них дополнительные наказания за противоправные деяния, а более детальная регламентация действий командиров (начальников) по привлечению военнослужащих к юридической ответственности уменьшает опасность произвола при установлении санкций в отношении нижестоящих лиц в армии [3].

Тем не менее четвёртый характерный признак юридической ответственности военнослужащих указывает на то, что у командиров имеются определённые полномочия как в плане наказания, так и поощрения своих подчинённых, которые отсутствуют у гражданских лиц. Более же детальная регламентация полномочий командиров (см. пятый характерный признак юридической ответственности) свидетельствует о том, что применение этих полномочий подчиняется интересам дела – повышению боеспособности армии как целостной системы. Следовательно, у военнослужащих, находящихся на более высоких ступенях иерархии, возникает более широкая свобода действий, по сравнению с гражданскими лицами, и в то же время сужается пространство для злоупотребления ею.

И всё-таки опасность злоупотреблений свободой не купируется полностью: «Трепетное отношение командиров и начальников к исполнению солдатами-срочниками своих обязанностей обычно объясняется воспитательными целями. На

деле же это зачастую служит развитию неуставных взаимоотношений» [7]. Отсюда вытекает необходимость не только ещё более строгой регламентации полномочий командиров, но и повышения общей культуры и образования офицеров и их подчинённых. В военном праве правоприменительный аспект оказывается особенно важным, и проблема преодоления злоупотреблений может надёжно решаться только на пути усиления воинского духа и повышения мотивации к военной службе в целом.

Проблема дисциплинарной ответственности военнослужащих

Специфической чертой дисциплинарной ответственности военнослужащих является её служебная подчинённость, то есть разграничение применения разных видов дисциплинарных взысканий в зависимости от воинских званий, а также зависимость содержания и меры ответственности от дисциплинарной власти командира (начальника), уполномоченного привлечь нарушителя к ответственности (п. 3 ст. 28.4 ФЗ «О статусе военнослужащих» и статьи 55 –73 и 80 «Дисциплинарного Устава ВС РФ») [9].

Перечень видов дисциплинарной ответственности военнослужащих приведён в ст. 28.4 ФЗ «О статусе военнослужащих». Стоит отметить, что дисциплинарная ответственность налагается не только в качестве санкции за уже совершённые проступки, но и применяется в целях предупреждения совершения дисциплинарных проступков [2]. Такое расширительное истолкование ответственности невозможно за пределами военного права и обуславливается спецификой военной службы как особо важной сферы деятельности, нарушение дисциплины, в которой может иметь гораздо более серьёзные последствия для общества, чем «на гражданке».

К военнослужащим могут быть применены следующие меры дисциплинарных взысканий: ко всем – выговор, строгий выговор, снижение в воинской должности, дисциплинарный арест (последнее не распространяется на лиц, ещё не приведённых к Воинской присяге); к солдату, матросу, сержанту или старшине, проходящему военную службу по призыву – лишение очередного увольнения из расположения воинской части или с корабля на берег и лишение нагрудного знака отличника; к «контрактникам» – досрочное увольнение с военной службы в связи с невыполнением условий контракта; к курсантам военной профессиональной образовательной организации – отчисление из последней. При этом дисциплинарный арест и содержание на гауптвахте представляет собой самую

суровую санкцию, причём оговаривается, что если она применяется за административное правонарушение (установленное общегражданским Кодексом об административных правонарушениях), то она может быть наложена гарнизонным судьёй на срок до 30 суток (т.е. в 2 раза больше, чем на «гражданке») [2].

Очевидно, что разработанное более детально содержание административной ответственности военнослужащих по сравнению с содержанием аналогичной ответственности гражданских лиц призвано в бóльшей мере воспрепятствовать противоправному поведению военных, а также способствовать повышению дисциплинированности и самоконтролю военных. Эти два личностных качества позволяют им добиваться жизненных целей уже после завершения военной службы (например, в бизнесе). Следовательно, то, что на первый взгляд воспринимается как ограничитель активности, в перспективе способствует развитию личности в целом, что повышает авторитет военных в обществе и даже делает их примерами для подражания у молодёжи.

Имеется ещё одно заметное специфическое упоминание в административной ответственности военнослужащих: «Мерами принуждения в дисциплинарной ответственности выступают дисциплинарные взыскания, а не наказания, как предусмотрено нормами об административной или уголовной ответственности (ст. 28.4 Федерального закона «О статусе военнослужащих»)» [2]. В частности, это означает, что назначение военным судом дисциплинарного ареста за грубый дисциплинарный проступок не влечёт за собой судимости. Эта мера позволяет военнослужащему сохранять свой статус в обществе в случае правонарушений, недостаточно серьёзных, чтобы к нему были применены уголовные наказания.

Другим специфическим содержанием является возможность применения командиром (начальником) в устной или письменной форме воспитательных мер воздействия: замечаний, порицаний, указаний на упущения по службе или критики поведения. В связи с этим Полунин С.В. определяет понятие дисциплинарной практики как «систему применения к военнослужащим мер поощрения и дисциплинарных взысканий в целях их воспитания, укрепления воинской дисциплины и поддержания в частях и подразделениях твёрдого уставного порядка» [8]. В этом аспекте в военное право проникают этические нормы, что представляет собой очень интересный феномен, благодаря которому сама военная служба может становиться путём личностного самосовершенствования, что служит

ещё одним фактором, объясняющим высокий авторитет военных в обществе в целом.

Проблема материальной ответственности военнослужащих

Установлена Законом о материальной ответственности военнослужащих в новой редакции от 2020 г. [6]. В некотором смысле материальная ответственность военнослужащих имеет общие черты с гражданско-правовой ответственностью: ее целью является возмещение материального вреда, причиненного вследствие правонарушения; направлена на имущественную сферу правонарушителя, не затрагивая его личности; может применяться к правонарушителю одновременно с применением других видов ответственности [2].

Однако у материальной ответственности военнослужащих имеются специфические черты. Прежде всего она распространяется лишь на случаи причинения ущерба военному имуществу, находящемуся в федеральной собственности – в отличие от гражданско-правовой ответственности, которая имеет дело с возмещением ущерба имуществу и государства, для граждан и организаций. Далее ответственность наступает только в случае причинения ущерба при исполнении военнослужащим служебных обязанностей, в отличие от гражданско-правовой ответственности, для которой не имеет правового значения нахождение или не нахождение виновного лица при исполнении своих служебных обязанностей. Кроме того, действует принцип дифференциации, подразумевающий, что вина может быть соразмерной обстоятельствам, а потому в случае причинения военнослужащим ущерба по неосторожности, его возмещение может быть неполным, и расходы по возмещению частично возьмёт на себя государство – гражданское же право требует полного возмещения ущерба в случае преступления по неосторожности. Более того, для военнослужащих «применяется, как правило, презумпция невиновности. Вина в причинении ущерба должна быть доказана. Гражданско-правовая ответственность строится на другом предположении – на презумпции виновности» [2].

Ответчиком в отношении военнослужащего может быть только государство, которому надлежит (полностью или частично) возместить ущерб, в то время как, если дело касается гражданского лица, ответчиком является юридическое или физическое лицо. Ответственность военнослужащего может быть наложена как в судебном, так и в административном порядке, а гражданина – только в судебном. Военнослужащий возмещает ущерб только в денежной форме, в то время как при

гражданско-правовой ответственности допускаются и иные способы возмещения: совершение виновным лицом работ по устранению недостатков, возмещение вреда в натуре и пр. Материальная ответственность военнослужащих наступает только за виновные деяния (т.е. действия или бездействия), в то время как в гражданском праве обязанность возмещения вреда может быть наложена на лицо, не причинившее вред, например, на продавцов, которые возмещают недостачу выручки в магазине вследствие возможного воровства, которое они не заметили (так называемая безвиновная ответственность). Наконец, возмещение вреда военнослужащим возможно только за реальный ущерб, в то время как в гражданско-правовой ответственности может быть востребовано возмещение упущенной выгоды [2].

Все эти специфические черты материальной ответственности военнослужащих в определённой мере освобождают их от опасений за то, что в экстремальных условиях учений (и тем более военных конфликтов) на них будет возложена излишняя ответственность за испорченное государственное имущество, боевую технику и т.д. В результате они могут сосредоточиться на выполнении военной задачи, рассчитывая на то, что общество адекватно оценит последствия их поступков (например, по принципу «победителей не судят»). Военнослужащие в целом не обязаны доказывать свою невиновность в отношении наступившего ущерба, в отличие от гражданских лиц, относительно которых предполагается, что они находятся в ситуациях, подлежащих контролю, а потому причиняют ущерб по собственной вине (гражданским лицам приходится специально доказывать обратное).

В то же время, если военнослужащий допускает халатное отношение к боевой технике, имуществу государства или гражданским лицам, и его вина в причинении ущерба будет очевидной, то он всё же должен понести материальную ответственность. Однако при этом государство осознает, что размер ущерба может быть неподъёмным для конкретного лица, а потому вынуждено разделить с ним возмещение ущерба. Но это не означает, что военнослужащий может отделаться небольшими личными расходами, поскольку он также может быть привлечен еще и к административной ответственности. Итак, военнослужащий частично освобожден от материальной ответственности, но только в той мере, в какой необходимо, чтобы воспитать в нем установку на бережное обращение с боевой техникой, имуществом государства и общества.

Еще одно важное изменение в содержании материальной ответственности военнослужащих в редакции Закона о материальной ответственности от 2020 г. состоит в том, что ответственность теперь распространяется и на резервистов, и на лиц, проходящих военные сборы [4]. Следовательно, в отношении материальной ответственности эти лица, которые недавно были гражданскими, приравнены по своему юридическому статусу к военнослужащим.

Юридическая ответственность военнослужащих имеет в целом более детализированный характер, чем ответственность гражданских лиц. Военное право, с одной стороны, более строго регламентирует их поведение, что проявляется в наличии более суровой дисциплинарной ответственности, но с другой стороны, военное право предоставляет им бóльшую свободу: прежде всего в том, что касается материальной ответственности, а также в способствовании поддержанию дисциплины и воинского духа в целом (в последнем случае имеются в виду специальные полномочия командиров в отношении подчинённых, отсутствующие на «гражданке»). Неотъемлемой частью военного права являются этические нормы, что порождает воспитательный эффект военной службы в целом. В результате в военном праве очень важной проблемой становится верное применение закона, в том числе и для того, чтобы избежать неуставных взаимоотношений.

Список используемых источников

1. Берко А.В., Ушаков А.В. Конституционно-правовой статус военнослужащих в Российской Федерации. // Проблемы научно-практической деятельности. Поиск и выбор инновационных решений. Omega Science. 2021. Ч. 1. С. 18–21.

2. Военное право: Монография в 3-х тт. / Под общ. ред. А.Н. Савенкова, А.В. Кудашкина. Т. 2: Современное состояние военного права (институты военного права). М.: Центр правовых коммуникаций, 2021. – 888 с.

3. Гаврюшенко П.И., Монахов А.А. Проведение разбирательства при совершении военнослужащим дисциплинарного проступка // Право в Вооруженных Силах. 2008. № 4. С. 29–38.

4. Кириченко Н.С. К вопросу привлечения военнослужащих к материальной ответственности при выполнении ими некоторых служебно-боевых задач. // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 9. С. 3–5.

5. Корякин В.М. Военно-административное право: Учебник. М: Военная юстиция, 2024. 560 с.

6. Корякин В.М., Кириченко Н.С. Новации законодательного регулирования материальной ответственности военнослужащих // Право в Вооружённых Силах. 2020. № 6. С. 17–24.

7. Маслов Н.А. Обязанности и ответственность военнослужащих срочной службы. // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2012. №. 2. С. 59–66.

8. Полунин С.В. Дисциплинарная практика – правовой инструмент укрепления воинской дисциплины. // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 9. С. 8–15.

9. Савин И.Г. Правовое регулирование деятельности командира воинской части по порядку применения дисциплинарных взысканий к военнослужащим и работникам // Право в Вооруженных Силах. 2017. № 8. С. 6–11.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

Рязанова Д.В. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Ефименко Е.Н. – к.ю.н., и.о. заведующего кафедрой «Юриспруденция», ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

Статья посвящена исследованию изменений в механизмах становления правосознания молодых людей в условиях активного внедрения цифровых технологий. Авторы рассматривают как положительные моменты (увеличение доступности юридических знаний, развитие новых форм гражданского участия), так и возникающие угрозы (распространение ложной информации, рост недоверия к праву, ослабление роли традиционных институтов воспитания).

В современном мире цифровая среда становится неотъемлемой частью жизни, особенно для молодого поколения. Именно в интернете молодежь чаще всего ищет ответы на вопросы о социальных нормах, правах и юридических конфликтах. Безусловно, цифровизация открывает новые горизонты для правового просвещения, однако вместе с тем она порождает и серьезные вызовы для формирования зрелого правосознания.

Актуальность темы обусловлена тем, что правосознание – как система знаний, оценок, отношений и установок индивида по отношению к праву – формируется в процессе социализации. В XXI веке доминирующим пространством этой социализации для молодёжи становится именно цифровая среда, которая выступает не просто каналом передачи информации, а новым онтологическим контекстом бытия. В связи с этим возникает острая необходимость переосмысления традиционных теоретических подходов к изучению правосознания и анализа специфики его формирования в новых условиях.

Цель данной работы: проанализировать специфику и основные векторы влияния цифровой среды на формирование правовых представлений, ценностей и поведенческих моделей современного молодого поколения, уделив особое внимание проблеме распространения правового нигилизма и дезинформации в социальных сетях.

Трансформация информационного ландшафта привела к тому, что традиционные институты формирования правосознания – семья, образовательная система, официальные СМИ – постепенно утрачивают монополию на передачу правовых знаний. Интернет-пространство становится для молодёжи основным источником сведений о праве, причем цифровая среда обладает рядом существенных особенностей. Прежде всего, следует отметить гипердоступность информации: открытые базы законодательства, онлайн-консультации и разъяснительный контент создают значительный потенциал для роста правовой грамотности. Кроме того, наблюдается плюрализация и конфликтность интерпретаций – правовые явления активно обсуждаются в социальных сетях и блогах, где сталкиваются профессиональные, популистские и маргинальные точки зрения. Не менее важна и интерактивность, а также симуляция правового опыта: видеоформаты, например, разборы судебных заседаний, игровые механики вроде правовых квизов и симуляторов создают эффект вовлечённости.

Вместе с тем, как отмечает А.Т. Малхасян [4], сама по себе доступность информации не гарантирует ее адекватного усвоения. Информационная перегрузка и клиповость мышления могут приводить к поверхностному, фрагментарному восприятию правовых знаний, лишенному системности. Это создает предпосылки для возникновения целого ряда рисков, среди которых особенно выделяется распространение правового нигилизма и дезинформации.

Цифровизация, несомненно, открывает и новые возможности для правового просвещения и активизма. Так, благодаря алгоритмам становится возможной персонализация правового просвещения: релевантный правовой контент (о трудовых правах, защите персональных данных, авторском праве) доставляется с учетом конкретных запросов и жизненных ситуаций молодежи. Кроме того, через участие в онлайн-обсуждениях, электронных петициях и краудсорсинговых проектах молодежь осваивает практики отстаивания своих прав и коллективного взаимодействия с властью в правовом поле, формируя тем самым навыки цифрового гражданства. Существенный вклад вносит и демократизация доступа к правосудию: развитие онлайн-сервисов (электронных очередей, подачи исков) и дистанционных форматов взаимодействия с государственными органами заметно снижает барьеры для защиты прав.

Однако эти позитивные тенденции уравновешиваются серьёзными угрозами, порождаемыми цифровой средой. Одной из наиболее острых проблем является распространение правового нигилизма и дезинформации, чему способствуют социальные сети, ставшие каналом тиражирования антиправовых установок, циничных оценок правовых институтов и теорий заговора. Как указывает С.Н. Бекиров [1], агрессивный, маргинальный контент зачастую обладает большей виральностью, чем экспертный, что ведёт к девальвации авторитета права. Этому способствуют несколько факторов: эмоциональная заряженность контента, его простота и доступность, а также эффект подтверждения – молодежь, уже склонная к критическому отношению к власти, охотно воспринимает информацию, подкрепляющую её взгляды.

Не менее значимым фактором риска выступают алгоритмы социальных сетей, способствующие формированию так называемых «эхо-камер» – замкнутых информационных пространств, где доминирует одна, как правило радикальная, правовая позиция. Подобная ситуация блокирует развитие критического мышления и толерантности к иным точкам зрения. Ещё один аспект проблемы связан с клиповостью и имитацией правовой реальности: упрощённые, драматизированные представления о правовых конфликтах, особенно в формате коротких видео, подменяют понимание сложной процедурной сути права. В результате право может восприниматься не как система сдержек и противовесов, а как инструмент сиюминутного разрешения конфликта.

Кроме того, эрозия приватности и искажение представлений о личных границах также оказывают влияние на правосознание. Привычка к тотальной публичности в сети размывает традиционные представления о личной жизни, что осложняет усвоение таких правовых категорий, как неприкосновенность частной жизни, честь и достоинство. В совокупности эти факторы приводят к ряду негативных последствий: снижению доверия к правовым институтам, росту правового инфантилизма, усилению радикальных настроений в молодёжной среде и искажению представлений о справедливости и законности.

Ответом на обозначенные вызовы должно стать не противостояние цифровой среде, а её грамотное использование в воспитательных и образовательных целях. Прежде всего, необходимо интегрировать цифровую медиаграмотность в правовое образование, обучая молодежь критической оценке правового контента, проверке источников информации и распознаванию манипуляций и фейков. Важную роль здесь играет и развитие официальных цифровых просветительских платформ, сочетающих авторитетность (экспертная проверка контента), интерактивность (квизы, симуляции) и современные форматы подачи информации (видео, подкасты, инфографика). Как отмечает Е.А. Певцова [6], правовое воспитание является основным средством формирования правовой культуры.

Не менее важно стимулировать создание профессионального просветительского контента силами юристов, педагогов и блогеров, чтобы сформировать позитивный правовой дискурс в сети. Законодательное и институциональное укрепление цифрового правопорядка также способно создать у молодёжи опыт восприятия цифрового пространства как регулируемой правом, а не анархичной среды. Кроме того, необходимо формировать культуру цифрового диалога, поощряя уважительное обсуждение правовых вопросов в сети и развивая навыки аргументации и критического мышления. Исследователи И.А. Кох и Н.А. Шабаршин [3] подчёркивают важность формирования правосознания именно в студенческой среде. Перспективным направлением представляется и сотрудничество государства с IT-компаниями для разработки механизмов фильтрации деструктивного контента при сохранении свободы слова. Наконец, поддержка молодежных инициатив, включая волонтерство и правовое просвещение сверстников, может способствовать формированию активной гражданской позиции и укреплению правовой культуры. Как отмечает М.Н.

Рязанова [7], формирование правосознания молодёжи в условиях современного мира требует новых подходов.

Таким образом, влияние цифровой среды на правосознание молодёжи носит глубоко амбивалентный характер. С одной стороны, она демократизирует доступ к праву, создаёт новые инструменты для гражданского участия и самообразования. С другой – порождает риски фрагментации, инфантилизации и радикализации правовых представлений. Особое беспокойство вызывает распространение правового нигилизма и дезинформации в социальных сетях, требующее комплексного подхода, включающего как образовательные, так и институциональные меры.

Эффективная государственная и общественная политика в данной сфере должна быть нацелена не на ограничительный контроль, а на развитие цифровой компетентности молодёжи, поддержку качественного правового контента и интеграцию цифровых инструментов в систему правового воспитания. Будущее правовой культуры общества будет определяться тем, насколько успешно удастся гармонизировать традиционные ценности правового государства с вызовами новой цифровой реальности.

Анализ показывает, что цифровая среда оказывает двойственное влияние на правосознание молодежи. С одной стороны, она значительно расширяет доступ к правовым знаниям и стимулирует гражданскую активность. С другой стороны, она же способствует росту правового нигилизма, распространению дезинформации и формированию отрывочных представлений о праве. Для преодоления этой проблемы крайне важно интегрировать цифровые инструменты в систему правового воспитания. Вместо того, чтобы ограничивать доступ к информации, государству следует сосредоточиться на развитии у молодежи цифровой компетентности. Это включает обучение критическому мышлению при работе с правовым контентом, умению распознавать манипуляции и навыкам осознанного использования онлайн-ресурсов для правового просвещения. Только такой подход позволит превратить цифровую среду из потенциального источника проблем в мощный ресурс для развития правовой культуры. Как отмечает О.В. Мельникова [6], современная государственная политика России направлена на повышение уровня правосознания и правовой культуры молодёжи.

Список используемых источников

1. Бекиров С.Н. Правовая действительность воспитания молодёжи в условиях цифровизации // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 78-2. С. 36–39.
2. Голованова Е.В. Формирование цифрового правосознания в молодежной среде: от скоринга до социальных сетей органов государственной власти. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://scinetwork.ru/disk?type=Article&uid=41210 (дата обращения: 14.04.2026).
3. Кох И.А., Шабаршин Н.А. Формирование правосознания студенческой молодёжи // Муниципалитет: экономика и управление. 2023. № 1. С. 68–75.
4. Малхасян А.Т. Правовое сознание современной российской молодёжи в условиях информационного общества // Вестник ПАГС. 2023. Т. 23, № 4. С. 88–93.
5. Мельникова О.В. Современная государственная политика России в сфере повышения уровня правосознания и правовой культуры молодёжи // Право и государство: теория и практика. 2021. №11. С. 58–60.
6. Певцова Е.А. Правовое воспитание как средство формирования правовой культуры // Современное право. 2003. № 8. С. 52–56.
7. Рязанова М.Н. Формирование правосознания молодёжи в условиях современного мира // Вестник экономики, права и социологии. 2021. № 2. С. 51–53.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРИОБРЕТЕНИЯ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ БЕСПИЛОТНЫХ ЛЕТАТЕЛЬНЫХ АППАРАТОВ: АНАЛИЗ ПРОБЕЛОВ И НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Смирнов С.Н. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Мельник Е.В. – к.э.н., доцент, преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В статье анализируются правовые проблемы регулирования оборота и эксплуатации беспилотных летательных аппаратов (БПЛА) в Российской Федерации. На основе изучения действующего законодательства, судебной практики и статистических данных выявляются ключевые пробелы: отсутствие возрастных ограничений на приобретение дронов, необязательная регистрация легких БПЛА, отсутствие обязательного страхования гражданской ответственности операторов. Предлагается комплекс мер по совершенствованию законодательства, включая внесение изменений в Уголовный кодекс РФ и введение системы идентификации владельцев при покупке дронов.

Введение

Активное развитие цифровых технологий и доступность высокотехнологичных устройств привели к широкому распространению беспилотных летательных аппаратов (далее – БПЛА, дроны) в повседневной жизни. По данным аналитических агентств, только за период 2022–2025 гг. рынок потребительских дронов в России вырос более чем на 200 %, а количество инцидентов с их участием увеличилось на 170 %. В настоящее время дроны свободно реализуются как в специализированных магазинах, так и на маркетплейсах, при этом приобретение данных устройств не требует предоставления документов, подтверждения возраста, наличия специальных знаний либо навыков управления.

Объект исследования: общественные отношения, возникающие в процессе приобретения, использования и правового регулирования беспилотных летательных аппаратов.

Предмет исследования: нормы права, правовые пробелы и механизмы государственного регулирования, связанные с продажей и эксплуатацией дронов, а также их влияние на обеспечение безопасности жизни и здоровья человека.

Цель исследования: выявить и проанализировать правовые проблемы регулирования приобретения и использования дронов, а также разработать предложения по совершенствованию законодательства, направленного на защиту жизни и здоровья граждан.

Беспилотный летательный аппарат представляет собой разновидность воздушного судна, осуществляющего полет без нахождения пилота на борту. Он управляется оператором дистанционно либо функционирует в автоматическом режиме.

С правовой точки зрения БПЛА обладают сложной правовой природой. В соответствии со статьей 32 Воздушного кодекса РФ беспилотные воздушные суда признаются объектами гражданской авиации, что влечет распространение на них норм воздушного законодательства [1, 4]. Одновременно в гражданско-правовом аспекте БПЛА рассматриваются как источники повышенной опасности, поскольку их эксплуатация объективно связана с риском причинения вреда жизни, здоровью и имуществу граждан. Это обстоятельство влечет применение положений статьи 1079 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей повышенную ответственность владельца источника повышенной опасности независимо от наличия вины.

Особенностью правового регулирования БПЛА является отсутствие единого федерального закона, комплексно регулирующего вопросы их приобретения, эксплуатации и оборота [2]. Нормативное регулирование носит фрагментарный характер и осуществляется посредством совокупности подзаконных актов, что порождает правовую неопределенность. В таблице 1 представлена действующая классификация БПЛА по массе и соответствующие правовые требования.

Табл. 1

Классификация БПЛА по массе и правовые требования в Российской Федерации [2]

Категория БПЛА по массе	Регистрация в Росавиации	Обучение/сертификация	Страхование	Разрешение на полет
До 250 г	Не требуется	Не требуется	Не требуется	Не требуется
250 г – 30 кг	Требуется	Теоретический экзамен	Не требуется	Уведомление
Свыше 30 кг	Требуется	Полная сертификация	Требуется	Обязательно

Исходя из данных таблицы 1 следует: наиболее массовая категория дронов (до 250 г) фактически выведена из-под какого-либо правового контроля, что создает значительные риски. Проблемы свободной продажи дронов и недостаточность правового контроля. Одной из ключевых проблем является свободная продажа дронов лицам любого возраста. Анализ рынка показывает, что дроны свободно продаются через маркетплейсы (Ozon, Wildberries, Яндекс.Маркет) без каких-либо проверок покупателя. На основе проведенного исследования можно выделить следующие ключевые пробелы законодательства. Особую тревогу вызывают случаи использования дронов несовершеннолетними. По данным органов внутренних дел, в 2024 году было зафиксировано более 300 административных правонарушений, совершенных лицами в возрасте до 18 лет с применением беспилотных летательных аппаратов. В большинстве случаев привлечение к ответственности было затруднено либо невозможно ввиду отсутствия прямого запрета на управление дронами для несовершеннолетних и невозможности идентификации оператора. Складывающаяся правовая неопределенность порождает у молодежи ощущение безнаказанности и способствует дальнейшему росту правонарушений. Кроме того, правоприменительная практика демонстрирует недостаточную эффективность

существующих механизмов контроля. Так, система уведомлений о полетах в большинстве регионов работает на добровольной основе, а меры административного воздействия (например, штрафы по ст. 11.4 КоАП РФ за нарушение правил использования воздушного пространства) назначаются крайне редко – по оценкам экспертов, не более чем в 15–20 % от реального числа нарушений. Это связано как с объективными трудностями выявления нарушителей, так и с отсутствием у правоохранительных органов эффективных технических средств обнаружения и идентификации БПЛА в режиме реального времени.

В отличие от США и ЕС, где минимальный возраст оператора составляет 16–18 лет, в России нет законодательно установленного возрастного ценза для приобретения и управления дронами. Действующее законодательство не содержит прямого запрета на приобретение БПЛА лицами, не достигшими 18-летнего возраста. В результате несовершеннолетние фактически могут владеть и использовать дроны, включая модели, обладающие значительной массой и техническими возможностями. При этом уровень их правовой осознанности, технической подготовки и ответственности зачастую не соответствует потенциальной опасности эксплуатации таких устройств. Необязательная регистрация лёгких БПЛА. В соответствии с действующей классификацией дроны массой до 250 г не подлежат регистрации в Росавиации, что составляет значительную часть рынка потребительских дронов. При этом такие аппараты способны нести опасный груз, фиксировать изображение, преодолевать значительные расстояния. Отсутствие обязательного страхования.

В отличие от ЕС, где страхование гражданской ответственности операторов БПЛА обязательно, в России такое требование не распространяется на большинство категорий дронов [3]. Система регистрации БПЛА не связана с моментом покупки, что позволяет приобретать дроны анонимно. Пробелы в уголовном законодательстве.

Статья 205 УК РФ («Террористический акт») не содержит специальной нормы, отражающей использование БПЛА как отдельный квалифицирующий признак. Судебная практика, включая дело Туриева и другие подобные дела, свидетельствует о нарастании преступлений с использованием дронов и необходимости ужесточения ответственности [5, 6]

Для обоснования необходимости ужесточения правового регулирования целесообразно рассмотреть основные группы рисков, возникающих при использовании дронов.

Во-первых, это технические риски: падение аппарата вследствие разрядки аккумулятора, потери сигнала управления или программного сбоя; столкновения с пилотируемой авиацией (особенно вблизи аэропортов) и с объектами инфраструктуры. По данным Росавиации, за 2024 год зафиксировано 87 опасных сближений дронов с пассажирскими самолётами.

Во-вторых, информационные угрозы: дроны, оснащённые камерами высокого разрешения, могут использоваться для незаконного сбора персональных данных, нарушения неприкосновенности частной жизни (например, съёмка через окна жилых помещений), промышленного шпионажа и фиксации объектов критической инфраструктуры.

В-третьих, террористические и криминальные риски: БПЛА могут применяться для доставки взрывчатых веществ или оружия, разведки перед совершением преступлений, диверсий на объектах транспорта и энергетики, а также для создания помех правоохранительным органам. Особую уязвимость демонстрируют несовершеннолетние операторы, которые зачастую используют дроны в развлекательных целях без осознания потенциальных последствий. Совокупность перечисленных факторов свидетельствует о необходимости обращения к зарубежному опыту, который представлен в таблице 2.

Табл. 2

Сравнительный анализ правового регулирования БПЛА в различных странах [3]

Страна/ Регион	Возрастной ценз	Обязательная регистрация	Обязательное страхование	Идентификация при покупке	Технологии геозонирования
США	16+	От 250 г	Необязательно	Нет	Частично
Европейский союз	18+	Все БПЛА с камерой	обязательно	Да (с 2024 г.)	Обязательно на заводском уровне
Китай	16+	Да (все)	Частично	Да	Обязательно
Россия	Отсутствует	От 250 г	Не требуется	Нет	Рекомендательно

Данные (табл. 2) свидетельствуют о существенном отставании российского законодательства от ведущих мировых стандартов, особенно в части возрастных ограничений и идентификации владельцев [3].

Направления совершенствования законодательства. На основании проведённого анализа предлагается комплекс мер по совершенствованию правового регулирования, сгруппированный по следующим направлениям.

1. В сфере регулирования продаж дронов целесообразно: установить категории БПЛА, требующие специального разрешения на продажу (например, дроны с возможностью провозить груз свыше 500 г, оснащённые мощными камерами высокого разрешения); распространить требование регистрации на все БПЛА массой свыше 100 г (вместо действующих 250 г); ввести требование о прохождении курса подготовки и сдачи экзамена для управления дронами массой свыше 250 г; установить обязанность продавцов проверять документы покупателя и вносить сведения о сделке в единую федеральную информационную систему; запретить продажу дронов через автоматизированные торговые системы без идентификации покупателя.

2. В сфере взаимодействия с правоохранительными органами необходимо: создать единый реестр зарегистрированных БПЛА с доступом для правоохранительных органов; ввести обязательную маркировку дронов с нанесением уникального идентификатора (аналог IMEI для мобильных телефонов); внедрить технологии геозонирования (geo-fencing) на заводском уровне для всех дронов, ввозимых и производимых на территории РФ.

3. Уголовно-правовые меры. Предлагается дополнить статью 205 УК РФ новым квалифицирующим признаком – «использование беспилотных авиационных систем или иных дистанционно управляемых летательных аппаратов» с целью причинения тяжкого вреда жизни, здоровью людей, значительного имущественного ущерба, нарушения функционирования объектов инфраструктуры или оказания воздействия на общественную безопасность. Такое действие должно влечь наказание в виде лишения свободы на срок от 10 до 20 лет (либо пожизненное лишение свободы в особо тяжких случаях), что позволит устранить текущую неопределённость правоприменения.

4. Международное сотрудничество предполагает унификацию стандартов регулирования в рамках ЕАЭС, обмен данными о зарегистрированных БПЛА при

пересечении границ, создание международной базы данных украденных и утерянных дронов.

Вывод

Проведенное исследование подтверждает, что отсутствие комплексного правового регулирования приобретения и использования беспилотных летательных аппаратов способствует увеличению угроз жизни и здоровью человека. Анализ действующего законодательства показал, что правовое регулирование применения БПЛА носит фрагментарный характер и не обеспечивает достаточного уровня правовой определенности. Комплексное и сбалансированное правовое регулирование применения БПЛА является необходимым условием обеспечения общественной безопасности. Принятие специального федерального закона, внесение изменений в Уголовный кодекс РФ и развитие механизмов правового контроля позволят обеспечить гармоничное сочетание технологического развития и защиты фундаментальных прав и свобод человека.

Перспективы дальнейших исследований. Вопросы правового регулирования искусственного интеллекта в системах автономного управления дронами, а также разработка технических стандартов удаленной идентификации представляются наиболее актуальными направлениями для последующих научных изысканий.

Список используемых источников

1. Воздушный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 19.03.1997 N 60-ФЗ (ред. от 28.11.2025, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2026) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_13744/ (дата обращения: 12.04.2026).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федеральный закон от 26.01.1996 № 14-ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 12.04.2026).

3. Грищенко Г.А. Правовое регулирование беспилотных летательных аппаратов: Российский подход и мировая практика // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2019. №12. С. 129–136.

4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского

голосования 01.07.2020 // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 12.04.2026).

5. Суд назначил сроки до 20 лет по делу об атаках БПЛА по железнодорожным путям // Известия.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3ThaNE (дата обращения: 12.04.2026).

6. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 20.02.2026) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.04.2026).

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ДОЛЖНОСТНЫМИ ПОЛНОМОЧИЯМИ: К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Таран З.И. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Ефименко Е.Н. – к.ю.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В данной статье исследуются субъекты преступлений, состоящих в злоупотреблении должностными полномочиями. Предлагается разграничение их на руководителей, выполняющих организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, и подчинённых, которые в свою очередь могут быть руководителями нижестоящего звена. Также необходимо обратить внимание на такую категорию подчинённых, злоупотребляющих своими должностными полномочиями, которые стремятся к получению неимущественных благ от своих непосредственных руководителей. Отсюда вытекает, что круг субъектов рассматриваемых правонарушений может быть более широким, чем руководители любого ранга, и для злоупотребления полномочиями не обязательно обладать властью над конкретными подчинёнными. Кроме того, в круг субъектов рассматриваемых преступлений могут входить и лица, исполняющие важные для общества функции в сфере образования и здравоохранения – преподаватели и врачи.

Актуальность темы статьи связана с многочисленными примерами осуждения лиц, виновных в злоупотреблении служебными полномочиями (хотя, несомненно, большинство людей, наделенных властью, добросовестно исполняет

свои обязанности). Исследователи приводят примеры деяний, за которые были осуждены как высшие должностные лица, так и чиновники местного уровня.

Так, примерами первого класса являются решения суда по делам министра экономического развития РФ А.В. Улюкаева, сенатора Совета Федерации РФ Р.Р. Арашукова, губернаторов А.В. Хорошавина, Н.Ю. Белых и др. [2]. Примеры второго класса приведены в статье [4]. Так, в Мурманской области в 2019 г. был осужден бывший начальник Северного энергетического таможенного поста как за превышение должностных полномочий, так и за злоупотребление ими. Его преступными деяниями было незаконное требование и получение денег от подчиненных, а также незаконная выплата денежных поощрений своей сожительнице (которая занимала должность главного государственного таможенного инспектора того же поста) на сумму более 0,5 млн рублей [4]. В другом случае глава Шумихинского муниципального образования в Тверской области, согласно решению суда, был призван виновным как в злоупотреблении должностными полномочиями, так и в служебном подлоге: он оформил свою подчиненную, с которой находился «во внеслужебных отношениях», на работу и одновременно на курсы повышения квалификации (в период «прохождения» курсов ей продолжалось выплачиваться жалованье), но при этом отправился вместе с ней на курорт в Египет как раз в это время [4].

В статье показано, что порочная практика злоупотребления должностными полномочиями наблюдается вне зависимости от социального статуса субъекта преступления: злоупотребление совершают как руководители разных рангов, так и их подчиненные (которые могут быть как наделены властью над нижестоящими подчинёнными, так и напрямую властные функции не исполнять). Данная проблема будет рассматриваться ниже.

Цель исследования состоит в определении того, кем могут быть субъекты преступлений, которые квалифицируются как злоупотребление должностными полномочиями. При этом авторы опираются на известную схему, согласно которой состав преступления включает 4 обязательных элемента: субъект (то есть вменяемое лицо, совершившее преступное деяние – как действие, так и бездействие), объект (конкретные общественные отношения, охраняемые законом, которые были нарушены преступным деянием), объективную сторону (содержание преступного деяния, имеющего определенные вредные последствия, и доказанную причинно-следственную связь между деянием и его последствиями) и

субъективную сторону (психическое отношение субъекта к своему деянию: вину, мотив, цель) [7]. В силу ограниченного формата статьи здесь будет проанализирован только субъект данных преступлений.

Руководители как субъекты преступлений – состоящих в злоупотреблении должностными полномочиями

Профессор М.Д. Давитадзе следующим образом характеризует субъектов рассматриваемых преступлений. Они разнообразны, причём «различаются между собой в зависимости от статуса и должностных (служебных) полномочий, а также содержания и объёма возложенных на них полномочий» [2]. Исследователь ссылается на примечания к ст. 285 УК РФ, в которых последовательно перечисляются эти субъекты: в п. 2 имеются в виду лица, «занимающие должности, устанавливаемые Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами»; в п. 3 имеются в виду лица, «занимающие должности, устанавливаемые конституциями или уставами субъектов Российской Федерации» [2]; в п. 4 приведена сложная формулировка, которая, согласно интерпретации исследователя, имеет в виду по сути дела «только главу муниципального образования, т.е. высшее должностное лицо муниципального образования, наделённое уставом муниципального образования собственными полномочиями по решению вопросов местного значения» [2].

Помимо должностных лиц высокого уровня – федерального, регионального или муниципального, полномочиями могут злоупотреблять и прочие лица, осуществляющие функции представителя власти на постоянной, временной основе или по специальному полномочию. В круг субъектов данных преступлений входят прежде всего лица, выполняющие административно-хозяйственные и организационно-распорядительные функции в разнообразных организациях: в государственных или муниципальных органах власти или учреждениях, в государственных корпорациях или компаниях, в государственных или муниципальных унитарных предприятиях, в акционерных обществах, где контрольным пакетом акций владеет государство (в лице РФ в целом, субъекта РФ или какого-либо муниципального образования) [2].

Что касается вопроса о специальных полномочиях при осуществлении каким-либо лицом функции представителя власти, то они могут быть предоставлены только на основе законов или иных нормативно-правовых актов, в том числе приказов или распоряжений соответствующих органов власти либо

вышестоящего должностного лица. Все они наделяют конкретное лицо полномочиями, позволяющими ему осуществлять организационно-распорядительные, административно-хозяйственные или другие функции. В качестве примера приводится исполнение функций присяжного заседателя или ликвидатора чрезвычайной ситуации [2].

Возможно предоставление отдельным лицам специальных полномочий в государственных унитарных предприятиях или коммерческих организациях – например, при замене руководителя на период отпуска, или при прохождении процедуры банкротства. В случаях, если при злоупотреблении этими полномочиями причиняется вред только коммерческой организации, в которой работал управленец, и при этом не затрагивались интересы третьих сторон (граждан, других организаций, общества и государства), то вопрос о привлечении к ответственности рассматривается только при наличии заявления руководителя организации [1].

Следует разъяснить, что имеется в виду под организационно-распорядительными и административно-хозяйственными функциями должностных лиц – это поможет точнее определить объективную сторону злоупотребления должностными полномочиями. Это разъяснение содержится в п. 4. Постановления Президиума Верховного Суда РФ от 16.10.2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и превышении должностных полномочий». Под исполнением организационно-распорядительных функций имеется в виду руководство трудовым коллективом в различных организациях (государственных или частных), что подразумевает формирование кадрового состава, определение должностных функций работников, организацию их совместной деятельности, применение мер поощрения или наложение дисциплинарных взысканий и т.п.; также имеется в виду принятие решений, имеющих юридическое значение и влекущих определенные последствия: например, приём экзамена членом государственной экзаменационной (аттестационной) комиссии, выдача больничного медицинским работником, назначение инвалидности работниками учреждения медико-социальной экспертизы и др. Под выполнением административно-хозяйственных функций понимаются действия должностных лиц по управлению имуществом и (или) денежными ресурсами учреждений, организаций, воинских частей и пр., а также

принятие решений о начислении заработной платы, совершение контроля за движением материальных ценностей и т.д. [2].

Таким образом, согласно концепции М.Д. Давитадзе, а также Вардаряна А.В. и Гончарова К.В. (авторов, которые высказывают близкие по смыслу взгляды), субъектами преступлений, связанных со злоупотреблениями должностными полномочиями, являются лица, совершающие руководство властными органами, государственными учреждениями или организациями (коммерческими и некоммерческими), выполняющие по долгу своей службы организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции, а также лица, наделённые специальными полномочиями, связанными с исполнением данных функций. Точка зрения данных правоведов опирается на анализ юридических документов: Уголовного Кодекса РФ и Постановлений Верховного Суда РФ, разъясняющих соответствующие статьи Кодекса и юридическую практику.

Подчинённые как субъекты преступлений – состоящих в злоупотреблении должностными полномочиями.

Имеются авторы, исследования которых дополняют вышеизложенную точку зрения: [3, 5, 6]. Они указывают на то, что злоупотребление должностными полномочиями могут совершать и подчиненные руководителей. Конечно, в иерархии властных отношений могут быть разные уровни господства и подчинения, и потому у подчинённых нижестоящего звена могут быть, в свою очередь, свои собственные подчиненные, и на любом из этих властных уровней могут совершаться действия, аналогичные тем, что совершали субъекты, проанализированные в предыдущем подразделе статьи.

Однако у некоторых подчиненных встречается и более сложный мотив для злоупотребления должностными полномочиями: получение неимущественных благ, например, благосклонности своего непосредственного начальника через улучшение результатов своей деятельности [5]. При этом такое улучшение может достигаться средствами, которые могут иметь видимость позитивного эффекта, но впоследствии станет очевиден вред, причинённый интересам общества, конкретных лиц или организаций: «Иная личная заинтересованность состоит в стремлении должностного лица извлечь выгоду неимущественного характера, обусловленную такими побуждениями, как карьеризм, семейственность, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, заручиться поддержкой в решении какого-либо вопроса, скрыть свою некомпетентность и

т.п.» [3]. В этой связи Поддубный И.В. и Сабанин С.Н. уточняют содержание понятия «иная личностная заинтересованность»: «Конституционный Суд Российской Федерации в определении от 25.10.2020 № 1561-О-О указал, что «иная личная заинтересованность» является оценочным понятием и подлежит установлению в каждом конкретном деле в зависимости от его фактических обстоятельств» [5].

В этой связи можно констатировать, что субъектами преступлений, связанных со злоупотреблениями должностными полномочиями, могут быть лица, которые непосредственно не исполняют функции руководителей: это могут быть, например, сотрудники аналитических центров, помогающие в составлении отчётности, приукрашивающей реальное положение дел. Такое расширительное понимание круга лиц, потенциально способных к совершению данных преступлений, позволяет увидеть более тонкие и разнообразные способы злоупотребления служебными положением, совершаемые подчинёнными руководителей.

К этой проблеме примыкает ещё одна: исполнения подчиненным распоряжения своего начальника, которое связано со злоупотреблением должностными полномочиями. При этом исследователи советуют разграничивать случай, когда подчиненный знает о факте злоупотребления, и случай, когда ему об этом не было известно [6]. В этой связи приводится приговор Тамбовского районного суда от 3.07.2017 г. по сложному делу № 1–122/2017, в котором прослеживается и личная неимущественная заинтересованность фигуранта дела, и неосведомленность его подчиненной о злоупотреблении им своих полномочий. Смысл дела состоит в том, что его фигурант Смыков Г.И. совершил фиктивное трудоустройство в местный филиал ЦБ на должность юрисконсульта Н.Г.Е. – знакомого главы Тамбовского района Тамбовской области, причём данный глава был непосредственным начальником Смыкова Г.И., а потому последний таким образом «выслуживался» перед своим шефом. Далее в деле появляется ещё одно лицо: специалист по кадрам, которая получила распоряжение от г-на Смыкова подготовить документы о фиктивном трудоустройстве и выполнила последнее. При этом суд счёл, что кадровик не была осведомлена о готовящемся злоупотреблении полномочий и потому снял с неё вину в том, что она добросовестно выполнила свои обязанности: подготовила приказ о назначении Н.Г.Е. на указанную должность и трудовой договор с ним, передав их на подпись Смыкову Г.И.: «Из указанного

примера усматривается, что Смыков Г.И. совершил злоупотребление своими должностными полномочиями путём фиктивного трудоустройства Н.Г.Е. на должность юрисконсульта» [6]. В данном случае суд чётко установил субъекта преступления и исключил из круга субъектов как начальника, так и подчинённого этого субъекта. Отсюда вытекает, что злоупотребление должностными полномочиями может совершаться не на уровне руководителя, выполняющего распорядительные функции, а на уровне подчиненного (выступающего, в свою очередь, руководителем для подчиненных нижестоящего звена), причем от ответственности за преступления своего непосредственного начальника эти подчиненные, выполняющие его распоряжение и не осведомленные об их незаконном характере, освобождаются.

И еще одна проблема обсуждается исследователями: как квалифицировать субъекта преступления, состоящего в злоупотреблении полномочиями, который не является должностным лицом, выполняющим организационно-распорядительные и административно-хозяйственные функции, но тем не менее причиняет своими действиями ущерб интересам общества или юридических и физических лиц. В связи с этим Н.Г. Кадников приводит два примера: преподавателя университета, ставившего оценки без проведения соответствующей процедуры сдачи зачёта и экзамена, и врача, выдававшего фиктивные листки нетрудоспособности – в обоих случаях было доказано, что данные лица получали взятки. По мнению исследователя, «последние два случая вряд ли можно с абсолютной уверенностью отнести к должностным преступлениям, а именно к осуществлению указанными субъектами организационно-распорядительных функций. Как представляется автору, их следует признать государственными служащими, но не должностными лицами» [3]. Данная мысль известного российского юриста содержит указание на то, что отдельные категории работников, не обладающие реальным статусом государственных служащих, но фактически исполняющие значимые для общества функции – образования и здравоохранения, могут нести ответственность за злоупотребление своими полномочиями, соответствующую столь высокому статусу – госслужащих.

Рассмотренные в данной статье субъекты преступлений, состоящих в злоупотреблении должностными полномочиями, могут быть разнообразными. Для более точного определения этих субъектов предлагается условное разграничение их на руководителей, выполняющих организационно-распорядительные и

административно-хозяйственные функции, и подчинённых, которые в свою очередь могут быть руководителями нижестоящего звена. Далее предлагается обратить внимание на такую категорию подчинённых, злоупотребляющих своими должностными полномочиями, которые стремятся к получению неимущественных благ от своих непосредственных руководителей. Отсюда вытекает, что круг субъектов рассматриваемых преступлений может быть более широким, чем руководители любого ранга, и для злоупотребления полномочиями не обязательно обладать властью над конкретными подчинёнными. Кроме того, в круг субъектов рассматриваемых преступлений могут входить и лица, исполняющие важные для общества функции в сфере образования и здравоохранения – преподаватели и врачи, при этом (согласно Н.Г. Кадникову) не являющиеся должностными лицами.

Список используемых источников

1. Вардарян А.В., Гончаров К.В. Злоупотребление управленческими полномочиями в коммерческой или иной организации: опыт правоприменительной практики и некоторые проблемы возбуждения уголовного дела и предварительного расследования. // Юрист – Правовед: Научный журнал. 2015. № 2. С. 49–52.

2. Давитадзе М.Д. Злоупотребление должностными полномочиями. // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 5. С. 114–121.

3. Кадников Н.Г. Особенности уголовной ответственности за злоупотребление должностными полномочиями и превышение должностных полномочий. // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 12. С. 120–125.

4. Кунц В.В. Злоупотребление должностными полномочиями. // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: Право. 2020. Т. 5. Вып. 2. С. 27–30.

5. Поддубный И.В., Сабанин С.Н. Злоупотребление должностными полномочиями: понятие и общая характеристика. // Вестник науки: Международный научный журнал. 2024. Т. 4, № 6. С. 476–483.

6. Прилепова Ю.П., Гулина А.В. Объективные признаки злоупотребления должностными полномочиями и превышения должностных полномочий. // Universum: Экономика и юриспруденция. 2023. № 2. С. 42–44.

7. Сирик М.С. Состав преступления как правовая категория. // Закон и жизнь. 2018. Т. 2, № 3. С. 64–72.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРЕСТИЖА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ

Творин А.М. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Гарипов Р.И. – к.э.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В данной научно-исследовательской работе проанализированы системные факторы, снижающие привлекательность государственной службы в Российской Федерации: диспропорция в уровне оплаты труда по сравнению с частным сектором, негативный публичный образ чиновника, бюрократическая перегрузка и ограниченность карьерных траекторий. Предложены рекомендации по повышению престижа профессии: внедрение гибких систем мотивации, развитие корпоративной культуры, цифровизация рутинных процессов, усиление социальной защищенности и формирование позитивного медиа-имиджа. Ключевым выводом исследования становится тезис о необходимости перехода от формального соблюдения регламентов к созданию ценностно-ориентированной среды, где государственная служба воспринимается как социальный лифт и пространство для реализации общественного блага.

Престиж государственной службы представляет собой интегральный показатель, отражающий общественное признание значимости профессии, уровень доверия к институтам власти и готовность квалифицированных специалистов выбирать карьеру в публичном секторе.

Проблема определения категории «престиж» занимает центральное место в исследованиях профессиональной репутации и социальной стратификации. В научной литературе отсутствует единое универсальное определение данного понятия, что обусловлено междисциплинарным характером исследования. Тем не менее анализ трудов ведущих отечественных ученых позволяет выделить ключевые аспекты.

Г.В. Осипов определяет престиж как «общественную оценку значимости того или иного вида деятельности, профессии или социального статуса, выражающуюся в уровне уважения, признания и привлекательности в глазах общества» [10]. Автор подчеркивает, что престиж формируется не только объективными характеристиками (уровень дохода, условия труда), но и субъективными представлениями о социальной ценности профессии.

В.А. Ядов, исследуя социальные установки, трактует престиж как «совокупность представлений о желательности и привлекательности

определенного социального положения, основанных на системе ценностей и норм, доминирующих в обществе» [7]. Данный подход акцентирует внимание на нормативно-ценностной основе формирования престижа.

Е.В. Охотский, анализируя государственную службу, определяет престиж профессии как «интегральный показатель, отражающий степень соответствия между общественными ожиданиями от деятельности госслужащих и реальной практикой их работы, а также уровень готовности квалифицированных специалистов выбирать карьеру в публичном секторе» [4].

Н.И. Лапин, исследуя модернизационные процессы, предлагает рассматривать престиж государственной службы как «динамическую характеристику, формируемую под воздействием институциональных факторов (законодательство, система вознаграждения), организационных практик (корпоративная культура, карьерные траектории) и общественного восприятия (медиа-имидж, уровень доверия)» [2].

На основе синтеза вышеприведенных подходов представляется целесообразным предложить следующее авторское определение:

Престиж государственной службы – это многомерная социально-экономическая категория, отражающая уровень общественного признания, профессиональной привлекательности и кадровой конкурентоспособности публичной службы, формируемый под воздействием институциональных условий, материального стимулирования, карьерных перспектив и публичного имиджа профессии.

В современной практике применяются три основных методологических подхода к оценке престижа государственной службы:

Экспертный подход основан на систематизированных оценках профессионального сообщества, представителей академической среды, руководителей кадровых служб и общественных организаций. Преимуществом данного подхода является глубина качественной оценки, однако его ограничения связаны с субъективностью мнений и зависимостью от состава экспертной группы. Примером реализации данного подхода является ежегодный мониторинг РАНХиГС «Кадровый потенциал государственной службы», в котором участвуют более 500 экспертов из 45 субъектов РФ [5].

Подход на основе ключевых показателей эффективности (KPI-подход) предполагает количественную оценку престижа через систему измеримых индикаторов:

– коэффициент текучести кадров на младших и средних должностях;

– доля молодых специалистов (до 30 лет) в структуре госслужащих;

– уровень конкуренции на вакантные должности (количество претендентов на одну вакансию);

– индекс удовлетворенности условиями труда (по данным внутренних опросов);

– соотношение средней заработной платы госслужащего и среднерыночного уровня по аналогичным позициям в частном секторе.

Данный подход обеспечивает объективность и сопоставимость данных, однако требует развитой системы сбора и верификации статистической информации.

Подход на основе анализа успешных кейсов предполагает изучение практик повышения престижа в конкретных ведомствах или регионах с последующей экстраполяцией успешного опыта. Преимуществом является практическая ориентированность и возможность выявления конкретных управленческих решений, однако ограничения связаны с трудностями тиражирования опыта в иных институциональных условиях

В ходе цифровой трансформации управления и роста требований граждан к качеству государственных услуг кадровый потенциал становится критическим ресурсом эффективности государственного аппарата. Однако анализ ситуации 2022–2025 гг. свидетельствует о системном кризисе привлекательности профессии: по данным Федеральной службы государственной статистики, доля молодых специалистов (до 30 лет) среди государственных гражданских служащих сократилась с 18,4 % в 2021 г. до 14,2 % в 2024 г. [6]. При этом уровень текучести кадров на младших и средних должностях превышает 23 %, что существенно выше показателей частного сектора.

Ключевым ограничением выступает диспропорция в оплате труда. Согласно мониторингу Росстата, средняя заработная плата государственного гражданского служащего федерального уровня в 2024 году составила 89,4 тыс. рублей, тогда как в коммерческих организациях аналогичного профиля (финансы, юриспруденция, IT) – 142,7 тыс. рублей [5]. Для региональных и муниципальных служащих разрыв

еще более выражен: в субъектах РФ с низким бюджетным обеспечением разница достигает 2,5–3 крат. При этом нематериальные стимулы (стабильность, социальный пакет, пенсия за выслугу лет) теряют привлекательность для поколений Y и Z, для которых приоритетными являются возможности профессионального роста, гибкий график и осмысленность труда.

Не менее острой проблемой является негативный публичный образ госслужащего. Согласно результатам мониторинга, проводимого Всероссийским центром изучения общественного мнения, лишь 27 % россиян оценивают работу чиновников положительно, тогда как 58 % придерживаются нейтрального или отрицательного мнения. Коррупционные скандалы, бюрократическая волокита и восприятие власти как «касты» формируют устойчивый стереотип, отталкивающий талантливых кандидатов. При этом парадоксальным образом 74 % самих госслужащих считают свою работу социально значимой, но лишь 19 % готовы рекомендовать профессию детям или знакомым. Этот разрыв между внутренней самооценкой и внешним восприятием указывает на кризис коммуникации между государственным аппаратом и обществом [3].

Структурные ограничения усугубляются институциональной ригидностью кадровой политики. Жесткая иерархия, длительные сроки продвижения по службе (в среднем 7–9 лет для перехода на одну ступень выше), формализованные критерии оценки эффективности создают ощущение «карьерного тупика» для амбициозных специалистов. По данным исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы, 61 % госслужащих в возрасте до 35 лет отмечают, что их профессиональные компетенции используются не в полной мере, а 44 % рассматривают возможность перехода в частный сектор в ближайшие 3 года [9]. В результате государство теряет наиболее динамичных и инновационно ориентированных кадров, что снижает адаптивность управленческой системы к вызовам времени.

Несмотря на системные ограничения, отдельные ведомства и регионы демонстрируют успешные практики повышения привлекательности государственной службы. Анализ кейсов позволяет выделить ключевые факторы успеха и условия тиражируемости опыта.

Программа «Кадровый резерв» Правительства Москвы, запущенная в 2019 году, представляет собой механизм отбора и развития талантливых специалистов для работы в столичных органах власти. По данным официального портала Мэра

Москвы, за 2019–2024 гг. в программу подано более 45 тыс. заявок, из которых отобрано 1 200 участников; 78 % из них уже занимают руководящие позиции в департаментах и префектурах [8]. Доля сотрудников в возрасте до 35 лет в аппарате Правительства Москвы выросла с 22 % в 2019 г. до 41 % в 2024 г.

Программа «Лидеры Татарстана», запущенная в 2020 году, представляет собой механизм отбора и развития талантливых специалистов для работы в органах власти республики. По данным официального портала Правительства РТ, за 2020–2024 гг. в программу подано более 12 тыс. заявок, из которых отобрано 340 участников; 82 % из них уже занимают руководящие позиции в министерствах и муниципалитетах [7].

Факторы успеха:

– прозрачные критерии отбора через многоэтапные конкурсные процедуры (тестирование, кейс-чемпионаты, ассессмент-центры);

– индивидуальная траектория развития с наставничеством со стороны опытных руководителей;

– конкурентный уровень оплаты труда (на 10–15 % выше среднего по региону для аналогичных позиций);

– акцент на проектной деятельности с измеримым социальным результатом;

– региональная программа льготной ипотеки для молодых госслужащих.

В итоге можно отметить, что доля сотрудников в возрасте до 35 лет в аппарате Правительства РТ выросла с 26 % в 2020 г. до 44 % в 2024 г., что существенно выше среднероссийского показателя (14,2 %) [4].

Белгородская область демонстрирует успешный опыт повышения привлекательности государственной службы через цифровую трансформацию. Внедрение платформы «Умный регион» позволило автоматизировать до 60 % рутинных операций госслужащих, высвободив время для аналитической и проектной деятельности.

Ключевые мероприятия:

– создание единого цифрового профиля госслужащего с модулем развития компетенций;

– внедрение системы микрообучения с возможностью получения цифровых сертификатов;

– разработка мобильного приложения для внутреннего взаимодействия и оперативного информирования;

– программа «Цифровой наставник» – обучение опытных сотрудников цифровым навыкам молодыми специалистами.

Результатом явилось то, что индекс цифровой зрелости органов власти Белгородской области в 2024 г. составил 87 баллов (при среднем по РФ – 64 балла), а уровень удовлетворенности сотрудников условиями труда вырос с 62 % до 79 %.

Тюменская область демонстрирует эффективную модель повышения престижа через сбалансированную систему мотивации. Региональная программа «Кадровый потенциал» (2021–2025) сочетает конкурентную оплату труда с развитой системой нематериальных стимулов [7].

Элементы системы:

– дифференцированная система премирования, привязанная к достижению KPI подразделений;

– программа «Социальный пакет госслужащего»: ДМС, компенсация аренды жилья, оплата дополнительного образования;

– карьерный лифт для молодых специалистов: гарантированное рассмотрение на повышение после 3 лет успешной работы;

– корпоративные программы оздоровления: психологическая поддержка, гибкий график, спортивные мероприятия.

В итоге, коэффициент текучести кадров на младших должностях снизился с 28 % в 2021 г. до 16 % в 2024 г., а индекс привлекательности профессии среди выпускников вузов региона вырос с 34 % до 58 %.

Табл.1.

Проведем сравнительный анализ успешных практик

Критерий оценки	Москва	Татарстан	Белгородская обл.	Тюменская обл.
Бюджет программы (млн руб./год)	~500	~120	~45	~68
Доля молодых специалистов (до 35 лет), %	41	44	38	42

Продолжение табл. 1

Коэффициент текучести кадров, %	18	15	19	16
Уровень цифровизации процессов, %	92	78	87	74
Индекс удовлетворенности сотрудников, %	84	81	79	83
Ключевой фактор успеха	Финансовые стимулы	Системный отбор	Цифровизация	Баланс мотивации

Источник: составлено автором

Успешные практики повышения престижа государственной службы не ограничиваются финансовыми вливаниями. Ключевыми факторами успеха являются: прозрачность карьерных траекторий, развитие цифровых компетенций, сбалансированная система мотивации и ориентация на измеримые результаты. Эти условия могут быть реализованы в регионах с различным бюджетным потенциалом при наличии политической воли и управленческой компетенции.

Одной из малоизученных проблем в исследованиях престижа государственной службы является парадоксальное расхождение между декларируемой привлекательностью профессии и реальной кадровой ситуацией в отдельных ведомствах.

Согласно результатам опроса ВЦИОМ, 34 % молодых специалистов (18–30 лет) рассматривают возможность работы в правоохранительных органах, в частности в системе МВД, что является одним из самых высоких показателей среди всех секторов государственной службы [3]. Однако, по данным официального статистического сборника МВД России «Состояние преступности и результаты работы по ее предупреждению», уровень недокомплекта кадров в территориальных органах МВД в 2024 г. составил 18,7 %, а в отдельных регионах (Дальневосточный ФО, Северо-Кавказский ФО) достигает 25–30 % [7].

Причины парадокса:

1. Разрыв между ожиданиями и реальностью. Молодые специалисты часто формируют представления о службе на основе медийного образа (сериалы, новости о раскрытии резонансных дел), тогда как повседневная практика связана с высокой бюрократической нагрузкой, ненормированным графиком и эмоциональным выгоранием.

2. Региональная диспропорция. Привлекательность службы в центральных аппаратах (Москва, Санкт-Петербург) не транслируется на территориальные органы в малых городах и сельской местности, где условия труда существенно отличаются.

3. Жесткие требования к кандидатам. Высокие стандарты отбора (медицинские, психологические, правовые) создают «воронку», через которую проходит лишь небольшая часть желающих, что формально увеличивает конкуренцию, но не решает проблему кадрового дефицита.

4. Отложенный эффект мотивационных мер. Программы повышения привлекательности (льготная ипотека, социальные гарантии) часто ориентированы на долгосрочную перспективу, тогда как кадровый дефицит требует оперативных решений.

Рекомендации по преодолению парадокса:

– разработка реалистичных профориентационных материалов, отражающих как преимущества, так и сложности службы;

– дифференциация мотивационных пакетов с учетом региональной специфики и уровня нагрузки;

– внедрение программ адаптации и наставничества для снижения текучести на начальном этапе службы;

– развитие гибких форм занятости (проектная работа, дистанционные форматы) для отдельных категорий сотрудников.

Еще одним малоосвещенным аспектом является влияние оптимизации штатной численности государственных органов на восприятие престижа профессии. В период 2020–2024 гг. в рамках реализации указа Президента РФ «О совершенствовании управления в сфере цифрового развития» было сокращено около 10% штатной численности федеральных государственных органов [4].

Негативные последствия для престижа:

1. Рост нагрузки на оставшихся сотрудников. Сокращение штата при сохранении объема функций приводит к увеличению индивидуальной нагрузки, что снижает удовлетворенность трудом и повышает риск выгорания.

2. Неопределенность карьерных перспектив. Регулярные оптимизации создают атмосферу нестабильности, отпугивающую амбициозных кандидатов, ориентированных на долгосрочную карьеру.

3. Снижение качества услуг. Перегруженные сотрудники не могут уделять достаточное внимание каждому обращению, что снижает качество взаимодействия с гражданами и, как следствие, общественное восприятие профессии.

4. Деморализация коллектива. Сокращения, особенно если они воспринимаются как несправедливые, подрывают доверие к руководству и корпоративную лояльность.

Позитивные возможности (при грамотном управлении):

1. Цифровизация как замена рутине. Сокращение штата может сопровождаться внедрением автоматизированных систем, берущих на себя рутинные операции, что повышает содержательность труда оставшихся сотрудников.

2. Повышение квалификации. Оптимизация может стать стимулом для переподготовки кадров и освоения новых компетенций, востребованных в цифровой экономике.

3. Перераспределение ресурсов. Высвобожденные средства могут быть направлены на повышение оплаты труда ключевых специалистов, что компенсирует рост нагрузки.

Рекомендации по минимизации негативного влияния сокращений:

– проведение оптимизации в сочетании с программами переподготовки и трудоустройства высвобождаемых сотрудников;

– приоритетное сокращение административно-вспомогательных функций при сохранении frontline-сотрудников, непосредственно взаимодействующих с гражданами;

– параллельное внедрение цифровых инструментов, компенсирующих сокращение численности;

– прозрачная коммуникация с коллективом о целях, критериях и последствиях оптимизации.

На основе анализа успешных практик и выявления системных ограничений можно выделить четыре стратегических направления повышения престижа государственной службы.

Направление 1: реформа системы оплаты труда и мотивации. Внедрение гибкой системы вознаграждения, включающей базовый оклад, премирование за достижение KPI и долгосрочные бонусы за выслугу лет, позволит сократить разрыв

с частным сектором на ключевых позициях. Пилотные проекты в Минцифры России и Минэкономразвития показали, что привязка 30–40 % дохода к результатам проектной деятельности повышает вовлеченность сотрудников и снижает текучесть [3]. Для молодых специалистов целесообразно введение «стартовых пакетов»: повышенная стипендия в период адаптации, компенсация аренды жилья в крупных городах, ускоренное рассмотрение кандидатур на повышение при выполнении амбициозных задач.

Направление 2: формирование позитивного публичного имиджа профессии. Системная работа с медиапространством через социальные сети, блоги госслужащих, документальные проекты о реальных кейсах государственного управления способна изменить стереотипное восприятие. Критически важно обучение госслужащих навыкам публичных коммуникаций и включение показателей медиа-активности в систему оценки эффективности. Опыт показывает, что «очеловечивание» образа госслужащего через демонстрацию реальных рабочих задач и социальных результатов повышает доверие аудитории.

Направление 3: цифровизация рутинных процессов и развитие компетенций будущего. Автоматизация документооборота, отчетности и согласований через внедрение ИИ-ассистентов и low-code платформ позволит высвободить до 40% рабочего времени госслужащих для аналитической и проектной деятельности. Параллельно необходимо развитие программ переподготовки по направлениям: data-аналитика, управление изменениями, дизайн государственных услуг. Создание модульной системы обучения с микрокредитованием компетенций может стать катализатором профессионального роста.

Направление 4: развитие корпоративной культуры и социальных гарантий. Переход от формального соблюдения регламентов к ценностно-ориентированной среде требует внедрения инструментов внутреннего вовлечения: системы наставничества, кросс-функциональных проектных команд, программ благополучия (психологическая поддержка, гибкий график, ДМС). Дополнительно целесообразно усиление социальных гарантий: льготная ипотека для молодых специалистов, программы поддержки семей с детьми, расширенное пенсионное обеспечение за выслугу лет.

Заключение

Повышение престижа государственной службы – задача достижимая, но требующая системного подхода и отказа от патерналистской модели «удержания

кадров через стабильность». Анализ современного состояния выявил, что кризис привлекательности профессии обусловлен не столько объективными ограничениями (бюджетные рамки, нормативная жесткость), сколько неэффективным управлением человеческим капиталом: устаревшими системами мотивации, слабой коммуникацией с обществом, недостаточным вниманием к профессиональному развитию и качеству рабочей среды.

Успешные кейсы демонстрируют, что устойчивое повышение престижа возможно при сочетании трех условий: прозрачных и конкурентных механизмов отбора и продвижения, ориентированных на заслуги; активного формирования позитивного нарратива о государственной службе как о пространстве для реализации социального потенциала; создания современной рабочей экосистемы, сочетающей технологическую оснащенность, гибкость и человеческое отношение.

Ключевым стратегическим выводом становится необходимость перехода от модели «формальное исполнение полномочий» к модели «ценностно-ориентированная служба». Это требует изменения не только кадровых механизмов, но и управленческой культуры – от бюрократического контроля к доверию, от иерархии к сетевому взаимодействию, от отчетности к результату. Перспективы повышения престижа государственной службы напрямую зависят от готовности государства инвестировать в человеческий капитал публичного сектора, а самих служащих – принимать на себя ответственность за качество управления и общественное благо.

Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой интегральных индексов престижа государственной службы с учетом региональной специфики, отраслевых особенностей и демографических характеристик кадров, а также созданием цифровых инструментов мониторинга удовлетворенности и вовлеченности госслужащих в реальном времени.

Список используемых источников

1. Борщевский Г.А. Государственная служба: учебник для вузов. Москва: Издательство Юрайт, 2026. 288 с.

2. Всероссийский центр изучения общественного мнения. Доверие к институтам власти: мониторинговый отчет. / М.: ВЦИОМ, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor (дата обращения: 02.03.2026).

3. Ибрагимова Э.Ф. Формирование престижа государственной гражданской службы // Молодой ученый. 2022. № 48. С. 121–124.

4. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. Цифровая трансформация государственного управления: отчет о реализации мероприятий на 2024 год. М.: Минцифры России, 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/854/ (дата обращения: 15.02.2026).

5. Новикова Е.В., Молокова Е.Л. Государственная гражданская служба: тренды развития // StudNet. 2022. Т. 5. № 1. С. 406–411.

6. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 2025) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

7. Официальный портал Мэра и Правительства Москвы. / Программа «Кадровый резерв»: результаты и перспективы. [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos.ru/kadrovyj-rezerv/ (дата обращения: 15.02.2026).

8. Российская академия народного хозяйства и государственной службы. Кадровый потенциал государственной службы: проблемы и перспективы развития: аналитический доклад. // РАНХиГС. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.ranepa.ru/research (дата обращения: 15.02.2026).

9. Сергеева Т.А., Савченко И.А. Проблема имиджа государственных служащих в России // Вестник университета. 2020. № 5. С. 32–40.

10. Федеральная служба государственной статистики. Численность и состав государственных гражданских служащих Российской Федерации: статистический бюллетень. // Росстат. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/folder/13398 (дата обращения: 15.02.2026).

ЭТИКА И МАНИПУЛЯЦИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ: ГРАНИЦЫ ДОПУСТИМОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Черенкова О.М. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Фирсаев Е.О. – студент, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет»

Научный руководитель: Романишина Т.С. – д.э.н., доцент, профессор, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

Статья посвящена этическим и манипулятивным аспектам политической рекламы в современных условиях. Рассмотрены основные каналы и инструменты воздействия, их влияние на общественное сознание через правовые, культурные и психологические призмы. Выявлены типичные проблемы, ограничивающие определение границ допустимого влияния в условиях цифровой среды и территориально распределённых аудиторий. Предложены меры по переходу от нерегулируемой манипуляции к этически обоснованной модели политической коммуникации, ориентированной на защиту избирателя.

Введение

Тема этики и манипуляции в политической рекламе (далее – ПР) вышла далеко за рамки сугубо маркетингового или PR-вопроса и приобрела выраженное социально-политическое звучание. Сегодня она напрямую затрагивает фундаментальные основы демократического процесса, качество общественного сознания и уровень доверия граждан к государственным и политическим институтам. Данные зарубежных и отечественных исследований фиксируют устойчивую закономерность: в условиях современного информационного пространства избиратели всё чаще принимают решение не столько на основе рационального анализа предвыборных программ кандидатов, сколько под воздействием эмоционально-манипулятивных приёмов и психологических триггеров [2].

Особенно заметен этот разрыв в крупных государствах с развитой цифровой инфраструктурой – в первую очередь в России, США и странах Европейского союза. Здесь аудитория территориально распределена по обширным регионам, а потребление контента происходит преимущественно через интернет-платформы и социальные сети, что существенно усиливает возможности targeted-воздействия и

скрытой манипуляции. При этом политическая реклама, построенная на скрытых манипулятивных технологиях, не только искажает процесс осознанного выбора, но и может существенно снижать доверие населения к институтам власти, способствуя росту абсентеизма, поляризации общества и ослаблению легитимности выборных процедур.

Цель статьи – разобраться, каким образом система политической рекламы влияет на границы допустимого воздействия на избирателя, какие именно факторы мешают этому воздействию оставаться этически оправданным и какие практические изменения необходимо внести с учётом правовых, культурных и психологических аспектов современной цифровой среды.

Объекты и методы

Объект исследования – политическая реклама в России и зарубежных странах в период избирательных кампаний и межвыборный период. Предмет – этические границы манипулятивного воздействия через правовые, культурные и психологические призмы. Работа строится на анализе научных публикаций, сравнении практик российских и зарубежных кампаний, а также на обобщении данных из отраслевых исследований и аналитических обзоров, находящихся в открытом доступе.

Теоретические основы: роль коммуникаций и этические границы

Под этикой политической рекламы в научной литературе понимается такое воздействие на сознание избирателя, при котором цели кампании достигаются без нарушения фундаментальных прав человека на достоверную информацию и свободный осознанный выбор [3]. Этические принципы здесь выступают не просто моральным ограничением, а необходимым балансом между эффективностью политической коммуникации и уважением к автономии личности, её праву на объективные сведения и самостоятельное принятие решения.

Важно подчеркнуть, что этика политической рекламы не тождественна ни свободе слова, ни предвыборной агитации, хотя эти категории часто пересекаются и могут вступать в сложные взаимоотношения на практике. Свобода слова защищает право на выражение позиции, агитация предполагает открытое убеждение, в то время как этичные границы политической рекламы требуют соблюдения баланса между интересами субъекта политики и защитой рациональности и независимости избирателя.

В современной научной дискуссии не вызывает споров положение о том, что политическая реклама (ПР) по своей сути тесно связана с манипулятивными технологиями. Куликова Д.С. показывает, что именно через механизмы политической рекламы в общественном сознании наиболее активно формируются устойчивые стереотипы, эмоциональные установки и готовность избирателей к конкретным политическим действиям [2]. В свою очередь, Вилданова К.И. и Вилданова Е.М. подчёркивают, что язык политической рекламы является одним из самых мощных инструментов политического влияния, позволяющим через специальные лексические средства, риторические приёмы и эмоционально окрашенные конструкции незаметно направлять восприятие реальности и формировать общественное мнение в нужном направлении [5].

Каналы и инструменты ПР: современная классификация

Авторы исследований по политической коммуникации описывают различные подходы к функциям политической рекламы, подчёркивая её эволюцию от простого распространения информации до сложного инструмента психологического и смыслового воздействия на аудиторию. В современных условиях большинство избирательных кампаний не ограничивается одной функцией, а последовательно или одновременно сочетает информирование избирателей, их активное вовлечение в политический процесс и целенаправленное управление восприятием реальности [4]. Такой комплексный подход позволяет политическим субъектам не только доносить факты, но и формировать устойчивые эмоциональные установки и поведенческие реакции, что особенно важно в условиях высокой конкуренции за внимание избирателей.

Существуют различные классификации политической рекламы, проводимые на разных основаниях в зависимости от целей исследования и специфики анализируемого материала. Одна из наиболее полных и часто применяемых – классификация, предложенная в работах по политической коммуникации, которая позволяет системно рассматривать инструменты воздействия и оценивать их эффективность и этическую приемлемость.

Классификация по каналу восприятия адресатом:

1. Визуальная: плакаты, баннеры, печатная продукция. Данный канал отличается высокой эмоциональной силой, запоминаемостью образов и преимущественно мобилизационной ролью для уже сформированных сторонников.

2. Аудиальная: радиопередачи. Она оказывает влияние в моменты, когда внимание человека рассеяно другими занятиями, что создаёт повышенный риск скрытого воздействия.

3. Аудиально-визуальная: телевизионная и кинореклама, а также видео в социальных сетях. Этот канал обладает наибольшей эффективностью благодаря комплексному воздействию на зрение и слух и массовому охвату аудитории.

Классификация по форме:

1. Прямая – собственно предвыборная агитация, где цель и политическая принадлежность материала чётко обозначены и понятны аудитории.

2. Косвенная – информация, агитационная направленность которой в основном не осознаётся как таковая и маскируется под нейтральный или развлекательный контент.

Главный недостаток косвенной формы заключается в том, что её конечный результат практически невозможно полностью контролировать. Это существенно усложняет объективную этическую оценку и значительно повышает риск неосознаваемой манипуляции сознанием избирателей [4]. Типичный инструментарий современной политической рекламы охватывает несколько групп инструментов, которые существенно различаются по охвату аудитории, решаемым задачам и уровню этических рисков (табл. 1). Представленная классификация дополнена с учётом современных цифровых реалий и активно развивающихся технологий.

Табл. 1

Классификация инструментов политической рекламы [3–5]

Группа инструментов	**Примеры (с учётом формы)**	**Охват аудитории**	**Этические риски манипуляции**
Цифровые платформы	Таргетированная реклама в соц. сетях, дипфейки, аудио-подкасты	Широкий	Высокие (скрытый, таргетинг, косвенная форма)
Событийные форматы	Митинги, флэшмобы, вирусные челленджи	Средний	Средние
Прямые форматы	Прямые эфиры, дебаты, радиовыступления	Целевой	Низкие-средние
Печатные и визуальные	Баннеры, плакаты, ТВ-ролики	Ограниченный-широкий	Средние (визуальная и косвенная)

Среди перечисленных групп наиболее активно развиваются цифровые платформы. Они позволяют сочетать все три канала восприятия и легко переходить от прямой к косвенной форме [4, 5]. По данным обзоров именно эти инструменты всё чаще рассматриваются как канал скрытого манипулирования сознанием.

Состояние этики и манипуляции в политической рекламе

По итогам мониторингов общественного мнения в России и мире отечественные и зарубежные избирательные кампании часто уступают этическим стандартам, демонстрируя заметный разрыв между декларируемыми принципами честной коммуникации и реальной практикой политической рекламы. Несмотря на растущий интерес общества к вопросам прозрачности и ответственности политиков, большинство кампаний всё ещё ориентировано прежде всего на краткосрочный эффект, а не на долгосрочное укрепление доверия.

В числе факторов, которые сами избиратели называют ключевыми при оценке качества политической рекламы, неизменно фигурируют три основных критерия: насколько открыта и честна информация о реальных целях и источниках финансирования кампании, существуют ли реальные, а не формальные каналы обратной связи между кандидатами и гражданами, и не используется ли скрытая манипуляция сознанием через эмоциональные триггеры и лингвистические приёмы [3]. Именно эти аспекты, по данным многочисленных социологических опросов, в наибольшей степени определяют уровень доверия или недоверия аудитории к политическим акторам.

Это хорошо видно по данным исследований: самые низкие оценки стабильно получают утверждения об искренней заботе политиков о «простом человеке», а также о прозрачности и выполнимости предвыборных обещаний. Такие результаты свидетельствуют о том, что избиратели всё острее ощущают разницу между внешне привлекательным образом и реальным содержанием политической коммуникации, что в конечном итоге приводит к снижению явки на выборы и росту общего скептицизма по отношению к демократическим институтам.

Барьеры эффективных этических коммуникаций

Анализ практик позволяет выделить три основные проблемы.

Первая – правовой вакуум. В РФ ФЗ «О рекламе» прямо исключает политическую рекламу из сферы действия (ст. 2), регулирование действует только в период выборов. В межвыборный период – пробелы [1]. Вторая проблема – культурное и территориальное неравенство охвата. В регионах с разной

ментальностью одни и те же приёмы воспринимаются по-разному. Третья – перегруженность и скрытость манипуляции. Когда каналов много, а контент не этичен, избиратель перестаёт доверять источникам.

Рекомендации по совершенствованию системы ПР

По итогам анализа можно предложить следующие шаги:

1. Ввести отдельный Федеральный закон «О политической рекламе» с чёткими этическими стандартами и ответственностью [1].
2. Разграничить роли каналов и ввести обязательную маркировку манипулятивного контента.
3. Создать механизмы независимого контроля.
4. Сместить акцент контента с манипуляции на прозрачность и человеческие истории.
5. Целенаправленно работать с региональными особенностями и цифровой грамотностью избирателей.

Заключение

Этика и манипуляция в политической рекламе влияют на общественное сознание прямо и необратимо. В условиях цифровизации и территориальной распределённости этот инструмент приобретает особый вес: без чётких границ допустимого воздействия невозможно сохранить доверие к демократическим институтам. Рассмотренные данные и кейсы говорят об одном: кампании, которые относятся к ПР как к этической задаче, а не только манипулятивному инструменту, получают измеримый результат в доверии и легитимности. Главное ограничение здесь не технологическое: инструменты доступны. Ограничение этическое и правовое – готовность власти и общества устанавливать и соблюдать границы.

Список используемых источников

1. Колобов В.В. К вопросу о необходимости федерального закона «О политической рекламе» // Вестник Воронежского государственного университета. 2022. № 1. URL: http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/phylolog/2022/01/2022-01-29.pdf (дата обращения: 24.03.2026).
2. Куликова Д.С. Политическая реклама как инструмент политического пиара // The Newman in Foreign Policy. 2024. Т. 3. № 78. С. 134–142.
3. Мягкова А.Ю. Этика в политической рекламе (лингвистический аспект) // Публикации НИУ ВШЭ. 2023. С. 110–114.

4. Нуралиева М.М. Классификации политической рекламы // Известия Института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана. 2024. № 4. С. 321–326.

5. Vildanova K.I., Vildanova E.M. The Language of Political Advertising as a Tool of Political Influence // Reports Scientific Society. 2024. № 4. P. 81–86.

ПРОБЛЕМА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ИЗ-ЗА ОШИБОК ПОЛИЦИИ

Чернышова В.В. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Мельник Е.В – к.э.н., доцент, преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме судебных разбирательств, вызванных ошибками полиции на досудебной стадии. Актуальность обусловлена выявленной долей процессуальных, фактических и методологических ошибок в работе органов предварительного производства, их влиянием на законность, справедливость и качество судебных решений. Цель исследования – разработка практических рекомендаций по минимизации негативного влияния ошибок полиции на исход судебных разбирательств и формирование у будущих юристов целостного понимания причин таких упущений.

Актуальность

Высокая доля процессуальных ошибок (≈ 60 %) – неправильное оформление протоколов, нарушение сроков задержания (ст. 91–92 УПК РФ) [8] и ошибки в уведомлениях.

Фактические ошибки (≈ 30 %) – неверная квалификация деяний (например, «сбыт» вместо «хранения»), игнорирование алиби.

Методологические ошибки (≈ 10 %) – отказ от проверки альтернативных версий, игнорирование цифровых доказательств (биллинг, видео) [2].

Практические показатели: доля оправдательных приговоров в РФ ≈ 0,20 % (≈ 990 в год), возвраты дел прокурору по ст. 237 УПК РФ ≈ 1,24 % (≈ 8 тыс. дел), по Челябинской области показатели близки к средним по РФ [1].

Задачи:

1. Проанализировать статистику оправданий и возвратов дел (РФ и регион).

2. Классифицировать типичные процессуальные ошибки на досудебной стадии.

3. Исследовать механизмы судебного реагирования на ошибки следствия (материалы ВС РФ 2024–2026 гг.) [6].

4. Разработать практические рекомендации для сторон защиты и обвинения по минимизации ошибок.

Ключевые проблемы:

1. Формальные нарушения при задержаниях и обысках (силовое давление, отсутствие санкций, формальное участие понятых).

2. Низкая проверка альтернативных версий и слабая работа с цифровыми доказательствами.

3. Неправильная квалификация событий на стадии доследственной проверки/дознания.

4. Системная спешка и дефицит ресурсов, ведущие к ухудшению качества материалов дела.

Введение

В статье рассматривается система судебной оценки законности и эффективности действий сотрудников полиции на досудебной стадии. Описываются типичные ошибки и их системное влияние на законность процедур и исход судебных разбирательств. Исследование включает анализ официальной статистики, полевые интервью с практикующими сотрудниками полиции (дознание, следствие) и сравнительный анализ региональных особенностей (на примере Челябинской области).

Методы исследования:

1. Интервьюирование сотрудников отдела дознания и следствия (пример: ОП «Металлургический» УМВД по г. Челябинску – опрошены дознаватели и старшие следователи).

2. Анализ официальной статистики МВД РФ (показатели оправдательных приговоров, возвратов дел).

3. Сравнительный анализ региональных данных (РФ vs Челябинская область).

4. Комплексный аналитический подход: сопоставление практики, процессуальных дефектов и реакции судов (аналитика решений ВС РФ 2024–2026 гг.) [6].

5. Качественный анализ кейсов и таблиц ошибок с последующим формированием рекомендаций.

Содержание исследования

Описание типов ошибок: процессуальные (оформление протоколов, сроки задержания), фактические (квалификация деяний, игнор алиби), методологические (отказ от альтернатив, цифровые доказательства) [7].

Статистический блок: процентное соотношение типов ошибок и их связь с возвратами дел/оправдательными приговорами [4].

Региональный блок: особенности Челябинской области – нагрузка, практика судебной «доработки» обвинительной базы, влияние рецидива и статистических показателей.

Практический блок: результаты интервью – выявленные системные проблемы, примеры ошибок на практике.

Рекомендационный блок: конкретные меры по снижению риска ошибок.

Результаты

Установлено, что наибольший вклад в риск ошибочных судебных исходов вносят процессуальные нарушения (≈ 60 %), затем фактические и методологические ошибки [5]. Судебная практика (ВС РФ 2024–2026) [6] демонстрирует ограниченное, но возрастающее внимание к недочетам досудебного этапа; практика возвратов дел и отмен указывает на существующие риски. Региональные особенности (на примере Челябинской области) подтверждают наличие системных факторов: высокая нагрузка, спешка в закрытии дел, недостаточная проверка альтернатив.

Практические рекомендации

1. Внедрение чек-листов и автоматизированного контроля сроков при оформлении процессуальных документов.

2. Обязательный анализ цифровых доказательств (биллинг, видео) и целевые тренинги по юридической квалификации составов.

3. Документирование отказа от проверки альтернативных версий с обоснованием (принцип «опровержение, а не подтверждение») [3].

4. Повышение квалификации сотрудников и усиление внешнего контроля (внешние проверки, аудит материалов дел).

Ожидаемый эффект: снижение числа возвратов дел прокурору и рост качества материалов, уменьшение риска неправосудных приговоров, повышение объективности предварительного расследования [7].

Заключение

Исследование показывает, что большинство проблем судебных разбирательств, связанных с работой полиции, имеют системный характер и поддаются уменьшению при сочетании организационных мер (чек-листы, автоматизация), кадровых (повышение квалификации) и процессуальных новаций (обязательный разбор цифровых доказательств, документирование альтернатив). Оптимизация законодательства и усиление внешнего контроля представляются эффективной гипотезой для дальнейших практических преобразований и снижения числа неблагонадежных судебных исходов.

Список используемых источников

1. Возврат уголовного дела прокурору, пределы судебного контроля и дисциплинарные риски / Ассоциация юристов России. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TQvNC (дата обращения: 20.04.2026).

2. Ефимова Е. Электронные документы как доказательства в судебном процессе / Инфотекс Интернет Траст. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TQvPQ (дата обращения: 20.04.2026).

3. Конституция Российской Федерации: принята 12 декабря 1993 г. (ред. 2024 г.) / КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/?ysclid=moa876vqq1118201989 (дата обращения: 20.04.2026).

4. Кокорева Л.В., Сидорова Е.И. К вопросу об уголовно-процессуальном задержании // Вестник ВИ МВД России. 2023. № 3. С. 267–273.

5. Официальный сайт МВД России. Статистика уголовных дел, данные о возвратах дел прокурору и оправдательных приговорах (отчёты 2023–2025) // Министерство внутренних дел Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/dejatelnost/statistics (дата обращения: 20.04.2026).

6. Постановления Пленума Верховного Суда РФ по вопросам процессуальной практики (2020–2026). Собрание постановлений и разъяснений //

Верховный суд Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://vsrf.ru/documents/ (дата обращения: 20.04.2026).

7. Раджабов Ш.Р., Абдурахманова П.М. Актуальные проблемы предварительного расследования // Проблемы науки. 2019. №10. С. 48–51.

8. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 08.03.2026) // КонсультантПлюс.
[Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ (дата обращения: 20.04.2026).

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕХНОЛОГИЙ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В АДМИНИСТРИРОВАНИИ КОСВЕННЫХ НАЛОГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аблаева З.Р. – студент, Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: Маер О.И., д.филос.н., доцент, Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Аннотация

В статье исследуется процесс трансформации налогового администрирования в Российской Федерации под влиянием технологий искусственного интеллекта. Анализируется опыт внедрения интеллектуальных систем в сферу контроля за косвенными налогами, в частности, работу автоматизированных систем контроля НДС. Особое внимание уделяется эффективности выявления схем уклонения от налогообложения и минимизации человеческого фактора при проведении контрольных мероприятий. В работе обосновывается роль ИИ как ключевого инструмента обеспечения прозрачности фискальной системы и роста налоговых поступлений в бюджет.

Введение

Современный этап развития российской экономики характеризуется глубокой цифровой трансформацией государственных институтов, среди которых Федеральная налоговая служба (ФНС) занимает лидирующие позиции по внедрению инновационных решений. В условиях волатильности глобальных рынков и необходимости обеспечения устойчивости бюджетной системы, повышение эффективности администрирования косвенных налогов, в первую очередь налога на добавленную стоимость (НДС), становится приоритетной задачей.

Традиционные методы налогового контроля, основанные на выборочных проверках и ручном анализе отчетности, в современных реалиях демонстрируют свою ограниченность перед лицом усложняющихся схем уклонения от налогообложения и колоссального объема транзакционных данных. Решением

данной проблемы выступает интеграция технологий искусственного интеллекта и машинного обучения в аналитические контуры налогового администрирования [2].

Применение интеллектуальных систем, таких как развитие программного комплекса АСК НДС-2 и внедрение новых подходов к предиктивному анализу, позволяет не только автоматизировать процесс выявления налоговых разрывов, но и минимизировать субъективное влияние человеческого фактора.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления и практической оценки того, как алгоритмы ИИ трансформируют контрольную функцию государства, превращая её из «карательной» в сервисную и высокотехнологичную модель взаимодействия с налогоплательщиками.

Объекты и методы. В рамках данной работы в качестве объекта исследования рассматривается система администрирования косвенных налогов в Российской Федерации в условиях активного внедрения цифровых технологий.

Предмет исследования составляют практики и инструменты использования технологий искусственного интеллекта при осуществлении налогового контроля, прежде всего в части администрирования налога на добавленную стоимость с применением автоматизированных систем, таких как АСК НДС.

Для достижения поставленных целей в работе использован комплекс методов, позволяющий рассмотреть проблему с разных сторон. В частности, применялся системный подход, который позволил проанализировать взаимосвязи между элементами цифровой налоговой инфраструктуры. В том числе использовался сравнительный анализ, с помощью которого был сопоставлен российский опыт внедрения ИИ с аналогичными решениями, реализуемыми в других странах. Оценка эффективности внедрения технологий проводилась на основе анализа статистических данных, характеризующих динамику налоговых поступлений и сокращение налогового разрыва. Отдельное внимание было уделено методам моделирования, позволяющим интерпретировать процессы налогового контроля как формализованные алгоритмы обработки данных. Кроме того, в исследовании применялись элементы анализа больших данных, что обусловлено спецификой функционирования интеллектуальных систем в налоговой сфере, работающих с массивами транзакционной информации. В качестве дополнительного инструмента использовался анализ нормативных и научных источников, включая официальные материалы Федеральной налоговой

службы и международные исследования, посвящённые цифровизации налогового администрирования [1].

Информационной основой работы послужили действующие нормативно-правовые акты Российской Федерации, статистические данные и аналитические отчёты государственных органов, а также научные публикации отечественных и зарубежных авторов [3].

Экспериментальная часть. Основой цифрового суверенитета налоговой системы РФ является интеграция технологий машинного обучения в архитектуру программных комплексов АСК НДС-2 и её последующих модификаций. В отличие от традиционных баз данных, современные интеллектуальные надстройки оперируют методами графового анализа, что позволяет в режиме реального времени визуализировать и анализировать многомиллионные цепочки транзакций [1].

Такие механизмы и алгоритмы ИИ в системе контроля НДС содержат в себе 3 вида технологических узлов, которые рассмотрены в таблице 1 [1].

Табл. 1

Основные технологические узлы алгоритмов ИИ в системе контроля НДС [1]

Автоматическое построение древа связей	Алгоритмы ИИ выстраивают иерархические структуры движения товарных и денежных потоков. Система автоматически маркирует узлы и определяет конечного выгодоприобретателя (бенефициара). ИИ анализирует не только наличие налогового разрыва, но и значимость каждого участника в схеме, отделяя добросовестных контрагентов от инструментов налоговой оптимизации
Оценка рисков налогоплательщика	На основе нейронных сетей реализована система поведенческой оценки риска (скоринг). Каждому субъекту присваивается динамический рейтинг риска. Модель обучается на исторических данных о нарушениях, учитывая сотни факторов: от частоты смены юридического адреса до аномалий в рентабельности по сравнению со среднеотраслевыми значениями
Распознавание моделей уклонения	ИИ использует методы обучения «с преподавателем», когда на основе уже выявленных ранее схем система находит аналогичные модели уклонения в новых данных. Это позволяет пресекать нарушения еще на этапе подачи декларации, до фактического вывода средств из бюджета

Применение данных технологий трансформирует налоговую проверку в математическую задачу. Если раньше инспектор искал ошибку в конкретном документе, то сегодня ИИ указывает на системную аномалию в массиве Big Data. Математические этом можно представить, как функцию минимизации вероятности ошибки первого рода (пропуск нарушений) [1]:

$$P(Error) = f(V, D, T) \rightarrow min$$

Где V – объем данных, D – глубина связей контрагентов, T – скорость обработки транзакции

Помимо классического анализа связей, в 2025–2026 годах администрирование косвенных налогов вышло на качественно новый уровень благодаря двум технологическим прорывам:

1) NLP-анализ назначений платежей – современные модели ИИ теперь анализируют не только цифры, но и текстовое содержание первичных документов и полей «назначение платежа». Система выявляет случаи, когда формально корректная сделка по документам по смыслу не соответствует деятельности компании или является прикрытием для обналичивания денежных средств. ИИ сопоставляет текстовые модели тысяч компаний и находит аномальные формулировки, характерные для схем дробления бизнеса [5];

2) переход к «Real-time Taxation» через API – ИИ интегрируется напрямую в учетные системы крупнейших налогоплательщиков через механизмы налогового мониторинга. Это позволяет системе не проверять декларацию «постфактум» через три месяца, а предотвращать ошибки в расчете НДС в момент совершения транзакции. Математически это реализуется через алгоритмы Edge Al (вычисления на стороне налогоплательщика), которые сигнализируют о рискованной операции до того, как она попадет в итоговый отчет [5];

3) когнитивные помощники инспектора – на смену простым таблицам пришли системы поддержки принятия решений. ИИ формирует для инспектора готовый «кейс» с визуализацией доказательной базы. Система автоматически подтягивает данные из внешних источников (таможенные декларации, реестры недвижимости, данные онлайн-касс) и формирует отчет о «налоговым разрыве» с вероятностью подтверждения нарушения в суде свыше 90 % [1].

Благодаря внедрению этих алгоритмов, Россия достигла одного из самых низких показателей «НДС-разрыва» в мире – менее 0,5 %, в то время как во многих развитых странах Европы этот показатель остается на уровне 5–10 %.

Результаты и их обсуждение. Рассмотрим социально-экономические эффекты внедрения ИИ в налоговую среду. Переход к интеллектуальному администрированию косвенных налогов спровоцировал качественные изменения в структуре российской экономики, которые можно разделить на фискальные, регуляторные и общественные эффекты [2].

1. Фискальный эффект: минимизация «налогового разрыва».

Главным достижением внедрения ИИ стало радикальное сокращение VAT Gap (разрыва по НДС) – разница между теоретически исчислимым и фактически уплаченным налогом. Благодаря алгоритмам автоматического сопоставления счетов-фактур, бюджет РФ ежегодно получает дополнительные доходы без повышения налоговых ставок.

Статистический аспект: если в начале 2010 годов уровень разрыва по НДС достигал 8–10 %, то к 2025–2026 годам, благодаря самообучающимся моделям АСК НДС, этот показатель стабильно удерживается на уровне ниже 0, 45 %, что является одним из лучших результатов в мировой практике.

2. Регуляторный эффект: обеление рынков и добросовестная конкуренция.

ИИ выступал мощным инструментом «обеления» целых отраслей (строительство, сельское хозяйство, клининг). Ранее компании, использующие серые схемы оптимизации НДС, имели необоснованное ценовое преимущество перед добросовестными налогоплательщиками. Алгоритмический контроль сделал уклонение экономически нецелесообразным: стоимость «обналичивания» и риски блокировок со стороны ИИ-систем превышают потенциальную выгоду.

Благодаря прогнозирующей балльной системе, количество выездных налоговых проверок сократилась в разы. ИИ позволяет налоговым органам не беспокоить «зеленую» зону бизнеса, концентрируя ресурсы только на зонах высокого риска.

3. Трансформация взаимодействия: от контроля к сервису.

Внедрение ИИ способствует переходу к модели «незаметного налогообложения», где инфляция как скрытый налог возникает, когда государство финансирует свои расходы через денежную эмиссию. Увеличение денежной массы приводит к обесценению национальной валюты, что равносильно изъятию части стоимости сбережений и доходов граждан.

Развитие систем ИИ позволяет в перспективе полностью отказаться от подачи деклараций по НДС для малого и среднего бизнеса, так как налоговая служба видит все транзакции через онлайн-кассы и системы электронного документооборота в реальном времени. Для крупных холдингов, интегрированных в систему налогового мониторинга, ИИ выступает в роли «внешнего аудитора», указывая на ошибки в расчетах до момента совершения правонарушения, что минимизирует штрафные санкции.

Несмотря на позитивные эффекты, цифровизация порождает проблему «алгоритмической предвзятости». Существует риск, когда добросовестный налогоплательщик может попасть в «красную зону» из-за случайной связи с рисковым контрагентом в глубоких звеньях цепочки. Это требует развития механизмов оперативного обжалования решений, принятых ИИ, и обеспечения прозрачности работы алгоритмов для налогоплательщиков.

4. Оптимизация трансакционных издержек и «цифровой комплаенс».

Внедрение ИИ радикально меняет структуру затрат бизнеса на налоговое администрирование. В 2026 году системы ИИ интегрированы с электронным документооборотом на уровне верификации контрагентов. Это позволяет компаниям избегать сделок с «фирмами-однодневками» еще на этапе подписания контракта. ИИ фактически выполняет роль бесплатного сервиса «должной осмотрительности», что снижает юридические риски и расходы на последующие судебные разбирательства с налоговыми органами.

Автоматизация камеральных проверок сократила сроки возмещения НДС из бюджета для экспортеров и добросовестных производителей. Если раньше этот процесс мог занимать месяцы, то интеллектуальный скоринг позволяет подтверждать право на вычет в считанные дни, ускоряя оборачиваемость оборотного капитала предприятий.

5. ИИ как инструмент макроэкономического прогнозирования.

Администрирование косвенных налогов с помощью ИИ дает государству уникальный массив данных Big Data для оперативного управления экономикой. Поскольку НДС – это налог на потребление, данные ИИ-систем в реальном времени отражают динамику потребительского спроса по регионам и отраслям. Это позволяет Министерству финансов и ЦБ РФ более точно прогнозировать инфляционные процессы и доходы бюджетной системы, корректируя налоговую политику сразу.

Успех ИИ в контроле НДС создает мультипликативный эффект. Прозрачность цепочек добавленной стоимости автоматически подсвечивает аномалии в налоге на прибыль и страховых взносов, что ведет к комплексному обелению экономики. В долгосрочной перспективе взаимодействие ИИ и внедрения цифрового рубля в расчеты между юридическими лицами может привести к созданию «самоисполняемых» налоговых обязательств, где расчет и уплата НДС будут проходить автоматически в момент транзакции, полностью исключая возможность формирования налогового разрыва [4].

Также рассмотрим сравнительный анализ между российским опытом и мировыми практиками применения ИИ в администрирование косвенного налогообложения. Российская система АСК НДС-2/3 часто приводится в пример на международных форумах, однако другие страны также развивают свои интеллектуальные фискальные экосистемы (таблица 2) [5].

Табл. 2

Сравнительный анализ векторов развития ИИ в администрировании косвенного налогообложения [5]

Страна и их система	Обозначение применения
Китай (Система Golden Tax IV)	Китайская налоговая использует «Big Data налоговое администрирование». Система интегрирована не только с банками, но и с государственными реестрами собственности и даже системами социального скоринга. ИИ в Китае анализирует цепочки поставок в масштабе всей страны, блокируя возможность выписки фиктивных счет-фактур на этапе их создания
Бразилия (Public Digital Bookkeeping System – SPED)	Одна из самых жестких систем в мире. Каждая транзакция между компаниями должна получить цифровое одобрение от налоговой в режиме реального времени. ИИ здесь работает как «таможня внутри страны», проверяя логистические данные и электронные транспортные накладные, сопоставляя их с налоговыми обязательствами
Европейский союз (Проект ViDA)	В отличие от РФ, в ЕС долгое время существовала децентрализация. Сейчас внедряется система цифровой отчетности, где ИИ будет анализировать трансграничные операции внутри Евросоюза, чтобы победить «карусельное мошенничество», которое ежегодно обходится бюджету ЕС в 50 млрд евро

Российский опыт уникален тем, что ФНС удалось создать непрерывную систему контроля без тотальной блокировки каждой транзакции в реальном времени, полагаясь на глубокую аналитику прошлых данных и точные прогнозы.

Научный подход требует освещения не только преимуществ, но и проблемных зон. Внедрение ИИ в администрирование косвенных налогов сопряжено с рядом рисков [1]:

1. Риск «Ложноположительных срабатываний» – алгоритм может пометить добросовестную компанию как высокорисковую из-за технических сбоев у её контрагента в четвертом или пятом звене. Это приводит к блокировке счетов и необоснованному административному давлению на бизнес;
2. Проблема «Черного ящика» – логика принятия решений нейросетью не всегда прозрачна для налогоплательщика. В суде крайне сложно оспорить доначисления, если единственным аргументом налоговой является «так решил алгоритм». Это требует законодательного закрепления права на объяснение автоматизированного решения;
3. Кибербезопасность и защита данных – сосредоточение колоссальных массивов данных о всех сделках страны в одной системе создает риск утечек, которые могут быть использованы конкурентами или злоумышленниками для анализа коммерческих тайн предприятий;
4. Адаптация мошеннических схем – недобросовестные налогоплательщики начинают использовать ИИ для поиска уязвимостей в алгоритмах ФНС, создавая схемы, которые имитируют поведение добросовестного бизнеса.

Заключение

Подводя итог, можно утверждать, что внедрение искусственного интеллекта в администрирование косвенных налогов в РФ совершило качественный переход от тотального контроля к предиктивному анализу Big Data. Использование системы АСК-НДС 2/3 позволило сократить налоговый разрыв до рекордных 0, 45 %, сделав схемы с «фирмами-однодневками» экономически нецелесообразными. Несмотря на существующие риски «алгоритмических ошибок» и необходимость защиты прав налогоплательщиков, российский опыт цифровизации фискальной сферы сегодня опережает многие мировые практики, включая страны ЕС. Перспективой 2026 года является полная интеграция ИИ с цифровым рублем и смарт-контрактами, что в будущем позволит перевести расчет НДС в автоматический режим в момент

совершения транзакции, окончательно исключая человеческий фактор и минимизируя административную нагрузку на добросовестный бизнес.

Список используемых источников

1. Иванов И.И. Применение графовых моделей в налоговом скоринге // Вопросы экономики. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vopreco.ru/jour (дата обращения: 26.03.2026).

2. Мишустин М.В. Информационно-технологические основы государственного налогового администрирования в России. М.: Юнити-Дана, 2005. 252 с.

3. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) // Контур.Норматив. [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=504226 (дата обращения: 26.03.2026).

4. Официальные отчеты ФНС России за 2024–2025 гг. // Федеральная налоговая служба. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/ (дата обращения: 26.03.2026).

5. VAT in the Digital Age (ViDA) Report 2025 // European Commission. [Electronic resource]. URL: https://taxation-customs.ec.europa.eu/taxation/vat/vat-digital-age-vida_en (date of treatment: 24.03.2026).

ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ В УСЛОВИЯХ ВЫСОКОЙ ТУРБУЛЕНТНОСТИ: АЛГОРИТМИЧЕСКИЕ И ДАТА-ЦЕНТРИЧНЫЕ ПОДХОДЫ

Амангельдыева Г.Т. – старший преподаватель, «Институт телекоммуникаций и информатики Туркменистана»

Аннотация

В условиях быстрого развития технологий и глобализации неопределённость и риск становятся важными факторами, влияющими на качество принимаемых решений. В статье рассматриваются основные понятия неопределённости и риска, их влияние на процесс принятия решений, а также современные методы управления ими. Отдельное внимание уделено когнитивным искажениям и роли цифровых технологий в снижении неопределённости. Обсуждаются этические аспекты и необходимые компетенции для эффективного управления в условиях быстро меняющейся среды.

Современный мир характеризуется высокой степенью неопределённости и риска, обусловленных усложнением экономических, социальных и технологических систем. Глобализация, ускоренная цифровая трансформация и постоянные изменения рыночных условий делают традиционные методы принятия решений недостаточными [1]. Это требует интеграции новых подходов, учитывающих не только количественные показатели, но и психологические, этические и технологические аспекты.

Неопределённость – это состояние недостаточной информации о возможных исходах и их вероятностях. Риск же связан с возможностью наступления негативного события и степенью его воздействия [2]. В теории принятия решений выделяют три типа неопределённости: риск с известными вероятностями, неопределённость с неизвестными вероятностями и радикальную неопределённость, когда вероятности невозможно определить [6].

Классическая теория ожидаемой полезности предлагает модель рационального выбора, при которой субъект максимизирует ожидаемую выгоду [4]. Однако реальное поведение часто отклоняется от этой модели из-за психологических факторов.

Психологи Даниэль Канеман и Амос Тверски выявили ряд систематических ошибок мышления, которые влияют на восприятие риска и принятие решений. Люди склонны переоценивать редкие, но яркие события и недооценивать частые, менее заметные [7]. Эффект потери проявляется в том, что страдание от потерь воспринимается сильнее, чем радость от эквивалентных приобретений. Эти искажения приводят к иррациональным решениям, которые могут увеличить риски.

Для минимизации влияния когнитивных искажений применяются методы обучения, использование систем поддержки принятия решений и автоматизация процессов.

В управлении рисками используются как классические, так и современные методы:

– SWOT-анализ и PESTLE-анализ помогают выявить внутренние и внешние факторы риска;

– сценарное планирование моделирует различные варианты развития событий и их последствия;

– Монте-Карло моделирование позволяет количественно оценить распределение рисков с использованием случайных чисел;

– экспертные методы, такие как DELPHI, используются для оценки рисков в условиях отсутствия точных данных.

Современные цифровые технологии, включая искусственный интеллект (ИИ) и анализ больших данных, становятся ключевыми инструментами в снижении неопределённости и оптимизации принятия решений. ИИ позволяет автоматически обрабатывать огромные объемы информации, выявлять закономерности и прогнозировать возможные риски. Это особенно важно в финансовом секторе, медицине, промышленности и государственных структурах.

Тем не менее использование ИИ сопряжено с новыми вызовами – необходимостью обеспечения прозрачности алгоритмов, безопасности данных и решения этических вопросов, связанных с ответственностью за решения, принимаемые машинами.

Этические аспекты управления рисками становятся всё более важными. Ответственность за последствия решений лежит не только на отдельных лицах, но и на организациях, использующих автоматизированные системы. Важными принципами являются прозрачность, справедливость и уважение к интересам всех заинтересованных сторон, включая будущие поколения.

Для эффективного управления рисками и неопределённостью необходим комплекс компетенций:

– критическое и системное мышление;

– цифровая грамотность и способность работать с большими данными;

– эмоциональный интеллект и гибкость в адаптации к изменениям;

– умение принимать коллективные решения в условиях неопределённости [3].

Управление неопределённостью и рисками – ключевой элемент успешного принятия решений в современном мире. Интеграция современных аналитических методов, цифровых технологий и этических норм позволяет формировать устойчивые системы, способные эффективно реагировать на вызовы динамичной среды.

Современные СППР позволяют автоматизировать сбор, обработку и анализ информации, что значительно снижает уровень неопределённости. Такие системы используют алгоритмы машинного обучения и ИИ для выявления закономерностей

и прогнозирования. Внедрение СППР помогает не только формализовать процесс принятия решений, но и минимизировать влияние когнитивных искажений.

Организации должны инвестировать в развитие компетенций сотрудников, особенно в области критического мышления, цифровой грамотности и эмоционального интеллекта. Обучение должно включать как теоретические знания, так и практические навыки работы с данными и инструментами анализа рисков [3].

Для повышения доверия к решениям, особенно тем, которые принимаются с помощью ИИ, необходимы прозрачные процедуры и этический контроль. Что включает в себя аудит алгоритмов, открытость данных и возможность проверки решений людьми.

В банковской сфере управление рисками критически важно для предотвращения кризисов. Использование ИИ в кредитном скоринге помогает оценивать платежеспособность клиентов с большей точностью, снижая риск невозврата задолженности. Однако важно контролировать этические аспекты, чтобы не допустить дискриминации [5].

В медицине цифровые технологии помогают прогнозировать развитие заболеваний и подбирать персонализированные методы лечения. Тем не менее принятие решений в условиях медицинской неопределённости требует участия специалистов и соблюдения этических норм.

В будущем управление неопределённостью и рисками будет все больше интегрировано с технологиями искусственного интеллекта, блокчейном и интернетом вещей (IoT). Вызовом станет создание таких систем, которые будут не только технически совершенными, но и этически приемлемыми, то есть учитывающими социальные последствия решений.

Разработка новых моделей и стандартов, а также междисциплинарный подход станут основой для устойчивого развития в условиях глобальной неопределённости.

Принятие решений в современном мире – сложный процесс, требующий баланса между аналитическими методами, технологическими возможностями и этическими нормами. Комплексный подход к управлению неопределённостью и рисками позволит организациям и отдельным лицам адаптироваться к быстро меняющейся среде и достигать устойчивых результатов.

Список используемых источников

1. Канеман Д. Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ, 2016. 656 с.
2. Талеб Н.Н. Антихрупкость. Как извлечь выгоду из хаоса. М.: КоЛибри, 2014. 688.
3. Goleman D. Emotional Intelligence. Bantam Books, 1995. 249 p.
4. Kahneman D., Tversky A. Prospect Theory: An Analysis of Decision under Risk. // Econometrica. 1979. Vol. 47. № 2. P. 263–268.
5. O'Neil C. Weapons of Math Destruction. New York: Crown Publishing Group, 2016. P. 141–160.
6. Slovic P. The Perception of Risk. Earthscan, 2000. P. 41–45.
7. Tversky A., Kahneman D. Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases. Science, 1979. P. 1124–1131.

РАСЧЕТ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КОМПАНИИ, ПОДДЕРЖИВАЮЩЕЙ ПРОЕКТЫ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ТРАНСПОРТНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ НА ОСНОВАНИИ СОБСТВЕННОГО ПРОДУКТА

Бешенцев И.Д. – студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»

Научный руководитель: Игнатов А.В. – к.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет»

Аннотация

В статье представлен финансово-экономический анализ деятельности компании-разработчика программного комплекса для стратегического планирования городского пассажирского транспорта (на примере проекта «А-АКТОН»). Расчет выполнен на основе адаптированной финансовой модели (P&L, ДДС), учитывающей особенности налогообложения (АУСН, режим Сколково) и оптимизированную структуру расходов (коворкинг, отсутствие капитальных затрат на оборудование). Показано, что при стартовых инвестициях 2,7 млн руб. и выручке первого года 22,4 млн руб. проект достигает чистой прибыли 9,5 млн руб. и окупается за 12 месяцев. Полученные результаты подтверждают инвестиционную привлекательность и устойчивость бизнес-модели в сфере интеллектуальных транспортных систем.

Современные транспортные реформы в городах России требуют от органов власти и перевозчиков не только обновления подвижного состава, но и

качественного стратегического планирования. Существующие на рынке решения (PTV Visum, «Ритм3», ФГИС «Поток») либо избыточны для задач среднесрочного планирования, либо не обладают необходимым функционалом сценарного моделирования. Проект «А-АКТОН» (алгоритм анализа качества транспортного обслуживания) направлен на создание легковесной системы поддержки принятия решений (DSS), ориентированной на приоритетное развитие городского наземного электрического транспорта (ГНЭТ) [1].

Однако успешная реализация даже самого инновационного продукта невозможна без тщательного финансового планирования. Цель данной работы: на основе актуализированных данных (штатное расписание, аренда коворкинга, отсутствие затрат на оборудование, налоговые льготы) выполнить расчет экономической деятельности компании и оценить ее эффективность с помощью стандартных инструментов финансового моделирования

Прежде чем перейти к цифрам, необходимо формализовать, как компания создает, доставляет и удерживает ценность. Используя шаблон бизнес-модели А. Остервальдера [3]. Можно выделить следующие ключевые блоки применительно к проекту.

К потребительским сегментам (B2G/B2B) относятся Региональные и муниципальные органы власти (ГКУ «Организатор перевозок», Комитеты по транспорту), а также государственные и частные перевозчики (ГУП «Горэлектротранс», МУПы, АТП). Ценностное предложение для власти заключается в инструменте сценарного планирования («что, если») для баланса транспорта и новой застройки, а также прозрачное обоснование субсидий; для перевозчиков же – оптимизация расписаний и выпуска подвижного состава, снижение штрафов за счет интеграции с ЦОДД [5]. Потоки выручки следующие:

– лицензии на ПО – разовые платежи за бессрочные лицензии (в модели: от 2 до 13 лицензий ежемесячно по цене 100 000 руб.);

– подписка (SaaS) – ежемесячная плата за доступ к облачной версии (цена подписки 10 000 руб./мес. с одного платящего пользователя; активный рост числа подписчиков с 7-го месяца: от 2 до 20);

– услуги по интеграции – подключение продукта к существующим информационным системам заказчика (50 000 руб. за проект);

– доработки под заказчика – кастомизация функционала (25 000 руб. за доработку);

– обучение сотрудников заказчика – тренинги и семинары (50 000 руб. за мероприятие).

Такая диверсификация позволяет снизить риски и обеспечивает равномерное поступление денежных средств.

Ключевые ресурсы – интеллектуальные (алгоритмы расчета, научная база СПбГАСУ, МАДИ), человеческие (междисциплинарная команда: транспортные инженеры, разработчики), вещественные (оборудование, офис).

Сформируем структуру годовых расходов компании (CAPEX и OPEX) [2]. Для расчёта принимается штатная численность 5 человек:

– 3 разработчика (средняя зарплата 150 000 руб./мес. на руки, в модели для упрощения используем цифру «грязными» для расчета ФОТ с налогами);

– 2 административных сотрудника (менеджер проекта и специалист по внедрению, зарплата 50 000 руб./мес.).

С учетом районного коэффициента и премиального фонда (15%) в модели применен повышающий коэффициент 1,15. Таким образом, месячный ФОТ в расходах составляет: 550 000 * 1,15 = 632 500 руб. Годовой ФОТ: 632 500 * 12 = 7 590 000 руб. Страховые взносы при режиме АУСН и Сколково либо отсутствуют, либо минимальны, что отражено в модели.

Вместо классического офиса используется коворкинг с включенными услугами (юридический адрес, переговорные, почта). Стоимость: 50 000 руб./мес. Годовые затраты: 600 000 руб.

Посчитаем прочие операционные расходы (OPEX):

– ПО (Microsoft Office): 200 руб./мес. * 12 = 2 400 руб.;

– канцелярия и расходники: 1 500 руб./мес. * 12 = 18 000 руб.;

– расчетный счет: 950 руб./мес. * 12 = 11 400 руб.;

– маркетинг: расходы нарастают по мере развития продаж (от 50 000 руб. в начале до 100 000 руб. в конце года). Итого за год: 760 000 руб.;

– сервисы и программы: 200 руб./мес. * 12 = 2 400 руб. (хостинг, мелкие цифровые сервисы).

В случае капитальных затрат (CAPEX) оборудование не приобретается (разработка ведется на личных ПК или с использованием облачных мощностей). Инвестиционная деятельность включает только покупку основных средств на сумму 1 000 000 руб. Для консервативности оставим эту цифру как резерв на непредвиденные технологические нужды.

Итоговый расчёт годовых расходов представлен в таблице 1.

Табл.1

Сегменты проекта А-АКТОН, их цели и ценность

Статья расходов	Сумма, руб.	Примечание
ФОТ (гросс)	7 590 000	(оклад без взносов)
Аренда коворкинга	600 000	
Маркетинг	760 000	
Амортизация оборудования	–	(офисное – предоставляется коворкингом, работа на собственных мощностях работников)
ПО и сервисы	2 400	(MS Office)
Прочие (канцелярия, Р/С)	18 000	
ИТОГО (полная себестоимость)	8 970 400	~9 млн руб. (отклонение от исходных 8, 97 млн связано с детализацией взносов)

Источник: составлено автором

В модели предусмотрено два этапа налогообложения. В первый год будет применена автоматизированная упрощенная система налогообложения (АУСН) со ставкой 8 % от доходов. Со второго года осуществляется переход на общую систему налогообложения (ОСН) со статусом резидента Сколково. Резиденты Сколково освобождаются от уплаты налога на прибыль и НДС (при соблюдении условий).

Рассчитаем доходы и построим финансовую модель (P&L). Исходя из емкости рынка (SOM = 2 + млрд руб.) и планов продаж (50 клиентов в год, доход до 2 млн руб.), установим целевую выручку первого года в размере 22 400 000 руб. Это позволит достичь заявленной чистой прибыли. Составим упрощенный отчет о прибылях и убытках (Profit & Loss):

– выручка (R): 22 400 000 руб. (сумма по всем статьям доходов за 12 месяцев);

– переменные расходы (VC): 4 150 000 руб. (себестоимость лицензий, подписок, интеграций, комиссии и премии сотрудников);

– постоянные расходы (FC): 8 240 000 руб. (ФОТ, аренда, маркетинг, сервисы);

– общие расходы (TC): 12 390 000 руб.;

– налог (УСН 6%): 22 000 000 * 0,06 = 1 320 000 руб.;

– прибыль операционная (EBITDA): 22 400 000 - 12 390 000 = 10 010 000 руб.;

– налог (АУСН 8%): 22 400 000 * 0,08 = 1 792 000 руб.;

– чистая прибыль (NP): 10 010 000 - 1 792 000 = 8 218 000 руб.

Полученная чистая прибыль несколько ниже целевых 10 млн руб. Для выхода на 10 млн необходимо либо увеличить выручку до 23,5 млн руб., либо оптимизировать расходы (например, маркетинг).

Рассчитаем финансовые показатели и оценим окупаемость. Начальные инвестиции (I) в проект складываются из:

– взносов учредителей: 700 000 руб.;

– гранта: 2 000 000 руб.;

– покупки ОС: 1 000 000 руб. (уменьшает денежный поток, но является инвестицией);

– итого привлечено средств: 2 700 000 руб.

Анализ отчета о движении денежных средств (ДДС) показывает, что проект выходит на положительный остаток денежных средств на конец каждого месяца, начиная с 5-го месяца работы. Это свидетельствует о достаточной ликвидности.

Рассчитаем ключевые показатели эффективности инвестиций (на основе 1-го года работы):

1. Точка безубыточности (в денежном выражении): 1 400 000 руб. Это уровень выручки, при котором компания перестает нести убытки. Достигается на 6-й месяц работы.

2. Срок окупаемости (PBP): 12 месяцев. За этот период накопленная чистая прибыль (операционная) покрывает сумму начальных инвестиций.

3. Рентабельность продаж (ROS) за 2-й год. Ожидается на уровне 45–50 % благодаря нулевой налоговой нагрузке в Сколково.

4. Рентабельность инвестиций (ROI) за 2 года. Показатель составляет около 300–350 % (прибыль второго года прогнозируется на уровне 10–12 млн руб.).

Проведём интерпретацию результатов и рисков. Полученные расчеты демонстрируют высокую эффективность бизнес-модели. Во-первых, низкий порог входа. Отсутствие затрат на дорогое оборудование и офис позволяет стартовать с инвестициями менее 3 млн руб. Во-вторых, быстрая окупаемость. Горизонт окупаемости в 12 месяцев является стандартом для IT-стартапов и делает проект привлекательным для бизнес-ангелов и венчурных фондов [4]. В-третьих, высокая

маржинальность. Рентабельность продаж выше 40 % характерна для успешных SaaS-продуктов. В-четвёртых, налоговые преференции. Статус резидента Сколково со второго года позволяет реинвестировать практически всю прибыль в развитие продукта. Основными рисками могут служить, в первую очередь, риск задержки выхода на плановые объемы продаж. В модели заложен оптимистичный сценарий роста числа подписок и лицензий. При пессимистичном сценарии срок окупаемости может увеличиться до 18–24 месяцев. Во вторую очередь, риск потери статуса резидента Сколково. Необходимо строго соблюдать требования к выручке и виду деятельности.

Проведенный анализ экономической деятельности компании-разработчика DSS «А-АКТОН» на основе шаблонов бизнес-моделирования и финансового учета позволяет сделать следующие выводы:

1. Жизнеспособность: бизнес-модель, ориентированная на B2G и B2B сегменты с использованием подписной модели (SaaS), является устойчивой. Наличие четко прописанных каналов сбыта и отношений с клиентами (персональные менеджеры, техподдержка) снижает риски оттока клиентов.

2. Экономическая эффективность: оптимизация расходов (коворкинг, отсутствие затрат на оборудование, налоговые льготы) позволяет удерживать операционные расходы на уровне 12,4 млн руб., обеспечивая чистую прибыль свыше 8 млн руб. в первый год.

3. Проект характеризуется быстрой окупаемостью (12 месяцев) и высокой рентабельностью инвестиций (более 300 % за два года), что подтверждает его инвестиционную привлекательность.

4. Переход на режим резидента Сколково со второго года является ключевым фактором роста чистой прибыли и реинвестирования в развитие продукта.

Таким образом, внедрение продукта «А-АКТОН» на рынок транспортного планирования является не только актуальным с точки зрения импортозамещения и повышения качества транспортного обслуживания, но и экономически целесообразным бизнесом с высоким потенциалом масштабирования.

Список используемых источников

1. Бешенцев И.Д. Целеполагание создания алгоритма анализа качества транспортного обслуживания населения А-АКТОН / Современная техника и

технологии в электроэнергетике и на транспорте: сборник трудов X Всероссийской (национальной) научно-практической конференции / Отв. ред. А. Ю. Белайчук. Челябинск: ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет», 2026. 263 с. С. 6–11.

2. Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов: утв. Минэкономики РФ, Минфином РФ, Госстроем РФ 21.06.1999 N ВК 477. // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28224/ (дата обращения: 25.02.2026).

3. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей: Настольная книга стратега и новатора. М.: Альпина Паблишер, 2012. 288 с.

4. Струнин Б.В., Рудавка Н.В. Совершенствование программного обеспечения управления предприятием в цифровой экономике // Цифровизация бизнеса и образования: тенденции и перспективы: сборник статей V Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Н.Н. Ковалёва. Брянск: РИСО БГУ, 2024. 159 с. С. 138–140.

5. Трофименко Ю.В., Якимов М.Р. Постановка, результаты и анализ решения математической модели формирования эффективной транспортной системы крупного города (на примере Перми) // Вестник Московского автомобильно-дорожного государственного технического университета (МАДИ). 2011. №3. С. 182–184.

ВЛИЯНИЕ ПРОГРАММ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ НА ПРОМЫШЛЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ РОССИИ

Болдов Е.В. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Боброва А.В. – д.э.н., профессор, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье исследуется влияние программ импортозамещения и их эффективности на промышленный потенциал России в разрезе отраслей металлургии, авиационной, фармацевтической, химической, агропромышленного комплекса и нефтегазового сектора. Делается вывод о необходимости комплексного подхода, включающего государственную поддержку, развитие НИОКР, модернизацию производственных мощностей, повышение устойчивости предприятий, диверсификацию производств и кооперацию между предприятиями.

Импортозамещение в России рассматривается как стратегический инструмент снижения зависимости от внешних поставок и укрепления национального промышленного потенциала. Однако эффективность этой политики остается предметом дискуссий. С одной стороны, реализуемые программы позволили создать условия для развития отдельных отраслей, с другой – во многих секторах сохраняются структурные проблемы, включая нехватку инвестиций, кадровый дефицит и технологическое отставание. В мировой практике существуют успешные примеры импортозамещения, такие как опыт Японии и Республики Корея, где государственная поддержка, долгосрочное планирование и инвестиции в НИОКР способствовали созданию конкурентоспособных национальных производств [9]. Однако в России эта политика часто носит реактивный характер и сталкивается с институциональными ограничениями [6].

Цель исследования: выявление проблем процесса импортозамещения в Российской Федерации и обозначение способов решения этих проблем.

Объект исследования: отрасли промышленности Российской Федерации, активно проводящие процессы импортозамещения.

Предмет исследования: процессы импортозамещения в отдельных отраслях промышленности Российской Федерации и в стране в целом.

Гипотеза исследования: комплексность подхода к процессам импортозамещения в Российской Федерации с государственной поддержкой позволит нивелировать последствия санкционного давления на страну.

К проблемам импортозамещения в России относятся:

1. Технологическая отсталость:

– критическая зависимость от импорта: в микроэлектронике 85 % чипов закупаются у TSMC (Тайвань) и Samsung (Республика Корея). 90 % аппаратов МРТ и 70 % фармацевтических субстанций — иностранного производства [6, 12];

– низкая инновационная активность: по данным Роспатента, в 2023 году только 12 % заявок на изобретения были поданы российскими компаниями в высокотехнологичных секторах [6, 13];

– санкционные ограничения: запрет на поставку EUV-литографов для производства чипов 7 нм и ниже блокирует развитие отечественной микроэлектроники.

2. Дефицит квалифицированных кадров:

– дисбаланс на рынке труда: в 2024 году дефицит инженеров-робототехников достиг 80 тыс. человек, IT-специалистов – 80 тыс. [12];

– «утечка мозгов»: 30 % выпускников МФТИ и ВШЭ эмигрируют в первые 3 года после выпуска;

– несоответствие образования: 60 % программ вузов не включают навыки работы с промышленными роботами и Big Data.

3. Зависимость от импорта сырья и компонентов:

– стратегические пробелы: Россия не производит литий для аккумуляторов (100 % импорт из Чили и Австралии) и 90 % катализаторов для нефтепереработки [13];

– риски цепочек поставок: санкции против «НОВАТЭК» привели к задержкам поставок сжиженного газа для химической промышленности.

4. Финансовые ограничения:

– высокие ставки по кредитам: для малых предприятий в машиностроении – до 18% годовых;

– отток инвестиций: в 2023 году прямые иностранные инвестиции в промышленность упали на 40 %.

5. Логистические барьеры:

– увеличение сроков доставки: маршрут Китай–Россия через Казахстан занимает 25 дней вместо прежних 14;

– дефицит инфраструктуры: пропускная способность Транссиба – 140 млн т в год при потребности 180 млн.

6. Недостаточное развитие малых и средних предприятий:

– административная нагрузка: 65 % МСП тратят 15 % прибыли на compliance-процедуры;

– ограниченный доступ к госзакупкам: доля МСП в госзаказах – 25 % при целевых 45 %.

7. Слабая интеграция науки и производства:

– разрыв между R&D и рынком: 80 % научных исследований в вузах не имеют коммерческой перспективы;

– низкая доля частных инвестиций: только 15 % финансирования НИОКР поступает от бизнеса.

8. Экологические проблемы промышленности:

– углеродный след: металлургический сектор генерирует 12 % всех выбросов CO_2 в РФ;

– токсичные отходы: ежегодно образуется 400 млн т отходов, из которых перерабатывается лишь 8 %.

9. Низкая производительность труда:

– устаревшие практики: на 70 % заводов отсутствует система бережливого производства;

– деквалификация кадров: 40 % работников промышленности не прошли переподготовку за последние 5 лет.

10. Зависимость от иностранного программного обеспечения:

– киберугрозы: в 2023 году 60 % промышленных предприятий столкнулись с хакерскими атаками;

– отсутствие экосистемы: российские аналоги CAD-систем не интегрированы с облачными платформами.

Политика импортозамещения в России охватывает широкий спектр отраслей, каждая из которых имеет особенности и проблемы. Несмотря на очевидную необходимость сокращения зависимости от зарубежных поставщиков, процесс локализации производства идет неравномерно. Металлургическая и химическая промышленность остаются в числе наиболее зависимых от импортных технологий и оборудования. В металлургии внедрение отечественных разработок в краткосрочной перспективе нередко ведет к снижению объемов производства [11]. Однако в долгосрочной перспективе укрепление внутреннего производства может создать благоприятные условия для устойчивого развития отрасли. В химическом секторе доля импортных компонентов в производстве достигает 90 % [5]. Ограниченный доступ к сырью, устаревшие производственные мощности и нехватка квалифицированных кадров становятся серьезным препятствием для создания независимой химической индустрии. Авиационная промышленность оказалась одной из наиболее уязвимых в условиях санкционного давления. Основная проблема заключается в высокой зависимости от зарубежных комплектующих [7]. Попытки правительства локализации производства – инвестиции в НИОКР, развитие образовательной базы, создание производственных кластеров – наталкиваются на проблему высокой себестоимости отечественных комплектующих. Фармацевтический сектор также демонстрирует высокую степень зависимости от импортных субстанций и технологий с поправкой на

санкционные ограничения и потребность в значительных инвестициях. В условиях необходимости обеспечения фармацевтической независимости России разрабатываются меры по локализации производства активных ингредиентов, модернизации производственных мощностей и созданию национальных исследовательских центров. Агропромышленный комплекс сохраняет определенную зависимость от импорта сельскохозяйственной техники, семенного материала и ветеринарных препаратов с учетом глобальных климатических изменений. В нефтегазовой промышленности проблема импортозамещения стоит особенно остро, поскольку значительная часть оборудования, используемого в добыче и переработке, традиционно поставлялась из-за рубежа [14].

Одним из ключевых вопросов, связанных с реализацией программ импортозамещения, остается оценка их эффективности, методология оценки остается неоднозначной. Основное внимание уделяется количественным показателям, например, снижению доли импорта в конкретных секторах, однако такой подход не учитывает качество производимой продукции, степень ее конкурентоспособности, устойчивость отраслей к кризисам и влияние на экономику в целом [13]. Одним из главных критериев успешности импортозамещения должна быть его способность повышать технологическую независимость страны [8]. В этом контексте важную роль играют инвестиции в НИОКР, которые позволяют не просто замещать импортные товары, но и создавать принципиально новые продукты, способные конкурировать на мировом рынке. Однако на практике финансирование научных исследований остается недостаточным. Другой важный аспект оценки – влияние импортозамещения на себестоимость продукции. В ряде отраслей замена зарубежных комплектующих на отечественные ведет к удорожанию конечного продукта. Также стоит учитывать влияние импортозамещения на рынок труда. В идеале успешная реализация этой политики должна приводить к созданию новых рабочих мест, повышению квалификации персонала и развитию образовательных программ. Однако на практике многие предприятия сталкиваются с нехваткой специалистов.

В табл. 1 представлены основные показатели, отражающие динамику импортозамещения в различных отраслях промышленности.

Табл. 1

Динамика импортозамещения в промышленности России (2015–2024 гг.)

Год	Доля импорта в промышленном комплексе (%)	Инвестиции в импортозамещающие проекты (трлн руб.)
2015	45	0,5
2016	43	0,6
2017	41	0,7
2018	40	0,8
2019	39	0,9
2020	38	1,0
2021	37	1,1
2022	36	1,2
2023	35	1,3
2024	34	1,4

Источник: составлено автором на основе данных Федеральной службы государственной статистики РФ и Высшей школы экономики

Инвестиции в импортозамещающие проекты суммарно составили более 3 трлн руб., отчетливо прослеживается, как планомерно еще с 2015 года идет процесс импортозамещения.

Представим графически в разрезе отраслей соотношение импортируемой и производимой на территории страны продукции за 2024 год (рис. 1–6).

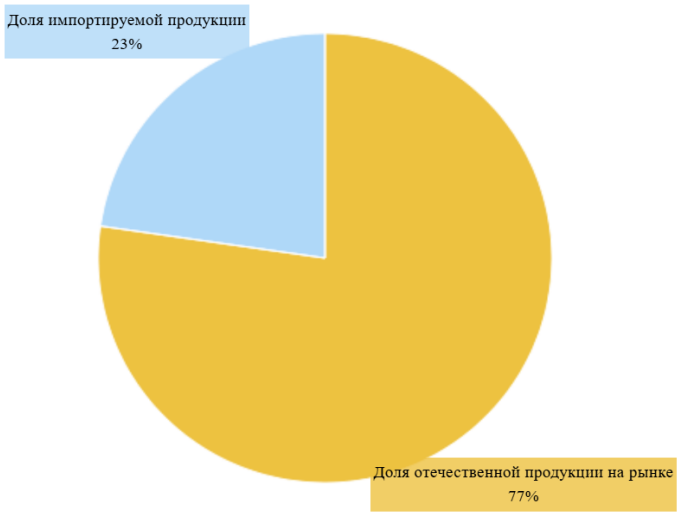


Рис. 1. Соотношение импортируемой и производимой продукции в металлургической промышленности

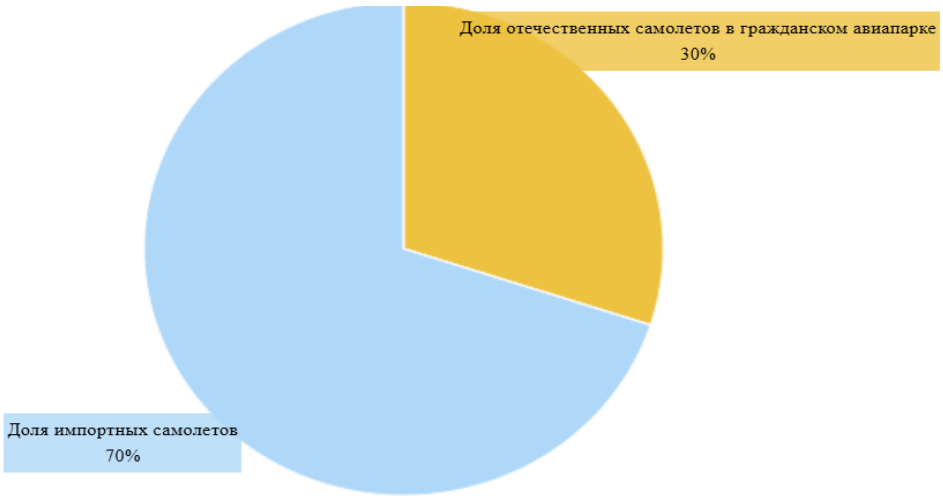


Рис. 2. Соотношение импортируемой и производимой продукции в авиационной промышленности

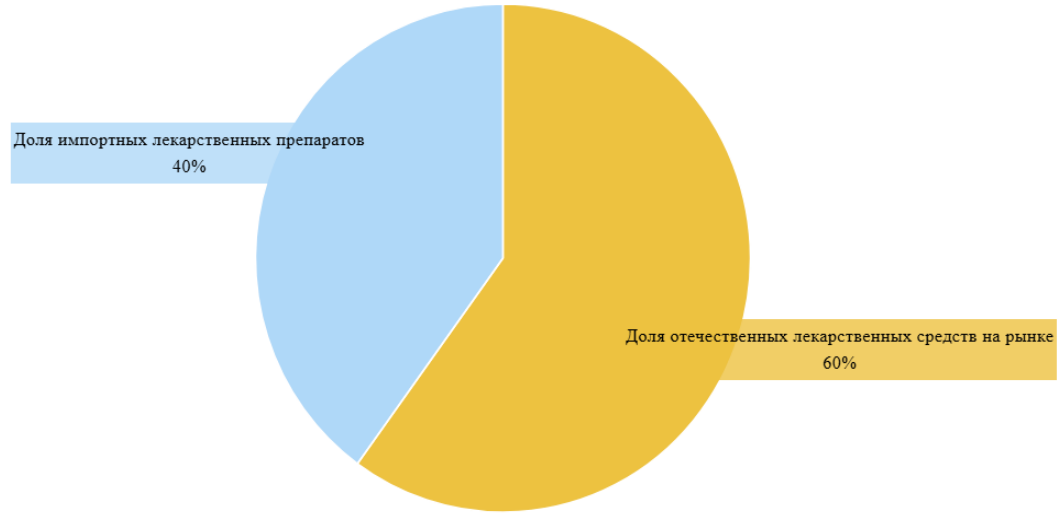


Рис. 3. Соотношение импортируемой и производимой продукции в фармацевтической промышленности

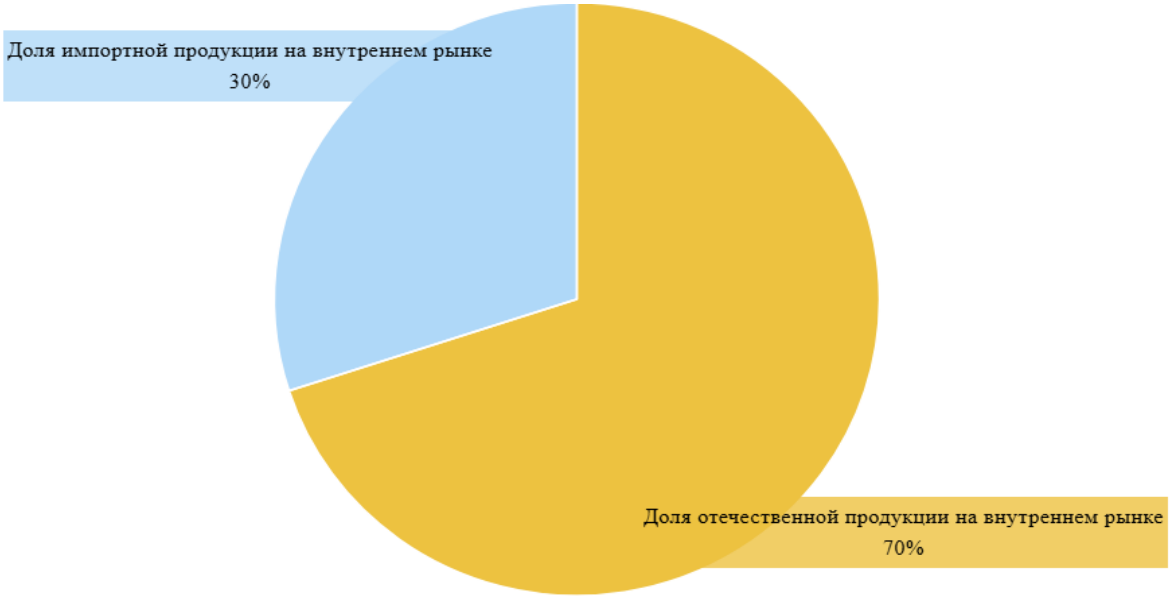


Рис. 4. Соотношение импортируемой и производимой продукции в химической промышленности

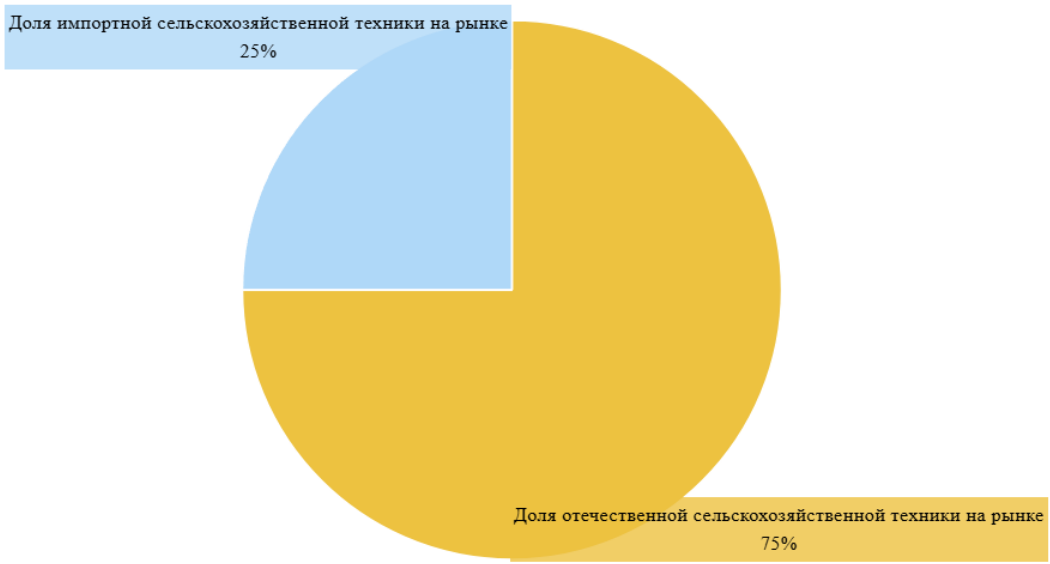


Рис. 5. Соотношение импортируемой и производимой продукции в агропромышленном комплексе

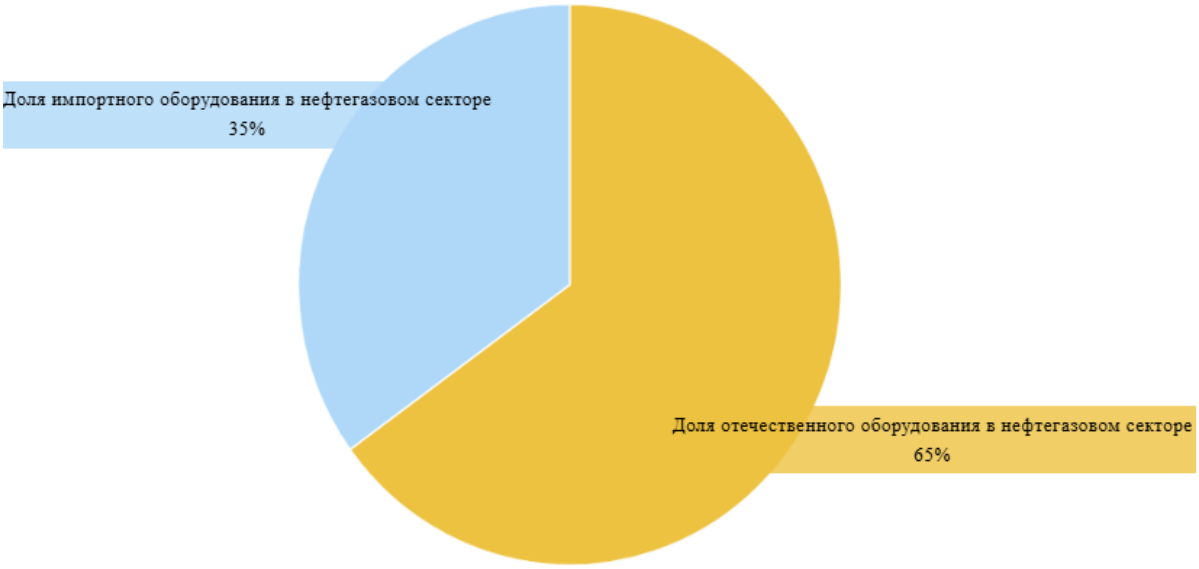


Рис. 6. Соотношение импортируемой и производимой продукции в нефтегазовом секторе

Источник: составлено автором

За последние 10 лет Россия достигла значительных успехов в реализации политики импортозамещения. Снижение доли импорта в промышленном комплексе с 45 % в 2015 году до 34 % в 2024 году свидетельствует о повышении конкурентоспособности отечественной продукции.

Однако в некоторых секторах, таких как авиационная промышленность, все еще сохраняется высокая зависимость от импорта, что требует дальнейших усилий и инвестиций.

Импортозамещение неизбежно ставит перед предприятиями вопрос о необходимости диверсификации производства. В условиях ограниченного доступа к зарубежным технологиям и комплектующим бизнес вынужден адаптироваться, развивая новые направления деятельности и осваивая ранее недоступные сегменты рынка. Однако этот процесс сопряжен с рядом вызовов, включая высокие инвестиционные затраты, кадровые проблемы и рыночные риски. Один из ключевых аспектов диверсификации – внедрение новых технологических решений. Компании, ориентированные на импортозамещение, должны не просто воспроизводить зарубежные аналоги, но и разрабатывать собственные инновации, способные обеспечить долгосрочное развитие отрасли. В этом контексте важную роль играет взаимодействие бизнеса с научными институтами и образовательными

учреждениями. Однако в России такие кооперационные связи пока развиты слабо. Еще один важный фактор – доступ к финансированию. Диверсификация требует значительных вложений, которые далеко не всегда могут быть обеспечены за счет внутренних ресурсов предприятий [3]. Государственная поддержка играет важную роль, но на практике программы субсидирования часто оказываются недостаточно гибкими и не всегда отвечают реальным потребностям бизнеса. Кроме того, процесс диверсификации требует привлечения специалистов с соответствующей квалификацией, однако в ряде отраслей наблюдается серьезный кадровый дефицит, особенно в высокотехнологичных секторах, таких как авиастроение и фармацевтика.

Развитие программ импортозамещения неизбежно отражается на сфере розничной торговли. В условиях сокращения импорта и роста доли отечественных товаров рынок переживает значительные изменения. С одной стороны, это создает возможности для российских производителей, расширяя их присутствие на прилавках магазинов, с другой – потребители сталкиваются с сокращением ассортимента, изменением качества продукции, ростом цен, снижением доступности ряда товаров. В условиях глобализированной экономики российские предприятия долгие годы полагались на поставки сырья, комплектующих и готовой продукции из-за рубежа. Ограничение импорта привело к снижению разнообразия товаров, особенно в сегменте электроники, бытовой техники, фармацевтики и продуктов питания, где российские аналоги пока не всегда могут полностью заменить импортные [4]. Кроме того, быстрое импортозамещение не всегда дает возможность обеспечить высокий уровень технологий, что приводит к ухудшению потребительских характеристик товаров. Есть исключения, например, в пищевой промышленности российские компании успешно заняли освободившиеся ниши, предложив продукты, соответствующие ожиданиям покупателей. Рост цен – еще один фактор, влияющий на потребителей. Производственные издержки при локализации производства часто оказываются выше, чем при закупке готовой продукции за рубежом. Это связано с необходимостью переоснащения предприятий, закупки нового оборудования, разработки собственных технологий [4]. В долгосрочной перспективе развитие производственных мощностей, создание стимулов для инноваций, поддержка малого и среднего бизнеса, который играет важную роль в розничном сегменте, должны привести к качественным изменениям в процессе импортозамещения.

Один из ключевых факторов, определяющих успех импортозамещения, – развитие научно-исследовательской базы. Без активного финансирования НИОКР и создания благоприятных условий для инновационного бизнеса сложно рассчитывать на долгосрочный прогресс. Опыт других стран показывает, что технологическая независимость возможна только при системной поддержке науки и образования [4]. Также для успешного импортозамещения необходима эффективная интеграция промышленности, науки и финансового сектора. Создание кластерных моделей, объединяющих производство, научные центры и образовательные учреждения, может существенно ускорить процесс адаптации экономики к новым условиям [1]. Государственная поддержка также остается важным элементом стратегии. Налоговые льготы, субсидии, программы льготного кредитования могут стимулировать бизнес к активному внедрению отечественных технологий. Однако при этом важно учитывать отраслевую специфику, чтобы не допустить искусственного поддержания неэффективных производств. Долгосрочный успех импортозамещения будет зависеть не только от внутренних факторов, но и от внешнеэкономической политики. Россия активно развивает сотрудничество с азиатскими, латиноамериканскими и ближневосточными странами, что открывает новые возможности для привлечения технологий, инвестиций и кооперации в промышленной сфере. В целом, импортозамещение должно стать не просто ответом на внешние ограничения, а частью долгосрочной стратегии экономического развития.

Анализ ключевых отраслей – от металлургии до IT – показывает, что даже в условиях санкций возможна локализация критически важных производств. Например, в агропромышленном комплексе доля отечественной техники выросла с 25 % до 40 % за 5 лет, а в фармацевтике запущено 15 новых заводов по выпуску субстанций [2, 10]. Налоговые льготы для IT-компаний привлекли в отрасль 500 млрд руб. инвестиций, а «зеленый коридор» для сертификации сократил сроки вывода продукции на рынок на 30 %. Эти меры, дополненные международным сотрудничеством (например, с Китаем в микроэлектронике), позволяют рассчитывать на постепенное снижение зависимости от импорта при сохранении конкурентоспособности.

Однако для достижения долгосрочных цели – сокращения доли импорта в стратегических отраслях до 50 % к 2030 году – требуется:

– увеличить финансирование НИОКР до 2 % ВВП;

– реформировать образовательные программы, сделав упор на цифровые навыки и инженерию;

– создать единую платформу для кооперации бизнеса, государства и науки.

Итак, импортозамещение в России – сложный, но необходимый процесс, влияющий на широкий круг отраслей. С одной стороны, оно способствует развитию национального производства, снижает зависимость от внешних поставщиков, стимулирует научно-технический прогресс. С другой – требует значительных инвестиций, создает ряд институциональных и экономических вызовов, с которыми сталкиваются предприятия. Наиболее успешные примеры импортозамещения наблюдаются в агропромышленном комплексе и отдельных сегментах промышленности, тогда как в высокотехнологичных отраслях (авиастроение, фармацевтика, нефтегазовый сектор) процесс идет медленнее. Основные препятствия: нехватка инвестиций, технологическое отставание и дефицит квалифицированных кадров. Для повышения эффективности программ импортозамещения необходим комплексный подход, включающий развитие НИОКР, поддержку кооперации между предприятиями, совершенствование механизмов государственной поддержки. Важно учитывать не только количественные показатели, но и долгосрочные эффекты: конкурентоспособность продукции, влияние на рынок труда, способность к инновациям. Таким образом, импортозамещение не должно рассматриваться как временная мера, продиктованная внешними вызовами. Это стратегическая задача, от решения которой зависит будущее российской промышленности, ее устойчивость и способность адаптироваться к глобальным изменениям.

Список используемых источников

1. Батов Г.Х., Шогенов М.Т. Импортозамещение в отраслях обрабатывающих производств и его влияние на состояние внутреннего рынка (на примере Северо-Кавказского федерального округа) // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). 2022. Т. 13, № 2. С. 172–184.

2. Доржиева В.В. Государственная политика импортозамещения как фактор развития фармацевтической промышленности России: влияние санкций и шаги к успеху // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 68–78.

3. Ермишина О.Ф., Вериялова А.В., Круглова В.С. К вопросу диверсификации производства и ее экономической эффективности // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2024. № 7. С. 151–159.

4. Жежель Н.К., Есина О.Н. Развитие научно-методических подходов к оценке импортозамещения на предприятиях розничной торговли // Торговля, сервис, индустрия питания. 2023. Т. 3, № 2. С. 114–129.

5. Круглова Ю.В. Анализ проблемы импортозамещения в химической промышленности и ее влияние на другие сектора экономики // Управленческие науки. 2023. Т. 13, № 3. С. 59–70.

6. Кузьмин А.Е. Проблемы и перспективы импортозамещения в России // Universum: экономика и юриспруденция. 2024. № 6-1. С. 25–27.

7. Мещерякова К.Д., Сливинский Д.В. Развитие импортозамещения в авиационной промышленности России и его влияние на рентабельность авиационных предприятий // Актуальные вопросы современной экономики. 2024. № 4. С. 164–170.

8. Миллер А.Е., Дроздов Д.О. Исследование тенденций процесса импортозамещения в целях обеспечения устойчивости развития промышленных предприятий // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2023. Т. 12, № 2. С. 138–143.

9. Рязанов Н.А. Импортозамещение в России: зарубежный опыт и перспективы // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2024. № 2-2. С. 17–21.

10. Субботина Т.Н., Кмита Р.В. Российская фармацевтическая промышленность в условиях санкционного влияния // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 1-4. С. 156–159.

11. Удовиченко Е.Н. Анализ процесса импортозамещения в РФ // Обществознание и социальная психология. 2022. № 10. С. 86–89.

12. Усков В.В., Дударов Д.А. Методы оценки влияния импортозамещения на стимулирование развития отечественного производства в РФ // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2022. Т. 12, № 9-1. С. 691–698.

13. Федорова Е.А., Неврединов А.Р., Мелихов К.С., Ященко А.И. Влияние импортозамещения на рост производства минеральных продуктов и металлургии: краткосрочное и долгосрочное прогнозирование базовых отраслей национального хозяйства // Финансы: теория и практика. 2023. Т. 27, № 6. С. 17–30.

14. Хусаинов К.Р. Влияние политики импортозамещения на рынок производства нефтегазопромыслового оборудования в России // Вестник науки. 2024. Т. 3, № 6. С. 409–415.

РАСЧЕТ СТОИМОСТИ КОМПАНИИ МЕТОДОМ КОРРЕКТИРОВАННЫХ ЧИСТЫХ АКТИВОВ ЗАТРАТНОГО ПОДХОДА В УСЛОВИЯХ ВОЛАТИЛЬНОСТИ ПРОЦЕНТНЫХ СТАВОК

Бондаренко Е.В. – студент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический институт «МИСиС», Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал)

Научный руководитель: Демидова Е.Г. – к.э.н., доцент, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский технологический институт «МИСиС», Старооскольский технологический институт им. А.А. Угарова (филиал)

Аннотация

Статья посвящена применению метода корректированных чистых активов затратного подхода к оценке стоимости бизнеса в условиях динамики инфляции за 2023–2024 годы. Подробно рассматривается сущность показателя чистых активов, его ключевая формула расчёта по данным баланса, а также интерпретация результата.

Чистые активы (ЧА) представляют собой расчетную величину, определяемую как разница между балансовой стоимостью активов компании и суммой его обязательств. Этот показатель характеризует размер собственного капитала предприятия в денежном выражении, который отражает капитализацию компании. В системе финансового анализа стоимость чистых активов выступает фундаментальным индикатором инвестиционной привлекательности и уровня финансовой устойчивости. Динамика этого показателя служит важным критерием для принятия решений акционерами, потенциальными инвесторами и стратегическими партнерами [2].

Ключевым преимуществом метода оценки стоимости бизнеса на основе чистых активов является его методическая доступность и низкая трудоемкость расчетов. Информационной базой для вычисления служит бухгалтерский баланс (форма №1), ведение которого является обязательным для всех экономических субъектов согласно нормам законодательства.

Алгоритм исчисления стоимости чистых активов базируется на следующей формуле:

$$ЧА = А - З_{уч} - О + Д_{бп}$$

где А – сумма активов (итог баланса);

$З_{уч}$ – задолженность учредителей по вкладам в уставный капитал (дебетовое сальдо 75 счёта в бухучёте);

О – обязательства организации (сумма разделов IV и V баланса);

$Д_{бп}$ – доходы будущих периодов (строка 1530 баланса).

Состав активов и обязательств, принимаемых к расчету, регламентируется Порядком определения стоимости чистых активов, утвержденным Приказом Минфина России от 28.08.2014 № 84н. В соответствии с указанным нормативным документом, из величины активов исключается дебиторская задолженность учредителей по взносам в уставный капитал, а из обязательств – доходы будущих периодов, признанные в связи с получением государственной помощи или безвозмездным получением имущества. Активы и обязательства принимаются к расчету по стоимости, отраженной в бухгалтерском балансе [2]. Результат расчёта может быть положительным, нулевым или отрицательным. Если величина чистых активов больше нуля, финансовое положение можно считать удовлетворительным. Предприятие при необходимости не только сможет рассчитаться по своим обязательствам, но и будет иметь резервы для развития. Если показатель равен нулю, то объём активов достаточен лишь для погашения совокупных обязательств, а деятельность не приносит ни прибыли, ни убытка. Отрицательные чистые активы могут свидетельствовать о кризисной ситуации, когда собственных денег недостаточно для покрытия текущих и долгосрочных обязательств.

Перед расчетом чистых активов рекомендуется провести переоценку имущества и нематериальных активов, чтобы приблизить их стоимость к рыночной. Хотя стандартный расчет основан на данных бухгалтерского баланса (что важно для банков и инвесторов), для собственника может быть полезнее анализ по управленческому учету, который ориентирован на будущие цели, а не только на свершившиеся события.

Для оценки рыночной стоимости проводится корректировка балансовых статей с использованием корректирующих коэффициентов. Эти корректировки

переводят стоимость активов и обязательств из исторической в текущую рыночную. Они включают:

– переоценку материальных активов (недвижимость, оборудование);
– корректировку нематериальных активов (патенты, бренд);
– учет неотраженных обязательств (например, аренды).

Корректировки выполняются оценщиком на основе экспертного анализа с учетом ликвидности активов [5].

Основными плюсами затратного подхода являются чёткая оценка материальных и нематериальных активов, дающая реалистичное представление о чистой стоимости компании, улучшение финансовой отчётности за счёт корректировки балансовой стоимости активов и обязательств до их справедливой рыночной стоимости, а также особая полезность для компаний с большим количеством активов при принятии решений о приобретениях или инвестициях.

Однако метод имеет и значительные минусы: он не подходит для всех отраслей, работая лучше всего в капиталоёмких сферах (недвижимость, производство), в то время как для сервисных компаний или предприятий с малым количеством материальных активов другие методы могут быть точнее, а главный недостаток заключается в том, что подход не учитывает будущие доходы и перспективы роста, что в конкретных ситуациях может искажать актуальную рыночную стоимость бизнеса [5].

Рассмотрим в рамках затратного подхода расчет стоимости компании методом скорректированных чистых активов на основе данных предприятия АО «СТОЙЛЕНСКИЙ ГОК» (табл. 1) [1].

Табл. 1

Оценка стоимости чистых скорректированных активов [1]

Строка баланса	Балансовая стоимость (тыс.руб.) на 2024 г.	Балансовая стоимость (тыс. руб.) на 2023 г.	Корректирующий коэффициент (2024г.)	Корректирующий коэффициент (2023г.)	Рыночная стоимость (тыс. руб.) на 2024 г.	Рыночная стоимость (тыс. руб.) на 2023 г.
Нематериальные активы	108 639	115 052	$(1-0,2)^1=0,8$	$(1-0,2)^1=0,8$	86 911	92 042

Продолжение табл. 1

Основные средства	90 361 957	84 470 064	$(1-0,1)^1=0,9$	$(1-0,1)^1=0,9$	81 325 761	76 023 058
Финансовые вложения (более года)	2 440 365	50	$(1-0,095)^{1=}$ $=0,905$	$(1-0,074)^1=$ $=0,926$	2 208 530	46
Отложенные налоговые активы	429 369	329 098	1	1	429 369	329 098
Прочие внеоборотные активы	1 381 897	3 165 296	$(1-0,095)^1=$ $=0,905$	$(10,074)^1$ $=$ $=0,926$	1 250 617	2 931 064
Запасы	4 404 536	4 164 368	$(1-0,095/$ $/365)^{28}=$ $=0,99$	$(1-0,074/$ $/365)^{28}=$ $=0,99$	4 360 491	4 122 724
Налог на добавленную стоимость по приобретеным ценностям	6 009	5 070	1	1	6 009	5 070
Дебиторская задолженность	15 812 723	35 298 769	$(1-0,095/$ $/365)^{56}=$ $=0,99$	$(1-0,074/$ $/365)^{203}=$ $=0,96$	15 654 596	33 886 818
Финансовые вложения (менее года, за исключением денежных эквивалентов)	80 726 572	12 293 414	1	1	80 726 572	12 293 414

Продолжение табл. 1

Денежные средства и денежные эквиваленты	52 243	5 417	1	1	52 243	5 417
Прочие оборотные активы	0	0	–	–	0	0
Итого активы	195 724 310	139 846 598	–	–	186 101 099	129 688 751
Долгосроч-ные заемные средства	0	0	–	–	0	0
Отложенные налоговые обязательства	9 334 490	6 750 211	1	1	9 334 490	6 750 211
Оценочные обязательства	177 381	226 678	1	1	177 381	226 678
Прочие обязательства	173 748	141 166	$(1+0,095)^{1}=1,095$	$(1+0,074)^{1}=1,074$	190 254	151 612
Краткосрочные заемные средства	0	0	–	–	0	0
Кредиторская задолженность	17 802 902	34 127 823	$(1-0,095/365)^{57}=0,99$	$(1-0,074/365)^{228}=0,95$	17 624 873	32 421 432

Продолжение табл. 1

Оценочные обязательства	775 313	743 949	1	1	775 313	743 949
Прочие обязательства	0	0	–	–	0	0
Итого пассивы	28 263 834	41 989 827	–	–	28 102 311	40 293 882
Стоимость компании методом чистых корректирова н-ных активов	167 460 476	97 856 771	–	–	186 101 099-28 102 311 = =157 998 7 88	129 688 751 -40 293 882 = =89 394 86 9

Примечание: Среднегодовая инфляция на 2024 год – 9,5 %, на 2023 – 7,4 % [4]

Таким образом, рыночная стоимость предприятия АО «Стойленский ГОК» на конец 2024 года и 2023 года с учетом корректирующих коэффициентов составляет 157 998 788 тыс. руб. и 89 394 869 тыс. руб., соответственно.

Рыночная стоимость чистых активов увеличилась на 68 603 919 тыс. руб. (с 89 394 869 тыс. руб. до 157 998 788 тыс. руб.).

Номинальный рост стоимости составил 76,7 % за год. Учитывая, что среднегодовая инфляция выросла с 7,4 % в 2023 году до 9,5 % в 2024 году, темп прироста стоимости значительно (более чем в 8 раз) превышает уровень инфляционных процессов. Это свидетельствует о реальном укреплении капитализации компании.

Корректирующие коэффициенты напрямую учитывают инфляцию: для активов (запасы, дебиторская задолженность) они снижают балансовую стоимость, отражая обесценивание денег за время оборота, а для обязательств могут её увеличивать, так как будущие выплаты в реальном выражении становятся менее обременительными [3].

Несмотря на снижение стоимости оборотных активов из-за инфляции, итоговая рыночная стоимость компании значительно выросла. Этот рост обеспечен

увеличением стоимости внеоборотных активов и общим укреплением структуры баланса, что перевесило негативный эффект от инфляционных корректировок.

Таким образом, анализ методом чистых корректированных активов, проведенный с учетом корректирующих коэффициентов, позволяет сделать вывод о реальном и существенном росте стоимости АО «Стойленский ГОК». Компания смогла компенсировать отрицательное влияние возросшей инфляции на оборотный капитал. Такой результат указывает высокую инвестиционную привлекательность и укрепление финансовой устойчивости.

Список используемых источников

1. Бухгалтерский учет, налогообложение, аудит в РФ. // Ваш финансовый аналитик. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3T7ktA (дата обращения: 12.12.2025).

2. Габитова Ю.Т., Демидова Е.Г. Анализ динамики чистых активов компании и их влияние на капитализацию и финансовую устойчивость на примере АО «Лебединский ГОК» / Современные проблемы горно-металлургического комплекса. Наука и производство: материалы двадцатой Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Старый Оскол: Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», 2024. 575 с. С. 139–142.

3. Демидова Е.Г., Габитова Ю.Т. Влияние динамики стоимости чистых активов на коэффициент капитализации и коэффициент финансовой устойчивости на примере АО «Лебединский ГОК» / Региональное развитие: экономика и социум. Взгляд молодых исследователей: материалы симпозиума XVIII (L) Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых, приуроченной к 50-летию КемГУ / Отв. Редактор А.В. Логинова. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2023. Выпуск 24. 508 с. С. 280–282.

4. Инфляция и ключевая ставка Банка России // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения: 12.12.2025).

5. Метод скорректированной чистой стоимости активов (ANAM): Оценка справедливой стоимости бизнеса / Familiarize.com. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3T7kxi (дата обращения: 12.12.2025).

УПРАВЛЕНИЕ ФОРМИРОВАНИЕМ РЕГИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТНОЙ СРЕДЫ ДЛЯ РОСТА НАЦИОНАЛЬНОЙ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ

Будина К.Ю. – студент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет»

Научный руководитель: Татаринцев В.А. – к.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет»

Аннотация

Неравномерность в совокупности с ограниченностью экономических ресурсов порождает экономические межгосударственные противоречия, приводит к обострению конкурентной борьбы между странами, регионами и корпорациями. Конкурентоспособность региона включает в себя не только экономические, но и социальные, демографические и политические аспекты. Целью работы является разработка модели управления конкурентоспособностью региональной экономической системы.

Роль региональных социально-экономических систем оказываются зависимыми и от макроэкономических условий или возможностей самих регионов, и от расстановки конкурентных сил, механизмов конкурентного взаимодействия регионов и позиций региона в этом взаимодействии. Конкурентоспособность становится базовым условием устойчивости функционирования социально-экономических систем, в том числе и региональных, так как формирование и развитие конкурентных преимуществ способствует ускоренному экономическому росту, повышению благосостояния населения, более эффективному и рациональному использованию ресурсного потенциала территории [1]. Десятки критериев рейтинга национальных экономик мира по уровню их конкурентоспособности собраны в двенадцать основных групп, среди которых зрелость рыночных институтов, развитие инфраструктуры, макроэкономическая стабильность, уровень здравоохранения и образования, а также эффективность рынков товаров и капитала или уровень технологического развития. В наиболее развитых странах преобладает высокотехнологичное производство конкурентоспособных товаров и услуг: инжиниринговых, логистических, маркетинговых, проектно-дизайнерских, финансово-консультационных, архитектурно-строительных, информационно-медийных, образовательных, здравоохранительных, социальных, туристических. Рассматривая сущность конкуренции между регионами, М. Портер [3] полагает, что она является следствием конкуренции фирм. Он увязывает территориальную конкуренцию со

способностью промышленности региона вводить новшества и модернизироваться. Различия в региональных ценностях, культуре, структуре экономики, в существующих организациях и историческом развитии, по его мнению, вносят вклад в достижение успешной конкурентоспособности того или иного региона.

В России сфера услуг представлена в основном посредниками, накручивающими цены, и низкотехнологичными ремонтно-бытовыми услугами. По оценке экспертов, до 40 % предприятий неконкурентоспособны, нередко их продукция с учетом качества стоит дешевле, чем исходное сырье и энергия (по мировым ценам). Их закрытие требует переобучения и трудоустройства миллионов людей. Производительность труда в лесном и аграрном комплексе примерно в 10, а в машиностроении – в 5 раз ниже, чем в странах с инновационной экономикой, но на ряде комплексно автоматизированных предприятий металлургии и пищевой промышленности примерно такая же [2].

Финансовое, организационное, кадровое, информационное и техническое обеспечение разработки и быстрейшего коммерческого освоения нововведений необходимо для непрерывного обновления номенклатуры, технологии и организации производства товаров и услуг, повышения его наукоемкости (доля затрат на НИОКР в общем объеме продаж) и технологичности (снижение ресурсо- и энергоемкости, уменьшение выбросов в окружающую среду, доли рабочих мест неквалифицированного тяжелого труда). Преобладающую (не менее 50–60 %) долю в бизнесе должны занять инновационные малые и средние фирмы, а также индивидуальные (самозанятые) предприниматели, обслуживающие крупные компании и госучреждения на основе аутсорсинга [3]. Массовой рационализации и изобретательству способствует развитие публичного некоммерческого сектора экономики, производящего общественные блага из необлагаемого налогами социального капитала.

В монографии [1] представлена матрица межрегиональной конкуренции, позволяющая провести сопоставление вертикальной и горизонтальной конкуренции по типу и способу воздействия (табл. 1). Отрасль выделяется по общности материалов, технологии, продуктов производства, кластер – региональная, межрегиональная или международная сеть фирм, обслуживающих определенный сегмент рынка. Она включает производителей конечного продукта (ядро кластера), независимых, конкурирующих, но объединенных с ядром общей стратегией, брендом, нематериальными активами, логистической системой

поставщиков, подрядчиков, контрактеров. Критерием эффективности кластера является увеличение не добычи сырья, а добавленной стоимости за счет расширения ассортимента, качества обслуживания, эффективности потребления при снижении ресурсоемкости.

Табл. 1

Матрица межрегиональной конкуренции [1]

Способы конкуренции		**Тип конкуренции**	
		Вертикальная	Горизонтальная
	Финансовые	Лоббирование финансовых трансфертов. Лоббирование региональных программ и их финансирования. Предоставление налоговых льгот по федеральным налогам.	Предоставление налоговых льгот по региональным и местным налогам. Создание зон с особым экономическим режимом. Установление фиксированных цен (на потребительские товары, на энергоносители). Установление предельных уровней рентабельности, торговых наценок. Предоставление субсидий и льготных кредитов. Предоставление дотаций и компенсаций предприятиям. Ипотечные программы.
	Нефинансовые	Подписание индивидуальных договоров с центром. Разработка законов, не принятых центром. Выход на мировой рынок. Борьба за статус городов региона.	Проведение политических мероприятий (форумов). Развитие рыночной инфраструктуры. Развитие социальной инфраструктуры. Организация международных мероприятий по формированию имиджа региона.

Большое значение в повышении конкурентоспособности макроэкономической системы имеет степень развития конкурентного потенциала региональных социально-экономических систем и их переход от отраслевой к кластерной структуре мезоэкономики [4]. Модель управления конкурентоспособностью региональной социально-экономической системы включает в себя формирование подходов к управлению конкурентоспособностью, анализ влияния социально-экономических факторов и прогнозирование конкурентоспособности, развитие системы управления ею. (рис. 1).



Рис. 1. Схема разработки модели управления конкурентоспособностью региональной экономической системы

Источник: составлено автором

Анализ конкурентов предполагает выявление ключевых акторов на рынке и оценку их сильных и слабых сторон, а также стратегий, которые они используют. Это также предполагает изучение их продуктового предложения, ценовой политики,

методов продвижения, а также наличие четкого позиционирования и уникального ценностного предложения на общем фоне конкурентов. Не менее важно определить факторы успеха существующих игроков и оценить их возможные уязвимости, на которых можно сосредоточиться при выведении собственного продукта. Стратегический анализ включает использование различных методов для идентификации возможностей для компаний региона, определения применимых вариантов стратегии и обеспечения конкурентного преимущества [2, 3]. В работе [1] отмечено, что субъектами межрегиональной конкуренции выступают регионы (муниципалитеты), а её предметом – ресурсы: люди, финансы, капитал, информация, необходимые для обеспечения устойчивого регионального развития и решения на этой основе социально-экономических задач.

Центральное место в концептуальной схеме инновационного экономического развития, призванного обеспечить устойчивую конкурентоспособность экономической системы, занимает человеческий капитал [4]. Это означает признание необходимости экономической оценки потенциальных возможностей человека как основного производственного ресурса, обеспечивающего создание пользующихся спросом интеллектуальных и материальных продуктов и услуг и как наиболее выгодного направления инвестирования. В наиболее развитых странах 80 %, а в среднеразвитых странах – 50 % прироста ВВП достигается за счет человеческого капитала. В России эта доля составляет 15 %, а 85 % до сих пор давал прирост стоимости производственных ресурсов (добычи сырья) и физического капитала (инвестиций в основные фонды) [2].

Одной из главных характеристик конкурентоспособного экономического развития является относительная равномерность, пропорциональность всех его измерений (временного, территориального, отраслевого, воспроизводственного, инновационного), взаимосвязанность функционирования и сбалансированность развития отдельных подсистем, оснащенных механизмами диффузии инноваций [5]. Не менее важным параметром эволюции современной рыночной экономики выступает широкое развертывание различного рода сетевых структур, развитие многочисленных вариантных форм интеграционных процессов, результативность которых обеспечивается синергетическим эффектом взаимодействия на основе доверия и взаимного обучения. Этот эффект существенно модифицирует саму основу конкурентоспособного роста и

способствует распространению качественных изменений на социальные отношения. Процессы регионализации в новейшей фазе рыночной эволюции инициируют интеграцию фирм в систему их кооперативного взаимодействия, осуществляемого в различных формах, в том числе, в территориально-кластерной.

Двойственная роль кластера, как интеграционного инновационного ресурса и как полюса роста региональной экономики, позволяет идентифицировать наиболее существенные преимущества кластерной организации производства для субъектов региональной экономики. Интеграция близких по величине, независимых субъектов реализуется в двух кластерных формах, базирующихся на знаниях специалистов и совместных интеллектуальных продуктах стратегических альянсов между конкурирующими производителями и партнерств между неконкурирующими предприятиями. Интеграция крупного и малого бизнеса возможна также в нескольких формах: привлекательного для обеих сторон франчайзинга, участия в финансово-промышленных группах, интеграции с крупными корпорациями и финансовыми институтами через венчурные фонды, использования лизинга.

Метод активного позиционирования региона является важным инструментом достижения преимуществ в конкуренции. Для усиления международной конкурентоспособности региона необходимы стратегия развития и программа маркетинга его продукции за рубежом, а также открытие представительств в столицах партнерских регионов, проведение в регионе крупных международных событий, участие в международных конкурсах, выставках, ярмарках, конференциях, фестивалях. Важными факторами активного международного позиционирования региона являются традиционные связи с зарубежными регионами, современные формы приграничного и международного сотрудничества, участие в работе сетевых организаций регионов европейского и мирового уровня.

Список используемых источников

1. Барабанов А.С. Управление региональной конкурентоспособностью: Монография. Вологда: ИСЭРТ РАН, 2014. – 160 с.

2. Бляхман, Л.С. Глобальные, региональные и национальные тенденции развития экономики России в XXI веке: избранные труды. СПб: СПбГУ, 2016. 672 с.

3. Портер М. Конкурентная стратегия: Методика анализа отраслей и конкурентов. М: Альпина Паблишер, 2011. 454 с.

4. Портер М. Конкурентное преимущество: как достичь высокого результата и обеспечить его устойчивость. М: Альпина Паблишер, 2016. 716 с.

5. Татаринцева И.В., Васин А.В., Татаринцев В.А. Модель информационного обеспечения стратегии продаж инновационного товара // Вестник Брянского государственного технического университета. 2008. № 4. С. 76–83.

УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ СФЕРЫ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ: ДОСТИГНУТЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Вишняков В.В. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Горяйнова Н.М. – к.пед.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассмотрены основаны итоги работы Министерства по физической культуре и спорту Челябинской области по реализации государственной и региональной программы развития сферы физической культуры и спорта; приведены данные о модернизации инфраструктуры, состоянии материально-технической базы учреждений спорта, проанализирована статистика по вовлечению населения в массовые спортивные мероприятия и данные о развитии профессионального спорта на уровне региона. В статье сделаны выводы о существенном влиянии физической культуры и спорта на формирование здорового образа жизни и роста социальной активности населения.

Развитие сферы физической культуры и спорта в Челябинской области направлено на повышение качества жизни ее населения через модернизацию инфраструктуры, связанную не только с укреплением материально-технической базы учреждений, но и с ее расширением, вовлечение населения в массовые мероприятия через повышение качества и доступности муниципальных услуг, что в конечном итоге окажет существенное влияние на формирование здорового образа жизни и роста социальной активности населения. Следовательно, ключевые меры включают ремонт объектов спорта, субсидии местным бюджетам, поддержку адаптивной физкультуры и участие в национальных проектах [5].

В связи с этим можно выделить следующие ключевые направления развития этой сферы по уровням управления:

1. Реализация государственной программы Челябинской области «Физическая культура и спорт», модернизация муниципальных спортивных организаций, привлечение жителей всех возрастов к регулярным занятиям спортом. Особое внимание уделяется развитию адаптивной физической культуры для людей с ограничениями здоровья.

2. В рамках региональных программ осуществляется ремонт и оснащение муниципальных спортивных сооружений.

3. Развитие муниципальных программ, обеспечивающих вовлечение местных жителей в активный отдых, работу спортивных секций и творческих студий.

Развитие системы базируется на взаимодействии регионального Министерства по физической культуре и спорту и органов местного самоуправления, включая 16 городских и 27 муниципальных округов.

В последние годы население Челябинской области проявляет большой интерес к занятиям физической культурой и спортом. Это доказывают данные статистики: в 2025 г. численность занимающихся физической культурой и спортом в Челябинской области увеличилась на 65 тыс. и достигла 2,007 млн чел., что составляет 60,5 % от общего количества населения, проживающего в регионе в возрасте от 3 до 79 лет при плановом показателе 58,8 % [2].

Кроме того, адаптивной физической культурой и спортом занимаются около 3 тыс. граждан 80 лет и старше.

Такие данные приведены в докладе «Об основных направлениях развития физической культуры и спорта в Челябинской области на период до 2030 года».

При этом подчёркивается, что таких цифр удалось достичь во многом благодаря хорошей и активной работе с подрастающим поколением – в Челябинской области, по данным Минспорта, физической культурой занимаются 94 % детей и молодежи (в возрасте 3–29 лет) [2].

Отметим, что глава нашего государства В.В. Путин заявил, что в рамках достижения национальных целей российской федерации к 2030 году доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом, должна вырасти до 70 % [4].

В соответствии с поручениями Губернатора Челябинской области Минспортом Челябинской области в 2025 г. продолжилась реализация программы по привлечению квалифицированных специалистов в учреждения физической культуры и спорта в сельской местности и малых городах с населением до 50 тыс. чел. «Земский тренер» (рис. 1) [2].



Рис. 1. «Земский тренер» в Кунашакском районе Алена Шершнева проводит тренировку по художественной гимнастике

Источник: из личного архива автора

Финансирование программы «Земский тренер» в 2025 г. составило 41 млн руб. Местным бюджетам были выделены субсидии на доведение заработной платы 260 тренерам–преподавателям, 111 тренерам и 200 инструкторам по спорту в общем объеме 127,8 млн руб., работающим в бюджетных организациях сферы физической культуры и спорта, до средней по региону – всего 571 специалистам [2].

Кроме этого, дополнительно к работе в 2025 г. было привлечено 11 тренеров по шести видам спорта: волейбол, бокс, художественная гимнастика, дзюдо, хоккей, футбол из Челябинска и Ханты–Мансийска. Всего за весь период реализации программы (с 2022 г.) привлечено 55 квалифицированных специалистов. Каждому из них предоставлена единовременная выплата за счет средств областного бюджета в размере 1 млн руб. [2]. Реализация программы также продолжится в 2026 г.

В последние годы в нашей области вполне себя оправдал подход, при котором применяется дифференциация соревнований по уровням их проведения: местный, региональный и федеральный уровни. Так, в прошлом году около 1,5 млн южноуральцев приняли участие в более 12 тыс. спортивно-массовых мероприятий и соревнований различного уровня, включая фестиваль детского дворового футбола «Метрошка» и «6х6», фестиваль ГТО среди производственных предприятий, семейных команд, ветеранов, соревнования юных хоккеистов «Золотая шайба», по футболу «Кожаный мяч», областные зимние и летние Спартакиады «Уральская метелица» и «Золотой колос», всероссийские массовые старты «Лыжня России», «Лед надежды нашей», «Оранжевый мяч», «Кросс нации», «День самбо», Всероссийский день ходьбы и многие другие [2].

В 2025 г. прошли крупные всероссийские соревнования и мероприятия с международным участием. Среди них: Матч звезд ЖХЛ (Женской хоккейной лиги), легкоатлетический забег «Парижский полумарафон», этап Профессионального тура по дзюдо Russian Judo Tour, Гран-при России по фигурному катанию на коньках, Кубок Губернатора по танцевальному спорту, хоккею, баскетболу 3х3 [2].

Спортивное событие легкоатлетический забег «Парижский полумарафон» проводится в Челябинской области с 2016 года, и он превратился уже в настоящий спортивный бренд. В 2026 году состоится уже его десятый старт (рис. 2).



Рис. 2. Легкоатлетический пробег «Парижский полумарафон»

Источник: из личного архива автора

Огромное внимание в регионе, как и в целом по стране, уделяется внимание спартакиадам, потому что именно это массовое движение лежит в основе развития культуры спорта. В течение 2025 года проведено 8 региональных спартакиад, в том числе среди обучающихся высших учебных заведений, допризывной молодежи, среди сельских жителей, людей с ограниченными возможностями здоровья и инвалидов, ветеранов труда и спорта.

Ежегодно проводится Спартакиада среди работников производственных предприятий и организаций Челябинской области, в которой в этом году приняло участие около 900 чел. (в 2024 г. – 700 чел.), представляющих 29 предприятий и организаций. Кроме этого, в рамках развития корпоративного спорта значительно увеличился список отраслевых и ведомственных спортивно-массовых мероприятий и соревнований, включенных в единый областной календарный план официальных физкультурно-спортивных мероприятий с финансовым обеспечением [6].

Продолжилась реализация Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса «Готов к труду и обороне» (ГТО). В настоящее время в Челябинской области функционируют 53 центра тестирования. В 2025 г. приступили к выполнению норм ГТО 105,3 тыс. человек. Выполнили нормативы ГТО на различные знаки отличия 94,7 тыс. человек (в 2024 г. – 90,4 тыс. человек), что составило 89,9 % от приступивших к выполнению [2].

В 2025 г. продолжилась реализация межведомственной программы «Плавание для всех», которая направлена на обучение детей в возрасте от 7 до 13 лет базовому жизнеобеспечивающему навыку – плаванию. В 2025 г. Минспортом Челябинской области распределены субсидии 16 муниципалитетам на 17 ставок специалистов. Начальный курс обучения плаванию прошло 4 930 ребенка.

Как показало проведенное исследование сейчас в регионе осуществляют широкопрофильную спортивную подготовку, а также оказывают дополнительные услуги в области физической культуры и спорта 146 физкультурно–спортивных организаций, в которых занимаются почти 80 тыс. человек. С ними работают 2 164 тренера (из них – 1 790 по основному месту работы). Всего в сфере физической культуры и спорта работает 3 712 тренеров [2].

В сборных командах России по различным видам спорта, включая основной и резервный составы, сейчас состоят 672 южноуральца. Подготовлено 9 мастеров

спорта международного класса, 204 мастеров спорта России (в 2024 г. – 6 мастеров спорта международного класса, 185 мастеров спорта России).

В настоящее время подготовка спортивного резерва ведется десятью центрами спортивной подготовки, в том числе Центр спортивной подготовки по адаптивным видам спорта проводит работу с участниками СВО. Кроме того, на базе ОКУ «Региональный центр спортивной подготовки» действует комплексная научная группа, в которую входят областная спортивная школа по футболу; областная спортивная школа по хоккею – Федеральная экспериментальная площадка, по итогам которой разработаны методические рекомендации по медицинскому, медико-биологическому и научному обеспечению в игровых видах спорта. Подобные проекты говорят о том, насколько быстрыми темпами идет активная работа органов местного самоуправления по созданию условий для развития физической культуры и спорта в муниципальном образовании [7].

В 2025 г. региональным профильным министерством были выделены 17 субсидий на общую сумму свыше 1,2 млрд руб., в число которых вошли субсидии на государственную поддержку, приведение в нормативное состояние, приобретение спортивного оборудования и инвентаря, повышение квалификации тренеров и другое.

Необходимо отметить, что в спорте высших достижений Челябинская область продолжает занимать лидирующие позиции в России в таких олимпийских видах спорта, как тхэквондо, бокс, дзюдо, водное поло, конькобежный спорт, легкая атлетика, плавание, прыжки в воду, сноуборд, фристайл, шорт-трек и хоккей. Набирает популярность занятия и в неолимпийских видах – компьютерном спорте, бодибилдинге, кикбоксинге, каратэ, универсальном бое, подводном спорте, гиревом спорте, шашках, пауэрлифтинге, тайском боксе и других видах спорта [3].

В 2025 г. спортсмены Челябинской области завоевали 4 692 медали различного достоинства на официальных всероссийских и международных соревнованиях, из них 1 459 – золотые, 1 479 – серебряные, 1 754 – бронзовые [2].

В сезоне 2024/2025 хоккейный клуб «Трактор» остановился в шаге от завоевания Кубка Гагарина стал серебряным призером КХЛ. Ватерпольная «Уралочка» из Златоуста завоевала бронзовые медали чемпионата России.

На чемпионате мира по самбо золото завоевала Таисия Киреева, по боксу – серебро у Эдмонда Худояна. Анастасия Колосова выиграла чемпионат Европы по муайтай, Маргарита Близнякова – по тхэквондо. Мария Лошкина и Арина

Корбакова стали чемпионками мира по танцевальному спорту, Денис Ромашов – по плаванию в ластах. В дзюдо Денис Батчаев и Сабина Гилязова завоевали медали серии мирового турнира «Большой шлем», Ирина Зуева – бронзу чемпионата Европы. Ева Огнивова завоевала бронзу первенства Европы до 21 года и золото Кубка Европы среди юниоров [2].

На летних Сурдлимпийских играх в Токио южноуральская спортсменка Алина Поздеева завоевала золотую медаль в соревнованиях среди дзюдоистов (спорт глухих) (рис. 3). На чемпионате мира по паралимпийскому плаванию в Сингапуре Валерия Шабалина завоевала три медали, Дмитрий Черняев – две, Елизавета Сидоренко – одну. Валерия Шабалина также завоевала пять золотых медалей на чемпионате мира ВИРТС по плаванию в Бангкоке. [2]



Рис. 3. Алина Поздеева с золотой медалью на пьедестале летних Сурдлимпийских игр 2025 в Токио (Япония)

Источник: из личного архива автора

Кроме того, южноуральские спортсмены побеждали на чемпионатах России по кикбоксингу, дзюдо, шахматам, велоспорту, фристайлу, академической гребле, вейкборду и другим видам спорта.

Челябинские школьники выиграли финал «Президентских состязаний». Сборная команда Челябинской области победила на Всероссийском фестивале ГТО среди инвалидов по слуху. Команда Сосновского района победила во

Всероссийском турнире «Кожаный мяч». Хоккейная команда «Челябинские волчицы» – бронзовый призер «Золотой шайбы».

Семья Кожуховых из Челябинска победила на Всероссийском семейном фестивале ГТО в Чебоксарах. Челябинские студенты стали победителями Всероссийской летней Спартакиады и бронзовыми призерами фестиваля ГТО. Команда ПАО ММК заняла 3 место во Всероссийском фестивале ГТО среди трудовых коллективов, государственных гражданских служащих Российской Федерации и муниципальных служащих.

Безусловно, таких высоких результатов удалось достичь и потому, что в Челябинской области для занятий физической культурой и спортом имеется почти десять тысяч спортивных объектов.

В 2025 г. построены и реконструированы 16 объектов спортивной инфраструктуры: 3 ФОКа с игровым залом, 1 ФОК с бассейном, 1 центр скалолазания, 1 лыжная база, 1 лыжероллерная трасса, 1 фиджитал–центр, 1 умная площадка, 7 площадки ГТО. Отремонтировано 16 спортивных объектов. Среди них: 1 ФОК с игровым залом, 1 ФОКОТ, 1 спортивная площадка, 8 стадионов, 1 стрелковый тир, 4 спортивных зала в вузах [2].

Среди объектов построены и введены в эксплуатацию физкультурно-оздоровительные комплексы с универсальным игровым залом в Еткульском, Троицком и Кизильском муниципальных округах, физкультурно-оздоровительный комплекс с плавательным бассейном в Магнитогорске, Центр скалолазания в Миассе, модульная лыжная база в Кыштыме, лыжероллерная трасса в Челябинске, а также две инклюзивные открытые площадки в Челябинске и Магнитогорске (рис. 4, 5).[1]

[1] Итоги работы Министерства по физической культуре и спорту Челябинской области в 2025 году / Министерство по физической культуре и спорту Челябинской области – URL: https://minsport.gov74.ru/minsport/activity/itogigoda/itogi2025.htm (Дата обращения: 14.03.2026).



Рис. 4. Объекты, построенные в 2025 г.: ФОК с универсальным игровым залом в поселке Еткуль

Источник: из личного архива автора



Рис. 5. Объекты, построенные в 2025 г.: «Центр скалолазания», г. Миасс

Источник: из личного архива автора

В рамках федерального проекта «Бизнес-спринт» в Челябинске возвели первый фиджитал-центр – новый формат спортивно-досуговых объектов, где объединяются классические виды спорта и цифровые виды спорта (рис. 6) [2].



Рис. 6. Объекты, построенные в 2025 г.: «Фиджитал-центр», г. Челябинск

Источник: из личного архива автора.

В составе объекта – киберзона и открытые площадки: мини-футбольное поле с искусственным покрытием, площадка для стритбола, зона воркаута и тренажеры. В Сосновском районе появились два новых спортивных кластера – в п. Саргазы построили большой стадион с футбольным полем и беговыми дорожками (рис. 7), а в Полетаево – объект с полем для мини-футбола, беговыми дорожками, площадками для баскетбола и волейбола, скейтодромом и воркаут-площадкой, а также раздевалками и крытой трибуной [2].

В 2025 году фиджитал-спорт – инновационное направление, объединяющее виртуальную и физическую активность, – вышел в Челябинской области на новый уровень. Его развитием занимается региональная федерация, созданная в 2023 году под руководством олимпийского чемпиона Юрия Борзаковского. Команды региона успешно выступают на межрегиональных соревнованиях по фиджитал-баскетболу, фиджитал-футболу и фиджитал-хоккею.

В крупных всероссийских стартах «Фиджитал Игры 2025» Челябинскую область представляли команды по хоккею и баскетболу. Кроме того, челябинские спортсмены ярко проявили себя в составе сборной на Всероссийском фестивале

военно-технических видов спорта в Москве. Студенты Южно-Уральского государственного университета (ЮУрГУ) помогли команде региона занять второе место в общем зачёте.



Рис. 7. Объекты, построенные в 2025 г.: спортивный кластер, п. Саргазы Сосновского округа

Источник: из личного архива автора

В Челябинске прошел первый фестиваль «Фиджитал-Урал», а также ряд других спортивных соревнований, в которых были представлены фиджитал-дисциплины.

Продолжается строительство в рамках концессионного соглашения (между региональным Министерством по физической культуре и спорту и Челябинским цинковым заводом) крытого футбольно-легкоатлетического манежа в Челябинске. С привлечением частных инвестиций завершается строительство РМК-Арены в Челябинске – современного центра для игровых видов спорта.

За 2025 г. на развитие и улучшение спортивной инфраструктуры было выделено 3,5 млрд руб., в том числе 8,2 млн руб. из средств федерального бюджета. По итогам года обеспеченность населения области спортивными сооружениями, исходя из единовременной пропускной способности объектов спорта, составляет 61 %. [2]

Одним из стратегических приоритетов в работе органов местного самоуправления в сфере физической культуры и спорта, по мнению И.Р. Зверева,

должна быть популяризация здорового образа жизни для формирования развитой разносторонней личности [1]. И мы видим, как эта цель достигается в Челябинской области, какая серьезная ведется работа, направленная на обеспечение условий для систематических занятий физкультурой и спортом, о чем свидетельствует рост числа занимающихся физической культурой и спортом среди жителей области (табл. 1).

Табл. 1

Численность населения Челябинской области, систематически занимающихся физической культурой и спортом, обеспеченности граждан спортивными сооружениями [2]

Год	2023	2024	2025
Количество занимающихся физической культурой и спортом (человек)	1758000	1942000	2007000
Процентное соотношение занимающихся физической культурой и спортом к общему количеству населения	56,47 %	62,4 %	60,5 %
Уровень обеспеченности граждан спортивными сооружениями	58,2 %	60,3 %	61,0 %
Количество спортивных объектов	9300	9626	9647

В 2025 году уровень обеспеченности граждан спортивными сооружениями поднялся до 61 %, с учетом данного показателя, также исходя из данных таблицы 1, можно наблюдать динамику роста количества спортивных объектов и соответственно уровня обеспеченности городского населения спортивными сооружениями. В связи с этим наблюдается и динамика роста процентного соотношения жителей города, занимающихся физической культурой и спортом.

С 2019 по 2024 год Министерство по физической культуре и спорту Челябинской области провело комплексную работу по реализации национального проекта «Демография», в рамках которого был успешно реализован региональный проект «Спорт – норма жизни». Он стал важным шагом к популяризации здорового образа жизни среди населения.

Главная цель регионального проекта – повысить качество жизни россиян и сформировать культуру спортивной жизни, что позволит к 2030 году увеличить до 70 % долю населения, систематически занимающегося физической культурой и спортом.

По региональному проекту «Спорт – норма жизни» продвигается и развивается массовый спорт, а также создаются и улучшаются условия для занятий физической активностью. Для содействия качественной реализации национального проекта были предусмотрены мероприятия, нацеленные на повышение квалификации тренерских кадров и привлечение квалифицированных специалистов в малые города и населенные пункты Челябинской области.

Региональный проект «Спорт – норма жизни» охватывает широкий спектр мероприятий, включая организацию спортивных мероприятий, создание доступной инфраструктуры для занятий спортом и активное вовлечение жителей региона в физическую активность. Благодаря этому проекту увеличилось количество спортивных секций и клубов, а также улучшилась доступность спортивных объектов для всех категорий граждан [3].

За 5 лет в рамках регионального проекта «Спорт – норма жизни», входящего в структуру национального проекта «Демография»:

– создано 7 крупных объектов спортивной инфраструктуры: региональный центр по шорт–треку (2019), тренировочный каток «Трактор» (2022) и Академия хоккея «Трактор» (2022), плавательный бассейн «Строитель» (2022) в Челябинске, Центр современного пятиборья «Рифей» (2022) в Сосновском районе, тренировочный каток в Магнитогорске (2020), спортивный зал самбо в Увельском районе (2020);

– оборудовано 30 площадок ГТО в Аргаяшском, Ашинском, Варненском, Карталинском, Красноармейском, Кусинском, Кунашакском, Пластовском, Саткинском, Увельском, Чесменском, Нязепетровском, Кизильском, Верхнеуфалейском, Брединском, Верхнеуральском, Катав–Ивановском, Сосновском, Еткульском, Агаповском, Еманжелинском, Нагайбакском, Чебаркульском, Каслинском, Троицком муниципальных образованиях;

– модернизировано два футбольных поля (стадион «Центральный» в Челябинске и стадион «Труд» в Миассе);

– построено четыре физкультурно-оздоровительных комплекса открытого типа в Пласте, Златоусте, поселке Тимирязевский (Чебаркульский район) и поселке Зауральский (Еманжелинский район);

– обеспечена государственная поддержка (создание условий для подготовки спортивного резерва) 356 организациям, входящим в систему спортивной подготовки;

– оборудованы современным спортивным инвентарем 57 спортивных школ олимпийского резерва [2].

В рамках регионального проекта «Спорт – норма жизни» проведено 3 114 физкультурно-спортивных мероприятий, среди которых «Кросс Нации», «Российский Азимут», «Лыжня России», Всероссийский день ходьбы, праздник спорта и здоровья – День физкультурника, «Велогонка опавших листьев», «10 тысяч шагов к жизни», День зимних видов спорта, Олимпийский день, «Оранжевый мяч» и многие другие.

За период реализации национального проекта «Демография» с 2019 по 2024 год показатель занимающихся физической культурой и спортом вырос на 20,3 % (с 42,1 % до 62,4 %) – на 585 тыс. южноуральцев, а обеспеченность населения области спортивными сооружениями, исходя из единовременной пропускной способности объектов спорта, выросла на 10,1 % (с 50,2 % до 60,3 %) [2].

Объем финансирования за весь период реализации регионального проекта «Спорт – норма жизни», входящего в структуру национального проекта «Демография» составил около 2,6 миллиардов рублей.

Потенциалом для развития спортивного туризма является территория в районе первой сопки хребта Уреньга, которая признана пригодной для развития горнолыжного отдыха и спорта, для тренировок спортсменов олимпийского резерва, так как расположена не ниже отметки 800 метров над уровнем моря (основное требование), рядом с газопроводом и ЛЭП.

Для занятий спортом и организации здорового досуга в городе построен лыжно-биатлонный комплекс им. С. Ишмуратовой.

С 26 февраля по 1 марта в Златоусте прошел Кубок России по биатлону. Масштабное спортивное событие за четыре дня собрало на базе лыжно-биатлонного комплекса имени Светланы Ишмуратовой почти 28 тысяч людей и 171 спортсмена. Главной запоминающейся наградой стали медали, которые изготовили златоустовские мастера по уникальному эскизу.

В программе церемоний было и чествование знаменитой спортсменки. Двукратной олимпийской чемпионке Светлане Ишмуратовой вручили эксклюзивный подарок – именную биатлонную винтовку, украшенную чеканкой златоустовских оружейников. Преподнесли его глава Союза биатлонистов России Виктор Майгуров и Юрий Громыко из фонда «Биатлон ГТО». При этом С.

Ишмуратова надеется, что Златоуст может стать столицей биатлона и лыжных гонок России.

На территории Златоустовского городского округа расположен ледовый дворец «Таганай», где работают секции хоккея на льду, фигурного катания и конькобежного спорта. Зрительские трибуны рассчитаны на 250 болельщиков.

Таким образом, можно сделать вывод, что деятельность Министерства по физической культуре и спорту Челябинской области в последние годы согласно «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года» направлена на сохранение населения, здоровья и благополучия людей путём дальнейшего развития физкультурно-оздоровительного движения и массового спорта среди различных категорий и групп населения, развитие спортивной инфраструктуры, а также совершенствование подготовки спортсменов высокого класса [4].

Анализ отчетов о выполнении основных направлений и показателей деятельности муниципального управления Челябинской области за период с 2023 по 2025 годы позволил прийти к следующим выводам: за последние годы наблюдается динамика роста численности населения вовлеченного в физкультурно-спортивное движение, а так же динамика роста численности горожан, постоянно занимающихся физической культурой и спортом.

Организация и проведение в Челябинской области спортивных мероприятий самого высокого уровня не только поднимает престиж спорта, обеспечивает популяризацию здорового образа жизни через физическую культуру, но и способствуют формированию позитивного имиджа региона, интереса к его богатой истории и туристических объектов.

Вместе с тем, необходимо отметить, что на уровне местного самоуправления в области досуга населения, культуры и спорта уделяется меньше внимания, чем на региональном и федеральном уровнях управления. Муниципальные органам управления следует действовать более эффективно, оперативно решать вопросы по повышению уровня и качества жизни населения на своей территории, обеспечивать спортивное и патриотическое воспитание молодежи, поддерживать интерес к занятиям физической культурой у представителей старшего поколения.

Список используемых источников

1. Зверев И.Р. Стратегические приоритеты деятельности органов местного самоуправления в сфере физической культуры и спорта // Форум молодых ученых, 2024. № 1. С. 34–37.

2. Итоги работы Министерства по физической культуре и спорту Челябинской области в 2025 году // Министерство по финансовой культуре и спорту Челябинской области. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://minsport.gov74.ru/minsport/activity/itogigoda/itogi2025.htm (дата обращения: 14.03.2026).

3. Кузнецов А.В. Анализ эффективности муниципальных программ в сфере физической культуры и спорта в Челябинской области // Муниципальная власть. 2023. № 12. С. 30–36.

4. Об утверждении Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2030 года: Распоряжение Правительства РФ от 24.11.2020 № 3081–р (ред. от 07.02.2026) // Консультант.Плюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru (дата обращения: 15.03.2026).

5. О государственной программе Челябинской области «Развитие физической культуры и спорта в Челябинской области: Постановление Правительства Челябинской области от 25 декабря 2020 г. № 733–П // Гарант [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/400537895/ (дата обращения: 15.03.2026).

6. Павлова К.Ю., Лобастов А.А. Развитие спортивной инфраструктуры региона на примере Челябинской области / Современные тренды развития регионов: управление, право, экономика, социум: материалы XIX Всероссийской студенческой научно-практической конференции / Отв. ред. С.В. Нечаева. Челябинск: ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» Челяб. Филиал, 2021. Часть 1. 319 с. С. 219–222.

7. Салчак А.М. Совершенствование деятельности органов местного самоуправления по созданию условий для развития физической культуры и спорта в муниципальном образовании // Молодой ученый. 2024. № 23 (522). С. 204–206.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ФОНДОВ ЦЕЛЕВОГО КАПИТАЛА В САУДОВСКОЙ АРАВИИ, США И ГЕРМАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Григорьев А.Ю. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Гриценко А.А. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Исмаилов И.Ш. – к.ю.н., доцент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования фондов целевого капитала в Саудовской Аравии, США и Германии. Рассматриваются концептуальные основы, институциональная архитектура и ключевые нормативные акты, определяющие правовой режим эндаументов в обеих юрисдикциях. Германская модель, основанная на конструкции фонда (Stiftung) и нормах Германского гражданского уложения (BGB), демонстрирует консервативный подход к сохранению базового капитала в сочетании с мощными налоговыми стимулами для капиталообразующих пожертвований. Особое внимание уделено процедурам учреждения, инвестиционным стратегиям и механизмам ликвидации целевых капиталов. Авторы приходят к выводу, что, несмотря на различия в правовых традициях (теоцентрическая парадигма исламского права и прецедентная система общего права), обе модели демонстрируют тенденцию к гармонизации фидуциарных стандартов и интеграции эндаументов в реализацию национальных экономических стратегий.

Введение

Институт целевого капитала на протяжении веков играл ключевую роль в социально-экономическом развитии обществ, основанных как на исламской традиции, так и на принципах англо-саксонского права. В современных условиях наблюдается трансформация классических эндаументов из пассивных благотворительных структур в активных институциональных инвесторов. Регулирование деятельности фондов целевого капитала в Саудовской Аравии представляет собой уникальный синтез классической исламской правовой доктрины и современных инструментов финансового инжиниринга, интегрированных в стратегию «Видение Саудовской Аравии 2030» [9]. В свою очередь, американская модель демонстрирует эволюцию от доктрины сохранения исторической стоимости к гибким фидуциарным стандартам, ориентированным на долгосрочную покупательскую способность капитала. Германская модель, представляющая континентальную правовую традицию, опирается на

конструкцию (Stiftung), закрепленную в Германском гражданском уложении (BGB), и делает акцент на институциональной устойчивости, консервативном сохранении базового капитала и налоговой мотивации жертвователей.

Объекты и методы

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе правового регулирования создания, управления и ликвидации фондов целевого капитала в Саудовской Аравии, США и Германии. В работе использованы формально-юридический метод для анализа нормативно-правовых актов, сравнительно-правовой метод для выявления сходств и различий в подходах двух правовых систем, а также метод системного анализа для оценки эффективности институциональных механизмов.

Экспериментальная часть

Концептуальной основой регулирования в Королевстве Саудовская Аравия выступает незыблемость имущества (тасарруф) и целевой характер использования дохода, что имплементировано в позитивное право через специализированные акты, разграничивающие фидуциарные обязанности управляющих (назиров) и бенефициарные интересы получателей дохода [1]. Институциональная архитектура сектора базируется на дуализме регуляторов: Главное управление вакфов (GAA) осуществляет общий надзор и контролирует соблюдение религиозных норм (худуд), в то время как Управление рынков капитала (CMA) получает юрисдикцию в отношении инвестиционных эндаументов, квалифицируемых как коллективные инвестиционные схемы.

Основополагающим актом выступает Закон о Главном управлении вакфов, принятый Королевским указом №M/11 от 26 Safar 1437 г.х. (8 декабря 2015 г.), который институционализировал правовой статус GAA как независимого публичного юридического лица [2]. В отношении инвестиционных вакф-фондов ключевое регулирующее значение приобретают Правила об инвестиционных фондах CMA, которые после существенной ревизии в июле 2025 г. прямо включили категорию «вакф-фондов» в периметр регулирования [2].

Правовое регулирование эндаументов в США базируется на Единообразном законе о разумном управлении институциональными фондами (UPMIFA), который с 2006 г. принят во всех штатах, кроме Пенсильвании [6]. Он закрепляет фидуциарные обязанности лиц, управляющих эндаументами (члены совета директоров и инвестиционных менеджеров), включая обязанности лояльности,

заботливости, послушания, а также диверсификации активов и минимизации издержек. Деятельность данных фондов регулируется на трех основных уровнях: на уровне штатов (фидуциарное и корпоративное право), на федеральном (налоговое регулирование со стороны Службы внутренних доходов (IRS)) на уровне рынка капиталов (Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC)) [3].

Континентальная, германская модель регулирования эндаументов опирается на нормы Германского гражданского уложения (Bürgerliches Gesertzbuch, BGB), налогового законодательства (прежде всего § 10b Einkommensteuergesetz) и комплекс реформ, начатых законом «О дальнейшем усилении гражданских инициатив» 2007 г., направленных на стимулирование пожертвований в пользу фонду [6]. В отличие от англосаксонской конструкции траста, немецкий эндаумент институционализирован в форме фонда (Stiftung), для которого базовый капитал (Stiftungskapital) рассматривается как отдельная имущественная масса, предназначенная для устойчивого достижения целей основателя. BGB требует, чтобы активы фонда обеспечивали «постоянное и устойчивое» исполнение его целей, что предполагает сохранение основного капитала и использование преимущественно доходов от его инвестирования.

Федеральное законодательство сознательно избегает установления жесткого минимального размера Stiftungskapital, ограничиваясь критерием достаточности для долгосрочной реализации задач фонда; конкретные пороговые ориентиры вырабатываются на уровне практики регистрирующих органов земель. Как правило, для признания фонда правоспособным требуется капитал в диапазоне от 50 до 100 тыс. евро и выше, при этом часть административных единиц (федеральные земли) ориентируются на порог 25–50 тыс. евро, что отражает принцип децентрализации и вариативности правового режима в пределах страны [6]. Одновременно немецкое право допускает формирование неправоспособных (зависимых) фондов на договорной основе, когда имущество передается на управление существующей организации без создания самостоятельного юридического лица: для таких структур характерна меньшая интенсивность государственного контроля и опора на частноправовые механизмы надзора.

Ключевой особенностью германской модели является широта допустимого состава эндаумент-имущества: в фонд могут вноситься денежные средства, ценные бумаги, недвижимость, доли в компаниях и иные объекты, включая произведения

искусства и иные нематериальные ценности, способные приносить доход либо сохранить стоимость [8]. Нормы § 83c BGB закрепляют обязанность сохранения «основных активов» фонда без уменьшения, за исключением специально предусмотренных случаев «фондов-на-истощение», что институционализирует идею долгосрочной преемственности поколений благополучателей. Тем самым германская система ориентирована на консервативно-инвестиционную модель: допускается диверсификация активов, но базовый капитал мыслится как стабилизирующее ядро, защищенное от произвольного расходования [8].

Налоговое законодательство Германии дополняет гражданско-правовой режим мощными стимулами для доноров, делая пожертвования в Stiftungskapital особо привлекательными. Общий режим позволяет физическим и юридическим лицам учитывать пожертвования в пользу благотворительных фондов как специальные расходы в пределах до 20% годового дохода, а для вкладов именно в целевой капитал (Vermogensstock) предусмотрен дополнительный, «повышенный» налоговый вычет: физические лица могут единовременно (с распределением по годам) списать до 1 млн евро, а супруги – до 2 млн евро в течение десяти лет. Такая конструкция фактически поощряет формирование крупных долгосрочных эндаументов и закрепляет приоритет именно капиталообразующих пожертвований по сравнению с разовыми текущими донорскими взносами [6].

Результаты и их обсуждение

Анализ нормативных актов позволяет выделить ключевые различия в подходах к регулированию (табл. 1).

Табл. 1

Анализ нормативных актов

Критерий сравнения	**Саудовская Аравия**	**США**	**Германия**
Правовая форма	Вакф	Благотворительный траст, НКО	Stiftung (фонд)
Правовая традиция	Исламское право (шариат)	Общее право (прецедент)	Континентальное право (кодифицированное)

Продолжение табл. 1

Основной нормативный акт	Закон о Главном управлении вакфов (Королевский указ №M/11)	UPMIFA (Единообразный закон о разумном управлении институциональными фондами)	BGB (§ 83c), § 10b EStG
Ключевой регулятор	GAA (Главное управление вакфов), CMA (Управление рынков капитала)	Генпрокурор штата, IRS, SEC	Регистрирующие органы земель (децентрализовано)
Минимальный размер капитала	Не установлен (оценивается GAA)	Не установлен (определяется донором)	25 000–100 000 евро (вариативность по землям)
Гибкость управления	Средняя (дуализм надзора: религиозный и финансовый	Высокая (доктрины cy pres, deviation)	Низкая (приоритет сохранения основного капитала)
Допустимые активы	Денежные средства, недвижимость	Денежные средства, ценные бумаги	Расширенный: недвижимость, доли в компаниях, произведения искусства
Налоговые стимулы	Освобождение от налога при соблюдении шариатских норм	Вычет по секции 170 (до 60 % годового дохода)	Повышенный вычет: до 1 млн евро (физлица) на 10 лет и до 20 % годового дохода
Ликвидация и модификация	Передача активов аналогичному эндаументу по решению GAA	Доктрины cy pres и deviation; упрощенная процедура для малых фондов	Преобразование целей с согласия органа надзора; «фонды-на-истощение»
Современные тенденции	Цифровизация процедур, расширение инвестиционных инструментов (сукук, мушарака)	Усиление налогового давления (акцизный налог до 8 % на крупные эндаументы)	Дерегулирование, стимулирование капиталообразующих пожертвований

Источник: составлено авторами

В Саудовской Аравии процедура регистрации новых эндаументов реализована в цифровом формате через электронный портал GAA. При подаче заявления подлежат загрузке учредительные документы, включая нотариально заверенный акт дарения и правоустанавливающие документы. Для институционализации инвестиционных вакф-фондов предусмотрен дуалистический режим предварительного одобрения со стороны CMA и GAA.

В США процедура учреждения эндаумент-фонда не требует федеральной регистрации и не осуществляется на уровне штата посредством инкорпорации некоммерческой организации. Приток капитала регулируется налоговым законодательством: секция 170 КВД предоставляет право на вычет благотворительных взносов. В Германии учреждение фондов (Stiftung) требует признания правоспособности со стороны регистрирующих органов земель, которые оценивают достаточность капитала для долгосрочной реализации целей фонда.

Особенностью ликвидации в США является невозможность частного распределения активов среди учредителей, что также характерно и для саудовской модели. В Саудовской Аравии при прекращении деятельности фонда его активы подлежат передаче по решению GAA аналогичному эндаументу или иной благотворительной организации с аналогичными целями. В США аналогичную функцию выполняют доктрины cy pres и deviation, позволяющие модифицировать волю донора, если ее исполнение стало невозможным или нецелесообразным [8].

Сравнение трех моделей позволяет выделить два основных вектора развития правового регулирования эндаументов. Первый вектор (США) характеризуется высокой степенью управленческой гибкости. Американская модель через механизмы UPMIFA и доктрины cy pres обеспечивает адаптацию целевых капиталов к изменяющимся обстоятельствам при сохранении фидуциарных стандартов. Второй вектор (Саудовская Аравия, Германия) ориентирован на консервативное сохранение базового капитала. В Саудовской Аравии незыблемость вакфа (тасарруф) является религиозно-правовым императивом, что ограничивает гибкость управления. Германская модель через конструкцию Stiftung и требования 83c BGB закрепляет приоритет сохранения «основных активов» фонда, допуская исключения лишь для специально предусмотренных случаев «фондов-на-истощение» [8].

Современное состояние правового регулирования эндаументов по состоянию на 2026 г. характеризуется усилением налогового давления на крупнейшие институциональные фонды в США. Принятый в июле 2025 г. «Большой красивый законопроект» (One Big Beautiful Bill Act) ввёл прогрессивную шкалу акцизного налога на чистый инвестиционный доход частных университетов с размеров эндаумента на студента свыше 500 000 долл., установив ставки от 1,4 % до 8 % в зависимости от объема фонда [5]. В Саудовской Аравии, напротив, наблюдается тенденция к дерегулированию и стимулированию создания вакфов через цифровизацию процедур и расширение инвестиционных инструментов (гибридные сукук, мушарака).

Заключение

Проведенный анализ позволяет заключить, что, несмотря на исходные различия в правовых традициях (теоцентрическая парадигма исламского права и прецедентная система общего права), модели регулирования фондов целевого капитала в Саудовской Аравии и США демонстрируют конвергенцию. Обе юрисдикции движутся в направлении:

1. Ужесточения фидуциарных стандартов для управляющих (лояльность, осмотрительность) во всех рассмотренных моделях, хотя механизмы реализации различаются (шариатский надзор в Саудовской Аравии, фидуциарное право в США, государственный надзор за Stiftung в Германии).
2. Разграничения функций между религиозным, общественным надзором и финансовым регулированием (дуализм GAA и CMA в Саудовской Аравии, трехуровневая система в США, децентрализованный надзор регистрирующих органов земель в Германии).
3. Интеграции эндаументов в национальные экономические стратегии (диверсификация экономики Саудовской Аравии, фискальная стабильность в США, поддержка благотворительного сектора и гражданских инициатив в Германии).
4. Обеспечения незыблемости целевого капитала, исключающей его распределение среди учредителей при ликвидации.

Дальнейшее развитие института эндаументов, вероятно, будет связано с поиском баланса между незыблемостью воли учредителя, интересами бенефициаров и императивами национальных экономических стратегий. Для российской правовой системы перспективным представляется заимствование элементов германской модели налогового стимулирования капиталообразующих

пожертвований (дифференциация вычетов для взносов в целевой капитал) в сочетании с расширением перечня допустимых активов (недвижимость, доли в компаниях) и сохранением консервативных принципов сохранности основного капитала.

Список используемых источников

1. Беккин Р.И. Институт вакфа в социально-экономической и политической жизни мусульманских стран // Вестник СПбГУ. 2008. № 5. С. 105–114.

2. Capital Market Law and its Implementing Regulations // Capital Market Authority. [Electronic resource]. URL: https://snbcapital.com/documents/529288/590647/CML_En.pdf (data of treatment: 08.03.2026).

3. Investment Advisers Act of 1940 // GovInfo. [Electronic resource]. URL: https://www.govinfo.gov/content/pkg/COMPS-1878/pdf/COMPS-1878.pdf (date of treatment: 08.03.2026).

4. Law of the General Authority of Endowments // The General Authority of Endowments. [Electronic resource]. URL: https://www.awqaf.gov.sa/en/rules-and-regulations (date of treatment: 08.03.2026).

5. One, Big, Beautiful Bill provisions // An official website of the United States government. [Electronic resource]. URL: https://www.irs.gov/newsroom/one-big-beautiful-bill-provisions (date of treatment: 08.03.2026).

6. Philea. Legal Environment for Philanthropy in Europe. Country Report: Germany, 2024 // Philea. [Electronic resource]. URL: https://clck.ru/3TKtC6 (date of treatment: 08.03.2026).

7. Prudent Management of Institutional Funds Act // Uniform Law Commission. [Electronic resource]. URL: https://www.uniformlaws.org/committees/community-home?CommunityKey=043b9067-bc2c-46b7-8436-07c9054064a3 (date of treatment: 08.03.2026).

8. Schlun, Elseven Rechtsanwälte. Family Endowment: Private & Business Assets in Germany, 2024 // SchlunElseven. [Electronic resource]. URL: https://clck.ru/3TKtGv (date of treatment: 08.03.2026).

9. Sleeping Giant: In Saudi Arabia, reviving a traditional form of philanthropy // United Nations Sustainable Development Group. [Electronic resource].

URL: https://unsdg.un.org/latest/stories/sleeping-giant-saudi-arabia-reviving-traditional-form-philanthropy (date of treatment: 08.03.2026).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ И КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Завражина Э.Д. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Горяйнова Н.М. – к.пед.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье анализируется проблема совершенствования и реализации кадровой политики в органах государственной власти Российской Федерации. Исследование включает краткий анализ законодательства, оценку его влияния на модернизацию госслужбы, повышение качества государственных услуг, применения мер по расширению открытости органов власти и борьбе с коррупцией. Авторы отмечают, что несмотря на позитивные сдвиги сохраняется угроза коррупции и проявление излишнего бюрократизма, и в этой связи и предлагаются меры по оптимизации подбора кадров, повышению мотивации служащих в рамках реализации реформ, рекомендации по совершенствованию кадровых инструментов и законодательства для федерального и регионального уровней власти.

Становление и развитие кадровой политики в системе государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации началось в 1995 году и продолжается по настоящее время. Можно констатировать, что на данный момент в целом заложена нормативно-правовая основа, регулирующая государственную гражданскую службу.

Кроме того, развитие кадровой политики в сфере государственной гражданской службы в настоящее время получает серьёзное подкрепление благодаря расширяющейся законодательной базе. Это свидетельствует о том, что необходимость в совершенствовании кадровой политики осознаётся как на федеральном, так и на региональном уровнях управления, при этом формируется единая система управления персоналом, охватывающая все уровни власти, от федеральных органов до местного самоуправления.

Профессор В.В. Черепанов определяет кадровую политику как «комплекс теоретических знаний, идей, взглядов, принципов, отношений и организационно-технических мероприятий по определению цели, задач, приоритетов, форм и

методов кадрового обеспечения ГГС» [10].

Важным катализатором изменений в законодательстве регионов, касающимся кадровой политики, послужил Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления», направленный на совершенствование системы государственного управления [7]. Этот документ инициировал значительные позитивные преобразования в организационной и правовой базе деятельности властных структур, отражая новые подходы к публичному управлению.

Основные векторы реформ, запущенных в 2012 году, охватывают на сегодняшний день следующие направления:

1. Повышение качества государственных услуг: в частности, за счёт внедрения принципа «единого окна».

2. Открытость и прозрачность управления: обеспечение публичного освещения и доступности через интернет нормативных актов исполнительной власти.

3. Стимулирование гражданской активности: предоставление гражданам возможности вносить предложения онлайн, обязательное рассмотрение получивших широкую поддержку инициатив, а также разработка критериев оценки работы госорганов с учётом общественного мнения.

4. Информационная трансформация: повышение прозрачности деятельности саморегулируемых организаций, а также муниципальных и государственных органов.

5. Борьба с коррупцией: усиление административной ответственности, введение дополнительных требований к декларированию доходов и пересмотр должностей, сопряжённых с коррупционными рисками.

6. Применение рыночных принципов: интеграция элементов рыночной экономики в сферу управления.

7. Развитие общественных советов: совершенствование механизмов взаимодействия и функционирования общественных советов при органах власти.

8. Обеспечение доступности правосудия: модернизация судебных процедур, публикация судебных решений и проведение открытых трансляций заседаний.

9. Финансовая поддержка регионов: создание условий для роста доходов местных бюджетов.

10. Трансформация государственной службы: внедрение новых принципов,

включая изменения в системе оплаты труда, повышение квалификации, привлечение общественных советов к конкурсным процедурам и формирование новой системы выдвижения кандидатов на ответственные посты.

Указ Президента 2012 года также поставил перед Правительством РФ задачу разработать инновационные, прозрачные методы проведения конкурсов на замещение должностей (включая дистанционные форматы), расширить практику использования испытательного срока, ввести компетентностный подход к оценке квалификационных требований, активно создавать и применять кадровые резервы, развивать институт наставничества, применять ротационные механизмы, установить оплату труда, зависящую от результатов, унифицировать систему премирования, формировать профессиональные и функциональные объединения служащих, а также внедрить комплексную оценку деятельности с учётом общественного мнения (в том числе через социальные сети). Кроме того, была поставлена цель повысить уровень оплаты труда до уровня, конкурентоспособного на рынке, и обеспечить адекватную материальную и моральную поддержку служащих.

Принятие Указа Президента РФ № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» привело к существенным изменениям в законодательстве субъектов РФ, регулирующем государственную гражданскую службу и кадровую политику. Нормативная база стала более последовательной, открытой и систематизированной.

Далее проанализируем еще ряд принятых за последнее время значимых нормативных актов, направленных на модернизацию государственной гражданской службы. И самым важным среди них являлся Указ Президента РФ от 11.08.2016 № 403 «Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы» [8].

Этот указ, на первый взгляд, предлагал новые подходы к развитию госслужбы. Однако при более детальном рассмотрении становится ясно, что он закладывал основу для совершенно новой парадигмы кадровой политики в государственных органах власти.

В числе приоритетов предлагалось совершенствование управления кадровым составом и повышение качества его формирования. К 2018 году планировалось внедрить дополнительные механизмы для сохранения кадрового потенциала федеральных органов исполнительной власти и стандартизации штатной

численности. Государство ставило своей целью не только сохранение, но и адаптацию кадровых ресурсов к современным условиям и новым методам государственного управления. Это требовало применения инновационных подходов к регулированию кадровой политики, что позволило бы сформировать обновлённые системы управления персоналом.

Примером такого подхода являлся также приказ Федеральной налоговой службы от 28 июля 2017 г. № ММВ-7-4/588 «Об организации пилотного проекта по модернизации официального сайта ФНС России с применением гибких методологий использования кадрового потенциала», направленный на модернизацию официального сайта службы с применением гибких методологий [8]. Он предлагал внедрение проектного управления, переход к созданию команд и рабочих групп для оперативного решения государственных задач. Это означало постепенный отход от единоличного руководства и переход к командной работе, основанный на новых принципах.

Вторым направлением стало повышение требований к уровню профессионализма и компетентности государственных служащих. Для этого предлагалось следующее:

– создание условий для непрерывного самообразования;

– формирование системы мотивации для постоянного профессионального развития;

– внедрение новых форм обучения, повышающих эффективность служебной деятельности.

Для достижения этих целей необходимо было создать информационно-образовательные ресурсы и дополнительные механизмы финансирования обучения. В этой сфере актуальным по-прежнему остается требование к госслужащим проявлять инициативу в самообразовании, что становится не просто желательным, а необходимым элементом карьеры. Этот требует разработки интерактивных и креативных методов обучения, а также доступных цифровых учебных материалов.

В том числе были поставлены задачи, связанные с повышением престижа государственной службы. Для этого была создана единая информационная система управления кадрами, и начал внедряться электронный документооборот с автоматизированной проверкой сведений о кандидатах. Планировалось сделать процедуры конкурсов на замещение вакантных должностей более объективными и прозрачными, включая создание кадровых резервов. Была поставлена цель

разработать единую методику проведения конкурсов, а кандидатам предоставить возможность подавать документы в электронном виде.

Особое внимание следовало уделять усовершенствованию системы материального стимулирования государственных служащих.

И, наконец, едва ли не самым актуальным стало требование усовершенствовать антикоррупционные механизмы. Для этого необходимо было разработать и внедрить новые методики оценки и мониторинга эффективности подразделений по профилактике коррупции, а также регулярно обновлять информацию на официальных сайтах органов власти.

После принятия постановления Правительства РФ от 03.02.2017 № 256 «О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации на базе федерального портала государственной службы к 2019 году была создана единая информационная система управления кадрами [5].

Эта система, интегрированная в госпрограмму «Информационное общество», создала единую информационную базу всех органов власти, включая суды, о кадровом составе, вакансиях, сведениях о доходах и расходах служащих.

Данное постановление стимулировало развитие единой стратегии кадрового мониторинга, формирование прозрачной системы кадрового резерва и возможностей для ротации кадров. Также предполагалось создание прозрачного портала с информацией, подтверждающей соблюдение антикоррупционных стандартов и правил служебного поведения.

Согласно Указу Президента РФ от 01.03.2017 № 96 «Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа» профессиональное развитие гражданского служащего, состоящего в кадровом резерве, является обязательным и осуществляется по индивидуальному плану [9]. Включение в кадровый резерв становится важным условием карьерного роста, наряду с непрерывным самообразованием.

По мнению О.А. Никифоровой, методика всесторонней оценки профессиональной служебной деятельности государственного гражданского служащего, разработанная Министерством труда и социальной защиты РФ, предлагает новые параметры оценки, включающие эффективность и результативность работы, квалификацию, профессиональные компетенции и

личные качества [3, 4]. Оценка проводится по пятиуровневой шкале. Однако для полномасштабного внедрения этой методики требуется дальнейшая детализация и разработка.

В целом современная кадровая политика государственной гражданской службы Российской Федерации предполагает привлечение, отбор и наём высококвалифицированных специалистов в соответствии с требованиями непрерывно меняющегося законодательства Российской Федерации и комплектованию из них бюрократического аппарата.

Но несмотря на достигнутые результаты, через десять лет после принятия указа, проблема высокого уровня коррупции и бюрократии на государственной гражданской службе остаётся актуальной. Это указывает на необходимость дальнейшего совершенствования законодательной базы и, что ещё более важно, её воплощения в реальность – использование на практике.

Эффективность государственного управления напрямую зависит от качества кадрового состава, что, в свою очередь, влияет на жизнь граждан, благосостояние страны и её международный авторитет. По мнению исследователей, для достижения успеха в кадровой работе необходимо создавать ряд условий, а именно:

– ключевую роль в развитии кадровой сферы должна играть продуманная политика в отношении персонала, охватывающая отбор, обучение, правовую поддержку и дальнейшее развитие сотрудников;

– особое внимание в работе с государственными служащими должно уделяться развитию технологий, способствующих карьерному росту;

– кадровая политика органов власти должна балансировать между потребностями самой государственной службы и ожиданиями сотрудников, базируясь на их профессионализме и компетенциях [1, 2, 4].

– Вместе с тем, несмотря на все прилагаемые усилия и разработанную нормативную базу, современная кадровая работа в государственных структурах сталкивается с рядом существенных проблем:

– высокая текучесть кадров и сложности в продвижении по карьерной лестнице;

– несоответствие уровня заработной платы возлагаемым обязанностям; длительное пребывание на должностях сотрудников предпенсионного и пенсионного возраста;

– частая ротация персонала и сменяемость руководящего состава;

– ограничения на ведение личной предпринимательской деятельности;

– непригодность некоторых кандидатов к условиям государственной службы по психологическим показателям;

– отсутствие единой, структурированной модели кадровой политики;

– снижение престижа профессии и формирование негативного имиджа государственного служащего;

– недостаточная изученность проблем формирования эффективной кадровой политики и реальных карьерных траекторий.

Причины сохраняющихся проблем в кадровой сфере эксперты видят в том, что кадровые службы в органах власти в основном заняты мониторингом соблюдения формальных требований и регламентов, в то время как реализацией соответственно кадровой политики заняты руководители структурных подразделений, которые зачастую не имеют ни опыта, ни желания делать это качественно, поэтому их работа носит преимущественно фрагментарный и пассивный характер. Мы полностью согласны с мнением К.В. Вострикова, что такая кадровая политика характеризуется отсутствием системного долгосрочного подхода в отношении трудового коллектива, поэтому, как правило, сводится к устранению кризисных ситуаций без наличия действенной программы прогноза потребности в персонале и эффективного инструментария их оценки [1]. «Государство должно создавать правовые условия и гарантии для развития кадрового потенциала, стимулировать социально значимые кадровые процессы, создавать единое образовательное, организационное, информационное и правовое пространство, обеспечивать востребованность и рациональное использование кадрового потенциала [6]».

Для решения обозначенных проблем нами предлагается внедрение новой концепции кадровой политики, которая должна включать следующие направления деятельности:

1. Улучшение процесса отбора кандидатов: внедрение психологического обследования и тестирования, возможно, с привлечением профильных учреждений или вузов, для более точного определения соответствия кандидата требованиям должности. Это может способствовать снижению как текучести кадров, так и социальной напряжённости.

2. Регулярное проведение обязательной аттестация государственных

служащих, например, каждые три года. Несмотря на законодательное предписание, её исполнительская дисциплина часто нарушается, что ведёт к присутствию в системе неквалифицированных специалистов. Строгая аттестация призвана повысить производительность труда.

3. Внедрение ключевых показателей эффективности (KPI) для государственных служащих, а также системы поощрений и мер ответственности. Это призвано повысить мотивация сотрудников и их удовлетворённость работой.

4. Организация годовых стажировок для выпускников по востребованным в госсекторе направлениям («Экономика и управление», «Государственное и муниципальное управление», «Юриспруденция») в разнопрофильных органах власти. Успешно прошедшие стажировку выпускники могут получить предложение о трудоустройстве. Такой подход может помочь справиться с дефицитом кадров и повысить привлекательность государственной службы для молодёжи.

5. Проведение регулярных опросов среди государственных служащих для выявления проблемных зон и пожеланий. Результаты анкетирования должны активно использоваться кадровыми службами для доработки программ профессионального развития и мероприятий по повышению удовлетворённости сотрудников, что, в свою очередь, позитивно сказывается на производительности.

6. Целенаправленная работа по укреплению позитивного образа государственного служащего является критически важной для обеспечения стабильности и развития государства.

Реализация этих предложений позволит усовершенствовать кадровую политику, сократить текучесть кадров, повысить эффективность служебной деятельности, улучшить мотивацию и обеспечить профессиональный рост государственных служащих.

На основании всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. В целом кадровая политика в системе государственной гражданской службы претерпевает существенные изменения, активно внедряются новые формы и методы управления кадровым потенциалом.

2. Формирование кадровой политики в органах власти на региональном уровне осуществляется в рамках общегосударственного правового поля государственной гражданской службы. Однако несмотря на наличие федеральных предписаний, региональное законодательство нередко демонстрировало

несистемный подход к организации кадровых процессов, зачастую ограничиваясь лишь обязательными элементами, такими как проведение конкурсов, разработка планов развития службы, утверждение должностных инструкций и организация переподготовки. При этом более существенные аспекты кадровой работы остаются не реализованными.

3. Мы убеждаемся в том, что современная кадровая работа в государственных структурах сталкивается с рядом существенных вызовов, включая текучесть кадров, несоответствие уровня заработной платы, снижение престижа профессии и отсутствие единой, структурированной модели кадровой политики. Для решения этих проблем предлагается внедрение новой концепции:

– улучшение процесса отбора кандидатов, обязательную и регулярную аттестацию,

– внедрение ключевых показателей эффективности (KPI) с системой поощрений,

– организацию стажировок для молодых специалистов, систематическое анкетирование государственных служащих и целенаправленную работу по формированию позитивного имиджа государственного служащего.

Грамотно продуманная система найма персонала позволяет иметь в организации сотрудников, обладающих профессиональными компетенциями, мотивированных на высокую производительность труда на благо общества и государства в целом, поднимая уровень престижа чиновников и доверие к ним и их работе.

Список используемых источников

1. Востриков К.В. Государственная политика и управление. Уч. пособие, Изд-во Кемеровского гос. ун-та, Кемерово, 2010 г. 179 с.

2. Ершова С. Приоритеты кадровой политики на современном этапе реформирования и развития государственной гражданской службы // Вестник Воронежского института экономики и социального управления. 2021. № 3. С. 62–68.

3. Никифорова О.А. Компетентностный подход к профессиональной подготовке муниципальных служащих // Научный портал КузГТУ. [Электронный ресурс]. URL: https://science.kuzstu.ru/wpcontent/Events/Other/2019/gimu/pages/Articles/012.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

4. Никифорова О.А. Совершенствование организации кадровой политики государственной гражданской службы в Российской Федерации / XII Всероссийская научно-практическая конференция молодых ученых с международным участием "Россия молодая": сборник материалов / Отв. ред. С.Г. Костюк. Кемерово: КузГТУ, 2020. 3137 с. С. 35–40.

5. Об организации пилотного проекта по модернизации официального сайта ФНС России с применением гибких методологий использования кадрового потенциала: приказ Федеральной налоговой службы от 28 июля 2017 г. № ММВ-74/588/ // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/71734256/ (дата обращения: 27.03.2026).

6. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 601 // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/70170942 (дата обращения: 27.03.2026).

7. Об основных направлениях развития государственной гражданской службы Российской Федерации на 2016–2018 годы: указ Президента РФ от 11.08.2016 № 403 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2016. № 33. Ст. 5165.

8. Об утверждении Положения о кадровом резерве федерального государственного органа: указ Президента РФ от 01.03.2017 № 96 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2017. № 10. Ст. 1473.

9. О федеральной государственной информационной системе «Единая информационная система управления кадровым составом государственной гражданской службы Российской Федерации»: постановление Правительства РФ от 03.03.2017 № 256 // Собр. Законодательства Рос. Федерации. 2017. № 11. Ст. 1573.

10. Черепанов В.В. Основы государственной службы и кадровой политики: учебник. М.: Юнити-Дана, 2015. 679 с.

УПРАВЛЕНИЕ КОММУНИКАЦИОННЫМИ РИСКАМИ МАЛОГО ПРЕДПРИЯТИЯ В ПРЕМИАЛЬНОМ СЕГМЕНТЕ

Клюхина Н.Б. – магистрант, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Аннотация

В статье рассматривается подход к идентификации и минимизации рисков, связанных с продвижением продукции микропредприятия, работающего в сегменте «премиум». На примере ООО ТПК «Хозяин Тайги» предложена адаптированная методика оценки рисков, включающая экспертное ранжирование, декомпозицию ключевого риска и разработку экономически обоснованного плана мероприятий с учётом альтернативных стратегий. Результаты могут быть использованы малыми компаниями пищевой промышленности, ориентированными на нишевые рынки.

Введение

В последние годы на российском рынке продовольственных товаров наблюдается устойчивый рост спроса на продукцию с высокой добавленной стоимостью, произведённую из экологически чистого сырья. Особое место в этой нише занимает оленина – диетическое мясо, традиционно ассоциируемое с регионами Сибири и Арктики. Однако выход в премиальный сегмент для небольших перерабатывающих предприятий сопряжён с серьёзными вызовами. Ограниченность финансовых и кадровых ресурсов, отсутствие системного подхода к маркетингу, высокая чувствительность целевой аудитории к качеству коммуникаций делают продвижение наиболее уязвимым звеном бизнес-модели.

Цель настоящей работы – на примере конкретного хозяйствующего субъекта обосновать и разработать методику управления ключевыми рисками продвижения для микропредприятия. В задачи входило: провести анализ внешней и внутренней среды; идентифицировать риски с использованием инструментов экспертной оценки; выбрать приоритетный риск и предложить меры по его минимизации; выполнить экономическое обоснование предложенных решений.

1. Теоретические аспекты управления рисками продвижения.

Современная теория риск-менеджмента (Kaplan & Mikes, 2012) выделяет три категории рисков: предотвратимые, внешние и стратегические [6]. Для малых предприятий наибольшую значимость имеют стратегические риски, связанные с выбором модели поведения на рынке. В сфере продвижения такими рисками становятся неверное позиционирование, несоответствие каналов коммуникации поведенческим паттернам аудитории, репутационные потери из-за некачественного контента.

Как отмечает М.Д. Магомедов (2024, № 1), в мясной промышленности ключевым фактором успеха становится не только качество продукта, но и *«способность предприятия выстроить доверительный диалог с потребителем, используя современные каналы коммуникации и учитывая региональную*

специфику» [3]. Для микропредприятий, не имеющих возможности содержать штатного маркетолога, решение этой задачи возможно только через аутсорсинг или использование государственных программ поддержки.

Исследования О.У. Юлдашевой и М.С. Мотышиной (2023) показывают, что малые предприятия, ориентированные на премиальный сегмент, часто сталкиваются с «ловушкой ресурсов»: недостаток бюджета не позволяет нанять профессионалов, а отсутствие профессиональных компетенций внутри компании приводит к неэффективному расходованию средств. Авторы предлагают использовать гибридные модели, при которых стратегические функции остаются за руководителем, а операционные – передаются внешним исполнителям на условиях проектного сотрудничества [5].

Данные положения легли в основу методологии настоящего исследования, которая сочетает элементы количественного и качественного анализа, экспертные оценки и адаптацию известных инструментов (матрица вероятности и влияния, декомпозиция рисков) к условиям конкретного предприятия.

2. Объект исследования и контекст деятельности.

Объектом исследования выступает ООО Торгово-промышленная компания «Хозяин Тайги», зарегистрированная в г. Красноярске в 2016 году. Основной вид деятельности – производство мясных деликатесов из оленины с использованием дикоросов (грибы, ягоды, орехи). Предприятие имеет зарегистрированный товарный знак, что свидетельствует о намерении развивать бренд.

Анализ финансовой отчётности за период 2021–2024 гг. выявил разнонаправленные тренды. Выручка увеличилась с 15,2 млн руб. в 2021 г. до 33,5 млн руб. в 2023 г., однако в 2024 г. чистая прибыль сократилась на 45,9 % (с 2,0 до 1,1 млн руб.) при росте совокупных активов на 59,4 %. Среднесписочная численность снизилась до трёх человек, что относит компанию к категории микропредприятий [1].

Внешняя среда характеризуется наличием устойчивой сырьевой базы (поголовье северных оленей в Красноярском крае на конец 2024 г. – 129,6 тыс. голов) и активным развитием переработки в соседних регионах. По данным TEBIZ GROUP (2026), рынок оленины демонстрирует среднегодовой рост 8–12 %, причём наибольшая динамика наблюдается в сегменте продукции глубокой переработки [7]. Одновременно усиливается конкуренция: в Дудинке анонсирован запуск

крупного комплекса по переработке оленины, что может повлиять на условия закупки сырья и распределение каналов сбыта.

3. Методика идентификации рисков продвижения.

Для идентификации рисков использовалась адаптированная матрица, построенная на двух осях: вероятность наступления (оценивалась методом экспертных интервью по 5-балльной шкале) и степень влияния на достижение целей продвижения (финансовые и репутационные последствия, также 5 баллов). В качестве экспертов выступили пять специалистов: три независимых маркетолога, имеющих опыт работы с предприятиями пищевой промышленности, и два отраслевых аналитика из регионального центра развития бизнеса.

Экспертам был предложен перечень из 18 потенциальных рисков, сформированный на основе анализа деятельности предприятия, публичных источников и контента социальных сетей. Для каждого риска эксперты определяли вероятностную и влиятельную оценку, после чего рассчитывался интегральный балл (произведение средней вероятности на среднее влияние). Полученные результаты позволили ранжировать риски и выделить те, которые требуют первоочередного внимания.

4. Результаты оценки и выбор приоритетного риска.

В результате экспертной оценки наибольший интегральный балл (22,5) получил риск «Несоответствие коммуникационных сообщений ожиданиям премиальной аудитории». Средняя вероятность – 4,5 из 5, влияние – 5 из 5. Аргументация экспертов сводилась к следующим положениям:

– целевая аудитория (гурманы, корпоративные клиенты, шеф-повара ресторанов категории fine dining) предъявляет повышенные требования к достоверности информации, аутентичности и визуальной эстетике. Любое рассогласование между заявленным позиционированием и реальным восприятием ведёт к потере доверия.

– у предприятия отсутствует в штате специалист по маркетингу и коммуникациям, функции распределены между руководителем и бухгалтерией, что создаёт предпосылки для стилистических и содержательных ошибок.

– ограниченность бюджета не позволяет проводить широкомасштабные кампании, поэтому каждая коммуникация должна быть максимально точной – цена ошибки высока.

На втором и третьем местах оказались риски, связанные с ростом стоимости контекстной рекламы и отказом ключевых партнёров от сотрудничества, однако их интегральные баллы были существенно ниже.

Таким образом, фокус дальнейшего исследования был направлен на управление выбранным риском.

5. Декомпозиция риска и альтернативные подходы к его минимизации.

Анализ причин позволил выделить четыре компонента (суб-риска), каждый из которых требует специфических мер:

1. Тональный суб-риск: выбор неуместной стилистики (излишне пафосной или, наоборот, фамильярной) при обращении к аудитории.

2. Контентный суб-риск: использование непроверенных или недостаточно детализированных утверждений о свойствах продукта.

3. Канальный суб-риск: выбор каналов коммуникации, не обеспечивающих контакт с целевой аудиторией.

4. Визуальный суб-риск: несоответствие графического оформления упаковки, сайта, рекламных материалов ожиданиям премиум-сегмента.

Для управления риском были рассмотрены три альтернативные стратегии:

– – стратегия 1 (полный аутсорсинг). Передача всех маркетинговых функций профильному агентству. Преимущества: высокая профессиональная компетенция, целостность коммуникаций. Недостатки: высокая стоимость (300–400 тыс. руб. в год), риск потери контроля над оперативностью.

– – стратегия 2 (B2B-фокус). Концентрация на работе с ресторанным сектором без активного присутствия в соцсетях. Преимущества: низкие затраты (80–100 тыс. руб. в год), прямое взаимодействие с лицами, принимающими решения. Недостатки: ограниченность охвата, потеря возможности формирования лояльности среди конечных потребителей.

– – стратегия 3 (гибридная). Сохранение стратегического управления за руководителем, передача на аутсорсинг SMM и дизайна, использование инструментов господдержки для софинансирования. Преимущества: баланс между качеством и затратами, возможность поэтапного внедрения. Недостатки: необходимость координации работы нескольких исполнителей.

По критериям «доступность бюджета», «снижение вероятности риска» и «возможность масштабирования» предпочтение было отдано гибридной модели [5]. При этом ключевым условием становится внедрение системы регулярного

мониторинга обратной связи и корректировки коммуникаций по результатам аналитики.

6. Разработка и экономическое обоснование мероприятий.

На основе выбранной стратегии сформирован перечень конкретных мероприятий на 2026 год. При определении бюджета учитывались: прогнозируемый уровень инфляции (7 %), возможность получения грантовой поддержки (предприятие в 2024 г. уже получало помощь от АНО «Красноярский краевой центр развития бизнеса»), а также анализ чувствительности к изменению выручки [1].

Табл.1

План мероприятий по управлению риском несоответствия коммуникации

Мероприятие	Срок реализации	Затраты, тыс. руб.	Примечания
Аудит текущих материалов и контента	Март 2026 года	12	Внешний эксперт
Экспертные интервью с шеф-поварами (7 человек)	Апрель 2026 года	22	Метод Дельфи
Разработка бренд-бука (базовые элементы)	Май 2026 года	35	Фрилансер
Ведение соцсетей (пилотный период: 3 мес.)	Июнь–август 2026 года	54	Аутсорсинг, софинансирование из гранта
Участие в гастрономическом фестивале	Сентябрь 2026 года	30	Взнос, логистика, дегустации
Настройка системы аналитики (Яндекс.Метрика, обратная связь)	В течение года	10	Частично силами руководителя
Итого:		163	

Источник: составлено автором на основе данных бухгалтерской отчётности [1] и экспертных оценок

Анализ чувствительности. При консервативном сценарии (выручка не изменится и останется на уровне 33,5 млн. руб.) доля затрат на продвижение составит 0,49%. При негативном сценарии (снижение выручки на 20 % – до 26,8 млн руб.) доля возрастёт до 0,61 %, что всё ещё значительно ниже среднеотраслевого уровня (2–5 %). Таким образом, предложенные затраты не создают критической нагрузки на финансовое состояние предприятия.

Прогноз эффективности (минимальный сценарий):

– рост узнаваемости бренда среди рестораторов и шеф-поваров г. Красноярска с 15 % до 30 % (измерение методом опроса до и после);

– увеличение количества запросов от сегмента HoReCa на 20 %;

– прирост выручки от продаж в премиальном сегменте на 10 % (до 36,9 млн. руб.), что обеспечит возврат инвестиций в маркетинг в течение 12–14 месяцев.

Качественные эффекты: формирование единого визуального и вербального стиля, снижение вероятности ошибок при создании контента, повышение лояльности существующих партнёров.

7. Научная новизна и практическая значимость.

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– предложена и апробирована методика идентификации рисков продвижения для микропредприятия, сочетающая количественные экспертные оценки и декомпозицию ключевого риска на управляемые суб-риски.

– разработана классификация альтернативных стратегий управления коммуникационными рисками применительно к малым предприятиям пищевой промышленности, работающим в премиальном сегменте [5].

– выполнено экономическое обоснование мероприятий с учётом анализа чувствительности и возможностей государственной поддержки, что позволяет тиражировать предложенный подход на другие аналогичные предприятия.

– полученная матрица рисков может быть использована региональными центрами поддержки предпринимательства при разработке программ обучения и консультирования малых предприятий.

8. Ограничения и направления дальнейших исследований.

В ходе работы выявлены ограничения, которые следует учитывать при интерпретации результатов. Во-первых, экспертные оценки основывались на мнении пяти специалистов, что не исключает субъективности. Во-вторых, отсутствие исторических данных о связи маркетинговых вложений и выручки не позволило построить эконометрическую модель. В-третьих, прогнозные показатели эффективности требуют верификации по итогам пилотного периода.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на:

– анализ фактической эффективности реализованных мероприятий и корректировку модели;

– адаптацию методики для других сегментов (экспорт, корпоративные продажи);

– разработку инструментов автоматизированного мониторинга коммуникационных рисков для малых предприятий.

Заключение

Проведённое исследование показало, что системный подход к управлению рисками продвижения, даже при ограниченности ресурсов микропредприятия, позволяет выделить наиболее уязвимые зоны и сконцентрировать усилия на их минимизации. Использование экспертных оценок, декомпозиция рисков и анализ альтернативных стратегий дали возможность сформировать реалистичный и экономически обоснованный план мероприятий. Предложенная методика может служить основой для построения системы маркетингового риск-менеджмента на малых предприятиях пищевой промышленности, ориентированных на премиальные нишевые рынки.

Список используемых источников

1. Анализ рынка оленины в России – 2026: показатели и прогнозы. М: TEBIZ GROUP, 2026. 170 с.

2. Бухгалтерская отчётность ООО ТПК «Хозяин Тайги» за 2021–2024 гг. // Audit-IT.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://www.audit-it.ru (дата обращения: 20.03.2026).

3. Магомедов М.Д. Региональные особенности сбытовой политики мясоперерабатывающих предприятий // Мясная индустрия. 2024. № 3. С. 24–28.

4. Магомедов М.Д. Совершенствование продвижения мясопродуктов как фактор обеспечения продовольственной безопасности России // Мясная индустрия. 2023. № 7. С. 16–19.

5. Магомедов М.Д. Стратегия продвижения мясной продукции с учетом особенностей спроса россиян // Мясная индустрия. 2024. № 1. С. 22–26.

6. Юлдашева О.У., Мотышина М.С. Маркетинг взаимодействия в малом бизнесе: инструменты и модели // Проблемы современной экономики. 2023. № 4. С. 112–117.

7. Kaplan R.S., Mikes A. Managing risks: a new framework // Harvard Business Review. 2012. Vol. 90. № 6. P. 48–60.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ МАТРИЦА РИСКОВ КАК ИНСТРУМЕНТ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ПРЕМИАЛЬНОГО БРЕНДА

Клюхина Н.Б. – магистрант, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Научный руководитель: Печенкина В.В. – д.э.н., доцент, профессор, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный аграрный университет»

Аннотация

В статье представлен подход к интеграции риск-менеджмента и маркетинговых коммуникаций для производителей премиальной продукции из оленины. С использованием метода Дельфи и коэффициента корреляции Спирмена идентифицированы ключевые риски, построена матрица рисков 5×5. Предложен комплекс мер, сочетающий маркетинговые и традиционные методы. Экономическая эффективность оценена по трём сценариям; базовый сценарий демонстрирует положительный NPV. Проведено сравнение с альтернативными стратегиями.

Введение

Перерабатывающие предприятия агропромышленного комплекса, работающие в премиальном сегменте, функционируют в условиях высокой неопределённости: зависимость от сырьевой базы, узость целевой аудитории, повышенные требования к качеству и репутации [1, 7]. Для производителей оленины эти факторы усугубляются природно-климатическими и эпизоотическими рисками, а также недостаточной развитостью институтов страхования [2, 4].

Цель исследования: разработка и обоснование комплекса мер по управлению рисками на основе стратегической матрицы, интегрирующей маркетинговые и традиционные инструменты. Объект исследования: ООО ТПК «Хозяин Тайги» (г. Красноярск).

1. Идентификация и количественная оценка рисков.

1. Методология экспертного опроса.

Для идентификации рисков применён метод Дельфи [3, 8]. Экспертная группа из 7 человек (руководитель, менеджер по качеству, маркетолог, два независимых эксперта – д.э.н. и представитель союза переработчиков, директор по закупкам ретейлера) была сформирована с учётом требования к репрезентативности для узкоспециализированного сегмента. Проведено три раунда с предоставлением обратной связи. Для проверки устойчивости результатов выполнено исключение крайних оценок (max и min) с последующим пересчётом – расхождение не превысило 7 %, что подтверждает робастность консенсуса.

1.2. Количественная оценка корреляции рисков.

В дополнение к качественному анализу связей рассчитаны коэффициенты ранговой корреляции Спирмена (ρ) на основе индивидуальных оценок экспертов. Это позволило формализовать взаимовлияние рисков [4, 5]:

– между нарушением холодовой цепи (R1) и негативными отзывами (R6): ρ = 0,72 (сильная прямая связь, p <0,05);

– между потерей канала сбыта (R4) и кассовыми разрывами (R10): ρ = 0,65 (средняя связь);

– между сокращением спроса (R3) и потерей канала (R4): ρ = 0,58.

Учёт корреляций позволил скорректировать интегральные оценки рисков: при моделировании одновременной реализации связанных угроз тяжесть последствий увеличивается в 1,2–1,4 раза по сравнению с изолированным сценарием [4, 5].

Табл.1

Идентифицированные риски с учётом корректировки

Код	Риск	Вероятность (P)	Тяжесть (S)	Интеграл (P×S)	Корректировка (коэф. усиления)
R3	Резкое сокращение спроса в премиум-сегменте	4,1	4,3	17,6	1,25
R1	Нарушение холодовой цепи	3,2	4,8	15,4	1,35
R5	Рост цен на сырье	4,5	3,2	14,4	1,10
R4	Потеря ключевого канала сбыта	3,0	4,5	13,5	1,30

Источник: составлено по результатам экспертного опроса и расчётам корреляций

2. Разработка матрицы рисков и комплекса мер.

На основе полученных данных построена матрица «вероятность — тяжесть» (5×5). Критические риски (зоны с высокой тяжестью) легли в основу разработки интегрированного комплекса мер.

2.1 Логика выбора инструментов;

Предложенный комплекс (табл. 2) сочетает маркетинговые и традиционные методы. Для обоснования выбора проведён сравнительный анализ трёх альтернативных стратегий [1, 4, 5]:

1. Вертикальная интеграция (приобретение оленеводческих хозяйств) требует значительных инвестиций (оценка 50–70 млн руб.), не решает проблему диверсификации сбыта.
2. Аутсорсинг логистики (передача управления холодовой цепью стороннему оператору) – снижает риск R1, но не влияет на рыночные и репутационные угрозы.
3. Предлагаемый интегрированный комплекс позволяет распределить ресурсы по нескольким направлениям с наименьшими единовременными затратами (3,1 млн руб.) и охватывает взаимосвязанные риски.

Табл. 2

Интегрированный комплекс мер по управлению рисками [1, 4, 5]

Риск	Маркетинговые меры	Традиционные меры	Ожидаемое снижение риска (диапазон)
R3. Падение спроса	Интернет-магазин, программа лояльности, событийный маркетинг	Гибкое ценообразование, расширение ассортимента	15–30 %
R1. Нарушение холодовой цепи	Прозрачность процессов (видео, сертификация)	Датчики температуры, страхование грузов, резервное питание	35–50 %
R4. Потеря канала сбыта	Развитие прямых продаж (маркетплейсы, собственный интернет-магазин)	Долгосрочные контракты с альтернативными сетями	20–35 %
R6. Негативные отзывы	Мониторинг соцсетей, регламент ответов	Юридическая поддержка	25–40 %

Примечание: диапазоны снижения риска получены на основе экспертных оценок и бенчмаркинга аналогичных проектов в пищевой промышленности

3. Оценка экономической эффективности.

3.1 Консервативные допущения.

Для минимизации оптимистического смещения в расчётах приняты следующие допущения:

– горизонт расчёта – 5 лет (с учётом долгосрочного эффекта от брендинга);

– ставка дисконтирования – 18 % (средневзвешенная стоимость капитала для малых предприятий АПК в регионе, скорректированная на премию за риск узкой ниши) [3, 8];

– эффект снижения рисков принят по нижней границе указанного диапазона (табл. 2).

– затраты на поддержание системы включают амортизацию оборудования (датчики, CRM) и дополнительный ФОТ (0, 3 ставки SMM-менеджера).

3.2 Сценарный расчёт.

Базовый сценарий (нижние границы эффекта, отсутствие дополнительного дохода от диверсификации сверх предотвращённого ущерба):

– предотвращённый ущерб по ключевым рискам: 4,2 млн руб./год;

– операционные и амортизационные затраты: 1,2 млн руб./год;

– чистый годовой эффект: 3,0 млн руб.

Оптимистический сценарий (верхние границы эффекта, дополнительный доход 2, 0 млн. руб.): чистый эффект – 6,5 млн руб.

Пессимистический сценарий (снижение рисков на 10 %, отсутствие дополнительного дохода, задержка внедрения на 6 месяцев): чистый эффект – 1,2 млн руб.

3.3 Результаты оценки.

Табл. 3

Показатели экономической эффективности (базовый сценарий)

Показатель	Инвестиции (1,5 года), млн руб.	Чистый годовой эффект (с 3-го года), млн руб.	NPV (r=18 %, 5 лет), млн руб.	Дисконтированный срок окупаемости, лет
Значение	3,1	3,0	4,2	2,3

Примечание: расчёт выполнен с учётом распределения инвестиций по этапам и выхода на полную операционную мощность к концу 2-го года

Анализ чувствительности показывает, что при увеличении ставки дисконтирования до 22 % или снижении годового эффекта на 25 % NPV остаётся положительным (> 1,5 млн. руб.). Пессимистический сценарий даёт NPV около 0,6 млн руб., что сохраняет проект приемлемым, но требует тщательного контроля рисков внедрения.

3.4. Сравнение с альтернативными стратегиями.

Для оценки относительной привлекательности предложенного комплекса проведено сравнение с альтернативами (табл. 4). В качестве критериев

использованы: объём инвестиций, срок окупаемости, охват рисков, влияние на ключевые компетенции [1, 5].

Табл. 4

Сравнение альтернативных стратегий [1, 5]

Стратегия	Инвестиции, млн руб.	Срок окупаемости, лет	Охват рисков	Влияние на ключевые компетенции
Интегрированный комплекс	3,1	2,3	Широкий (рыночные, репутационные, технологические)	Усиливает маркетинг и качество
Вертикальная интеграция	50–70	7	Сырьевые риски	Отвлекает ресурсы от основного производства
Аутсорсинг логистики	0,8 (годовые затраты)	–	Только холодовая цепь	Снижает контроль над качеством

Предложенный комплекс уступает по глубине снижения сырьевых рисков вертикальной интеграции, но превосходит её по финансовой эффективности и сохранению фокуса на основном бизнесе. Выбор стратегии зависит от приоритетов собственника: при консервативном подходе к риску может быть оправдано комбинирование элементов (например, аутсорсинг логистики + предлагаемый комплекс).

Заключение

В результате исследования:

1. С использованием метода Дельфи с проверкой устойчивости и количественной оценкой корреляций (коэффициент Спирмена) идентифицированы критические риски производителя премиальной продукции из оленины [3, 4, 8].

2. Построена матрица рисков 5×5, на основе которой разработан интегрированный комплекс мер, сочетающий маркетинговые и традиционные методы.

3. Экономическая эффективность оценена по трём сценариям с консервативными допущениями; базовый сценарий даёт NPV 4,2 млн руб. и дисконтированный срок окупаемости 2–3 года.

4. Проведённое сравнение с альтернативными стратегиями (вертикальная интеграция, аутсорсинг логистики) показывает, что предложенный комплекс

является наиболее сбалансированным по критериям затрат, охвата рисков и сохранения ключевых компетенций [1, 5].

Практическая значимость работы заключается в возможности адаптации разработанного инструментария для узкоспециализированных перерабатывающих предприятий премиального сегмента. Дальнейшие исследования могут быть направлены на построение имитационной модели корреляции рисков методом Монте-Карло и разработку отраслевого стандарта управления рисками для производителей продукции из северного оленя.

Список используемых источников

1. Алтухов А.И. Экономические проблемы развития агропромышленного комплекса. М: РГАУ-МСХА, 2021. 480 с.

2. Анохин И.А. Подход к классификации рисков внешнеэкономической деятельности хозяйствующих субъектов агропромышленного комплекса // Вестник НИБ. 2024. № 4. С. 8–15.

3. Балабанов И.Т. Риск-менеджмент. М: Финансы и статистика, 2021. 192 с.

4. Задорожная М.В., Решетникова Н.В. Разработка модели управления рисками для перерабатывающего предприятия агропродовольственного комплекса // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2023. № 2. С. 45–52.

5. Кот Е.М. Концепция стратегического управления источниками и факторами риска в интегрированных структурах агропромышленного комплекса // Экономика и управление. 2022. № 3. С. 112–120.

6. Панкрухин А.П. Маркетинг: учебник. М.: Омега-Л, 2020. 656 с.

7. Ушачев И.Г. Стратегические направления развития АПК России // Экономика сельскохозяйственных и перерабатывающих предприятий. 2020. № 1. С. 2–8.

8. COSO Enterprise Risk Management – Integrating with Strategy and Performance, June 2017. P. 9–36.

МАСТЕРСТВО ТАЙМ-МЕНЕДЖМЕНТА: ОТ ХАОСА К ЭФФЕКТИВНЫМ РЕЗУЛЬТАТАМ

Комаров А.Д. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: *Борисенко Я.М. – к.э.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»*

Аннотация

В статье рассматриваются актуальные вопросы тайм-менеджмента, а именно эффективное распределение времени. В современном мире постоянные опоздания на важные встречи или работу не позволяют провести день плодотворно и эффективно. Поэтому в данной работе анализируются проблемы игнорирования тайм-менеджмента, его польза и применение в повседневной жизни и на работе, а также наиболее известные и эффективные техники.

В современном мире работники организаций, студенты и простые люди всё чаще совершают ошибки при попытках правильно распределить своё время. Последствия неверного распределения времени для данных групп людей могут быть очень неблагоприятными: от плохого настроения и агрессии до иных серьёзных последствий в рабочей, учебной или иной среде.

Тайм-менеджмент – это технология планирования, расстановки приоритетов и эффективного использования времени для повышения продуктивности, достижения целей и соблюдения баланса между работой и жизнью [1]. Главный принцип: успеть не всё, а только самое важное.

Существует множество техник тайм-менеджмента. Основными техниками являются: Матрица Эйзенхауэра, Принцип Парето (80/20), Правило «Съешь лягушку!», Техника Pomodoro, SMART, Закон Паркинсона, искусство делегирования.

Матрица Эйзенхауэра впервые представлена Стивеном Кови в книге «7 навыков высокоэффективных людей» [2]. Матрица Эйзенхауэра помогает классифицировать задачи по срочности и важности. В результате они распределяются по четырём квадрантам (категориям):

1. Срочные и важные – требуют немедленного внимания. Примером являются: кризисы, дедлайны.
2. Несрочные, но важные: планирование, развитие, профилактика. Задачи, которые формируют ваше будущее.
3. Срочные, но неважные: перерывы, некоторые письма, встречи. Можно

делегировать или минимизировать.

4. Несрочные и неважные: отвлекающие факторы, бесполезные занятия. Необходимо стараться избегать их.

Ричард Кох в своей книге «Принцип 80/20» подробно описал универсальный закон, который применим и к управлению временем: 20 % усилий дают 80 % результата [3]. Суть в том, чтобы научиться находить и фокусироваться на тех задачах, которые приносят основной, ключевой результат. Это позволяет избежать бессмысленной траты времени на малозначимые действия.

Принцип Парето был сформулирован итальянским экономистом и социологом Вильфредо Парето в конце XIX века [4]. Он начал карьеру как инженер и затем переключился на изучение экономики и социологии. Ученый заметил, что в различных сферах общественной и экономической жизни нередко наблюдается неравномерное распределение ресурсов и результатов. Один из самых известных примеров – наблюдение Парето, что примерно 80 % земли в Италии принадлежит 20 % населения. В основе закона лежит его работа Cours d'économie politique («Курс политической экономии»), опубликованная в 1897 году, где Парето обсуждает концепцию неравномерного распределения богатства в обществе (рис.1) [4].

Эту закономерность назвали принципом Парето его последователи, а не сам ученый. Одним из адептов Парето был Джозеф Джуран. Он использовал концепцию 80/20 для анализа данных о производственных процессах, чтобы выявить причины проблем и оптимизировать управление в организациях. Джуран развил идеи Парето, применяя их к практическим аспектам управления бизнесом и производством.

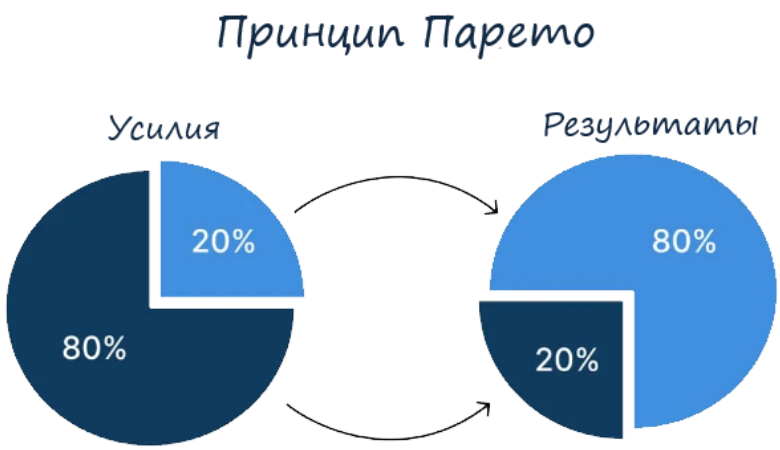


Рис. 1. Принцип Парето [4]

Метод "Съешь лягушку" разработан экспертом по продуктивности Брайаном Трейси и основан на простой, но мощной идее: начинайте день с выполнения самой сложной, неприятной или важной задачи – вашей "лягушки" [5]. Название отсылает к высказыванию, приписываемому Марку Твену: если первым делом с утра съесть живую лягушку, остаток дня пройдёт с осознанием, что худшее уже позади. Механика метода строится на трёх принципах:

– идентификация лягушки: определение той единственной задачи, которая максимально влияет на ваши результаты или вызывает наибольшее сопротивление;

– немедленное выполнение: работа над этой задачей до её завершения или значительного продвижения без переключения на другие дела;

– систематичность: превращение этого подхода в ежедневную привычку, а не разовую попытку.

Ключевое отличие от других методик планирования – жёсткий приоритет одной задачи над всеми остальными. Вы не распыляетесь на десяток мелких дел, создавая иллюзию продуктивности. Вы концентрируете максимум энергии и внимания на том, что действительно двигает результат или решает критическую проблему (рис. 2).

Рассмотрим следующую технику: Pomodoro (Помидор). Создана Франческо Чирилло и основана на использовании таймера для разбивки работы на интервалы, обычно по 25 минут, разделённые короткими перерывами. Каждый интервал называется «помидор». После четырёх «помидоров» следует более длительный перерыв. 25 минут: интенсивная и сфокусированная работа над одной задачей.15-30 минут: длинный перерыв после 4 «помидоров». 5 минут: Короткий перерыв для отдыха мозга [6] (рис. 2).



Рис. 2. Техника Pomodoro [6]

SMART тайм-менеджмент – это методология, которая помогает превращать абстрактные намерения или расплывчатые планы в конкретные, измеримые и реалистичные задачи с чёткими временными рамками. Она позволяет структурировать процесс планирования, повысить эффективность работы и достичь поставленных целей. Они зашифрованы в названии техники: S – Specific, M – Measurable, A – Aggressive, Achievable, R – Relevant, Resource, T – Time-bound. SMART – это метод постановки целей, основанный на пяти критериях. Согласно этой технике, цель должна быть: конкретной, измеримой, достижимой, актуальной, ограниченной во времени. Систему SMART используют как в бизнесе, так и в личной жизни. С ней можно избежать неопределённости, разбить большие задачи на шаги, заранее определить ресурсы, которые будут нужны, а также установить реалистичные сроки для достижения результата. Такой подход помогает чётко фокусироваться на главном и делает процесс достижения цели более организованным [6].

Разбирем каждый критерий в SMART:

S (Specific) – конкретная. Цель должна быть чёткой и однозначной: команда не должна гадать, что делать. Если сотруднику нужно «обзвонить клиентов и предложить новую услугу», то ему будет непонятно, с кем связываться и что предлагать. Но «позвонить клиентам с базовым тарифным планом и предложить им переход на премиум-условия» – это конкретная цель по методике SMART.

M (Measurable) – измеримая. Результат можно посчитать: деньги, заявки, количество клиентов. Например, руководитель отдела продаж ставит задачу: «найти новых клиентов в промышленном секторе». Добавив количественный показатель, получаем: «найти 10 новых клиентов в промышленном секторе». Теперь сотрудник знает, при каком условии задача будет считаться выполненной.

A (Achievable) – достижимая. Цель должна учитывать доступные ресурсы и команду. «Перевыполнить план на 150%» для сотрудника, который два квартала подряд закрывался на 80%, будет невозможно. Вместо этого можно поставить задачу: «закрыть 95% в следующем квартале».

R (Relevant) – актуальная. Цель должна быть связана с вашими приоритетами и влиять на развитие бизнеса в целом. Например, йога-центр хочет повысить узнаваемость бренда. Тогда актуальной целью может быть разработка и внедрение плана продвижения в соцсетях. Или школе иностранных языков нужно отстроиться от конкурентов. В таком случае целью может быть запуск

тематических курсов или организация серии кулинарных мастер-классов, которые будут проводиться на иностранном языке.

T (Time-bound) – ограниченная по времени. Установите дедлайн, так всем причастным будет понятно, когда нужно закончить задачу. Если попросить сотрудника «срочно подготовить презентацию по новому приложению», есть риск, что он не поймёт, к какому времени задача должна быть выполнена. Лучше сразу обозначить дедлайн, чтобы не подвести заказчика. Следуя каждому критерию, можно превратить абстрактную цель в конкретную задачу. Её можно презентовать команде, на её основе можно составить чёткий план действий.

Таким образом, цели, сформулированные по принципу SMART, легко разбивать на шаги и интегрировать в ежедневный и еженедельный план.

Следующий закон – закон Паркинсона, сформулированный Сирилом Норткотом Паркинсоном. Он гласит: «Работа занимает всё время, отпущенное на неё». Это означает, что, если вы дадите себе месяц на выполнение задачи, которую можно сделать за неделю, вы будете заниматься ею целый месяц [6].

Применение закона Паркинсона в тайм-менеджменте:

– устанавливайте строгие дедлайны: это стимулирует фокусировку и повышает эффективность;

– разбивайте большие задачи: каждый подзадаче присваивайте свой, более короткий срок;

– избегайте перфекционизма: иногда «достаточно хорошо» – это уже «отлично». Когда человек понимает, что у него есть простор для маневра, он начинает расслабляться, чаще отвлекаться, медленнее работать или вообще впадать в перфекционизм.

Так происходит потому, что многим людям свойственно выполнять задачи в последний момент, когда дедлайн активно приближается. Если время есть, можно не волноваться. Особенно если человек не видит выгоды в завершении работы за короткий срок.

Следующий актуальный способ тайм-менеджмента – делегирование. Как отмечал Ицхак Адизес в своей работе об идеальном руководителе, невозможно делать всё самостоятельно [6].

Делегирование – это не только способ освободить своё время, но и мощный инструмент для развития вашей команды. Делегирование прав, полномочий и задач – это важный аспект управления, который приносит множество

преимуществ как руководителю, так и команде в целом. Причем это еще и важная компетенция, по которой оценивают уровень управленческих навыков руководителя. Для молодых начальников это также критерий адаптации к новой роли, потому что самая частая ошибка думать, что я все равно сделаю быстрее и лучше, не давая возможности сотрудникам проявить себя и научиться новому. Именно делегирование помогает руководителю оптимизировать свое время, бизнес-процессы и ресурсы. Правильное делегирование создаёт выигрышную ситуацию: вы сосредотачиваетесь на стратегических задачах, а ваша команда растёт профессионально.

Анализ рассмотренных техник тайм-менеджмента показывает, что значительная часть задач требует всего лишь правильного распределения времени, а не серьёзной подготовки и демонстрирует различные варианты упрощения распределения времени для достижения наибольших результатов. Матрица Эйзенхауэра, Паретто, SMART и другие техники всегда помогут при решении любых задач, если научиться использовать эти техники правильно.

Таким образом, рассмотренные техники тайм-менеджмента подтверждают, что их применение способствует достижению лучших и желанных результатов.

Можно ли вообще обойтись без тайм-менеджмента? В современном мире – нет. Ключевой инструмент – предварительный выбор техники индивидуально для каждого человека. Техники помогут даже тем людям, кто уже опытен, и способен почти идеально распределить время на конкретные задачи.

Бизнес активнее использует техники тайм-менеджмент, потому что это:

1. Прямая экономическая выгода. В компаниях каждая минута имеет денежное выражение: сокращение сроков проекта на 10 % может дать миллионы экономии; оптимизация рабочих процессов снижает ФОТ и накладные расходы; чёткое планирование уменьшает простои оборудования и персонала.

2. Корпоративная культура и стандарты. Крупные организации внедряют:

3. единые системы планирования (Jira, Asana, Битрикс24); регламенты постановки задач по SMART; обязательные еженедельные планёрки; KPI с привязкой к срокам выполнения.

4. Масштаб задач. Чем больше команда, тем критичнее координация:

5. синхронизация работы отделов; управление цепочками задач; контроль дедлайнов по множеству проектов.

6. Доступ к ресурсам. Компании могут: нанимать бизнес-тренеров по

продуктивности; закупать ПО для управления проектами; выделять бюджет на обучение сотрудников.

Но мало кто из обычных людей использует эти техники, потому что отсутствует видимая «цена времени». В быту нет прямой связи: опоздал на встречу на 20 минут – потерял конкретную сумму или отложил уборку на неделю – применили штрафные санкций.

В заключение можно сказать, что проблема ошибок при распределении времени носит комплексный характер и обусловлена как объективными факторами – сложностью некоторых техник, так и субъективными – недостатком знаний людей, организаций об этих самых техниках.

Список используемых источников

1. Архангельский Г.А. Тайм-драйв. Как успевать жить и работать. М: Альпина Паблишер, 2023. 352 с.
2. Грачёв Г.А. Принцип Парето: предсказуемые концентрации ресурса в самоорганизующихся системах. Таганрог: Издательство Южного федерального университета, 2024. 102 с.
3. Кови С.Р. Семь навыков высокоэффективных людей. М: Альпина Паблишер, 2023. 384 с.
4. Кох Р. Дж. Принцип 80/20. Как работать меньше, а зарабатывать больше (дополненное издание). М.: Эксмо, БОМБОРА, 2024. 432 с.
5. Савина Н.В. Основы тайм-менеджмента: учебник для вузов. М: Издательство «Юрайт», 2025. 101 с.
6. Трейси Б. Оставьте брезгливость, съешьте лягушку! 21 действенный принцип эффективного труда. М: Лидер, 2017. 82 с.

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЧЕЛОВЕКА И ДОМАШНИХ ЖИВОТНЫХ

Кондратов А.М. – ученик, МАОУ «СОШ №138 г. Челябинск»

Кондратов М.В. – доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье предложено определение понятия институциональное взаимодействие человека и домашних животных. Рассмотрены основные функции домашних животных. Систематизированы основные аспекты институционального взаимодействия человека и домашних животных.

Актуальность работы заключается в том, что, несмотря на возрастающую урбанизацию современного общества, домашние животные все больше места занимают в жизни человека и являются её важной составляющей.

Гипотеза исследования: наличие домашнего животного влияет на психологическое, социальное, физическое и экономическое состояние человека.

Цель исследования: на основе анализа научной литературы систематизировать знания об институциональном взаимодействии человека и домашних животных.

Под институциональным взаимодействием человека и домашних животных предлагаем понимать социально-психологические, экономические и физические процессы, которые происходят в рамках семьи, домохозяйства или семьехозяйства [1, 2], или другой социальной группы и включают в себя: обмен информацией, совместные действия, формирование эмоциональных связей и специфических правил поведения.

Наряду с нарастающим кризисом брака, уменьшением его нормативно-ролевой функции, утратой влияния «общественно-одобряемых» стандартов и возрастанием значимости эмоционального комфорта, в последние десятилетия от 60 до 85 % семей в Европе, США, Канаде, Австралии, России и ряде азиатских стран (прежде всего в Китае) содержат домашних питомцев на правах «членов семьи» [10].

Отношение к животным можно обозначить как усвоенную тенденцию индивидов или социальных групп воспринимать животных определенным образом, взаимодействовать с ними и действовать по направлению к ним. К индивидуальным аспектам данного явления относятся условия, в которых отношение было сформировано, к социальным – реализация взаимосвязи в социальной среде [5].

Одна из основных функций домашних питомцев (далее – ДП), с точки зрения системной психологии семьи – регуляция и поддержание гомеостаза семейной системы при прохождении ею нормативных кризисов. ДП воспринимаются как переживающие сильные эмоциональные связи со своими хозяевами, преданные

компаньоны, которые не склонны судить, лояльны, верны и доверяют своим хозяевам. Одним из самых сильных состояний, переживаемых людьми по отношению к своим питомцам, является ощущение привязанности к ДП и/или переживание эмоциональной зависимости от своих ДП [7, 10].

О.Н. Городилова, Е.Ю. Федорович считают, что природа эмоциональной связи, которую испытывает человек к своим домашним питомцам, принципиально та же, что и природа привязанности, которая возникает у ребенка в раннем детстве по отношению к родителю или другой фигуре, находящейся в ближнем окружении. Люди ищут у своих питомцев успокоения и утешения, особую роль при этом играют тактильные контакты; в ситуациях тревоги питомцы могут стать для доверяющих им людей «базой безопасности», что позволяет последним «исследовать» окружающий мир и т.п. Люди с разными типами привязанности по-разному ведут себя со своими домашними питомцами; привязанность, которую испытывает человек к животному, и та, которую испытывает человек к другому человеку, могут быть двумя разными эмоциональными отношениями, которые мы называем, за неимением другого слова, «привязанностью» [3; 10].

Следует подчеркнуть, что поведение современных классических домашних питомцев (кошек и собак) облегчает проективные процессы, поддерживая у людей иллюзию взаимности. Однако, будучи сильно эмоционально привязанными к своим ДП, большинство владельцев не замечают, что их питомцы находятся в стрессе или иных формах эмоционального неблагополучия. Примеры этого часто встречаются в интернете. Например, «собаки-улыбаки», которыми часто восхищаются молодые женщины: мимическая демонстрация собак, которую хозяйки считают «застенчивой» или «выражающей радость от спасения» улыбкой, нередко свидетельствует о состоянии неблагополучия и тревоги у собаки.

К.В. Марасина, Е.Ю. Федорович описывают ситуации, когда хозяева кошек воспринимают, что одна кошка постоянно следует за другой (или за людьми), смотрит на них не отрываясь, как признак их «дружбы», хотя, на самом деле, кошка пытается постоянно контролировать поведение другой (или хозяев) и не расслабляется даже во сне (дремлет, полуприкрыв глаза) [6, 10].

В научной литературе приводятся достаточно дискуссионные тезисы «пожилые люди, которые жили в одиночестве с любимыми кошками, были столь же депрессивны и одиноки, как и те люди, которые жили в одиночестве, но без питомцев, что предполагает, что кошки сами по себе не вносят существенного

вклада в психическое благополучие своих хозяев, если те одиноки». Сходным образом испытывавшие сильную привязанность к своему ДП пожилые канадцы (имевшие низкие уровни социальной поддержки) сообщали о более высоких уровнях переживания одиночества и депрессии по сравнению с теми, кто имел ДП, но не был зависим от них эмоционально. Таким образом, эмоциональное и физическое благополучие или неблагополучие владельцев ДП зависит не от простого их присутствия в доме, а от социальной и психологической поддержки со стороны других людей. Включенность ДП в систему эмоциональной регуляции семейной системы, объясняет, что привязанность к домашним питомцам не приводит к надежному и стабильному изменению эмоционального благополучия своих хозяев, скорее, отражая его, чем приводя к его улучшению.

Виды институционального взаимодействия человека и домашних животных (табл. 1).

Табл. 1

Виды институционального взаимодействия человека и домашних животных

№ п/п	Вид влияния	Что входит	Уточнение
1	Психологическое взаимодействие	Снижение стресса и улучшение настроения	Общение с домашними животными стимулирует выработку гормонов счастья, таких как дофамин, серотонин и окситоцин
		Борьба с одиночеством	Присутствие питомца помогает справиться с чувством одиночества, стабилизирует эмоциональное состояние
		Повышение эмпатии	Уход за домашним животным развивает чувство ответственности и эмпатию
		Улучшение качества сна	Спокойное мурлыканье кошки или тепло домашнего животного рядом помогают быстрее заснуть
2	Социальное взаимодействие	Расширение социальных связей	Прогулки с собаками и посещение тематических форумов помогают владельцам находить новых знакомых и единомышленников
		Укрепление семьи	Совместная забота о домашнем животном способствует сближению членов семьи и гармонизации отношений
		Преодоление социофобии	Домашние животные могут стать «мостиком» для начала общения с другими людьми

Продолжение табл. 1

3	Физическое взаимодействие	Повышение физической активности	Собаки требуют регулярных прогулок и активных игр, что благотворно влияет на физическую форму владельца
		Польза для сердечно-сосудистой системы	Физическая активность, связанная с уходом за питомцем, помогает поддерживать здоровье сердца и сосудов
4	Экономическое взаимодействие	Рабочая помощь	Собаки помогают в охране территории, выпасе скота и других задачах

Источник: составлено автором

Мы предлагаем классифицировать виды институционального взаимодействия человека и домашних животных по следующим основным критериям:

– психологическое;
– социальное;
– физическое;
– экономическое.

Психологическое взаимодействие включает снижение стресса и одиночества, а также улучшение настроения, формирует ответственное поведение; социальное – расширение круга общения и укрепление семейных связей, преодоление социофобии; физическое – повышение физической активности и улучшение работы сердечно-сосудистой системы. Экономическое взаимодействие связано с использованием животных как источника продовольствия и сырья, «рабочей силы».

Таким образом, в результате исследования нами предложено авторское определение понятия институциональное взаимодействие человека и домашних животных, выделены основные аспекты (психологический, социальный, физический, экономический).

Список используемых источников

1. Бедюхова С.М., Кондратов М.В. Домохозяйство в семье. Семья в домохозяйстве. Феномен семьехозяйства // Вестник Совета молодых учёных и специалистов Челябинской области. 2013. № 1. С. 64–74.

2. Бедюхова С.М., Кондратов М.В., Тараданов А.А. Феномен семьехозяйства // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 11. С. 141–147.

3. Городилова О.Н. Связь психологического благополучия владельцев домашних животных и типа привязанности к ним // Молодой ученый. 2026. № 4. С. 434–438.

4. Дзюба И.А. Влияние домашних животных на психологическое состояние людей и социальные взаимодействия // Вестник науки. 2019. Т. 1, № 10. С. 10–16.

5. Колесниченко М.Б., Корнилова К.А. Исследование отношения к животным в социологии // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2020. № 1. С. 100–112.

6. Марасина К.В. Психологическое влияние домашних животных на людей / Педагогика, психология, общество: актуальные вопросы: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Отв. ред. Ж.В. Мурзина. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2020. 336 с. С. 308–312.

7. Нартова-Бочавер С.К., Ларионов П., Щерба Е.К. Привязанность к домашним питомцам и любовь к людям – есть ли связь? // Социальная психология и общество. 2024. Том 15, № 1. С. 156–170

8. Перчик А.М. Психологическая роль домашних питомцев в семье / Актуальные проблемы науки и образования: сборник научных статей по материалам международной научно-практической конференции / Отв. ред. Е.Н. Скрипачева. Москва: АНО ВО «Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт», 2024. 264 с. С. 141–147.

9. Хижная А.В., Мальцева С.М., Рыжакова Е.В., Макарова Н.В. Потребность в домашних животных в системе потребностей современного человека // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2021. Т. 10, № 4. С. 237–240.

10. Федорович Е.Ю. Три стороны одной и той же привязанности: люди и их домашние питомцы // Психология и психотерапия семьи. 2019. № 3. С. 5–18.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ПОСТОЯННОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОЙ ОБЛАСТИ ЗА 2014-2024 ГОДЫ

Кондратова А.М. – ученик, МАОУ «СОШ №153 г. Челябинска»

Кондратов М.В. – доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматривается изменение среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы. На основе систематизированной информации о среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области за период 2014–2024 годы проведен анализ. Результатом анализа является впервые предложенная авторами кластеризация муниципального образования Челябинской области по признаку – динамика прироста среднегодового постоянного населения. Авторами выделены 5 кластеров муниципальных образований, для каждого кластера предложены рекомендации, которые могут быть использованы органами государственной власти при разработке программы долгосрочного социально-экономического развития Челябинской области.

Актуальность исследования обусловлено тем, что анализ и оценка численности постоянного населения субъекта Российской Федерации позволяет выявить закономерности социо-эколого-экономического развития данного субъекта Российской Федерации. В соответствии со стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года, с прогнозом до 2036 года анализ и оценку постоянного населения необходимо проводить с целью:

– обеспечение максимальной загрузки существующих объектов инфраструктуры;

– планирование создания новых объектов инфраструктуры на основе их приоритезации с учетом оценки социо-эколого-экономических эффектов;

– создание центров, обеспечивающих доступ к образованию, медицинской помощи, услугам в сфере культуры и реализацию иных потребностей жителей субъекта Российской Федерации.

В отечественной научной литературе были проведены исследования постоянного населения Российской Федерации и города Челябинска [1, 2]. Данное исследование развивает ранее выполненные нами работы на уровне субъекта Российской Федерации.

Гипотеза исследования – изменение численности населения Челябинской области влияет на социо-эколого-экономические показатели Челябинской области.

Объект исследования – население Челябинской области.

Предмет исследования – анализ и оценка постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы.

Цель работы – показать кластеры муниципальных образований Челябинской области по признаку динамики изменения среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы.

Задачи:

– исследовать постоянное и наличное население в российской литературе;

– провести анализ и оценку численности постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы.

Научная категория «население» является основополагающей в контексте общественных наук. Под населением понимается общая характеристика совокупности жителей той или иной территории, в зависимости от их связи с этим местом. Население постоянное – категория населения, объединяющая людей, которые имеют обычное (постоянное) место жительства в данном населённом пункте или на данной территории. Под оценкой численности населения понимается примерное определение числа жителей на территории страны или ее части; производится на основании итогов последней переписи населения, к которым ежегодно прибавляются числа родившихся и прибывших на данную территорию и вычитаются числа умерших и выбывших с данной территории Постоянное население является основной категорией и при сборе данных, и при обработке материалов переписи населения. Численность постоянного населения важна при планировании строительства жилья, школ, больниц и т.д. [2, 3]. Рассчитывается по следующей формуле:

$$ПН = НН - ВП + ВО$$

где ПН – постоянное население,

НН – наличное население,

ВП – временно присутствующие,

ВО – временно отсутствующие.

С 2007 года в статистический учет постоянного населения стали включать иностранных граждан и лиц без гражданства, получивших разрешение на

временное проживание. С 2010 года к постоянному населению добавили лиц, которые прибыли на территорию России в поисках убежища или с целью получения образования, при условии пребывания более одного года. В настоящее время анализ и оценка численности постоянного населения осложнены тем, что в открытом доступе отсутствуют статистические данные по наличному населению, временно присутствующим и временно отсутствующим.

Информационной базой исследования стали данные о среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы, размещенные на сайте Госкомстата Челябинской области [3].

Для проведения анализа и оценки среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы нами был выгружен файл в формате Excel «Численность постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы» в виде неорганизованного списка данных.

Нами были проведены мероприятия по переводу информации с неорганизованного списка данных в организованный. На основе организованного списка данных о среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы с разбивкой по 16 городским округам и 27 муниципальным округам была построена таблица (табл.1). Следует отметить то, что среднегодовая численность постоянного населения Челябинской области снизилась на 104 тысячи человек (в 2024 году – 3 390 тысяч человек, а в 2014 году 3 494 тысяч человек). Около 70 % среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области приходятся на крупные города Челябинской области – Челябинск, Магнитогорск, ЗАТО (Озерск, Снежинск, Трехгорный, Локомотивный), Миасс, Златоуст, Копейск, и Сосновский, и Красноармейский муниципальные округа, которые де-факто являются частью города Челябинск, жители данных районов, как правило работают в городе Челябинск, а зарегистрированы и учтены статистикой в качестве постоянного населения в данных муниципальных округах.

Основными причинами снижения численности постоянного населения Челябинской области являются:

– процессы естественной убыли (превышение смертности над рождаемостью, в том числе от последствий коронавирусной инфекции);

– естественная убыль постоянного населения Челябинской области была компенсирована за счет миграционного прироста из соседних стран (Таджикистан, Казахстан, Узбекистан);

– внутрироссийская миграция показывает отрицательные значения (приехало в Челябинскую область людей меньше, чем уехало).

По нашему мнению, после ввода в эксплуатацию в 2026–2027 году в городе Челябинск межуниверситетского кампуса мирового уровня, отток вчерашних школьников Челябинской области в столичные ВУЗы существенно снизится с одной стороны, а с другой стороны привлечет новых жителей Челябинской области как с соседних субъектах Российской Федерации, так и зарубежных стран, что приведет к увеличению постоянного населения Челябинской области в перспективе. На основе данных о среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области за 2014–2024 годы (табл.1) нами была построена таблица «Типологизация городских и муниципальных округов Челябинской области по изменению среднегодовой численности постоянного населения (человек) (табл. 2). Нами были рассчитан коэффициент прироста среднегодовой численности постоянного населения Челябинской области путем деления значений о среднегодовой численности постоянного населения конкретного городского (муниципального) округа за 2024 год к аналогичным данным за 2014 год.

Табл. 1

Среднегодовая численность постоянного населения Челябинской области за 2014 – 2024 годы (тыс. чел.)

Названия строк	**2014**	**2015**	**2016**	**2017**	**2018**	**2019**	**2020**	**2021**	**2022**	**2023**	**2024**
Челябинский городской округ	1 176	1 188	1 195	1 201	1 202	1 199	1 192	1 186	1 184	1 180	1 177
Магнитогорский городской округ	416	417	418	417	415	413	413	410	410	409	409
закрытые административно территориальные образования	182	182	182	182	182	182	182	179	179	179	178
Миасский городской округ	167	167	167	167	167	166	166	161	161	161	160
Златоустовский городской округ	173	172	171	170	168	167	165	163	162	161	160
Копейский городской округ	145	148	149	150	150	150	149	150	149	148	147
Сосновский муниципальный район	65	67	69	71	73	77	80	86	87	91	95
Саткинский муниципальный район / округ	83	82	81	80	79	78	77	75	75	74	74
Троицкий городской округ	77	76	76	75	74	73	73	70	70	70	70
Коркинский муниципальный район / округ	62	61	60	60	59	59	58	57	56	56	55
Ашинский муниципальный район	61	61	60	59	58	58	57	56	55	55	54
Красноармейский муниципальный район	43	42	42	42	42	41	42	48	49	50	50
Еманжелинский муниципальный район	52	52	51	50	49	49	48	48	47	47	47
Чебаркульский городской округ	41	41	40	40	41	41	41	45	45	45	44
Карталинский муниципальный район	48	47	47	47	46	46	45	44	44	43	43
Аргаяшский муниципальный район	41	41	41	41	41	41	40	40	39	39	39
Южноуральский городской округ	38	38	38	38	38	38	38	38	37	37	37
Кыштымский городской округ	41	41	40	40	39	39	39	38	38	37	37
Агаповский муниципальный район	34	33	33	33	33	33	33	32	32	32	32
Верхнеуральский муниципальный район	35	35	35	34	34	34	33	32	32	31	31
Увельский муниципальный район	31	31	32	32	32	32	31	31	31	31	31
Еткульский муниципальный район	31	31	31	30	30	30	30	30	30	30	30
Каслинский муниципальный район	34	33	33	32	32	31	31	30	30	29	29
Чебаркульский муниципальный район	30	30	30	30	30	29	29	29	29	29	29

Продолжение табл. 1

Кунашакский муниципальный район	30	30	30	29	29	28	28	28	28	28	27
Катав-Ивановский муниципальный район	31	31	31	30	30	29	29	27	27	26	26
Верхнеуфалейский городской округ	33	33	32	32	31	30	30	26	26	25	25
Кусинский муниципальный район	28	28	27	27	27	26	26	25	25	25	25
Пластовский муниципальный район / округ	26	26	26	26	25	25	25	24	24	24	24
Варненский муниципальный район	26	25	25	25	25	25	25	24	24	24	24
Брединский муниципальный район	26	26	26	26	25	25	25	24	24	23	23
Усть-Катавский городской округ	26	26	26	25	25	25	25	24	24	23	23
Троицкий муниципальный район	27	26	26	26	25	25	24	24	23	23	23
Уйский муниципальный район	24	24	24	23	23	22	22	22	21	21	21
Кизильский муниципальный район	24	24	23	23	22	22	21	20	20	20	19
Октябрьский муниципальный район	20	20	20	20	19	19	19	19	19	18	18
Нагайбакский муниципальный район	19	19	19	19	18	18	18	17	17	17	17
Чесменский муниципальный район	19	19	19	19	18	18	18	16	16	15	15
Нязепетровский муниципальный район / округ	17	17	17	17	16	16	16	14	14	14	14
Карабашский городской округ	12	12	11	11	11	11	11	11	11	10	10
Общий итог	**3 494**	**3 499**	**3 502**	**3 498**	**3 484**	**3 471**	**3 455**	**3 422**	**3 414**	**3 401**	**3 390**

Источник: составлено авторами на основе данных [4]

Табл. 2

Типологизация городских и муниципальных округов Челябинской области по изменению среднегодовой численности постоянного населения (человек)

N	Территория	2014 г.	2024 г.	% прироста	кластер
1	Сосновский муниципальный район	65 125	94 767	45,5	1
2	Красноармейский муниципальный район	42 571	50 243	18,0	1
3	Чебаркульский городской округ	40 816	44 495	9,0	2
4	Копейский городской округ	145 372	146 507	0,8	3
5	Челябинский городской округ	1 176 409	1 176 914	0,0	3
6	Увельский муниципальный район	31 207	30 951	-0,8	3
7	Южноуральский городской округ	37 768	37 164	-1,6	3
8	Магнитогорский городской округ	415 968	408 601	-1,8	3
9	Озерск, Снежинск, Трехгорный, Локомотивный	182 080	178 046	-2,2	3
10	Еткульский муниципальный район	30 705	29 655	-3,4	3
11	Аргаяшский муниципальный район	40 801	39 268	-3,8	3
12	Миасский городской округ	166 862	160 412	-3,9	3
13	Чебаркульский муниципальный район	29 851	28 518	-4,5	3
14	Агаповский муниципальный район	33 651	31 682	-5,9	4
15	Пластовский муниципальный район / округ	25 740	24 193	-6,0	4
16	Варненский муниципальный район	25 610	23 920	-6,6	4
17	Златоустовский городской округ	172 647	159 671	-7,5	4
18	Кунашакский муниципальный район	30 075	27 380	-9,0	4
19	Троицкий городской округ	76 815	69 658	-9,3	4
20	Еманжелинский муниципальный район	52 179	47 235	-9,5	4
21	Кыштымский городской округ	40 959	37 044	-9,6	4
22	Карталинский муниципальный район	47 815	43 114	-9,8	4
23	Октябрьский муниципальный район	20 049	18 019	-10,1	4
24	Коркинский муниципальный район / округ	61 568	55 146	-10,4	4
25	Саткинский муниципальный район / округ	82 882	73 732	-11,0	4
26	Усть-Катавский городской округ	26 131	23 177	-11,3	4
27	Кусинский муниципальный район	28 039	24 843	-11,4	4
28	Верхнеуральский муниципальный район	35 038	31 032	-11,4	4
29	Брединский муниципальный район	26 474	23 200	-12,4	4
30	Ашинский муниципальный район	61 489	53 711	-12,6	4
31	Нагайбакский муниципальный район	19 402	16 848	-13,2	4
32	Карабашский городской округ	11 979	10 339	-13,7	4
33	Каслинский муниципальный район	33 592	28 906	-13,9	4
34	Уйский муниципальный район	24 292	20 862	-14,1	4
35	Троицкий муниципальный район	26 514	22 607	-14,7	4
36	Катав-Ивановский муниципальный район	31 441	26 027	-17,2	5
37	Кизильский муниципальный район	24 053	19 108	-20,6	5
38	Нязепетровский муниципальный район / округ	17 316	13 525	-21,9	5
39	Чесменский муниципальный район	19 322	14 951	-22,6	5
40	Верхнеуфалейский городской округ	33 056	24 990	-24,4	5

Источник: составлено авторами на основе данных [4]

Нами было предложено провести типологизацию городских и муниципальных округов Челябинской области в зависимости от значений

коэффициента прироста численности постоянного населения Челябинской области (табл. 3).

Табл. 3

Типологизация городских и муниципальных округов Челябинской области по признаку: рост/убыль среднегодовой численности постоянного населения

Рост/убыль ПН	N кластера	Кол-во муниципальных образований	Кластер муниципальных образований
Свыше 15 %	1	2	Сосновский муниципальный район, Красноармейский муниципальный район
От 5 % до 15 %	2	1	Чебаркульский городской округ
От -5 % до 5 %	3	10	Копейский городской округ, Челябинский городской округ, Увельский муниципальный район, Южноуральский городской округ, Магнитогорский городской округ, закрытые административно территориальные образования, Еткульский муниципальный район, Аргаяшский муниципальный район, Миасский городской округ, Чебаркульский муниципальный район
От -15 % до -5 %	4	22	Агаповский муниципальный район, Пластовский муниципальный район / округ, Варненский муниципальный район, Златоустовский городской округ, Кунашакский муниципальный район, Троицкий городской округ, Еманжелинский муниципальный район, Кыштымский городской округ, Карталинский муниципальный район, Октябрьский муниципальный район, Коркинский муниципальный район / округ, Саткинский муниципальный район / округ, Усть-Катавский городской округ, Кусинский муниципальный район, Верхнеуральский муниципальный район, Брединский муниципальный район, Ашинский муниципальный район, Нагайбакский муниципальный район, Карабашский городской округ, Каслинский муниципальный район, Уйский муниципальный район, Троицкий муниципальный район
Свыше -15 %	5	5	Катав-Ивановский муниципальный район, Кизильский муниципальный район, Нязепетровский муниципальный район / округ, Чесменский муниципальный район, Верхнеуфалейский городской округ

Источник: составлено авторами на основе данных [4]

В результате получилось 5 кластеров. В первый кластер вошли Сосновский и Красноармейский муниципальные районы, которые, как было отмечено нами

выше, являются де-факто частью города Челябинск. Во второй кластер вошел Чебаркульский городской округ, который характеризуется как территория с развитой обрабатывающей промышленностью с одной стороны, а с другой стороны округ обладает высоким рекреационным потенциалом. В третий кластер вошли территории, которые показали несущественные изменения в среднегодовой численности постоянного населения. В четвертый – самый многочисленный кластер вошли 22 городских и муниципальных округа, демонстрирующие устойчивое снижение среднегодовой численности постоянного населения. В пятый кластер вошло пять муниципальных округов. Одним из факторов увеличения численности постоянного населения на данных территориях является осуществление инвестиционных проектов, которые позволили повысить качество жизни населения [1].

Список используемых источников

1. Довбий И.П., Кондратов М.В., Постников Е.А. Природоохранные инвестиции как фактор повышения качества жизни // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 3, № 1. С. 27–35.

2. Мочалина А.С., Кондратова А.М., Кондратов М.В. Анализ и оценка постоянного населения Российской Федерации / Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых: сборник трудов XII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции / Отв. ред. С.В. Гаврилов, А.М. Ромодина. Челябинск: Южно-Уральский технологический университет, 2023. 676 с. С. 402–407.

3. Мочалина А.С., Кондратова А.М. Анализ и оценка постоянного населения города Челябинска за 2012-2023 годы // Актуальные проблемы современной науки: взгляд молодых: сборник трудов XIII Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. Е.Ф. Струнина. Челябинск: Южно-Уральский технологический университет, 2024. 573 с. С. 245–252.

4. Основные показатели социально-экономического положения муниципальных образований / Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://74.rosstat.gov.ru/main_indicators (дата обращения: 03.04.2026).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ИНСТРУМЕНТОВ МОНИТОРИНГА АДАПТИВНОГО МЕХАНИЗМА ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К УСТОЙЧИВОМУ РАЗВИТИЮ

Кондратов М.В. – доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье автором предложено определение понятия адаптивный механизм технологической модернизации промышленности, предложен авторский механизм мониторинга технологической модернизации промышленности. В рамках адаптивного механизма мониторинга технологической модернизации разработан и рассчитан индикатор мониторинга финансовой возможности отрасли к эколого-технологической и технологической модернизации по состоянию на март 2026 года на основе данных об уровне сводного риска предприятий, данные по которым формируются в информационной системе СПАРК.

Актуальность исследования обусловлена:

– ускорением технологического развития экономики и необходимостью адаптации промышленных предприятий в условиях дефицита инвестиционных ресурсов;

– потребностью отраслей промышленности в обновлении основных средств (основных фондов) путем модернизации или замены, исходя из баланса надежности и экологичности с наименьшими издержками;

– недостаточностью существующих инструментов и индикаторов мониторинга адаптивного механизма технологической модернизации в условиях перехода к устойчивому развитию;

– необходимостью быстрого и эффективного / результативного приспособления экономических агентов на разных уровнях (от уровня предприятия до уровня государства) к вызовам как внутренней, так и внешней среды.

Под технологической модернизацией общественного производства предлагается понимать взаимосвязанное изменение материально-технологической базы комплекса отраслей и сфер на основе внедрения технологических инноваций при сочетании межотраслевых инноваций со специфическими направлениями применительно к конкретным производствам, являющихся результатом практического применения научно-технических, экономических и социальных знаний [3].

В научной литературе, как правило, принято отождествлять понятие адаптивный и адаптационный механизм. В общем виде под адаптацией принято понимать способность системы приспосабливаться к изменяющимся условиям как внешней, так и внутренней среды. Экономический механизм представляет собой совокупность методов, инструментов, средств, обеспечивающих эффективное функционирование и развитие социально-экономической системы с учетом ее внутреннего строения и специфики деятельности [14].

Под адаптивным (экономическим) механизмом мы предлагаем понимать совокупность методов, инструментов, средств, которые обеспечивают приспосабливаемость к изменяющимся условиям как внешней, так и внутренней среды, что позволяет обеспечивать эффективное функционирование и развитие социально-экономической системы.

Под адаптивным механизмом технологической модернизации промышленности мы предлагаем понимать совокупность методов, инструментов, средств, которые обеспечивают приспосабливаемость к изменяющимся условиям как внешней, так и внутренней среды, в процессе взаимосвязанного изменения материально-технологической базы комплекса отраслей и сфер на основе внедрения технологических инноваций при сочетании межотраслевых инноваций со специфическими направлениями применительно к конкретным производствам, являющихся результатом практического применения научно-технических, экономических и социальных знаний, что позволяет обеспечивать эффективное функционирование и развитие социально-экономической системы.

Под устойчивым развитием понимаем такое развитие, при котором удовлетворение потребностей нынешних поколений осуществляется без ущерба для возможностей будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности [5].

Мы предлагаем использовать авторский инструмент, который позволяет проводить мониторинг финансовой возможности предприятий, отраслей к технологической модернизации. Задача максимального использования экономической информации для принятия эффективных / результативных управленческих решений о финансовой возможности предприятий, отраслей к проведению технологической модернизации возможно в рамках адаптивного механизма мониторинга финансовой возможности предприятий, отраслей. Под мониторингом (от лат monitor – напоминающий, надзирающий) предлагается

понимать непрерывное наблюдение за экономическими объектами, анализ их деятельности как составная часть управления [10]. Мониторинг представляет собой более высокую организационную систему по отношению к учету, анализу и контролю, которые сами по себе носят дискретный характер, мониторинг же предполагает непрерывность, возможность прогнозирования, нацеленность на предупреждение негативных изменений на основе оперативного отслеживания состояния объекта, с другой стороны, мониторинг является частью системы управления, способствующей принятию эффективных и своевременных управленческих решений [7, 12, 13].

Мы предлагаем процесс мониторинга технологической модернизации представить следующим образом (рис. 1).

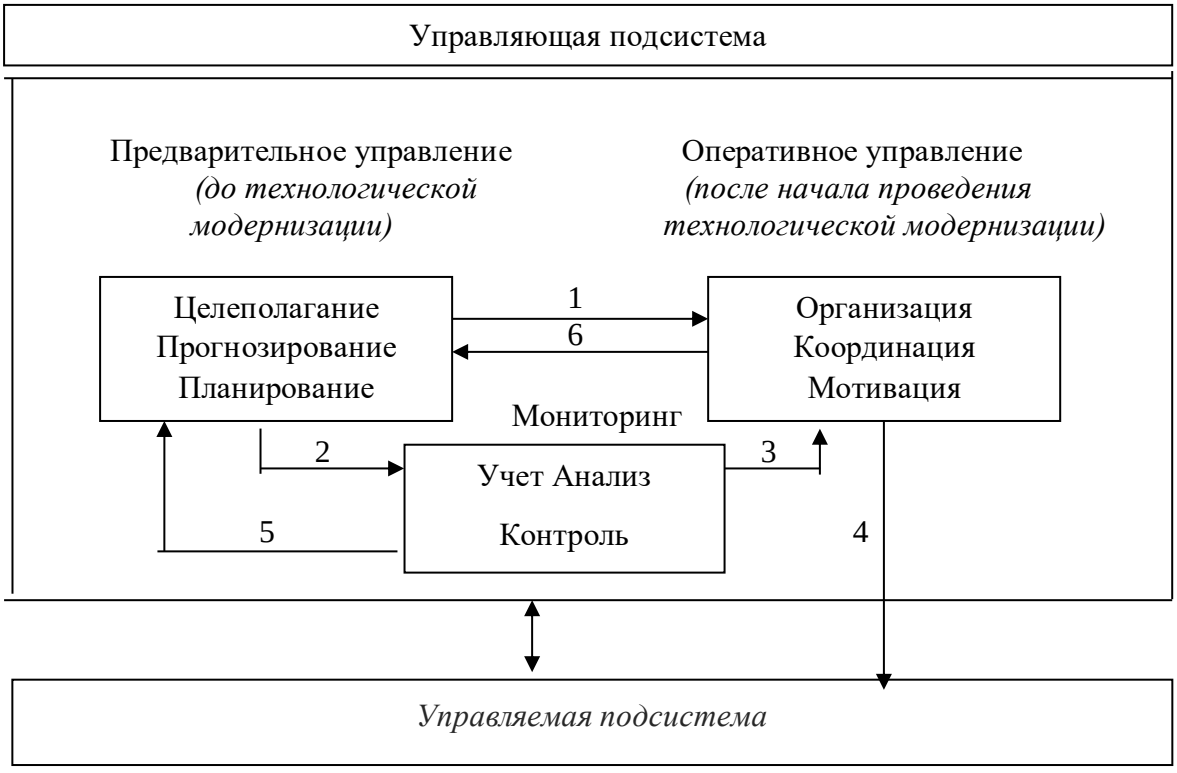


Рис.1. Взаимосвязь функций мониторинга технологической модернизации промышленных отраслей, комплексов, предприятий с другими функциями управления технологической модернизации

Источник: составлено автором

Где 1 – проектная документация по технологической модернизации, бизнес-планы по технологической модернизации, кадровое обеспечение технологической модернизации (штатное расписание, должностные инструкции и т.д.).

2 – нормативно-плановая информация по технологической модернизации;

3 – информация оперативного учета и сигналы об отклонениях от плана и нормативов;

4 – оперативные управленческие решения корректирующего характера по контрольным точкам;

5 – учетно-аналитическая информация, которая может являться базой для принятия тактических и стратегических решений;

6 – внесение изменений в процесс технологической модернизации промышленного предприятия по результатам ретроспективного анализа и контроля.

В процессе планирования и реализации эколого-технологической и технологической модернизации промышленных отраслей, предприятий заинтересованными сторонам необходима информация о финансовой возможности промышленных отраслей, предприятий проведения эколого-технологической и технологической модернизации. По нашему мнению, использование профессионального сервиса СПАРК [11] позволяет предложить инструмент, с помощью которого можно рассчитывать индикатор мониторинга финансовой возможности технологической (эколого-технологической) модернизации отрасли, который может быть встроен, например, на 5 этапе проведения мониторинга технологической (эколого-технологической) модернизации и который позволяет рассчитать коэффициент финансовой возможности проведения технологической (эколого-технологической) модернизации, как предприятием, так и отраслью. Нами были проанализированы данные уровня сводного индикатора риска, который формирует информационный ресурс СПАРК по состоянию на март 2026 года. Сводный индикатор риска позволяет провести совокупную оценку «финансового здоровья» промышленных предприятий на основе публично доступной информации о деятельности промышленного предприятия. Финансовое здоровье компании – ее способность сохранять баланс в условиях изменяющейся внешней среды, совокупность показателей, отражающих финансовый статус компании с точки зрения прибыльности, уровня финансирования, ликвидности, объема активов, капитализации и проч. [6]. Рассмотрим три основных состояния «финансового здоровья» промышленных предприятий, которые условно формирует информационный ресурс СПАРК:

– «финансово здоровое промышленное предприятие» – низкий уровень сводного индикатора риска («зеленая зона»);

– финансово приболевшее (с признаками недомогания) промышленное предприятие – средний уровень сводного индикатора риска («желтая зона»);

– финансово больное промышленное предприятие – высокий уровень сводного индикатора риска («красная зона»).

Нами было проведено исследование финансовой возможности промышленных предприятий к эколого-технологической модернизации и технологической модернизации, исходя из «финансового здоровья» на примере предприятий, которые были включены в перечень объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов [8] (табл. 1 и табл. 2).

Табл. 1

Финансовая возможность промышленных предприятий к эколого-технологической модернизации (фрагмент) [8]

Код отрасли по ОКВЭД	Наименование отрасли	Уровень сводного индикатора риска (СПАРК) / количество объектов			Итого объектов	Коэффициент финансовой возможности отрасли к эколого-технологической модернизации
		низкий	средний	высокий		
05	Добыча угля	7	8	12	27	0,26
06	Добыча нефти и природного газа	37	15	4	56	0,66
20	Производство химических веществ и химических продуктов	12	4	–	16	0,75

Для целей данного исследования под эколого-технологической модернизацией промышленных предприятий мы понимаем процесс перехода промышленных предприятий на технологии, которые соответствуют принципам наилучших доступных технологий, одним из результатов проведения эколого-технологической модернизации является повышение качества жизни населения [1].

Методологическое уточнение – финансовая возможность проводить эколого-технологическую модернизацию существует только у промышленных

предприятий, уровень сводного индикатора риска которых соответствует значению – «низкий» (приобрести оборудование, соответствующее принципам НДТ, промышленные предприятия могут только за счет собственных средств и привлечения кредитных денежных средств). Лизинговые компании отказывают в приобретении оборудования, которое соответствует принципам наилучших доступных технологий так как «оборудование по НДТ – высокоспецифичный актив, который не может выступать предметом залога в силу уникальности и полной рыночной неликвидности» [2].

Нами рассчитан коэффициент (индикатор), который показывает финансовую возможность отрасли к эколого-технологической модернизации (табл. 1). Данный коэффициент (индикатор) вычисляем как отношение объектов с уровнем сводного индикатора риска – «низкий» к объектам в отрасли. Наибольшая финансовая возможность к проведению эколого-технологической модернизации существует в отрасли «Производство химических веществ и химических продуктов» – 0,75 (т.е. 3 из 4 объектов имеет финансовую возможность к проведению эколого-технологической модернизации), а наименьшую отрасль «добыча угля» – 0,26 (т.е. 1 из 4 объектов имеет финансовую возможность к проведению эколого-технологической модернизации).

Одним из механизмов обеспечения устойчивого развития промышленности является реализация инвестиционной политики, которая направлена на формирование прогрессивных структурных сдвигов в промышленности, в том числе путем проведения технологической модернизации [4, 10].

Рассмотрим показатель финансовой возможности промышленных предприятий проводить технологическую модернизацию. Необходимо отметить, что такая возможность существует у промышленных предприятий, уровень сводного индикатора риска которых соответствует значениям – «низкий» или «средний» (возможно приобретение неспецифичных активов через лизинговые компании).

Нами был рассчитан коэффициент, который показывает финансовую возможность отрасли к технологической модернизации (табл. 2). Данный коэффициент вычисляем как отношение объектов с уровнем сводного индикатора риска – «низкий» и «средний» к объектам в отрасли. Наибольшая финансовая возможность к проведению технологической модернизации существует в отрасли «Производство химических веществ и химических продуктов» – 1 (т.е. 4 из 4

объектов имеет финансовую возможность к проведению технологической модернизации), а наименьшую отрасль «добыча угля» – 0,56 (т.е. 11 из 20 объектов имеет финансовую возможность к проведению эколого-технологической модернизации).

Табл. 2

Финансовая возможность промышленных предприятий к технологической модернизации (фрагмент) [8]

Код отрасли по ОКВЭД	Наименование отрасли	Уровень сводного индикатора риска (СПАРК) / количество объектов			Итого объектов	Коэффициент финансовой возможности отрасли к технологической модернизации
		низкий	средний	высокий		
05	Добыча угля	7	8	12	27	0, 56
06	Добыча нефти и природного газа	37	15	4	56	0, 93
20	Производство химических веществ и химических продуктов	12	4	–	16	1

Таким образом, в результате проведенного исследования предложено авторское определение понятия адаптационный механизм технологической модернизации, предложен механизм мониторинга технологической модернизации промышленности и авторский индикатор мониторинга технологической модернизации – коэффициент финансовой возможности отраслей промышленности к эколого-технологической и технологической модернизации. На основе рассчитанного индикатора финансовой возможности технологической модернизации сделаны выводы о финансовой возможности отраслей промышленности к технологической модернизации. Развитием данного исследования является формирование системы индикаторов мониторинга адаптивного механизма технологической модернизации в условиях перехода к устойчивому развитию на уровне предприятия, отрасли.

Список используемых источников

1. Довбий И.П., Кондратов М.В., Постников Е.А. Природоохранные инвестиции как фактор повышения качества жизни // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 3, № 1. С. 27–35.

2. Довбий И.П., Приданникова М.С. Эколого-экономическая безопасность старопромышленного региона / Инновационные методы решения актуальных проблем наук о человеке и обществе в условиях цифровой трансформации жизни: материалы Международной научно-исследовательской конференции / Отв. ред. Л.Р. Хаятова. Челябинск: ЧОУ ВО "Международный Институт Дизайна и Сервиса", 2021. 287 с. С. 209–215.

3. Ермакова Ж.А. Приоритеты и структура концепции технологической модернизации регионального промышленного комплекса // Вестник Оренбургского государственного университета. 2006. № 10-2. С. 265–271.

4. Мингалева Ж.А. Инвестирование прогрессивных структурных сдвигов в промышленности // Экономика региона. 2006. № 3. С. 66–82.

5. Ниазян В.Г. Теоретические подходы к определению устойчивого развития // Baikal Research Journal. 2015. №1. [Электронный ресурс]. URL: http://eizvestia.isea.ru/reader/article.aspx?id=19963 (дата обращения: 15.03.2026).

6. Никерясова В.В. Формирование концепции финансового здоровья компании в условиях глобализации // Финансовые рынки и банки. 2025. № 11. С. 271–276.

7. Оборин М.С., Кучин С.Д. Индикаторы мониторинга социо-эколого-экономического состояния предприятий нефтегазовой отрасли // Наука в интересах государственного и муниципального управления: Материалы научно-практической конференции (с международным участием), посвященной Дню российской науки. Часть III. Луганск: ИП Орехов Д.А., 2026. С. 308–317.

8. Об утверждении перечня объектов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду, относящихся к I категории, вклад которых в суммарные выбросы, сбросы загрязняющих веществ в Российской Федерации составляет не менее чем 60 процентов: приказ от 18 апреля 2018 года №154 (зарегистрирован в Минюсте России 29 июня 2018 года). // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_301627/ (дата обращения: 30.03.2026).

9. Проблемы экономической безопасности: от структурной адаптации к экономическому росту: коллект. монография / Южно-Уральск. гос. ун-т; [под ред. А.В. Карпушкиной]. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), 2024. – 399 с.

10. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М: ИНФРА-М, 2006. 495 с.

11. СПАРК: база данных /| Интерфакс. Москва. обновляется в течение суток. [Электронный ресурс] URL: https://spark-interfax.ru (дата обращения: 30.03.2026).

12. Танашева О.Г., Урванцева А.В. Совершенствование учетно-аналитического обеспечения мониторинга расчетов с дебиторами по товарным операциям. Челябинск: Образование, 2005. 57 с.

13. Урванцева А.В., Танашева О.Г. Мониторинг в системе управления расчетами с дебиторами // Экономический анализ: теория и практика. 2006. № 4. С. 29–32.

14. Шестакова Е.В. Типологизация экономических механизмов промышленного предприятия // Микроэкономика. 2014. № 2. С. 17–22.

МАЛЫЙ И СРЕДНИЙ БИЗНЕС В РОССИИ: МЕРЫ ГОСУДАСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ И ИХ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬ

Косилова М.В. – студент, Курский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Алексеенко А.И. – к.соц.н, доцент, Курский филиал ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

В статье анализируется система государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Рассматриваются финансовые, имущественные, налоговые, административные и консультационные инструменты стимулирования бизнеса.

Введение

Малый и средний бизнес (далее – МСБ) представляет собой фундаментальную составляющую рыночной экономики, выполняя функции, которые крупные корпоративные структуры не могут реализовать в полном объеме. Сектор МСБ обеспечивает диверсификацию производства, формирует конкурентную среду, способствует развитию инноваций, а главное – выступает ключевым источником создания рабочих мест и повышения занятости населения.

В Российской Федерации на протяжении последнего десятилетия государственная политика последовательно ориентирована на создание благоприятных условий для развития предпринимательской инициативы, что нашло отражение в реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Несмотря на принимаемые меры, ряд системных проблем сохраняется, что определяет актуальность исследования результативности существующих инструментов поддержки. Цель настоящей работы заключается в комплексном анализе мер государственной поддержки субъектов МСБ в России и оценке их эффективности на основе статистических данных и конкретных кейсов реализации программ.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает сектор малого и среднего предпринимательства Российской Федерации, рассматриваемый в контексте государственного регулирования поддержки. Предметом исследования являются меры государственной поддержки – это финансовые, имущественные, налоговые, административные, информационно-консультационные, и их результативность, измеряемая количественными и качественными показателями.

В работе использованы общенаучные методы исследования: анализ и синтез, системный подход, методы статистического анализа данных. Эмпирическую базу исследования составили официальные данные Федеральной службы государственной статистики (Росстат), Федеральной налоговой службы (ФНС России), отчет Корпорации «МСП», а также материалы Министерства экономического развития Российской Федерации за период 2019–2025 гг. Применение статистического метода позволило оценить динамику количества субъектов МСБ, доли сектора в валовом внутреннем продукте (далее – ВВП), уровня занятости и экспортной активности. Кейс-метод использован для анализа результативности программы льготного кредитования в 2022–2023 гг. на основе данных об объеме финансирования, количестве поддержанных проектов и созданных рабочих местах.

Экспериментальная часть

В рамках экспериментальной части исследования проведен анализ мер государственной поддержки МСБ, действующих в Российской Федерации в период 2020–2025 гг., а также оценка их результативности на основе статистических данных. Система государственной поддержки малого и среднего

предпринимательства в Российской Федерации имеет многоуровневый характер и включает несколько ключевых направлений.

Финансовые меры составляют основу системы поддержки. К их числу относятся программы льготного кредитования, реализуемые через Корпорацию МСБ и Банк России. В рамках этих программ субъекты МСБ получают доступ к заемным средствам по ставкам, существенно ниже рыночных. Дополнительным инструментом выступают гранты для молодых предпринимателей в возрасте до 25 лет, предоставляемые на конкурсной основе, а также субсидии на возмещение части затрат, связанных с приобретением оборудования по договорам лизинга, уплатой процентов по кредитам и участием в выставочно-ярмарочных мероприятиях. По данным Корпорации МСП, за период 2020–2024 гг. объем финансовой поддержки, предоставленной субъектам МСБ, превысил 2 трлн рублей, что позволило профинансировать более 150 тыс. инвестиционных проектов [4].

Имущественная поддержка направлена на обеспечение предпринимателей доступными производственными и офисными площадями. Механизм реализации предусматривает предоставление в аренду государственного и муниципального имущества на льготных условиях, включая возможность последующего выкупа. Важным элементом инфраструктуры выступают бизнес-инкубаторы и технопарки, которые предоставляют не только помещения, но сопутствующие услуги: бухгалтерское сопровождение и юридические консультации. До начала 2025 года в России функционировало более 400 объектов инфраструктуры поддержки МСБ, что обеспечило размещение свыше 20 тыс. субъектов предпринимательства [2].

Информационно-консультационная поддержка реализуется через сеть центров «Мой бизнес», созданных во всех субъектах Российской Федерации в рамках национального проекта. Эти центры выполняют функцию «единого окна», предоставляя предпринимателям комплексные услуги: консультации по вопросам открытия и ведения бизнеса, обучение основам предпринимательской деятельности, помощь в подготовке документов для получения государственной поддержки, содействие в выходе на внешние рынки. Дополнительным каналом коммуникации выступают цифровая платформа МСП.РФ, которая аккумулирует информацию обо всех доступных мерах поддержки, позволяет подать заявку в электронном виде и получить онлайн-консультацию [6].

Налоговые льготы традиционно рассматриваются как эффективный инструмент стимулирования предпринимательской активности. В Российской Федерации для субъектов МСБ предусмотрены специальные налоговые режимы: упрощенная система налогообложения (УСН), патентная система налогообложения (ПСН), система налогообложения для сельскохозяйственных товаропроизводителей. Кроме того, для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей в ряде регионов установлены налоговые каникулы, освобождающие от уплаты налогов в течение первых 2 лет деятельности. По данным ФНС России, количество налогоплательщиков, применяющих специальные налоговые режимы, на конец за 2024 г. составило 4,8 млн, что на 12 % превышает показатель 2022 г. [1].

Административные меры направлены на снижение регуляторной нагрузки. С 2020 г. действует мораторий на проведение плановых проверок в отношении субъектов МСБ, который неоднократно продлевался и в настоящее время сохраняет свое действие. Значительно упрощены процедуры регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – срок регистрации сокращен до 3 рабочих дней, а количество требуемых документов минимизировано. Внедрение принципа «одного окна» при взаимодействии с контролирующими органами позволило снизить административные издержки бизнеса.

В качестве конкретного объекта для углубленного анализа результативности выбрана программа льготного кредитования, реализованная в 2022–2023 гг. Программа была запущена в условиях высокой волатильности финансового рынка и роста ключевой ставки. В ее рамках субъектам МСБ из приоритетных отраслей (обрабатывающая промышленность, сельское хозяйство, IT-сектор, туризм) предоставлялись кредиты по ставке 13 % годовых, в то время как среднерыночные ставки в указанный период достигали 18–22 %. Общий лимит финансирования программы составил 500 млрд рублей [4].

Результаты и их обсуждение

Оценка результативности реализуемых мер проводилась на основе анализа количественных показателей развития сектора МСБ. По данным Росстата, доля МСБ в ВВП России сохраняет относительную стабильность и в период 2019–2024 гг. находились в диапазоне 20,3–21,2 %. При этом наблюдался устойчивый рост количества субъектов МСБ: если в 2020 году их насчитывалось 5,7 млн, то по

состоянию на 2024 г. этот показатель достиг 6,4 млн единиц. Динамика преимущественно обеспечена увеличением числа индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан, что свидетельствует о высокой предпринимательской активности населения.

Ключевым показателем, отражающим качественные изменения в секторе, выступает выживаемость вновь созданных предприятий. По оценкам Министерства экономического развития Российской Федерации, доля субъектов МСБ, продолжающих деятельность по истечении 3 лет с момента регистрации, увеличилась с 30 % в 2018 году до 42 % в 2024 г. Данная динамика прямо коррелирует с внедрением программ сопровождения начинающих предпринимателей и расширением доступа к финансовым ресурсам на начальном этапе деятельности.

В сфере занятости сектор МСБ демонстрирует устойчивые позиции. Общая численность занятых на предприятиях малого и среднего бизнеса, включая индивидуальных предпринимателей и самозанятых, по итогам 2024 г. составила 26,5 млн человек, что эквивалентно 37 % от общего числа занятых в экономике. Рост данного показателя по сравнению с 2020 г. составил 8 %, что обусловлено как созданием новых рабочих мест в рамках инвестиционных проектов, поддержанных государством, так и переходом значительной части самозанятых в более формализованные формы предпринимательства.

Экспортная активность субъектов МСБ также демонстрируют позитивную динамику. В 2023–2024 гг. объем несырьевого неэнергетического экспорта, осуществляемого субъектами МСБ, вырос на 18 % по сравнению с периодом 2020–2021 гг. Данный рост стал результатом системной работы Российского экспортного центра (РЭЦ) и центров поддержки экспорта, созданных в регионах. Субъектам МСБ предоставляются услуги по поиску иностранных партнеров, сопровождению внешнеторговых контрактов, субсидированию затрат на транспортировку и сертификацию продукции.

Анализ результатов программы льготного кредитования 2022–2023 гг. свидетельствуют о ее высокой эффективности. По итогам реализации программы было профинансировано 12,4 тыс. инвестиционных проектов, создано 47,5 тыс. новых рабочих мест. Участники программы продемонстрировали средней прирост выручки на уровне 22 % в течение 2 лет после получения кредита, что существенно превышает средние показатели по сектору. Данный кейс подтверждает, что

адресное снижение стоимости заемного капитала выступает наиболее эффективным инструментом стимулирования инвестиционной активности субъектов МСБ.

Вместе с тем анализ позволяет выявить ряд проблем, снижающих результативность системы поддержки. Во-первых, наблюдается значительная неравномерность распределения мер поддержки по территории страны. По данным Счетной палаты Российской Федерации, на 10 регионов-лидеров приходится более 60% общего объема финансовой поддержки, предоставляемой субъектам МСБ. Во-вторых, сохраняются сложности доступа к льготному кредитованию для стартапов и микропредприятий, поскольку банки предъявляют высокие требования к залоговому обеспечению и продолжительности деятельности заемщика. В-третьих, уровень информированности предпринимателей о доступных мерах поддержки остается недостаточным: согласно опросам, проведенным Корпорацией МСП в 2024 г., только 45 % предпринимателей имеют полное представление о мерах поддержки, которые могут быть применены к их бизнесу.

Перспективы развития системы поддержки МСБ связаны с необходимостью решения обозначенных проблем. Расширение доступа к финансированию может быть обеспечено за счет дальнейшего развития цифровых платформ, позволяющих автоматизировать процесс оценки кредитоспособности и снизить транзакционные издержки. Усиление адресности поддержки предполагает концентрацию ресурсов на инновационных и экспортно ориентированных компаниях, а также на предприятиях, реализующих проекты в сфере импортозамещения. Важным направлением выступает упрощение отчетности для получателей субсидий – переход от подтверждения фактически понесенных затрат к системе ключевых показателей эффективности. Кроме того, требуется дальнейшее развитие региональных программ поддержки, учитывающих специфику отраслевой структуры и уровень социально-экономического развития конкретных субъектов Федерации.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что система государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации представляет собой комплекс взаимосвязанных инструментов, охватывающих финансовые, имущественные, налоговые, административные и консультационные аспекты деятельности хозяйствующих субъектов МСБ.

Реализуемые меры способствуют устойчивому росту количества организаций малого и среднего бизнеса, повышению выживаемости вновь созданных предприятий, увеличению занятости в секторе и росту экспортной активности. Показательным примером высокой результативности является программа льготного кредитования в 2022–2023 гг., подтвердившая эффективность адресного снижения стоимости заемного капитала. Вместе с тем сохраняются проблемы неравномерного распределения поддержки по регионам, сложности доступа к льготному финансированию для стартапов и недостаточная информированность предпринимателей. Достижение целевого показателя, предусматривающего увеличение доли МСБ в валовом внутреннем продукте до 30 % к 2030 г., требует дальнейшего совершенствования инструментов поддержки, включая расширение доступа к финансированию через цифровые платформы, усиление адресности мер и развитие региональных программ с учетом местной специфики.

Список используемых источников

1. Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства // Федеральная налоговая служба. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://rmsp.nalog.ru (дата обращения: 10.03.2026).

2. Итоги реализации национального проекта «Малое и среднее предпринимательство» // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru (дата обращения: 12.03.2026).

3. Малое и среднее предпринимательство в России. 2024: статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики. М: Росстат, 2024. – 89 с.

4. Отчет о деятельности Корпорации «МСП» за 2024 год // Корпорация «МСП». 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://corpmsp.ru (дата обращения: 14.03.2026).

5. Петрова Е.В., Соколов Д.А. Государственная поддержка малого предпринимательства в условиях экономической нестабильности // Экономика и управление. 2024. № 3. С. 67–74.

6. Счетная палата Российской Федерации. Анализ эффективности мер государственной поддержки малого и среднего предпринимательства. // Бюллетень № 12. 2025. 56 с.

ОЦЕНКА БЮДЖЕТНЫХ РИСКОВ КАК ФАКТОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИГРАНИЧНОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОГО ОКРУГА «ГОРОД БРЯНСК»)

Кучеренко А.В. – аспирант, ФГБОУ ВО «Брянский государственный инженерно-технологический университет»

Научный руководитель: Сергутина Т.Э. – к.т.н, доцент, ФГБОУ ВО «Брянский государственный инженерно-технологический университет»

Аннотация

В статье на основе официальных данных об исполнении бюджета приграничного муниципального образования – города Брянска за 9 месяцев 2024 г. в сравнении с аналогичным периодом 2025 г. выявлены ключевые бюджетные риски. Установлена устойчиво высокая зависимость от межбюджетных трансфертов, концентрация налоговой базы на налоге на доход физических лиц и кассовые разрывы, создающие угрозы своевременного финансирования социальных обязательств. Предложены направления минимизации рисков с учетом специфики приграничного положения.

Введение

Экономическая безопасность приграничных муниципальных образований Российской Федерации требует особого внимания в связи со складывающейся геополитической обстановкой, повышенной уязвимостью к внешним воздействиям и необходимостью обеспечения устойчивого функционирования социально-экономической инфраструктуры. Городской округ «город Брянск», как административный центр Брянской области, граничащей с Украиной и Белоруссией, испытывает воздействие комплекса факторов, усиливающих значимость бюджетной устойчивости для обеспечения экономической безопасности территории.

Важнейшим механизмом поддержания социальной стабильности муниципального образования, расположенного в приграничной зоне, является его бюджетная система, непосредственно влияющая на обеспечение безопасности жизнедеятельности граждан и формирование благоприятных условий для развития местной экономики, что критически важно в условиях геополитической нестабильности. В связи с этим идентификация бюджетных рисков, их своевременная и эффективная минимизация приобретают приоритетное значение.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступает бюджетная система рассматриваемого муниципального образования в контексте обеспечения экономической безопасности приграничной территории.

Предмет исследования: бюджетные риски как угроза экономической безопасности г. Брянска, приграничного областного центра, и механизмы их минимизации.

Методологическую основу исследования составили методы статистического, структурного и сравнительного анализа имеющихся данных, системный подход к оценке полученных результатов и выводов.

Информационная база исследования сформирована на основе официальных данных об исполнении бюджета города Брянска за 9 месяцев 2024 г. (утверждены постановлением Брянской городской администрации № 4348-п от 30.10.2024) в сравнении с аналогичным периодом 2025 г. (утверждены постановлением Брянской городской администрации № 3852-п от 22.10.2025) [1, 2].

Использование данных именно за указанные периоды обусловлено их наибольшей актуальностью на момент проведения исследования, что, прежде всего, связано с тем, что отчет за исполнение бюджета, анализируемого г. Брянска, утверждается в первом квартале 2026 г. Кроме этого, сопоставление данных за аналогичные периоды позволяет элиминировать сезонный фактор, характерный для бюджетного процесса.

Выбранные два периода являются достаточными для выявления устойчивых структурных характеристик бюджета, поскольку ключевые показатели (доля безвозмездных поступлений, доля НДФЛ в собственных доходах) демонстрируют стабильность, что подтверждает системный характер выявленных рисков.

Экспериментальная часть

За 9 месяцев 2025 г. общий объем доходов бюджета города Брянска составил 12 705,2 млн руб., что на 2,8 % ниже показателя за аналогичный период 2024 г. (13 070,0 млн руб.). При этом:

1. Налоговые и неналоговые доходы за 9 месяцев 2025 г. составили 3 360,2 млн руб., увеличившись на 16,1 % по сравнению с 9 месяцами 2024 г. (2 894,4 млн руб.).

2. Безвозмездные поступления за 9 месяцев 2025 г. составили 9 345,0 млн руб., снизившись на 8,2 % по сравнению с 9 месяцами 2024 г. (10 175,6 млн руб.) [1, 2].

Снижение безвозмездных поступлений на 8,2 % при одновременном росте собственных доходов на 16,1 % свидетельствует о позитивной тенденции к снижению зависимости от межбюджетных трансфертов.

Вместе с тем в структуре доходов бюджета города Брянска остается устойчиво высокая доля безвозмездных поступлений, составляющих 73,6 % от общего объема доходов за 9 месяцев 2025 г. (9 345,0 млн руб. из 12 705,2 млн руб., за 9 месяцев 2024 г. – 77,9 % (10 175,6 млн руб. из 13 070,0 млн руб.) [1, 2].

Абсолютное доминирование трансфертов в структуре доходов муниципального образования, зависимость от безвозмездных поступлений наряду с его приграничным статусом, создает дополнительные экономические риски, его критическую уязвимость.

Так, любые изменения в бюджетной политике на региональном или федеральном уровне могут привести к дестабилизации финансового положения города. Высокая доля целевых трансфертов ограничивает самостоятельность органов местного самоуправления в распределении средств оперативном реагировании на возникающие угрозы. Приграничное расположение муниципалитета обуславливает повышенную необходимость в гибком распоряжении бюджетными ресурсами (финансовую манёвренность муниципального образования), в том числе для экстренного финансирования мероприятий, направленных на обеспечение безопасности. Что, с учетом описанной бюджетной зависимости, становится невозможным.

Анализ структуры собственных доходов бюджета выявляет высокую концентрацию налоговой базы на налоге на доходы физических лиц. За 9 месяцев 2025 г. НДФЛ составил 2 106,7 млн руб., что соответствует 62,7 % от общего объема налоговых и неналоговых доходов (3 360,2 млн руб.). Для сравнения: за 9 месяцев 2024 года НДФЛ составлял 1 863,8 млн руб., а его доля в собственных доходах – 64,4 % [1, 2].

Для приграничного муниципального образования такая концентрация создает специфические угрозы. Ситуация на рынке труда приграничного города может быть подвержена влиянию геополитических факторов, включая отток населения, изменение структуры занятости, сокращение числа рабочих мест.

Любое ухудшение ситуации на рынке труда немедленно отразится на поступлениях НДФЛ, составляющих более половины всех собственных доходов бюджета.

Анализ поквартального исполнения бюджета в 2025 г. позволяет выявить еще один значимый риск – наличие кассовых разрывов (расходы бюджета превышают доходы в отдельные периоды), что требует привлечения заемных средств или использования остатков на счетах для покрытия дефицита.

По данным ежеквартальных отчетов:

– дефицит бюджета в первом квартале 2025 г. составил 144,7 млн руб.;

– к первому полугодию 2025 г. дефицит достиг пикового значения 244,9 млн руб.;

– к девяти месяцам 2025 г. дефицит сократился до 182,2 млн руб. [2, 3; 4].

Для приграничного муниципального образования кассовые разрывы создают особую угрозу. Они могут привести к задержкам финансирования критически важных расходов, включая выплату заработной платы работникам бюджетной сферы, социальную поддержку населения и мероприятия по обеспечению безопасности. В условиях приграничного положения возможность оперативного привлечения заемных средств может быть ограничена.

По данным промежуточной отчетности, структура муниципального долга города Брянска за 2025 г. претерпела существенные изменения, отражающие реализацию консервативной долговой политики.

На 1 января 2025 г. структура муниципального долга характеризовалась следующими показателями [6]:

– кредиты коммерческих банков: 1 503,1 млн руб.;

– бюджетные кредиты:1 293,0 млн руб.

В течение 2025 г. были осуществлены следующие операции с долговыми обязательствами [6]:

– привлечение кредитов коммерческих банков: 1 934,1 млн руб.;

– погашение кредитов коммерческих банков: 1 503,1 млн руб.;

– привлечение бюджетных кредитов: 650,0 млн руб.;

– погашение бюджетных кредитов: 1 081,0 млн руб.

По состоянию на 1 января 2026 г. структура муниципального долга сложилась следующим образом [6]:

– кредиты коммерческих банков:1 934,1 млн руб.;

– бюджетные кредиты: 862,0 млн руб.

Просроченная кредиторская задолженность бюджета города Брянска на 01.01.2026 отсутствует [6].

Таким образом, в 2025 г. наблюдалось увеличение объема кредитов коммерческих банков (с 1 503,1 млн руб. до 1 934,1 млн руб.) при одновременном сокращении бюджетных кредитов (с 1 293,0 млн руб. до 862,0 млн руб.). Данная динамика свидетельствует об изменении структуры долга в сторону увеличения доли рыночных заимствований, что требует повышенного внимания к расходам на обслуживание долга и процентным рискам.

Результаты и их обсуждение.

На основе проведенного анализа может быть предложена следующая классификация бюджетных рисков, имеющих особое значение для экономической безопасности приграничного города Брянска:

1. Риск финансовой автономии. Высокая зависимость от межбюджетных трансфертов (73,6 % доходов за 9 месяцев 2025 г.) снижает способность муниципалитета самостоятельно реагировать на вызовы, связанные с приграничным положением, и оперативно перераспределять ресурсы в случае возникновения угроз. Позитивной тенденцией является снижение этого показателя с 77,9 % в 2024 г. до 73,6 % в 2025 г.

2. Риск налоговой уязвимости. Концентрация собственных доходов на НДФЛ (62,7 % за 9 месяцев 2025 г.) создает зависимость бюджета от стабильности рынка труда, который в приграничном городе может быть подвержен демографическим и экономическим колебаниям.

3. Риск ликвидности. Наличие кассовых разрывов (пик дефицита 244,9 млн руб. в первом полугодии 2025 г.) создает угрозы своевременного финансирования критически важных расходов, включая мероприятия, направленные на обеспечение безопасности.

4. Риск долговой устойчивости. Увеличение объема долговых обязательств перед кредитными организациями в 2025 г. (с 1 503,1 млн руб. до 1 934,1 млн руб.) при одновременном сокращении бюджетного кредитования (с 1 293,0 млн руб. до 862,0 млн руб.) свидетельствует о росте доли рыночных заимствований. Это повышает зависимость муниципалитета от конъюнктуры финансовых рынков и увеличивает расходы на обслуживание долга.

Направления минимизации бюджетных рисков:

1. Диверсификация источников собственных доходов. Для снижения концентрации налоговой базы на НДФЛ необходимо активизировать работу по вовлечению в хозяйственный оборот неиспользуемого муниципального имущества (доходы от его использования за 9 месяцев 2025 г. составили 192,3 млн руб., или 5,7 % собственных доходов), развивать систему платных услуг муниципальных учреждений (329,9 млн руб., или 9,8 % собственных доходов), создавать условия для развития малого и среднего предпринимательства (налоги на совокупный доход составили 141,3 млн руб., или 4,2 % собственных доходов) [2].

2. Повышение точности бюджетного планирования. Для минимизации кассовых разрывов требуется совершенствование методики прогнозирования поступлений межбюджетных трансфертов, создание резервных фондов для покрытия временных кассовых разрывов, синхронизация графиков перечисления трансфертов с региональным бюджетом.

3. Развитие механизмов финансовой самостоятельности. Для снижения зависимости от межбюджетных трансфертов необходимо реализовывать инвестиционные проекты, направленные на расширение налогооблагаемой базы, с приоритетом для отраслей, устойчивых к внешним воздействиям.

4. Совершенствование управления долговыми обязательствами. Учитывая увеличение доли коммерческих кредитов в структуре муниципального долга, целесообразно:

– оценить эффективность привлечения рыночных заимствований по сравнению с бюджетными кредитами;

– проанализировать процентные ставки по привлеченным кредитам и их влияние на бюджет;

– рассмотреть возможность замещения коммерческих кредитов бюджетными в рамках программ поддержки муниципальных образований.

5. Создание специализированной системы мониторинга бюджетных рисков для приграничных муниципальных образований. Учитывая специфику приграничного положения, рекомендуется дополнить систему индикаторов экономической безопасности показателями, отражающими устойчивость бюджетной системы к внешним воздействиям.

Заключение

Проведенное исследование бюджетных рисков городского округа «город Брянск» как приграничного муниципального образования позволяет сформулировать следующие выводы:

1. Установлена устойчиво высокая зависимость бюджета от межбюджетных трансфертов. Доля безвозмездных поступлений составляет 73,6 % в структуре доходов за 9 месяцев 2025 г. В условиях геополитической напряженности такая зависимость создает фундаментальную угрозу экономической безопасности.

2. Выявлена устойчивая концентрация налоговой базы на налоге на доходы физических лиц. Доля НДФЛ в собственных доходах составляет 62,7 % за 9 месяцев 2025 г. Для приграничного города данный риск требует особого внимания.

3. Определены кассовые разрывы как значимый риск. Пик дефицита бюджета в первом полугодии 2025 г. достиг 244,9 млн рублей, что создает угрозы своевременного финансирования критически важных расходов.

4. Установлены изменения в структуре муниципального долга. За 2025 г. объем кредитов коммерческих банков увеличился с 1 503,1 млн руб. до 1 934,1 млн руб., а бюджетных кредитов сократился с 1 293,0 млн руб. до 862,0 млн руб. [6]. Это требует усиления контроля за расходами на обслуживание долга и процентными рисками.

Для минимизации выявленных рисков предложены направления, учитывающие специфику приграничного положения: диверсификация источников собственных доходов, повышение точности бюджетного планирования, развитие механизмов финансовой самостоятельности, совершенствование управления долговыми обязательствами.

Список используемых источников

1. Об утверждении отчёта об исполнении бюджета городского округа город Брянск за 9 месяцев 2024 года: Постановление Брянской городской администрации от 30.10.2024 № 4348-п / Брянская городская администрация. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCv7v (дата обращения: 25.03.2026).

2. Об утверждении отчёта об исполнении бюджета городского округа город Брянск за девять месяцев 2025 года: Постановление Брянской городской

администрации от 22.10.2025 № 4144-п / Брянская городская администрация. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCv9r (дата обращения: 25.03.2026).

3. Об утверждении отчёта об исполнении бюджета городского округа город Брянск за первое полугодие 2025 года: Постановление Брянской городской администрации от 15.08.2025 № 3085-п / Брянская городская администрация. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCvC7 (дата обращения: 25.03.2026).

4. Об утверждении отчёта об исполнении бюджета городского округа город Брянск за первый квартал 2025 года: Постановление Брянской городской администрации от 22.05.2025 № 2123-п / Брянская городская администрация. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCvDo (дата обращения: 25.03.2026).

5. Промежуточная отчётность об исполнении бюджета за 2025 год / Брянская городская администрация. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCvFj (дата обращения: 25.03.2026).

6. Структура муниципального долга бюджета города Брянска на 01.01.2026 / Брянская городская администрация. [Электронный ресурс]. URL: https://bga32.ru/finansy-goroda/ispolnenie-byudzheta/promezhutochnaya-otchyotnost-2025/ (дата обращения: 25.03.2026).

ПРОБЛЕМЫ ИННОВАЦИОННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Литовкин Р.И. – студент, Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: Горелова Н.С. – к.э.н., доцент, Костанайский филиал ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Аннотация

В статье рассматривается современное состояние инновационного развития экономики Российской Федерации в условиях структурной трансформации и необходимости технологической модернизации. Проанализированы тенденции развития высокотехнологичных отраслей и уровень финансирования научно-исследовательской деятельности. Выявлены слабые аспекты инновационного развития. Предложены основные направления решения проблем инновационной модернизации экономики.

Введение

Инновационное развитие в современных условиях выступает важным

фактором устойчивого экономического роста и повышения экономической безопасности. В условиях структурной трансформации мирового хозяйства, ускорения технологического прогресса и усиления геоэкономической конкуренции, возрастает значение формирования эффективной инновационной модели развития, способной обеспечить технологическую независимость, повышение производительности труда и модернизацию ключевых отраслей промышленности. Для Российской Федерации данная задача приобретает особую актуальность в связи с необходимостью адаптации экономики к новым внешним условиям, ускорения внедрения передовых технологий и повышения роли наукоемких производств в структуре экономики.

Актуальность исследования определяется тем, что инновационная составляющая экономического развития Российской Федерации приобрела стратегическое значение, отражаясь в росте отдельных высокотехнологичных отраслей и постепенном расширении технологического потенциала промышленности. Вместе с тем сохраняются структурные ограничения, связанные с недостаточным уровнем финансирования научных исследований и разработок, низкой инновационной активностью предприятий, особенно в секторе малого и среднего предпринимательства, а также недостаточной интеграцией научных достижений в производство.

Объекты и методы. В рамках данного исследования объектом выступает экономика Российской Федерации как сложная многоуровневая социально-экономическая система, функционирующая в условиях структурной трансформации и необходимости повышения технологической конкурентоспособности.

Предметом исследования является инновационное развитие экономики Российской Федерации, отражающее процессы внедрения новых технологий, расширения высокотехнологичных производств, роста инновационной активности предприятий и формирования механизмов взаимодействия науки, бизнеса и государства. Особое внимание уделяется отраслевой дифференциации инновационных процессов, уровню финансирования научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ, участию малого и среднего предпринимательства в инновационной деятельности, а также влиянию инновационных факторов на макроэкономическую динамику и повышение эффективности национальной экономики.

Методологическую основу исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов анализа. В работе применялся системный подход, позволивший рассмотреть инновационное развитие как комплекс взаимосвязанных экономических процессов, охватывающих различные отрасли и уровни управления. Использование статистического метода обеспечило анализ динамики валового внутреннего продукта, показателей отраслевого роста, доли инновационной продукции и уровня инновационной активности предприятий. Сравнительный анализ позволил сопоставить показатели инновационного развития Российской Федерации с аналогичными параметрами технологически развитых стран, что дало возможность выявить существующие диспропорции и ограничения. Также применялись методы структурно-динамического и экономического анализа, направленные на выявление тенденций технологической модернизации отдельных отраслей и оценку роли инновационных факторов в формировании экономического роста. Обобщение полученных результатов использовалось для формулирования выводов и предложений по совершенствованию инновационной политики.

Информационную основу исследования составили официальные статистические материалы государственных органов Российской Федерации, аналитические отчёты институтов развития и организаций поддержки малого и среднего предпринимательства, данные о динамике отраслевого производства и инновационной активности предприятий. Дополнительно использовались учебные пособия для высших учебных заведений, посвящённые вопросам инновационной модернизации экономики, государственным механизмам стимулирования инноваций и развитию высокотехнологичных отраслей, что позволило обеспечить комплексный характер анализа и обоснованность полученных выводов.

Экспериментальная часть. Инновационное развитие выступает одним из ключевых факторов устойчивого экономического роста Российской Федерации и повышения её конкурентоспособности на мировом рынке. В 2024–2025 годах инновационная составляющая экономики приобрела особую значимость в условиях структурной трансформации и необходимости технологической модернизации производства. По итогам 2024 года объём валового внутреннего продукта Российской Федерации составил 201 трлн рублей, а темп экономического роста достиг 4,3 %, что во многом было обусловлено расширением высокотехнологичных отраслей и увеличением выпуска продукции обрабатывающей промышленности. В 2025 году динамика экономического роста

несколько замедлилась: номинальный объём ВВП составил 213,5 трлн рублей, индекс физического объёма по отношению к предыдущему году равнялся 101 %, что свидетельствует о сохранении положительной, но более умеренной тенденции развития экономики.

Важной особенностью рассматриваемого периода стало ускоренное развитие отдельных высокотехнологичных производств. В 2025 году производство транспортных средств увеличилось на 32,0 %, выпуск лекарственных средств вырос на 15,4 %, а производство компьютеров, электронных и оптических изделий – на 11,7 %. Эти показатели отражают постепенное усиление инновационной составляющей промышленного роста и повышение роли технологичных отраслей в формировании валовой добавленной стоимости. Одновременно наблюдается увеличение добавленной стоимости в обрабатывающих производствах: в первом квартале 2025 года данный показатель вырос на 4,5 %, при этом выпуск электронных и оптических изделий увеличился на 12,7 %.

Несмотря на положительную динамику отдельных отраслей, уровень финансирования инновационной деятельности остаётся ограниченным. Доля расходов на научные исследования и разработки в экономике Российской Федерации в 2024–2025 годах сохраняется на уровне 1,0–1,1 % валового внутреннего продукта, что существенно ниже показателей технологически развитых стран, таких как США, Китайская Народная Республика, Япония и т.д., где аналогичный показатель превышает 3 % ВВП. Недостаточный объём инвестиций в научно-исследовательскую деятельность сдерживает масштабное внедрение инноваций и замедляет процесс технологического обновления промышленности. В результате значительная часть научных разработок не достигает стадии коммерческого внедрения, а инновационная активность предприятий остаётся недостаточной для формирования устойчивой инновационной модели развития [5].

Наряду с ростом отдельных высокотехнологичных производств инновационное развитие в 2024–2025 годах затронуло и другие отрасли экономики, однако динамика их технологического обновления остаётся менее выраженной. В обрабатывающей промышленности в целом наблюдается умеренный рост, при этом выпуск химической продукции увеличился на 3,8 %, производство резиновых и пластмассовых изделий – на 2,6 %, металлургическое производство – на 1,9 %. В сельском хозяйстве темпы внедрения инновационных технологий остаются

ограниченными. Применение систем точного земледелия и автоматизации производственных процессов расширяется, однако общий прирост производительности отрасли не превышает 2–3 % в год. В строительстве внедрение цифровых технологий и информационного моделирования объектов развивается, но доля компаний, использующих такие решения, остаётся относительно невысокой, что сдерживает повышение эффективности отрасли [5].

Особое значение для оценки инновационного развития имеет участие малого и среднего предпринимательства. По данным Корпорации Малого и среднего предпринимательства (МСП) Российской Федерации доля малого и среднего бизнеса в валовом внутреннем продукте России в 2024 году составила 21,7 %, при этом уровень инновационной активности субъектов МСП значительно уступает крупным предприятиям. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики технологические инновации в 2024 году осуществляли 9,4 % малых предприятий и 13,8 % средних организаций, тогда как среди крупных компаний этот показатель превышал 24 %. Это свидетельствует о недостаточном вовлечении малого и среднего бизнеса в инновационные процессы [5].

Дополнительным показателем выступает доля инновационной продукции в секторе среднего и малого бизнеса. В 2024 году она составила 5,6 % общего объёма отгруженной продукции субъектов малого предпринимательства и 7,9 % у средних предприятий, что значительно ниже уровня крупных промышленных компаний. Ограниченные финансовые ресурсы, сложности доступа к долгосрочному кредитованию и недостаток собственных научно-исследовательских подразделений снижают способность МСП к внедрению технологических новшеств.

Результаты и их обсуждение. Анализ инновационной модернизации экономики Российской Федерации, позволил выделить институциональные, экономические и социальные проблемы (табл.1).

Табл. 1

Основные экономические и социальные проблемы Российской Федерации по инновационному развитию [1]

Проблемы инновационного развития Российской Федерации	Методы решения проблемы	Эффект при реализации
Низкий уровень инвестиций в научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы	Увеличение государственного и частного финансирования науки; налоговые льготы для компаний, инвестирующих в НИОКР	Повышение технологического уровня экономики; развитие высокотехнологичных отраслей
Высокие административные барьеры и правовая неопределённость	Снижение бюрократических требований; принятие законов, поддерживающих инновационную деятельность	Повышение привлекательности России для инвесторов; ускорение запуска новых проектов
Кадровый дефицит и утечка молодых специалистов	Повышение престижа научной карьеры, увеличение стипендий и грантов	Укрепление научного потенциала страны; обновление и омоложение кадрового состава
Сырьевая направленность экономики	Диверсификация экономики, поддержка несырьевых секторов	Снижение зависимости от сырьевого экспорта; устойчивый экономический рост
Региональная неравномерность инновационного развития	Развитие региональных центров инноваций, равномерное распределение поддержки и инвестиций	Сбалансированное развитие регионов; повышение инновационной активности в субъектах РФ

Отраслевая структура инновационного роста показывает, что наиболее высокие темпы развития в производстве транспортных средств, лекарственных препаратов и компьютерной техники обусловлены текущими потребностями государства в обеспечении технологической независимости и модернизации критически важных отраслей. В связи с этим дополнительной проблемой является недостаточная интеграция науки и промышленности. Несмотря на рост патентной активности и увеличение числа разработок, взаимодействие научных организаций и производственных предприятий остаётся ограниченным. Многие исследования выполняются без последующего внедрения, что снижает отдачу от инвестиций в научную сферу. Отсутствие эффективных механизмов трансфера технологий и недостаточное развитие инновационной инфраструктуры препятствуют формированию устойчивых цепочек: «наука – производство – рынок» [1].

Предложение для решения проблем инновационного развития экономики Российской Федерации должны быть реализованы через комплекс мер, направленных на преодоление как структурных, так и институциональных

ограничений, сдерживающих технологическую модернизацию экономики. В первую очередь необходимо существенно повысить уровень финансирования научно-исследовательской деятельности, учитывая, что доля расходов на исследования и разработки в ВВП остаётся на уровне 1,0–1,1%, что значительно ниже показателей развитых стран. Увеличение инвестиций в НИОКР позволит не только ускорить процесс внедрения инноваций в промышленность, но и повысить коммерческую отдачу от научных разработок, обеспечив формирование устойчивой инновационной модели экономики [1].

Следующим важным направлением является стимулирование инновационной активности малого и среднего предпринимательства. Вовлечение МСП в технологические процессы требует создания благоприятных условий для доступа к долгосрочному финансированию, расширения возможностей для партнерства с научными организациями и внедрения современных управленческих практик. Развитие специализированных инфраструктурных проектов, таких как технопарки, инкубаторы и центры трансфера технологий, способствует интеграции науки и производства и снижает барьеры для коммерциализации разработок [2].

Особое значение следует уделять координации развития отраслей с высокой государственной стратегической значимостью, таких как металлургия, сельское хозяйство, электроника и так далее. Здесь необходим комплекс мер, направленных на ускорение технологического обновления, внедрение цифровых и автоматизированных производственных процессов, а также на расширение локализации ключевых компонентов и материалов, что укрепляет технологическую независимость [2].

В более широком экономическом контексте требуется стимулировать модернизацию менее динамичных отраслей, таких как химическая промышленность, металлургия, сельское хозяйство и строительство, путем внедрения цифровых технологий, систем точного производства и информационного моделирования объектов. Совокупное применение этих инструментов позволит повысить производительность и качество продукции, сократить издержки и ускорить трансформацию традиционных секторов в инновационно-ориентированные [2].

Заключение

На основе изложенного материала, делаем вывод, что инновационное развитие выступает важнейшим фактором поддержания устойчивого

экономического роста Российской Федерации. Несмотря на сохранение положительной динамики макроэкономических показателей и ускоренное развитие отдельных высокотехнологичных отраслей, инновационная модель экономики остаётся недостаточно сформированной, что проявляется в ограниченном уровне финансирования научно-исследовательских работ, недостаточной вовлеченности малого и среднего предпринимательства.

Установлено, что инновационная активность носит преимущественно отраслевой характер и концентрируется в направлениях, имеющих стратегическое значение для государства, тогда как модернизация ряда традиционных секторов экономики происходит более медленными темпами. Ограниченные инвестиционные ресурсы, институциональные барьеры и недостаточно развитая инновационная инфраструктура препятствуют формированию устойчивых технологических цепочек и снижению зависимости от внешних факторов. Это свидетельствует о необходимости системного подхода к стимулированию инновационной деятельности и усилению роли науки в процессе экономического развития.

Реализация предложенных направлений, включающих увеличение финансирования научных исследований, активизацию инновационной деятельности субъектов малого и среднего бизнеса, развитие механизмов трансфера технологий и ускорение модернизации традиционных отраслей, позволит сформировать более сбалансированную инновационную систему. Комплексное внедрение указанных мер будет способствовать росту производительности труда, расширению выпуска высокотехнологичной продукции и укреплению конкурентных позиций российской экономики на мировом рынке, обеспечивая переход к устойчивой модели долгосрочного инновационно-ориентированного развития.

Список используемых источников

1. Брусакова И.А. Теоретическая инноватика: учебник и практикум для вузов. М: Юрайт, 2026. 333 с.

2. Гаврилов Л.П. Инновационные технологии в коммерции и бизнесе: учебник для вузов. М: Юрайт, 2026. 372 с.

3. Малое и среднее предпринимательство в Российской Федерации. // Цифровая платформа МСП. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--l1agf.xn--p1ai/

(дата обращения 25.02.2026)

4. Основные социально-экономические показатели России. 2025. // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 02.03.2026)

5. Сидорова Е.Ю. Инновационная экономика: учебное пособие для вузов. М: Юрайт, 2026. 334 с.

СМЕЩЕНИЕ ВОЗРАСТНОЙ СТРУКТУРЫ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ В СФЕРЕ ГОСТЕПРИИМСТВА: ВЫЗОВЫ И ВОЗМОЖНОСТИ «СЕРЕБРЯНОЙ ЭКОНОМИКИ» В РОССИИ

Матюнькина Д.С. – магистр, ассистент кафедры гостиничного и ресторанного бизнеса, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет»

Аннотация

В статье анализируется влияние демографического старения населения России на структуру потребления в сфере гостеприимства. Рассматриваются вызовы и возможности развития «серебряной экономики», теоретические основы пожизненной ценности клиента (LTV). Выявлены основные проблемы и риски для предприятий отрасли. Предложены практические рекомендации по адаптации бизнеса: внедрение геронтомаркетинга, партнерства с государством, цифровизация и сегментация клиентов.

Современные демографические процессы в России характеризуются устойчивым старением населения и сокращением доли экономически активных граждан. По данным Росстата, на начало 2025 г. доля россиян старше 60 лет составляет 24,4 % (35,6 млн человек), к 2030 г. превысит 25,4 %, а к 2046 г. этот показатель достигнет 30,4 % [1].

Рассматривая высокий вариант коэффициента демографической нагрузки (рис. 1), можно отметить потенциальные процессы снижение предложения труда вследствие изменения демографической структуры, что, в свою очередь, ведет к снижению производительности труда и росту демографической нагрузки на трудоспособное население. Возрастают расходы на пенсионную систему, здравоохранение и социальную защиту, что в совокупности с сокращением базы начисления страховых взносов создает существенную нагрузку на бюджет страны, в том числе потенциально это может привести к росту отношения

государственного долга к ВВП и неустойчивости бюджета. Все это в совокупности приводит к «демографическому дивиденду» в краткосрочной перспективе (за счет пенсионной реформы), но в долгосрочной – к росту нагрузки на экономику.

По расчетам ОЭСР, в отсутствие изменений политики старение населения может увеличить размер госдолга в среднем на 180 % ВВП в странах с развитой экономикой и на 130 % ВВП – с развивающейся в течение следующих трех десятилетий [4]. Таким образом, сокращение экономически активного населения приводит к замедлению ВВП на 1–1,5 % ежегодно, росту бюджетного дефицита и дефициту кадров [8].

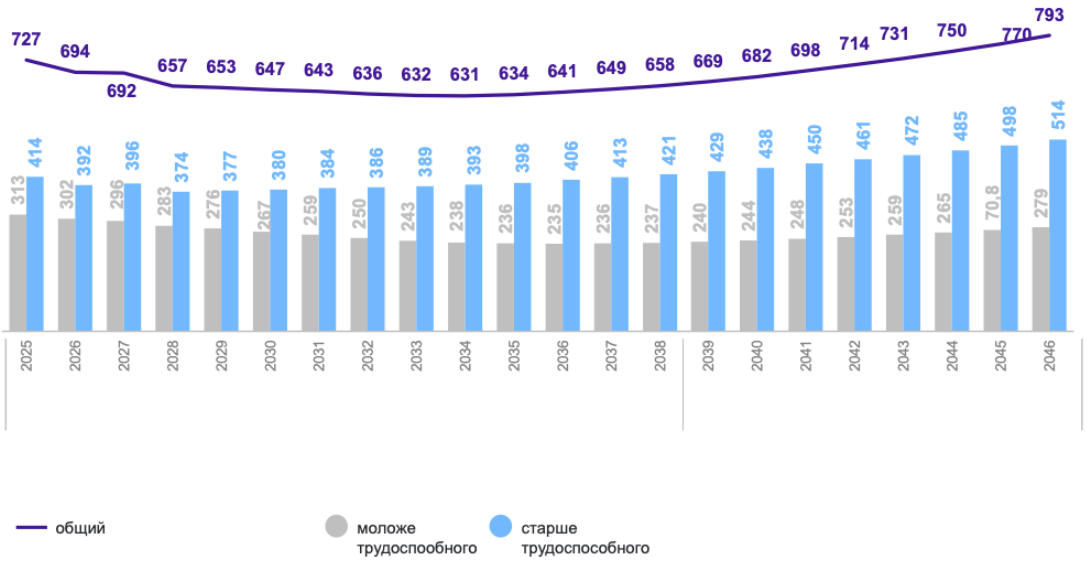


Рис. 1. Высокий вариант коэффициента демографической нагрузки [1]

В том числе происходит изменение модели потребления, сокращение потребительских расходов, что оказывает влияние на цены товаров и услуг и темпы инфляции. Старение населения сопровождается дефляционным давлением, поскольку снижается совокупный спрос, при этом монетарная политика становится менее эффективной, так как спрос пожилой когорты менее чувствителен к изменению ставки процента.

Глобально фокус на автоматизацию и иммиграцию помогает компенсировать сокращение труда, сохраняя динамику роста [10], однако для смягчения тренда также нужны инвестиции в производительность, накопительные пенсии и вовлечение пожилых граждан в работу. Помимо вышесказанного потребление смещается к медицинским и социальным услугам, что меняет структуру расходов

и ослабляет предпринимательский потенциал. Стареющее население России усиливает нагрузку на сферу услуг за счет роста спроса на здравоохранение, уход и социальные сервисы, одновременно создавая новые рыночные ниши. Это приводит к перестройке структуры потребления и занятости в секторе.

Смещение спроса стимулирует рост потребления медицинских, пенсионных и уходовых услуг: домашний уход, пансионаты, реабилитация и телемедицина. Рынок ухода за пожилыми оценивается в 300 млрд руб. [9]. С высоким потенциалом роста из-за дефицита инфраструктуры. Частные пансионаты развиваются быстрее, чем государственные, особенно в регионах с обеспеченными пенсионерами [5]. В сфере гостеприимства (гостиничный бизнес, туризм, санаторно-курортные услуги) данный сдвиг приобретает стратегическое значение.

Пожилые потребители формируют сегмент «серебряной экономики» – совокупности товаров и услуг, ориентированных на нужды лиц 50–55+ лет. Данный сегмент характеризуется высоким платежеспособным спросом, но предложение не успевает за динамикой демографии. Таким образом, в сфере гостеприимства ключевым становится переход от молодежно-ориентированной модели к универсальному дизайну и геронтомаркетингу. У 64 % россиян 59–78 лет имеются накопления – это значительно выше, чем у поколения X (54 %) и миллениалов (49 %) [6]. Пожилые демонстрируют лояльность, повторные покупки и длительные контакты с брендом, что повышает LTV в 1,5–2 раза по сравнению с молодыми клиентами.

Понятие «серебряной экономики» (silver economy) возникло в конце 1990-х гг. и трактуется как экономическая активность, связанная с потребностями и возможностями старшего поколения. Старение населения – не только вызов, но и ресурс: пожилые становятся активными потребителями услуг здоровья, досуга и комфорта. В Европе пожилые обеспечивают до 25 % ВВП в соответствующих секторах; в России потенциал оценивается в триллионах рублей при условии адаптации предложения.

Ключевой фактор привлекательности сегмента 55+ – высокая платежеспособность и LTV (lifetime value). Пожизненная ценность клиента (Customer Lifetime Value, LTV или CLV) представляет собой фундаментальную концепцию современной экономической теории и теории маркетинга, определяемую как чистая приведенная стоимость (NPV) всех будущих денежных потоков, которые компания ожидает получить от одного клиента на протяжении

всего периода его взаимоотношений с фирмой, с учетом вероятности удержания, оттока, маржинальной прибыли и временной стоимости денег. Теоретически LTV трактует каждого клиента как инвестиционный актив, аналогичный капитальному проекту в финансовой экономике, и опирается на модель дисконтированных денежных потоков (DCF). В экономическом анализе LTV служит ключевым инструментом оптимизации распределения маркетинговых ресурсов, обоснования инвестиций в долгосрочные клиентские отношения, сегментации рынка и расчета стоимости фирмы в отраслях с повторными покупками (SaaS, e-commerce, телекоммуникации), подчеркивая стратегический переход от краткосрочной транзакционной прибыли к устойчивому созданию стоимости через управление клиентской базой как нематериальным активом. Несмотря на теоретическую мощь, модель предполагает относительную стационарность параметров и требует осторожного применения в условиях высокой волатильности рыночной среды.

Спрос рассматриваемого потребителя фокусируется на сервисе, здоровье и комфорте: лечебно-оздоровительный и культурно-познавательный туризм, доступные гостиницы с безбарьерной средой, специализированные меню и медицинское сопровождение. Исследование на базе опроса ВЦИОМ показывает [3]: путешествующие пожилые предпочитают Черноморское побережье, Крым, Москву и Санкт-Петербург; 58 % едут с семьей; основные мотивы – здоровье и познание. Однако 80 % планируют отдых дома или на даче из-за здоровья (25 %) и доходов (26 %).

При этом на рынке выражено несоответствие предложения: государство развивает социальный туризм (экскурсии в рамках нацпроекта «Демография» и программ «Активное долголетие»), бизнес премиальные продукты для верхнего среднего класса (туры «Бархатный сезон», «Золотое кольцо»). Массовый же сегмент остается недоиспользованным, отмечается рост «серебряного туризма» на 8–10 п.п. среди российских путешественников в 2025 г., но барьеры (низкая мобильность, отсутствие адаптированных сервисов) тормозят развитие. [3] Без адаптации предприятия теряют рынок с высоким LTV и стабильным спросом, последствия и пути преодоления которых рассмотрены ниже (табл.1). При этом серебряный туризм может вырасти до 15–20 % внутреннего рынка к 2030 г. при условии целевых продуктов (табл. 1) [10].

Табл. 1

Обоснование рекомендаций по адаптации предприятий сферы гостеприимства к «серебряному» туризму на основе анализа рисков и потенциала LTV [10]

№	Основные проблемы и риски для предприятий гостеприимства	Последствия без адаптации	Рекомендуемые меры адаптации	Обоснование рекомендации (связь с LTV и рыночным потенциалом)
1	Несоответствие инфраструктуры (отсутствие пандусов, лифтов, универсального дизайна, специализированного питания)	Потеря значительной части целевой аудитории, высокий уровень отказов от бронирования	Внедрение универсального дизайна, оборудование номеров для маломобильных гостей, разработка диетического и лечебного питания	Устранение барьеров доступа позволяет существенно увеличить продолжительность и частоту визитов, что напрямую повышает LTV клиента
2	Маркетинговые стереотипы (пожилые воспринимаются как пассивные потребители)	Слабая узнаваемость бренда среди целевой группы, низкая конверсия маркетинговых коммуникаций	Развитие геронтомаркетинга: создание пакетов «Здоровье + комфорт» (медицинский чек-ап, йога, доступные экскурсии, диетическое питание)	Переход от стереотипов к ценностному предложению превращает пожилых туристов в активных и лояльных потребителей с высоким пожизненным доходом

Продолжение табл. 1

3	Экономические ограничения (низкие пенсии при наличии накоплений и дополнительной занятости 5,7 млн человек 60+ лет, Росстат, 2023)	Ограниченный платежеспособный спрос, недооценка реального покупательского потенциала сегмента	Сегментация на «молодых пожилых» (60–74 года) с высоким доходом и «старших» с акцентом на безопасность и уход; разработка программ лояльности и семейных пакетов	Дифференцированный подход позволяет захватить наиболее платежеспособную часть сегмента и максимизировать LTV за счет повторных покупок и рекомендаций
4	Высокая конкуренция со стороны дачного отдыха и домашнего досуга	Снижение спроса на коммерческое размещение и услуги гостеприимства	Партнерства с государством (участие в программах туристического кэшбэка и нацпроекте «Туризм и индустрия гостеприимства»), цифровизация, обучение персонала работе с пожилыми гостями	Создание уникального ценностного предложения и удобства пользования повышает конкурентоспособность и формирует стабильный, долгосрочный спрос с высоким LTV
5	Общий риск игнорирования демографического сдвига	Потеря растущего рынка «серебряного» туризма	Комплексная адаптация инфраструктуры, продукта, маркетинга и сервиса с обязательной оценкой LTV целевых сегментов	Конвертация демографического вызова в конкурентное преимущество позволяет предприятиям получить доступ к рынку с высоким и стабильным LTV, обеспечивая долгосрочную устойчивость и рост доходов

Таблица 1 наглядно демонстрирует прямую связь между устранением выявленных рисков и возможностью захвата рынка с высоким пожизненным ценностью клиента (LTV), что является ключевым экономическим обоснованием предлагаемых рекомендаций.

Подводя итоги, демографический сдвиг в сторону старших возрастных групп создает в сфере гостеприимства уникальную возможность развития «серебряной экономики». Платежеспособная аудитория 55+ с накоплениями (64 % в группе 59–78 лет), высоким LTV и спросом на сервис, здоровье и комфорт требует срочной адаптации предложения. Научные исследования подтверждают: несоответствие спроса и предложения тормозит рост, но целенаправленные меры государства и бизнеса способны превратить старение в драйвер устойчивого развития отрасли [2, 7]. Дальнейшие исследования должны фокусироваться на региональных кейсах и количественной оценке ROI от серебряных продуктов.

Список используемых источников

1. Демографический прогноз России до 2046 года // Федеральная служба государственной статистики (Росстат), 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://demogr.hse.ru/mirror/pubs/share/943055611.pdf (дата обращения: 26.03.2026).

2. Заборовская О.В. «Серебряная» экономика и устойчивое развитие регионов // Журнал правовых и экономических исследований. 2023. № 1. С. 156–166.

3. Итоги–2024, прогнозы–2025 // ВЦИОМ, 18.12.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://wciom.ru/presentation/prezentacii/itogi-2024-prognozy-2025 (дата обращения: 26.03.2026).

4. Как старение населения повлияет на экономику России // РБК, 25.10.2023. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/economics/25/10/2023/653654369a79474c35c944c6 (дата обращения: 26.03.2026).

5. Михаил Мурашко на марафоне Знание. Первые: «Сегодня атом превращается в микроскоп и скальпель для медицины» // Российское общество «Знание», 2025. 26 сент. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TDdUf (дата обращения: 26.03.2026).

6. Россиян с денежными сбережениями стало больше // Яков и Партнёры, Июль 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://yakovpartners.ru/publications/savings-and-loan/ (дата обращения: 26.03.2026).

7. Сересова У.И. Туризм для пожилых в России: политика, бизнес и проблемы целевой аудитории // Сервис в России и за рубежом. 2024. Т. 18, № 1. С. 176–188.

8. Старение населения и его влияние на экономическое развитие // ECONS.ONLINE. [Электронный ресурс]. URL: https://econs.online/articles/ekonomika/starenie-naseleniya/ (дата обращения: 26.03.2026).

9. Эйджинг навсегда: как старение населения влияет на экономику // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
9 февраля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.hse.ru/news/442362720.html (дата обращения: 26.03.2026).

10. The Silver Economy: executive summary // Publications Office of the European Union. 2018 [Electronic resource]. URL: https://publications.europa.eu/resource/cellar/2dca9276-3ec5-11e8-b5fe-01aa75ed71a1.0002.01/DOC_1 (date of treatment: 26.03.2026).

РОЛЬ АЗИАТСКИХ ЭКОНОМИК В ТРАНСФОРМАЦИИ РЫНКА НЕФТИ

Матюшин Д.В. – аспирант, ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет»

Научный руководитель: Кох Л.В. – д.э.н., профессор, ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет»

Аннотация

В статье описывается роль азиатских экономик в трансформации рынка нефти в условиях структурных, экономических и геополитических изменений. Особое внимание в работе уделено тенденциям в таких крупнейших экономиках азиатского региона как Индия и Китай. В рамках работы выявлены ключевые тенденции смещения центра роста мирового спроса в Азиатско-Тихоокеанский регион, усиление роли азиатских стран в нефтепереработке и нефтехимии, а также изменения структуры потребления энергоресурсов. В рамках работы подчеркивается, что азиатские экономики становятся определяющим фактором развития мирового нефтяного рынка. Сделан вывод о том, что дальнейшая трансформация рынка нефти будет во многом зависеть от темпов экономического роста стран Азии и их энергетической политики, включая переход к более устойчивым источникам энергии.

Введение

За последние годы конфигурация мирового нефтяного рынка существенно изменилась под воздействием совокупности факторов, среди которых ускорение экономического роста, внедрение новых технологий и расширение санкционных ограничений. Эти изменения вынудили ряд стран-экспортеров пересмотреть устоявшиеся направления сбыта сырья и перестроить логистику в соответствии с новыми внешними условиями.

Результатом стало перераспределение центров влияния в нефтяной отрасли. Если ранее ключевыми факторами выступали потребители и импортеры из Западной Европы и Северной Америки, то в настоящее время заметно усиливается роль развивающихся экономик Азии. Более того, государства азиатского региона постепенно переходят от роли конечных потребителей к активному участию в формировании новых производственных цепочек.

Укрепление позиций азиатских экономик отражается не только на масштабах спроса на нефть и нефтепродукты, но и на качественных характеристиках мировой торговли энергоресурсами, включая структуру потоков и условия контрактов. Это обуславливает необходимость более детального изучения происходящих изменений и их влияния на глобальный энергетический баланс.

В связи с этим цель настоящей работы состоит в исследовании роли азиатских экономик в трансформации мирового рынка нефти и оценке долгосрочных экономических последствий данного процесса.

Объекты и методы

В качестве объекта исследования выступает мировой рынок нефти, тогда как предметом исследования является процесс влияния азиатских экономик на такие компоненты как баланс спроса и предложения, ценообразование и структуру мирового рынка нефти. В исследовании использованы такие методы как статистическо-экономический анализ, сравнительный анализ, а также метод обобщения научной литературы.

Экспериментальная часть

Согласно последнему исследованию Института Энергетики, по итогам 2024 года на долю стран, расположенных в Азиатско-Тихоокеанском регионе, приходится немногим менее половины мирового потребления энергии. При этом, подавляющее большинство в структуре спроса пока еще занимает уголь, а на втором месте располагается нефть [6].

Стоит отметить, что Азиатский регион является крупнейшим потребителем нефти и нефтепродуктов в мире, на него приходится немногим более трети совокупного мирового потребления этих продуктов, что отчетливо видно на Рис. 1.

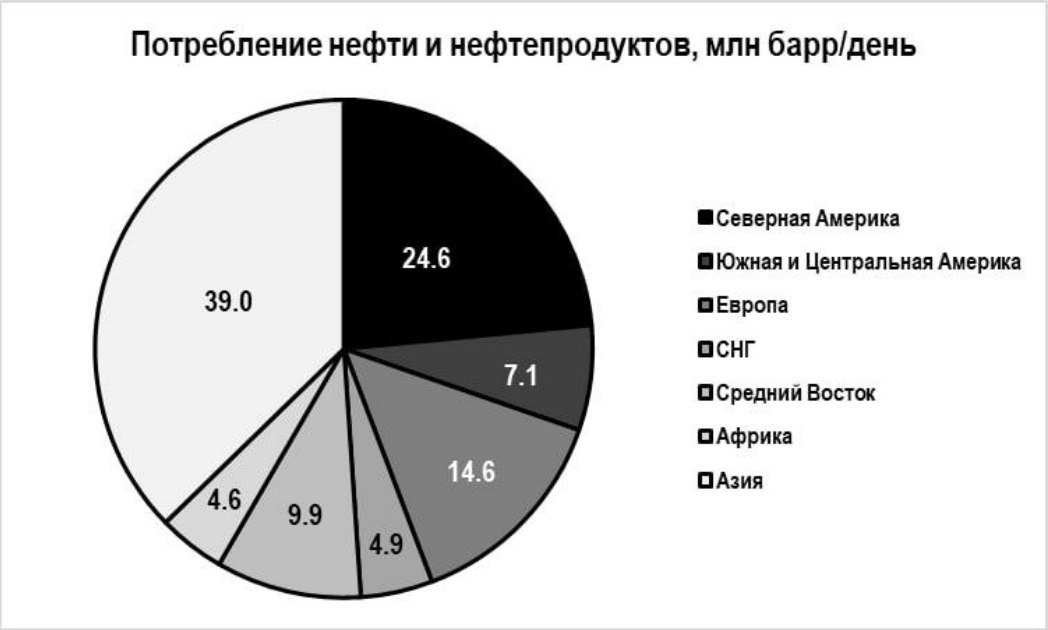


Рис. 1. Потребление нефти и нефтепродуктов в 2024 году
Источник: составлено автором на основе данных Института Энергетики [6]

Такая пропорция сложилась под влиянием экономического роста в Китае, Индии, а также ряда других значимых игроков в данном регионе в связи с процессами индустриализации и увеличения потребления, что в конечном счете привело к увеличению зависимости глобального рынка от азиатского спроса.

Дополнительно стоит отметить, что по прогнозам Международного энергетического агентства рост мирового спроса на нефть в ближайшие годы будет главным образом обусловлен именно азиатскими странами, особенно в сегментах переработки и производства нефтехимии [5]. При этом ожидается, что наметившаяся тенденция смещения центров влияния в потреблении нефти и нефтепродуктов также сохранится в ближайшие годы, то есть в развитых странах спрос на данный вид энергии продолжит демонстрировать стагнацию, тогда как в азиатском регионе рост продлится. При этом, большинство сценариев демонстрируют, что именно наиболее развитые азиатские экономики, такие как Китай и Индия продолжат быть основными драйверами глобального спроса на нефть в среднесрочной перспективе, несмотря на заметное сокращение темпов роста потребления в Китае в последние годы [2].

Важно отметить, что на протяжении долгого времени Китай удерживает лидерство по объему потребления нефти и нефтепродуктов в Азии, а в мире занимает второе место, уступая лишь Соединенным Штатам Америки. При этом, согласно данным Института Энергетики, разрыв между странами постепенно сокращается, что продемонстрировано на Рис. 2. Если тенденция продолжится, то Китай в течение 10 лет может догнать и опередить США.

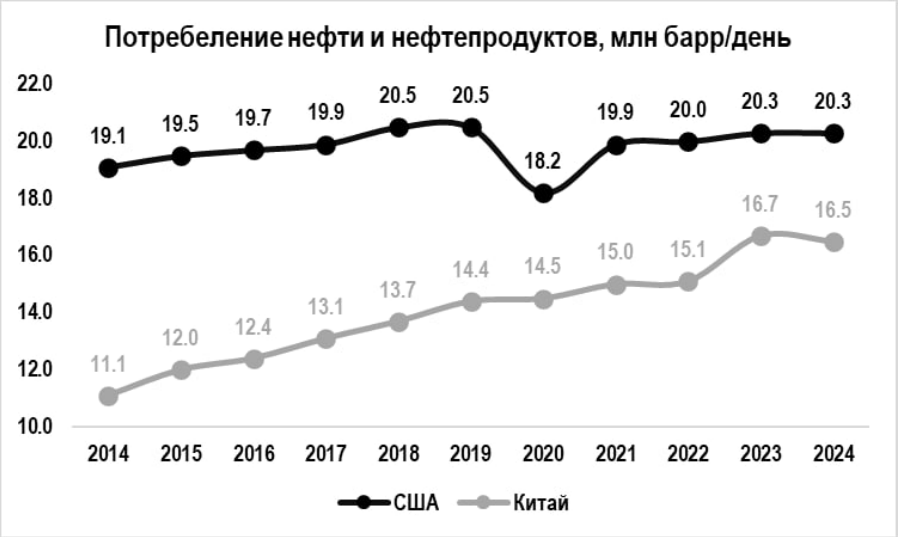


Рис. 2. Потребление нефти и нефтепродуктов в США и Китае

Источник: составлено автором на основе данных Института Энергетики [6]

Стоит отметить, что такие агрессивные темпы роста потребления нефти и нефтепродуктов присутствовали не всегда. До 1990-х годов и проведения экономических реформ, Китай являлся экспортером нефти. Тем не менее благодаря изменению экономической модели и последовавшему агрессивному росту экономики стране удалось трансформироваться из экспортера нефти в ее крупнейшего покупателя [1]. В результате изменение оказало существенный структурный эффект на мировой рынок углеводородов, а потребность Китая в нефти и нефтепродуктах стала определяющим фактором для баланса спроса и предложения на глобальном рынке.

По оценкам отраслевых экспертов, за последние двадцать лет именно китайская экономика сформировала более половины прироста мирового спроса на нефть и нефтепродукты, что подтверждает ее системообразующую роль на глобальном нефтяном рынке. Это приводит к тому, что Китай заметно влияет как на ценовую конъюнктуру, так и на географию основных потоков энергоресурсов.

В то же время в стране постепенно меняется структура потребления энергии: замедление темпов экономического роста и ускоренное развитие сегмента электромобилей приводят к коррекции внутренних потребностей в традиционных углеводородах [4].

Однако данные сдвиги не означают отказа от прежних энергетических приоритетов. Напротив, Китай последовательно наращивает инвестиции в нефтеперерабатывающие и нефтехимические мощности, стремясь закрепиться не только в статусе крупнейшего импортера сырой нефти, но и как один из ведущих производителей и экспортеров нефтепродуктов, ориентирующийся одновременно на внутренний и внешний рынки.

В свою очередь, Индия является второй страной в мире по численности населения и одной из самых быстрорастущих экономик, которая демонстрирует наиболее высокие темпы прироста в потреблении нефти среди крупных игроков на данном рынке. Согласно аналитическому отчету Института Энергетики, по темпам роста нефтяного спроса Индия существенно опережает Китай, что постепенно увеличивает вес этой страны на мировом энергетическом рынке. Так, за последние 4 года средний темп прироста потребления нефти и нефтепродуктов в Индии составил 4,9 %, тогда как в Китае 3,4 %. График прироста потребления нефти и нефтепродуктов продемонстрирован на Рис. 3.



Рис. 3. Прирост потребления нефти и нефтепродуктов в Индии и Китае

Источник: составлено автором на основе данных Института Энергетики [6]

Стоит отметить, что энергетическая политика Индии ориентирована на обеспечение энергетической безопасности в условиях ускоряющегося промышленного роста и урбанизации страны, что подтверждается оценками экспертов. Согласно ряду прогнозов, к 2040 году спрос на жидкие углеводороды вырастет в два раза. При этом в результате активной автомобилизации населения наибольший спрос придется на дизельное топливо и автомобильный бензин. Также содействие в наращивании расхода дизельного топлива окажут развивающийся строительный сектор и многочисленные международные и национальные инфраструктурные проекты [3].

Стоит добавить, что характерной особенностью последних лет стала активизация индийских нефтеперерабатывающих компаний на региональном рынке нефтепродуктов, а повышение деловой активности в данном сегменте стоит связать как с увеличением первичных мощностей по переработке нефтяного сырья в стране, так и сокращением логистического плеча при доставке сырья из России, а также со значительными дисконтами на российскую нефть из-за санкций [3]. В итоге такой подход позволил Индии значительно укрепить позиции на глобальном энергетическом рынке.

При этом необходимо подчеркнуть: ряд исследований демонстрируют, что чувствительность индийского спроса к колебаниям международных цен на энергоносители носит неоднородный характер. Разные компоненты нефтяного рынка показывают значительное расхождение в эластичности, что требует внимания политиков при формировании стратегий закупок и управления рисками ценовой волатильности [7]. Именно данная причина могла стать одной из ключевых при отказе Индии сокращать поставки российских энергоносителей вопреки введенным пошлинам и санкционному давлению со стороны Соединенных Штатов Америки.

Результаты и их обсуждение

Постепенное увеличение влияния азиатских экономик на мировом энергетическом рынке имеет не только экономический, но и геополитический подтекст, так как устойчивый спрос со стороны крупнейших азиатских экономик (Индия и Китай) формирует новые торговые потоки между ними и странами-экспортерами (страны Персидского залива, Россия, Иран), а также способствует образованию новых цепочек поставок, что, безусловно, влияет на такие аспекты как стратегические запасы, рыночные ожидания и цены.

Более того, растущее влияние азиатских экономик позволяет им все активнее участвовать в управлении энергетическим рынком через многовекторные форматы и стратегические инициативы. В связи с тем, что Китай и Индия входят в различные международные организации, формируют совместные стратегии энергетической безопасности, а также инвестируют в энергетическую инфраструктуру и развитие транспортных коридоров, это значительно укрепляет их способность формировать рыночные тренды.

Кроме того, азиатские экономики стремятся подписывать долгосрочные контракты сотрудничества со странами-экспортерами нефти для укрепления своего влияния, а также активно инвестировать в нефтегазовый сектор других стран, что снижает зависимость от традиционных западных финансовых институтов и создает новые точки пересечения интересов на энергетическом рынке.

Заключение

Таким образом, роль азиатских экономик в трансформации рынка нефти за последние годы имеет центральное значение и за последнее время лишь укрепилась.

В первую очередь влияние этих игроков проявляется в количественном росте спроса на нефть, в результате чего происходит планомерное смещение основного центра потребления энергии с западных стран на азиатские экономики. Также постепенно укрепляется роль азиатских стран на рынке переработки нефти и производства нефтехимической продукции, что усиливает позиции этих стран на мировой арене и трансформирует их из обычных потребителей в более важных системообразующих игроков.

В том числе необходимо отметить, что растущее влияние азиатских экономик сопряжено с трансформацией и переориентированием торговых потоков, так как Китай, Индия и другие важные игроки в Азии готовы заключать долгосрочные контракты со странами-производителями нефти и вести торговлю на взаимовыгодных условиях, учитывая интересы всех сторон.

При этом нельзя игнорировать тот факт, что структурные изменения в энергетическом профиле этих стран, связанные с переходом к низкоуглеродным технологиям, могут создать как новые вызовы, так и возможности для мировой нефтяной отрасли в ближайшие годы.

Список используемых источников

1. Зубы дракона: как китайские нефтяные компании покоряют весь мир // Forbes. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TKRCv (дата обращения: 16.03.2026).
2. Китайский спрос затухает: звездный час российской нефти пройден // Oilcapital. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TDeLc (дата обращения: 16.03.2026).
3. Кондратов Д.И. Энергетическая политика Индии и сотрудничество с Россией // Экономика. Налоги. Право. 2024. №3. С. 125–148.
4. China’s EV Boom Is Starting to Pinch Oil Producers // The Wall Street Journal. [Electronic resource]. URL: https://clck.ru/3TKREf (date of treatment: 16.03.2026).
5. Oil 2023: Analysis and forecast to 2028 // IEA. [Electronic resource]. URL: https://www.iea.org/reports/oil-2023 (date of treatment: 16.03.2026).
6. Statistical Review of World Energy // Energy Institute. [Electronic resource]. URL: https://www.energyinst.org/statistical-review (date of treatment: 16.02.2026).
7. Suthar K., Arora R. Linking Price and Import Demand Volatility of Crude Oil in India: A Comparative Analysis of Crude Oil Import Price Elasticities With Major Partner Countries // Energy RESEARCH LETTERS. 2025. №7. [Electronic resource]. URL: https://clck.ru/3TDeRs (date of treatment: 16.02.2026).

АНАЛИЗ ОШИБОК ПРИ КЛАССИФИКАЦИИ ТОВАРОВ ПО ТОВАРНОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА

Овчинникова Д.Е. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: *Сумина Н.В. – доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»*

Аннотация

Классификация товаров по Товарной номенклатуре внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза остаётся одной из наиболее проблемных зон таможенного администрирования. В данной статье анализируются типичные ошибки участников внешнеэкономической деятельности, рассматриваются реальные судебные дела последних лет, выявляются системные причины неверной классификации, а также приводятся актуальные пути решения поставленной проблемы.

В современном мире декларанты всё чаще совершают ошибки классификации при декларировании товаров. Последствия неверного декларирования для участников внешнеэкономической деятельности могут быть неблагоприятными: от доначисления таможенных платежей до привлечения к административной ответственности.

Ответственность за неправильное декларирование товара несёт участник внешнеэкономической деятельности. В таможенной практике недостоверное оформление товаров является одним из наиболее распространённых правонарушений.

Цель настоящего исследования заключается в анализе ошибок, совершаемых декларантами при установлении кода Товарной номенклатуры внешнеэкономической деятельности Евразийского экономического союза (Далее – ТН ВЭД ЕАЭС). Объектом выступает классификация товаров по ТН ВЭД ЕАЭС как обязательная процедура, позволяющая идентифицировать товар, определить размер уплачиваемых таможенных платежей, применение к товарам нетарифных мер, запретов и ограничений.

Предметом являются нарушения таможенного законодательства, связанные с неправильной классификацией товаров, а также деятельность таможенных органов по их выявлению.

Определение правильного кода ТН ВЭД ЕАЭС превратилось в своеобразную лотерею для участников внешнеэкономической деятельности. Таможенные органы на постоянной основе осуществляют контроль правильности определения кода товара. На практике такие проверки нередко приводят к доначислению таможенных платежей, а в отдельных случаях – к возбуждению дела об административном правонарушении в соответствии с ч. 2 ст. 16.2 КоАП РФ [1].

По данным Федеральной таможенной службы (Далее – ФТС) за 2024 год таможенные органы возбудили около 7 000 дел об административных правонарушениях, что на 600 дел больше, чем годом ранее (Рис.1.).

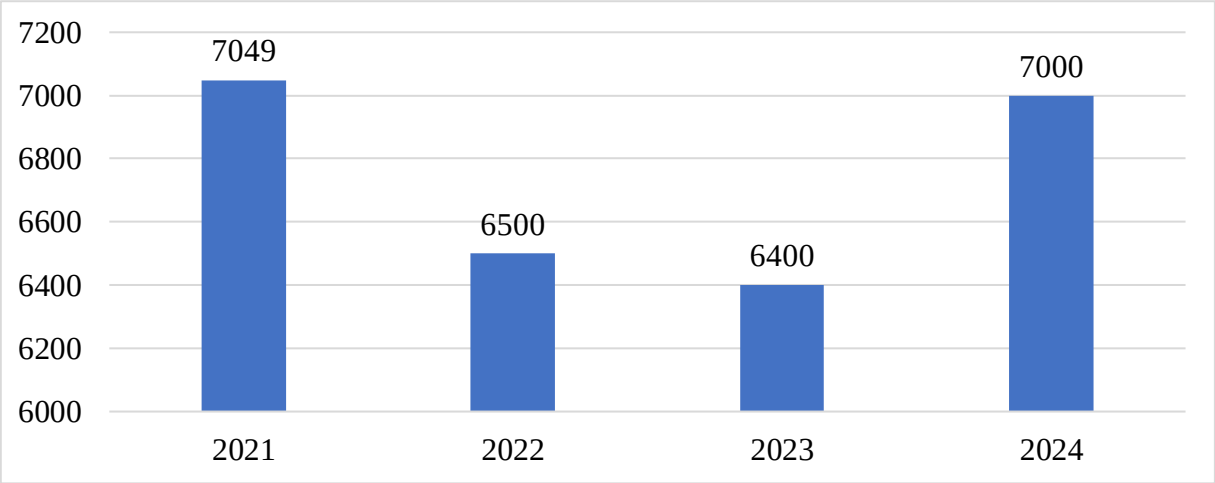


Рис. 1. Количество возбужденных дел об административных правонарушениях (тыс.) [6]

Природа ошибок неоднородна. Часть из них действительно носит непреднамеренный характер и связана со сложностью самой номенклатуры, включающей 21 раздел и более 5000 товарных позиций на уровне десятизначного кода. Другая – результат сознательной попытки минимизировать размер таможенного платежа путём подмены кода. Получается, что граница между добросовестным заблуждением и умышленным искажением сведений размыта. Таможенные органы склонны квалифицировать любое расхождение как намеренное занижение платежей. Речь идёт не просто о технических недочётах в документообороте – неверная классификация влечёт доначисление таможенных платежей, пеней и штрафов. (Рис. 2.).

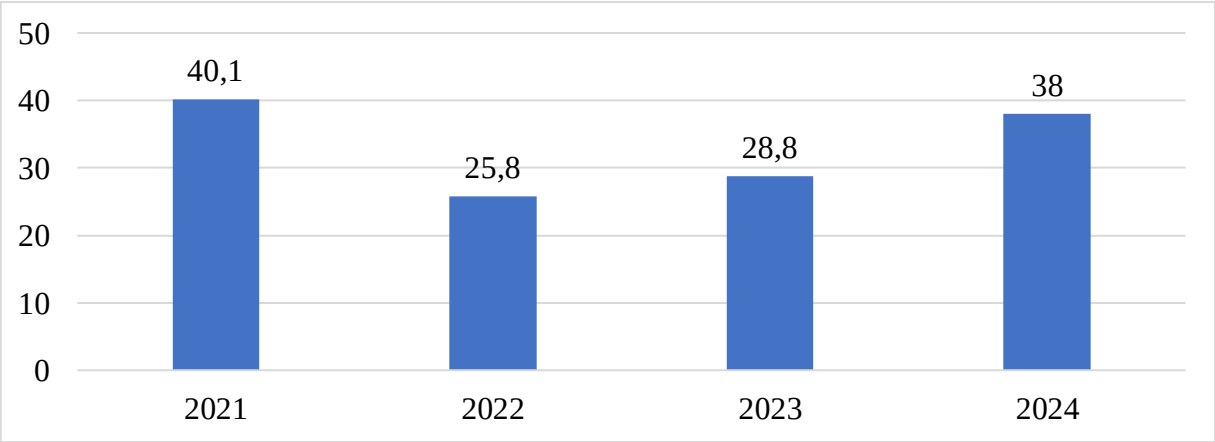


Рис. 2. Сумма дополнительно взысканных таможенных платежей (млрд руб.) [6]

Наиболее распространенная категория ошибок связана с неправильным применением Основных правил интерпретации ТН ВЭД (Далее – ОПИ).

Так, Арбитражный суд Московской области в рамках дела № А41-70194/24 рассмотрел спор между хозяйствующим субъектом и Шереметьевской таможней, связанный с определением классификационного кода товара. Предметом разногласий стало приспособление для крепления инструмента на токарных станках. Декларант указал ставку ввозной таможенной пошлины в размере 0 %, однако должностное лицо таможенного органа не согласилось с классификацией товара и изменило код, установив ставку пошлины на уровне 5 % [4].

Суд, проанализировав характеристики ввезённого товара установил, что он не имеет режущей части, а следовательно, не может быть отнесён к режущему инструменту. В решении было отмечено, что предложенная таможенным органом классификация по товарной подсубпозиции 8207 80 110 0 ТН ВЭД ЕАЭС является необоснованной.

Таким образом, данное дело демонстрирует важность точного применения ОПИ по ТН ВЭД ЕАЭС и подтверждает, что при возникновении споров окончательная оценка должна осуществляться судом. Кроме того, судебная практика показывает, что ошибки при классификации могут приводить к необоснованным доначислениям таможенных платежей.

Так, например, Арбитражным судом Приморского края в рамках дела № А51-7797/2022 был рассмотрен спор между ООО «ЛН Дистрибьюция» и Владивостокской таможней относительно классификации импортируемого товара в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС. Предметом разногласий стали салонные фильтры для автомобилей, заявленные декларантом при таможенном декларировании по коду товарной позиции 8421 ТН ВЭД ЕАЭС как оборудование для фильтрации воздуха со ставкой ввозной таможенной пошлины 0 %. Таможенный орган не согласился с заявленной классификацией и пришёл к выводу о том, что ввезённый товар представляет собой не готовые фильтры, а сменные фильтрующие элементы (картриджи), изготовленные из текстильного материала. В связи с этим таможня приняла решение о переклассификации товара в товарную позицию 5911 ТН ВЭД ЕАЭС «текстильные изделия для технических целей», что повлекло применение ставки ввозной таможенной пошлины в размере 5% и доначислению таможенных платежей. Декларант, не согласившись с данным решением, указал, что ввезённый товар фактически представляет собой воздушный фильтр в некомплектном виде и

должен классифицироваться как готовое изделие в соответствии с ОПИ ТН ВЭД ЕАЭС [5].

Разрешая заявленные требования, суд исследовал характеристики товара и установил, что он представляет собой сменные фильтрующие элементы, предназначенные для установки в корпус воздушного фильтра системы вентиляции салона автомобиля. Суд пришел к выводу, что ввезённый товар не является самостоятельным фильтром, а представляет лишь его составную часть. В связи с этим суд признал правомерной классификацию товара, произведённую таможенным органом, и отказал обществу в удовлетворении заявленных требований.

Анализ рассмотренных судебных дел показывает, что значительная часть споров между участниками внешнеэкономической деятельность и таможенными органами связана именно с неправильным применением ОПИ ТН ВЭД ЕАЭС при определении классификационного кода товаров.

Рассмотренные судебные примеры демонстрируют различные ситуации, возникающие при классификации товаров. В деле № А41-70194/24 Арбитражный суд Московской области пришел к выводу о неправильном решении таможенного органа, поскольку классификация товара была произведена без учёта его фактических характеристик и назначений. В данном случае таможенным органом было допущено неправильное применение ОПИ 1 ТН ВЭД ЕАЭС. В то же время второе дело № А51-7797/2022, рассмотренное Арбитражным судом Приморского края, показывает обратную ситуацию, на основании анализа характеристик и назначения товара суд подтвердил правильность классификации, произведенной таможенным органом, а также законность доначисления таможенных платежей. В данном случае декларант допустил неправильное применение ОПИ 1 ТН ВЭД ЕАЭС.

Таким образом, рассмотренные примеры подтверждают, что корректное применение ОПИ ТН ВЭД ЕАЭС является необходимым условием правильной классификации товаров.

Можно ли вообще избежать ошибок в классификации? Абсолютной гарантии нет, но риски поддаются управлению. Ключевой инструмент – предварительное решение о классификации товара, которое выдаёт ФТС России на основании письменного запроса декларанта. Решение действует три года, обязательно для всех таможенных органов на территории Российской Федерации и защищает

декларантов от претензий. Но проблема заключается в том, что срок рассмотрения запроса около 60 дней, а стоимость услуги при необходимости экспертизы может достигать нескольких сотен тысяч рублей [2]. На практике этим механизмом пользуются преимущественно крупные компании с регулярными поставками. Малый и средний бизнес вынужден рисковать.

Некоторые компании разрабатывают внутренние регламенты классификации, создают базы данных ранее задекларированных товаров с результатами таможенного контроля. Это разумно, учитывая, что ассортимент примерно на 70 % повторяется от поставки к поставке. Тем не менее с 27 ноября 2025 года ФТС России запустила информационный ресурс «Классификация. Заявление о предрешении», где можно в интерактивном режиме подобрать код ТН ВЭД ЕАЭС, ответив на серию уточняющих вопросов о товаре. Преимуществами получения предварительных решений является снижение рисков, связанных с неверной классификацией товаров.

В заключение можно сделать вывод, что проблема ошибок при классификации товаров по ТН ВЭС ЕАЭС носит комплексный характер и обусловлена как объективными факторами – сложностью номенклатуры, так и субъективными – недостатком квалификации декларантов.

Инструменты минимизации рисков существуют – от получения предварительных решений о классификации до привлечения независимых экспертов. Перспективы улучшения ситуации связаны с цифровизацией таможенных операций и созданием единых баз данных классификационных решений.

Список используемых источников

1. Бобров А.Е. Проблемы классификации товаров по ТН ВЭД ЕАЭС при таможенном декларировании // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 11-4. С. 110-114.

2. О подаче заявлений о принятии предварительных решений о классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД ЕАЭС преимущественно в электронной форме // Официальный сайт Федеральной таможенной службы России. [Электронный ресурс]. URL: customs.gov.ru/document/text/668433 (дата обращения: 29.03.2026).

3. Перескокова К. В. Основные ошибки, допускаемые при классификации товаров в соответствии с ТН ВЭД и их выявление / Актуальные проблемы гуманитарных наук: труды XII Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Томск: Национальный исследовательский Томский политехнический университет, 2013. 567 с. С. 204–205.

4. Решение Арбитражного суда Московской области по делу № А41-70194/24 от 09.04.2025. // СудАкт.ру: сайт. [Электронный ресурс]. URL: sudact.ru/arbitral/doc/1eljuqdrbqoR/ (дата обращения: 29.03.2026).

5. Решение Арбитражного суда Приморского края от 15.08.2022 по делу № А51-7797/2022 // Альта-Софт. [Электронный ресурс]. URL: www.alta.ru/tamdoc/22a07797/ (дата обращения: 29.03.2026).

6. Статистика проведения мероприятий таможенного контроля за 2024 год // Налоги и Таможня. [Электронный ресурс]. URL: https://www.russiantaxandcustoms.com/ (дата обращения: 28.03.2026).

ВНЕДРЕНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО ФИНАНСОВОГО КОНТРОЛЯ

Орлова О.В. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Гарипов Р.И. – к.э.н, доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

Статья анализирует нормативно-правовые основы внедрения технологий искусственного интеллекта в системах государственного финансового контроля Российской Федерации. Рассматриваются актуальные требования законодательства, риски и ограничения при использовании ИИ в бюджетном процессе и внешнем аудите. Предлагаются практические рекомендации по обеспечению соответствия нормам безопасности и эффективности внедрения.

Необходимость изучения вопросов внедрения искусственного интеллекта в системах государственного финансового контроля обусловлена несколькими важными причинами. В условиях активной цифровизации государственного управления и постоянного увеличения объемов обрабатываемых данных внедрение

современных аналитических технологий приобретает стратегическое значение. Такие технологии позволяют существенно повысить оперативность выявления рисков нецелевого или неэффективного использования бюджетных средств, сократить время выполнения рутинных операций и снизить влияние человеческого фактора на результаты контрольных мероприятий.

Применение традиционных методов контроля в настоящее время часто приводит к задержкам при обработке больших массивов информации и повышает вероятность пропуска потенциальных нарушений. В рамках реализации национальных целей развития перед органами государственной власти стоит задача комплексной оптимизации бюджетных процессов. В этой связи внедрением технологий искусственного интеллекта рассматривается как необходимый элемент современной системы государственного финансового контроля, способный обеспечить переход к более эффективным и риск-ориентированным формам надзора.

Исследование направлено на развитие теоретических основ применения искусственного интеллекта в сфере государственного управления. Кроме того, в работе содержатся практические рекомендации, которые могут быть использованы специалистами для эффективной интеграции данных технологий в бюджетный процесс и внешний государственный аудит.

Системы государственного финансового контроля решают одну из ключевых задач – обеспечение законности, эффективности и целевого использования бюджетных средств на всех уровнях публичной власти. Центральным элементом таких систем выступает блок анализа и обработки данных. Этот блок собирает информацию из разнообразных источников, проводит ее сопоставление с установленными нормативными показателями, фиксирует отклонения и передает соответствующие сигналы на вышестоящие уровни управления.

Данный блок интегрируется в государственные информационные системы и взаимодействует с ними исключительно через защищенные каналы связи в строгом соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации.

Объектом исследования выступает процесс внедрения искусственного интеллекта в системы государственного финансового контроля. Предметом исследования являются механизмы нормативно-правового регулирования данного процесса.

При формировании структурной схемы обозначаются основные компоненты системы государственного финансового контроля и характер их взаимодействия. Структурная схема внедрения искусственного интеллекта в системах государственного финансового контроля представлена на рисунке 1.

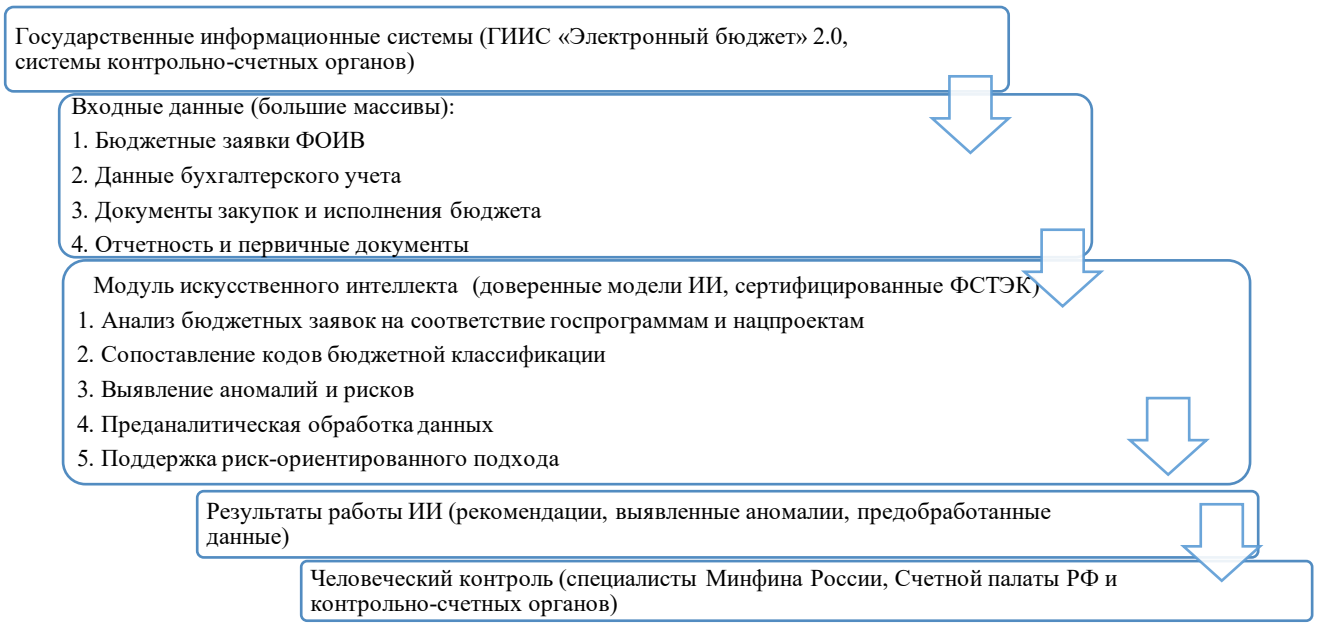


Рис. 1. Структурная схема внедрения ИИ в системах государственного финансового контроля [1]

Обеспечение безопасности (Приказ ФСТЭК России № 117):

– использование только доверенных моделей ИИ;

– защита наборов данных, моделей и их параметров;

– фильтрация запросов и контроль ответов ИИ;

– запрет несанкционированного использования облачных сервисов для информации ограниченного доступа.

Расшифровка аббревиатур, использованных в схеме:

– ГИИС – Государственная интегрированная информационная система;

– ИИ – Искусственный интеллект;

– ФСТЭК России – Федеральная служба по техническому и экспортному контролю Российской Федерации;

– Минфин России – Министерство финансов Российской Федерации;

– ФОИВ – Федеральные органы исполнительной власти.

Основные функции системы при использовании технологий искусственного интеллекта (в соответствии с действующими нормативными актами) включают следующие направления:

1. Автоматический анализ больших массивов данных с целью выявления аномалий и рисков нецелевого или неэффективного использования бюджетных средств.

2. Автоматизированное сопоставление кодов бюджетной классификации и обоснований расходов в заявках федеральных органов исполнительной власти.

3. Применение предиктивной аналитики для формирования рекомендаций в сфере бюджетного планирования и прогнозирования доходов.

4. Автоматизация проверки типовых документов и выявления признаков аффилированности участников закупочных процедур в рамках внешнего государственного аудита.

5. Реализация риск-ориентированного подхода к проведению контрольных мероприятий с обязательным учетом требований информационной безопасности.

6. Обеспечение взаимодействия с иными государственными информационными системами через защищенные интерфейсы.

В процессе анализа нормативной базы выявлены основные положения, определяющие возможности и ограничения внедрения ИИ. К числу ключевых особенностей относится строгое соблюдение требований по защите информации, относящейся к категории ограниченного доступа. Законодательство прямо предусматривает использование только доверенных моделей искусственного интеллекта и устанавливает запрет на передачу таких данных в облачные сервисы сторонних организаций.

Анализ нормативной базы проводится на основании действующих документов, включая Указ Президента Российской Федерации от 10.10.2019 № 490 (в редакции от 15.02.2024 № 124), Приказ ФСТЭК России от 11.04.2025 № 117 (вступил в силу 01.03.2026), а также проект федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» (ID 166424, опубликован в марте 2026 года). Соответствие установленным требованиям позволяет определить минимальные условия, необходимые для успешной интеграции технологий искусственного интеллекта в практику государственного финансового контроля.

Итоговые данные о ключевых нормативных актах представлены в таблице 1.

Табл. 1

Основные нормативные правовые акты, регулирующие внедрение искусственного интеллекта в системах государственного финансового контроля (по состоянию на март 2026 года) [3]

Нормативный акт	Дата принятия / вступления в силу	Ключевые положения
Указ Президента РФ № 490 (в ред. № 124)	10.10.2019 (ред. 15.02.2024)	Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года; приоритетное внедрение ИИ в государственном управлении
Приказ ФСТЭК России № 117	11.04.2025 / 01.03.2026	Требования к защите информации при использовании ИИ в государственных информационных системах (п. 60–61); запрет на применение облачных сервисов для обработки данных ограниченного доступа; обязательная фильтрация запросов и верификация ответов ИИ
Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий ИИ» (ID 166424)	Опубликован 18.03.2026 / планируется вступление в силу с 01.09.2027	Введение риск-ориентированного подхода; создание реестра доверенных моделей ИИ; обязательная сертификация моделей для использования в государственных системах
Положения о развитии ГИИС «Электронный бюджет» версии 2.0	Внедрение модулей ИИ – 2025 год	Интеграция ИИ-агента для автоматизации анализа аномалий, сопоставления кодов бюджетной классификации и поддержки бюджетного планирования

Таким образом, требования к внедрению искусственного интеллекта в системах государственного финансового контроля формируются комплексом взаимосвязанных нормативных документов. Внедрение данных технологий представляет собой значимый шаг на пути повышения эффективности и надежности деятельности органов государственной власти в условиях цифровой экономики. Инвестиции в развитие соответствующих решений являются оправданными, поскольку позволяют существенно сократить риски нарушений и

оптимизировать бюджетные процессы. Это направление становится стратегически важным для долгосрочного развития системы государственного управления.

Анализ, проведенный в рамках настоящей работы, может использоваться в качестве практического ориентира для специалистов, занимающихся вопросами оптимизации бюджетного контроля и повышения общей эффективности контрольной деятельности.

Перспективы дальнейшей научной работы включают следующие направления:

1. Оценка и подбор моделей искусственного интеллекта, соответствующих требованиям ФСТЭК России, с учетом текущей рыночной конъюнктуры.
2. Адаптация систем на основе ИИ под специфические задачи отдельных федеральных органов исполнительной власти, что напрямую влияет на уровень информационной безопасности.
3. Проведение сравнительного анализа эффективности внедрения искусственного интеллекта в зависимости от масштаба и сложности бюджетных процессов.
4. Разработка детальных рекомендаций по выбору и сертификации моделей ИИ, обеспечивающих полное соответствие требованиям действующего законодательства.

Дополнительно следует отметить, что в 2025 году Министерство финансов Российской Федерации запустило пилотные проекты по использованию ИИ-агента для проверки бюджетных заявок и прогнозирования доходов бюджета. Эти инициативы демонстрируют практическую направленность внедрения технологий и подтверждают готовность ведомства к дальнейшей интеграции ИИ в ядро бизнес-процессов «Электронного бюджета» 2.0.

Счетная палата Российской Федерации в Стратегии развития на 2025–2030 годы также закрепила приоритет цифрового аудита с широким применением искусственного интеллекта и машинного обучения для анализа больших данных и предиктивной аналитики. Это позволяет переходить от выборочных проверок к более глубокому и сплошному анализу высокорисковых вопросов.

Внедрение ИИ в государственном финансовом контроле требует баланса между инновациями и безопасностью. Приказ ФСТЭК России № 117 устанавливает четкие барьеры: запрет облачных нейросетей для ограниченного доступа,

обязательную верификацию ответов моделей и регулярный контроль защищенности систем. Эти меры направлены на минимизацию рисков «галлюцинаций» алгоритмов и несанкционированного воздействия на модели.

Список используемых источников

1. Материалы Министерства финансов Российской Федерации «Бюджетный разум: AI помогает управлять госфинансами» // Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации. 15 ноября 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://minfin.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

2. Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года: утв. Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. от 15 февраля 2024 г. № 124). // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 31.03. 2026).

3. Об утверждении Требований о защите информации, содержащейся в государственных информационных системах: приказ Федеральной службы по техническому и экспортному контролю Российской Федерации от 11 апреля 2025 г. № 117 (вступил в силу 1 марта 2026 г.). // Контур.Норматив. [Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500478 (дата обращения: 31.03.2026)

4. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (в ред. Указа Президента Российской Федерации от 15 февраля 2024 г. № 124) // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: http://publication.pravo.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

5. Проект Федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации» // (ID проекта 166424). [Электронный ресурс]. URL: https://regulation.gov.ru (дата обращения: 31.03.2026).

6. Стратегия развития Счетной палаты Российской Федерации на 2025–2030 годы: утв. Коллегией Счетной палаты РФ в декабре 2024 г. // Счетная палата Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: https://ach.gov.ru/documents/strategy/ (дата обращения: 31.03.2026).

ДИНАМИКА РЕАЛЬНЫХ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ В СИБИРСКОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Писарев К.М. – студент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения»

Научный руководитель: Хекало О.Ю. – к.т.н., доцент, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения»

Аннотация

В статье проведен анализ динамики реальных доходов населения в регионах Сибирского федерального округа за 2021–2025 гг. На основе данных Росстата рассчитаны показатели динамики, выявлены регионы-лидеры (Красноярский край, Новосибирская область) и аутсайдеры (Республика Тыва, Республика Алтай). Установлено, что за пятилетие реальные доходы в СФО выросли на 30,5 %, среднегодовой темп прироста составил 6,9 %. Предложены меры государственной поддержки для дальнейшего увеличения реальных доходов населения.

Актуальность работы заключается в том, что Сибирский федеральный округ (СФО) сочетает в себе как промышленно развитые, так и депрессивные регионы. Анализ динамики реальных доходов позволяет не только отследить реакцию благосостояния граждан на макроэкономические изменения, но и выявить степень социально-экономического неравенства внутри округа [9].

В официальной статистике Российской Федерации используется показатель «реальные располагаемые доходы населения», который рассчитывается путем деления индекса номинальных располагаемых доходов на индекс потребительских цен.

Целью данной работы является анализ динамики реальных доходов населения в регионах Сибирского федерального округа за период 2021–2025 года.

Для достижения поставленной цели в работе необходимо решить следующие задачи:

Провести сбор и систематизацию статистических данных по уровню доходов населения субъектов РФ, входящих в состав СФО.

1. Проанализировать динамику уровня доходов населения.
2. Спрогнозировать анализируемый показатель на 2030 год.
3. Визуализировать полученные результаты с помощью графика.
4. Сделать выводы и сформулировать пути увеличения уровня доходов населения.

Объектом исследования выступает население Сибирского федерального округа.

Предметом исследования являются показатели динамики реальных доходов населения в региональном разрезе за период 2021–2025 гг.

Информационной базой являются данные Росстата и региональных статистических служб за 2021–2025 гг. [5, 7].

Методы исследования:

– статистический анализ динамических рядов [4];
– расчет средних показателей динамики;
– метод аналитического выравнивания для прогнозирования показателя.

Период исследования: 2021–2025 гг.

Для анализа динамики реальных денежных доходов населения в Сибирском федеральном округе были собраны статистические данные с 2021 по 2025 год (табл. 1).

Табл. 1

Реальные денежные доходы населения в СФО за 2021–2025 гг. [5, 7]

Регион	Пояснение	Годы				
		2021	2022	2023	2024	2025
Сибирский федеральный округ	тыс. р.	28,5	30,2	32,2	34,7	37,2
	в процентах к предыдущему году	100,9	105,8	106,7	107,6	107,2
Республика Алтай	тыс. р.	23,1	23,7	26,3	27,9	29,7
	в процентах к предыдущему году	102,6	102,3	111,2	106,1	106,5
Республика Тыва	тыс. р.	20,4	20,9	23,1	24,9	27,2
	в процентах к предыдущему году	107,6	107,8	110,7	107,9	109,2
Республика Хакасия	тыс. р.	25,8	26,5	28,2	29,8	31,8
	в процентах к предыдущему году	101,2	102,8	106,5	105,6	106,8

Продолжение табл. 1

Алтайский край	тыс. р.	24,2	25	25,8	27,6	29,2
	в процентах к предыдущему году	99,1	103,2	103,3	106,9	105,9
Красноярский край	тыс. р.	37,8	39,2	43,1	46,6	50,6
	в процентах к предыдущему году	101,3	104,7	110,0	108,1	108,5
Иркутская область	тыс. р.	31,5	32,7	34,4	37,2	40,1
	в процентах к предыдущему году	101,7	106,2	105,3	108,0	107,8
Кемеровская область	тыс. р.	29,7	30,8	33,5	36,3	39,2
	в процентах к предыдущему году	100,4	103,6	108,8	108,3	108
Новосибирская область	тыс. р.	34,2	38	40,7	43,7	47
	в процентах к предыдущему году	102,8	110,9	107,1	107,3	107,5
Омская область	тыс. р.	26,9	28,3	29,6	31,9	33,7
	в процентах к предыдущему году	99,8	105,1	104,5	107,9	105,5
Томская область	тыс. р.	32,6	34,5	35,4	37,2	39,8
	в процентах к предыдущему году	101,5	105,9	102,6	105,2	107

За период 2021–2025 гг. реальные доходы в СФО выросли с 28,5 тыс. р. до 37,2 тыс. р. (+30,5 %). Лидерами являются Красноярский край (50,6 тыс. р.) и Новосибирская область (47,0 тыс. р.), аутсайдерами – Республика Тыва (27,2 тыс. р.) и Республика Алтай (29,7 тыс. р.). Разрыв между лидером и аутсайдером составляет 1,86 раза. Наиболее высокие темпы роста показали Новосибирская область (+37,4 %) и Республика Тыва (+33,3 % с низкой базы), наименьшие – Томская область (+22,1 %) и Омская область (+25,3 %).

Далее в работе подробно анализировались реальные доходы населения по СФО. Для анализа реальной покупательной способности населения необходимы абсолютные значения доходов (табл. 2). Именно они позволяют оценить фактический уровень жизни в СФО, а также рассчитать ключевые показатели динамики.

Табл. 2

Динамика реальных доходов в СФО за 2021–2025 гг. [5, 7]

Показатель	Годы				
	2021	2022	2023	2024	2025
Реальные денежные доходы населения в СФО, тыс. р.	28,5	30,2	32,2	34,7	37,2
Абсолютный прирост, тыс. р. – к 2021 году (базисному); – ежегодный.	0	1,7 1,7	3,7 2	6,2 2,5	8,7 2,5
Коэффициент роста – к 2021 году (базисному); – ежегодный	1 –	1,0596 1,0596	1,1298 1,0662	1,2175 1,0776	1,3053 1,072
Темп роста, проц. – к 2021 году (базисному); – ежегодный	100 –	106 106	113 106,6	121,8 107,8	130,5 107,2
Темп прироста, проц. – к 2021 году (базисному); – ежегодный	0 –	6 6	13 6,6	21,8 7,8	30,5 7,2
Абсолютное значение 1 проц., тыс. р. – ежегодный	–	0,285	0,302	0,322	0,347

На основе рассчитанных показателей динамики реальных доходов населения в Сибирском федеральном округе за 2021–2025 гг. можно сделать следующие выводы:

1. Абсолютный прирост за исследуемый период: реальные доходы населения в СФО увеличились на 8,7 тыс. р. Наибольший годовой прирост наблюдался в 2024 и 2025 годах (+2,5 тыс. р. за каждый год), наименьший – в 2022 году (+1,7 тыс. р.).

2. Базисный коэффициент роста показывает, что к 2025 году реальные доходы выросли в 1,305 раза по сравнению с 2021 годом. Цепные коэффициенты роста (1,0596–1,0776) свидетельствуют о стабильном ежегодном увеличении доходов.

3. Базисный темп роста составил 130,5 % к 2025 году, то есть доходы превысили уровень 2021 года на 30,5 %. Цепные темпы роста колебались от 106,0 % в 2022 году до 107,8 % в 2024 году, что указывает на устойчивую положительную динамику.

4. Базисный темп прироста достиг +30,5 % к 2025 году. Наибольший цепной прирост зафиксирован в 2024 году (+7,8 %), наименьший – в 2022 году (+6,0 %).

5. Абсолютное значение 1 % прироста. Этот показатель увеличивался с 0,285 тыс. р. в 2022 году до 0,347 тыс. р. в 2025 году.

Для получения обобщающей характеристики интенсивности изменения реальных доходов населения в Сибирском федеральном округе за весь исследуемый период рассчитывались среднегодовые показатели динамики (табл. 3).

Табл. 3

Средние ежегодные показатели динамики за 2021–2025 гг. [5, 7]

Показатель	Результат
Средний ежегодный абсолютный прирост, тыс. р.	2175
Средний ежегодный коэффициент роста	1,069
Средний ежегодный темп роста, проц.	106,9
Средний ежегодный темп прироста, проц.	6,9

На основе рассчитанных среднегодовых показателей динамики реальных доходов населения в Сибирском федеральном округе за 2021–2025 гг. можно сделать следующие выводы:

1. За исследуемый период реальные доходы населения в СФО ежегодно росли. Средний абсолютный прирост составил 2 175 тыс. р., что означает увеличение доходов в среднем на 2175 рублей в год (в ценах 2021 года).

2. Средний коэффициент роста показывает, что доходы ежегодно увеличивались в среднем в 1,069 раза.

3. Средний темп роста свидетельствует о том, что каждый последующий год доходы составляли в среднем 106,9 % от уровня предыдущего года.

4. Средний темп прироста подтверждает, что реальные доходы населения в СФО в среднем за год увеличивались на 6,9 %.

Далее в работе предпринята попытка прогнозирования анализируемого показателя. Прогнозирование необходимо для оценки перспектив изменения уровня жизни населения [8], планирования социальной политики и своевременной корректировки мер государственной поддержки [10]. Для прогнозирования реальных доходов населения в Сибирском федеральном округе используем метод аналитического выравнивания по уравнению прямой линии. Поскольку абсолютные приросты примерно одинаковы (2,2–2,5 тыс. р. в год), можно предположить, что математическим выражением тенденции изменения реальных доходов является уравнение прямой:

$$\bar{Y}_t = a_0 + a_1 t \quad (1)$$

Где a_0 и a_1 - параметры уравнения, которые рассчитываются.

После расчета параметров a_0 и a_1 получили уравнение тренда, которое является моделью для прогнозирования, подтверждая устойчивую тенденцию роста показателя:

$$\bar{Y}_t = 32{,}56 + 2{,}19t \quad (2)$$

Путем экстраполяции получим прогнозируемый уровень доходов населения в регионе на 2030 год равный. Он может достичь 47,89 тыс. р., при условии стабильной экономической и политической ситуации в стране. Прогноз носит вероятностный характер и может корректироваться под влиянием макроэкономических факторов. Для визуализации процесса был построен график (рис. 1).

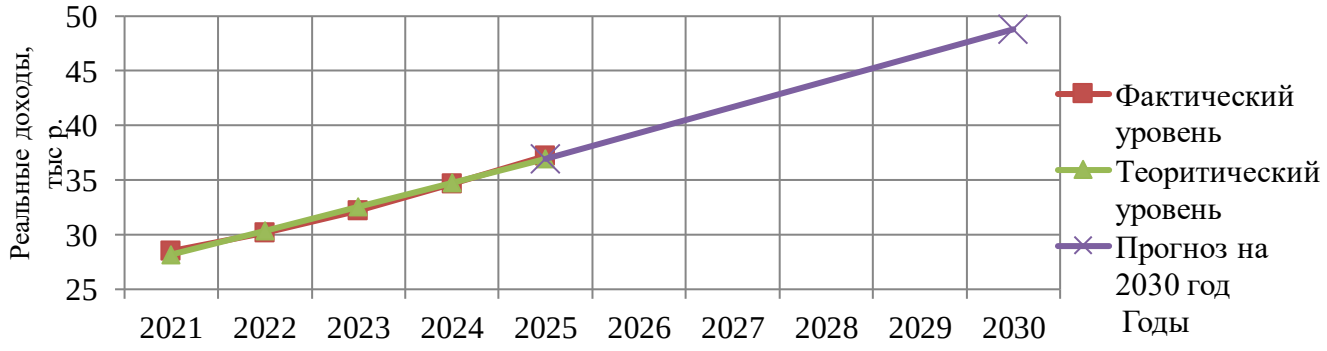


Рис. 1. Динамика реальных доходов и прогноз на 2030 год

Источник: составлено автором

Построенный график наглядно демонстрирует устойчивую восходящую динамику реальных доходов населения в СФО. Фактические и выравненные уровни располагаются близко друг к другу, что подтверждает адекватность линейной модели. Линия тренда, продленная до 2030 года, показывает сохранение положительной тенденции, что позволяет ожидать дальнейшего роста уровня жизни населения.

На основе проведённых расчетов и построенного графика можно сделать следующие выводы:

1. За период 2021–2025 гг. реальные доходы населения в Сибирском федеральном округе увеличились с 28,5 тыс. р. до 37,2 тыс. р. (в ценах 2021 года). Базисный темп роста составил 130,5 %, то есть доходы выросли на 30,5 % за пять лет.

2. Наибольший годовой прирост зафиксирован в 2024 году (+2,5 тыс. р., +7,8 %), наименьший – в 2022 году (+1,7 тыс. р., +6,0 %). Цепные темпы роста колебались в пределах 106,0–107,8 %, что свидетельствует о стабильной положительной динамике.

3. В среднем за год реальные доходы увеличивались на 2175 тыс. р. (или на 6,9 %). Средний годовой уровень доходов за пятилетие составил 32,6 тыс. р.

4. Уравнение тренда адекватно описывает динамику. При сохранении сложившихся тенденций к 2030 году реальные доходы могут достигнуть 47,9 тыс. р., что на 68 % выше уровня 2021 года.

5. Построенный график наглядно подтверждает устойчивую восходящую динамику: фактические уровни располагаются близко к линии тренда, а продление тренда до 2030 года показывает сохранение положительной тенденции.

6. Положительная динамика реальных доходов в СФО обусловлена государственной политикой: индексацией МРОТ, поддержкой занятости, инвестиционными проектами, социальными контрактами, мерами поддержки семей с детьми, пострадавших от агрессии Украины [6], а также увеличением социальных выплат и денежных довольствий военнослужащим и членам их семей в условиях проведения специальной военной операции (СВО).

В ходе выполнения расчетно-графической работы был проведен анализ динамики реальных доходов населения в регионах Сибирского федерального округа за период 2021–2025 гг. На основе данных были рассчитаны показатели

динамики, выполнен прогноз на 2030 год, а результаты визуализированы с помощью графика.

Проведенный анализ показал, что за исследуемый период реальные доходы населения в СФО увеличились с 28,5 тыс. р. до 37,2 тыс. р., что составило рост на 30,5 % в базисном исчислении. Цепные темпы роста колебались в пределах 106,0–107,8 %, что свидетельствует о стабильной положительной динамике. Среднегодовой темп прироста составил 6,9 %, а средний годовой уровень доходов за пятилетие – 32,6 тыс. р. Прогноз на 2030 год, построенный на основе уравнения тренда, показывает возможное достижение уровня 47,9 тыс. р., что на 68 % выше уровня 2021 года.

Актуальность работы подтвердилась: максимальные доходы имеют жители развитых регионов. Это Красноярский край и Новосибирская область. Минимальные доходы имеют жители дотационных республик (Тыва и Алтай), где уровень доходов ниже в 1,8–1,9 раза по сравнению с регионами лидерами.

Лидерами выступают промышленно развитые регионы (Красноярский край, Новосибирская область), а аутсайдерами – дотационные республики (Тыва, Алтай), где уровень доходов ниже в 1,8–1,9 раза по сравнению с регионами-лидерами.

В результате работы формулируются следующие рекомендации, для дальнейшего увеличения реальных доходов населения в Сибирском федеральном округе необходима реализация следующих мер: необходимо повышать МРОТ и социальные выплаты; создавать новые рабочие места [1, 2], необходимые для развития промышленности; сокращать расслоение в обществе [3]; поддерживать малый бизнес и способствовать его развитию; реализовывать адресную помощь населению и сдерживать инфляцию. Кроме того, в условиях проведения специальной военной операции важно учитывать сдерживающие факторы, которые оказывают отрицательное влияние на экономику в целом и доходы социально уязвимых слоев населения.

Список используемых источников

1. Алиева К.У. Статистика инноваций в логистике и конкурентоспособность России / Мы продолжаем традиции российской статистики: материалы I Открытого российского статистического конгресса / Отв. ред. В.В. Глинский, Л.К. Серга. Новосибирск: Новосибирский государственный университет экономики и управления "НИНХ", 2015. 825 с. С. 124–125.

2. Болбат О.Б. Кадры для цифровой экономики // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2025. № 4. С. 11-17.

3. Болбат О.Б. Статистический анализ факторов, влияющих на демографические процессы в России / Международный демографический форум "Демография и глобальные вызовы": материалы форума / Отв. редактор Н.В. Яковенко. Воронеж: Общество с ограниченной ответственностью "Цифровая полиграфия", 2021. 1142 с. С. 444–447.

4. Дегтярева, О.С. Статистика и анализ данных. Курск: ЗАО «Университетская книга», 2025. 77 с.

5. Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). // fedstat.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://fedstat.ru/indicator/37322 (дата обращения: 27.03.2026).

6. О мерах социальной поддержки семей, имеющих детей, пострадавших от агрессии Украины: указ Президента РФ от 21.12.2023 № 975. // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TDzo7 (дата обращения: 28.03.2026).

7. Федеральная служба государственной статистики // Официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения: 27.03.2026).

8. Фирсова, А.А. Актуальные проблемы по реализации мер социальной защиты малоимущих граждан в регионе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 8-2. С. 142–144.

9. Хекало, О.Ю. Анализ динамики доходов бюджета субъекта Российской Федерации / Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура: материалы III-й Международной научно-практической конференции, посвящённой 25-летию ТувИКОПР СО РАН и 45-летию академической науки в Туве, Кызыл / Отв. редактор В.О. Ооржак. Кызыл: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов Сибирского отделения Российской академии наук, 2019. 520 с. С. 289–291.

10. Хекало, О.Ю. Характеристика инвестиционных процессов в регионах России / Актуальные проблемы экономического развития: сборник докладов X Международной заочной научно-практической конференции / Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2019. 468 с. С. 424–428.

АНАЛИТИКА ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ДАННЫХ КАК ИНСТРУМЕНТ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Плоткина Т.Ю. – аспирант, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Александрова Л.Д. – к.филос.н., доцент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты применения аналитики образовательных данных в системе управления образовательными организациями. Обоснована актуальность перехода от традиционной отчётности к модели управления, основанной на данных. Особое внимание уделяется роли аналитики на стратегическом, тактическом и операционном уровнях принятия решений. Рассмотрены ключевые риски и этические проблемы внедрения аналитических систем.

Введение

Стремительная цифровизация образовательной среды, охватившая ведущие университеты мира в начале XXI века и резко ускорившаяся в период пандемии COVID-19, породила беспрецедентный по масштабам поток данных о педагогических и административных процессах [21]. Электронные журналы и ведомости, системы управления обучением (LMS), платформы дистанционного образования, сервисы видеоконференцсвязи и корпоративные информационные системы ежедневно генерируют миллионы записей о поведении студентов, деятельности преподавателей и функционировании образовательной организации в целом [17, 21].

Между тем накопление сведений само по себе не создаёт ценности. Согласно данным масштабного обследования, проведённого NASPA, Ассоциацией институциональных исследований и EDUCAUSE, лишь около 30 % университетов систематически применяют аналитику при принятии стратегических решений, тогда как подавляющее большинство организаций ограничивается традиционной статистической отчётностью, которая носит ретроспективный характер и не позволяет своевременно реагировать на возникающие проблемы [14].

Данное противоречие обусловливает высокую научную и практическую значимость исследований в области аналитики образовательных данных (АОД) – быстро развивающейся дисциплины на пересечении информатики, педагогики, статистики и менеджмента [10, 18].

Цель статьи: систематизировать теоретические основы и практические механизмы применения аналитики образовательных данных как инструмента принятия управленческих решений в образовательных организациях.

Для достижения поставленной цели определены следующие задачи исследования: проанализировать понятийный аппарат и концептуальные основы АОД; классифицировать виды и источники образовательных данных; охарактеризовать ключевые инструменты и технологии аналитики; исследовать практику применения АОД на различных уровнях управления; выявить риски и ограничения внедрения аналитических систем.

Объект исследования: система управления образовательными организациями в условиях цифровой трансформации.

Предмет исследования: аналитика образовательных данных как инструментальная основа принятия управленческих решений.

В качестве методов исследования использованы: систематический анализ научной литературы; сравнительный анализ зарубежного и отечественного опыта внедрения АОД [2]; кейс-анализ практик ведущих университетов; синтез и концептуализация данных.

Научная новизна статьи состоит в комплексном рассмотрении АОД как системообразующего элемента data-driven управления образованием с учётом специфики российского контекста, а также в разработке интегрированной модели применения аналитики на всех уровнях управленческой иерархии. Практическая значимость определяется возможностью использования предложенных рекомендаций руководителями образовательных организаций при формировании стратегии цифровой трансформации.

Теоретические основы аналитики образовательных данных

Аналитика образовательных данных (Learning Analytics, LA) как научная дисциплина сформировалась в конце первого десятилетия XXI века. Одним из первых и наиболее широко принятых определений является формулировка, предложенная Дж. Сименсом и Ф. Лонгом в рамках первой международной конференции по АОД (LAK, 2011): Learning Analytics – это «измерение, сбор, анализ и отчётность о данных учащихся и их контекстах с целью понимания и оптимизации обучения и среды, в которой оно происходит» [18].

Близкой, но самостоятельной областью является интеллектуальный анализ образовательных данных (Educational Data Mining, EDM), ориентированный

преимущественно на разработку и применение методов обнаружения закономерностей в больших массивах педагогических данных [5, 16]. Если LA тяготеет к интерпретации данных в интересах принятия решений, то EDM акцентирует внимание на методологии анализа [10]. На практике обе дисциплины тесно взаимосвязаны и нередко рассматриваются как взаимодополняющие [9].

С управленческой точки зрения принципиально важно разграничить АОД и традиционную образовательную отчетность. Традиционная отчетность носит ретроспективный, агрегированный и нормативно предписанный характер: она фиксирует факты прошлого в заданном формате и передается по иерархической цепочке [7]. АОД, напротив, ориентирована на проактивное использование данных: анализ носит опережающий характер, результаты адаптируются под конкретные управленческие задачи, а информация становится основой для персонализированных интервенций, а не просто статистическим отчетом [12].

Концепция «цифрового университета», активно разрабатываемая в работах Норрис и Баер, Лонга и Сименса, предполагает, что принятие решений на всех уровнях управления должно опираться на достоверные, актуальные и структурированные данные [12, 18]. В этой парадигме АОД выступает операциональным механизмом, преобразующим «сырые» данные в управленческую ценность.

Среди ключевых теоретических подходов к АОД выделяются: поведенческий подход (фокус на активности студентов в цифровой среде); когнитивный подход (анализ паттернов обучения и успеваемости); социальный подход (изучение взаимодействий в учебных сообществах); системный подход (интеграция данных из множества источников для целостного понимания образовательного процесса) [9, 10].

Виды и источники образовательных данных

Современная образовательная организация генерирует разнородные данные, которые могут быть систематизированы по нескольким основаниям [17]. С точки зрения управленческого применения наиболее продуктивной представляется следующая классификация:

1. Академические данные составляют исторически первую и наиболее разработанную категорию [7]. К ним относятся результаты текущей, промежуточной и итоговой аттестации, данные о посещаемости занятий, выполнении учебного плана, участии в олимпиадах и научных мероприятиях.

2. Поведенческие данные – наиболее быстро растущая категория, сформировавшаяся благодаря повсеместному распространению LMS (Moodle, Canvas, Blackboard и др.) [7]. Они включают частоту входов в систему, время, проведённое на образовательных ресурсах, число просмотров лекционных материалов и выполненных заданий, активность на форумах, динамику взаимодействия с преподавателем.

3. Административные данные охватывают широкий спектр организационной информации: сведения о зачислении, переводе и отчислении студентов, кадровую информацию о составе и квалификации преподавательского корпуса, финансовые данные о стоимости реализации образовательных программ, сведения об использовании учебной инфраструктуры. Интеграция академических и административных данных создаёт условия для комплексной оценки эффективности деятельности образовательной организации [12, 14].

4. Внешние данные включают информацию из источников за пределами организации: национальные и международные рейтинги университетов, данные о рынке труда и трудоустройстве выпускников, результаты мониторинга Министерства просвещения и Министерства науки и высшего образования, отзывы работодателей, демографические показатели [2].

Существенной проблемой является качество и интеграция данных из разнородных источников [14]. Среди типичных проблем: фрагментарность хранения данных в разрозненных системах, неоднородность форматов и стандартов, ошибки и пропуски в данных, сложность установления единого идентификатора студента/сотрудника на уровне организации [17]. Решение этих проблем требует целенаправленных усилий по созданию интегрированной архитектуры данных, внедрению стандартов качества и процедур управления данными [12].

Инструменты и технологии аналитики

Технологический ландшафт аналитики образовательных данных включает несколько уровней, различающихся степенью специализации и глубиной анализа.

LMS со встроенной аналитикой – первый и наиболее доступный уровень. Современные платформы предоставляют встроенные инструменты мониторинга активности студентов, визуализации прогресса и генерации базовых отчётов [17]. Преимущество данного уровня – низкий порог входа и тесная интеграция с учебным процессом.

BI-системы и дашборды формируют второй уровень. Платформы Business Intelligence позволяют агрегировать данные из множества источников, строить интерактивные дашборды и генерировать кастомизированные отчёты [12]. В образовательном контексте BI-системы используются для визуализации КПЭ.

По типу аналитики принято различать три уровня [7, 12]. Описательная аналитика является наиболее распространённой: сюда относятся средние баллы, показатели посещаемости, процент отчислений. Предиктивная аналитика использует методы статистического моделирования и машинного обучения для прогнозирования [16]. Прескриптивная аналитика формирует рекомендации по управленческим действиям. Именно прескриптивная аналитика является высшим уровнем зрелости аналитических систем, однако встречается в образовании значительно реже [12].

Искусственный интеллект и машинное обучение открывают новые возможности в аналитике образовательных данных [16]. Методы кластеризации позволяют сегментировать студентов по паттернам обучения, нейронные сети – анализировать неструктурированные данные (тексты, аудио, видео). Обработка естественного языка (NLP) используется для анализа студенческих эссе и отзывов [11].

Среди ключевых барьеров внедрения аналитики в образовательных организациях выделяются: недостаток финансирования и кадрового потенциала, сопротивление изменениям со стороны педагогического сообщества, сложность интеграции гетерогенных данных, отсутствие чёткой политики в области данных, правовые ограничения (прежде всего в части защиты персональных данных) [14, 17].

Аналитика как инструмент принятия управленческих решений

В теории управления традиционно выделяются три уровня принятия решений: стратегический, тактический и операционный [12]. Рассмотрим роль аналитики образовательных данных на каждом из них.

Стратегический уровень предполагает принятие долгосрочных решений о развитии университета в целом [12]. АОД обеспечивает стратегический уровень данными о динамике контингента, показателях выпускаемости и трудоустройства, сравнительных характеристиках программ [14]. Тактический уровень охватывает решения руководителей среднего звена относительно организации учебного процесса [12]. Операционный уровень включает ежедневные решения,

непосредственно влияющие на образовательный опыт студентов и рабочие условия преподавателей [3]. На операционном уровне особенно ценны системы раннего предупреждения, автоматически идентифицирующие студентов, чья вовлеченность резко снизилась, и инициирующие контакт со стороны куратора или психолога [3, 17].

Практические примеры применения АОД

Прогнозирование отчислений является одним из наиболее разработанных практических применений АОД [3, 5]. Ярким примером служит система Purdue University Signals, внедрённая в 2007 году и ставшая прообразом многих последующих разработок [3]. Система анализирует академическую успеваемость, активность в LMS, социально-демографические характеристики и выдаёт студентам и преподавателям цветовые индикаторы риска. Схожие системы реализованы в Georgia State University, где использование предиктивной аналитики (система GPS Advising, запущенная в 2012 году) позволило существенно сократить разрыв в показателях успеваемости между студентами из разных социально-экономических групп и увеличить показатели удержания студентов [14].

Персонализация обучения основывается на построении подробных профилей учащихся и адаптации учебного контента, темпа и формата к индивидуальным характеристикам [20]. Платформы адаптивного обучения (Knewton, Smart Sparrow, российская Яндекс. Практикум) используют алгоритмы машинного обучения для постоянной калибровки учебного опыта. Оценка эффективности образовательных программ с помощью АОД позволяет перейти от субъективных экспертных оценок к объективным, основанным на данных выводам [6].

Проблемы и риски использования аналитики

Этические вопросы занимают центральное место в дискуссиях об АОД [13, 15, 19]. Сбор и анализ детализированных данных о поведении студентов поднимает серьёзные вопросы о праве на неприкосновенность частной жизни, информированном согласии и границах допустимого наблюдения [19]. Слейд и Принслоу указывают на риск «паноптической» образовательной среды, в которой студенты постоянно осознают, что находятся под наблюдением, что может негативно сказаться на их академической автономии и психологическом благополучии [15, 19].

В России правовую основу защиты данных студентов образуют Федеральный закон № 152-ФЗ «О персональных данных» и отраслевые регуляторные акты [1].

Принципиально важно обеспечить прозрачность алгоритмов аналитики, доступность для студентов информации об обрабатываемых данных и механизмы оспаривания автоматизированных решений[1, 2].

Риск неверной интерпретации данных является серьезной управленческой проблемой [12]. Корреляция не означает причинно-следственной связи, а статистические закономерности, выявленные на агрегированных данных, могут некорректно применяться к отдельным студентам или группам [5]. Алгоритмические предубеждения способны воспроизводить и усиливать существующее неравенство, если алгоритмы обучены на исторических данных, отражающих прошлые дискриминационные практики [4, 6].

Недостаток цифровых компетенций у управленцев – один из главных практических барьеров [12, 14]. Руководители образовательных организаций нередко лишены возможности самостоятельно интерпретировать аналитические данные, оценивать достоверность моделей и критически осмыслять представляемые дашборды. Это создает чрезмерную зависимость от специалистов по данным и риск принятия решений на основе непонятых или неверно представленных результатов анализа [17].

Технологические ограничения включают сложность интеграции унаследованных систем, высокие затраты на внедрение и поддержку аналитических платформ, проблемы масштабируемости решений в условиях небольших образовательных организаций [17]. Отдельную проблему представляет зависимость от иностранных платформ и инструментов, ставшая особенно острой в свете ограничений последних лет для российского образования [2].

Заключение

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие ключевые выводы. Во-первых, аналитика образовательных данных представляет собой системообразующий инструмент современного образовательного менеджмента, обеспечивающий переход от интуитивных и нормативно предписанных управленческих практик к доказательному, проактивному и персонализированному управлению [12, 18]. Во-вторых, образовательные организации располагают разнообразными и богатыми источниками данных, однако реализация их аналитического потенциала требует целенаправленных усилий по интеграции, стандартизации и обеспечению качества данных [13, 17]. В-третьих, применение АОД охватывает все уровни управленческой иерархии –

стратегический, тактический и операционный – и требует дифференцированного подхода к инструментам и методам анализа [12].

Цель статьи достигнута: осуществлена систематизация теоретических основ и практических механизмов применения АОД как инструмента принятия управленческих решений. Показано, что АОД не сводится к набору технологических инструментов, но представляет собой организационную трансформацию, требующую изменений в культуре, компетенциях и процессах образовательной организации [12, 19].

Направлениями дальнейших исследований могут служить разработка валидизированных методик оценки зрелости аналитических систем в российских образовательных организациях, изучение организационно-культурных факторов, определяющих успех или неудачу внедрения АОД, исследование долгосрочных эффектов применения предиктивной аналитики на академические результаты и благополучие студентов, разработка этических стандартов и регуляторных механизмов в области образовательной аналитики применительно к российскому правовому контексту [2, 4].

Список используемых источников

1. О персональных данных: федеральный закон Российской Федерации от 27.07.2006 № 152 ФЗ // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 10.03.2025).

2. Прохоров А.В., Лядова Л.Н. Аналитика образовательных данных: подходы и применение // Информационные технологии. 2018. Т. 24, № 9. С. 567–575.

3. Arnold K. E., Pistilli M. D. Course signals at Purdue: using learning analytics to increase student success // Proceedings of the 2nd International Conference on Learning Analytics and Knowledge. New York: ACM. 2012. P. 267–270.

4. Baker R. S., Hawn A. Algorithmic bias in education // International Journal of Artificial Intelligence in Education. 2022. Vol. 32. P. 1002–1042.

5. Baker R. S. J. D., Yacef K. The state of educational data mining in 2009: a review and future visions // Journal of Educational Data Mining. 2009. Vol. 1, № 1. P. 3–17.

6. Barocas S., Selbst A. D. Big data’s disparate impact // California Law Review. 2016. Vol. 104, № 3. P. 671–732.

7. Campbell J. P., DeBlois P. B., Oblinger D. G. Academic analytics: a new tool for a new era // EDUCAUSE Review. 2007. Vol. 42, № 4. P. 40–57.

8. Drachsler H., Greller W. Privacy and analytics: it's a DELICATE issue. A checklist for trusted learning analytics // Proceedings of the 6th International Conference on Learning Analytics and Knowledge. New York: ACM. 2016. P. 89–98.

9. Ferguson R. Learning analytics: drivers, developments and challenges // International Journal of Technology Enhanced Learning. 2012. Vol. 4, № 5–6. P. 304–317.

10. Gašević D., Dawson S., Siemens G. Let's not forget: learning analytics are about learning // TechTrends. 2015. Vol. 59, № 1. P. 64–71.

11. Johnson L., Adams Becker S., Cummins M. et al. NMC Horizon Report: 2016 Higher Education Edition. Austin (Texas): The New Media Consortium, 2016. 50 p.

12. Norris D. M., Baer L. L. Building organizational capacity for analytics. Louisville: EDUCAUSE, 2013. 44 p.

13. Pardo A., Siemens G. Ethical and privacy principles for learning analytics // British Journal of Educational Technology. 2014. Vol. 45, № 3. P. 438–450.

14. Parnell A., Jones D., Wesaw A., Brooks D. C. Institutions' use of data and analytics for student success: results from a national landscape analysis. Washington: NASPA; AIR; EDUCAUSE, 2018. 60 p.

15. Prinsloo P., Slade S. Student vulnerability, agency and learning analytics: an exploration // Journal of Learning Analytics. 2016. Vol. 3, № 1. P. 159–182.

16. Romero C., Ventura S. Educational data mining: a review of the state of the art // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics. 2010. Vol. 40, № 6. P. 601–618.

17. Sclater N., Peasgood A., Mullan J. Learning analytics in higher education: a review of UK and international practice. JISC, 2016. 64 p.

18. Siemens G., Long P. Penetrating the fog: analytics in learning and education // EDUCAUSE Review. 2011. Vol. 46, № 5. P. 30–40.

19. Slade S., Prinsloo P. Learning analytics: ethical issues and dilemmas // American Behavioral Scientist. 2013. Vol. 57, № 10. P. 1509–1528.

20. Van Leeuwen A., Rummel N., Seidel T. et al. Personalized adaptive learning in higher education: a scoping review of key characteristics and impact on academic performance and engagement // Heliyon. 2024. Vol. 10. P. 62–64.

21. Williamson B. Big data in education: the digital future of learning, policy and practice. London: SAGE Publications, 2017. 232 p.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОПЕРАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ ДОСТАВКИ В ЛОГИСТИКЕ

Пойлова Я.А. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Важенина Е.В. – преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В исследовании проводится сравнительный анализ операционных моделей доставки «последней мили» на примере СДЭК (интегрированная модель 3PL) и Яндекс Доставки (платформенная модель 4PL) с целью оценки их эффективности в условиях роста онлайн-торговли и цифровизации логистики. Результатом работы стали обоснованные рекомендации по внедрению AI-платформ и SaaS-решений для оптимизации процессов, позволяющие бизнесу адаптироваться к современным требованиям рынка и повысить конкурентоспособность.

В условиях цифровизации и роста электронной коммерции эффективность доставки на этапе «последней мили» стала ключевым фактором конкурентоспособности бизнеса. Операционная модель доставки, представляющая собой способ организации процесса перемещения товара к конечному потребителю, определяет архитектуру управления, а также распределение ролей, ресурсов, материальных потоков между участниками цепи.

На конец сентября 2025 года стало известно, что за год количество зарегистрированных курьерских компаний в РФ увеличилось на 16 % [2]. Росстат констатирует, что общий объем рынка за 2025 год вырос на 26,74 %, составив 49,8 млрд рублей [3]. Эксперты отмечают, что доставка из дополнительной услуги превратилась в основу современной розничной торговли [4].

Целью исследования является сравнение операционных моделей СДЭК (интегрированная) и Яндекс Доставки (платформенная) для оценки их эффективности и перспектив в условиях роста онлайн-торговли и цифровизации логистики. Объектом исследования являются операционные модели доставки «последней мили».

Предметом исследования выступает сравнительный анализ эффективности и потенциала совершенствования операционных моделей на примере компаний СДЭК (классический 3PL-провайдер) и Яндекс Доставка (4PL-платформа).

К методам работы можно отнести метод ключевых показателей эффективности (KPI), метод баз данных, аналитический метод, статистика.

Задачи исследования:

1) систематизировать теоретические основы и классификации операционных моделей доставки «последней мили»;

2) разработать систему ключевых показателей (KPI) для сравнительной оценки эффективности операционных логистических моделей;

3) провести сравнительный анализ сервисного предложения, операционной структуры и эффективности компаний СДЭК и Яндекс Доставка;

4) предложить направления совершенствования операционных моделей для улучшения качества обслуживания.

Значительный вклад в изучение операционных моделей доставки и их цифровизации в России внесли такие исследователи, как Юрченко В.В., Шевцов В.В., Бедакова А.А., Синха Прияншу и др. [5, 7, 8].

В их трудах рассматриваются ключевые технологические драйверы изменений в отрасли: роль искусственного интеллекта в оптимизации процессов и подготовке кадров, значение цифровизации и электронной коммерции для повышения клиентоориентированности, а также комплексное влияние технологических новшеств (оцифровка, автоматизация, платформенные решения) на операционные модели и рынок труда. Эти работы закладывают теоретическую основу для понимания технологического контекста, в котором функционируют и развиваются современные операционные модели доставки.

Несмотря на обилие исследований в области логистики «последней мили», детального сравнительного анализа операционных моделей классического 3PL-провайдера (СДЭК) и технологической 4PL-платформы (Яндекс Доставка) в контексте грядущей обязательной цифровизации через «ГосЛог» (сентябрь 2026 г.) на сегодняшний день нет, что говорит о новизне работы.

Основываясь на динамике роста онлайн-торговли и потребительском запросе на скорость, можно выдвинуть гипотезу и заметить, что операционные модели доставки сталкиваются с такими трудностями, как обязательная цифровизации через «ГосЛог» и усиление конкуренции со стороны сетей ПВЗ. Сохранение

бизнес-преимуществ на рынке «последней мили» в 2026 году требует более эффективных технологических решений.

В условиях роста онлайн-торговли и усиления конкуренции, ожидается, что внедрение технологических решений позволит не только адаптироваться к новым требованиям, но и сократить время городской доставки в 1,5–2 раза, повысив удовлетворенность клиентов.

Однако выбор конкретных технологий и формата их внедрения напрямую зависит от того, как именно организован процесс доставки. В логистике модели классифицируют по трём критериям: уровень аутсорсинга (1PL – собственная логистика, 2PL – аренда транспорта, 3PL – комплексный аутсорсинг, 4PL – управление цепочками поставок); тип взаимодействия (B2B, B2C, G2C/G2B); архитектура «последней мили» (интегрированная или платформенная).

Объективное сравнение этих моделей требует системы KPI, где приоритет показателей (точность для B2B, скорость для B2C) зависит от специфики модели. Применение данных критериев позволяет выявить сильные и слабые стороны каждой модели, которые систематизированы в таблице 1.

Табл. 1

Сравнительный анализ преимуществ и недостатков операционных моделей

Критерий	СДЭК		Яндекс Доставка	
	Преимущества	Недостатки	Преимущества	Недостатки
Контроль и надежность	Полный контроль цепи поставок	Низкая адаптивность к изменениям спроса	Высокая гибкость за счет партнерской сети	Ограниченный прямой контроль над конечным исполнителем
Качество и стандарты	Стабильно высокие стандарты (POFR)	Сложность масштабирования	Простая интеграция через API	Сложность поддержки единых стандартов

Продолжение табл. 1

Экономика и стоимость	Предсказуе-мость и прозрачность тарифов	Высокая базовая стоимость из-за инфраструктуры	Низкая цена на массовых направлениях	Непредсказуемый рост цен в пик спроса
Функциона-льность и специализация	Сложные и нестандартные заказы (B2B, фулфилмент)	Низкая гибкость в нишах	Экстремальная скорость на «последней миле» (B2C)	Ограничения для сложных логистических решений

Источник: составлено автором

Так, выбор между интеграцией и аутсорсингом в логистике представляет собой стратегический компромисс между надёжностью и гибкостью. Для количественной оценки того, какая из моделей – классическая 3PL (СДЭК) или платформенная 4PL (Яндекс Доставка) – демонстрирует большую эффективность в конкретных условиях «последней мили», необходим расчёт ключевых показателей (KPI) на основе операционных данных.

В рамках настоящего исследования для объективного сравнения были выбраны показатели: доля затрат на логистику (LCR), время цикла выполнения заказа, и индекс удовлетворенности клиентов (CSAT), а в качестве базового сценария рассмотрена стандартная B2C-доставка посылки весом до 12 кг по маршруту Челябинск–Екатеринбург.

Доля затрат на логистику (LCR) = (логистические расходы по заказу / Общая стоимость заказа) * 100 %:

СДЭК: (2395 руб./2475 руб.) *100 %= 97 %;

Яндекс Доставка: (529 руб./579 руб.) *100 %=91 %.

Время цикла выполнения заказа:

СДЭК до 10 дней;

Яндекс Доставка до 5 дней.

Индекс удовлетворенности клиентов (CSAT) = (кол-во положительных оценок (4–5) / общее кол-во полученных оценок) * 100 %:

СДЭК: (40560/845000) *100 %=4,8;

Яндекс.Доставка: (362600/7400000) *100 %=4,9.

Расчеты ключевых показателей для стандартного B2C-заказа на маршруте Челябинск–Екатеринбург показывают, что платформенная модель Яндекс Доставки превосходит интегрированную модель СДЭК по экономической эффективности (LCR: 91 % против 97 %) и скорости цикла (до 5 дней против 10 дней).

Выявленные ограничения операционных моделей СДЭК и Яндекс Доставки обостряют дилемму между гибкостью и контролем, которую традиционные методы уже не решают. В условиях жесткой конкуренции и обязательного с 1 сентября 2026 года перехода на электронную транспортную накладную (эТрН) через платформу «ГосЛог», AI-платформы становятся ключевым драйвером совершенствования [6]. Интеграция через API-модули с госсистемой позволяет синхронизировать процессы, сохраняя скорость и надежность. Выбор конкретного инструмента зависит от операционной модели и масштабов компании – ключевые SaaS-решения для внедрения представлены в таблице 2.

Табл. 2

SaaS-платформы и их функциональные возможности для оптимизации логистики [1]

Цель	SaaS-платформы
Оптимизация маршрутов/ ресурсов	SimpliRoute, Яндекс.Маршрутизация, Veeroute
Комплексное управление/ прогнозная аналитика	Locus, FarEye, LEAFIO Rinkai TMS
Интеграция/ автоматизация документооборота	LogistiX или API-ядро Veeroute

Внедрение AI-платформ становится стратегической необходимостью: в условиях цифровой трансформации и обязательной интеграции с «ГосЛог» именно ИИ определит разделительную линию между лидерами и аутсайдерами рынка [8]. Проведенный анализ подтвердил, что выбор операционной модели доставки сводится к компромиссу между надежностью и гибкостью, однако разработанные рекомендации по совершенствованию процессов позволяют бизнесу любого масштаба адаптироваться к растущим требованиям рынка и укрепить конкурентные позиции.

Список используемых источников

1. Veeroute – облачная оптимизация для бизнеса. // Veeroute. [Электронный ресурс]. URL: https://veeroute.ru/ (дата обращения: 08.02.2026).
2. Анализ рынка курьерской доставки в России: демонстрационная версия исследования. BusinesStat. [Электронный ресурс]. URL: https://businesstat.ru/images /demo/courier_services_russia_demo_businesstat.pdf (дата обращения: 08.02.2026).
3. Курьеры в России: статистика и анализ рынка. TAdviser // [Электронный ресурс]. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/ (дата обращения: 08.02.2026).
4. О внесении изменений в Федеральный закон „О транспортно-экспедиционной деятельности“ и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 07.06.2025 №140-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2025. №24. Ст. 3942.
5. Потребители экспериментируют, бизнес консервативен: главные тренды рынка доставки. ЮМани. [Электронный ресурс]. URL: https://yoomoney.ru/ document/glavnie-trendi-rinka-dostavki (дата обращения: 08.02.2026).
6. Синха П. Технологические изменения в транспортно-логистической отрасли и их влияние на рынок труда в России // Экономика и бизнес. 2026. Т. 3, № 1. С. 253–258.
7. Шевцов В.В., Бедакова А.А. Электронная коммерция в России: текущее состояние и перспективы роста // Российское предпринимательство. 2025. № 1. С. 580–584.
8. Юрченко В.В. Роль и влияние искусственного интеллекта на развитие профессионального образования в сфере логистики // Логистика и управление цепями поставок. 2025. № 2. С. 35–39.

ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Скрипкин М.В. – магистрант, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Пасешник Н.П. – к.э.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

Настоящая статья посвящена комплексному анализу современных вызовов и перспектив управления в сфере здравоохранения. Рассматриваются основные тенденции развития отрасли, структура медицинских учреждений, принципы управления, источники финансирования, а также ключевые проблемы и пути их решения. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации, компьютеризации и глобализации на трансформацию системы здравоохранения и управленческих подходов. Подчеркивается фундаментальная роль эффективного управления в обеспечении доступности, качества и устойчивости медицинских услуг на примере государственного бюджетного учреждения здравоохранения «Областная клиническая больница № 2» города Челябинск.

Здравоохранение на сегодняшний день представляет собой сложную и многогранную систему, направленную на поддержание и восстановление здоровья населения. Эта сфера охватывает широкий спектр учреждений, от первичной медико-санитарной помощи, включающей поликлиники и амбулатории, до специализированных стационаров, научно-исследовательских институтов, диагностических центров, служб скорой медицинской помощи, а также санаторно-курортных и реабилитационных учреждений. Все они объединены общей целью – оказание качественной медицинской помощи.

Цель данного исследования заключается в выявлении ключевых проблем и перспектив развития системы управления здравоохранением, а также в разработке практических рекомендаций по их преодолению. Особое внимание уделено повышению эффективности деятельности медицинских организаций, в частности ГБУЗ «ОКБ № 2».

Материалы и методы исследования. В процессе работы были изучены научные публикации, действующие нормативно-правовые акты, статистические данные, а также результаты внутреннего аудита ГБУЗ «ОКБ № 2». Применялись методы сравнительного анализа, системного подхода и экспертной оценки.

Объект исследования: государственное бюджетное учреждение здравоохранения «Областная клиническая больница № 2» города Челябинска.

Функционирование учреждения осуществляется в соответствии с нормативно-правовыми актами федерального и регионального уровней, включая:

– Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [9];

– Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474, определяющий национальные цели развития до 2030 года [11];

– Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 597, направленный на реализацию государственной социальной политики [10].

ГБУЗ «ОКБ № 2» представляет собой многопрофильное медицинское учреждение, ориентированное на оказание широкого спектра медицинских услуг.

Основная цель деятельности учреждения – обеспечение выполнения государственных полномочий в сфере здравоохранения на уровне субъекта Российской Федерации.

Ключевые задачи учреждения включают предоставление медицинской помощи населению, организацию и осуществление медицинской деятельности, информирование граждан о доступных медицинских услугах, применение зарегистрированных и разрешённых к использованию лекарственных препаратов.

Организационная структура учреждения представляет собой систему управленческих звеньев, выстроенных в иерархическом порядке, обеспечивающем взаимодействие между управляющей и исполнительной подсистемами. С учётом масштабов больницы и принципа единоначалия наиболее целесообразной является линейная структура управления, при которой основные полномочия сосредоточены на уровне высшего руководства [8].

Разделение труда в учреждении осуществляется по двум направлениям: горизонтальное – распределение деятельности на отдельные функциональные элементы и вертикальное – координация работы по иерархии управления, от руководителя к исполнителям.

Сформированная организационная структура служит основой для расчёта управленческих и общехозяйственных расходов, связанных с функционированием подразделений и обеспечением их деятельности.

В условиях ограниченного бюджетного финансирования медицинские организации вынуждены привлекать дополнительные ресурсы. Источники финансирования можно разделить на внешние и внутренние.

К внешним относятся:

– бюджетные средства различных уровней;

– средства систем обязательного и добровольного медицинского страхования;

– финансирование со стороны благотворительных организаций;

– заемные ресурсы (кредиты, лизинг).

К внутренним источникам относятся:

– доходы от оказания платных медицинских услуг;

– поступления от сдачи имущества в аренду;

– экономия бюджетных средств [8].

Указанные источники соответствуют положениям статьи 82 Федерального закона № 323-ФЗ. [9]. С учётом сочетания бюджетного финансирования, страховых механизмов и платных услуг, российскую модель здравоохранения можно охарактеризовать как смешанную, сочетающую элементы бюджетной и страховой систем с частичным участием платного сектора.

Организационная структура медицинского учреждения также является базой для формирования накладных расходов, включающих общехозяйственные и управленческие затраты. Эти расходы впоследствии используются при анализе себестоимости медицинских услуг и оценке эффективности деятельности учреждения.

Управление в системе здравоохранения базируется на ряде основополагающих принципов, которые обеспечивают ее функционирование и развитие. К ним относятся доступность медицинских услуг для всех граждан, их высокое качество и безопасность, а также экономическая эффективность. Важнейшую роль играет также пациент-ориентированность, предполагающая учет индивидуальных потребностей и предпочтений каждого человека. Кроме того, управление в здравоохранении опирается на принципы непрерывного образования медицинского персонала, внедрение инноваций и межведомственное взаимодействие [1].

Финансирование системы здравоохранения может осуществляться из различных источников. Основными из них являются государственные бюджеты, средства обязательного медицинского страхования, а также добровольное медицинское страхование и частные инвестиции. Соотношение этих источников и их распределение существенным образом влияют на доступность и качество предоставляемой медицинской помощи [14].

Структурное управление системой здравоохранения включает в себя несколько уровней. На макроуровне оно осуществляется на государственном уровне через министерства и ведомства, определяющие политику, законодательную базу и стандарты. На мезоуровне реализуется на региональном и муниципальном уровнях, координируя деятельность медицинских организаций и распределяя ресурсы. На микроуровне управление происходит непосредственно внутри каждой медицинской организации, охватывая административные, клинические и финансовые аспекты ее деятельности [2].

Современная система здравоохранения переживает период глубоких трансформаций, обусловленных как внутренними проблемами отрасли, так и влиянием глобальной социально-политической обстановки [13]. Несмотря на достижения медицины, такие как развитие высоких технологий, телемедицины и персонализированного лечения, перед здравоохранением стоят серьезные угрозы, требующие комплексного и системного подхода [8].

Основные угрозы современному здравоохранению включают:

1. Рост хронических заболеваний. Во многих странах увеличивается число пациентов с сердечно-сосудистыми заболеваниями, диабетом, онкологией. Это связано со старением населения, малоподвижным образом жизни, стрессами и неправильным питанием. Хронические болезни требуют длительного и дорогостоящего лечения, что создает нагрузку на систему здравоохранения [3].

2. Пандемии и инфекционные риски. Опыт последних лет показал, что системы здравоохранения многих стран оказались не готовы к масштабным эпидемиям. Быстрое распространение инфекций, глобализация и мобильность населения увеличивают вероятность новых пандемий.

3. Недостаток финансирования. Во многих государствах расходы на здравоохранение остаются недостаточными. Это приводит к нехватке оборудования, лекарств, медицинского персонала и снижению качества услуг.

4. Кадровый дефицит. Отток медицинских работников, профессиональное выгорание, низкие зарплаты и высокая нагрузка приводят к нехватке квалифицированных специалистов.

5. Неравенство в доступе к медицинской помощи. Разрыв между городом и сельской местностью, а также между богатыми и бедными слоями населения приводит к тому, что не все имеют равный доступ к качественным медицинским услугам [12].

Состояние здравоохранения напрямую связано с политической стабильностью и социально-экономическим развитием страны. В странах с устойчивыми институтами власти система здравоохранения, как правило, более развита. Напротив, политические кризисы, конфликты и войны разрушают медицинскую инфраструктуру, вызывают дефицит ресурсов и кадров. Чем выше уровень экономики, тем больше возможностей для инвестиций в здравоохранение: развитие технологий, повышение зарплат медицинским работникам, улучшение инфраструктуры. Приоритеты правительства играют ключевую роль. Если

здравоохранение рассматривается как стратегическая отрасль, то внедряются реформы, повышается доступность и качество медицинской помощи [4].

Международные отношения, санкции, миграция и глобализация также влияют на здравоохранение, например, санкции могут ограничивать доступ к лекарствам и оборудованию, миграция увеличивает нагрузку на медицинские системы, международное сотрудничество способствует обмену опытом и технологиями.

Для решения данных вызовов необходимы следующие меры:

Увеличение инвестиций – нужно повышать финансирование здравоохранения, включая государственные и частные инвестиции. Это позволит модернизировать оборудование, улучшить условия труда и повысить доступность медицинской помощи.

Переход от лечения к профилактике заболеваний может значительно снизить нагрузку на систему. Важны программы по здоровому образу жизни, ранней диагностике и вакцинации.

Большую роль играет цифровизация здравоохранения. Внедрение электронных медицинских карт, телемедицины, искусственного интеллекта помогает повысить эффективность и доступность медицинских услуг [5].

Также необходима поддержка медицинских кадров. Повышение зарплат, улучшение условий труда, возможности профессионального роста помогут сократить отток специалистов и повысить качество медицинской помощи. Совместные научные исследования, обмен опытом и координация действий в борьбе с глобальными угрозами (пандемиями) являются важным фактором устойчивости систем здравоохранения.

Проблемы и вызовы, стоящие перед управлением в сфере здравоохранения, многочисленны и требуют постоянного внимания. Среди них – дефицит квалифицированных кадров, особенно в первичном звене и в сельской местности, недостаточное финансирование, обусловленное ростом цен на медицинские технологии и лекарственные препараты, старение населения и увеличение распространенности хронических заболеваний. Также остро стоят вопросы повышения эффективности использования ресурсов, борьбы с коррупцией, обеспечения прозрачности процессов и адаптации к стремительным технологическим изменениям. Нельзя не упомянуть и о необходимости повышения управленческой компетентности самого медицинского персонала, который

зачастую концентрируется лишь на клинической работе, оставляя управленческие вопросы второстепенными.

Пути решения этих проблем многообразны. Они включают в себя реформирование системы медицинского образования и повышения квалификации, совершенствование механизмов финансирования, внедрение современных управленческих технологий и инструментов, расширение использования информационных систем и цифровых платформ. Важно также развивать систему непрерывного профессионального развития управленческого персонала, уделяя внимание развитию навыков стратегического планирования, управления персоналом, финансового менеджмента и внедрения инноваций [6].

Перспективы развития управления в системе здравоохранения тесно связаны с процессами цифровизации, компьютеризации и глобализации. Цифровизация открывает новые возможности для улучшения качества и доступности медицинской помощи через телемедицину, электронные медицинские карты, системы поддержки принятия врачебных решений и персонализированную медицину. Компьютеризация же лежит в основе этих процессов, обеспечивая обработку и хранение огромных объемов данных, необходимых для анализа и принятия управленческих решений. Глобализация же ставит новые задачи, связанные с международным сотрудничеством в области научных исследований, обмена опытом и гармонизации стандартов [7].

Здравоохранение сегодня – это не только медицинская, но и социально-политическая система, тесно связанная с экономикой, государственной политикой и глобальными процессами. Решение существующих проблем требует комплексного подхода, объединяющего усилия государства, общества и международного сообщества. Только при таких условиях возможно создание устойчивой, эффективной и доступной системы здравоохранения будущего.

В условиях стремительных изменений, увеличение роли управления в здравоохранении становится очевидным. Эффективное управление является залогом не только успешного функционирования отдельных медицинских организаций, но и всей системы здравоохранения в целом. Оно позволяет оптимизировать использование имеющихся ресурсов, повышать качество оказываемых услуг, обеспечивать их доступность для всех слоев населения и, в конечном итоге, способствовать улучшению общественного здоровья. Без

грамотного и дальновидного управления невозможно представить себе дальнейшее развитие и адаптацию системы здравоохранения к вызовам XXI века.

Список используемых источников

1. Алимов А.М. Проблемы организации государственного управления в сфере здравоохранения // Теория права и межгосударственных отношений. 2021. Т. 2, № 7. С. 9–17.
2. Бизин С.В. Проблематика управления кадровым обеспечением системы здравоохранения региона // Лидерство и менеджмент. 2023. № 4. С. 1420–1438.
3. Бондарская Т.А. Современное состояние и проблемы в сфере здравоохранения региона // Вестник Академии знаний. 2024. № 6. С. 125–134.
4. Гончарова О.Ю., Чернушкова К.Г., Потешкина М.А. Российская система здравоохранения: современное состояние и возможные пути совершенствования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2024. № 4. С. 43–49.
5. Киселев Д.Н. Повышение эффективности управления организацией на основе современных цифровых технологий / Эффективное управление экономикой: проблемы и перспективы: сборник трудов VIII Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Р.А. Тимаев. Симферополь: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Типография «Ариал», 2023. 392 с. С. 99–102.
6. Коршикова Е.С. Совершенствование государственного управления в сфере здравоохранения / Актуальные вопросы нормативно-правового регулирования государственной и муниципальной деятельности: по материалам симпозиума / Отв. ред. Н.В. Мамитова. Том 3. Ростов-на-Дону: Южный университет (ИУБиП), 2021. 225 с. С. 49–54.
7. Мануйлов В.М., Санина Н.П., Кравцова М.В., Щербюк А.Н., Гусева М.Н. Управление государственной медицинской организацией в условиях цифровой трансформации здравоохранения // Лидерство и менеджмент. 2022. №2. С. 619–637.
8. Матюшкина И.А., Ильюшина А.С. Сущность, структура и особенности управления системой здравоохранения в РФ // Экономика. Социология. Право. 2024. №2. С. 17–23.

9. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: федер. закон от 21.11.2011 N 323-ФЗ (последняя редакция). 21 ноября 2011 года N 323-ФЗ. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_121895/ (дата обращения: 19.03.2026).

10. О мероприятиях по реализации государственной социальной политики: Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. N 597. URL: https://base.garant.ru/70170950/ (дата обращения: 19.03.2026).

11. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_357927/ (дата обращения: 19.03.2026).

12. Породина С.В., Дымова О.М. Актуальные вопросы, проблемы и перспективы развития сферы здравоохранения // ЕГИ. 2025. №1. С. 685–688.

13. Руденко Л.Г. Анализ и выявление проблем государственного управления в сфере здравоохранения / Новая экономика России в Индустрии 4.0: материалы всероссийской (национальной) научно-практической конференции / Отв. ред. А.В. Семенов, Л.Г. Руденко, Н.В. Бушуева. Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2022. 812 с. С. 124–133.

14. Черных В.П. Проблемы управления в системе здравоохранения Российской Федерации // Мировая наука. 2021. №5. С. 194–198.

АНАЛИЗ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ ПРЕДПРИЯТИЯ СФЕРЫ БЛАГОУСТРОЙСТВА В КОНТЕКСТЕ ЦЕННОСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Смирнова Е.А. – студент, «Красноярский институт железнодорожного транспорта», филиал ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»

Научный руководитель: Якимова Л.Д. – к.т.н., доцент, «Красноярский институт железнодорожного транспорта», филиал ФГБОУ ВО «Иркутский государственный университет путей сообщения»

Аннотация

В статье представлены результаты диагностики корпоративной культуры предприятия жилищно-коммунальной сферы и их соотнесение с ценностными ожиданиями молодых специалистов. На основе использования методик М. Рокича, Э. Дэнисона и К. Кэмерона – Р. Куинна выявлено доминирование иерархического типа культуры и доказано наличие системного разрыва между реальным и предпочтительным состоянием организационной среды.

Введение

Современный этап развития экономики характеризуется переходом от индустриальной к постиндустриальной модели, где ключевым конкурентным преимуществом организации становится человеческий капитал. Эффективность его реализации напрямую определяется качеством внутренней среды компании [7]. Особую актуальность эта проблема приобретает для предприятий жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства, которые традиционно сталкиваются с высокой текучестью кадров и дефицитом молодых специалистов.

Целью исследования является диагностика корпоративной культуры организации указанной отрасли и выявление её соответствия ценностным ориентациям молодых специалистов.

Экспериментальная часть

Анализ трудовых показателей предприятия жилищно-коммунального хозяйства выявил системный кадровый дефицит. Общая обеспеченность кадрами составила 85,66 % от плана, при этом наиболее остро не хватает вспомогательных рабочих и специалистов. Коэффициент текучести квалифицированных рабочих остается высоким: 20,3 % в 2024 году и 19,3 % в 2025 году, что превышает нормативные значения для стабильных предприятий (табл.1).

Табл. 1.

Показатели, характеризующие движение персонала категории «квалифицированные рабочие» [4]

№	Показатели движения (%)	2024 год	2025 год
1	Коэффициент оборота по приему	24,19	32,4
2	Коэффициент оборота по прибытию	22,6	27,1
3	Коэффициент постоянства кадров	76,6	70,1
4	Коэффициент текучести кадров	20,3	19,3
5	Коэффициент стабильности кадров	84,4	87,4

Высокая текучесть обусловлена сезонным характером работ, однако значительная часть увольнений была «по собственному желанию», что свидетельствует о проблемах с удержанием, особенно среди начинающих специалистов [4]. Структура коллектива характеризуется преобладанием возрастных сотрудников. Доля работников 20–30 лет сократилась с 15,2 % до 14,96 %, тогда как группа 41–50 лет возросла до 35,03 % в исследуемом периоде.

Анализ индивидуальных ценностных ориентаций молодых специалистов проводился по методике М. Рокича [5] и показал иерархию приоритетов, представленных в таблице 2. В блоке терминальных ценностей лидируют: «интересная работа» (средний ранг 2,1), «развитие» (2,3) и «свобода» (2,5). В блоке инструментальных ценностей доминируют «независимость» (2,6), «рационализм» (2,4) и «ответственность» (2,7).

Табл. 2

Результаты индивидуальных ценностных профилей молодых специалистов по методике М. Рокича [5]

Терминальные ценности	Средний балл	Инструментальные ценности	Средний балл
Интересная работа	2,1	Независимость	2,6
Развитие	2,3	Рационализм	2,4
Свобода	2,5	Ответственность	2,7
Здоровье	3,0	Широта взглядов	2,9
Продуктивная жизнь	3,2	Образованность	3,1

Таким образом, был составлен портрет молодого специалиста – это ответственный, мыслящий сотрудник, стремящийся к интеллектуальному вызову, самостоятельности и профессиональной самореализации. Работа для него является сферой применения компетенций, а не только источником дохода.

Результаты опросника Дэнисона [1] выявили несбалансированный профиль культуры (табл. 3). Наиболее проблемной оказалась шкала «Вовлеченность» (средний балл 2,7 из 5). Молодые сотрудники не чувствуют себя субъектами деятельности: утверждения «Корпоративные ценности реально влияют на ежедневные решения» и «Руководство доверяет сотрудникам действовать без постоянного контроля» получили минимальные оценки.

Табл. 3

Результаты диагностики корпоративной культуры по модели Эдварда Дэнисона [1]

Характеристика	Средний балл	Ключевая проблема
Вовлеченность	2,7	Низкое чувство причастности, доверия и ценности не влияют на ежедневные решения
Согласованность	3,6	Единое понимание целей и формальное единообразие в поведении руководства
Адаптивность	2,6	Ценности и процедуры не способствуют гибкости и инновациям
Миссия	3,8	Стратегические цели предприятия понятны и в целом разделяются сотрудниками

Шкала «Адаптивность» также показала низкий результат (2,6 балла), что свидетельствует о неспособности существующих ценностей и процедур гибко реагировать на новые вызовы. Напротив, шкалы «Согласованность» (3,6) и «Миссия» (3,8) оценены выше – это закономерно для муниципального предприятия, где стратегические цели понятны сотрудникам, а руководство демонстрирует единообразие в следовании процедурам.

Наиболее наглядно разрыв между реальным и желаемым состоянием проявился в методике Кэмерона – Куинна (табл. 4). Текущее состояние характеризуется доминированием иерархической культуры (45 баллов) и рыночной (35 баллов), тогда как клановая и адхократическая культуры представлены минимально (по 10 баллов).

Табл. 4

Сравнительный анализ текущего и предпочтительного типа корпоративной культуры по методике OCAI [3]

Тип организационной культуры	Текущее состояние	Предпочтительное состояние	Разрыв, баллы
Иерархическая	45	15	-30
Рыночная	35	10	-25
Клановая	10	35	+25
Адхократическая	10	40	+30

Анализ карьерных ориентаций по методике Э. Шейна выявил доминирование трёх типов [3] (табл. 5): «профессиональная компетентность» (32 %), «служение» (28 %) и «автономия» (22 %). Сочетание этих ориентаций создаёт уникальный мотивационный профиль: сотрудник хочет быть высококлассным экспертом, чтобы автономно решать значимые для общества задачи [8].

Табл. 5

Доминирующие карьерные ориентации молодых специалистов [3]

Карьерная ориентация	Доля участников опроса, %	Основанная мотивация
Профессиональная компетентность	32	Глубокое овладение профессиональным мастерством, быть экспертом
Служение	28	Приносить пользу обществу, реализовывать социально значимые цели
Автономия	22	Свобода выбора в методах, графике и содержании работ
Интеграция стилей жизни	12	Баланс между карьерой и личной жизнью
Предпринимательство	6	Создание новых услуг, проектов

Таким образом, проведенное исследование показало, что текущая иерархическая культура с её акцентом на подчинении, регламентации и контроле подавляет потребность в автономии и экспертной самореализации молодых специалистов, что ведёт к разочарованию и поиску альтернативных мест работы. Поэтому представляется целесообразным разработка мероприятий по совершенствованию корпоративной культуры, способствующих повышению уровня вовлеченности и лояльности молодых работников в соответствии их ценностным ожиданиям [4].

Список используемых источников

1. Дэнисон Д. Модель диагностики организационной культуры. М: Дело, 2014. 320 с

2. Кибанов А.Я. Управление персоналом организации. М: ИНФРА-М, 2021. 695 с.

3. Кэмерон К., Куинн Р. Диагностика и изменение организационной культуры. СПб: Питер, 2014. 320 с.

4. Мельникова Е.В., Яркова С.А., Якимова Л.Д. Управление лояльностью персонала как фактор обеспечения устойчивого развития организации // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12, № 7. С. 1957–1976.

5. Рокич М. Природа человеческих ценностей. Нью-Йорк: Free Press, 1973. 438 с.

6. Соломанидина Т.О. Организационная культура компании. М: ИНФРА-М, 2020. 290 с.

7. Социально-экономические механизмы на транспорте: коллект. монография к 50-летию Иркутского государственного университета путей сообщения, 90-летию Департамента организации, оплаты и мотивации труда ОАО «РЖД» (ЦЗТ) и 120-летию Дорпрофжел / Краснояр. ин-т ж/д трансп.; [под ред. М.В. Вихоревой]. Красноярск: Красноярский институт железнодорожного транспорта, 2025. – 236 с.

8. Шейн Э. Организационная культура и лидерство. СПб: Питер, 2018. 336 с.

9. Шурупова А.С., Либерман Т.И., Гурина М.А. Ценностно-ориентированный менеджмент в России: принципы и особенности применения // Лидерство и менеджмент. 2025. Т. 12, № 11. С. 2153–2170.

МОНЕТАРНОЕ УЖЕСТОЧЕНИЕ И ЕГО ПРЕДЕЛЫ: К ВОПРОСУ О ФИСКАЛЬНЫХ АЛЬТЕРНАТИВАХ АНТИКРИЗИСНОЙ ПОЛИТИКИ

Страх А.А. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Лаффах А.М. – ассистент кафедры «Государственное и муниципальное управление», ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

В работе рассматривается проблема эффективности антиинфляционной политики в условиях современной российской экономики. Анализируются ограничения монетарного ужесточения как инструмента сдерживания инфляции в ситуации, когда её ключевые причины носят немонетарный, структурный характер. Обосновывается стратегическое преимущество рестриктивной бюджетно-налоговой политики, способной снизить инфляционное давление, не подавляя экономическую активность.

Введение

На сегодняшний день Российская Федерация переживает непростой период экономической нестабильности. Сложившаяся ситуация на внешнеполитической арене требует от государства внедрения соответствующих антикризисных мер, отвечающим запросам восстановления внутренней экономики и её стабилизации.

Сдерживание инфляционных процессов является важнейшим вопросом регулирования экономической ситуации, чрезвычайное ускорение которых оказывает разрушительное воздействие на социально-экономическое и

политическое устройства страны. Управление данной сферой относится к полномочиям Центрального Банка Российской Федерации, одной из функций которого является регулирование кредитно-денежной политики государства. Изменение ключевой ставки является одним из базисных методов для сдерживания ускорения инфляции и раскручивания «инфляционной спирали». При этом выбранный Банком России курс денежно-кредитной политики не является бесспорным: в научном и политическом сообществе продолжается обсуждение обоснованности и пределов применения инструмента ключевой ставки.

Основная часть

Проблема эффективности чрезмерного завышения ключевой ставки состоит в том, что ставка рефинансирования активизирует разрушительные процессы, при которых происходит избыточная санация рынка. Высокие ставки по кредитам забирают у малого и среднего бизнеса возможность для развития, так как кредитование бизнеса является неотъемлемой частью экономического развития государства в условиях рыночной экономики. Данный фактор повышает дисбаланс на рынке в условиях санкций и стремления государства к усиленному импортозамещению, что, в свою очередь, также оказывает воздействие на перегрев спроса в экономике, с чем так упорно в своей политике борется Центральный Банк Российской Федерации.

Повышение ключевой ставки напрямую влияет на снижение рентабельности компаний (табл. 1). На сегодняшний день с учетом инфляционных процессов и высоких процентных ставок по кредитам, выдаваемые коммерческими банками, компании переживают тяжелое время. Потеря рентабельности активов и производства становится тяжким грузом особенно для предприятий, относящихся к малому и среднему сектору. Данный фактор напрямую влияет на невозможность компаний вкладывать ресурсы в модернизацию процесса производства, что так необходимо для дальнейшей борьбы с дефицитом предложения.

Табл. 1

Рентабельность продукции (работ, услуг) и активов организаций по видам экономической деятельности за 2019-2023 годы [5]

Показатель	Рентабельность продукции (работ, услуг)					Рентабельность активов				
Год	2019	2020	2021	2022	2023	2019	2020	2021	2022	2023
Всего	33,5	30,8	61,4	23,0	19,1	20,5	16,0	35,1	13,7	8,4

Кроме того, важно отметить, что компании, которые смогли устоять и остаться на плаву, также оказываются в ситуации, при которой возникает необходимость увеличения цен на выпускаемую ими продукцию. Данные действия основываются на том, что потребность во взятии кредитных обязательств остается неизменной, однако издержки, вызванные заемным финансированием, увеличиваются. Игроки рынка закладывают данные издержки в стоимость конечного продукта, что вызывает рост цен.

Дальнейшие последствия опасны стагфляцией, и, хотя сейчас мы имеем уверенное повышение ВВП, в дальнейшем, при сохранении жесткого регулировании кредитно-денежной политики, чрезмерная санация рынка и увеличенные бюджетные затраты со стороны государства могут привести к невозможности повышения экономической активности со стороны компаний, за счёт отсутствия средств для увеличения качественных показателей роста, и продолжающимся инфляционным процессом, что ведет к усугублению проблем инфляции спроса и общему экономическому кризису.

В своих отчетах ЦБ Российской Федерации уже заявлял о том, что чувствительность инфляции к процентной ставке постепенно падает. Это явление можно заметить и на представленном графике (рис. 1). То есть изменяется корреляционная зависимость данных факторов, и дальнейшее сохранение процентной ставки или её увеличение будет давать всё меньше результатов.

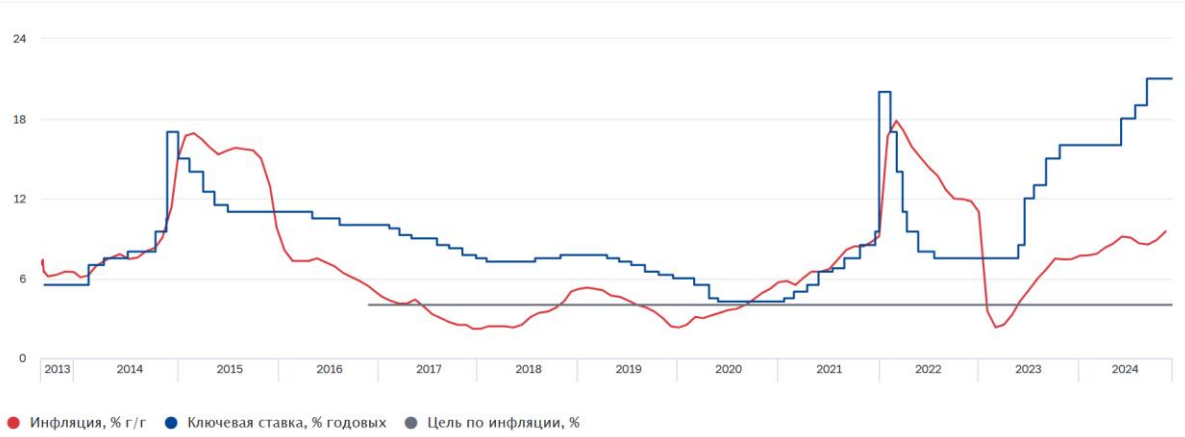


Рис. 1 Ключевая ставка Банка России и инфляция [3]

Сдерживание инфляции является сложным процессом, имеющим ограниченное количество инструментов, которыми возможно оперировать при его урегулировании. Изменения ключевой ставки, как один из методов выравнивания,

является одной из основ законов экономической теории, а также самым простым способом управления инфляции. Однако, как и любой инструмент, он имеет и обратную сторону, которая отражается в отрицательных аффектах после его использования, кроме того, злоупотребление любым методом управления ведет к общей дестабилизации различных сфер жизни.

Важным аспектом рассмотрения данной проблемы является именно анализ причин повышения уровня инфляции. На сегодняшний день сохранение высоких темпов инфляции во многом объясняется значительными расходами государства в отрасль оборонно-промышленного комплекса и социально-экономическую сферу. В связи с этим ключевая ставка напрямую не оказывает эффективного воздействия на причину устойчивого повышения цен в государстве, так как Центральный Банк Российской Федерации применяет инструменты управления спросом, однако первопричина стремительного увеличения инфляции находится именно в неизбежном увеличении расходов государства.

Основной акцент на сегодняшний день Банк России делает на ситуации с перегревом экономики, ввиду необходимости активного импортозамещения и наращивания мощностей внутреннего производства. Однако траектория Агрегата Экономической Активности демонстрирует опережающее замедление относительно ВВП: если номинальный рост ВВП ещё сохранялся, фактическая деловая активность уже начала снижаться, что свидетельствует о нарастающем торможении реального сектора экономики и снижении риска перегрева экономики (рис. 2).

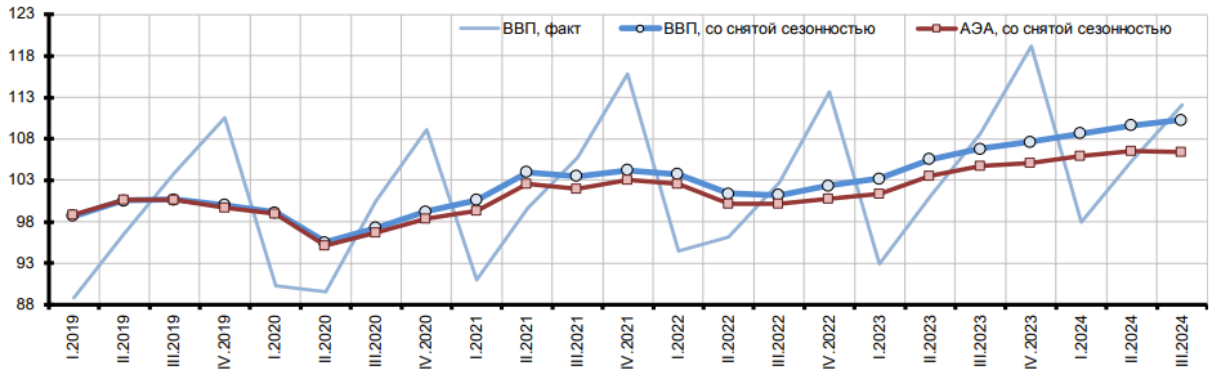


Рис. 2 ВВП и Агрегат Экономической Активности (АЭА) [6]

Проблему перегрева экономики можно решить несколькими способами. Один из основных способов по снижению потребительского спроса происходит за

счёт увеличения ключевой ставки, что вызывает торможение процессов экономической активности. Анализируя итоги 2024 года, можно прийти к выводу, что жесткие меры, принятые Банком России, спустя год начали давать результаты.

Данные исследований, актуальные на январь 2025 года, показывают, что рост реальной производственной активности стал незначительным [6]. В своих прогнозах Центральный Банк Российской Федерации констатирует, что такие показатели с учётом сохранения жестких мер регулирования должны сохраняться на период 2025–2026 гг. В целом, это говорит о том, что цели, которые были поставлены Банком России, были достигнуты, однако важно учитывать какой ценой [1].

Помимо ранее представленного решения есть и другой вариативный способ снижения риска перегрева экономики. Снижение ключевой ставки и политика дешевых кредитов даёт возможность модернизации процесса производства и увеличения инвестиций в наукоёмкие технологии, внедрение которых помогает качественно увеличить возможности производства, что помогает удовлетворить растущий спрос. Однако и такой путь имеет свои объективные недостатки, как например, ускорение темпов инфляции и бесконтрольность вложения денег в активы компаний в нужные и необходимые сферы для развития.

Оптимальным решением становится создание баланса между общенациональной повесткой государства и Центрального Банка Российской Федерации. Текущее поэтапное послабление денежно-кредитной политики даст возможность для дальнейшего развития отраслей экономики, наращивания мощностей производства за счёт не только количественного производства, но и качественного [2].

До 2025 года Банк России реализовал жёсткий монетарный цикл, последовательно повышая ключевую ставку до рекордных значений в целях подавления инфляционного давления. Данная политика продемонстрировала результативность в краткосрочной перспективе с позиций классической монетарной трансмиссии: удорожание кредитных ресурсов сдерживало потребительский и инвестиционный спрос, ограничивая монетарную составляющую инфляции. Вместе с тем дальнейшее ужесточение денежно-кредитных условий сопряжено с нарастающими рисками подавления деловой активности, роста долговой нагрузки предприятий и замедления экономического

роста, что ставит под сомнение целесообразность сохранения исключительно монетарного ответа на инфляционный вызов [7].

Принципиальным аргументом в пользу переориентации политики служит структурная природа инфляционных процессов, которые в значительной мере обусловлены факторами, лежащими за пределами денежно-кредитной сферы. Повышение ключевой ставки в данном случае устраняет избыток денежного спроса, однако не устраняет первопричин удорожания на стороне предложения. В подобных условиях сохранение инфляционного давления в среднесрочной перспективе становится структурной закономерностью, а не следствием монетарных просчётов, что объективно требует расширения набора применяемых инструментов.

В данных обстоятельствах рестриктивная бюджетно-налоговая политика приобретает стратегическое преимущество перед дальнейшим монетарным ужесточением по ряду ключевых оснований. Во-первых, она позволяет снизить совокупный бюджетный дефицит и тем самым ограничить фискальное инфляционное давление, не прибегая к дополнительному удорожанию кредита, что создаёт пространство для последовательного смягчения денежно-кредитной политики – снижения ключевой ставки без риска разгона инфляции. Во-вторых, фискальный подход обеспечивает более тонкую настройку воздействия на экономику: в отличие от процентной ставки, являющейся инструментом широкого действия, налогово-бюджетные меры допускают адресное применение, позволяя концентрировать ограничительный эффект в секторах с избыточным спросом, не распространяя его на приоритетные направления развития.

Ключевым стратегическим преимуществом рестриктивной фискальной политики является то, что оздоровление государственных финансов не означает отказа от активной роли государства, а лишь перераспределяет её содержание. Бюджетная консолидация, достигаемая в том числе посредством увеличения налоговых доходов, формирует финансовый резерв для реализации точечной социальной поддержки наиболее уязвимых групп населения и секторов экономики, в наибольшей степени затронутых инфляционной нагрузкой. Поддержание доходов наименее защищённых домохозяйств в данном контексте не противоречит задаче дезинфляции – при условии адресности и ограниченности объёма трансфертов – поскольку компенсирует снижение реального потребления без создания избыточного совокупного спроса в экономике в целом.

Не менее значимым является сохранение возможности наращивания государственных инвестиций в развитие производственной и транспортной инфраструктуры. Данное направление расходов обладает принципиально иным макроэкономическим характером по сравнению с текущими потребительскими расходами бюджета: инфраструктурные вложения расширяют производственный потенциал экономики, снижают транзакционные издержки и устраняют структурные узкие места на стороне предложения, тем самым воздействуя непосредственно на немонетарные корни инфляции. Таким образом, подобная инвестиционная активность государства является не проинфляционным, а дезинфляционным фактором в среднесрочной и долгосрочной перспективе, поскольку расширяет предложение товаров и услуг, снижает структурные дисбалансы и формирует основу для устойчивого неинфляционного роста.

Заключение

Проведённый анализ свидетельствует о том, что в условиях российской экономики середины 2020-х годов монетарное ужесточение, реализованное Банком России посредством последовательного повышения ключевой ставки, выполнило стабилизирующую функцию в краткосрочной перспективе, однако исчерпало свой потенциал в качестве самодостаточного антиинфляционного инструмента. Сохранение инфляционного давления, детерминированного в значительной мере структурными и немонетарными факторами, объективно обусловливает необходимость расширения инструментального арсенала государственной экономической политики. Рестриктивная бюджетно-налоговая политика в данном контексте представляется стратегически более предпочтительным дополнением к монетарному регулированию.

Список используемых источников

1. Банк России принял решение сохранить ключевую ставку на уровне 21,00% годовых: пресс-релиз от 14 февраля 2025 года // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/press/keypr/ (дата обращения: 30.03.2026).

2. Белоусов Д.Р., Сальников В.А., Солнцев О.Г. О ситуации в российской экономике // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования. 2025. 21 января. [Электронный ресурс]. URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/DB/2025_01_21eco.pdf (дата обращения: 30.03.2026).

3. Инфляция и ключевая ставка Банка России: статистические данные // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/hd_base/infl/ (дата обращения: 30.03.2026).

4. Карловская Е.А., Ваганова О.В. [и др.] Прогнозное моделирование развития рынка кредитования и краудфандинга в условиях увеличения ключевой ставки Банка России // Экономика. Информатика. 2024. № 2. С. 379–392.

5. Рентабельность продукции (работ, услуг) и активов организаций по видам экономической деятельности за 2019–2023 годы: статистические данные // Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: https://10.rosstat.gov.ru/storage/mediabank/73511(6).pdf (дата обращения: 30.03.2026).

6. Синиченко О.А. Влияние санкционной политики на состояние банковского сектора России // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2024. № 1. С. 11–20.

7. Herz B., Niehof B. Monetary and fiscal policy in times of crises: a New Keynesian perspective in continuous time // MAGKS Joint Discussion Paper Series in Economics. 2014. No. 55-2014. Philipps-Universität Marburg. [Electronic resource]. URL: https://www.econstor.eu/bitstream/10419/105073/1/799306894.pdf (date of treatment: 28.01.2026).

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЭФФЕКТИВНОСТЬ АРХИТЕКТУРНЫХ РЕШЕНИЙ

Тарасевич А.С. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Гарипов Р.И. – к.э.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В работе исследованы разные подходы и модели, иллюстрирующие влияние архитектурных решений на показатели экономической эффективности. Также разработана таблица, которая сравнивает представленные модели, и описано несколько конкретных примеров воздействия архитектурных решений на экономическую эффективность.

Введение

Тема экономической эффективности архитектурных решений представляет собой важный аспект в области архитектуры и строительства, который требует

внимательного анализа и оценки. Экономическая эффективность архитектурных решений считается как отношение прибыли на затраты от реализации определенного проекта.

Основной целью данной работы является исследование методов оценки экономической эффективности архитектурных решений, что позволяет выявить их влияние на стоимость жизненного цикла объектов. Проблема заключается в недостаточной разработанности адаптированных методик, которые учитывали бы специфику архитектурных решений и их воздействие на экономические показатели. Актуальность исследования обусловлена необходимостью повышения эффективности использования ресурсов и снижения затрат в строительной отрасли, что становится особенно важным в условиях современных экономических реалий.

Объектом исследования является процесс формирования стоимости объектов архитектурной деятельности на протяжении их полного жизненного цикла.

Предметом исследования является взаимосвязь архитектурно-планировочных параметров (таких как этажность, конфигурация фасада и др.) с показателями совокупных затрат владения (единовременные капитальные вложения и издержки эксплуатации) и методы оптимизации этих затрат на этапе проектирования.

При разработке архитектурных решений важно учитывать экономическую составляющую: единовременные капитальные вложения, издержки эксплуатации, стоимость жизненного цикла здания и др.

Единовременные капитальные вложения – затраты, направленные на создание новых, расширение, реконструкцию или техническое перевооружение действующих основных фондов. В строительстве это средства, единовременно инвестируемые на выполнение проектно-изыскательских работ, строительно-монтажных работ и приобретение оборудования до момента ввода объекта в эксплуатацию [7].

Издержки эксплуатации – совокупность текущих затрат, связанных с поддержанием здания или сооружения в работоспособном состоянии и выполнением им заданных функций. Включают расходы на отопление, вентиляцию, водоснабжение, электроэнергию, техническое обслуживание, текущий и капитальный ремонты, а также оплату управленческого персонала [1].

Стоимость жизненного цикла здания – суммарные дисконтированные затраты на владение объектом недвижимости на всех этапах: от инвестиционной фазы до фазы ликвидации. Включает капитальные вложения, эксплуатационные расходы, затраты на ремонты и техническое обслуживание. Используется для оценки долгосрочной эффективности инвестиций [5].

Учет экономической составляющей зависит от моделей и подходов, которые представлены в сравнительной таблице (табл.1).

Табл. 1

Модели и подходы оценки экономической эффективности архитектурных решений

Модель	«Влияние объем-но-планировочных параметров на стоимость в ТЭП»	«Компактность и периметр здания в системе ТЭП»	«Стоимость жизненного цикла здания»	«Функциональ-ная гибкость и адаптивность»
Основная цель	Оптимизация затрат на ранних стадиях проекта через выбор параметров (этажность, шаг колонн)	Минимизация материалоёмкости, трудоемкости и теплопотерь за счет рациональной формы здания	Минимизация суммарных затрат владения за весь жизненный цикл (50–100 лет)	Обеспечение способности здания к смене функций без капитальной реконструкции
Что оптимизи-руется	Баланс между стоимостью каркаса и эксплуатационной эффективностью	Периметр, площадь фасадов, протяженность коммуникаций	Распределение инвестиций между строительством и эксплуатацией	Долгосрочная экономическая устойчивость и ликвидность актива
Основной эффект	Снижение стоимости 1 м² (например, оптим. этажность: 5–9 этажей)	Сокращение сметной стоимости на 8–15% по сравнению со сложной формой	Предотвращение иллюзии дешевого строит-ва за счет учета будущих расходов	Снижение затрат на реконструкцию на 40–50% при смене функции

Продолжение табл. 1

Пример зависимости	Увеличение шага колонн → гибкость ↑, но стоимость несущих конструкций ↑	Квадратная форма → минимальный периметр → экономия материалов	Дорогие ограждающие конструкции → снижение теплопотерь → окупаемость	Избыточная несущая способность + резервные зоны под лифты → возможность трансформации
Приоритет при принятии решений	Минимум приведенных затрат на этапе строит-ва	Минимум периметра и материалоемкости	Минимум стоимости владения за жизненный цикл	Максимум адаптивности и долгосрочной рентабельности

Источник: составлено автором

Модель «Влияние объемно-планировочных параметров на стоимость в технико-экономическом подходе (ТЭП)»

Технико-экономический подход (ТЭП) представляет собой методологическую основу проектного анализа, которая оценивает взаимосвязи между архитектурно-строительными, объемно-планировочными, конструктивными решениями и итоговой стоимостью объекта. ТЭП ориентирован на оптимизацию затрат на ранних стадиях инвестиционно-строительного цикла.

Благодаря ТЭП оптимизируют затраты на многие строительные проекты. Например, существует оптимальная этажность (обычно 5–9 этажей для массовой застройки), при которой стоимость 1м² минимальна. Дальнейшее увеличение этажности ведет к удорожанию из-за усложнения конструкций, инженерных систем и увеличения площади лифтовых холлов. Также на экономическую эффективность проекта влияет шаг колонн. Увеличение шага колонн повышает гибкость планировки и полезную площадь, но требует применения более мощных и дорогих несущих конструкций. Модель позволяет находить баланс между стоимостью каркаса и эксплуатационной эффективностью.

Классическая структура данной модели выражается через приведенные затраты, включающие текущие издержки эксплуатации и единовременные капитальные вложения, приведенные к сопоставимому виду с помощью нормативного коэффициента эффективности En.

Модель «Компактность и периметр здания в системе ТЭП»

В системе технико-экономического подхода (ТЭП) форма здания выступает одним из ключевых факторов, определяющих как единовременные капитальные вложения, так и последующие эксплуатационные издержки. Количественным выражением формы выступает коэффициент компактности - отношение площади наружных ограждающих конструкций к общей площади (или отапливаемому объему) здания. Минимизация данного коэффициента является общепризнанным критерием экономичности объемно-планировочного решения, поскольку позволяет сократить материалоемкость, трудоемкость и теплопотери.

Основной объем затрат на строительные конструкции (фундаменты, наружные стены, покрытия, кровлю) прямо пропорционален протяженности периметра и площади фасадов. При прочих равных условиях здание квадратной формы в плане обладает наименьшим периметром при заданной площади застройки, что обеспечивает сокращение расхода материалов на устройство вертикальных ограждающих конструкций, их утепление и отделку. Напротив, усложнение конфигурации (Г-образная, крестообразная, сложная криволинейная форма) ведет к увеличению периметра, удлинению инженерных коммуникаций, увеличению числа углов, что повышает сметную стоимость в среднем на 8–15 % по сравнению с компактным аналогом.

Модель «Стоимость жизненного цикла здания»

В реалиях устойчивого развития объектов капитального строительства ключевое значение приобретает методология оценки стоимости жизненного цикла (Life Cycle Cost – LCC). Традиционный подход, ориентированный преимущественно на минимизацию первоначальных затрат, демонстрирует свою несостоятельность, поскольку расходы на эксплуатационные затраты, на техническое обслуживание, текущие ремонты и последующий снос здания за длительный период (50–100 лет) многократно превышают стоимость строительства.

Стоимость жизненного цикла определяется как суммарные затраты, связанные с созданием, использованием и завершением существования объекта недвижимости. В структуру LCC входят следующие основные элементы: капитальные вложения (проектирование, строительство, приобретение оборудования); расходы на эксплуатацию (энергоресурсы, водоснабжение, утилизация отходов, оплата труда обслуживающего персонала); затраты на

техническое обслуживание и ремонты (планово-предупредительные работы, замена изнашиваемых элементов, капитальный ремонт); а также стоимость вывода объекта из эксплуатации.

Применение LCC-анализа на этапе инвестиционной фазы позволяет оптимизировать проектные решения не по принципу минимальной сметной стоимости, а исходя из критерия минимальной приведенной стоимости владения. Например, увеличение первоначальных инвестиций в высокоэффективные ограждающие конструкции или инженерные системы приводит к значительному снижению операционных издержек в течение всего жизненного цикла, что в итоге формирует устойчивую экономическую модель объекта. Таким образом, интеграция методологии LCC в систему управления строительным проектом выступает необходимым условием для обеспечения долгосрочной рентабельности.

Модель «Функциональная гибкость и адаптивность»

В условиях технологического прогресса и трансформации бизнес-процессов ключевым требованием к современным объектам капитального строительства становится их способность к трансформации без существенных затрат на реконструкцию. Модель «Функциональная гибкость и адаптивность» представляет собой подход к проектированию и управлению зданием, при котором физические характеристики объекта позволяют менять его функциональное назначение, внутреннюю планировку, инженерное оснащение и пропускную способность в течение всего жизненного цикла. Данная модель противопоставляется традиционному подходу проектирования, ориентированному на однократно заданную функцию, и выступает важнейшим механизмом снижения рисков морального износа и обесценивания актива.

Функциональная гибкость, в узком смысле, означает способность здания или его отдельных пространств к оперативной реорганизации без капиталоемких строительно-монтажных работ. Это достигается за счет применения увеличенного шага колонн, безрамных остекленных фасадов, съемных перегородок. Адаптивность, как более широкая категория, предполагает способность здания к смене функционального класса: например, трансформация офисного центра в гостиницу, жилого комплекса в медицинский кластер или промышленного здания в мультифункциональный общественный центр. Такая трансформация возможна при закладывании на этапе концепции архитектурно-планировочных и конструктивных

резервов, таких как избыточная несущая способность перекрытий, резервные зоны для вертикальных коммуникаций (лифтовых шахт) и модульная структура фасадов.

Внедрение данной модели требует пересмотра критериев оценки эффективности инвестиционно-строительных проектов. Вместо минимизации первоначальных затрат приоритет получают показатели долгосрочной экономической устойчивости. Здание, обладающее высоким уровнем адаптивности, сохраняет инвестиционную привлекательность и ликвидность на рынке недвижимости даже при изменении градостроительной политики или экономических укладов. Стоимость таких объектов, как правило, на 10–15% выше рыночной на этапе ввода, однако снижение операционных расходов на реконструкцию (до 40–50% по сравнению с возведением нового здания при смене функции) и возможность быстро реагировать на спрос делают эту модель экономически обоснованной.

Далее рассмотрим примеры экономически эффективных архитектурных решений.

1) жилой комплекс «Ньютон»;

Анализ экономических результатов реализации проектного решения позволяет выделить несколько факторов, оказавших прямое влияние на показатели эффективности инвестиционно-строительного проекта.

Во-первых, применение индустриальных методов монтажа фасадных систем в сочетании с отсутствием внутренних несущих стен способствовало сокращению продолжительности строительно-монтажных работ. По оценкам застройщика, сроки возведения объекта снизились на 20% по сравнению с типовыми панельными домами, что уменьшило объем накладных расходов и ускорило оборот инвестиционных средств.

Во-вторых, свободная планировка и возможность трансформации внутреннего пространства сформировали дополнительную потребительскую ценность. На рынке первичного жилья Краснопольского микрорайона средняя цена реализации 1 м² в комплексе «Ньютон» превышала аналогичный показатель для панельных домов на 10–12 %. Указанная премия обусловлена повышенным спросом со стороны покупателей, ориентированных на гибкость планировочных решений и долгосрочную адаптивность жилья под изменяющиеся потребности семьи.

В-третьих, повышенная теплоэффективность ограждающих конструкций (за счет увеличенной толщины утеплителя и применения навесной вентилируемой системы) обеспечила снижение эксплуатационных затрат на отопление в диапазоне 30–35 % относительно нормативных показателей для зданий с традиционными панельными ограждениями. Сокращение операционных расходов повысило инвестиционную привлекательность объекта, что выразилось в ускорении темпов реализации квартир.

Архитектурно-конструктивные решения, примененные в жилом комплексе «Ньютон», сократили инвестиционный цикл, увеличили ценовую премию за счет дифференциации продукта и снизили будущие эксплуатационные издержки, что в совокупности повысило общую эффективность проекта по критериям стоимости жизненного цикла.

2) высшее учебное заведение «Южно-Уральский технологический университет», главный корпус по адресу Комсомольский проспект 113а;

Дополнительно проанализирую то, как форма здания «Южно-Уральского технологического университета» и другие архитектурные решения в данной постройке влияют на экономические результаты эксплуатации здания.

Традиционные прямоугольные объёмы с коридорной системой часто характеризуются высоким коэффициентом остекления, но низкой равномерностью освещения, что приводит к необходимости использования искусственного света даже в дневное время. В рассматриваемом здании геометрия «книжки» (рис. 1) создаёт эффект светового колодца, ориентированного на юг. В здание такой формы проникает больше света, чем в здание обычного типа, что дает существенную экономию электроэнергии, так как в данном случае ее использование уменьшается.



Рис. 1. Форма здания главного корпуса ЮУТУ по адресу Комсомольский проспект 113а в виде «книжки», благодаря чему в здание проникает больше света

Источник: из личного архива автора

В главном корпусе «Южно-Уральского технологического университета» на площадке перед вузом стоят часы, которые видно из любой аудитории (рис. 2 и 3), чьи окна выходят на север. Данное улучшение позволяет вузу экономить на покупке дополнительных комплектов настенных часов, что позитивно сказывается на издержках оборудования аудиторий.

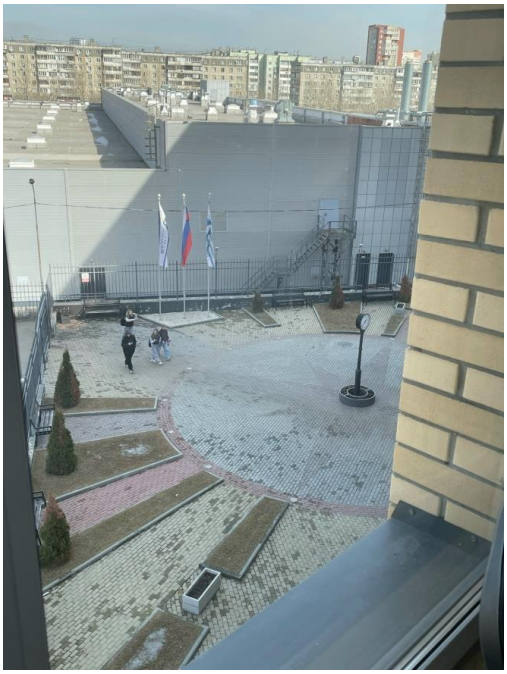


Рис. 2. Вид из окна 321 кабинета главного корпуса ЮУТУ, в котором видно часы

Источник: из личного архива автора

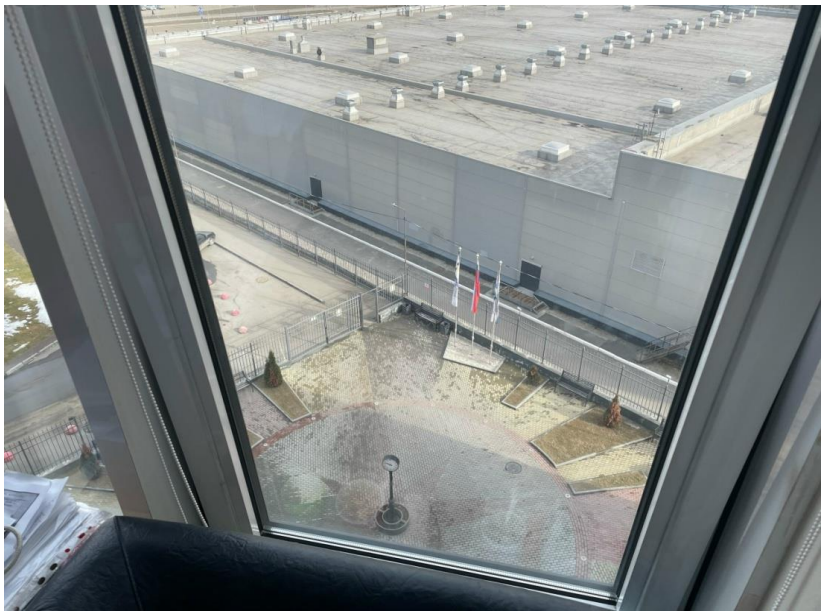


Рис. 3. Вид из окна тренерской главного корпуса ЮУТУ, в котором видно часы

Источник: из личного архива автора

Заключение

Проведенное исследование подтверждает, что экономическая эффективность архитектурных решений не сводится к минимизации сметной стоимости строительства, а представляет собой комплексную категорию, охватывающую полный жизненный цикл объекта. Анализ существующих подходов и моделей, таких как технико-экономический подход, оценка стоимости жизненного цикла, а также моделей компактности и функциональной гибкости показывает, что архитектурно-планировочные параметры (этажность, конфигурация фасада, шаг колонн, коэффициент компа) напрямую влияют на совокупные затраты владения.

Ключевым выводом является необходимость перехода от традиционной стратегии снижения первоначальных капитальных вложений к управлению долгосрочной экономической устойчивостью объекта. Как демонстрирует анализ практических примеров, таких как жилой комплекс «Ньютон», главный корпус Южно-Уральского технологического университета, грамотные архитектурные решения позволяют снизить эксплуатационные издержки (на 30–35 % на электроэнергию за счет естественного освещения), создать дополнительную потребительскую ценность и обеспечить адаптивность здания к изменяющимся функциям без капиталоёмкой реконструкции.

Особого внимания заслуживает выявленный парадокс, заключающийся в том, что увеличение первоначальных инвестиций (в эффективные ограждающие конструкции, гибкие планировки) приводит к снижению суммарных затрат за жизненный цикл. Таким образом, экономически эффективным следует признавать не самое дешевое, а самое устойчивое архитектурное решение, обеспечивающее минимальную приведенную стоимость владения.

Список используемых источников

1. Горемыкин В.А. «Экономика недвижимости». М.: Издательство Юрайт, 2014. 472 с.
2. Грабовый П.Г. Экономика и управление недвижимостью: учебник. Москва: Проспект, 2019. 848 с.
3. Кочергин В.А., Злотникова Т.С. Экономика архитектурных решений: учебное пособие. Новосибирск: НГАСУ, 2017. 120 с.
4. Проектная декларация «Жилой комплекс «Ньютон»» // официальные документы. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TQiPv (дата обращения: 20.03.2026)
5. Разу М.Л. «Управление проектом». М: КНОРУС, 2006. 768 с.
6. Сведения из Единой информационной системы жилищного строительства «Жилой комплекс «Ньютон»». // Наш.дом.рф. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TQiSs (дата обращения: 20.03.2026)
7. Степанов И.С. «Экономика строительства». М: Юрайт-Издат, 2007. 620 с.
8. Табунщиков Ю.А., Бродач М.М. Энергоэффективные здания: учебное пособие. Москва: АВОК-ПРЕСС, 2018. 280 с.
9. Ширшиков Б.Ф. Экономика строительства: учебник. Москва: ИНФРА-М, 2021. 340 с.

ИННОВАЦИОННАЯ ИНФРАСТРУКТУРА – ЭЛЕМЕНТ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИННОВАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ РОССИИ

Тимошилова П.С. – аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет»

Научный руководитель: Будрина Е.В. - д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный морской технический университет»

Аннотация

В статье рассматривается инновационная инфраструктура как укрупненная группа элементов национальной инновационной системы России. Инновационная инфраструктура обеспечивает ресурсную и организационную поддержку инновационной деятельности, способствуя кооперации участников инновационного процесса. На основании статистических данных центры трансфера технологий и технопарки были выделены, как наиболее значимые элементы, оказывающие наибольшее влияние на развитие инновационной деятельности. В результате исследования было выявлено, что несмотря на расширение количественного состава объектов инфраструктуры, существенным ограничением их результативности является региональная асимметрия, а также недостаточная взаимосвязь элементов.

В связи с усиливающейся глобальной технологической конкуренцией, ускорением инновационных процессов и роста значимости научно-технологического развития для стран, исследование национальной инновационной системы является особенно актуальным. Национальная инновационная система выступает основой в процессе создания, распространения и внедрения новых знаний и технологий, обеспечивая взаимодействие ее структурных элементов. Уровень развития системы обуславливает не только темпы инновационной активности, но и устойчивость экономики страны к внешним вызовам, а также обеспечивает технологическую независимость страны. В связи с этим исследование структуры и механизмов функционирования элементов национальной инновационной системы актуально на данный момент.

Инновационная инфраструктура является укрупненной группой элементов рамках национальной инновационной системы. Данная группа элементов обеспечивает формирование среды, в рамках которой научные результаты, технологические разработки и другие результаты инновационной активности переходят от стадии идеи к коммерциализации. Инновационная инфраструктура представляет собой совокупность организаций, институтов и механизмов, способствующих инновационной деятельности и обеспечивающей взаимодействие ее участников [5].

Актуальность исследования состоит в том, что в настоящее время результативность инновационной деятельности зависит не только от инновационного потенциала, но и от качества инновационной инфраструктуры, обеспечивающей трансфер знаний и технологий, кооперацию участников инновационного процесса, коммерциализацию полученных результатов, что является условием функционирования инновационной системы. В случае отсутствия устойчивых инфраструктурных связей, полученные знания не преобразуются в технологические решения, способные обеспечить значительный вклад в экономическое развитие страны. В связи с этим необходимо проанализировать текущее состояние и выявить роль инновационной инфраструктуры в национальной системе России.

Укрупненная группа элементов инновационная инфраструктура включает в себя: центры трансфера технологий и коммерциализации, технопарки и научные парки, бизнес-инкубаторы и акселераторы, инновационные промышленно-технологические кластеры, цифровые платформы и сетевые инфраструктуры поддержки инноваций. В настоящее время исследователи утверждают, что особое значение приобретает не только наличие отдельных инфраструктурных объектов, выполняющих свои функции, сколько характер их взаимодействия [7]. Именно слабость и сложность кооперации между различными элементами инновационной системы являются существенными ограничениями в развитии инновационной инфраструктуры. Указанные ограничения снижают скорость продвижения разработок, затрудняют поиск партнеров и инвесторов, усложняют взаимодействие между ВУЗами, предприятиями и научными организациями. Таким образом, инновационная инфраструктура даже при наличии значительного количества объектов не всегда обеспечивает необходимый уровень интеграции. Среди элементов данной укрупненной группы наибольшее значение на развитии инновационной деятельности России имеют центры трансфера технологий и коммерциализации, а также цифровые платформы и сетевые инфраструктуры поддержки инноваций, поскольку указанные элементы напрямую обеспечивают создание знаний и вовлечение их в экономический оборот.

В НИС России особое внимание необходимо уделить анализу места центров трансфера технологий и технопарков, поскольку именно эти элементы обеспечивают вовлечение знаний в хозяйственную деятельность [4]. Центры трансфера технологий в национальной инновационной системе России выполняют

функцию институционального посредника между вузами, организациями научного сектора и представителями предпринимательского сектора. Деятельность центров трансфера технологий обеспечивает не только коммерциализацию разработок, но и формирование моделей взаимодействия. На 2025 год в России действует 38 центров, большая часть из которых действует на базе университетов [1]. Деятельность ЦТТ позволила вдвое увеличить объем средств, привлеченных в организации, составив 16,7 млрд рублей на начало 2024 года, что свидетельствует о постепенном переходе от организационного становления инфраструктуры к эффективной коммерциализации результатов [6].

Количественное расширение сети центров трансфера технологий не обеспечивает устранения барьеров прогрессивного развития, поскольку ключевое значение имеет их степень интеграции во взаимодействие участников инновационного процесса. В связи с этим особое значение приобретает деятельность центров на базе университетов, что усиливает кооперацию элементов национальной модернизированной системы [4].

Помимо центров трансфера технологий в выполнении функции по кооперации и ресурсному обеспечению важную роль играют технопарки, акселераторы, бизнес-инкубаторы, кластеры и другие элементы инновационной инфраструктуры, однако их положение неоднородно в связи с дисбалансом территориального распределения, а также отсутствием должной статистической освещенности. Наиболее значимым элементом в данном ряду выступают технопарки, поскольку они обеспечивают пространственную концентрацию производственных, исследовательских и организационных ресурсов, необходимых для запуска и масштабирования технологических проектов [3]. Технопарки являются элементом инновационной инфраструктуры, создающим условия для объединения производственных и исследовательских ресурсов, необходимых для создания и расширения технологических проектов.

Динамика развития технопарков в России имеет положительный характер, так с 2014 года количество технопарков увеличилось в два раза, составив 147 технопарков [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Пространственное распределение технопарков остается ассиметричным, так 47 % от общего количества технопарков находится в Центральном федеральном округе (преимущественно Москва, Московская область), 23 % в Приволжском федеральном округе, оставшиеся 30 % распределены по 6 округам. За 10 лет, с 2014

года, число резидентов технопарков выросло более чем в 2 раза, составив 119 937 резидентов на 2024 год, а результативность, отраженная в совокупной выручке резидентов, выросла практически в 10 раз, в 2014 году составив 138,5 млрд руб., а в 2024 году – 1 207,6 млрд руб. Технопарки являются механизмом поддержки технологического предпринимательства в России и коммерциализации разработок, однако для повышения вклада в НИС страны необходимо снижение межрегиональной диспропорции.

Говоря про инновационно-территориальные кластеры, бизнес-инкубаторы и акселераторы, можно отметить аналогичные тенденции, поскольку на момент проведения анализа, указанные объекты инновационной инфраструктуры способствуют реализации технологических проектов, трансферу технологий и кооперации элементов НИС на данных площадках, но на момент анализа в России существует неравномерное распределение объектов инфраструктуры, а также существенно небольшой объем статистических данных по указанным объектам.

Таким образом, инновационная инфраструктура является важной группой элементов, необходимой для функционирования национальной инновационной системы России, поскольку она обеспечивает взаимодействие представителей секторов науки, образования и бизнеса. Проведенный анализ показывает, что наиболее значимую роль в структуре инновационной инфраструктуры имеют центры трансфера технологий и технопарки, обеспечивающие коммерциализацию разработок и поддержку технологического предпринимательства.

Список используемых источников

1. Бизнес-навигатор Технопарки России – 2025. Выпуск 11 / Галеева В.Д., Заннятова А.М., Пенягина С.Ю., Серёгин М.С., Козловский А.Н., Куликов И.А., Лабудин М.А. / Ассоциация кластеров, технопарков и ОЭЗ России. Москва: АКИТ РФ, 2025. – 112 с.

2. Дранев Ю., Очирова Е., Хармс Р., Миряков М. Оценка эффективности межорганизационного трансфера технологий // Форсайт. 2023. Т. 17, №3. С. 20–31.

3. Лимонов Л.Э., Степанова Е.С. Оценка условий для реализации инновационной активности технопарков в сфере высоких технологий // Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика. 2024. № 59. С. 238–266.

4. Маканин А.М., Квашнин А.Г., Донецкая С.С. Центры трансфера технологий в университетах: структура и развитие // Университетское управление: практика и анализ. 2025. № 29. С. 86–101.

5. Макаров И.Н., Пивоварова О.В., Дробот Е.В., Селищев О.В., Юшков М.А. Роль инновационной инфраструктуры в обеспечении пространственной политики России в условиях мобилизационной экономики // Вопросы инновационной экономики. 2023. Т. 13, №4. С. 2075–2084.

6. Петрухин Артем Игоревич Роль субъектов инновационной инфраструктуры промышленности России в обеспечении технологического суверенитета страны // ВЭПС. 2024. №3. С. 55–61.

7. Shmeleva N., Gamidullaeva L., Tolstykh T., Lazarenko D. Challenges and Opportunities for Technology Transfer Networks in the Context of Open Innovation: Russian Experience // Journal of Open Innovation: Technology, Market, and Complexity. 2021. Vol. 7. № 3. 197 p.

НЕФТЯНОЙ ЭКСПОРТ ПОД КОНТРОЛЕМ: ТАМОЖЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ

Ткачук О.В. – студент, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Научный руководитель: Вакорина Е.А. – доцент, ФГАОУ ВО «Тюменский государственный университет»

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые направления нефтяного экспорта из России. Отдельное внимание уделяется механизму ценообразования на российскую нефть, включая систему дифференциалов к эталонным сортам. Раскрывается практика заключения экспортных сделок и описана процедура совершения таможенных операций при экспорте нефти. Помимо этого, разбирается порядок установления экспортных пошлин на сырую нефть на основе расчетов по установленным законодательством формулам.

Введение

Вывоз нефти за пределы территории РФ, ключевая составляющая российского экспорта в современном мире. Транспортировка из России осуществляется морским и трубопроводным транспортом, в незначительных

объемах – железнодорожным. Крупнейшими поставщиками нефти выступают вертикально интегрированные нефтяные компании (ВИНК), среди которых: Роснефть, Лукойл, Газпромнефть, Сургутнефтегаз, Татнефть и другие. Несмотря на обширную географию нашей страны и развитую сеть трубопроводов, вывезти нефть из России можно лишь в ограниченном количестве. Статистика экспорта сырой нефти из России имеет неоднозначную тенденцию за последние семь лет (рис. 1).

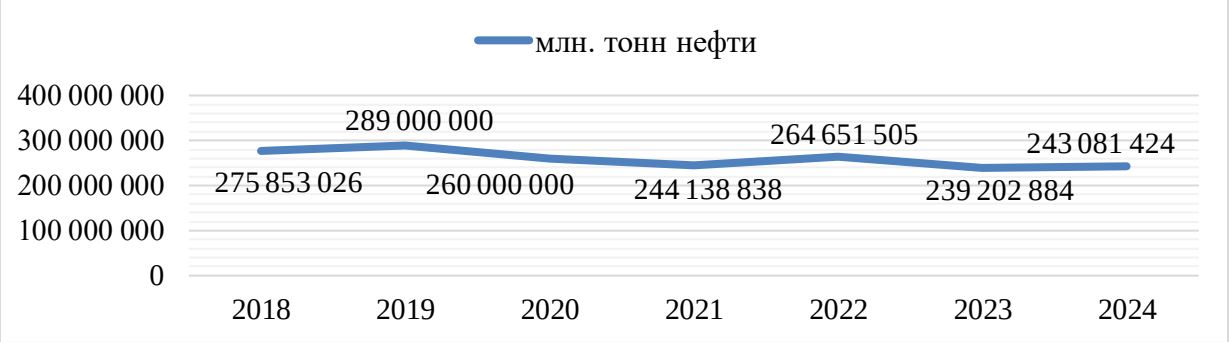


Рис. 1. Экспорт сырой нефти из России за 2018-2024 гг. в млн тонн [9]

На графике видно, как менялись объемы годовых поставок. В 2019 году, в сравнении с 2018 годом, объем вырос на 4,77 %, однако за два года показатели резко упали на 15,52 %, что можно связать с Covid-19. К 2022 году экспорт нефти превысил «послекарантинные» поставки, увеличившись на 8,4 %, и приобрел перспективы дальнейшего роста, но в связи с началом специальной военной операции и введением санкций против России снова снизился на 9,62 %. К 2024 году наблюдается постепенное наращивание объемов на 1,62 %.

Методы исследования

Методологическая основа исследования обусловлена комплексным характером анализируемой проблемы, находящейся на стыке таможенного, налогового и внешнеторгового регулирования. В работе использованы как общенаучные, так и специальные методы познания, такие как: метод анализа и синтеза, системный подход, сравнительный и статистический методы.

Результаты и их обсуждение

Структура российского нефтяного экспорта представлена тремя основными направлениями. Большая часть товара поставляется в равной степени на Восток и Запад и составляет 70 % по обоим направлениям от общего объема, 7 % приходится на Арктику, остальные 23 % распределяются между прочими направлениями.

Ключевым сортом нефти на востоке является «ESPO» (далее – Эспо), поставляемая по трубопроводу «Восточная Сибирь – Тихий океан» до порта Козьмино для дальнейшей отгрузки в морские суда или по отдельной ветке трубопровода напрямую в Китай. Еще один сорт, экспортируемый на Востоке, называется «Sokol» (далее – Сокол). По своим качественным характеристикам он очень похож на Эспо и рассматривается как его альтернатива. В большинстве своем, покупателями марки Сокол являются нефтеперерабатывающие заводы Японии и Южной Кореи. Данный сорт отгружается напрямую в танкеры терминала порта Де-Кастри в Хабаровском крае. Недалеко от месторождения Сокол на северо-востоке острова Сахалин добывается нефть «Sakhalin Blend» (Сахалинская нефть), называется так, потому что является смесью малосернистой нефти и газового конденсата с Киринского месторождения.

И если сорта нефти на Востоке малознакомы, то сорт нефти на Западе «Urals» (далее – Юралс) знаком многим, еще встречается аббревиатура «REBCO» (далее – Ребко), что означает «Russian Export Blend Crude Oil» – Российская экспортная смесь нефти. В отличие от нефти Востока, эта более тяжелая и сернистая, ценится за высокое содержание дизельной фракции. Ключевыми потребителями этого сорта выступают нефтеперерабатывающие заводы Европы, как наиболее близкого рынка сбыта. Несмотря на современную политическую обстановку, Евросоюз продолжает импортировать российскую нефть: "ЕС практически перестал покупать нефть из РФ – продолжаются поставки только по нефтепроводу "Дружба" в страны центральной Европы. На этом фоне доля РФ в импорте нефти в Евросоюз может держаться в диапазоне 1–2 %", – прогнозирует аналитик компании Сергей Кауфман [2]. При благоприятной рыночной конъюнктуре поставки идут, в том числе и в Китай. За пределы России нефть транспортируется через Балтийские порты Приморск и Усть-Луга на севере и порт Новороссийск на юге, где она переваливается на морские танкеры. Большая доля поставок осуществляется по известному трубопроводу «Дружба» через территорию Белоруссии, где она разветвляется в две стороны: северную и южную ветви. Северная ветвь проходит до Польши и Германии, южная пересекает Украину, после чего делится на «Дружбу 1» до Словакии и «Дружбу 2» до Венгрии. Помимо Юралс на Западе осуществляются поставки еще одного малосернистого сорта нефти – «Siberian Light» (далее – Сибирская легкая), которая транспортируется по трубопроводу из Новороссийска и затем на танкерах через Чёрное море поступает в Европу.

В Арктике ключевой точкой сосредоточения экспортных потоков нефти становится порт Мурманск, где находится плавучее нефтехранилище Умба (ПНХ Умба), с порта которого осуществляется экспорт уникальных сортов нефти «Novy Port» (далее – Новый Порт), добываемый на Ямале и «ARCO» (далее – АРКО), добываемый на платформе Приразломная. По своим качественным характеристикам это абсолютно разные сорта. Новый Порт – легкая малосернистая нефть, АРКО – тяжелая нефть, с высоким содержанием серы, что делает ее схожей с нефтью Юралс. Традиционными потребителями обоих сортов выступают нефтеперерабатывающие заводы на севере Европы: Франция, Англия, Нидерланды, Финляндия. Несмотря на то, что это молодые сорта, первые партии на экспорт были отгружены в 2014 году и уже успели сформироваться география поставок и круг покупателей. В 2020 году была осуществлена первая поставка в Новый Порт в Китай, также интерес к ней проявляют переработчики из Индии. По данным компании Kpler, в конце 2025 года объем поставок российской нефти в Индию составил около 658 000 баррелей в сутки, что составляет приблизительно 80,2 тысяч тонн [7]. Еще один сорт в Арктике, экспорт которого осуществляет компания Лукойл из порта Мурманск, носит название «Варандейская смесь».

Для того, чтобы определить, насколько выгодно экспортировать нефть по какому-либо направлению, необходимо оценить экономическую эффективность поставок. Оценка эффективности производится по принципу альтернативы, то есть относительной разницы нетбэков экспортных направлений. Нетбэк – это разница между ценой реализации нефти и затратами на ее доставку до базиса поставки (точки, в которой право собственности переходит иностранному покупателю), чем выше нетбэк, тем выше эффективность. Для корректной сравнительной оценки направлений расчет стоимости доставки должен осуществляться от одного узла учета нефти в системе Транснефти. Рассмотрим порядок на примере нефти Юралс. Чтобы определить какое направление поставки будет наиболее эффективным, необходимо сначала посчитать нетбэк поставки на экспорт через Приморск или Новороссийск, а затем сравнить эти два значения. Для этого нужно взять стоимость Юралс в этих портах и вычесть из нее затраты на транспортировку нефти от единого узла учета нефти – УНН «Холмогоры», включая стоимость перевалки нефти в порту, экспедирование (выпуск грузовых документов), инспектирование (лабораторные анализы нефти) и декларирование – совершение таможенных операций.

Ежедневно в мире совершается огромное количество сделок с нефтью, и чтобы определить рыночную стоимость какого-либо сорта, существует глобальное ценовое агентство Platts, которое ежедневно публикует цены всех существующих сортов нефти. Platts определяет стоимость согласно практике: стоимость сортов, приведенная к какому-либо крупному международному нефтяному хабу. На севере Европы таким хабом является порт Роттердам, то есть, рыночная стоимость нефти Юралс отражает стоимость российской нефти, доставленной из какой-либо точки, как правило, Балтийских портов Приморск и Усть-Луга до Роттердама. На юге Европы, куда поставляется нефть из Новороссийска, это Сицилийский порт Аугуста. По сложившейся практике, нефть на экспорт из России реализуется в соответствии с базисом FOB в порт погрузки, что предполагает обязанности иностранного покупателя самостоятельно и за свой счет организовать ее доставку до нужного ему пункта.

По данным Bloomberg на начало февраля текущего года, российская нефть котируется на 9–11 долл. США ниже эталона Brent с учётом всех транспортных расходов. До вычета транспортных расходов дисконт Юралс оценивается агентством Argus в 27 долл. США за баррель – при цене Брента в 67 долл. США российская нефть стоит около 40 долл. США [3].

В России за 2025 год было добыто примерно 512 млн тонн нефти, но несмотря на это, возможности ее транспортировки на экспорт ограничены [8]. Для того, чтобы упорядочить этот процесс, существует система экспортных графиков. Экспортный график – документ, утверждаемый Министерством энергетики РФ, который выдается каждый квартал всем нефтедобывающим компаниям. В документе указывается объем поставок нефти в том или ином направлении и такое распределение носит недискриминационный характер. Объем нефти, который компании могут реализовать на экспорт, определяется пропорционально сдаче нефти в систему Транснефть с их месторождений. В первую очередь, ресурсы распределяются на внутреннее потребление, а остаток на экспорт. То есть, чем больше добываешь, тем больше сможешь реализовать на экспорт. Если компания сама не добывает, то на экспорт не отправляет. Согласно такому графику возможно поставлять нефть на экспорт, к примеру, по направлению Германия в объеме 750 тыс. тонн нефти в квартал, а по менее эффективному направлению, но при этом с большей пропускной способностью – Новороссийск, более 1 млн тонн нефти в квартал. Таким образом, доступные для экспорта ресурсы распределяются от более

к менее эффективному направлению по мере исчерпания лимитов, установленных экспортным графиком.

Этап заключения сделки с контрагентом важно осуществить как можно скорее. К базовым параметрам, фиксируемым в сделке, относятся: наименование продавца и покупателя, сорт нефти, условия поставки в соответствии с Инкотермс, окно погрузки, объем поставки и порядок ценообразования. Стандартный объем партии из морских портов – 100 тыс. тонн нефти, что соответствует максимальной вместимости танкера класса Aframax. В сделке также подробно описывается формула цены, какие котировки агентства Platts применяются и за какой период. Указывается ставка демереджа – плата за простой судна, и сталийное время – время, которое дается судовладельцем фрахтователю (тому, кто арендует танкер) для проведения операций по погрузке и разгрузке в портах, в целях избежать нерационального использования судна. В мировой практике на эти операции для танкеров типа Aframax и Suezmax отводится 36 часов на погрузку танкера и 36 часов на разгрузку. В случае, если эти операции выходят за рамки отведенного времени, то фрахтователь оплачивает судовладельцу штраф в размере ставки демереджа за каждую лишнюю минуту. При этом компенсирует эти расходы та сторона сделки, по чьей вине произошла эта задержка. Еще один важный параметр, зафиксированный в сделке, это порядок оплаты товара. Общепринятая мировая практика предполагает предоставление продавцом покупателю отсрочки 30 дней для оплаты товара. Срок отсрочки начинается с момента завершения отгрузки. При морских перевозках это дата коносамента – перехода права собственности на товар.

После того, как выполнены все условия для успешной сделки, заключается экспортный контракт. Между заключением сделки и датой поставки проходит от 15 до 60 дней. За это время стороны должны согласовать и подписать контракт, в котором детализируются условия сделки, порядок действий сторон в тех или иных ситуациях. Рассмотрим некоторых из них. На мировом рынке сложилась практика, что оплата нефти осуществляется в долларах США, как наиболее надежной валюте. Усиление роли Евросоюза и Китая на мировой арене, сделала их валюты не менее надежными, поэтому экспортные контракты получили возможность оплаты в альтернативной валюте, если оплата в долларах невозможна по какой-либо причине. Кроме того, наряду с евро и юанем, в контракты начинает включаться российский рубль. Индийские нефтеперерабатывающие предприятия оплачивают закупки российской нефти в альтернативных валютах, чтобы снизить зависимость

от доллара. Сделки заключаются путем внесения индийских рупий на специальные зарубежные банковские счета российских продавцов, которые затем конвертируются в такие валюты, как дирхам ОАЭ или китайский юань [5].

Одной из совместных обязанностей сторон по сделке, является выбор инспектора – сюрвейера. Это компания, которая осуществляет лабораторные исследования по нефти и измеряет ее точное количество, сколько погружено на танкер. По результатам исследования формируется пакет обязательных документов: сертификат качества и сертификат количества. Также сюрвейер обязан хранить у себя арбитражные пробы нефти с каждого танкера для возможности осуществления повторных анализов, если у сторон по сделке возникнут разногласия относительно каких-либо данных. В России функцию независимого эксперта и подготовку сертификатов выполняет Транснефть. В соответствии с законодательством России о валютном контроле, валютная выручка за товары, реализованные на экспорт, должна в полном объеме вернуться в Россию, что закреплено в статье 19 Федерального закона от 10.12.2003 N 173-ФЗ (ред. от 28.12.2024) "О валютном регулировании и валютном контроле".

Следующая обязательная процедура – совершение таможенных операций. В ходе этой процедуры оформляется таможенная декларация, в которой указываются параметры предстоящей отгрузки и самое важное – размер экспортной пошлины. Об успешном оформлении партии нефти на экспорт свидетельствует штамп «вывоз разрешен» на таможенной декларации.

Согласно информации ФТС России в 2024 году завершилась реализация «налогового маневра». Суть его была в том, чтобы с 2019 по 2024 год постепенно снизить ставку пошлины на экспорт сырой нефти до нуля к 1 января 2024 года. В рамках данного маневра корректирующий коэффициент для расчета ставок вывозных таможенных пошлин на сырую нефть установлен на уровне нуля [1]. То есть ставка вывозной таможенной пошлины на нефть будет основой для расчета пошлин на товары, выработанные из нефти, и будет рассчитываться по методике, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 29 марта 2013 г. № 276 (ред. от 28.07.2025) «О расчете ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и отдельные категории товаров, выработанных из нефти, и признании утратившими силу некоторых решений Правительства РФ» [6].

Ставка вывозной пошлины на сырую нефть, классифицируемую кодом ТН ВЭД ЕАЭС 270900, рассчитывается по одной из формул (таблица 1).

Табл. 1

Формулы для расчета ставок вывозной пошлины на нефть

Средняя цена на нефть "Urals" по периоду мониторинга	Формула расчета ставки вывозной таможенной пошлины
≤109,5$/т(включительно)	Стнефть=0
109,5<Цнефть≤146$/т (включительно)	Стнефть=Кнефть*0,35* (Цнефть–109,5)
146<Цнефть≤182,5$/т (включительно)	Стнефть=Кнефть* (0,45*(Цнефть-146) +12,78)
>182,5 $/т	Стнефть=Кнефть* (0,3*(Цнефть-182,5) +29,2)

Источник: составлено автором на основе [6]

Закон РФ от 21.05.1993 № 5003-1 (ред. от 28.11.2025) «О таможенном тарифе», а именно статья 3.1 регулирует порядок установления ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и отдельные категории товаров, выработанных из нефти.

Ставки вывозных таможенных пошлин устанавливаются Правительством РФ, которое разработало специальные формулы для их расчета. Важнейшим фактором в расчетах выступает средняя стоимость сырой нефти марки «Юралс», определяемая за предыдущий контрольный период. Мониторингом цен занимается Министерство экономического развития России, оно же проводит расчеты ставок в строгом соответствии с утвержденными правилами и публикует полученные данные на своем официальном веб-сайте. Пример расчета ставок вывозных пошлин на сырую нефть представлен в таблице 2.

Табл. 2

Пример установления ставки вывозной таможенной пошлины на нефть

Шаг	Описание	Итог

Определение средней цены	Для определения средней цены на нефть марки «Юралс» за последние три месяца используются следующие данные: – декабрь: 39,18 долл. США/баррель (288,24 долл. США/тонну) – январь: 40,95 долл. США/баррель (301,04 долл. США/тонну) – февраль: 44,59 долл. США/баррель (327,43 долл. США/тонну) Средняя цена рассчитывается по формуле: Средняя цена=288,24+301,04+327,43=916,71 долл. США/тонну	916,71 долл. США за тонну

Продолжение табл. 2

Применение формулы	Формула для расчета ставки вывозной таможенной пошлины: Стнефть=Кнефть×(0,3×(Цнефть−182,5) +29,2) В данном примере принимаем значение Кнефть = 1 для упрощения расчетов. Подставляем значения: Ставка=1×(0.3×(916,71−182.5)+29,2)=249,46 долл. США/тонну	249,46 долл. США за тонну
Округ-ление	Полученное значение ставки округляется до первого десятичного знака в меньшую сторону: Ставка=249,5 долл. США/тонну	249,5 долл. США за тонну

Источник: составлено автором на основе [4]

Выводы

Процесс экспорта нефти из России представляет собой сложную структуру, которая требует разных механизмов регулирования. Среди этих механизмов немаловажную, а возможно, одну из главных ролей, играют таможенные инструменты. Экспорт существует уже много лет и будет существовать дальше, и для его правильного функционирования, которое будет приносить государству экономическую эффективность и пользу, нужен тщательный контроль. Анализ действующего порядка определения вывозных таможенных пошлин на сырую нефть показывает, что законодательством РФ установлено много формул и правил расчетов, которые зависят от цен на нефть Юралс, однако не существует простого структурного подхода, на основе которого можно простым способом делать вычисления. Помимо подсчета экспортных пошлин встает вопрос о сложности транспортировки товара через таможенную границу. Из-за специфики товара для таможенного контроля появляется трудность в определении корректности установленного объема перевозки. После осуществления поставки, перед таможенными органами встает новая задача – контроль репатриации валютной выручки от поставки. Таким образом, таможенный контроль осуществляется на всех этапах экспортной сделки и даже после ее завершения.

Список используемых источников

1. Боташева Ф.Б. Налоговый маневр в нефтяном секторе и его возможные последствия // Вестник Евразийской науки. 2019. Том 11, № 4. С. 1–8.

2. Витвицкий А. Стало известно, сколько российской нефти ЕС купит в этом году // РИА Новости. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20260127/neft-2070457446.html (дата обращения: 16.03.2026).

3. Индия покупает в 3 раза меньше нефти из России: что это значит? // Альфа-Банк. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://alfabank.ru/alfa-investor/t/indiya-pokupaet-v-3-raza-menshe-nefti-iz-rossii-chto-eto-znachit-/ (дата обращения: 27.03.2026).

4. Конъюнктура мировых товарных рынков // Министерство экономического развития Российской Федерации. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.economy.gov.ru/material/departments/d12/konyunktura_mirovyh_tovarnyh_rynkov/ (дата обращения: 25.03.2026).

5. Нефтепереработчики Индии ищут альтернативы доллару для покупки российской нефти // Bloomberg. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TQtAZ (дата обращения: 28.03.2026).

6. О расчете ставок вывозных таможенных пошлин на нефть сырую и отдельные категории товаров, выработанных из нефти, и признании утратившими силу некоторых решений Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 29.03.2013 № 276 // Альта-Софт. [Электронный ресурс]. URL: https://www.alta.ru/tamdoc/13ps0276/ (дата обращения: 15.03.2026).

7. Рассел К. Индия импортирует больше российской нефти, но меняется структура покупателей // Reuters. 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TQtCV (дата обращения: 12.02.2026).

8. Страны – лидеры по добыче нефти: рейтинг 2026 года и мировые запас // РБК. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/base/23/03/2026/699def969a7947397337efed#contents-3 (дата обращения: 24.03.2026).

9. Экспорт нефти и нефтепродуктов: Россия. Данные по годам // Statbase. Статистика стран и регионов. [Электронный ресурс]. URL: https://statbase.ru/data/rus-crude-oil-and-products-exports/ (дата обращения: 17.12.2025).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИКИ АНАЛИЗА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ДАННЫХ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА

Тясин А.Н. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Прокопьева Ю.В. – к.э.н., ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

Актуальность исследования обусловлена необходимостью совершенствования методических подходов к анализу внешнеэкономической деятельности (далее ВЭД) в условиях усиления санкционного давления; усложнения нормативного регулирования ВЭД и ограниченности доступной внешней информации.

Современное развитие экономики характеризуется высокой степенью интеграции в мировые хозяйственные связи. Предприятия активно участвуют во ВЭД, осуществляя экспортно-импортные операции и взаимодействуя с зарубежными контрагентами. В этих условиях возрастает роль бухгалтерской (финансовой) отчетности как основного источника информации для анализа и оценки эффективности международной деятельности организаций.

Цель исследования: обоснование методического подхода к анализу ВЭД с учетом ограничений внешней среды.

Задачи исследования: раскрыть сущность ВЭД и выявить особенности ВЭД предприятий Челябинской области; выявить недостатки существующих подходов к анализу ВЭД и раскрыть основные элементы методики анализа ВЭД.

Объект исследования: предприятия, осуществляющие внешнеэкономическую деятельность в Челябинской области.

Предмет исследования: бухгалтерский учет и анализ ВЭД предприятий.

«Внешнеэкономическая деятельность предприятия – это деятельность государственных структур, частных организаций и физических лиц, связанная с выходом на мировой рынок» [14]. В связи с этим она требует постоянного контроля над финансовыми потоками, документами, расчетами, валютными операциями и обязательствами перед иностранными партнерами. При этом каждая операция должна быть подтверждена документально и отражена в учете в соответствии с установленными нормами законодательства. Она также включает в себя экспорт –

вывоз товаров и услуг за таможенную территорию страны с целью их реализации без обязательства по дальнейшему ввозу; импорт – ввоз иностранных товаров и услуг на территорию страны для дальнейшей реализации [14, 17].

Табл. 1

Сравнение предприятий Челябинской области, имеющих ВЭД [3, 6, 9]

Параметры	Характеристика		
Предприятие	ПАО «ММК»	ОАО «ММК-МЕТИЗ»	ООО "УРА! КОНДИТЕРЫ"
Доля экспорта	Внутренний рынок - 81-83 % Страны СНГ – 19 %	Внутренний рынок – 18 % Экспорт – 24 %	Экспорт составил 1,5 тыс. т.
Основные экспортные направления	СНГ, Турция, Юго-Восточная Азия	СНГ, страны Азии и ближнего востока	СНГ и страны Юго-Восточной Азии.
Приоритетные рынки	Внутренний рынок	Внутренний рынок	Страны Ближнего Востока
Текущий тренд	Наращивание экспорта в условиях слабого внутреннего рынка, усиленная конкуренция в связи с крупным производством Китая и Индии	Развитие персонала	Укрепление позиций в Китае и Юго-Восточной Азии, а также выход на рынки Ближнего Востока
Специализа-ция	Горячекатаного проката из железа шириной от 600 мм	Проволоки из прочих легированных сталей, гвозди, арматура В500С	Сухарики, печенье, торты, пирожные, пироги и бисквиты

Проведённое сравнение (табл. 1) показывает, что внешнеэкономическая активность предприятий напрямую зависит от отрасли и условий их работы на мировом рынке. Металлургические компании ПАО «ММК» и ОАО «ММК-МЕТИЗ» сохраняют экспортные поставки в страны СНГ и Азии, однако сталкиваются с высокой конкуренцией со стороны производителей из Китая и Индии. Их экспортная стратегия носит адаптационный характер: предприятия корректируют логистику и объёмы поставок в ответ на изменения мировой конъюнктуры. В отличие от них ООО «УРА! КОНДИТЕРЫ» демонстрирует рост экспортной активности. Отсутствие жёстких санкционных ограничений для

пищевой отрасли и государственные меры поддержки позволяют компании активно осваивать новые зарубежные рынки и укреплять свои позиции.

Бухгалтерский учет в таком случае является системой, при помощи которой собирают и записывают данные о работе компании. При ведении учета в ВЭД необходимо сопоставлять правила российских стандартов и международных норм, поскольку деятельность регламентируется как национальным правом, так и международными актами. Благодаря этому предприятия взаимодействуют с иностранными партнерами, ориентируясь на международные формы отчетности. В качестве примера различий можно привести следующие ключевые положения (табл. 2) [2, 11, 16].

Табл. 2

Бухгалтерский учет ВЭД: отличия ФСБУ и МСФО [8, 10]

Объекты учета	Российские стандарты (ФСБУ)	Международные стандарты (МСФО)
Валютные операции	ФСБУ, сближение с МСФО; учет ведется в рублях. Пересчет по курсу ЦБ РФ; курсовые и суммовые разницы отражаются через финансовый результат	Выбор функциональной валюты IAS 21: учет в функциональной валюте; курсовые разницы могут относиться в прибыль или прочий совокупный доход
Выручка от экспорта	ФСБУ 9/2020, учет по передаче контроля, применение нулевой ставки НДС при подтверждении	IFRS 15: признание по обязанностям исполнения, отсутствие НДС
Учет запасов / импортных товаров	ФСБУ 5/2019 «Запасы»: транспортно- заготовительные расходы, разные методы оценки.	IAS 2 «Запасы»: единые подходы к оценке, использование FIFO или средней стоимости
Импортный лизинг оборудования	ФСБУ 25/2018: отражение права пользования и обязательства	IFRS 16: единый подход к аренде, признание актива и обязательства
Финансовые инструменты	ФСБУ 26/2020: развитие практики конвергенции, базовые модели обесценения	IFRS 9: ожидание кредитных потерь (ECL), расширенный хедж-учет
Курсовые разницы	Отражаются через прочие доходы/расходы	IAS 21: распределение между прибылью и прочим совокупным доходом, капитализация для зарубежных операций
НДС при экспорте/импорте	Экспорт ставка варьируется от 0 %; импорт уплата НДС на таможне и последующий вычет	НДС отсутствует в стандартах; отражение только через IAS 12 при наличии временных разниц

Инструменты экономического анализа делятся на несколько групп: традиционные и современные. Первая включает горизонтальный и вертикальный

анализ, относительные и абсолютные показатели, методы сравнения, группировки, коэффициентный анализ, методы цепных подстановок, а также способ относительных и абсолютных разниц. Такие подходы являются основой аналитики, позволяя получать объективные данные [4].

Современная группа инструментов предполагает использование более сложных инструментов: экономико-математическое моделирование, прогнозирование на основе регрессионных моделей, применение цифровых технологий, аналитика больших данных, а также специализированное программное обеспечение, позволяющее автоматизировать результаты ВЭД.

В этих условиях методика анализа внешнеэкономической деятельности строится как последовательная система этапов, основанных на учетных данных, дополненных иными источниками.



Рис. 1. Этапы экспортно-импортных операций [10, 15, 17]

При осуществлении ВЭД особое внимание уделяется ведению бухгалтерского учета в соответствии с нормами законодательства, а также экономическому анализу данных операций. Характеристика основных объектов учета представлена в таблице 3. Допустим, положительные (плюсовые) курсовые разницы возникают, когда денежные средства в иностранной валюте (доллар, юань и т.д.) приводят к положительному курсу, увеличиваясь в рублевой величине, либо

при отрицательном курсе, когда рублевый эквивалент уменьшается. Положительный курс увеличивает доходы, отрицательный увеличивает расходы.

Табл. 3

Объекты бухгалтерского учета и анализа в ВЭД и их характеристика [11, 14, 17]

Объекты учета	Содержание	Значение для ВЭД
Валютные операции	Учёт расчётов с зарубежными партнёрами в валюте; отражение курсовых разниц; переоценка валюты по курсу ЦБ РФ на дату операции и отчетную дату	Обеспечивает точность валютных операций, управление финансовыми рисками, через курсовые разницы (положительные прочие доходы, отрицательные прочие расходы);
Экспортные операции	Учёт продажи товаров, работ, услуг за границу; расчёт таможенных пошлин (процентом от таможенной стоимости или за единицу товара, включая комбинированные ставки);	Позволяет составлять отчетность по международным контрактам обеспечивает возмещение НДС (нулевая ставка) и корректное исчисление налога на прибыль;
Импортные операции	Расчёт и уплата таможенных платежей; учёт импортного НДС (0 %; 10 %; 22 %); оформление таможенной декларации, инвойса, контракта, платёжных документов	Позволяет точно рассчитать себестоимость импорта; учёт курсовых разниц при оплате в валюте
Транспортно-заготовительные расходы	Расходы на доставку (фрахт, перевозка); страхование груза; таможенное оформление (сборы); хранение товара до выпуска таможней	Увеличивают себестоимость импортируемых товаров и влияют на финансовый результат.

Все экспортно-импортные операции сопровождаются оформлением деклараций, расчетом пошлин и налогов, подтверждением стоимости и происхождения товара. Бухгалтерские документы служат доказательной базой для этих процедур. На их основе подтверждается достоверность сведений, представленных в таможенные органы, и правильность уплаты обязательных платежей.

Дополнительно стоит отметить переход большой части организаций на цифровые платформы, которые позволяют вести учет в любое время суток и формировать отчеты по всем нужным стандартам, например, по международным. Электронный документооборот, автоматический обмен данными упрощают процесс взаимодействия между участниками ВЭД, что в дальнейшем способствует сокращению ошибок и повышению эффективности.

Табл. 4

Сравнительная характеристика методик анализа внешнеэкономической деятельности предприятия [1, 7, 18]

Методики/ критерии сравнения	Шумилина В.Е. Методика анализа внешнеэкономической деятельности предприятия	Сысоева Г.Ф. Анализ внешнеэкономической деятельности	Как осуществлять анализ внешнеэкономической деятельности в случае экспорта. Сайт: ООО «ВладВнешСервис»	Лихачева Т.П. Основы внешнеэкономическо й деятельности: практикум
Цель и задачи анализа ВЭД	Определение эффективн ости внешнеэкономичес кой деятельности предпр иятия и экономическое о боснование принимаемы х решений.	Анализ факторов, влияющих на формирование затрат, связанных с импортом и экспортом; анализ влияния всего экспорта организации на основные показатели деятельности предприятия	Оценка эффективности внешнеэкономической деятельности. Сбор данных о партнёрах, рынках, стоимости товаров. Оценка фин ансовых операций, производите льности, доходности	Овладение методологией анализа деятельности предприятия, занимающегося ВЭД; оценка результатов экспортно-импортных. Оценка выполнения обязательств по контрактам; характеристика динамики экспорта/импорта; оценка рациональности использования оборотного капитала.
Источники информации	Бухгалтерская отчетность; управленческий учет; маркетинговая отчетность.	Российский стандарт учёта курсовых разниц (ФСБУ; ПБУ и МСФО); законодательно-нормативные документы, регулирующие внешнеэкономическую деятельность.	Бухгалтерские документы (доходы, расходы, товарооборот, прибыль, дебет/кредит); финансовая отчётность по импорту и экспорту; маркетинговые сведения, статьи, деловая литература.	Бухгалтерский учёт; оперативный учёт; отчётность предприятия; прочие источники информации.

Продолжение табл. 4

Этапы, направления анализа	Экономический эффект экспорта; экономический эффект импорта; рентабельность продаж по экспорту; рентабельность затрат.	Экспорт: определение основных этапов анализа; обоснование системы основных показателей. Импорт: ключевые показатели и факторы; обзор импорта организации: страны и товарные группы.	Этапы отсутствуют. Направления: анализ экспорта: динамика, конкурентоспособность, инновационность, прибыльность; анализ импорта: эффективность перепродажи и использования в производстве; анализ партнёров и их деятельности; анализ налоговой нагрузки, валютных операций.:	Этапы: предварительный анализ; текущий (оперативный) анализ; последующий анализ. Направления: анализ эффективности экспорта и импорта; анализ динамики экспорта/импорта; анализ выполнения контрактных обязательств
Система показателей	Экспорт: показатель экономического эффекта экспорта; экономическая эффективность экспортной сделки. Импорт: показатель экономического эффекта импорта для собственного использования; показатель экономического эффекта импорта; показатель экономической эффективности импорта. Интегральные: показатель интегрального экономического эффекта.	Экспорт: выручка от экспорта продукции; чистая прибыль, позволяющая определить финансовый результат от продажи продукции. Импорт: эффективность импорта товаров; общая сумма затрат, связанная с импортом за единицу товара.	Экспорт: коэффициент эффективности экспорта; показатель эффекта экспорта. Импорт: коэффициент эффективности импорта для перепродажи (Кэп); коэффициент эффективности импорта для собственного производства. Финансовые показатели: рентабельность продаж по экспорту; рентабельность затрат на экспорт. Маркетинг: доля экспорта в продажах; устойчивость позиции на рынке.	По контрактам: коэффициент просроченных обязательств; показатель рекламаций. По динамике экспорта/импорта: индекс стоимости; индекс цен; индекс физического объёма; индекс количества. По эффективности: эффективность экспорта; эффективность импорта; коэффициент отдачи оборотного капитала.

Продолжение табл. 4

Факторные модели для анализа	В статье нет конкретных математических моделей, но перечислены группы факторов: факторы оценки (договоры, проекты); фактические факторы (данные прошлых периодов); предполагаемые факторы (планируемые показатели).	Экспорт: изменение выручки от продаж Импорт: оценка эффективности текущей деятельности - рентабельность затрат = прибыль от продаж/полная себестоимость продаж * 100 %; прибыль от продаж рентабельность продаж =прибыль от продаж/выручка от продаж *100 %	Экспорт: формула коэффициента эффективности экспорта: Кэ = Дэ / Ст+ Т1ю + Пр = Дэ / Зэ формула эффекта экспорта: Пээ = Опф + Вр – Зэ Импорт: формула эффективности перепродажи: Кэп = $Д_и/З_и$; формула эффективности собственного производства: Кэсп = Вт/(Ст+Тра+Пра+Зсп).	Эффективность экспорта-импорта товаров: выручка-нетто в валютных рублях*100/полная себестоимость товара в рублях Эффективность экспорта: $Э=В_{нетто} - С_{полная} / С_{полная} \times 100$ %. Средняя цена базового периода: $p0=\sum p_0q_0/\sum q_0$

Источник: составлен автором на основании методик и анализа ВЭД Шумилина В.Е.; Сысоева Г.Ф.; ООО «ВдажВшенСервис»; Лихачева Т.П.

Расшифровка: Ст - себестоимость экспортируемого товара; Т1ю - транспортно-экспедиторские расходов; Пр – прочие расходы; Вр – доход от перечисления доли валюты государственным органам; Опф – сумма денег в российской денежной единице.

Сравнение методик анализа внешнеэкономической деятельности (табл. 4) показывает, что все рассмотренные подходы ориентированы на оценку эффективности экспортно-импортных операций, однако различаются по степени детализации и аналитическим акцентам. Методика В.Е. Шумилиной сосредоточена на экономическом эффекте и управленческом анализе, Г.Ф. Сысоева делает упор на финансовые результаты и нормативную базу, практико-ориентированный подход – на прикладной оценке эффективности экспорта и партнёрских рисков, а Т.П. Лихачёва предлагает наиболее комплексную систему показателей, включая динамику, контрактную дисциплину и эффективность использования ресурсов. В совокупности это подтверждает, что для получения полной картины ВЭД целесообразно использовать элементы всех методик, сочетая финансовый, организационный и рыночный анализ.

В современных условиях усиления внешнеэкономических ограничений возрастает роль бухгалтерской отчетности как основного источника информации для анализа ВЭД. Она обеспечивает достоверную оценку экспортно-импортных операций, финансовых результатов и рисков. Сравнение существующих методик показало их различную направленность, что обосновывает необходимость комплексного подхода, объединяющего финансовые, организационные и рыночные аспекты анализа на базе учетных данных. Практика предприятий Челябинской области подтверждает зависимость эффективности ВЭД от отраслевой специфики: металлургические компании адаптируются к внешним условиям, тогда как предприятия пищевой отрасли демонстрируют рост за счет расширения рынков. Учет различий между российскими и международными стандартами является важным условием корректной оценки показателей ВЭД. Совершенствование методики анализа связано с расширением системы показателей и внедрением цифровых инструментов, что повышает устойчивость предприятий на внешних рынках.

Список используемых источников

1. Анализ внешнеэкономической деятельности в условиях экспорта и импорта – компания VVS // VVS-info [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3Sq4qJ (дата обращения: 29.03.2026).

2. Галуствона А.Б. Бухгалтерский учёт внешнеэкономической деятельности // Финансовые рынки и банки 2022. № 9. С 42–45.

3. Годовые отчеты // ММК-МЕТИЗ. 2025. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3SsiqG (дата обращения: 20.02.2026).

4. Захаров И.В. Бухгалтерский учёт и анализ: учебник для среднего профессионального образования. М.: Издательство Юрайт, 2026. 409 с.

5. Колесников О.С. Современные инструменты управления внешнеэкономической деятельностью компаний // Теория и практика современной науки 2024. № 11. С. 69–71.

6. Компания «УРА КОНДИТЕРЫ» увеличила экспорт на 29 % и вышла на рынки Ближнего Востока // Сфера Медиа. 2025. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3SsjAp (дата обращения: 20.02.2026).

7. Лихачева. Т.П. Основы внешнеэкономической деятельности: практикум. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2011. 31 с.

8. Международный стандарт финансовой отчётности (IAS) 21 «Влияние изменений валютных курсов» // minfin.gov.ru. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3S3MH4 (дата обращения: 20.02.2026)

9. ММК в 2024 году отгрузил российским потребителям около 82% своего проката // ТАСС. 2025. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3Ssk7K (дата обращения: 27.02.2026).

10. Об основах государственного регулирования внешнеторговой деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 08.12.2003 № 164-ФЗ: принят Гос. Думой 21 ноября 2003 г.: одобр. Советом Федерации 26 ноября 2003 г. // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3S3L2y (дата обращения: 20.02.2026).

11. Основные нормативные акты и документы, регулирующие бухгалтерский учет в РФ. // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3SsmCF (дата обращения: 20.02.2026).

12. О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 03.08.2018 № 289-ФЗ: принят Гос. Думой 26 июля 2018 г.: одобр. Советом Федерации 28 июля 2018 г. // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3S3LG3 (дата обращения: 20.02.2026).

13. Положение по бухгалтерскому учёту «Учёт активов и обязательств, стоимость которых выражена в иностранной валюте» (ПБУ 3/2006) в редакции,

действующей с 1 января 2019 г. // minfin.gov.ru. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3S3MSw (дата обращения: 20.02.2026).

14. Прокушева Е.Ф. ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ: учебник и практикум для вузов. М: Юрайт, 2025. С. 143–146.

15. Сушко В.И. Экономика и управление внешнеэкономической деятельностью: учебное пособие. Минск: Вышэйшая школа, 2022. 496 с.

16. Сысоева Г.Ф. Учёт и анализ внешнеэкономической деятельности: учебник для среднего профессионального образования. М.: Юрайт, 2026. 226 с.

17. Таможенный кодекс Евразийского экономического союза (ред. от 29.05.2019). КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3SskbM (дата обращения: 27.02.2026).

18. Шумилина В.Е. Методика анализа внешнеэкономической деятельности предприятия // Наука и мир. 2023. № 4. С 1–11.

ПОДГОТОВКА И ПЕРЕПОДГОТОВКА ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ «ТАМОЖЕННОЕ ДЕЛО» КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ТАМОЖЕННОЙ СЛУЖБЫ

Тясин А.Н. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Боброва А.В. – д.э.н., профессор, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

Анализируются требования федерального государственного образовательного стандарта высшего образования и роль образовательных организаций в формировании профессиональных компетенций будущих сотрудников таможенных органов. Особое внимание уделяется научно-исследовательской деятельности студентов и ее влиянию на развитие таможенного администрирования. Учитывается опыт Российской таможенной академии и региональных вузов Челябинска в подготовке специалистов для таможенной службы.

Сотрудникам таможенных органов необходимо обладать не только фундаментальными знаниями, но и умением работать с современными технологиями: системами управления рисками, инструментами анализа больших данных, элементами искусственного интеллекта. Это связано с усложнением схем

контрабанды и постоянным обновлением требований к профессиональной подготовке.

Следовательно, студентам и специалистам необходимо формировать свой потенциал в научных исследованиях для улучшения качества их профессиональной и практической деятельности. Например, исследования позволяют выявить актуальные проблемы работы таможенных органов и предлагают возможные пути их решения. Основным направлением в подготовке является практика или стажировка, которые помогают закрепить наработанную базу знаний, полученную в ходе обучения по специальности 38.05.02 «Таможенное дело», и позволяют студентам ознакомиться с реальными условиями их деятельности.

Цель исследования: выявление особенностей системы подготовки и переподготовки специалистов по направлению «Таможенное дело» и разработка рекомендаций по повышению эффективности участия студентов в научной и практической деятельности, направленной на развитие современной таможенной службы.

Объект исследования: система профессиональной подготовки специалистов таможенного дела на примере ведущих вузов города Челябинска и Российской таможенной академии.

Предмет исследования: особенности организации подготовки и переподготовки специалистов по направлению «Таможенное дело», а также роль научно-исследовательской деятельности студентов в формировании профессиональных компетенций будущих сотрудников таможенных органов.

Подготовка специалистов по направлению «Таможенное дело» осуществляется на основе Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования (ФГОС ВО) по направлению подготовки 38.05.02 «Таможенное дело», утвержденного приказом Минобрнауки от 25.11.2020 г. № 1453. Данный стандарт определяет структуру образовательной программы и перечень профессиональных компетенций для освоения дисциплины. На основании ФГОС ВО задаются рамки формирования будущих специалистов [20].

Эффективность подготовки студентов по таможенному делу сегодня во многом определяется качеством организации учебного процесса. Развитие цифровой таможни требует применения активных методов обучения, ориентированных на самостоятельную познавательную деятельность студентов, развитие аналитических навыков и умение работать с информацией в цифровой

среде. Таким образом, совершенствование подготовки специалистов напрямую связано с цифровизацией обучения, мотивацией студентов и компетентностью преподавателей, выступающих организаторами активной учебной деятельности [17].

Федеральный образовательный стандарт ориентирован на формирование универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. В рамках образовательной программы выпускники могут готовиться к решению задач следующих видов деятельности: контрольно-надзорной, информационно-аналитической, организационно-управленческой, правоохранительной, педагогической [5].

Ориентир главных целей образовательного стандарта показывает, что подготовка строится не только вокруг теории, но и с учетом практико-ориентированных навыков, получаемых во время производственных практик следующих типов: ознакомительная практика, практика по получению первичных профессиональных умений и навыков, практика по получению первичных навыков научно-исследовательской работы [20].

Несмотря на предпринимаемые меры, система подготовки и переподготовки кадров в сфере таможенного дела сталкивается с рядом проблем, связанных с процессами цифровизации. Одним из ключевых барьеров является недостаточная модернизация профессиональной подготовки, которая во многих случаях остается ориентированной на традиционные методы обучения и не обеспечивает в полной мере формирование практических цифровых компетенций у будущих специалистов таможенной службы. Ограниченная интеграция информационно-коммуникационных технологий в образовательный процесс также замедляет обновление профессиональных знаний. Кроме того, недостаточная гибкость системы стимулирования и слабая мотивация обучающихся могут снижать эффективность формирования кадрового потенциала таможенных органов [1].

Необходимо отметить, что нормативная база формирует лишь основу для развития профессиональной компетентности, как при первичном обучении, так и при профессиональной переподготовке специалистов. Эффективность будет зависеть от того, насколько сами обучающиеся включаются в учебный, практический и научный процесс. Это относится как к студентам, осваивающим профессию впервые, так и к слушателям программ переподготовки, повышающим квалификацию или получающим новую специальность.

Из этого следует, что нормативный документ выступает лишь инструментом формирования и развития кадрового потенциала для таможенной службы. Он задает стандарты и требования, но их реализация возможна только при активном участии самих обучающихся в образовательном процессе.

Система повышения квалификации, в свою очередь, ориентирована на углубление уже сформированных компетенций. Особую роль в данном процессе играют программы профессиональной переподготовки, позволяющие действующим сотрудникам таможенных органов осваивать новые направления деятельности: цифровизацию таможенных процедур, развитие системы управления рисками и внедрение современных информационных технологий.

Важную роль в реализации программ переподготовки играют образовательные организации высшего образования. Высшие учебные заведения (далее вузы), реализующие программы по направлению «Таможенное дело», становятся площадками для профессионального роста не только студентов, но и действующих сотрудников. Через взаимодействие образовательной среды и практики формируется единое пространство профессионального развития. Такое объединение позволяет создать экосистему непрерывного качественного образования.

Дополнительным фактором профессионального развития является научная активность обучающихся. Углубленное погружение в проблематику формирует устойчивую мотивацию и понимание значимости выбранной специальности, а также позволяет рассматривать обучающихся не только как будущих специалистов, но и как потенциальных участников процессов модернизации таможенной системы.

В связи с этим целесообразно рассмотреть образовательные организации, в которых проходит процесс подготовки и переподготовки по специальности «Таможенное дело». В первую очередь следует обратиться к деятельности Российской таможенной академии, а в дальнейшем к ведущим вузам города Челябинска.

Российская таможенная академия (РТА) – это профильное образовательное учреждение, находящееся в ведении Федеральной таможенной службы (ФТС) РФ. Данный статус закреплен распоряжением Правительства Российской Федерации от 01.02.2005 г. № 103-р. Эта принадлежность позволяет сделать учреждение не только

образовательным, но и научно-исследовательским, ориентированным на потребности Федеральной таможенной службы России.

Анализ «Плана научной работы Российской таможенной академии на 2024 год» показывает, что значительное место в структуре научной деятельности РТА уделяется исследованиям, которые выполнены студентами, аспирантами и молодыми учеными. Участие в таких проектах позволяет охватывать широкий спектр разработок: фундаментальные исследования в области таможенного дела и внешнеэкономической деятельности, прикладные разработки, направленные на совершенствование таможенного администрирования, аналитические работы, связанные с оценкой рисков, цифровизацией процессов и правоприменительной практикой [12]. Из этого следует, что такой подход будет объединять несколько направлений, а именно научную и практическую деятельность. Тематика научных работ ориентирована на решение актуальных задач таможенной службы, а их результаты могут быть использованы при разработке нормативных документов, формировании аналитической базы для совершенствования технологий таможенного контроля [9].

Статистические данные по организации образовательного процесса в академии также отражают современные тенденции подготовки кадров. Согласно представленным планам за 2026 год, общее количество обучающихся составляет 4871, из них 3759 человек (77,2 %) проходят электронное обучение, 221 (4,5 %) – очное обучение, а 891 человек (18,3 %) участвует в программах смешанного обучения [4].

В рамках смешанной программы 86 человек проходят профессиональную переподготовку, что составляет 1,77 % от общего числа обучающихся. Смешанное обучение стало значимой частью структуры – почти каждый пятый обучающийся. Доля переподготовки внутри смешанного обучения составляет 9,7 % [4].

Наряду с образовательной деятельностью, студенты имеют возможность участвовать в научной деятельности, направленной на поддержку и развитие таможенных органов. Одной из таких форм является публикация работ в «Реферативном сборнике научно-исследовательских работ и научных трудов Российской таможенной академии». Несмотря на то, что на официальном сайте доступен сборник только за 2022 год, в предисловии отмечается, что представленные исследования ориентированы на потребности таможенной службы и стратегические задачи ФТС России и Евразийского экономического союза, а их

результаты используются в научной и аналитической работе [14]. Дополнительное подтверждение научной активности содержится в Отчете об итогах научной деятельности за 2023 год. В рамках научной работы было издано 6 монографий и 156 научных статей, из которых 29 опубликованы в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией (далее ВАК) [8].

Следует отметить, что подготовка специалистов по направлению «Таможенное дело» осуществляется не только в профильной академии, но и в ряде региональных высших учебных заведений. По данным образовательного агрегатора «Учеба.ру», в Российской Федерации по данному направлению подготовку осуществляют около 130 высших учебных заведений. Это позволяет формировать широкие кадровые базы для ФТС, повышать доступность образования и переподготовки.

Для более наглядного сопоставления образовательной и научной активности вузов города Челябинска представим соответствующие данные в табл. 1.

Табл. 1

Набор, формы обучения и научно–конференционная активность вузов Челябинска за 2025–2026 год [2, 6, 7, 10, 15, 16, 18]

Вузы города Челябинска	Всего поступивших			Результаты научной деятельности	Конференции (журналы) внутри вуза
	Всего	Очная	Заочная		
Южно-Уральский государственный университет (ЮУрГУ)	453	–	–	Публикация статей – 301 Монографий – 7	X Международная научно-практическая конференция «Проблемы экономической безопасности и таможенного регулирования: поиск эффективных решений»
Южно-Уральский технологический университет (ЮУТУ)	207	146	61	–	«Управление в современных системах» и «Актуальные проблемы современной науки »
Челябинский государственный университет (ЧелГУ)	107	68	39	Статьи ВАК – 24 Привлеченные студенты – 253	«Вестник Челябинского государственного университета»

Источник: составлено автором на основании списка зачисления и данных научной деятельности вуза

Представленные данные показывают, что в Челябинске сформирована конкурентная образовательная среда по направлению «Таможенное дело», что подтверждается устойчивым набором студентов и наличием нескольких вузов, реализующих данную специальность. При этом активность вузов имеет различную структуру: в ЮУрГУ показатели публикационной деятельности представлены в целом по укрупненной группе направлений – 38, что отражает общий научный потенциал университета. В ЧелГУ публикации распределены по конкретным направлениям подготовки, включая «Таможенное дело», что позволяет точнее оценить вклад студентов и преподавателей именно в профильные исследования. В ЮУТУ специализированные данные по направлению отсутствуют, однако функционируют общие научные журналы и конференционные площадки, обеспечивающие возможность публикаций.

Существование международной конференции в ЮУрГУ, а также научных журналов и конференционных платформ в ЮУТУ и ЧелГУ создает условия для развития исследовательских компетенций обучающихся. Это является обязательным элементом подготовки по ФГОС и важным фактором формирования аналитических навыков, востребованных в таможенных органах. Таким образом, региональные университеты вносят значимый вклад в подготовку кадров и развитие научного потенциала, тогда как Российская таможенная академия остается специализированным центром профессиональной подготовки и научного сопровождения деятельности таможенной службы.

Проведенный анализ показал, что система подготовки и переподготовки специалистов по направлению «Таможенное дело» оказывает влияние на формирование профессиональных компетенций будущих сотрудников. Оно осуществляется на основе требований федерального государственного образовательного стандарта и реализуется как в профильном ведомственном вузе – Российской таможенной академии, так и в региональных университетах.

В ходе исследования были выявлены следующие проблемы подготовки и переподготовки специалистов в сфере таможенного дела: недостаточная модернизация образовательных программ с учетом процессов цифровизации таможенной службы, недостаточная ориентация отдельных элементов подготовки на практику, слабая вовлеченность студентов в прикладные научные исследования, связанные с реальными задачами таможенных органов, отсутствие внедрения научных разработок студентов в деятельность ведомства.

Для повышения эффективности системы подготовки и переподготовки специалистов по направлению «Таможенное дело» целесообразно рассмотреть следующие задачи: усиление взаимодействия образовательных организаций с таможенными органами и работодателями при формировании образовательных программ, развитие научно–исследовательской деятельности студентов и вовлечение их в решение прикладных задач таможенной службы, совершенствование программ профессиональной переподготовки и повышения квалификации с учетом новых требований цифровой экономики.

Таким образом, совершенствование системы подготовки и переподготовки специалистов, развитие научной активности студентов и укрепление связи образовательных организаций с таможенной службой выступают важными условиями формирования высококвалифицированного кадрового потенциала и дальнейшего развития таможенной системы.

Список используемых источников

1. Бургомистров М.О. Анализ кадровой политики в системе таможенных органов / Развитие современной науки и образования: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей XIV Международной научно-практической конференции / Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.). 2025. 190 с. С. 61–63.

2. Информация о направлениях и результатах научной (научно–исследовательской) деятельности и научно–исследовательской базе для ее осуществления // ЧелГУ. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyLf (дата обращения: 13.03.2026).

3. Истомин Л.Г. Совершенствование научной работы студентов при организации образовательного процесса // Вестник СГУПС: гуманитарные исследования. № 2. С. 86–91.

4. Календарный учебный график института дистанционного обучения, переподготовки и повышения квалификации / РТА. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyLy (дата обращения: 13.03.2026).

5. Калмыков С.П., Истомин Л.Г., Ляшенко М.В., Витюк Д.В. Особенности подготовки студентов по специальности «Таможенное дело» для таможенных органов и бизнеса (на примере СГУПС) // Вестник евразийской науки. 2024. Т. 16, № 2. С. 1–8.

6. Конкурсы и конференции ЮУТУ // ЮУТУ. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZxki (дата обращения: 12.03.2026).

7. Конференции // ВШЭУ ЮУрГУ. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZxhF (дата обращения: 12.03.2026).

8. Направления и результаты научной деятельности // РТА. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyNb (дата обращения: 13.03.2026).

9. Направления и результаты научной деятельности // ФТС. 2023. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SzyNg (дата обращения: 13.03.2026).

10. Научные журналы // ЧелГУ. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyPA (дата обращения: 12.03.2026).

11. Образование // РТА. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyPU (дата обращения: 26.02.2026).

12. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – специалитет по специальности 38.05.02 Таможенное дело: Приказ Минобрнауки России от 25.11.2020 № 1453 (ред. от 27.02.2023) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyQA (дата обращения: 26.02.2026).

13. О службе в таможенных органах Российской Федерации: федеральный закон от 21.07.1997 № 114-ФЗ (ред. от 28.12.2025). // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyRh (дата обращения: 25.02.2026).

14. План научной работы // РТА. 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyPv (дата обращения: 26.02.2026).

15. Реферативный сборник научно-исследовательских работ и научных трудов Российской таможенной академии за 2022 г. Вып. 7. / Рос. там. ак-я; [под ред. Н.Г. Липатовой]. М: РИО Российской таможенной академии, 2023. – 84 с.

16. Сведения о приеме, численности и движении контингента // ЮУрГУ. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZxp7 (дата обращения: 12.03.2026).

17. Сведения о результатах научной деятельности и научно-исследовательской базе // ЮУрГУ. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyQg (дата обращения:13.03.2026).

18. Сенин И.Н. Совершенствование профессиональной подготовки специалистов таможенного дела в контексте развития цифровой таможни // Журнал прикладных исследований. 2022. №10. С 47–55.

19. Списки зачисленных // ЧелГУ. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyRH (дата обращения: 12.03.2026).

20. Тематика перспективных научных исследований Российской таможенной академии до 2030 года // РТА. 2021. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SZyRV (дата обращения: 26.02.2026).

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ФОРМИРОВАНИЮ РЕЙТИНГА ЛИНЕЙНОГО ПЕРСОНАЛА СТРОИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НА ОСНОВЕ КАЧЕСТВА РАБОТ

Ушаков А.С. – аспирант, БУ ВО ХМАО-Югры «Сургутский государственный университет»

Аннотация

В статье обоснована необходимость внедрения рейтинга линейного персонала, основанная на качестве выполняемых работ. На основе изучения нормативных документов предложена классификация замечаний при выполнении строительно-монтажных работ, подходы к построению модели оценки персонала строительного предприятия. В статье приведены разработанные показатели оценки работы линейного персонала и предложено применение дополнительных условий премирования. Конкретизирована шкала баллов для премирования. Обозначены преимущества применения представленной системы как для организации, так и для оцениваемых сотрудников.

Введение

При планировании мероприятий, направленных на развитие строительной организации, первый этап основан на базовой стратегии управления бизнес-процессом строительных работ: получении объективной информации обо всех этапах строительства, о качестве выполняемых работ, об удовлетворенности сотрудников вознаграждением за труд. Залогом правильного планирования бизнес-процесса лежит целеполагание: от постановки целей зависит оценка качества выполняемых работ, ее периодичность, выбор актуальных методов оценки, а также управленческие решения [1].

Контроль за качеством строительства

Для обеспечения надлежащего качества выполнения строительных работ, соответствия возводимых сооружений требованиям законодательной, нормативной и проектной документации, а также своевременной сдачи готового объекта, необходимо обеспечивать строгий контроль на всех этапах строительства. В современном строительстве осуществляется мониторинг трех видов [2, 3]:

1. Государственный строительный надзор.
2. Строительный контроль.
3. Авторский надзор.

Строительный контроль и авторский надзор за строительством может осуществляться подразделением, осуществлявшим проектирование объекта [8]. Данные о наличии критических, значительных и малозначительных замечаний (дефектов) вносятся в сводку замечаний отдела авторского надзора в соответствии с классификацией замечаний (дефектов), выявляемых при строительном контроле и авторском надзоре за капитальным строительством объектов (таблица 1).

Табл. 1

Классификация замечаний (дефектов), выявляемых при строительном контроле и авторском надзоре

№ п/п	**Вид замечаний (дефектов)**	**Лицо, ответственное за устранение замечаний (дефектов)**
1.	Несоответствие конструкций выполненных сооружений требованиям проектно-сметной документации (далее – ПСД)	
1.1	Отклонение от требований ПСД (с применением проектных материально-технических ресурсов)	Подрядчик, заказчик
1.2	Применение непроектных материально-технических ресурсов	Подрядчик, заказчик
1.3	Несоответствие проектных решений	Заказчик, проектировщик
2.	Низкое качество строительно-монтажных работ	Подрядчик, заказчик
3.	Низкое качество или несвоевременное оформление исполнительной документации	Подрядчик, заказчик
4.	Замечания по организации строительства	
4.1	Нарушение требований безопасности труда в строительстве	Подрядчик, заказчик
4.2	Нарушение технологии строительно-монтажных работ	Подрядчик, заказчик
4.3	Низкое качество или несвоевременное оформление организационно-технологической документации	Подрядчик, заказчик
4.4	Нарушение требований к накоплению и вывозу отходов	Подрядчик, заказчик
4.5	Нарушение требований к расстановке бригадного хозяйства	Подрядчик, заказчик
5.	Нарушение требований к входному контролю и обращению с материально-техническими ресурсами	Подрядчик – по матер.-техн. рес. подрядчика, заказчик – по матер.-техн. рес. заказчика (до передачи подрядчику)

Источник: составлено автором

Качество и сроки выполнения строительно-монтажных работ при обустройстве кустов скважин при добыче углеводородного сырья находятся на особом контроле. Для достижения высокого качества строительства и уменьшения количества замечаний предлагаются управленческие мероприятия по повышению качества строительно-монтажных работ и оформления исполнительной документации при обустройстве кустов скважин.

Рейтинг и система оценки работы линейного персонала

Выполнение строительно-монтажных работ на объектах строительства в соответствии с проектно-сметной документацией, строительными нормами и правилами, техническими условиями и другими нормативными документами организует линейный персонал, от работы которого зависит качество строительства в целом. Поэтому разработка рейтинга и системы оценки деятельности линейного персонала стала важной составляющей в работе по повышению качества строительно-монтажных работ по обустройству кустов скважин и снижению количества замечаний при строительных процессах.

Опора в оценке линейного персонала на четкие корпоративные требования к сотрудникам, оперативные и стратегические организационные цели организации делает персонал частью социальной системы. Сочетание этих трех целей при построении модели рейтинга позволила создать сбалансированный и эффективный управленческий инструмент.

Хорошо разработанные показатели оценки способствовали упорядочиванию проведения оценочных процедур. Рейтинг является рабочим инструментом как руководителя, так и оцениваемого персонала организации. Так как он адаптирован к стратегическим целям и специфике деятельности организации.

Усиление материальной заинтересованности работников предприятия в высоком качестве строительно-монтажных работ, своевременное и качественное оформление исполнительной документации, отсутствие замечаний к организации строительства, отсутствие нарушений требований к входному контролю и обращению с материально-техническими ресурсами при выполнении работ по обвязке позиций кустов скважин, добывающих углеводородное сырье, обеспечивается в соответствии с регламентирующим нормативным документом по увеличению размера премии, который распространяется на линейных руководителей организации [4]. Высокое качество работы подтверждается справкой-расчетом рейтинга линейного персонала за отчетный месяц,

составленной на основании данных о наличии критических, значительных и малозначительных замечаний (дефектов), внесенных в сводку замечаний отделом авторского надзора проектирующей организации.

Оценка результатов работы линейного персонала производится за отчетный месяц при выполнении следующих условий премирования:

1. Отсутствие нарушений трудовой дисциплины линейным персоналом.
2. Отсутствие нарушений трудовой дисциплины бригадой, закрепленной за линейным персоналом.
3. Отсутствие критических дефектов на объекте строительства.
4. Наличие проверок специалистов авторского надзора проектирующей организации и строительного надзора заказчика за отчетный месяц.
5. Отсутствие травматизма, связанного с производством.

Табл. 2

Показатели оценки работы линейного персонала [6]

Наименование показателя	**Единица измерения**	**Нормативное значение**	**Количество баллов**	
			при выполнении – увеличивается	**при невыполнении – уменьшается**
Количество объектов	объект	1	a; +b за каждый последующий объект свыше 1	0
Значительные дефекты	замечание	0	c	-c
Малозначительные дефекты	замечание	0	d	-d
Исполнительная документация: качество и своевременность	замечание	0	e	-e

Продолжение табл. 2

Организация строительства: качество и своевременность оформления организационно-технологической документации	замечание	0	g	-g
Организация строительства: соблюдение требований к накоплению и вывозу отходов	замечание	0	h	-h
Организация строительства: соблюдение требований к расстановке бригадного хозяйства	замечание	0	i	-i
Входной контроль: соблюдение требований к входному контролю и обращению с материально-техническими ресурсами	замечание	0	j	-j

Премирование линейного персонала производится по результатам работы за отчетный месяц путем определения итогового количества баллов по каждому работнику за счет увеличения размера премии, в зависимости от итогового количества баллов [6]:

X баллов и выше – I место;

от Y до (X-1) баллов – II место;

от Z до (Y-1) баллов – III место.

При подведении итогов премируется весь линейный персонал, достигший указанного итогового количества баллов.

Критерии рейтинга достаточно высоки, что позволяет объективно оценить вклад каждого работника при достижении высокого качества строительно-

монтажных работ. Система оценки предоставляет возможность выделить лидеров по каждому месяцу среди линейного персонала, а также следить за прогрессом качества работ в течение заданного периода времени. Таким образом, происходит мотивация для поддержания лидерских позиций победителями рейтинга и для улучшения качества работ и стремления к максимальным достижениям всех работников.

Заключение

Данная система оценки работников способствует выявлению наилучших методов работы, применения их при выполнении строительно-монтажных работ при обустройстве кустов скважин, что позволяет не допустить критических нарушений соблюдения требований законодательной, нормативной и проектной документации, снизить количество малозначительных замечаний, повысить качество строительно-монтажных работ и достичь высоких результатов работы в долгосрочной перспективе.

Анализ практики применения рейтинга линейных руководителей в строительной организации привел к выводу о том, что предложенные подходы к построению модели рейтинга, принципы постановки стратегических целей, установления показателей и условий премирования, позволили разработать объективную систему и сделать ее эффективным инструментом работы с персоналом. Главным плюсом рейтинга является прозрачность механизма оценивания работы, а у руководства имеется инструмент корректировки работы подчиненных в том случае, если текущие результаты деятельности отстают от плановых. Технология, основанная на оценке результативности труда персонала и качестве выполненных работ, дает возможность оценивать процесс строительства в целом в интересах повышения эффективности организации.

Список используемых источников

1. Беляев М.К., Максимчук О.В. Современные системы оплаты труда и мотивации персонала в строительных организациях // Экономика строительства. 2023. № 5. С. 42–51.

2. ГОСТ 15467-79. Управление качеством продукции. Основные понятия. Термины и определения: межгосударственный стандарт: дата введения 1979-07-01. Переиздание (сентябрь 2020 г.) с Изменениями № 1, № 2. М: Стандартинформ, 2020. 21 с.

3. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ. Статья 53. Строительный контроль // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: www.consultant.ru (дата обращения: 21.01.2026).

4. Исаева О.М., Притчина А.С. Управление персоналом: учебник и практикум для вузов. М: Юрайт, 2025. 186 с.

5. Кибанов, А. Я. Управление персоналом организации: учебник. М: ИНФРА-М, 2024. 695 с.

6. О порядке проведения строительного контроля при осуществлении строительства, реконструкции и капитального ремонта объектов капитального строительства: Постановление Правительства Российской Федерации от 21.06.2010 № 468 // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 21.01.2026).

7. СП 48.13330.2019. Организация строительства. Актуализированная редакция СНиП 12-01-2004: с изменениями № 1, № 2: утвержден Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 846/ пр. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 21.01.2026).

8. СП 543.1325800.2024. Строительный контроль. Порядок проведения при строительстве, реконструкции и капитальном ремонте объектов капитального строительства: утвержден Приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 29 мая 2024 г. № 356/ пр. // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. [Электронный ресурс]. URL: docs.cntd.ru (дата обращения: 21.01.2026).

9. Технический регламент о безопасности зданий и сооружений: Федеральный закон № 384-ФЗ: принят Государственной думой 15 декабря 2009 года: одобрен Советом Федерации 16 декабря 2009 года // Официальный интернет-портал правовой информации. [Электронный ресурс]. URL: pravo.gov.ru (дата обращения: 21.01.2026).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПРОЦЕССНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО И ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОДХОДОВ В УПРАВЛЕНИИ

Федорова Е.С. – студент, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Джафарова А.Н. – студент, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Научный руководитель: Бельдинова Е.В. – старший преподаватель, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Аннотация

В данном исследовании проведен анализ между функциональным и процессно-ориентированным подходами к управлению, рассмотрены их преимущества и недостатки. Особое внимание уделено реинжинирингу бизнес-процессов, разработке четких критериев для изменения результативности внедряемых новшеств, а также продуманному подбору инструментария для осуществления трансформационных преобразований в условиях текущей экономической ситуации.

В сфере корпоративного управления существуют две общепринятые и активно применяемые концепции: функциональная и процессно-ориентированная. Обе модели имеют свои положительные и отрицательные стороны. При функциональной структуре единообразные задачи группируются внутри изолированных отделов, что позволяет рационально распределять ресурсы и концентрировать экспертные знания. Однако по мере расширения компании такая схема может замедлять оперативность принятия решений из-за сложности многоуровневой иерархии.

Применение процессно-ориентированного подхода в управлении производственной организацией представляет собой систему организации и регулирования бизнес-операций, предусматривающую фокусировку на целостности, продуктивности и совершенствовании рабочих процессов, реализуемых в рамках компании [4]. Суть процессно-ориентированного подхода в том, что каждый сегмент организации берет на себя ответственность за выполнение конкретных этапов технологического цикла, в котором он задействован. В данной модели значительно более прочные горизонтальные взаимосвязи между составными элементами по сравнению с функциональным подходом, тогда как вертикальные связи, наоборот, слабее [5]. В конечном итоге сотрудники отвечают не только за свои прямые задачи, но и за полный комплекс процессов, в которых

они задействованы. Такая модель обуславливает возникновение общей ответственности за итоговые результаты среди всех участников [2].

Использование процессно-ориентированного подхода позволяет улучшить организационные процедуры и увеличить общую эффективность работы предприятия. Глубокий анализ существующих процессов помогает идентифицировать узкие места и области, пригодные для автоматизации и оптимизации.

Выделим достоинства и недостатки процессно-ориентированного подхода (табл. 1).

Табл. 1

Достоинства и недостатки процессно-ориентированного подхода [1]

Достоинства	Недостатки
Уменьшение нагрузки на управляющий персонал за счет делегирования полномочий владельцам процессов	Внедрение систем, основанных на анализе статистики производственных процессов, требует инвестиции в специализированное программное обеспечение и создание базы данных
Существенное уменьшение роли и влияния бюрократических процедур, ведущих к упрощению временных и финансовых расходов	Бесполезность в определённых сферах деятельности, особенно там, где задействованы работники с низким уровнем профессиональной подготовки
Гибкость и приспособляемость системы управления, достигнутые благодаря саморегуляции и клиентоориентированности	Взаимозависимость от стабильности и функциональности существующей информационной инфраструктуры организации, а также сопряжение с рисками, обусловленными возможными сбоями в работе программных комплексов

Функциональное управление – это метод, который подразумевает деление управленческой деятельности на различные функциональные области, которые имеют свои задачи и цели. Данная форма управления предполагает деление предприятия на отдельные группы со своими особыми функциями и задачами, а также каждый департамент независимо от других выполняет свой перечень задач, которые дает им руководство и следит за их выполнением.

Рассмотрим достоинства и недостатки функционального управления (табл. 2).

Табл. 2

Достоинства и недостатки функционального подхода [3]

Достоинства	Недостатки
Каждый сотрудник знает, что он должен делать, знает свою зону ответственности	Каждый отдел отвечает только за свою часть деятельности в общей задаче и не учитывает другие подразделения
Сотрудники имеют четкий и ясный алгоритм действий для решения задач	Прямого общения между отделами нет, поэтому они общаются через руководство. Из-за этого некоторые отделы вовремя не узнают об изменениях и не могут подстроиться под них
Все работники действуют по единой методике и используют общие инструменты, а также следуют корпоративным стандартам	Выполняя свою часть задач, каждый отдел старается удовлетворить требования руководства, и при этом не отталкиваться от требований клиентов

Если сравнивать эти два подхода управления, можно сказать, что процессно-ориентированный рассматривает сквозные процессы бизнеса, он удовлетворяет в первую очередь потребности клиентов, а функциональный больше уделяет внимания на распределение обязанностей по отделам и ориентирован на выполнение конкретных задач. Первый, в отличие от второго, быстрее реагирует на изменения рынка. А также при функциональном подходе чаще возникают разногласия отделов из-за отсутствия прямого взаимодействия друг с другом.

Таким образом, данные подходы взаимодополняемы, а не взаимоисключаемы. Каждый из них имеет свои преимущества и недостатки. Процессно-ориентированный подход рассматривает организацию как связь процессов, удовлетворяющие потребности клиентов. В свою очередь функциональный подход использует принцип разделения обязанностей. Для достижения эффективности деятельности компании разумно параллельно использовать оба подхода управления, используя преимущества каждого. Это позволит организации развиваться и повысит ее конкурентоспособность на рынке.

Список используемых источников

1. Алибеков Ш.И. Процессный и функциональный подходы к управлению: преимущества и недостатки // Управленческий учет. 2022. № 9-1. С. 5–12.

2. Бельник Д.А. Сравнение процессного и функционального подхода к управлению промышленным предприятием // Modern Economy Success. 2024. № 3. С. 185–194.

3. Бурлуцкая А.А., Кросс-функциональные команды в процессно-ориентированном управлении. / Актуальные вопросы науки и образования: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции / Москва: АНО ДПО «Университет ИТБО», 2025. 463 с. С. 389–393.

4. Лосева К.Е. Внедрение процессно-ориентированного подхода в организации: магистерская диссертация по направлению подготовки: 38.04.02 – Менеджмент // vital.lib.tsu.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://vital.lib.tsu.ru/vital/access/manager/Repository/vital:19657 (дата обращения: 03.03.2026).

5. Ригин В.А. Информатизация в аспекте процессно-ориентированного подхода к управлению предприятием // Проблемы развития территории. 2012. № 2. С. 91–99.

ЦЕНООБРАЗОВАНИЕ ПРЕДПРИЯТИЯ: ПОИСК ПУТЕЙ ПОВЫШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ УСТОЙЧИВОСТИ

Хохлова П.С. – студент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Кот М.Г. – к.ф-м. н., доцент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Аннотация

В статье рассматриваются теоретические основы формирования ценовой политики предприятия. Проведен анализ действующей системы ценообразования на примере ОАО «Савушкин продукт». На основе выявленных недостатков предложены практические направления совершенствования ценовой стратегии. Реализация разработанных мероприятий направлена на повышение конкурентоспособности предприятия и максимизацию прибыли в условиях рыночной нестабильности.

Введение

Эффективность деятельности любого предприятия в рыночных условиях во многом определяется тем, насколько грамотно выстроена его политика ценообразования. Цена – это не просто числовое значение, указанное на ценнике. Она является важнейшим экономическим рычагом, связывающим производителя и потребителя, инструментом управления спросом, фактором конкурентоспособности и основой формирования финансовых результатов. Именно поэтому вопросы разработки, обоснования и совершенствования политики ценообразования находятся в центре внимания руководителей и специалистов предприятий независимо от их отраслевой принадлежности и масштабов деятельности.

Под политикой ценообразования в современной экономической науке понимается совокупность принципов, методов и процедур, определяющих порядок установления и корректировки цен на продукцию (товары, работы, услуги) с учетом стратегических целей организации, ее внутренних возможностей и требований внешней среды. В отличие от ценовой стратегии, которая задает долгосрочные ориентиры и позиционирование компании на рынке, политика ценообразования решает конкретные, зачастую тактические задачи: как рассчитать цену на новый продукт, какие скидки предоставить постоянным клиентам, как отреагировать на ценовые действия конкурентов, как обеспечить баланс между рентабельностью и доступностью продукции для потребителя.

Актуальность исследования политики ценообразования и поиска путей ее совершенствования обусловлена несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, усиление конкуренции на большинстве товарных рынков требует от предприятий более гибкого и обоснованного подхода к ценообразованию. Во-вторых, макроэкономическая нестабильность, инфляционные процессы и колебания валютных курсов усложняют прогнозирование затрат и требуют оперативной корректировки цен. В-третьих, в Республике Беларусь действует система государственного регулирования цен, которая устанавливает определенные ограничения и требует от предприятий особой тщательности при обосновании ценовых решений.

Объекты и методы

Политика ценообразования представляет собой комплекс практических решений, определяющих порядок расчета исходной цены, систему скидок и

надбавок, условия их применения, а также механизмы корректировки цен в зависимости от изменения рыночной ситуации. В Республике Беларусь этот процесс имеет свою специфику, обусловленную действующей нормативно-правовой базой. Ключевым документом в этой сфере является Постановление Совета Министров Республики Беларусь № 713, которым утверждены основные правила и подходы к регулированию цен. Данный нормативный акт устанавливает границы ценовой свободы для предприятий, определяя порядок формирования цен на социально значимые товары, предельные торговые надбавки и механизмы декларирования цен [2].

В современной теории и практике управления выделяют три базовых подхода к ценообразованию, каждый из которых имеет свои преимущества, недостатки и области применения.

Затратный метод основан на калькуляции полной себестоимости продукции и добавлении желаемой нормы прибыли. Его главное достоинство – простота расчетов и наличие достоверной исходной информации. Однако этот подход игнорирует рыночную ситуацию: цена может оказаться слишком высокой для потребителей или, наоборот, заниженной по сравнению с конкурентами, что приведет к упущенной выгоде. В условиях государственного регулирования затратный метод часто является единственно возможным для социально значимых товаров, поскольку позволяет контролировать обоснованность цен.

Рыночные методы ориентированы на изучение спроса и анализ конкурентной среды. Они позволяют установить цену, которую готов принять рынок, и учитывают эластичность спроса, ценностное восприятие товара потребителями, а также ценовые стратегии конкурентов. Основной недостаток – высокая сложность сбора и обработки информации, необходимость проведения маркетинговых исследований.

Параметрические методы базируются на сопоставлении технико-экономических характеристик товара. Они эффективны при ценообразовании на взаимозаменяемую продукцию, позволяя установить объективную зависимость цены от потребительских свойств товара. Такие методы часто используются при формировании цен на новую продукцию, когда отсутствуют данные о рыночной реакции.

Выбор конкретного метода зависит не только от целей предприятия, но и от нормативных ограничений. В соответствии с Постановлением № 713 для

отдельных категорий товаров установлены предельные нормативы рентабельности, что делает невозможным применение методов, ориентированных исключительно на максимизацию прибыли [3].

Политика ценообразования должна учитывать множество факторов, которые можно разделить на внутренние (структура издержек, стадия жизненного цикла товара, качественные характеристики продукции) и внешние (уровень спроса и его эластичность, конкурентная среда, государственное регулирование, макроэкономическая ситуация). Для предприятий, работающих в социально значимых сегментах, ценовая гибкость существенно ограничена, что требует особого подхода к управлению издержками и поиску внутренних резервов повышения эффективности [4].

Одним из наиболее эффективных инструментов анализа и совершенствования политики ценообразования является CVP-анализ (анализ «затраты – объем выпуска – прибыль»). Он позволяет определить минимальный объем продаж, обеспечивающий безубыточность при заданном уровне цен; рассчитать, как изменение цены повлияет на прибыль; выявить наиболее и наименее рентабельные позиции в ассортименте. Ключевой показатель в этом анализе – маржинальный доход (разница между выручкой и переменными затратами), который позволяет оценить эффективность ценовых решений без учета влияния постоянных расходов.

Экспериментальная часть

Рассмотрим, как политика ценообразования влияет на финансовые результаты в условиях действующего регулирования. Проведем анализ на примере ОАО «Савушкин продукт» – крупного производителя молочной продукции в Республике Беларусь. Предприятие демонстрирует устойчивую положительную динамику ключевых показателей. По итогам января-сентября 2025 года выручка от реализации составила 3603983 тыс. руб., что на 26,8 % выше показателя аналогичного периода 2024 года (2842600 тыс. руб.). Валовая прибыль увеличилась с 782873 тыс. руб. до 1134196 тыс. руб., что свидетельствует об эффективном управлении затратами и ценовой политикой [1].

Рассмотрим динамику показателей более детально. Себестоимость реализованной продукции за анализируемый период выросла с 2059727 тыс. руб. до 2469787 тыс. руб., то есть на 19,9 %. Примечательно, что темп роста выручки (26,8 %) превышает темп роста себестоимости (19,9 %). Это свидетельствует о том,

что предприятию удается компенсировать рост затрат за счет эффективной ценовой политики, а также за счет изменения структуры продаж в пользу более маржинальной продукции [1].

Рентабельность продаж по валовой прибыли достигла 31,5 %, а рентабельность продаж по чистой прибыли составила 11,6 %. Согласно данным отчетности, рентабельность продаж по конечному финансовому результату за январь-сентябрь 2025 года составила 13,8 %, что значительно выше показателя аналогичного периода 2024 года (10,3 %) [1]. Это превышает средние значения по отрасли и демонстрирует успешность выбранной стратегии.

Особый интерес представляет анализ структуры выручки. Общая выручка с налогами составила 3717476 тыс. руб., из которой 2566297 тыс. руб. (около 69 %) [1] приходится на экспортные поставки. Это позволяет компании использовать дифференцированный подход: на внутреннем рынке цены формируются с учетом регуляторных ограничений, тогда как экспортные контракты дают возможность применять рыночные методы ценообразования и получать более высокую маржинальность. Данный подход является одним из ключевых путей совершенствования политики ценообразования для предприятий, работающих в регулируемых сегментах.

Важно отметить, что чистая прибыль предприятия за 9 месяцев 2025 года составила 418305 тыс. руб., что почти в два раза выше показателя аналогичного периода 2024 года (256234 тыс. руб.). При этом налог на прибыль увеличился с 73389 тыс. руб. до 129749 тыс. руб., что свидетельствует о значительном росте налогооблагаемой базы. Такая динамика подтверждает эффективность применяемой политики ценообразования и управления затратами [1].

Пути совершенствования

Полученные результаты позволяют определить направления совершенствования политики ценообразования, которые успешно реализуются ОАО «Савушкин продукт» и могут быть рекомендованы другим предприятиям:

1. Оптимизация издержек как основа ценовой гибкости: высокая валовая рентабельность достигнута за счет эффективного управления затратами, что позволяет компании удерживать конкурентные цены даже при росте стоимости сырья.

2. Дифференциация цен в рамках разрешенных механизмов: использование экспортных поставок как источника более высокой

маржинальности при соблюдении регуляторных требований на внутреннем рынке. Доля экспорта в выручке составляет 69 % [1], что создает значительный «запас прочности» для бизнеса и позволяет компенсировать возможное снижение рентабельности на внутреннем рынке.

3. Инвестиции в переработку и расширение ассортимента: за девять месяцев 2025 года компания увеличила вложения в долгосрочные активы почти в два раза – с 303886 тыс. руб. до 596857 тыс. руб. [1]. Это позволяет выпускать продукцию с более высокой добавленной стоимостью, что оправдывает установление цен выше среднерыночных и повышает общую рентабельность бизнеса.

4. Совершенствование планово-калькуляционной работы: регулярный пересмотр плановых калькуляций, оперативный мониторинг изменения затрат и своевременное обращение в регулирующие органы для обоснования необходимости корректировки цен позволяют предприятию оперативно реагировать на изменение рыночных условий, включая рост стоимости сырья и энергоносителей.

5. Развитие инструментов маркетингового ценообразования: использование адресных скидок для отдельных категорий покупателей, сезонных акций, накопительных бонусных программ позволяет стимулировать спрос без изменения базовой цены, что особенно важно в условиях регуляторных ограничений.

Заключение

Политика ценообразования является важнейшим элементом управления, определяющим финансовые результаты предприятия. В условиях белорусской экономики она формируется под значительным влиянием государственного регулирования. Проведенный анализ на примере ОАО «Савушкин продукт» показал, что эффективная политика ценообразования базируется на сочетании оптимизации издержек, дифференциации подходов для внутреннего и внешних рынков, инвестициях в развитие высокомаржинальных продуктов, а также активном использовании разрешенных инструментов маркетингового ценообразования.

Список используемых источников

1. Отчет о прибылях и убытках за январь–сентябрь 2025 года. // Единый портал финансового рынка. [Электронный ресурс]. URL: https://epfr.gov.by/reporting (дата обращения: 20.03.2026).
2. Тема 6. Ценовая политика: электрон. ресурс // Электронная библиотека ПГУ. [Электронный ресурс]. URL: https://elib.psu.by/bitstream/123456789/38851/8/Тема%208.pdf (дата обращения: 20.03.2026).
3. Теоретические аспекты формирования ценовой политики на предприятии // Studbooks.net. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCZjF (дата обращения: 20.03.2026).
4. Шакирова Р.Р. Анализ факторов, влияющих на ценовую политику предприятия // Форум молодых ученых. № 4. 2018. С. 1545–1549.

АЛГОРИТМ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОЙ ПРИВЛЕКАТЕЛЬНОСТИ ПРЕДПРИЯТИЙ АПК С УЧЕТОМ ESG-ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Шахвалеева С.Т. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Блинов А.В. – преподаватель, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье предложен авторский подход к прогнозированию инвестиционной привлекательности предприятий агропромышленного комплекса на основе сочетания финансовых и ESG-показателей. Рассматриваются ограничения традиционных моделей, обосновывается выбор индикаторов, приводится логика нормализации данных и демонстрируется механизм построения интегрального индекса.

Изменение условий ведения бизнеса в последние годы привело к заметному пересмотру критериев, по которым инвесторы оценивают предприятия реального сектора. Если ранее ключевое внимание уделялось преимущественно показателям прибыли, ликвидности и общей финансовой устойчивости, то сегодня в центре внимания все чаще оказывается вопрос о способности бизнеса сохранять стабильность в более длительном горизонте. Для агропромышленного комплекса эта тенденция проявляется особенно отчетливо. Предприятия АПК работают в

среде, где на результаты влияют не только управленческие и рыночные решения, но и природно-климатические условия, качество ресурсной базы, состояние сельских территорий и требования к экологической безопасности. В результате инвестиционная привлекательность в отрасли формируется под воздействием гораздо более широкого круга факторов, чем в традиционных моделях финансового анализа [1].

Научная и прикладная литература по данной проблематике показывает, что в экономической практике сложился ряд устойчивых подходов к оценке инвестиционной привлекательности предприятий. Наиболее распространенными остаются финансово-коэффициентный, рейтинговый, интегральный и риск-ориентированный подходы. Финансово-коэффициентный подход позволяет оценивать деятельность предприятия по системе стандартных показателей: рентабельности, ликвидности, платежеспособности, деловой активности и финансовой устойчивости. Он удобен, поскольку основан на данных бухгалтерской отчетности и сравнительно прост в применении. Вместе с тем его главный недостаток состоит в том, что он отражает преимущественно текущее и прошлое финансовое состояние компании, но не всегда позволяет увидеть качественные ограничения будущего развития.

Рейтинговый подход используется в ситуациях, когда требуется сравнить несколько предприятий между собой и определить их место в общем ряду по степени привлекательности для инвестора [2]. Такой подход удобен своей наглядностью, однако его результат зависит от выбранного набора критериев и схемы их взвешивания. Интегральный подход, напротив, ориентирован на объединение множества признаков в единый обобщающий показатель. Его ценность заключается в том, что он помогает перейти от разрозненной характеристики предприятия к единой оценке, которую проще интерпретировать и применять в аналитических решениях [5]. Риск-ориентированный подход делает акцент на выявлении уязвимостей и возможных ограничений, способных повлиять на реализацию инвестиционного потенциала предприятия.

Несмотря на различия между этими подходами, их объединяет одна существенная особенность: в большинстве случаев основой анализа выступают именно финансовые показатели. Между тем в современных условиях этого уже недостаточно. Предприятие может демонстрировать приемлемые значения рентабельности и ликвидности, но при этом сталкиваться с высоким уровнем

экологических рисков, нестабильной кадровой ситуацией или низким качеством корпоративного управления. Для инвестора это означает, что формально благополучная компания в действительности может оказаться менее устойчивой, чем показывает финансовая отчетность. В агропромышленном комплексе подобное несоответствие проявляется особенно часто, поскольку отрасль тесно связана с использованием природных ресурсов, социальной инфраструктурой территорий и длительными производственными циклами.

Именно поэтому все более актуальным становится включение ESG-показателей в систему инвестиционного анализа. Под ESG понимается совокупность экологических, социальных и управленческих характеристик предприятия. Экологический блок отражает влияние на окружающую среду, ресурсоемкость производства, водопотребление, энергоемкость и обращение с отходами. Социальный блок охватывает условия труда, безопасность работников, текучесть кадров, систему обучения и взаимодействие предприятия с местным сообществом. Управленческий блок включает показатели прозрачности корпоративных процедур, качества внутреннего контроля, структуры управления и степени раскрытия информации. В отличие от традиционной финансовой оценки, ESG-подход позволяет увидеть не только текущее состояние бизнеса, но и его способность к устойчивому функционированию в долгосрочной перспективе.

Для предприятий АПК использование ESG-подхода особенно оправдано. Во-первых, аграрное производство опирается на землю, воду, энергию и иные ресурсы, от рационального использования которых напрямую зависит экономическая эффективность. Во-вторых, предприятия АПК часто выступают значимыми работодателями в сельских территориях, а потому социальные аспекты их деятельности оказывают влияние не только на внутренние показатели, но и на устойчивость локальных сообществ. В-третьих, качество управленческих решений в данной сфере определяет способность предприятия адаптироваться к сезонности, изменению ценовой конъюнктуры, логистическим ограничениям и мерам государственной поддержки. Следовательно, учет ESG-параметров не является искусственным дополнением к анализу, а отражает объективную специфику отрасли.

При формировании алгоритма прогнозирования инвестиционной привлекательности важно обеспечить такое сочетание показателей, которое, с одной стороны, сохраняло бы аналитическую прозрачность модели, а с другой –

позволяло бы учитывать специфику АПК. По этой причине в работе предлагается двухконтурная модель. Первый контур образуют финансовые индикаторы, второй – ESG-индикаторы. В составе финансового контура использованы рентабельность активов, текущая ликвидность, коэффициент автономии и оборачиваемость активов [6]. Эти показатели позволяют оценить доходность использования ресурсов, платежеспособность предприятия, структуру капитала и интенсивность операционной деятельности. В составе ESG-контура экологическая группа представлена удельным водопотреблением и энергоемкостью, социальная – травматизмом, текучестью кадров и вложениями в обучение персонала, управленческая – раскрытием информации и наличием формализованных процедур внутреннего контроля.

Предлагаемая система индикаторов приведена в таблице 1. Как видно из таблицы 1, модель построена таким образом, чтобы каждый блок отражал определенную сторону устойчивости предприятия и вместе с тем был связан с реальными инвестиционными рисками. К примеру, высокий уровень ресурсоемкости означает не только дополнительную экологическую нагрузку, но и повышенные издержки предприятия в будущем. Аналогично слабая управленческая прозрачность повышает вероятность ошибок в распределении ресурсов и снижает предсказуемость развития компании.

Табл. 1

Система индикаторов оценки инвестиционной привлекательности предприятий АПК

Блок	Показатель	Содержательная характеристика	Влияние на инвестиционную оценку
Финансовый	ROA, текущая ликвидность, коэффициент автономии, оборачиваемость активов	Отражает прибыльность, платежеспособность и устойчивость предприятия	Формирует базовую оценку эффективности

Продолжение табл. 1

E	Водопотребление, энергоемкость	Показывает ресурсную нагрузку и экологическую эффективность	Характеризует экологические и издержковые риски
S	Травматизм, текучесть кадров, обучение	Описывает качество трудовой среды и кадровую стабильность	Влияет на устойчивость производственного процесса
G	Раскрытие информации, внутренний контроль	Отражает качество управления и прозрачность деятельности	Снижает неопределенность для инвестора

Источник: составлено автором

Для того чтобы объединить показатели, измеряемые в разных единицах, требуется процедура нормализации. Без такой процедуры невозможно корректно сопоставить, например, коэффициент ликвидности, процент рентабельности и экспертную оценку прозрачности управления [7]. В работе используется нормализация по методу min–max, при которой каждое исходное значение переводится в интервал от нуля до единицы. Это позволяет обеспечить сопоставимость входных данных и перейти к расчету частных индексов. Формально процедура нормализации может быть представлена формулой:

$$Xнорм = (X - Xmin) / (Xmax - Xmin) \quad (1)$$

где Хнорм – нормализованное значение показателя; X – фактическое значение показателя; Xmin и Xmax – соответственно минимальное и максимальное значения показателя в рассматриваемой выборке.

После нормализации рассчитываются частные индексы по двум основным блокам: финансовому и ESG. Внутри ESG-контура также проводится агрегирование экологической, социальной и управленческой составляющих. Чтобы сохранить баланс между традиционной финансовой оценкой и современным подходом устойчивого анализа, в демонстрационной модели финансовому блоку присвоен больший вес [4]. Однако ESG-компонента сохраняет существенное значение, поскольку именно она корректирует итоговую позицию предприятия с учетом нефинансовых факторов. Итоговый интегральный индекс инвестиционной привлекательности рассчитывается по формуле:

$$I = 0{,}6F + 0{,}4ESG \quad (2)$$

где I – интегральный индекс инвестиционной привлекательности предприятия; F – частный финансовый индекс; ESG – интегральная оценка устойчивости предприятия по экологическим, социальным и управленческим параметрам.

В свою очередь ESG-блок определяется как взвешенная сумма трех составляющих. В демонстрационной модели экологический и управленческий блоки имеют несколько больший вес, поскольку именно они сильнее влияют на долгосрочную устойчивость предприятия и воспринимаемые инвестором риски. Социальная компонента также сохраняет значимость, поскольку для АПК кадровая устойчивость и безопасность труда выступают важными условиями бесперебойного производственного процесса.

Для проверки работоспособности алгоритма была сформирована демонстрационная выборка из трех условных предприятий АПК. Использование условных названий позволяет сосредоточиться на механизме расчета и не привязывать анализ к конфиденциальной отчетности конкретных хозяйствующих субъектов [6]. Каждому предприятию были заданы значения финансового индекса и частных ESG-компонент, соответствующие реалистичным отраслевым диапазонам. Результаты расчета приведены в таблице 2.

Табл. 2

Результаты демонстрационной апробации алгоритма

Предприятие	F	E	S	G	Итоговый индекс I
Альфа	0,74	0,61	0,58	0,63	0,67
Бета	0,56	0,84	0,79	0,80	0,66
Гамма	0,68	0,42	0,47	0,51	0,58

Источник: составлено автором

Данные таблицы 2 показывают, что учет ESG-показателей действительно меняет итоговую конфигурацию рейтинга. Предприятие «Альфа» занимает первое место благодаря достаточно высокому финансовому индексу и сбалансированным ESG-характеристикам. Предприятие «Бета» уступает лидеру по финансовому контуру, однако демонстрирует очень сильный ESG-профиль, за счет чего его итоговый индекс оказывается почти сопоставимым с результатом «Альфы».

Предприятие «Гамма» показывает приемлемую финансовую основу, но более слабые экологические, социальные и управленческие параметры приводят к снижению интегральной оценки.

Особенно показателен пример предприятия «Бета». Его частный финансовый индекс составляет 0,56, что само по себе не обеспечивало бы высокое место в рейтинге. Однако после включения значений E, S и G итоговый ESG-блок достигает высокого уровня, а затем заметно улучшает общее положение предприятия в сравнении с конкурентами. С экономической точки зрения это означает, что сильные нефинансовые характеристики могут выступать фактором компенсации более умеренных финансовых результатов. Для инвестора это принципиально важно, поскольку речь идет не просто о текущей доходности бизнеса, а о его способности поддерживать устойчивое развитие в будущем.

Следует подчеркнуть, что практическая значимость предложенного алгоритма выходит за рамки сугубо исследовательской задачи. Такая модель может применяться при предварительном отборе инвестиционных объектов, формировании отраслевых рейтингов, внутреннем мониторинге устойчивости предприятия и выработке управленческих решений, направленных на повышение инвестиционной привлекательности [3]. Кроме того, сама логика алгоритма является достаточно прозрачной: каждое итоговое значение может быть разложено на отдельные блоки и интерпретировано через конкретные финансовые и ESG-параметры.

При этом разработанный подход не лишен ограничений. Наиболее существенная проблема связана с доступностью и сопоставимостью нефинансовой отчетности. В российской практике предприятия АПК по-разному раскрывают ESG-информацию, а часть данных вообще носит фрагментарный характер. Вследствие этого для полноценной эмпирической апробации необходимы либо стандартизированные формы раскрытия информации, либо разработка унифицированной методики экспертной оценки. Второе ограничение связано с выбором весовых коэффициентов. В демонстрационной модели они заданы исходя из логики исследования, однако в дальнейшем требуют дополнительной статистической и экспертной верификации.

Тем не менее общий вывод исследования заключается в том, что для предприятий АПК инвестиционная привлекательность должна оцениваться не только через показатели финансовой эффективности, но и через систему факторов,

отражающих устойчивость бизнеса. В современных условиях инвестор фактически оценивает не столько предприятие как набор отчетных коэффициентов, сколько его способность работать в условиях экологических ограничений, кадровых вызовов и требований к качеству управления. Именно поэтому интеграция ESG-показателей в алгоритм прогнозирования позволяет сделать инвестиционный анализ более полным, современным и практически значимым.

Таким образом, предложенный алгоритм представляет собой попытку объединить сильные стороны традиционного финансового анализа и ESG-подхода в рамках единой модели оценки. Его применение позволяет повысить качество аналитических выводов, снизить риск односторонней интерпретации данных и приблизить оценку инвестиционной привлекательности к реальным условиям функционирования предприятий АПК. Перспективы дальнейшей работы связаны с апробацией алгоритма на реальных данных российских предприятий, уточнением состава показателей и калибровкой весовых коэффициентов с использованием экономико-статистических методов.

Список используемых источников

1. Бабанская А.С., Кадыкова А.Д., Федота А.А. Анализ ESG-показателей организаций АПК России // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2024. № 1. С. 193–200.

2. Кузьмина Э.В. Совершенствование инвестиционной среды регионального АПК // Региональная экономика. Юг России. 2022. Т. 10, № 3. С. 180–188.

3. Об утверждении целей и основных направлений устойчивого (в том числе зеленого) развития Российской Федерации: распоряжение Правительства Российской Федерации от 14.07.2021 № 1912-р // Официальное опубликование правовых актов. [Электронный ресурс]. URL: https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202107200045 (дата обращения: 31.03.2026).

4. Рекомендации по учету ESG-факторов советом директоров публичного акционерного общества // Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/issuers_corporate/development_corp_relations/recom/ (дата обращения: 31.03.2026).

5. Хоружий Л.И., Трясцин Н.А., Джикия М.К., Трясцина Н.Ю. Оценка инвестиционной привлекательности компаний АПК на основе ESG-факторов // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2024. № 2. С. 189–202.

6. Чудинов О.О. ESG-инвестирование в агробизнесе как элемент устойчивого развития сельского хозяйства // Продовольственная политика и безопасность. 2023. Т. 10, № 1. С. 137–148.

7. Шагина Е.А., Усова Е.П. Внедрение ESG-повестки в агропромышленный комплекс // Baikal Research Journal. 2024. Т. 15, № 2. С. 677–686.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОСУДАРСТВ – ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И СТРАТЕГИИ ИХ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Шондин С.А. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Боброва А.В. – д.э.н., профессор, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматривается взаимодействие стран Евразийского экономического союза и основные проблемы на пути их интеграции. Особое внимание уделяется влиянию санкционного давления стран Европы и Северной Америки и анализу статистических данных за 2022–2025 годы, которые наглядно показывают неравномерность развития экономик государств–членов Евразийского экономического союза. В заключение предлагаются стратегии перехода к новой, взаимовыгодной модели сотрудничества.

Несмотря на формальное создание общего рынка со свободным движением товаров, услуг, капитала и рабочей силы, на практике взаимодействие между государствами–членами Евразийского экономического союза (ЕАЭС) сталкивается с системными структурными проблемами. В условиях серьезного внешнего давления исследование современных противоречий и поиск эффективных подходов к их решению приобретают первостепенное значение для будущей устойчивости и конкурентоспособности ЕАЭС в мировом масштабе.

Целью нашего исследования является выявление ключевых проблем, препятствующих эффективному взаимодействию государств–членов ЕАЭС в

современных условиях, и предложение практических путей их решения для усиления интеграции и устойчивости Союза.

Объектом исследования являются государства–члены ЕАЭС (Республика Армения, Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация).

Предмет исследования – взаимодействие государств–членов ЕАЭС в рамках Евразийского экономического союза.

Гипотеза исследования заключается в том, что внешнее санкционное давление, с одной стороны, обострило существующие ключевые проблемы взаимодействия в ЕАЭС, связанные с разным уровнем развития экономик, барьерами в торговле, а с другой стороны, выступило катализатором углубления интеграции, основанной на совместном производстве, формировании финансовой и технологической самостоятельности государств–членов Союза.

Анализ научной литературы позволяет констатировать, что исследователи подходят к изучению проблем ЕАЭС с различных, зачастую взаимодополняющих, сторон, формируя многоуровневую картину вызовов. Ключевой вопрос заключается в самом измерении успешности интеграции.

Исследователь Л.И. Заволокина в своей работе акцентирует внимание на оценке соответствия достигнутых результатов первоначальным целям создания Союза, отмечая, что «проведенное исследование не позволяет сделать однозначных выводов о повышении конкурентоспособности национальных экономик и росте благосостояния общества всех членов Союза» [2]. Эта констатация указывает на фундаментальную проблему: формальные успехи (рост товарооборота, подписание соглашений) не всегда транслируются в качественное улучшение экономических показателей и жизни населения всех государств-членов. Это порождает дискуссию о природе интеграционной ренты и ее распределении. Если выгоды от участия воспринимаются как неравномерные или недостаточные, это подрывает политическую волю к дальнейшему углублению интеграции, особенно среди малых стран.

Д.Б. Чиниев рассматривает взаимодействие в рамках ЕАЭС с точки зрения структурных характеристик взаимной торговли, подчеркивая, что «Россия остается ключевым участником взаимной торговли ЕАЭС», а сама торговля сохраняет сырьевую и ресурсную ориентацию, что препятствует инновационному развитию [7].

П.П. Ягунов в своей публикации анализирует институциональные и инфраструктурные препятствия, делая вывод, что «из-за недостаточного уровня развития транспортно-логистической инфраструктуры и …низкой взаимной инвестиционной активности…единое экономическое пространство в рамках ЕАЭС не может функционировать должным образом» [9]. Этот вывод указывает на критический разрыв между декларируемыми наднациональными нормами и их практическим воплощением. Несовершенство физической и институциональной инфраструктуры способствует сохранению скрытых барьеров и увеличению хозяйственных издержек, что ставит под сомнение саму идею единого пространства для предпринимателей.

Ряд исследователей, такие как О.Н. Шкутько [8] и М.Н. Ситникова [4], отмечают специфические проблемы государств–членов ЕАЭС в ключевых сферах, усугубляемые внешним контекстом. О.Н. Шкутько указывает на сложности либерализации рынка услуг, связанные с «согласованностью, гармонизацией стандартов регулирования, ограниченным доступом к рынку» [8]. Сфера услуг, являясь наиболее чувствительной к национальному регулированию и культурным особенностям, демонстрирует реальный уровень интеграции. Степень разобщенности в данной области, на наш взгляд, снижает потенциал для появления современных, высокоэффективных международных хозяйственных систем в отраслях IT, финансов, образования и деловых услуг.

М.Н. Ситникова раскрывает вопросы адаптации к санкционному давлению, подчеркивая важность совместных мер для преодоления внешних ограничений [4]. Ее анализ переводит проблему из плоскости внутренней координации в плоскость коллективного стратегического реагирования на «внешние шоки», что является качественно новой задачей для ЕАЭС.

Е.А. Тихомиров в своем обзоре интеграционных процессов также обращает внимание на необходимость «устранения оставшихся нетарифных барьеров и совершенствования логистической инфраструктуры» для повышения товарооборота [6].

Таким образом, в теоретическом поле сформировалось единство мнений относительно природы проблем: это незавершенность институционального строительства, структурные экономические диспропорции и сохраняющиеся технические барьеры, усугубляемые сложной внешней ситуацией.

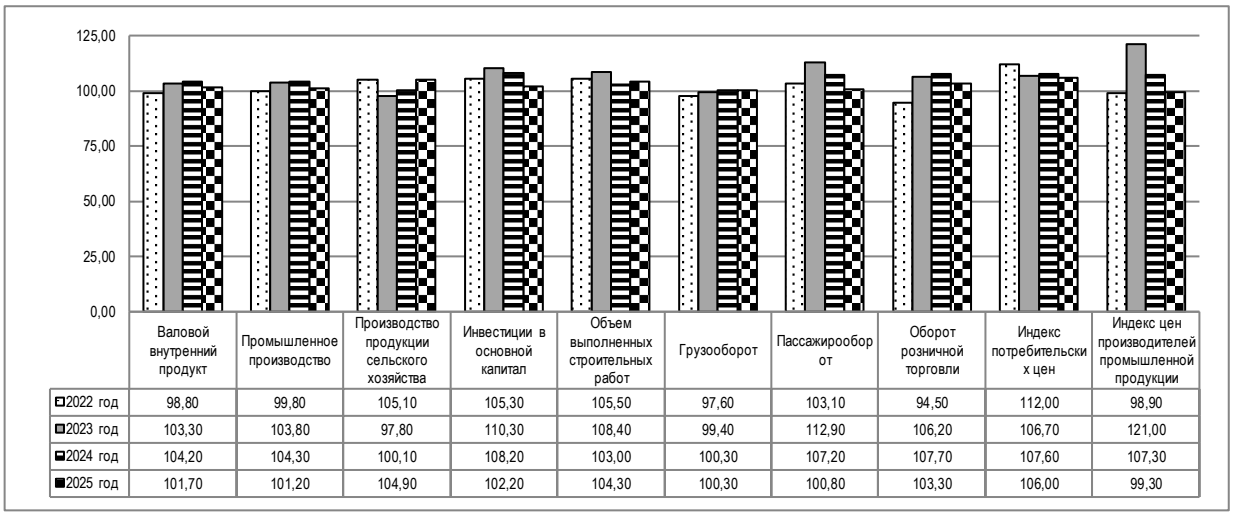
Однако, на наш взгляд, не менее важным аспектом является проблема интеграционного единства и конечной цели. ЕАЭС балансирует между рациональной моделью зоны свободной торговли с элементами общего рынка и масштабным проектом тесного экономического и политического союза. Эта неопределенность порождает разную скорость и готовность стран к интеграции, что ярко проявилось в заявлениях на Санкт-Петербургском саммите о переносе сроков по общим рынкам энергии и финансов [5].

Проведенный анализ научной литературы и экспертных оценок позволяет перейти от качественных констатаций к количественной оценке проблем.

Для подтверждения теоретических положений и объективной диагностики актуальных проблем на современном этапе взаимодействия государств–членов ЕАЭС была проведена аналитическая работа по систематизации данных, представленных Евразийской экономической комиссией (ЕЭК) в ее ежегодном макроэкономическом докладе [1] и аналитических обзорах за 2022–2025 годы [3]. Выбор источников обусловлен их официальным статусом, комплексностью методологии и полнотой сопоставимых статистических данных по всем странам Союза.

Таким образом, представленный ниже аналитический блок является не просто набором статистических данных, а инструментом проверки гипотезы и отправной точкой для формирования обоснованных данными стратегических предложений по преодолению выявленных проблем.

На диаграмме (рис. 1) представлены общие для всех стран ЕАЭС темпы роста по ключевым показателям. Это позволяет увидеть, как Союз в целом переживал кризисные годы в связи с началом Специальной военной операции (СВО) в 2022 году и введением санкций и насколько устойчивым было восстановление.



	Валовой внутренний продукт	Промышленное производство	Производство продукции сельского хозяйства	Инвестиции в основной капитал	Объем выполненных строительных работ	Грузооборот	Пассажирооборот	Оборот розничной торговли	Индекс потребительских цен	Индекс цен производителей промышленной продукции
2022 год	98,80	99,80	105,10	105,30	105,50	97,60	103,10	94,50	112,00	98,90
2023 год	103,30	103,80	97,80	110,30	108,40	99,40	112,90	106,20	106,70	121,00
2024 год	104,20	104,30	100,10	108,20	103,00	100,30	107,20	107,70	107,60	107,30
2025 год	101,70	101,20	104,90	102,20	104,30	100,30	100,80	103,30	106,00	99,30

Рис. 1. Основные социально-экономические показатели государств–членов ЕАЭС за 2022–2025 года (динамика в % к соответствующему периоду предыдущего года)

Источник: составлено автором на основании данных аналитического обзора «Об основных социально-экономических показателях государств–членов ЕАЭС» за отчетный период 2022–2025 гг. [3]

Данные свидетельствуют о том, что после спада в 2022 году началось восстановление, но к 2025 году темпы роста почти всех показателей (ВВП, промышленность, инвестиции) заметно замедлились. Это говорит об общей сложной экономической ситуации и исчерпании «восстановительного» роста. Высокая инфляция (индекс потребительских цен) остается серьезной проблемой для всего ЕАЭС, создавая нестабильность. Следовательно, ключевая задача для ЕАЭС как единого механизма экономики – обеспечить переход от восстановительного роста к стабильному и качественному развитию.

Следующая диаграмма (рис. 2) показывает, какие темпы роста ВВП на 2025 год ожидала ЕЭК и что произошло на самом деле в каждой стране.

Наглядно представлено сильное расхождение прогнозов и реальности, особенно в Беларуси и России (фактический рост значительно ниже), а также в Кыргызстане (рост значительно выше прогноза). Это свидетельствует о высокой неопределенности и неравномерности развития внутри ЕАЭС. Экономики стран по-разному реагируют на внешние и внутренние вызовы, что усложняет выработку единой эффективной экономической политики для всего Союза.

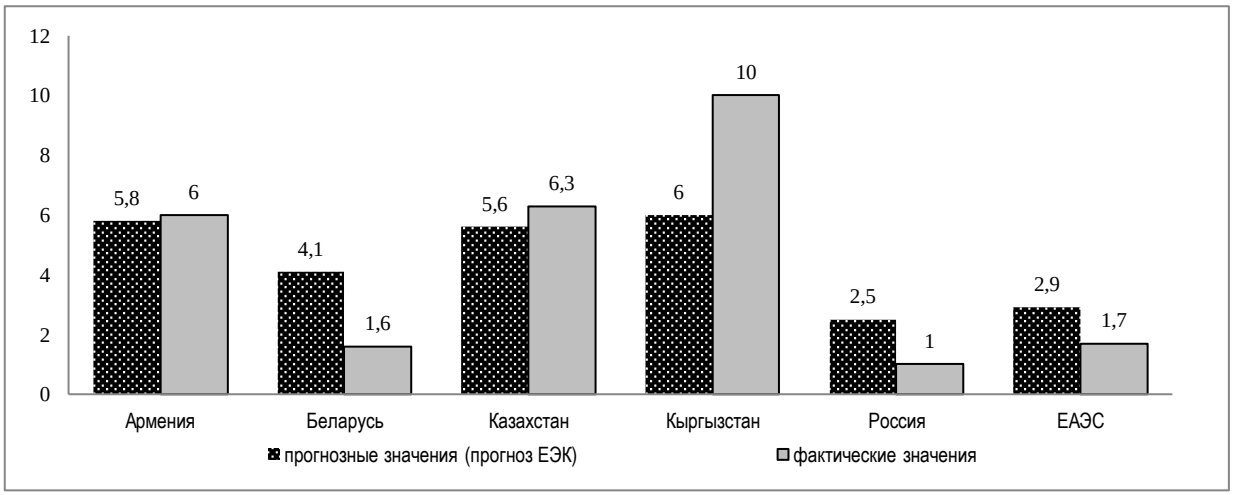
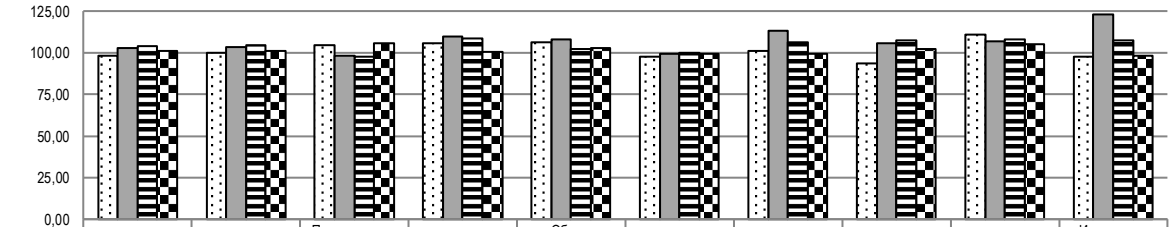


Рис. 2. Сопоставление прогноза ВВП государств–членов ЕАЭС в постоянных ценах с фактическими данными (темпы прироста в % к предыдущему году) за 2025 год

Источник: составлено автором на основании данных аналитического обзора «Об основных социально-экономических показателях государств–членов ЕАЭС» за отчетный период 2022–2025 гг. [3] и аналитического доклада ЕЭК за 2024 год «О макроэкономической ситуации в государствах–членах ЕАЭС и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития» [1]

Данные аналитического обзора (рис. 3) наглядно демонстрируют наиболее сильное негативное влияние санкций, введенных после начала СВО в 2022 году и последующие годы, на экономику России, которая во многом задает тон для всего Союза.



	Валовой внутренний продукт	Промышленное производство	Производство продукции сельского хозяйства	Инвестиции в основной капитал	Объем выполненных строительных работ	Грузооборот	Пассажирооборот	Оборот розничной торговли	Индекс потребительских цен	Индекс цен производителей промышленной продукции
2022 год	98,40	99,90	104,70	105,90	106,10	97,60	100,80	93,80	111,10	97,50
2023 год	103,00	103,60	98,40	110,00	107,80	99,40	113,00	105,90	106,60	123,00
2024 год	104,20	104,30	97,40	108,60	102,00	100,10	106,50	107,40	108,10	107,40
2025 год	101	100,8	105,4	100,5	102,7	99,3	99,4	102,5	105,3	98,3

Рис. 3. Основные социально-экономические показатели Российской Федерации за 2022–2025 года (динамика в % к соответствующему периоду предыдущего года)

Источник: составлено автором на основании данных аналитического обзора «Об основных социально-экономических показателях государств–членов ЕАЭС» за отчетный период 2022–2025 гг. [3]

Динамика экономических показателей России повторяет общие тенденции ЕАЭС: замедление роста к 2025 году, высокие темпы инфляции. В 2025 году фактический рост ВВП России (1,0 %) оказался в 2,5 раза ниже прогноза Евразийской экономической комиссии (2,5 %). Это самое значительное отрицательное отклонение среди крупных экономик ЕАЭС.

Особое внимание привлекает рост сельского хозяйства в 2025 году – это сильная сторона. Однако слабыми сторонами остаются инвестиции и грузооборот. Это означает, что для устойчивого роста России, а значит и для стабильности ЕАЭС, необходимо стимулировать внутренние инвестиции и развивать логистику, что соответствует общим выводам статьи о необходимости углубления кооперации. Контраст с другими странами Союза (например, Кыргызстаном, где рост значительно превысил прогноз) подтверждает, что санкции затронули экономику ЕАЭС неравномерно, и Россия, как основной объект ограничений, понесла наибольшие издержки.

Таким образом, санкции стали ключевым фактором, не только замедлившим рост российской экономики, но и существенно усложнившим процесс макроэкономического прогнозирования и планирования для всего Союза.

Табл. 1 представляет «моментальный снимок» экономик стран ЕАЭС, выделяя их самые успешные и самые проблемные сферы на окончание 2025 года. Данные ярко иллюстрируют неравномерность и противоречивые направления развития внутри ЕАЭС – главную проблему интеграции.

Табл. 1

Оценка динамики ключевых экономических показателей государств – членов ЕАЭС: сильные и слабые стороны (январь–ноябрь 2025 года)

Страна	Сильные стороны (%)	Слабые стороны (%)
Армения	Строительство (+25,6), Инвестиции (+20,7)	Промышленность (–7,1), Инфляция рост (+1,6)

Продолжение табл. 1

Беларусь	Инвестиции (+15,2), Строительство (+9,5)	Промышленность (–7,2), ВВП (–2,9), Грузооборот (–4,9)
Казахстан	Строительство (+14,7), Инвестиции (+13,5), Промышленность (+7,4)	Инфляция (+11,4), Сельское хозяйство (–7,3)
Кыргызстан	Строительство (+32,7), Розничная торговля (+22,6), ВВП (+10,0)	Инвестиции (–33,3), Инфляция рост (+2,9)
Россия	Сельское хозяйство (+8,0), Строительство (+2,7), Инфляция (–2,8)	Инвестиции (–8,1), ВВП (–3,2), Промышленность (–3,5)

Источник: составлено автором на основании данных аналитического обзора «Об основных социально-экономических показателях государств–членов ЕАЭС» за период январь–ноябрь 2025 г. [3]

Сильными сторонами у Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана являются строительство и торговля, а у России – сельское хозяйство. Слабые стороны тоже разные: у одних проблемы с промышленностью, у других – с инвестициями или инфляцией.

Это подтверждает тезис статьи: универсальный подход ко всем странам не работает. Интеграционная политика должна учитывать специфику каждой экономики, помогая развивать слабые стороны и усиливать сильные через кооперацию.

На основе проведенного анализа и с учетом решений Санкт-Петербургского саммита 2025 года [5], а также ориентиров, заложенных в «Календаре статистических работ» [3], можно предложить следующие стратегические направления, которые, на наш взгляд, должны составить новую стратегию взаимодействия государств–членов ЕАЭС, а именно:

1. Дать официальное право странам ЕАЭС на «интеграцию разными скоростями». Предлагается официально разрешить группам стран, которые готовы к более тесному союзу в конкретных сферах (например, промышленность или логистика), двигаться быстрее, не дожидаясь всех. Это не расколет Союз, а,

наоборот, снимет напряжение и позволит на практике показать выгоды углубленного сотрудничества, вовлекая остальных.

2. Создать общий фонд для реальных совместных заводов и производств и пересмотреть бюджет. Бюджет ЕАЭС и средства банков развития (Евразийский фонд стабилизации и развития, Евразийский банк развития) сейчас часто расходуются на общие программы.

Нужен принципиально новый подход:

– создать отдельный Фонд промышленной и технологической кооперации;

– финансировать только конкретные совместные проекты, где минимум две страны четко делят этапы производства, создавая общий продукт с высокой добавленной стоимостью (импортозамещающая электроника, сельхозтехника, лекарства).

Это сделает интеграцию осязаемой для бизнеса и граждан.

3. Перейти от цифровизации процессов к цифровому устранению границ. Нужно использовать технологии не для ускорения старых процедур, а для их полной замены. Например, внедрить «цифровой паспорт груза»: однократное внесение данных обеспечивает автоматическое прохождение товаром всех таможенных, санитарных и иных проверок при пересечении любой границы внутри ЕАЭС. Это технически исключит возможность создавать искусственные бюрократические задержки.

4. Создать общие финансовые инструменты, которые укрепят независимость всей системы, например, «Евразоблигации», то есть выпускать общие облигации для финансирования крупных инфраструктурных проектов ЕАЭС (например, новых железных дорог или логистических центров). Это привлечет инвестиции и даст новый надежный актив.

5. Сделать внешнюю торговлю инструментом внутренней интеграции.

Необходимо связывать внешние соглашения с внутренним развитием. Новые рынки должны открываться не просто для российского зерна или казахстанской нефти, а для совместной продукции ЕАЭС, например, для трактора, собранного в Беларуси из российских и казахстанских комплектующих. Это создаст мощный внешний стимул для стран углублять кооперацию внутри Союза.

Таким образом, вышеперечисленные направления предлагают перейти от устранения барьеров к созданию новой совместной реальности – общей

производственной, технологической и финансовой системе, которая будет устойчивой и выгодной для всех участников.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о двойственном и переходном характере современного этапа развития ЕАЭС. С одной стороны, количественно подтверждены первостепенные проблемы: критическая неравномерность уровней развития, расхождение базовых макроэкономических показателей, низкая доля взаимной торговли в общем экспорте (несмотря на ее рост) и незначительные объемы взаимных инвестиций. Эти проблемы, обусловленные структурными особенностями экономик, усугубляются незавершенностью формирования общих рынков и сохраняющимися внутренними барьерами, что подтверждается теоретическими выводами цитируемых авторов.

С другой стороны, внешнее санкционное давление, рассмотренное не только как угроза, но и как стимул к дальнейшей интеграции, активизировало регулировочные механизмы Союза. Наблюдается стремительный рост взаимной торговли, масштабный отказ от доллара в расчетах и обусловленный необходимостью поворот к идее качественно новой, глубокой и взаимовыгодной экономической кооперации. Санкт-Петербургский саммит обозначил направление этого сложного движения, реализация которого станет главным испытанием для евразийской интеграции в будущем.

Список используемых источников

1. Аналитический доклад «О макроэкономической ситуации в государствах–членах Евразийского экономического союза и предложениях по обеспечению устойчивого экономического развития» // Евразийская экономическая комиссия. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/upload/files/dep_makroec_pol/doklad_2025.pdf (дата обращения: 21.02.2026).

2. Заволокина Л.И. ЕАЭС 10 лет спустя: цели и достигнутые результаты // Вестник Челябинского государственного университета. 2025. № 3. С. 188–196.

3. Календарь статистических работ: архив 2022–2025 // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/commission/department/dep_stat/union_stat/calendar/allpublications.php (дата обращения: 21.02.2026).

4. Ситникова М.Н. Проблемы и перспективы развития внешнеэкономических связей между странами ЕАЭС // Международный научный журнал «Вестник науки». 2026. Том 4. № 1. С. 133–137.

5. Стенографический отчет «О заседании ВЕЭС в расширенном составе» // Президент России. 2025. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/events/president/transcripts/78825 (дата обращения: 21.02.2026).

6. Тихомиров Е.А. Актуальное состояние и перспективы развития взаимоотношений стран ЕАЭС // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 6. С. 79–84.

7. Чиниев Д.Б. Современное состояние взаимной торговли в ЕАЭС: основные характеристики и тенденции // Россия и Азия. 2025. № 3. С. 50–62.

8. Шкутько О.Н. Проблемы взаимодействия стран-участниц ЕАЭС на рынке услуг / Развитие интернационализации и экономической интеграции в новых реалиях: материалы форума / Минск: Четыре четверти. 2023. 207 с. С. 70–72.

9. Ягунов П.П. Интеграционные процессы в ЕАЭС: проблемы формирования единого экономического пространства / Экономическая безопасность: финансовые, правовые и it-аспекты: материалы 6-й Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. Л.В. Санина, И.В. Деревцова. Иркутск: Байкальский государственный университет, 2025. 362 с. С. 347–355.

ФОРМИРОВАНИЕ HR-БРЕНДА В КОМПАНИЯХ ТЭК: ВЛИЯНИЕ ЭКОНОМИКИ ВПЕЧАТЛЕНИЙ

Шумакова К.Р. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Седельникова Д.П. – студент, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Научный руководитель: Лемм Е.А. – к.э.н., старший преподаватель, ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

В статье рассматриваются современные практики привлечения персонала в компаниях топливно-энергетического комплекса России. На основе анализа кейсов СИБУРа, ЯТЭК, «Газпром нефти» и других компаний предложена классификация креативных HR-инструментов. Разработана концептуальная модель взаимодействия «компания ТЭК – креативная индустрия – рынок труда», обосновывающая необходимость перехода от традиционного найма к созданию эмоциональной привязанности кандидата.

Введение

Топливно-энергетический комплекс (ТЭК) остается системообразующим сектором российской экономики, но компании отрасли традиционно воспринимаются как консервативные и закрытые, где человеческий капитал уступает промышленному.

Публичные рейтинги работодателей (FutureToday, HeadHunter, Forbes) включают «Газпром», СИБУР, «НОВАТЭК», «Россети» в число наиболее привлекательных работодателей России.

Большинство компаний ТЭК формируют имидж работодателя через рейтинги и социальные программы, лишь единицы применяют креативные инструменты экономики впечатлений. Благотворительность и спонсорство, при их социальной значимости, не решают задачу эмоционального вовлечения кандидатов.

Основная часть

Значимость HR-брендинга в ТЭК

В условиях структурного дефицита инженерных кадров и конкуренции с IT-сектором, бренд работодателя становится экономическим ресурсом. Он создается через точность в описании вакансий, честность в ожиданиях, открытую коммуникацию и понятную адаптацию [2].

Опрос 2025 года среди 2400 представителей энергокомпаний показал, что главным инструментом продвижения HR-бренда среди молодых специалистов и выпускников являются рекомендации родственников и друзей [10]. В рамках масштабного отраслевого мероприятия «Российская энергетическая неделя» в 2025 году также отметили ценность баланса между работой и личной жизнью, человечности, стабильности и прозрачности [6].

Анализ открытых источников позволяет выделить несколько компаний, которые идут нестандартным путем и внедряют различные акции по поиску специалистов. Лидером направления выступает ПАО «СИБУР», реализовавший в 2024–2025 гг. несколько нетипичных проектов:

1. Образовательный тематический поезд на Арбатско-Покровской линии Московского метрополитена (тема нефтехимии и роли полимеров в современной жизни) (охват более 10 млн человек) [9].

2. HR-кампания в аэропортах, включая размещение 35-метрового баннера в аэропорту Тюмени «Рощино», а также публикации с QR-кодами в бортовых журналах S7 и Utair [8].

3. Коллаборация с приложением для знакомств, адаптированная механика знакомств под поиск профессионального призвания. Пользователи проходили тест и получали «мэтч» не с человеком, а с профессией в СИБУРе. (16 650 прохождений, 47 % переходов к вакансиям [7].

4. Онлайн-игра «МЕМО» по поиску парных карточек с фактами о компании, и офлайн-активации в 10 технических вузах страны (охват 1 млн показов, вовлечено 17,3 % студентов) [11].

5. Реализация программ промышленного туризма («Открытый СИБУР» с посещением 15 предприятий, 10 тыс. посетителей в год) и озвучка ИИ-помощника «НейроМенделеев» [5].

6. Программы для женщин и специалистов старше 50 лет («Трудовое долголетие»), системное бренд-медиа в социальных сетях.

СИБУР выстроил системную работу в социальных сетях, построив благодаря им полноценное бренд-медиа. Компания не только публикует актуальные вакансии, но и ведет тематические рубрики, делится историями сотрудников и освещает внутренние мероприятия. Такая стратегия компании позволяет создавать о себе узнаваемость как о надежном, открытом и заботливом работодателе [3].

Практики других компаний также позволяют отследить формирование эмоциональной привязанности кандидата к бренду работодателя. Программа адаптации компании ЯТЭК «Влюбиться в индустрию – остаться в регионе» (сочетание найма, наставничества, поездок по Якутии) признана лучшей на премии Минэнерго в 2025 году [1]. «Газпром нефть» внедрила проекты «Я выбираю» и «Цикл управления талантами», ориентированные на здоровье, семью, финансовую грамотность и индивидуальные карьерные траектории [4].

Однако эти кейсы скорее исключение, чем устойчивая практика. Большинство компаний ТЭК ограничиваются традиционными программами или освещают благотворительность и спонсорство, что формирует имидж компании в глазах общества и заинтересованных сторон, но не формирует уверенность в работодателе у молодых специалистов.

Обобщая рассмотренные кейсы, предлагается классификация HR-инициатив (Рис. 1).

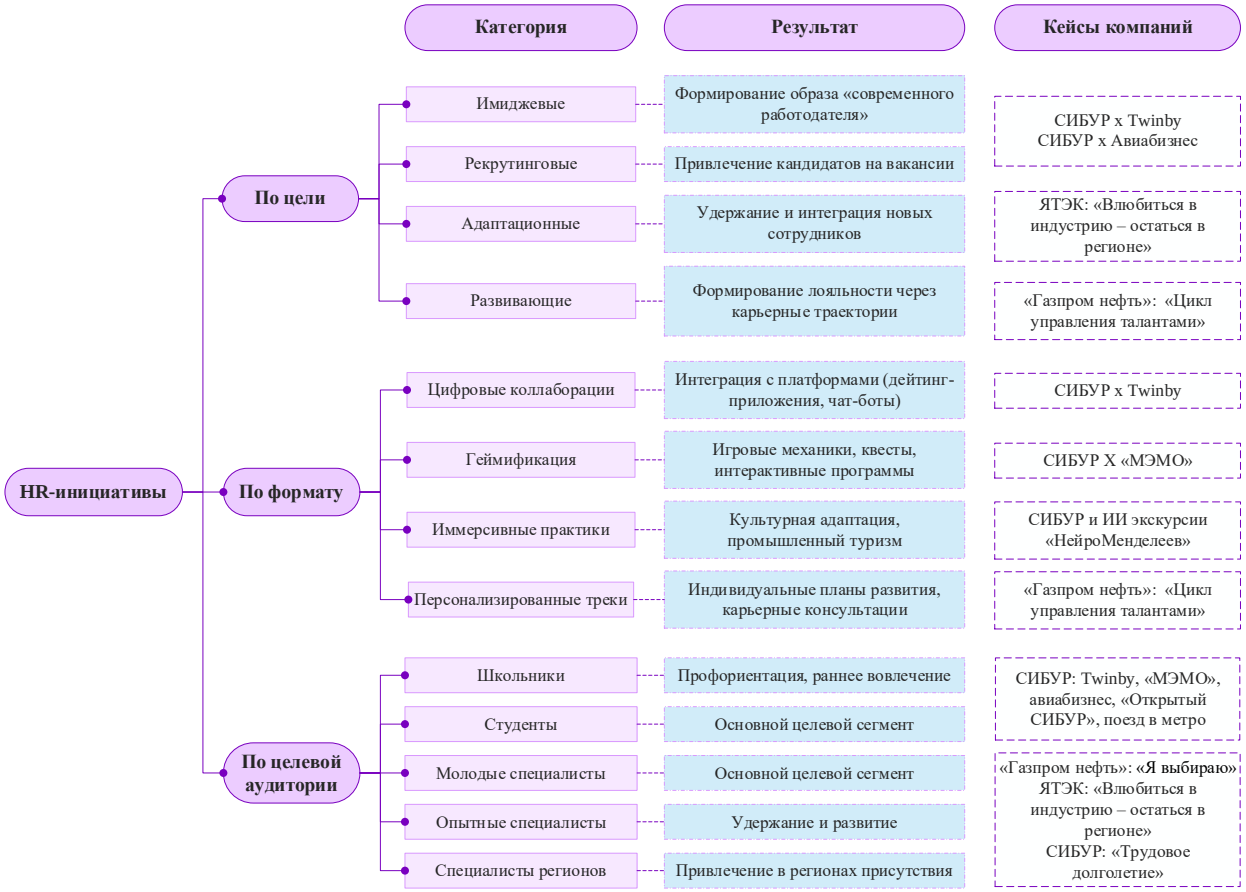


Рис. 1. Классификация креативных HR-кампаний в ТЭК

Источник: разработано авторами

Предложенная классификация группирует креативные HR-кампании по трем основаниям: цели, виду и целевой аудитории.

Анализ кейсов выявляет различие между двух подходов к построению HR-бренда. Традиционная модель (доминирует в компаниях ТЭК) является однонаправленной коммуникацией, где компания транслирует информацию о себе (вакансии, достижения, рейтинги), кандидат сам выбирает. Альтернативная модель (СИБУР, ЯТЭК и «Газпром нефть»), основанная на идее экономики впечатлений, в концепции перехода от трансляции к взаимодействию, созданию пространства для эмоциональной связи на ранних этапах поиска.

Опираясь на классификацию, для системного описания процесса перехода от традиционных методов найма к эмоционально-ориентированным, авторами предлагается графическая модель (Рис. 2). Она отражает логику взаимодействия компании с рынком труда через призму креативных инструментов.



Рис. 2. Модель трансформации HR-бренда компании ТЭК через инструменты экономики впечатлений

Источник: разработано авторами

Компании ТЭК обладают значительным нереализованным потенциалом для создания впечатлений. Технологическая сложность производств, масштаб задач, социальная значимость могут стать основой для эмоционального вовлечения, но сегодня этот потенциал ограничен по причине отсутствия достаточной неформальной коммуникации. Креативные инструменты выступают трансформационной средой. Цифровые коллаборации делают поиск работы привычным для молодежи, интерактивные форматы переводят восприятие компании из пассивного в активное. Все эти инструменты создают для кандидата возможность ощутить ценности компании. Рынок труда становится полем эмоционального выбора, в котором школьники и студенты начинают воспринимать компанию как пространство возможностей, а опытные специалисты переосмысливают прошлый опыт. Кандидаты не просто получают базовую информацию, но и узнают ценности компании на деле.

Ключевая особенность предлагаемой модели заключается в измеримости результатов: рост конверсии в найм, снижение стоимости подбора, уменьшение текучести, повышение лояльности и появление амбассадоров бренда. Разовые креативные акции запускают механизм производства эмоционального человеческого капитала, трансформируя HR-бренд из статичного актива в динамично развивающуюся систему.

Для анализа эффективности HR-кампаний предлагается матричная модель (Рис. 3), фиксирующая текущее положение компаний и стратегические приоритеты. Позиционирование инструментов в матрице идет по двум параметрам: степень креативности формата и тип экономического эффекта с фокусом на измерение конверсии в найм. Конверсия – доля целевой аудитории, совершившей целевое действие (переход на карьерный сайт или отклик на вакансию). Её атрибуция возможна при наличии «цифрового следа» (уникальные ссылки, UTM-метки, сквозной аналитики) [12].

Исходя из этого, все инструменты разделены на три группы:

1. Инструменты с высокой измеримостью конверсии (приложения для знакомств, игры) позволяют отследить полную цепочку взаимодействия от впечатления к действию и рассчитать точную конверсию.

2. Инструменты с низкой измеримостью конверсии (спонсорство, рейтинги, наружная реклама) – их эффект оценивается косвенно (запоминаемость, охват, степень лояльности). Низкая конверсия здесь связана с отсутствием методологии подсчета, а не прямыми сравнительными сравнениями.

3. Инструменты, для которых конверсия нерелевантна (образовательные программы, адаптационные треки), ориентированы на долгосрочный эффект, оценка конверсии в краткосрочном периоде некорректна.

Критерий оценки позволяет корректно позиционировать инструменты в матрице, избегая неверных сравнений инструментов с разной природой и разными целевыми функциями.



Рис. 3. Матрица позиционирования HR-инструментов в компаниях ТЭК

Источник: разработано авторами

По горизонтали отражена степень креативности, насколько компания готова отойти от стандартных форматов к инструментам, создающих впечатление. По вертикали транслируется тип экономического эффекта, на долгосрочный имидж или прямая конверсия в найм. Имидж формирует воронку, конверсия ее закрывает. В целях эффективной работы данного механизма, для компании важно не концентрироваться исключительно на одном типе эффекта.

Наложение этих координат образует четыре квадранта, соответствующих различным стратегиям позиционирования.

Квадрант III (низкая креативность – имиджевый эффект). Здесь сосредоточено большинство компаний ТЭК (рейтинги работодателей, дни открытых дверей, благотворительность). Эти инструменты создают позитивный фон, но не формируют эмоциональной связи с кандидатом. Компания узнаваема, но не различима. Примеры: ЭЛ5-Энерго, ЭН+, Лукойл, Татнефть, присутствуют в публичном поле, но без выхода в креативные HR-коммуникации.

Квадрант IV (низкая креативность – долгосрочный эффект). Образовательные программы, промышленный туризм, наставничество критически важны, но их эффект отсрочен во времени. Примеры: ЯТЭК с программой «Влюбиться в индустрию – остаться в регионе», «Газпром нефть» («Навигатор карьеры», психологическая поддержка сотрудников), «Росатом» (профильные классы, олимпиады, инженерные школы). Все компании объединяет понимание о том, что кадры нужно выращивать.

Квадрант II (высокая креативность – имиджевый эффект). Спонсорство, нестандартная наружная реклама обеспечивают широкий охват и формируют образ «современной компании», но слабо конвертируются в отклики. Кандидат запоминает бренд, но не совершает целевого действия. Категория представлена крупными бюджетами на внешние коммуникации: «Газпром» (городские пространства, спонсорство событий), «Роснефть» (спортивные мероприятия), «Новатэк» (арктические экспедиции). Компании успешно решают задачу узнаваемости, но не используют потенциал креативных форматов для измеримого результата.

Квадрант I (высокая креативность – прямая конверсия). Инструменты, реализующие потенциал экономики впечатлений для решения бизнес-задач: digital-мэтчинг и игры вовлекают аудиторию и конвертируют это в отклики. Креативность и прагматизм усиливают друг друга. Лидером направления выступает СИБУР. Проект с приложением для знакомств Twinby обеспечил 16 650 прохождений и конверсию 47 %. Игра «МЭМО» объединила онлайн-формат и офлайн-активации в 10 вузах, охват 1 млн показов, вовлечение 17,3 % учащихся целевых факультетов. Эти результаты доказывают, что креативные форматы дают измеримый конверсионный эффект.

При этом важно, что компании-лидеры не отказываются от традиционных инструментов. Напротив, попадание в квадрант I фиксирует надстройку над базисом. СИБУР сохраняет присутствие в рейтингах и образовательных программах. В матрице фиксируется не замещение, а эволюционное расширение инструментария и диверсификации портфеля коммуникаций.

Заключение

Исследование подтвердило стратегический разрыв между доминирующими HR-практиками в ТЭК и потребностями отрасли. Большинство компаний ориентируются на формальные рейтинги, в то время как рынок требует

эмоциональной вовлеченности и персонализированного взаимодействия. Успешные кейсы СИБУР, ЯТЭК, «Газпром нефть», доказывают применимость инструментов экономики впечатлений в ТЭК. Digital-мэтчинг, геймификация, иммерсивные программы не только формируют позитивный образ, но и обеспечивают измеримые результаты (конверсию в найм, рост лояльности и появление амбассадоров бренда).

Предложенные модели позволяют перейти от описания практик к стратегическому позиционированию. Процессная модель фиксирует логику трансформации HR-бренда (от трансляции к взаимодействию). Матричная модель диагностирует текущее положение и целевой ориентир, где креативность соединяется с прямой конверсией.

Ключевой вывод исследования заключается в необходимости тиражирования успешных практик. Системное внедрение экономики впечатлений не только закрывает вакансии, но и формирует у молодого поколения восприятие ТЭК как отрасли, где технологии встречаются с человеческим фактором, создавая основу для долгосрочного кадрового суверенитета.

Список используемых источников

1. «Влюбиться в индустрию – остаться в регионе»: программа адаптации ЯТЭК признана одной из лучших в России // Пресс-служба ЯТЭК. 22.10.2025. Электронный ресурс URL: https://clck.ru/3TFjjK (дата обращения: 23.02.2026).

2. Как бренд работодателя влияет на привлечение кандидатов // Росэлторг. [Электронный ресурс]. URL: https://cv.roseltorg.ru/journal/article/kak-brend-rabotodatelya-vliyaet-na-privlechenie-kandidatov (дата обращения: 21.02.2026).

3. Мартынова О.Ю. Особенности применения маркетинга при подборе персонала в социальной сети // Человек. Социум. Общество. 2023. № 12. С. 260–262.

4. На форуме TNF в Тюмени выбрали лучшие проекты для сотрудников предприятий // Энергия+. 18.09.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TFjo3 (дата обращения: 24.02.2026).

5. Нейросеть озвучила экскурсию по заводу СИБУРа // СИБУР. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sibur.ru/ru/press-center/news-and-press/neyroset-ozvuchila-ekskursiyu-po-zavodu-sibura/ (дата обращения: 23.02.2026).

6. Привлечь и удержать молодежь в ТЭК помогут три главных условия // Энергетика и промышленность России. 20.10.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.eprussia.ru/news/base/2025/947538.htm (дата обращения: 21.02.2026).

7. Рабочий алгоритм любви: как «СИБУР» превратил карьерный поиск в мэтч с призванием // Sostav.ru. 12.11.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TFjsN (дата обращения: 22.02.2026).

8. СИБУР запускает нестандартную HR-кампанию в аэропортах пяти городов России: привлечение сотрудников через заботливый подход // Odelax.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TFju7 (дата обращения: 21.02.2026).

9. СИБУР запустил тематический интерактивный поезд в московском метро // Plastinfo.ru. 21.08.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://plastinfo.ru/information/news/55747_21.08.2025/ (дата обращения: 21.02.2026).

10. Системный оператор обсудил с компаниями отрасли опыт привлечения и удержания молодых специалистов на РЭН-2025 // Вести в электроэнергетике. 19.10.2025. [Электронный ресурс]. URL: http://vesti.energy-journals.ru/sistemnyy-operator-obsudil-s-kompani (дата обращения: 21.02.2026).

11. Фиджитал-погружение в карьеру: спецпроект СИБУР «MEMO» TheHRD.ru. 05.07.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://thehrd.ru/articles/fidzhital-pogruzhenie-v-kareru-specproekt-sibur-memo/ (дата обращения: 22.02.2026).

12. HR-метрики, которые влияют на бизнес // TenChat. 24.08.2025. [Электронный ресурс]. URL: https://tenchat.ru/media/3715677-hrmetriki-kotoryye-realno-vliyayut-na-biznes/ (дата обращения: 02.03.2026).

ПЛАТФОРМЕННАЯ ЭКОНОМИКА: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РАЗВИТИЯ

Яговцева А.А. – студент, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Научный руководитель: Гвоздева Е.А. – к.э.н., доцент, ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Аннотация

В статье представлен анализ основных тенденций развития платформенной экономики России. Выявлены системные вызовы, связанные с доминированием цифровых платформ, включая непрозрачность алгоритмов, правовую неопределенность статуса «гиг-работников» и сложность налогового контроля. Особое внимание уделено оценке перспектив развития платформенной экономики в связи с принятием Федерального закона от 31.07.2025 №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ».

Введение

Исторически в основе экономической мощи лежало владение ресурсами – будь то нефтяные вышки или конвейерные линии. Однако сегодня реальность изменилась. Ключевую роль стали играть компании принципиально иного типа, чья ценность определяется не владением, а способностью организовать и оптимизировать взаимодействие между продавцами (или исполнителями) и покупателями. Этот феномен получил название платформенной экономики – бизнес-модели, в рамках которой цифровые платформы выступают универсальными посредниками, создавая виртуальное пространство для миллионов транзакций, не являясь при этом производителем или прямым продавцом товаров и услуг. Эта глобальная трансформация не обошла стороной и российский рынок, где цифровые платформы за несколько лет стали частью повседневности для огромного числа людей, перестав быть технологической экзотикой.

Объекты и методы

Согласно исследованию НИУ ВШЭ, доля россиян, имеющих опыт получения дохода с помощью цифровых платформ, достигает 8–10% взрослого населения. Это значит, что миллионы людей становятся активными участниками платформенной экономики [5].

По информации Mediascope на 2024 год, ежемесячная аудитория маркетплейсов в России превышает 70 миллионов пользователей, что эквивалентно более чем половине всего населения страны. По данным, предоставленным Ассоциацией компаний интернет-торговли (АКИТ) совместно со Сбербанком, объем российского рынка интернет-торговли в 2023 году превысил 6 трлн рублей [5].

Рассмотрим, как данные тенденции преломляются в показателях отдельных платформ. Годовой отчёт Ozon свидетельствует о том, что в 2024 году оборот компании достиг 2,9 трлн рублей, увеличившись на 64 % по сравнению с

предыдущим годом. Количество активных покупателей превысило 56,5 млн, а продавцов – 600 тыс. [6], что подтверждает вовлечение существенной части предпринимательского сектора в платформенную экономику.

Яндекс, в свою очередь, демонстрирует уверенный рост в сегментах мобильности и электронной коммерции. В 2024 году финансовые показатели компании достигли нового рубежа: выручка впервые превысила 1 трлн рублей. GMV сервисов Райдтеха (такси, каршеринг) составил 1 465 млрд рублей (+33 %), а GMV электронной коммерции (Маркет, Лавка, Еда) – 956 млрд рублей (+48 %) [2]. Данные показатели подтверждают системную роль Яндекса как одного из ключевых драйверов платформенной экономики.

За этими цифрами стоит фундаментальная трансформация правил игры. Платформы меняют саму логику бизнеса: они становятся центральным звеном между производителем и потребителем, словно «отрезая» основных участников рынка друг от друга [4]. Труд в условиях платформенной экономики также претерпевает изменения: появляется новый тип занятости – гибкий, внештатный, основанный на задачах. Сдвиг не обходит стороной и потребительское поведение: повышаются требования к традиционному сервису, поскольку клиенты привыкают моментально получать товары и услуги.

Таким образом, описанные глобальные преобразования полностью воплотились в российских реалиях, что стало причиной формирования отечественных IT-гигантов, ориентированных на построение замкнутых экосистем. Однако новая конфигурация рынка, несмотря на присущую ей высокую степень эффективности, порождает внутренние проблемы, заключающиеся в рисках и противоречиях.

Результаты и их обсуждение

Парадокс платформенной экономики состоит в том, что основополагающее преимущество данной бизнес-модели, а именно – способность концентрировать ресурсы и налаживать эффективные связи, в конечном итоге становится источником её уязвимости [4]. Достигнув определенного масштаба, виртуальные площадки столкнулись с проблемами, которые невозможно решить в рамках их собственных внутренних механизмов и принципов функционирования.

Первостепенной и наиболее заметной проблемой является вызов, связанный с функционированием торговых площадок, организованных цифровыми платформами. Возникновение конфликта интересов неизбежно, когда субъект,

ответственный за организацию и эффективное функционирование рынка, является его ключевым бенефициаром и арбитром [4]. Одним из проявлений данной проблемы является непрозрачность алгоритмов: механизмы, определяющие порядок отображения контента, формирование стоимости услуг и применение ограничений и блокировок, представляют собой «черный ящик», не подлежащий оспариванию [1, 3]. Усугубляет ситуацию практика одностороннего снижения цен на товары продавцов с целью проведения акций на площадке маркетплейса, что является прямым нарушением финансовой независимости контрагента. Наряду с ценовым давлением, серьёзную угрозу представляют внезапные изменения пользовательских соглашений, вынуждающие партнеров принимать новые, менее выгодные условия или прекращать сотрудничество с платформой.

Помимо проблемы с непрозрачностью алгоритмов, фундаментальный вызов связан с правовым статусом «гиг-работников». Для лиц, занятых в экономике цифровых платформ, не предусмотрены механизмы обеспечения гарантированного минимального заработка, оплачиваемого отпуска, компенсации по временной нетрудоспособности и формирования пенсионных накоплений. Финансовая устойчивость «гиг-работников» подрывается тем, что их доход определяется алгоритмами и оценками автоматизированных систем [1], а не стабильными факторами.

Наконец, расширение влияния платформ порождает принципиально новые вызовы и для государства, роль которого претерпевает фундаментальные изменения: от традиционного регулятора к активному участнику многогранных цифровых экосистем. Возникают трудности, связанные с контролем налоговых поступлений, формирующихся из доходов, циркулирующих через запутанные структуры платформ и их контрагентов.

Ответом на этот системный вызов стал Федеральный закон от 31.07.2025 №289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в РФ», призванный упорядочить существующие стихийные отношения, переводя их в регулируемое правовое русло.

Содержание закона позволяет рассматривать его не только как декларацию намерений, но и как набор конкретных правовых механизмов, каждый из которых направлен на один из выявленных системных вызовов. Вместо общего вопроса о целесообразности, теперь ключевым становится конкретный инструментарий: какие именно законодательные механизмы будут задействованы для устранения

выявленных проблем, связанных с отсутствием необходимого порядка. Рассмотрим ключевые положения закона о платформенной экономике как ответ на системные вызовы (Табл. 1), составленной на основе положений ФЗ №289-ФЗ от 31.07.2025 [3].

Табл. 1

Ключевые положения ФЗ №289-ФЗ от 31.07.2025 как ответ на системные вызовы платформенной экономики [3]

Системный вызов	**Ключевое положение закона (ответ)**	**Ожидаемый регуляторный эффект**
1. Непрозрачность и произвол в управлении цифровой площадкой (Непредсказуемость алгоритмов, односторонние изменения правил, скидки за счёт продавца).	1. Раскрытие принципов ранжирования и формирования рейтингов. 2. Запрет на проведение скидок без явного согласия продавца. 3. Уведомление за 45 дней об изменении ключевых условий договора. 4. Введение досудебного порядка обжалования решений платформы для партнёра.	Формирование прозрачных и предсказуемых регуляторных механизмов. Минимизация информационного дисбаланса, переход от нерегламентированного функционирования алгоритмов к стандартизированным процедурам, обеспечение защиты экономических интересов продавцов и покупателей.
2. Правовая неопределённость статуса «гиг-работника» (Отсутствие социальных гарантий, зависимость от алгоритмического контроля, невозможность защиты прав).	1. Чёткое правовое определение партнёра-самозанятого. 2. Гарантия отдельной выплаты за каждый выполненный заказ. 3. Запрет на включение в договоры условий, характерных для трудовых отношений (фиксированный график, подчинение правилам внутреннего распорядка).	Формализация статуса без наделения полными трудовыми правами. Легализация гибкой занятости, снижение рисков для платформ, создание минимальных правовых ориентиров для работников при сохранении модели.

Продолжение табл. 1

3. Сложность государственного контроля и налогообложения («Теневизация» доходов, концентрация данных и инфраструктуры в частных руках).	1. Обязанность оператора платформы проверять данные партнёров. 2. Передача информации о доходах партнёров в Федеральную налоговую службу (ФНС). 3. Ведение государственного реестра посреднических цифровых платформ.	Интеграция платформ в систему государственного управления. Появление инструментов для налогового администрирования, повышение прозрачности финансовых потоков, усиление контроля над цифровой инфраструктурой.

Заключение

Таким образом, закон представляет собой комплексное решение, а не набор разрозненных изменений. Его нормы направлены на системное перераспределение ответственности в цифровой экосистеме. В то время как ранее продавцы и исполнители принимали на себя основные риски, связанные с возможным алгоритмическим произволом, финансовым давлением и правовой неопределённостью, текущее законодательство обязывает платформы разделить это бремя. Данный эффект достигается через требования к прозрачности, согласованию ключевых решений и внедрению процедурного диалога. Новый закон не разрушает саму модель платформенной экономики, а стремится к достижению баланса между ее функционированием и общественными потребностями. Дальнейшее развитие сектора будет определяться способностью эффективно поддерживать равновесие между свободой предпринимательства, защитой прав партнеров и фискальными интересами государства.

Список используемых источников

1. Алексахин А.Н., Алексахина С.А., Горшкова А.А., Байтимерова Л.С. Современные тенденции развития платформенной экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 5. С. 45–51.

2. МКПАО «Яндекс». Годовой отчет 2024 // Яндекс. 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://ir.yandex.ru (дата обращения: 08.03.2026).

3. Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации: федер. закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ (вступил в силу 1 октября 2026 г.). // Доступ из справ.-правовой системы «Контур.Норматив».

[Электронный ресурс]. URL: https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=500750 (дата обращения: 12.03.2026).

4. Срничек Н. Капитализм платформ // пер. с англ. и науч. ред. М. Добряковой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 128 с.

5. Что такое платформенная экономика и почему она меняет мир? // Финансовый университет при Правительстве РФ: официальный сайт. 2025 [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TFnmM (дата обращения: 08.03.2026).

6. Ozon Holdings PLC. Годовой отчет 2024 // Ozon. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://ir.ozon.com/ru/ (дата обращения: 08.03.2026).

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕКА ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ «ЗАКРЫТИЯ» ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОГО ПЕРЕЕЗДА

Бацеко М.А. – аспирант, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения»

Научный руководитель: Мартишина Н.И. – д.филос.н., профессор, ФГБОУ ВО «Сибирский государственный университет путей сообщения»

Аннотация

В статье рассматриваются психофизиологические особенности поведения водителей при длительном ожидании «открытия» железнодорожного переезда, включая условия отказа технических средств инфраструктуры. Проанализированы механизмы восприятия времени ожидания, причины возникновения рискованных решений и влияние внешних факторов на вероятность нарушений правил движения. Рассмотрена проблема рецидивов нарушений. Уделено внимание формированию культуры безопасности населения как элементу профилактики аварийности.

Введение

Исследование поведения водителей автотранспортных средств в момент следования через железнодорожный переезд является сложным и многогранным вопросом. Во-первых, железнодорожные переезды представляют собой сложные транспортные узлы, в которых пересекаются потоки различных видов транспорта. Не только скорость движения поездов значительно превышает скорость автомобильного транспорта, но и тормозной путь железнодорожного состава может составлять до нескольких километров. В результате даже незначительное нарушение правил дорожного движения водителями автотранспортных средств может привести к тяжелым последствиям. Во-вторых, поведение людей в данной ситуации зависит не только от внешних факторов, но и психофизиологических качеств каждого отдельного индивидуума.

Статистика дорожно-транспортных происшествий [5] показывает, что основная часть таких ситуаций на железнодорожных переездах связана напрямую с нарушением правил дорожного движения водителями автотранспортных средств,

выраженные в пересечении переезда при запрещающем сигнале светофора или при закрытых шлагбаумах. Например, в августе 2025 года в Ленинградской области произошла авария, в которой автобус выехал на железнодорожный переезд перед приближающимся поездом. В результате столкновения один человек погиб и несколько получили травмы [4]. Аналогичные происшествия происходят и в других регионах. Так, в одном из случаев в Татарстане водитель легкового автомобиля находясь в состоянии когнитивного напряжения выехал на железнодорожный переезд при запрещающем сигнале светофора и столкнулся с локомотивом, что привело к его гибели [8].

Анализ подобных происшествий показывает, что ключевым фактором их возникновения является человеческий фактор. Водители нередко принимают осознанное решение о пересечении закрытого железнодорожного переезда, не давая объективной оценки риску. В подобных ситуациях они руководствуются субъективным ощущением безопасности или стремлением сократить время ожидания.

Особенно опасными являются ситуации, когда на железнодорожном переезде происходит отказ технических средств, приводящий к длительному закрытию переезда без видимых для людей причин. В условиях, когда не видно приближения поезда, а светофор сигнализирует красным цветом возрастает вероятность того, что водитель примет решение о пересечении путей.

Целью настоящего исследования является анализ психофизиологических особенностей поведения человека в условиях длительного ожидания на железнодорожном переезде и выявление факторов, влияющих на принятие рискованных решений.

Методология и методы исследования

Объектом исследования являются участники дорожного движения, находящиеся в зоне железнодорожных переездов.

Предмет исследования: психофизиологические реакции человека в условиях ожидания (в том числе длительного) на железнодорожном переезде при отказе технических средств регулирования движения.

Методологическую основу исследования составляет системный подход к анализу безопасности транспортных систем. Согласно данному подходу, транспортная система рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов: человека, технических средств, инфраструктуры и окружающей среды.

Нарушение функционирования любого из этих элементов может привести к возникновению аварийной ситуации [9].

В рамках исследования были применены методы анализа научной литературы по проблемам безопасности движения; сравнительного анализа исследований поведения водителей; системного анализа факторов, влияющих на безопасность движения. Использование указанных методов позволило выявить основные психофизиологические факторы, влияющие на поведение водителей при длительном ожидании открытия железнодорожного переезда.

Анализ психофизиологических особенностей восприятия ожидания на железнодорожных переездах

Ожидание чего-либо для человека является одним из распространенных психологических состояний, возникающих в процессе повседневной деятельности. Во многих сферах жизнедеятельности подобное состояние возникает постоянно – следование на личном и общественном транспорте на работу и обратно (особенно это ярко выражено в крупных городах), поход на прием к врачу, обед в местах общественного питания в часы «бизнес-ланча». Особенность восприятия времени человеком заключается в том, что субъективная оценка длительности ожидания нередко отличается от фактического времени. Психологические исследования показывают, что в условиях неопределенности и отсутствия конкретной информации время воспринимается человеком как более продолжительное, чем в действительности.

Поэтому у водителя транспортного средства, находящегося перед закрытым железнодорожным переездом и не видящего следующий по нему поезд, ожидание вызывает психологическое напряжение (иными словами, он начинает «терять терпение»). В психологии установлено, что ожидание в условиях неопределенности вызывает у человека состояние когнитивного напряжения. Длительное время нахождения перед закрытым железнодорожным переездом вызывает у человека такие изменения как повышение уровня раздражения, снижение концентрации внимания и увеличение склонности к импульсивным решениям стремясь минимизировать время ожидания.

С точки зрения психофизиологии подобные ситуации сопровождаются активацией стрессовых механизмов организма. При длительном ожидании в условиях неопределенности активизируется симпатическая нервная система, что приводит к повышению физиологического напряжения, учащению сердечного

ритма и увеличению концентрации стрессовых гормонов, в частности кортизола [12]. Подобные реакции направлены на мобилизацию ресурсов организма. Однако при продолжительном воздействии стрессового фактора увеличивается когнитивная нагрузка на человека, а в сочетании с эмоциональным напряжением это приводит к ухудшению способности объективно оценивать ситуацию и повышает вероятность импульсивных решений.

Кроме того, с течением времени эмоциональное состояние человека изменяется. Первоначально водители воспринимают ожидание как временную и неизбежную задержку, однако с увеличением времени возникает беспокойство и стремление быстрее покинуть место остановки, поэтому начинаются размышления о попытках самостоятельной оценки степени опасности и принять решение о пересечении железнодорожных путей в нарушение требований правил дорожного движения. Исследования поведения участников дорожного движения показывают, что увеличение времени ожидания на железнодорожных переездах приводит к росту уровня раздражения и повышает вероятность рискованных действий со стороны водителей [11].

Дополнительным фактором является утомление, возникающее при длительном ожидании. В транспортной среде это может приводить к снижению скорости реакции водителя и ухудшению способности своевременно реагировать на сигналы железнодорожной сигнализации.

Подобные изменения психоэмоционального состояния оказывают влияние в первую очередь на внимание и способность человека адекватно оценивать обстановку. При повышении эмоционального напряжения снижается способность к концентрации внимания и увеличивается вероятность принятия импульсивных решений.

Исследования показали, что в случаях наблюдения водителей за поведением других участников движения некоторые из них испытывают социальное давление и склонность повторять действия окружающих. В случае, если один из водителей принимает решение о нарушении правил и пересечении железнодорожного переезда при запрещающем сигнале светофора, другие участники движения могут воспринять подобное поведение как допустимое. Такая модель поведения объясняется механизмом социального подражания. Человек склонен считать безопасным действие, которое уже было совершено другим человеком. В результате чего, формируется эффект «социального подражания», который лишь

способствует распространению рискованного поведения. В дальнейшем подобное поведение может закрепляться и превращаться в устойчивую привычку. С точки зрения криминологического анализа нарушений правил дорожного движения подобные действия могут рассматриваться как форма противоправного поведения, направленного против безопасности дорожного движения [3].

Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, формируется эффект ложной безопасности: человек считает возникновение риска столкновения с поездом минимальным, так как предыдущий опыт нарушений не сопровождался негативными последствиями. Во-вторых, происходит постепенное снижение уровня восприятия опасности: при повторении аналогичных ситуаций водитель начинает воспринимать запрещающий сигнал как формальное ограничение, которым возможно пренебречь. В-третьих, большое влияние оказывает поведение других участников движения.

Значительное влияние на восприятие риска оказывает и личный опыт водителя. Если водитель ранее уже нарушал правила пересечения железнодорожного переезда, но при этом не понес наказания и не столкнулся с опасными последствиями, то у него формируется ложное ощущение безопасности. После первого успешного нарушения правил без негативных последствий вероятность повторного нарушения возрастает. С точки зрения психологии подобное явление объясняется механизмом поведенческого подкрепления – если действие приводит к желаемому результату (например, позволяет сократить время ожидания), человек склонен повторять его в аналогичных ситуациях.

Не стоит забывать и о том, что ко всему вышесказанному дополнительным фактором риска является влияние окружающей среды. В частности, водители не учитывают ограниченную видимость железнодорожных путей, которая может быть обусловлена особенностями рельефа местности, наличием строений, зеленых насаждений или кривыми участками железнодорожного пути.

Кроме того, всегда присутствует вероятность возникновения ситуаций, при которых транспортное средство может оказаться заблокированным на железнодорожных путях. Данные случаи могут возникать при технической неисправности автомобиля, ухудшении погодных условий и других обстоятельствах. Особую актуальность данная проблема приобретает в зимний период: наличие снежного покрова, гололедицы и снежных заносов приводит к снижению сцепления колес транспортного средства с дорожным покрытием. Стоит

отметить, что неблагоприятные погодные условия (дождь, снег, туман) аналогичным образом существенно повышают вероятность дорожно-транспортных происшествий на железнодорожных переездах [11]. А в сочетании с темным время суток значимость рисков только растет.

Таким образом, психофизиологическое состояние человека в условиях длительного ожидания перед железнодорожным переездом может существенно влиять на принимаемые им решения и поведение в транспортной ситуации.

Оценка влияния продолжительности «закрытия» переезда на состояние и поведение человека

Элементы железнодорожной инфраструктуры на железнодорожных переездах предназначены для предупреждения участников дорожного движения о приближении поезда, а также предотвращения выезда автотранспортных средств на пути в момент следования по нему поезда. К таким средствам относятся светофорная сигнализация, шлагбаумы, звуковая сигнализация, системы видеонаблюдения и автоматизированные комплексы контроля.

Однако даже при наличии современных систем регулирования движения невозможно полностью исключить их безаварийную работу. Отказы технических средств имеют различную природу происхождения (неисправность отдельных элементов, нарушение электропитания, неблагоприятные погодные условия или технические сбои), но итог всегда один – нарушение исправного функционирования элементов инфраструктуры, обеспечивающих безопасность движения на железнодорожном переезде. В подобных ситуациях светофорная сигнализация или «ложно» сигнализирует запрещающее показание светофора, или не сигнализирует вовсе. И в том, и в другом случае у водителей возникает неопределенность относительно реальной степени опасности ввиду отсутствия информации о причинах и продолжительности закрытия переезда или фактическому следования поезда на участке приближения.

С точки зрения системного анализа безопасности транспортных систем подобная ситуация представляет собой нарушение взаимодействия между элементами системы «человек – техника – инфраструктура» [9]. Безопасность транспортных процессов рассматривается как результат взаимодействия нескольких взаимосвязанных элементов: человека, технических средств и окружающей среды. Нарушение устойчивости любого из этих элементов способно привести к возникновению опасной ситуации. Человеческий фактор в подобных

системах играет особую роль и в отличие от технических устройств, поведение человека подвержено влиянию психологических, социальных и ситуационных факторов. В условиях неопределенности, возникающей при отказе технических средств регулирования движения, водитель вынужден самостоятельно интерпретировать дорожную ситуацию и принимать решение о дальнейшем поведении. Если визуальное восприятие сигналов светофора оказывается не однозначно для водителя, то возрастает вероятность принятия им ошибочного решения. Таким образом, надежность функционирования транспортной системы определяется не только техническим состоянием оборудования, но и особенностями восприятия информации человеком.

Принципы формирования культуры безопасности как фактора снижения аварийности

Анализ причин дорожно-транспортных происшествий показывает, что одних только технических мер недостаточно для обеспечения безопасности на железнодорожных переездах. Даже при наличии современных систем сигнализации и автоматизации аварии продолжают происходить. Это связано с тем, что ключевым элементом транспортной системы остается человек. Поэтому важнейшим направлением повышения безопасности движения является формирование культуры безопасности среди населения.

Понятие культуры безопасности включает совокупность знаний, ценностей и моделей поведения, направленных на предотвращение опасных ситуаций и минимизацию рисков. Согласно философскому подходу к проблеме безопасности, культура безопасности формируется на основе осознания человеком потенциальных угроз и личной ответственности за соблюдение правил безопасности [2].

В исследованиях подчеркивается, что культура безопасности является не только техническим, но и социокультурным явлением. Она формируется в процессе воспитания, образования и общественного взаимодействия.

С точки зрения современных исследований безопасность сложных технических систем напрямую зависит от уровня культуры безопасности участников этих систем [1].

В транспортной сфере культура безопасности проявляется в готовности участников дорожного движения соблюдать правила даже в условиях, когда контроль со стороны государства отсутствует.

Формирование культуры безопасности предполагает развитие у участников дорожного движения таких качеств как осознание реальных рисков нарушения правил движения, понимание последствий опасных действий и ответственность за безопасность окружающих. Особое значение имеет формирование культуры безопасности у молодых водителей.

Водители с небольшим стажем чаще допускают рискованные действия на железнодорожных переездах, что связано с недостаточным опытом оценки дорожной обстановки и склонностью к переоценке собственных возможностей. Поэтому важную роль в формировании культуры безопасности играют образовательные программы и информационные кампании.

К таким мероприятиям относятся обучение правилам пересечения железнодорожных переездов в автошколах, информационные кампании о последствиях нарушений, демонстрация реальных примеров аварий. Практика показывает, что использование реальных примеров дорожно-транспортных происшествий способствует более эффективному восприятию информации о рисках. Когда человек осознает, что нарушение правил может привести к гибели людей, вероятность опасного поведения снижается.

Формирование культуры безопасности является длительным, но эффективным способом профилактики нарушений правил дорожного движения и зарождения в сознании человечества понимания безопасности как личной, так и общества в целом [1].

Заключение

Проведенный анализ показал, что длительное ожидание на переезде, в том числе при отказе технических средств, приводит к снижению дисциплины участников дорожного движения и увеличению вероятности принятия рискованных решений. Одной из ключевых причин подобных нарушений является субъективное восприятие времени ожидания. В условиях неопределенности водители начинают сомневаться в необходимости соблюдения запрета на движение.

Особую опасность представляет ситуация, когда водитель впервые нарушает требования безопасности и остается безнаказанным, что в дальнейшем увеличивает вероятность повторения аналогичного нарушения. Кроме того, водители нередко принимают решение о пересечении переезда, не оценивая ситуацию всесторонне, не учитывая ряд внешних факторов.

Снижение аварийности на железнодорожных переездах возможно только при комплексном подходе, включающем совершенствование технических средств регулирования движения, развитие систем контроля и формирование культуры безопасности среди населения.

Список используемых источников

1. Бацеко М.А. Культура безопасности: от философского понятия к современному применению // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2025. № 4. С. 63–67.

2. Бацеко М.А. Философия безопасности: социокультурное содержание и техническое применение // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения: Гуманитарные исследования. 2025. № 3. С. 57–63.

3. Бражников В.В. Нарушение правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств в системе преступлений против безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта // Инновационная наука. 2024. №12-2-2. С. 161–162.

4. В Ленобласти автобус с туристами столкнулся с поездом на переезде // РБК. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.rbc.ru/society/04/08/2025/689038b39a7947c5ff05fc28 (дата обращения: 25.02.2026).

5. ДТП и пострадавшие на железнодорожных переездах // ГосАвтоИнскпеция. 2025. [Электронный ресурс]. URL: http://stat.gibdd.ru/ (дата обращения: 10.03.2026).

6. Колмогорова Т.В. Меры по повышению уровня безопасности движения на железнодорожных переездах // Вестник Сибирского государственного университета путей сообщения. 2012. № 28. С. 41–45.

7. Кузин А.А., Мякиньков А.В., Фомина К.С., Шабалин С.А. Способ пространственной обработки для радара системы контроля железнодорожного переезда // Известия вузов России. Радиоэлектроника. 2022. № 5. С. 42–55.

8. Поезд снес легковушку, выехавшую на ж/д переезд в Татарстане, водитель авто погиб // Татар.Информ. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3T7ZS9 (дата обращения: 25.02.2026).

9. Самсонкин В.Н. Системный подход в проблеме управления безопасностью движения // Наука и прогресс транспорта. // Вестник

Днепропетровского национального университета железнодорожного транспорта. 2005. № 8. С. 101–106.

10. Федоров П.А. Повышение безопасности дорожного движения с использованием средств индивидуальной мобильности // Закон и право. 2024. № 12. С. 120–123.

11. Badshah I., Ali A., Lu P. Risky User Behavior at Highway–Rail Grade Crossings: A Systematic Literature Review with Empirical Insights // Applied Sciences. 2025. [Electronic resource]. URL: https://www.mdpi.com/2076-3417/15/22/12021 (date of treatment: 06.03.2026).

12. Sapolsky R.M. Why Zebras Don’t Get Ulcers. New York: Holt Paperbacks, 1993. 560 p.

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОРПУСА «WORT DES JAHRES»: ФОРМАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ, ЧАСТЕРЕЧНАЯ СТРУКТУРА И ГЕНЕЗИС ЛЕКСИКИ

Боднарчук Р.М. – студент, УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Научный руководитель: Пилипенко С.А. – к.филол.н., доцент, УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Аннотация

В данной статье рассматриваются формальные признаки, частеречная принадлежность и генезис лексических единиц социолингвистического проекта «Слово года» в Германии. Работа носит двусторонний характер, так как был проведен лингвистический и социологический анализы. Исследование слов-маркеров социолингвистического корпуса основывалось на эмпирической базе официального представителя проекта – gfds.de. Социологический анализ позволил определить приоритетные сферы жизни общества, повлиявшие на лексический корпус проекта. Лингвистический анализ раскрыл специфику формальных признаков и частеречной принадлежности лексических единиц корпуса.

Введение

Язык – это динамичная система, реагирующая мгновенно на всевозможные изменения в жизни общества. Доказательством к вышесказанному является немецкий проект «Слова года» (Wort des Jahres). Данный социолингвистический проект был создан Обществом немецкого языка (Gesellschaft für deutsche Sprache). Жюри, председателем которого на настоящий момент является Петер Шлобинский,

избирает ключевые лексические единицы конкретного года, которые наилучшим образом отражают политическую, социальную и культурную жизнь страны. Выбор слова года осуществляется с 1971 года и по сегодняшний день.

Наша статья посвящена анализу лексических единиц проекта «Wort des Jahres», которые мы проанализируем касательно трех аспектов: графико-орфографический облик, частеречная принадлежность и этимологическое происхождение.

Экспериментальная часть

Начнем наш анализ с формальных признаков. Формальные признаки слова передают его внешний графико-орфографический облик. В основе немецкой письменности лежит официальный свод правил, который был издан Советом по немецкой орфографии, устанавливающий официальный стандарт, и тем самым является базовой нормой правописания. Структура и форма этих правил восходят к редакции, принятой в 1996 году в ходе орфографической реформы. «Они состоят из раздела с правилами и списка слов. В настоящее время список слов содержит около 7000 записей, некоторые из которых имеют варианты написания (например, «*aufgrund/auf Grund*» или *«Biografie/Biographie*»)» [1]. С целью достижения общего мнения между сторонниками и критиками реформы, были внесены изменения касательно Официальных правил, установленных в 1996, 2004 и 2006 годах. В ходе ее масштабной реформы (1996–2006) произошло значительное переосмысление правил правописания, что стало одним из важнейших языковых преобразований последнего столетия. Опыт немецкой орфографической реформы служит важным примером для других стран в вопросах языковой политики и может быть использован при формировании единого культурного пространства в странах с общим языком. Реформа не только упростила правила правописания, но и помогла сохранить богатое языковое наследие немецкого языка для будущих поколений.

К ключевым формальным признакам слов в немецком языке относят: написание со строчной или прописной букв, наличие дефиса (*Ampel-Aus*) или косой черты (*September/Oktober-Heft*), кавычек, хештегов, буквенно-цифровых комбинаций (*COVID-19*), сокращений и аббревиатур (*AKW*). Нельзя не учитывать специальные символы: @ – коммерческое at, неофициально – «собака»; % – знак процента; амперсанд – &; астериск – для гендерно-нейтрального написания (*die Arzt*innen*). Также типичными графико-орфографическими показателями немецкой лексики являются эсцет *(ß – heißen)* и умлауты *(ä, ü, ö – die Mütter).*

После проведенного нами анализа выяснилось, что размещенный на официальном сайте список лексических единиц с 1971, 1977–2025 гг. не содержит такого разнообразия формальных признаков. Давайте рассмотрим, какие статистические данные в итоге мы получили. Доминирующим признаком, согласно диаграмме, является написание с заглавной буквы, которое составляет 65 % от общего числа (например, *Zeitenwende* (2022), *Krisenmodus* (2023), *Flüchtlinge* (2015), *Finanzkrise* (2008)). Такая высокая частотность напрямую отражает специфику немецкой грамматики, где существительные и субстантивированные части речи пишутся с прописной буквы. Это подчеркивает «именной» характер немецкого языка *(Nominalstil)*, позволяя читателю мгновенно идентифицировать семантическое ядро предложения и быстрее определить грамматическое значение слова в предложении. Остальные формальные признаки распределены в значительно меньшей доле, что свидетельствует о преобладании классических одиночных существительных или сложных слов.

Наличие умлаутов составляет 12 %. Данный показатель подчеркивает сохранение исконной фонетико-графической идентичности немецкого языка в знаковых словах (например, *KI-Ära* (2025), *Flüchtlinge* (2015), *Nulllösung* (1981)). 8 % приходится на написание со строчной буквы десятилетий (например, *postfaktisch* (2016), *aufmüpfig* (1971), *heißer* (*Herbst*) (1983), *konspirative* (*Wohnung*) (1978)).

Использование дефиса (5 %) часто обусловлено необходимостью упрощения визуального восприятия сложных конструкций (*Ampel-Aus* (2024), *Jamaika-Aus* (2017), *Rot-Grün* (1998)). 4 % – сокращения (*GroKo*) и всего лишь 2 % составляют буквенно-цифровые комбинации (*der 11. September*, *Hartz IV*) – минимальный процент этих признаков указывает на их специфический характер. Наличие последних двух признаков подтверждает тенденцию стремления языка к его упрощению. Такое распределение свидетельствует о том, что при выборе слова года предпочтение отдается классическим лексическим единицам немецкого языка. Однако динамика последних лет показывает, что немецкий язык, сохраняя свои традиционные черты, активно следует современной динамике развития. Наличие сокращений и буквенно-цифровых сочетаний подтверждает тенденцию к упрощению языка.

Стоит отметить, что определенные формальные признаки могут варьироваться в зависимости от жанра текста и целевой аудитории. В то время как «Слово года» фиксирует нормативное или общественно-политическое написание.

Как мы уже ранее упоминали, к выбору слов года жюри подходит очень сознательно, так как они выполняют одну из важнейших функций, определяя ключевые моменты в жизни общества за конкретный промежуток времени. Состав жюри включает в себя лингвистов, журналистов и специалистов из других сфер, тем самым позволяя учесть разные аспекты и взгляды [2]. Слово, выбранное в качестве слова года в Германии, не обязательно должно появиться в этом году. При его отборе учитываются популярность и частота употребления. Важно, чтобы слово отражало позитивные тенденции в развитии общества или обозначало наиболее актуальные проблемы.

Части речи немецкого языка разделают на две группы: знаменательные (Vollwörter, Inhaltswörter) и служебные (Hilfswörter) слова. К знаменательным относят имя существительное, прилагательное, числительное, местоимение, глагол, наречие и модальное слово, которые выступают в предложении в качестве самостоятельных членов предложения. К служебным словам относят предлоги, союзы, частицы и артикли. В немецком языке есть пять склоняемых частей речи, среди которых выделяют имя существительное, прилагательное, местоимение, имя числительное и артикль; и одна спрягаемая – глагол. Предлоги, частицы, союзы, модальные слова, междометия и многие наречия являются неизменными частыми речи. Руководствуясь полученными данными, нам удалось определить, какие части речи преобладают в списке выбранных лексических единиц. Давайте подробнее обратимся к анализу частеречных характеристик немецких лексических единиц. Немецкие Слова года отражают тенденцию к номинативности, так как существительные занимают лидирующую позицию (84 %) в проведенном анализе (*Multimedia* (1995), *Stresstest* (2011), *Respektrente* (*2019*), *Respektroutie* (2012)). Для немецкой лингвистической традиции характерно использование сложных существительных. Это не является случайностью, так как для обозначения различных социальных, технологических, политических, а также культурных явлений больше всего подходят имена существительные. Например, слово 2005 года – *Bundeskanzlerin* (канцлер), так как 22 ноября 2005 года Ангела Меркель была избрана первым канцлером-женщиной Германии. Общество немецкого языка выбрало слово *KI-Ära* (эра искусственного интеллекта) в качестве Слова года – 2025. На сайте duden.de данный выбор разъясняется следующим образом: «Искусственный интеллект стал мейнстримом. Сложные алгоритмы, которые обрабатывают огромные объемы данных за доли секунды и, таким

образом, могут имитировать интеллектуальные действия, впервые с начала цифровизации оказывают глубокое влияние на социальные, экономические и культурные процессы» [3].

На второй позиции находятся имена прилагательные (14 %) (*postfaktisch* (2016), *aufmüpfig* (1971), *heißer* (*Herbst*) (1983)), которые в данном случае выполняют оценочную функцию или оценивают качественные изменения в обществе. Относительно имен существительных, процент употребления имен прилагательных ниже, но это можно подтвердить тем, что имена прилагательные не могут в полной мере дать название определенному событию, как это позволяет описать существительное. Таким образом, как было уже выяснено, имена прилагательные придают явлению лишь окраску или определенный контекст. Наименьшую долю (2 %) в анализе занимают числительные. Наиболее ярким примером является *der 11. September (2001),* где порядковое числительное становится ядром номинации. Можно заметить, что имена числительные занимают последнее место в так называемом «рейтинге». Это связано с тем, что, как правило, они используются для определения памятной даты значимого события в жизни страны.

Исконный словарный состав немецкого языка представляет собой фундамент лексической системы, обеспечивающий ее стабильность и преемственность. К исконным словам (Erbwörter) относят лексические единицы, которые восходят к древнегерманскому или индоевропейскому праязыкам и сохранились в процессе исторического развития языка. Эти слова обозначают жизненно важные понятия: родство (Mutter, Vater), части тела (Auge, Hand), явления природы (Sonne, Wasser), базовые действия (essen, schlafen) и числительные. Исконные слова претерпели ряд исторических изменений, например, как второе верхненемецкое передвижение согласных (*p – pf/f, t – s/z; apple – Apfel*). Именно исконные корни служат базой для создания огромного количества производных и сложных слов. В большинстве случаев Erbwörter являются односложными или двусложными в своей корневой основе. В современной лингвистике исконность противопоставляется заимствованиям (Lehnwörter) и чужеродным словам (Fremdwörter), которые вошли в язык в более поздние периоды. Мир постоянно меняется, вместе с ним и язык. Английский язык является на сегодняшний день лингва франка, что не может не оказывать влияние на исконность немецкого языка. Начальный словарный состав немецкого языка представляет собой фундамент лексической системы,

обеспечивающий ее стабильность и преемственность. К исконным словам (Erbwörter) относят лексические единицы, которые восходят к древнегерманскому или индоевропейскому праязыкам и сохранились в процессе исторического развития языка. Они обозначают жизненно важные понятия: родство (*die Mutter, der Vater*), части тела (*das Auge, die Hand*), явления природы (Sonne, Wasser), базовые действия (essen, schlafen) и числительные. Исконные слова претерпели ряд исторических изменений, например, второе верхненемецкое передвижение согласных (*p – pf/f, t – s/z*; *apple – Apfel*). Именно исконные корни служат базой для создания огромного количества производных и сложных слов. В большинстве случаев Erbwörter являются односложными или двусложными в своей корневой основе. В современной лингвисике исконность противопоставляется заимствованиям (Lehnwörter) и чужеродным словам (Fremdwörter), которые вошли в язык в более поздние периоды.

Лексический состав немецкого языка характеризуется значительным объемом заимствований, среди которых доминирующее положение занимают англицизмы. «Англицизм – это заимствование слов из английского языка в какой-либо другой язык, в свою очередь заимствование – это процесс полного или неполного копирования слова или выражения из одного языка в другой» [4]. Межкультурная коммуникация послужила катализатором процесса интеграции иноязычных элементов, что привело к качественному расширению немецкой языковой системы при помощи единиц, которые ранее функционировали исключительно в языке-источнике.

Ряд современных германистов указывает на избыточную частотность иноязычных заимствований в немецком дискурсе. Процесс ассимиляции англицизмов приобрел настолько масштабный характер, что в лингвистике закрепился термин «Denglisch». Английские глаголы *to download* и *to google* адаптировались в немецком языке и спрягаются, как и исконные немецкие глаголы *(downloaden – downloadete – gedownloadet; googeln – googelte – gegoogelt).* Для верификации происхождения таких единиц и анализа их интеграции в лексическую систему целесообразно обращаться к ресурсу DWDS (Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache), который предоставляет исчерпывающие этимологические сведения по каждой лексеме. Данный ресурс также был использован нами при составлении статистики заимствованных единиц в списке Слов года [5].

Одним из ключевых показателей динамики развития языка является происхождение лексики – соотношение исконно немецких слов и заимствований. Анализ данного аспекта позволяет понять: насколько немецкая лексика способна создавать новые понятия, используя собственные корни и словообразовательные модели; как и в каких сферах язык интегрирует внешние влияния, реагируя на глобальные тренды, изменения в технологической и политической областях; какие темы осмысляются «внутренними» средствами языка, а какие приходят извне в качестве готовых понятий.

Высокий процент исконно немецких слов (70 % – *Heißzeit* (2018), *Wutbürger* (2010), *Umweltauto* (1984), *Ellenbogengesellschaft* (1982)) демонстрирует огромный потенциал немецкого языка к созданию новых понятий на собственной базе. Такие слова, как *Zeitenwende, Wellenbrecher, Politikverdrossenheit* идеально соответствуют грамматической и словообразовательной системе языка, что способствует их быстрому усвоению и активному использованию. Присутствие значимой доли заимствований (30 % – *Fanmeilie* (2006), *Szene* (1977), *Tschernobyl* (1986), *Coronapandemie* (2020)) отражает открытость языка и общества к глобальным тенденциям и вызовам.

Заключение

Таким образом, немецкий язык, несмотря на глобализацию и влияние английского, остается в основном самодостаточной системой для номинации ключевых годовых понятий. Заимствования не носят хаотичного характера. Они выполняют конкретную функцию, обозначая то, для чего в момент появления не было готового и точного немецкого эквивалента, в другом случае они могут использоваться как глобальные термины.

Проведенный нами социолингвистический анализ позволяет нам понять, каким является типичное немецкое слово года. Структурируя итоги каждого из трех аспектов рассмотрения лексических единиц проекта «Wort des Jahres», знаменательными чертами является преобладание сложных имен существительных женского рода, соответственно, написание с заглавной буквы, исконно немецких слов. Лингвистическая статистика данных лексических единиц отражает не только сам язык, но и общество, которое на нем говорит. Доминирование имен существительных говорит о стремлении к выбору более четких определений и тем самым к так называемой номинации проблем. Сохранение исконной лексики свидетельствует о крепкой и устоявшейся немецкой системе языка, а также

сильной национальной идентичности. Сокращения, использования дефисов показывают адаптацию языка к современным тенденциям, а именно: упрощению. Таким же образом он спокойно реагирует на влияние, оказанное внедрением терминов из других языков.

Проект «Wort des Jahres» прошел значительный путь развития с момента его рождения в 1971 году. Из языковой инициативы он перерос в важнейший социолингвистический инструмент, который отражает жизнь немецкого общества через призму языка. Проект отражает как лингвистические изменения, так и ключевые события в политической, социальной и культурной жизни страны, тем самым документируя ее историю. Проект является независимым и объективным, что не может не привлекать множество людей. Он способствует формированию национальной идентичности, заостряющей внимание на своеобразии немецкого языка и культуры в глобальном пространстве.

Данную статью я бы хотела закончить цитатой из официального сайта GfdS: *«Слово года документирует не только языковые изменения, но и социальные трансформации» [6]*.

Список используемых источников

1. Григорьева Л.Н. Сравнительный лингвокультурологический анализ немецко- и русскоязычных слов и антислов года. // Немецкая филология в СПбГУ. [Электронный ресурс]. URL: https://germanphilology.spbu.ru/article/view/12267/8421(дата обращения: 18.03.2026).

2. Лаврентьева А.А., Шмелева А.Г. Англицизмы и их использование в качестве терминов на современном этапе развития русского языка // Успехи в химии и химической технологии. 2020. Т. 34, №10. С. 89–91.

3. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache // DWDS.de. [Electronic resource]. URL: https://www.dwds.de/ (date of treatment: 19.03.2026).

4. Grundlagen der deutschen Rechtschreibung // Rechtschreibrat.com. [Electronic resource]. URL: https://www.rechtschreibrat.com/regeln-und-woerterverzeichnis/ (дата обращения: 20.03.2026).

5. Wort des Jahres // GFDS.de. [Electronic resource].URL: https://gfds.de/wort-des-jahres/ (date of treatment: 19.03.2026).

6. Wort des Jahres 2025: “KI-Ära” // DUDEN.de. [Electronic resource]. URL: https://www.duden.de/sprachwissen/sprachratgeber/wort-des-jahres-2025-ki%C3%A4ra (date of treatment: 20.03.2026).

АВТОРСКИЕ ФЛОРООБРАЗЫ В СБОРНИКЕ Л. ТУРБИНОЙ «ОТПЛЫВАЮЩИЙ КАТЕР»

Бугаева М.В. – аспирант, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Научный руководитель: Садко Л.М. – к.филол.н., доцент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Аннотация

В статье рассматриваются авторские флорообразы в сборнике белорусской и русской поэтессы Л. Турбиной «Отплывающий катер». Флористические метафоры, созданные поэтессой, становятся своеобразным языком, индивидуально-авторским способом описания мира и женского опыта.

Флорообразы занимают важное место в творчестве Любови Николаевны Турбиной – белорусской и русской поэтессы, литературного критика, переводчика, ученого-генетика – и во многом характеризуют ее лирическую героиню – чувствительную, тонкую, но при этом сильную, имеющую прочную связь с природой. Флорообразы раскрывают авторскую картину мира поэтессы, делают ее тексты более многослойными, глубокими.

Флорообразы – это фитонимы, названия растений, которые используются для создания образа, характеризующегося многозначностью, способствующего выражению чувств и эмоций. Индивидуальность поэтического мира Л. Турбиной во многом проявляется в своеобразии функционирования авторских флорообразов. В ее стихотворениях растительные мотивы редко выступают как однозначные или исключительно описательные элементы пейзажа. Напротив, они обладают многослойной семантической структурой и формируют сложную систему ассоциаций, в которой природный образ становится носителем культурной памяти и художественного смысла.

Переплетая элементы языческого фольклора (поверья о Купальской ночи) и современные авторские образы, Л. Турбина создает мистическое пространство

стихотворения «Картина», где встречается индивидуально-авторский флорообраз «папоротник, жесткие страницы». Здесь лирическая героиня, потерявшаяся «в трех кривых березах да осинах» [3], пытается отгадать загадку потустороннего, того, что отделено от ее привычного мира тонкой препоной картины своеобразным порталом («картина на полу к стене прислонена» [3]), понять, в чем смысл жизни, «ощутить внезапное родство» [3] с тайным, сакральным, скрытым.

Соединяя традиционный фольклорный образ купальского папоротника («не цветок – падучая звезда» [3]) и авторский («папоротник, жесткие страницы» [3]), Л. Турбина изображает таинственный лес как книгу, а саму природу – как сложный текст, который нужно прочесть, чтобы постичь суть мироздания, найти метафорический, «мелькнувший меж стволами свет» [3], рассмотреть другой мир – «живой, исполненный чудес» [3]. Лирическая героиня этого стихотворения – человек науки и искусств, интеллектуал, постигающий природу посредством живописи (картина) и книги, чтения (жёсткие страницы папоротника):

Только не сробеть, не оступиться,
Спутанные ветви-провода,
Папоротник, жесткие страницы,
Не цветок – падучая звезда [3].

Путь к познанию мира непрост: осина, издавна ассоциирующаяся с предательством и страхом (трястись как осина), соседствует с тремя «кривыми березами», которые, хоть и имеют в славянском фольклоре положительную коннотацию, но в контексте стихотворения усугубляют положение лирической героини и усложняют ее путь к правде: «Только не сробеть, не оступиться, / Спутанные ветви-провода» [3].

Стихотворение Л. Турбиной «О, Беларусь» пронизано глубокой любовью лирической героини к Беларуси и одновременно сожалением о том, что судьба распорядилась жить вне этой прекрасной страны: «Но каюсь, давняя беглянка я/ Легко любить издалека…» [3]. Абстрактные флорообразы лес и полянка, на фоне которых разворачиваются болезненные переживания лирической героини, – это «владения боровика» [3] (символа здоровья, достатка, лесного богатства, потому что боровик – царь грибов), а значит, щедрые и изобильные места.

Отметим, что лирическая героиня не называет себя владелицей или наследницей отчего дома. Она скорее пленница, заложница обстоятельств и обязательств: «Твоя надолго полонянка – / Отцовский дом стоит пока» [3].

Поэтесса не случайно противопоставляет свою лирическую героиню и ткачих из стихотворения М. Богдановича «Слуцкія ткачыхі»:

Но каюсь, давняя беглянка –
Легко любить издалека…
На белорусской вышиванке
Всплакну над синью василька [3].

Стать беглянкой – и жребий судьбы, и выбор самой лирической героини, и это она чувствует себя отстраненной от родного дома, но стремится к нему и тоскует о нем. «Крыжовка, озеро, река», отчий дом, «лес вдоль дороги и полянка» – все это является чужим и одновременно родным для лирической героини, и именно в этом суть ее внутреннего конфликта. Героиня – «городской» человек, не лесная нимфа, природа для нее – пространство, пропущенное через культуру.

Несмотря на это, лирическая героиня выполняет свою женскую функцию: облагораживает пространство вокруг себя, выращивает фасоль, не позволяя запустению и забвению перекинуться на родовое гнездо: «За баней скромная делянка, / Фасоли грядка как строка» [3]. Здесь огородная грядка с фасолью уподобляется стихотворной строке: порядок на грядке (женская работа) становится порядком в стихе. Грядка с фасолью – это авторский флорообраз, особое видение поэтессы, которая даже в огороде видит продолжение своего поэтического ремесла.

Кроме того, именно грядка с фасолью демонстрирует преемственность поколений: место, где трудился отец лирической героини, стало местом, где теперь трудится она сама.

Скоротечный период взросления и детства описывает Л. Турбина в стихотворении «Июль». Именно с июлем поэтесса соотносит этот период в жизни человека – теплый, безмятежный, тихий, пахнущий электричками и липой: «Липою в июле пахнет тихий сад» [3]. Неслучайно с липой ассоциируется детство: ее период цветения короткий, а древесина пластичная, мягкая, податливая, поддающаяся обработке, но вместе с тем непрочная и подверженная гниению при отсутствии должной защиты [1].

Сам ребенок в стихотворении описывается через растительные метафоры:

Только с каждым годом выше из травы
Светлый одуванчик детской головы.
Стебель-тонконожка с розовым сачком

Бегает за каждым легким мотыльком [3].

С одной стороны, дитя здесь – «одуванчик», цветок, трансформирующийся из яркого солнечного цвета (детство) в серый, когда приходится выпорхнуть из родительского гнезда в большую жизнь. С другой стороны, сам ребенок – «стебель», а в руке у него сачок. Это создает образ хищного и расчетливого («дети тут умнее нас» [3]) растения, которое ловит мотыльков и «бабочек мгновений». Таким образом, ребенок – мутирующее растение: он не только податлив, как липа, но и является травой, которая охотится и стремится удержать последние крохи детства: «Бабочки мгновений, ласточки минут» [3].

По мнению Л. Турбиной, взросление – миг, приятный не только растущему человеку (поэтому ребенок и стремится выловить как можно больше «бабочек мгновений»), но и важный для каждого взрослого-родителя, поэтому не стоит упускать его: «Главное – а дети тут мудрее нас – / Происходит в мире именно сейчас» [3].

Инициацию, уход из отчего дома описывает Л. Турбина в стихотворении «Брату»: «Вослед улетающей стае / Гнездо покидает мой брат» [3]. Повзрослев, став последним, кто покинул родной дом («Последний, единственный, младший / С одним лебединым крылом» [3]), брат лирической героини не перестал быть младшим и единственным сыном и братом, о котором заботились, которого любили и опекали родители и старшие сестры:

Давно ли? Да только что вроде
Он кустиком тронулся в рост
И взглядом блестящих смородин
Меня провожал до ворот [3].

Отметим, что блестящие глаза художники слова нередко соотносят с алмазами, в то время как Л. Турбина в стихотворении сравнивает глаза брата лирической героини с ягодами смородины. Это сравнение неслучайно, поскольку куст смородины не только ассоциируется с темным цветом глаз брата, с чем-то родным, находящимся рядом, но и отсылает читателя к фольклорной реке Смородине, отделяющей мир живых и мир мертвых. Эта ассоциация показательна, так как брат лирической героини как раз переходит важный и непростой жизненный рубеж («Судьбу утюгом не разгладишь, / Дорога пошла на излом…» [3]).

Лирической героине сложно смириться с уходом брата, которого она помнит «кустиком»: для нее он не взрослый человек, а не до конца повзрослевший ребенок «с одним лебединым крылом», который нуждается в защите, уюте и теплом свитере [3]:

И спицы впивается жало,
Когда отворяется шкаф:
Тебе этот свитер вязала,
Не кончила левый рукав [3].

Уход брата становится личной трагедией для лирической героини: «А сад зарастает крапивой, / А в доме – холодная ночь» [3]. Дом пустеет, пространство вокруг него покрывается крапивой (символом запустения, скорби, горя), и лирическая героиня не имеет возможности и решимости предотвратить это («Стою и не смею помочь» [3]). События в стихотворении очевидно перекликаются с обстоятельствами жизни самой Л. Турбиной. В своем интервью поэтесса говорила: «В 1971-м отец с мамой и Васей, младшим моим братом, уезжает в Москву. Мы с сестрой уже взрослые, мы остались в Минске» [2].

Мотивами соблазна, искушения, курортного романа, взрослой женской телесности проникнуто стихотворение Л. Турбиной «Пицунда». Лирическая героиня, находясь в пансионате – месте, подобном раю («Сравнится лишь рай с обнаженностью пляжа, / За сеткой пока все колючки и змеи» [3]), знакомится с мужчинами, похожими на Фауста с Мефистофелем («И все соответствует – внешность, манеры, / Еще совпаденье имен как нарочно» [3]). Завязывается мимолетный роман, и вся природа в Пицунде не только становится свидетелем тайных свиданий, но и способствует им: темные аллеи, ближайший лесочек, «светлячки, словно тайные стражи» [3]. Интересен авторский флорообраз «роскошно-порочна зелень» [3]. Эпитет «порочный» по отношению к зелени – новый ход. Зелень обычно обозначает невинность, свежесть, жизнь, рай. В стихотворении же она – соучастница греха, курортного романа, игры в Фауста. Зелень становится театральной декорацией, провоцирующей на «порок».

Несмотря на то, что лирическая героиня не характеризует себя прямо, она является неотъемлемой частью этого порочного южного пейзажа. Зелень – сообщница адюльтера, игры в Маргариту и Фауста. Через этот образ героиня примеряет на себя роль искушенной, зрелой, грешной женщины.

Стихотворение Л. Турбиной «Ссора» демонстрирует момент переживания лирической героиней разрыва отношений: не мимолетного конфликта, а глубокого уничтожения всего, что было. Здесь лирическая героиня – слабая, уставшая и сломленная женщина, готовая к унижениям ради того, чтобы вернуть все на круги своя: «По асфальту скольжение шин, / Ближе, ближе – вернись, даже пьян!», «Я открыла и мою окно, / Чем нелепее – мне все равно» [3].

Флорообраз «осенние листья», описываются в тексте словом «жухлые» («Нет, ошиблась, там кошка шуршит / В жухлых листьях, что сбросил каштан» [3]). Сам по себе такой образ не является авторским, но в контексте ссоры, ночи, ожидания обретает дополнительный оттенок: жухлый – умерший, потерявший цвет, жизнь, как и отношения. Это работа контекста, но выбор именно этого слова (не «сухих», не «опавших») точен.

Ожидание чуда («Хоть насквозь эти стекла протри – / Разглядишь разве светлый твой плащ?» [3]) приносит лирической героине невыносимые страдания, и природа вторит, усиливая их: «Ночь, ноябрь, не ветер, а плач», «Утром будет в потеках стекло…» [3]. «Мокрый» [4] пейзаж подчеркивает состояние лирической героини: непроглядная, унылая, тягучая тьма соседствует с физически ощутимой сыростью, промозглостью (как от слез, так и от дождя). Несмотря на все это, лирическая героиня понимает, что жгучее и болезненное состояние тоски (ночь) рано или поздно закончится и придет облегчение: «Поскорее бы стало светло» [3].

Флорообразы в поэтическом контексте Л. Турбиной получают дополнительные авторские интерпретации и включаются в более широкий художественный смысловой ряд. Л. Турбина активно создает собственные флористические метафоры, в которых растения становятся своеобразным языком описания мира и женского опыта: лес уподобляется книге, огородная грядка – стихотворной строке, а ребенок – растению-хищнику. Подобные метафорические трансформации свидетельствуют о стремлении Л. Турбиной переосмыслить традиционную символику природы.

Список используемых источников

1. Агапкина Т.А. Символика деревьев в традиционной культуре славян: липа // Славянский альманах. 2018. № 3-4. С. 357–372.

2. Любовь Турбина об отце, выдающемся ученом-генетике // СОЮЗ. Беларусь-Россия. 14.06.2024. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3T8t29 (дата обращения: 14.03.2026).

3. Турбина Л.Н. Отплывающий катер: сборник стихотворений. Санкт-Петербург: Алетейя, 2012. 191 с.

4. Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. М: Высшая школа, 1990. 303 с.

СОВРЕМЕННЫЕ РЕШЕНИЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИИ: ПРИМЕНЕНИЕ ГЛАУКОНИТОВОГО ПЕСКА В БИОРЕМЕДИАЦИИ ВОДЫ

Бускамбаева А.М. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Панова Л.И. – преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В статье рассматривается теоретический и практический опыт использования глауконитового песка как сорбента для биоремедиации воды, направленный на очищение водных экосистем Челябинской области и Российской Федерации. Отдельное внимание автор уделяет рекомендации созданных методов очищения водных экосистем «Река Миасс» и «Первое озеро» Челябинской области.

Проблема очистки загрязнённых водных ресурсов становится всё более актуальной из-за антропогенного воздействия. Основные загрязнители – тяжёлые металлы, нефтепродукты и пестициды – негативно влияют на экосистемы водоёмов. Рост промышленного производства и численности населения увеличивает спрос на нефть, который, по прогнозам ОПЕК, достигнет 106,52 млн баррелей в сутки к 2026 году [7].

15 декабря 2024 года шторм разрушил два российских танкера, вызвав разлив 3–4 тысячи тонн мазута в Чёрное море. Этот инцидент подчёркивает необходимость разработки эффективных сорбентов для ликвидации загрязнений и защиты окружающей среды. [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]

Анализ загрязнения рек и водоемов Челябинской области за 2019-2023 годы показывает, как позитивные, так и негативные тенденции. В 2019 году 48 % объектов превышали нормативы, в 2021 году – 42 %, в 2022 – 43 %, в 2023 – 40 %.

Проблема загрязнения остается актуальной и требует комплексного подхода для решения.

Биоремедиация – это использование биологических систем (микроорганизмов, растений, ферментов) для удаления или преобразования загрязнителей из окружающей среды.

Одним из перспективных природных материалов для биоремедиации водной среды является глауконит – перспективный природный материал для биоремедиации воды благодаря высокой ионообменной способности, сорбционной емкости и развитой удельной поверхности. Глауконит сорбирует загрязнители и стимулирует микрофлору для разложения органики. В России его запасы значительны, но потенциал в биоремедиации изучен слабо. Требуются исследования для оценки эффективности и оптимизации применения.

Целью данной работы является комплексная анализ эффективности применения глауконитового песка в процессах биоремедиации загрязненной воды и разработка научно-обоснованных рекомендаций по его использованию.

Предмет исследования: анализ использования глауконитового песка в качестве сорбента и катализатора процессов в системе биоремедиации.

Объект исследования: процесс биоремедиации водных экосистем Челябинской области, загрязненных ионами тяжелых металлов и нефтепродуктами.

Практическая значимость работы состоит в том, что полученные результаты могут войти в основу разработки новой ресурсосберегающей и экологически безопасной технологии очистки сточных и природных вод. Разработанная модель может быть внедрена на предприятиях различных отраслей промышленности, а также использована для реабилитации загрязненных водных объектов. Использование местного природного сырья (глауконита) соответствует стратегии импортозамещения и повышает экономическую целесообразность предлагаемого решения.

Методы исследования: интервьюирование, эксперимент, мониторинг, статистическая обработка данных, моделирование, физико-химические методы анализа, микробиологические методы.

Переход к «зеленой химии» требует использования природных материалов для очистки вод. Глауконитовый песок с его слоистой структурой и высокой удельной поверхностью является перспективным сорбентом для биоремедиации. В

работе анализируется эффективность его применения для очистки вод Российской Федерации и Челябинской области.

Для первого эксперимента взяты пробы воды из реки Миасс и Первого озера Челябинской области. Использованы сорбент «Глауконит», лабораторная посуда, микроскоп, бактериологические инструменты. На первом этапе 10 г глауконитового песка добавили в 110 мл воды, перемешали и оставили для седиментации. Параллельно приготовили и стерилизовали питательную среду для бактерий. Далее были приготовлены контрольные и экспериментальные образцы двух водных экосистем в чашках Петри.

На следующий день после начала инкубации на питательной среде начали формироваться бактериальные колонии. Для оценки эффективности использования глауконитового сорбента был выполнен подсчет общего микробного числа (ОМЧ).

1. Анализ воды из реки Миасс показал следующие результаты:

Контрольный образец без сорбента содержал 97 колониеобразующих единиц (КОЕ). Экспериментальный образец с содержанием сорбента составлял 46 КОЕ. В ходе наблюдения можно наблюдать эффективность подавления микроорганизмов более 50 %.

2. Исследование воды из Первого озера дало такие результаты:

Контрольный образец без сорбента составлял около 58 КОЭ, в 3 раза больше, чем в экспериментальном образце с сорбентом (17 КОЭ).

По истечении семидневного периода инкубации в исследуемых образцах зафиксированы качественные и количественные изменения состава микрофлоры. В контрольном образце реки Миасс без сорбента наблюдался интенсивный рост микроорганизмов: ОМЧ 173 КОЕ, включая одну макроколонию. В опытном образце с сорбентом также есть макроколония, но общее количество колоний – 86 КОЕ.



Рис. 1, 2. Сравнение контрольного и экспериментального образца воды из реки Миасс (через 7 суток)

Источник: фото из архива автора.

В образце озерной воды отмечена положительная динамика очистки: в контрольной чашке показатель ОМЧ зафиксирован на уровне 49 КОЕ, тогда как в чашке с сорбентом число колоний снизилось до 12 КОЕ.

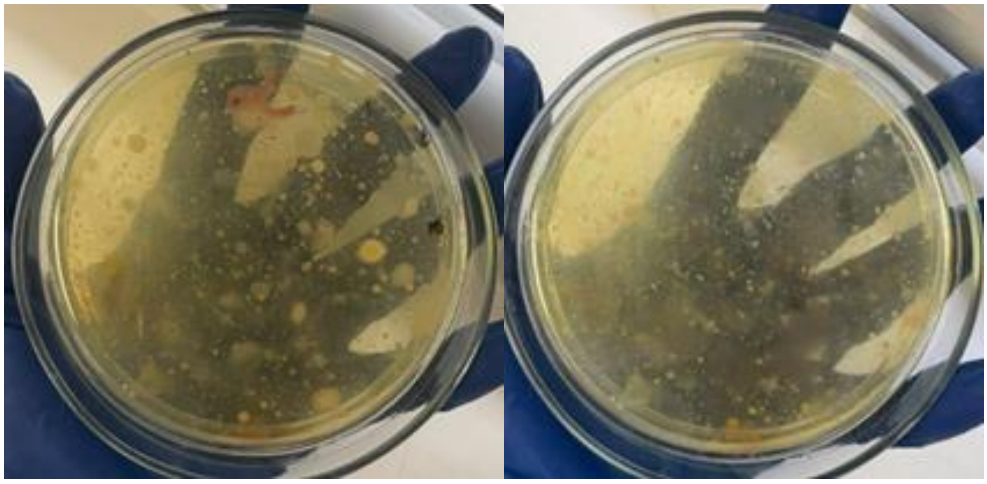


Рис. 3, 4. Сравнение контрольного и экспериментального образца воды из Первого озера (через 7 суток)

Источник: фото из архива автора.

Микроскопическое исследование подтвердило, что частицы глауконита выступают в роли активных центров иммобилизации. Бактерии концентрировались непосредственно на поверхности минеральных зерен или формировали плотные агрегаты вокруг них.

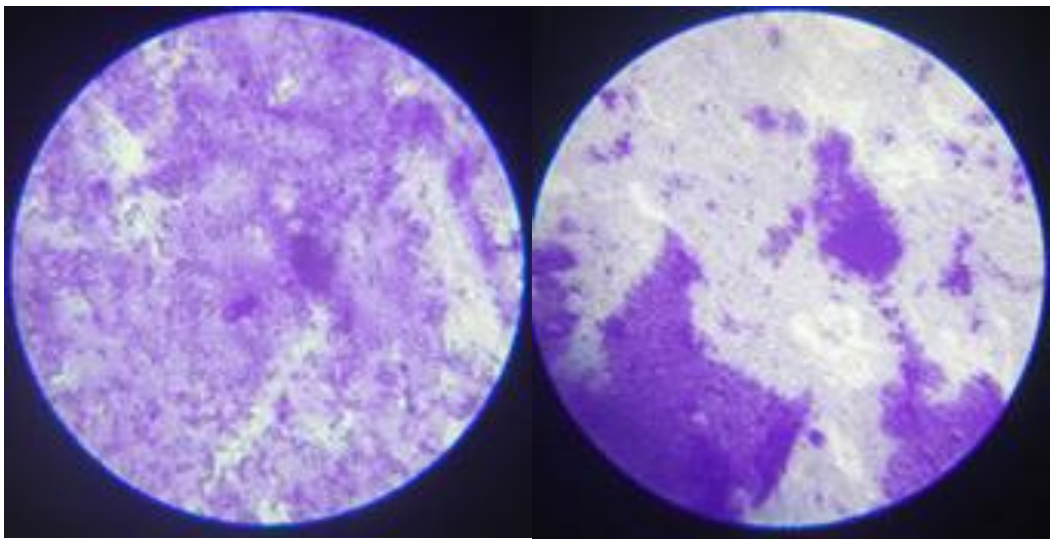


Рис. 5, 6. Сравнительный микроскопический анализ контрольного и экспериментального образцов воды из р. Миасс

Источник: фото из архива автора.

Во втором эксперименте было исследовано применение глауконитового песка для создания барьерной защиты при разливах нефтепродуктов.

На подготовительном этапе подобрали моторное масло и природный глауконит для физической модели разлива. На основном этапе:

– создали слой масла (1 см) на дне прозрачного стакана;

– засыпали глауконит (1 см) поверх масла, достигнув соотношения 1:1;

– экспонировали систему 10 минут для стабилизации;

– добавили воду для проверки герметичности.

Мониторинг показал, что глауконит удерживает масло, предотвращая его миграцию и загрязнение воды. Эксперименты подтвердили эффективность глауконита в локализации загрязнений.



Рис. 7. Подтверждение эффективности глауконита, как локализатора (через 24 часа)

Источник: фото из архива автора.

На основе исследования сорбционной, барьерной и иммобилизационной способности глауконита предлагаются рекомендации для экологической реабилитации водных объектов Челябинска и других регионов. Одна из рекомендаций, созданная для рекультивации воды реки Миасс методом «Активный донный барьер», где применяется глауконитовый песок. Для уменьшения бактериального загрязнения, связывания ила и формирования активного барьера, препятствующего выходу вредных веществ, необходимо нанести глауконит на зоны с замедленным потоком. Толщина защитного слоя должна составлять 5–10 сантиметров.

В контексте ликвидации разливов нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов глауконит демонстрирует высокую эффективность в удержании отработанного моторного масла и локализации нефтяных пятен, поэтому рекомендуется метод «Активный донный барьер» для устранения данной проблемы. Механизм его действия основан на физико-химических свойствах, позволяющих превращать углеводороды в тяжелый органоминеральный агрегат. Этот агрегат оседает на дно, что препятствует дальнейшему растеканию нефтяной пленки. Для достижения оптимальных результатов рекомендуется применять глауконит в соотношении 1:1 к объему разлитого продукта. Такой подход обеспечивает максимальную адсорбционную способность и минимизирует экологический ущерб, связанный с разливами нефтепродуктов.

Количество необходимого сорбента будет определяться в зависимости от выбранного метода очистки. В частности, это может включать создание донного фильтрующего слоя, засыпку в локальные зоны застоя или применение в качестве фильтрующей загрузки на очистных сооружениях.

Для расчета возьмем данные из электронных источников, но с поправкой на средние значения (так как река неравномерна).

Дано:

Длина (L): 36 км = 36 000 м

Средняя ширина (W): 30 м

Решение:

Для более точного расчета нужно узнать площадь зеркала воды:

Площадь зеркала воды (S): 36 000 × 30 = 1 080 000 м^2 (108 гектаров)

Для эффективной сорбции тяжелых металлов (которыми богат Миасс) минимальная рекомендуемая толщина слоя глауконитового концентрата составляет 5 см (0,05 м). Поэтому нужно посчитать объем:

Объем (V): 1 080 000 м^2 × 0,05 м = 54 000 м^3

Далее рассчитываем массу сорбента (донный слой). Насыпная плотность глауконитового песка составляет примерно 1,5 тонны на 1 м³.

Масса (M): 54 000 м^3 × 1,5 т/м^3 = 81 000 тонн.

Ответ: 81 000 тонн понадобится для биоремедиации воды реки Миасс.

По данным компании, которая занимается добычей и продажей глауконита в Челябинской области, стоимость глауконита составляет 3000 рублей за одну тонну. Стоимость только материала составит более 240 миллионов рублей, не считая логистики и остальных аспектов.

В результате, использование глауконита Челябинской области является экономически целесообразным (за счет близости месторождений) и экологически безопасным (как природный минерал он не вносит вторичных загрязнений). Переход от простой механической очистки воды к сорбционно-биологической ремедиации с применением глауконита позволит существенно улучшить санитарно-гигиеническое состояние водных ресурсов Российской Федерации и Челябинской области.

Список используемых источников

1. Айжарикова М.Ш., Шаутенов М.Р. Исследование обогатимости глауконитовых песков // Вестник науки. 2025. № 4. С. 153–167.
2. Бабаев Э.Р., Муштагова Ф.Г. Применение микроорганизмов в процессах биоремедиации // НефтеГазоХимия. 2024. № 3-4. С. 77–98.
3. Вениг С.Б., Чернова Р.К., Сержантов В.Г., Русанова Т.Ю., Микеров А.Н., Шаповал О.Г., Глушаков И.А., Селифонова Е.И., Наумова Г.Н. Антибактериальные свойства биологически активного композита на основе глауконита // Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Химия. Биология. Экология. 2021. № 1. С. 112–145.
4. Владимиров В.А. Разливы нефти: причины, масштабы, последствия // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. 2014. № 1. С. 83–109.
5. Корольченко Д.А. Современные биоремедиационные технологии // Пожаровзрывобезопасность. 2007. № 5. С. 21–52.
6. Кутергин А.С., Никифоров А.Ф., Воронина А.В., Недобух Т.А. Сорбционная очистка радиоактивно загрязненных вод фильтрующими материалами на основе гранулированного глауконита // ВХР. 2010. № 3. С. 190–208.
7. ОПЕК сохранила прогноз роста спроса на нефть в 2026 году // Коммерсантъ. 2026. 14 января. [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/8341383 (дата обращения: 26.03.2026).
8. Плюснина И.И., Фролов В.Т. Глауконит – аутогенный коллоидный слоистый силикат // Вестник Московского университета. Серия 4. Геология. 2005. № 1. С. 34–67.
9. Разлив мазута в Керченском проливе // Википедия. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3T9sFF (дата обращения: 26.03.2026).

ВЛИЯНИЕ ФОРМУЛИРОВОК НА СКОРОСТЬ И ТОЧНОСТЬ РЕШЕНИЙ: ОСОБЕННОСТИ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ СФЕРЫ ТРАНСПОРТНОЙ ЛОГИСТИКИ В ЭЛЕКТРОННОЙ ПЕРЕПИСКЕ И МЕССЕНДЖЕРАХ (НА ПРИМЕРЕ РУССКО-АНГЛИЙСКОЙ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ)

Вишерская А.В. – студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Колледж бизнеса и технологий

Научный руководитель: Кривоносова Е.Н. – преподаватель, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Колледж бизнеса и технологий

Аннотация

В статье исследуется влияние языковых особенностей переписки логистов транспортных компаний на операционную эффективность в русско-английской межкультурной среде. Выявлено, что ключевые барьеры связаны не только с терминологическими расхождениями, но и разницей в стилях общения: степенью детализации, представлением о структуре письма и восприятии временных указаний. На основе анализа практических ситуаций и существующих уже известных подходов в межкультурной коммуникации предложено комплексное решение, объединяющее три направления: стандартизацию терминологии, применение технологических инструментов и развитие межкультурных навыков сотрудников.

Транспортная логистика сегодня – это постоянное общение между представителями разных стран. Электронная почта и мессенджеры выступают не просто в роли связи, но и в качестве главного рабочего инструмента, с помощью которого управляют перевозками.

Для российских транспортных компаний, интегрированных в международную логистику, характерен разный уровень владения языком. Английский используется как язык-посредник (*lingua franca*) при общении с иностранными партнерами, тогда как внутренние процессы остаются в русскоязычном поле. Такое разделение языков создает дополнительные риски, что приводит к ошибкам при транспортировке груза.

Исследования показывают, что 25 % конфликтов случаются из-за сбоев в коммуникации при международных грузоперевозках [8].

Цель работы заключается в анализе определения формулировок переписки, влияющем на скорость и точность работы, и, как следствие, предложении способов решения распространённых ошибок.

Теоретические основы: от языковых различий к стилям общения

Деятельность транспортных компаний часто строится на сотрудничестве с зарубежными партнерами. Для оператора важно не просто знать иностранный язык, а понимать скрытые смыслы, которые зависят от культуры контрагента. В исследовательской литературе вводится понятие «лингвистической дистанции», демонстрирующее устойчивую обратную корреляцию между различиями в языковых системах и объемом торговых потоков. Для сферы услуг, где

производство и потребление совпадают во времени, этот фактор оказывается критичнее, чем для товарной торговли [6].

Причины разногласий помогает объяснить концепция высоко- и низкоконтекстных культур Э. Холла. Согласно данному подходу, низкоконтекстные культуры (Великобритания, Германия, США) строят коммуникацию по принципу самодостаточности, максимальной подробности и четкого построения. Высококонтекстные культуры (Россия, Китай) напротив, опираются на общий опыт участников, допуская неполноту вербального сообщения [9].

На деле все сводится к тому, что одни хотят слышать максимум подробностей, другие же считают, что излишняя детализация – это неуважение к квалификации партнера.

В отраслевых исследованиях [8, 1] выделяют четыре типа проблем в общении между логистами, каждый из которых так или иначе связан с языком:

1) **языковые барьеры** – сказанное понимают в прямом смысле;
2) **медиа-разрывы** – расхождение между тем, что пишут в мессенджерах, и тем, что зафиксировано в официальных документах;
3) **терминологические барьеры** – путаница в профессиональных терминах;
4) **культурно-стилевые барьеры** – несовпадение привычных форматов писем и норм делового этикета.

В работе логиста важна каждая минута, общение происходит в быстром темпе. Зачастую недопонимание в переписке приводит не только к угрозе имиджа компании, но и к реальным последствиям: простой транспорта, штрафы, срыв сроков перед клиентом и пр. Таким образом, любое усовершенствование стиля переписки имеет прямое влияние на работу компаний и дальнейшее сотрудничество.

Основные проблемы в общении между русскими и англоговорящими партнерами

Реальные диалоги на английском языке между российскими диспетчерами и зарубежными партнерами позволяют выделить типовые сценарии, которые регулярно приводят к сбоям. Чаще всего логисты прибегают к биржам грузоперевозок (ATI.SU, RTC), которые оснащены функцией автоматического перевода, а также используют международные транспортные документы (CMR, Air

Waybill, Bill of Lading) и базисные условия поставки Incoterms (FOB, CIF, EXW, DAP). Однако качество интерпретации профессиональной терминологии, особенно в области таможенного оформления и специфических условий перевозки, остается источником повышенной аварийности [5].

Основная проблема заключается не в плохом переводе, а в том, что профессиональные понятия в русском и английском языках устроены по-разному: их трудно и порой невозможно точно сопоставить.

Сравнительный анализ показывает, что даже базовые термины понимаются по-разному в русском и английском языках. Так, например, *delivery* советует трём русским понятиям: «*доставка*» (процесс), *«партия груза»* (объект) и *«момент сдачи»* (событие). Это приводит к тому, что фраза «*Delivery is delayed*» может быть интерпретирована либо как задержка в пути, либо как перенос даты сдачи. Длинные словосочетания, характерные для английского языка (*supply chain management system*), при переводе на русский требуют перестройки, что при «машинной» интерпретации часто демонстрирует искаженные конструкции [7].

Особую опасность представляют «ложные друзья»: *forwarder* в английской логистике – это *экспедитор*, тогда как в техническом контексте – *лесозаготовительная техника*; *consignee – грузополучатель*, а не *отправитель*.

На основе анализа практических ситуаций можно отметить, что российские операторы, следуя высококонтекстной традиции, часто используют «сокращенные» формы сообщений, опуская связки, предлоги и придаточные предложения причины. В англоязычной же деловой среде такие сообщения воспринимаются как категоричные или недостаточно аргументированные [9].

Кейсы языковых барьеров и их роль в возникновении операционных сбоев

Эффективность международных перевозок напрямую зависит от того, насколько точно участники процесса понимают друг друга. Анализ реальных инцидентов позволяет выделить несколько категорий формулировок, систематически ведущих к сбоям.

Классическим примером культурно-обусловленной неопределенности выступают двусмысленные временные маркеры — фразы *«к концу дня», «до вечера»* и *«asap»*. Фраза *«до 20 числа»* в русскоязычной деловой традиции часто понимается как *«включительно до 20-го»*, тогда как для европейских и американских партнеров подобное указание может трактоваться как *«до начала*

20-го» (то есть крайний срок – 19-е число). Это различие в трактовке граничных дат регулярно приводит к срыву согласованных графиков поставок.

Как показывает практика, избежать подобных инцидентов позволяет переход от относительных формулировок *(«до 20-го»)* к абсолютным временным меткам *(«не позднее 23:59 19 марта по московскому времени»*) – простое, но эффективное решение, снижающее риск неверной интерпретации.

Дополнительную проблему создают различия в форматах записи даты. Так, например, указание даты в формате «02/01/2026» в переписке с американскими партнерами может быть интерпретировано как 1 февраля, тогда как российские операторы воспринимают эту запись как 2 января. В логистике, где точность дат критически важна для планирования отгрузок и таможенного оформления, такая двусмысленность способна обернуться серьезными операционными сбоями. Результатом становится нарушение графиков поставок: груз может прибыть не в тот день, когда склад готов к приемке, что оборачивается простоями транспорта и несогласованными корректировками. Работая с иностранными партнерами, важно сразу указывать точное время, дату и часовой пояс, избегая относительных формулировок, которые могут быть истолкованы неоднозначно.

В запросах документации терминологическая подмена так же создает риск неверной идентификации необходимых бумаг. В российской деловой практике слово «инвойс» нередко используют как обобщающее название для всех товаросопроводительных документов. Однако в международной логистике каждый документ имеет строгую функцию: *коммерческий инвойс* – для оплаты, *packing list* – для таможни, *коносамент* – для подтверждения приема груза. В ходе анализа одного из случаев (между российским экспедитором и британским агентом) запрос *«Send invoice»* был интерпретирован буквально, что привело к отправке только платежного документа. В результате груз был задержан таможней на несколько суток из-за недостающих сопроводительных бумаг. Таким образом, в международной деловой коммуникации следует исходить из принципа избыточной точности, перечисляя конкретные наименования документов вместо обобщающих категорий.

В западной корпоративной традиции (особенно в англоязычной среде) проблемное сообщение выстраивается по модели, включающей четыре обязательных элемента: идентификация события, объяснение причин, оценка влияния на сроки и запрос о необходимых действиях. Российские операторы,

напротив, часто ограничиваются первым элементом – констатацией факта *(«поломка», «задержка»*) – и общим заверением *(«постараемся вовремя»*), что не позволяет партнеру адекватно оценить ситуацию и скорректировать свои планы.

Согласно исследованию коммуникационных процессов в международных складах несовпадение стилей общения между представителями разных культур приводит к тому, что информация воспринимается неоднозначно [9].

Анализ рассмотренных ситуаций показывает, что наиболее результативным является алгоритм оповещения о сбое, включающий пять обязательных компонентов: констатация события, установление причин, срок ликвидации последствий, пересмотренная дата доставки *(ETA - Estimated Time of Arrival)* и адресная рекомендация партнеру. Подобная схема исключает необходимость дополнительных уточнений и способствует оперативному принятию решений.

Трансформация коммуникации: преодоление фрагментарности в пользу системности

Обобщение теоретических положений и конкретных случаев позволяет предложить комплекс решений для налаживания языкового взаимодействия, включающих три взаимосвязанных уровня: нормативно-терминологический, технологический и компетентностный [2, 9, 3].

Когда речь идёт о нормативно-терминологическом уровне, эффективным инструментом является создание корпоративных двуязычных словарей, фиксирующих не просто перевод, а объяснение термина в конкретном операционном контексте. В научной литературе отмечается единая терминология, которая сокращает число ошибок при обмене информацией на 15–20 % [1].

Шаблоны для стандартных ситуаций – еще один полезный шаг (запрос ставки, подтверждение загрузки, опоздание). Они уменьшают риск недопонимания. Сотрудников необходимо обучать международным стандартам (Инкотермс, ETA, ETD) и объяснять, что это важные юридические термины, а не просто сокращения.

На технологическом уровне происходит подключение современных платформ и мессенджеров к CRM-системам, что позволяют значительно сократить время ответа снизить количество жалоб. Однако технологические инструменты не решают проблему самостоятельно. Так называемый «машинный» перевод, основанный на статистических моделях, не учитывает особенности делового общения в разных культурах и не понимает, когда одно и то же слово в профессиональной лексике имеет разные значения. Поэтому наиболее

перспективным направлением является использование AI-инструментов не для замены человека, а для «чернового» понимания, выявления неоднозначных понятий, идиом и временных рамок, требующих уточнения.

В рамках компетентностного уровня ключевым направлением выступает развитие межкультурной компетенции. Как отмечается в учебно-методических пособиях по кросс-культурной коммуникации, специалист логистики должен уметь распознавать различия между высоко- и низкоконтекстными стилями и адаптировать свои сообщения соответственно [2].

В рамках данного подхода важно формировать навык прояснения стиля взаимодействия, а также формирования уточняющих вопросов и отсутствия стеснения на этот счет. В межкультурной среде желание уточнить является не признаком некомпетентности, а способом минимизировать риски.

Организационный уровень предполагает назначение в международных коллективах сотрудника, который отвечает за двуязычную коммуникацию.

Инструктажи с использованием схем и рисунков на нескольких языках могут помочь избежать ошибок при выполнении стандартных операций. Для нестандартных ситуаций стоит прописать четкие правила – это поможет быстрее реагировать на сбои и не терять время на уточняющие вопросы [3].

С учетом изложенного выше можно сделать заключение, что язык электронной переписки логистических операторов напрямую влияет на эффективность работы, являясь не второстепенной деталью, а ключевым фактором. На скорость и точность решений в русско-английской коммуникации влияют не столько языковые навыки, сколько способность распознавать и учитывать культурно обусловленные различия в манере общения.

В ходе работы установлено, что системные сбои в логистических операциях возникают не случайно, а закономерно следуют из трех типов формулировок, обладающих высоким риском неверной интерпретации: неконкретные временные указания, подмена терминов при запросе документов и информационно неполные сообщения о нештатных ситуациях. Каждый из этих типов отражает более глубинное противоречие: столкновение высококонтекстной и низкоконтекстной культур общения.

Ключевым фактором, объясняющим постоянное возникновение подобных ситуаций, выступает разница в манере общения. Представители низкоконтекстных культур, к которым относятся англоязычные партнеры, ориентированы на

максимальную ясность: для них полнота информации является условием доверия и компетентности. Носители же русской высококонтекстной традиции склонны опускать детали, которые кажутся им очевидными из контекста взаимодействия. Одни привыкли писать максимально подробно, другие – кратко, опуская то, что кажется очевидным.

Автоматизированная интерпретация, встроенные мессенджеры биржевых платформ и прочие технологические инструменты, несомненно, снижают языковой барьер и ускоряют обмен информацией, но точно не способны преодолеть культурный разрыв. ИИ-перевод не распознает терминологические оттенки, не учитывает стилистические особенности деловой переписки и не оценивает степень понимания сообщения для конкретного адресата. Таким образом, роль анализирующего человека в межкультурной коммуникации остается по-прежнему определяющей.

Разработанные рекомендации можно использовать на практике внедрения в стандарты работы логистических компаний, а также в обучении будущих специалистов.

Список используемых источников

1. Остапенко Н.Н. Системные семантические отношения в логистической терминологии (на материале английского и русского языков) / Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы VII Междунар. науч. конф. / Минск: Изд. центр БГУ, 2012. 246 с. С. 246–249.

2. Чернышова Л.А., Заломова Н.А. Cross-Cultural Communication in Transport Industry: учебно-методическое пособие. М: Российский университет транспорта (МИИТ), 2018. 180 с.

3. Bazilova, D. Optimization Methods in Logistics Business Processes // HSE University. 2025. [Electronic resource]. URL: https://www.hse.ru/en/edu/vkr/1048202139 (date of treatment: 20.03.2026).

4. Enhancing Logistics Communication: Accessible Customer Support //FreightAmigo. 2025. [Electronic resource]. URL: https://clck.ru/ (date of treatment: 20.03.2026).

5. Good relationships with carriers: Focus on communication // Trans For Forwarders. 2025. [Electronic resource]. URL: https://tff.trans.eu/en/blog/security/good-relationships-with-carriers/ (date of treatment: 20.03.2026).

6. Hulyk, C.K. What did you say? The effect of language distance on international service trade. // Texas Digital Library, 2021. 67 p.

7. Mueller, J. Comparative Studies and Improvement of Terminographic Practice // SSRN. 2023. [Electronic resource]. URL: https://ssrn.com/abstract=4418792 (date of treatment: 20.03.2026).

8. Rio: Six key communication problems in logistics // TRANSPORT – die Zeitung für den Güterverkehr. 2025. [Electronic resource]. URL: https://clck.ru/3T7jjx (date of treatment: 20.03.2026).

9. Wang, Y. Enhancing Communication Efficiency In International Warehouse – Project Study of Company X // HSE University. 2025. [Electronic resource]. URL: https://www.hse.ru/en/edu/vkr/1046844618 (date of treatment: 20.03.2026).

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛОГИСТИКИ: ВОЗДЕЙСТВИЕ ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК НА ОПЕРАТИВНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КОНТРАГЕНТОВ

Ворокосова А.М. – студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Колледж бизнеса и технологий

Научный руководитель: Кривоносова Е.Н. – преподаватель, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Колледж бизнеса и технологий.

Аннотация

В настоящей статье исследуется воздействие социокультурных факторов на результативность функционирования мировых логистических цепочек. Ключевое внимание уделяется языковым стратегиям как важнейшему инструменту обеспечения оперативного взаимодействия между участниками. Проводится анализ моделей «лингва франка» и лингвоментального направления, а также рассматривается значимость контекстуальности коммуникации (культуры высокого и низкого контекста) в процессе управления поставками. Приводятся практические примеры возникновения языковых барьеров и способы их нивелирования в логистической сфере.

В условиях актуальной глобальной экономики логистика утратила статус исключительно технической дисциплины, ориентированной на перемещение материальных потоков. Она трансформировалась в многоуровневую социально-ориентированную систему, где определяющую роль играет эффективность межличностных и межкорпоративных коммуникаций. Как справедливо подчеркивает Э. Холл, культура представляет собой форму коммуникации, а коммуникация, в свою очередь, есть культура [4]. Применительно к сфере международной логистики данный тезис означает, что эффективность оперативного взаимодействия между партнерами из различных государств (например, в процессе согласования поставки по принципу *«точно в срок» (just-in-time)* или урегулировании вопросов с таможенными органами) напрямую обусловлена учетом социокультурных факторов. Центральное место в этой совокупности факторов отводится выбору языковой модели, способной уменьшить риски возникновения сбоев, либо же, напротив, спровоцировать их.

Объектом настоящего исследования выступают коммуникативные процессы, протекающие в рамках международных логистических цепочек.

Предметом исследования являются языковые стратегии, задействованные для организации оперативного взаимодействия между участниками (перевозчиками, экспедиторскими организациями, таможенными представителями, заказчиками услуг).

Методологическая база исследования включила метод сравнительного анализа (сопоставление коммуникативных моделей, характерных для различных культур), метод кейс-стади (анализ типичных ситуаций, ведущих к возникновению недопонимания), а также лингвопрагматический анализ речевых актов, используемых в деловой переписке.

В рамках исследования были изучены типичные коммуникативные сценарии, встречающиеся в логистической практике, включая обсуждение условий поставки Инкотермс, урегулирование претензий, связанных с нарушением сроков (*delay claims*), и согласование изменений маршрутов перевозки.

Проблема выбора языка и концепция «лингва франка»

Английский язык, де-факто признанный стандартом в сфере международной логистики, порождает проблематику выбора языка и актуализирует концепцию «лингва франка». Тем не менее использование его упрощенного варианта (Globish) сопряжено с определенными рисками. В процессе оперативной переписки нередко

возникают ситуации, когда носители языка применяют идиоматические выражения, неочевидные для зарубежных партнеров. Например, фраза *"We'll revert to you on the ETA once we touch base with the forwarder"* (букв. *«Мы свяжемся с вами по расписанию прибытия, как только свяжемся с экспедитором»*) способна вызвать затруднения у специалиста из Китая или России, ориентированного на применение структурированных и однозначных формулировок.

Табл. 1

Сравнительная характеристика коммуникативных стратегий в логистике

Стратегия	Пример вербального выражения	Степень риска недопонимания	Соответствие культурному контексту
Прямая (низкоконтекстаная)	*"The delivery will be delayed by 2 days due to customs hold." (Поставка будет задержана на 2 дня в связи с провед. тамож. досмотра)*	Минимальный, информация точна	США, Германия, Скандинавские страны
Косвенная (высококонтекстная)	*"There might be a slight challenge with the customs clearance that could potentially affect the timeline." (Возможно, возн. опред. сложн. с тамож. оформл.)*	Высокая (партнер может не в полной мере осознавать, насколько критична сложившаяся ситуация)	Япония, арабские государства

Источник: составлено автором

Роль высококонтекстных и низкоконтекстных культур

Теория Э. Холла, разделяющая культуры на высококонтекстные и низкоконтекстные, непосредственно связана с тем, что оперативное взаимодействие требует высокой скорости принятия решений [4]. В странах, демонстрирующих низкий контекст (Германия, Соединенные Штаты Америки) постановка задачи осуществляется максимально прямо: «Пожалуйста, подтвердите

получение груза к 18:00». В культурах же высокого контекста (Япония) прямой отказ или категоричное требование расценивается как нарушение этикетных норм. Логист из Японии, скорее всего, сформулирует сообщение следующим образом: *«Данный график является весьма сложным»,* – что по сути означает: *«Мы не успеваем»*. Однако западный партнер может интерпретировать эту фразу как констатацию наличия определенных сложностей, а не как уведомление о срыве согласованных сроков. Игнорирование подобных нюансов чревато возникновением операционных сбоев.

Языковые стратегии как инструмент управления конфликтами

Языковые стратегии выступают инструментом управления конфликтными ситуациями, возникающими в логистической среде вследствие неизбежности обстоятельств непреодолимой силы. Выбор стратегии смягчения негативной информации *(mitigation)* находится в прямой зависимости от уровня языковой компетенции участников коммуникации.

Сопоставим два варианта уведомления об утрате груза: с прямой констатацией факта (жесткая стратегия) *«Ваш груз утерян»* и смягченная стратегически ориентированная формулировка *«В настоящее время мы столкнулись с непредвиденной ситуацией, связанной с вашей отправкой, и предпринимаем все возможные меры для ее локализации и минимизации возможных последствий».* Последний вариант, несмотря на передачу аналогичной сути, позволяет сохранить «лицо» партнера и снизить накал конфликта, что имеет критическое значение для поддержания долгосрочных логистических контрактов.

Факторы эффективности оперативного взаимодействия

Проведенный анализ свидетельствует о том, что эффективность оперативного взаимодействия определяется не только степенью владения английским языком, но и умением выбрать корректную коммуникативную стратегию.

Исключительно важное значение имеет точность применения профессиональной терминологии. Ошибки в интерпретации базисных условий поставки, таких как *«Free Carrier (FCA)»* или *«Delivered Duty Paid (DDP)»*, способны привести к многомиллионным убыткам. Фраза *«Риск переходит в момент передачи вашему перевозчику»* должна трактоваться обеими сторонами однозначно.

Современные логистические платформы и средства телематики способствуют унификации языка профессионального общения. Однако человеческий фактор продолжает сохранять определяющее значение. В стрессовых ситуациях (например, при выходе из строя рефрижераторной установки с партией скоропортящихся продуктов) участники взаимодействия переходят с формализованного английского на более экспрессивные формы общения. Здесь важно уметь дифференцировать культурно обусловленную экспрессию (эмоциональность представителей итальянской или испанской культуры) от реальной паники, требующей незамедлительного вмешательства.

Успешно функционирующие логистические компании внедряют стратегию так называемого «лингвистического аутсорсинга». Они нанимают не просто переводчиков, а билингвальных менеджеров (например, специалиста, владеющего русским языком, в китайской компании), которые выступают в роли «культурных посредников». Такой специалист осознает, что прямое калькирование китайского выражения *«We need to increase face» (букв. «Нам надо увеличить лицо»)* требует не дословного, а смыслового перевода – *«Нам важно сохранить репутацию в глазах заказчика».*

Культурные детерминанты, в первую очередь языковые стратегии, представляют собой не второстепенный, а системообразующий элемент современной международной логистики. Язык в логистической сфере давно перестал быть лишь кодом, обеспечивающим передачу информации. Он трансформировался в инструмент управления операционными рисками и поддержания международного делового сотрудничества.

Модель *«English as a Lingua Franca»* демонстрирует свою эффективность только при условии наличия у обеих сторон высокой языковой и культурной компетенции, включая понимание особенностей культур высокого и низкого контекста.

Для повышения уровня надежности цепей поставок компаниям необходимо реализовывать стратегический подход к языковой подготовке: обучать персонал не только техническому английскому, но и навыкам межкультурной коммуникации, избегая таких распространенных ловушек, как «ложные друзья переводчика» (к примеру, «actual» в английском языке означает «фактический», а не «актуальный»; «accurate» *«точный»,* а не «аккуратный» и пр.).

Таким образом, инвестиции в лингвистическую подготовку кадров и углубленное понимание культурных кодов партнеров столь же значимы, как и капиталовложения в складскую инфраструктуру или обновление парка транспортных средств.

Логистика будущего – это логистика взаимопонимания, в которой язык выступает не препятствием, а действенным мостом, обеспечивающим глобальное взаимодействие.

Список используемых источников

1. Гусева А.В. Роль английского языка в профессиональной деятельности логиста // Логистика и управление цепями поставок. 2021. № 4. С. 45–51.

2. Льюис Р.Д. Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М: Дело, 2019. 448 с.

3. Плужник И.Л. Межкультурная коммуникация в глобальном мире. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2020. 250 с.

4. Hall E.T. Beyond Culture. New York: Anchor Books, 1976. 256 p.

5. Hofstede G. Cultures and Organizations: Software of the Mind / G. Hofstede, G.J. Hofstede. 3rd ed. New York: McGraw-Hill, 2010. 576 p.

6. Kramsch C. Language and Culture. Oxford: Oxford University Press, 2019. 148 p.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С КОЛОРИСТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ КАК МАРКЕРЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Гаврилович М.В. – студент, УО «Барановичский государственный университет»

Научный руководитель: Коновалик В.К. – старший преподаватель, УО «Барановичский государственный университет»

Аннотация

Данная работа посвящена исследованию семантических особенностей фразеологических единиц с компонентом «цвет» в английском, белорусском и китайском языках. Рассматривается символическое и коннотативное значение цветообозначений в трёх разносистемных языках, выявляются универсальные закономерности и культурно обусловленные различия в их фразеологическом осмыслении.

Язык – это не просто система знаков; это живое свидетельство того, как народ воспринимает мир, оценивает явления действительности и выстраивает ценностные ориентиры. Особенно ярко эта связь языка и культуры обнаруживается в фразеологии, поскольку именно устойчивые обороты аккумулируют многовековой коллективный опыт, передавая его из поколения в поколение в готовых, воспроизводимых формулах. Среди различных тематических групп фразеологических единиц (ФЕ) особый интерес представляют те, в состав которых входят цветообозначения. Цвет – явление одновременно физическое и культурное: воспринимая один и тот же спектральный оттенок, носители разных языков нередко вкладывают в него принципиально различные смыслы, что и делает сопоставительное исследование цветовой фразеологии столь актуальным.

Изучение фразеологических единиц с цветовым компонентом находится на пересечении нескольких лингвистических дисциплин: лексикологии, семантики, лингвокультурологии и сопоставительного языкознания. Это обстоятельство делает данную область исследования особенно продуктивной: она позволяет рассматривать языковые факты не изолированно, а в широком культурном и историческом контексте.

Актуальность исследования, на наш взгляд, обусловлена несколькими факторами. Во-первых, несмотря на значительное количество работ по цветовой фразеологии в отдельных языках, трёхстороннее сопоставление белорусского, английского и китайского языков в данном аспекте представлено в научной литературе недостаточно. Во-вторых, в условиях глобализации и расширения международных контактов знание культурной специфики цветовых символов приобретает всё большую практическую ценность. В-третьих, цветовая фразеология представляет собой динамичную систему, чутко реагирующую на социальные и культурные изменения, что делает её изучение неисчерпаемым источником научных наблюдений.

Объекты и методы

В настоящем исследовании предпринята попытка сопоставительного анализа ФЕ с компонентом «цвет» в трёх разносистемных языках – английском, белорусском и китайском. Такой выбор не случаен: белорусский, английский и китайский языки представляют три принципиально различных лингвокультурных ареала – славянский, западноевропейский и восточноазиатский. Различия в религиозном и философском мировоззрении, в истории, бытовом укладе и

эстетических нормах этих культур закономерно отражаются в том, какие смыслы вкладываются в один и тот же цвет. Так, белый цвет в белорусской и английской традициях устойчиво ассоциируется с чистотой и невинностью, тогда как в китайской культуре он является цветом траура. Красный для носителей китайского языка – символ счастья и процветания, тогда как в европейских языках тот же цвет нередко кодирует опасность или агрессию. Подобные расхождения, закреплённые в устойчивых оборотах, наглядно демонстрируют, что фразеологическая картина мира у каждого народа поистине своя. Материалом нашего исследования послужили 262 фразеологические единицы: 71 – из белорусских фразеологических словарей, 125 – из английских, 66 – из китайских, отобранных методом сплошной выборки.

Экспериментальная часть

Прежде чем перейти к анализу конкретных единиц, необходимо остановиться на понятии фразеологизма, которое в современной лингвистике трактуется неоднозначно. Вслед за А. В. Куниным в данной работе под фразеологической единицей понимается устойчивое сочетание лексических компонентов с полностью или частично переосмысленным значением [2]. Такое определение акцентирует именно семантическое переосмысление как ключевой признак фразеологизма – признак, особенно значимый при анализе колористических единиц, поскольку именно переносное значение цвета лежит в основе их образности и оценочности.

С точки зрения классификации В.В. Виноградова, фразеологические единицы с цветовым компонентом относятся преимущественно к двум типам: фразеологическим единствам и фразеологическим сращениям. Фразеологические единства – это обороты, общее значение которых ещё мотивировано образным значением компонентов: например, see red («видеть красное», то есть приходить в ярость) или чорная паласа («чёрная полоса» неудач). Фразеологические сращения, напротив, полностью утратили связь с буквальным смыслом составляющих слов: именно к ним относится, например, английское red tape («бюрократическая волокита»), где связь с красным цветом для современного носителя языка уже непрозрачна [1]. Такое распределение по типам характерно для цветовой фразеологии всех трёх исследуемых языков.

Цветообозначения в языке выполняют не только номинативную, но и символическую функцию, причём вторая нередко оказывается доминирующей [4].

Именно поэтому значение фразеологизма с цветовым компонентом практически никогда не выводится из буквального смысла входящих в него слов – оно формируется на пересечении языкового опыта, мифологии, религии и бытовой культуры конкретного народа. Рассмотрим, как этот процесс реализуется в каждом из трёх исследуемых языков.

Белый цвет, пожалуй, наиболее показателен с точки зрения межъязыкового сходства. В английском, белорусском и китайском языках этот цвет исторически связывается с чистотой, невинностью и миром: *белы флаг*, *white flag* и китайское *白旗* представляют собой, по существу, один и тот же культурный символ, закреплённый в трёх языковых системах. Вместе с тем именно в этой группе обнаруживается одно из самых разительных культурных расхождений: в китайской традиции белый цвет является цветом траура и смерти, о чём свидетельствует устойчивое выражение *白事* («белое дело»), означающее похороны. В белорусском и английском языках траурным цветом остаётся чёрный, тогда как белый устойчиво сохраняет позитивную коннотацию. Это расхождение напоминает о том, что даже самые, казалось бы, «очевидные» символы цвета обусловлены культурой, а не природой [3].

Чёрный цвет, напротив, демонстрирует, пожалуй, наибольшую межъязыковую универсальность. Во всех трёх языках он устойчиво ассоциируется с горем, злым умыслом, несчастьем и незаконной деятельностью. Белорусское *чорная паласа*, английское *black day* и китайское *黑心* («чёрное сердце», то есть злодейство) выражают схожую негативную семантику. Примечательно, что понятие нелегального рынка в английском (*black market*) и китайском (*黑市*) языках практически идентично по образу и значению, хотя культуры, породившие эти обороты, развивались независимо. Это позволяет говорить о том, что чёрный цвет несёт в себе некий архетипический смысл тьмы и угрозы, который преодолевает языковые и цивилизационные границы [3].

Наиболее интересная и контрастная картина открывается при анализе красного цвета. В китайской культуре красный – это главный позитивный цвет, символ счастья, удачи и процветания. Выражение *红运当头* буквально означает «красная удача прямо над головой», то есть несомненное везение; *开门红* («красное начало») – успешный старт любого дела. Красный цвет сопровождает свадьбы, праздники, деловые успехи. В белорусском языке красный также имеет преимущественно положительные коннотации, связанные с красотой и жизненной

силой. Английская же фразеология рисует принципиально иную картину: *see red* означает вспышку ярости, *red alert* – высшую степень опасности. Это расхождение не случайно: оно отражает различные исторические контексты, в которых красный цвет занял своё символическое место – как цвет крови, огня и революции в западной традиции и как цвет солнца, радости и торжества в восточной [5].

Зелёный цвет в английском и белорусском языках объединён семантикой молодости и неопытности: английское *as green as grass* («зелёный как трава», то есть совершенно неопытный) находит параллель в белорусском *зялёны юнак*. Одновременно оба языка фиксируют значение разрешения и безопасности (*green light, зялёны агонь*). В китайском языке зелёный цвет несёт иные, порой неожиданные коннотации: так, выражение *绿帽子* («зелёная шляпа») – один из самых устойчивых культурных символов супружеской измены в китайской традиции. Этот образ восходит к историческим установлениям, предписывавшим определённым социальным группам носить зелёные головные уборы, и сегодня воспринимается исключительно в негативном ключе. Аналогов в белорусском или английском языках этот оборот не имеет, что ещё раз подчёркивает глубину культурной детерминации цветовой символики [5].

Синий цвет – самый «эмоциональный» в английской фразеологии: выражения *feel blue, blue Monday, in a blue mood* устойчиво связаны с тоской, меланхолией и унынием. В то же время *blue blood* указывает на аристократическое происхождение, придавая синему цвету коннотацию избранности и высокого статуса. Белорусская фразеология использует синий несколько иначе: *сінія думкі* – это образ глубоких, серьёзных, нередко тревожных размышлений. В китайском языке синий встречается в устойчивых оборотах реже, однако выражение *青出于蓝而胜于蓝* («синее выходит из синего и превосходит его») – одна из наиболее известных китайских идиом, означающая, что ученик превзошёл учителя. Этот образ основан на процессе получения синего красителя из растения и представляет собой совершенно самобытную метафору, не имеющую аналогов в двух других языках [3].

Результаты и их обсуждение

Таким образом, проведённый анализ позволяет сделать ряд существенных наблюдений. Фразеологические единицы с компонентом «цвет» в английском, белорусском и китайском языках образуют разветвлённую семантическую

систему, в которой переплетаются универсальные и культурно специфические значения. Наибольший межъязыковой изоморфизм наблюдается в символике чёрного цвета: негативные коннотации этого цвета устойчивы во всех трёх языках и, по всей видимости, опираются на универсальные архетипические представления о тьме как угрозе. Белый цвет обнаруживает интересную двойственность: разделяя позитивную символику в английском и белорусском языках, он приобретает коннотацию траура в китайском – разительный пример того, как культурная традиция может полностью переосмыслить «природный» символ. Красный цвет демонстрирует наиболее глубокое аксиологическое расхождение между западными языками и китайским, а зелёный и синий – богатство идиоматических образов, лишь частично перекрывающихся в трёх системах.

Заключение

Полученные результаты подтверждают, что фразеологизмы с цветообозначениями являются не просто лексическими единицами, но и культурными маркерами, в которых закодированы ценности, верования и исторический опыт народа. Сопоставительное изучение подобных единиц в разносистемных языках открывает широкие перспективы для лингвокультурологии и может найти практическое применение в преподавании иностранных языков, межкультурной коммуникации и лексикологии.

Список используемых источников

1. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. С. 140–161.

2. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка. М.: Высшая школа, 1996. 381 с.

3. Лаенко Л.В. От семантики цвета к социальной семантике языка: Автореф. дис. канд. филол. наук. Воронеж: [б. и.], 1988. – 232 с.

4. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие для студентов вузов. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.

5. Хлоренко А.Т. Фразеология и символика цвета в русском языке. М.: Наука, 2009. 184 с.

НЕВЕРБАЛЬНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ТИФЛОКОММЕНТАРИЯХ В ФИЛЬМЕ «ИВАН ВАСИЛЬЕВИЧ МЕНЯЕТ ПРОФЕССИЮ»

Гайнуллина Л.Р. – магистрант, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Научный руководитель: Победаш Д.И. – к.ист.н., доцент, ФГАОУ ВО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина»

Аннотация

В статье рассматриваются понятия тифлокомментирования и невербальной коммуникации, анализируются невербальные средства коммуникации, отраженные в тифлокомментариях в фильме Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию». В статье приводятся примеры тифлокомментариев с указанием тайм-кода, определяются виды невербальных средств коммуникации и даются описания к ним.

Социальная природа человека предполагает постоянную потребность в общении. Общение и коммуникация занимают центральное место в жизни человека, что объясняет устойчивый интерес к этим процессам со стороны исследователей различных дисциплин – философии, психологии, социологии, культурологии, лингвистики и других.

Основным инструментом коммуникации выступает язык: он не только служит для выражения мыслей и чувств, но и является наиболее дифференцированным и продуктивным средством человеческого взаимопонимания [5]. Вместе с тем, язык – не единственный канал общения. Взаимодействие, осуществляемое без использования речи, относят к сфере невербальной коммуникации. Она задаёт контекст для кодирования и декодирования вербальных сообщений. Согласно исследованиям профессора Р. Бирдвистела (1970), лишь 35 % информации передается языковыми средствами, тогда как 65 % приходится на невербальные каналы [7]. К невербальным средствам относят жесты, мимику, телодвижения, взгляды, дистанцию и использование пространства, манеру держаться, одежду и запахи [5]. Также сюда входят интонации, прикосновения, световые и звуковые сигналы, цветовые решения, внешние черты людей, а также условия окружающей среды – например, температура, время суток и расположение в пространстве [2].

В фильме Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» мы рассмотрели невербальную коммуникацию, представленную в тифлокомментариях. Согласно

ГОСТу Р 57891-2022, тифлокомментирование – это «лаконичное описание предмета, пространства или действия, которые непонятны из-за потери зрения слепому или слабовидящему без специальных словесных пояснений» [4]. Оно позволяет получить доступ к визуальной информации через специально адаптированные словесные описания. За рубежом используется понятие «аудиодескрипция», однако стандарт разграничивает понятия, указывая на то, что помимо звукового, тифлокомментирование включает и письменный комментарий.

В отличие от перевода, тифлокомментирование направлено на описание визуальной информации (действий, обстановки, мимики персонажей и др.) в сценическом представлении, изобразительном искусстве или кино, созданное для людей с нарушениями зрения, поэтому тифлокомментирование не является переводом [3].

В документе «Руководства и лучшие практики создания аудиодескрипции» (Audio Description Guidelines and Best Practices), разработанном американским советом слепых, указывается, что тифлокомментатор, осуществляя передачу визуальной информации отвечает на четыре вопроса: кто (описание внешних характеристик субъекта – возраст, телосложение, одежда, наличие родственных связей), что (контекстуализация, постепенно переходящая к деталям, описание цветовой гаммы, указание местоположений объектов), когда/где (определение временной обстановки и расположения) и как (описание). Для того, чтобы выполнить качественный тифлокомментарий, Д. Снайдер рекомендует излагать мысли кратко, четко и понятно, не использовать сложные грамматические конструкции, использовать разнообразные слова и быть объективным, не навязывая собственную точку зрения зрителю [6].

В нашей работе мы рассмотрели тифлокомментарии и невербальную коммуникацию. Мы использовали классификацию М.С. Андрианова, которая затрагивает обширный перечень невербальных средств. Он, ссылаясь на исследования В.А. Лабунской; Г.М. Андреевой; В.Г. Крысько, выделяет визуальные (оптические), акустические, тактильно-кинестезические, ольфакторные и проксемические (дистантные) системы с подструктурами – в визуальной (физиогномика, физиологические реакции и кинесика), в акустической (просодика и экстралингвистика), в тактильно-кинестезической (такесика, физические воздействия и температурные ощущения), в ольфакторной (система запахов и феромоны), в проксемической (пространственная и временная организация

общения). Тифлокомментарий к фильму Л. Гайдая «Иван Васильевич меняет профессию» выполнен филиалом НИКФИ АО «Киностудия имени М. Горького» при поддержке Министерства культуры России. В нижеизложенных примерах указаны тайм-коды и виды невербальной коммуникации.

Тифлокомментарий: *00:11:40 В телефонной будке* (проксемическая, пространственная организация). /…/ *00:11:45 Мужчина в больших темных очках* (визуальная, способы преобразования внешности). *00:11:48 Меняет голос* (акустическая, просодика). /…/ *00:11:55 Убирает в карман бумажку* (тактильно-кинестезическая, такесика и визуальная, кинесика, движения рук), *воровато оглядывается* (визуальная, кинесика, выражение глаз).

Описание: тифлокомментарий начинается с описания пространства, в котором разворачиваются последующие действия. Главный герой находится в телефонной будке, что создает визуальный контекст и демонстрирует персональное пространство Милославского, которое усиливается за счет физической преграды – стенки будки. Телефонная будка представляет собой ограниченное пространство, и нахождение в нем усиливает чувство замкнутости и некой изоляции. Тифлокомментатор упоминает об объекте, поскольку он является одним из ключевых составляющих сцены – информация о телефонной будке указывает на способ коммуникации. Функциональная роль предмета – совершение телефонного звонка. Временная организация представлена отметками, которые указывают на то, что действия разворачиваются в течение 15 секунд.

Фраза «мужчина в больших темных очках» является ключевым элементом преобразования внешности. Очки на Милославском выполняют функцию маскировки. Они скрывают глаза, поэтому невозможно распознать взгляд, его направление и мимику вокруг глаз.

Милославский в телефонной будке намеренно искажает голос, чтобы обмануть собеседника. Выражение «меняет голос» прямо указывает на изменение просодических характеристик: он становится высоким, женским, мягким; интонация спокойная с ноткой кокетства. Подчеркнутая вежливость контрастирует с истинными намерениями и, более того, маскирует личность Милославского.

Следующий тифлокомментарий демонстрирует сразу два вида невербальной коммуникации: кинесику и такесику. Кинесика представлена быстрыми движениями рук персонажа, и это невербальное поведение указывает на нервозность и подозрительность. Милославский быстро убирает записку в карман,

стараясь как можно скорее скрыть свои действия. Такесика, в свою очередь, связана с тактильным взаимодействием с предметом, поскольку бумажка находится в руках персонажа.

Под выражением «воровато оглядывается» мы понимаем, что персонаж быстро двигает головой и бросает короткий взгляд по сторонам. Более того, фраза указывает на напряженное и бдительное выражение лица Милославского. Он оглядывается по сторонам, чтобы убедиться, что за ним не наблюдают и его действия остались незамеченными.

Ольфакторная система не представлена в тифлокомментарии, поскольку запахи окружающей среды и тела не фигурируют в описании. Во-первых, сцена происходит в телефонной будке, в замкнутом пространстве, где запахи не играют роли. Во-вторых, ольфакторные элементы не несут значимой информации для понимания сюжета. Здесь акцентируется внимание на визуальных и звуковых сигналах.

Разберем еще один тифлокомментарий:

00:23:51 Царь *выбегает* (визуальная, кинесика, движения ног) *на последний двенадцатый этаж* (проксемическая). *00:23:54* К стене прислонена (проксемическая) щётка. *Бросает* её вниз по лестнице (визуальная, кинесика, движения рук, тактильно-кинестезическая, физическое воздействие и проксемическая). *00:23:57 Вжавшись в стену* (визуальная, кинесика, поза, тактильно-кинестезическая, такесика и проксемическая), *прикасается локтем* к кнопке лифта (тактильно-кинестезическая, такесика). *00:24:00* Его створки открываются, царь *вбегает* (визуальная, кинесика, движения ног и проксемическая) в лифт.

Описание: в тифлокомментарии отсутствуют прямые указания на особенности лица, телосложения и элементы одежды царя. Упоминание о нем задает социальный статус, но не описывает физические характеристики. Все внимание сосредоточено на действиях царя, а не на его внешности.

Описание сцены начинается с появления главного героя на двенадцатом этаже многоэтажки, причем тифлокомментатор указывает, что персонаж поднялся именно на последний этаж дома, тем самым мы понимаем, что герою больше некуда бежать, значит основное действие будет происходить на двенадцатом этаже. Прислоненная к стене щетка представляет собой статичный объект в пространстве, который впоследствии становится инструментом действия. После того, как царь

бросает ее, между персонажем и предметом создается дистанция, поскольку предмет удаляется от него (проксемика).

Глагол «выбегает» демонстрирует быстрое и энергичное движение и указывает на спешку и срочность. Действия царя выражают отчаянную попытку убежать от погони, а также демонстрируют необдуманные действия из-за страха, которое выражается в том, что персонаж бросает щетку вниз по лестнице. Это резкое и импульсивное действие указывает на эмоциональное состояние главного героя, которое, вероятно, проявляется в попытке задержать «преследователя» в лице инженера А.С. Тимофеева, создавая некое препятствие.

Следующее движение характеризует позу царя (кинесика) – «вжавшись в стену», он, во-первых, испытывает физическое напряжение и ищет опору (такесика) а, во-вторых, пытается укрыться и стать незаметным (проксемика). Случайное касание к кнопке лифта локтем, вызванное страхом и непониманием дальнейших действий, приводит к тому, что дверь лифта открывается. Царь «вбегает в лифт», и этот финальный тифлокомментарий подчеркивает завершающее действие главного героя, демонстрируя его стремление покинуть «небезопасное» место, укрывшись в закрытом и ограниченном пространстве. В сцене отсутствуют просодика, экстралингвистика, ольфакторная система – весь акцент смещен на действия персонажа.

Таким образом, мы рассмотрели понятия тифлокомментирования и невербальной коммуникации, определили вид невербальной коммуникации проанализированных тифлокомментариев и дали им описание. На основе проведенного анализа вышеупомянутых тифлокомментариев, мы выявили, что кинесика и такесика передаются глаголами движения и сочетанием причастия с существительным, способы преобразования внешности – сочетанием существительного с прилагательным, проксемика – существительными. Посредством тифлокомментирования незрячие и слабовидящие зрители получают доступ к кино и искусству через детальные словесные описания. Значимость тифлокомментирования существенна, поскольку оно выступает важным механизмом обеспечения равных возможностей в сфере культурного потребления, позволяя людям с нарушениями зрения полноценно участвовать в культурной жизни.

Список используемых источников

1. Андрианов М.С. Невербальная коммуникация: психология и право. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2007. 250 с.
2. Ахьямова И.А. Культура невербального общения личности: история, психология, педагогика: Монография // Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2011. – 189 с.
3. Ваньшин С.Н., Ваньшина О.П. Тифлокомментирование, или словесное описание для слепых: инструктивно-методическое пособие. // Департамент социальной защиты населения города Москвы, ИПТК «Логосвос». Москва: [б. и.], 2011. 62 с.
4. ГОСТ Р 57891-2022. Тифлокомментирование и тифлокомментарий. Термины и определения. Национальный стандарт Российской Федерации утв. И введен в действие приказом Фед. Агенства по техн. регул. И метрол. От 24 янв. 2022 г. N 36-ст // ГАРАНТ. 2022. [Электронный ресурс]. URL: https://base.garant.ru/403802412/ (дата обращения: 05.03. 2026).
5. Грушевицкая Т.Г., Попков В.Д., Садохин А.П. Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2003. 352 с.
6. Снайдер Д. Проект тифлокомментирования Американского Совета Слепых. / Тифлокомментирование (аудиодескрипция) как новая социальная услуга для людей с проблемами зрения: сборник материалов Летней международной школы / Отв. ред. И.А. Гильфанова, В.В. Арсентьева. Екатеринбург, 2014. 123 с. С. 68–73.
7. Чиркова Е.И. Внимание, невербалика! Невербальные средства коммуникации при обучении иностранному языку. СПб: КАРО, 2024. 272 с.
8. Audio Description Guidelines and Best Practices / American Council of the Blind’s, Audio Description Project, 2009. 98 p.

ФОРМАЛЬНЫЕ ПРИЗНАКИ КАТЕГОРИИ ГЕНДЕР В СОВРЕМЕННОМ НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ: АНАЛИЗ ПРОЯВЛЕНИЯ ВЕРБАЛИЗАЦИИ КАТЕГОРИИ ГЕНДЕР В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Гордейчук Н.Ю. – студент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Научный руководитель: Пилипенко С.А. – к.филол.н., доцент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Аннотация

В статье рассматриваются формальные признаки категории гендер в современном немецком языке. Проводится анализ 20 полнотекстовых статей онлайн-журнала der Spiegel. Основное внимание уделяется вопросам специфики вербализации категории гендер в немецком языке с позиции грамматической, лексической и «политкорректной».

В современном немецком языке вербализация гендера отражает уже не просто грамматическое правило, а демонстрирует активный социальный инструмент. Тема вербализации гендера в немецком языке сейчас находится на пике лингвистических и политических дискуссий. Немецкий язык обладает развитой системой грамматического рода, и поэтому сталкивается с вызовом: как примирить традиционную грамматику с современными требованиями инклюзивности.

Категория гендера в современном немецком языке проявляется на всех уровнях языковой системы: от морфологического до прагматического. Первоочередным способом вербализации гендера является «*Movierung*» – образование существительных женского рода от соответствующих основ мужского рода. Наиболее продуктивным суффиксом выступает *-in* (например, *der Arzt – die Arztin*), однако существуют и менее частотные суффиксы, такие как *-esse, -euse, -ine, -ix*. Другим важным способом является словосложение *(Komposition)*. Степанова М. Д. определяет слова со сложными основами следующим образом: «Сложными в немецком языке называются слова, основа которых состоит из двух или нескольких корней или из корней со словообразовательными аффиксами» [1, 59]. Здесь категория гендера вербализуется через компоненты *-mann* и *-frau, -herr* и *-dame (der Feuerwehrmann – die Feuerwehrfrau)*. В современном языковом дискурсе наблюдается ярко выраженная и мощная тенденция к словообразовательной нейтрализации таких композитов. Эта нейтрализация осуществляется использованием таких лексем, как *-kraft (Lehrkraft)* или *-person (Kontaktperson)* вместо основ, ориентированных на разделение пола. К этой же стратегии относится использование компонента *-hilfe (Krankenhilfe)* или замена композита на обозначение должности через *-amt, -stelle* или *-leitung*.

На грамматическом уровне категория гендера выражается через систему артиклей и флексий. В немецком языке артикль выполняет роль основного маркера

и классификатора: *der* (мужской род), *die* (женский род), *das* (средний род). Определенный и неопределенный артикль является обязательным и самым частотным грамматическим показателем рода, который часто не совпадает с биологическим полом. При этом вербализация может происходить по формальному признаку, когда грамматический род определяется суффиксом существительного. Например, суффиксы *-ung, -heit, -keit* автоматически маркируют женский род.

Личные и относительные местоимения также являются средствами вербализации гендера. Традиционная бинарная система с использованием местоимений *er, sie, es* в современном немецком языке дополняется небинарными местоимениями *(Neopronomen)*: *sier, xier, dey, hen, they*. Стандартные личные местоимения третьего лица в немецком жестко привязаны к грамматическому, часто совпадающему с биологическим, роду существительного. Для людей, идентифицирующих себя вне бинарной системы, использование этих местоимений может вызвать несоответствие и дискриминацию. Поэтому неоместоимения можно назвать созданными и адаптированными формами, которые дают человеку возможность самоопределения в языке, и их появление является естественным его развитием в социуме.

Использование парных форм *(die Beidnennung)* представляет собой употребление женских и мужских грамматических форм для обозначения смешанных по полу групп. Этот метод возник как альтернатива обобщающему мужскому роду *(generisches Maskulinum)* с целью преодолеть невидимость женщин в языке.

В рамках практической части дипломной работы мы проводили анализ формальных признаков категории гендер в современном немецком языке. Актуальность нашего исследования обусловлена динамическими процессами в языковой системе немецкого языка и связана с изменениями подходов к выражению гендера в языковой практике.

Материалом для анализа послужили статьи современных немецких средств массовой информации из журнала *der Spiegel* [2]. Это тексты статей немецкого общественно-политического онлайн-издания. Выбор данного ресурса обусловлен его авторитетностью в медиапространстве Германии и отражением в его публикациях актуальных лингвистических трендов, в том числе процесса феминизации и нейтрализации языка. Издание придерживается высоких

стандартов публицистического стиля, но при этом активно реагирует на социальные изменения, сочетает в себе информативность, экспрессивность и социальную оценочность. В последние годы редакция *Spiegel* уделяет большое внимание инклюзивному языку, наблюдается переход от строгого использования маскулинных форм к более гибким формам, что делает их статьи идеальным материалом для наблюдения за борьбой традиционных норм и гендерных стандартов.

Методом сплошной выборки было отобрано 20 полнотекстовых статей, опубликованных в период с 01.10.2025 по 01.03.2026 [2]. Выборка материала производилась на основе принципа тематической релевантности: для анализа отбирались тексты, содержащие высокую плотность обозначений лиц. Общий объем проанализированного материала составил 7 804 слова. В выборку включены тексты различных тематических рубрик: экономика, спорт, культура и карьера. Это позволяет проследить частотность употребления формальных признаков категории гендера в различных контекстах. Под формальными признаками в работе понимаются суффиксальные образования, способы графического оформления гендерно-нейтральных форм, а также лексико-синтаксические средства репрезентации пола.

Для точности и объективности анализа нами было выделено три этапа:

Во-первых, была выявлена вся гендерно-окрашенная лексика в контексте ее употребления и оформлена в отдельных список;

Во-вторых, мы классифицировали каждую единицу по формальным языковым признакам;

В-третьих, сделана статистическая обработка данных для определения наиболее частотных способов вербализации гендера.

Всего было собрано 303 лексических единицы из 4 рубрик: экономика, культура, спорт и карьера. 46 слов составляет рубрика экономика, 77 – культура, 80 – спорт, 100 – работа и карьера. В процентном соотношении можно наглядно увидеть, что доминирующую часть гендерно-окрашенной лексики в 33 % приходится на рубрику работа и карьера. Затем следует спорт, составляющий 27 %, культура в 25 % и на последнем месте находятся статьи в рубрике экономика (15 %). Это может объясняться разной целевой аудиторией и разными целями. В экономической сфере главной задачей является информирование о рыночных процессах, а в статьях о работе и карьере главным является использование

инклюзивного языка и связывается с выставлением вакансий, либо деятельностью работников.

Формальные признаки немецкого языка являются неизменными на протяжении долгого времени, что позволяет проследить их употребление. В немецком языке грамматический род можно выделить по следующим формальным признакам: суффиксы *(-in, -ist, -ur, -er*), артикли *(die, der, das)* и т.д. Рассмотрим конкретные формальные признаки и частотность их употребления в современных немецких медиа-текстах.

Проведем сравнительный анализ: 303 лексические единицы были распределены по 4 группам. К данным группам отнесены феминитивы, маскулинные и нейтральные формы, а также инклюзивные пары. В ходе количественного анализа было выявлено, что доминирующее число занимают маскулинные формы и составляют 39 %. Анализ маскулинных форм в составе 119 единиц показал, что Generisches Maskulinum по-прежнему преобладает при обозначении профессиональных сообществ *(Journalisten, Experten, Sportler)*. Также стоит отметить указание на конкретное лицо мужского пола, которое подтверждается контекстом, именами собственными или артиклями *(der junge Franzose, der Sohn, ein Sprecher)*. Слова-композиты, где корень четко указывает на мужской род *(Konjunkturchef, Bergführer, Skibergsteiger)*, в данном случае стоит обратить внимание на слова *Chef* и *Führer,* которые в смешанной группе указывают на мужскую форму, что демонстрирует структурную жесткость немецкого словообразования.

Встречаются случаи употребления субстантивированных форм и маркировка мужского пола артиклем *der (der 27-Jährige).* В таком варианте пол определяется исключительно артиклем и флексией.

Рассмотрим феминитивные формы. Классическим способом образования женских профессий является суффиксация с помощью *-in (Managerin, Nationaltrainerin, Kommissarin, Gerichtsmedizinerin).* Данный способ подтверждает теорию о «видимости» женщин в языке и использование суффикса *-in* конкретно указывает на пол субъекта. Среди феминитивов можно выделить субстантивированные формы, в которые входят прилагательные, причастия или числительные, ставшие существительными. Здесь женский пол маркируется через артикль *die* и окончание *-e* (*die 25-Jährige, die Vorsitzende, die 22-Jährige*). Исторически сформировавшиеся феминитивы, обозначающие женщин без

специальных образовательных элементов *(seine Mutter, seine Freundin, Frau).* Эти лексемы относятся к базовой лексике и показывают биологический пол через значение корня. Распространенным также является употребление композитов, которые показывают, что категория гендера проникает глубоко в структуру сложных слов и создаются специфические женские термины для обозначения коллективов и должностей *(Favoritinnengruppe, Bundesarbeitsministerin, Teamkollegin, Skirennfahrerin).*

Для описания последних 2 групп (нейтральных форм и инклюзивных пар) нужно понимать разницу между ними. Целью нейтральных форм выступает создание невидимости пола человека и перенос внимания с пола на деятельность. Инклюзивные формы, напротив, используются для видимости мужчин и женщин в тексте одновременно. В этом случае обобщенность отсутствует.

В ходе анализа было установлено, что нейтрализация встречается чаще в исследуемых статьях, чем инклюзивные пары. Это может характеризоваться отказом от выбора между мужчиной и женщиной и использованием, например, субстантивированных причастий во множественном числе *(Beschäftigte, Mitarbeitenden).* Перечисленные слова звучат профессионально и никого не задевают. Используются также грамматически нейтральные формы, их можно назвать эффективным способом для выражения политкорректности *(Personen, Mitglieder).* Инклюзивные пары составляют 6%. Такие формы используются в официальных речах и подчеркивают важность упоминания и мужчин, и женщин *(Athletinnen und Athleten, Richterinnen und Richter).*

Проведем анализ по тематическим группам. Всего было отобрано 4 блока: *Job und Karriere, Kultur, Wirtschaft, Sport*. Распределение формальных признаков напрямую зависит от тематики текста, поэтому были проанализированы и выбраны данные группы. По данным прослеживается преобладание маскулинных форм в 41% *(Arbeitgeber, Politiker)* и нейтральных форм в 33% *(Angestellten, Altersgruppe)*. Это самая большая группа и здесь замечено сильное влияние корпоративной этики и законов о равенстве. Преобладающими выступают субстантивированные причастия *(Mitarbeitenden, Beschäftigte)*, встречаются и инклюзивные пары в 6% *(Arbeitnehmerinnen und Arbeitnehmer).* В сфере карьеры использование нейтральных форм подчеркивает статус женщин, чтобы показать их карьерные успехи.

Анализ рубрики «Культура» выявил практически идеальный баланс между использованием маскулинных форм (43 %) и феминитивов (42 %). Данный факт указывает на то, что в культурном контексте предпочтение отдается конкретным гендерно-маркированным лексемам. Низкий показатель нейтрализации (14 %) лишь подтверждает гипотезу о том, что категория гендера в данном тематическом блоке является значимым идентификатором личности. Здесь нейтральных форм *(Führungskraft, die Nachrichtenagentur)* наблюдается значительно мало по сравнению с рубрикой «Работа», и это связано с индивидуальностью и выражением точности и красочности в статьях. В текстах о культуре и искусстве гендерный маркер выступает важным элементом характеристики творческой личности, поэтому отдается предпочтение эксплицитным формам.

По сравнению с культурой в рубрике «Экономика» демонстрируется другая логика. Здесь мы видим стремление к равновесию. В проанализированных статьях можно отметить равное процентное соотношение феминитивов и маскулинных форм. В современных новостях принято соблюдать строгий баланс, и количественное равенство свидетельствует о стремлении авторов к гендерно-сбалансированному языку. Также здесь прослеживается увеличение доли нейтральных форм до 20 %. Это обусловлено спецификой экономического дискурса, в котором часто используются метонимические замены *(das Bundeswirtschaftsministerium)* и субстантивированные причастия *(Befragten)* для обозначения социальных групп. Стоит отметить высокий показатель инклюзивных форм в данной группе, так как экономика тесно связана с правом и официальными заявлениями политиков. Для того, чтобы подчеркнуть отношение и обязательство экономических реформ и налогов для всех граждан без исключения, используются инклюзивные формы *(die Rentnerinnen und Rentner, Komissarinnen und Komissaren).*

В ходе анализа 4 группы текстов (рубрика Sport) было установлено, что преобладают феминитивы *(Gerichtsmedizinerin, Starterin)*, что указывает на разрыв шаблона по сравнению с предыдущими категориями. Это самый высокий показатель женских форм среди всех наших рубрик, и они составляют почти половину всех слов (48 %). Это объясняется жесткой бинарной структурой спортивных состязаний, которая требует точной гендерной идентификации участников. В спортивных темах гендер выступает не просто формальностью, а основой классификации, так как соревнования четко разделены на мужские и женские. При написании статей о победах журналист обязан использовать

конкретику, кто достиг результата и нейтрализация здесь неуместна. Процент нейтрализации относительно других рубрик низкий и составляет 12 % *(die Spitzengruppe, die Beschuldigten).*

Проведенное исследование признаков гендерной идентификации в современном немецком языке позволяет констатировать, что данная категория переживает период активной трансформации. Морфологическая система немецкого языка предоставляет широкие возможности для вербализации гендерных смыслов, которые в настоящее время реализуются через сосуществование традиционных и инновационных форм.

Анализ проявления вербализации категории гендер показывает, что языковые изменения происходят неравномерно в различных дискурсивных сферах. Дальнейшее исследование требует расширения корпусной базы и выявления устойчивых тенденций развития формальных признаков гендера в немецком языке.

Список используемых источников

1. Степанова М.Д. Словообразование современного немецкого языка. Москва: Издательство литературы на иностранных языках, 1953. 376 с.

2. Der Spiegel. Hamburg: Spiegel-Verlag, 2024 // Spiegel.de. [Electronic resource]. URL: https://www.spiegel.de (date of treatment: 23.03.2026).

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Губарев Н.С. – студент, Курский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Алексеенко А.И. – к.соц.н, доцент, Курский филиал ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

Аннотация

В статье рассматривается трансформация ценностных ориентиров российской молодежи под влиянием цифровизации. Выявлены ключевые сдвиги: приоритет самореализации и цифровой видимости над традиционными ценностями семьи и стабильности, изменение социального капитала, а также ценностные противоречия между декларациями и реальным поведением. На основе данных социологических исследований представлен количественный анализ динамики ценностных приоритетов.

Цифровизация современного социума давно вышла за рамки исключительно технологического явления. Для россиян в возрасте 14–35 лет интернет-пространство, социальные сети и цифровые экосистемы стали привычной средой обитания, сопоставимой по значимости с физическим миром. Исследователи характеризуют данную когорту как «цифровых аборигенов» (digital natives), акцентируя, что для них жизнь в сети – не приобретенный навык, а изначальная данность [3]. Это влечет за собой коренную перестройку механизмов ценностного формирования. Если традиционные институты социализации (семейное воспитание, школа, религиозные институты, профессиональные коллективы) передавали ценности преимущественно вертикально – от старших к младшим, то сегодня в роли ключевых факторов выступают алгоритмические ленты, лидеры мнений, виртуальные сообщества и горизонтальные связи между сверстниками [2]. Ценностная система молодежи утрачивает монолитность и иерархичность, становясь гибким и ситуативным конструктом, в котором привычные смыслы (чувство долга, стабильность, служение) переплетаются с новыми (адаптивность, публичность, подлинность, быстрота). В рамках данной работы предстоит выявить характер этих изменений, возникающие противоречия и их отражение в повседневности, профессиональной ориентации и социальных контактах молодых людей.

Одним из наиболее значимых сдвигов выступает переориентация с внешних социальных требований на внутреннюю установку самореализации. В советский и постсоветский периоды ценностная система базировалась на понятиях «долг перед семьей», «обязательства перед обществом», «достоинство», «ответственность». Эти категории подразумевали жесткую включенность индивида в систему обязательств. Цифровая среда, напротив, культивирует идеи «свободы выбора» и «конструирования собственной идентичности». Социальные сети предоставляют широкие возможности для презентации личности: каждое сообщение, история, видео – это акт самоопределения [4].

Эту тенденцию подтверждают количественные исследования. Если в начале 2010-х годов для более чем двух третей опрошенных безусловными приоритетами были семья и постоянная работа, то к середине 2020-х приоритеты сместились. Лидирующие позиции заняли стремление к «интересной жизни», «реализации способностей» и «признанию», причем последнее все чаще трактуется не как авторитет в локальной среде, а как «цифровая видимость». Успех для молодого

человека может измеряться не полученным дипломом или приобретенной недвижимостью, а количеством подписчиков в блоге или виральностью проекта. Так выстраивается новая конфигурация ценностной структуры, где внешние институциональные атрибуты успеха замещаются персональными, зачастую эфемерными, но эмоционально насыщенными показателями.

Однако было бы неверно утверждать, что традиционные ценности уходят в небытие. Скорее, происходит их адаптация и переосмысление. Семья сохраняет свою значимость, но ее восприятие меняется: из иерархической системы с четкими ролями она превращается в «проект», требующий планирования и постоянного сопровождения [5]. Молодежь декларирует важность семьи, но откладывает ее создание, предпочитая сначала «самореализоваться» и «обрести устойчивость» – понятия, которые теперь наполняются цифровым содержанием (формирование «цифрового следа», наличие профессионального онлайн-портфолио, узнаваемость в сетевых сообществах).

Цифровая среда трансформирует восприятие времени. Платформы (TikTok, Instagram, YouTube Shorts) базируются на мгновенной обратной связи: реакции в виде лайков и комментариев поступают в реальном времени, а алгоритмы ориентированы на быстрый эмоциональный отклик. Следствием становится феномен «цифрового гедонизма» – стремление к сиюминутному удовольствию, что вступает в противоречие с традиционными ценностями «терпения», «труда» и «отложенного вознаграждения».

На практике это выражается в реорганизации досуга. Если раньше свободное время ассоциировалось с чтением, спортом и живым общением, то сегодня оно представляет собой непрерывный процесс потребления коротких видео, пролистывания лент и общения в мессенджерах. Согласно данным о временных затратах, экранное время в структуре досуга достигает 70–80 % в будние дни, причем значительная часть приходится на многозадачность [5]. Меняется сам характер переживания времени: оно становится фрагментированным, клиповым, утрачивает глубину. Ценность «вдумчивого чтения» или «продолжительной беседы» уступает ценности «интересного момента», который можно запечатлеть и немедленно выложить в сеть.

Парадокс заключается в том, что, предоставляя колоссальную свободу выбора, цифровая среда одновременно формирует зависимость от внешнего подкрепления. Молодые люди все чаще оценивают свои действия не по

внутренним ощущениям, а по количеству реакций. Это приводит к конфликту между ценностью «подлинности» и «публичностью» [2]. Алгоритмы поощряют подстройку под ожидания аудитории, что заставляет внутренний мир молодого человека постоянно находиться под давлением необходимости производить «востребованный» контент.

В традиционной социологии социальный капитал трактуется как совокупность ресурсов, основанных на доверии и принадлежности к сетям. В цифровую эпоху его природа видоизменяется. Глубокие, долгосрочные связи уступают место многочисленным, но поверхностным контактам в соцсетях. Ключевым ресурсом становится не столько доверие, сколько способность удерживать внимание аудитории. В этом контексте блогеры и инфлюенсеры выступают полноценными агентами трансляции ценностей.

Социологические опросы фиксируют, что для значительной доли молодежи блогеры являются более авторитетным источником мнений, чем родители или учителя [1]. Это не означает полной утраты влияния семьи, но ее роль трансформируется: родительский авторитет из институционального превращается в конкурентный, требующий освоения цифровых платформ. Возникает «цифровой разрыв поколений», размывающий традиционную иерархию.

Особую роль играют микроинфлюенсеры – фигуры с лояльной аудиторией в узких нишах. Они воспринимаются как «свои», в отличие от отстраненных институциональных авторитетов. Через них транслируются не только потребительские предпочтения, но и ценностные установки. Формируется система «горизонтального» лидерства, где статус определяется не формальной позицией, а способностью вызывать доверие.

Однако у этого процесса есть и обратная сторона. Социальный капитал, основанный на лояльности подписчиков, крайне уязвим перед изменениями алгоритмов и модой. Молодые люди, инвестировавшие в создание цифрового образа, оказываются в состоянии перманентной нестабильности, что порождает ценностный конфликт между искренностью и необходимостью поддержания контента.

Ключевым понятием для описания современной молодежной культуры становится «гибридная идентичность». В отличие от старших поколений, чья идентичность была привязана к устойчивым группам, современная молодежь

конструирует идентичность как комбинацию множества ролей, примеряемых в разных контекстах. Цифровая среда поощряет такую множественность [2].

Однако это порождает серьезные противоречия. Молодой человек может публично декларировать одни ценности, а в приватном общении демонстрировать другие. Это не всегда лицемерие, а скорее следствие противоречивых требований среды: с одной стороны, ожидается «аутентичность», с другой – алгоритмы подталкивают к созданию оптимизированного образа.

Особенно ярко это проявляется в сфере приватности. Опросы показывают, что большинство молодых людей считают защиту персональных данных важной ценностью. Однако на практике они легко соглашаются на сбор данных, публикуют личную информацию. Причина – в конфликте ценности приватности с ценностью «видимости» и «удобства». Формируется феномен «цифрового когнитивного диссонанса», когда ценности усваиваются на уровне нарратива, но не подкрепляются поведением.

Цифровизация затрагивает и профессиональную сферу. Традиционная карьерная модель (работа в одной организации на протяжении десятилетий) уходит в прошлое. Распространение получает модель «портфельной занятости» – сочетание нескольких источников дохода, фриланса и предпринимательства. Цифровые платформы делают такую модель доступной [4].

Это сопровождается изменением ценностного отношения к труду. На первый план выходят гибкость, самореализация и контроль над временем. Молодежь готова мириться с нестабильностью в обмен на свободу. Гибкий график становится ценностным маркером независимости.

Однако у этого есть оборотная сторона: ценность «свободы» вступает в противоречие с ценностью «защищенности». Молодые фрилансеры часто оказываются в зоне социальной уязвимости. Но эти риски не воспринимаются как критичные из-за иллюзии «вечной молодости», создаваемой цифровой средой.

Важно отметить, что ценностная трансформация затрагивает разные возрастные группы неравномерно. Наиболее радикальные изменения наблюдаются в группе 14–19 лет, для которых цифровая среда является естественной. По мере взросления (20–25 лет) на первый план выходят карьерные амбиции, а к 26–35 годам происходит «ценностный возврат» к семье и стабильности, хотя и в трансформированном виде.

Гендерные различия также сохраняются: девушки больше ориентированы на визуальную самопрезентацию, юноши – на технологии и соревновательность. Однако цифровая среда предоставляет возможности для выхода за рамки традиционных гендерных ролей.

Описанные изменения ставят перед обществом сложные вопросы. Традиционные институты социализации (семья, школа, вуз) оказываются в ситуации, когда их методы перестают соответствовать ожиданиям молодежи. Попытки «оцифровать» образование без пересмотра педагогической философии ведут к усилению отчуждения.

Семья сталкивается с проблемой «цифрового разрыва поколений», когда родители не понимают, какие ценности транслируют блогеры, которым доверяет ребенок. Это порождает либо гиперконтроль, либо отстраненность.

На этом фоне особую значимость приобретают неформальные институты: наставничество в цифровых сообществах, проектная деятельность. Молодежь охотнее усваивает ценности от тех, кого воспринимает как «своих». Это требует от институтов гибкости: вместо трансляции готовых ценностей – создание пространств для рефлексии и диалога.

Для обобщения описанных процессов ниже представлены таблицы, отражающие количественные параметры трансформации ценностных ориентиров.

Табл. 1

Динамика ценностных приоритетов молодежи (2010–2025 гг., % от опрошенных)

Ценностный приоритет	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2025 г.
Семья, рождение детей	68	62	55	49
Самореализация, развитие способностей	42	48	61	70
Материальное благополучие	55	58	52	47
Призвание, известность (в т.ч. в интернете)	18	27	43	58

Источник: составлено автором

Данные демонстрируют устойчивый тренд: ценность семьи, оставаясь значимой, постепенно уступает место самореализации и стремлению к признанию.

Особенно показателен рост показателя «признание, известность», который увеличился более чем в три раза за 15 лет, что напрямую связано с развитием социальных сетей и платформенной экономики (табл.1). При этом материальное благополучие перестает восприниматься как самостоятельная цель, превращаясь в «базовое условие», которое молодежь зачастую принимает как данность (или, напротив, как труднодостижимую, но не вдохновляющую задачу). Сдвиг особенно ускорился после 2020 года, когда пандемия перевела значительную часть коммуникаций, работы и досуга в цифровое пространство, сделав видимость и самопрезентацию ключевыми ресурсами [2].

Табл. 2

Разрыв между декларируемыми ценностями и реальным поведением молодежи (2025 г., % от опрошенных)

Ценность	Считают важным (%)	Реально следуют в повседневности (%)
Защита персональных данных, приватность	83	14
Экологичность, осознанное потребление	76	21
Живое общение (офлайн)	71	29
Цифровой детокс, ограничение экранного времени	68	18
Поддержка локальных сообществ	57	32

Источник: составлено автором

Таблица наглядно иллюстрирует феномен «цифрового когнитивного диссонанса». Молодежь на уровне рефлексии усваивает ценности, транслируемые через медиа и образовательные программы (приватность, экологичность, важность живого общения), однако в реальном поведении эти ценности вступают в конфликт с удобством, скоростью и социальным давлением цифровой среды. Например, для сохранения приватности необходимо разбираться в настройках, отказываться от удобных бесплатных сервисов или использовать дополнительные инструменты (VPN, шифрование) – это требует времени и технической компетенции. Экологичность часто противоречит культуре быстрой доставки и «fast fashion», которые глубоко встроены в цифровые паттерны потребления. Живое общение уступает место удобству переписки в мессенджерах и страху «выпасть» из информационного потока. Таким образом, разрыв между декларациями и практиками – не столько признак неискренности, сколько отражение

противоречивости самой цифровой среды, которая одновременно транслирует «правильные» ценности и подталкивает к поведению, им противоречащему (табл. 2).

Трансформация ценностных ориентиров молодежи под влиянием цифровизации – это не временная «поломка» традиционной системы, а долгосрочный структурный сдвиг, который требует глубокого осмысления. Молодые люди не перестают ценить семью, дружбу, честность или труд, но они наполняют эти понятия новым содержанием, а способы их реализации тесно переплетают с цифровыми практиками. Ключевые черты этого процесса:

1. Индивидуализация ценностей. Молодежь все реже принимает готовые ценностные системы от институтов и все чаще конструирует их самостоятельно, комбинируя элементы разных культур и сообществ.

2. Приоритет гибкости и скорости. Ценности, связанные с адаптивностью, многозадачностью и умением быстро переключаться, становятся более значимыми, чем стабильность и предсказуемость [3].

3. Конфликт между видимостью и аутентичностью. Цифровая среда требует постоянной самопрезентации, что порождает внутреннее напряжение между желанием быть собой и необходимостью соответствовать ожиданиям аудитории.

4. Разрыв между декларациями и практиками. Многие ценности усваиваются на уровне нарратива, но не находят последовательного воплощения в поведении из-за структурных особенностей цифровых платформ [1].

Эти изменения ставят перед обществом, государством и институтами воспитания сложные задачи. Бессмысленно пытаться «вернуть» молодежь к традиционным ценностям, игнорируя цифровой контекст. Необходимо, напротив, учиться работать внутри этого контекста: развивать критическую медиаграмотность, поддерживать офлайн-сообщества как пространства глубоких связей, создавать такие форматы занятости и социальной защиты, которые соответствуют ценностям гибкости, но при этом не оставляют молодых людей беззащитными перед долгосрочными рисками. Важно также признать, что ценностные противоречия, переживаемые молодежью, – это не признак «потерянности», а отражение сложности и новизны той социальной реальности, в которой им предстоит жить. Задача взрослого общества – не осуждать эту сложность, а помогать находить в ней устойчивые опоры.

Список используемых источников

1. ВЦИОМ. Ценности российской молодежи: динамика 2010–2025 [Электронный ресурс]: аналит. обзор // Всерос. центр изучения общественного мнения. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3T8t92 (дата обращения: 10.03.2026).
2. Лаборатория цифровой социологии НИУ ВШЭ. Цифровая социализация и трансформация ценностей молодежи: коллективная монография / НИУ ВШЭ; [под ред. Е.Л. Омельченко]. Москва: Изд. дом НИУ ВШЭ, 2024. – 312 с.
3. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической перспективе // Национальный психологический журнал. 2023. № 3. С. 25–38.
4. Тоффлер Э. Третья волна. М.: АСТ, 2019. 784 с.
5. ФОМ. Молодежь в цифровой среде: ценностные ориентации и практики: отчет по результатам опроса // Фонд «Общественное мнение». 2024. [Электронный ресурс]. URL: https://fom.ru/posts/18879 (дата обращения: 12.03.2026).

ЛЮБОВЬ И ДРУЖБА В ДУХОВНОМ МИРЕ ГЕРОЕВ РОМАНА В. КОРОТКЕВИЧА «НЕЛЬЗЯ ЗАБЫТЬ»

Добролинская А.А. – студент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Научный руководитель: Ковалюк Е.С. – к.филол.н., доцент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Аннотация

В статье рассматривается роман У. Короткевича «Нельзя забыть» сквозь призму автобиографических элементов и духовного мира героев. Особое внимание уделено образам Андрея Гринкевича и Ирины Горовой, их сложным романтическим отношениям и личным переживаниям, отражающим противоречия послесталинской эпохи. Анализируются дружеские связи Андрея с Янисом Вайдвасом, показывающие роль доверия, взаимопонимания и поддержки как духовной опоры персонажей. Подчеркивается, что любовь и дружба в романе выступают не только сюжетными линиями, но и средствами раскрытия внутреннего мира и моральных ориентиров героев.

Основные события романа В. Короткевича «Нельзя забыть» разворачиваются в конце 1950-х годов в Москве. При всей многоплановости произведения основное внимание сосредоточено на духовных поисках творческой интеллигенции, на

попытках найти моральные ориентиры в сложную послесталинскую эпоху. Важное место в романе занимает история любви Андрея Гринкевича и Ирины Горовой, наполненная драматизмом. Именно через эти личные переживания героев раскрываются важные моральные и духовные проблемы, которые волнуют автора.

Такое внимание к внутренним конфликтам и жизненному опыту персонажей неслучайно. Роман во многом носит автобиографический характер: В. Короткевич перенёс на страницы книги собственные впечатления, эмоциональные состояния и наблюдения, полученные в годы его жизни и учёбы в Москве. Чтобы сознательно отдалиться от прямой фактичности автобиографизма, обеспечить возможность свободно вводить элементы художественного вымысла, в начале произведения помещено обращение писателя к читателю, в котором акцентируется внимание на том, что «*ўсе імёны і падзеі ў гэтым рамане – выдуманыя. Усякае падабенства з людзьмі, якія рэальна існуюць, з'яўляецца выпадковым*» [1].

Известно, что многие герои романа В. Короткевича «Нельзя забыть» имеют реальных прототипов, а ситуации, описанные в тексте, отсылают к фактам биографии писателя. Это придаёт произведению особую достоверность и глубину, позволяя воспринимать его не только как художественный роман, но и как своеобразное свидетельство эпохи автора. Определённые биографические сведения, черты, мысли и чувства самого В. Короткевича были воплощены в образе Андрея Гринкевича.

Прототипом возлюбленной Андрея Гринкевича Ирины Горовой стала Нина Молева. Как и в романе, она преподаватель, лектор Высших литературных курсов при Союзе писателей, на которых учился В. Короткевич. Когда Андрей Гринкевич начал посещать лекции Ирины Горовой, она не произвела на него впечатления как женщина. Его отношение было скорее сдержанным, даже холодным: он видел перед собой интересного преподавателя, а не человека, способного вызвать любовные чувства. Однако постепенно, незаметно для самого себя, Гринкевич всё сильнее оказывался увлечён её эрудицией, умением говорить об искусстве так, будто оно является чем-то живым: «*Яна зусім не падабалася яму як жанчына. Але аднойчы ён на хвіліну даў сабе волю і спытаў, а што б ён, Андрэй, адчуў, каб яна знікла. І шчыра адказаў сам сабе, што гэта было б дрэнна*» [1]. Ирина открывала неизвестный для молодых мир искусства, своим примером приобщала их к тысячелетнему опыту человечества.

Постепенно, чувствуя всё большее притяжение к Ирине, Гринкевич не мог позволить себе открыть сердце для более глубоких чувств. В его душе по-прежнему жила память об Алёнке, которую он когда-то любил и которая трагически погибла. Эта утрата была настолько велика, что Андрей был убеждён в том, что настоящая любовь даётся только один раз, а его собственная судьба уже поставила в этой истории окончательную точку. Он считал, что новое чувство будет выглядеть как предательство прошлого, и потому не позволял себе даже подумать о том, что способен снова полюбить: « *Ён проста быў упэўнены, што не можа болей пахакаць, таму і не думаў пра яе* [Ірыну]*... А цяпер як быццам амыліся вочы. І вецер дыхае новым жыццём*» [1].

Поездка к отцу Алёны стала для Гринкевича важным внутренним переломом. В доверительном разговоре он впервые признался, прежде всего, самому себе, что Ирина Горовая постепенно занимает особое место в его жизни. Иван Столич внимательно выслушал Андрея и дал ему своего рода благословение, подчеркнув, что новая любовь не является предательством памяти о женщине, а, наоборот, свидетельствует о способности человека жить дальше, несмотря на боль прошлого. Его признание принесло облегчение, но одновременно болезненно напомнило о прошлом. Андрею казалось, что, позволяя себе новое чувство, он невольно переступает границу святой памяти об Алёне, которая уже не может ни ответить, ни защитить своё место в его сердце. Он испытывал особый стыд перед отцом Алёны – человеком, пережившим трагедию утраты дочери и доверившим ему свои самые сокровенные воспоминания.

Чувства Гринкевича к Ирине углублялись, но развивались непросто. Андрей был не уверен в себе, и эта неуверенность проявлялась во всём: ему казалось, что он слишком обычный, слишком незаметный, чтобы привлечь внимание такой женщины, как Ирина Горова: «*Ён адразу прыпамінаў, што ён пачвара, што ў яго доўгая постаць, непрыгожая пасадка галавы. Рукі здаваліся яму жаночымі, вочы – зіркатымі, ногі – нязграбнымі, манеры – дрэннымі*» [1]. Он боялся даже намёка на то, что может быть ей интересен, словно любое постороннее внимание могло разрушить тайну его чувств. Он словно изучал изнутри Ирину: её жесты, манеру говорить, светлую внимательность к людям, ту необычную мягкость, которая проявлялась в мелочах и которую он всё чаще замечал в её отношении к себе. Постепенно молодой человек начинал понимать, что эта мягкость не случайна, что

и Ирина, хоть и сдержанно, откликается на его присутствие, что в ней также зарождается интерес, возможно, даже симпатия.

Подтверждением этого стало приглашение, которое Ирина однажды сделала Андрею. Она предложила ему зайти к ней домой, чтобы продолжить разговор, произошедший после очередной лекции. Для Гринкевича это приглашение стало почти признанием, знаком особого доверия. Но когда дверь квартиры открывал муж Ирины, этот момент обернулся для Андрея сильным ударом: « *Ён выйшаў на вуліцу з пачуццём такога несамавітага болю ў сэрцы, якога ён ніколі не чакаў. Усё было ясна. Муж. Другі мужчына. Усё ясна. Ля газетнага кіёска боль стаў такім, што Андрэю здалося: ён памірае*» [1]. Всё, что молодой человек тщательно скрывал и оберегал в своей душе, внезапно оказалось болезненно обнажённым.

Ирина, несмотря на явную симпатию к Андрею, вела себя непоследовательно. Казалось, она сознательно играла с его чувствами: то подпускала его очень близко, позволяя ощутить своё тепло и интерес, то внезапно отталкивала, становилась холодной и отчуждённой. Сама она объясняла это просто и, казалось бы, рационально: говорила, что он ей не подходит, что он молод, что достоин лучшего, что рядом с ним должна быть другая женщина. Однако Гринкевич не видел в ней ничего из того, о чём она говорила. Все её слова казались ему неискренними. Он видел в Ирине не её недостатки, а глубину, силу, красоту внутреннего мира. И поэтому каждый раз, отталкиваемый ею, он испытывал боль, но не отказывался от своих чувств. Он продолжал восхищаться, видеть в любимой то, чего она сама в себе не признавала.

Но настоящая причина, по которой Ирина так настойчиво отталкивала Андрея, была куда глубже, чем их кажущаяся несовместимость. У Ирины было больное сердце: в нём с времён войны остался осколок. Врачи предупреждали, что любое неосторожное движение, любая нагрузка могут оказаться смертельными. Она просто не верила, что сможет выжить после операции, и в целом не видела смысла в продолжении жизни, которая давно утратила для неё краски. Андрей же, напротив, цеплялся за каждую возможность спасти любимую. Он умолял её согласиться на операцию, был уверен, что медицина того времени способна на невозможное.

Проведя много времени рядом с Андреем, Ирина постепенно начала меняться; к ней возвращалось то, что женщина давно утратила: смех, интерес, желание видеть завтрашний день. Ирина согласилась на операцию, потому что

впервые с времён войны по-настоящему захотела жить. Но даже перед операцией она продолжала мучительно играть на чувствах Андрея: назначала встречи, но нередко не приходила, а потом делала вид, будто ничего не произошло. Для Андрея каждая её неявка становилась тяжёлым ударом. На одной из таких встреч Ирина прямо сказала, что между ними окончательно ничего не может быть. Эти слова снова словно вбивали в Андрея. Образ Ирины продолжал жечь его сердце, не позволяя забыть ни её саму, ни то, что происходило между ними: «*Раптам у цішыні і цемры ў яго сэрцы выбухнула такая вострая цяга да яе, такая туга, што ён застагнаў*» [1].

Продолжая разговор об автобиографичности романа «Нельзя забыть», важно отметить, что Нина Молева, так же как и героиня романа, нуждалась в серьёзном лечении и должна была ехать за границу. В. Короткевич писал своему старшему другу Я. Брилю письмо из Москвы: « *На вакацыях я памірaў кожны дзень: яна была ў Вене, у клініцы. І там адмовіліся. А стан усё пагаршаецца*» [2]. Однако, в отличие от Ирины, Молевой операцию сделали – и она выжила. В романе же Ирина не выживает: её сердце останавливается после проведённой операции. Это трагическое завершение сюжета выглядит как сознательное художественное решение писателя. В. Короткевич наделяет её образ высоким, трагическим характером, возносит любовь Ирины к Андрею до уровня самопожертвования и вечной светлой боли.

В жизни В. Короткевича всё было иначе. После возвращения Молевой из-за границы их отношения резко изменились. Нина обидела В. Короткевича и неоднократно обманывала, фактически оставив его. Именно поэтому в одном из писем он говорил о ней с горечью и гневом, называя подлой женщиной, так как чувствовал себя обманутым и преданным: « *Мне безразлична ее судьба и ненавистна она сама, лживая, подлая… Пусть поблагодарит бога, что я хотя бы в смерти сделал ее высокой. Не мог, понимаешь, помня, как я ее любил*» [2].

Любовь Андрея и Ирины трагична, сложна и полна противоречий, и она развивается не из мгновенного увлечения, а из постепенного открытия души другого человека. Их чувства становятся не просто романтической линией в произведении, а испытанием, которое выявляет всё самое настоящее в их внутреннем мире. Их история – свидетельство того, как человек способен возрождаться через чувства, и того, как прошлое может стать препятствием для счастья.

Выявляя духовный мир своих героев, в романе «Нельзя забыть» В. Короткевич также обращается к осмыслению дружеских отношений. В произведении показано дружеское взаимодействие Андрея Гринкевича и Яниса Вайдваса, с которым они вместе учатся на Высших литературных курсах. Прототипом Яниса Вайдваса стал друг В. Короткевича – Гераним Стулпан. Именно этому человеку был посвящён роман, подчёркивая тем самым значимость их дружбы и ту глубину человеческих отношений, которая стала одной из духовных опор писателя в московский период: «*Памяці друга майго Гераніма Стулпана – прысвячаю*» [1].

Дружба Андрея и Яниса показана в романе как одна из самых искренних и глубоких линий. Янис становится для Гринкевича не просто однокурсником, а близким человеком, которому можно доверить сомнения, творческие переживания, личную боль и радость. Их отношения основаны на уважении, взаимной поддержке и готовности прийти на помощь в любой момент.

Молодые люди подружились не сразу. Первым шагом к дружбе стал простой случай: Янис обратил внимание на Андрея, когда тот упомянул, что родом из Витебской области, тогда как сам Янис происходил из тогдашней Витебской губернии. Этот общий корень стал началом их сближения, позволив понять друг друга с полуслова и заложив основу будущей крепкой дружбы, которая сопровождала их на протяжении всего времени учёбы и в последующем периоде жизни: «*З таго часу «землякі» пачалі прыглядацца адзін да аднаго*» [1]. Позже молодые люди проявили себя как разные творческие личности: у Яниса стихи были более гражданскими, патриотическими, тогда как у Андрея – лирическими, проникнутыми душевными переживаниями.

И сами по себе, несмотря на глубокую привязанность друг к другу, Андрей и Янис были также разными людьми: и внешне, и по характеру, и по темпераменту. Однако именно это различие делало их дружбу такой гармоничной и взаимодополняющей: каждый обогащал внутренний мир другого, помогал смотреть на жизнь с иной перспективы и находить силы и вдохновение там, где одному было бы трудно справиться: « *Яны былі вельмі непадобныя адзін на аднаго – беларус і латыш. Беларус – высокі, хударлявы, з выразнымі, вельмі пластычнымі рухамі, з непрыгожым тварам, які прыкрашвалі толькі глыбокія, як на старых іконах, вочы пад цёмнымі бровамі. Латыш – ніжэйшы за яго, каржакаваты, з белым тварам і таўставатымі вуснамі. Выгляд надта сялянскі, але незвычайна*

добры і мілы» [1, с. 69]. Именно из этого различия складывалась сила их дружбы: каждый привносил в неё то, чего не хватало другому. Андрей давал уязвимость, память и духовную глубину; Янис – спокойствие, стойкость и жизненную опору. Вместе они создавали редкое, глубокое взаимопонимание, которое становилось важной поддержкой для обоих в годы учёбы и творческих поисков.

Молодые люди не скрывали друг от друга ни одной жизненной ситуации: что бы ни происходило, всё обсуждали, прежде чем сделать следующий шаг. Такая открытость была естественной частью их дружбы. Янис всегда говорил Андрею только правду, порой жесткую или неприятную, насколько требовала ситуация. Он считал, что имеет на это право как настоящий друг. И именно этого Андрею часто не хватало: искренности, трезвого взгляда со стороны; человека, который скажет так, как есть на самом деле. Янис становился для него своего рода моральным ориентиром, который помогал не сбиться с пути ни в творчестве, ни в личной жизни.

Особую дружескую близость создавал и тот факт, что Янис знал белорусский язык, и поэтому в далёкой Москве они могли говорить по-белорусски свободно, естественно, без усилий. Постепенно их дружба стала настолько крепкой, что молодых людей воспринимали почти как единое целое: порой им было достаточно одного взгляда, чтобы понять друг друга, а смеяться по-настоящему они могли только над своими, понятными только им шутками.

Это человеческое, духовное сближение постепенно превращалось в по-настоящему крепкую, «мужскую» дружбу, построенную не на словах, а на верности, уважении и готовности в любой момент подставить плечо. Они любили друг друга по-мужски: не сентиментально, не напоказ, а глубоко, надёжно, с той внутренней преданностью, которая рождается только раз в жизни. Их дружба была похожа на братство, которое не требует объяснений и не боится испытаний. Именно поэтому слова, которыми они отзывались друг о друге, звучат так искренне и открыто. Через образ Андрея В. Короткевич показал своё тёплое отношение к другу: «*Яніс і цяпер быў трошкі артадаксальны, але гэта была добрая артадаксальнасць абаяльнага і светлага чалавека. І Грынкевіч любіў яго*» [1]. А Янис, в свою очередь, видел в Андрее ту внутреннюю привлекательность, которую невозможно объяснить внешностью. Его признание удивляет, но звучит ещё более искренне: «*Езус-Марыя, як ён мне падабаецца. І прыгожага ў ім нічога няма, і сімпатычнага, у агульным разуменні, таксама, і ўсё ж проста вачэй ад яго нельга*

адвесці» [1]. Эти слова показывают, что привязанность Яниса к Андрею строилась не на поверхностных впечатлениях, а на душевной близости и способности видеть в человеке его истинную сущность.

Глубина их дружбы проявляется наиболее ярко в те моменты, когда молодые люди открыто говорят друг другу о том, как они меняются под влиянием дружбы. Янис признаётся Андрею: «*Ведаеш, братка, я стаў з табою зусім іншым, не такім дубаватым*» [1]. На что Андрей отвечает ему тем же: «*А я з табою – не такім крыклівым і свалачным*» [1]. Их смех в этот момент – не просто шутка, а признание того, что каждый из них помог другому стать лучше, мягче и человечнее. Янис не только слушает Андрея, но и переживает за него так, как может только настоящий друг, искренне заинтересованный в будущей судьбе товарища: «*І я вельмі хачу табе шчасця… Я сёння ўсю ноч думаў над тым, што ты мне распавёў. Закахацца табе трэба, вось што*» [1]. Эта фраза показывает, что Янис не пытается вмешиваться в жизнь Андрея, но стремится направить его, вернуть ему способность ощущать и верить в любовь. Он видит, как тяжёлое прошлое заглушает у Андрея живые эмоции, и хочет помочь ему выйти из внутреннего тупика.

Когда Андрей переживал мучительные чувства из-за отношений с Ириной, он носил свою боль в себе, никому не показывая. Молодой человек замыкался, и внутренняя напряжённость становилась всё сильнее. Однако стоит ему приехать к Янису, как все внутренние барьеры рушились. Перед другом он мог быть таким, каким не позволял себе быть ни с кем другим: слабым, растерянным, искренним. Он мог рассказать ему всё, проговорить накопившуюся тревогу, признаться в страхах и сомнениях. Более того, только рядом с Янисом Андрей мог заплакать, не скрываясь и не стесняясь, потому что знал, что его поймут и не осудят.

Дружба Андрея и Яниса в романе В. Короткевича «Нельзя забыть» предстает не просто как человеческая привязанность, а как одна из главных духовных опор героев. Она строится на доверии, честности, способности понимать без слов и быть рядом в самые трудные моменты. Разные по характеру и внешности, герои дополняют друг друга, помогают каждому раскрыть в себе лучшее и оставаться верным собственному пути.

Таким образом, любовь в романе раскрывается как глубокое, преобразующее чувство, способное возродить человека, но одновременно сопряжённое с внутренними противоречиями и трагизмом. В свою очередь, дружба Андрея и

Яниса выступает надёжной духовной опорой, помогающей героям преодолевать жизненные трудности, сохранять внутреннюю стойкость и верность себе. В единстве этих двух линий утверждается мысль о том, что именно любовь и дружба формируют духовный мир человека и определяют его жизненный путь.

Список используемых источников

1. Караткевіч У. С., Леаніды не вернуцца да Зямлі: раман амаль што сентыментальны. Мінск: Папуры, 2021. 496 с.

2. Марціновіч Д. А., Жанчыны ў жыцці Уладзіміра Караткевіча. Мінск: Чатыры чвэрці, 2014. 178 с.

АВТОРСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ АРХЕТИПИЧЕСКОГО ОБРАЗА МАТЕРИ В ЦИКЛЕ МАРИИ СЕМЁНОВОЙ «ВОЛКОДАВ»

Евдокимова А.О. – магистрант, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Научный руководитель: Родионов М.С. – к.филол.н., доцент, ФГБОУ ВО «Челябинский государственный университет»

Аннотация

В статье анализируются соответствующие архетипу матери женские образы, представленные в цикле Марии Семёновой «Волкодав», в их сопоставлении с классическим архетипическим образом матери. Проведённый анализ позволяет сделать вывод о явном авторском переосмыслении традиционного архетипа матери. Переосмысление реализуется в создании авторского образа Матери-воительницы, а также в намеренной незавершённости одного из женских образов.

Термин «архетип», первые упоминания о котором наблюдаются ещё в древнегреческих философских трудах, до сих пор остаётся актуальным объектом исследований с точки зрения как мифопоэтики и литературоведения, так и психологии. Аксиоматическое определение данного термина универсально для многих областей наук – архетип в общем смысле понимается как неизменная базовая модель. Тем не менее мы выделим некоторые ключевые характеристики данного явления с точки зрения нашего исследования. Карл Густав Юнг и его последователи отмечали, что архетип является образованием архаического характера, который содержит в себе мифологические мотивы. Кроме того, по

словам того же К.Г. Юнга архетип выполняет побудительную функцию, побуждая человека к творческой деятельности и регулируя процесс выстраивания литературного текста. Таким образом, мы можем анализировать элементы литературного текста с учётом архетипического и мифологического влияния.

В цикле «Волкодав» Мария Семёнова переосмысляет некоторые архетипические образы. Мы рассмотрим реализацию в тексте архетипического образа матери на примере двух героинь – Эртан и кнесинки Елень в их сопоставлении с классическим архетипическим образом, который выстраивает в своих исследованиях Мирча Элиаде [4].

В концепции М. Элиаде образ матери является нераздельным образом Матери-Земли и трактуется весьма разнообразно. В мифологических системах образ матери человека есть лишь воплощение Великой земной Матери. Разумеется, эта связь строится на мотиве рождения. Например, традиционно женщины рожали на земле. Сакральный смысл позы заключался в близости к Матери-Земле, так как сам факт вынашивания и рождения плода представлял собой микрокосмический вариант порождения мира самой Матерью-Землёй [5]. Женщина таким образом имитирует то, что уже когда-то совершила Мать-Земля.

Исследователь говорит о роли Матери в обрядах инициации, целиком основанных на мифологических представлениях о превращении мальчика в мужчину, а значит – о втором рождении. Так образ Матери наделяли сакральным смыслом, ведь без её помощи мальчик не мог стать полноправным членом общества и пробудить в себе культурные традиции, а именно, возможность участвовать в сакральных действиях. Более того, в некоторых культурах образ матери при обряде инициации отождествляли с образом наставника. Например, в Индии наставник символически перевоплощает подростка в эмбрион и вынашивает три ночи в своём чреве.

Архетип Матери наделялся сакральностью также и потому, что зачастую мрак хижины, где подросток проходит инициацию, и, соответственно, реальный мрак предродовой жизни во чреве женщины сравнивали с ночью, которая предшествовала сотворению мира, то есть – первоначальный Хаос. Связано это непосредственно с архетипом Матери как исцелительницы. Часто в архаических системах люди использовали ту же технику «перерождения» и для исцеления от болезней.

Итак, согласно концепции Элиаде, архетип матери соотносится с сакральным значением перерождения, инициации, наставничества, исцеления и приобщения к культурной традиции, иначе говоря – к миру, к обществу и к Вселенной.

В системе женских образов цикла Марии Семёновой «Волкодав» наблюдается переосмысление данного архетипа на примере таких героинь как Эртан и кнесинка Елень. Обратимся к образу Эртан. В первую очередь нам представляют её как урождённую воительницу, и даже внешне в ней присутствуют мужские черты: *«Волосы острижены до плеч, почти по-мужски»* [2]. Сакральный образ Матери проявляется в Эртан следующим образом. После тяжелого ранения Волкодав путает Эртан со своей матерью: *«…голова его покоится на тёплых женских коленях. Без сомнения, это была его мать…»* [2]. Данная сцена напрямую связана с сакральным мифологическим мотивом перерождения, так как Волкодав ошибочно предполагает, что это была его мать, *«каким-то образом спасшая его во время набега»* [2]. Близость Волкодава к чреву Эртан это подчёркивает. Соответственно, сохраняется и архетип Матери-исцелительницы, которую Волкодав видит в первую очередь после тяжёлого ранения, едва не ставшего фатальным.

Кроме того, через некоторое время Эртан получает старшинский пояс и предводительство над другими воинами. Герой отмечает, что «*как это ни странно»* [2], в ней появилась не только властность, но и *«нечто отчётливо материнское, совершенно не свойственное ей прежде»* [2], потому что *«женщина, по заслугам и достоинству выбранная вождём, становится своим воинам матерью»* [2]. Её близость к войнам, сражениям и материнской власти указывает на тот же самый мотив перерождения, так часто сопровождающий воинов на поле боя. Кроме того, здесь так же сохраняется мотив наставничества.

Кроме того, говоря об Эртан как о воительнице и матери, мы можем утверждать, что в ней реализуется образ матери воина. Стоит вспомнить реальные спартанские ритуалы, когда женщины отправляли своих мужчин на войну. Они вручали им щит со словами «с ним или на нём». Образ Эртан на пересечении воительницы и матери таким образом реализует поведенческую модель, известную с глубокой древности. Объединение архетипической и исторической парадигм составляет набор аллюзий и работает на ощущение достоверности.

Для большего понимания переосмысленного архетипа мы также можем обратиться к другой героине цикла М. Семёновой – кнесинке Елень Глуздовне, в

которой архетип матери выражен с совершенно неожиданной стороны. Немаловажным является образ матери Елень – воительницы Любимы. С одной стороны, как сама Елень, так и окружающие её люди неоднократно сравнивает кнесинку с её матерью: *«Елень Глуздовна действительно удалась в мать»* [2]. В тексте наблюдается акцент на наследственной материнской линии воительницы. Это касается в том числе и вышеупомянутой Эртан, которая объясняет свою воинственность женским генетическим наследием: *«Моя прапрабабка, бившаяся в Последней войне…»* [2]. Подобно Эртан, Елень так же неразрывно связана с женским – материнским – генетическим наследием. Автор таким образом вводит в повествование абстрактный образ Матери-воительницы (*«А еще говорили, будто лицом и телом кнесинка Елень была сущая мать Мать-воительница»* [2]*).* Предположительно речь идёт не о реальной матери кнесинки, так как при указании на Матерь используется заглавная буква. Таким образом Елень ставят в один ряд с неким существом, смешивающим в себе противоречивые для местной мифологической системы характеристики – женщина не может быть одновременно матерью и воительницей: *«Боги не судили женщинам драться»* [2].

Мотив смешения мужской и женской характеристики наблюдается и на номинативном уровне. Стоит обратить внимание на имя кнесинки. Согласно словарю Владимира Ивановича Даля, «елень» представляет собой старинный церковнославянский вариант слова «олень» [1]. При этом термин использовался как для обозначения самца оленя, так и для обозначения самки *(«Елень быстра, не коню сестра»)* [1]. В случае с Эртан это смешение соблюдается на уровне портретной характеристики: *«Женская мощь и женская нежность. Грозная удаль и влекущая красота»* [2].

Геопоэтика текста также намекает на неслучайный характер выбранного имени и его связи с образом Матери-воительницы. Мария Семёнова конструирует художественный хронотоп, на первый взгляд не имеющий связи с реальной географией. Тем не менее, если обратить внимание на детали, можно заметить, что город Галирад, которым временно правит Елень, имеет реальный географический прообраз, а именно, Киевскую Русь XV–XVII веков. На это указывает особое обозначение местной знати – «*Кнес Глузд Несмеянович, сопровождаемый* ***боярами*** *и народом»* [2]. Ни до, ни после данный термин по отношению к местному населению прочих городов в цикле не используется. На связь с Киевской Русью указывает также постоянное использование традиционной русской формулы

именования: «Глузд Несмеянович», «Кнут Милованыч», «Елень Глуздовна» и пр., которые так же более нигде в тексте не встречаются. Кроме того, используется архаичное приветствие «гой еси», являющееся этнокультурным маркером исключительно славянской традиции: *«Гой еси, государыня»* [2]. Исходя из этого, мы можем предположить, что выбор старинного церковнославянского слова «елень» в качестве имени для местной правительницы отнюдь не случаен.

Таким образом, мы можем говорить, что Эртан и Елень являют собой воплощение образа Матери-воительницы. Но, в отличие от Эртан, Елень не выполняет функций архетипа Матери. В ней отсутствуют какие-либо мотивы наставничества, перерождения и исцеления. Примечательно, что, скорее, мы наблюдаем противоположную картину. Во-первых, вместо того, чтобы кого-то наставлять, Елень сама находит себе наставника в лице Волкодава, который обучает её воинскому искусству. Во-вторых, в отличие от Эртан, которая неразрывно связана с мотивом перерождения как по отношению к воинам, так и по отношению к Волкодаву, Елень сама в каком-то смысле должна была являть собой результат перерождения своей матери. Мы используем данную формулировку в связи с тем, что предполагаем намеренную незавершённость образа Елень.

На сравнении с Эртан мы можем утверждать, что, подобно ей, Елень так же должна была перенять материнское наследие и принять судьбу Матери-воительницы. Но, в конце концов, она оказывается не приспособленной к воинскому искусству: *«Ужасала ее лютая кровожадность ухваток»* [2]*; «У самой от малейшего шороха сердчишко, как хвост овечий, трепещет»* [2]. Несоответствие своего архетипического предназначения и реальной жизни отражено во сне: *«Ей приснился сон, в котором она не бросила Волкодава, и она возмечтала, что в действительности будет так же храбра»* [2].

Примечательно, что образы Эртан и Елень неоднократно сравниваются. Как уже было сказано, Волкодав сравнивает Эртан с соколицей. Одновременно с этим идёт указание на сравнение с Елень: *«Лебедь. И соколица»* [2]. Сразу же следует характерное указание на невозможность кнесинки соответствовать своему предназначению: *«Такая, какой захотела стать кнесинка, но вряд ли когда-нибудь станет...»* [2]. Стоит также обратить внимание на озвученное сравнение героинь с точки зрения животной характеристики. Примечательно, что сокол и лебедь стоят рядом – как известно, в традиционной сказочной картине мира пара «сокол-лебедь» символизировала жениха и невесту [3]. Это можно сопоставить с нашими

выводами касательно нереализованного образа Елень в контексте смешения мужской и женской характеристики. Елень таким образом остаётся лебедем – «невестой» – в то время как Эртан следует своему предназначению Матери-воительницы, перенимая мужские характеристики и становясь «женихом». Но принадлежность к исконно женскому архетипу Матери приводит к логичной трансформации сокола в соколицу. На фоне этого мы можем говорить об Эртан как об архетипическом двойнике. В литературе традиционно используется образ двойственного героя, когда из двух персонажей формируется один образ. Ярким примером может послужить Хорь и Калиныч из одноимённого рассказа Ивана Сергеевича Тургенева. В нашем же случае мы наблюдаем противоположную, но весьма схожую картину удвоения архетипа в одном образе, которые в сумме несут одну смысловую нагрузку.

Таким образом, на примере образов Эртан и кнесинки Елень переосмысливается классический архетип Матери. В указанных образах этот архетип реализуется в виде авторского образа Матери-воительницы, где указание на Мать является куда более абстрактным, чем в традиционном понимании архетипа. Образ кнесинки Елень являет же собой намеренно нереализованный образ Матери-воительницы и, соответственно, архетипа Матери.

Список используемых источников

1. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: том 1. Москва: РИПОЛ классик, 2006. 752 с.

2. Семёнова М. Волкодав. Москва: Издательство АЗБУКА, 2021. 674 с.

3. Черноусова, И. П. Концепт птица в сказочной картине мира // Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского. 2023. С. 35–42.

4. Элиаде М. Аспекты мифа. Москва: Академический проспект, 2010. 256 с.

5. Элиаде М. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. Москва: Ладомир, 2000. 420 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЭВФЕМИЗМОВ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТЕКТИВНОГО СЕРИАЛА «ШЕРЛОК»)

Звездилина К.В. – студент, УО «Барановичский государственный университет»

Научный руководитель: Бартошевич И.А. – старший преподаватель, УО «Барановичский государственный университет»

Аннотация

В статье рассматриваются семантические особенности эвфемизмов в английском на материале детективного сериала «Шерлок». Анализируются качественные и количественные характеристики «смягченной» лексики, выделяются основные семантические группы. Автор приходит к выводу, что эвфемизмы в кинодиалоге выполняют функции смягчения реальности, маскировки табуированных тем и создания речевых портретов героев.

Введение

Семантика – это информация, которая передается языком или его отдельной единицей. Поскольку текст, как утверждает О.О. Варнавская, является одновременно и произведением речи, и единицей языка, мы можем говорить о семантике кинодиалога и, в частности, об использовании в нем лексики с преднамеренно смягченным значением [2].

Эвфемизмы – это нейтральные по смыслу слова или выражения, которые используются в речи для замены грубых, нетактичных и резких высказываний.

Актуальность данного исследования связана с изучением механизмов речевого смягчения грубых выражений в английском языке на материале кинодискурса, который отражает коммуникативное взаимодействие героев.

Целью работы является выявление и описание семантических особенностей эвфемизмов на материале детективного сериала «Шерлок». Поставленная цель предполагает решение следующих задач: методом количественной выборки отобрать единицы эвфемизмов из кинодиалога; классифицировать их по семантическим группам; количественно проанализировать эвфемизмы каждой группы; охарактеризовать функции эвфемизмов в речи персонажей.

Объекты и методы

Материалом исследования послужили 4 сезона детективного сериала «Шерлок» (Великобритания). В результате анализа было выделено 111 случаев употребления эвфемизмов, которые в последующем были распределены по семантическим группам.

При работе использовался метод сплошной выборки для отбора материала, анализ для определения значения выражений и описания семантических групп и количественный подсчет для определения частотности употребления фраз в сериале «Шерлок».

Экспериментальная часть

В ходе данного этапа исследования был произведен просмотр 4 сезонов детективного сериала «Шерлок» общей продолжительностью 16 часов. Процедура включала несколько этапов.

На начальном этапе во время первичного просмотра фиксировались все случаи использования лексических единиц, которые могли быть идентифицированы как эвфемизмы.

На втором этапе проводился анализ отобранных единиц. Каждый потенциальный эвфемизм анализировался с точки зрения наличия прямого и смягченного значения. Для этого использовались толковые словари английского языка, а также учитывался контекст, в котором употреблялась фраза.

На третьем этапе отобранные лексические единицы были распределены по тематическим группам на основе семантического принципа.

На четвертом этапе для каждой семантической группы был проведен количественный подсчет частотности употребления эвфемизмов, а также качественный анализ их функций в речи персонажей. Результаты количественного анализа представлены в таблице 1.

Результаты и их обсуждение

Анализ отобранного материала сериала позволил распределить эвфемизмы на следующие семантические группы: смерть; насилие; преступная деятельность; опасность; психологические травмы; психические отклонения; личная жизнь и отношения; преуменьшение трагедии; наркотики и зависимость. Рассмотрим подробнее каждую из семантических групп.

Самой существенной семантической группой является группа «Смерть». К ней относятся эвфемизмы, которые используются для смягчения реальности смерти для того, чтобы сделать эти фразы приемлемыми для восприятия слушателем.

Например, «He took his own life» и «Apparent suicide» позволяют детективам и сотрудникам полиции избегать прямого грубых формулировок и прямого упоминания факта смерти. К этой группе также относятся бытовые и

религиозные эвфемизмы: "He's not... around anymore" «Gone to heaven», «She's beyond this veil of tears». Они создают более мягкий, в какой-то степени поэтичный образ смерти для того, чтобы герои могли легче пережить и справить с горем. Как отмечает Н.Д. Арутюнова, эвфемизмы смерти являются одной из наиболее универсальных категорий в языке, отражающей страх человека перед небытием [1].

Семантическая группа «Насилие» является существенной и включает эвфемизмы, целью которых является маскировка грубых и жестоких действий, чтобы фразы выглядели как безобидные и нейтральными. Фразы этой группы используются героями и не имеют никакой эмоциональной окраски, чтобы не подчеркивать факт насилия. Например: «He takes care of people», «Wet jobs», «Consulting criminal». Один из главных персонажей является представителем власти и зачастую в своей речи использует метафоры, с целью оправдать факт насилия и применения силы: «This country sometimes needs a blunt instrument». Такие фразы как «Destroy me inch by inch», «The East Wind is coming» представляют собой прямые угрозы, указывающие на насилие, но используются в таком виде, чтобы создать напряженную атмосферу, избегая и не произнося прямых слов. Таким образом, данная семантическая группа демонстрирует, как язык используется для сокрытия или смягчения насилия.

Семантическая группа «Преступная деятельность» является одной из самых продуктивных и значимых по количеству эвфемизмов. Герои, занимающиеся незаконными делами, используют их, чтобы презентовать свой бизнес как легальный или не представляющий опасности. Такие фразы как «Import- export business», «The family business» и «Special deliveries» скрывают факт преступления. В свою очередь, герои, которые относятся к представителям власти, используют эвфемизмы для описания незаконных или секретных операций, делая их звучание официальным и менее тревожным для общества: «Witness protection scheme», «Classified beyond top secret». Также к этой группе можно отнести следующие фразы: «A small misunderstanding with customs»; «Underground network»; «I'm a businessman acquiring assets». Подобные примеры иллюстрируют механизм так называемой «языковой маскировки» девиантного поведения, описанный В.И.Карасиком [3].

Семантическая группа «Личная жизнь и отношения» включает эвфемизмы, которые позволяют говорить на темы секса, интриг и личных конфликтов более мягко или, наоборот, с иронией. Для описания романтических связей на работе

используется «Office romance», для конфликтов – «We didn't always see eye to eye» и «A difficult relationship» (Сложные отношения). В разговорах об интимной жизни, используются следующие выражения: «Recreational scolding», «Compromising photographs», «Pretty racy». Это позволяет сохранять сдержанность в обсуждении современных тем.

Семантическая группа «Опасность» является наиболее употребительной и включает эвфемизмы, используемые для того, чтобы уменьшить уровень тревоги или, наоборот, замаскировать факт наличия опасности. Полиция применяет такие фразы, чтобы успокоить людей. Например: «We are all as safe as we want to be» открыто не подтверждая факт возникновения или наличия угрозы. Главный герой часто называют опасные расследования, используя эвфемизмы: «a bit of an adventure», «The game is on», что автоматически превращает опасность или расследование в так называемую игру или вызов. Это применяется с целью избежать страха. Полиция используют эвфемизмы такого типа, чтобы избежать паники: «There's been a bit of a break-in», «Security's down».

Семантическая группа «Психологические травмы» является существенной и значимой для раскрытия внутреннего мира персонажей. Она важна для глубокого понимания персонажей, вернувшихся с войны или переживших тяжёлый опыт. Эвфемизмы служат для того, чтобы говорить о болезненном опыте, не погружаясь в него заново. Фраза «Adjust to civilian life» заменяет собой факт депрессии и потери смысла существования. Выражения «Face my demons» и «Put away your heartache» и описывают внутреннюю борьбу с травмами. Еще примеры, которые можно отнести к данной группе: «Seen terrible things»; «It was a terrifying ordeal»; «I couldn't face letting it out».

Семантическая группа «Конфликты» является частотной, но менее значимой по количеству фраз. Она включает в себя эвфемизмы, используемые для описания ссор, вражды и напряжённости в отношениях. Вместо прямых обвинений или описания агрессии персонажи говорят «We had a bit of a falling-out», «A childish feud» или «No love lost there». Даже бытовые ссоры Шерлока и Джона миссис Хадсон называет «Domestic» / «Little domestic», что звучит безобидно, смягчая серьёзность их конфликтов.

Семантическая группа «Преуменьшение трагедии» объединяет эвфемизмы, цель которых – снизить значимость или серьёзность трагических событий. Шерлок часто использует такие фразы, чтобы эмоционально дистанцироваться от ужаса

происходящего: «Is it a boring interlude?», «It's not a big deal». Официальные лица используют эвфемизмы этой группы, чтобы избежать ответственности или паники: «A bit of a break-in», «Nothing of importance».

Семантическая группа «Наркотики и зависимость» является существенной для характеристики главного героя, однако менее количественно представленной. Эвфемизмы служат для маскировки пагубной привычки. Фраза «Helps me think» – это классическое оправдание употребления никотина/наркотиков для стимуляции мозговой деятельности. Выражение «It's a three-patch problem» указывает на то, что герой столкнулся со сложной задачей, которую возможно решить только через необходимую дозу никотина. Друзья главного героя часто используют шутливые выражения для смягчения ситуации, как например: «Keep you off the sweeties» где наркотики специально названы сладостями. Это позволяет говорить о проблеме, не называя её прямо.

Семантическая группа «Психические отклонения / состояние» является значимой, но менее продуктивной по сравнению с группами «Смерть» и «Преступная деятельность». Она включает фразы, которые используются для описания нестандартного мышления и необычного поведения, особенно в отношении главного героя Шерлока. Фраза «I'm a high-functioning sociopath», часто используется главные героем и является клиническим эвфемизмом, который позволяет ему описать свои особенности. Фразы «He's not himself lately» или «A bit of a loner» применяется окружающими, чтобы обозначить странности в поведении. В эту же группу входит медицинский термин «Psychosomatic», которым Шерлок объясняет психологическую природу героев.

Семантическая группа «Самоубийство» включает в себя все разговоры о самоубийстве в сериале. Эта группа включает официальные формулировки «Apparent suicide», бытовые «He took his own life», «...this phone call ... It's my note», где слово «note» становится эвфемизмом для предсмертной записки. Даже фраза «People always leave a note» в устах Шерлока звучит как констатация факта, за которой скрывается глубокий эмоциональный подтекст.

Количественное распределение эвфемизмов по семантическим группам представлено в таблице 1.

Табл. 1

Распределение эвфемизмов по семантическим группам

Семантическая группа	Количество единиц
Смерть	17
Насилие	15
Преступная деятельность	13
Личная жизнь и отношения	12
Психологические травмы	10
Опасность	10
Конфликты	8
Преуменьшение трагедии	7
Наркотики и зависимость	7
Психологические отклонения	6
Самоубийство	6
Итого	111

Источник: составлено автором

Как показывают данные таблицы 1, наиболее частотными являются эвфемизмы, относящиеся к группам «Смерть», «Насилие», и «Преступная деятельность». Это объясняется жанровой спецификой сериала, в котором данные темы являются ключевыми, а также необходимостью социальных норм при обсуждении табуированных тем в кинодискурсе.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод, что семантические особенности эвфемизмов в английском языке на материале детективного сериала «Шерлок» являются важным инструментом для построения диалога и раскрытия личности персонажей.

Список используемых источников

1. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. М: Языки русской культуры, 2019. 896 с.

2. Варнавская, О.О. Семантика кинодиалога и проблемы интерпретации/ О.О. Варнавская // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 2. С. 78–82.

3. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2014. 390 с.

ШЭЖЭРЭ: ПУТЬ К СОХРАНЕНИЮ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БАШКИРСКОГО НАРОДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Исяньюлова И.И. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Ещеркина Л.В. – доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

Настоящая статья посвящена комплексному анализу традиции шэжэрэ – летописи башкирского народа, в качестве убедительного примера сохранения культурной идентичности и исторической справедливости. Рассматриваются этапы истории шэжэре, а также ключевые проблемы памяти поколений и пути их решения. Особое внимание уделяется цифровизации в процессе сохранения национального наследия башкирского народа. Подчеркивается фундаментальная роль образования в обеспечении исторической памяти и сохранении народных традиций для подрастающего поколения.

2026 год объявлен в России Годом национального единства, что является своевременным напоминанием о том, что принцип социальной справедливости основывается на уважении к культурной памяти. Социальная справедливость включает в себя право каждого народа знать свое прошлое, чтить предков и сохранять наследие для будущих поколений. В данной научной работе рассматривается глубокое исследование сложного переплетения культурной идентичности и непрекращающегося поиска исторической справедливости на примере традиции шэжэрэ, которая служит убедительным примером этой темы. Эта древняя практика, хранимая преимущественно башкирами, представляет собой их живую память и священную связь между поколениями. Осмысление ее истории и обеспечение ее культурного будущего напрямую зависят от признания прошлых разрывов и развития живой культурной памяти среди молодежи.

Цель данного исследования заключается в выявлении ключевых проблем шэжэрэ как символа национальной самобытности башкирского народа и перспектив развития культурной идентичности и сохранения народного наследия.

Материалы и методы исследования. В процессе работы были изучены научные публикации по теме исследования, применялись методы сравнительного анализа, системного подхода, синтеза и обобщения.

Объект исследования: шэжэрэ – летопись башкирского народа, исторический и культурный памятник.

Башкиры представляют собой захватывающее сочетание культурных элементов: от древних корней, уходящих к гуннам и грозным сарматам, через тюркское происхождение, до кочевой традиции, сформированной лесами и степями, обогащенной взаимодействием с финно-угорскими народами, испытавшей влияние Монгольской империи и Золотой Орды, несущей в себе отголоски Тенгри – их доисламского прошлого – и, в конечном итоге, преображенной глубиной исламской цивилизации [2]. Этот уникальный синтез сформировал самобытную этническую идентичность: гордую своим тысячелетним наследием и посвятившую себя сохранению своего языка, обычаев и родовой памяти. Этот древний тюркский народ представляет собой бесценное культурное достояние, особенно для Республики Башкортостан, земли, где Европа встречается с Азией, и где башкирская история составляет самую душу региона [3].

Уничтожение исторической памяти имеет глубокие корни. Задолго до XX века трагические события 1773–1775 годов принесли огонь и меч в бесчисленные башкирские деревни: были сожжены архивы, разрушены поселения, и бесчисленные документы, включая драгоценные шэжэрэ, были утрачены навсегда. Эта череда потерь продолжалась и в советскую эпоху, которая стала исторической катастрофой для башкирского народа. Тысячи людей подверглись репрессиям: учителя, писатели, чиновники и старейшины – хранители знаний, которые держали в себе живую память о родовых линиях [1]. Более 50 000 жителей Башкортостана стали жертвами политического террора в период с 1930 по 1953 год. Заставляя замолчать носителей памяти, государство сознательно стремилось разорвать цепь передачи знаний между поколениями [5].

Шэжэрэ – это не просто генеалогическая запись, это уникальный исторический памятник и сокровищница исторической информации. В её строках можно найти не только имена предков, но и описания повседневной жизни, занятий, традиций и даже фрагменты древних эпосов и легенд. Шэжэрэ сохраняет знания о том, как жили башкиры: их хозяйство, обычаи, верования. Оно говорит нам, что скотоводство было основой их существования, также, что земледелие было известно башкирам с древних времен. Эти летописи содержат отголоски эпических сказаний, таких как древняя борьба с драконом, отражая как мифологию, так и, возможно реальные исторические события. Важно отметить, что имена вождей племён (кланов), записанные в шэжэрэ, часто подтверждаются другими источниками, что свидетельствует об их достоверности. Например, Муйтен-бий,

легендарный предок племени Усерган, фигурирует в каждой шэжэрэ Усерган и упоминается в летописи «Чингизнаме» («Дафтар-и Чингизнаме»), связанной с Золотой Ордой. Шэжэрэ, по существу, – это живая ДНК башкирского народа [3].

Последствия этой культурной амнезии были разрушительными. Большинство молодых башкир мало знают о своем шэжэрэ, и лишь немногие могут назвать предков дальше трех-четырех поколений. Среди башкир существует глубоко укоренившийся обычай: чтобы быть истинным башкиром, нужно знать семь поколений и имя своего рода. Это знание когда-то было главным маркером идентичности, но для современной молодежи этот священный стандарт стал недостижимым идеалом. Древний, некогда сакральный вопрос о своих корнях «Из какого ты племени?», стал сопровождаться равнодушным пожатием плеч в качестве ответа. Восстановление этого знания – акт социальной справедливости: возвращение молодежи их наследия, их корней, их места в истории [7].

Изучение шэжэрэ как научной дисциплины начало формироваться в первые десятилетия советской эпохи. В 1920-х годах Общество по изучению Башкортостана начало публиковать исторические документы, включая шэжэрэ, ярлыки и договоры, закладывая основу для будущих исследований. Расцвет башкирской этнографии пришелся на 1950–1970 гг., когда Р.Г. Кузеев ввел шэжэрэ в академический оборот через фундаментальные труды по этногенезу и истории. Публикация «Башкирских шэжэрэ» в 1960-х годах оказалась поворотным моментом, впервые эти генеалогические хроники стали доступными для исследователей [9]. Если ранняя советская эпоха ознаменовалась первым систематическим сбором шэжэрэ, то постсоветский период принес их возвращение народу. С 2008 года праздник «Шэжэрэ Байрамы», учрежденный правительственным постановлением, отмечается по всему Башкортостану. Это не просто праздник: это возрождение древней традиции собирать родню, составление генеалогических деревьев для всеобщего обозрения [6]. То, что когда-то было личной рукописью, часто утерянной или спрятанной, стало началом общего живого торжества целого народа.

Чтобы шэжэрэ сохранилось для будущих поколений, необходимы новые подходы, обращенные к молодежи. Цифровизация предлагает один из путей: специализированная онлайн-платформа для башкирских родословных. Она могла бы позволить любому человеку составить свое генеалогическое древо, искать исторические записи и связываться с родственниками, принадлежащими к одному

племени. В отличие от общих генеалогических сайтов, такая платформа была бы адаптирована к структуре башкирского племени, включая родовые подразделения, устные предания и ссылки на опубликованные сборники шэжэрэ других людей. Образование – еще один путь: внедрение уроков по изучению и составлению шэжэрэ в школах, не как обременительной обязанности, а как путешествия к самопознанию, могло бы пробудить интерес с ранних лет, позволяя детям изучать не только историю в абстрактном смысле, но и свою собственную историю: имена предков семи и более поколений назад, легенды своего рода или племени, смысл принадлежности к башкирскому народу. Технология и традиция, работая вместе, могут восстановить то, что было разорвано.

Возрождение шэжэрэ – это гораздо больше, чем просто генеалогическое исследование – это акт исторической справедливости. С каждым восстановленным именем, с каждым предком, извлеченным из родовой линии, мы восстанавливаем нить, намеренно оборванную десятилетия назад. Знать семь поколений – значит не просто удовлетворять любопытство, это значит чувствовать в самой крови тяжесть ответственности перед теми, кто был до нас, и теми, кто придет после. Это знание порождает гордость, а гордость порождает единство. Когда молодой башкир может сказать: «Я знаю свой род, я знаю своих семь предков», он становится частью живой цепи, тянущейся на протяжении веков. В этом и суть национального единства: не в абстрактных лозунгах, а в конкретном осознании того, что мы принадлежим к чему-то большому. Без этого единства невозможны ни устойчивое развитие, ни подлинная социальная справедливость. Народ, помнящий свое прошлое, достаточно сильный, чтобы встретить свое будущее. В этот Год национального единства давайте помнить, что почитание прошлого – это основа справедливого будущего. Восстанавливая шэжэрэ, мы воссоздаем не только имена, но и достоинство, идентичность и надежду.

Список используемых источников

1. Аюпов Р.С. Политические репрессии в Башкортостане в 1930–1950-е годы: причины, масштабы, последствия. Уфа: РИО БашГУ, 2005. 312 с.

2. Башкиры / Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН; [под ред. Р.Г. Кузеев, Е.С. Данилко]. Москва: Наука, 2016. – 662 с.

3. Городские башкиры: проблемы сохранения этничности: материалы X Межрегиональной научно-практической конференции / г. Янаул, 11 мая 2018 г.; [под ред. А.В. Псянчин]. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2018. – 216 с.

4. Мазитов В.Р. Шежере как источник по истории и этнографии башкирского народа // Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2010. № 15. С. 148–150.

5. Надршина Ф.А. Пути сохранения нематериального культурного наследия республики Башкортостан в современных условиях // Проблемы востоковедения. 2014. № 4. С. 61–67.

6. О проведении народного праздника «Шежере байрамы» в Республике Башкортостан: постановление Правительства Республики Башкортостан от 10 мая 2006 г. № 121. // Официальный сайт Администрации муниципального района Шаранский район Республики Башкортостан. 2019. [Электронный ресурс]. URL: https://kulturasharan.ru/festivali-i-konkursy/2019/06/2821/ (дата обращения: 13.03.2026).

7. Рахматуллина З.Я. Традиционные ценности башкир: история и современность: Монография. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. – 216 с.

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ПОНЯТИЮ «ЧИТАТЕЛЬСКАЯ ГРАМОТНОСТЬ» И ЕЕ ЗНАЧИМОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБРАЗОВАНИИ

Кадырова М.З. – специалист научного отдела, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматриваются теоретико-методические подходы к определению понятия «читательская грамотность» и её роль в системе оценки качества образования. Особое внимание уделяется международному исследованию PISA, в рамках которого читательская грамотность трактуется как комплексная способность к пониманию, использованию и критическому осмыслению текстов для достижения личных и социальных целей. Анализируются структура и уровни читательской грамотности, выделяются ключевые виды деятельности, необходимые для формирования соответствующих умений у школьников. Подчёркивается значимость адаптации к цифровым текстам и развития критического мышления в условиях современной информационной среды.

Единая многоуровневая система оценивания качества образования (далее – ЕСОКО) в Российской Федерации сформировалась на федеральном уровне. В ее

состав входит ряд процедур, определяющих эффективность образовательного процесса и государственной итоговой аттестации. Большое значение в оценке качества российского образования имеют международные сравнительные исследования, которые позволяют проследить специфику подготовки учащихся российских школ и сравнить эти показатели с результатами успешной подготовки учащихся школ стран-лидеров.

Одним из основных международных сопоставительных исследований качества образования, в котором принимала участие наша страна, являлась PISA.

PISA – это международная программа оценивания образовательных достижений обучающихся, осуществляемая под руководством Организации Экономического Сотрудничества и Развития (далее – ОЭСР). В рамках данного исследования производится оценка образовательных успехов учащихся в возрасте 15-ти лет. Именно в этом возрасте подростки делают выбор в пользу какого-либо профессионального направления и траектории обучения [2].

Значимость проекта PISA подтверждается увеличением количества стран-участниц. Об участии в проекте PISA–2018 заявили более 80 стран мира. Исследование реализуется Консорциумом с участием таких ведущих международных научных организаций, как Служба педагогического тестирования ETS (Educational Testing Service) в США, Американская организация WESTAT, Британское издательство образования и служба оценки Pearson Education, Бельгийский лингвистический центр cApStAn Linguistic Quality Control [2].

Основными направлениями исследования остаются математическая, естественнонаучная и читательская грамотность школьников. В каждом цикле PISA акцент делается на одном из трех направлений. Центральным объектом оценки образовательных достижений в 2018 году было направление «читательская грамотность» [2].

Определение «читательская грамотность» в данном проекте трактуется как «способность человека понимать и использовать тексты, размышлять о них и заниматься чтением для того, чтобы достигать своих целей, расширять свои знания и возможности, участвовать в социальной жизни» [2]. Для более точного понимания смысла термина следует разобрать в нем каждое слово. Термин «читательская грамотность» отличается от простого «чтения», поскольку включает в себя широкий спектр когнитивных и метакогнитивных умений. Согласно Г.А. Цукерман, «чтение – это процесс декодирования письменных символов в

словесную форму» [5], тогда как читательская грамотность подразумевает более сложные составляющие: анализ текста, понимание грамматических и семантических структур, а также применение контекстуальных и предтекстовых знаний.

«Грамотность» включает в себя возможность располагать культурным средством, получать и переносить информацию в форме письменного текста. В синтезе чтения и грамотности прослеживается динамично ориентированная и конструктивная направленность, позволяющая использовать чтение полиситуативно. Это означает, что читательская грамотность является многоуровневой и многоаспектной способностью, которая включает в себя не только техническое владение языком, но и глубокое понимание текстов, а также способность критически оценивать и использовать информацию в соответствии с личными и социальными потребностями [5].

Теперь же разберем основную часть определения. «Понимание» является фундаментальным элементом читательской деятельности и основной целью обучения чтению в рамках педагогической практики. Это не только процесс распознавания слов, но и глубокое осмысление текста. Под «использованием» подразумевается практичность и функциональность. «Размышление» отражает когнитивную активность, включающую в себя анализ текста с опорой на жизненный опыт и знания. На начальном этапе чтения происходит преобразование буквенных символов в слова и выявление их смысла, что является основой для дальнейшего развития читательских навыков [5].

Читательская грамотность является фундаментальным инструментом, который обеспечивает человеку возможность достигать поставленных целей и расширять свои знания и возможности [5]. Она служит ключевым фактором в процессе получения образования и успешной профессиональной реализации, а также способствует удовлетворению более абстрактных стремлений, таких как культурное обогащение и расширение жизненного опыта. В современном мире, где социокультурные и экономические условия постоянно изменяются, читательская грамотность рассматривается как основополагающий ресурс для активного участия в социальной жизни, позволяя не только вносить свой вклад в развитие общества, но и удовлетворять личные потребности в социальной, культурной и политической сферах. Люди, обладающие высоким уровнем читательской грамотности, способны принимать обоснованные и взвешенные решения, например, при участии

в гражданских выборах, благодаря способности критически анализировать информацию и смотреть на мир через призму критического мышления.

В контексте образования чтение выступает в качестве основополагающего вида деятельности, требующего от учащихся развития специализированных умений для эффективной работы с информацией. Эти умения включают в себя не только технические навыки, но и способность к пониманию информации. Это является неотъемлемой частью читательской грамотности.

По результатам анализа международных подходов и специфики современного этапа развития отечественного образования Гостева Ю.Н., Кузнецова М.И., Рябинина Л.А., Сидорова Г.А. и Чабан Т.Ю. определили четыре вида деятельности в оценивании читательских умений:

1) находить и извлекать информацию, то есть определять место, где содержится искомая информация;

2) интегрировать и интерпретировать информацию: понимать фактологическую информацию, смысловую структуру текста;

3) осмысливать и оценивать содержание и форму текста: обнаруживать противоречия в одном или нескольких текстах, формулировать собственную точку зрения по вопросу, обсуждаемому в тексте;

4) использовать информацию из текста: применять полученную информацию для решения практической задачи без привлечения или с привлечением имеющихся знаний, выявлять связь между прочитанным и современной реальностью [1].

В процессе разработки модели читательской грамотности были интегрированы ключевые факторы, влияющие на формирование навыков чтения и интерпретации информации. Первым фактором является адаптация к цифровым текстам, которая предполагает освоение читателем нового навыков восприятия материала. Вторым фактором является многогранность чтения в современной информационной среде, где читатель взаимодействует с разнообразными источниками. Читатель должен не только уметь анализировать тексты, но и оценивать их достоверность, выявлять подтекст и источники с противоречивой информацией.

Читательские умения напрямую связаны с уровнями читательской грамотности. Оморокова М.И. в своей работе разделила их на три уровня: высокий, средний и низкий.

1. Высокий уровень читательской грамотности свидетельствует о готовности обучающегося к переходу на следующий этап обучения. Такой читатель способен самостоятельно понимать и оценивать сообщения художественных и информационных текстов, не нуждается в посторонней помощи [3].

2. Средний уровень характеризует учащегося, который не до конца освоил основы чтения. Такой читатель нуждается в помощи педагога для понимания и оценивания сообщений текста, не противоречащих собственному опыту [1].

2. Низкий уровень понимания текстов свидетельствует о невозможности принять помощь педагога для использования текстов письменных форм сообщения о человеческих чувствах, мыслях и знаниях для самообразования [1].

Светловская М.М. считает, что грамотность формируется и совершенствуется при помощи таких читательских действий, как умение делать прямые умозаключения из полученной информации; интерпретировать и интегрировать отдельные сообщения текста; давать оценку содержанию и форме основной информации, а также отдельным ее фрагментам [4].

В условиях цифровизации и многообразия информационных источников особое значение приобретают навыки работы с электронными текстами, критическая оценка достоверности информации, выявление подтекста и противоречий. Читательская грамотность становится не только образовательным, но и социальным ресурсом, способствующим формированию активной гражданской позиции и успешной профессиональной реализации.

Таким образом, читательская грамотность – это фундаментальный навык, обеспечивающий личностное развитие, образовательную успешность и социальную интеграцию. Её формирование требует комплексного подхода, учитывающего когнитивные, метакогнитивные и практические аспекты работы с текстом в условиях современной информационной среды.

Список используемых источников

1. Гостева Ю. Н. Теория и практика оценивания читательской грамотности как компонента функциональной грамотности // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. № 4. С. 34–57.

2. Инструментарий международного исследования PISA-2018 // Информационно-аналитический центр, 2016. С. 122.

3. Оморокова М.И. Совершенствование чтения младших школьников. М: АРКТИ, 2012. С. 63.

4. Светловская Н.Н. Обучение детей чтению. М: Академия, 2013. С. 200.

5. Цукерман Г.А. Оценка читательской грамотности. Материалы к обсуждению // Центр оценки качества образования. 7 декабря 2010 года презентация и обсуждение первых результатов международной программы PISA-2009. М., 2010. 67 с.

6. Цукерман Г.А. Хорошо ли читают российские школьники? // Вопросы образования. 2007. № 4. С. 240–268.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТВОРЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ КАК СРЕДСТВА РАЗВИТИЯ ВРЕМЕННЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ У ДЕТЕЙ СТАРШЕГО ДОШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Кальман Д.С. – студент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Научный руководитель: Будько Т.С. – к.ф.-м.н., доцент, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Аннотация

Рассматриваются цели систематического использования творческих заданий для развития временных представлений у старших дошкольников; для реализации каждой из них указаны виды и примеры творческих заданий. Предложена система творческих заданий, направленных на развитие временных представлений у детей старшего дошкольного возраста. Описано два вида классификации заданий: первый – в соответствии с ключевыми содержательными компонентами временных представлений, второй – по доминирующему виду творческой деятельности детей.

Введение

Развитие временных представлений у детей старшего дошкольного возраста сталкивается с фундаментальным противоречием: между абстрактной, не воспринимаемой непосредственно природой времени и конкретно-образным, наглядно-действенным характером мышления дошкольника. Разрешение этого противоречия видится в активном использовании творческих заданий, которые выступают в роли своеобразного «психологического орудия» (по Л.С. Выготскому), опосредующего процесс познания.

В контексте нашего исследования под *творческими заданиями* понимается специально организованная педагогом проблемно-игровая ситуация, направленная на продуцирование ребенком субъективно нового (а в перспективе – и объективно нового) продукта (идеи, образа, решения, конструкции, текста) в условиях отсутствия заранее заданного алгоритма достижения результата.

Дж. Гилфорд, Е.П. Торренс отмечают, что ключевыми критериями творческого задания, являются: беглость (продуктивность в генерации идей), гибкость (способность переключаться между разными стратегиями), оригинальность (уникальность, нестандартность результата) и разработанность (детализация, тщательность исполнения) [2, 4]. Именно процесс поиска оригинального решения, а не только его итог, становится тем психологическим механизмом, который позволяет «схватить», осмыслить и присвоить абстрактные отношения.

Психологической основой эффективности творческих заданий служит теория Л.С. Выготского об единстве аффекта и интеллекта, а также о роли воображения в развитии. Л.С. Выготский писал: «Творческой деятельностью мы называем такую деятельность человека, которая создает нечто новое… Обращение к творчеству детей есть только частный случай соотношения педагогического руководства и развития собственных, более зрелых творческих сил ребенка» [1].

Данные А.В. Семенович подтверждают, что творческие виды деятельности, особенно интегрирующие разные модальности (зрительную, слуховую, кинестетическую), способствуют функциональной интеграции работы правого (образного, синтетического) и левого (логического, аналитического) полушарий мозга, что крайне важно для целостного понимания времени, сочетающего логику последовательности и эмоциональное переживание длительности [3].

Результаты исследования

Выявлены *цели* систематического использования творческих заданий для развития временных представлений у детей старшего дошкольного возраста; для реализации каждой из них разработаны творческие задания.

Приведем *примеры* творческих заданий, соответствующие выявленным *целям* систематического использования творческих заданий для развития временных представлений у детей старшего дошкольного возраста.

Во-первых, конкретизация и визуализация абстрактных временных категорий (последовательность, длительность, цикличность) через их воплощение

в материальном продукте. Задания на рисование, лепку, конструирование позволяют «материализовать» время, создать его зримую, осязаемую модель. Например, создание спирали из проволоки и бусин, где каждый виток – год, а бусины – месяцы, дает ребенку предметный образ необратимости и цикличности времени, что гораздо эффективнее словесных объяснений.

Во-вторых, наполнение временных понятий личностным смыслом и эмоциональным содержанием, формирование «чувства времени». Когда ребенок создает продукт, значимый для него самого (рисунок «Мое самое долгое утро», коллаж «Путешествие в выходные»), временные категории наполняются личностным смыслом. Это преодолевает формализм в усвоении понятий и формирует устойчивый познавательный интерес.

В-третьих, создание условий для активного, поискового использования временной лексики в контексте собственного высказывания или обсуждения замысла, обеспечение глубокой интеграции знаний о времени с другими компонентами целостной картины мира ребенка. Творческое задание естественным образом становится стержнем, объединяющим знания из разных областей. Проект «Календарь нашего города» может включать рисование достопримечательностей, запись рассказов старожилов о прошлом (развитие речи), изучение сезонных изменений в парке (ознакомление с окружающим), конструирование макетов (художественно-эстетическое развитие). В этом синтезе временные представления перестают быть изолированным «учебным материалом» и становятся инструментом познания мира.

В-четвертых, развитие умений элементарного планирования и рефлексии временных затрат в процессе достижения творческого. Реализация творческого замысла от идеи к результату неизбежно требует элементарного планирования («Что я сделаю сначала, что потом?»), распределения усилий во времени («Успею ли я раскрасить за сегодня?»), контроля и коррекции действий. Это прямой путь к формированию предпосылок тайм-менеджмента (управления временем). Последующее обсуждение итогов («Почему на поделку ушло больше времени, чем мы думали?») способствует развитию рефлексии и способности к оценке длительности.

Возможность реализации вышеописанных целей свидетельствует о высоком потенциале использования творческих заданий как средства развития временных представлений у детей старшего дошкольного возраста.

На следующем этапе исследования *разработана система творческих заданий, направленных на развитие временных представлений у детей старшего дошкольного возраста*. Задания классифицированы в соответствии с ключевыми содержательными компонентами временных представлений.

1. Задания на формирование последовательности событий:

– рассказывание историй по картинкам, изображающих события в определенной временной последовательности;

– создание коллажей или аппликаций, или лепки, или конструирования отражающих последовательность событий в течении суток, недели или в сказке, в какой-либо истории собственного вымысла.

2. Задания на формирование представления о длительности:

– выполнение в играх с песочными часами определенных действий, пока песок не пересыплется. Это позволит детям ощущать длительность времени.

– в музыкальных играх, в которых определенный музыкальный фрагмент соответствует определенному временному отрезку, предлагается выполнить задания в такт музыке, осознавая ее продолжительность.

– в творческих проектах (например, создание поделки из природного материала, роспись маски, написание рассказа), которые выполняются в течение указанного временного отрезка, следует формировать у детей представление о продолжительных временных отрезках.

3. Задания на развитие ориентации во времени:

– составление расписания дня совместно с воспитателем с использованием картинок или символов, отражающих последовательность событий и их продолжительность;

– в ролевых играх предложить детям моделировать ситуации, требующие планирования во времени. Например, приготовление пиццы, поездка в путешествие;

– задания для рисунков и рассказов, например, нарисовать картину или сочинить рассказ о событии, которое произошло в указанный промежуток времени.

В ходе *апробации* творческих заданий стало удобнее разбить систему разработанных заданий по доминирующему виду творческой деятельности. В рамках данной классификации можно выделить следующие виды творческих заданий:

1. Изобразительные и конструктивные задания (рисование, аппликация, лепка, конструирование, моделирование):

– задания на формирование последовательности: создание серийных рисунков «История одного дня» (4 кадра: утро, день, вечер, ночь), комикса «Приключения Буратино в понедельник и воскресенье», диафильма по сказке на отдельных кадрах. Методический прием: обсуждение, что обязательно должно быть на первом рисунке, а что – на последнем, почему нельзя поменять их местами;

– задания на моделирование временных структур: коллективное конструирование «Великой спирали времени» из картона, где каждый виток – новый год, а на нем размещаются детские рисунки-символы месяцев. Создание подвижной модели «Недельная река» из семи лодочек-дней, которые можно выстраивать в правильном порядке;

– задания на отражение длительности: рисование «длинного» и «короткого» путешествия на одном листе (длинное – с множеством деталей и событий вдоль дороги, короткое – с минимумом деталей). Создание двух аппликаций: «Что я успел сделать за 5 минут» и «Что я делал целый час».

2. Нарративные (речевые) задания (сочинительство, рассказывание, драматизация):

– творческое рассказывание: сочинение коллективной сказки «Колобок во времени», где герой путешествует из прошлого в будущее, встречая «Хранителя Вчера» и «Фею Завтра». Можно предлагать детям использовать опорные картинки-символы времени (солнце, луна, цифры) как план для рассказа. Сочинение загадок-метафор о времени («Без ног и без крыльев летит, не догонишь»);

– проект «Устная история»: интервьюирование бабушки или дедушки с целью составить рассказ «Один день из детства моей бабушки». Это формирует ориентацию в историческом прошлом, понятия «давно», «в старину», «когда тебя еще не было»;

– драматизация и театрализация: инсценирование стихотворения С. Маршака «Круглый год», где 12 детей-«месяцев» поочередно выходят и рассказывают о себе. Создание «Театра теней» по сюжету, где важно соблюдать строгую последовательность появления персонажей.

3. Игровые и проектные задания:

– сюжетно-ролевые игры с усиленным временным контекстом: «Редакция газеты «Дневные новости» (нужно сделать выпуск к определенному «часу», собирая

репортажи об утренних, дневных и вечерних событиях в группе). «Космический центр управления полетами» с обратным отсчетом и строгим расписанием стартов.

– долгосрочные творческие проекты: «Календарь природы нашей группы» длится весь год. Дети ежемесячно создают одну общую страницу: делают зарисовки деревьев за окном, наклеивают образцы опавших листьев или фотографии сугробов, записывают (с помощью педагога) самые яркие события месяца. В конце года календарь сшивается – получается наглядная модель годового цикла. Проект «Музей часов»: дети вместе с родителями собирают разные часы (песочные, механические, электронные, солнечные), создают для них этикетки, придумывают экскурсию, выступают в роли экскурсоводов.

4. Музыкально-ритмические и двигательные задания:

– задания на восприятие длительности и темпа: «Нарисуй музыку»: под быструю пьесу Д. Шостаковича («Шарманка») дети рисуют короткие прерывистые линии, под медленную часть «Лебедя» К. Сен-Санса – длинные плавные. «Дирижер длительностей»: ребенок-дирижер показывает руками «долгие» и «короткие» интервалы, «оркестр» (группа детей) озвучивает их на шумовых инструментах (долгий – гул барабана, короткий – удар в треугольник).

– пластические этюды: изобразить «растение», которое медленно растет от семечка до цветка за «одну весну и лето» (под медленную музыку), а затем «сбрасывает листья» быстрым движением (осень). Это развивает чувство темпа и связи времени с природными процессами.

Заключение

Проведенный анализ позволил раскрыть психологические основы и методический потенциал использования творческих заданий как средства развития временных представлений у детей старшего дошкольного возраста. Творческие задания, понимаемые как специально организованная педагогом проблемно-игровая ситуация, направленная на создание ребенком субъективно нового продукта, обладают значительным потенциалом в развитии временных представлений. Данный потенциал реализуется через конкретизирующую и визуализирующую, смыслообразующую и мотивационную, интегративную и систематизирующую, регуляторную и рефлексивную функции.

Предложенные классификации творческих заданий в соответствии с ключевыми содержательными компонентами временных представлений и, как вариант, – по доминирующему виду деятельности (изобразительные

и конструктивные; нарративные; игровые и проектные; музыкально-ритмические и двигательные) позволяют дифференцированно подходить к формированию различных содержательных компонентов временных представлений у детей старшего дошкольного возраста.

Список используемых источников

1. Выготский Л.С. Вопросы детской психологии. М: Юрайт, 2023. 160 с.

2. Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. Москва: Прогресс. 1965. С. 433–456.

3. Семенович А.В. Нейропсихологическая диагностика и коррекция в детском возрасте: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. Москва: Академия, 2002. 232 с.

4. Торренс Е.П. Как развить творческую личность ребёнка // Детское творчество. 2018. № 4. С. 2–7.

ИНТЕРЕСНЫЙ РАКУРС: КАК ПРЕСТУПНИК И ЖЕРТВА ВЛИЯЮТ ДРУГ НА ДРУГА

Кононенко В.В. – студент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова»

Научный руководитель: Саратова О.В. – к.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова»

Аннотация

В данной статье взаимодействие между преступником и жертвой рассматривается как сложная система, в рамках которой возникают и развиваются многообразные связи, предполагающие обмен энергиями. Авторы фокусируются на взаимодействии двух свойств: криминогенности (способности детерминировать преступное деяние) и виктимогенности (неспособности противостоять такому деянию).

Введение

Классическая криминологическая традиция долгое время исходила из постулата об асимметричности позиций участников преступного события: субъект, реализующий противоправное деяние, мыслился в качестве единственного источника активности, тогда как лицо, выступающее объектом посягательства,

рассматривалось в сугубо пассивном ключе. Однако накопленный эмпирический материал и теоретические разработки последних лет свидетельствуют о необходимости пересмотра данного подхода.

Современные исследования аккумулируются вокруг идеи, согласно которой преступление представляет собой динамически разворачивающийся процесс, в рамках которого оба участника – и тот, кто совершает противоправное деяние, и тот, против кого оно направлено – выступают значимыми элементами единой криминальной системы. В этом контексте особую значимость приобретает анализ феномена криминогенного влияния. Поведение пострадавшего, его личностные характеристики и ситуативные реакции выступают не просто фоном, но активным фактором, способным как инициировать агрессию, так и изменять ее интенсивность либо способствовать ее прекращению.

В качестве базовых категорий, позволяющих операционализировать данный аналитический ракурс, выступают криминогенность и виктимогенность.

Исходя из вышесказанного, в настоящей статье ставят следующие задачи. Во-первых, выявление механизмов, опосредующих взаимное влияние преступника и жертвы. Во-вторых, классификация форм, в которых реализуется их взаимодействие. В-третьих, определение теоретического и прикладного значения предлагаемого подхода для криминологии, виктимологии и правоприменительной практики.

Объектами исследования выступают:

1. Преступник как носитель криминогенности. Рассматриваются личностные качества, влияющие на зарождение преступного умысла и его реализации, включая социально-демографические, психологические и ситуативные факторы.

2. Жертва как носитель виктимогенности. Анализируются свойства личности и ее поведения, обусловливающие повышенную уязвимость перед преступным посягательством: возраст, пол, психологический тип, стиль поведения в конфликтных ситуациях, а также наличие опыта виктимизации.

3. Ситуация взаимовлияния как единая система. Агрессор и жертва рассматриваются не как изолированные субъекты, а в качестве элементов единой криминальной среды, где характер взаимосвязей между ними детерминирует динамику и исход преступного события.

Методологическую базу работы составляют:

1. Общенаучные методы:

– системно-структурный анализ позволяет исследовать деяние как целостную систему, в которой агрессор и жертва находятся в отношениях взаимной детерминации;

– синергетический подход дает возможность описать нелинейные эффекты взаимодействия, когда малые воздействия способны приводить к значительным последствиям.

2. Частно-научные методы:

– виктимологический анализ сфокусирован на выявлении факторов виктимности, а также форм такого поведения (активное, пассивное, некритичное);

– сравнительно-правовой метод используется для сопоставления подходов к учету поведения жертвы в уголовном праве различных юрисдикций.

3. Эмпирические методы:

– анализ материалов судебной практики;

– вторичный анализ статистических данных.

4. Психологические методы:

– типологический подход используется для классификации моделей поведения жертвы и преступника во взаимодействии;

– теория травмы используется для трактовки феномена, при котором лица, имеющие историю виктимизации, демонстрируют повышенный риск последующей криминализации.

Экспериментальная часть

Современная криминология и виктимология все чаще исходят из понимания преступного события как совокупного процесса, в котором оба участника вносят сопоставимый вклад в формирование криминальной среды.

Однако ситуация начала меняться лишь в середине XX века с появлением виктимологии как самостоятельного направления научного знания.

Классическая наука была сосредоточена на фигуре преступника и причинах его противоправного поведения, жертва долгое время оставалась на периферии научного интереса. Она рассматривалась исключительно как пассивный объект, который по случайному совпадению обстоятельств оказался в месте и времени совершения преступления.

Особое место в истории развития виктимологических исследований занимают труды Марвина Вольфганга. На материале филадельфийских убийств

ученый впервые предложил и обосновал концепцию «виктимной провокации», согласно которой именно действия будущего потерпевшего – нанесение оскорблений, высказывание угроз, нанесение первого удара – нередко выступают пусковым механизмом, инициирующим формирование преступного умысла у нападающего. Эмпирические данные, полученные исследователем, свидетельствуют: в 26 % проанализированных случаев лишения жизни именно потерпевший выступал инициатором насильственного взаимодействия [6].

Дальнейшее концептуальное развитие обозначенная проблематика получила в рамках подхода Горшенкова А.Г., получившего название «криминальное двуединство». С позиции данной теоретической модели преступник и потерпевший трактуются не как автономные субъекты, а как взаимосвязанные компоненты единой детерминационной системы, в рамках которой их взаимодействие приобретает определяющее, а не вспомогательное значение для генезиса криминального события. Соответственно, преступление перестает рассматриваться как прямой результат исключительно волевых установок правонарушителя и начинает пониматься как продукт диалектического сопряжения двух сторон [1].

Принципиально значимым для эволюции научных представлений о взаимодействии преступника и жертвы стал методологический сдвиг, ознаменовавший переход от преимущественно статистического анализа корреляционных зависимостей между характеристиками участников преступления к изучению микродинамики их непосредственного ситуативного взаимодействия. Указанный поворот оказался возможным во многом благодаря внедрению в арсенал криминологических исследований методов видеоаналитики.

В работах М.Р. Линдегаард и Л.С. Либста убедительно демонстрируется, что характер непосредственного контакта «лицом к лицу» между нападающим и потерпевшим в момент совершения противоправного деяния выступает ключевым фактором, определяющим вектор развития ситуации – будь то эскалация насилия либо его деэскалация. Анализ видеозаписей грабежей позволил установить, что отдельные поведенческие реакции потерпевшей стороны (определенные формы вербального противодействия, установление зрительного контакта, демонстрация уверенности) способы существенно модифицировать поведение преступника, вплоть до его отказа от доведения преступления до конца. Полученные данные утверждают, что преступление представляет собой не жестко предопределенный

сценарий, а ситуативно изменяемый процесс, динамика которого во многом зависит от взаимных реакций участников [3].

Ключевое понятие, позволяющее раскрыть роль потерпевшего в механизме преступления, – виктимность. Данная категория обозначает обусловленную совокупностью личностных и ситуационных факторов предрасположенность (либо, напротив, неспособность) противостоять противоправному посягательству. В рамках современной виктимологии принято выделять два уровня виктимности: индивидуальный, связанный с характеристиками конкретного лица, и групповой, обусловленный принадлежностью к определенной социальной общности, для которой риск стать жертвой повышен.

К числу факторов, формирующих индивидуальную виктимность, относят социально-демографические параметры (возрастные характеристики, половую принадлежность, сферу профессиональной деятельности), психологические особенности личности (склонность к излишнему доверию, повышенная агрессивность, тревожность), а также устоявшиеся поведенческие стереотипы, реализуемые субъектом в конфликтных ситуациях.

В контексте анализа двустороннего влияния участников криминального события особую значимость приобретает явление провоцирующего поведения. Вербальные оскорбления, высказываемые угрозы, демонстративное пренебрежение, а в отдельных случаях и аморальный образ жизни потерпевшего выступают в роли мощных пусковых механизмов, инициирующих реализацию преступного замысла. Согласно результатам ряда эмпирических изысканий в 70% случаев причинения тяжкого вреда здоровью имели место элементы провокации со стороны будущего потерпевшего. Безусловно, данное обстоятельство не освобождает правонарушителя от уголовной ответственности, однако оно позволяет существенно уточнить реконструкцию процесса формирования преступного умысла.

Одним из наиболее перспективных направлений современных научных исследований выступает преодоление упрощенного подхода, классифицирующего поведение жертвы исключительно в бинарной оппозиции «активность – пассивность». Как обоснованно отмечают Дж. Фуллер с коллегами, подобная дихотомия не способна отразить реальное разнообразие поведенческих стратегий, которые потерпевший демонстрирует в ходе непосредственного взаимодействия с нападающим.

В качестве альтернативной методологической рамки исследователи предлагают обращение к модели межличностного циркумплекса, позволяющей выделить четыре основных типа поведения жертвы в криминальной ситуации:

1. Доминирующий тип – потерпевший стремится перехватить инициативу, демонстрирует уверенность в себе, отдает распоряжения нападающему.

2. Подчиненный тип – потерпевший проявляет уступчивость, беспрекословно выполняет предъявляемые требования, сознательно избегает конфликта противостояния.

3. Враждебный тип – потерпевший сам проявляет агрессию, прибегает к оскорблениям, высказывает угрозы в адрес нападающего.

4. Кооперативный тип – потерпевший пытается выстроить диалог, найти взаимоприемлемое решение, апеллирует к разделяемым ценностям [5].

Эмпирические наблюдения свидетельствуют, что избираемая жертвой поведенческая стратегия оказывает существенное влияние на характер ответных действий преступника. Так, стратегия подчинения в одних контекстах может обеспечить быстрое завершение противоправного посягательства с минимальными негативными последствиями, тогда как в других – напротив, провоцирует усиление агрессии со стороны нападающего, воспринимающего уступчивость как проявление слабости. Враждебная стратегия статистически значимо ассоциируется с эскалацией насилия. В то же время кооперативная стратегия, а также отдельные элементы доминирующего поведения (при соблюдении определенных условий) способны содействовать деэскалации конфликта [5].

В ряду наиболее существенных достижений современной криминологической мысли особое место занимает выявление феномена, получившего обозначение «совпадение интересов жертвы и правонарушителя». Результаты исследований, в том числе проведенных на австралийской выборке, свидетельствуют: более половины лиц, пострадавших от преступных посягательств, имеют в своем прошлом опыт совершения противоправных действий. Данный факт указывает на то, что граница, разделяющая жертву и агрессора, в значительной части случаев оказывается условной и подвижной [6].

Теория травмы представляет собой одну из наиболее убедительных объяснительных моделей данного феномена. Негативный опыт, пережитый в детстве, – физическое или сексуальное насилие, родительское пренебрежение,

семейная дисфункция – формирует устойчивые поведенческие стереотипы, которые в разной степени повышают уязвимость перед повторной виктимизацией и предрасположенность к совершению правонарушений. Психотравмирующее воздействие нарушает механизмы саморегуляции, провоцирует гипертрофированное реагирование на внешние угрозы (вплоть до реализации агрессивного опережения), а также деформирует систему восприятия социальных норм и запретов. Лицо, подвергшееся насилию в детские годы, с высокой степенью вероятности либо вновь оказывается в положении жертвы, либо самостоятельно прибегает к насильственным способам разрешения конфликтных ситуаций [4].

Наиболее выпукло взаимная конвертация ролей жертвы и преступника прослеживается в условиях закрытых социальных систем, в частности в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Как показывают исследования М.Н. Зацепина и А.М. Зацепина, в пенитенциарной среде неформальная стратификация напрямую детерминирует виктимность осужденных, занимающих низшие позиции в иерархической структуре [2].

В данной социальной среде виктимное поведение (неспособность дать отпор, демонстрация уязвимости, нарушение неписанных норм общества) и насильственные действия оказываются неразрывно сопряжены. Осужденный, однажды проявивший признаки виктимности, закрепляется на низшей ступени неформальной иерархии, что предопределяет его систематическое положение в качестве объекта посягательств. В свою очередь, применение насилия в отношении более слабых выступает для других осужденных инструментом подтверждения и поддержания собственного статуса. Таким образом, в пенитенциарной среде формируется устойчивая система, в рамках которой виктимность и преступная активность взаимно воспроизводят друг друга, образуя замкнутый циклический процесс [2].

Признание феномена взаимного влияния участников криминального события находит свое проявление в правоприменительной деятельности, хотя зачастую и не в эксплицитной форме. В российском уголовном законодательстве категория «противоправное поведение потерпевшего» закреплена в статье 61 УК РФ в качестве обстоятельства, смягчающего наказание. Вместе с тем необходимо проводить разграничение между криминологическим понятием провокации со стороны жертвы и юридической категорией противоправного поведения.

Криминологическая трактовка провокации охватывает более широкий круг ситуаций, включая аморальное, но не обязательно противоправное поведение, которое способно выступить в роли пускового механизма для совершения преступления. Учет степени интенсивности и характера взаимовлияния субъектов позволяет более точно дифференцировать степень общественной опасности содеянного и осуществлять индивидуализацию наказания. В практической деятельности следственных органов это требование трансформируется в необходимость тщательного исследования дособытийных отношений между преступником и жертвой, анализа их поведения непосредственно в момент совершения противоправного деяния, а также выяснения наличия либо отсутствия у каждого из них опыта виктимизации или криминализации.

Практическим следствием пересмотра представлений о роли жертвы в генезисе преступления выступает развитие виктимологической профилактики – системы мероприятий, ориентированных на снижение уровня виктимогенности среди населения. К числу приоритетных направлений в данной сфере относятся:

1. Обучение навыкам идентификации виктимогенных ситуаций. Население информируется о типичных обстоятельствах, в которых вероятность стать объектом посягательства существенно возрастает, а также о способах минимизации соответствующих рисков.

2. Формирование виктимологической культуры. Данное направление предполагает выработку установок, направленных на нивелирование личностных качеств, повышающих уязвимость: избыточной доверчивости, демонстративного пренебрежения социальными нормами, агрессивной коммуникативной манеры, гипертрофированной ориентации на материальные ценности.

3. Обучение стратегиям деэскалации. На основе эмпирических данных о поведенческих паттернах (в частности, с опорой на типологию, предложенную Фуллером с соавторами) разрабатываются практические рекомендации относительно того, какие модели поведения потерпевшего в конфликтной ситуации с наибольшей вероятностью способствуют снижению интенсивности агрессивных проявлений.

Важно подчеркнуть, что виктимологическая профилактика отнюдь не означает переложения ответственности с правонарушителя на пострадавшего. Она выступает в качестве дополнения к традиционным мерам предупреждения преступности, придавая им более комплексный и системный характер.

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать, что преступление представляет собой не односторонний акт агрессии, а итог сложного диалектического взаимодействия двух субъектов, поведенческие стратегии которых взаимно детерминируют развитие криминальной ситуации. Отказ от статичной модели, противопоставляющей активного преступника пассивной жертве, в пользу динамического подхода открывает новые перспективы для осмысления механизмов совершения преступлений.

Основные выводы работы могут быть сведены к следующим положениям. Во-первых, потерпевший способен выступать не просто объектом, но и соучастником формирования криминальной ситуации, реализуя различные поведенческие стратегии, которые оказывают существенное влияние на динамику и исход преступного события. Во-вторых, граница между статусом преступника и статусом жертвы в значительном числе случаев оказывается размытой: лица, имеющие в анамнезе виктимизацию, демонстрируют повышенную предрасположенность к криминализации, что с особой наглядностью проявляется в условиях закрытых пенитенциарных систем. В-третьих, признание феномена взаимовлияния субъектов имеет не только теоретическое, но и прикладное значение, находя отражение в правоприменительной практике и выступая концептуальной основой для развития виктимологической профилактики.

Признание диалектического характера криминальной ситуации не снимает ответственности с лица, совершившего преступление, и не оправдывает его действий ссылками на поведение потерпевшего.

Список используемых источников

1. Горшенков А.Г., Горшенков Г.Г., Горшенков Г.Н. Преступник и жертва как элементы преступления: криминологический анализ // Виктимология. 2024. Т. 11, № 2. С. 199–209.

2. Зацепин М.Н., Зацепин А.М. Виктимологические особенности направленности исследований преступлений криминогенной личности в местах лишения свободы // Виктимология. 2025. Т. 12, № 1. С. 42–52.

3. Линдегаард М.Р., Либст Л.С. Значение интерактивных отношений для сопротивления жертвы при грабежах: видео-наблюдательный анализ // Criminological Encounters. 2024. Т. 7, № 1. С. 4–10.

4. Резюк В.И. Виктимность во взяточничестве // Виктимология. 2023. Т. 10, № 4. С. 463–473.

5. Фуллер Г., Портер Л.Э., Леклерк Б. За пределами активного/пассивного: использование межличностного циркумплекса для переосмысления поведения жертвы при насильственных преступлениях // Victims & Offenders. 2025. Т. 20, вып. 1. С. 1–25.

6. Шмаллегер Ф. Современная криминология: интегративный подход. 2-е изд. Нью-Джерси, 1999. С. 283–285.

ФОРМИРОВАНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ХОЛДИНГЕ (ЮУТУ И УРК): ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ РАЗДЕЛЬНОГО СБОРА ОТХОДОВ В УНИВЕРСИТЕТЕ И КОЛЛЕДЖЕ

Криволапова Д.В. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Скачкова Е.А. – к.пед.н., доцент, заведующий кафедрой «Лингвистика и гуманитарные дисциплины», ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматривается опыт внедрения системы раздельного сбора отходов в образовательном холдинге, включающем Южно-Уральский технологический университет и Уральский региональный колледж. Цель исследования заключалась в оценке эффективности комплекса мер, объединяющего создание инфраструктуры раздельного сбора отходов и проведение просветительских мероприятий. На основе анкетирования, наблюдения и анализа обратной связи установлено, что студенты в целом положительно относятся к экологическим инициативам, однако им не хватает практических знаний о правилах сортировки. Показано, что сочетание таких мер, как внедрение фракционных контейнеров, визуальной навигации и интерактивных мастер-классов способствует формированию экологической грамотности и более устойчивых экологичексих привычек.

Проблема обращения с отходами остаётся одной из наиболее острых экологических проблем современности. Рост объёмов потребления, увеличение доли упаковки и одноразовой продукции, а также ограниченные возможности переработки приводят к постоянному накоплению твёрдых коммунальных отходов. В этих условиях особую значимость приобретает формирование культуры

ответственного обращения с ресурсами, в том числе внедрение практик раздельного сбора отходов [5].

Особую роль в данном процессе играют образовательные организации. Университеты и колледжи выступают не только пространством передачи знаний, но и средой, в которой формируются устойчивые социальные привычки и модели поведения молодёжи. Если экологические ценности получают в образовательной среде практическое воплощение, они перестают быть абстрактными установками и переходят в повседневную деятельность [4].

Актуальность исследования определяется тем, что в образовательной среде часто наблюдается противоречие между положительным отношением студентов к экологическим инициативам и отсутствием условий для практической реализации этих установок. Даже при наличии мотивации обучающиеся нередко не располагают ни необходимой инфраструктурой, ни понятными инструкциями по сортировке отходов. В результате экологическая установка не может закрепится и перерасти в устойчивый патерн поведения [3].

Целью исследования является теоретическое обоснование и оценка эффективности комплекса мер, направленных на внедрение раздельного сбора отходов в студенческой среде «Южно-Уральский технологический университет» (ЮУТУ) и «Уральский региональный колледж» (УРК). В качестве гипотезы было выдвинуто предположение о том, что сочетание инфраструктурных решений и практико-ориентированного экологического просвещения способствует формированию у студентов устойчивых знаний, навыков сортировки и готовности к участию в экологических практиках.

Объектом исследования выступил процесс организации обращения с твёрдыми коммунальными отходами в образовательной среде Южно-Уральского технологического университета и Уральского регионального колледжа г. Челябинска. Предметами исследования являются организационно-педагогические условия внедрения раздельного сбора отходов и методы повышения экологической грамотности студентов.

В исследовании использовался комплекс взаимодополняющих методов: анализ научной и методической литературы по проблеме обращения с отходами и экологического воспитания молодёжи; анкетирование обучающихся; наблюдение за использованием контейнеров после запуска системы; сравнительный анализ полученных результатов; анализ обратной связи участников проекта.

Эмпирической базой послужили результаты онлайн-опроса студентов ЮУТУ и УРК. На этапе подготовки проекта было получено около 1400 ответов. Опрос позволил выявить отношение студентов к проблеме переполненных мусорных ёмкостей, готовность участвовать в раздельном сборе отходов и уровень знаний о базовых правилах сортировки. Выбор именно такой методики обусловлен тем, что формирование культуры сортировки отходов напрямую связано не только с наличием инфраструктуры, но и с поведенческими установками участников образовательной среды.

Практическая реализация проекта включала два взаимосвязанных направления: создание инфраструктуры раздельного сбора отходов (РСО) и проведение просветительской работы со студентами.

На первом этапе в образовательной среде ЮУТУ и УРК была разработана и внедрена инфраструктура РСО. Проект предусматривал закупку и установку 8 контейнеров для наиболее распространённых фракций отходов, образующихся в учебных корпусах, такие как пластик, аллюминий, бумага и несортируемые отходы. Для упрощения участия студентов контейнеры были снабжены цветовой маркировкой, пиктограммами и краткими пояснениями, позволяющими снизить количество ошибок при сортировке.

На втором этапе была реализована программа просветительской работы. Основной формой стали интерактивные мастер-классы, дополненные квизом, направленным на закрепление правил сортировки и понимание принципов ответственного потребления. Методика строилась на сочетании информационного и практического компонентов: участники не только получали сведения о типах отходов, но и выполняли задания, моделирующие реальные ситуации сортировки. Такой формат соответствует современным подходам к формированию бережного отношения к природе через непрерывное экологическое образование.

Во время запуска системы в местах размещения контейнеров было организовано волонтёрское сопровождение. В течение первых двух недель волонтёры, которые прошли курс обучения, консультировали студентов, помогали корректно распределять отходы по фракциям и оперативно отвечали на возникающие вопросы. Для координации действий был создан рабочий чат проекта, объединивший волонтёров, кураторов и представителей воспитательного отдела.

Результаты первичного мониторинга показали наличие благоприятных предпосылок для внедрения раздельного сбора отходов в образовательной среде. Большинство респондентов фиксировали проблему переполненных мусорных вёдер и давали ей отрицательную оценку. Большая часть студентов выразила мнение, что установка контейнеров для сортировки помогла бы снизить остроту проблемы, и заявила о готовности активно участвовать в раздельном сборе отходов. Вместе с тем было установлено, что значительная доля опрошенных не знает основных правил сортировки.

Полученные данные позволили выявить ключевое противоречие: у студентов уже существует позитивная экологическая установка, однако отсутствуют практические условия для ее реализации. Иными словами, в образовательной среде присутствует запрос на экологически ответственное поведение, но отсутствуют стабильная инфраструктура и необходимый уровень прикладных навыков сортировки. Подобное противоречие отмечается и в научных публикациях, посвящённых отношению населения к раздельному сбору отходов и проблемам его внедрения [1].

Наблюдение за функционированием созданной инфраструктуры показало, что наличие контейнеров с визуально понятной навигацией существенно упрощает участие студентов в сортировке отходов. Визуальные инструкции выполняют не только информационную, но и дисциплинирующую функцию, снижая неопределённость и уменьшая число типичных ошибок. Вместе с тем на начальном этапе были зафиксированы случаи смешивания фракций и затруднения при определении того, в какой контейнер следует помещать отдельные виды отходов. Это подтверждает, что инфраструктура эффективна только в сочетании с регулярным просвещением [6].

Проведённые мастер-классы и квиз продемонстрировали значимость практико-ориентированных форматов работы. В отличие от пассивного информирования, интерактивные мероприятия позволяют перевести экологическую тему из сферы общих деклараций в сферу конкретного действия. Участники получали не только знания, но и алгоритмы поведения, применимые в повседневной жизни. Именно такая модель «обучения через действие» представляется наиболее результативной для студенческой аудитории [2].

Дополнительным положительным эффектом проекта стала высокая вовлечённость обучающихся в обсуждение темы на официальных

медиаплощадках. Интерес студентов к публикациям и видеоматериалам свидетельствует о том, что экологическая повестка воспринимается молодёжью как значимая и практически ориентированная. Следовательно, образовательная организация может рассматриваться как эффективная площадка не только для внедрения инфраструктурных решений, но и для формирования экологической культуры в более широком социальном смысле [8].

Таким образом, результаты исследования подтверждают выдвинутую гипотезу. Устойчивое внедрение раздельного сбора отходов в образовательной среде возможно при условии комплексного подхода, включающего материально-техническое обеспечение, информационное сопровождение и интерактивные формы просвещения.

Проведённое исследование позволило установить, что внедрение системы раздельного сбора отходов в образовательном холдинге ЮУТУ и УРК имеет не только экологическое, но и огромное воспитательное значение. Студенческая аудитория в целом демонстрирует готовность к участию в экологических инициативах, однако без понятной инфраструктуры и практических инструкций эта готовность остаётся нереализованной.

Опыт внедрения РСО в ЮУТУ и УРК показал, что наиболее эффективным является комплексный подход, при котором установка контейнеров сопровождается визуальной навигацией, волонтёрской поддержкой и интерактивными просветительскими мероприятиями. Такая модель способствует формированию у студентов устойчивых навыков сортировки отходов и закреплению экологически ответственного поведения в повседневной практике [7].

Практическая значимость исследования состоит в возможности тиражирования данной модели в других образовательных организациях. Полученные результаты позволяют рассматривать образовательную среду как реальный механизм формирования экологической культуры молодёжи и как важное звено в развитии локальных практик устойчивого потребления и обращения с отходами.

Список используемых источников

1. Гапоненко Я.Н. Раздельный сбор отходов: отношение населения и первые результаты внедрения / Современные тенденции в естествознании и

технике: теория и практика: сборник научных статей. / Москва: ООО "НКР-Научный мир", 2025. 182 с. С. 166–168.

2. Кергенсков Д.А., Суховский Д.А. Анализ проблемы сортировки отходов в Российской Федерации / Интеллектуальный потенциал молодых ученых как драйвер развития АПК: материалы международной научно-практической конференции молодых ученых и обучающихся / Отв. ред. В.Ю. Морозов. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, 2022. 291 с. С. 14–17.

3. Клинков А.С., Беляев П.С., Однолько В.Г. и др. Утилизация и переработка твёрдых бытовых отходов. Тамбов: Тамбовский государственный технический университет, 2015. 188 с.

4. Липатова Т.Н. Культура сортировки твердых бытовых отходов в крупных городах // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 1. С. 240–242.

5. Можарова Т.А. Проблема формирования культуры сортировки бытовых отходов в контексте непрерывного экологического образования / Непрерывное дополнительное образование в государствах – участниках СНГ: опыт, приоритеты и перспективы развития: сборник статей IV Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию ИПКиП / Отв. ред. В.А. Гайсенок, И.В. Шардыко. Могилев: Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова, 2021. 352 с. С. 209–213.

6. Серебрякова А.А. Современные технологии переработки пластиковых отходов, образующихся при сортировке отходов от населения / Наука и молодежь: материалы XIX Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / Отв. ред. Р.С. Жуковский. Барнаул: Алтайский государственный технический университет им. И.И. Ползунова, 2022. 379 с. С. 340–343.

7. Уланова О.В. Управление твердыми бытовыми отходами. Европейский опыт: учебное пособие // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2009. № 3. С. 117.

8. Уланова О.В., Салхофер С.П., Вюнш К. Комплексное устойчивое управление отходами. Жилищно-коммунальное хозяйство: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М: Издательский Дом «Академия Естествознания», 2016. 520 с.

9. Холодова А.А., Давыдов Е.С., Ухалина И.А., Ефименко Н.А. Глобальные экологические вызовы: социально-экономические аспекты сортировки и переработки пластиковых отходов / Студенческая научная весна – 2024: сборник тезисов Всероссийской научно-практической молодежной конференции / Отв. ред. Киселева П.А. Волгодонск: Национальный исследовательский ядерный университет МИФИ, 2024. 341 с. С. 216–218.

10. Цветкова Е.А. Сортировка твердых бытовых отходов в крупных городах: вызовы и пути решения // Юный ученый. 2025. № 2. С. 65–69.

РОЛЬ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ СТАНДАРТОВ (INCOTERMS, CMR, IMO) В ЛОКАЛИЗАЦИИ ЛОГИСТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ: ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Курочкин И.Р. – студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Колледж бизнеса и технологий

Научный руководитель: Кривоносова Е.Н. – преподаватель, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Колледж бизнеса и технологий

Аннотация

В статье рассматривается применение англоязычных стандартов Incoterms, CMR и IMO в российских логистических процессах. На примерах показано, как особенности перевода терминов и необходимость вести документы на двух языках (русском и английском) создают риски при интерпретации нормативных формулировок. Также отмечено, какие способы локализации этих стандартов используются в России на практике.

Глобализация мировой экономики привела к тому, что логистика стала не примитивной функцией перемещения грузов, а сложной системой межкультурной коммуникации. В глобальной логистике англоязычные стандарты Incoterms, CMR и IMO выступают универсальным «кодом» для унификации контрактов, документов и процедур. Они обеспечивают предсказуемость цепей поставок, но при локализации в неанглоязычные страны, такие как Россия, возникают языковые барьеры: расхождения в переводах, неоднозначная интерпретация терминов и необходимость двуязычного документооборота. Каждый из трёх стандартов регулирует свою сферу: Incoterms – коммерческие условия поставки, CMR – автоперевозки, IMO – морское судоходство. Все они по-разному влияют на

документооборот, распределение ответственности и языковую практику. Понимание этих особенностей важно, чтобы снизить количество ошибок и спорных ситуаций (табл. 1).

Табл. 1

Краткая характеристика стандартов

Характеристика	Incoterms	CMR	IMO
Сфера применения	Торговые условия поставки (любой транспорт)	Автоперевозки грузов (больше 3 тонн) между странами участниками	Морское судоходство
Организатор	Международная торговая палата	ООН	ООН
Статус	Рекомендация	Обязательный договор (включая РФ)	Обязательный договор
Частота использования	90% глобальных контрактов внешнеэкономической деятельности	Все автоперевозки в Европе и частично в Азии	Все морские перевозки грузов
Перевод	Международные правила, определяющие условия поставки товаров	Конвенция о договоре международной перевозки грузов автомобильным транспортом (КДПГ)	Международная морская организация

Источник: составлено автором

Применение и обеспечение соответствия требованиям международных стандартов (Incoterms, CMR) в Российской Федерации

В России работа с англоязычными стандартами Incoterms, CMR и IMO интегрирована в национальное законодательство и практику ВЭД через двуязычный подход: английский текст служит оригиналом, а русский – адаптацией для локальных органов (таможня, суды, Росавтодор, Росморречфлот).

В 2012 году Торгово-промышленная палата РФ признала Incoterms торговым обычаем на территории России. Это означает, что правила Международной

торговой палаты (ICC) можно использовать в контрактах как общепринятую практику. На практике от того, как сформулировано условие поставки (например, FOB, CIF, EXW), зависит, кто несёт расходы и риски за груз. При этом важно использовать именно английскую формулировку термина, а не её перевод.

Россия присоединилась к Конвенции КДПГ (CMR) в 1983 году. Сейчас она действует более чем в 60 странах, включая государства ЕАЭС, Европы и Азии. Если возникает спор, арбитражные суды обращаются к аутентичному тексту конвенции на английском или французском языке. Конвенция CMR 1956 года стандартизирует договор международной автоперевозки грузов свыше 3 тонн. CMR-накладная – ключевой документ с 12 графами: данные сторон, описание груза, маршрут, стоимость, инструкции. Она выдаётся в трёх оригиналах, один из которых остаётся у перевозчика как доказательство договора. Конвенция CMR (Convention relative au contrat de transport international de marchandises par route), несмотря на французское происхождение названия, функционирует в международном обороте преимущественно на английском языке [1].

В России требования IMO реализуются через Федеральный закон №261-ФЗ «О морских портах», Кодекс торгового мореплавания и приказы Росморречфлота. Например, согласно приказу министерства РФ от 17 июля 2014 г. № 188 «Об утверждении типовых основных программ профессионального обучения в области подготовки членов экипажей судов в соответствии с международными требованиями» [2], экипажи судов обязаны проходить обучение с использованием английской терминологии, а штрафы за несоответствие могут достигать 1 млн рублей.

IMO разработала более 50 конвенций, среди которых SOLAS (безопасность на море), MARPOL (защита окружающей среды), STCW (требования к квалификации экипажа), ISPS (охрана судов и портов). Эти документы регулируют всё: от грузовой марки до плавания в полярных водах. Они обязательны к исполнению через национальное законодательство страны флага или порта захода и требуют оформления сертификатов, чек-листов и журналов на английском языке. Именно в морской отрасли языковая точность критически влияет на безопасность и экологию.

Риски применения англоязычных стандартов (Incoterms, CMR) в национальном правовом поле России

При работе с Incoterms, CMR и IMO в российской логистике возникают системные проблемы, связанные с переводом, неоднозначным толкованием норм и расхождениями с национальным правом. Это приводит к задержкам грузов, штрафам и судебным спорам. На основе анализа трёх стандартов можно выделить три основных языковых риска:

1. Двуязычный документооборот. Документы приходится вести параллельно на русском (для таможни и судов) и на английском (для иностранных контрагентов и электронного обмена данными). Это увеличивает количество ошибок при заполнении: одно и то же условие может быть переведено по-разному [3].

2. Отсутствие единых словарей терминов. Компании используют собственные варианты переводов, что приводит к разночтениям при проверках на таможне и в арбитражных спорах. Даже один неверно переведённый термин в контракте или накладной может стать причиной отказа в выпуске груза.

3. Недостаточный уровень владения английским у сотрудников. Не все специалисты, оформляющие перевозки или работающие с документами, в достаточной степени знают язык. Это повышает риск неправильной интерпретации условий стандартов [4].

Современные подходы по устранению рисков в использовании международных стандартов

Проблемы с применением стандартов Incoterms, CMR и IMO в РФ решаются системным двуязычным подходом, обучением и цифровизацией документов. Унификация логистических процессов с помощью международных стандартов помогает снижать затраты на сделки и согласовывать правовые правила разных стран. Однако на практике при использовании этих стандартов возникают проблемы не из-за самих правил, а из-за того, как они переводятся и применяются в разных языках и странах. В таблице ниже приведены примеры проблем, которые возникают при работе с данными стандартами и инструменты их решения (Табл. 2).

Эффективная локализация требует:

– понимания, что английский текст стандарта имеет приоритет перед переводом;

– отказа от использования неточных переводов терминов в операционной деятельности в заполнение накладных;

– составления внешнеторговых контрактов и логистических соглашений на английском языке с использованием аутентичных формулировок Incoterms, без попыток «улучшить» их переводом.

Табл. 2

Характеристика методов устранения рисков

Проблема	Как решить	Что ожидаем	Инструменты решения
Двуязычный документооборот	Введение ЭДО	Уменьшение задержки документов	Специальные модули для 1С
Отсутствие словарей	Составление специальных словарей совместно с юристами	Снижение ошибок	Найм специализированных сотрудников
Недостаточность знаний	Обучение персонала, повышение квалификации	Уменьшение штрафов	HR-менеджеры, курсы повышения навыков английского

Источник: составлено автором

Таким образом, международные стандарты позволяют унифицировать логистические процессы, создавая этим единое правовое и экономическое пространство. Благодаря единому пространству во взаимодействии участников цепей обеспечивается предсказуемость и прозрачность. Эти инструменты открывают широкие возможности, но насколько эффективно они реализуются, зависит от многих факторов локализации (согласование с национальными нормами права, интерпретация терминов и вопросы точности перевода).

Все несоответствия и расхождения (лингвистические и правовые) становятся системными рисками, подрывая цель стандартизации и унификации. В связи с этим для развития логистики в международных взаимодействиях требуется как совершенствование механизмов права, так и составление единых подходов к нормативной и терминологической совместимости. При выполнении этих условий унификация предоставит устойчивость и правовую согласованность операций в транспортной логистике.

Список используемых источников

1. ИНКОТЕРМС 2020, или Коротко о том, как не следовало их официально переводить на русский язык // Zakon.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCqZq (дата обращения: 27.03.2026).

2. Конвенция о договоре международной дорожной перевозки грузов (КДПГ): заключена в г. Женеве 19.05.1956, вступила в силу для СССР 01.12.1983 (с изм. от 05.07.1978) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: clck.ru/3TCqcA (дата обращения: 26.03.2026).

3. Об утверждении типовых основных программ профессионального обучения в области подготовки членов экипажей судов в соответствии с международными требованиями: приказ Министерства транспорта РФ от 17 июля 2014 г. № 188 // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products /ipo/prime/doc/70617634/ (дата обращения: 26.03.2026).

4. Об утверждении Устава службы на морских судах: приказ Министерства транспорта РФ от 4 июня 2018 г. № 224 // Гарант. [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71924742/ (дата обращения: 27.03.2026).

5. Экспорт в 1С: ERP: Учет и управление экспортными поставками // первыйБит. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TCqkz (дата обращения: 27.03.2026).

О ХЛЕБОБУЛОЧНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЯХ АНГЛИЧАН (БРИТАНЦЕВ)

Лаврукович А.А. – студент, ГУО «Брестский университет имени А. С. Пушкина»

Научный руководитель: Тарасевич Н.А. – к.филол.н., доцент, ГУО «Брестский университет имени А. С. Пушкина»

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые особенности хлебобулочных предпочтений англичан, исторические традиции и современное состояние рынка выпечки Великобритании. Отдельное внимание авторы уделяют анализу промышленного «чорливудского» метода производства, занимающего более 80 % рынка, а также растущему сегменту крафтовой и безглютеновой продукции. В работе проанализированы успешные маркетинговые стратегии ведущих брендов (Hovis, Warburtons, Woolworths), демонстрирующие эффективность апелляции к ностальгии, юмору и национальной идентичности, а также современные тенденции продвижения через онлайн-каналы и социальные сети.

Национальная английская кухня не отличается изысканностью и утонченностью. Предпочтение отдается старинным рецептам, немного адаптированным к современным реалиям. Традиционная выпечка изготавливается на основе пшеничной муки высшего сорта, реже ржаной грубого помола. В качестве начинки выступают мясо или субпродукты. В том числе существуют десятки сладких разновидностей пирогов, булочек, пирожных.

Объем рынка хлебопекарной промышленности Великобритании составляет 3 млрд фунтов стерлингов, 80 % всего производства занимают крупные пекарни. Ежегодно в Великобритании выбрасывается около 680 000 тонн хлеба, что говорит о его доступности и иногда недостаточной ценности как продукта [2].

Хотя за пределами Англии успехи ее пекарей не столь известны, сами англичане очень ценят свой хлеб. Причем традиционно наиболее вкусным считался именно белый; серый и черный ели те, кто не мог себе позволить первый [1].

Более 80 % всего хлеба в Великобритании выпекается по «чорливудскому» методу. Его суть: добавление твердых жиров, дополнительных дрожжей, консервантов и эмульгаторов, интенсивный замес. Процесс брожения сокращен до 3,5 часов. Такой хлеб дешевый, мягкий, имеет долгий срок хранения, идеальную форму для нарезки. В результате хлеб стал доступным, но критики называют его безвкусным и похожим на «вату» [5].

Англичане предпочитают мягкий белый хлеб (часто тостовый, производимый по Чорливудскому методу), а также разнообразные булочки (сконы, крампеты) к чаю, славясь любовью к сэндвичам. Популярны изделия из муки высшего сорта, а традиционные завтраки включают тосты с маслом и жареный хлеб. Британцы также ценят несладкие пироги с начинкой и традиционные хлебные изделия, такие как яйца по-шотландски, которые часто берут на пикник.

Основные предпочтения британцев [4]:

– хлеб для тостов: белый, мягкий хлеб – основа рациона, часто используется для сэндвичей;

– чорливудский хлеб (Chorleywood Bread): мягкий, нарезанный, упакованный белый хлеб – основа для сэндвичей;

– бара брит (Bara Brith): традиционный валлийский «пряный» хлеб с сухофруктами;

– содовый хлеб (Soda Bread): готовится без дрожжей, на пахте и соде;

– коронный шотландский хлеб (Scottish Plain Bread): тонкий, мягкий хлеб, часто используемый для завтраков;

– сконы (Scones): пшеничные булочки, подаваемые с джемом и сливками;

– крампеты (Crumpets): сдобные пористые лепешки, которые едят горячими с маслом;

– фруктовый хлеб (Barm Brack): сладкий дрожжевой хлеб с изюмом, популярный к чаю;

– тигриный хлеб (Tiger bread): хлеб с привлекательной хрустящей «тигриной» корочкой, которая получается в результате добавления на верхушку хлеба муки, дрожжей, соли, сахара и масла;

– йоркширский пудинг: традиционная выпечка из жидкого теста, подаваемая к мясу;

– цельнозерновой и мультизлаковый хлеб: набирает популярность благодаря тренду на здоровое питание, популярен вариант с добавлением отрубей [3].

Пандемия ускорила рост онлайн-продаж. Также некоторые компании начали активно сотрудничать с Ocado и Amazon, расширилось продвижение в социальных сетях: рецепты, красивый контент, вовлечение аудитории, рассказ о пользе и традициях – привлекают все больше клиентов. Отмечается рост сегмента крафтовых пекарен и безглютеновой продукции, а также позиционирование как премиального бренда традиционного ржаного и бездрожжевого хлеба. В маркетинге делается упор на натуральность и пользу для здоровья (низкий гликемический индекс, много клетчатки) [6].

Рассмотрим примеры британской рекламы хлебобулочных изделий:

1. Hovis: «вкус дома» через призму истории (Кампания «Go on, Lad» (2008 г.): двухминутный ролик, показывающий ключевые моменты британской истории XX века. Мальчик покупает буханку Hovis (для сэндвича) и несет ее через события (войны, индустриализацию, праздники). Hovis – неотъемлемая часть британской идентичности, «хлеб, выращенный дома». Ролик отражает связь с традициями, семьей и национальным духом. Он стал культовым и регулярно признается одним из лучших в истории британской рекламы.

2. Warburtons: реклама бейглов (с участием Роберта Де Ниро и Сильвестра Сталлоне (2019 г.) представляет собой пародию на гангстерские фильмы. Де Ниро

в амплуа «крутого парня» приезжает в Болтон, чтобы «взять под контроль» семейную пекарню Warburtons. Ролик наполнен юмором, самоиронией и напоминанием, что это семейный бизнес с высокими стандартами. Видео имело вирусный успех и большое медиаосвещение.

3. Woolworths: реклама с ароматом свежего хлеба, которую можно «понюхать». На этикетки с хлебом и на постеры с изображением свежей выпечки была нанесена микрокапсульная технология, источающая запах свежеиспеченного хлеба, что оказывает прямое воздействие на рецепторы потребителя и создает сильный импульс к покупке, а также подтверждает слоган «Испекли сегодня, продали сегодня». Рекламы содействует повышению вовлеченности и запоминаемости бренда.

4. Ожившая выпечка для продвижения шоу – промо-ролик для шоу The Great British Bake Off, в котором анимированные булочки, пирожные и кексы поют песню «We All Stand Together». Это способствует созданию теплой, ностальгической и очаровательной атмосферы, которая ассоциируется с самим шоу, подчеркивается любовь британцев к выпечке. Хотя некоторые зрители сочли ролик «жутковатым», он успешно привлек внимание и вызвал эмоциональный отклик.

Таким образом, можно сделать следующие выводы о развитии хлебобулочной индустрии в Англии на современном этапе:

– массовый рынок занимает дешевый, промышленный «чорливудский» хлеб, в то время как растет ниша качественных, крафтовых продуктов;

– британцы любят быструю еду. Они в основном используют хлеб для сэндвичей, бэйглы, хот-доги. На этом и делают акцент компании, помимо обычного хлеба, изготавливая бездрожжевую, безглютеновую выпечку;

– самые успешные кампании обращаются к ностальгии, юмору, национальной идентичности и доверию (Hovis, Warburtons);

– бренды используют не только визуал, но и обоняние для усиления воздействия (Woolworths);

– потребители становятся более искушенными, а недостоверная реклама может привести к скандалу и провалу в репутации;

– многие пекарни используют социальные сети и онлайн-магазины для популяризации себя и своего товара.

Список используемых источников

1. Английский хлеб – история и современное отношение // English Club TV Ltd. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TKQMH (дата обращения: 01.03.2026).
2. Бакланова О. Англичане полюбили серый хлеб. // Вся соль. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vsyasol.com/sery-j-hleb/2011/04/ (дата обращения: 01.03.2026).
3. Какие хлебобулочные изделия выбирают англичане // Dietology.pro. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TKQMi (дата обращения: 01.03.2026).
4. Традиционный хлеб Англии // Sladik.net. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TjKwL (дата обращения: 01.03.2026).
5. Bread Remain a Staple in British Diets // LearnQual. [Electronic resource]. URL: https://clck.ru/3TKQN6 (date of treatment: 01.03.2026).
6. BritishBaker // Bakeryinfo.co.uk. [Electronic resource]. URL: https://bakeryinfo.co.uk/ (date of treatment: 01.03.2026).

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СЕРИЙНЫХ УБИЙЦ «СТАРОЙ ШКОЛЫ» XX ВЕКА И СОВРЕМЕННЫХ: ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЧНОСТИ И МЕТОДОВ

Литвинова Д.С. – студент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова»

Научный руководитель: Саратова О.В. – к.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г.Ф. Морозова».

Аннотация

Анализируется личность серийных убийств на протяжении двух эпох: в ней сопоставляются особенности таких преступлений в прошлом и настоящем. На основе материалов открытых источников и криминальной хроники рассматривается изменение личности преступника от «отчуждённых типов» XX века до современных убийц, поведение которых чаще описывается через зависимость и черт личности, такие как нарциссизм, макиавеллизм и психопатия. Акцент делается на том, как под влиянием цифровизации и развития видеофиксации меняются способы совершения преступлений, а также создают мотивацию противоправных действий.

Введение

Дискуссия о серийной убийственной преступности на протяжении долгого времени остаётся одной из наиболее сложных проблем криминологии и судебной психологии. Повышенное внимание специалистов и исследователей к данному феномену обусловлено ростом числа таких преступлений, а также с возрастающими сложностями, которые сталкиваются оперативные и следственные органы в процессе их раскрытия. Восприятие серийного убийцы формировалось на основе личностей и их образов XX века, к примеру, такие преступники как Тед Банди, Андрей Чикатило и другие. Однако современные реалии, характеризующиеся ускоренным развитием технологий и изменением социальных норм, коренным образом влияют на преступную среду. Это приводит к формированию новых методов и способов совершения преступлений. Преступники становятся более технологично грамотными на использование уязвимостей цифровой среды. Цель данной работы: сравнить профиль серийного убийцы в переходе от «старой школы» к современности, а также как правоохранительная система адаптируется к этим изменениям.

Объекты и методы

В качестве объекта исследования выступают серийные убийцы – лица, совершившие три и более убийства, разделенных во времени и рассматриваемые как носители устойчивых криминальных личностных характеристик, поведенческих паттернов и криминальной мотивации. Дополнительным объектом являются разнообразные материалы открытых источников, включающие в себя книги, публикации в средствах массовой информации**,** документальные фильмы, посвященные изучению феномена серийных убийств. А также еще одним объектом выступает криминальная хроника, которая охватывает период XX–XXI веков и отражает деятельность серийных убийств. В предмете исследования находятся изучение личности преступника, его мотивации, черт, поведенческих особенностей, а также анализ тактик и методов совершения преступлений.

В процессе выполнения данной работы использовались метод сравнительного анализа социальных явлений, также диалектический метод познания и исторический метод, позволившие изучить научную литературу по теме исследования. Для получения эмпирических данных использовался контент-анализ материалов криминальной хроники, в том числе касающейся дерматоглифики и биоритмов серийных убийц [2].

Экспериментальная часть

В ходе исследования были проанализированы личности серийных убийц за два периода, а также их мотивация, способ поиска жертв, орудие преступления, отношение к техническому прогрессу и фактор мобильности. Как отмечала В.Я. Рыбальская: «Человек не становится убийцей внезапно. Преступлению всегда предшествует длительный период развития внутренних противоречий и конфликтов» [8]. По мнению автора, они начинаются с неправильного воспитания, из-за которого в итоге формируется личность с искаженными моральными принципами.

Для «старой школы» характерно убийство, происходившее в условиях ограниченного информационного поля. Формирование серийного убийцы практически всегда имело единую основу – трудное детство. Криминалист того времени Роберт Ресслер в своих работах определил, что каждый преступник обладает уникальным «почерком» [7]. На основе своих наблюдений он выделил два основных типа серийных убийц: организованных и неорганизованных. Представители первого типа отличаются высоким интеллектом, великолепным самоконтролем, выдержкой, приятной внешностью и хорошими манерами, однако за этой маской скрывается социопатия. Такой преступник предпочитает действовать обманом. Его преступления тщательно продуманы до мелочей. Неорганизованный тип полностью противоположен первому. Для него характерны низкий уровень планирования, использование подручных средств и случайный выбор жертвы. Эти два типа преступников связывает наличие неблагоприятного детского опыта. В результате пережитого в прошлом начался процесс ломки психических структур, неизбежно повлёкший за собой формирование личностных черт, как жестокость и готовность к применению смертоносного насилия. Различие организованных и неорганизованных типов определяет не только методы, но и глубинную мотивацию. Доминирующими мотивами преступлений были власть и контроль, за которыми часто скрывалась компенсация собственной неполноценности. Формой реализации потребности во власти и вторичным компонентом являлся сексуальный мотив.

Отечественная криминальная история даёт характерный материал. Деятельность А.Р. Чикатило в 1980–1990 годы демонстрирует эволюцию от осторожности к дерзости по мере осознания неэффективности правоохранительной системы того периода. Он использовал для поиска жертв именно маргиналов в

многолюдных местах, исчезновение которых не вызывало оперативного реагирования. Также, как было сказано ранее, убийцы организованного типа демонстрировали социальную интеграцию. И в своей работе Ю.М. Антонян высказал следующую позицию: «эта «маска нормальности» позволяла им долгое время находиться вне поля зрения правоохранительных органов» [1].

Современные убийцы, в отличие от «классических», формируются в эпоху интернета. В контексте изучения детерминанта преступного поведения особого внимания заслуживают культурные и социальные факторы, в частности, средства массовой информации, кинофильмы и видеоигры. Так, В.И. Баталина и Д.Ф. Гаврилова, отмечали: «в современной медиасфере прослеживается тенденция романтизации криминальных образов, что оказывает деструктивное влияние на индивидов с неустойчивой психикой» [3]. Методы преступников адаптированы к реалиям цифрового общества. Поиск жертвы может осуществляться не только на улицах и в других общественных местах, но и через сайты знакомств и социальные сети. Даже сокрытие улик может осуществляться с помощью искусственного интеллекта. Примером может стать инцидент в Новосибирске, иллюстрирующий применение высоких технологий в криминалистике. Разработчик создал ИИ-ассистента, предназначенного для противодействия оперативно-розыскным мероприятиям: нейросеть анализировала данные с камер наблюдения, генерировала ложные алиби и текст от имени жертв [5].

Современные правоохранительные органы получили новые методы и способы нахождения преступников. Это характеризуется широким внедрением систем обработки автоматизированных баз данных геномной информации (ДНК), а также систем распознавания лиц качественно изменили тактику расследования преступлений. Однако, как выделили специалисты, технологический прогресс имеет и обратную отрицательную сторону: преступники осваивают средства шифрования, используют VPN-сервисы для анонимизации своих действий, что требует повышения цифровых навыков следователей и оперативников.

Результаты и их обсуждение

Анализ и обобщение различных источников позволяет разграничить три ключевых направления эволюции личности и методы серийных убийц.

Первое направление касается мотивационной сферы. В XX веке мотивы нередко имели психосексуальную окраску, а также жажда самоутверждения через полное уничтожение другого. Современная криминология описывает серийное

убийство как форму зависимости. Исследования показывают, что данные индивиды утрачивают способность видеть в другом человеке ценность. Убийство для них – это ритуал, приносящий удовольствие, схожее с наркотическим. В их сознании нет места сомнениям, а понятие вины и вовсе отсутствует [9].

В рамках второго направления – биопсихического – учёные указывают на возможные связи с биоритмами и дерматоглификой, но чёткой закономерности здесь пока не нашли [2]. Исследования также показывают, что у серийных убийц часто ослаблен участок мозга, отвечающий за самоконтроль, а также нарушения в работе зеркальных нейронов, отвечающих за эмпатию [9].

Последнее направление состоит из методов и тактики совершения преступления. Преступник прошлого использовал фактор неожиданности и не давал жертве шансов на сопротивление. Современный убийца, в отличие от первого, вынужден разрабатывать более изощренные планы конспирации и маскировки с нынешними техническими средствами. Вместе с этим технологический прогресс создает среду, существенно затрудняющую возможность длительной безнаказанной деятельности.

Изучая работу Е.Б Кургузкиной, О.В. Саратовой, авторы приводят к выводу, что «у большинства маньяков присутствуют глубокие психологические травмы, часто сочетающиеся с антисоциальным расстройством личности или социопатией, что приводит к отсутствию эмпатии и чувства вины» [6].

Гендерный аспект также демонстрирует интересный феномен. Данные источников показывают определённую динамику: мужчины ориентированы на убийство незнакомцев, при этом применяя удушье или огнестрельное оружие. Женская агрессия, напротив, направлена на близких и знакомых людей и реализуется через отравляющие вещества [4]. Эта закономерность сохраняет актуальность на протяжении всего анализируемого периода.

Вывод

Проведенное исследование показало нам, как менялся портрет личности серийного убийцы. Таким образом, установлено, что криминальная личность переходит от типа одиночки с явной психопатией к более сложному – социально адаптированному, но лишенному эмпатии индивиду, для которого убийство является удовольствием, постепенно превращающимся в зависимость от насилия. Методы совершения преступлений современных убийц значительно отличаются от XX века: способы «старой школы» и поиск средств дополняются использованием

интернет-платформ, включая социальные сети, виртуальные частные сети (VPN) и искусственный интеллект. Данная тенденция, с одной стороны расширяет тактические возможности преступника, с другой – открывает новые возможности для предотвращения будущих преступлений. Как полагают эксперты: «дальнейшая разработка проблематики нейробиологических коррелятов агрессивного поведения может открыть возможности для профилактики подобных деяний» [9].

Список используемых источников

1. Антонян Ю.М. Личность преступника и ее формирование: монография. Москва: Юрлитилинформ, 2017. – 168 с.
2. Ардашев Р. Маньяками не рождаются? Ученые нашли схожие биоритмы у серийных убийц // Аргументы и факты. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TDZxN (дата обращения 20.03.2026)
3. Баталина В.И. Проблемы методики расследования серийных убийств // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 12–1. С. 45–48.
4. Дегтярева А. Сходит с рук: ученые выяснили, чем отличаются маньяки-женщины от убийц-мужчин // Postnews: сайт. 2023. 10 февраля. [Электронный ресурс]. URL: https://postnews.ru/a/19757?ysclid=mn4wrts9gt157864518 (дата обращения: 20.03.2026).
5. Криминальные селфи, нейросети-пособницы и побег из VR-реальности: маньяки России 2025 // Царьград. Нижний Новгород: сайт. 2025. 16 апреля. [Электронный ресурс]. URL: https://nn.tsargrad.tv/news (дата обращения: 26.03.2026)
6. Кургузкина Е.Б., Саратова О.В. Феномен серийных убийц: постановка проблемы // Вестник Воронежского института МВД России. 2026. №1. С. 46–49.
7. Ресслер Р.К. Кто сражается с чудовищами. Как я двадцать лет выслеживал серийных убийц для ФБР. Перевод с английского О. В. Перфильева. Москва: Эксмо, 2022. 421 с.
8. Рыбальская, В.Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних // Вопросы борьбы с преступностью. 1980. Вып. 33. С. 3–12.
9. Сидоренко Э.Л. «Для них жертва – мешок с костями»: ученый объяснила, как становятся обычные люди маньяками // Московский комсомолец:

сайт 2025. 5 ноября. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TDa7T (дата обращения 20.03.2026).

ИНТЕРНЕТ КАК КЛЮЧЕВОЙ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АППАРАТ СОВРЕМЕННОСТИ

Наумчик М.Ю. – аспирант, ОУ ВО «Белорусский государственный экономический университет»

Научный руководитель: Барахвостов П.А. – к.полит.н., доцент, ОУ ВО «Белорусский государственный экономический университет»

Аннотация

В статье анализируется концепция идеологических аппаратов государства Луи Альтюссера применительно к цифровой эпохе. Автор доказывает, что интернет сегодня становится ключевым идеологическим аппаратом, формирующим идентичности как товар и транслирующим метаидеологию неолиберализма, что требует пересмотра традиционных представлений о политической борьбе.

Вопрос взаимодействия идеологии и политики в современной политологии не вызывает бурных вопросов или дискуссий. Принимая как данность наличие отдельной, организованной под идеологические структуры сферы (парламентов и других органов демократического обсуждения) и существование категории государств, движимых идеологией (авторитарных и тоталитарных режимов, в противовес неидеологической «норме» демократии), вопрос влияния идеологии на политику выглядит закрытым. При этом даже развитие более современных коммуникативных технологий особо не вносит в эту систему Модерна корректив — взгляды людей, как и век назад, вроде как агрегируются через голосование и партии, которые в обществе и выражают отношения людей как масс к идеологии. Таким образом, с легкой руки можно объявить мир объясненным, понятным и неидеологическим, а любое невписывающееся в данную установку событие – лишь исключением из правил. Но так ли это – действительно ли идеология является «укрощенным зверем», находящимся в контролируемых границах, отведенных ей политикой?

Альтернативную позицию в 1970 году разработал и выразил теоретически Луи Альтюссер, французский академик и марксист. Находясь на стыке эпох, Альтюссер наблюдал за разворачивающимися процессами идеологической борьбы,

скрытыми под видимой стабильностью противостояния в идеологической сфере Холодной войны. Будучи убежденным марксистом, Альтюссеру было сложно принять тот факт, что историческая логика Холодной войны была далека от предсказуемых проскрипций Карла Маркса. Вместо восстания пролетариата Красный май двигали вперед студенты, а коммунистическое единство было подорвано вторжениями в Европе (Чехословакия и Венгрия) и похоронено советско-китайским расколом в Азии. Концепции идеологического влияния в капитализме требовали пересмотра с учетом новых реалий политики.

Вопрос формы взаимодействия материальной реальности (экономики и политики) и идеологий раскрывается в марксизме с материалистических позиций. Но объяснения самого Маркса через «ложное сознание» никогда не были сами по себе достаточными. Именно в этих условиях Альтюссер и предлагает свою концепцию репрессивных и идеологических аппаратов, раскрываемую в его работе с красноречивым названием «Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования)» [1]. В ней ученый объясняет существование и значительную силу буржуазных идеологий не только через самообман «ложного сознания» и бриколажа. Альтюссер пополняет марксизм важным концептуальным моментом – у государства появляются не только репрессивные, но и идеологические аппараты. Именно они и отвечают за репродукцию существующих производственных отношений, потому что капитализму для существования требуются не только производственные силы, которые можно создавать материально. В данной модели репрессивные аппараты выступают в роли средств принуждения к капитализму, а идеологические – в виде средств убеждения. Задача победы революции над капитализмом – это задача не только захвата репрессивных, но и идеологических аппаратов государства, которые и создают коллективное наваждение идеологий.

Сущность репрессивных государственных аппаратов для нас самоочевидна – к ним, как можно догадаться, относятся полиция, армия и прочие силовые ведомства. Но к идеологическим аппаратам Альтюссер относит куда более разноплановые структуры. Среди идеологических аппаратов Альтюссер выделял религиозный (церкви), образовательный (школы и университеты), семейный (семья), юридический, политический (вся политическая система с ее партиями), профсоюзный, коммуникативный (пресса, радио, ТВ и пр.) и культурный (литература, искусство, спорт и пр.). Несложно заметить: в структуру

идеологических аппаратов государства входит довольно много негосударственных структур. На это у Альтюссера был простой ответ: разграничение частного и государственного – буржуазный концепт. Все идеологические аппараты работают на стороне капитализма, поэтому вести разговор о их различиях и сущности не представляется важным. Это упущение мы еще далее вспомним.

Идеи Альтюссера носят глубокий отпечаток своего времени – их можно считать актуальными только при достаточной коррекции со стороны развития современной социально-гуманитарной мысли. Луи Альтюссер был представителем структуралистской традиции, даже несмотря на его признание, что ряд концепций (например, «государство» в капитализме) лучше объясняются не через их формальные, официально заявляемые границы, а через их реальные проявления, как делали исследователи-постструктуралисты. Вне этого идеологического ограничения становится ясно, что концепция государственных аппаратов Альтюссера хорошо сочетается с неоинституциональными идеями об «институтах как правилах игры» [4]. В целом подход становится только сильнее от постструктуралистского чтения: если власть – это дискурсивная практика, то и контроль над этой практикой будет проходить через неформальные по своей силе структуры идеологии.

Процесс идеологического влияния по своей природе имеет материальные основания, и эту связь и помогает установить концепция идеологических аппаратов государства. Технологии развиваются – и вместе с ними, развиваются и меняются формы идеологического влияния на людей. В наше время можно было наблюдать своими глазами формирование условного единого культурно-информационного аппарата государства (интернета) под воздействием развития технологий цифровизации. Пара «семья – школа» уходит на второй план: сегодня можно уже говорить о триаде «семья – школа – интернет». Традиционные идеологические аппараты создают конкретные социальные роли в процессе интерпелляции, из которых у индивида создается субъектность [3]. Интернет выступает в этом плане крайне нетипичной властно-идеологической структурой: он создает не конкретную, ограниченную рамками идентичность, а предлагает внутри себя набор общностей, которые представляются как товар внутри него. Логика капитализма в отношении интернета раскрывается именно через анализ его в рамках дискурсивных практик – традиционных товарных отношений недостаточно, чтобы описать логику идентичностей в политике сегодня.

Интернет предлагает социальные идентичности через установление их в собственной цифровой среде – это его товар. Интернет невозможно описать только через производство развлечения как товара – сегодня мы наблюдаем «колонизацию» капитализмом последних рубежей свободного времени у рабочих. В потребление должен быть превращен каждый социальный акт – такового требует логика капитализма. Интернет – это первый по настоящему сетевой институт, который может быть (и частично является) децентрализованным на практике и организационно. Эта особенность и делает интернет исключительным исторически и сегодня.

У этого, казалось бы, технического аспекта есть значительные последствия на все будущее идейного поля в целом. Альтюссер пишет, что классовая борьба проходит и в границах идеологических аппаратов государства. С детерминизмом истории марксизма можно поспорить, но признать стоит – борьба идей в таких «идейных сферах» является отражением состояния общества куда лучше, чем только анализ отдельных «арен» идеологий в формальных институциональных границах. Тенденции и состояние гегемонистской системы в целом отражаются и на интернет, в котором все еще может происходить хотя бы идейное противостояние капитализму.

В рамках марксизма редко разбирается идея о том, что установление гегемонии капитализма шло неравномерно – это был динамический процесс, занимающий века и все еще происходящий в той или иной степени сегодня. Вслед за установлением экономического порядка шло установление политического и социального порядка. У нас есть термин для описания доминирующего экономического порядка – капитализм, но нет такового для идеологического. Этот доминирующий эмпирический подход либеральной эпистемологии, пронизывающей даже неидеологические сферы организаций заметен немногим, но этот «режим правды», как их называл Мишель Фуко, существует [5]. В качестве описания логики капитализма можно использовать понятие «неолиберализма» как некой метаидеологии, тех правил игры, по которым организовываются идеологические аппараты государств капиталистического «Ядра».

Главным недостатком анализа Альтюссера представляется его позиция о том, что государство – это не более чем совокупность отдельных институтов, которые опосредованно устанавливают порядок для капитализма. В таком представлении теряется то, что государство – это система, и она больше, чем сумма ее отдельных

частей. В этом плане сетевой взгляд на власть представляет больше пользы – в нем государство скорее выступает как главный «узел» властных отношений, не центр, но значительный элемент властного порядка. Даже если государство работает в условиях или является инструментом капитализма, сущность этого инструмента все равно играет ключевую роль для анализа. Наблюдение показывает: в условиях капитализма отношения государств и с государством экономики значительно отличается, и объяснительной базы марксизма недостаточно, чтобы объяснить эти отличия. Точно также отличается отношения государств и идеологии, даже если и какие-то общие наблюдения Альтюссера полезны для определения некоторых ключевых границ такого взаимодействия.

Государство выполняет не просто роль посредника капитализма – в капитализме государство играет ключевую роль, и именно этим и объясняется его автономия от экономической системы. Роль государства выходит за пределы репродуктивных и идеологических функций для экономики, государство, по существу, «спасает» капитализм от худших его тенденций – раз за разом, государство вмешивается в рынок после очередного финансового кризиса, не позволяя худшим социальным последствиям рыночной экономики разорвать социальный порядок на части. Государство не просто делает это через подчинение или обман какой-либо формы – в таком взаимодействии кроется природа более глубоких отношений экономики и политики. Даже сам Альтюссер вынужденно, но признавал влияние идеологии на проявление той же государственности, например, по его мнению, это не происходит в результате влияния на классовую борьбу (потому что та проходила в базисе), а на опосредованную в идеологических аппаратах функцию воспроизводства производственных отношений.

Даже силы, служащие на поддержание капитализма, подчиняются логике капитализма – и в этом скрывается сущность организации государства при доминирующем экономическом порядке. Государство такое, не потому что его формирует капитализм, а потому что оно организовано логикой капитализма – его самопродуцирующейся метаидеологией неолиберализма. Точно так же, как и идеологические аппараты децентрализованы и не организованы, а репрессивные – объединены под крылом коллективной, самостоятельной институции (государства), логика организации государства с одной стороны подчиняется капитализму, его эффективности, а с другой – в этих границах исторически разнообразна. И эта вариативность, сила влияния логики капитализма менялась во

времени: от «государства всеобщего благосостояния» к «рейганомике» и «тэтчеризму», и наконец, завершаясь новым государственным менеджментом 1980–1990 гг. и триумфальному распространению логики неолиберализма на бывшие страны советского блока.

Вопросам такового влияния Альтюссер не уделяет много внимания – «коэффициенты воздействия» инфраструктуры и суперструктуры друг на друга рассматриваются им весьма бегло. Этот вопрос уходит на второй план, когда над дискурсом довлеет исторический детерминизм марксизма – мы же себе такого позволить не можем. Вопросы воздействия идеологии на наше политическое поведение, особенно в условиях развития технологий коммуникации и организации сегодня приобретают новое значение. И воздействие этих технологий не ограничивается лишь их экономическим эффектом или косвенным экономическим эффектом. Политическое действие (даже масс) важно только тогда, когда за ним есть артикулированные идеи и конкретная организация – иначе любое, даже самое большое недовольство будет лишь вспышкой беспорядочного насилия, но никак не социально-политической революцией или эволюцией. Альтюссер был готов признать, что практика идеологична, он находился в поисках теоретической науки, находящейся над ней [2]. Постструктурализм поставил в этом плане точку, раскрывая отражения идеологии на даже на науку.

Вместе с тем, нужда в «теории идеологий» не исчезла из академического дискурса. Наличие феномена создает необходимость в его анализе – эту необходимость диктует практическая реальность. Какие же наблюдения Альтюссера сегодня остаются актуальными?

Первый и, пожалуй, все еще важный момент: необходимо с большим вниманием относиться к идеологической сфере, особенно с исходящими оттуда возможностями спонтанного влияния на политику. Воля к политическому действию не кроется в парламентах – она находится в головах людей, в коллективных проявлениях идейных ориентаций масс. Мы не безоружны перед лицом потенциальных угроз и кризисов даже с идеологического фронта, мы можем к ним быть готовы или вовсе предугадать возможные болевые точки. Нам не обязательно сталкиваться с будущими реалиями общества безоружными – мы можем заметить некоторые вещи наперед, обращая внимания на те тенденции, что вырисовываются уже сегодня. Самое важное в этом – сущность и границы конкуренции идеологий в границах идеологического аппарата интернета, потому

что его влияние отражает реалии власти. Идеологическая реальность представляется людям сегодня не через «мертвое» институциональное закрепление, а через идейную, мыслительную часть процесса политики. Нужно тонко улавливать, как на интернете и его инфраструктуре (физической, практической или технической) отражается и репродуцируется капитализм, во всех его многообразных идейных проявлениях. Интернет требуется рассматривать именно как институт-проводник метаидеологии неолиберализма, в его рамках будет происходить борьба идеологий будущего – и по тому, какие идеи включаются и исключаются из широкого дискурса, какими силами и как, что слышно громко, а что только-только начинает становится важным, можно и уловить очертания границ политики будущего.

Список используемых источников

1. Альтюссер Л. Идеология и идеологические аппараты государства (заметки для исследования) // Неприкосновенный запас. 2011. № 3 (77). [Электронный ресурс]. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2011/3/ideologiya-i-ideologicheskie-apparaty-gosudarstva.html (дата обращения: 31.03.2026).

2. Некрасов С.Н. Научная теория идеологии и концепция идеологических аппаратов государства // Инновационные подходы в решении проблем современного общества. 2017. С. 6–17.

3. Некрасов С.Н., Сосновских Д.С. Новый взгляд на государство: теория идеологических аппаратов государства в XXI веке // АОН. 2018. № 4. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TDhwf (дата обращения: 31.03.2026).

4. Патрушев С.В. Институционализм в политической науке: этапы, течения, идеи, проблемы // Политическая наука. 2001. №2. С. 146–186.

5. Freeden M. Ideology and political theory // Journal of Political Ideologies. 2006. №11(1). P. 3–22.

СОЗАВИСИМОСТЬ КАК ФАКТОР НАРУШЕНИЯ ГРАНИЦ В ПОМОГАЮЩИХ ПРОФЕССИЯХ

Обухова А.А. – студент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

Научный руководитель: Чебарыкова С.В. – к.псих.н., доцент, ФГБОУ ВО «Тихоокеанский государственный университет»

Аннотация

В статье рассматривается феномен созависимости в помогающих профессиях как фактор нарушения психологических границ. Анализируются механизмы формирования созависимых паттернов поведения у специалистов, их влияние на профессиональную деятельность и личностное развитие. Исследуются последствия созависимости, включая профессиональное выгорание и деформацию.

Введение

Помогающие профессии представляют собой особый класс профессиональной деятельности, интегрирующий различные социальные сферы общественной жизни. К данной категории относятся специалисты, чья деятельность непосредственно направлена на оказание разноплановой помощи индивиду или группе лиц: медицинские работники, психологи, педагоги, социальные работники и др. Для помогающих профессий характерны постоянное общение, максимальная ориентация на другом человеке, проявления сочувствия и мотивация поддержания собственной ценности через оказание помощи окружающим [3].

Особенно актуальным в контексте профессиональной деятельности становится понимание границ в отношениях. Как отмечает известный психотерапевт И. Ялом, «одна из бесценных вещей, которую пациент познает в ходе психотерапии, это границы отношений. Он узнает, что может получить от других, но также – и это гораздо важнее – чего не может получить от других» [10].

Эта мысль приобретает особое значение при анализе работы специалистов помогающих профессий, поскольку одной из ключевых смысловых детерминант альтруистического поведения в данной сфере выступает механизм сочувствия (эмпатии), который основан на временном и ситуативном стирании границ между «Я»-специалиста и «Я»-реципиента. Данный механизм, обеспечивая высокую степень вовлечённости, одновременно порождает системные риски, среди которых центральное место занимает формирование созависимости, рассматриваемой в

современной литературе как один из ключевых факторов развития синдрома профессионального выгорания и профессиональной деформации [2, 5].

Профессиональная созависимость: сущность и парадокс

В клинической и социальной психологии созависимость понимается как расстройство психики, характеризующееся сильной поглощенностью проблемами другого человека, что приводит к игнорированию собственных потребностей и утрате способности к автономному функционированию. Ее генезис часто связывают с длительным воздействием стрессовых ситуаций, требующих постоянной бдительности и готовности к немедленному реагированию. Так же это состояние может возникнуть, если много времени проводить рядом с тяжелобольным человеком, страдающим зависимостью или с человеком, остро нуждающимся в поддержке. Для психологов, специалистов по социальной работе, медиков помощь становится профессией.

Применительно к помогающим профессиям возникает феномен профессиональной созависимости. Парадоксальным образом, многие поведенческие паттерны, сформированные как механизмы психологического выживания в дисфункциональных отношениях, оказываются внешне схожими с профессионально ценными навыками. Так, способность отодвигать на второй план собственные переживания, сохранять эмоциональную стабильность в условиях хаоса, порожденного жизнью клиента, и концентрироваться исключительно на его проблематике, делает созависимого индивида, по сути, «природным консультантом». Однако эта псевдо-компетентность является деструктивной как для самого специалиста, так и для терапевтического процесса в долгосрочной перспективе.

Группы риска и эмпирические данные

Проведенный анализ научной литературы, в частности монографии Н.Г. Артемцевой «Феномен созависимости: психологический аспект» [1], позволяет утверждать, что представители помогающих профессий (педагоги, психологи, медицинский персонал, социальные работники) объективно составляют группу повышенного риска в отношении формирования созависимых моделей поведения.

Эмпирические исследования подтверждают высокую распространенность данного феномена даже на этапе профессиональной подготовки. В качестве иллюстрации можно привести исследование, проведенное среди студенток 4 курса социально-педагогического факультета Брестского государственного университета

имени А.С. Пушкина из семей, не отягощенных алкогольной зависимостью. Результаты показали, что выраженная степень созависимости была диагностирована у 86 % респонденток, опасная степень (фаза истощения) – у 5 %, в то время как лишь у 9 % обследуемых был зафиксирован нормативный, умеренно выраженный уровень.

Таким образом, наблюдается двусторонняя взаимосвязь: с одной стороны, выбор помогающей профессии может быть детерминирован изначально существующей у личности склонностью к созависимому поведению; с другой – сама профессиональная деятельность, построенная на постоянном эмпатийном погружении, выступает мощным фактором, провоцирующим усугубление этого состояния.

Созависимость как фактор нарушения психологических границ в профессиональной сфере

В профессиональной деятельности представителей помогающих профессий феномен созависимости проявляется как системное нарушение, возникающее на стыке индивидуальных предрасположенностей и специфических требований профессиональной среды. Ключевым механизмом, через который созависимость реализует свой деструктивный потенциал, является эрозия профессиональных и личностных границ.

В психологическом дискурсе граница определяется как реальная или воображаемая линия, разделяющая и одновременно определяющая область контакта между субъектом («Я») и окружающей его средой («не-Я»). К. Хорни рассматривала границы как внутренние рамки личности, гибкость которых обеспечивает возможность адаптации к внешним ограничениям и построения отношений [6].

Ф. Перлз, основатель гештальт-терапии, определял границу как динамическое поле взаимодействия, где происходит встреча «Я» и «Другого». Нарушения контакта на этой границе (слияние, проекция, интроекция, ретрофлексия) являются, по его мнению, базовой причиной невротических расстройств [7]. Установление границ, таким образом, есть процесс определения рамок и правил взаимодействия с миром.

В современной отечественной науке также разрабатывается данная проблематика. Так, Е.О. Шамшикова интерпретирует границы «Я» как функциональную систему, обеспечивающую дифференциацию «своего»

(подконтрольного «Я») от «иного» (неподконтрольного) [9]. Г.В. Тимошенко и Е.А. Леоненко акцентируют внимание на том, что личные границы служат критерием для различения собственных и чужих чувств, желаний и ответственности [8].

Механизмы нарушения границ при профессиональной созависимости:

1. Слияние как профессиональная ловушка. В основе помогающих отношений лежит эмпатия – способность понять чувства другого. Однако при созависимости эмпатия трансформируется в патологическое слияние (конфлюэнцию), описанное в гештальт-подходе. Специалист перестает различать, где заканчиваются его собственные эмоции, цели и ответственность, и где начинаются проблемы, боль и ответственность клиента. Это приводит к тотальной эмоциональной поглощенности, когда специалист мысленно продолжает «решать проблему» клиента за пределами рабочего времени, что является ярким признаком нарушения временных и эмоциональных границ.

2. Гиперответственность и контроль. Созависимый специалист берет на себя ответственность за жизнь, выбор и результаты клиента, подменяя его собственную активность. Вместо фасилитации и поддержки, он начинает «тащить» клиента к желаемому результату. Это нарушение границ ответственности: специалист начинает делать за клиента то, что тот может и должен сделать сам, лишая его агентности и права на ошибку. Поведенчески это проявляется в навязчивых советах, чувстве вины за неудачи подопечного и попытках контроля за его жизнью.

3. Спасательство как квазипрофессиональная позиция. Формируется ригидная роль «Спасателя» в рамках драматического треугольника С. Карпмана. Специалист начинает видеть свою ценность исключительно в том, чтобы «спасать» клиентов от их проблем. Это приводит к нарушению контрактных границ: помощь оказывается даже тогда, когда о ней не просят, а отказ клиента от помощи воспринимается как личное оскорбление. Такое поведение блокирует развитие у клиента самостоятельности и укрепляет его пассивную позицию.

4. Интроекция профессиональных установок. Специалист может некритично усвоить (интроецировать) ригидные профессиональные установки, такие как «профессионал должен всегда быть компетентным», «настоящий помощник никогда не отказывает в помощи» или «эмоциональная отстраненность – это предательство». Эти интроекты становятся внутренним диктатором,

заставляющим работать на износ, игнорировать собственные потребности в отдыхе и личном времени, что ведет к стиранию границ между работой и личной жизнью.

Последствия для профессиональной деятельности:

1. Профессиональное выгорание: постоянное нахождение в состоянии слияния и гиперответственности приводит к хроническому стрессу и эмоциональному истощению, поскольку личностные ресурсы специалиста не восполняются. Исследования прямо связывают созависимые паттерны с высокими показателями выгорания у медиков, психологов и социальных работников.

2. Синдром самозванца: неспособность «спасти» всех клиентов и неизбежные профессиональные неудачи на фоне завышенных ожиданий порождают чувство профессиональной несостоятельности и фрустрацию.

3. Контрперенос и потеря объективности: эмоциональная вовлеченность мешает адекватно оценивать ситуацию клиента. Принятие решений начинает определяться не профессиональными стандартами, а личными симпатиями, чувством вины или желанием подтвердить свою нужность, что является классическим проявлением непроработанного контрпереноса.

4. Профессиональная деформация: помогающая профессия перестает быть работой и превращается в единственный источник идентичности. Вне профессиональной роли человек чувствует себя потерянным, его самооценка полностью зависит от успехов и благодарности клиентов [4].

Вывод

Проведенный анализ позволяет констатировать, что проблема влияния созависимости на нарушение профессиональных границ в помогающих профессиях является актуальной, но недостаточно системно изученной.

Несмотря на наличие солидной теоретической базы по смежным понятиям (созависимость, психологические границы, выгорание), прямая связь между этими конструктами исследована фрагментарно. Ключевыми проблемами области остаются:

1. Методологическая сложность: отсутствие единого понимания профессиональной созависимости и валидного инструментария для ее диагностики.

2. Неразрешенный вопрос причинности: преобладание корреляционных исследований не позволяет установить, что является первичным – личностные склонности к созависимости или их формирование под влиянием профессии.

3. Недостаток эмпирических данных: существует дефицит узкопрофессиональных и лонгитюдных исследований, доказывающих специфику этого феномена в разных помогающих сферах.

Таким образом, тема требует дальнейшей разработки, прежде всего через создание диагностического инструментария и проведение исследований, направленных на выявление эффективных мер профилактики и коррекции нарушений границ, вызванных профессиональной созависимостью.

Список используемых источников

1. Артемцева Н.Г. Феномен созависимости: психологический аспект. М: РИО МГУДТ, 2012. 222 с.

2. Берёза Ж.В. Исследование феномена созависимости в системе семейных взаимоотношений больных опийной наркоманией: Автореф. дис. канд. психол. наук. Санкт-Петербург, 2019. – 190 с.

3. Бычкова М.В. Становление понятия «помогающие профессии» в историческом и социокультурном контексте // Человек и образование. 2020. Выпуск 2 (63). С. 156–160

4. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. 2-е изд. СПб.: Питер, 2019. 336 с.

5. Кэтсмайерс Дж. Созависимые отношения в профессиональной и личной жизни секретарей и помощников // Секретарь-референт. 2020. № 3. С. 96–103

6. Марцинковская Т.Д. Психологические границы: история и современное состояние // Мир психологии. 2008. № 3. С. 55–61.

7. Перлз Ф. Практика гештальт-терапии. М: Институт общегуманитарных исследований, 2005. 480 с.

8. Тимошенко Г.В., Леоненко Е.А. Работа с телом в психотерапии: практическое руководство. М: Психотерапия, 2006. 480 с.

9. Шамшикова О.А., Шамшикова Е.О. Анализ топологических категорий психологического пространства человека в отечественной и зарубежной психологии / Социокультурные детерминанты и мотивационные основы развития личности: материалы Всеросс. н.-практ. конф., посвященной 80-летию доктора психологических наук В.Г. Леонтьева / Отв. ред. Н.Я. Большунова, О.А. Шамшикова. Новосибирск: Изд. НГПУ, 2010. С. 251–263.

10. Ялом И. Лечение от любви и другие психотерапевтические новеллы Пер. с англ. А.Б. Фенько. М: Независимая фирма «Класс», 1997. 288 с.

ОНИРИЧЕСКИЙ МОТИВ В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ» (НА ПРИМЕРЕ СНОВИДЕНИЙ РОДИОНА РАСКОЛЬНИКОВА)

Сахарчук В.Д. – аспирант, УО «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина»

Научный руководитель: Садко Л.М. – к.филол.н., доцент, УО «Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина»

Аннотация

В статье рассматриваются семантический и функциональный аспекты онирического мотива, связанного с описанием Родиона Раскольникова в романе Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание». Также исследуется включение психологических, христианских и мифологических элементов в онирические нарративы данного персонажа.

Ф.М. Достоевский нередко использует мотив сна в своих произведениях как средство художественной выразительности. Литературовед В.В. Сиганова при исследовании онирического мира Ф.М. Достоевского отмечает: «Фантастичность, свойственная сновидениям, схвачена с изумительной яркостию и верностию. Странная, но глубокая связь с действительностью уловлена во всей ее странности» [2]. Также она указывает общий характер сновидений героев романа – кризисный. Этот вывод подтверждается нашим дальнейшим рассмотрением онирических нарративов при описании Родиона Раскольникова в романе «Преступление и наказание».

Главный герой-сновидец – Родион Раскольников. Он видит пять снов, и каждый из них наполнен своей особой символикой. Сновидения героя иллюстрируют его мировоззрение, которое отличается от других персонажей романа. Исследователь Б.С. Кондратьев в своих работах о Ф.М. Достоевском замечает, что сны Раскольникова образуют семантическую группу «страшных снов», которые являются признаком психологических болезней героя: «Парадигма этих снов разнообразна и включает в себя и безобразные, мучительные, болезненные сновидения» [3]. Сон понимается Б.С. Кондратьевым как симптом

духовной болезни героя. Такую особенность снов Достоевского он связывает с тем, что писатель хотел обратить особое внимание читателей его романа на психологическое состояние Раскольникова.

В первом сне герою приснилось его детство: «Он с семи лет гуляет в праздничный день, под вечер, со своим отцом за городом. Время серенькое, день удушливый...» [1]. Они проходят мимо кабака и видят, как «пьяные-препьяные такие мужики» секут лошадь до смерти со всех боков, по морде, по глазам» [1]. В конце концов один из мужиков достает оглоблю и бьет по голове, но лошадь остается живой. В конечном итоге ее добили кнутами, палками, оглоблей и ломом одновременно. Главному герою было жалко лошадь, он плакал, рвался к ней, кричал: «Папочка! За что они... бедную лошадку... убили!» [1].

Данный сон предсказывает убийство, совершенное Раскольниковым, в первую очередь, убийство ни в чем невиновной Лизаветы. Эмоциональная реакция героя на убийство лошади предупреждает его о невозможности «крови по совести», а значит и о ложности его теории.

Также сон имеет мифологические трактовки. В общеславянском фольклоре существует «мотив вещего коня, предсказывающего смерть своему хозяину» [4]. Трактовка Ф.М. Достоевского коррелирует с этим мифологическим сюжетом в онирическом нарративе. Однако в данном случае лошадь символизирует не физическую смерть, а пророчит духовное падение своего хозяина после совершенного им преступления. Родион как бы наблюдает со стороны, как калечится и умирает его душа.

Ужас, испытанный во сне, доказывает, что задуманное им «дело» противоречит его настоящей натуре, которую олицетворяет ребенок. В онирическом пространстве бессознательное героя анализирует теорию Раскольникова и выдает ему ясный ответ: нет, он не способен на хладнокровное убийство. В.Я. Кирпотин, в связи с этим эпизодом, отмечает: «…страшная, грандиозная и совершенная по выполнению “вставка”, сосредоточившая в себе в сжатой, конденсированной форме тысячелетний трагизм угнетения и порабощения, вековечную жестокость, на которой всегда держался мир, и такую страстную тоску по гуманности и справедливости» [2].

Данное сновидение также демонстрирует «изнанку» теории Родиона Раскольникова. Прелесть «наполеоновской» силы, власти и вседозволенности извращается, открывая герою скрывающуюся за его теорией обыкновенную

жестокость. Стоит заметить, что стремление героя остановить насилие доказывает крах убеждений Родиона: его бессознательное (поскольку Достоевскому близки религиозные взгляды, можно сказать – душа) не видит красоты в насилии и стремиться ему противостоять. Родион во сне видит себя ребенком, т. е. «чистым», еще не успевшим совершить грехи существом, и насилие для него противоестественно и неприемлемо.

Второй сон Раскольников видит накануне преступления. Ему снится Африка, Египет. Он видит себя в каком-то оазисе: «караван отдыхает; смирно лежат верблюды; кругом пальмы растут целым кругом; все обедают» [1]. В том числе ему снится, что он пьет прохладную, чистую воду: «…чудесная-чудесная такая голубая вода, холодная, бежит по разноцветным камням и по такому чистому с золотыми блестками песку…» [1]. Сон был прерван биением часов. И данное сновидение представляет собой полную противоположность жизни героя в душном Петербурге и его болезненному, невротическому состоянию. В реальности герой ничем не «напитывается», ничто не помогает ему прийти к более здоровому состоянию. Можно сказать, что это «сон-отдых» героя. В восточнославянском фольклоре вода – это «символ жизни, средство магического очищения» [4]. Целительные свойства воды также связаны и с церковными праздниками (Крещением, кануном Пасхи, Рождеством) [2]. В таком значении онирическое пространство Раскольникова можно противопоставить образу душного, серо-желтого Петербурга по принципу: «жизнь / смерть».

Параноидальное состояние Раскольникова, вызванное сильным внутренним напряжением, продиктованным планированием преступления и в то же время борьбой с сомнениями и физической немощью, наяву вынуждают бессознательное «восполнить силы» и не нагружать истощенную психику героя.

После пробуждения героя тут же охватывает «необыкновенная и лихорадочная, какая-то растерявшаяся суета» [1]. Полученные во сне силы герой тут же вкладывает в свои невротические мысли, что говорит о невозможности спокойствия и наполнения жизнью, которую символизировала вода.

Третий сон Раскольникова имеет структуру «сон во сне». Герой видит его уже после совершения преступления. Первое, что ему снится – это крик, который будит его и приводит в ужас: «Боже! Что за крик! Таких неестественных звуков, такого воя, вопля, скрежета, слез, побоев, ругательств он никогда еще не слыхивал и не видывал» [1]. Крики и ругательства все усиливались. Оказалось, что это

кричит хозяйка квартиры. Ее избивал Илья Петрович: «Илья Петрович здесь и бьет хозяйку! Он бьет ее ногами, колотит ее головою о ступени, – это ясно, это слышно по звукам, по воплям, по ударам!» [1]. Раскольников слышал, как возле квартиры собиралась толпа, как люди громко переговаривались. Он очень боялся, что они придут в квартиру на крики, а потом заглянут к нему из-за вчерашнего преступления: «Страх как лед обложил его душу, замучил его, окоченил его…» [1].

Раскольникову во второй раз снится насилие, и ни разу оно не предстает в подсознательном героя благородным. Сон передает страх разоблачения. Нарратив во сне сюжетно повторяет убийство, совершенное героем. Ведь у него также могло быть большое количество свидетелей (Раскольников во время преступления даже не запер дверь), которые могли просто не выбежать, подобно тому, как сейчас прячется Родион, слыша крики.

Более того, испытывая ужас от насилия, которое происходит у него за дверью, герой не стремится помочь женщине, защитить ее, а лишь тянется к крючку, чтобы запереться. Это доказывает то, что герой не хочет останавливать насилие, хоть и испытывает ужас перед ним. Для него основная задача – остаться неразоблаченным. Между первым и третьим сном видна динамика личности героя: если во сне с лошадью герой рвался к ней и кричал, то в данном нарративе он никак не противостоит совершаемому. Моральные ценности уступают желанию безопасности.

Действие во сне происходит на лестнице, которая является символом борьбы «верха и низа», добра и зла в главном герое романа. Эту символику лестницы из сна Раскольникова Ф.М. Достоевский позаимствовал из славянского фольклора, в котором лестница – «вертикаль, путь наверх и путь между мирами, нижним и земным, верхним и земным» [5]. Но Родион, мучимый сомнениями, даже на нее не выходит, что отражает «замирание» героя: сейчас в нем нет ни решительного утверждения своей теории, ни опровержения – только страх.

В четвертом сне Родион идет по улице. Вдруг он видит мещанина и начинает следовать за ним. Мещанин привел Родиона в ту самую квартиру, где он совершил преступление. Когда он зашел в квартиру, была полная тишина, сердце его стучало. Вдруг послышался треск: «Проснувшаяся муха вдруг с налета ударилась об стекло и жалобно зажужжала» [1]. Внимание Раскольникова привлек салоп. Он отодвинул его и увидел за ним старуху: «Он постоял над ней: “боится!” – подумал он, тихонько высвободил из петли топор и ударил старуху по темени, раз и другой» [1].

Старуха не шевелилась, точно деревянная. Тогда он стал лучше разглядывать лицо старухи и увидел, что она тихо смеялась. Ему показалось, что за дверью тоже кто-то засмеялся и шепчется. Тогда Раскольникова одолевает бешенство, и он начинает изо всей силы бить старуху по голове, но смех только усиливается. Он бросился бежать, но в прихожей наткнулся на толпу людей: все смотрят на него и молчат: «Сердце его стеснилось, ноги не движутся, приросли… Он хотел вскрикнуть и — проснулся» [1].

Б.С. Кондратьев пишет о том, что полнолуние и духота – благоприятное место и время для появления нечистой силы. Раскольников в забвении идет по улице и встречает мещанина, которого Б.С. Кондратьев трактует как образ беса, приводящего Раскольникова в дом старухи, где он повторно совершает свое преступление [3]. Сам Раскольников в своем бреде называет мещанина человеком, вышедшим из-под земли, а также упоминает муху как свидетеля преступления, что демонстрирует его параноидальный страх свидетелей.

В том числе в данном сне материализуется страх разоблачения и позора Раскольникова, которые мучают его и в реальности. Во сне он видит главных своих подозреваемых – муху и мещанина. Также он видит странную реакцию старухи на его удары – смех. Действия, совершенные ради «высокой» теории, вызывают смех и у старухи, и у людей за дверью. Такая реакция символизирует крах теории Раскольникова. Смех также является постоянным признаком «нечистой силы», которая смеется над героем, возомнившем себя подобием бога, который наделен властью забирать жизни без мук совести. Далее герой видит большое количество людей на лестнице, которые молча смотрят на него: никому из них не стало легче от смерти старухи, как думал главный герой, оправдывая свое убийство.

Пятый сон – это последний сон Раскольникова, который снится ему уже после того, как его осудили и отправили на каторгу. Однажды, отбывая свой срок, Родион заболевает и попадает в больницу. В болезненном бреду он видит сны, которые решил припомнить, выздоравливая. Их можно озаглавить «Сны о конце света»: «Ему грезилось в болезни, будто весь мир осужден в жертву какой-то страшной, неслыханной и невиданной моровой язве, идущей из глубины Азии на Европу. Все должны были погибнуть, кроме некоторых, весьма немногих, избранных» [1]. Людей поражали фантастические существа. Они вселялись в человека и люди, зараженные ими, считали себя самыми умными, носителями истины. Однако истины у разных людей не совпадали, и никто не хотел с кем-то в

чем-то соглашаться: «Все были в тревоге и не понимали друг друга, всякий думал, что в нем в одном и заключается истина, и мучился, глядя на других, бил себя в грудь, плакал и ломал себе руки. Не знали, кого и как судить, не могли согласиться, что считать злом, что добром» [1]. Иногда люди объединялись в армии и разжигали войны, но часто внутри армии начинались разногласия, что приводило к войнам внутри армии одной из сторон. Люди оставили самые обыкновенные ремесла, земледелие остановилось, начались пожары, голод. Язва разрасталась по городу. Спастись в этом мире могли немногие: «это были чистые и избранные, предназначенные начать новый род людей и новую жизнь, обновить и очистить землю, но никто и нигде не видал этих людей, никто не слыхал их слова и голоса» [1].

Последний сон Раскольникова демонстрирует, что было бы с людьми, если бы каждый был охвачен подобными теориями. В этом мире «наполеонов» воцарился бы хаос, люди испытывали страдания, при этом причиняя вред другим. Этот сон показывает читателю полное осознание главным героем произведения ошибочности своего предыдущего мышления. Пятый онирический мотив, подобно четвертому, является плодом размышлений героя о ложности своей теории. Однако различия в них демонстрируют «выздоровление» Родиона: теперь он видит вред не только для самого себя (как было в 4 сне), но и для всего общества. Во сне также дается и описание тех людей, которые «спасутся». Они символизируют пробуждение светлого начала в душе Раскольникова, очищение его души и синтез с христианскими идеями.

Герой эмоционально реагирует на свой сон, сопоставляет его со своей жизнью, что говорит о важности этого сна, в первую очередь для самого героя, а также это подтверждает связь событий во сне с событиями, описанными ранее в романе: «Раскольникова мучило то, что этот бессмысленный бред так грустно и так мучительно отзывается в его воспоминаниях, что так долго не проходит впечатление от этих горячешных грез» [1].

Таким образом, онирический мотив служит важнейшим средством психологизма в романе, а также транслятором мифологических и христианских элементов мировоззрения. Они выступают в романе и как сон-предсказание, и как сон-отражение внутреннего состояния главного героя, показывают движение и трансформацию его сознания. Также сновидения метафорически демонстрируют

антигуманный смысл теории Раскольникова: против нее протестует все бессознательное героя.

Список используемых источников

1. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание. М.: Худлитиздат, 1970. 526 с.

2. Кондратьев Б.С. О мифологической природе сновидений в творчестве Ф.М. Достоевского // Приволжский научный вестник. № 12. С. 100–102.

3. Сиганова В.В. Лингвориторические функции новозаветных репрезентаций в романе Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»: интертекстуальный аспект: автореферат дис. канд. филол. наук. Краснодар, 2007. – 22 с.

4. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М: Международные отношения, 1995–2012. Т. 1. 1995. 575 с.

5. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н.И. Толстого. М.: Международные отношения, 1995–2012. Т. 3. 2004. 693с.

ЖАНР АГИОГРАФИИ В ХРИСТИАНСКОЙ ТРАДИЦИИ

Товпик Д.С. – студент, УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Научный руководитель: Садко Л.М. – к.филол.н., доцент, УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина»

Аннотация

Работа посвящена анализу генезиса агиографии, становлению агиографического канона и синтетической природы, где сочетаются религиозные наставления, исторические факты и художественный вымысел. Анализируются подходы к определению агиографии в церковных и светских исследованиях, а также ключевые принципы методологии, заложенные в трудах И. Делайе, Д.С. Лихачева. В работе обосновывается сложность однозначной жанровой трактовки агиографии, предлагается рассматривать ее как специфический дискурс, связанный с культом святых.

Агиография, будучи жанром, занимающим особое положение в истории литературы и культуры, отличается своей многогранностью. Она гармонично сплетает религиозное наставление, исторические сведения и элементы

художественного творчества. На протяжении веков жития святых выступали не только как источник духовного обогащения для верующих, но и как ценный исторический документ, отражающий мировоззрение, систему ценностей и социальную действительность различных эпох.

Агиография – важная и обширная часть русской литературы, занимающая центральное место в ее истории. Жанр берет свое начало в XI веке, одновременно с зарождением русской письменности, и сначала представляет собой в основном переводные жития святых. Уже в середине XI века появляются оригинальные русские жития, такие как цикл о Борисе и Глебе, которые, благодаря широкому распространению в богослужебных сборниках, стали одним из самых популярных жанров, доступных как образованным людям, так и широкой публике.

Перо выдающихся писателей древности было направлено на прославление угодников Божиих. Со временем сформировался определенный канон для создания житийных произведений, и их чтение воспринималось с благоговением, почти равным тому, что испытывали при чтении Священного Писания.

В агиографических произведениях прослеживается определенная схема повествования. Она предполагает обязательное описание важных эпизодов из жизни святого, искушений, которые преследовали его на протяжении всего пути, а также препятствий, которые, несмотря на свою силу, не смогли заставить его отказаться от главной цели – жить по евангельским заповедям и стремиться к Царству Божию.

Жития святых, как жанр агиографической литературы, выделяются своей уникальностью, которая объясняется несколькими причинами: задача агиографа – «не воссоздание исторически достоверной биографии, а выявление сути и вневременного содержания подвига святого, земная жизнь которого была путем к Богу. Житие ищет в отображаемой им жизни не интересное в том или другом отношении, а должное и священное, нуждающееся в прославлении и требующее неограниченного повторения» [1].

Протоиерей Александр Державин считает, что целью изучения духовного наследия святых отцов является «вплести хотя бы малую веточку в тот венок славы, каким увенчан Святитель Дмитрий Ростовский, прибавить новые черты» [1]. Поэтому необходимо помнить слова Ростовского: «Первыми основоположительными образцами греческой агиографии нужно считать евангельские рассказы о жизни Спасителя и его учеников. К Евангелию и вообще к

Священному Писанию каждый агиограф должен был обращаться и потому, что жизнь святого всегда и везде была подражанием жизни Христа Спасителя» [1].

Под термином «агиография», этимологически восходящим к греческим словам «hagios» (святой), «grapho» (пишу) и означающим «писание о святых», понимают несколько значений:

1) направление в христианской письменности, включающее в себя назидательные истории о жизни и подвигах святых;

2) самостоятельная научная дисциплина, объектом изучения которой являются святые и тексты, им посвященные.

Следуя из этого, агиография предстает в двух ипостасях: как литературный корпус и как научная область, занимающаяся его анализом. Следует сразу же выделить, что оба эти аспекта – и сама литература, и ее научное осмысление – обладают двумя различными трактовками. Одна из них – духовная, присущая религиозному мировоззрению христиан, а другая – светская, характерная для совершенного общества, утратившего религиозные ориентиры.

В светском литературоведении агиография рассматривается как жанр позднеантичной и средневековой литературы, занимающий промежуточное положение между героическим эпосом и бытовым романом. Однако в церковном понимании агиография является неотъемлемой частью Священного Предания Церкви, представляя собой обширный корпус духовной литературы, который по своей значимости для духовной жизни христианина уступает лишь Священному Писанию и творениям Отцов Церкви, а иногда и стоит наравне с ними.

Д.С. Лихачев понимает под агиографией следующее: «Перед нами творчество…, в котором писатель стремится выразить свои представления о должном и приличествующем, не столько изобретая новое, сколько комбинируя старое» [5].

Проводя масштабное сравнительное исследование в 1870-х годах, немецкий филолог Г.К. Узенер сопоставил жития святых, лишенные исторической конкретики, с античными языческими мифами. Выявив общие мотивы и сюжеты, он заключил, что жанр жития является генетическим продолжением мифа и легенды. Это открытие поставило под сомнение фундаментальный принцип агиографии – достоверность – и подорвало ее авторитет как элемента Священного Писания.

Суть агиографии заключается в передаче накопленного Православной Церковью опыта жизни, угодной Богу и отражающей образ Христа. Среди ее основных задач можно выделить: сохранение памяти о святых, поддержку их прославления и укрепление святой православной веры. Важно отметить, что некоторые исследователи считают содействие прославлению конкретного святого основной целью и отличительной чертой агиографии. Например, Г. Лурье, опираясь на авторитетного западного агиографа И. Делайе, утверждает: «Где нет культа, нет и агиографии» [6].

Большинство заключений Г.К. Узенера было опровергнуто в трудах И. Делайе. Этот бельгийский ученый, церковный историк и монах-иезуит является ключевой фигурой общества болландистов и основоположником критической агиографии и критической агиологии. Его новаторский подход к изучению текстов о христианских святых лег в основу большинства современных исследований.

И. Делайе понимает под критической агиографией метод исследования жития святых, основанный на принципах исторической критики. Его цель – отделить реальные исторические сведения от вымышленных или преувеличенных, проверить подлинность изложенного и понять, насколько текст соответствует действительной жизни святого. В то же время суть критической агиологии состоит в анализе не только самих агиографических текстов, но и всей совокупности представлений о святости, культе святых и институте святости в целом. Критическая агиология исследует, как формировались представления о святости в различных культурах и исторических периодах, какие социальные и политические функции выполняет культ святых, и как он влияет на жизнь верующих. Наука также изучает, как менялись критерии святости со временем и какие факторы влияют на канонизацию святых.

Кроме того, агиография функционирует и как вспомогательный инструмент для различных исторических дисциплин (включая византинистику, средневековую историю, историю экономики и медицины). Эта область исследований активно развивается и привлекает внимание ученых как на Западе, так и в России, по крайне мере, с XIX века. В церковном же контексте агиография является богословской дисциплиной, которая служит подспорьем для аскетики, гомилетики и церковной истории, а также выступает в роли родоначальницы таких направлений, как критическая агиография и агиология.

Связь между агиологией и агиографией заключается в том, что агиология, как богословская дисциплина, хоть и считается еще не до конца устоявшейся, тесно перекликается с агиографией. В.М. Живов определяет агиологию (от греч. «святой» и «рассуждение») как аналог агиографии, но при этом ученый выделяет и их существенные различия: «если агиография рассматривает жития как памятники религиозной и литературной истории той эпохи, когда житие создавалось, то агиология сосредоточивает свое внимание на самом святом, типе его святости и восприятии этого типа в различные эпохи» [2].

С точки зрения средневековых христианских мыслителей, агиография, повествуя о святых и священных предметах, тесно переплетается с философией. Это пересечение проявляется как в концептуализации самой святости, так и в ее иллюстрации через жития святых. Таким образом, святость, или процесс становления святым, фактически представляет собой практическую философию христианства, воплощенную в действии.

Житийная литература, будучи по своей сути религиозной и относясь к особому типу религиозных текстов, в первую очередь ориентирована на решение задач в рамках религиозного мировоззрения. Использование философской терминологии и христианских философских понятий в церковнославянских житиях само по себе не превращает их в философские произведения. Однако, благодаря своей глубокой связи с христианством, жития, в своей неотъемлемой богословской природе, непосредственно в самом тексте открывают потенциал для философских интерпретаций. Эти смыслы, заключенные в тексте, проистекают из основ христианского вероучения, онтологических постулатов, принципов христианской антропологии и целей самой агиографии, и для их обнаружения не требуется выходить за рамки самого текста, поскольку он насыщен религиозно-педагогическим содержанием. Агиография обладает внутренней целостностью в рамках христианского вероучения. Она содержит в себе некую объективную, хотя и не всегда очевидную, метафизическую основу, которая, в силу своей роли в агиографических произведениях, становится нормативной. С философской перспективы житие можно рассматривать как своего рода «сжатое богословие», где через призму христианских метафизических принципов происходит осмысление христианского учения о человеке в его стремлении к святости.

Изначально в академических кругах агиография (жития святых) изучалась как часть филологии и литературоведения. Уже в 1870-х годах выдающийся

русский ученый А.Н. Веселовский, известный своими исследованиями эволюции литературных форм от эпоса к роману, интуитивно уловил уникальность этого жанра, хотя и не смог ее полностью описать. Он собрал обширную коллекцию материалов по агиографии, которая до сих пор ценна.

Современные исследователи все чаще признают, что разнообразие форм, таких как классические жития, описания мученичеств, сборники чудес, изречения святых и рассказы о мощах, не позволяет найти унифицированного жанрового определения. Единственным приемлемым подходом на данный момент является тематическое и функциональное определение, предложенное И. Делайе (он считал агиографию совокупностью текстов, связанных с культом святых).

Агиография представляет собой многогранное явление, функционирующее в различных социокультурных контекстах и, при всех необходимых уточнениях, демонстрирующее временную изменчивость. Данная динамика особенно очевидна при ретроспективном анализе ее развития с позиций ранних агиографических текстов, впоследствии канонизированных. Тем не менее, допустимо говорить о некотором единстве агиографического нарратива. Вслед за В. Дерошем, мы можем рассматривать его как специфическую область литературы, обладающую собственным предметом, или, в более широком смысле, как определенный дискурс, характеризующийся особым типом позиционирования и стилистикой изложения.

Таким образом, изучение агиографии позволяет ученым воссоздать историческую обстановку, понять особенности религиозного мышления и проследить, как формировались взгляды на власть, общество и окружающий мир. Помимо этого, агиография оказала существенное влияние на развитие литературы, искусства и других культурных сфер, породив узнаваемые сюжеты, образы и мотивы, которые получили широкое распространение.

Список используемых источников

1. Владимир (Швец), архимандрид, Сорочан С.Б. Введение в агиографию: учебное пособие. Харьков: Майдан, 2018. 368 с.

2. Живов В.М. Святость: краткий словарь агиографических терминов. М.: Гнозис, 1994. 133 с.

3. Кожевникова Н.А. Из наблюдений над неклассической («орнаментальной») прозой // Известия АН СССР. Серия литературы и языка, 1976. Т. 35. № 1. С. 55–66.

4. Коновалова О.Ф. «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV века (К вопросу о соотношении) / Труды отдела древнерусской литературы: сб. тр. / Взаимодействие литературы и изобразительного искусства Древней Руси. М.; Л., 1966. Т. XXII. С. 101–111.

5. Лихачев Д.С. Историческая поэтика русской литературы. Смех как мировоззрение. СПб: Алетейя, 1997. 508 с.

6. Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Л: Художественная литература, 1971. 416 с.

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАРОДОВ РОССИИ

Хохлова В.М. – студент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Научный руководитель: Щеглова Н.Н. – к.пед.н., доцент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Аннотация

В статье рассматриваются особенности основных этнических групп народов РФ, исследуется их происхождение и различия по внешним признакам, культуре, языку и религии. Три народности - русские, татары и башкиры - анализируются для более глубокого понимания их национальной идентичности и самобытности. Данный материал может быть полезен при определении культурных составляющих населения нашей страны.

«Человек – существо коллективное, и люди взаимодействуют с природой не в одиночку, а будучи соединенными в определенные группы или общности, среди которых одними из наиболее древних являются этносы или народы» [12].

Российская Федерация – одна из наиболее этнически разнообразных стран в мире. На территории этого государства проживает более 190 различных этнических групп и народностей. На 1 декабря 2025 наиболее многочисленные из них: русские (численностью 116,6 млн человек), татары (5,6 млн человек), украинцы (2,97 млн человек), башкиры (1,68 млн человек), чуваши (1,65 млн человек), чеченцы (1,37 млн человек), армяне (1,14 млн человек) и другие [5]. В России, где проживает множество народов, каждый этнос обладает уникальным набором традиций, своим языком, богатой культурой и особенностями повседневной жизни.

Государственная политика в области языка и этнокультуры ориентирована на обеспечение условий для двуязычия каждого народа. В соответствии со статьей 68

Конституции Российской Федерации русский язык является официальным государственным языком. В то же время каждая республика наделена правом устанавливать собственные государственные языки по своему усмотрению. Эта же статья подчеркивает, что культурное наследие многообразных народов России – это уникальное богатство всего населения страны [4]. Однако, несмотря на это, многие языки и культуры в России сталкиваются с серьезными трудностями, что ведет к быстрому сокращению численности малочисленных народов и утрате ими своей уникальной языковой и этнокультурной идентичности.

Русские – восточнославянский народ, представляющий собой самую крупную коренную этническую группу, населяющую РФ. Слово «русский» происходит от термина «Русь», который обозначал скандинавские племена, пришедшие на территорию восточных славян. Славяне заимствовали «Русь» через финское слово ruotsi, обозначавшее выходцев из Скандинавии. Слово ruotsi связано с древнескандинавским понятием дружины или гребных воинов. Изначально «русский» было прилагательным, указывающим на принадлежность к Руси, а позже стало этническим определением народа. Окончательное закрепление формы «русские» произошло в XVIII веке, заменив ранее использовавшиеся «росы» и «русы» [9].

Татары – второй по численности народ РФ, представленный множеством этнических групп (крымские, сибирские, астраханские, волго-уральские и др.), преимущественно проживающих в Поволжье, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке.

Этноним «татар» известен с VI–VIII веков у древнетюркских племён Центральной Азии. Изначально он обозначал разные тюркские и монгольские группы и менял значение в зависимости от эпохи. Например, в XIII веке монах Юлиан связывал "татары" с греческим "Tartaros" – "ад". После распада Золотой Орды термин стал ассоциироваться с военно-служилым сословием, а общенациональное закрепление этнонима произошло лишь в XX веке. До революции 1917 года им обозначали разные тюркские народы, но впоследствии он закрепился преимущественно за поволжскими и крымскими татарами. Термин "татаро-монголы" использовался для обозначения татар как варваров [3].

Башкиры – народ с богатой историей, уходящей корнями вглубь веков, являющийся одним из старейших коренных этносов, населяющих Урал. Некоторые исследователи считают их предками аргиппеев и будинов, упомянутых Геродотом

в V веке до н. э. Позже посол из Багдада, Ибн Фадлан, описывал башкир как сильных и бесстрашных кочевников-воинов.

Существуют три основные версии происхождения башкир: тюркская (предками были тюркские племена из Центральной Азии), финно-угорская (происхождение от мадьяр, которые впоследствии были поглощены тюрками) и иранская (потомки сарматских племен Южного Урала) [2]. В народных легендах происхождение народа связывают с волком-проводником: по одной версии, кочевники последовали за волчьим вожаком к благодатной земле и назвали себя «башкорт» («люди, пришедшие за главным волком»); по другой – четыре брата, ведомые волком, дошли до Уральских гор и стали родоначальниками семи башкирских родов. Волк стал тотемом башкир, олицетворяя силу, мудрость и единство народа. [1].

Сравнительный анализ представлен в таблице 1.

Табл. 1

Сравнительная таблица трех народов России

Особенности внешности внешности	Русские	Татары	Башкиры
	– относятся к европеоид. расе; – овал. / кругл. лицо с мягк. чертами, светл. кожей; – цвет волос: от светло-русых до темно-кашт., прямые или волн.; – глаза светлые (голубые, серые, серо-зеленые); – разрез глаз гориз., нос прям. или с горбинкой, часто курносость; – губы средней толщины с четким изгибом «лука Купидона»; – рост выше среднего, худощавое телослож. с длин. конечн.	– относятся к уральской группе (переходный тип между европеоидами и монголоидами). – овальное лицо или сердцевидное, с более четкими скулами. – цвет кожи: от светлой до умеренно смуглой. – волосы обычно темные, жесткие и прямые. – карие или зеленые глаза, с миндалевидным разрезом глаз. – тонкий нос, прямой или с легкой «горбинкой». – четкое очертание губ. – средний рост и плотное, телосложение	– относятся к южносибир. расе (перех. тип между европеоидами и монголоидами). –шир. и плоск. лицо, скулы – кожа смуглая – карие и темно-карие глаза. Разрез м.б. узким. – нос прямой, среднего размера, с более широкими крыльями, чем у русских. – темные, густые и прямые волосы, светлые встречаются редко. –массивные и полные губы. - коренастые

Продолжение табл. 1

Культура	Традиц. жилище – изба. Центр. место занимала печь. Важная часть интерьера: «красный угол» с иконами и лампадами. Основу русской кухни составл. супы, каши, заготовки (квашения, соления), а также блюда из дичи и грибов. Нац. костюм (для мужчин): рубаха, штаны, сапоги и кафтан, (для женщин): рубаха, понёва или сарафан, платок и кокошник. Одежда украш. вышивкой с геом. узорами, цвет. мотивами и изобр. ж-х. Особ-ти х-ра: гостеприимство, доброта, сила духа, стойкость, , мудрость и изобретательность [8]. Русские народные праздники: Масленица, Рождество, Пасха, Святки, Коляда, Иван-Купала.	Традиц. жилище – дерев. изба, разд. на муж. и жен. полов., с шамаилем (отрывком из Корана в рамке) и красочн. сундуками для приданого. Нац. костюм: у мужчин: рубаха-туника и шаровары, зимой – утепл. бешмет или меховая шуба; у женщин: туника с нагруд. и калфак (вяз. гол. убор), у замужних закр. волосы, шея и плечи. Осн. занятия: земледелие, скотоводство, садоводство и бортничество, выделка кожи, плотничество, обработка металла и камня, золотошвейное дело и ткачество. Ключ. традиция – гостеприимство: гостя угощ. чаем из пиалы и сладостями (чак-чаком), а на праздники подавали эчпочмак, вак-бэлиш и другие трад. выпечки [10]. Татар. нар. праздники: Сабантуй, Курбан-байрам, Навруз, Нардуган.	Башк. трад. заним. кочевым скотоводством и ремеслами (вышивка, кожев. дело, ковроткачество, выделка войлока), а также кузн. мастерством. Нац. одежда – из овчины и домотканых тканей: жен. носили яркие халаты «елән» с украш., мужч. – казакины и чекмени с поясом, часто в неск. слоёв. В кухне преобл. мясные блюда (конское сало с бульоном, кумыс, колбаса «казы», эчпочмаки, белиш, токмач); молоч. продукты, специи исп. миним., а свинина и алкоголь искл. Жилища: летние юрты и пост. дома с печью «чувал»; позже появ. кам. и кирпич. дома, а простр. дел. занавеской на муж. и жен. части [6]. Башк. нар. праздники: Йыйын, Сабантуй, Науруз (Наурыз), Каргатуй.

Продолжение табл. 1

Символы самобытности	Флаг, герб, гимн, русский медведь, береза, русская тройка, три богатыря, Кремль, Родина-мать, Кижи, самовар, русский балет, космос и Ю.А. Гагарин [11].	Флаг, герб, гимн, чак-чак, тюбетейка, крылатый снежный барс, коронованный дракон, Казанский кремль, Свияжск, КАМАЗ, кот Алабрыс.	Флаг, герб, гимн, куница, мечети, курай, башкирская лошадь, тамга, юрта, пиалы, серебро.
Национальный язык	Русский. Основу письменности составляет кириллица.	Татарский. Татары последовательно использовали руны, арабскую письменность, латиницу, а с конца 1920-х годов – кириллицу [10].	Башкирский язык эволюционировал от древнетюркских рун через арабскую и латинскую письменность к утверждённой в 1939 году кириллице
Религия	Преобладающая часть русских людей придерживается православного вероисповедания.	Современные татары преимущественно исповедуют ислам суннитского толка, хотя часть народа придерживается православия, а истоки их религиозной традиции восходят к тенгрианству волжских булгар, принявших ислам в 922 году.	Несмотря на принятие ислама суннитского толка, башкиры сохранили уникальность своей культуры. До ислама они исповедовали тенгрианство и практиковали тотемизм (почитание животных-покровителей и пантеона из двенадцати божеств).

Источник: составлено автором.

В результате своей работы мы пришли к выводу, что любая этническая группа имеет различия по определённым признакам. И эти различия нужно знать, чтобы не допускать конфликтов, возникающих на межэтнической почве. Беречь свою культуру – значит иметь будущее.

Список используемых источников

1. Бикбулатов Г.Ф. История башкирского народа в легендах и преданиях // Молодой ученый. 2017. № 3. С. 490–493.

2. Генетическое наследие башкир: тайны происхождения и связи // Блог Genotek [Электронный ресурс]. URL: https://blog.genotek.ru/bashkirs?ysclid=mj4iol2xad680480823 (дата обращения: 17.12.2025).

3. История татар с древнейших времён: в 7 т. Т. 1. Народы степной Евразии в древности. Казань: Рухият, 2002. 548 с.

4. Конституция Российской Федерации. Ст. 68: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года. // Президент России. [Электронный ресурс]. URL: http://kremlin.ru/acts/constitution/item (дата обращения: 17.12.2025).

5. Население России, численность в 2025 и 2024, национальности, гендер, образование // BDEX [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TKay9 (дата обращения: 17.12.2025).

6. Народы Башкортостана // anapagorkogo11.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://anapagorkogo11.ru/articles/narodybashkortostana (дата обращения: 17.12.2025).

7. Народы России. Башкиры – Nasledie Digital // nasledie.digital. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TKbBa (дата обращения: 17.12.2025).

8. Проект «Культурный код России». Русские смыслы. 2024. // Школа Арины Шараповой [Электронный ресурс]. URL: https://shkolarinasharapova.ru/project/kulturnyj-kod-rossiya/ (дата обращения: 17.12.2025).

9. Сыдыков А.Н. К этимологии этнонима «русский» // ipi1.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://ipi1.ru/images/PDF/2016/57/ketimologiietnonima-russkij.pdf (дата обращения: 17.12.2025).

10. Татары: интересные обычаи и особенности быта. Прошлое и настоящее одной из самых больших этнических групп России // Tripster. [Электронный ресурс]. URL: https://experience.tripster.ru/articles/tataryinteresnyeobychaiiosobennosti-byta/ (дата обращения: 17.12.2025).

11. Харичев А.Д., Полосин А.В., Селезнева А.В. Основы российской государственности: учебное пособие. Москва: РАНХиГС, 2024. 448 с.

12. Этническая экология: теория и практика: сборник / [под ред. В. И. Козлова]. Москва, 1991. – 376 с.

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПЕРЕВОДОВ АНГЛОЯЗЫЧНЫХ БУХГАЛТЕРСКИХ ТЕРМИНОВ В МЕЖДУНАРОДНОЙ ОТЧЕТНОСТИ: ПРОБЛЕМА НЕОДНОЗНАЧНОСТИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПОДХОДЫ К УНИФИКАЦИИ

Христенко М.А. – студент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Колледж бизнеса и технологий.

Научный руководитель: Кривоносова Е.Н. – преподаватель, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный экономический университет», Колледж бизнеса и технологий.

Аннотация

Статья посвящена исследованию сложностей, сопровождающих процесс перевода англоязычной терминологии на русский язык в контексте международных стандартов финансовой отчетности. Рассматриваются предпосылки отсутствия унифицированного подхода к интерпретации ключевых понятий, обусловленные различиями в концептуальных основах Российских стандартов бухгалтерского учета (РСБУ) и Международных стандартов финансовой отчетности (МСФО). Проведен сопоставительный анализ существующих вариантов перевода наиболее дискуссионных терминов. Предложен ряд методических принципов, направленных на достижение единообразия профессионального языка и повышение степени понятности и сопоставимости финансовой отчетности в условиях глобализации экономических процессов.

В процессе освоения бухгалтерской профессии неизбежно возникает необходимость оперировать значительным массивом специальной терминологии. На начальных этапах обучения может сложиться впечатление, что профессии исчерпываются математическими расчетами и обеспечением соответствия дебета и кредита. Однако более глубокое изучение профильных дисциплин свидетельствует о том, что достоверность учетных данных находится в прямой зависимости от точности языка, используемого при оформлении учетных записей.

Особую значимость данный вопрос приобрел в последние десятилетия, характеризующиеся активной интеграцией отечественной экономики в мирохозяйственные связи. Для предприятий крупного и среднего звена всё чаще составляют отчетность в соответствии со стандартами МСФО с целью привлечения внешних финансовых вложений либо вхождения в состав международных

холдингов. В связи с этим перед профессиональным бухгалтерским сообществом возникла задача корректной интерпретации англоязычных нормативных документов. Как справедливо отмечают исследователи, существующий порядок применения многих экономических категорий, в особенности относящихся к затратной сфере, давно нуждается в упорядочении и приведении к единому знаменателю, поскольку нормативная база зачастую отстает от развития практической деятельности [4].

Таким образом, складывается противоречие: с одной стороны, существует потребность в едином понимании отчетности всеми заинтересованными пользователями (инвесторами, аудиторами, регулирующими органами), с другой – наблюдается разнообразие вариантов перевода одних и тех же понятий. Цель настоящей работы заключается в выявлении основных причин вариативности переводов в области бухгалтерского учета и разработке рекомендаций по приведению терминологии к единому стандарту. Объектом исследования выступает лексика МСФО, предметом – способы и приемы ее передачи на русский язык.

Теоретические основания исследования бухгалтерской терминологии

Бухгалтерский учет представляет собой не просто техническую фиксацию хозяйственных операций предприятия, но и сложную коммуникационную систему. В научной литературе для ее обозначения применяется понятие «бухгалтерский дискурс», охватывающее не только документацию и отчетность, но и профессиональное общение между специалистами. Сложность перевода в рамках данного дискурса обусловлена тем, что английская и русская учетные традиции имеют различные исторические корни [5].

Исторически российская система бухгалтерского учета складывалась под значительным влиянием фискальных органов — основным пользователем отчетности всегда выступало государство. Международные же стандарты изначально разрабатывались для инвесторов и акционеров. Вследствие этого одни и те же экономические явления получают различное описание, что порождает расхождения в терминологии. Как показывают исследования, лексико-семантическая структура профессиональных терминов в английском и русском языках зачастую характеризуется асимметрией [3].

Многие английские понятия обладают многозначностью и могут изменять смысловое наполнение в зависимости от контекста, тогда как русскоязычная бухгалтерская традиция тяготеет к более жесткой привязке термина к конкретному

объекту или операции. Так, категория «asset» (наиболее распространенный перевод – «актив») в международной практике трактуется с позиции будущих экономических выгод, а в российской – как имущество, обладающее стоимостной оценкой. Подобные нюансы порождают неоднозначность интерпретации при переводе.

Факторы, обусловливающие вариативность переводов

В ходе анализа учебной литературы, официальных переводов МСФО и корпоративной отчетности были выделены несколько ключевых факторов, приводящих к появлению различных вариантов перевода.

Фактор отсутствия прямого эквивалента в русском языке проявляется в ситуациях, когда само явление, обозначаемое термином, не существовало или было организовано иным образом в российской практике. Ярким примером выступает термин «fair value». В русскоязычной учетной традиции длительное время использовалось понятие «рыночная стоимость», под которым понималась цена, сформировавшаяся на открытом рынке. Однако в международных стандартах справедливая стоимость может определяться не только на основе рыночных котировок, но и расчетными методами в случае отсутствия активного рынка. Существующие варианты перевода – «справедливая стоимость» и «рыночная стоимость» – не могут считаться абсолютно точными и не способны в полной мере отразить содержание, заложенное в исходном понятии.

Фактор терминологической избыточности английского языка выражается в том, что каждый смысловой оттенок имеет отдельное слово, тогда как в русском не всегда находится соответствующий эквивалент. Соответственно, в русскоязычной версии эти смысловые нюансы зачастую не дифференцируются. Наиболее показательным в этом отношении является блок терминов, связанных с обязательствами и резервами. Английские слова «liability», «provision» и «obligation» могут переводиться как «обязательство», «резерв» и «обязанность», однако для бухгалтера принципиально важно различать эти понятия: liability – общее обозначение любой задолженности компании, provision – резерв, создаваемый под предполагаемые, но еще не наступившие обязательства, а obligation – конкретная обязанность, вытекающая из договора или закона. Смешение этих терминов в переводе способно исказить представление о реальной финансовой нагрузке на предприятие и привести к неверной оценке его платежеспособности.

Фактор различия в классификационных признаках заключается в том, что единая в МСФО категория в РСБУ подразделяется на несколько самостоятельных. В МСФО термин «cash equivalents» охватывает краткосрочные и высоколиквидные вложения, легко обратимые в денежные средства и подверженные незначительному риску изменения стоимости. В российской учетной практике подобное обобщающее понятие отсутствует: вместо него используются отдельные категории – «денежные средства на расчетных счетах», «денежные средства в кассе», «краткосрочные финансовые вложения». В результате при подготовке отчетности перед специалистом возникает выбор: использовать единый термин «денежные средства и их эквиваленты», следуя логике МСФО, либо детализировать показатели в привычной для российского пользователя форме.

Фактор ложных эквивалентов представляет собой явление, когда внешне знакомые слова в действительности несут иной смысл. Русскоязычный термин «резерв» яркая тому иллюстрация – в отечественной учетной практике чаще всего ассоциируется с резервами под обесценение активов или предстоящие расходы. В международных же стандартах понятие «provision» имеет более узкое и строго определенное значение – это обязательство с неопределенным сроком или суммой, создаваемое только при наличии вероятного оттока ресурсов. Другой показательный пример – слово «оценка». В русском языке оно может означать как процесс определения стоимости, так и саму стоимостную величину. В МСФО термины «measurement» и «valuation» четко разделены: первый относится к процессу отражения в учете, второй – к определению справедливой стоимости. Подмена одного понятия другим способна исказить экономический смысл отчетных показателей.

Сопоставительный анализ ключевых терминов

С целью наглядной демонстрации трудностей перевода был выполнен разбор нескольких ключевых терминов с сопоставлением официальных интерпретаций и практических вариантов.

В русском языке термин «лизинг» означает аренду имущества на длительный срок с правом выкупа. В международной же практике «lease» охватывает более широкий спектр отношений: выделяются финансовый и операционный лизинг, причем критерии их разграничения жестко регламентированы. Использование привычного для русскоязычного специалиста толкования без учета международной классификации может привести к неверному отражению операций в учете.

В российской учетной традиции понятие «резервы» означает суммы, зарезервированные на покрытие предстоящих расходов или под обесценение активов. В то время как в английском учете нет единого термина, покрывающего все виды резервов: используется разная терминология в зависимости от экономической природы объекта – резервы в составе капитала (reserve), оценочные обязательства (provisions), оценочные резервы под активы (allowances). Соответсвенно, ошибочное отождествление этих понятий способно исказить представление о реальных обязательствах компании.

В отечественной практике термин Амортизация относится к постепенному переносу стоимости основных средств на готовую продукцию. В международных стандартах используется «depreciation» для материальных активов и «amortization» для нематериальных, при этом оба понятия неразрывно связаны с моделью использования актива и сроком его полезной службы. Смешение этих понятий или их упрощенное толкование может привести к неверному расчету себестоимости.

Отчетный период в русском языке традиционно понимается как календарный год или иной установленный законодательством интервал. В МСФО ключевое значение имеет «reporting date» – дата, на которую составляется отчетность, при этом временной интервал между отчетными датами может быть менее года. Поэтому неучет этого различия способен повлиять на сопоставимость показателей при анализе деятельности компании.

Консолидация часто воспринимается как объединение отчетности нескольких компаний в одну. В международных стандартах «consolidation» имеет строгое определение, основанное на наличии контроля независимо от доли участия. Неверное понимание этого термина может привести к искажению структуры группы компаний в сводной отчетности.

Методические принципы достижения терминологического единообразия

Существование различных вариантов перевода не представляет собой непреодолимой трудности при условии применения системного подхода. Обобщая имеющиеся наработки, можно предложить ряд методических принципов, соблюдение которых позволит двигаться к терминологическому единообразию.

Не следует переводить термин изолированно; необходимо рассматривать его в контексте всей цепочки формирования стоимости. Исследователи предлагают алгоритмы, позволяющие четко квалифицировать категории в зависимости от стадии движения ресурса: от момента приобретения до момента признания

расходов. Это исключает смешение понятий на разных этапах кругооборота капитала [4].

Выбор варианта перевода должен определяться тем, для кого готовится отчетность. Если документ предназначен для международного инвестора, владеющего англосаксонской терминологией, допустимо большее число калек и прямых заимствований. Если же отчетность будет изучаться российским налоговым консультантом или менеджером, предпочтительнее адаптированный перевод с использованием привычных категорий РСБУ. Данная идея полностью соответствует положениям современной скопос-теории, основоположниками которой стали К. Норд и Х. Фермеер: стратегия перевода зависит от цели коммуникации, поскольку именно целевая аудитория определяет выбор переводческих решений [6].

При переводе специализированной лексики целесообразно придерживаться внутренних корпоративных стандартов. Каждая компания, составляющая отчетность по МСФО, должна разработать и утвердить внутренний глоссарий терминов. Это особенно важно при длительном сотрудничестве с одними и теми же аудиторами и инвесторами. Глоссарий фиксирует единожды принятый вариант перевода и обязывает всех сотрудников использовать его в течение всего отчетного периода, что обеспечивает последовательность данных [2].

Прежде чем выбрать окончательный вариант перевода, необходимо проанализировать, как термин используется в смежных статьях и разделах отчетности. Смысл может проясняться только из окружения. Требуется глубокое понимание как английской, так и русской профессиональной лексики, чтобы избежать семантических сдвигов [3].

Практические рекомендации для будущих специалистов

На основе проведенного анализа можно сформулировать ряд положений, которые помогут будущим бухгалтерам успешно ориентироваться в условиях терминологической неопределенности.

Одним из эффективных приемов является одновременная работа с текстами МСФО на английском языке и в официальном переводе. Это позволяет уловить тонкости формулировок, которые могут быть утрачены при переводе. В современных условиях свободное владение профессиональной лексикой на английском становится не просто конкурентным преимуществом, а обязательным требованием к специалисту.

Не стоит безоговорочно полагаться на словарные переводы. Многие общеэкономические словари предлагают слишком обобщенные варианты, не отражающие учетной специфики. Наиболее достоверными источниками служат профильные бухгалтерские глоссарии, подготовленные крупными аудиторскими структурами либо профессиональными ассоциациями.

Полезно развивать умение определять значение слова по контексту. Один и тот же термин может переводиться по-разному в зависимости от ситуации: например, «statement» в названии отчета переводится как «отчетность» («financial statement» – финансовая отчетность), а в тексте документа – как «утверждение» или «выписка». Способность различать такие нюансы вырабатывается в процессе практической работы с реальной отчетностью.

Крайне важно участвовать в обсуждениях на профессиональных форумах и в специализированных сообществах. Коллективный разбор сложных переводческих ситуаций позволяет быстрее находить удачные решения и быть в курсе актуальных подходов к адаптации МСФО.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что проблема перевода бухгалтерской терминологии носит не только лингвистический, но и концептуальный характер. В ходе исследования было установлено, что основные сложности обусловлены различиями в исторически сложившихся учетных моделях России и западных стран, отсутствием прямых аналогов для многих реалий и многозначностью исходных понятий [3, 4].

Проведенное сопоставление выявило, что единого подхода к переводу не выработано даже в отношении базовых терминов. Параллельное использование разных интерпретаций в профессиональной среде создает угрозу неоднозначной трактовки показателей отчетности, что негативно сказывается на их значимости для экономического анализа.

Однако из сложившейся ситуации есть выход. Применение системного подхода, разработка корпоративных стандартов и учет потребностей конечных пользователей позволяют существенно повысить качество переводов. Унификация профессионального языка должна стать одной из приоритетных задач бухгалтерского сообщества, поскольку от этого зависит доверие к отчетности и прозрачность рынка в целом.

Для обучающихся экономическим специальностям это указывает на необходимость более глубокого погружения в языковую среду профессии.

Невозможно стать квалифицированным бухгалтером, не овладев понятийным аппаратом в полном объеме. Осознание того, что качество информации для пользователей зависит от точности учетных данных, является важным этапом в профессиональном становлении.

Как подчеркивается в работе С.В. Панковой «Администрирование многоязычной коммуникации, в рамках подготовки международных стандартов финансовой отчетности», именно упорядоченное представление хозяйственных процессов позволяет максимально удовлетворять информационные потребности пользователей [4].

Следовательно, предпринимаемые усилия по упорядочению профессиональной лексики напрямую способствуют повышению качества финансовой информации, что в конечном итоге служит интересам всех участников экономических отношений.

Список использованных источников

1. Администрирование многоязычной коммуникации в рамках подготовки международных стандартов финансовой отчетности: монография / Под ред. С.В. Панковой. М.: РУДН, 2020. – 120 с.

2. Единообразие учетной информации. Словарь бухгалтерских терминов // Клерк.ру. [Электронный ресурс]. URL: https://www.klerk.ru/slovar/ (дата обращения: 19.03.2026).

3. Панкова Т.Н., Сон Л.П., Багдасарова И.Ю., Беляева Ю.А. Особенности перевода нормативно-правовых актов в сфере бухгалтерского учета // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 11-3. С. 197–201.

4. Современный порядок применения затратных терминов в бухгалтерском учете // Вектор науки экономики и управления. 2023. № 4. С. 5–12.

5. Alver J., Alver L. Accounting Terminology as an Important Component of Improving the Professional Knowledge // Actual Problems in the System of Education. 2022. Vol. 15. P. 88–97.

6. Translating Financial Jargon: A Comparative Study of Accounting Terminology Across Languages // Studies in Systems, Decision and Control. 2025. Vol. 572. P. 1303–1312.

ФОРМИРОВАНИЕ ИНОЯЗЫЧНОЙ ПРАГМАТИЧЕСКОЙ КОМПЕТЕНЦИИ У СТУДЕНТОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРОФИЛЯ: ИНТЕГРАЦИЯ ПРОБЛЕМНО-ОРИЕНТИРОВАННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Шкаликов М.М. – студент, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Научный руководитель: Осипова Е.С. – к.пед.н., доцент, ФГАОУ ВО «Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого»

Аннотация

Статья посвящена проблеме формирования иноязычной прагматической компетенции у студентов-экономистов. Раскрыта специфика экономического дискурса, где язык выступает инструментом коммерческого воздействия, а дефицит стратегий смягчения ведет к коммуникативным неудачам. Предложена методическая модель, интегрирующая кейс-метод и проблемное обучение и обеспечивающая поэтапное формирование пяти компонентов компетенции.

Современная образовательная парадигма высшей школы ставит задачу подготовки конкурентоспособных специалистов, готовых к эффективному решению многопрофильных профессиональных задач. Достижение требуемого уровня компетенций принципиально невозможно без целенаправленного развития прагматической составляющей иноязычной компетенции, обеспечивающей адекватный выбор языковых средств в зависимости от ситуации общения, статуса собеседников и профессиональных интенций.

Вопрос формирования иноязычной прагматической компетенции у студентов экономистов остается недостаточно исследованной. Существует потребность в создании инструментария. Данное обстоятельство определяет актуальность данного исследования.

Объект исследования: процесс обучения иностранному языку студентов-экономистов.

Предмет: формирование иноязычной профессиональной прагматической компетенции у будущих экономистов на основе интеграции проблемно-ориентированных образовательных технологий.

Методы исследования: анализ, синтез, сравнительный, статистический и др.

Цель заключается в теоретическом обосновании и разработке комплекса упражнений, интегрирующего классический цикл проблемного обучения и кейс-метода с целенаправленным формированием всех пяти компонентов

прагматической компетенции на материале профессионально-ориентированного курса английского языка для студентов-экономистов.

Задачи:

– уточнить содержание и компонентную структуру понятия «профессиональная прагматическая компетенция экономиста»;

– выявить и описать специфику профессиональной иноязычной коммуникации в экономической сфере, определяющую приоритетность формирования именно прагматических навыков;

– обосновать дидактический потенциал технологий проблемного обучения и кейс-стади как оптимальных инструментов решения поставленной методической задачи;

– выявить типичные дефициты студентов экономического профиля в области владения прагматическими стратегиями;

– разработать упражнения на формирование умений прагматической компетенции.

Центральным понятием исследования выступает прагматическая компетенция, которая в современной лингводидактике трактуется как интегративная способность личности интерпретировать и использовать правила построения высказывания для реализации различных коммуникативных функций в соответствии с особенностями взаимодействия коммуникантов и с учетом социального и культурного контекста коммуникации [2]. Исследователи выделяют в ее составе пять взаимосвязанных компонентов. Социальный компонент обеспечивает способность интерпретировать социальные контексты и роли участников общения, а также выбирать уместный стиль коммуникации в зависимости от иерархии и дистанции между собеседниками. Социолингвистический компонент позволяет декодировать речевое высказывание для восстановления социального портрета партнера по общению, распознавая в его речи маркеры статуса, возраста и уровня образования. Социокультурный компонент отвечает за интерпретацию информации о культурном аспекте стран родного и целевого языков и учет этих различий в процессе взаимодействия, что особенно важно при межкультурных переговорах. Речевой компонент охватывает способность распознавать и применять речевые жанры, обеспечивать когезию и когерентность высказывания, выстраивать речь в соответствии с нормами для решения конкретных коммуникативных задач. Компенсаторный компонент

представляет собой способность восполнять возникающие языковые и социокультурные пробелы посредством переспроса, уточнения или использования справочных ресурсов [2].

Степень значимости прагматической компетенции зависит от профессиональной области, в которой предстоит действовать будущему специалисту. Специфика профессиональной иноязычной коммуникации студентов экономического профиля заключается в ее ориентации на достижение вполне конкретного коммерческого результата и оказание целенаправленного воздействия на делового партнера. Эффективность делового взаимодействия будущих финансистов, менеджеров, маркетологов и аналитиков определяется не столько знанием узкоспециализированной терминологии, сколько умением реализовывать разнообразные прагматические интенции в условиях вариативности коммуникативных ситуаций и межкультурных различий [1].

Ключевыми речевыми актами, требующими развитой прагматической компетенции в профессиональном арсенале экономиста, выступают: во-первых, запрос информации, предполагающий умение формулировать одновременно вежливый и при этом достаточно настойчивый запрос, не нарушающий деловой этикет; во-вторых, аргументированное убеждение, необходимое при презентации инвестиционного проекта, защите стратегии развития или обосновании финансового прогноза перед скептически настроенной аудиторией; в-третьих, отказ и уклонение, требующие способности отказать партнеру в кредите, скидке или продлении контракта таким образом, чтобы сохранить лицо обеих сторон и не разрушить долгосрочные партнерские отношения; в-четвертых, ведение переговоров, подразумевающее умение вести торг об условиях сделки и цене с обязательным учетом статусной дистанции и культурных особенностей контрагента; в-пятых, письменная деловая коммуникация, требующая строгого соблюдения регистров вежливости и жанровых конвенций в электронной переписке с зарубежными партнерами, клиентами и поставщиками [3].

Эмпирические исследования, проведенные на материале изучения делового английского языка, фиксируют устойчивую диспропорцию в арсенале используемых студентами стратегий. Обучающиеся демонстрируют склонность к использованию прямолинейных конструкций, доля которых в отдельных выборках превышает половину всех высказываний [3]. Так, деловое письмо, составленное без должного смягчения и оформленное излишне категоричными конструкциями,

воспринимается носителем языка как неоправданно агрессивное, что может привести к разрыву деловых контактов. Неспособность распознать завуалированный отказ в уклончивой реплике партнера по переговорам оборачивается неверной интерпретацией его позиции и, как следствие, срывом потенциально выгодной сделки. Некорректное использование хеджирования, в свою очередь, может создать у контрагента ложное впечатление о неуверенности или некомпетентности говорящего.

Таким образом, недостаточная сформированность прагматического компонента в перечисленных аспектах закономерно приводит к снижению эффективности профессиональной деятельности, что и обусловливает насущную необходимость целенаправленного обучения указанным коммуникативным стратегиям в рамках курса профессионально-ориентированного иностранного языка для студентов экономических направлений подготовки. Данный факт делает прагматическую компетенцию не просто желательным дополнением к знанию грамматики и лексики, а базовым, системообразующим элементом профессиональной подготовки будущего экономиста.

В качестве дидактической основы, позволяющей преодолеть разрыв между аудиторной учебной деятельностью и реальными коммуникативными потребностями деловой среды, предлагается интеграция метода кейс-стади и проблемного обучения. Оба подхода базируются на создании образовательной среды, в которой иноязычная речь перестает быть самоцелью и превращается в инструмент анализа проблемы, координации совместных действий и выработки коллективного решения. Кейс-метод привносит в модель строгую контекстуальность, помещая студента в ситуацию, максимально приближенную к реальному деловому взаимодействию и требующую принятия решения, в то время как проблемное обучение структурирует познавательную активность обучающихся в виде четкого цикла, включающего предъявление проблемного сценария, анализ фактов, выдвижение гипотез, выявление недостающей информации, самостоятельный поиск, применение новых знаний и обязательную итоговую рефлексию. Преподаватель при этом выполняет роль фасилитатора, который направляет познавательную активность студентов и моделирует эффективные стратегии мышления, постепенно уменьшая степень своей поддержки по мере роста их самостоятельности. Разработанный на основе данной теоретической базы комплекс упражнений направлен на формирование определенных умений

прагматической компетенции. Студенты подчёркивают в электронных письмах лексические маркеры эмоций и отношения (например, раздражение или формальное недовольство), переформулируют эмоциональные утверждения в нейтральные факты и в группах пишут черновики ответов, выявляя собственные языковые дефициты. После этого они изучают образцы профессиональных писем, выделяя готовые формулы для благодарности, извинений и смягчения негативной информации, и применяют их при написании итоговых развёрнутых ответов.

Проведенное исследование позволяет сделать обоснованный вывод о том, что интеграция проблемно-ориентированных технологий в курс профессионально-ориентированного иностранного языка создает необходимые и достаточные дидактические условия для комплексного и сбалансированного формирования всех пяти компонентов прагматической компетенции, обеспечивая тем самым повышение конкурентоспособности будущих экономистов на международном рынке труда.

Список используемых источников

1. Мосалова А.И. Принципы обучения иноязычному профессиональному общению студентов-экономистов в рамках лингвопрагматического подхода // Вестник ТГУ. 2014. № 3. С. 105–111.

2. Сысоев П.В., Золотов П.Ю. Формирование прагматической компетенции студентов на основе корпусных технологий // Язык и культура. 2020. № 51. С. 229–246.

3. Rambe A. N., Yanisha D. A., Lubis S. L. Pragmatic strategy classification in English business negotiation using a rule-based approach // Jurnal Ilmiah Penelitian dan Pembelajaran Informatika. 2025. № 3. P. 2758–2764.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ТЕХНОЛОГИИ В ЭКОНОМИКЕ, БИЗНЕСЕ И ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПРИМЕНЕНИЕ ГИБРИДНЫХ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ РИСКА БАНКРОТСТВА ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Ашмарин А.В. – аспирант, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Научный руководитель: Шереметьева Е.Н. – д.э.н., профессор, ФГАОУ ВО «Самарский государственный экономический университет»

Аннотация

В представленной статье исследуется проблема повышения точности прогнозирования банкротства предприятий с использованием современных методов машинного обучения. Актуальность работы обусловлена необходимостью создания инструментов раннего предупреждения финансовых кризисов в условиях высокой волатильности рынков. В рамках исследования разработана и апробирована гибридная модель стекинга, объединяющая алгоритмы случайного леса, градиентного бустинга и метод опорных векторов. На основе данных финансовой отчетности российских предприятий за период 2015-2023 годов доказано, что предложенная модель демонстрирует значение AUC-ROC 0.94, существенно превосходя классические статистические методы. Особое внимание уделено проблеме интерпретируемости моделей с использованием библиотеки SHAP. Результаты исследования могут быть использованы в автоматизированных системах риск-менеджмента банков и инвестиционных компаний.

Введение

Прежде чем говорить о методах прогнозирования банкротства, важно понять: за какой промежуток времени мы распознаем финансовые проблемы компании, зависит здоровье всей экономики. Алгоритмы машинного обучения могут адаптироваться к изменяющимся условиям, переобучаясь на новых данных, что критически важно для анализа финансовых рынков, которые подвержены постоянной эволюции. С точки зрения научной новизны, данная работа предполагает не просто механическое применение известных алгоритмов к новой выборке, а разработку методологии комплексного анализа, включающей этапы предобработки данных, отбора признаков, настройки гиперпараметров моделей и, что самое важное, постпрогнозного анализа результатов для извлечения интерпретируемых бизнес-правил [11]. Внедрение таких систем позволяет перейти от реактивной модели управления рисками к проактивной, когда потенциальные

угрозы идентифицируются на ранних стадиях их зарождения. Таким образом, целью настоящей работы является разработка и апробация гибридной модели на основе методов машинного обучения, способной с высокой точностью прогнозировать банкротство предприятий реального сектора экономики на основе публичной финансовой отчетности и внешних рыночных индикаторов. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: провести критический анализ существующих подходов к прогнозированию банкротства, сформировать репрезентативную выборку данных, реализовать несколько базовых алгоритмов машинного обучения и сравнить их эффективность с предлагаемой гибридной архитектурой, а также разработать рекомендации по практическому внедрению полученных результатов в деятельность аналитических подразделений компаний.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования в данной работе выступают промышленные предприятия и компании сектора малого и среднего бизнеса, функционирующие на территории Российской Федерации в период с 2015 по 2023 год. Выбор именно этого временного промежутка обусловлен наличием нескольких полных экономических циклов, включая фазы стагнации, оживления и нестабильности, связанной с внешнеполитическими факторами, что позволяет проверить робастность разрабатываемых моделей в различных макроэкономических условиях. Информационную базу исследования составили данные публичной бухгалтерской отчетности, раскрываемые в базах данных Росстата и специализированных информационных ресурсах, а также рыночные данные, включающие котировки акций для публичных компаний, отраслевые индексы и макроэкономические показатели [9]. Выборка была сбалансирована таким образом, чтобы в нее вошли как предприятия, признанные впоследствии банкротами согласно данным Арбитражного суда, так и финансово устойчивые компании, подобранные по принципу отраслевой принадлежности и масштаба деятельности, что позволило минимизировать смещение оценок модели. В качестве методов исследования выступает широкий спектр алгоритмов машинного обучения, как классических, так и современных. На первом этапе применялись методы статистического анализа для проверки качества данных и выявления выбросов. Для построения прогнозных моделей были выбраны: логистическая регрессия, выступающая в роли бейзлайна; метод опорных векторов, хорошо

зарекомендовавший себя при решении задач бинарной классификации на небольших выборках; случайный лес и градиентный бустинг, реализованный в библиотеках XGBoost и CatBoost, которые являются ансамблевыми методами и отличаются высокой точностью за счет комбинирования множества слабых моделей [7, 14]. Особое внимание было уделено гибридному подходу, основанному на стекинге, где предсказания нескольких базовых моделей подаются на вход метамодели, которая обучается исправлять ошибки базовых алгоритмов. Исследование строилось в несколько шагов. Изначально мы привели данные в порядок: почистили от дубликатов, заполнили пропуски и отловили аномалии в коэффициентах – обычно они появляются из-за опечаток при вводе. Затем на базе отчетности насчитали множество финансовых коэффициентов, которые охватывают ликвидность, устойчивость, оборачиваемость и прибыльность. Признаков набралось больше полусотни, и есть вероятность, что модели начнут переобучаться. Поэтому дальше занялись отбором: использовали корреляции, критерий хи-квадрат, а также встроенные механизмы оценки важности из случайного леса и градиентного бустинга [3]. Само обучение вели на данных с 2015 по 2021 год, а результаты за 2022–2023 отложили, чтобы использовать в дальнейшем – с целью проверить, как модели работают на "свежих" цифрах, с которыми раньше не взаимодействовали. Такой подход имитирует подлинную работу системы в режиме реального времени, когда модель применяется для прогнозирования событий в будущем. Оценка качества моделей проводилась по нескольким метрикам, однако ключевой была выбрана площадь под ROC-кривой, поскольку она наилучшим образом отражает способность модели разделять классы при различных порогах классификации и нечувствительна к дисбалансу [2, 13].

Экспериментальная часть

Экспериментальная часть исследования была реализована на языке программирования Python с использованием библиотек scikit-learn, pandas и CatBoost. В качестве среды разработки использовался Jupyter Notebook, обеспечивающий удобство интерактивного анализа данных и визуализации промежуточных результатов. Исходная выборка после обработки включала данные по 800 предприятиям, из которых 200 были признаны банкротами в исследуемом периоде, а 600 оставались финансово устойчивыми. Такой дисбаланс классов является естественным для задач прогнозирования банкротства, так как количество успешных компаний всегда превышает количество обанкротившихся. Для

компенсации дисбаланса в процессе обучения моделей применялись методы взвешивания классов и техника синтетической генерации новых объектов SMOTE [13]. Первым этапом эксперимента стало обучение базовых моделей. Логистическая регрессия, несмотря на упрощенный вид, показала на тестовой выборке значение AUC-ROC на уровне 0,78, что является неплохим, но недостаточным для практического использования результатом.

Но главным экспериментом стала сборка стекинг-модели. На первый уровень мы поставили случайный лес, бустинг и метод опорных векторов. Их вероятности банкротства представили в качестве новых признаков метамодели – простой логистической регрессии. Мы выбрали данный тип исходя из того, что логистическая регрессия прозрачна, показывает качественно откалиброванные вероятности и умеет взвешивать мнения базовых моделей, отсекая их слабые места. Результат приятно удивил: на тесте гибрид продемонстрировал 0,94 AUC-ROC. Это значит, что в 94 % случаев модель ставит проблемную компанию выше здоровой в рейтинге риска. Причем прирост качества происходит в основном за счет полноты – модель стала реже пропускать реальных банкротов, что для кредитного скоринга достойный результат.

Анализ ошибок показал: когда модель демонстрировала ложную тревогу (обвиняла здоровую компанию), это чаще всего случалось в моменты рыночной турбулентности. Из этого следует вывод: в следующих версиях нужно добавить индикаторы волатильности.

Результаты проделанной работы

Эксперимент подтвердил: гибридные модели в задаче прогнозирования банкротств действительно работают. Стекинг-модель продемонстрировала AUC-ROC 0,94 – это заметно выше предыдущих типов: логистической регрессии или дискриминантного анализа, которые на таких данных редко доходят до 0,85 [12]. Синергия алгоритмов сработала: каждый метод тянет в свою сторону, а вместе они компенсируют слабые места друг друга.

Но любопытно другое. Во второй половине 2022 года, когда экономика дернулась из-за сбоев логистики и скачков валют, качество предсказаний отдельных моделей упало на 5–7 % (особенно пострадала логистическая регрессия). Гибридная схема уменьшилась всего на 2 %. То есть стекинг оказался не просто точнее, но и устойчивее к шуму – он лучше сохраняет обобщающую способность, когда данные ведут себя нестабильно. Практическая значимость

полученных результатов заключается в возможности их непосредственного внедрения в автоматизированные системы кредитного скоринга банков и аналитические модули инвестиционных фондов [6]. Однако, обсуждая результаты, нельзя обойти стороной проблему интерпретируемости моделей. Если логистическая регрессия и метод опорных векторов позволяют явно увидеть вклад каждого коэффициента, то гибридная модель, и в особенности отдельные алгоритмы бустинга представляют собой сложные "черные ящики". Для решения этой проблемы в ходе исследования применялись методы объяснимого искусственного интеллекта, в частности библиотека SHAP, которая позволяет декомпозировать прогноз на вклад каждого признака [11, 15]. Анализ SHAP-значений для гибридной модели показал, что помимо классических финансовых коэффициентов, большое влияние на прогноз оказывают "молодость" компании и отраслевой фон, то есть средняя рентабельность по отрасли в текущем квартале. Таким образом, полученные результаты подтверждают гипотезу о том, что современные методы машинного обучения способны значительно повысить точность прогнозирования финансовых рисков, а гибридизация алгоритмов является одним из наиболее перспективных направлений развития в данном научном векторе.

Заключение

В рамках проведенного исследования была подтверждена высокая эффективность применения методов машинного обучения, и в особенности гибридных архитектур, для решения задачи прогнозирования банкротства предприятий. Основной научный результат работы заключается в разработке и экспериментальной апробации модели стекинга, которая за счет комбинации алгоритмов случайного леса, градиентного бустинга и метода опорных векторов позволила достичь значения AUC-ROC 0.94 на тестовой выборке, что является очень высоким показателем для данного класса задач. Этот результат доказывает, что синергия различных подходов позволяет более полно учитывать многомерную природу факторов, приводящих к финансовой несостоятельности бизнеса [10, 14]. Практическая значимость исследования не вызывает сомнений: разработанная методология может быть использована банками, страховыми компаниями и инвестиционными фондами для создания автоматизированных систем риск-менеджмента. Внедрение таких инструментов позволит не только сократить убытки от невозврата кредитов, но и повысить качество кредитного портфеля в

целом, отказав в финансировании потенциально проблемным заемщикам на ранних этапах.

Список используемых источников

1. Альтман Э.И. Финансовые коэффициенты, дискриминантный анализ и прогнозирование банкротства компаний // Журнал финансов. 1968. Т. 23, № 4. С. 589–609.
2. Бахтеев А.В. Глубокое обучение и нейросетевые модели в прогнозировании временных рядов: современное состояние и перспективы // Нейрокомпьютеры: разработка, применение. 2022. № 4. С. 45–56.
3. Брейли Р., Майерс С. Принципы корпоративных финансов; пер. с англ. М.: Олимп-Бизнес, 2020. 1008 с.
4. Воронцов К.В. Комбинаторный подход к оценке качества обучающих выборок в задачах машинного обучения // Журнал вычислительной математики и математической физики. 2021. Т. 61, № 2. С. 312–326.
5. Галушкин А.И. Теория нейронных сетей: учебное пособие для вузов. М: ИПРЖР, 2019. 476 с.
6. Герасименко В.П., Федорова Е.А. Прогнозирование банкротства предприятий на основе методов машинного обучения: сравнительный анализ моделей // Финансы и кредит. 2023. Т. 29, № 3. С. 512–530.
7. Дорохов О.В., Соловьев И.И. Применение градиентного бустинга в задачах кредитного скоринга // Бизнес-информатика. 2022. № 3. С. 67–81.
8. Ендовицкий Д.А., Бочарова И.В. Анализ и оценка кредитоспособности заемщика: учебно-практическое пособие. М: КНОРУС, 2021. 264 с.
9. Кох И.А. Росстат как источник данных для построения моделей прогнозирования рисков предприятий // Вопросы статистики. 2023. № 2. С. 15–25.
10. Леонтьев В.Е., Бочаров В.В. Корпоративные финансы: учебник для академического бакалавриата. М: Юрайт, 2022. 654 с.
11. Насретдинов И.Т. Интерпретируемые модели машинного обучения (XAI) в оценке финансовых рисков // Прикладная информатика. 2024. № 1. С. 93–108.
12. Павлов Н.В. Сравнительный анализ эффективности моделей прогнозирования банкротства на российском рынке // Экономический анализ: теория и практика. 2021. Т. 20, № 8. С. 1542–1560.

13. Смагин А.А. Методы борьбы с дисбалансом классов в задаче прогнозирования банкротства предприятий // Информационные технологии. 2022. Т. 28, № 11. С. 602–610.

14. Chen, T. XGBoost: A Scalable Tree Boosting System // Proceedings of the 22nd ACM SIGKDD International Conference on Knowledge Discovery and Data Mining. New York, 2016. P. 785–794.

15. Lundberg S.M., Lee S.I. A Unified Approach to Interpreting Model Predictions // Advances in Neural Information Processing Systems 30 (NIPS 2017). 2017. P. 4765–4774.

ВЛИЯНИЕ ВНЕДРЕНИЯ ГЕНЕРАТИВНЫХ НЕЙРОСЕТЕЙ НА ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ЭФФЕКТИВНОСТЬ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ В МАЛОМ И СРЕДНЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

Быкова А.А. – студент, ФГБОУ «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова»

Коршак К.С. – старший преподаватель, ФГБОУ «Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова»

Аннотация

В статье рассматриваются ключевые аспекты влияния внедрения генеративных нейросетей на экономическую эффективность бизнес-процессов в малом и среднем предпринимательстве. Отдельное внимание уделяется вопросам модернизации данного эффекта со стороны человеческого капитала и технологической инфраструктуры, а также проблемам снижения предельной отдачи в условиях интенсивной рыночной конкуренции.

Введение

Стремительное развитие инструментов искусственного интеллекта (ИИ) знаменует переход бизнес-организаций от традиционных процессов к технологически обусловленным подходам [3]. Для малых и средних предприятий (МСП), обладающих ограниченными ресурсами, технологии генеративного ИИ становятся стратегическим инструментом повышения экономической эффективности: от автоматизации рутинных задач до ускорения вывода продуктов на рынок [8]. Однако внедрение технологий не гарантирует автоматического роста эффективности. Успех зависит от контекста внедрения. Несмотря на признанную

полезность генеративного ИИ, остается недостаточно изученным вопрос о том, как внутренние и внешние факторы организации влияют на степень реализации экономических выгод. Существующие исследования часто фокусируются на крупных корпорациях, тогда как специфика МСП требует отдельного рассмотрения. В данной работе рассматривается влияние внедрения генеративных нейросетей на экономическую эффективность бизнес-процессов в МСП с учетом модерации со стороны человеческого капитала, технологической инфраструктуры и рыночной конкуренции. В контексте цифровой трансформации отраслей важно учитывать стартовые условия и приоритеты [0].

Объектом исследования выступает внедрение генеративных нейросетей в бизнес-процессы малого и среднего предпринимательства как инструмент повышения экономической эффективности.

Методы: в процессе исследования проходил анализ рыночных тенденций, технологических возможностей генеративного ИИ и научных статей на соответствующие темы.

Теоретические основы и классификация технологий

Генеративный искусственный интеллект охватывает ряд технологий, способных создавать новый контент через использование продвинутых алгоритмов, известных как генеративные модели. Развитие данной области прошло путь от примитивных чат-ботов 1960-х годов до современных сложных архитектур, способных синтезировать контент, неотличимый от созданного человеком [5].

Генеративное моделирование – это тип машинного обучения, при котором алгоритмы (нейросети) обучаются на больших данных для создания новых, уникальных образцов, похожих на обучающую выборку (текст, изображения, звук, 3D-модели). В отличие от дискриминативных моделей, различающих данные, генеративные модели изучают структуру данных и совместное распределение вероятностей, создавая новые объекты. Развитие техник глубокого обучения (Deep Learning, DL) стало ключевым фактором эволюции генеративного ИИ, позволяющим создавать сложный и нюансированный искусственный контент. Область достигла значительных успехов, особенно в областях генерации и улучшения контента, позволяя применять решения от художественного синтеза изображений до дополнения виртуальной реальности.

В контексте бизнес-применения наиболее релевантными являются следующие архитектуры генеративных моделей (**Ошибка! Источник ссылки не найден.**):

Табл. 1

Обзор структуры генеративного моделирования в ИИ [4, 5, 6]

Модель	Ключевые компоненты	Процесс обучения	Качество вывода	Скорость	Сценарии использования в бизнесе
GAN (Generative Adversarial Network)	Генератор и дискримина-тор	Состязательное обучение до тех пор, пока дискриминатор не сможет отличить синтетический контент	Высокое	Быстрая	Фотореалисти-чные изображения, генерация данных для специфических доменов
Diffusion Models (DDPMs)	Прямая и обратная диффузия	Добавление шума к данным, затем обратное восстановление исходных данных	Очень высокое	Медленная из-за сложного обучения	Генерация изображений и аудио высокого качества, фундаменталь-ные модели
VAE (Variational Autoencoder)	Энкодер и декодер	Кодирование входа в латентное пространство и декодирование для восстановления	Умеренное	Быстрая	Быстрая генерация данных с меньшими требованиями к деталям
GPT (Generative Pre-trained Transformer)	Архитектура Трансформер	Предобучение на больших наборах данных.	Высокое (для текста)	Зависит от масштаба приложения	Генерация естественного языка, текстовые ИИ-приложения

Экономическая эффективность бизнес-процессов в МСП

Под экономической эффективностью в данном исследовании понимается комплексный показатель, включающий:

– операционную эффективность: снижение времени выполнения задач и трудозатрат.

– финансовую эффективность: снижение издержек и рост маржинальности.

– стратегическую эффективность: улучшение качества продуктов и услуг, повышение удовлетворенности клиентов.

Генеративный ИИ влияет на эти компоненты через автоматизацию создания контента, персонализацию коммуникаций и ускорение разработки продуктов. Он оказывает существенную поддержку в повышении операционной эффективности и маркетинговых усилий МСП. Генерация текста с использованием ИИ для рекламы, социальных сетей и кампаний позволяет этим предприятиям обеспечивать постоянное и вовлекающее цифровое присутствие с минимальными инвестициями человеческого капитала [10]. Более того, способность генеративного ИИ составлять оптимизированные для поисковых систем (SEO) блог-посты увеличивает видимость и находимость МСП в интернете, что критично для захвата и удержания цифровой доли рынка.

Такое эффективное использование технологий в создании контента позволяет МСП перераспределять финансовые и человеческие ресурсы на стратегические области роста, способствуя формированию среды – благоприятной для увеличения выручки за счет расширения их цифрового присутствия и потребительской базы. Генеративный ИИ играет ключевую роль в создании индивидуальных писем и сообщений путем интеллектуального анализа данных клиентов, обеспечивая уровень персонализированного взаимодействия, который часто превосходит уровень крупных корпораций. Эта повышенная персонализация может приводить к росту лояльности клиентов и увеличению частоты транзакций, что является ключевым фактором для выручки МСП [8].

Одновременно генеративный ИИ ускоряет процесс проектирования и разработки продуктов. Он автономно генерирует инновационные концепции продуктов или итеративно совершенствует существующие, учитывая обратную связь от потребителей и возникающие рыночные тренды. Это сокращает жизненный цикл продукта, позволяя МСП оперативнее адаптироваться к рыночным требованиям и ускорять вывод новых предложений на рынок, что способствует укреплению конкурентного преимущества и росту потенциала выручки.

На основе анализа литературы предлагается концептуальная модель, согласно которой влияние внедрения генеративного ИИ на экономическую эффективность не является прямым и линейным, а опосредовано тремя ключевыми

модераторами. Данная модель базируется на предположении, что технологический детерминизм не работает в отрыве от организационного контекста.

1. Человеческий капитал определяется как запас знаний, навыков и социальных атрибутов сотрудников. В МСП, где ресурсы ограничены, качество человеческого капитала становится критическим фактором. Квалифицированные сотрудники способны эффективнее взаимодействовать с ИИ, например, составлять сложные промпты – запросы к нейросетям, валидировать результаты, превращая технологический потенциал в реальную экономическую выгоду.

Успешная реализация и использование генеративного ИИ существенно зависит от качества человеческого капитала внутри этих организаций. Компетентность сотрудников в понимании и работе с продвинутыми ИИ-системами может значительно определять степень, в которой эти технологии повышают производительность и творческий потенциал. Для МСП, где характерны ограничения ресурсов, качество человеческого капитала приобретает еще большее значение, так как оно становится ключевым фактором в обеспечении того, что внедрение ИИ ведет к реальным экономическим и стратегическим преимуществам, а не лишь увеличивает технологические издержки. Это указывает на то, что технология выступает дополнением к человеческим усилиям, а не их заменой.

Гипотеза H1: Человеческий капитал модерирует внедрение генеративного ИИ, поэтому от его уровня зависит степень влияния такого внедрения на экономическую эффективность бизнеса.

2. Технологическая инфраструктура.

Готовность ИТ-систем предприятия к интеграции новых решений определяет скорость и качество внедрения. Современные, масштабируемые и облачные системы ускоряют интеграцию генеративных моделей. Устаревшая инфраструктура может увеличивать издержки внедрения.

Существующая технологическая инфраструктура внутри МСП играет значительную роль в модерации влияния внедрения генеративного ИИ на эти организации. Состояние инфраструктуры может либо ускорить получение выгод, либо стать преградой в эффективном развертывании ИИ-технологий. МСП с надёжными и масштабируемыми ИТ-системами способны эффективно интегрировать генеративный ИИ в свои операции, что позволяет им быстро использовать преимущества технологии. Такая интеграция может привести к положительной динамике показателей бизнеса, отражающих степени экономии

затрат и потенциального роста выручки (рентабельность, операционные расходы, EBITDA и др.) Модульная и совместимая ИТ-архитектура позволяет осуществлять интеграцию ИИ-систем по принципу «подключи и работай», сокращая время и ресурсы, необходимые для внедрения.

Гипотеза H2: Уровень развития технологической инфраструктуры определяет возможность качественного внедрения генеративного ИИ в бизнес-процессы, влияя на экономическую эффективность предприятия.

3. Рыночная конкуренция.

В условиях высокой конкуренции технологии быстро становятся отраслевым стандартом. Первоначальное конкурентное преимущество от внедрения нейросетей может нивелироваться, когда конкуренты также внедряют аналогичные решения. Это смещает фокус с «опережения» на «удержание позиций», что может снижать предельную эффективность инвестиций в ИИ.

На рынках с интенсивной конкуренцией быстрое внедрение генеративного ИИ малыми и средними предприятиями может быстро трансформироваться из уникального стратегического актива в универсальное требование. Первоначальное конкурентное преимущество, предлагаемое внедрением ИИ, исчезает по мере того, как все больше конкурентов используют аналогичные технологии. Это быстрое выравнивание конкурентной среды означает, что МСП должны внедрять ИИ не для того, чтобы лидировать на рынке, а лишь для того, чтобы не отставать от него.

Таким образом, МСП вынуждены постоянно развивать свои возможности в области ИИ, чтобы найти новые пути для дифференциации, поскольку сама технология становится распространённым товаром в отрасли. Поскольку генеративный ИИ становится стандартным инструментом среди конкурентов, предельные выгоды для каждого предприятия начинают снижаться. Когда все игроки на рынке внедряют ИИ для оптимизации своих операций и улучшения предложений продуктов, уникальная ценность, которую ИИ мог обеспечить, будучи менее распространенным, значительно снижается.

Гипотеза H3: Интенсивность рыночной конкуренции отрицательно модерирует влияние внедрения генеративного ИИ на экономическую эффективность (снижает предельную отдачу).

Методологические аспекты анализа

В исследовании влияния внедрения искусственного интеллекта на эффективность бизнес-процессов используются методы регуляризованной

регрессии (Ridge, Lasso и Elastic Net), которые позволяют повысить точность и устойчивость моделей при наличии большого числа взаимосвязанных факторов. Общая идея этих методов заключается в добавлении штрафа за большие коэффициенты, что снижает переобучение и делает результаты более надёжными. Ridge-регрессия уменьшает значения коэффициентов, сохраняя все переменные в модели, Lasso-регрессия, помимо этого, может обнулять менее значимые признаки, тем самым выполняя их отбор, а Elastic Net сочетает оба подхода, обеспечивая баланс между устойчивостью модели и её упрощением [9]. Использование этих методов позволяет выявить ключевые факторы и получить более обоснованные выводы в рамках анализа. Применение данных методов в контексте МСП позволяет отделить влияние собственно внедрения ИИ от влияния сопутствующих факторов, таких как возраст компании, источник капитала или семейный характер бизнеса. Взаимодействующие переменные (модераторы) позволяют оценить, как меняется эффект ИИ в зависимости от контекста.

Риски и ограничения внедрения

Помимо экономических факторов, внедрение генеративных нейросетей сопряжено с рядом рисков, которые необходимо учитывать при формировании стратегии.

1. Юридические и этические риски. Генеративный ИИ создает контент на основе данных, полученных в ходе обучения, что может приводить к нарушениям авторских прав. МСП должны убедиться, что используемые модели лицензированы для коммерческого использования. Кроме того, существует риск генерации недостоверной информации, что может повредить репутации компании [7].

2. Безопасность данных. Использование облачных ИИ-сервисов подразумевает передачу данных третьим сторонам. Для МСП, работающих с персональными данными клиентов, это создает риски утечек и нарушения законодательства (например, ФЗ "О персональных данных").

3. Технологическая зависимость. Чрезмерная автоматизация может привести к потере внутренних компетенций. Сотрудники могут разучиться выполнять задачи вручную, что станет критичным в случае сбоя ИИ-систем.

4. Стоимость внедрения. Несмотря на снижение стоимости инструментов интеграция ИИ в устаревшие системы может потребовать значительных инвестиций в доработку программного обеспечения и обучение персонала.

Учет этих рисков позволяет сформировать более сбалансированный подход к цифровизации, минимизируя потенциальные негативные последствия.

Практические рекомендации для МСП

На основе проведенного анализа сформулированы следующие рекомендации для руководителей малых и средних предприятий:

1. Приоритет инфраструктурной готовности. Перед внедрением сложных нейросетей необходимо обеспечить совместимость существующих ИТ-систем. Рекомендуется использовать облачные решения с открытыми API для упрощения интеграции. Принятие решений в области ИИ не должно быть изолировано от учета текущего технологического статуса бизнеса. МСП может потребоваться провести углубленный анализ существующих систем для выявления совместимости и масштабируемости в контексте интеграции ИИ.

2. Параллельное развитие компетенций. Инвестиции в технологии должны сопровождаться обучением персонала. Курсы по промпт-инжинирингу и валидации результатов ИИ должны стать частью программы повышения квалификации. Навыки и знания сотрудников следует рассматривать как дополнение к технологической инфраструктуре.

3. Стратегическая дифференциация. В условиях высокой конкуренции не следует полагаться на ИИ как на единственный источник преимущества. Необходимо комбинировать технологическую эффективность с уникальным ценностным предложением (качество сервиса, бренд, экспертность). Вместо ожидания, что ИИ станет прямым драйвером роста, может быть более благоразумно рассматривать ИИ как инструмент, который необходимо тщательно интегрировать в более широкую стратегию.

4. Поэтапное внедрение. Рекомендуется начинать с пилотных проектов в областях с высоким потенциалом автоматизации (маркетинг, поддержка клиентов), оценивать экономический эффект и масштабировать успешные кейсы.

5. Управление рисками. Необходимо разработать внутренние регламенты использования ИИ, включая правила проверки сгенерированного контента и защиты конфиденциальных данных.

Заключение

Внедрение генеративных нейросетей оказывает положительное влияние на экономическую эффективность бизнес-процессов в МСП, однако этот эффект не является автоматическим и универсальным. Результаты этого исследования

показывают, что совокупный эффект взаимодействия внедрения генеративного ИИ и текущей технологической инфраструктуры на рост выручки в МСП кажется значительно сильнее, чем их индивидуальное воздействие.

Таким образом, генеративные нейросети следует рассматривать не как изолированный инструмент, а как элемент экосистемы предприятия, эффективность которой зависит от согласованности технологических, кадровых и рыночных стратегий. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку вклада различных типов генеративных моделей (текстовых, графических, аудио) в специфические бизнес-процессы отраслей экономики, а также на изучение долгосрочных эффектов внедрения ИИ на устойчивость МСП в условиях кризисов [2].

Список используемых источников

1. НИУ ВШЭ. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты. М., 2022. // conf.hse.ru [Электронный ресурс]. URL: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/462977876.pdf (дата обращения: 12.03.2026)

2. Российская ассоциация электронных коммуникаций (РАЭК). Экономика Рунета 2023. // psv4.userapi.com. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.su/JlVXK (дата обращения: 12.03 2026)

3. Brynjolfsson E., Li D., Raymond L.R. Generative AI at Work // National Bureau of Economic Research. 2023. [Electronic resource]. URL: https://www.nber.org/papers/w31161 (date of treatment: 05.03.2026)

4. Creswell A. et al. Generative Adversarial Networks: An Overview // IEEE Signal Processing Magazine. 2018. Vol. 35. No. 1. P. 53–65.

5. Epstein Z. et al. Art and the science of generative AI // Science. 2023. Vol. 380. No. 6650. P. 1110–1111.

6. Korngiebel D.M., Mooney S.D. Considering the possibilities and pitfalls of Generative Pre-trained Transformer 3 (GPT-3) in healthcare delivery // NPJ Digital Medicine. 2021. Vol. 4. No. 1. P. 93.

7. Solaiman I. The Gradient of Generative AI Release: Methods and Considerations // Proceedings of the 2023 ACM Conference on Fairness, Accountability, and Transparency. 2023. P. 111–122.

8. Soni V. Impact of Generative AI on Small and Medium Enterprises' Revenue Growth: The Moderating Role of Human, Technological, and Market Factors // RCBA-2023. 2023. Vol. 6. Issue 1. P. 133–153.

9. Zou H., Hastie T. Regularization and Variable Selection Via the Elastic Net // Journal of the Royal Statistical Society: Series B (Statistical Methodology). 2005. Vol. 67. No. 2. P. 301–320.

10. Zwingmann T. AI-powered business intelligence. O'Reilly Media, 2022. 389 p.

ПРОСТЫЕ ИНФОРМАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ МОНИТОРИНГА ЦЕН ДЛЯ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ

Васильева А.С. – студент, ФГБОУ ВО «Арктический государственный университет искусств, культуры и креативных индустрий»

Научный руководитель: Эверстов Ф.Ф. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Арктический государственный университет искусств, культуры и креативных индустрий»

Аннотация

В статье анализируются практические аспекты создания простых информационных систем для мониторинга цен в условиях цифровой экономики. Рассматриваются методы сбора и обработки ценовой информации из открытых источников, архитектура программных решений и значение таких систем для повышения эффективности деятельности предприятий. Особое внимание уделено проектированию функционального прототипа веб-сайта, позволяющего автоматизировать рыночную аналитику для сектора малого бизнеса.

Введение

В современных условиях цифровой экономики предприятиям всё труднее сохранять конкурентоспособность без оперативного доступа к информации о ценах конкурентов [4]. Высокая динамика ценовых процессов, обусловленная развитием электронной коммерции и изменением потребительского поведения, требует от компаний непрерывного мониторинга конъюнктуры рынка. Традиционные методы анализа ценовой информации, основанные на ручном сборе данных и выборочном просмотре каталогов, не отвечают современным требованиям к оперативности, точности и объёму обрабатываемой информации. Цифровая трансформация

диктует новые правила игры, где скорость обработки данных становится ключевым фактором выживания на рынке.

Актуальность темы исследования определяется необходимостью повысить эффективность управленческих решений по ценообразованию на основе объективных рыночных данных и обеспечить цифровизацию экономической деятельности малых и средних предприятий без значительных затрат ресурсов. Большинство существующих на рынке профессиональных аналитических платформ отличаются высокой стоимостью подписки и сложностью настройки, что делает их недоступными для индивидуальных предпринимателей или небольших локальных компаний. В связи с этим возникает потребность в разработке упрощенных, но функциональных программных решений, способных автоматизировать рутинные процессы.

Особое значение приобретают простые информационные системы мониторинга цен, которые позволяют рассматривать процесс от сбора данных до их анализа и представления результатов как единый целостный механизм [3]. При разработке таких систем важно учитывать не только программную часть, но и интерфейсные решения, которые позволят пользователю быстро считывать информацию. Именно поэтому в рамках данного исследования рассматривается концепция системы, которая может быть представлена в виде работающего веб-прототипа, наглядно демонстрирующего возможности автоматизации.

Целью настоящей работы является разработка практических рекомендаций по созданию простых информационных систем мониторинга цен в условиях цифровой экономики. В задачи исследования входят рассмотрение методов сбора и обработки ценовой информации из открытых источников, проектирование архитектуры прототипа и оценка практического значения таких систем для повышения эффективности экономической деятельности предприятий. Объектом исследования являются процессы сбора и анализа рыночных данных, а предметом – инструменты автоматизации этого процесса для сектора малого бизнеса.

Объекты и методы

Объектом исследования в данной работе выступает информационная среда современного ритейла, характеризующаяся высокой открытостью данных, но низкой степенью их структурированности для стороннего наблюдателя. Основным методом исследования стал системный анализ, позволивший декомпозировать

сложный процесс рыночного мониторинга на элементарные составляющие: извлечение данных, их нормализацию, хранение и интерпретацию.

Для реализации практической части исследования и проектирования прототипа использовались методы объектно-ориентированного моделирования и проектирования пользовательских интерфейсов. В качестве технологического стека для описания логики системы рассматривались современные инструменты веб-разработки, позволяющие создать отзывчивый интерфейс для отображения результатов мониторинга в реальном времени. Информационной базой исследования послужили данные открытых интернет-площадок, агрегаторов цен и официальные публикации, посвященные развитию цифровой экономики в Российской Федерации [1].

В процессе работы применялись методы автоматизированного извлечения веб-контента (DOM-парсинг), основанные на селекторном поиске элементов в структуре веб-страниц. Методика включала алгоритмы сопоставления текстовых строк для идентификации артикулов товаров и применения регулярных выражений (Regex) для очистки числовых значений от лишних символов и валютных маркеров. Также использовался метод дескриптивной статистики для выявления медианных ценовых значений по выбранным категориям товаров в автоматическом режиме. Эти методы легли в основу логики разрабатываемого прототипа, который призван продемонстрировать переход от теоретических моделей к практическому инструменту. Оценка качества данных проводилась методом кросс-валидации – сравнения полученных программным путем значений с контрольной выборкой, собранной вручную, что позволило подтвердить надежность алгоритмов прототипа.

Экспериментальная часть

Экспериментальная часть исследования сосредоточена на проектировании и описании логики работы прототипа информационной системы. Архитектурный каркас системы базируется на строгой последовательности этапов: от захвата первичных сведений из внешних источников до их структурированного хранения и финальной визуализации. Процесс сбора данных опирается на две ключевые технологии: веб-скрейпинг и интеграцию через API [5].

Проектирование велось с учетом того, что конечный продукт должен быть представлен в виде веб-сайта, доступного как с персональных компьютеров, так и с мобильных устройств. Логика прототипа подразумевает наличие личного

кабинета пользователя, где он может формировать собственный список отслеживаемых товаров (мониторинг-лист). Первый этап экспериментальной разработки включил описание пользовательских сценариев: ввод ссылки на товар, автоматическое определение текущей стоимости и запись в базу данных.

Второй этап – проектирование интерфейса дашборда. Было решено использовать концепцию «светофора»: товары, на которые цена у конкурентов ниже, чем у пользователя, подсвечиваются красным; товары с паритетной ценой – желтым; товары, где цена пользователя самая выгодная – зеленым. Это решение позволяет владельцу бизнеса за несколько секунд оценить положение своей компании на рынке без детального изучения таблиц.

Сырые данные проходят стадию глубокой очистки и нормализации. Поскольку интернет-магазины используют разные форматы записи (например, «1 234 ₽», «1234,50 руб.»), система приводит их к единому числовому виду. Этот процесс включает удаление лишних символов и пробелов. Параллельно работает фильтр валидности: программа отсеивает явные технические ошибки или аномалии – например, если цена на товар оказывается подозрительно низкой или неправдоподобно высокой, что часто свидетельствует о сбое на стороне магазина-источника [2]. Вся обработанная информация стекается в реляционные базы данных, сохраняя историю изменений для последующего анализа сезонности.

Результаты и их обсуждение

Основным результатом работы стало обоснование и проектирование функциональной модели простой системы мониторинга. Анализ показал, что автоматизация сбора данных позволяет значительно повысить эффективность управленческих решений. Практическая значимость системы заключается в существенном повышении эффективности экономической деятельности предприятий малого бизнеса, где ресурсы на аналитику крайне ограничены.

Во-первых, система обеспечивает оперативное принятие решений по корректировке ценовой политики: магазин может быстро реагировать на демпинг конкурентов или общий рост рыночной стоимости. Это позволяет не терять маржинальность в моменты роста рынка и не терять покупателей в моменты его падения. Во-вторых, автоматизация процессов сбора и анализа данных радикально сокращает трудозатраты сотрудников: вместо десятков часов ручного труда специалист тратит минуты на ознакомление с результатами. В условиях малого предприятия это высвобождает время для более творческих задач.

В-третьих, информационная система повышает точность ценовых решений за счёт использования большого объёма актуальной информации. Это минимизирует риск «человеческого фактора» – ошибок при ручном вводе данных или случайного пропуска важного обновления цены у крупного конкурента. Экономический эффект от внедрения выражается в сокращении времени на анализ информации, повышении точности принимаемых решений и увеличении прибыли за счёт более оптимального ценообразования на ключевых позициях ассортимента [4]. По оценкам, регулярный мониторинг позволяет увеличить оборот компании на 5–12 % только за счет своевременного попадания в «рыночную цену».

Внедрение таких инструментов, представленных в виде сайта или прототипа, является важным шагом на пути к полноценной цифровой трансформации малого предприятия. Использование прототипа на этапе защиты научной работы позволяет наглядно доказать реализуемость предложенных методов. Демонстрация того, как алгоритм парсинга преобразует неструктурированный текст веб-страницы в четкий график на экране, является подтверждением практической ценности исследования. Это переводит работу из разряда теоретических изысканий в плоскость готовых прикладных инструментов, готовых к внедрению [3].

Выводы

Разработка систем мониторинга цен является актуальной задачей для современного бизнеса, стремящегося к автоматизации своих процессов [1]. В ходе исследования было показано, что даже простая информационная система, построенная на методах веб-скрейпинга и нормализации данных, способна радикально изменить качество управления ценообразованием в малом бизнесе.

Создание работающего прототипа сайта для презентации результатов исследования позволяет наглядно продемонстрировать функциональность системы в реальных условиях. Это подтверждает, что переход к автоматизированному мониторингу доступен не только крупным корпорациям, но и небольшим компаниям. В условиях цифровой экономики владение актуальной информацией становится таким же важным активом, как и сам товар. Дальнейшее развитие подобных систем видится в совершенствовании алгоритмов обработки данных, интеграции с мобильными платформами и расширении функциональности за счёт элементов искусственного интеллекта для автоматического прогнозирования

ценовых трендов и формирования рекомендаций по оптимальному уровню цен на основе исторических данных.

Список используемых источников

1. Горбенко А.О. Информационные системы в экономике: учебное пособие. 3-е изд. (эл.). М: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2015. 295 с.

2. Информационные системы в экономике: учебное пособие / сост. И. В. Беляева. Ульяновск: УлГТУ, 2024. 104 с.

3. Карминский А.М., Черников Б.В. Информационные системы в экономике: методология создания. Часть 1. М: Финансы и статистика, 2006. 336 с.

4. Травкина А.А. К вопросу ценовой политики предприятия // Вектор экономики. 2024. № 4. [Электронный ресурс] URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2024/4/economic_theory/Travkina.pdf (дата обращения: 31.03.2026).

5. Юрченко Т.В. Информационные системы в экономике и управлении: учебное пособие. Н.Новгород: ННГАСУ, 2013. 114 с.

РАЗРАБОТКА И ВНЕДРЕНИЕ ЦИФРОВОЙ ПЛАТФОРМЫ ВНУТРЕННЕГО ОБМЕНА КАК ИНСТРУМЕНТА РАЗВИТИЯ ВЗАИМОПОМОЩИ СТУДЕНТОВ

Григорьев М.А. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научные руководители: Скачкова Е.А. – к.пед.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Соловьёв И.А. – начальник отдела информационных технологий, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматриваются разработка и внедрение цифровой платформы внутреннего обмена вещами «Обменяй-ка», предназначенной для студентов и сотрудников Южно-Уральского технологического университета (ЮУТУ) и Уральского регионального колледжа (УРК). Автором проанализированы ограничения существующих сервисов (Avito, группы в ВК), предложены архитектура и технологический стек решения (Python/Django, MySQL, htmx)

Согласно современным исследованиям, ежегодно в мире образуется около 92 млн тонн текстильных отходов, значительная часть которых оказывается на свалках без длительного использования. При этом до 87 % материалов утилизируется посредством захоронения или сжигания, и лишь около 1 % перерабатывается в новые изделия (рис. 1) [11].



Рис.1 Распределение текстильных отходов по способам утилизации (20.03.2026) [8]

В работе рассматривается разработка и внедрение цифровой платформы внутреннего обмена вещами «Обменяй-ка», предназначенной для студентов и сотрудников Южно-Уральского технологического университета (ЮУТУ) и Уральского регионального колледжа (УРК).

Актуальность темы определяется рядом факторов. Во-первых, в современной студенческой среде наблюдается ограниченность материальных ресурсов [1, 6], что заставляет студентов искать возможности получения необходимых вещей без финансовых затрат. Во-вторых, возрастает интерес к устойчивому потреблению и повторному использованию вещей [7, 8]. В-третьих, значительная часть вещей используется студентами в течение короткого периода времени (учебные материалы, бытовые предметы, техника), после чего теряет свою актуальность.

Несмотря на существующую потребность в обмене, аналогичные цифровые решения, такие как Avito, Юла и тематические группы в социальных сетях, не обеспечивают необходимого уровня удобства и безопасности. Ключевыми

проблемами являются низкий уровень доверия между пользователями, риск мошенничества и направленность на коммерческое взаимодействие [3, 4].

Целью работы является разработка цифровой платформы внутреннего обмена, обеспечивающей удобное и безопасное взаимодействие пользователей, способствующей развитию взаимопомощи в студенческой среде.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи: проанализировать предметную область и существующие решения; исследовать особенности цифровой среды и её влияние на практики взаимопомощи; спроектировать структуру и архитектуру платформы; обосновать выбор технологического стека и реализовать ключевой функционал; провести тестирование системы и оценить эффективность разработанного решения.

Объекты и методы исследования. Объектом исследования являются студенты Южно-Уральского технологического университета (ЮУТУ) и Уральского регионального колледжа (УРК) как участники процессов взаимопомощи и обмена вещами [1, 6]. Предметом исследования выступает цифровая платформа внутреннего обмена «Обменяй-ка», рассматриваемая в качестве инструмента развития взаимопомощи в студенческой среде.

В ходе исследования был проведён анализ причин использования существующих интернет-сервисов. Полученные данные показали, что значительная часть респондентов сталкивается с отсутствием удобных инструментов для обмена, а также испытывает недоверие к существующим платформам [3, 7].

Анализ ограничений существующих платформ. Проведённый анализ показал, что существующие решения обладают рядом существенных ограничений. Во-первых, большинство цифровых платформ направлены на коммерческое взаимодействие, что противоречит идее взаимопомощи [4, 8]. Во-вторых, эти платформы характеризуются низким уровнем доверия зарегистрированных пользователей из-за отсутствия подтверждения принадлежности к определённому сообществу.

На основе проведённого анализа были сформированы следующие функциональные требования к разрабатываемой системе: регистрация пользователей с использованием корпоративной электронной почты; возможность размещения и редактирования объявлений; поиск и фильтрация доступных вещей; организация обмена между пользователями; наличие системы личных сообщений

(чата); система рейтингов и отзывов; система уведомлений о действиях пользователей.

Архитектура и технологический стек платформы. Для реализации требований платформы «Обменяй-ка» был выбран стек технологий, обеспечивающий скорость разработки и удобство сопровождения системы. Серверная часть приложения реализована на языке программирования Python с использованием фреймворка Django, который предоставляет широкий набор встроенных инструментов, включая систему аутентификации, маршрутизацию запросов и работу с базами данных [9]. В качестве клиентской части использованы HTML, CSS и JavaScript с применением библиотеки htmx, позволяющей реализовать динамическое поведение интерфейса без использования сложных frontend-фреймворков [10]. В качестве системы управления базами данных выбрана MySQL.

Архитектура платформы построена на основе клиент-серверной модели. Серверная часть отвечает за обработку пользовательских запросов, взаимодействие с базой данных и формирование HTML-страниц. Клиентская часть выполняет преимущественно функцию отображения данных и обработки пользовательских действий. С точки зрения архитектуры можно выделить следующие уровни системы: уровень представления (frontend), уровень логики (backend), уровень хранения данных.

Реализованный функционал и сценарии использования. В рамках разработки платформы «Обменяй-ка» реализованы основные функциональные модули. Регистрация и авторизация пользователей доступна только при использовании корпоративной электронной почты, что ограничивает доступ к системе внешним пользователям и формирует закрытую пользовательскую среду. Создание объявлений осуществляется через форму ввода данных, включающую поля: название вещи, описание, категория, состояние, а также возможность загрузки изображений. Загруженные изображения проходят серверную проверку формата и размера.

Поиск и фильтрация объявлений осуществляется по следующим параметрам: название, категория, состояние, размер (для одежды и обуви). Система личных сообщений (чат) обеспечивает коммуникацию между пользователями. Механизм обмена реализован через создание заявки, в рамках которой пользователь инициирует обмен конкретной вещью. Система рейтингов и отзывов формируется

на основе оценки пользователя по шкале от 1 до 5. Система уведомлений информирует пользователей о ключевых событиях: новых заявках на обмен, входящих сообщениях, изменении статуса заявки и полученных отзывах.

Ключевые пользовательские сценарии (User Case) включают: размещение объявления, поиск вещи, полный цикл обмена (заявка → чат → встреча → подтверждение → отзыв), модерацию контента и разрешение спорных ситуаций.

Тестирование и анализ ошибок. В процессе разработки платформы было проведено функциональное тестирование системы с привлечением группы пользователей (15 человек), не обладающих знаниями о внутренней реализации проекта (рис. 2). Основной целью тестирования являлась проверка корректности работы ключевых пользовательских сценариев, а также устойчивости системы к некорректным или ошибочным действиям пользователей.



Рис.2 Распределение пользовательских сценариев при тестировании (30.03.2026)

Источник: составлено автором

В ходе тестирования применялись следующие встроенные механизмы контроля данных: валидация данных на уровне форм Django, включающая проверку обязательных полей, корректности форматов ввода, а также соответствия типов данных (например, предотвращение ввода текстовых значений в числовые поля). Ограничение регистрации пользователей по корпоративной электронной

почте; ее подтверждение с ограничением количества повторных отправок письма; проверка загружаемых файлов на соответствие допустимым форматам изображений (JPEG, PNG); защита от повторной отправки форм.

При тестировании загрузки изображений проверялась обработка файлов различных типов и размеров. Система принимает только изображения допустимых форматов, а также осуществляет контроль размера загружаемых файлов. Для предотвращения перегрузки сервера все медиафайлы автоматически оптимизируются и сжимаются на стороне сервера, что позволяет ограничить потребление ресурсов и обеспечить стабильную работу платформы. При попытке загрузки файла неподдерживаемого формата система отклоняет файл на этапе валидации и информирует пользователя о причине ошибки. При создании объявлений тестировались сценарии с корректным и некорректным вводом данных, включая пустые поля и недопустимые значения. Во всех случаях некорректные данные не сохранялись в базе данных, а пользователю выводились соответствующие сообщения об ошибках.

Отдельно был протестирован полный пользовательский сценарий обмена, включавший создание объявления, поиск предложения, инициирование обмена, общение пользователей через встроенный чат, подтверждение договорённости и завершение сделки. Также была проверена система рейтингов. После завершения обмена пользователь мог выставить оценку владельцу вещи по шкале от 1 до 5. Проверялись ограничения на выставление рейтинга только после завершённой сделки, а также защита от повторного отзыва.

По результатам тестирования установлено, что основные функциональные модули системы работают корректно. Выявленные незначительные ошибки, связанные с обработкой некорректного ввода и отображением сообщений, были устранены в процессе доработки системы.

Оценка эффективности проекта. Оценка эффективности разработанной платформы проводилась на основе количественных и качественных показателей, полученных в ходе тестовой работы системы с участием пользователей. К количественным показателям были отнесены: количество зарегистрированных пользователей; количество размещённых объявлений; количество созданных заявок на обмен; количество успешно завершённых обменов.

В рамках тестирования в системе было зарегистрировано 15 пользователей, размещено 42 объявления, создано 28 заявок на обмен, из которых 19 завершились

успешным обменом (67,8 %), а 9 были отменены (32,2 %). Среднее количество действий на одного пользователя за период тестирования составило около 12–15 операций (просмотр объявлений, отправка заявок, сообщения в чате).

Качественная оценка эффективности проводилась на основе анкетирования пользователей после выполнения основных сценариев взаимодействия с системой. Оценка проводилась по пятибалльной шкале по следующим критериям: удобство пользовательского интерфейса (4,6 балла); понятность сценариев взаимодействия (4,7 балла); скорость выполнения основных операций (4,5 балла); уровень доверия к системе (4,6 балла). Полученные результаты свидетельствуют о положительном восприятии платформы пользователями и подтверждают удобство её использования в рамках поставленных задач.

В ходе выполнения работы достигнута поставленная цель: разработана и внедрена цифровая платформа внутреннего обмена «Обменяй-ка». Решены следующие задачи:

1. Проанализирована предметная область и выявлены ограничения существующих сервисов (отсутствие верификации, низкое доверие, коммерческая ориентация).
2. Исследованы особенности цифровой среды и её влияние на практики взаимопомощи.
3. Спроектирована структура и архитектура платформы на основе клиент-серверной модели.
4. Обоснован выбор технологического стека (Python/Django, MySQL, htmx) и реализован ключевой функционал, охватывающий полный цикл взаимодействия пользователей – от публикации объявления до завершения обмена и формирования рейтинга.
5. Проведено тестирование, подтвердившее корректную работу модулей и устойчивость системы к некорректным действиям пользователей.
6. Доказана эффективность решения: 67,8 % заявок успешно завершены, пользователи высоко оценили удобство (4,6) и доверие (4,6).

Таким образом, разработанная платформа «Обменяй-ка» обеспечивает выполнение поставленных задач, способствует упрощению процесса обмена вещами и может рассматриваться как эффективный инструмент организации взаимопомощи в студенческой среде. Дальнейшее развитие может включать подключение данной платформы к другим образовательным организациям.

Список используемых источников

1. Козлов В.Н. Социальные проблемы студенчества // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 14. С. 41–43.

2. Кропоткин П.А. Взаимопомощь как фактор эволюции. М: Самообразование, 2007. 240 с.

3. Кузьминов Я.И. Регулирование цифровых платформ как bona fides: от экономической эффективности к норме // Вопросы государственного и муниципального управления. 2025. № 1. С. 7–37.

4. Лукашенко А.А. Цифровые платформы в государственных решениях: тренды, возможности и ограничения // Вестник Академии права и управления. 2025. № 4. С. 154–160.

5. Сабинина А.Л. Цифровая трансформация региональной экономики как стратегический потенциал ее развития // Экономический анализ: теория и практика. 2019. Т. 18, № 6. С. 999–1013.

6. Суржикова О.В. Молодежная политика и проблемы студенчества // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 32-1. С. 120–124.

7. Татаринов К.А., Аникиенко Н.Н., Савченко И.А, Музыка С.М. Экономика совместного использования в цифровом мире // Экономика и управление: проблемы, решения. 2023. Т. 2, № 11. С. 48–55.

8. Botsman R., Rogers R. What‘s Mine Is Yours: The Rise of Collaborative Consumption. // New York: Harper Business, 2010. [Electronic resource]. URL: https://www.scirp.org/reference/referencespapers?referenceid=2646511 (date of treatment: 20.03.2026).

9. Django Documentation. // docs.djangoproject.com. [Electronic resource]. URL: docs.djangoproject.com (date of treatment: 20.03.2026).

10. Htmx Documentation. // Htmx.org. [Electronic resource]. URL: htmx.org (date of treatment: 20.03.2026).

11. 17 Most Worrying Textile Waste Statistics & Facts // The Roundup. [Electronic resource]. URL: theroundup.org/textile waste statistics/ (date of treatment: 03.04.2026).

ИНФОРМАЦИОННАЯ СИСТЕМА КЛЮЧЕВЫХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ЭФФЕКТИВНОСТИ КАК ФАКТОР ВЛИЯНИЯ НА МОТИВАЦИЮ ПЕРСОНАЛА В КОНТЕКСТЕ ТЕОРИИ САМОДЕТЕРМИНАЦИИ

Гульм А.С. – магистрант, ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Аннотация

В статье исследуется влияние цифровых систем KPI на мотивацию работников в рамках теории самодетерминации. Выявлено, что контролирующие системы подавляют потребность в автономии, тогда как системы с обратной связью и участием сотрудников способствуют интернализации требований. Сформулированы принципы построения KPI-систем, ориентированных на долгосрочную вовлеченность персонала.

В условиях цифровой трансформации экономики системы ключевых показателей эффективности (KPI) становятся не просто инструментом управления, но неотъемлемым элементом организационной инфраструктуры, интегрированным в корпоративные информационные системы. Современные исследования в области организационного поведения и управления персоналом фиксируют неоднозначные последствия внедрения таких систем. С одной стороны, формализация оценки деятельности и прозрачность результатов способствуют повышению управляемости и достижению стратегических целей. С другой стороны, многочисленные эмпирические данные свидетельствуют о росте стресса, снижении инициативности и профессиональном выгорании сотрудников, работающих в условиях жесткой регламентации показателей [4, 5]. Данное противоречие актуализирует вопрос о психологических механизмах, опосредующих влияние KPI на трудовое поведение, и о факторах, определяющих продуктивность или деструктивность данного управленческого инструмента.

Наиболее полезным теоретическим аппаратом для анализа этих процессов выступает теория самодетерминации (Self-Determination Theory), разработанная Э. Деси и Р. Райаном [3, 9]. Согласно данному подходу, качество мотивации детерминировано степенью удовлетворения трех врожденных психологических потребностей: автономии (ощущение себя источником собственной активности), компетентности (чувство эффективности и мастерства) и связанности (ощущение

принадлежности и принятия). Организационная среда может как поддерживать удовлетворение этих потребностей, способствуя развитию автономных форм мотивации (внутренней мотивации и интегрированной регуляции), так и подавлять их, провоцируя преобладание контролируемых форм внешней мотивации либо амотивации [3, 6]. Система KPI, будучи одним из ключевых элементов организационной среды, оказывает значительное влияние на то, в какой степени сотрудник воспринимает свою деятельность как свободно выбранную, оценивает себя как компетентного и чувствует справедливость и прозрачность оценки со стороны организации.

Целью настоящего исследования является выявление механизмов влияния информационной системы KPI на мотивацию персонала с позиций теории самодетерминации, а также определение характеристик KPI-систем, способствующих поддержанию автономной мотивации. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: проанализировать восприятие KPI руководителями среднего звена как фактор, влияющий на их мотивацию и управленческое поведение; выявить характеристики KPI-систем, которые способствуют или препятствуют удовлетворению базовых психологических потребностей; сформулировать практические рекомендации по проектированию информационных систем KPI, ориентированных на поддержание долгосрочной вовлеченности. В отличие от количественных подходов, направленных на выявление статистических закономерностей, настоящее исследование опирается на качественную методологию, позволяющую глубже проникнуть в субъективные смыслы, которые сотрудники придают своему опыту взаимодействия с системой KPI. Выбор качественной стратегии обусловлен необходимостью выявить не столько силу связей между переменными, сколько механизмы и способы интерпретации, посредством которых работники осмысливают воздействие системы формальных показателей на свою профессиональную деятельность и мотивацию.

Эмпирическую базу исследования составили данные полуструктурированных интервью, проведенных в период с ноября 2025 года по февраль 2026 года. В выборку вошли 24 руководителя среднего звена, работающих в российских компаниях различной отраслевой принадлежности: производственный сектор (8 респондентов), розничная торговля (7 респондентов), IT и телекоммуникации (5 респондентов), финансовые услуги (4 респондента).

Критериями отбора выступали наличие в компании формализованной системы KPI, интегрированной в корпоративную информационную систему; стаж работы респондента на руководящей позиции не менее двух лет; непосредственное участие респондента в процессах постановки KPI как для подчиненных, так и для себя. Средний возраст респондентов составил 37 лет, средний управленческий стаж: 5,5 лет. Интервью-гайд разрабатывался на основе ключевых конструктов теории самодетерминации и включал следующие тематические блоки: восприятие справедливости и прозрачности KPI-системы; влияние KPI на ощущение свободы и самостоятельности в принятии решений; связь между KPI и оценкой собственной компетентности; влияние KPI на взаимоотношения с подчиненными и коллегами; различия в восприятии KPI в зависимости от их назначения; стратегии совладания с давлением KPI. Продолжительность каждого интервью составляла от 45 до 75 минут. Все интервью записывались на диктофон с согласия респондентов, затем транскрибировались и подвергались тематическому анализу с использованием программного обеспечения MAXQDA. Анализ проводился в несколько этапов, сначала открытое кодирование с выделением первичных смысловых единиц, далее формирование категорий более высокого порядка, и интеграция категорий в теоретическую рамку, согласующуюся с положениями теории самодетерминации.

Анализ интервью позволил выявить устойчивые паттерны восприятия KPI-систем, дифференцирующиеся в зависимости от того, как респонденты характеризуют целевое назначение и функциональные особенности используемой в их организации системы. На основе анализа было выделено два основных типа восприятия KPI-систем, которые условно обозначены как «контролирующая модель» и «поддерживающая модель». В случае контролирующей модели KPI воспринимаются респондентами, прежде всего, как инструмент внешнего давления, направленный на выявление недостатков и применение санкций. Характерными высказываниями являются «KPI нужны, чтобы наказать, а не чтобы помочь», «система построена так, что ты все время думаешь, как бы не провалиться, а не как сделать лучше», «спускают цифры, которые не обсуждаются, твое мнение никого не интересует». В рамках данной модели респонденты отмечают выраженную фрустрацию потребности в автономии: постановка целей осуществляется без участия исполнителей, способы достижения жестко регламентированы, любые отклонения от предписанных процедур влекут негативные последствия. Один из респондентов (мужчина, 41 год,

производственный сектор) описывает это следующим образом: «У меня нет права выбора, я просто должен выполнить план, причем любыми средствами, но, если я пытаюсь предложить что-то свое, мне говорят: "Не изобретай велосипед, делай как написано"». В том числе отмечается негативное влияние на потребность в компетентности: завышенные или часто меняющиеся показатели создают у сотрудников ощущение, что они не справляются, независимо от реальных результатов. Один из респондентов (женщина, 35 лет, розничная торговля) отмечает: «Когда план повышают в два раза без объяснения причин, ты понимаешь, что он невыполним, и возникает чувство полного бессилия, даже не хочется пытаться». В контролирующей модели мотивация приобретает преимущественно внешний характер, где сотрудники ориентированы на избегание наказания и получение премии, при этом внутренний интерес к содержанию деятельности угасает. Респонденты отмечают рост стресса, имитацию активности, сокрытие информации и, в ряде случаев, намеренное занижение планов для облегчения их последующего выполнения.

Поддерживающая модель характеризуется иным восприятием KPI-системы: показатели рассматриваются как ориентиры, помогающие структурировать деятельность и оценивать прогресс, а не как инструмент наказания. Ключевыми характеристиками данной модели являются: участие сотрудников в постановке целей, ясность критериев оценки, ориентация на обратную связь и развитие. Респонденты отмечают, что в их компаниях KPI обсуждаются, допускается корректировка в случае изменения обстоятельств, а оценка результатов сопровождается конструктивным разбором, а не только констатацией факта невыполнения. Один из респондентов (мужчина, 39 лет, IT-сектор) описывает это так: «У нас KPI – это не приговор, а инструмент для разговора. Мы садимся в конце периода, смотрим, что получилось, что нет, и обсуждаем, почему, что можно изменить. Это помогает расти, а не просто отчитываться». В рамках поддерживающей модели фиксируется удовлетворение потребности в автономии сотрудники ощущают себя соавторами целей, имеют возможность выбирать способы их достижения. Потребность в компетентности также получает поддержку за счет того, что KPI воспринимаются как реалистичные, а обратная связь направлена на профессиональное развитие. Один из респондентов (женщина, 42 года, финансовый сектор) отмечает: «Когда ты понимаешь логику показателей и видишь, что они достижимы, это дает уверенность. И если что-то не получилось,

ты получаешь конструктивную обратную связь, а не просто выговор». В поддерживающей модели формируется более автономная мотивация: сотрудники начинают воспринимать KPI не как внешние ограничения, а как инструмент, помогающий им достигать собственных профессиональных целей. Происходит процесс интернализации, при котором внешние требования становятся внутренними ориентирами.

Особого внимания заслуживает выявленный в ходе интервью феномен двойственной роли руководителя среднего звена в системе KPI. С одной стороны, руководитель выступает объектом контроля со стороны вышестоящего руководства, испытывая на себе давление системы показателей. С другой – он же является субъектом, внедряющим KPI в работу своего отдела и оценивающим подчиненных. Эта двойственная позиция порождает ряд противоречий. Респонденты отмечают, что они вынуждены транслировать подчиненным требования, с которыми сами могут быть не согласны, что вызывает внутренний когнитивный диссонанс. Один из респондентов (мужчина, 45 лет, производственный сектор) описывает это следующим образом: «Мне спускают план, который я считаю нереальным, но я должен требовать его выполнения от своих ребят. Получается, что я выступаю как транслятор несправедливости, и это разрушает доверие в команде». В тех случаях, когда система KPI носит контролирующий характер, руководители вынуждены прибегать к авторитарным методам управления, что вступает в противоречие с их представлениями об эффективном лидерстве и ведет к росту эмоционального напряжения. Напротив, в организациях с поддерживающей моделью KPI руководители отмечают, что система помогает им выстраивать более открытые и доверительные отношения с подчиненными, поскольку оценка становится прозрачной и понятной для всех сторон. Один из респондентов (женщина, 38 лет, розничная торговля) отмечает: «Когда KPI обсуждаются и понятны, я могу спокойно разговаривать с сотрудниками об их результатах, мы вместе ищем пути улучшения, и это укрепляет, а не разрушает наши отношения».

Проведенное качественное исследование позволяет сделать ряд теоретически и практически значимых выводов о влиянии информационных систем KPI на стимулы персонала. Во-первых, воздействие KPI-системы на мотивацию опосредовано не столько самим фактом наличия показателей, сколько тем, как эта система воспринимается сотрудниками – как контролирующая или как

поддерживающая. Данный вывод согласуется с положениями теории самодетерминации о ключевой роли субъективной интерпретации организационной среды в формировании качества мотивации. Во-вторых, выделены конкретные характеристики KPI-систем, способствующие удовлетворению базовых психологических потребностей: участие в постановке целей, реалистичность показателей, ясность критериев оценки, конструктивная обратная связь, гибкость при изменении обстоятельств. В-третьих, показана особая роль руководителей среднего звена как ключевых агентов, транслирующих характер KPI-системы на уровень непосредственных исполнителей. В контролирующих системах руководители оказываются в двойственной позиции, что ведет к когнитивному диссонансу и росту управленческого стресса.

Практическая значимость исследования заключается в формулировании принципов проектирования информационных систем KPI, ориентированных на поддержание долгосрочной вовлеченности персонала. К числу таких принципов относятся обеспечение прозрачности алгоритмов расчета показателей; внедрение механизмов обратной связи, позволяющих сотрудникам влиять на постановку целей; интеграция KPI с системами обучения и развития, а не только с системами материального стимулирования; подготовка руководителей к конструктивному обсуждению результатов оценки. Полученные результаты могут быть использованы при разработке и внедрении KPI-систем в российских компаниях, а также в программах обучения руководителей, направленных на формирование поддерживающего стиля управления.

Список используемых источников

1. Базаров Т.Ю. Современные тенденции управления человеческими ресурсами: от управления персоналом к управлению талантами // Организационная психология. 2016. Т. 6, № 4. С. 8–14.

2. Водопьянова Н.Е. Профилактика и коррекция синдрома выгорания: ресурсный подход // Организационная психология. 2011. Т. 1, № 2. С. 34–48.

3. Гордеева Т.О. Теория самодетерминации: настоящее и будущее. Часть 1: Проблемы развития теории // Психологические исследования: электрон. науч. журн. 2010. № 4. [Электронный ресурс]. URL: http://psystudy.ru/index.php/num/2018v11n61/1630-gordeeva61.html (дата обращения: 15.03.2026).

4. Карпов А.В. Методологические аспекты построения системы ключевых показателей эффективности (KPI) // Экономика и предпринимательство. 2015. № 10-1. С. 228–232.

5. Леонтьев Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика. М.: Смысл, 2011. 68 с.

6. Огнев А.С., Ларина Т.И. Влияние системы KPI на организационное поведение сотрудников коммерческой организации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2018. Т. 7, № 4. С. 45–52.

7. Сычев О.А., Гордеева Т.О. Русскоязычная адаптация опросника «Базовая потребностная удовлетворенность на работе» // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 2. С. 78–97.

8. Шахова В.А. Влияние системы ключевых показателей эффективности (KPI) на вовлеченность персонала // Экономика и бизнес: теория и практика. 2020. № 5-3. С. 177–180.

9. Deci E.L., Ryan R.M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. No. 4. P. 227–268.

10. Gagné M., Forest J., Vansteenkiste M., Crevier-Braud L., Van den Broeck A., Aspeli A.K., Westbye C. The Multidimensional Work Motivation Scale: Validation evidence in seven languages and nine countries // European Journal of Work and Organizational Psychology. 2015. Vol. 24. No. 2. P. 178–196.

11. Ryan R.M., Deci E.L. Self-Determination Theory: Basic Psychological Needs in Motivation, Development, and Wellness. New York: Guilford Publications, 2017. 756 p.

РАЗРАБОТКА И ПРИМЕНЕНИЕ СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫХ NSE-СКРИПТОВ ДЛЯ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО АУДИТА БЕЗОПАСНОСТИ ВЕБ-СЕРВЕРА NGINX

Ерофеева Д.Д. – студент, ФГАОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина»

Аннотация

В статье рассматривается аудит безопасности веб-сервера Nginx на основе анализа типовых ошибок конфигурации. Эксперимент проведён в виртуальной среде с использованием двух машин, где была реализована уязвимая конфигурация и выполнена её проверка до и после применения мер защиты. Результаты показали, что такие ошибки приводят к утечке информации, а автоматизация аудита с использованием Nmap и NSE позволяет эффективно их выявлять, несмотря на частичный обход отдельных мер защиты.

Введение

Веб-серверы остаются одной из наиболее уязвимых точек инфраструктуры, поскольку именно через них происходит основной обмен данными с внешними пользователями. При этом на практике значительная часть проблем безопасности связана не с эксплуатацией сложных уязвимостей, а с ошибками конфигурации, которые допускаются при развертывании и сопровождении сервера. Такие ошибки часто воспринимаются как незначительные, однако именно они позволяют получить первичную информацию о системе и упростить дальнейшие действия злоумышленника.

Высокая производительность и гибкость веб-сервера Nginx, обуславливающие его широкое применение, делают особенно важным правильную настройку. Некорректные конфигурации могут привести к непредвиденным последствиям, таким как раскрытие служебных директорий, резервных копий или избыточной информации о сервере. Эти аспекты непосредственно относятся к фазе сбора данных об атакуемой цели, что является критически важным элементом в современных подходах к моделированию угроз [4].

Для обнаружения подобных упущений активно используются средства сетевого сканирования, среди которых выделяется Nmap. Этот инструмент позволяет установить доступность узла и идентифицировать запущенные на нем службы [3]. Набор NSE расширяет эти возможности, позволяя автоматизировать проверку стандартных сценариев, включая оценку доступности веб-ресурсов и специфических конфигурационных параметров сервера [8]. Такой детализированный подход приобретает особую значимость при необходимости проведения не разовых проверок, а воспроизводимых аудитов, позволяющих сравнивать результаты до и после внесения корректив в настройки.

В работе проведён эксперимент по оценке безопасности конфигурации Nginx в изолированной лабораторной среде. Целью являлось не просто выявление уязвимостей, а анализ того, как меняется наблюдаемое поведение сервера при

последовательном устранении типовых ошибок настройки и насколько эффективны такие меры с точки зрения внешнего аудита.

Литературный обзор

При работе с веб-серверами вопросы безопасности чаще всего сводятся не к сложным уязвимостям, а к ошибкам настройки. Это хорошо видно даже по официальной документации Nginx: основные рекомендации связаны с ограничением доступа к каталогам, отключением лишних функций и уменьшением объёма информации, которую сервер отдаёт клиенту [7]. На практике такие вещи, как включённый autoindex или открытые служебные директории, встречаются довольно часто и могут приводить к утечке данных.

С точки зрения атакующего такие ошибки удобны тем, что позволяют получить информацию о системе ещё до попыток какого-либо воздействия. Сбор информации является фундаментальным и обязательным этапом, позволяющим понять структуру узла и доступные сервисы [1]. В контексте веб-серверов это обычно включает проверку доступности хоста, определение открытых портов и попытки получить доступ к различным файлам и каталогам.

Для этих целей широко применяются утилиты для сетевого сканирования. Одной из наиболее популярных является Nmap, которая позволяет оперативно установить доступность узла и запущенные на нем службы [5]. Однако функционал Nmap не ограничивается простым сканированием портов: благодаря сценариям NSE (Nmap Scripting Engine) можно автоматизировать проверки и выявлять более специфические аспекты, например, особенности конфигурации веб-сервера или доступность определенных путей [6].

Важно также принимать во внимание сетевой уровень. Рекомендации по фильтрации трафика часто включают ограничение ICMP-сообщений для снижения обнаружения узла. Тем не менее это не обеспечивает полную защиту, так как существуют методы сканирования, позволяющие определить хост без получения ответа на ping [8]. Следовательно, безопасность должна рассматриваться как комплексное решение, а не как набор разрозненных настроек.

Анализ источников показывает, что проблема именно конфигурационных ошибок остаётся актуальной, а их выявление удобно автоматизировать. Поэтому использование Nmap вместе с NSE логично рассматривать как основу для практического аудита веб-сервера.

Методы исследования

Эксперимент проводился в изолированной лабораторной среде на базе VirtualBox. В качестве стенда использовались две виртуальные машины с разными ролями. Первая машина выступала как источник сканирования (далее – attacker) и использовалась для выполнения сетевых проверок и HTTP-запросов. Вторая машина (target) представляла собой целевой узел с установленным веб-сервером Nginx на базе ALT Linux 11.

Сетевое взаимодействие между виртуальными машинами было организовано через host-only адаптер, что позволяло обеспечить прямую связность между ними без выхода во внешнюю сеть. Дополнительно использовался NAT-адаптер для установки необходимого программного обеспечения и подготовки окружения.

Для наглядности конфигурация стенда приведена в табл. 1.

Табл. 1

Конфигурация экспериментального стенда

Узел	Роль в эксперименте	Операционная система	Используемое ПО	Сетевые настройки	Назначение в эксперименте
attacker	Источник сканирования	Linux (виртуальная машина)	Nmap, curl	Host-only (основная), NAT (дополнительно)	Выполнение сетевого сканирования, проверка HTTP-доступа
target	Целевой узел	ALT Linux 11	Nginx	Host-only (основная), NAT (для установки)	Развёртывание уязвимого веб-сервера
Virtual Box	Среда виртуализации	—	VirtualBox	Внутренняя изоляция сети	Организация лабораторного стенда

Источник: авторская разработка

Перед началом эксперимента на целевой машине был установлен и проверен веб-сервер Nginx, после чего его конфигурация была намеренно изменена для воспроизведения типовых ошибок. Был включён autoindex, а также создан открытый каталог /backup/ с доступными по HTTP файлами служебного характера.

Далее был проведён первичный аудит: оценивалась доступность узла по ICMP, выполнялось сканирование с помощью Nmap для определения хоста и открытых портов, а также проверялась доступность порта 80. На прикладном уровне анализировался доступ к каталогу /backup/, наличие directory listing и возможность получения файлов через HTTP.

После этого были применены меры защиты: отключён autoindex, ограничен доступ к каталогу /backup/, включён параметр server_tokens off и настроена фильтрация ICMP с использованием iptables. Повторный аудит выполнялся по той же схеме, что и первичный, что позволило напрямую сравнить результаты. Оценка проводилась по следующим параметрам, которые приведены в табл. 2.

Табл. 2

Контролируемые параметры аудита

Параметр	Метод проверки	Используемый инструмент	Что фиксировалось	Критерий оценки
ICMP-доступность	Отправка ping-запросов	ping	Наличие/отсутствие ответа	Узел доступен / недоступен
Обнаружение хоста	Сканирование сети	Nmap (-sn)	Определяется ли хост	Обнаружен / не обнаружен
Открытые порты	TCP-сканирование	Nmap (-sT)	Список открытых портов	Порт 80 открыт / закрыт
Доступ к веб-серверу	HTTP-запрос	curl	Ответ сервера	200 OK / ошибка
Доступ к /backup/	Прямой запрос	curl	Код ответа	Доступ есть / 403
Directory listing	Просмотр каталога	curl / браузер	Отображается ли список файлов	Есть / отсутствует
Доступ к файлам	Запрос к файлам	curl	Возможность скачать файл	Доступ есть / отсутствует

Источник: авторская разработка

Отдельно анализировалась возможность обхода защиты с использованием режима nmap -Pn, позволяющего выполнять сканирование без предварительной проверки доступности узла по ICMP.

Несмотря на то, что основная проверка выполнялась вручную, структура эксперимента позволяет напрямую перейти к автоматизации с использованием NSE, так как все проверяемые признаки могут быть формализованы в виде сценариев.

Результаты исследования

Результаты эксперимента рассматривались в два этапа: до внесения изменений в конфигурацию веб-сервера и после применения защитных мер. Такой подход позволил оценить не только наличие уязвимостей, но и то, как меняется поведение системы с точки зрения внешнего наблюдателя.

На первом этапе сервер находился в заведомо уязвимом состоянии. Проверка сетевой доступности показала, что узел стабильно отвечает на ICMP-запросы, что

упрощает его обнаружение даже при минимальной разведке. При сканировании с помощью Nmap хост определялся без дополнительных параметров, а также фиксировался открытый TCP-порт 80.

На прикладном уровне наблюдалась наиболее критичная ситуация. Каталог /backup/ был доступен по HTTP, при обращении к нему отображался список файлов, а сами файлы могли быть получены напрямую. Это указывает на наличие конфигурационной ошибки, приводящей к раскрытию служебной информации. Итоговые результаты аудита до применения защиты представлены в табл. 3.

Табл. 3

Результаты аудита до применения защиты

Проверяемый признак	Метод проверки	Результат	Наблюдаемое поведение	Практическая интерпретация
ICMP-доступность	ping	Ответ получен	Узел стабильно отвечает	Узел легко обнаруживается на сетевом уровне
Обнаружение хоста	nmap -sn	Обнаружен	Определяется без дополнительных параметров	Отсутствует скрытие в сети
Открытые порты	Nmap-st	Порт 80 открыт	HTTP-сервис доступен	Веб-сервер функционирует
Доступ к /backup/	curl	200 OK	Каталог открывается	Ошибка конфигурации
Directory listing	HTTP-запрос	Присутствует	Отображается список файлов	Раскрывается структура каталога
Доступ к файлам	curl	Доступ есть	Файлы скачиваются напрямую	Утечка информации
Информация о сервере	Анализ HTTP	Частично раскрыта	Видны заголовки сервера	Упрощает профилирование

Источник: авторская разработка

После изменения конфигурации поведение системы заметно изменилось. Прежде всего, узел перестал отвечать на ICMP-запросы, что исключило возможность его определения при простой проверке доступности.

При повторном сканировании стандартным способом (nmap -sn) хост не определялся, однако при использовании режима -Pn он по-прежнему обнаруживался, что указывает на ограниченность данной меры.

На уровне веб-сервера изменения оказались более существенными. Доступ к каталогу /backup/ был запрещён (код ответа 403), directory listing перестал отображаться, а файлы больше не были доступны напрямую. Это свидетельствует

о корректном устранении основной конфигурационной ошибки. Итоговые результаты аудита после применения защиты представлены в табл. 4.

Табл. 4

Результаты аудита после применения защиты

Проверяемый признак	Метод проверки	Результат	Наблюдаемое поведение	Практическая интерпретация
ICMP-доступность	ping	Ответ отсутствует	Узел не отвечает	Снижена базовая сетевая видимость
Обнаружение хоста	nmap -sn	Не обнаружен	Не определяется стандартно	Затруднена простая разведка
Обнаружение хоста	nmap -Pn	Обнаружен	Определяется при обходе	Узел остаётся доступным
Открытые порты	nmap -sT	Порт 80 открыт	Сервис работает	Функциональность сохранена
Доступ к /backup/	curl	403 Forbidden	Доступ запрещён	Уязвимость устранена
Directory listing	HTTP-запрос	Отсутствует	Список файлов не выводится	Структура каталога скрыта
Доступ к файлам	curl	Нет доступа	Файлы не скачиваются	Утечка устранена
Информация о сервере	Анализ HTTP	Снижена	Меньше служебных данных	Сложнее анализировать сервер

Источник: авторская разработка

После внесения изменений основная проблема, связанная с доступностью служебных данных, была устранена, а уровень информационной открытости системы снизился.

Для более точной оценки изменений была проведена сравнительная проверка состояния системы. При анализе использовалась следующая интерпретация результатов:

1. Полное изменение – признак уязвимости после защиты не наблюдается.
2. Частичное изменение – признак ослаблен, но может быть выявлен альтернативным способом.
3. Минимальное изменение – поведение системы практически не изменилось.

4. Отсутствие изменения – состояние осталось прежним.

Итоговая сравнительная оценка эффективности представлена в табл. 5.

Табл. 5

Сравнительная оценка эффективности применённых защитных мер

Проверяемый признак	До защиты	После защиты	Метод проверки	Практический результат	Степень изменения	Обоснование
ICMP-доступность	Есть	Нет	ping	Узел перестал отвечать	Частичное	Скрыт для простых проверок, но не для всех методов
Обнаружение (обычное)	Есть	Нет	nmap -sn	Не определяется стандартно	Частичное	Требуются дополнительные методы
Обнаружение (-Pn)	Есть	Есть	Nmap -Pn	Узел определяется	Минимальное	Защита не влияет на этот сценарий
Порт 80	Открыт	Открыт	nmap	Сервис доступен	Отсутствует	Изменений нет
Доступ к /backup/	Есть	Нет	curl	Доступ полностью закрыт	Полное	Каталог недоступен
Directory listing	Есть	Нет	HTTP	Список файлов отсутствует	Полное	autoindex отключён
Доступ к файлам	Есть	Нет	curl	Файлы недоступны	Полное	Утечка устранена
Информация о сервере	Есть	Ограни-чена	HTTP	Меньше данных	Частичное	Полностью скрыть невозможно

Источник: авторская разработка

Сравнение показывает, что наибольший эффект был достигнут на уровне веб-сервера. Все признаки, связанные с утечкой информации через каталог /backup/, были полностью устранены. Это означает, что конфигурационные ошибки, которые непосредственно приводили к раскрытию данных, были исправлены корректно.

В то же время изменения на сетевом уровне носят ограниченный характер. Блокировка ICMP действительно снижает заметность узла при базовой проверке, однако не препятствует его обнаружению при использовании альтернативных методов сканирования. Это подтверждает, что подобные меры следует рассматривать как вспомогательные.

Отдельно важно отметить, что доступность веб-сервиса сохраняется после внесения изменений. Это показывает, что защита была направлена не на отключение функциональности, а на уменьшение объёма информации, доступной извне.

В целом результаты эксперимента подтверждают, что наибольшую роль в обеспечении безопасности веб-сервера играет корректная настройка самого приложения. Сетевые ограничения могут дополнительно снижать уровень видимости, но не заменяют устранение конфигурационных ошибок.

Заключение

Проведённый эксперимент показал, что даже простые ошибки конфигурации веб-сервера Nginx могут приводить к существенной утечке информации. Наличие открытого каталога, включённого directory listing и прямого доступа к файлам фактически делает сервер полностью прозрачным на этапе первичной разведки, позволяя получить сведения о структуре системы без каких-либо сложных действий.

После внесения изменений в конфигурацию ситуация заметно изменилась. Ограничение доступа к каталогу /backup/ и отключение autoindex полностью устранили возможность получения служебных данных через HTTP, что подтвердило эффективность мер, направленных именно на уровень веб-сервера. Дополнительные настройки, такие как скрытие информации о сервере и фильтрация ICMP, позволили снизить объём доступных извне сведений и частично уменьшить сетевую видимость узла.

В то же время результаты показали, что подобные меры не обеспечивают полной скрытности системы. Несмотря на блокировку ICMP, сервер продолжает определяться при использовании специализированных режимов сканирования, что подтверждает ограниченность отдельных механизмов защиты. Это указывает на необходимость комплексного подхода, при котором настройки веб-сервера и сетевые ограничения рассматриваются совместно.

Практическая часть работы также показала, что подобные проверки могут быть формализованы и автоматизированы. Использование Nmap в сочетании с NSE позволяет объединить отдельные этапы аудита в единый процесс, что особенно важно при регулярной проверке конфигурации и сравнении состояния системы до и после изменений. В дальнейшем это направление может быть расширено за счёт разработки специализированных NSE-скриптов, ориентированных на выявление типовых ошибок настройки веб-серверов.

Список используемых источников

1. Воруев А.В., Демиденко О.М., Сыч Д.С., Рафалова Е.В., Терещенко Д.Н., Уймин А.Г., Вытовтов К.А., Барабанова Е.А. Настройка виртуального сетевого стенда в режиме вложенной виртуализации // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2025. № 6. С. 70–75.

2. Греков В.С., Уймин А.Г. Стратегии создания модели сети предприятия в рамках киберполигона для эффективной подготовки кадров в области кибербезопасности / Актуальные проблемы комплексной безопасности критически важных объектов топливно-энергетического комплекса: тезисы докладов 78-й Международной молодежной научной конференции / Отв. ред. Белоусов А.В. Москва, 2025. 108 с. С. 17–18.

3. Lyon G. Nmap Network Scanning: The Official Nmap Project Guide to Network Discovery and Security Scanning. // Insecure, 2009. 359 p.

4. MITRE ATT&CK Framework. // Gather Victim Network Information: Network Topology (T1590.003) [Electronic resource]. URL: https://attack.mitre.org/techniques/T1590/003/ (data of treatment: 19.03.2026).

5. Nmap Reference Guide // Nmap Project. [Electronic resource]. URL: https://nmap.org/book/man.html (data of treatment: 20.03.2026).

6. Nmap Scripting Engine Documentation // Nmap Project. [Electronic resource]. URL: https://nmap.org/book/nse.html (data of treatment: 20.03.2026).

7. Nginx. Official Documentation // Nginx documentation. [[Electronic resource]. URL: https://nginx.org/en/docs/ (data of treatment:18.03.2026).

8. Scarfone K., Hoffman P. Guidelines on Firewalls and Firewall Policy. Special Publication 800-41 // NIST. [Electronic resource]. URL: https://nvlpubs.nist.gov/ (data of treatment: 13.03.2026).

РЕАЛИЗАЦИЯ И АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ОТ GATHER VICTIM NETWORK INFORMATION: NETWORK TOPOLOGY (MITRE ATT&CK T1590.003) НА УРОВНЕ МЕЖСЕТЕВЫХ ЭКРАНОВ

Ерофеева Д.Д. – студент, ФГАОУ ВО «Российский государственный университет нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина»

Аннотация

В статье рассматриваются особенности защиты от сбора информации о топологии сети, соответствующего технике MITRE ATT&CK T1590.003. Выполнен анализ влияния различных конфигураций межсетевого экрана на возможность проведения сетевой разведки. Рассмотрены три сценария настройки: отсутствие фильтрации, частичная фильтрация и строгая политика безопасности. На основе сравнительного анализа поведения сетевых утилит сформулированы выводы о достаточности применяемых мер защиты и предложены рекомендации по повышению уровня защищённости.

Введение

В современной цифровой среде стремительное развитие сетевых технологий неизбежно приводит к росту числа кибератак, нацеленных на раскрытие архитектуры корпоративных информационных систем. Одним из первых этапов подобных атак является сбор информации о сети, позволяющий определить активные узлы, доступные сервисы и возможные направления дальнейшего воздействия [1].

Хотя данный этап часто игнорируется как несущественный, поскольку не вызывает видимых нарушений в работе системы, он имеет решающее значение. Именно на основе информации, полученной на стадии разведки, злоумышленники формируют дальнейший план действий, что превращает этап сбора информации в ключевой элемент общего вектора атаки.

В рамках матрицы MITRE ATT&CK данный процесс соответствует технике T1590.003 – Gather Victim Network Information: Network Topology [5]. Она включает методы активного сканирования, направленные на выявление структуры сети, маршрутов передачи данных и взаимосвязей между узлами.

Особенностью данной техники является возможность её реализации с использованием стандартных сетевых инструментов, доступных в большинстве операционных систем. Это существенно усложняет её обнаружение и повышает требования к средствам защиты.

Целью работы является анализ влияния конфигурации межсетевого экрана на возможность проведения сетевой разведки.

Литературный обзор

Проблема сбора информации о сетевой инфраструктуре подробно рассматривается в рамках методологии MITRE ATT&CK, где техника T1590.003 описывает процесс выявления топологии сети с использованием стандартных средств сетевого взаимодействия [5]. В документации отмечается, что подобные действия могут выполняться на ранних этапах атаки и не требуют эксплуатации уязвимостей, что существенно усложняет их обнаружение.

Борьба с сетевой разведкой зачастую сводится к использованию межсетевых экранов. Как указано в рекомендациях NIST [6], результативность данного средства зависит не только от его наличия, но и от правильности конфигурации правил фильтрации трафика. Важнейшим является принцип наименьших привилегий, который подразумевает разрешение только тех соединений, которые критически необходимы для работы системы.

Г. Лайон в своей работе [4] подробно освещает практические стороны сетевого сканирования, рассматривая различные режимы функционирования утилиты nmap. Особо отмечается возможность обхода ICMP-фильтрации посредством опции -Pn, благодаря чему можно идентифицировать активные устройства, даже если они не отвечают на ping-запросы.

Согласно материалам Cisco [3], стандартные конфигурации межсетевых экранов не всегда обеспечивают должный уровень защиты от разведывательных усилий. При неполной фильтрации злоумышленник может получить информацию о доступных службах и структуре сети.

Несмотря на существующие рекомендации по настройке межсетевых экранов, на практике остается неясным, в какой степени различные подходы к фильтрации реально ограничивают получение данных о сети. В частности, недостаточно изучено, как сканирующие утилиты реагируют на изменения в правилах фильтрации. Именно этот аспект определяет практическую значимость данного исследования.

Методы исследования

Экспериментальная часть работы выполнялась в лабораторном стенде, включающем вычислительные узлы под управлением операционной системы

«Альт Рабочая Станция 10.4», а также сетевое оборудование, представленное межсетевым экраном Cisco ASA (версия программного обеспечения 9.12).

В рамках исследования использовался межсетевой экран Cisco ASA, установленный в лабораторном стенде. Доступ к устройству осуществлялся через консольное подключение с использованием telnet.

Сетевая схема включала два узла: атакующий компьютер, с которого выполнялось сканирование сети, и внутренний компьютер, расположенный за межсетевым экраном. Оба узла работали под управлением операционной системы «Альт 10.4» и были подключены к различным интерфейсам межсетевого экрана, что обеспечивало их логическое разделение. Обмен трафиком осуществлялся в пределах лабораторной сети.

Перед началом эксперимента выполнялась проверка доступности узлов и базовая настройка сетевого взаимодействия.

В качестве инструментов использовались стандартные сетевые утилиты: ping, traceroute и nmap, запускаемые из терминала операционной системы. Основное внимание уделялось активному сканированию, в том числе с использованием параметра -Pn [4], позволяющего выполнять анализ без предварительной проверки доступности узла.

В рамках эксперимента были рассмотрены три варианта настройки межсетевого экрана:

1. Отсутствие фильтрации трафика.
2. Частичная фильтрация с ограничением отдельных протоколов и портов.
3. Строгая политика безопасности с запретом входящих соединений и разрешением только необходимых сервисов.

Для каждой конфигурации последовательно выполнялись следующие действия:

1. Проверка доступности узла с использованием ICMP-запросов.
2. Сканирование сети с помощью nmap (обнаружение хостов).
3. TCP-сканирование для выявления открытых портов.
4. Определение доступных сервисов.
5. Анализ маршрута до узла с использованием traceroute.
6. Повторное выполнение операций для оценки устойчивости результатов.

Оценка эффективности выполнялась по совокупности параметров: возможность обнаружения узла, количество выявленных открытых портов, наличие информации о сервисах, а также повторяемость результатов.

Дополнительно учитывались время отклика и изменение поведения сети при разных настройках межсетевого экрана. Основные параметры используемого стенда приведены в табл. 1.

Табл. 1

Параметры экспериментального стенда

Компонент	Характеристика	Примечание
Операционная система	Альт 10.4	Установлена на обоих компьютерах
Межсетевой экран	Cisco ASA	Версия ПО 9.12
Атакующий компьютер	ПК	Выполнялось сканирование сети
Внутренний компьютер	ПК	Размещён за межсетевым экраном
Сетевая среда	10.10.10.0/24	Разделение на внешний и внутренний сегменты
Доступ к ASA	telnet	Консольное подключение
Инструменты	ping, nmap, traceroute	Использовались поочерёдно
Тип анализа	Активное сканирование	В рамках T1590.003

Источник: авторская разработка

Результаты исследования

Практическое тестирование различных конфигураций межсетевого экрана Cisco ASA показало, что изменение правил фильтрации заметно влияет на объём информации, который может получить атакующий узел при активном сканировании. Наиболее отчётливо различия проявились при сравнении открытой

конфигурации, частичной фильтрации и строгой политики безопасности. Результаты основных проверок представлены в табл. 2.

Табл. 2

Результаты выполнения основных сценариев сканирования

Сценарий	Без фильтрации	Частичная фильтрация	Строгая фильтрация
Ping до внутреннего узла	Ответ получен стабильно	Ответ отсутствует	Ответ отсутствует
nmap -sn	Внутренний узел определяется	Узел определяется не во всех попытках	Узел не определяется
nmap -sT	Открытые порты определяются	Часть портов определяется, часть фильтруется	Порты не определяются
nmap -sV	Сервисы определяются корректно	Часть портов определяется, часть фильтруется	Сервисы не определяются
traceroute	Маршрут прослеживается	Маршрут определяется частично	Маршрут не определяется
nmap -Pn	Узел определяется во всех попытках	Узел определяется	Результат ограничен, в ряде случаев отсутствует

Источник: авторская разработка

Таблица показывает, что при отсутствии фильтрации атакующий узел получает практически полную информацию о целевой системе. Внутренний компьютер определяется как активный, открытые порты и сервисы доступны для анализа, а маршрут до узла прослеживается без заметных ограничений. В данном режиме межсетевой экран фактически не препятствует сбору информации о топологии сети.

При частичной фильтрации результаты изменяются не так резко, как может показаться на первый взгляд. ICMP-запросы перестают возвращать ответ, из-за чего при обычной проверке создаётся впечатление, что узел недоступен. Однако дальнейшее сканирование показывает, что этот эффект не означает реального сокрытия системы. При использовании nmap с параметром -Pn внутренний узел продолжает определяться, а часть портов и сервисов остаётся доступной для анализа. Это подтверждает, что блокировка только отдельных протоколов не является достаточной мерой защиты.

Наиболее заметное снижение информативности наблюдается при строгой политике фильтрации. В этом случае стандартные методы сканирования либо не дают результата, либо возвращают минимальный объём данных. Узел не определяется обычными средствами, маршрут не прослеживается, а сведения о сервисах отсутствуют. Именно такой вариант конфигурации в наибольшей степени затрудняет построение представления о внутренней структуре сети.

Для более детальной оценки полученных результатов была выполнена сравнительная техническая оценка эффективности методов сканирования. При её формировании учитывались возможность обнаружения узла, объём информации об открытых портах, корректность определения сервисов, информативность трассировки и устойчивость результатов при повторных запусках. Итоговые значения представлены в табл. 3.

Табл. 3

Техническая оценка эффективности сканирования при различных конфигурациях межсетевого экрана

№	Параметр	Без фильтрации	Частичная фильтрация	Строгая фильтрация	Комментарий
1	Определение доступности узла	5	3	1	При строгой фильтрации узел фактически скрыт
2	Обнаружение хоста в сети	5	4	1	При частичной фильтрации результат нестабилен
3	Определение открытых портов	5	3	1	Часть портов переходит в состояние filtered

4	Определение сервисов	5	3	1	При строгой фильтрации сервисы не выявляются
5	Работа nmap -Pn	5	4	2	Частично обходит блокировку ICMP
6	Информативность traceroute	5	3	1	Маршрут скрывается по мере усиления фильтрации

Продолжение табл. 3

7	Повторяемость результатов	5	4	4	При частичной фильтрации возможны различия между попытками
8	Общий объём получаемой информации	5	3	1	Основной итоговый показатель
	Средняя оценка	5,0	3,4	1,5	

Источник: авторская разработка

Оценка выполнялась по пятибалльной шкале, где 1 соответствует минимальной информативности сканирования, а 5 – максимальной. Для иллюстрации процесса подсчета рассмотрим параметр «Обнаружение активных портов». В случае свободного доступа к сети, где порты видны без каких-либо препятствий, оценка составляет 5 баллов. Если же применяется частичное ограничение доступа (фильтрация), показатель снижается до 3 баллов. Это связано с тем, что часть портов по-прежнему доступны для обнаружения, но общая топология сети становится неполной. При строгой же фильтрации, которая практически исключает получение полезных данных, индикатор получает 1 балл.

Аналогичным образом рассчитывались и остальные показатели, представленные в таблице. Полученные значения показывают, что переход от открытой конфигурации к частичной фильтрации действительно снижает информативность сканирования, однако не исключает саму возможность разведки. Особенно показателен в этом отношении режим nmap -Pn, который позволяет продолжить анализ даже при отсутствии ответа на ping-запросы.

Самые низкие итоговые показатели зафиксированы при применении строгой фильтрации. В такой ситуации межсетевой экран значительно ограничивает объем информации, доступной потенциальному злоумышленнику, затрудняя не только выявление открытых сервисов, но и подтверждение самого факта существования узла в локальной сети. Это подводит нас к выводу, что именно строгая политика безопасности является наиболее эффективным средством защиты от методов сбора информации о целевой сети, в частности, от техник, направленных на определение её топологии.

В целом результаты исследования подтверждают, что простая блокировка ICMP-запросов создаёт лишь частичный эффект сокрытия и не решает задачу полностью. Реальное снижение риска достигается только при комплексной фильтрации трафика, когда ограничивается не один отдельный протокол, а сама возможность последовательного получения сведений о внутренней сети.

Заключение

Проведенное исследование позволило оценить влияние настроек межсетевого экрана на возможность сбора информации о структуре сети при выполнении активного сканирования. Практическая часть работы была выполнена в лабораторном стенде с использованием межсетевого экрана Cisco ASA, что позволило рассмотреть поведение сети в условиях различных уровней фильтрации.

Анализ полученных данных продемонстрировал, что при отсутствии каких-либо ограничений со стороны межсетевого экрана, атакующий узел получает исчерпывающую информацию о целевой системе, включая статус доступности хостов, перечень открытых портов и информацию о запущенных сервисах. В таких условиях межсетевой экран не создает препятствий для сбора данных о сетевой топологии.

При применении частичной фильтрации наблюдается уменьшение объёма доступной информации, однако полное исключение возможности проведения разведки не достигается. Даже при блокировке ICMP-запросов, обнаружение узла возможно с использованием альтернативных методов сканирования, например, с параметром -Pn. Это свидетельствует об ограниченной действенности таких мер защиты.

Наиболее существенный результат достигается при внедрении строгой политики фильтрации. В этом случае значительно ограничивается возможность определения внутреннего узла, скрываются сведения о портах и используемых

сервисах, а также затрудняется построение сетевых маршрутов. Такой подход позволяет существенно сократить объем данных, доступных потенциальному злоумышленнику.

Полученные выводы обладают практической ценностью для конфигурирования межсетевых экранов в образовательных и корпоративных сетях. Они подчеркивают, что результативная защита от сбора информации о топологии сети обеспечивается не отдельными ограничениями, а комплексной настройкой правил фильтрации.

Дальнейшее развитие работы может быть связано с анализом поведения других типов межсетевых экранов, а также с исследованием методов обхода защитных механизмов в более сложных сетевых конфигурациях.

Список используемых источников

1. Олифер В.Г., Олифер Н.А. Компьютерные сети. Принципы, технологии, протоколы. Санкт-Петербург: Питер, 2020. 992 с.

2. Уймин А.Г. Периферийные устройства ЭВМ: практикум. М.: Ай Пи Ар Медиа, 2023. 429 с.

3. Cisco ASA Firewall Configuration Guide // Cisco Systems. [Electronic resource]. URL: https://www.cisco.com/ (date of treatment: 20.03.2026).

4. Lyon G. Nmap Network Scanning: The Official Nmap Project Guide to Network Discovery and Security Scanning. // Insecure, 2009. 468 p.

5. MITRE ATT&CK Framework. Gather Victim Network Information: Network Topology (T1590.003) // Attack.mitre. [Electronic resource]. URL: https://attack.mitre.org/techniques/T1590/003/ (date of treatment: 19.03.2026).

6. Scarfone K., Hoffman P. Guidelines on Firewalls and Firewall Policy // NIST. [Electronic resource]. URL: https://nvlpubs.nist.gov/ (date of treatment: 13.03.2026).

АВТОМАТИЗАЦИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВЕТЕРИНАРНОЙ КЛИНИКИ НА ОСНОВЕ ВЕБ-ПРИЛОЖЕНИЯ

Зенин Г.А. – студент, ФГАОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

Ключкина В.А. – аспирант, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Белкин И.В. – студент, ФГАОУ ВО «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Научный руководитель: Игрунова С.В. – к.соц.н., доцент, ФГАОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы автоматизации деятельности ветеринарной клиники на основе веб-приложения. Проведён анализ предметной области, выявлены недостатки существующих решений, предложена функциональная модель бизнес-процессов в нотации IDEF0 и диаграмма вариантов использования UML. Представлена реализация системы на стеке PHP/MySQL с использованием паттерна MVC, описаны основные функциональные возможности для клиентов и врачей.

В современном мире автоматизация бизнес-процессов является главным фактором повышения эффективности предприятий. Ветеринарные клиники не являются исключением: рост числа домашних животных, увеличение объёма обращений и необходимость ведения точной медицинской документации требуют внедрения специализированных информационных систем. Большинство существующих решений (на базе «1С Предприятие», «VetDesk») обладают высокой стоимостью, сложным интерфейсом и требуют длительного обучения персонала.

Целью данного исследования является разработка кроссплатформенной информационной системы ветеринарной клиники, обеспечивающей удобную запись на приём, ведение истории болезни и взаимодействие врача с клиентом. Реализация выполнена в виде веб-приложения, что позволяет использовать систему на любом устройстве без установки дополнительного программного обеспечения. Типичная ветеринарная клиника имеет линейно-функциональную структуру управления [3]. Основными участниками процесса являются клиент (владелец животного) и ветеринарный врач. Ключевые бизнес-процессы включают запись на приём, приём пациента, постановку диагноза, назначение лечения и формирование истории болезни.

Для формализации бизнес-процессов использована методология IDEF0. Контекстная диаграмма (рис. 1) представляет систему как единое целое. Входом

является заявка клиента, управлением – правила приёма клиентов, механизмами выступают клиент и врач, выходом – сформированная история болезни.

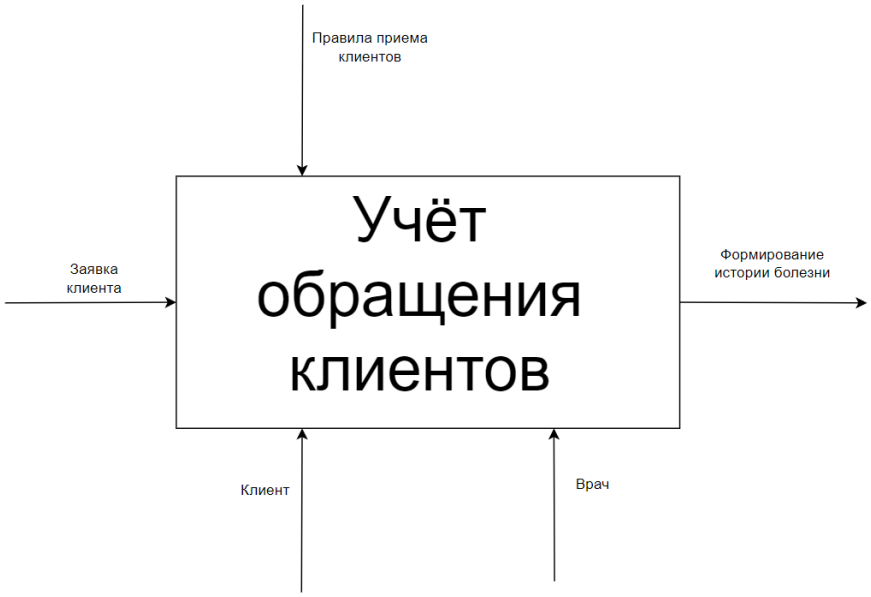


Рис. 1. Контекстная диаграмма «Учёт обращения клиентов»

Источник: составлено автором

Декомпозиция контекстной диаграммы, представленная на рисунке 2, раскрывает процесс на четыре этапа: договорённость о приёме, проведение осмотра, постановка диагноза, назначение лечения. Каждый этап детализирует взаимодействие участников и потоки информации.

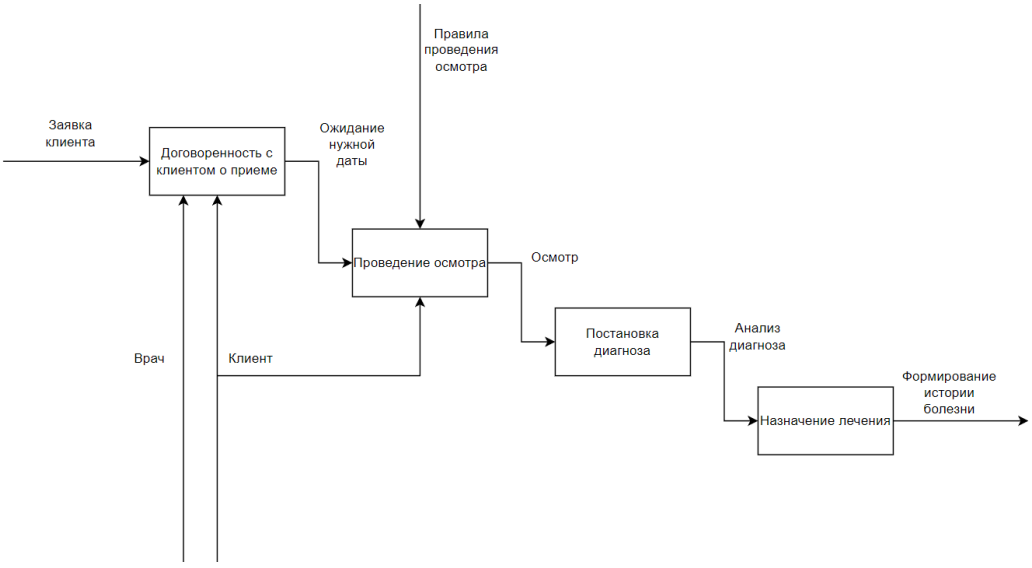


Рис. 2. Декомпозиция контекстной диаграммы

Источник: составлено автором

Для описания функциональности системы разработана диаграмма вариантов использования (рис.3). На ней выделены два актёра: «Клиент» и «Врач». Основные варианты использования: авторизация и регистрация; создание заявки на приём; просмотр истории болезни; принятие заявки в работу; приём пациента; оформление истории болезни; назначение курса лечения [2].

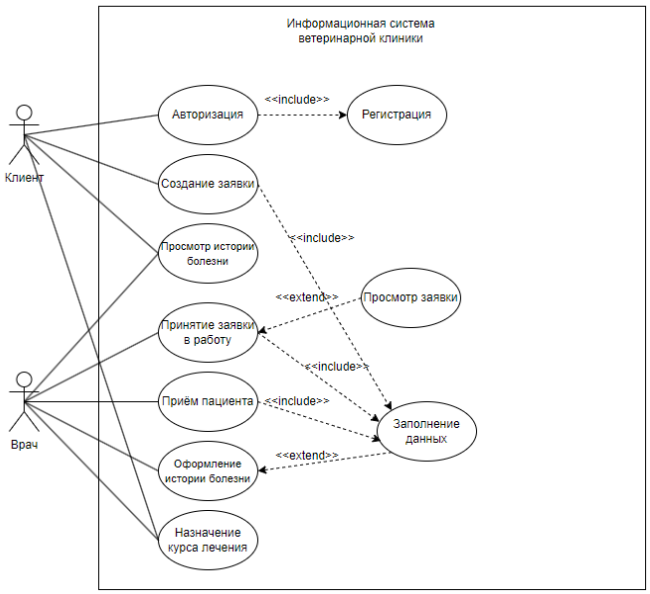


Рис. 3. Диаграмма вариантов использования

Источник: составлено автором

Логическая модель базы данных (рис. 4) включает пять основных сущностей: «Клиент», «Животное», «Врач», «Заявка», «Протокол посещения». Связи реализованы по принципу «один-ко-многим» и «один-к-одному». Первичные и внешние ключи обеспечивают целостность данных.

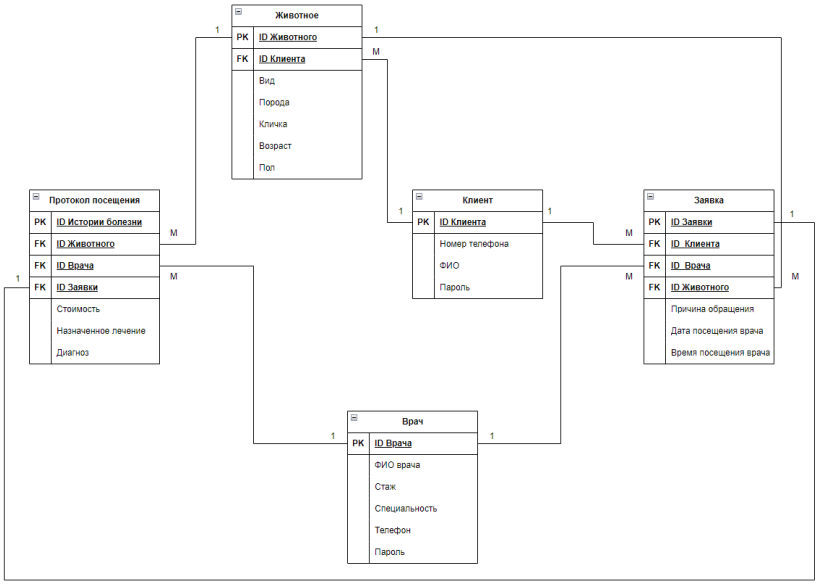


Рис. 4. Логическая модель базы данных

Источник: составлено автором

Для описания программной системы используется общий механизм моделирования взаимодействий, которые могут быть представлены с различной степенью детализации и ориентированы как на разработчиков программных систем, так и на конечных пользователей и других заинтересованных лиц. На рисунке 5 представлена диаграмма последовательности для варианта использования «Авторизация врача».

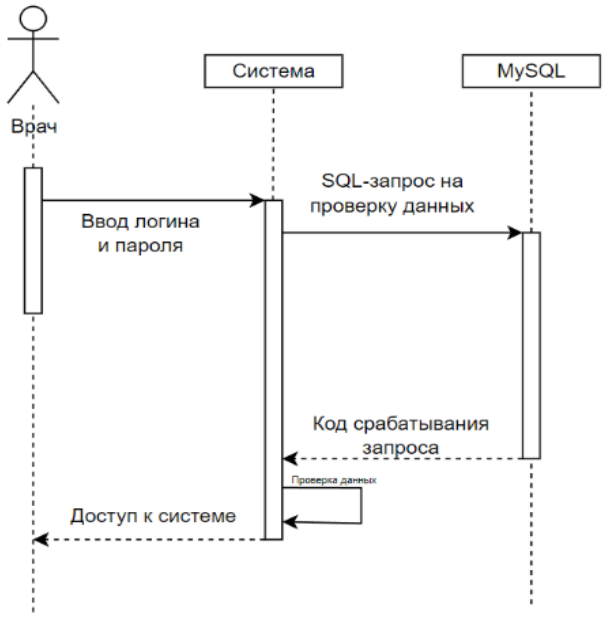


Рис. 5. Диаграмма последовательности для варианта использования «Авторизация врача»

Источник: составлено автором

На рисунке 6 диаграмма показывает процесс регистрации клиента в системе. Клиент вписывает данные для будущей авторизации, и они добавляются в базу данных, как новый пользователь, в результате чего клиент получит доступ к своему профилю.

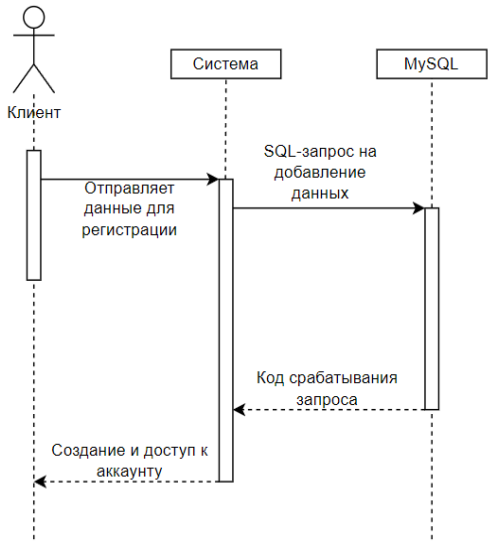


Рис. 6. Диаграмма последовательности для варианта использования «Регистрация клиента»

Источник: составлено автором

Диаграмма на рисунке 7 показывает процесс создания истории болезни врачом, которую клиент в будущем сможет наблюдать у себя в профиле. Сюда врач может внести данные, которые касаются заявки клиента, а также назначенного лечения.

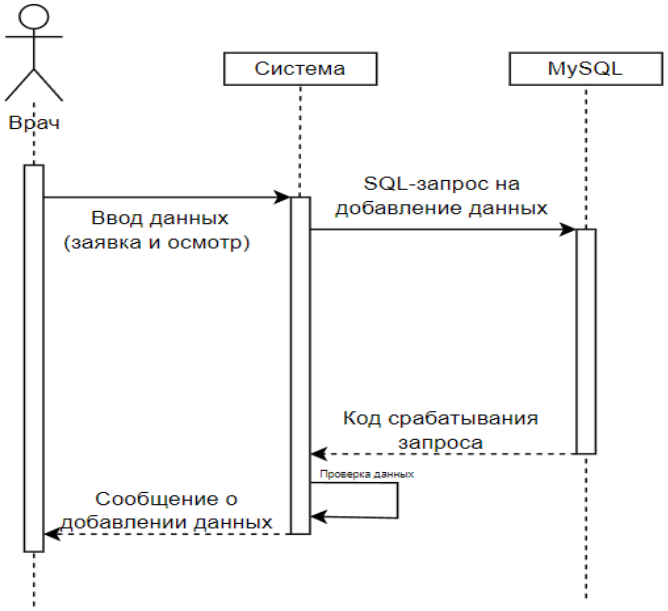


Рис. 7. Диаграмма последовательности для варианта использования «Создание истории болезни»

Источник: составлено автором

Диаграмма на рисунке 8 демонстрирует возможность клиента просмотреть данные об уже состоявшихся посещениях ветеринарного врача, формируя таким образом историю болезни.

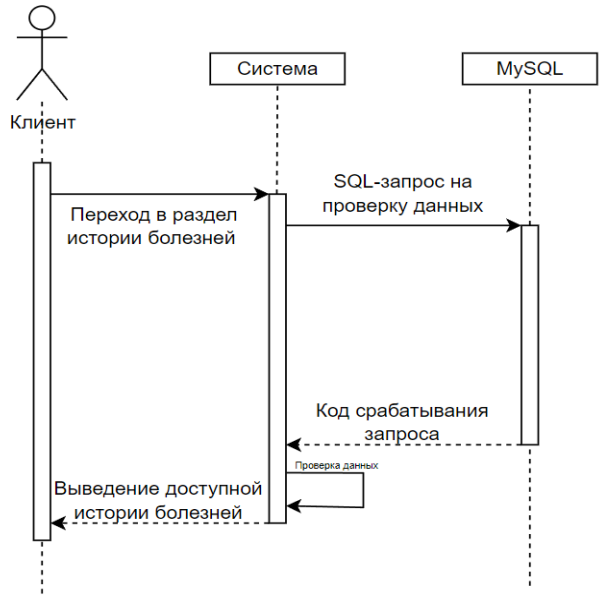


Рис. 8. Диаграмма последовательности для варианта использования «Просмотр истории болезни»

Источник: составлено автором

Для создания информационной системы ветеринарной клиники была разработана диаграмма компонентов, представленная на рисунке 9.

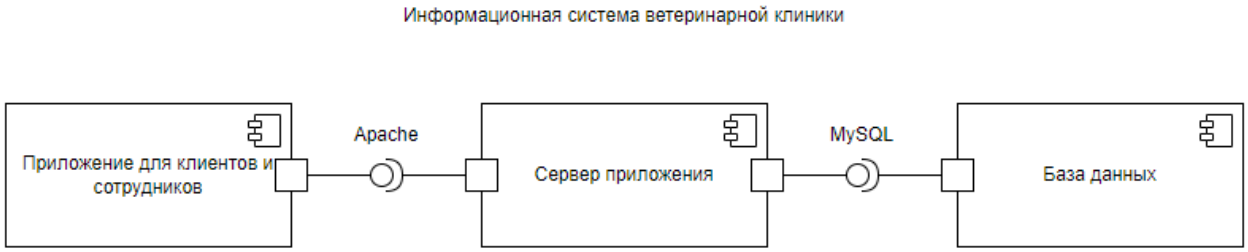


Рис. 9. Диаграмма компонентов

Источник: составлено автором

Диаграмма развёртывания для разрабатываемой системы представлена на рисунке 10.

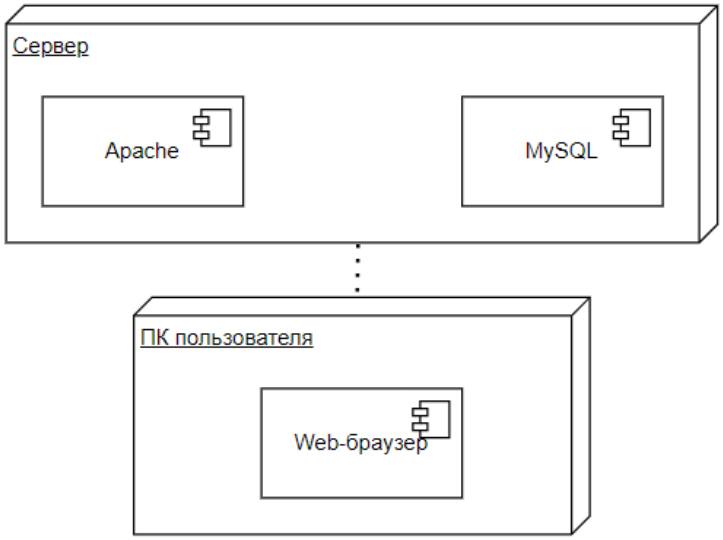


Рис. 10. Диаграмма развёртывания

Источник: составлено автором

Разработанная информационная система реализована в виде веб-приложения с использованием языка гипертекстовой разметки HTML и каскадных таблиц стилей CSS для построения пользовательского интерфейса, языка JavaScript для обеспечения интерактивности, а также серверного языка программирования PHP (фреймворк Laravel), отвечающего за бизнес-логику и взаимодействие с реляционной системой управления базами данных MySQL; архитектура

приложения построена по паттерну Model-View-Controller (MVC), что позволяет чётко разделить компоненты бизнес-логики, отображения данных и обработки запросов, обеспечивая гибкость разработки и удобство последующего сопровождения [1].

Информационная система предоставляет клиенту полный набор функций для управления взаимодействием с ветеринарной клиникой: после регистрации и авторизации пользователь получает доступ к личному кабинету, где может добавлять данные о своих питомцах, редактировать их или удалять, а также создавать заявки на приём с выбором конкретного врача, доступной даты и свободного временного слота. В разделе «История болезни» клиент в наглядной форме отслеживает все ранее созданные заявки с детализацией по статусу («ожидание», «в работе», «закрыта»), а после завершения приёма видит внесённые врачом диагноз, назначенное лечение и итоговую стоимость услуг.

Для ветеринарных врачей предусмотрен отдельный вход с собственными учётными записями; после авторизации специалист попадает в интерфейс управления заявками, сгруппированными по статусам – «ожидание», «в работе» и «закрытые». Открыв поступившую заявку, врач получает полную информацию о клиенте и животном, заполняет протокол приёма, включая диагноз, назначенное лечение и стоимость, после чего заявка переходит в статус «закрытая», а сформированные данные автоматически добавляются в историю болезни соответствующего клиента, обеспечивая актуальность и прозрачность медицинской документации. На рисунках 11–13 представлены основные экранные формы системы.

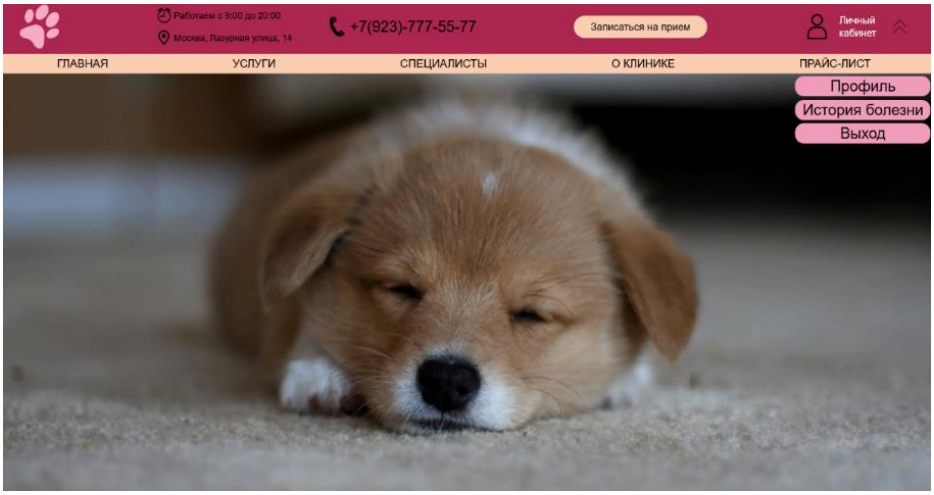


Рис. 11. Главная страница системы

Источник: составлено автором

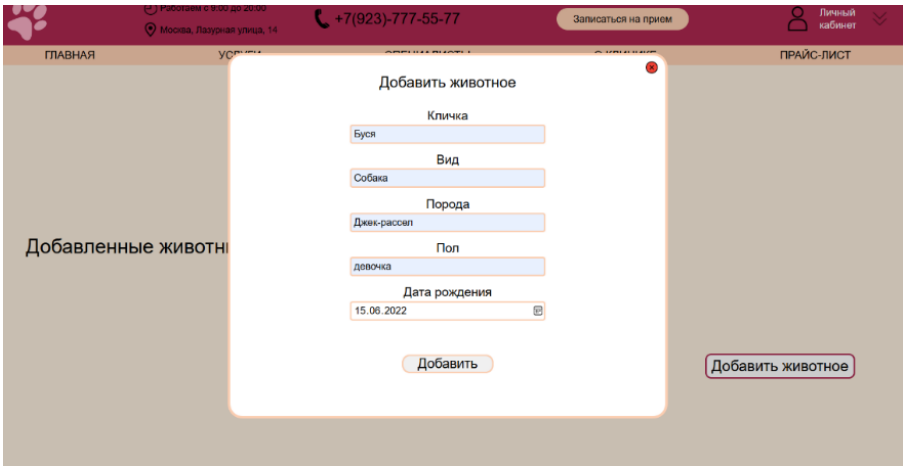


Рис. 12. Окно добавления животных

Источник: составлено автором

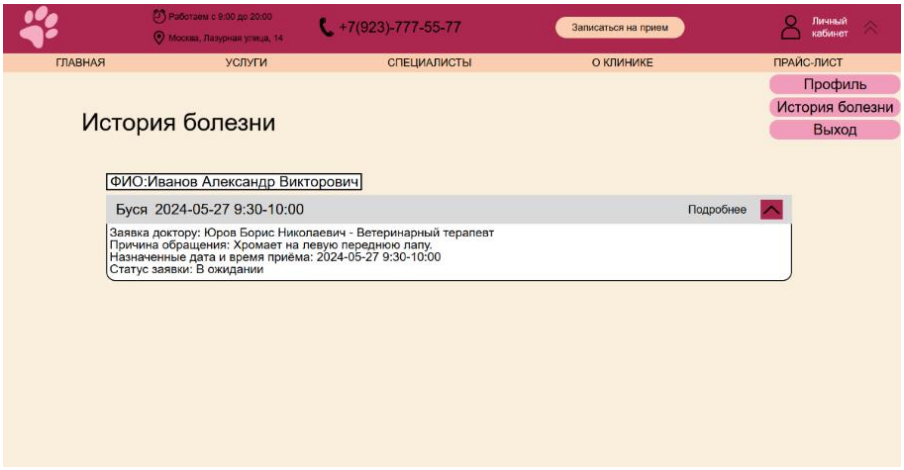


Рис. 13. История болезни

Источник: составлено автором

Разработанная информационная система позволяет сократить временные затраты на запись и документооборот в среднем на 30–40 % по сравнению с ручным учётом.

В результате выполнения дипломного проекта спроектирована и реализована информационная система ветеринарной клиники, отвечающая современным требованиям к автоматизации. Разработанное веб-приложение готово к внедрению в реальную ветеринарную клинику. Дальнейшее развитие может включать интеграцию с онлайн-оплатой, модуль аналитики загруженности врачей и мобильное приложение.

Список используемых источников

1. Грекул В.И., Коровкина Н.Л., Куприянов Ю.В. Проектирование информационных систем: учеб. пособие. М.: Национальный Открытый Университет «ИНТУИТ», 2012. 187 с.

2. Моисеев А.Н., Литовченко М.И. Основы языка UML: учеб. пособие. Томск: Издательство Томского государственного университета, 2023. 96 с.

3. Хусаинов Д.М. Основы ветеринарии: учеб. пособие. Алматы: Агроуниверситет, 2012. 253 с.

РОЛЬ ЦИФРОВЫХ СЕРВИСОВ В ИЗМЕНЕНИИ ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ПРИВЫЧЕК

Кириченко В.Ю. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Гарипов Р.И. – к.э.н., доцент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье рассматривается роль цифровых сервисов в трансформации потребительских привычек в условиях ускоренной цифровизации общества. Проводится комплексный анализ влияния популярных платформ, на модели потребительского поведения, а также описываются ключевые типы и характеристики современных цифровых технологий.

Эмпирическую базу исследования составляют актуальные данные опроса 2024 года, об уровне использования цифровых услуг среди россиян. Выделены главные преимущества цифровых сервисов для потребителей. Обозначены ключевые тенденции развития цифровых экосистем.

Современный этап развития общества определяется беспрецедентной скоростью цифровизации, она охватывает все сферы жизни за считанные годы, а не десятилетия. Цифровые сервисы от онлайн-магазинов и стриминговых платформ до мобильных приложений для заказа еды и такси уже не просто удобны: они стали критически важной инфраструктурой повседневной жизни миллиардов людей по всему миру. Эти инструменты не просто облегчают доступ к товарам и услугам, а

радикально трансформируют потребительские привычки, меняя сами принципы выбора, покупки и потребления в режиме реального времени.

Далее следует разобрать имеющиеся виды цифровых сервисов.

Цифровые платформы радикально меняют правила потребительского поведения. Маркетплейсы вроде Ozon и Wildberries превратили шопинг в круглосуточный процесс без географических границ: теперь миллионы товаров доступны в пару кликов, а персонализированные рекомендации подсказывают, что купить ещё. Сервисы доставки еды стирают грань между рестораном и домашней кухней, обед из любимого кафе может оказаться у двери через 30 минут. А агрегаторы такси и каршеринга вроде Яндекс Такси и Uber переписали концепцию мобильности: смартфон стал ключом к транспорту, где алгоритмы оптимизируют маршруты, рейтинги водителей гарантируют качество, а каршеринг предлагает гибкую альтернативу владению автомобилем, экономя деньги и место в городе.

Следующий вопрос, который следует разобрать это какие типы цифровых технологий бывают в современном мире:

– инструментальная цифровая платформа [2]. Конструктор для разработчиков: набор инструментов, библиотек и сред для создания прикладных программно аппаратных решений [1];

– инфраструктурная цифровая платформа [2]. Готовая IT экосистема со сквозными технологиями (облака, ИИ, аналитика), позволяющая бизнесу быстро автоматизировать процессы без построения собственной инфраструктуры [1];

– прикладная цифровая платформа [2]. Экосистема прямого взаимодействия поставщиков и потребителей: сокращает время сделок, минимизирует издержки, убирает посредников [1].

Следующий важный пункт так это характеристики цифровых технологий [3]:

1. Виртуальная природа. Цифровые услуги не имеют физической формы их ценность заключена в данных, алгоритмах и функционале.

2. Мгновенная онлайн-доставка. Доступ к услуге открывается сразу после оплаты через интернет: без логистики, складов и задержек.

3. Круглосуточная доступность из любой точки мира. Получить услугу можно в любое время суток с любого подключённого к сети устройства смартфона, планшета, ПК.

4. Автоматизация процессов. Поставка осуществляется алгоритмами с минимальным участием человека: чат-боты, автоматические платежи, мгновенная активация лицензий.

5. Гибкие модели владения. Пользователь может выбирать: приобрести бессрочный доступ, оформить подписку или использовать сервис совместно (например, в рамках семейной подписки или корпоративного аккаунта).

6. Полный контроль пользователя. Клиент самостоятельно управляет услугой: активирует, приостанавливает, масштабирует или отключает её в личном кабинете без обращения в поддержку.

7. Облачное хранение данных. Вся информация и настройки сохраняются в цифровом формате на защищённых серверах – доступны с любого устройства и не теряются при смене гаджета.

8. Ориентация на персонализацию. Сервис адаптируется под потребности пользователя: использует ИИ для рекомендаций, запоминает предпочтения, предлагает релевантные опции.

9. Неограниченная масштабируемость. Цифровая услуга не исчерпывается при использовании – её могут одновременно потреблять миллионы пользователей без потери качества.

Табл.1.

Классификация цифровых сервисов [3]

Государственные электронные услуги	Подача заявлений с автозаполнением на основе цифровых профилей
Умные городские сервисы	Цифровые двойники городов для вовлечения жителей в планирование благоустройства
Транспортные цифровые экосистемы	Приложения с метро, такси, каршерингом и т.д.
Цифровые услуги ЖКХ	Умные счётчики с автоматической передачей показаний
Финтех	Мультивалютные цифровые кошельки (Сбер и др.)
Персонализированное цифровое образование	Адаптивные онлайн-курсы и т.д.
Цифровое здравоохранение	Использование цифровизации в сфере медицины
Культурные сервисы	Покупка онлайн-билетов
Умный туризм	Карты, онлайн-бронь билетов или отелей
Электронная торговля	Любые маркетплейсы

Ежедневно цифровыми услугами, различными платформами и сервисами (табл. 1), пользуются 35 % россиян, 21 % респондентов делают это несколько раз в неделю, 10% ответили, что пользуются цифровыми услугами раз в неделю, еще 10 % – раз в месяц, 5 % опрошенных пользуются интернет-платформами и сервисами несколько раз в год, 19 % респондентов заявили, что не пользуются никакими цифровыми услугами (Рис. 1).



Рис. 1. Уровень пользования цифровыми сервисами [4]

Большинство (81 %) опрошенных россиян заявили, что цифровизация увеличила уровень комфорта в их повседневной жизни, 4 % отметили, что уровень комфорта снизился, 14 % не заметили влияния цифровизации на их жизнь.

Среди основных преимуществ (можно было дать до трех ответов) цифровых услуг по сравнению с традиционными россияне назвали экономию времени на поездки и ожидание в очередях (53 %), возможность совершения покупок и оплаты счетов без выхода из дома (45 %), больший выбор товаров и услуг и возможность сравнения цен (38 %) (Рис.2) [4].



Рис.2. Анализ цифровых сервисов [4]

Исходя из статистических данных за 2024 год можно сделать вывод, что все больше людей стали пользоваться цифровыми сервисами, и это значительно упрощает многие аспекты жизни: от экономии времени до экономии денег.

Тенденции цифровых технологий заключаются в том, что пользователи предпочитают сервисы, где можно получить несколько услуг в одной точке, яркий пример Яндекс, поскольку у него есть много разных ответвлений: Яндекс такси, Яндекс музыка, Яндекс еда и т.д. Также особое внимание уделяется защите данных, для этого придуманы двухфакторные защитные пароли. Развитие умных технологий, онлайн-магазины и другие услуги, предназначенные для экономии времени и ресурсов.

Список используемых источников

1. Ананьев В.А. Инфраструктурная геоинформационная платформа как инструмент участников рынка для сбора и обработки пространственных данных // Гео Сибирь 2022. [Электронный ресурс] URL: clck.ru/3TBpRr (дата обращения: 08.04.2026).

2. Невровский А.В., Зинцова М.В. Определения и классификация цифровых платформ // Московский экономический журнал. 2024. №9. С. 281–300.

3. Нестеренко Е.С. Цифровая услуга: понятие, виды, особенности //Киберленинка. 2019. №7. С. 70–79.

4. Опрос показал, сколько россиян пользуются цифровыми услугами // Риа новости. 2024. [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20240514/vtsiom-1945820030.html (дата обращения: 08.04.2026)

ПРИМЕНЕНИЕ АРХИТЕКТУРЫ YOLOV8 ДЛЯ ДЕТЕКЦИИ ЛЮДЕЙ В СИСТЕМЕ МОНИТОРИНГА ОЧЕРЕДЕЙ

Косневич С.А. – студент, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»»

Научный руководитель: Бобров Л.К. – д.т.н., профессор, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»»

Аннотация

В статье рассматривается задача подсчёта людей в очередях университетских зон обслуживания с использованием технологии компьютерного зрения. Проведён сравнительный анализ пяти подходов к обнаружению людей на изображениях. Обоснован выбор нейросетевой архитектуры YOLOv8m. Представлены результаты процедуры дообучения (fine-tuning) на выборке из 576 изображений: значение F1-score выросло с 0.664 до 0.912, mAP@0.5 – с 0.674 до 0.941, что подтверждает применимость предложенного решения для создания системы мониторинга очередей в реальном времени.

Введение

В образовательных учреждениях с высокой концентрацией людей значимой логистической проблемой является неравномерная загруженность точек обслуживания в периоды перерывов между занятиями. В столовых и информационных центрах в короткие перерывы формируются очереди, ожидание в которых расходует значительную долю времени перерыва и создаёт риск опоздания на занятия. Ситуацию усугубляет информационная асимметрия: находясь в аудитории, студент не располагает данными о текущей длине очереди в целевой зоне и вынужден принимать решение «идти или нет» без какой-либо объективной основы.

Решением является создание системы, которая в режиме реального времени подсчитывает число людей в заданной зоне кадра и передаёт метрики через открытый API в студенческий информационный бот. Принципиальное требование к такой системе – соответствие Федеральному закону № 152-ФЗ «О персональных данных» [2]: поступающие кадры должны обрабатываться исключительно «на лету» в оперативной памяти локального сервера без сохранения лиц и каких-либо биометрических сведений. Дополнительно система должна быть реализована на компонентах с открытым исходным кодом, что исключает использование проприетарных облачных сервисов компьютерного зрения и соответствует требованиям политики импортозамещения для государственных учреждений [1].

1. Сравнительный анализ подходов к детекции людей.

Для реализации модуля фотоаналитики был проведён анализ пяти основных подходов к обнаружению и подсчёту людей на изображениях [3].

Аппаратный метод предполагает установку на входах в зону обслуживания специализированных датчиков: инфракрасных барьеров, 3D-счётчиков или тепловизионных сенсоров. Этот метод обладает высокой точностью и работает при любом освещении. Но есть существенная проблема – эффект «туннеля». Датчики послушно считают каждого, кто пересек линию. Отличить человека в очереди от того, кто уже спокойно ест за столиком, алгоритм не сможет. Выделить зону кассы

можно было бы физически, но городить ограждения в столовой просто не имеет смысла.

Вычитание фона работает иначе. Берется снимок пустого зала и сравнивается с текущим кадром. Дальше простая математика: площадь изменившихся пикселей делится на габариты «среднего» человека. Сделать это просто и железо подойдет самое слабое. Но у этого метода есть критическая уязвимость – освещение. Кто-то повернул жалюзи, за окном проплыло облако или включили лампу, готовьтесь к ложным срабатываниям. А если очередь плотная, люди сливаются в одно большое пятно, и точный подсчет становится невозможным.

Классическое машинное обучение (HOG + SVM) использует так называемое скользящее окно. Классификатор шаг за шагом прощупывает кадр в разных масштабах. Главный плюс по сравнению с вычитанием фона заключается в том, что система ищет именно человека, а не реагирует на любое шевеление. Однако в толпе этот метод сильно проигрывает нейросетевым подходам по точности. К тому же, постоянное сканирование картинки серьезно нагружает процессор.

Еще один вариант – карты плотности. Алгоритм не выделяет конкретных людей, а строит тепловую карту: сложили все значения и получили размер толпы. Для стадионов или площадей, где счет идет на тысячи, метод показывает себя отлично. Но нам нужны точные координаты. Без них нельзя отфильтровать геометрию и понять: студент стоит в очереди или просто идет мимо с подносом. Для вузовской столовой с очередями по 20–30 человек такой масштабный инструмент – это просто перебор.

В итоге оптимальным решением становится глубокое обучение (архитектуры вроде YOLO, SSD или R-CNN [5]). Эти нейросети делают две вещи сразу: находят объект и понимают, к какому классу он относится, обводя его рамкой. Зачем это нужно? Мы можем нарисовать на кадре любую виртуальную зону интереса (ROI). Система будет считать только тех людей, центры чьих рамок попали внутрь полигона очереди. И никаких ограничителей строить не придется. Это решает проблему «туннельности» аппаратного метода и даёт визуально интерпретируемый результат. Главное ограничение – желательно наличие дискретной видеокарты для инференса в режиме реального времени, что, однако, выполняется при использовании инфраструктуры серверного оборудования вуза.

Таким образом, из пяти рассмотренных подходов единственным, обеспечивающим одновременно индивидуальную локализацию людей и

возможность пространственной фильтрации по зоне очереди, является нейросетевая детекция объектов. Именно на этом подходе выстраивается дальнейшее техническое решение.

2. Выбор архитектуры YOLOv8.

Семейство YOLO (You Only Look Once) претерпело значительную эволюцию с момента публикации первой работы в 2016 году [5]. Версии v1–v3 заложили принцип однопроходного детектора, v4 и v5 добавили современные техники аугментации данных и перешли на фреймворк PyTorch. Версии v6–v7 вносили специализированные архитектурные улучшения для промышленного применения. В 2023 году компания Ultralytics выпустила YOLOv8 [4], которая была выбрана в качестве базовой архитектуры для данной работы.

Ключевым архитектурным отличием YOLOv8 от предшественников является переход к Anchor-Free подходу: модель предсказывает центр объекта напрямую, без привязки к заранее заданным шаблонам рамок (Anchor Boxes). Представьте плотную очередь: люди перекрывают друг друга, стоят в разных позах или на разном расстоянии от объектива. В такой ситуации этот алгоритм справляется куда лучше старых якорных версий (v5 или v7). Точность распознавания заметно возрастает. Ложных срабатываний становится меньше.

Внутреннюю архитектуру тоже доработали, заменив блок C3 на C2f (Cross Stage Partial Bottleneck with 2 convolutions). Звучит сложно, но на практике это просто улучшает поток градиентов при обучении. Нейросеть получает из кадра больше деталей, не увеличиваясь при этом в размерах, так как число параметров не увеличивается. При дообучении на малых датасетах это огромный плюс. Модель быстрее сходится и реже страдает от переобучения.

Наконец, вопрос надежности и удобства. Экосистема YOLOv8 отлично зарекомендовала себя и фактически получила в сообществе компьютерного зрения статус LTS – поддерживать её будут долго. Библиотека ultralytics обладает стабильным API, исчерпывающей документацией и позволяет решать множество самых разных задач. Более новые версии (YOLOv9, YOLOv10) на момент разработки находились в стадии активной доработки, что создавало риски нестабильности при производственном развёртывании. Версия YOLO11, вышедшая в конце 2024 года, имеет ограниченную историю применения в промышленных системах.

Для данной задачи выбрана конфигурация YOLOv8m (medium): она представляет собой компромисс между точностью детекции и скоростью инференса, обеспечивая приемлемую производительность на серверном оборудовании со встроенной или дискретной видеокартой.

3. Подготовка данных и дообучение модели.

Исходная модель YOLOv8m предобучена на датасете MS COCO [6]: более 330 000 изображений, 80 классов объектов, в том числе класс «person». Несмотря на широкое покрытие, базовая модель демонстрировала сниженные показатели на специализированных съёмках очередей. Анализ матрицы ошибок показал, что при работе на изображениях очередей модель регулярно путала плотно стоящих людей с рюкзаками и сумками, а также пропускала людей при взаимном перекрытии. Показатель полноты (Recall) составил лишь 0.711, то есть примерно каждый четвёртый человек в кадре оставался незамеченным.

Для адаптации модели под специфику задачи была применена процедура дообучения (fine-tuning). Использован датасет с платформы Roboflow Universe [7] в формате YOLOv8 с применённой аугментацией данных для расширения обучающей выборки и снижения риска переобучения. Итоговый набор содержит 576 изображений и 5027 размеченных экземпляров класса «person» – в среднем 8,73 объекта на один кадр, что соответствует плотности людей в очереди. Датасет разделён на три части: обучающую (Train), валидационную (Valid) и тестовую (Test).

Процедура дообучения выполнена со следующими параметрами: архитектура YOLOv8m, 20 эпох обучения, размер батча 8, разрешение изображений 640×640 пикселей. Вычисления производились на CPU AMD Ryzen 5 4500U; суммарное время обучения составило около 9 часов. По завершении каждой эпохи модель проверялась на валидационной выборке; итоговые веса (best.pt) соответствуют эпохе с наилучшими показателями на валидации.

4. Результаты и анализ.

Итоговые веса (best.pt) и веса базовой модели тестировались на одной и той же независимой тестовой выборке, которую ни одна из моделей не видела в процессе обучения. Сравнение четырёх ключевых метрик качества детекции представлено в табл. 1.

Табл. 1. Сравнение метрик базовой и дообученной моделей YOLOv8m

Метрика	**До дообучения**	**После дообучения**	**Прирост**
Precision	0.622	0.900	**+44,6 %**
Recall	0.711	0.925	**+30,0 %**
F1-score	0.664	0.912	**+37,4 %**
mAP@0.5	0.674	0.941	**+39,6 %**

Источник: составлено автором

Рост точности (Precision) с 0.622 до 0.900 свидетельствует о том, что дообученная модель практически исключила ложные срабатывания: она перестала принимать рюкзаки, сумки и элементы фона за людей. Для надежности системы мониторинга это критичный момент. Одно ложное срабатывание – и счетчик очереди начинает выдавать неверные данные.

Показатель полноты (Recall) совершил огромный скачок: с 0.711 до 0.925. На практике это значит, что теперь модель успешно распознает 9 из 10 человек. Причем делает это даже в плотной толпе, где силуэты сливаются и сильно перекрывают друг друга. Раньше, до дообучения, нейросеть пропускала каждого четвертого. С такой погрешностью алгоритм бы систематически занижал реальную длину очереди.

Вместе с тем выросла и средняя точность. Метрика mAP@0.5 (при пороге перекрытия IoU = 0.5) взлетела с 0.674 до 0.941. Разница наглядно показана на графиках Precision–Recall (рис. 1–2). У базовой версии кривая резко обваливалась уже при полноте 0.7. А вот дообученная модель сдаваться не спешит: она сохраняет высокую точность вплоть до отметки 0.9.

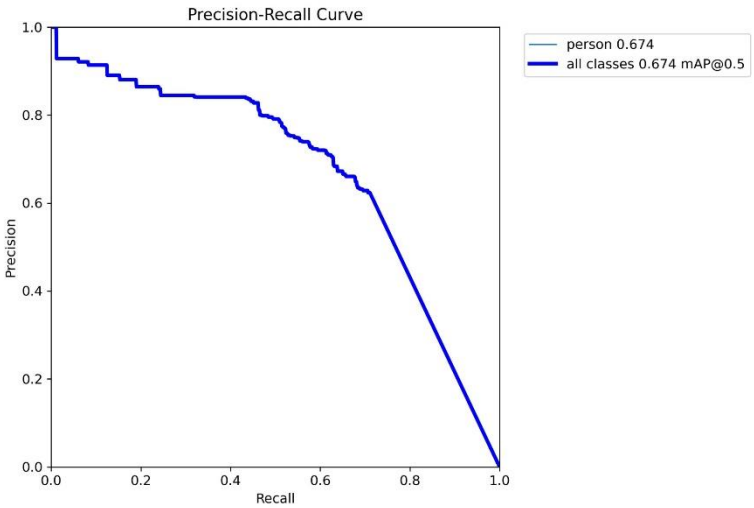


Рис. 1. График Precision–Recall для базовой модели (mAP@0.5 = 0.674)

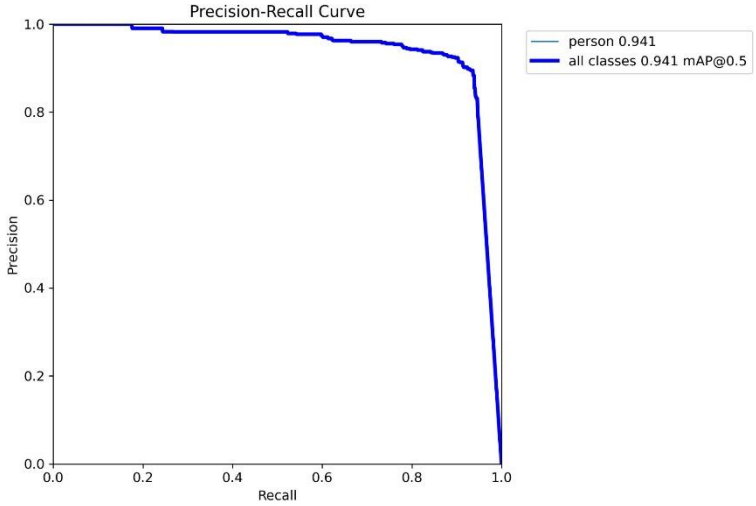


Рис. 2. График Precision–Recall после дообучения (mAP@0.5 = 0.941)

Следующие графики, F1–Confidence (рис. 3 и 4), иллюстрируют интересную деталь. По ним мы определяем, какой именно порог уверенности детектора дает максимальный показатель F1-score. Базовая версия нейросети тут откровенно уступает. Свой предел (F1 = 0.66) она выдает сразу же, на нулевом пороге. И дальше, как ни повышай требования к уверенности алгоритма, результат лучше не становится. Дообученная модель демонстрирует максимум F1 = 0.91 при пороге 0.384, что позволяет гибко настраивать чувствительность системы: повышение порога снижает ложные срабатывания за счёт незначительного роста пропусков.

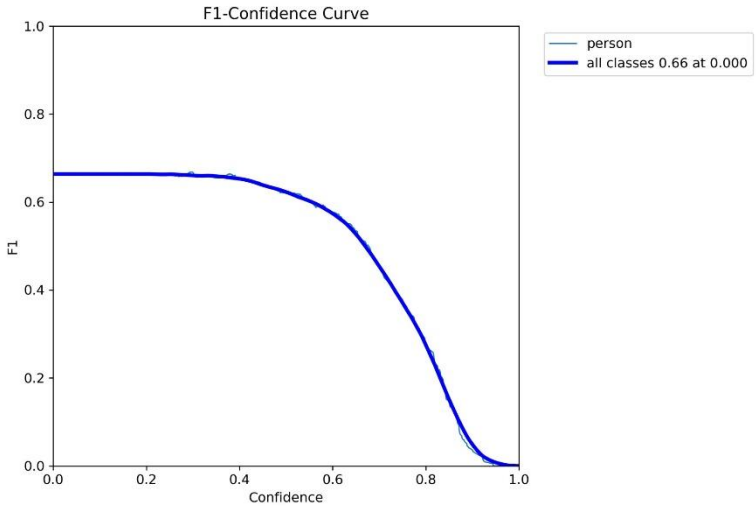


Рис. 3. Кривая F1–Confidence базовой модели (F1 = 0.66 при пороге 0)

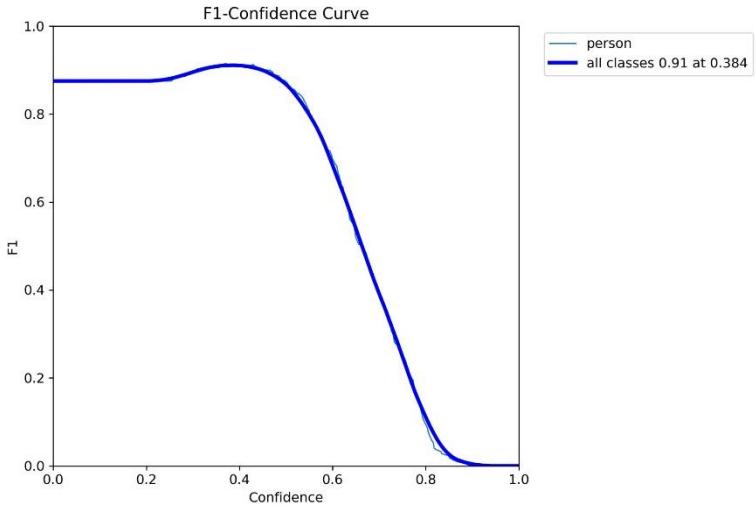


Рис. 4. Кривая F1–Confidence дообученной модели (F1 = 0.91 при пороге 0.384)

Заключение

В ходе работы проведён сравнительный анализ пяти подходов к обнаружению людей на изображениях применительно к задаче мониторинга очередей в зонах обслуживания университета. Установлено, что единственным методом, позволяющим одновременно индивидуализировать каждого человека в кадре и выполнять геометрическую фильтрацию по зоне интереса, является нейросетевая детекция объектов. В качестве базовой архитектуры выбрана YOLOv8m от Ultralytics: Anchor-Free подход, модуль C2f и статус Long-Term Support обеспечивают необходимую точность на плотных сценах и надёжность при производственной эксплуатации.

Дообучение на специализированной выборке из 576 изображений очередей показало значительный прирост по всем ключевым метрикам. Показатель F1-score вырос с 0.664 до 0.912 (+37,4 %), mAP@0.5 – с 0.674 до 0.941 (+39,6 %). Модель научилась игнорировать 79 лишних классов и сосредоточилась на поиске людей: точность достигла 0.900, а полнота – 0.925. Полученные результаты подтверждают, что предложенный подход обеспечивает уровень качества, достаточный для практического применения в системе информирования студентов о текущей длине очереди в режиме реального времени.

Список используемых источников

1. Об утверждении методических рекомендаций по переходу на использование отечественного программного обеспечения: приказ Минцифры России от 18.01.2023 № 21 // Официальный сайт Минцифры России. [Электрон-

ный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_439904/ (дата обращения: 04.03.2026).

2. О персональных данных: федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/ (дата обращения: 04.03.2026).

3. Фахми Ш. С., Соколов Ю. М., Костикова Е. В. Новые подходы к изучению студентами интеллектуальных видеосистем: от видеоинформации к когнитивным системам // Современное образование: содержание, технологии, качество. 2021. Т. 1. С. 137–140.

4. Jocher G., Chaurasia A., Qiu J. YOLO by Ultralytics // GitHub. 2023. [Electronic resource]. URL: https://github.com/ultralytics/ultralytics (date of treatment: 04.03.2026).

5. Lin T.-Y., Maire M., Belongie S. [et al.] Microsoft COCO: Common Objects in Context // Computer Vision – ECCV 2014. 2014. P. 740–755.

6. Redmon J., Divvala S., Girshick R., Farhadi A. You Only Look Once: Unified, Real-Time Object Detection // 2016 IEEE Conference on Computer Vision and Pattern Recognition (CVPR). 2016. P. 779–788.

7. Roboflow Universe: Open Computer Vision Datasets // Roboflow. [Electronic resource]. URL: https://universe.roboflow.com/ (date of treatment: 04.03.2026).

ТРЕНДЫ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ В СФЕРЕ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ФИНАНСОВОГО МОШЕННИЧЕСТВА

Крайнов Н.М. – аспирант, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»»

Научный руководитель: Бобров Л.К. – д.т.н., профессор, ФГБОУ ВО «Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»»

Аннотация

Глобальность проблемы финансового мошенничества заставляет непрерывно пополнять перечень подходов и методов противодействия мошенническим операциям, что находит свое отражение в научных исследованиях. В статье на основе анализа литературных источников выявляются тренды и перспективные модели машинного обучения при решении задач предотвращения финансового мошенничества. Для подтверждения релевантности полученных результатов в отношении моделей машинного обучения проведено их экспериментальное исследование.

Введение

Сложно переоценить важность проблемы роста ущерба от мошеннических операций за последние 5 лет. Годовые показатели украденных средств, отраженные в отчетах Центрального Банка России, демонстрируют постоянную динамику роста (Рис.1). Таким образом, за прошедший 2025 год ущерб составил рекордные 29,3 млрд рублей, что на 1,8 млрд рублей больше, чем в 2024 и на 13,5 млрд рублей превышает значение 2023 года [2].

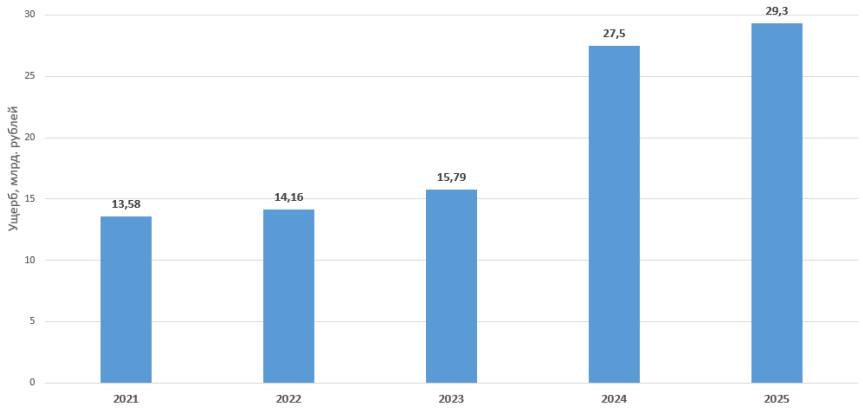
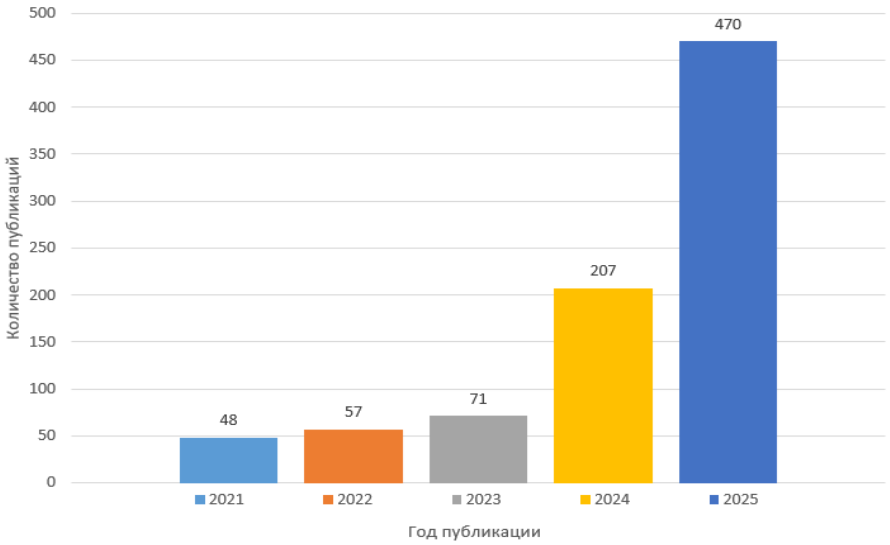


Рис.1. Ущерб от мошеннических операций за 2021–2025 гг. в млрд рублей [2]

Негативная динамика в вопросе мошенничества вызывает особый интерес как среди населения, так и в научном сообществе. Активное изучение проблемы приводит к пополнению вариантов развития систем предотвращения финансового мошенничества путем разработки новых подходов, методов, алгоритмов и совершенствования уже применяемых инструментов. Безусловно, основной акцент в исследованиях сделан на изучение и применение передовых технологий –



подходов машинного обучения. Постоянно расширяющиеся возможности моделей и алгоритмов машинного обучения позволяют решать все имеющиеся задачи фрод-мониторинга. Появление новых и прорывных методов находит свое отражение в количестве публикаций по всему миру. В отечественных базах знаний также присутствуют тенденции роста интереса к теме машинного обучения и искусственного интеллекта в «антифроде» (Рис. 2).

Рис.2. Тенденции публикационной активности в научных библиотеках Elibrary.ru и Cyberleninka.ru

Источник: составлено автором

Основная часть

Взрывной рост публикационной активности коррелирует с ранее упомянутой статистикой ущерба от мошенничества. Однако не все опубликованные работы имеют формат и содержание, отвечающие на вопрос – каким образом можно совершенствовать системы предотвращения мошенничества. Для детального изучения методов повышения эффективности систем фрод-мониторинга необходимо провести качественный анализ публикаций. Стоит отметить, что в большинстве эти системы в определенном смысле уникальны и не всегда могут быть совместимы с новыми методами. Кроме того, не все методы модернизации систем противодействия мошенничеству отвечают условиям российских финансовых институтов ввиду особенностей методов и форматов платежей [1]. По этой причине для анализа научных работ и формирования представления о трендах машинного обучения были выбраны только отечественные информационные ресурсы. После систематического анализа публикаций в базах данных Elibrary и Cyberleninka по методу PRISMA были отобраны 39 публикаций соответствующие комплексу критериев:

- соответствие теме финансового мошенничества;
- работа не несет описательного характера;
- публикация содержит конкретные выводы или результаты;
- имеется описание конкретных методов, алгоритмов.

В результате анализа публикаций сформирован перечень популярных и релевантных рассматриваемой задаче подходов, описанных в отобранных работах (табл. 1).

Табл. 1

Распределение методов по количеству применений в исследованиях

Алгоритм машинного обучения	Количество применений
Isolation Forest (Изолированный лес)	1
SVM (Метод опорных векторов)	1
GA (Генетический алгоритм)	2
CNN (Сверточные нейронные сети)	2
LSTM (Сети долгой краткосрочной памяти)	3
Quantum (Квантовые вычисления)	3
Bayes (Байес)	3
AdaBoost (Градиентный бустинг)	3
GNN (Графовые нейронные сети)	4
Clusterization (Кластеризация)	4
CatBoost (Градиентный бустинг)	5
SMOTE	5
Decision Tree (Дерево решений)	6
XGBoost (Градиентный бустинг)	10
Logistic Regression (Логистическая регрессия)	16
Random Forest (Случайный лес)	18

Источник: составлено автором

Самыми популярными алгоритмами машинного обучения в приложении к задачам фрод-мониторинга стали Random Forest (случайный лес), логистическая регрессия и подход градиентного бустинга XGBoost. Наименее популярными в исследованиях стали изолированный лес и метод опорных векторов. Несмотря на прогресс в глубоком обучении и набирающими темпы квантовыми вычислениями, в научных публикациях часто рассматривают классические модели машинного обучения. Можно предположить, что причинам формирования таких трендов в научных публикациях являются фактор дорогостоящей разработки больших моделей, который приводит исследователей к компромиссу между стоимостью и эффективностью. Однако классические модели показывают отличные результаты в задачах бинарной классификации, которой и является обнаружение мошенничества, где нужно предсказать классы: мошенничество/не мошенничество. Например, в одном из исследований [3] модель случайного леса показала значение 0,996 по метрике ROC-AUC, а модель логистической регрессии – 0,979, что характеризует данные модели как высоконадежные инструменты для обнаружения мошенничества. В то же время результаты моделей по подходам градиентного бустинга, основанные на принципе итеративного обучения моделей

на ошибках прошлого, показывают по метрике Precision в среднем точность в пределах 0,85–0,91 [4, 5].

Экспериментальная часть

Высокие показатели метрик точности, в свою очередь, могут говорить еще и о переобучении модели или недостоверных данных. По этой причине в рамках

```
rf = RandomForestClassifier(
    n_estimators=200,
    max_depth=6,
    min_samples_split=2,
    random_state=42,
    min_samples_leaf=1,
    class_weight='balanced',
    bootstrap=True,
    oob_score=False,
    verbose=0
)
```

экспериментального исследования моделью для тестирования была выбрана самая востребованная в рамках систематического обзора – Random Forest (случайный лес). Для обучения и последующей оценки эффективности был подготовлен датасет деперсонализированных операций клиентов в объеме 2,2 млн записей, в котором 5 % операций имеют класс «мошенничество». Даже с учетом сильного дисбаланса классов, датасет содержит данные высокого качества, так как после предобработки строк с пустыми полями было удалено менее 0.1 % данных. Категориальные признаки, например, названия торговых точек, были конвертированы в числовые для упрощения обучения. Для обучения применялось классическое разделение на валидацию – 80 % обучающая и 20 % тестовая выборки. Стартовые настройки для RandomForestClassifier изображены на рис. 3.

Рис. 3. Начальные настройки конфигурации

Источник: составлено автором

В процессе обучения осуществлялся ручной подбор настроек для достижения максимального результата по метрике ROC-AUC. Лучшие результаты модель показала с конфигурацией без ограничений на глубину деревьев (Рис. 4)

```
rf = RandomForestClassifier(
    n_estimators=500,
    max_depth=None,
    min_samples_split=2,
    random_state=42,
    min_samples_leaf=1,
    class_weight='balanced',
    bootstrap=True,
    oob_score=False,
    verbose=0
)
```

Рис. 4. Настройки конфигурации с упором в ROC-AUC

Источник: составлено автором.

При такой настройке на конкретных данных получили достойные метрики эффективности модели (табл. 2).

Табл. 2

Метрики точности модели Random Forest

Метрика	Показатель
Accuracy	0.9735
Precision	0.9622
Recall	0.8739
F1-score	0.9117
ROC-AUC	0.9325

Источник: составлено автором

Результаты и обсуждение

Несмотря на то, что не получилось достигнуть идентичных результатов по метрике ROC-AUC, полученные значения оценки качества модели являются достойными для обучения с ручным подбором конфигурации без дополнительных инструментом улучшения качества. Стоит отметить, что с приоритетом обучения для достижения метрики ROC-AUC получилось довольно низкая метрика Recall – 0,8739. Данная ситуация говорит о том, что фактически моделью было пропущено практически 12 % от всего мошенничества. В задачах фрод-мониторинга, где основным приоритетом является отсутствие пропущенного мошенничества, данный показатель можно оценить как неудовлетворительный и рекомендовать другие настройки. Для повышения метрики Recall конфигурация была изменена на умеренные настройки (рис. 5).

```
rf = RandomForestClassifier(
    n_estimators=200,
    max_depth=15,
    min_samples_split=20,
    random_state=42,
    min_samples_leaf=10,
    class_weight='balanced',
    bootstrap=True,
    oob_score=False,
    verbose=0
)
```

Рис. 5. Оптимальные настройки конфигурации

Источник: составлено автором

При такой конфигурации обучения модели случайного леса метрика Recall достигает показателя 0,941 (пропущено менее 6 % от мошенничества), а F1-score вырастает до 0,9267, но при этом снижаются остальные показатели – ROC-AUC до 0,923, Precision до 0,9188 и Accuracy до 0,9741. Тем не менее данную конфигурацию можно считать компромиссом между основной задачей фрод-мониторинга – не пропускать мошенничество и метрикой ROC-AUC, отражающей способность модели осуществлять качественное ранжирование. В дальнейших исследованиях будет рассмотрено применение дополнительных инструментов, таких как SMOTE-методы для снижения дисбаланса классов и Grid Search или Random Search для поиска оптимальных гиперпараметров.

Выводы

Острая проблематика финансового мошенничества создает повышенный интерес к изучению методов модернизации фрод-мониторинга со стороны научного сообщества. В то же время не все мировые практики и достижения в совершенствовании фрод-мониторинга могут быть применимы для российских компаний. Для определения трендов в исследованиях машинного обучения по решению задач противодействия мошенничеству был проведен систематический анализ публикаций отечественных баз данных. Ключевыми подходами, формирующими тренды, стали модели случайного леса, логистической регрессии и XGBoost, которые показывают отличные результаты в задачах бинарной классификации. Для подтверждения релевантности и обосновании выбора модели в рамках практического исследования была протестирована модель случайного леса. В результате ручного подбора настроек конфигурации обучения были получены достойные метрики Recall и ROC-AUC, которые можно считать сбалансированным решением для организации мероприятий по противодействию мошенничеству. При этом присутствует возможность применения дополнительных инструментов, например, нормализации и балансировки классов, с которыми метрики могут быть значительно улучшены. С учетом всех положительных аспектов, выбор в качестве основной модели Random Forest (случайный лес) можно считать полностью обоснованным. Таким образом, можно сделать вывод, что модель случайного леса, занимающая лидирующие позиции в формировании трендов, является релевантной для применения в исследованиях модернизации систем фрод-мониторинга с помощью машинного обучения.

Список использованных источников

1. Крайнов Н.М., Бобров Л.К. Построение систем фрод-мониторинга: подходы, методики, модели и их практическая реализация // Вестник НГУЭУ. 2024. № 4. С. 79–96.

2. Обзор операций, совершенных без добровольного согласия клиентов финансовых организаций // Центральный Банк России. [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/analytics/ib/operations_survey/2025/ (дата обращения 25.03.2026)

3. Хабибрахманов Р.Р., Пантелеева Л.Р. Применение классификационных методов машинного обучения для выявления мошеннических транзакций // Вестник Университета управления "ТИСБИ". 2025. № 4. С. 88–102.

4. Mathpati Sh. Sh., Kaladeep Yalagi P.C., Athavale V.A., Azarov I. A Comparative Analysis of Machine Learning Models for Financial Fraud Detection // AISMA-2025: International Workshop on Advanced Information Security Management and Applications: Conference proceedings, Stavropol, 11–15 мая 2025 года. Vol. 1456. – Springer Cham: Springer Nature Switzerland AG, 2025. P. 323–334.

5. Serzhan Ye., Umarov T. Fraud detection in credit card transactions using machine learning: a comparative analysis // Universum. 2025. No. 5-9(134). P. 48–55.

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОСИСТЕМЫ НА ЭКОНОМИЧЕСКИЙ РОСТ РЕГИОНА

Крутов А.М. – аспирант, «Технологический университет имени дважды героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» – филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии»

Научный руководитель: Меньшикова М.А. – д.э.н., профессор, «Технологический университет имени дважды героя Советского Союза, летчика-космонавта А.А. Леонова» – филиал ФГБОУ ВО «Московский государственный университет геодезии и картографии»

Аннотация

В статье исследуется влияние инновационной активности на экономический рост регионов Российской Федерации. На основе системного анализа данных выявлена устойчивая положительная связь между показателями научно-инновационной деятельности и валовым региональным продуктом. Определено соотношение элементов инновационной экосистемы и прослежены тенденции их воздействия на региональное развитие.

Введение

В условиях цифровой трансформации и геоэкономической турбулентности инновации становятся ключевым фактором конкурентоспособности регионов. Традиционные ресурсы экономического роста исчерпываются, актуализируя поиск новых источников развития через стимулирование научно-инновационной деятельности. Исследования в области инновационного развития регионов представлены работами отечественных и зарубежных учёных, однако недостаточно изучены динамические аспекты и региональная специфика этих взаимосвязей в постсанкционный период. Целью является оценка степени влияния инновационной активности на экономический рост регионов России.

Объекты и методы

В данной статье применяется метод теоретического синтеза и систематизации результатов эмпирических исследований для выявления общих закономерностей влияния инновационной экосистемы на региональную экономику. Основным инструментом выступил сравнительный анализ, позволивший интегрировать разрозненные данные о прямых и косвенных эффектах инновационной деятельности.

Экспериментальная часть

Для эмпирической оценки влияния инновационной экосистемы на региональное экономическое развитие были проанализированы данные, охватывающие различные географические контексты и методологические подходы. Таблица 1 представляет результаты анализа по регионам Центрального федерального округа Российской Федерации, демонстрируя сильную положительную связь между интегральным показателем инновационности и валовым региональным продуктом на душу населения.

Табл. 1

Показатели инновационной активности и ВРП регионов ЦФО [3]

Регион	Ранг инновационной активности	Нормированный ранг	ВРП на душу населения
Калужская обл.	10	0,60	0,80
Белгородская обл.	15	0,54	1,00
Ярославская обл.	21	0,48	0,63
Липецкая обл.	26	0,42	0,68

Продолжение табл. 1

Воронежская обл.	14	0,56	0,49
Тульская обл.	18	0,51	0,58
Рязанская обл.	30	0,38	0,39
Владимирская обл.	35	0,32	0,39
Тамбовская обл.	34	0,33	0,27
Смоленская обл.	29	0,14	0,33
Брянская обл.	53	0,12	0,23
Курская обл.	50	0,16	0,54
Тверская обл.	47	0,19	0,36

Нормированные значения ранга и ВРП на душу населения приведены к шкале от 0 до 1 для целей анализа и показывают экономическое развитие региона относительно других в выборке.

Для иллюстрации роли различных элементов инновационной экосистемы в таблице 2 приведены результаты исследования 30 провинций Китая, выявлены пути достижения высокого уровня региональной устойчивости (комплексный, технологический, инвестиционный). Цифровая экономика присутствует во всех вариантах как обязательное условие, тогда как факторы человеческого капитала, научных публикаций, межрегионального сотрудничества могут замещать друг друга в зависимости от специфики региона, подтверждая тезис о том, что в современных условиях цифровизация является базовым элементом функционирования инновационной экосистемы.

Табл. 2

Пути достижения высокой региональной устойчивости через инновационную экосистему [5]

Параметр	Комплексный путь	Технологический путь	Инвестиционный путь
Описание пути	Сбалансированное развитие всех элементов инновационной экосистемы	Упор на технологические инновации при поддержке науки	Упор на финансирование НИОКР и международное сотрудничество

Продолжение табл. 2

Обязательные условия	Цифровая экономика, технологические инновации, инвестиции в НИОКР	Цифровая экономика, технологические инновации	Цифровая экономика, инвестиции в НИОКР
Дополнительные условия	Человеческий капитал; научные публикации; технологическое сотрудничество	Научные публикации и знания	Технологическое сотрудничество с другими регионами
Характеристика провинций	Наиболее развитые регионы с комплексной инновационной инфраструктурой	Регионы с сильной научной базой и технологическими компаниями	Промышленные регионы с государственной поддержкой НИОКР
Эффективность конфигурации	95,55 %	98,3 %	90,1 %
Охват провинций	59,3 %	8,6 %	8,4 %
Практическое значение	Для достижения устойчивости нужно развивать цифровую экономику, технологии и инвестиции. Остальные элементы замещают друг друга.	Без сильных инвестиций в НИОКР успех достигается через технологические инновации и науку.	Без собственных технологических инноваций можно расти через инвестиции и сотрудничество.

Представленные данные по Китаю приведены для иллюстрации международных закономерностей функционирования инновационных экосистем. Несмотря на различия в институциональных условиях, выявленные механизмы имеют универсальный характер и могут быть адаптированы для анализа российских регионов. Обязательные условия являются ядровыми, то есть присутствуют во всех решениях конфигурации. Дополнительные условия, или же периферийные, могут замещаться.

Таким образом, выводится понимание процессов функционирования инновационной экосистемы, а именно:

– существует не один, а несколько равнозначных путей достижения высокой региональной устойчивости;

– цифровая экономика выступает универсальным и системообразующим условием успеха в инновационной экосистеме независимо от выбранного пути;

– традиционные факторы не являются обязательными условиями и компенсируются развитием технологических инноваций и инвестициями в НИОКР;

– эффективность выявленных путей варьируется от комплексного, охватывающего большинство успешных провинций, до альтернативных, которые подходят для регионов со специфическими условиями.

Исходя из вышеперечисленного, прямые эффекты инновационной экосистемы проявляются не через отдельные показатели, а через конфигурации взаимосвязанных элементов, где цифровая экономика играет интегрирующую роль.

Результаты и их обсуждение

Становление постиндустриального общества закономерно порождает новую экономическую систему, формирующую принципиально иную социоэкономическую действительность, современную стадию развития, рождённую научно-технической революцией, в которой главными ресурсами становятся знания наряду с информацией. Все это можно назвать новой экономикой – в которой встают на первое место не промышленность и не накопленный капитал, а человеческие ресурсы (ум и креативное мышление), поэтому новая экономика – это экономика знаний.

Инновационная система выступает основным источником экономического роста, поскольку её успешное функционирование генерирует общий экономический подъём, способствуя не только сохранению, но и возникновению новых рабочих мест в сферах науки и высокотехнологичного производства [1]. При этом развитие инновационной деятельности позволяет регионам решать актуальные социально-экономические задачи с минимальными временными и финансовыми затратами, одновременно снижая социальную напряжённость [1].

Прямые эффекты функционирования инновационной экосистемы проявляются в первую очередь через количественные макроэкономические показатели, среди которых выделяются создание новых рабочих мест, рост валового регионального продукта и увеличение налоговых поступлений. Эмпирический анализ подтверждает наличие значимой положительной корреляции между научно-инновационной активностью и валовым региональным продуктом субъектов. На выборке регионов Центрального федерального округа коэффициент корреляции составил 0,74, что по шкале Чеддока соответствует сильной связи [3]. Регрессионные модели динамики затрат на инновации объясняют до 90 % вариации

показателя, свидетельствуя о существенной роли инновационного фактора в экономическом развитии территорий [3]. При этом регионы демонстрируют значительную дифференциацию по доле инновационной продукции в ВРП.

Влияние научно-инновационной активности на экономический рост носит нелинейный характер и проявляется в полной мере лишь при достижении определённого порога экономического развития региона [3]. Данное обстоятельство указывает на необходимость стратегического размещения научного потенциала, поддержки ориентированных на решение конкретных производственных задач исследований, стимулирования выпуска инновационной продукции. Такие решения более эффективны, чем формальное наращивание доли инновационно активных организаций без учёта результативности их деятельности.

Структурные компоненты инновационной экосистемы, включающие в себя технологические инновации, инвестиции в НИОКР и развитие цифровой экономики, характеризуются измеримыми входами и выходами и вносят прямой вклад в производительность и экономические результаты [5]. Перечисленные факторы способны катализировать формирование новых отраслей и продуктов, повышать эффективность транзакций и улучшать информационный обмен, создавая тем самым непосредственный импульс для экономического роста и, как следствие, для расширения налоговой базы региона. Технологические инновации, в частности, косвенно способствуют улучшению качества общественных услуг, что в долгосрочной перспективе отражается на экономическом потенциале территории.

Таким образом, прямые экономические результаты функционирования инновационной экосистемы складываются посредством многофакторного влияния на основные макроэкономические показатели. Наивысшую продуктивность показывают территории, где государственная политика в сфере инноваций концентрируется на прикладных изысканиях, внедрении разработок в производство и насыщении реального сектора цифровыми технологиями.

Объединение исследовательских институтов с коммерческими организациями несёт в себе определённые опасности, и научные коллективы, вступающие в партнёрство с представителями малого предпринимательства, вынуждены функционировать в условиях повышенной нестабильности. Бизнес-структуры значительно сильнее реагируют на рыночные колебания, создавая угрозу ограничения академической свободы в ситуациях, когда вероятность неудачи выходит за рамки допустимого и провоцирует сокращение выпуска продукции или

поражение в конкурентном противостоянии. Для минимизации потенциальных угроз исследователям необходимо сохранять готовность к оперативной смене места трудовой деятельности и жительства, вливанию в новые команды и освоению смежных специальностей.

Результативность интеграции науки и бизнеса находится в прямой зависимости от степени экономического развития конкретного государства. Если бизнес-структуры не мотивированы соответствующими задачами, например, когда инвестиционный климат оказывается неблагоприятным или слишком рискованным, интерес к использованию собственных научных разработок падает и ухудшается ситуация на рынке научного труда.

Косвенные эффекты функционирования инновационной экосистемы проявляются через повышение производительности труда в традиционных отраслях экономики, являясь одним из условий для устойчивого развития региона. Влияние инновационной активности на экономические результаты носит неравномерный характер во времени. В краткосрочном периоде внедрение новых технологий оказывает отрицательное воздействие на показатели эффективности из-за издержек адаптации экономических агентов к новым условиям хозяйствования, однако в долгосрочной перспективе выявляется значительный положительный эффект [2]. Таким образом, инвестиции в научные исследования и разработки создают фундамент для последующего роста производительности, который реализуется с определенным временным лагом.

Эмпирические исследования на микроуровне демонстрируют значимое влияние индикаторов инновационной активности на динамику производительности российских компаний обрабатывающих отраслей [4]. Затраты на инновации и число патентных заявок оказывают положительное воздействие на рост производительности труда во всех типах фирм [4]. При этом пространственные эффекты играют существенную роль в формировании данных тенденций. Специализация и локализация экономической деятельности способствуют распространению знаний и технологий, создавая благоприятную среду для модернизации традиционных производств. При этом эффекты локализации имеют нелинейный характер, указывая на необходимость поиска оптимального уровня концентрации предприятий для максимизации производительности [4].

Простое заимствование технологий не всегда приводит к желаемым результатам, так как негативные эффекты от импорта технологий и высокой доли

инновационно активных предприятий в регионе для фирм с высокими темпами роста может быть связано с усилением конкурентного давления и зависимостью от внешних решений. В связи с этим главным фактором повышения производительности становится развитие и накопление регионального знания и инновационных компетенций, позволяющих преодолевать траекторную зависимость экономического роста, свойственную традиционным отраслям. Разнообразие и сложность региональных знаний и технологий способствуют трансформации промышленности, позволяя регионам осуществлять технологические скачки даже при наличии слабых стартовых условий [6].

Механизм косвенного влияния заключается в способности инновационной экосистемы генерировать знания и технологии, которые затем переходят в реальный сектор экономики. Предприятия традиционных отраслей получают доступ к передовым производственным технологиям через кооперационные связи, миграцию квалифицированных кадров и внедрение цифровых решений. Увеличение разнообразия знаний в регионе расширяет возможности для промышленной трансформации [6].

Инновационная экосистема выступает катализатором модернизации традиционных отраслей, обеспечивая рост производительности труда через комплексное воздействие на технологический уклад региональной экономики, что в совокупности с прямыми эффектами формирует устойчивую траекторию социально-экономического развития территории.

Грядущие перемены принесут новую эпоху, где инновации заменят информацию и высокие технологии в роли главного двигателя общественного развития. Информационное общество уступит место инновационному. Человек при этом остаётся мерой совершенства и точкой отсчёта во всех сферах. Инновационная деятельность на современном этапе вызывает наибольшую тревогу, ведь под угрозой оказалось существование человечества. Будущее развитие должно исходить из сохранения жизни как главной ценности эволюции.

Социально-экономическая реальность порождает новые формы неравенства, а именно цифровое. От способности получать, генерировать и распространять информацию теперь зависит положение стран, отдельных слоёв населения и субъектов в соответствующих пределах. Озвученный выше фактор необходимо учитывать при формировании региональной инновационной политики, направленной на обеспечение равного доступа к знаниям и технологиям.

Заключение

Проведённое исследование механизмов влияния инновационной экосистемы на экономический рост региона позволяет сформулировать ряд принципиальных выводов теоретического и прикладного характера. Так, инновационная активность играет важную роль в обеспечении экономического роста территорий. При этом установлено, что влияние инноваций носит нелинейный характер, существенный экономический эффект проявляется лишь после достижения регионом определённого порога экономического развития, что имеет принципиальное значение для пространственного размещения научного потенциала.

Выявлена двойственная природа воздействия инновационной экосистемы, где прямые эффекты дополняются косвенными эффектами, реализуемыми через повышение производительности труда в традиционных отраслях. Важно, что в краткосрочном периоде внедрение инноваций может сопровождаться отрицательным воздействием вследствие адаптационных издержек, тогда как в долгосрочной перспективе формируется устойчивая положительная динамика.

Таким образом, инновационная экосистема выступает не просто фактором, а системным условием устойчивого экономического роста региона. Её эффективное функционирование требует сбалансированной политики, сочетающей поддержку генерации знаний, развитие инфраструктуры их распространения и учёт пространственной специфики территориального развития.

Список используемых источников

1. Перцев С.Б. Влияние инновационной системы на экономический рост региона // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6. С. 450–459.

2. Победин А.А. Инновации как фактор регионального экономического роста (на примере Республики Татарстан) // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2025. № 69. С. 21–40.

3. Прохоренков П.А., Регер Т.В. Инновации как фактор регионального развития // Фундаментальные исследования. 2022. № 12. С. 75–80.

4. Пушкарев А.А., Жуков А.Н., Нагиева К.М. Влияние агломерационных эффектов и инновационной активности на динамику производительности российских компаний // Журнал экономической теории. 2020. Т. 17, № 2. С. 368–382.

5. Huang Y., Yuan Y., Zhang J., Li P. Innovation ecosystem and regional sustainability: An analysis of China provinces // Journal of Innovation & Knowledge. 2026. Vol. 12. P. 1–15.

6. Zhang J., Teng T., Wang T., Zeng G. The Path Innovation of Regional Economic Growth: Data Analysis Based on China // Journal of the Knowledge Economy. 2024. Vol. 15. P. 20111–20134.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ФОРМ ВОВЛЕЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ В ИНЖЕНЕРНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ОБОСНОВАНИЕ МОДЕЛИ ОТКРЫТОЙ ИНЖЕНЕРНОЙ ЛАБОРАТОРИИ

Кузюков Е.В. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Блинов А.В. – преподаватель, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье обосновывается модель открытой инженерной лаборатории как стартовой формы вовлечения студентов в инженерно-технологическую деятельность в условиях взаимодействия университета и колледжа. Выявлено, что эффективность начального включения определяется организационно-управленческими механизмами, а не технической оснащенностью. Предложена гибридная модель для ЮУТУ и УРК, обеспечивающая низкий порог входа, наставническую поддержку и институциональную устойчивость.

Технологическая трансформация экономики и курс на технологический суверенитет определяют новые требования к инженерной подготовке. Федеральные и региональные стратегии («Профессионалитет», «Передовые инженерные школы», Стратегия НТР РФ) фиксируют необходимость опережающего формирования инженерных компетенций, развития проектного обучения и построения непрерывных образовательных траекторий, включающих кооперацию СПО и ВО. В этих условиях университет и колледж должны выступать не только центрами трансляции знаний, но и средами раннего практико-ориентированного включения обучающихся в реальную инженерную деятельность [2].

Однако существующая инфраструктура зачастую ориентирована на уже подготовленных участников или жестко регламентирована, что создает

институциональный разрыв между учебной подготовкой и фактическим входом в инженерную практику. Результаты анкетного опроса, проведенного среди 65 студентов технических и IT-направлений ЮУТУ и УРК, представлены на рис. 1.

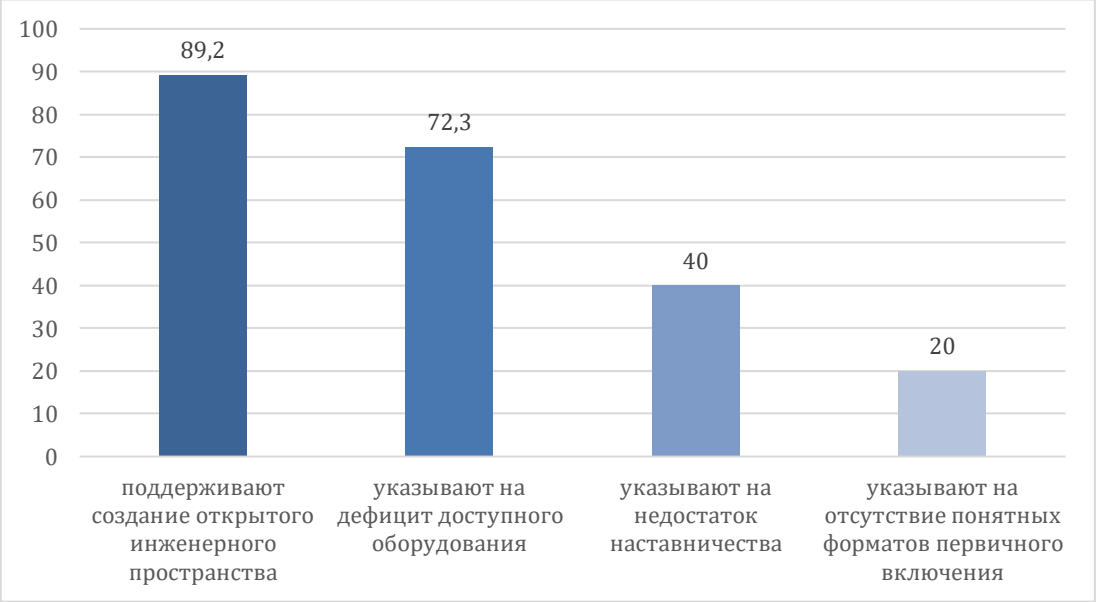


Рис. 1. Структура запроса обучающихся

Источник: составлено автором

Ключевыми барьерами выступают нехватка времени, недостаток прикладных навыков, неуверенность в собственных возможностях и неудобный режим участия.

Цель данного исследования – разработать и обосновать организационно-управленческую модель открытой инженерной лаборатории как стартовой формы вовлечения студентов в коллективную инженерно-технологическую деятельность в конфигурации «колледж–вуз». В основе методологии лежат институциональный, деятельностный и экосистемный подходы, методы сравнительного анализа, типологизации и анкетного опроса. Гипотеза исследования заключается в том, что эффективность начального вовлечения определяется не уровнем технической оснащенности, а конфигурацией организационно-управленческих механизмов, доступностью входа, наставническим сопровождением, прозрачной траекторией развития и институциональной устойчивостью.

Коллективная инженерно-технологическая деятельность обучающихся представляет собой совместную практико-ориентированную работу, направленную на постановку, разработку и материально-техническую реализацию

инженерных замыслов. Ее специфика заключается в предметной, деятельностной и социальной природе, участники не только распределяют задачи, но и обмениваются неявным знанием, формируют профессиональные нормы и практики кооперации. Основой такого взаимодействия часто выступают форматы кейс-обучения, позволяющие студентам анализировать реальные производственные ситуации и вырабатывать управленческие и технические решения [3].

Одна и та же по содержанию инженерная активность может быть институционально организована по-разному, от ориентированных на сообщество пространств до формализованных исследовательских структур. Для выбора оптимальной формы стартового вовлечения целесообразно использовать систему из семи критериев:

– доминирующая функция организационной формы;
– режим доступа и порог входа;
– степень формализации и управляемости;
– характер наставничества и сопровождения;
– ресурсная модель, безопасность и устойчивость;
– уровень интеграции в образовательную экосистему (в том числе в связку «колледж–вуз»);
– наличие прозрачной траектории дальнейшего развития участника.

Сравнительный анализ основных форм (табл. 1) демонстрирует их функциональную полярность. Зарубежные форматы (хакерспейсы, мейкерспейсы, ФабЛаб) и отечественные аналоги (ЦМИТы) выигрывают за счет низкого порога входа, гибкости и горизонтального взаимодействия, но часто оказываются институционально «легковесными» с точки зрения безопасности, ресурсной устойчивости и методической поддержки новичков [5]. Студенческие конструкторские бюро (СКБ), инженерные и молодежные лаборатории, а также передовые инженерные школы обладают высокой управляемостью, ресурсным обеспечением и встроенностью в официальные контуры, однако предполагают селективный доступ, тематическую специализацию и ориентированы на уже сформированные компетенции [6, 7].

Табл. 1

Сравнительные характеристики основных организационных форм коллективной инженерно-технологической деятельности

Организационная форма	Доминирующая функция	Режим доступа / порог входа	Формализация	Наставничество	Интеграция колледж–вуз
Хакерспейс / мейкерспейс	Сообщественная, инициативная	Низкий порог, открытый доступ	Низкая	Преимущественно неформальное	Как правило, отсутствует
ФабЛаб / ЦМИТ	Прототипирование, цифровая фабрикация	Условно открытый, средний порог	Средняя	Смешанное	Ограниченная / фрагментарная
СКБ / инженерная лаборатория	Проектно-конструкторская, исследовательская	Ограниченный доступ, средний или высокий порог	Средняя или высокая	Формальное	Чаще внутривузовская
Молодежная лаборатория	Исследовательская, кадровая	Высокий порог, отбор	Высокая	Формальное	Вертикальная, не стартовая
Передовая инженерная школа	Стратегическая индустриально-ориентированная	Селективный доступ, высокий порог	Очень высокая	Системное	Частично формируется на старших этапах

Источник: составлено автором

Ни одна из существующих форм в «чистом» виде не удовлетворяет совокупности условий для массового начального вовлечения в конфигурации «колледж–университет». Открытые сообщества не гарантируют безопасности и устойчивости в образовательной организации, а селективные структуры блокируют спонтанную инициативу и не решают задачу первичного входа. Логика анализа приводит к необходимости проектирования гибридной модели, способной соединить низкий порог доступа и сообщественный характер участия с институциональной устойчивостью, регламентированной безопасностью, встроенным наставничеством и возможностью интеграции в непрерывную траекторию СПО–ВО [1].

Разрабатываемая модель открытой инженерной лаборатории базируется на восьми принципах, таких как открытость и низкий порог входа; сочетание свободы инициативы и институциональной регламентации; проектно-деятельностный формат; поэтапное усложнение траектории участия; синтез взаимного обучения и институционального наставничества, междисциплинарность, встроенность в экосистему ЮУТУ и УРК, организационная устойчивость и воспроизводимость процессов.

Организационная структура и управление. Лаборатория функционирует как сетевая структура открытого типа с гибридным управлением. В ее основе четырехуровневая модель субъектов, научный руководитель обеспечивает институциональную встроенность и согласование с администрацией; координатор – операционное управление, расписание, ресурсы; технические наставники – сопровождение оборудования и проектов; студенческое ядро – самоорганизация, помощь новичкам, сохранение организационной памяти. Формально лаборатория может быть закреплена за одной организацией, но модель функционирования изначально предусматривает совместное использование инфраструктуры, смешанный состав участников и единые правила допуска.

Режим работы и инфраструктура. Для снижения барьеров участия внедряется модель дифференцированного доступа, открытые часы для свободного присутствия, знакомства с пространством и обсуждения идей сочетаются с поэтапной системой допуска к оборудованию (ознакомительный, базовый, расширенный уровни). Пространство функционально зонируется, зона свободной проектной работы, зона цифрового проектирования и моделирования, зона сборки и прототипирования, зона оборудования ограниченного доступа. Оснащение формируется по принципу функционального ядра (ПК с инженерным ПО, 3D-принтеры, базовый измерительный и паяльный инструмент, расходные материалы), а не максимально широкого набора «на будущее».

Траектория вовлечения выстраивается как последовательный многоуровневый переход от ситуативного интереса к профессиональному самоопределению. На начальном этапе преобладают ознакомительные форматы, такие как дни открытых дверей, демонстрационные сессии и вводные мастер-классы, позволяющие студентам оценить возможности пространства и сформировать первоначальную мотивацию. По мере закрепления интереса акцент

смещается на этап погружения, в рамках которого реализуются инженерные челленджи, тематические воркшопы и краткосрочные проектные интенсивы.

Следующая ступень характеризуется переходом к устойчивой проектной деятельности, предполагающей самостоятельную командную разработку и реализацию технических решений. В процессе накопления компетенций часть обучающихся переходит на уровень внутреннего развития, принимая на себя функции кураторов и технических наставников, тем самым обеспечивая преемственность и поддержку новых участников.

Завершающим звеном траектории выступает интеграция в более формализованные структуры инженерной экосистемы, такие как студенческие конструкторские бюро, исследовательские лаборатории, конкурсные треки и индустриальные проекты.

Такая архитектура обеспечивает плавное усложнение задач, сохраняя связность образовательной среды колледжа и вуза.

Интеграция и условия устойчивости. Лаборатория не подменяет учебные аудитории, а выступает практической площадкой для проектных дисциплин, курсового проектирования и факультативов. Институциональным стержнем является партнерская кооперация ЮУТУ и УРК, позволяющая преодолеть ведомственные границы и сформировать единое образовательное поле.

Внедрение модели сопряжено с рисками, избыточная неформальность ведет к зависимости от энтузиазма узкой группы, чрезмерная регламентация блокирует инициативу, ресурсная несостоятельность снижает содержательную нагрузку, а слабая интеграция в экосистему превращает лабораторию в изолированную инициативу. Минимизация угроз обеспечивается институциональной поддержкой, наличием постоянного координатора и ядра наставников, разумной системой правил безопасности, четким распределением ответственности и встроенной системой мониторинга эффективности (охват аудитории, качество первичного включения, эффективность наставничества, траекторный эффект перехода в сложные форматы, уровень межуровневой интеграции) [4].

Проведенный анализ подтвердил, что эффективность начального вовлечения студентов в инженерно-технологическую деятельность определяется не технической оснащенностью, а конфигурацией организационно-управленческих механизмов. Ни одна из существующих форм в изолированном виде не отвечает требованиям массового старта в связке колледж–вуз. Разработанная гибридная

модель открытой инженерной лаборатории выступает институциональным мостом между учебной подготовкой и профессиональной практикой, обеспечивая дифференцированный доступ к ресурсам, систему наставничества, поэтапную траекторию участия и органичную интеграцию в образовательный процесс ЮУТУ и УРК.

В текущем виде модель обоснована на основе теоретико-аналитического сопоставления, нормативных документов и эмпирических данных опроса. Перспективы развития исследования связаны с эмпирической апробацией модели в условиях реального функционирования лаборатории, анализом динамики участия, уточнением системы показателей эффективности и изучением влияния открытого инженерного пространства на формирование инженерной идентичности и профессиональное самоопределение обучающихся. Внедрение предложенной модели способно стать реальным механизмом непрерывной инженерной траектории, отвечающей современным задачам подготовки технологических кадров.

Список используемых источников

1. Амбарова П.А., Шаброва Н.В. Институциональные модели научного наставничества над студентами российских вузов: организационно-управленческие аспекты // Университетское управление: практика и анализ. 2023. Т. 27, № 3. С. 5–16.

2. Александров А.А., Федоров И.Б., Медведев В.Е. Инженерное образование сегодня: проблемы и решения // Высшее образование в России. 2013. № 12. С. 3–8.

3. Батовская Е.К., Витт А.М. Цифровые возможности в развитии междисциплинарных связей при подготовке современного инженера / Достижения науки – агропромышленному комплексу: современные тенденции в развитии агроинженерии, энергетики и экономики: материалы Международной научнопрактической конференции Института агроинженерии / Отв. ред. С.Д. Шепелёв. Челябинск: Южно-Уральский государственный аграрный университет, 2024. 298 с. С. 99–103.

4. Бобровский А.В., Бажутина М.М., Зотов А.В., Чижаткина Е.Д. Ресурсы, мотивация и проблемные зоны модели проектного обучения в подготовке инженеров // Высшее образование в России. 2025. Т. 34, № 4. С. 144–168.

5. Земцов Д.И. Сообщества практик будущего в российских университетах: фаблабы, ЦМИТы, кружки // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 5. С. 36–55.

6. Мельник А.Д., Меренков А.В., Сандлер Д.Г. Проектное обучение в передовых инженерных школах: опережающее образование личности // Интеграция образования. 2025. Т. 29, № 2. С. 282–299.

7. Нефедова А.И., Маринина Е.И., Шматко Н.А. Молодежные лаборатории: итоги первого этапа реализации программы // Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://issek.hse.ru/news/1105310252.html (дата обращения: 07.03.2026).

РАСПОЗНАВАНИЕ УЗЛОВЫХ ОБРАЗОВАНИЙ НА УЛЬТРАЗВУКОВЫХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ ЩИТОВИДНОЙ ЖЕЛЕЗЫ[2]

Лямин В.А. – аспирант, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Научный руководитель: Соловьев И.П. – к.ф.-м.н., доцент, ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»

Аннотация

В данной работе исследуется применение текстурных признаков Харалика для распознавания узловых образований на ультразвуковых изображениях щитовидной железы. Основными задачами исследования являются извлечение численных характеристик, описывающих текстуру изображения, и последующая настройка модели машинного обучения для классификации полученных данных. Проведённые эксперименты показали оптимальный размер анализируемой области составляет 32×32 пикселя, а использование цветовых моделей RGB и HSV позволяет достичь точности распознавания не ниже 90 %. Полученные результаты свидетельствуют о перспективности применения данного подхода для повышения эффективности автоматизированной медицинской диагностики.

Введение

Изображения ультразвукового исследования (УЗИ) являются простым и эффективным способом выявления некоторых аномалий щитовидной железы человека, в частности онкологических заболеваний. Одним из признаков возможного развития рака является появление в щитовидной железе так

[2] *Авторы благодарят Клинику высоких медицинских технологий им. Н.И. Пирогова за предоставленные образцы изображений*

называемых «узлов». Узлами принято называть новообразования, которые отличаются по способности отражать ультразвуковой сигнал от окружающей ткани щитовидной железы. Обычно выделяют несколько типов узлов:

– изоэхогенные – узлы, совпадающие по плотности с тканью щитовидной железы;

– гиперэхогенные – узлы с повышенной эхогенностью (более плотная ткань), которые на УЗИ-изображении выглядят более светлыми;

– анэхогенные – узлы с пониженной эхогенностью (менее плотная ткань), которые на УЗИ-изображении выглядят более тёмными.

При анализе большого количества медицинских изображений важно иметь программные средства, позволяющие автоматически выявлять новообразования щитовидной железы и помогать специалистам в определении пациентов, требующих более тщательного обследования или срочной госпитализации.

Для решения данной задачи применяются различные методы анализа цифровых изображений, направленные на извлечение информативных признаков, которые могут быть использованы для последующей классификации изображений. Одним из эффективных подходов является использование текстурных характеристик, позволяющих описывать статистические свойства структуры ткани.

В данной работе для анализа ультразвуковых изображений используются текстурные признаки Харалика [3, 5], которые вычисляются на основе матрицы совместной встречаемости уровней серого и позволяют количественно описывать пространственные зависимости яркости пикселей. Использование таких признаков позволяет выявлять различия в структуре тканей и повышать точность автоматического анализа ультразвуковых изображений щитовидной железы.

Обработка изображений

Для проведения исследования использовались изображения ультразвукового исследования щитовидной железы, полученные в Клинике высоких медицинских технологий им. Н.И. Пирогова. Далее на основе предварительно обученной модели распознавания объектов была выполнена разметка изображений в системе Supervisely [8]. Данная система применяется специалистами клиники и предназначена для разметки изображений как вручную, так и с использованием нейронных сетей.

На изображениях были выделены области нормальной ткани щитовидной железы и узловые образования. На следующем этапе были уточнены границы

размеченных областей, после чего выполнена верификация полученных данных специалистом клиники.

На рисунке 1 показан пример выделения блоков из области узла и нормальной ткани щитовидной железы для последующего анализа. Блоки формировались таким образом, чтобы получить максимально возможное количество непересекающихся фрагментов изображения.

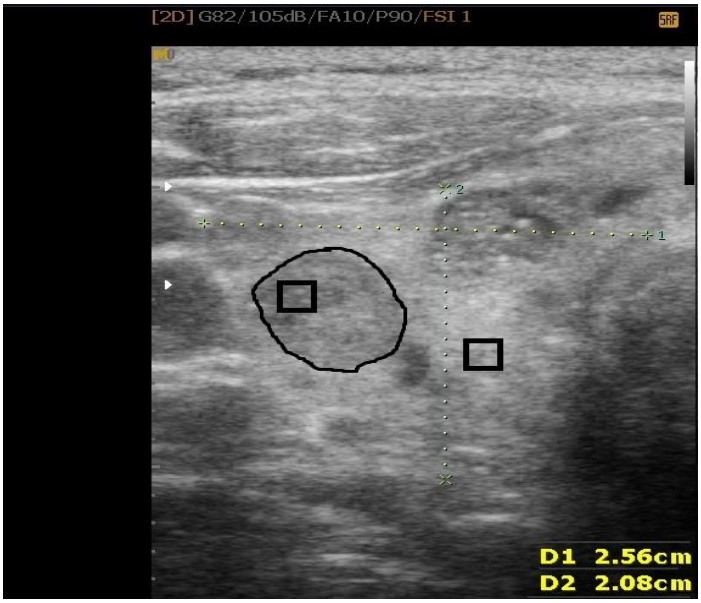


Рис.1. Изображение УЗИ щитовидной железы с одним очерченным узлом и двумя квадратными блоками, выбранными из нормальной и узловой ткани щитовидной железы (внутри выделенной области)

Применение текстурных признаков Харалика

Использование текстурных признаков Харалика основывается на предположении, что текстура изображения определяется пространственными отношениями между значениями яркости пикселей в полутоновом изображении. Эти отношения описываются с помощью матриц, которые отражают различные варианты взаимодействия пикселей в определённой окрестности [4]. Затем на основе этих матриц вычисляются числовые характеристики, применяемые в дальнейшем для анализа изображения.

Для корректной работы данного метода необходимо выбрать область на изображении в виде прямоугольника, где N_x – количество пикселей по горизонтали и N_y – количество пикселей по вертикали, а N_g – количество уровней серого. Далее вводим горизонтальную пространственную область $L_x = \{1, \ldots, N_x\}$ и вертикальную пространственную область $L_y = \{1, \ldots, N_y\}$, а также множество уровней серого $G =$

$\{1, \ldots, N_g\}$. Основываясь на введенных понятиях, определим функцию изображения I следующим образом: $I: L_y \times L_x \to G$

Ключевым этапом реализации данного метода является вычисление четырёх характеристик, представленных в виде матриц частот P, где учитываются пары соседних пикселей, расположенных на расстоянии d. Элементы матрицы P отражают ненормированные соотношения уровней серого и задаются следующим образом:

- $P_{d,0^\circ}(i,j) = \{ ((k,l),(m,n)) \in (L_y \times L_x) \times (L_y \times L_x) | \; k-m=0, |l-n| = d, I(k,l)=i, I(m,n)=j \}$,
- $P_{d,45^\circ}(i,j) = \{ (k,l),(m,n)) \in (L_y \times L_x) \times (L_y \times L_x) | \; (k-m=d, l-n=-d) \vee (k-m=-d, l-n=d), I(k,l)=i, I(m,n)=j$,
- $P_{d,90^\circ}(i,j) = \{(k,l),(m,n)) \in (L_y \times L_x) \times (L_y \times L_x) | \; |k-m| = d, l-n=0, I(k,l)=i, I(m,n)=j \}$,
- $P_{d,135^\circ}(i,j) = \{ ((k,l),(m,n)) \in (L_y \times L_x) \times (L_y \times L_x) | \; (k-m=d, l-n=d) \vee (k-m=-d, l-n=-d), I(k,l)=i, I(m,n)=j \}$,

где # обозначает мощность множества. На рисунке 2 показан пример вычисления данных матриц для изображения четыре на четыре пикселя при d равном одному. В качестве примера используется изображение I размером 4x4 пикселя с четырьмя уровнями серого, для которого построена таблица отношений уровней серого и вычислены четыре матрицы вхождения P при d, равном единице.

I =

0	0	1	1
0	0	1	1
0	2	2	2
2	2	3	3

	Grey Tone			
	0	1	2	3
0	#(0,0)	#(0,1)	#(0,2)	#(0,3)
1	#(1,0)	#(1,1)	#(1,2)	#(1,3)
2	#(2,0)	#(2,1)	#(2,2)	#(2,3)
3	#(3,0)	#(3,1)	#(3,2)	#(3,3)

$$P_{1,0^\circ} = \begin{pmatrix} 4 & 2 & 1 & 0 \\ 2 & 4 & 0 & 0 \\ 1 & 0 & 6 & 1 \\ 0 & 0 & 1 & 2 \end{pmatrix} \quad P_{1,45^\circ} = \begin{pmatrix} 4 & 1 & 0 & 0 \\ 1 & 2 & 2 & 0 \\ 0 & 2 & 4 & 1 \\ 0 & 0 & 1 & 0 \end{pmatrix} \quad P_{1,90^\circ} = \begin{pmatrix} 6 & 0 & 2 & 0 \\ 0 & 4 & 2 & 0 \\ 2 & 2 & 2 & 2 \\ 0 & 0 & 2 & 0 \end{pmatrix} \quad P_{1,135^\circ} = \begin{pmatrix} 2 & 1 & 3 & 0 \\ 0 & 2 & 1 & 0 \\ 3 & 1 & 0 & 2 \\ 0 & 0 & 2 & 0 \end{pmatrix}$$

Рис. 2. Пример вычисления матриц

Источник: составлено автором

На следующем этапе полученные матрицы нормируются таким образом, чтобы сумма всех элементов равнялось единице. Для нормированных матриц p вычисляем математическое ожидание по строкам и столбцам (μ_x, μ_y), а также дисперсии (σ_x, σ_y) [1] по приведенным ниже формулам, индексы для матриц в формулах естественным образом опускаем:

- $\mu_x = \sum_{i=1} i \sum_{j=1} p\,(i,j)$
- $\mu_y = \sum_{i=j} j \sum_{i=1} p\,(i,j)$
- $\sigma^2{}_x = \sum_{i=1}(1-\mu_x)^2 \sum_{j=1} p\,(i,j)$
- $\sigma^2{}_y = \sum_{j=1}(1-\mu_y)^2 \sum_{i=1} p\,(i,j)$

Далее вычисляются 15 признаков, для нормированных матриц p, которые можно использовать при дальнейшем исследовании изображения. В наших экспериментах наилучшие результаты получаются при использовании следующих признаков: однородность, контраст, корреляция, дисперсия, гомогенность [2].

- $f_1 = \sum_i \sum_j p\,(i,j)^2$ – однородность. Это текстурный признак, который характеризует однородность текстуры изображения. Близкое к единице значение данного признака говорит о гладкой структуре, т.е. значения пикселей мало вариативны и часто повторяются.

- $f_2 = \sum_{n=0}^{N_g-1} n^2 \left(\sum_{|i-j|=n}^{N_g} p\,(i,j)\right)$ – контраст. Данный признак показывает насколько сильно отличаются интенсивности соседних пикселей.

- $f_3 = \frac{\sum_i \sum_j ijp(i,j) - \mu_x\mu_y}{\sigma_x\sigma_y}$ – корреляция. Она измеряет степень линейной зависимости между значениями интенсивностей пикселей, расположенных рядом. Например, низкая корреляция указывает на наличие резких границ и высокочастотных изменений в изображении.

- $f_4 = -\sum_i \sum_j p\,(i,j) log(p(i,j))$ – энтропия Шеннона. Данный признак измеряет степень беспорядка или сложности текстуры на изображении.

- $f_5 = -\sum_i \sum_j \frac{1}{1+(i-j)^2} p(i,j)$ – гомогенность. Это признак измеряет, насколько близки значения пикселей друг к другу. В ходе экспериментов было выявлено, что он наиболее сильно влияет на точность модели (до 70 %).

Обучение нейронных сетей

Для применения методов машинного обучения были сформированы векторы признаков, состоящие из вычисленных текстурных характеристик для каждого

блока изображения. В качестве модели машинного обучения был выбран метод опорных векторов (SVM) из библиотеки scikit-learn [7], поскольку данная модель имеет простой программный интерфейс и демонстрирует высокую эффективность при работе с малыми и средними выборками.

Перед обучением признаки были приведены к единому масштабу, что позволяет избежать доминирования отдельных признаков над другими. Это особенно важно для метода опорных векторов, поскольку алгоритм чувствителен к масштабу данных: расстояния между объектами и вычисление разделяющей гиперплоскости напрямую зависят от значений признаков. При отсутствии нормализации признаки с большими числовыми значениями могут существенно влиять на положение разделяющей границы, что приводит к снижению качества классификации.

Масштабирование признаков выполнялось путём приведения их значений к диапазону [0,1]. Преобразование выполняется по следующей формуле: $x_{scaled} = \frac{x - x_{min}}{x_{max} - x_{min}}$, где x_{min} и x_{max} – минимальное и максимальное значения данного признака соответственно. Далее данные были разделены на две выборки: обучающую и тестовую. Обучающая выборка составляла 80 % от общего объёма данных, а тестовая – 20 %. Все экспериментальные результаты, представленные в работе, получены на тестовой выборке.

Результаты

На первом этапе экспериментов был определен оптимальный размер извлекаемой области. В серии экспериментов рассматривались квадратные области размером 20x20, 25x25, 32x32 и 35x35 пикселей. Результаты приведены в таблице 1. На них видно, что наибольшей точности (доля правильных предсказаний среди всех предсказаний модели) модель достигает при размере области 32 на 32 пикселя.

Табл. 1

Доля правильно классифицированных объектов в зависимости от размера блока

Размер блока	Accuracy	Precision	Recall
20x20	0,88	0,92	0,8
25x25	0,90	0,95	0,83
32x32	0,98	1	0,93
35x35	0,92	0,96	0,85

Источник: составлено автором

На втором этапе была исследована зависимость точности модели от цветовой палитры. Использовались палитры RGB, LAB и HSV. Результаты приведены в таблице 2. Наибольшей точности удалось достичь на моделях RGB и HSV.

Табл. 2

Доля правильно классифицированных объектов в зависимости от цветовой модели

Цветовая модель	Accuracy	Precision	Recall
RGB	0,98	1	0,93
HSV	0,95	0,99	0,91
LAB	0,9	0,96	0,88

Источник: составлено автором

Для сравнения с другими методами извлечения признаков из изображений был реализован алгоритм локальных бинарных шаблонов (LBP) [6]. Однако модель, обученная на признаках, полученных с использованием данного метода, показала точность около 60 %, что существенно ниже по сравнению с результатами, полученными при применении текстурных признаков Харалика.

На третьем этапе экспериментов был определён оптимальный набор дистанций d для получения наилучших результатов обучения модели. Для этого признаки, рассчитанные при различных значениях d, объединялись в один вектор. В результате экспериментов оптимальным оказался набор дистанций $\{1, 2, 3, 4\}$. Итоговые значения приведены в таблице 3.

Табл. 3

Доля правильно классифицированных объектов в зависимости от набора дистанций d

Набор d	Accuracy	Precision	Recall
1	0,95	0,86	0,91
1, 2, 3, 4	0,98	1	0,93
1, 2, 3, 4, 5	0,95	0,86	0,91

Источник: составлено автором

Заключение

В данной статье представлен подход к обработке размеченных изображений УЗИ щитовидной железы для последующего извлечения численных характеристик

при помощи текстурных признаков Харалика. Также приведены серии экспериментов, по которым можно сделать следующие выводы:

– наиболее оптимальным размером области для разделения узлов от нормальной ткани щитовидной железы составляет 32 на 32 пикселя;

– оптимальный набор дистанций {1, 2, 3, 4};

– использование цветовых моделей RGB и HSV дает лучший результат, чем LAB.

Список используемых источников

1. Белов Н.И., Ермак М.А., Дубинич Е.А., Кузнецов А.Ю. Распознавание изображений на основе текстурных признаков Харалика и искусственных нейронных сетей // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2022. Т. 22, № 2. С. 279–286.

2. Соловьев И.П., Лямин В.А. Использование текстурных признаков Харалика для анализа изображений щитовидной железы // МАТ-МЕХ. НАУКА 2025. С. 109–115.

3. Ampilova N., Lyamin V., Soloviev I. On the analysis of thyroid gland ultrasonic images by the methods of Haralick and local density function // Proceedings of the 19th International Engineering Conference on Communications, Electromagnetics and Medical Applications (CEMA’25). 2025. P. 13–15.

4. Haralick R.M. Statistical and structural approaches to texture // Proceedings of the IEEE. 1979. Vol. 67, No. 5. P. 786–804.

5. Haralick R.M., Shanmugam K., Dinstein I. Textural features for image classification // IEEE Transactions on Systems, Man, and Cybernetics. 1973. Vol. SMC-3, No. 6. P. 610–621.

6. Iakovidis D.K., Keramidas E.G., MaroulisD. Fusion of fuzzy statistical distributions for classification of thyroid ultrasound patterns // Artificial Intelligence in Medicine. 2010. Vol. 50. P. 33–41.

7. Pedregosa F., Varoquaux G., Gramfort A. et al. Scikit-learn: Machine learning in Python // Journal of Machine Learning Research. 2011. Vol. 12. P. 2825–2830.

8. Supervisely: AI-powered platform for computer vision // Supervisely.com. [Electronic resource]. URL: https://supervisely.com (date of treatment: 11.05.2025).

ПРИМЕНЕНИЕ НЕЙРОННЫХ СЕТЕЙ ДЛЯ ПРОГНОЗИРОВАНИЯ ВАЛЮТНЫХ КУРСОВ И ХЕДЖИРОВАНИЯ ФИНАНСОВЫХ РИСКОВ

Новосельцев В.Д. – студент, ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В.Г. Шухова»

Научный руководитель: Коломыцева Е.П. – старший преподаватель, ФГБОУ ВО «Белгородский государственный технологический университет имени В. Г. Шухова»

Аннотация

В статье рассматривается применение архитектур глубокого обучения для прогнозирования временных рядов валютных курсов. Исследуются современные модели, такие как LSTM и трансформеры, в контексте их интеграции в системы хеджирования валютных рисков. Приведен анализ эффективности нейросетевых методов на примере пилотного проекта банка Citigroup, продемонстрировавшего снижение затрат на хеджирование. Особое внимание уделяется проблеме переобучения и адаптации моделей к рыночной волатильности.

Введение

В условиях глобальной экономической нестабильности и высокой волатильности финансовых рынков вопросы управления валютными рисками приобретают первостепенное значение как для корпоративного сектора, так и для частных инвесторов. Традиционные статистические методы (ARIMA, GARCH) часто не справляются с нелинейной природой финансовых временных рядов, что стимулирует поиск новых подходов. Развитие технологий искусственного интеллекта, в частности нейронных сетей, открыло возможности для создания более точных прогностических моделей [1].

Согласно исследованию выбор оптимальной архитектуры нейросети зависит от конкретной задачи: рекуррентные сети (RNN) показывают лучшие результаты на временных рядах, в то время как сверточные сети (CNN) эффективны при выявлении пространственных структур в данных [1]. Целью данной работы является анализ современных нейросетевых методов прогнозирования валютных курсов и оценка потенциала их применения в стратегиях хеджирования.

Объекты и методы

Объектом исследования выступают валютные пары, такие как EUR/USD и USD/RUB, а также методы алгоритмического управления рисками. В работе рассматриваются следующие архитектуры нейронных сетей:

1. Сети долгой краткосрочной памяти (LSTM). Являются эволюцией простых RNN и специально разработаны для запоминания долгосрочных зависимостей, что критически важно для анализа многолетних исторических данных [3].

2. Трансформеры (Time-Series Transformer). Современные модели, использующие механизмы внимания. Примером служит модель Falcon Time-Series Transformer (TST) от Ant International, которая уже показала высокую эффективность в прогнозировании денежных потоков [2].

3. Гибридные модели (MVO-BiGRU). Новейшие разработки, интегрирующие вариационную модную декомпозицию (VMD) и двунаправленные GRU-сети с оптимизацией гиперпараметров (Optuna). Такие модели успешно избегают переобучения при работе с низкочастотными данными [4].

Методология обучения включает подачу на вход сети исторических данных (цены открытия/закрытия, объемы торгов, макроэкономические показатели) и тональности новостного фона (сентимент-анализ).

Экспериментальная часть и результаты

Современные исследования демонстрируют впечатляющие результаты внедрения нейросетей. В 2025 году банк Citi совместно с Ant International провели пилотное тестирование решения для управления валютными рисками. Платформа объединила модель Falcon TST от Ant и сервис Fixed FX Rates от Citi. В тестировании участвовала крупная азиатская авиакомпания; целью было хеджирование рисков при онлайн-продаже билетов [2].

Результаты пилотного проекта показали снижение расходов на хеджирование на 30 % за счет более точного прогнозирования потребности в валюте и оптимизации момента фиксации курса. Это подтверждает гипотезу о том, что ИИ позволяет не просто предсказывать цену, но и значительно повышать эффективность финансового планирования.

Что касается чисто прогностических способностей, исследование, проведенное с использованием модели глубокого обучения на основе многослойного персептрона (DNN-based MLP), показало, что нейросети способны классифицировать валюты на «хорошие» и «плохие» для инвестиций с точки зрения доходности с поправкой на риск. Модель успешно определила валюту-убежище (safe-haven currency) среди трех анализируемых [3].

Табл. 2

Сравнение эффективности методов прогнозирования [3]

Метод	**Средняя ошибка прогноза (MAPE, %)**	**Преимущества**	**Недостатки**
ARIMA	3,5 – 5,0	Простота реализации	Не улавливает нелинейность
LSTM	1,8 – 2,5	Учитывает долгосрочные зависимости	Требователен к вычислительным ресурсам
Transformer (TST)	1,5 – 2,0	Параллельная обработка данных	Сложность настройки
MVO-BiGRU	<1,5	Высокая точность, защита от переобучения	Экспериментальная стадия

Обсуждение

Несмотря на очевидные успехи, применение нейросетей в трейдинге сопряжено с рядом ограничений. Главная проблема заключается в том, что модели обучаются на исторических данных. Как отмечает главный экономист «Эксперт РА» Антон Табах, «нейросети не могут оценить "черных лебедей" – кризисы, вызванные рукотворными или внешними событиями». Модель ищет устойчивые паттерны, но рыночное поведение участников может кардинально меняться.

Кроме того, такие инструменты, как ChatGPT, не предназначены для финансовых прогнозов и прямо заявляют об отсутствии такой возможности. Они полезны для генерации кода торговых роботов или первичного анализа, но не как самостоятельный инвестиционный совет.

В контексте хеджирования нейросети наиболее эффективны не как замена трейдеру, а как ассистивный инструмент. Они позволяют автоматизировать мониторинг рисков, рассчитывать оптимальное количество фьючерсных контрактов или опционов (дельта-хеджирование) на основе прогноза волатильности, а также управлять стоимостью финансирования (XVA) в мультивалютных портфелях.

Заключение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что нейронные сети являются мощным инструментом повышения эффективности операций на валютном рынке. Их применение в задачах прогнозирования позволяет снизить ошибку

предсказания, а в задачах хеджирования – оптимизировать затраты на страховку от неблагоприятных движений курса.

Дальнейшие исследования должны быть направлены на разработку гибридных моделей, устойчивых к структурным сдвигам в экономике, и интеграцию методов анализа больших данных (включая новостные ленты и макростатистику) в торговые алгоритмы. Для российских компаний, работающих в условиях санкционного давления и высокой волатильности рубля, разработка таких систем является критически важной задачей для обеспечения экономической безопасности [1].

Список используемых источников

1. Ползнов А.И., Корнилов Д.А. Классификация и применение нейронных сетей для прогнозирования финансовых показателей // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2024. № 1. С. 30–40.

2. Citigroup улучшает управление валютными рисками с использованием ИИ // binance.com. [Электронный ресурс]. URL: https://www.binance.com/ru/square/post/27109007687226 (дата обращения: 10.03.2026).

3. Financial Modelling System Using Deep Neural Networks (DNNs) for Financial Risk Assessments // International Social Science Journal. 2024. Vol. 74 (254). P. 137–154.

4. Iqbal F., Koutmos D., Ahmed E.A. A Novel Hybrid Deep Learning Method for Accurate Exchange Rate Prediction // Risks. 2024. Vol. 12. No. 9. P. 139.

5. Total value adjustment in a multicurrency framework with stochastic exchange rates and mean-reversion spreads // Journal of Computational Finance. 2025. Vol. 29. No. 1. P. 37-75.

«КИБЕРХУЛИГАН ИЛИ КИБЕРПРЕСТУПНИК?»: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЕЧСКИЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ЧЕЛОВЕКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРОТИВОПРАВНЫЕ ДЕЙСТВИЯ В СЕТИ

Потапенко У.О. – студент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова»

Научный руководитель: Саратова О.В. – к.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г.Ф. Морозова»

Аннотация

В работе предпринята дифференциация киберхулиганства и киберпреступности как самостоятельных типологических конструкторов в структуре девиантного поведения молодежи. Предпринята попытка составить социально-психологический портрет молодого человека, совершающего деструктивные действия в сети, и разграничить понятие «киберхулиган» и «киберпреступник». Проводится анализ того, чем мотивировано киберхулиганство, и раскрываются цели киберпреступности.

Введение

В стремительно цифровизирующемся мире, где границы между физической и виртуальной реальностью для молодого поколения становятся прозрачными, прорастают новые, нередко деструктивные, формы поведения. Цифровая трансформация всех сфер общественной жизни привела к появлению новых форм девиантного поведения, опосредованных информационно-телекоммуникационными сетями. Как отмечает А.В. Воробьев в своем исследовании: «киберпреступность представляет собой динамично развивающееся явление, требующее переосмысления традиционных подходов к изучению личности преступника» [2]. Молодежь, выступая наиболее активной частью интернет-аудитории, одновременно является и основной группой риска совершения противоправных действий в киберпространстве.

Статистические данные свидетельствуют о неуклонном росте количества зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием сети Интернет, при этом значительную долю среди лиц, их совершивших, составляют граждане в возрасте от 14 до 25 лет [5]. Зачастую в общественном и правоприменительном сознании понятия «киберхулиганство» и «киберпреступность» сливаются в единое целое, что является опасным

упрощением. Между тем различия в уровне общественной опасности, глубине мотивов и юридических последствиях этих деяний колоссальны.

Отсутствие четкой дифференциации препятствует целенаправленной профилактике и корректной квалификации правонарушений. Актуальность темы обусловлена не только количественными показателями, но и качественными изменениями в структуре преступности несовершеннолетних и молодежи. Настоящая работа стремится обрисовать и выявить социально-психологический портрет, детерминанты молодого человека, совершающего противоправные действия в сети.

Объект и методы исследования

Объектом данного исследования выступили лица молодого возраста (14–25 лет), совершившие противоправные деяния в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Выбор возрастных границ обусловлен, во-первых, уголовно-правовыми критериями – наступление уголовной ответственности с 14 лет по ряду составов (ст. 20 УК РФ), во-вторых, социально-психологическими особенностями данного возрастного периода, характеризующегося завершением формирования личности, цифровой социализацией и повышенной подверженностью влияния референтных групп.

Методологическую основу исследования составил комплекс общенаучных и частнонаучных методов, обеспечивающих междисциплинарный характер работы. К ним относятся:

1. Общенаучные методы:

– диалектический метод позволил не только рассмотреть киберхулиганство и киберпреступность как взаимосвязанные понятия, но и различать влияния, находящиеся в динамике развития;

– методы индукции и дедукции использованы при формировании типологических групп правонарушителей на основе анализа эмпирических данных;

– системно-структурный анализ применен для выявления взаимосвязей между правовыми нормами, психологическими характеристиками личности и формами противоправного поведения.

2. Частнонаучные методы:

– сравнительно-правовой метод применен для сопоставления признаков киберхулиганства и киберпреступности, выявления критериев разграничения;

– метод психологического портретирования использован для реконструкции социально-психологических профилей двух типологических групп правонарушителей на основе анализа личностных особенностей, поведенческих паттернов и мотивационной сферы.

3. Эмпирический метод:

– материалы судебной практики;

– опубликованные результаты криминологических и социологических исследований последних лет, посвященных цифровой социализации молодежи и формами девиантного поведения в сети.

Экспериментальная часть

В целях эмпирической верификации теоретических конструкторов, был проведен анализ эмпирических данных, структурированный в три этапа.

Первый этап – анализ материалов судебной практики. Эмпирическую базу составили 12 приговоров судов общей юрисдикции за период 2022–2025 гг. по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 207.3, 213, 273, 282 УК РФ, а также 8 постановлений о привлечении к административной ответственности по ст. 20.1 КоАП РФ за деяния, совершенные в информационно-телекоммуникационной сети Интернет. Критерием отбора выступает именно возраст лиц, совершивших противоправное деяние (14–25 лет). В процессе анализа фиксировались такие параметры как: возраст, уровень образования, характер деяния, мотивационная составляющая, вид и мера наказания. Как отмечает Ю.М. Батурин, «судебная практика по делам о киберпреступлениях демонстрирует устойчивую тенденцию к унификации подходов, однако дифференциация мотивов остается недостаточно проработанной» [1].

Второй этап – анализ опубликованных результатов криминологических и социологических исследований, посвященных цифровой социализации молодежи и формами девиантного поведения в сети. Объектом анализа выступили статьи в научных журналах, аналитические доклады за период 2020–2025 гг., содержащие эмпирические данные о мотивации, личностных особенностях и социально-демографических характеристиках молодых лиц, совершающих противоправные действия в интернет-пространстве. Автор научной статьи Г.У. Солдатова хорошо подчеркивает, «цифровая среда выступает не просто инструментом, но и полноценной средой обитания современного подростка, что требует переосмысления традиционных подходов к профилактике девиантного

поведения» [7]. Также очень хорошо выделяются ключевые психологические детерминанты, отличающие системных киберприступников от ситуативных правонарушителей в работах А.М. Воробьева и А.В Богданова [2].

Третий этап – сравнительно-сопоставительный анализ данных, полученных на первом и втором этапах, позволивший выявить корреляции между установленными судом мотивами и психологическими портретами, описанными в научной литературе. Как отмечает Ю.А. Клейбер, «сопоставление эмпирических данных судебной практике с теоретическими конструктами психологии девиантоного поведения позволяет верифицировать типологию правонарушителей и разработать дифференцированные профилактические меры» [3].

Результаты и их обсуждение

Анализ законодательства позволяет констатировать, что понятие «киберхулиганство» не является легальным. В правоприменительной практике под ним понимаются деяния, квалифицируемые либо как мелкое хулиганство (ст.20.1 КоАП РФ), либо как хулиганство (ст. 213 УК РФ), совершенное с использованием сети Интернет. Обязательным признаком хулиганства выступает мотив – грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу. В цифровой сфере это может проявляться в массовых оскорбительных публикациях, травле (буллинге), размещении заведомо ложных сведений, не связанных с корыстной целью.

Киберпреступления представляют собой более широкую категорию. В соответствии со ст. 272–274 УК РФ к ним относятся неправомерный доступ к компьютерной информации, создание, использование и распространение вредоносных программ, нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации. Кроме того, сеть Интернет может выступать орудием или средством совершения традиционных преступлений: мошенничество (ст. 159 УК РФ), возбуждение ненависти либо вражды (ст. 282 УК РФ), публичных призывов к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ).

Ключевое различие заключается в объективной стороне и мотиве. Для киберхулиганства характерна демонстративность, отсутствие корыстной заинтересованности, направленность на получение эмоциональной реакции аудитории. Для киберпреступности наличие умысла на причинение имущественного вреда, дестабилизацию работы информационных систем либо

достижение политических (идеологических) целей, зачастую сопряженное с использованием специальных знаний и технических средств. По мнению А.М. Воробьева и А.В. Богданова, «именно мотивационная сфера выступает тем дифференцирующим признаком, который позволяет отграничить хулиганские проявления от системной преступной деятельности в киберпространстве» [2].

Анализ криминологических исследований позволяет выделить две возрастные группы, различающиеся по характеру противоправной активности в сети. Первая группа – лица в возрасте 14–17 лет. Для данной категории характерно преобладание киберхулиганских проявлений: деструктивное поведение в социальных сетях, участие в массовых травлях, взлом аккаунтов с целью «пранка», распространение недостоверной информации. Социальная среда играет определяющую роль: высокая зависимость от мнения референтной группы, влияние деструктивных онлайн-сообществ, эффект «сетевой безнаказанности», обусловленный анонимностью. Как резюмируют Г.У. Солдатова, Е.И. Рассказова и Т.А. Нестик, «в подростковом и юношеском возрасте формирование идентичности происходит под значительным влиянием цифровой среды, что создает предпосылки для девиантного поведения при отсутствии сформированного критического правосознания» [7].

Вторая группа – лица в возрасте 18–25 лет. В этой возрастной категории наблюдается переход от ситуативного киберхулиганства к инструментальным формам киберпреступности. Эта категория обычно обладает более высоким уровнем интеллекта и технической подготовки. Часто это студенты технических вузов, начинающие IT-специалисты, участники хакерских сообществ, целенаправленно применяющие свои навыки для получения материальной или политической выгоды. Спектр их деятельности весьма широк: кардинг, фишинг, создание и распространение вредоносного ПО, DDoS-атаки по найму, распространение запрещенного контента, участие в деятельности деструктивных онлайн-сообществ. Из этого получается, что мотивационная структура усложняется: на смену гедонистическим и демонстративным мотивам приходят корыстные, идеологические и профессионально-деструктивные. Представители, помимо специализированных знаний в области информационных технологий, используют анонимизирующие средства, демонстрируют устойчивость противоправного поведения. Проведенный анализ судебной практики показывает, что среди лиц, осужденных за преступления, предусмотренные ст. 159, 272, 273 УК

РФ, доля возрастной категории 18–25 лет составляет примерно 60 % от общего числа молодых правонарушителей.

Особого внимания заслуживает феномен диффузии мотивов, когда первоначально киберхулиганские действия (взлом аккаунта ради развлечения) трансформируются в киберпреступные (использование полученного доступа для хищения денежных средств).Такой переход показывает, как меняется личность: формирование криминальной идентичности, нейтрализацию механизмов внутреннего самоконтроля, приобретение навыков противоправной деятельности. Как отмечает Д.В. Молчанов, «в молодежной среде граница между интернет-хулиганством и киберпреступностью часто оказывается размытой, причем отсутствие своевременной правовой оценки способствует углублению противоправного поведения [4]. В связи с этим предоставляется обоснованным выделение не двух изолированных типов, а единой линии или как еще можно сказать спектра, где крайние позиции занимают ситуативный правонарушитель с демонстративно-гедонистической мотивацией и системный преступник с устойчиво корыстной или идеологической направленностью.

Социально-психологический портрет молодого киберхулигана включает следущие характеристики: возраст 14–17 лет; средний или средне-специальный уровень образования; отсутствие критического мышления и правосознания; высокая зависимость от цифровой среды; мотивация, основанная на поиске признания, острых ощущений, эмоциональной разрядке; поведение, носящее ситуативный, импульсивный характер. Для киберпреступника характерны: возраст 18–25 лет; наличие профессионального или начального профессионального образования в сфере IT; сформированное, но деформированное правосознание; рациональная мотивация (корысть, идеология); устойчивость противоправного поведения; использование специализированных знаний и инструментов; низкий уровень эмпатии и высокий уровень социальной адаптации, позволяющий длительное время оставаться вне поле зрения правоохранительных органов.

Профилактика противоправного поведения в сети требует дифференцированного подхода. В отношении киберхулиганов эффективны меры общесоциальной и специально-криминологической профилактики: развитие критического мышления, правовое просвещение, формирование позитивной цифровой идентичности, работа с родителями и педагогами. В отношении киберхулиганов необходимы меры уголовно-правового характера, сочетающиеся с

программами ресоциализации, направленными на коррекцию ценностно-мотивационной сферы.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, киберхулиганство и киберпреступность представляют собой качественно различные формы девиантного поведения, различающиеся по объективной стороне, мотивации, степени общественной опасности и юридическим последствиям. Во-вторых, возрастной критерий является значимым, но не абсолютным дифференцирующим признаком, то есть переход от киберхулиганства к киберпреступности происходит по мере взросления, усложнения мотивационной структуры и накопления специализированных знаний. В-третьих, социально-психологические портреты киберхулигана и киберпреступника имеют общие черты, такие как цифровая социализация и зависимость от виртуальной среды, но также имеются и принципиальные различия в виде устойчивости поведения, мотивации и уровня правосознания. В-четвертых, эффективная профилактика противоправного поведения молодежи в сети должна строиться на основе дифференцированного подхода, учитывающего типологическую принадлежность правонарушителя.

Список используемых источников

1. Батурин Ю.М., Жодзишский А.М. Компьютерная преступность и компьютерная безопасность. М: Юридическая литература, 2021. 280 с.

2. Воробьев А.М., Богданов А.В. Личность киберпреступника: криминологический и психологический аспект // Юридическая психология. 2023. № 4. С. 22–27.

3. Клейберг Ю.А. Психология девиантного поведения: учебник для вузов. М: Юрайт, 2024. 290 с.

4. Молчанов, Д.В. Криминологическая характеристика киберпреступности среди несовершеннолетних и молодежи // Юридическая наука и практика. 2024. № 4. С. 108–116.

5. О состоянии преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2024 года: сборник статистических материалов // Главный информационно-аналитический центр МВД России. М., 2025. 78 с.

6. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов. М: Норма, 2023. 320 с.

7. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Нестик Т.А. Цифровая социализация в подростковом и юношеском возрасте: риски и ресурсы // Национальный психологический журнал. 2022. № 1. С. 34–48.

ПРОЕКТИРОВАНИЕ ВЕБ-ПЛАТФОРМЫ ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ АНГЛИЙСКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ С УЧЁТОМ ПОТРЕБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ

Романенко С.А. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Блинов А.В – старший преподаватель, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

В статье представлены результаты исследования образовательных потребностей студентов Уральского регионального колледжа и Южно-Уральского технологического университета в области изучения английского и китайского языков. На основе анализа существующих цифровых решений и данных анкетирования обучающихся выявлены ключевые требования к будущей веб-платформе: наличие геймификации, интеграция видеоконтента, структурированная подача материала и возможность переключения светлой и тёмной тем интерфейса. В результате исследования разработаны архитектурная модель и прототип пользовательского интерфейса платформы «Hinivet» в среде Figma, а также сформировано техническое задание для её дальнейшей реализации.

В современном мире знание иностранных языков, в особенности английского и китайского, является необходимым условием для успешной профессиональной реализации и дальнейшего карьерного роста. Традиционные формы обучения не всегда отвечают запросам целевой аудитории, привыкшей к интерактивному и мультимедийному контенту [2]. Согласно опросу, проведённому среди студентов Уральского регионального колледжа и Южно-Уральского технологического университета, 80% респондентов заинтересованы в создании специализированной веб-платформы для изучения языков, при этом 68,4% положительно относятся к геймификации, а 89,5 % хотели бы видеть короткие видео с объяснением грамматики.

Целью данного исследования является разработка концепции пользовательского интерфейса и архитектуры веб-платформы, учитывающей выявленные потребности и специфику двух типологически разных языков.

Объектом исследования выступают процессы проектирования пользовательских интерфейсов для дистанционного обучения. Предмет исследования составляют методы UI/UX-дизайна и архитектурные решения при создании цифровой образовательной платформы для изучения английского и китайского языков.

Методология исследования основана на сочетании количественных и качественных методов. В работе использовались:

1. Сравнительный анализ платформ-аналогов (Lingualeo, Duolingo, HelloChinese) по критериям геймификации, глубины проработки языка и удобства интерфейса.
2. Анкетирование студентов УРК и ЮУТУ с использованием Google Forms.
3. Прототипирование интерфейса в среде Figma.
4. Формализация технического задания на разработку платформы.

Эмпирическую базу исследования составили результаты анкетирования 75 студентов. Опрос был направлен на выявление предпочтений обучающихся в отношении форматов контента, визуального оформления, элементов геймификации и функциональных особенностей цифровой образовательной среды. Полученные данные позволили определить наиболее значимые требования к будущей платформе и использовать их как основу для проектных решений.

На первом этапе исследования был проведён сравнительный анализ цифровых решений. Анализ показал, что Lingualeo располагает развитой медиатекой и широкими возможностями для изучения английского языка [7], однако недостаточно адаптирован для китайского. Duolingo демонстрирует высокий уровень геймификации и мотивационного сопровождения [6], но характеризуется ограниченной глубиной грамматической проработки. HelloChinese [5], напротив, ориентирован именно на китайский язык и эффективно реализует обучение иероглифике, фонетике и тонам, однако значительная часть его функционала доступна только в платной версии. Таким образом, было установлено, что ни одна из рассмотренных платформ не объединяет в одном решении мультимедийность, геймификацию, глубокую языковую специализацию

и адаптацию под образовательные потребности конкретной студенческой аудитории.

На втором этапе было проведено анкетирование студентов. Результаты показали, что наиболее востребованными форматами являются короткие видеоматериалы с объяснением грамматики, адаптированные фильмы и обучающие мини-игры. Существенная часть респондентов положительно оценивает элементы геймификации (ссылка на опрос: https://clck.ru/3SyNz8). При этом для обучающихся также важны: минималистичный дизайн, логично структурированная подача информации и возможность переключения между светлой и тёмной темами интерфейса. Установленные предпочтения позволили сделать вывод о необходимости проектирования платформы, сочетающей образовательную функциональность и современный пользовательский опыт.



Рис. 1. Диаграмма с предпочтительными форматами контента

Источник: составлено автором

На третьем этапе на основе выявленных потребностей была разработана структурно-функциональная модель платформы «Hinivet». Архитектура платформы предполагает последовательную пользовательскую логику: выбор языка, выбор уровня подготовки, переход к тематическим модулям. В числе базовых модулей выделены «Фильмы», «Игры», «Словарь», «Книги» и «Уроки». В среде Figma были созданы прототипы главной страницы, раздела просмотра фильма с интерактивным плеером, а также словаря с поддержкой китайской иероглифики и пиньиня (табл. 1).

Табл. 1

Выявленные образовательные потребности студентов и соответствующие требования к веб-платформе

Категория требований	Выявленная потребность (%)	Требование к платформе
Обучение на основе фильмов	Интерес к фантастике (63,2), короткие видео (89,5)	Встроенный плеер с субтитрами и переводом по клику
Игровые методики	Положительное отношение к геймификации (68,4)	Система баллов, уровней, тренажер тонов и иероглифов
Дизайн и интерфейс	Переключение тем (47,4), минимализм (57,9)	Адаптивный интерфейс с тёмной/светлой темой

Источник: составлено автором

Дополнительно было сформировано техническое задание на реализацию платформы. В качестве базового технологического стека предложены Django для серверной части, MySQL для хранения данных и HTML/CSS/JavaScript для клиентской части. Для работы с видеоконтентом предусмотрено использование специализированного плеера с возможностью интерактивного взаимодействия с субтитрами. Разработка платформы предлагается поэтапно, начиная с MVP-версии, включающей ключевые модули, наиболее востребованные среди пользователей [1, 3].

Результаты исследования подтверждают, что цифровая образовательная платформа для изучения английского и китайского языков должна проектироваться не только как технологический продукт, но и как педагогически обоснованная среда. Полученные данные показывают, что студенты ориентированы на короткие, визуально насыщенные и интерактивные форматы обучения. Особенно значимыми для них являются видеоконтент, игровые механики и понятная навигация. Это свидетельствует о смещении образовательного запроса в сторону гибких, мультимодальных форматов, способных поддерживать устойчивую мотивацию в процессе изучения языков.

Разработанный прототип платформы «Hinivet» отвечает выявленным требованиям и демонстрирует возможность объединения в одном решении различных форм учебной активности. Важным результатом является ориентация платформы сразу на два языка с разной лингвистической природой. Это требует

особого внимания к логике интерфейса, структуре контента и способам его представления. В частности, при проектировании среды для китайского языка необходимо учитывать работу с иероглифами, транскрипцией и фонетикой, тогда как для английского более значимы контекстуальные формы предъявления материала, аудиовизуальная поддержка и лексико-грамматическая вариативность.

Практическая ценность разработанного решения заключается в том, что оно может служить основой для дальнейшей программной реализации платформы в образовательной организации. В отличие от универсальных коммерческих сервисов, предлагаемая модель изначально ориентирована на конкретную аудиторию и её образовательные запросы. Тем самым повышается вероятность того, что платформа будет востребована в реальном учебном процессе и сможет выполнять как обучающую, так и мотивационную функцию.

В ходе исследования была достигнута поставленная цель – разработана концепция пользовательского интерфейса и архитектуры веб-платформы для изучения английского и китайского языков с учётом потребностей студентов. Проведённый анализ существующих цифровых решений позволил определить их сильные и слабые стороны, а результаты анкетирования выявили наиболее значимые запросы целевой аудитории. На этой основе были сформированы требования к функционалу, структуре и дизайну будущей платформы.

Разработанные архитектурная модель, интерфейсные прототипы и техническое задание позволяют рассматривать платформу «Hinivet» как перспективное проектное решение, готовое к следующему этапу – программной реализации. Перспективы дальнейшей работы связаны с внедрением инструментов персонализации, включая технологии искусственного интеллекта, адаптивные сценарии обучения и средства автоматизированной речевой практики.

Список используемых источников

1. Веб-разработка: для чего нужна, необходимые языки и особенности // Blog.skillfactory.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://blog.skillfactory.ru/web-razrabotka/ (дата обращения: 04.03.2026).

2. Лучшие приложения для изучения китайского языка в 2024 году // Bamboobridge.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://bamboobridge.ru/blog/tpost/7uxntbu031-luchshie-prilozheniya-dlya-izucheniya-ki (дата обращения: 04.03.2026).

3. Плетнев А.В. Выбор технологического стека для IT-проекта // Интернаука. 2021. № 36. С. 6-13.

4. Программа для изучения английского языка лингво лео. Особенности изучения английского языка с Лео // Goaravetisyan.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://goaravetisyan.ru/programma-dlya-izucheniya-angliiskogo-yazyka-lingvo-leo-osobennosti-izucheniya/ (дата обращения: 04.03.2026).

5. Hellochinese – Learn Chinese // Hellochinese.cc. [Electronic resource]. URL: https://www.hellochinese.cc/ (date of treatment: 04.03.2026).

6. Improved courses on Duolingo // Blog.duolingo.com. [Electronic resource]. URL: https://blog.duolingo.com/improved-courses-on-duolingo/ (date of treatment: 04.03.2026).

7. Lingualeo. ru. // wikipedia.org. [Electronic resource]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/lingualeo (date of treatment: 04.03.2026).

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ РОБОТОТЕХНИКА КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ У ШКОЛЬНИКОВ

Сазаева В.В. – студент, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Елабужский институт

Научный руководитель: Минкин А.В. – к.ф.-м.н., доцент, ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Елабужский институт

Аннотация

Рассматривается формирование экологического сознания школьников средствами образовательной робототехники. Актуальность связана с необходимостью интеграции технологических компетенций и экологических ценностей. В статье применялись методы системного анализа, педагогического моделирования и обобщения опыта. Выделены пять моделей интеграции, определены условия их реализации. Сделан вывод о высоком педагогическом потенциале синергии технологий и экологического образования.

В условиях глобального экологического кризиса формирование экологического сознания подрастающего поколения становится приоритетной задачей современного образования. По данным Росприроднадзора за 2024 год, ежегодно в России образуется свыше 7 миллиардов тонн отходов производства и потребления, из которых перерабатывается менее 15 % [4]. Изменение климата, утрата биоразнообразия, загрязнение окружающей среды определяют необходимость поиска новых педагогических подходов.

Национальный проект «Экология» предусматривает комплексное решение экологических проблем через образование и просвещение. Особую роль в этом процессе играет школа, где закладываются базовые ценностные ориентиры и модели поведения. Традиционные методы экологического воспитания – беседы, экскурсии, наблюдения – остаются важными, но уже недостаточными для поколения, выросшего в цифровой среде. Возникает противоречие между необходимостью формирования экологического сознания и ограниченностью традиционных педагогических инструментов. Одним из перспективных направлений преодоления этого противоречия выступает интеграция образовательной робототехники в процесс экологического воспитания.

Цель данной статьи: теоретическое обоснование и анализ практических моделей использования образовательной робототехники как средства формирования экологического сознания школьников.

Объектом исследования выступает процесс экологического воспитания школьников в условиях цифровизации образования. Предмет исследования: образовательная робототехника как педагогический инструмент формирования экологического сознания.

В работе применялись следующие методы: системный анализ научной литературы по проблеме исследования; педагогическое моделирование процессов интеграции робототехники в экологическое образование; анализ и обобщение практического опыта российских образовательных организаций; сравнительный анализ различных моделей реализации экологических проектов средствами робототехники.

Теоретическую основу составили исследования в области экологического образования, педагогические концепции использования робототехники в обучении, работы по развитию компетенций XXI века, а также труды, посвященные STEAM-подходу в образовании [2, 6].

Образовательная робототехника представляет собой мультидисциплинарную область, объединяющую инженерию, программирование, математику, физику и естественно-научные дисциплины, включая экологию. Современные образовательные робототехнические платформы, такие как LEGO Education, Arduino-based системы, Raspberry Pi и отечественные разработки («Роботрек», «СТЕМ-Лаборатория»), предоставляют широкий инструментарий для реализации экологических проектов [4].

Наше исследование показало, что симбиоз робототехники и экологии дает неожиданно мощный педагогический эффект. Главный секрет – в наглядности. Согласитесь, одно дело – слушать лекцию о загрязнении воздуха, и совсем другое – написать код и увидеть, как датчик собранного тобой устройства фиксирует уровень CO2. Это превращает «сухую» теорию в осязаемую реальность. Такой подход заставляет мыслить нестандартно. Когда ребенок сталкивается с задачей не «выучить параграф», а «придумать, как робот может помочь бездомным животным» или «спроектировать автоматический полив для школьной клумбы», его мозг работает совершенно иначе – включается проектное мышление. Параллельно, и это подтверждается практикой [6], в таких проектах оттачиваются навыки общения и работы в команде (те самые «4К»), так как в одиночку сложный проект не потянуть. И, пожалуй, самое важное – это эмоции. Когда твой робот, пусть даже самый простой, начинает выполнять задуманное, возникает чувство, что ты действительно можешь влиять на мир вокруг. Так экология перестает быть чем-то далеким и становится личным делом каждого [1].

Российская образовательная практика демонстрирует разнообразные успешные модели интеграции робототехники в экологическое воспитание школьников. Проведенный анализ опыта передовых образовательных организаций позволил выделить пять основных моделей (табл. 1)

Табл. 1

Модели интеграции робототехники в экологическое образование школьников [4]

Модель	Содержание	Примеры реализации
Экологический мониторинг	Создание систем для сбора и анализа экологических данных	Автономные устройства с датчиками для измерения температуры, влажности, уровня CO2, качества воды
Циркулярная экономика	Разработка решений для управления отходами	Роботы-сортировщики, устройства для компактирования отходов

Продолжение табл. 1

Умное сельское хозяйство	Применение автоматизации в растениеводстве	Автоматизированные системы полива, освещения, контроля параметров роста растений
Возобновляемая энергетика	Проектирование систем с альтернативными источниками энергии	Модели с солнечными панелями, ветрогенераторами, гидроустановками
Биомимикрия	Имитация природных механизмов в технических устройствах	Роботы, движущиеся как насекомые или рыбы; материалы, имитирующие свойства листьев

Особого внимания заслуживает модель «Биомимикрия», которая наиболее эффективна для формирования целостного понимания взаимосвязи технологий и природы, преодоления антропоцентрического мышления. Школьники начинают воспринимать природу не как объект эксплуатации, а как источник знаний и вдохновения.

Анализ статистических данных показывает, что к концу 2024 года робототехнические кружки и лаборатории функционировали в 48 % российских школ, что на15 % больше, чем в 2023 году.

При этом доля программ, включающих экологическую компоненту, составила лишь 22 %, что указывает на значительный потенциал для развития данного направления [4].

Проведенное исследование позволило выявить ключевые условия эффективной реализации экологической робототехники в образовательном процессе:

– наличие материально-технической базы (робототехнические конструкторы, электронные компоненты, датчики, компьютеры с программным обеспечением);

– подготовка педагогов, владеющих как робототехническими технологиями, так и методиками экологического образования;

– разработка интегрированных образовательных программ, сочетающих техническую и экологическую составляющие;

– создание партнерских связей с вузами, научными организациями, технологическими компаниями;

– обеспечение возможности участия в конкурсах и олимпиадах для демонстрации результатов и обмена опытом.

Важным фактором выступает государственная поддержка через национальные проекты «Образование», «Экология», федеральный проект «Успех каждого ребенка», в рамках которых создаются центры цифрового образования «IT-куб» и детские технопарки «Кванториум». Конкурсная деятельность (Всероссийский робототехнический фестиваль «РобоФест», Олимпиада НТИ, World Robot Olympiad) формирует устойчивый запрос на образовательные программы экологической направленности [4].

Анализ экономической эффективности показывает, что при правильной организации процесса начальные инвестиции в робототехническое оборудование окупаются за 2–3 года за счет экономии ресурсов, привлечения дополнительного финансирования через гранты и конкурсы, повышения привлекательности образовательной организации.

Перспективные технологические тренды – развитие искусственного интеллекта и машинного обучения, интернета вещей (IoT), дополненной и виртуальной реальности (AR/VR) – открывают новые возможности для создания более «умных» экологических робототехнических систем, обеспечения связности устройств, визуализации экологических процессов [5].

Вместе с тем существуют серьезные вызовы, требующие системного решения:

– дефицит квалифицированных педагогов с междисциплинарными компетенциями;

– высокая стоимость оборудования, создающая неравенство между школами различных регионов;

– отсутствие стандартизированных образовательных программ и методических материалов;

– недостаточная интеграция робототехники в основную образовательную программу;

– риск технократического подхода, когда увлечение технической стороной вытесняет экологическую компоненту.

Очевидно, что точечными усилиями ситуацию не исправить – здесь нужна

системная работа. На федеральном уровне предстоит сформировать единую концепцию развития экологической робототехники, на местах – создавать ресурсные центры и налаживать обмен опытом между школами. И, конечно, главное, чтобы такие проекты перестали восприниматься как «факультатив» и органично вписались в обычные уроки.

Зачем все это нужно? Затем, что образовательная робототехника сегодня – едва ли не самый естественный мостик между технологиями и заботой о природе. Вместо того, чтобы просто заучивать цифры о вырубке лесов или загрязнении океана, школьник берет и собирает устройство, которое может мониторить состояние воздуха или экономить воду. Это не просто знания – это привычка мыслить, как творец, а не пассивный наблюдатель.

Наш анализ школьных практик по всей стране показывает: такой подход действительно работает. Когда ребенок конструирует робота для спасения бездомных животных или придумывает, как автоматизировать полив в теплице, у него по-другому начинают работать голова и сердце. Развивается системное мышление, приходит понимание, что он лично может что-то изменить, появляется интерес к профессиям, о которых раньше он даже не слышал – экоаналитик, проектировщик «умных» городов, инженер возобновляемой энергетики.

Хорошо и то, что здесь нет жесткой схемы «для всех одинаково». В одной школе дети будут увлечены датчиками качества воды, в другой – роботами-сортировщиками мусора, в третьей – проектами по биомимикрии, когда природа подсказывает инженерные решения. Все это можно подстраивать под возраст ребят, под реальные проблемы их района, под профиль самой школы.

Прогнозируется, что к 2027 году практики экологической робототехники перестанут быть точечными инициативами и начнут интегрироваться в массовую школу. Однако для этого необходимо решить ряд задач: разработать стандартизированные методики оценки эффективности таких проектов, изучить их долгосрочное влияние на экологическую культуру выпускников, создать открытые банки успешных кейсов и обеспечить подготовку педагогов, способных работать на стыке инженерии и экологии. Решение этих задач позволит перевести накопленный опыт из разряда педагогических находок в устойчивую образовательную практику.

Список используемых источников

1. Кагерманова М.С. Нанотехнологии. Экологическое будущее / Естественные науки: состояние и перспективы развития: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / Отв. ред. З.С. Хасбулатова. Грозный: Общество с ограниченной ответственностью "Издательство АЛЕФ", 2022. 282 с. С. 132–140.
2. Машуков Я.М. Разработка модели диагностики проектно-технологического мышления у обучающихся средней школы по предмету: труд (технология) в модуле «Робототехника и автоматизированные системы» // Открытое образование. 2025. Т. 29, № 1. С. 15–23.
3. Минкин А.В., Сазаева В.В Роль образовательной робототехники в формировании человеческого капитала для инженерной сферы: экономический подход // Журнал монетарной экономики и менеджмента. 2025. №12. С. 80–86.
4. О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2024 году: государственный доклад // Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации. Москва, 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3SYjH6(дата обращения: 15.03.2026)
5. Соболева Е.В., Исупова Н.И., Караулова Л.В., Ниматулаев М.М. Развитие экологического мышления и навыка бережливого производства в курсе мобильной робототехники // Science for Education Today. 2020. № 1. С. 149–173.
6. Сологуб Н.С. Методическая подготовка будущего учителя естественно-научных учебных предметов к реализации STEAM-образования // Адукацыя і выхаванне. 2024. № 2. С. 36–43.

ПРИМЕНЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ ПОВЫШЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МАСТЕРСТВА РАБОТНИКОВ

Юнчиц Ю.М. – студент, УО «Белорусский государственный университет транспорта»

Научный руководитель: Ходоскина О.А. – к.э.н., доцент, УО «Белорусский государственный университет транспорта»

Аннотация

В статье рассматривается применение элементов виртуальной реальности как инструмента повышения профессионального мастерства работников. Акцент сделан на иммерсивном обучении, симуляции сценариев и преимуществах перед традиционными методами. Приводятся примеры внедрения виртуальной реальности как метода обучения работников.

Научно-технический прогресс, цифровизация и высокая обновляемость производственных процессов в современном мире требуют от работников высокого уровня адаптивности к изменяющимся условиям. Зачастую предприятия сталкиваются с высокой текучестью кадров, необходимостью довольно быстрой адаптации сотрудников, приобретения ими требуемых навыков и знаний практически сразу при возникновении потребности в них, а также принятием все большего количества требований к безопасности труда и их ужесточения. Под влиянием этих факторов появляется необходимость применения дешевых, доступных и безопасных и максимально эффективных методов обучения.

В этом случае виртуальная реальность приобретает особую актуальность: технология, которая активно применяется в корпоративном обучении работников и может изменить подход к их подготовке. Применение элементов виртуальной реальности в профессиональном обучении призвано создать полностью иммерсивную среду, где сотрудники могут практиковать свои профессиональные навыки в условиях, максимально приближенных к реальным, но без каких-либо рисков для здоровья и материальных потерь. Такая технология, позволяющая моделировать сложные производственные процессы и экстренные ситуации, очень востребована в отраслях с высокими рисками (например, промышленность и медицина). Это позволяет значительно повысить качество подготовки персонала, ускорить получение новых навыков и знаний, а также снизить затраты на обучение [4]. Причем важно отметить, что обучение сотрудников при помощи программных продуктов, основанных на технологиях виртуальной реальности, возможно как для высокотехнологичных производств и профессий, требующих специфических навыков (как указывалось ранее), так и для «обычных» повседневных профессий и приобретения бытовых навыков. Так, например, при обучении в автошколе симулятор на основе технологии виртуальной реальности будет значительно эффективнее для обучающихся вождению ввиду того, что позволит детально «прочувствовать» все этапы и элементы процесса вождения.

Одним из ключевых преимуществ виртуальной реальности является полное погружение пользователя в симулированную среду. Это усиливает эмоциональное вовлечение и улучшает запоминание материала в несколько раз, если сравнивать с обычными книгами, лекциями или видеоуроками. Сотрудники во время обучения в модели виртуальной реальности взаимодействуют с различными объектами, что позволяет лучше запоминать правила и принципы работы с ними и развивает навыки с помощью практики. Такое обучение благодаря использованию реалистичности и задействованию органов чувств делает практику обучения максимально приближенной к реальности и значительно ускоряет обучение [1].

Однако при повышении качества обучения и приобретения практических навыков, а также ускорения процессов обучения важным преимуществом виртуальной реальности является ее высокая безопасность. В виртуальной реальности можно моделировать любые опасные сценарии без реального риска травм или несчастных случаев, повреждений оборудования или простоев производства, позволяя, вместе с тем, максимально реалистично моделировать в том числе и варианты отказов системы, сложные и аварийные ситуации, прорабатывать алгоритмы ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Это особенно важно для отраслей, где ошибки могут иметь серьезные последствия как для рабочего, так и для производства, окружающей среды и социума.

Важно отметить, что при обучении посредством технологий виртуальной реальности появляется возможность моделирования взаимодействия сотрудников «внутри модели», хотя персонализация обучения также находится на высоком уровне. Современные виртуальные системы имеют на своем борту интеллектуальную аналитику, которая в реальном времени может отслеживать прогресс каждого сотрудника, фиксировать их ошибки, скорость реакции и уровень освоения навыков. На основе этих данных система позволяет автоматически адаптировать сложность заданий и предоставить в процессе реализации обучения рекомендации обучающемуся, а также координатору обучения по поводу соответствия имеющихся и приобретаемых навыков обучающегося требуемого уровня. Такой подход повышает мотивацию и уверенность работников, делает процесс обучения более эффективным [3].

Кроме того, виртуальная реальность выделяется своей хорошей гибкостью и экономической эффективностью в процессе реализации образовательных программ и процессов. Доступ к виртуальным платформам обеспечен

круглосуточно через мобильные устройства или профессиональные стационарные шлемы. Беспрепятственный доступ позволяет сотрудникам обучаться в любое удобное время и в любом месте, что минимизирует или полностью исключает затраты на командировки инструкторов, аренду учебных помещений и организацию групповых занятий. Вследствие этих факторов разработка программных продуктов и специализированных виртуальных платформ на основе моделирования виртуальной реальности позволяет не только инвестировать достаточно большие объемы средств, но и оперативно возвращать их. Часто система покрывает расходы на ее приобретение в течение нескольких месяцев за счет роста производительности труда, снижения времени простоя оборудования, за счет обучения и уменьшения числа ошибок на рабочих местах.

Анализ темы виртуальной реальности как инструмента обучения работников позволяет рассматривать ее как актуальное комплексное решение, сочетающее психологические, технологические и экономические аспекты: с одной стороны, иммерсивность такой системы задействует в ходе обучения несколько органов чувств, что, согласно теории социального обучения, усиливает перенос навыков в реальность, снижая нагрузку и страх ошибок за счет естественного опыта; с другой стороны, технология требует начальных вложений в оборудование и разработку специализированного контента под конкретные задачи бизнеса, что может быть невозможно для малого бизнеса с ограниченным бюджетом [2]. Сравнительный анализ с традиционными методами обучения, такими как классные занятия и видеоинструктажи, демонстрирует превосходство виртуальной реальности. Система обеспечивает значительно более высокую скорость усвоения практических навыков и гораздо лучшее долгосрочное запоминание знаний. Виртуальная реальность позволяет сотрудникам не просто пассивно воспринимать информацию, а активно взаимодействовать с объектами и получать практический опыт, что приводит к хорошему закреплению знаний и навыков без необходимости повторений [7].

Однако на практике внедрение технологии связано и с необходимостью решения ряда возникающих проблем: риски возникновения технических сбоев оборудования или программного обеспечения в следствие недостаточной проработанности объектов обучения и специфики среды, неучета специфики контингента обучающихся, их базовых навыков, умений и способностей к обучению, необходимость дополнительного обучения тренеров и специалистов для

эффективной интеграции виртуальной реальности в процессы обучения, а также этические вопросы. Например, психологическая нагрузка от слишком реалистичных симуляций опасных ситуаций, риск переоценки навыков в реальности или вопросы конфиденциальности данных о прогрессе сотрудников [6].

Одним из примеров положительного влияния виртуальной реальности на показатели эффективности сотрудников можно считать исследование об использовании технологии в предприятии индустрии 4.0. В этом исследовании 200 сотрудников промышленных предприятий прошли специализированное виртуальное обучение по охране труда. Участники надевали виртуальные шлемы и погружались в реалистичные симуляции повседневных рабочих сценариев с высоким риском. Это управление роботизированными станками, взаимодействие с конвейерными линиями и тяжелой техникой, работа в условиях ограниченной видимости или с химически активными веществами, а также реагирование на аварийные ситуации вроде утечек, коротких замыканий или обрушений.

Каждый модуль включал поэтапную практику. Сначала наблюдение за правильными действиями виртуальной модели, затем самостоятельное выполнение заданий с мгновенной обратной связью. Система фиксировала ошибки в реальном времени, подсвечивала зоны риска и предлагала корректировки. Обучение длилось 30–45 минут на сессию, с возможностью повторений до полного освоения.

Результаты показали статистически значимое улучшение. Восприятие рисков выросло в 2 раза, осведомленность о протоколах безопасности – на 40 %, а эффективность увеличилась на 35 % по шкале Likert. Контрольная группа традиционного обучения с лекциями и видео отставала, что подтвердил Wilcoxon signed-rank test. Виртуальная реальность позволила снизить количество симулированных ошибок на 60 % уже после 3 сессий, без единого реального инцидента [5]. В данном случаем можно сказать, что виртуальная реальность радикально трансформирует процесс обучения работников. Она предлагает безопасную, высокоэффективную и глубоко персонализированную альтернативу традиционным методам, где риски и ограниченная доступность часто снижают результаты. Несмотря на начальные инвестиции, ее внедрение окупается за счет повышения производительности, снижения рисков и адаптации к цифровой экономике.

В заключение можно отметить, что сегодня виртуальная реальность стремительно эволюционирует от экспериментального инструмента, доступного

только самым передовым компаниям, к общепринятому стандарту корпоративного обучения. Она прочно интегрируется в повседневные процессы крупных корпораций. Этот переход особенно заметен в условиях ускоренной цифровизации экономики, когда глобальные проблемы, такие как дефицит специалистов требуемого уровня квалификации и необходимость удаленной работы вынуждают организации переходить на иммерсивные технологии для оперативного приобретения знаний и навыков сотрудниками без географических и логистических ограничений. Сейчас компании активнее инвестируют в виртуальные платформы и готовые симуляторы, чтобы поддерживать конкурентоспособность, быстро адаптироваться к новым технологическим вызовам, а также сформировать такой способ обучения, где сотрудники получают навыки без риска для производства или бюджета. Однако на практике, максимального эффекта для обучения удастся достичь при условии не унификации, а, наоборот, уникализации программных продуктов на основании моделирования виртуальной реальности и создания специализированных платформ, отвечающих конкретным запросам и требованиям предприятий.

Список используемых источников

1. Орловец И.И., Егоров С.В. Эффективность применения виртуальной реальности для обучения персонала на примере ОАО «РЖД» // Научный Лидер. 2023. № 35. С. 39–40.

2. Савенков А.В. Викарное научение и подражание как факторы развития креативной личности // Развитие личности. 2007. № 4. С. 58–69.

3. Саенко И.И., Эсеккуева А.А. Система обучения персонала с использованием технологий виртуальной реальности // Деловой вестник предпринимателя. 2021. № 4. С. 113–115.

4. Серхенов М.Э., Мурадова А.О., Ягшимурадов Л.Т. Использование виртуальной реальности для обучения персонала в условиях высокой текучести кадров // Вестник науки. 2024. № 5. С. 1530–1533

5. Qawqzeh Y., Shraah A.A, Rizwan A, Sánchez-Chero M., More LAV., Shabaz M. Exploring the effectiveness of virtual reality-based training for sustainable health and occupational safety in industry 4.0. // Sci Rep. 2025 Vol. 15. No. 1. P. 289–300.

6. Turbanova U.V., Salimova Z.U. Ethical and legal considerations in simulation-based medical training // Web med. 2025. Vol. 3. No. 3. P. 112–117.

7. Zhao G., Fan M., Yuan Y., Zhao F., Huang H. The comparison of teaching efficiency between virtual reality and traditional education in medical education: a systematic review and meta-analysis // Ann Transl Med. 2021. Vol. 9. No. 3. P. 252–259.

АКТУАЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ ТВОРЧЕСКОГО ПОИСКА В ДИЗАЙНЕ И АРХИТЕКТУРЕ

ТРАДИЦИОННЫЕ ИСКУССТВА И ТЕРАПИЯ: КАК РАЗНЫЕ НАРОДЫ ИСПОЛЬЗУЮТ ТВОРЧЕСТВО ДЛЯ ИСЦЕЛЕНИЯ

Бородина М.В. – студент, ОУ ВО «Южно-уральский технологический университет»

Шкрабов Н.И. – старший преподаватель, ОУ ВО «Южно-уральский технологический университет»

Аннотация

Статья посвящена сравнительному анализу различных культурных подходов в Европе, Азии и Евразии к арт-терапевтическим практикам в историческом контексте, чтобы проследить, как менялась арт-терапия под влиянием специфики других стран и каким образом Россия смогла гармонично сочетать в себе эти техники, привнеся свои традиции.

Одним из первых занятий, которое освоили люди, было рисование. Даже не имея письменности и языка, они стремились запечатлеть окружающий мир, рисуя углем на стенах пещер или выбивая, вырезая на камнях. В ходе истории каждая культура обрела свои обычаи и традиции, внесла в процесс рисования особые смыслы и техники.

В Древнем Китае арт-терапия имела психосоматический подход-идею, что каждому органу соответствует своя психическая функция. Например, печень соотносится с эмоцией гнева. При гиперфункции печени проявляются упрямство, агрессия, гнев, при гипофункции – боязливость, страх, депрессия [1].

Лечение душевных и физических расстройств осуществлялось путем воздействия определённых звуков музыкальных инструментов на активные точки меридианов-каналов, связанных между собой и с одним из внутренних органов человека, по которым движутся энергии «Инь» и «Ян» (женская и мужская).

Также для исцеления нервных потрясений практиковалось рисование иероглифов. В них вкладывалась своеобразные аффирмации-фразы самовнушения, создающая некий психологический настрой, убеждение. Использовались такие иероглифы, как например 安 (ān) – покой, 忍 (rěn) – терпение. Письмо активирует сразу несколько зон мозга: зрительные области (распознавание форм и пропорций), моторную кору (движения руки), префронтальную кору (планирование) и

лимбическую систему (эмоции, ощущение спокойствия) [2]. Всё это запускает процесс, который китайцы называют 神经可塑性 (shénjīng kěsùxìng) – нейропластичность.

Мозг начинает сосредотачиваться, адаптируется, формируются новые нейронные связи. В теле тоже происходят изменения: замедляется пульс, выравнивается дыхание и снижается кровяное давление.

Похожая техника «Цзяньчжи» (jiǎnzhǐ) (рис. 1) – искусство вырезания сложных узоров из бумаги с помощью ножниц или ножа [3]. Она помогает развить мелкую моторику, терпение и усидчивость, а вырезание традиционных символов применяется для укрепления социальной связи.



Рис. 1 Техника Цзяньчжи [3]

Ещё один из методов арт-терапии «Чжи-хуа» (zhǐ huà), при котором художник напрямую взаимодействует с красками и бумагой с помощью своих пальцев, не используя кисти, прибегая к использованию разных цветов и хаотичных мазков для передачи своих ощущений.

Такая живопись позволяет создавать более экспрессивные работы, выражая свои эмоции и чувства в абсолютно уникальном произведении искусства, ведь не бывает одинаковых отпечатков пальцев.

В Европе 19-го века началось возникновение различных художественных направлений, одно из них – романтизм, который характеризуется фокусированием внимания на эмоциональной составляющей искусства, на чувствах и личных

переживаниях творца либо героя, стремлением к свободе и самовыражению. Этот подход стал основой для формирования первых арт-терапевтических практик.

Вклад в развитие арт-терапии в Швейцарии внёс Вальтер Моргенталер – психиатр, активно использующий в лечении больных разные виды творческой активности. В 1921 году Моргенталер опубликовал монографию «Душевнобольной как художник», посвящённую творчеству его пациента Адольфа Вёльфли. Рассмотрение рисунков человека с диагнозом «параноидальная шизофрения» как произведения искусства стало поистине революционным шагом: «он ищет в массе событий, происходящих внутри него, именно такие импульсы, которые могли бы выразить полнее его личность и его душевную глубину», – писал Моргенталер. Похожую работу проделывают и люди, занимающиеся арт-терапевтическими практиками.

Ещё один выдающийся швейцарский психиатр Карл Густав Юнг, основоположник аналитической психологии. Он рассматривал арт-терапию как метод психотерапии, который помогает восстановить баланс и гармонию внутреннего мира человека через творческое самовыражение, исследовать подавленные эмоции, а также разрешить внутриличностные конфликты. Термин «активное воображение» – «золотой стандарт» в лечении искусством. Юнг использовал его для творческого процесса, в ходе которого человек просто наблюдает за своей фантазией, мыслями, никак специально на них не воздействуя, а уточняя детали, изучая. Происходит что-то наподобие диалога с полученным образом: «Кто ты?», «Что ты хочешь мне сказать?». Закрепляя эти образы в форме рисунка или иного произведения, у него появляется визуальное представление происходящего в сознании, следовательно, он начинает лучше понимать это, переосмысливать и по-другому относиться к беспокоящим проблемам.

Юнгианская психология придает центральное значение символам – языку бессознательного. Эти символы-рисунки, созданные в процессе терапии, удивительно точно, но без единого слова описывают все происходящее внутри человека, то, что он не может выразить сам, а иногда даже и не в состоянии обнаружить. При этом подчеркивается важность «свободного и защищенного пространства», чтобы клиент мог чувствовать себя расслабленно и безопасно, а терапевт не вмешивается и не подсказывает, просто выступает в роли молчаливого свидетеля, помогая человеку раскрыться через уточняющие вопросы, выразить то, что невозможно облечь в слова.

За прошедший век швейцарская арт-терапия получила значительное развитие: Институт трансперсональной психологии и креативной терапии искусством (ITP) в Берне готовит профессиональных арт-терапевтов, благодаря чему в стране практикует порядка 1500 специалистов во всех видах лечения искусством [4].

В России интерес к арт-терапии появился значительно позже. Первые формы стали применяться в советский период в рамках социально-трудовой реабилитации психически больных. В некоторых лечебных учреждениях, в том числе в Санкт-Петербургском исследовательском психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева, стали внедряться первые аналоги арт-терапии. И только в начале 2000-х годов эта практика получает более широкое распространение, начинают формироваться сообщества и ассоциации, проводятся научно-практические конференции, посвящённые применению арт-терапии в целях лечения, реабилитации и профилактики. Александр Копытин, сыгравший в этом важную роль, становится инициатором основания Арт-терапевтической ассоциации. «Понять человека без его творческих проявлений, как мне чувствовалось – и как я теперь могу подтвердить спустя многие годы, – мы не можем», – писал профессор. Во время своего обучения он был очень заинтересован работами вышеупомянутого К.Г. Юнга, трансперсональная и аналитическая психология открылась ему благодаря появлению первых публикаций Юнга на русском языке, которых было, к сожалению, очень мало.

Визитная карточка российской психологической школы-сказкотерапия. Работа проводится через национальный и авторский фольклор. Клиент создает собственный мир и героев, проецирует на них эмоции, поведение себя или людей, с которыми взаимодействует, пишет сценарии и сам проживает их. Это прямое развитие идей Юнга про архетипы-предрасположенности к определенному типу поведения. Через призму русских сказок можно проследить в Бабе-Яге архетип Тени, а в Иване-Царевиче – Героя.

Однако сегодня это направление в России не является самостоятельной профессией: применяется в основном врачами-психотерапевтами как один из методов лечения, понемногу внедряется в образовательные учреждения, для поддержки школьников и студентов в управлении стрессом, тревогой, для борьбы со страхами и переутомляемостью, улучшения самооценки, развития креативности и способности к социализации.

Швейцарская культура привнесла в российскую арт-терапию глубокий теоретический фундамент, благодаря которому искусство начало рассматриваться не просто как способ самовыражения, а как инструмент для понимания внутриличностных конфликтов и травм. Она стала рассматриваться как путь к самораскрытию, принятию и уважению своего жизненного опыта, даже если он не всегда был положительным, познанию себя, своих сильных и слабых сторон. Это дало российским специалистам возможность работать по методикам на уровне глубинной психологии, придало арт-терапии серьезность и академическую обоснованность.

Влияние Китая на российскую арт-терапию проявляется не так прямолинейно, как юнгианское, но оно не менее значимо. Традиционная китайская медицина и философия (даосизм, буддизм) рассматривают человека как единое целое, где тело, ум и дух неразрывно связаны. Этот холистический взгляд отразился и в российской арт-терапии, где акцент делается на целостном исцелении, улучшение общего самочувствия человека и способности лучше понимать себя, а не только на работе с конкретной проблемой. Ещё один принцип из восточных практик – процесс выполнения действия важнее конечного продукта.

В арт-терапии, вдохновленной этим принципом, внимание уделяется не красоте и правильности созданного изображения, а чувствам и мыслям, которые человек закладывает в процессе творчества. Таким же образом интегрируются и техники медитации, осознанности, сосредоточения, пребывания в настоящем моменте, создается направленность именно на внутренний мир человека, а также свойственные китайской философии концепции жизненной энергии («Ци»), от которой зависит самоощущение человека, поиск внутренних ресурсов и восстановление равновесия через работу с цветом, формой и композицией. Китай обогатил российскую практику техниками релаксации и снятия стресса, что позволило расширить диапазон применения арт-терапии и использовать её не только в психиатрических учреждениях, сделав более понятной, доступной и эффективной даже для людей, которые просто хотят расслабиться и отдохнуть.

Таким образом, влияние европейской культуры с одной стороны, и азиатской – с другой, а также удачное вплетение собственного наследия понятных с детства образов и высокой эмоциональности позволяют российским арт-терапевтам сочетать в своей практике различные техники и работать с клиентами на разных уровнях: от глубокого анализа психических конфликтов до поверхностной

релаксации и снятия стресса, предлагая гибкие и многогранные подходы к исцелению и самовыражению через искусство.

Список используемых источников

1. Арт-терапия в России: пройденный путь и векторы дальнейшего развития // Институт современных психологических технологий. [Электронный ресурс]. URL: paracels.ru/populjarnaja-psihologija/art-terapiya-v-rossii/ (дата обращения: 22.03.2026 г.).

2. Бокова А.А. Арт-терапия // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2016. Т. 11. С. 2006–2010.

3. Копытин А.И. об истории арт-терапии в России и её будущем // Психологическая газета. 31.05.2023. [Электронный ресурс]. URL: psy.su/feed/11312/?ysclid=mng7lb8zfw571287936 (дата обращения: 22.03.2026 г.)

4. Осипова, Е.А., Полежаева, К.В. Проблемы и перспективы применения арт-терапии в социальной работе // Электронный научный журнал «Системная интеграция в здравоохранении». 2017. № 6. С. 70–77.

СТУДЕНЧЕСКИЙ «BEAUTY-EVENT» КАК ИНСТРУМЕНТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ОБУЧАЮЩИХСЯ СПО

Кочурова А.В. – студент, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Научный руководитель: Орлова Д.Н. – преподаватель, ПОУ «Уральский региональный колледж»

Аннотация

В статье рассматривается студенческий «Beauty-event» как инструмент формирования имиджа обучающихся СПО. Опираясь на данные опроса (46,4 % студентов отмечают сильное влияние одежды на самоощущение) и цикличность модных тенденций, авторы доказывают эффективность таких мероприятий. Целью работы являлось создание образов для тематических мероприятий и повседневности студентов СПО, что способствует росту уверенности и развитию профессиональных компетенций.

В условиях стремительного развития визуальной культуры и цифровых коммуникаций имидж становится важным элементом социальной адаптации и самовыражения, особенно для студентов среднего профессионального образования (СПО). По словам профессора В. М. Шепеля, имидж – это визуальный и

эмоциональный «срез» личности, совокупность естественных и специально сформированных качеств, выполняющих определённые функции [5]. Современная молодежь активно использует моду как инструмент формирования идентичности, что делает актуальным поиск практик, способствующих осознанному выстраиванию образа. Одним из таких инструментов может стать студенческий «Beauty-event» – тематическое мероприятие, объединяющее элементы моды, красоты и самопрезентации.

Цикличность модных тенденций, при которой стили прошлых десятилетий возвращаются в актуальное поле, играет ключевую роль в формировании студенческого имиджа. Как отмечает А. Крёбер, мода развивается циклично, и супрематизм как художественное явление оказывает влияние на смену стилей во времени [6]. Также исследователи утверждают, что такие циклы обусловлены психологической потребностью в разнообразии, социокультурными изменениями и истощением новизны в дизайне [7]. Возвращение эстетик 70-х, 90-х и нулевых годов XX века предоставляет студентам возможность экспериментировать с образами, сочетая ретро-элементы с современными трендами. Например, актуализация стиля Y2K или гранжа позволяет молодежи не только следовать моде, но и переосмысливать ее в контексте собственной идентичности.

Для того, чтобы определить роль одежды в жизни студентов и установить их любимый стиль нами был проведен опрос среди учащихся Уральского регионального колледжа. Его анализ показал, что 46,4 % респондентов считают: одежда «очень сильно» влияет на их самоощущение, ещё 39,1 % – «в некоторой степени». Лишь 14,8 % заявили о слабом или отсутствующем влиянии (рис. 1). Эти данные подтверждают значимость визуального образа для психологического комфорта и уверенности в себе. Как отмечает Е.В. Андреева, имидж современного студента формируется под воздействием множества факторов, среди которых особое место занимает визуальная самопрезентация [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Кроме того, 70 % опрошенных считают комфорт и внешний вид равнозначными, что свидетельствует о стремлении к гармоничному, но стильному образу.



Рис. 1. Ответы студентов СПО на вопрос «На сколько одежда влияет на ваше самоощущение?»

Источник: составлено автором

Современные тренды, такие как инклюзивность, экологизация, цифровизация и гибридные форматы, активно адаптируются в студенческой среде. По мнению А.Е. Гордиенко, мода выступает важным фактором социализации молодёжи, формируя модели поведения и самовыражения [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Так, инклюзивность способствует деконструкции жёстких канонов красоты, позволяя акцентировать индивидуальные особенности. Экологизация проявляется в использовании DIY-методик, переработке одежды и выборе мультифункциональной косметики. Цифровизация требует от студентов навыков визуального сторителлинга, особенно в социальных сетях, где образ формируется как в офлайн-, так и в онлайн-пространстве.



Рис. 2. Ответы студентов СПО на вопрос «Какой стиль одежды вы предпочитаете?»

Источник: составлено автором.

На основе анализа трендов и предпочтений студентов была разработана и апробирована программа студенческого «Beauty-event». Мероприятие включало создание образов для четырёх ключевых событий: осенних, новогодних, Дня студента и Дня святого Валентина. При этом за основу был взят стиль «кэжуал» – самый популярный среди респондентов (30,9 %), что также соответствует запросу на комфорт (рис. 2). Как отмечает Л.В. Занфирова, специфика самопрезентации студентов заключается в сочетании индивидуальных предпочтений и социальных ожиданий [**Ошибка! Источник ссылки не найден.**]. Каждый образ сочетал винтажные элементы с современными интерпретациями.

Осенние образы (рис. 3) включали объёмные свитеры, тренчи и широкие брюки в природных тонах – отсылка к эстетике 1970–1980-х годов. Новогодние образы (рис. 4) представляли собой длинные платья в духе 1930–1940-х, элегантные комплекты 1950-х и классические силуэты 1960-х. Для Дня студента (рис. 5) были разработаны образы в стиле 1970-х – широкие брюки и блузы, платья-пальто 1950-х, а также футболки в стиле 2000-х. В честь Дня святого Валентина (рис. 6) участники создавали образы с геометрическими принтами 1970-х, розовыми комплектами 1950–1960-х и бордовыми свитерами 2000-х.



Рис. 3. Осенние образы



Рис. 4. Новогодние образы



Рис. 5. Образы на День студента



Рис. 6. Образы на День святого Валентина

Источник: составлено автором.

Мероприятие проводилось в гибридном формате: часть активностей – в офлайн-режиме (дефиле, мастер-классы), часть – в онлайн (голосования, сторис-квесты). Это позволило охватить больше участников и развить навыки цифровой самопрезентации.

Результаты апробации подтвердили гипотезу: студенческий «Beauty-event» способствует эффективному формированию индивидуального и социально

значимого имиджа. Участники отметили рост уверенности, улучшение социальных связей и интерес к эстетической культуре. Кроме того, мероприятие стало площадкой для профессионального роста – особенно для студентов, обучающихся по специальности «Дизайн (по отраслям)».

Полученные в ходе проведения «Beauty-event» результаты позволяют сформулировать ряд рекомендаций для образовательных организаций СПО, заинтересованных в формировании позитивного имиджа своих студентов. Во-первых, целесообразно включать подобные мероприятия в план воспитательной работы на постоянной основе, а не эпизодически. Системный подход – проведение одного-двух событий в семестр – даёт более устойчивый эффект, чем разовые акции, поскольку у студентов формируется привычка осмысленно подходить к выбору одежды для разных ситуаций.

Во-вторых, важно обеспечить добровольность участия и отсутствие жёстких критериев оценки. «Beauty-event» не должен восприниматься как конкурс или экзамен, его ценность – в самом процессе самовыражения, обмена идеями и взаимной поддержке. Организаторам стоит поощрять любые творческие проявления, даже если они выходят за рамки заявленных стилистических направлений. Именно в таких «отклонениях» часто рождаются наиболее интересные и запоминающиеся образы, отражающие индивидуальность студента.

В-третьих, рекомендуется активно привлекать к организации и проведению мероприятия самих студентов – не только участников дефиле, но и тех, кто помогает с освещением, музыкой, фото- и видеосъёмкой, ведением социальных сетей. Это превращает единичное событие в полноценный проектный опыт, где каждый может проявить свои сильные стороны. В ходе описанного «Beauty-event» именно студенты-волонтёры предложили идею сторис-квеста, которая в итоге стала одной из самых популярных онлайн-активностей.

Отдельного внимания заслуживает вопрос о том, как подобные мероприятия влияют на микроклимат в студенческой группе. Анализ устных отзывов и неформальных бесед с участниками показал, что совместная подготовка к «Beauty-event» способствует сплочению коллектива, снижению конфликтности и появлению новых дружеских связей. Студенты, которые раньше почти не общались, начинали обсуждать цветовые сочетания, делиться советами по макияжу и вместе искать винтажные вещи в комиссионных магазинах. Этот социально-

коммуникативный эффект можно рассматривать как важное дополнение к основной цели мероприятия.

С практической точки зрения опыт проведения «Beauty-event» может быть масштабирован на другие образовательные учреждения без значительных финансовых затрат. Большинство использованных предметов одежды и аксессуаров либо уже имелись в гардеробах участников, либо были приобретены в магазинах масс-маркета и секонд-хендах за умеренную цену. Основной ресурс – это время и желание студентов заниматься творчеством, а не бюджет. Это делает предложенную модель доступной для любого колледжа независимо от его материально-технической оснащённости.

В перспективе возможно расширение формата «Beauty-event» за счёт приглашения внешних экспертов – стилистов, визажистов, представителей модных брендов или выпускников колледжа, построивших карьеру в индустрии красоты. Их мастер-классы и короткие лекции могут не только повысить качество создаваемых образов, но и дать студентам актуальную информацию о профессиях, связанных с модой и стилем. Некоторые участники, как показало анкетирование, всерьёз задумались о дополнительном обучении в этой сфере, что свидетельствует о профориентационном потенциале мероприятия.

Таким образом, студенческий «Beauty-event» зарекомендовал себя как многофункциональный инструмент, решающий задачи эстетического воспитания, социальной адаптации, развития коммуникативных навыков и даже профессионального самоопределения. Его внедрение в практику работы учреждений СПО представляется не только желательным, но и необходимым шагом в условиях растущего внимания к визуальной культуре и личному бренду современного специалиста.

Список используемых источников

1. Андреева Е.В. Системный подход в изучении имиджа современных студентов // Педагогика и просвещение. 2023. № 4. С. 98–111.

2. Гордиенко А.Е. Мода в системе социокультурных факторов социализации молодёжи // Молодой ученый. 2025. № 20. С. 126–128.

3. Занфирова Л.В. Специфика самопрезентации студентов инженерных направлений подготовки / Инновации в профессиональном и профессионально-педагогическом образовании: материалы 23-й Международной научно-

практической конференции / Отв. ред. Е.М. Дорожкина, В.А. Федорова. Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет. 663 с. С. 51–54.

4. Оспищев С. Супрематизм сквозь время // Дилетант. 2024. 7 февраля. [Электронный ресурс]. URL: https://diletant.media/articles/45369777/ (дата обращения: 28.03.2026).

5. Шепель В.М. Духовные истоки величия имиджа России. М: ИТРК, 2021. 320 с.

6. Kroeber A. L. On the Principle of Order in Civilization as Exemplified by Changes of Fashion // American Anthropologist. 1919. Vol. 21, No. 3. P. 235–263.

7. Laver J. Costume and Fashion: A Concise History. New York: Thames & Hudson, 2012. 312 p.

СЕМИОТИЧЕСКИЙ, ЭРГОНОМИЧЕСКИЙ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ТЕХНИКИ ВЫШИВКИ В ДИЗАЙНЕ ПРЕМИАЛЬНОЙ УПАКОВКИ

Кузнецова В.В. – магистрант, УО «Витебский государственный технологический университет»

Научный руководитель: Толобова Е.О. – доцент, УО «Витебский государственный технологический университет»

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема повышения конкурентоспособности упаковки премиум-класса посредством интеграции техник вышивки. Исходя из требований современного рынка дизайн упаковки трансформируется из защитной оболочки в ключевой инструмент коммуникации, способный транслировать ценности бренда, его связь с традициями и особое внимание к деталям. В рамках работы предпринята попытка теоретически обосновать и проанализировать прикладные аспекты процесса проектирования премиальной упаковки. Исследование базируется на комплексном подходе, объединяющем искусствоведческий анализ, технико-технологическую экспертизу и эргономическую оценку.

В контексте современной проектной культуры особого внимания заслуживает вышивка, внедрение которой в дизайн упаковки формирует пограничную область на стыке текстильного и коммуникативного дизайна. Данный синтез, обладая значительным семиотическим и тактильным потенциалом, относится к числу наименее изученных направлений в теории дизайна [2]. Несмотря на многовековую

эволюцию вышивки в системе декоративно-прикладного творчества, ее функциональный и выразительный потенциал в области коммуникативного дизайна исследован крайне фрагментарно. В большинстве научных работ текстильные техники анализируются либо сквозь призму чистого искусства (в парадигме уникального арт-объекта), либо в контексте сугубо прикладных задач швейной промышленности. Вопрос интеграции вышивки в дизайн упаковки, где присутствует возможность совмещения функции информационного носителя, тактильного стимула и эстетической доминанты, до настоящего момента не являлся объектом специального искусствоведческого или дизайнерского исследования.

Исторический генезис вышивки неразрывно связан с понятием статуса и изобилия. От расшитых золотом одеяний фараонов и византийских литургических облачений до изысканной китайской шелковой парчи – вышивка служила маркером социальной дифференциации. Как справедливо отмечают исследователи, такого рода многовековая семантика не утрачена, а транслируется в современную визуальную культуру, активируя у потребителя устойчивые ассоциации с роскошью, эксклюзивностью и высоким качеством [1].

В Древнем Египте вышивка выполняла не только декоративную, но и социально-дифференцирующую функцию, где право на определенные узоры имели исключительно особы царского рода. В античной традиции особо значимой выступала «фригийская» вышивка золотыми нитями, а Византия стала хранительницей техники шитья драгоценными металлами, распространив ее по всей средневековой Европе. Эпоха Ренессанса ознаменовалась синтезом живописи и вышивки, при которой композиционные решения Рафаэля Санти в интерьере Сикстинской капеллы оказали значительное влияние на эволюцию художественного текстиля вплоть до Новейшего времени. Русская и белорусская вышивка приобрела фундаментальный смысл, вследствие чего красный цвет символизировал жизнь и солнечную энергию, белый – чистоту и сакральность льняного полотна, а геометрические элементы выступали оберегами и символами плодородия. Благодаря глубокой знаковой природе, в современном дизайне вышивка идентифицируется как эффективный инструмент визуальной коммуникации, где символы обретают новое звучание в контексте брендинга [6].

На сегодняшний день значительное влияние приобретает упаковка премиум-класса, выступая инструментом брендинга и носителем эстетического кода. Ключевыми критериями проектирования премиум сегмента являются

эксклюзивность материалов и форм, безупречность ручного исполнения, интеграция фирменной символики и соответствие экологическим стандартам, что диктуется запросами современной элитной аудитории [4]. Вышивка, благодаря своей фактурности и культурной семантике, позволяет достичь визуальной дифференциации продукта и обогатить тактильный опыт взаимодействия с ним.

Внедрение техники вышивки в архитектонику премиальной упаковки репрезентует собой значимый семиотический аспект, конституирующий трансформацию семантического статуса продукта. Данный прием опосредует переход от парадигмы сугубо утилитарных благ в сферу артефакта, наделенного атрибутами дара, сакрального ритуала и коллекционной ценности. В парадигме семиотики Ч.С. Пирса вышивка на упаковке обретает статус преимущественно индексального знака. Ее присутствие сигнифицирует длительное рукотворное усилие, предшествующее созданию объекта, что в условиях массового производства и доминирования автоматизированных печатных технологий выступает решающим фактором позиционирования продукта в премиальном или люксовом сегменте.

В отличие от методов тиснения фольгой или конгревного тиснения, которые при наличии рельефообразующего потенциала остаются детерминированы рамками типографской технологической традиции, вышивка вводит в дизайн упаковки семиотический регистр текстильного кода, обоснованный тактильностью и органической природой материала. Возникающая при этом оппозиция позволяет рассматривать индустриальную гладкость в качестве репрезентанта технологической рациональности, тогда как текстильная теплота выступает знаком, ассоциируемым с контекстами домашнего пространства, ремесленного производства и высокой модой.

Синтаксис вышивки в композиционном строении упаковки подчиняется строгой иерархии, исходя из чего каждый формальный элемент участвует в конструировании ценности. Использование металлизированных нитей, золота или серебра отсылает к ювелирной традиции и восприятию упаковки как вместилища сокровища, тогда как матовый шелк или хлопок маркируют естественность, сдержанность и природную роскошь. Когда вышивка занимает центральное место на крышке коробки, она уподобляется геральдическому символу, гербу или родовой печати, что утверждает статус бренда как хранителя традиции. Если же вынесена на подложку, внутреннюю сторону крышки или скрыта под съемным поясом –

становится знаком скрытой роскоши, кодом, адресованным исключительно тем, кто уже посвящен в ценности бренда.

Однако использование вышивки как знаковой системы сопряжено с серьезными семиотическими рисками, возникающими при нарушении целостности кода. Переизбыток техник или их несочетаемость порождают семиотический шум, при котором потребитель не может однозначно считать смысл, в результате чего знак становится пустым и утрачивает свою коммуникативную силу.

Эргономический аспект в статье рассматривается как многомерная категория, выходящая за рамки привычного понимания удобства формы. Интеграция вышивки в упаковку требует учета не только антропометрических параметров, но и психофизиологических особенностей восприятия, поскольку текстильный декор принципиально меняет характер взаимодействия потребителя с объектом. Вышивка, благодаря своей фактурности, создает новый тактильный опыт, который в премиальном сегменте становится одним из ключевых факторов эмоциональной привязанности к продукту.

Способность вышивки противостоять деформации, истиранию и выцветанию напрямую влияет на долговечность упаковки, а следовательно – на сохранение ее эстетических и функциональных качеств в процессе использования. Проектирование текстильного элемента как функциональной составляющей предполагает не только обогащение тактильного контакта, но и создание определенных барьеров при нарушении локализации. Под вышеуказанной терминологией понимается возможность использования вышивки для визуально-тактической маркировки зон открывания, защиты или фиксации, что особенно актуально для сложных конструкций премиального сегмента. В рамках эргономического подхода необходим учет свойств материалов, с которыми вышивка вступает во взаимодействие, поскольку различные фактуры варьируются от жестких конструкций до мягких тканевых оснований, и каждая из них требует дифференцированного решения в связи с изменением усилий при открывании, характера тактильных ощущений и даже визуального восприятия масштаба. Эргономический аспект предстает не второстепенным дополнением к художественному решению, а самостоятельной инженерно-психологической задачей, от качества которой напрямую зависит успешность изделия в роли средства коммуникации.

Технологический аспект раскрывается через призму строгого инженерного подхода к выбору материалов, контролю параметров вышивки и обеспечению стабильности производственного процесса. Применение вышивки в упаковке не может рассматриваться исключительно как художественный акт, поскольку оно требует глубокого понимания технологических ограничений и возможностей, заложенных в текстильных материалах и оборудовании [3].

В качестве исходной методологической базы используются существующие подходы в текстильном материаловедении, что позволяет предложить трехуровневую систему критериев, объединяющую технические, художественные и эксплуатационные параметры [7]. Поскольку натяжение и плотность вышивки, выступающие в рамках технико-технологического анализа ключевыми параметрами, напрямую связаны с долговечностью изделия, именно они определяют способность вышивки сохранять форму и целостность при механических воздействиях, неизбежно возникающих в процессе транспортировки и эксплуатации упаковки.

Существенное место в системе технологических решений занимает систематизация материалов, пригодных для интеграции вышивки, в результате которой формируется спектр носителей, варьирующихся от жесткой упаковки до мягких премиальных решений, при этом особого рассмотрения требуют специфические фактуры, а именно: бархат, работа с которым сопряжена с применением специализированных игл в целях сохранения целостности ворса, войлок, допускающий объемное вышивание в отсутствие стабилизатора, что сокращает число технологических операций, а также натуральная кожа, замша и эко-кожа, составляющие высшую ценовую категорию и характеризующиеся ужесточенными требованиями к пробивной способности игл и стабильности натяжения нити. Кроме того, выделяется комбинированная упаковка, где вышивка соседствует с металлом, деревом или стеклом, причем в таких случаях проектирование усложняется необходимостью согласования различных модулей упругости, способов крепления и защиты текстильного элемента от повреждений. В совокупности технологический аспект определяется как строгий инженерный подход, обеспечивающий техническую предсказуемость, минимизацию производственного брака и соответствие премиальным стандартам качества, что в конечном итоге позволяет рассматривать вышивку с точки зрения управляемого производственного процесса [5].

Проведенное исследование позволяет заключить, что интеграция техники вышивки в структуру дизайна премиальной упаковки представляет собой не локальный декоративный прием, а сложный междисциплинарный феномен, находящийся на пересечении семиотики, эргономики, и технологии. Эффективность реализации данного подхода обусловлена необходимостью системного объединения нескольких взаимосвязанных векторов, каждый из которых вносит самостоятельный вклад в формирование потребительской ценности и коммуникативного потенциала упаковочного изделия.

Культурно-семиотический вектор актуализирует многовековую знаковую природу вышивки, позволяя транслировать ценности бренда на глубинном ассоциативном уровне. В свою очередь, применение многоуровневой методологии оценки, верифицирующей качество исполнения по технико-технологическим, визуально-эстетическим и эксплуатационным критериям, обеспечивает соответствие продукта премиальным стандартам. Эргономическая составляющая при этом рассматривается не как второстепенный фактор, а как самостоятельный проектный параметр, в рамках которого вышивка выступает функциональным элементом, оптимизирующим пользовательский опыт. Завершающим звеном системной структуры выступает строгий инженерный подход к выбору материалов и контролю производственных процессов, гарантирующий технологическую предсказуемость и минимизацию рисков.

Таким образом, обоснованная в работе совокупность взаимосвязанных аспектов позволяет рассматривать вышивку в дизайне премиальной упаковки не изолированным художественным средством, а целостной системной практикой, в рамках которой семиотическая выразительность, инженерная предсказуемость, эргономическая целесообразность и технологическая управляемость образуют неразрывное единство. Именно такой комплексный подход открывает перспективы для дальнейшего развития данного направления как самостоятельной области дизайн-проектирования, обладающей значительным инновационным и коммуникативным потенциалом.

Список используемых источников

1. Валькевич С.И. Ценности искусства русской вышивки в народной культуре как социокультурный феномен // Политематический сетевой электронный

научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2013. № 92. С. 1363–1373.

2. Иванов А.Б. Текстиль в графическом дизайне: границы тактильного. Москва, 2021. 156 с.

3. Казарновская Г.В., Абрамович Н.А. Разработка рациональной структуры аналога двухстороннего четырехлицевого слуцкого пояса для производства на современном оборудовании // Вестник Витебского государственного технологического университета. 2021. № 2. С. 25–33.

4. Кошатарова Л.Н. Эстетические особенности рекламной упаковки // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2006. № 1. С. 112–114.

5. Попова А.В. Использование льняной ткани в дизайне сувенирной упаковки // Материалы и технологии. 2018. № 2. С. 94–99.

6. Чернина В.Я. Художественная вышивка в костюме русского двора XVIII – начала XX века. Санкт-Петербург, 2005. 240 с.

7. Шустов Ю.С., Кирюхин С.М. Текстильное материаловедение и управление качеством. Москва, 2022. 386 с.

ТАКТИЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ДИЗАЙН МАТЕРИАЛОВ ПРЕМИАЛЬНОЙ УПАКОВКИ КАК ФАКТОРЫ, ДЕТЕРМИНИРУЮЩИЕ ПОКУПАТЕЛЬСКИЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Кузнецова В.В. – магистрант, УО «Витебский государственный технологический университет»

Научный руководитель: Попова А.В. – доцент, УО «Витебский государственный технологический университет»

Аннотация

В статье рассматривается роль тактильных характеристик и инновационных материалов в дизайне упаковки премиум-сегмента как ключевых факторов формирования потребительского восприятия и покупательских предпочтений. Целью данной статьи является систематизация научных данных о влиянии тактильных характеристик премиальной упаковки на покупательские предпочтения, а также анализ практических разработок в области материалов и технологий отделки, детерминирующих потребительский выбор.

Современная рыночная система, отвечающая за товары массового сегмента и премиум-класса, характеризуется феноменом чрезмерной насыщенности рыночного пространства различными предложениями. Потребитель погружается в состояние перцептивной перегрузки, где внимание одновременно фокусируется на множестве визуально гомогенных объектов. В данном контексте инструментарий традиционной маркетинговой коммуникации утрачивает былую действенность, уступая место более имплицитным механизмам воздействия, заложенным в проектных решениях. В область научного поиска все интенсивнее вовлекаются сенсорные аспекты взаимодействия, где дизайн материального носителя выступает ключевым проводником тактильной информации [4].

Закономерно, что именно дизайн начинает играть роль посредника между продуктом и подсознанием потребителя. В условиях перцептивной перегрузки осязательные свойства упаковки берут на себя функцию главного аргумента, исходя из чего запускается механизм ускоренного принятия решения, который по силе воздействия опережает традиционные маркетинговые сообщения.

Тактильное восприятие представляет собой сложный нейрофизиологический процесс, в котором задействованы различные рецепторные системы кожи. Нейробиологические исследования показывают, что осязание обладает прямым и менее фильтруемым доступом к лимбической системе, благодаря чему создает ситуацию, при которой тело потребителя реагирует на принятие решения быстрее, чем включается механизм рационального сравнения цен или состава продукта. Вышеуказанный механизм объясняет причину того, что потребитель нередко оказывается не способен обозначить мотивы своего выбора, так как предпочтение формируется на бессознательном уровне, где определяющую роль играют тактильные характеристики упаковки.

Концепция премиальности в контексте упаковки формируется на пересечении визуальной эстетики, чувственных ощущений и функциональных характеристик. Исследование «The Touch Advantage», реализованное 7 мая 2025 года на выставке LUXE PACK New York 2025 компанией Sappi North America в коллаборации с Университетом Клемсона, предоставило эмпирическое обоснование предположению, долгое время существовавшему в профессиональной среде на интуитивном уровне, в ходе которого тактильный контакт потребителя с упаковкой обнаруживает устойчивую взаимосвязь с итоговым решением о покупке [5].

Базис рассматриваемых явлений заключается в том, что более половины мозга вовлечено в обработку сенсорной информации, а наибольшая плотность рецепторов сконцентрирована на кончиках пальцев, прикосновение к упаковке запускает феномен «психологического владения», который через механизм «эффекта наделения» трансформируется в готовность платить больше за объект, воспринимаемый как уже приобретенный. В практической части дизайна анализируемая закономерность реализуется через технологические процессы, создающие рельеф и контраст, а именно: выборочное лакирование на матовом фоне, тиснение фольгой, нанесение 3D-лака, однако особо значимым условием при создании упаковки премиум-класса оказывается соблюдение меры, направленной на оптимизацию семиотической нагрузки, поскольку избыточность тактильных стимулов, как подчеркивают исследователи, не усиливает, а напротив, ослабляет воспринимаемую ценность продукта, тогда как один или два четко выверенных акцента повышают максимальный эффект.

Начальный этап проектирования упаковки премиум-класса предполагает комплексный анализ отдельных элементов в контексте их последующего синтеза и функционального взаимодействия. Специалисты в области брендинга все чаще выбирают коллекционные сорта картона, высокоплотные фактурные бумаги, а также инновационные решения, включающие имитацию кожи, дерева или текстиля. Так, в рамках позиционирования бренда космецевтики QMEDELIX фундаментом премиального восприятия стал высокопрочный мелованный картон с глянцевой поверхностью, который выступил в роли оптимальной основы для нанесения последующих технологических слоев и декоративных элементов. Если матовая ламинация, в особенности покрытие «Soft-touch» с напоминающей нежную кожу текстурой, формирует бархатистый фон, то выборочное нанесение УФ-лака позволяет расставить яркие глянцевые акценты, в связи с чем значительно провоцирует сенсорное взаимодействие. Примером аналогичного взаимодействия фактур может выступать упаковка с нанесенным глянцевым элементом, выделяющим логотип или ключевую деталь дизайна на приглушенном матовом фоне, по средством чего создается не только визуальная иерархия, но и подсознательное желание прикоснуться к указанному выше контрасту, завершив тактильное восприятие образа [1].

В нынешнем мире развитие цифровых технологий послепечатной обработки вывело работу с рельефом и объемом на принципиально иной уровень.

Инновационные методы позволяют создавать выпуклые элементы, которые не просто имитируют фактуру ручной работы, но и формируют принципиально новую тактильную реальность, добавляя упаковке качества арт-объекта и усиливая ее сенсорную привлекательность. Особое внимание заслуживает принцип «золотой середины», выступающий незыблемым условием дизайна упаковки премиального сегмента, и возводится в абсолют. Подобный подход не только обеспечивает безупречную читаемость, но и транслирует уверенность бренда, демонстрируя наивысшее качество продукта, не нуждающееся в избыточных визуальных доказательствах.

В ответ на запрос дизайнеров касательно инновационных материалов внедрения в люксовый сегмент, производители картона и бумаги превращают продукт в сложную композитную структуру, где тактильные свойства закладываются уже на уровне волокна. Добавление натуральных частиц прямо в целлюлозу создает уникальную фактуру так называемых «капсульных» коллекций, имитирующих лен, камень или патинированный металл. Ярким примером новейшего вектора развития, сочетающим тактильную и обонятельную информацию для создания синестезии, которая многократно усиливает эмоциональный отклик, является упаковка элитного шоколада с фактурой мешковины и ароматом какао, возникающим при касании, демонстрируя, как многосенсорный опыт работает на запоминание бренда эффективнее любой визуализации [6].

С точки зрения современных тенденций в проектировании упаковки премиум-класса, особого внимания заслуживает внедрение термочувствительных и кинетических систем. Термохромные составы, реагирующие на градиент температуры, инициируемый контактом с кожей, переводят взаимодействие в плоскость интерактивного перформанса. В частности, проявление логотипа на флаконе парфюмерии в ответ на тепловое воздействие генерирует устойчивую иллюзию персонализированной коммуникации, что интенсифицирует аффективную составляющую бренд-опыта. Более того, применение термочувствительных лаков, варьирующих параметры микрорельефа поверхности, позволяет добиться эффекта динамической тактильности, при которой физические ощущения пользователя не остаются константными, а развиваются по ходу взаимодействия.

Параллельно наблюдается интеграция кинетических элементов в структуру упаковки, реализующих у потребителя сценарий «исследовательского поведения». Сопротивление механизма, плавность хода и акустическое сопровождение срабатывания становятся значимыми семиотическими кодами, транслирующими сообщение о технологической сложности и прецизионности исполнения продукта. В конечном итоге дизайн перестает быть статичной формой, данной в ощущении одномоментно, а разворачивается во времени как процесс, в котором потребитель, манипулируя объектом, выступает полноправным соучастником генерации того самого неповторимого сенсорного опыта, демонстрирующего подлинную ценность современного люксового продукта.

Актуальная динамика потребительских предпочтений в премиальном сегменте также свидетельствует о введении экологических характеристик материала в число ключевых критериев оценки. Приоритетными становятся не гомогенные, гладкие поверхности, маркируемые потребителем как искусственные, а фактуры, максимально приближенные к природным аналогам с минимальным уровнем технологического вмешательства. Переработанный картон с видимыми включениями волокон, биоразлагаемые полимеры с шероховатой поверхностью, бумага с семенами полевых цветов, вкрапленная в структуру упаковки, являются материалами, формирующими новую тактильную эстетику. Прикосновение к подобного рода упаковке вызывает чувство причастности к заботе об окружающей среде, удовлетворяя потребность в осознанном потреблении. Контраст между «грубой» внешней экологичной оболочкой и «нежной» внутренней отделкой становится мощным семиотическим приемом, транслирующим идею гармонии природы и роскоши. Дизайнеры все чаще обращаются к мономатериалам, упрощающим переработку, но при этом используют сложные технологии тиснения и высечки для создания тактильного разнообразия на однородном субстрате. Так, один и тот же вид целлюлозного картона может приобретать свойства кожи, дерева или ткани исключительно за счет механической обработки давления и температуры, что является вершиной экологичного и эстетичного дизайна [3].

Феноменом, заслуживающим отдельного внимания в контексте эволюции премиальной упаковки, выступает эстетика несовершенства, заимствованная из японской философии «ваби-саби» и искусства «кинцуги». Если масс-маркет продолжает тиражировать глянцевую, стерильную безупречность как знак качества, то сегмент люкс демонстрирует движение в прямо противоположном направлении.

Премиальные бренды намеренно внедряют тактильные элементы, имитирующие кракелюр и неровности, характерные для ручной лепки.

Исходя из психологии восприятия, подобные тактильные решения резонируют с более архаичными слоями сенсорного опыта, вызывая четкие ассоциации с природным началом и уникальностью ручного труда. Тактильный образ «несовершенства» генерирует ассоциативный ряд, связанный с природной аутентичностью, уникальностью ручного труда и временной длительностью. В контексте индустриального перепроизводства идеально гладких и серийных объектов намеренно культивируемый тактильный «дефект» обретает семиотическую функцию знака подлинности и эксклюзивности.

Таким образом, проведенный анализ позволяет утверждать, что тактильные характеристики и дизайн материалов премиальной упаковки перестали выполнять сугубо утилитарную или декоративную функцию, окончательно закрепившись в статусе самостоятельных факторов, детерминирующих покупательские предпочтения на подсознательном уровне восприятия. В условиях перцептивной насыщенности рыночной среды именно осязательный канал коммуникации выступает наиболее прямым и наименее подверженным когнитивной фильтрации способом трансляции ценностных установок бренда, формируя у потребителя устойчивую эмоциональную связь с продуктом еще до момента рациональной оценки его свойств. При этом ключевым условием эффективности тактильного дизайна выступает не столько количество задействованных сенсорных стимулов, сколько их семиотическая выверенность, в которой один или два точно локализованных тактильных акцента способны сформировать более глубокий образ премиальности, нежели избыточное наслоение эффектов, приводящее к снижению воспринимаемой ценности [2]. Современный этап развития упаковочного дизайна характеризуется интеграцией сложных композитных структур, термочувствительных и кинетических элементов, что переводит взаимодействие потребителя с продуктом из плоскости статичного созерцания в пространство динамического, процессуального опыта. Модификация материала природными наполнителями, капсульными ароматами, а также применение технологий, имитирующих природные фактуры, создает условия для возникновения синестезии, многократно усиливающей эмоциональный след бренда в долговременной памяти потребителя.

Список используемых источников

1. Зайцев С. Облагораживание упаковки как инструмент управления потребительским поведением: данные, психология и практические выводы // Материалы международной выставки. Москва. 2026. [Электронный ресурс]. URL: https://messe.unipack.ru/publication/105130/ (дата обращения: 17.03.2026).

2. Попова А.В., Ван Илин. Упаковка как носитель символической информации: семиотика дизайна упаковки / Образование и наука в развитии технологий, экономики, общества: тезисы докладов 58-й Международной научно-технической конференции, посвященной 60-летию УО «ВГТУ» / Отв. ред. Е.В. Ванкевич. Витебск. 2025. 277 с. С. 204–205.

3. Попова А.В. Инновации и актуальность развития эко-сумки, как направления экологичной моды / Инновации и технологии к развитию теории современной моды «Мода (Материалы. Одежда. Дизайн. Аксессуары)»: сборник материалов I Международной научно-практической конференции, посвященной Федору Максимовичу Пармону / Москва. 2021. 239 с. С. 200–205.

4. Abramovich N., Glusova K. Visual communications in educational marketing. In: Education and science in the 21st century // Articles of the VIII International Scientific and Practical Conference. 2023. Vitebsk: Vitebsk State Technological University. 2024. P. 9–12.

5. Sappi North America Releases Haptics Research Study Conducted in Collaboration with Clemson University // Nip Impressions. 2025. [Electronic resource] URL: https://finance.yahoo.com/news/ (date of treatment: 16.03.2026).

6. Xiao S. Effects of multisensory packaging on taste perception, emotional responses, and willingness to pay for chocolate // Scientific Reports. 2025. Vol. 15, № 1. P. 39085.

РАЗВИТИЕ ПАТТЕРНОВ В ГРАФИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ФОРМИРОВАНИЕ ФИРМЕННОГО СТИЛЯ

Курлович П.М. – студент, УО «Витебский государственный технологический университет»

Фань Ясинь – магистрант, УО «Витебский государственный технологический университет»

Научный руководитель: Попова А.В. – доцент, УО «Витебский государственный технологический университет»

Аннотация

В статье рассматривается роль паттернов в современном графическом дизайне и их значение в формировании фирменного стиля и визуальной идентичности бренда, а также эволюция паттернов, их классификация, основные характеристики и применение в различных сферах маркетинга и брендинга. Подчеркнута важность эмоциональных и культурных аспектов при создании фирменных паттернов, проведен анализ теоретических основ и практических аспектов при их использовании.

Графический дизайн как одна из ключевых дисциплин визуального искусства постоянно эволюционирует, адаптируясь к изменениям в технологиях, культуре и потребительских предпочтениях. В этом контексте паттерны или узоры занимают особое место, будучи не только элементами эстетического оформления, но и важными инструментами коммуникации. Паттерны могут быть определены как повторяющиеся элементы, которые создают визуальную гармонию и структуру, а также служат средством передачи определенных смыслов и эмоций. Их использование в графическом дизайне стало неотъемлемой частью формирования фирменного стиля, который, в свою очередь, играет решающую роль в позиционировании бренда на рынке [2].

Актуальность данного исследования обусловлена современными тенденциями в области маркетинга и брендинга, где визуальная идентификация становится неотъемлемой частью успешной коммуникации. В условиях высокой конкуренции и быстро меняющихся потребительских предпочтений бренд требует узнаваемых и хорошо продуманных визуальных решений, способных эффективно передавать ценности и эмоции бренда. В этом контексте использование паттернов и других элементов графического оформления становится важным инструментом создания сильной и запоминающейся корпоративной идентичности, что делает исследование особенно актуальным для развития современной маркетинговой стратегии.

Цель: комплексное исследование паттернов в графическом дизайне, включающее анализ их исторического развития, классификацию и характеристику основных типов, а также изучение роли паттернов в формировании фирменного стиля и практическое их применения при создании корпоративной идентичности.

Основными задачами в работе являются:

– изучить теоретические основы фирменных паттернов и их роль в визуальной идентификации;

– проанализировать различные типы паттернов и их применение в современных маркетинговых стратегиях;

– определить влияние фирменных паттернов на восприятие бренда и эмоциональную связь с потребителями;

– выявить лучшие практики использования фирменных паттернов в коммуникации бренда.

Слово «pattern» (англ. 'pattern – образец, шаблон, система) используется как термин в нескольких западных дисциплинах и технологиях, откуда оно и проникло в русскоязычную среду. Смысл термина «паттерн» всегда уже, чем просто «образец», и варьируется в зависимости от области знаний, в которой используется [2].

Необходимо отметить, что к вопросу изучения паттернов обращались многие ученые. Поэтапное развитие данных исследований явилось оформление общей теории систем и кибернетики, – составивших единое интеллектуальное движение, направленное на изучение природы различных системных образований, включая анализ проблемы паттернов, определяющих их целостность.

В первую очередь в отмеченной сфере необходимо выделить работы основоположников научного направления, посвященного изучению системных объектов, в частности, труды А.А. Богданова, Н. Винера и Л. фон Берталанфи. Исследования отмеченных авторов оказали прямое влияние на актуализацию проблемы паттернов организации в отраслевом знании последней трети XX – начала XXI века.

Заметим, что в отечественной науке советского периода проблема паттернов не получала должного развития вплоть до начала перестройки. Однако, начиная с 80-х годов XX века, данная проблематика стала бурно развиваться. Среди авторов, внесших заметный вклад в развитие данной проблематики, необходимо упомянуть С.П. Курдюмова, Е.Н. Князеву, М.С. Кагана и В.В. Василькову.

Попытки обнаружить универсальный паттерн культурно-исторического процесса, основанные на анализе когнитивной способности человека фиксировать принципы организации, лежащие в основе строения и функционирования реальности, отражены в трудах Д. Кристиана и Ф. Спира, относящихся к научному направлению, получившему название «Долгая» или «Большая История» (букв. «Long» или «Big History»).

В отечественной науке проблема паттернов социально-исторической реальности была сформулирована и разрабатывается П.К. Гречко.

Паттерн в дизайне – это повторяющийся элемент или группа элементов, которые создают целостную композицию. Они помогают структурировать информацию, создавать визуальную иерархию и направлять внимание пользователя. Могут быть как явными, например, повторяющийся геометрический узор на обоях, так и неявными – как повторяющиеся элементы навигации [3].

Основная сила паттернов заключается в их способности создавать единство и гармонию в дизайне. Когда видно повторяющиеся элементы, мозг человека автоматически группирует их и воспринимает как часть единого целого. Каждый фирменный паттерн не просто повторяющийся элемент, а полноценная визуальная история. Создание такого паттерна требует глубокого анализа бренда, его ценностей и аудитории, чтобы он мог точно передать смысл и стать узнаваемым символом. На современном уровне брендовые паттерны активно используются для формирования фирменной идентичности. Например, IKEA использует геометрические узоры и полоски в своих интерьерах и упаковке, что подчеркивает скандинавский стиль и функциональность. Starbucks в своих сезонных коллекциях и упаковке применяют тематические паттерны для усиления эмоциональной связи с потребителем.

В современном графическом дизайне паттерны становятся определяющим инструментом, формируя визуальную идентичность и обеспечивая функциональность различных продуктов. Примеры таких решений – фирменные волнистые узоры Coca-Cola, которые используется в рекламе и дизайне упаковки, подчеркивая узнаваемость бренда, и динамичные графические паттерны Nike, создающие ощущение энергии и движения.

Однако с развитием технологий происходит значительная трансформация подходов к созданию паттернов. Паттерны оказывают существенное влияние в формировании визуального стиля, структурировании информации и передаче эмоций, становясь важным инструментом в брендинге, веб-дизайне и других сферах [4].

Основные характеристики паттернов:

– бесшовность: возможность бесконечного повторения без видимых стыков;

– ритмичность: наличие четкой системы чередования элементов;

– однородность: все элементы равноценны, нет ярко выраженного композиционного центра;

– масштабируемость: паттерны сохраняют целостность при изменении размера;

– стилистическое единство: все элементы выполнены в едином стиле;

– универсальность: один паттерн можно использовать на разных носителях.

Значение паттернов в современном графическом дизайне многомерно. Они становятся частью визуальной идентичности компании, помогая потребителю узнавать бренд даже без логотипа. Яркими примерами современных брендов являются Burberry, чьи классические клетчатые узоры давно стали узнаваемыми символами британской моды, а также Louis Vuitton с его фирменным монограммным узором, который олицетворяет роскошь и престиж.

Разные типы паттернов вызывают определенные ассоциации: геометрические узоры создают ощущение порядка, абстрактные – креативности, флористические – природной гармонии. Цвета и формы в паттернах могут влиять на эмоциональное восприятие дизайна.

Паттерны в графическом дизайне помогают структурировать и организовать визуальные элементы, делая их более легкими для восприятия и ориентации, создавать ощущение ритма и гармонии на странице. В дизайн-проектах они осуществляют роль навигационных элементов, привлекают внимание зрителя, добавляют интерактивные визуальные эффекты [4].

Паттерны формируют базовую структуру любого графического материала, создавая визуальный ритм и упорядоченность элементов. Каждый вид паттерна – от простых геометрических форм до сложных органических текстур – несет определенную смысловую и эмоциональную нагрузку.

Современные паттерны в графическом дизайне выходят за рамки простого повторения элементов. Они формируют многоуровневые системы визуальной коммуникации, в которых каждый графический элемент способствует общей концепции оформления, создавая единую гармоничную визуальную систему. Основной принцип работы с паттернами – это баланс между сложностью узора и функциональностью дизайна элементов.

Фирменный паттерн – это не просто повторяющийся графический элемент, а уникальный визуальный язык бренда. Он становится узнаваемой подписью компании, позволяя выделиться среди конкурентов и укрепить ассоциативную связь с потребителем. Паттерны используются в упаковке, на сайтах, в рекламных

материалах и мерче, формируя целостный и запоминающийся образ бренда. Важность паттернов для фирменного стиля нельзя недооценивать. Фирменный стиль – это не просто логотип или цветовая палитра, а комплексное представление о компании, которое формируется через визуальные и эмоциональные ассоциации.

Бренд – это не просто знак и название, хотя многие приравнивают его к понятию логотипа. Это то, что думают о нем потребители, что живет в сознании получателей и несет в себе определенное послание и эмоции. На то, как потребитель воспринимает бренд, большое влияние оказывает его визуальная идентичность.

Визуальная идентификация – это основной инструмент, используемый для создания имиджа бренда. Он является графическим отражением его видения и ценностей. Он показывает истинную сущность бренда, кто он, какой он и как себя ведет. Визуальная идентификация принесет преимущества, если она последовательна и хорошо продумана [5].

Таким образом, паттерны помогают выделиться среди конкурентов и укрепляют ассоциативную связь между продуктами и брендом в сознании потребителей. Они часто используются в различных элементах брендинга, таких как упаковка, рекламные материалы, цифровые платформы и физическая среда.

Ключевой особенностью фирменных паттернов является их способность быть внятными и узнаваемыми даже при минимальном присутствии логотипа или других идентификаторов бренда. Они могут быть основаны на культурных символах или элементах, характерных для происхождения бренда, что придает им дополнительную аутентичность и уникальность [1].

Основная задача фирменного паттерна заключается в том, чтобы выделяться среди конкурентов и запомниться потребителям. Паттерн может быть использован на различных маркетинговых материалах, включая упаковку, рекламные материалы, веб-сайты и корпоративные документы.

Логотип – это один из основных элементов визуальной коммуникации. Он может передавать разнообразную информацию и значения, выражать эмоции, идентичность и мировоззрение. Это графическое представление бренда. Логотип состоит из графического знака, символа и текстового представления названия.

Эмоциональные паттерны в графическом дизайне – это специальные приемы и элементы, которые используются для вызова определенных чувств у зрителей. Они помогают формировать интуитивное восприятие визуальных образов и

создают позитивные эмоции, что способствует более привлекательному и запоминающемуся восприятию дизайна. Они играют важную роль в создании выразительных и эффективных визуальных решений. Например, Hermes славится своим дизайнерскими платками со сложными узорами, вызывающими восхищение и эмоциональную привязанность. А Google создает сезонные паттерны (Google Doodles), вызывающие радость у людей по всему миру.

Эмоциональные паттерны – это стратегии, которые помогают вызвать эмоциональную реакцию на основе элементов дизайна. Каждый элемент призван подчеркивать и усиливать желаемую эмоцию.

Понимание эмоциональных потребностей зрителей помогает формировать графические решения, которые вызывают желаемые чувства и соответствуют их ожиданиям. Визуальная история, рассказанная через дизайн, может установить сильную эмоциональную связь с аудиторией.

В условиях растущей конкуренции на рынке графического дизайна создание паттернов для фирменного стиля становится важным элементом визуальной идентичности брендов. В современном маркетинге важно, чтобы бренд был не просто узнаваемым, а заметным и запоминающимся.

Уникальный паттерн – это повторяющийся рисунок, который делает рекламный материал и мерч неповторимым. Паттерны могут использоваться на футболках, кружках, блокнотах, сумках и других сувенирах, создавая целостный визуальный язык бренда. Для создания уникального паттерна необходимо изучение данного бренда, его аудитории и задач. Особое внимание уделяется повторяемости рисунка, гармонии цветов и адаптации под разные изделия. Каждый уникальный паттерн превращается в историю конкретного бренда, которую люди хотят использовать и показывать другим [4].

Паттерны остаются одним из наиболее мощных инструментов в арсенале современного графического дизайна. Они помогают создавать гармоничные композиции, структурировать визуальную информацию и делать дизайн более привлекательным и удобным для восприятия. При этом паттерны продолжают развиваться вместе с технологическим прогрессом, открывая новые горизонты для творчества и инновационных решений в графическом дизайне.

Понимание природы паттернов, их видов и принципов создания – необходимая компетентность, которая позволяет создавать более эффективные и

привлекательные дизайн-решения, которые не только выглядят красиво, но и помогают потребителям достигать своих целей.

Список используемых источников

1. Абрамович Н.А., Цай Куньюй Инновационные тенденции современного китайского стиля / Образование и наука в развитии технологий, экономики, общества: тезисы докладов 58-й Международной научно-технической конференции преподавателей и студентов. / Отв. ред. Е.В. Ванкевич. Витебск: УО «ВГТУ», 2025. 277 с. С. 192–193

2. Войтова Н.Е., Самутина Н.Н. Использование народных мотивов при создании логотипа города и применение его в коллекции сувенирной продукции / Мотивы культурных традиций и народных промыслов в коллекциях современной одежды, обуви и аксессуаров: сборник научных трудов II Международной научно-практической конференции / Москва: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2024. 301 с. С. 64–70

3. Казарновская Г. В. Исследование витебского авангарда и использование его идей в дизайне графическом. Витебск: Витебский государственный технологический университет, 2024. 136 с.

4. Суровцева К.С., Самутина Н.Н. Мотивы культурного наследия Витебского региона в коллекции сувенирной продукции / Инновации и технологии к развитию теории современной моды «Мода (Материалы. Одежда. Дизайн. Аксессуары)»: Сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной профессору Федору Максимовичу Пармону и 95-летию «РГУ им. А.Н. Косыгина» / Отв. ред. В.С. Белгородский, С.Г. Дембицкий, А.В. Силаков, М.И. Ашбекова. Москва: Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина (Технологии. Дизайн. Искусство), 2025. 185 с. С. 169–172

5. Попова А.В., Виноградова В.А. Эффективность продвижения ювелирного бренда // Материалы и технологии. 2024. № 1. С. 42–48.

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ВНУТРЕННИХ ПЕРЕЖИВАНИЙ В АРХИТЕКТУРНЫХ ФОРМАХ

Скрыльникова К.А. – студент, ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Научный руководитель: Ветрова А.В. – доцент, и.о. заведующего кафедрой "Архитектура и строительство", ОУ ВО «Южно-Уральский технологический университет»

Аннотация

Статья исследует процесс превращения эмоциональных состояний в материальные архитектурные формы. Автор рассматривает механизмы, позволяющие тревоге, радости, покою или напряжению обретать зримые очертания в объемных макетах и реальных постройках. На примерах работ известных архитекторов и экспериментальных практик показано, как внутренний мир человека проецируется на внешнюю среду, создавая язык, понятный каждому.

Введение

Каждый человек хотя бы раз в жизни испытывал ощущение, что архитектурное пространство «говорит» с ним: одни здания вызывают чувство защищенности и покоя, другие – тревогу или подавленность. Этот феномен давно привлекает внимание философов, психологов и архитекторов. Однако вопрос о том, как именно внутренние переживания человека могут быть не только отражены в архитектуре, но и сознательно материализованы в объемных формах, остается открытым.

Цель данной статьи: выявить механизмы визуализации внутренних переживаний в архитектурных формах и показать, каким образом эмоциональные состояния обретают пластическое выражение. В работе используются методы феноменологического анализа, семиотического подхода, а также историко-архитектурный метод при обращении к примерам из практики.

Феноменология восприятия: телесный опыт как основа взаимодействия с формой

Французский философ Морис Мерло-Понти в своем фундаментальном труде «Феноменология восприятия» утверждал, что восприятие пространства невозможно без телесного опыта. Наше тело, по его мысли, выступает не просто объектом среди других, но условием самой возможности восприятия [1]. Именно благодаря телу мы различаем «верх» и «низ», «близкое» и «далекое», «свое» и «чужое».

Гастон Башляр в работе «Поэтика пространства» развил эту идею, показав, что дом, комната, лестница, подвал – это не просто физические объекты, а вместилища памяти и эмоций. «Дом – наше место в мире», – писал философ, подчеркивая, что пространство, в котором мы живем, становится материализацией наших внутренних состояний [2].

Кристиан Норберг-Шульц, норвежский теоретик архитектуры, ввел понятие «духа места», обозначающее ту неповторимую атмосферу, которая возникает на пересечении формы, материала, света и человеческого присутствия [3]. Архитектура, по Норберг-Шульцу, призвана материализовывать экзистенциальные связи человека с миром, делая зримыми незримые структуры бытия.

Юхани Палласмаа в эссе «Глаза кожи» критикует современную архитектуру за утрату телесности. Стеклянные фасады, гладкие поверхности, универсальные пространства, по его мнению, обращены только к зрению, игнорируя осязание, слух, мышечное чувство [4]. Подлинная архитектура, утверждает финский архитектор, должна говорить со всем телом, приглашать к контакту, резонировать с нашими движениями.

Семиотика архитектурной формы: о чем говорят стены

Семиотический подход позволяет понять, каким образом архитектурные элементы обретают значение. Умберто Эко в книге «Отсутствующая структура» показал, что архитектурные знаки, в отличие от слов естественного языка, не имеют фиксированного значения [12]. Крыша означает укрытие, но может также означать защиту, дом, семью – или, в зависимости от контекста, подавление. Колонна – опора, устойчивость, порядок, но в разных культурах она приобретала дополнительные смыслы: в Древней Греции – благородство и меру, в Риме – мощь империи.

Чарльз Дженкс ввел понятие «двойного кодирования»: постмодернистское здание говорит одновременно на двух языках – профессиональном, понятном архитекторам, и массовом, доступном обывателю [5]. Это свидетельствует о многослойности архитектурного сообщения: одна и та же форма может нести разные смыслы разным аудиториям.

Особое значение для понимания связи формы и переживания имеют работы Рудольфа Арнхейма, который применил принципы гештальтпсихологии к анализу визуального восприятия. В книге «Искусство и визуальное восприятие» он показал,

что визуальное восприятие изначально осмысленно: глаз схватывает целостные структуры, обладающие собственными выразительными качествами [6].

Вертикаль, по Арнхейму, выражает устремленность, легкость; горизонталь – покой, стабильность; диагональ – динамику, напряжение. Симметрия переживается как завершенность, асимметрия – как движение и незавершенность. Острые углы вызывают ощущение опасности, округлые – мягкости и защиты. Замкнутый объем дает чувство убежища, открытая форма – уязвимости. Эти закономерности не привнесены культурой, а укоренены в структуре самого восприятия.

Материализация внутренних состояний в творчестве архитекторов

Обращение к истории архитектуры дает множество примеров того, как внутренние переживания обретают форму. Эрих Мендельсон, представитель архитектурного экспрессионизма, в Башне Эйнштейна в Потсдаме (1921 г.) создал не просто обсерваторию, а пластическое воплощение динамики, космического напряжения [7]. Его метод, который можно назвать «прямой материализацией чувства», предполагал, что рука, ведомая внутренним импульсом, сразу искала адекватную пластическую форму.

Бруно Таут в проекте «Альпийская архитектура» (1917 г.), созданном в разгар Первой мировой войны, предложил утопический образ горных вершин, превращенных в кристаллические дворцы, пронизанные светом [8]. Это был акт психологической компенсации – попытка построить идеальный мир света и гармонии в противовес травматической реальности.

Антонио Гауди в Барселоне создал уникальный язык форм, черпая вдохновение в природе и в собственных мистических переживаниях. Храм Святого Семейства (Саграда Фамилия) – это грандиозная материализация внутреннего мира архитектора: колонны, напоминающие стволы деревьев, гиперболические своды, создающие ощущение растущего пространства, фасады, рассказывающие библейские истории [9].

Луис Кан задавался вопросом: «Чего хочет быть здание?», вслушиваясь в сокровенную сущность формы. Его постройки, такие как библиотека Эксетерской академии, обладают удивительной цельностью и почти сакральным присутствием, они наполнены тишиной и светом, приглашают к внутренней сосредоточенности [10].

Питер Цумтор, мастер «атмосферы», сознательно конструирует переживания, работая со светом, материалом, звуком и запахом. Его термальные

ванны в Вальсе – пространство, где камень, вода, пар создают почти ритуальную атмосферу покоя и очищения [11].

Экспериментальная практика: материализация состояний в макете

Способность материализовать внутренние переживания доступна не только профессиональным архитекторам, но и любому человеку. Простой эксперимент подтверждает это. Участнику предлагается взять лист бумаги или картон, закрыть глаза, сосредоточиться на своем актуальном состоянии и, не строя предварительного замысла, позволить рукам действовать спонтанно.

Результаты такого эксперимента демонстрируют устойчивые корреляции между типом переживания и формальными характеристиками создаваемого объекта. Состояние тревоги, как правило, находит выражение в асимметричных структурах с острыми углами, разорванными контурами, неустойчивой композицией. Покой проявляется в симметричных, замкнутых, округлых формах, напоминающих убежище. Радость – в легких, устремленных вверх элементах, открытых, пронизанных светом и пустотами. Гнев – в острых, колющих, агрессивных, выступающих формах.

Этот феномен объясняется тем, что телесный опыт, зафиксированный в моторике рук, напрямую связан с эмоциональными состояниями. Рука «знает» то, что не всегда может сказать язык. Материализация позволяет перевести аморфное, трудно вербализуемое переживание в наглядную, обозримую форму, открывая возможности для его осознания и трансформации.

Результаты и их обсуждение

Практика материализации внутренних переживаний в объемных макетах демонстрирует ряд конкретных эффектов. Во-первых, она выступает инструментом диагностики: формальные характеристики макета позволяют выявить актуальное состояние автора. Во-вторых, она способствует интеграции фрагментированного опыта: травматические переживания, часто переживаемые как разорванные, обретают в макете целостную структуру. В-третьих, она открывает возможность трансформации: изменение формальных характеристик макета (сглаживание острых углов, добавление защитных элементов, создание замкнутого объема) позволяет символически проработать состояние, смещая его в сторону более комфортного.

Важно отметить, что эта практика возвращает человеку утраченный телесный опыт. В условиях современной культуры, характеризующейся

доминированием визуального и цифрового, работа с материалом – сгибание, разрезание, соединение – восстанавливает связь между сознанием и телом, активируя кинестетический канал восприятия.

Заключение

Проведенный анализ позволяет утверждать, что визуализация внутренних переживаний в архитектурных формах – это не метафора, а реально существующий процесс, имеющий свои закономерности и механизмы. Феноменология обосновывает телесную природу пространственного восприятия. Семиотика и гештальтпсихология предоставляют инструментарий для анализа выразительности формы. Опыт великих архитекторов демонстрирует способы материализации внутреннего мира в реальных постройках. А экспериментальная практика подтверждает, что эта способность присуща каждому человеку.

Понимание этих механизмов открывает новые возможности как для архитектурного проектирования (создание эмоционально осмысленной среды), так и для психологической практики (использование макетирования как инструмента диагностики и коррекции состояний). Архитектура внутреннего мира – это не специальная область знания, а универсальная способность человека делать свои чувства зримыми и осязаемыми.

Список используемых источников

1. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М: Прогресс, 1974. 392 с.
2. Башляр Г. Поэтика пространства. М: Ад Маргинем, 2014. 352 с.
3. Гауди А. Мысли об архитектуре. М: Музей архитектуры, 2002. С. 45–52.
4. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. М.: Стройиздат, 1985. 136 с.
5. Мендельсон Э. Архитектура в ключевые моменты. М: Искусство, 1972. С. 215–220.
6. Мерло-Понти М. Феноменология восприятия. М: Наука, 1999. 608 с.
7. Норберг-Шульц К. Дух места. М: Ладомир, 2006. 272 с.
8. Палласмаа Ю. Глаза кожи. Архитектура и чувства. М: Strelka Press, 2020. 128 с.
9. Таут Б. Альпийская архитектура. Berlin: Wasmuth, 1919. 140 с.

10. Цумтор П. Атмосферы. Архитектурная среда. Вокруг нас. М: Ад Маргинем, 2019. 64 с.

11. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб: Симпозиум, 2006. 544 с.

12. Louis Kahn: Silence and Light. / Zurich: Park Books, 2013. 112 p.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СТРОИТЕЛЬНОЙ И ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ И ПЕРСПЕКТИВ РАЗВИТИЯ ИННОВАЦИОННЫХ ПРОГРАММ КАЛЕНДАРНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В СТРОИТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Галузо О.А. – студент, УО ВО «Белорусский государственный университет транспорта»

Научный руководитель: Коновалова О.Н. – магистр, старший преподаватель, УО ВО «Белорусский государственный университет транспорта»

Аннотация

В статье рассматриваются современные подходы к календарному планированию в строительной отрасли Республики Беларусь. Анализируется переход от традиционных линейных графиков к интегрированным цифровым системам управления проектами, включая технологии BIM-4D и программные комплексы сетевого планирования. Особое внимание уделяется эффективности применения инновационных программ календарного планирования, вопросам их нормативного регулирования, интеграции с ресурсными моделями и влиянию на сокращение инвестиционно-строительного цикла. Приводятся данные о развитии отечественного программного обеспечения и перспективах внедрения автоматизированного мониторинга сроков строительства.

От календарных графиков к интегрированному цифровому управлению

Строительная отрасль Республики Беларусь находится на этапе активной цифровой трансформации, одним из ключевых направлений которой является модернизация систем календарного планирования. Традиционные линейные графики Ганта, несмотря на свою наглядность, перестали удовлетворять требованиям динамично развивающихся инвестиционно-строительных проектов. Сегодня на смену статичным формам приходят интегрированные цифровые решения, позволяющие объединять временные, ресурсные и пространственные параметры строительства [4, 7].

Согласно данным Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь, доля объектов, управление которыми осуществляется с применением автоматизированных систем календарного планирования, ежегодно увеличивается. Это обусловлено как совершенствованием нормативной базы (постановления Совета Министров № 266 от 15 мая 2025 года и № 561 от 10 октября 2025 года), так

и растущей потребностью заказчиков в сокращении сроков строительства и повышении предсказуемости проектов. В отличие от Российской Федерации, где внедрение BIM-4D закреплено на уровне федеральных требований, Беларусь формирует собственную экосистему цифрового планирования, ориентированную на совместимость с национальными стандартами ценообразования и ресурсными нормативами [1, 3].

Сущность инновационного календарного планирования: от сроков к ресурсам

Ключевое отличие современных программ календарного планирования от классических методов заключается в переходе от простого фиксирования дат к полноценному управлению ресурсами и рисками. Традиционные методы CPM (Critical Path Method) и PERT, доказавшие свою эффективность, сегодня дополняются возможностями BIM-4D – интеграции временного измерения в трёхмерную информационную модель объекта [5, 9].

«Современное календарное планирование – это не просто график работ, а динамическая модель, в которой каждый элемент связан с ресурсным обеспечением, логистикой и денежными потоками. Цифровой двойник строительного процесса позволяет прогнозировать отклонения и корректировать ход работ в режиме реального времени» [3].

Организация данных в среде общих данных (СОД) даёт возможность участникам проекта (заказчику, генподрядчику, проектным организациям) работать с единой календарно-ресурсной моделью. В крупных объектах, таких как транспортные хабы, жилые микрорайоны с инженерной инфраструктурой – количество взаимосвязей в сетевых графиках исчисляется десятками тысяч, а объём автоматически обрабатываемой информации позволяет снизить трудозатраты плановых отделов на 30–40 % [2].

Эффективность на этапе организации строительства: сокращение сроков и оптимизация ресурсов

Главный экономический эффект от внедрения инновационных программ календарного планирования достигается за счёт сокращения инвестиционно-строительного цикла и снижения накладных расходов. В классическом подходе, основанном на раздельном ведении графиков работ, графиков поставок и финансовых планов, задержки на одном этапе часто приводят к цепным сбоям, которые выявляются слишком поздно [4].

Современные программные комплексы (например, «АСТРА-Строй», «Spider Project», а также отечественные разработки, включённые в реестр Минстройархитектуры) позволяют:

– автоматически пересчитывать календарный план при изменении ресурсного обеспечения;

– моделировать различные сценарии производства работ с учётом сезонности и ограничений по трудовым ресурсам;

– выявлять «критические пути» и резервы времени с точностью до сменных заданий.

Исследования, проведённые на объектах дорожно-транспортного строительства в Минской и Гомельской областях, показывают, что применение интегрированного календарно-ресурсного моделирования позволяет сократить продолжительность строительства в среднем на 15–20 % и снизить затраты на управление проектом на 10–12 % за счёт уменьшения простоев и сверхурочных работ [5, 10].

Сквозное применение: от инвестиционной фазы до ввода в эксплуатацию

Инновационные программы календарного планирования функционируют на всех этапах жизненного цикла объекта, обеспечивая преемственность данных:

1. Инвестиционная фаза и проектирование. На этапе обоснования инвестиций формируется укрупнённый календарный план, который служит основой для графика финансирования. При переходе к BIM-проектированию временные параметры интегрируются с моделью, что позволяет автоматически определять объёмы работ по конструктивным элементам и увязывать их с продолжительностью [2].

2. Тендерная процедура и подготовка строительства. Детализированный календарный план становится частью конкурсной документации. Современные цифровые платформы позволяют автоматически сопоставлять предложения подрядчиков с ресурсными возможностями и нормативной базой [5].

3. Строительный контроль и мониторинг. Использование систем видеоаналитики и трекинга техники в связке с календарной моделью даёт возможность вести автоматизированный учёт выполненных объёмов. Отклонения от плана фиксируются в реальном времени, система сама формирует предупреждения о риске срыва сроков [9].

4. Ввод в эксплуатацию и гарантийные обязательства. По итогам строительства формируется исполнительная модель, содержащая фактические сроки выполнения работ, что позволяет объективно оценивать надёжность подрядчиков и совершенствовать нормативы продолжительности строительства [9].

Перспективы развития в Республике Беларусь

Несмотря на очевидные преимущества, широкое внедрение инновационных программ календарного планирования сталкивается с рядом системных барьеров. Во-первых, это недостаточная интеграция между существующими программными продуктами для проектирования, сметного нормирования и планирования. Отсутствие единого формата обмена данными (в отличие от международных стандартов IFC и BCF) затрудняет создание сквозных цифровых процессов [1, 3]. Во-вторых, сохраняется дефицит квалифицированных кадров, владеющих одновременно технологиями BIM и методами сетевого планирования.

В качестве позитивного тренда следует отметить активную работу Минстройархитектуры по актуализации нормативной базы. Постановление № 73 от 26 июня 2025 года установило специальные технические требования к применению технологий информационного моделирования, включая разделы по календарно-сетевому планированию. Кроме того, реализуется Дорожная карта цифровизации строительного комплекса на 2026–2030 годы, в рамках которой предполагается создание отраслевого центра компетенций по управлению проектами [4].

Перспективным направлением является внедрение технологий искусственного интеллекта для автоматического прогнозирования сроков на основе данных о предыдущих проектах, а также развитие методов BIM-5D, интегрирующих календарный план с бюджетом и денежными потоками. В долгосрочной перспективе это позволит перейти к полностью автоматизированному мониторингу строительства с формированием цифровых паспортов объектов, содержащих достоверную временную и ресурсную информацию на всех этапах [6, 11].

Заключение

Инновационные программы календарного планирования становятся неотъемлемым элементом эффективного управления строительными проектами в Республике Беларусь. Переход от статичных графиков к интегрированным

цифровым моделям позволяет значительно сократить сроки строительства, повысить предсказуемость ресурсного обеспечения и снизить проектные риски. Для магистрантов и молодых специалистов освоение современных методов сетевого планирования и BIM-4D является необходимым условием профессиональной конкурентоспособности. Дальнейшее развитие отрасли будет связано с формированием единой цифровой среды управления проектами, интеграцией с системами государственного надзора и внедрением интеллектуальных алгоритмов поддержки принятия решений.

Список используемых источников

1. Гусаков А.А., Павлов А.С. Цифровое календарно-сетевое планирование в строительстве: опыт и перспективы // Экономика строительства. 2025. № 2. С. 34–41.

2. Дмитриев В.В., Кравчук Е.Н. BIM-4D как инструмент сокращения инвестиционного цикла // Вестник Белорусского государственного университета транспорта. 2025. № 1. С. 55–60.

3. Коваленко И.С. Управление строительными проектами на основе цифровых двойников // Компьютерра. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.computerra.ru/digital-twins-construction (дата обращения: 24.03.2026).

4. Логинов К.А. От графика Ганта к BIM-календарю: эволюция методов планирования // РБК Тренды. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/bim-scheduling (дата обращения: 24.03.2026).

5. Мельников С.В. Эффективность применения сетевого планирования в дорожном строительстве // Современная наука. 2025. № 3. С. 78–84.

6. Новиков П.А., Шевченко О.В. Интеграция BIM и систем календарного планирования: опыт внедрения в Республике Беларусь // Информационное общество. 2025. № 4. С. 112–119.

7. Об установлении специальных технических требований к применению технологий информационного моделирования: постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 26 июня 2025 г. № 73 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500073 (дата обращения: 25. 03.2026).

8. О внесении изменений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь по вопросам проектной документации и строительства: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 октября 2025 г. № 561 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C2250051 (дата обращения: 25.03.2026).

9. О совершенствовании архитектурной и строительной деятельности в части внедрения цифровых технологий: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 мая 2025 г. № 266 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500266 (дата обращения: 25.03.2026).

10. Сафронов Д.А. Ресурсное моделирование в календарных планах строительства // Финансовая экономика. 2025. № 1. С. 95–101.

11. Трансформация управления строительными проектами под влиянием цифровых технологий // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 2. С. 145–152.

ПРИМЕНЕНИЕ BIM-ТЕХНОЛОГИЙ НА ВСЕХ ЭТАПАХ ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ОБЪЕКТА

Горбунова А.С. – студент, УО ВО «Белорусский государственный университет транспорта»

Научный руководитель: Коновалова О.Н. – старший преподаватель, УО ВО «Белорусский государственный университет транспорта»

Аннотация

В статье рассматривается трансформация архитектурно-строительного проектирования под влиянием технологий информационного моделирования (BIM). Анализируется переход от традиционного двухмерного черчения к созданию параметрических цифровых двойников. Особое внимание уделяется практическим аспектам применения BIM в Республики Беларусь, вопросам экономической эффективности, коллизионной проверке и интеграции со смежными цифровыми технологиями (IoT, дополненная реальность). Приводятся данные последних исследований, подчеркивающие роль BIM как стандарта устойчивого развития строительной отрасли.

От автоматизации чертежа к управлению данными

Строительная отрасль переживает этап цифровой трансформации. Если еще десятилетие назад главным мерилом прогресса был переход от кульмана к

AutoCAD, то сегодня вектор сместился в сторону управления информацией. Современное проектирование невозможно представить без технологий информационного моделирования (BIM), которые перестали быть просто "объемной картинкой", превратившись в полноценный инструмент управления жизненным циклом от проекта до объекта [2, 4]. Согласно данным Минстроя Российской Федерации, доля застройщиков, работающих с технологиями информационного моделирования (ТИМ), неуклонно растет, приближаясь к половине рынка [11]. Это связано как с требованиями законодательства (Постановление Правительства № 331), так и с прямым экономическим эффектом, который дает BIM. В Республике Беларусь также активно формируется нормативная база: согласно Постановлению Совета Министров № 266 от 15 мая 2025 года, продолжается совершенствование архитектурной и строительной деятельности в части внедрения цифровых технологий. Ключевым документом стало Постановление Минстройархитектуры № 73 от 26 июня 2025 года, вступившее в силу в октябре 2025 года, которое устанавливает специальные технические требования к применению технологий информационного моделирования. Кроме того, Постановление Совета Министров № 561 от 10 октября 2025 года внесло изменения в действующие акты, уточняя механизмы параллельной разработки проектной документации и строительства с учетом цифровых процессов. Благодаря этим мерам цифровизацией охвачена часть строительного рынка Республики Беларусь, с выходом на полный охват к 2030 году.

Сущность BIM: не просто 3D, а база данных

Ключевое отличие информационной модели от обычной трехмерной графики – в насыщенности данными. Как справедливо отмечают эксперты, BIM-модель содержит не только геометрию, но и полную атрибутивную информацию: от марки бетона до производителя светильников и графика поставок [2].

"BIM – это «цифровой двойник» будущего здания, где архитекторы, инженеры и подрядчики действуют как одна команда внутри единой цифровой среды" [5].

Организация этой совместной работы происходит в Среде общих данных (СОД). Это фундамент цифровизации, позволяющий избежать разночтений и потери версий документации. Например, в масштабных проектах, таких как

«СберСити», количество пользователей в СОД достигает нескольких тысяч, а объем хранимой информации исчисляется терабайтами [4].

Эффективность на этапе проектирования: Борьба с коллизиями

Главный экономический эффект BIM достигается за счет выявления и устранения ошибок на ранних стадиях, когда стоимость их исправления минимальна. В классическом 2D-проектировании сложные узлы прохода инженерных систем часто маркировались пометкой «определить по месту», что переносило проблемы и финансовые риски на стройплощадку [2].

BIM-моделирование позволяет проводить коллизионную проверку (Clash Detection) автоматически. Система находит пересечения воздуховодов с несущими балками или кабель-каналов с трубами отопления до того, как они будут смонтированы в металле. Это исключает переделки «по месту» и сокращает смету на исправление брака. Исследования подтверждают, что применение BIM сокращает общие сроки строительства практически вдвое: с 4 до 2 лет за счет исключения простоев и переделок [10].

Сквозное применение: от эскиза до сноса

Информационная модель работает на всех этапах жизни объекта:

1. Проектирование: параметрическое моделирование позволяет автоматически обновлять чертежи при изменении планировки. Например, перенос стены влечет за собой автоматический пересчет площадей, объема материалов и спецификаций [2, 10].
2. Строительный контроль: современные методы включают интеграцию BIM с технологиями дополненной реальности. Сотрудник стройконтроля может наложить виртуальную модель на реальный строящийся объект через планшет, сверяя соответствие с точностью до сантиметра [4].
3. Эксплуатация: после ввода дома в эксплуатацию модель передается управляющей компании. Она становится основой для цифрового двойника, связанного с IoT-датчиками. Это позволяет предиктивно отслеживать износ оборудования и планировать ремонты [11].
4. Экологический аспект: BIM позволяет проводить энергетический анализ и оценку углеродного следа еще на стадии выбора материалов, что способствует «зеленому» строительству [6].

Вызовы и перспективы в РБ

Несмотря на очевидные плюсы, внедрение BIM сталкивается с рядом барьеров. Во-первых, это необходимость перестройки внутренних бизнес-процессов компании. Нельзя просто купить софт – нужно изменить культуру производства [10]. Во-вторых, уход западных вендоров стал катализатором развития отечественного ПО, что привело к появлению зрелых белорусских решений для СОД и проектирования [4].

Перспективным направлением является интеграция технологий BIM и CIM (City Information Modeling), что позволяет перейти от моделирования отдельных зданий к созданию цифровых двойников целых районов и городов, управляя инфраструктурой комплексно [11].

Заключение

Технологии информационного моделирования прочно заняли место «золотого стандарта» в строительной отрасли. Для магистрантов и молодых специалистов освоение BIM – это не просто требование времени, а необходимое условие конкурентоспособности. Дальнейшее развитие технологии будет идти по пути интеграции с искусственным интеллектом для автоматической генерации проектных решений и создания полностью автономных систем управления зданиями на основе актуальных цифровых двойников.

Список используемых источников

1. Алжнде Г., Окольникова Г.Э. Оценка проектирования зданий и сооружений с учетом экологичности материалов с помощью BIM-технологий // Экономика строительства. 2024. № 3. С. 45–52.

2. Гокканен А., Логинов К., Лоренц Л. От макетов к компьютерам: что такое BIM // Компьютерра. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.computerra.ru/bim-guide (дата обращения: 15.03.2026).

3. Иванов Д.Ю., Теляшкин Н.В., Воронина А.Е. Цифровая трансформация строительной отрасли: вызовы и перспективы // Финансовая экономика. 2025. № 2. С. 127–134.

4. Об установлении специальных технических требований к применению технологий информационного моделирования: постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 26 июня 2025 г. № 73 (вступило в силу 7 октября 2025 г.) // Национальный правовой Интернет-портал

Республики Беларусь. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500073 (дата обращения: 20.03.2026).

5. О внесении изменений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь по вопросам проектной документации и строительства: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 октября 2025 г. № 561 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C2250051 (дата обращения: 20.03.2026).

6. О совершенствовании архитектурной и строительной деятельности в части внедрения цифровых технологий: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 мая 2025 г. № 266 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500266 (дата обращения: 20.03.2026).

7. Сайфутдинов Д.Р. Анализ состояния вопросов применения технологий информационного моделирования в строительстве // Информационное общество. 2025. № 4. С. 33–39.

8. Степанов В. От чертежной доски до BIM-модели: как изменилось строительство // РБК Тренды. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f9b9f3f9a7947d3b2f4e5c6 (дата обращения: 18.03.2026).

9. Таскаев Е.В. Цифровые технологии как инструмент в оценке эффективности строительства // Современная наука. 2025. № 2. С. 112–117.

10. Трансформация строительной отрасли под влиянием ТИМ // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 1. С. 88–94.

11. Цифровой двойник: как технологии помогают строить дома быстрее и без ошибок // BIMTeam. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://bimteam.ru/articles/digital-twin (дата обращения: 19.03.2026).

ИНТЕГРАЦИЯ ПРОГРАММНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИРА САПР В ЦИФРОВУЮ ЭКОСИСТЕМУ СТРОИТЕЛЬНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ

Нестерова А.В. – студент, ОУ ВО «Белорусский государственный университет транспорта»

Научный руководитель: Коновалова О.Н. – магистр, старший преподаватель, ОУ ВО «Белорусский государственный университет транспорта»

Аннотация

В статье рассматриваются вопросы интеграции отечественного программного комплекса ЛИРА САПР в современную цифровую среду архитектурно-строительного проектирования. Анализируются способы взаимодействия расчётного ядра с системами BIM-моделирования, CAD-платформами и средой общих данных. Особое внимание уделяется практическим аспектам применения ЛИРА САПР в Республике Беларусь, вопросам совместимости форматов, автоматизации проектирования и роли программного комплекса в обеспечении надёжности и экономической эффективности строительных решений. Приводятся данные о нормативном регулировании и перспективах развития интеграционных механизмов.

От автономного расчета к единой цифровой среде

Развитие строительной отрасли в Республике Беларусь неразрывно связано с цифровой трансформацией процессов проектирования. Если на начальном этапе внедрения САПР основное внимание уделялось автоматизации отдельных задач (черчения, выпуска документации, расчёта конструкций), то сегодня ключевым требованием становится интеграция разнородных программных продуктов в единую информационную среду [2, 5]. В этом контексте программный комплекс ЛИРА САПР, являющийся одним из основных инструментов расчёта и проектирования конструкций на постсоветском пространстве, претерпевает значительную эволюцию: от автономного расчётного модуля до полноценного элемента цифровой экосистемы, интегрируемого с BIM-платформами, CAD-системами и средой общих данных (СОД) [8].

Нормативная база Республики Беларусь активно стимулирует процессы цифровизации. Постановление Совета Министров № 266 от 15 мая 2025 года определяет стратегические направления внедрения цифровых технологий в архитектурно-строительной деятельности, а постановление Минстройархитектуры № 73 от 26 июня 2025 года устанавливает специальные технические требования к применению технологий информационного моделирования, включая вопросы совместимости программных продуктов [7, 8]. В этих условиях способность ЛИРА САПР к интеграции становится критическим фактором его конкурентоспособности и востребованности среди проектных организаций.

Сущность интеграции: от форматов к смысловому взаимодействию

Интеграция программного обеспечения в строительном проектировании – это не просто обмен файлами между приложениями. Речь идёт о создании единой модели данных, в которой изменения, внесённые в одном инструменте, корректно передаются в другие без потери информации и необходимости ручной корректировки [1, 6].

«Интеграция ЛИРА САПР с BIM-средой – это возможность сохранять расчётную модель как составную часть цифрового двойника здания. Конструктор получает не просто геометрию из архитектурной модели, а осмысленную расчётную схему с корректно заданными связями, нагрузками и сечениями, а проектировщики смежных разделов – актуальную информацию об армировании и деформациях для согласования узлов» [3].

Ключевым форматом обмена данными в мировой практике информационного моделирования является IFC (Industry Foundation Classes). ЛИРА САПР реализует двухсторонний обмен по IFC, что позволяет импортировать геометрию и параметры объектов из Revit, ArchiCAD, Renga и других BIM-систем, а также экспортировать результаты расчёта (армирование, перемещения, усилия) обратно в BIM-модель для совместной работы и выпуска документации [9]. Помимо IFC, комплекс поддерживает обмен через DXF/DWG, CIS/2, XML, а также прямые интерфейсы с рядом CAD-платформ.

Эффективность интеграции: сокращение ошибок и трудозатрат

Главный эффект от внедрения интегрированного подхода заключается в снижении количества коллизий и трудоёмкости согласования разделов. В традиционном проектировании расчёт конструкций часто выполнялся изолированно, а его результаты передавались архитекторам и смежникам в виде чертежей с маркировкой, что приводило к расхождениям и необходимости повторных корректировок [5].

Интеграция позволяет:

– автоматически формировать расчётную схему на основе BIM-модели, исключая ошибки ручного ввода геометрии;

– оперативно передавать изменения в архитектуре в расчётный комплекс для пересчёта;

– передавать в BIM-модель оптимальное армирование, что позволяет избежать коллизий арматуры с закладными деталями и инженерными системами;

– вести совместную работу в среде общих данных (СОД), где все участники проекта видят актуальные версии моделей и расчётов [8, 4].

Исследования, проведённые на базе проектных организаций Минска и Гомеля, показывают, что применение интегрированного подхода с использованием ЛИРА САПР и BIM-платформ позволяет сократить время на согласование

конструктивных решений на 25–30 % и снизить количество ошибок, связанных с несоответствием расчётных и проектных данных, на 40 % [10].

Сквозная интеграция: от проектирования до эксплуатации

Интеграционные возможности ЛИРА САПР реализуются на всех этапах жизненного цикла объекта:

1. Проектирование. На этапе разработки проектной документации ЛИРА САПР интегрируется с BIM-средой через прямые интерфейсы и IFC. Совместная работа архитекторов, конструкторов и инженеров ведётся в едином информационном пространстве с контролем версий [1].

2. Строительный контроль. Цифровая модель с расчётными параметрами используется для контроля соответствия смонтированных конструкций проектным решениям. Сравнение с данными геодезического мониторинга позволяет оценивать напряжённо-деформированное состояние возводимого сооружения [3].

3. Эксплуатация и мониторинг. Результаты расчётов (собственные частоты, деформации под нагрузками) становятся основой для цифрового двойника, который в дальнейшем может сопоставляться с показаниями датчиков мониторинга (IoT). Это позволяет своевременно выявлять отклонения и планировать ремонтно-восстановительные работы [3].

4. Экологическая и экономическая эффективность. Интегрированная расчётная модель даёт возможность оптимизировать сечение элементов и расход материалов уже на стадии проектирования, снижая материалоёмкость и углеродный след здания [7].

Вызовы и перспективы в Республики Беларусь

Несмотря на достигнутый уровень интеграции ЛИРА САПР с BIM-системами, остаются вызовы, требующие дальнейшего решения. Во-первых, это необходимость стандартизации правил обмена данными на уровне отраслевых нормативов. Хотя постановление № 73 заложило основу, требуется детализация требований к составу и структуре передаваемой информации [8]. Во-вторых, сохраняется дефицит специалистов, владеющих одновременно BIM-технологиями и расчётными комплексами, что требует совершенствования образовательных программ [4].

Перспективным направлением является развитие облачных сервисов совместной работы на базе ЛИРА САПР, а также внедрение инструментов автоматической оптимизации конструкций с использованием искусственного

интеллекта. Планируемое создание отраслевого центра компетенций по цифровизации строительства в рамках Дорожной карты на 2026–2030 годы позволит унифицировать подходы к интеграции и ускорить переход к полностью цифровому проектированию [7, 11].

Заключение

Интеграция программного комплекса ЛИРА САПР в цифровую среду строительного проектирования является важным условием повышения качества и эффективности проектных работ. Переход от автономного использования расчётных программ к полноценной интеграции с BIM-платформами и средой общих данных позволяет сократить сроки проектирования, снизить количество ошибок и обеспечить надёжность конструктивных решений. Для молодых специалистов освоение интегрированных методов работы с ЛИРА САПР и BIM-технологиями становится необходимым условием профессиональной компетентности. Дальнейшее развитие интеграционных механизмов будет способствовать формированию единой цифровой экосистемы строительной отрасли Республики Беларусь.

Список используемых источников

1. Гавриленко А.В., Степаненко И.В. Интеграция расчётных комплексов и BIM-систем: опыт применения в проектных организациях // Строительная наука и техника. 2025. № 3. С. 22–29.

2. Дорофеев В.Н. Эволюция программных комплексов для расчёта конструкций: от ЛИРА 9.x до ЛИРА САПР // Инженерный вестник. 2025. № 1. С. 45–51.

3. Ермаков Д.С., Кузьмина Т.В. Цифровые двойники строительных конструкций на базе ЛИРА САПР и IoT // Компьютерра. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://www.computerra.ru/lira-digital-twins (дата обращения: 24.03.2026).

4. Коваленко И.С. BIM и расчётные комплексы: практика взаимодействия // РБК Тренды. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://trends.rbc.ru/trends/industry/bim-calc (дата обращения: 24.03.2026).

5. Марченко А.А., Петрова Е.В. Интеграция САПР как фактор эффективности проектирования // Современная наука. 2025. № 2. С. 88–93.

6. Наумов С.Н. Обмен данными между BIM-системами и расчётными комплексами: форматы и стандарты // Информационное общество. 2025. № 4. С. 67–74.

7. Об установлении специальных технических требований к применению технологий информационного моделирования: постановление Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь от 26 июня 2025 г. № 73 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C2250007 3 (дата обращения: 25.03.2026).

8. О внесении изменений в некоторые постановления Совета Министров Республики Беларусь по вопросам проектной документации и строительства: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 10 октября 2025 г. № 561 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C2250056 1 (дата обращения: 25.03.2026).

9. О совершенствовании архитектурной и строительной деятельности в части внедрения цифровых технологий: постановление Совета Министров Республики Беларусь от 15 мая 2025 г. № 266 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. 2025. [Электронный ресурс]. URL: https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=C22500266 (дата обращения: 25.03.2026).

10. Трофимов Д.А. Экономическая эффективность интегрированного проектирования на примере ЛИРА САПР и Revit // Финансовая экономика. 2025. № 1. С. 112–118.

11. Цифровая трансформация строительной отрасли: вызовы и решения // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2025. № 2. С. 134–141.

ЭРА КОМПОЗИТОВ

Хохлова В.М. – студент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Научный руководитель: Щеглова Н.Н. – к.пед.н., доцент, ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет»

Аннотация

В работе обосновывается, почему рубеж XX–XXI веков можно рассматривать как «эру композитов», и подчёркивается необходимость включения темы композиционных материалов в курс физики твёрдого тела. Кратко раскрыты их строение, ключевые свойства, области применения и основные технологии получения. Итогом проекта стали информационный буклет и наглядный образец композитного материала.

Историю человечества можно прочитать как смену «материальных эпох»: камень уступил место бронзе, за ней пришли медь и железо. Эти материалы достойно служили в век паровых машин и дизельных двигателей, но оказались бессильны перед вызовами новой техники. Ракетные двигатели потребовали новых сплавов, способных работать при экстремальных температурах, ядерная энергетика – материалов, устойчивых к мощному радиационному излучению, космические аппараты – покрытий и деталей, не сгорающих в раскалённой атмосфере, а сверхзвуковые самолёты – конструкций, одновременно предельно лёгких и исключительно прочных. Так начался осмысленный поиск материалов с заранее заданными характеристиками. Одним из ключевых ответов стали композиты – сочетания разнородных компонентов, собранных в единый материал с новыми свойствами. И именно поэтому рубеж XX–XXI веков всё чаще называют «эрой композитов»: без них уже трудно представить современную технику.

Проблема: в школьных учебниках физики подробно рассматриваются кристаллические и аморфные тела, тогда как композиционным материалам уделяется лишь несколько строк или они вовсе не упоминаются.

Цель работы: подготовить доступный информационный материал о композитах, который познакомит учащихся с этими материалами, их строением, свойствами и областями применения в современной физике твёрдого тела.

Задачи:

- изучить историю развития композитных материалов;
- рассмотреть их строение;
- изучить основные технологии изготовления;
- выделить ключевые свойства;
- проанализировать области применения;
- создать информационный материал о композитах;
- изготовить наглядный образец композитного материала.

Композиты – многокомпонентные материалы, состоящие из двух и более компонентов с различными физическими и химическими характеристиками,

совместное сочетание которых позволяет получить материал с новыми, заранее заданными свойствами [6].

Обычная труба, по которой вода поступает к кухонному или ванному крану, сегодня чаще всего представляет собой композит – металлопластиковую конструкцию. В ней в единое целое соединены слои металла, задающие прочность на разрыв, внутренний слой полиэтилена, обеспечивающий химическую инертность и защиту от коррозии, и наружный слой полипропилена, формирующий внешний контур и дополнительную механическую стойкость. Такая труба выдерживает давление, сопоставимое со стальной, но при этом значительно легче, не ржавеет и при монтаже легко разрезается обычным ножом, без сварки, специнструмента и сложного оборудования.

На основе композитов сегодня изготавливают огромное количество изделий: от элементов спутников и корпусов смартфонов до строительных конструкций и автомобильных кузовов.

Что же лежит в основе таких материалов? В общем случае композит может быть создан практически из чего угодно, если их сочетание позволяет получить заданные эксплуатационные свойства. Обычно в его состав входят два основных компонента: матрица и армирующий элемент. Матрица представляет собой основную, непрерывную среду композита, в которой удерживает армирующие элементы. Те же, в свою очередь, во многом определяют механические характеристики материала: его прочность, жёсткость и сопротивление нагрузкам.

По фазовому строению композиты могут быть одно-, двух- и трёхфазными. В однофазных системах матрица и наполнитель фактически образуют единую фазу, в двухфазных – чётко выделяются две раздельные фазы (матрица и армирующий компонент), а в трёхфазных к ним добавляется ещё один компонент, который вносит дополнительные функциональные свойства.

Наполнитель в матрице может располагаться по-разному, формируя различные типы структур (рис. 1): матричную (островковую), статистическую, ориентированную или слоистую. Кроме того, частицы армирующего материала могут заполнять промежутки между гранулами или глобулами полимера, образуя

сложные пространственные конфигурации.

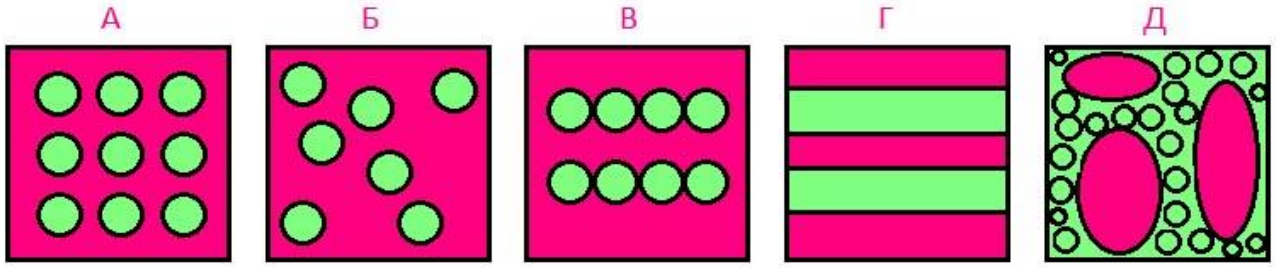


Рис. 4. Различные типы структур, образуемых частицами наполнителя в полимере:
А – матричная (простая кубическая решетка);
Б – статистическая;
В – ориентированная;
Г – слоистая;
Д – частицы находятся между гранулами (глобулами) полимера [7]

Все указанные типы структур, за исключением, пожалуй, матричной, реально реализуются в практических композиционных материалах. Матричная (островковая) структура в основном используется как идеализированная модель при теоретических расчётах и моделировании свойств композитов [7].

На свойства композиционных материалов влияет целый комплекс факторов. Существенную роль играют вид наполнителя и его содержание в матрице, форма и размеры частиц, их способность образовывать пространственные структуры, а также физико-химическое состояние поверхности. Не менее важны природа и физическое состояние полимера, применяемая технология получения композита и режимы его переработки. Дополнительный вклад в характеристики материала вносят внешние условия при изготовлении: температура, давление, а также частота и интенсивность электрических, магнитных и электромагнитных полей [7].

Одним из ключевых параметров, определяющих свойства композиционного материала, выступает концентрация наполнителя x. При её изменении от 0 до 1 электропроводность материала возрастает от уровня матрицы до уровня проводящего наполнителя, причём этот рост носит не монотонный характер [7].

Если исходно всё пространство заполнено диэлектриком (рис. 2, А) и в него случайным образом вводятся вкрапления проводника, то при малых значениях концентрации проводящего наполнителя x проводящие области возникают отдельно или в виде небольших скоплений – кластеров. С ростом x формируются всё более крупные скопления, которые совместно с малыми образуют систему

изолированных кластеров. Когда концентрация x приближается к некоторому критическому значению xC, крупные кластеры начинают объединяться, и образуются проводящие области, разделённые тонкими прослойками диэлектрика. При x = xC возникает так называемый бесконечный кластер, и система в целом становится проводящей (рис. 2, Б). Дальнейшее увеличение x > xC приводит к разрастанию этого бесконечного кластера за счёт поглощения меньших скоплений, в результате чего проводящие пути пронизывают весь объём материала, формируя структуру с взаимопроникающими компонентами (рис. 2, В).

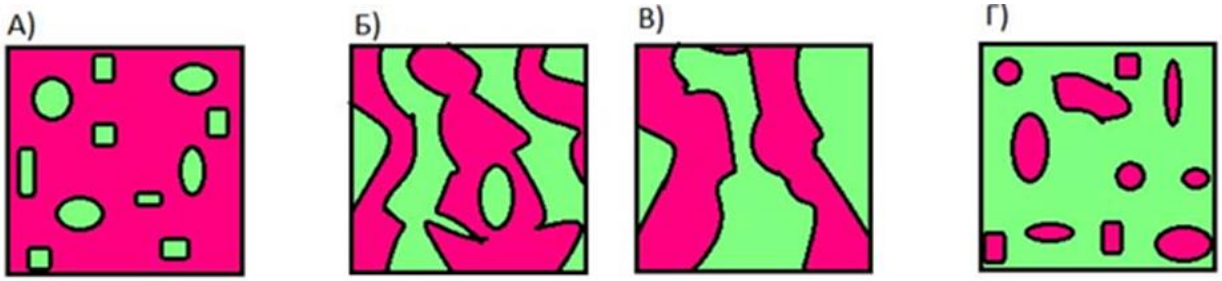


Рис. 5. Модель двухкомпонентной неоднородной системы:
(зеленая область – проводник, малиновая – диэлектрик)
А – проводящие изолированные кластеры (x<xC);
Б – появление бесконечного кластера из проводника;
В – взаимопроникающие компоненты (x=0,5);
Г – бесконечные кластеры из проводника, изолированные кластеры из диэлектрика [7]

При достаточно высоких значениях x система уже представляет собой проводящую матрицу с изолированными включениями диэлектрика (рис. 2, Г), а при x = 1 становится полностью однородной и проводящей [7].

Следует отметить, что при малых значениях x частицы наполнителя обладают большой степенью свободы и могут располагаться в объёме композита множеством различных способов. В результате электропроводность слабо наполненных полимерных композиционных материалов в первую очередь определяется именно распределением и ориентацией частиц наполнителя. В высоконаполненных полимерных композитах проводимость уже близка к проводимости самого наполнителя, а разница между ними в основном связана с контактным сопротивлением на границах между частицами [7].

Композитные материалы можно систематизировать по ряду ключевых признаков. Прежде всего, по природе матрицы различают: металлические, полимерные, жидкокристаллические, керамические и иные неорганические композиты (на основе углерода, оксидов, боридов и др.). Если один из компонентов образует непрерывную фазу, а другой присутствует в виде отдельных частиц или волокон, первый выступает в роли матрицы, второй – армирующего наполнителя. Матрица обеспечивает целостность материала, передачу и равномерное распределение напряжений на наполнитель, а также во многом определяет тепло-, влаго-, огне- и химическую стойкость композита. Существуют и такие системы, где разграничение на матрицу и арматуру условно или неприменимо, например слоистые композиты с чередующимися слоями разных материалов или псевдосплавы с пространственным каркасом. Такие псевдосплавы получают путем пропитки пористой заготовки легкоплавким компонентом, в результате чего формируются два взаимопроникающих каркаса.

Во-вторых, композиты различают по структуре: выделяют каркасные, матричные, слоистые и комбинированные системы. К каркасным относят, в частности, псевдосплавы, образующиеся при пропитке заготовок; матричные включают дисперсно-упрочненные и волокнистые материалы; слоистые представляют собой чередование слоев различных веществ; комбинированные сочетают признаки нескольких групп, например каркасно-матричные структуры с дополнительными упрочняющими включениями.

Третий признак – геометрия наполнителя. Здесь выделяют порошковые и гранулированные композиты, армированные частицами; волокнистые материалы с нитевидными кристаллами или волокнами (непрерывными либо дискретными); а также слоистые системы, где армирование осуществляется пленками, пластинами или слоистыми включениями.

Четвёртый признак – расположение компонентов и, как следствие, характер анизотропии. При хаотическом распределении армирующих элементов (дисперсное упрочнение, случайная ориентация частиц и волокон) материал ведёт себя как изотропный или квази-изотропный: его свойства почти не зависят от направления. К этой группе относят, например, псевдосплавы и хаотично армированные композиты. Если же армирующие элементы упорядочены, композит становится анизотропным, то есть его характеристики различаются в разных направлениях. Таковы угле- и стекловолоконные материалы с ориентированными

волокнами, а также слоистые конструкции с заданным направлением слоёв. На практике используют одно-, двух- и трехосно армированные схемы, выбирая их в зависимости от требуемых эксплуатационных свойств и экономических ограничений. Современные технологии армирования дают возможность создавать сложные трехмерные каркасные структуры без послойной сборки, что существенно расширяет потенциал конструирования изделий.

Пятый признак связан с числом и видом составляющих компонентов. Полиматричные композиты включают в себя сразу несколько матриц в пределах одного материала. Гибридные (полиармированные) композиты содержат наполнители различной природы. Среди них выделяют простые гибриды, когда армирующие элементы отличаются по составу, но имеют одинаковую форму (например, стеклопластик с одновременным использованием стеклянных и углеродных волокон), и комбинированные гибриды, где арматура различается и по составу, и по геометрии, как в бороалюминиевых материалах с прослойками титановой фольги.

Кроме того, композиты классифицируют по способу формирования на искусственные и естественные. В искусственных материалах армирующая фаза целенаправленно вводится в матрицу с помощью технологических процессов. К естественным относят системы, близкие по составу к эвтектическим сплавам, где в ходе направленной кристаллизации самопроизвольно формируются волокнистые или пластинчатые кристаллы, играющие роль арматуры.

По сравнению с традиционными материалами композиты зачастую обладают более выгодным сочетанием физико-химических свойств и экономических показателей. Их характеристики можно целенаправленно «настраивать» уже на этапе проектирования, варьируя вид наполнителя, армирующие добавки и тип полимерной смолы. Существует большое разнообразие композитов, каждый из которых ориентирован на решение конкретных инженерных задач. Как правило, они сочетают высокую прочность и долговечность с преимуществами пластмасс и других материалов. При том, что отдельные параметры – теплопроводность, электропроводность, жаро- и влагостойкость, прочность, плотность – могут сильно различаться.

Свойства композитных материалов:

1. Высокая прочность. За счёт особенностей внутреннего строения и прочных связей между компонентами многие композиты по прочности не

уступают камню, керамике и металлам, а отдельные виды (например, углепластики) даже превосходят традиционные металлические сплавы.

2. Малый вес. Основой большинства композитов служат лёгкие полимерные матрицы, поэтому при сопоставимой прочности их масса существенно ниже. Даже при введении тяжёлых наполнителей удельный вес остаётся небольшим.

3. Небольшое температурное расширение. В среднем композиты менее чувствительны к изменению температуры, чем металлы и обычные пластмассы, поэтому они лучше сохраняют форму и размеры при нагреве и охлаждении.

4. Низкая теплопроводность. Благодаря малой теплопроводности многие композиты являются хорошими теплоизоляторами: они помогают удерживать тепло и не перегреваются под его воздействием.

5. Широкий диапазон электропроводности. В зависимости от состава композит может быть как диэлектриком, так и проводником или полупроводником, что позволяет «настраивать» уровень электропроводности под конкретные задачи.

6. Химическая и биологическая стойкость. Композитные материалы, как правило, устойчивы к воздействию агрессивных веществ и биологических факторов, что делает их надёжными в сложных эксплуатационных условиях.

7. Коррозионная стойкость. В отличие от многих металлов композиты не подвержены коррозии, поэтому их широко используют в морской среде и при контакте с химическими реагентами.

8. Высокая износостойкость. За счёт особенностей структуры композиты долго сохраняют рабочие свойства даже при интенсивном трении и нагрузках.

9. Эластичность и ударная вязкость. Ряд композитов обладает высокой упругостью и хорошо переносит удары и вибрации, поэтому подходит для элементов, работающих при динамических нагрузках.

10. Декоративные возможности. Композиты легко окрашиваются, могут имитировать фактуру дерева, камня, металла и других материалов, что делает их востребованными в дизайне и отделке.

11. Удобство обработки. Такие материалы хорошо поддаются разнообразной обработке – резке, фрезерованию, литью, термоформованию, что позволяет получать сложные по форме детали при сравнительно невысоких затратах на производство.

Композитная отрасль сегодня развивается особенно быстро на фоне роста возобновляемой энергетики и массового строительства ветряных электростанций. Это обостряет запрос на новые материалы и тонкую «настройку» их свойств. Управляя ориентацией волокон, конструкторы могут делать листы сверхпрочными в одном направлении и менее прочными в другом, где это не играет решающей роли, а подбор матрицы позволяет задать устойчивость к нагреву, химически агрессивным средам и атмосферным воздействиям. Всё больше внимания уделяется замене синтетических волокон натуральными – в ответ на экологические требования и курс на устойчивое развитие.

Композиты особенно ценятся за сочетание малого веса, высокой прочности, коррозионной стойкости, долговечности и конструкторской гибкости, а также за возможность уменьшать массу изделий и их стоимость. Поэтому они присутствуют практически во всех ведущих отраслях. В авиации и космонавтике из них изготавливают элементы фюзеляжей, крыльев, обшивки, детали теплообменников и антенн. В повседневной технике композиты используются для панелей, ручек, корпусов приборов, электроинструмента, пультов и блоков управления. В архитектуре они позволяют создавать сложные криволинейные формы, улучшать теплоизоляцию и внешне имитировать дорогие материалы – камень, медь, хром – при меньших затратах.

В автомобильной промышленности и транспорте композиты помогают снижать массу транспортных средств, уменьшать расход топлива и расширять возможности дизайна. Их применяют в деталях двигателей, корпусах, опорных элементах и других узлах как легковых, так и грузовых автомобилей. В строительстве композиты используют для изготовления дверей, кровельных покрытий, душевых кабин, бассейнов, оконных рам, фасадных и стеновых панелей, а также при строительстве и ремонте мостов, дорог, опор и различных объектов инфраструктуры. В условиях агрессивных и коррозионных сред такие материалы незаменимы для резервуаров, трубопроводов, кожухов, насосного оборудования и систем вентиляции, особенно там, где традиционные металлические конструкции быстро разрушаются.

В электронике и электротехнике композиты ценятся, прежде всего, за высокие диэлектрические характеристики: из них изготавливают изоляторы, элементы распределительных устройств, корпуса приборов, печатные платы и узлы высоковольтного оборудования. В энергетике такие материалы активно

применяются при производстве лопастей ветряных турбин и других конструкций, причём постепенно идёт переход от стекловолоконных систем к более прочным и лёгким углеродным. В судостроении композиты позволяют существенно снизить массу корпуса, повысить его коррозионную стойкость и сократить эксплуатационные расходы; из них делают корпуса и палубы, мачты, переборки, а также элементы внутренней отделки.

В спортивной индустрии композиты используют при изготовлении рам велосипедов, клюшек, ракеток, лыжных палок, гимнастического и водного инвентаря, где особенно важны малый вес и высокая прочность. В медицине эти материалы применяются в стоматологии, протезировании, при создании имплантатов, хирургических инструментов и корпусов аппаратуры как лёгкие, надёжные и биосовместимые. Область их использования постоянно расширяется, и по мере развития технологий композиты занимают всё больше позиций как в промышленности, так и в быту.

Все композитные материалы получают путём объединения матрицы и наполнителя в единую конструкцию, которая работает как целое. Для этого применяют различные технологические подходы: ручное формование (этот способ был опробован мной на практике), напыление, вакуумную инфузию, пропитку в форме, намотку, пултрузию и др. [6].

Итогом стало создание информационного буклета, где более подробно раскрыты сведения об инновационных материалах с заданными свойствами для конкретных задач, а также описан мой небольшой практический опыт изготовления композитного образца своими руками. С материалами буклета можно ознакомиться по ссылке: https://drive.google.com/file/d/114lIxva8qnKK3k2uL4hJhK_3UYXYWtgt/view?usp=drivesdk.

Список используемых источников

1. Громыко Е.В., Зенькович В.И., Луцевич А.А., Слесарь И.Э. Физика: учеб. пособие для 10 класса учреждений общего среднего образования с русским языком обучения (с электронным приложением для повышенного уровня). Минск: Адукацыя і выхаванне, 2019. 267 с.

2. Касьянов В.А. Физика. 10 кл. Профильный уровень: учеб. для общеобразоват. учреждений. М.: Дрофа, 2013. 428 с.

3. Касьянов В.А. Физика. 10 кл. Углублённый уровень: учебник. М.: Дрофа, 2018. 287 с.

4. Кронгарт А., Казахбаева Д.М., Имамбеков О., Кыстаубаев Т. Физика: учебник для 10 кл. естественно-математического направления общеобразоват. шк. Ч. 2 Б. Алматы: Мектеп, 2019. 200 с.

5. Мякишев Г.Я., Буховцев Б.Б., Сотский Н.Н.; под ред. Н.А. Парфентьевой. Физика. 10 класс: учеб. для общеобразоват. организаций с прил. на электрон. носитель: базовый уровень. М.: Просвещение, 2014. 447 с.

6. Новые материалы. Раздел: «Homo Science: Футуроскоп» // Snob.ru. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TKUfc (дата обращения: 29.03.2026).

7. Общие сведения о композитах / World of Materials. [Электронный ресурс]. URL: https://clck.ru/3TFYq2 (дата обращения: 28.02.2026).